

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

НОВАЯ СЕРИЯ.
ЧАСТЬ XII.

1907.
НОЯВРЬ.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАТ. ПОГРАФІЯ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. Именной высочайший указъ, данный Правительствующему Сенату.	3
II. Высочайшая повелѣнія	—
III. Высочайшие приказы по вѣдомству министерства народного просвѣщенія	6
IV. Циркуляры министерства народного просвѣщенія	16
V. Определеніе основного отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. .	17
VI. Определенія отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. по начальному образованію	20
Списокъ книгъ, рассмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читальни и библиотекъ .	21
K. Г. Воблый. Вопросъ о методѣ въ исторіи политической экономіи. I—IV	1
B. В. Бобынинъ. Элементарная геометрія и ея дѣятели во второй половинѣ XVIII вѣка .	53
H. В. Болдыревъ. Теорія земли Эренфельса	114

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

N. И. Карбевъ. Книга о Іосифѣ II, какъ представителѣ и дѣятельѣ просвѣщенія абсолютизма	134
Ф. А. Браунъ. D. K. Песною. Замѣтки по истории старо-испанской комедіи. 2 части. С.-Пб. 1907	187
A. И. Соболевскій. Псалтырь живовѣстующихъ въ переводѣ Феодора Еврея. М. 1907	199
P. А. Заболотскій. Prof. Dr. T. Maretic. Ruske i ѡеёke riječi u književnom hrvatskom jeziku. Zagreb. 1892	203
P. А. Заболотскій. Slavische Literaturgeschichte von Dr. I. Karásek. II. Theil. Das neunzehnte Jahrhundert. Leipzig. 1906	209
— Книжныя новости .	212

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

B. В. Акиновъ. Дѣятельность Вятского земства по народному образованію. I—III	1
— Подготовительные работы по введенію всеобщаго обучения въ Россіи	47

См. 3-ю стр. обложки.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

НОВАЯ СЕРИЯ.
ЧАСТЬ XII.

1907.
НОЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ОВЛАТСКАЯ ТИНОГРАФІЯ.
1907.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШИЙ УКАЗЪ,

данный правительствующему сенату.

1. (12-го сентября 1907 года). „Попечителю С.-Петербургского учебного округа, двора нашего въ званиі камергера, действительному статскому советнику графу Бобрикскому—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ совѣта министра народного просвѣщенія, сверхъ штата, съ оставлениемъ его въ придворномъ званіи“.

II. ВЫСОЧАЙШИЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (1-го июля 1907 года). *О включении въ составъ училищныхъ совѣтовъ въ области войска Донского непремѣнныхъ членовъ областного и окружныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствий, а въ губерніяхъ Тобольской и Томской—крестьянскихъ начальниковъ.*

Совѣтъ министровъ полагать:

На основаніи статьи 11 основныхъ государственныхъ законовъ (Свод. Зак. т. I ч. 1, изд. 1906 г.), постановить:

1. Въ составъ училищныхъ совѣтовъ въ области войска Донского входять, на правахъ членовъ, непремѣнные члены мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствий: областного—въ областной училищный совѣтъ и окружныхъ—въ окружные училищные совѣты, по одному въ каждый совѣтъ, по указанію областного по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

2. Въ составъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ въ Томской и Тобольской губерніяхъ входять, на правахъ членовъ, подлежащіе крестынскіе начальники, участвующіе въ засѣданіяхъ названныхъ совѣтовъ при разсмотрѣніи дѣлъ, касающихся вѣренинхъ имъ участковъ, по принадлежности.

Государь Императоръ, въ 1 день июля 1907 г., положеніе сіе Высочайше утвердить соизволилъ.

(Собр. узак. и расп. прав., 18-го сентября 1907 г., № 147, ст. 1146).

2. (7-го мая 1907 года). *Объ учрежденіи при Мозырской, Минской губерніи, мужской прогимназіи одной стипендіи имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 7 день мая 1907 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Мозырской, Минской губерніи, мужской прогимназіи одной стипендіи имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича.

(Собр. узак. и расп. прав., 24-го сентября 1907 г., № 151, ст. 1165).

3. (8-го мая 1907 года). *О присвоеніи начальному училищу въ дер. Выползовъ, Каменской волости, Нижегородской уѣзда, имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 8 день мая 1907 г., Высочайше соизволилъ на присвоеніе начальному училищу въ дер. Выползовъ, Каменской волости, Нижегородского уѣзда, имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича.

(Тамъ же, ст. 1166).

4. (31-го мая 1907 года). *О присвоеніи Красносельскому двухклассному начальному училищу, Никольскому уѣзда, Болоюдовской губерніи, имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 31 день мая 1907 г., Высочайше соизво-

мель на присвоение Красносельскому двухклассному начальному училищу, Никольского уезда, Вологодской губернии, имени Его Императорского Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича.

(Тамъ же, ст. 1167).

5. (8-го июня 1907 года). *О присвоении открытому въ гор. Киевъ на средства местного городского общества 1-му четырехклассному городскому училищу имени Его Императорского Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 8 день июня 1907 года, Высочайше созволилъ на присвоеніе открытому на средства мѣстнаго городскаго общества 1-му четырехклассному городскому, по положенію 31 мая 1872 г., училищу, въ гор. Киевѣ, имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича.

(Тамъ же, ст. 1168.)

6. (8-го июня 1907 года). *О присвоеніи Благодатовскому двухклассному училищу министерства народнаго просвѣщенія, Мариупольскаго уезда, Екатеринославской губерніи, имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 8 день июня 1907 года, Высочайше созволилъ на присвоеніе Благодатовскому двухклассному училищу министерства народнаго просвѣщенія, Мариупольскаго уезда, Екатеринославской губерніи, имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича.

(Тамъ же, ст. 1169.)

7. (6-го июля 1907 года). *Объ установлѣніи особаго нагруднаго знака для лицъ, окончившихъ университетскіе курсы Императорскаго лицѣя Цесаревича Николая.*

По выслушаніи записки министра народнаго просвѣщенія, отъ 15-го мая 1907 года за № 10185 (по доп. нар. просв.), объ установлѣніи особаго нагруднаго знака для лицъ, окончившихъ университетскіе курсы Императорскаго лицѣя Цесаревича Николая, совѣтъ министровъ

полагалъ: представление это утвердить, поднеся проектъ изображенія означеннаго нагруднаго знака на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволіе.

Государь Императоръ на положеніе совета Высочайше созволилъ, а проектъ рисунка нагруднаго знака удостоенъ разсмотрѣнія и утвержденія Его Величества, въ Петергофѣ, въ 6 день июля 1907 года.

Описание знака для лицъ, окончившихъ университетскіе курсы Императорской лицея въ память Цесаревича Николая.

Знакъ серебряный, цвѣта оксидированнаго серебра, гербъ по серединѣ болѣе темнаго цвѣта; лента кругомъ, обозначенная на рисункѣ бѣлымъ цвѣтомъ, изъ бѣлой эмали; щитъ внизу знака изъ красной эмали съ золотымъ эквансономъ, съ золотыми на немъ буквами Н. Ц. Н. (что означаетъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай) и съ золотою надь щитомъ короною. Размѣръ знака долженъ быть такой, какъ на представляемомъ рисункѣ.

(Собр. узак. и расп. прав., 9-го октября 1907 г., № 162, ст. 1241).

III. ВЫСОЧАЙШИЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

(2-го сентября 1907 года, № 59). *Назначаются:* ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ всеобщей исторіи *Ивановъ* — директоромъ историко-филологическаго института князя Безбородко, въ Нѣжинѣ; экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго, докторъ медицины статскій совѣтникъ *Вальтеръ* и С.-Петербургскаго, докторъ всеобщей исторіи, коллежскій совѣтникъ *Гримъ*—ординарными профессорами Императорскихъ университетовъ: Вальтеръ—Новороссійскаго, по каѳедрѣ врачебной діагностики съ пропедевтическою клиникою, а Гримъ—С.-Петербургскаго, по каѳедрѣ всеобщей исторіи, изъ нахъ Гримъ съ 14-го априля; инспекторы: Казанской татарской учитольской школы, статскій совѣтникъ *Пинегинъ* и народныхъ училищъ 4-го участка Рязанской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Никольский*, преподаватели, исполняющіе обязанности инспекторовъ: Варшавской пѣстой гимназіи, статскій совѣтникъ *Ширяевъ* и Ташкентскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Чечелевъ* и преподаватель Ташкентскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Вознесенскій*—директорами: Пинегинъ—

народныхъ училищъ Казанской губерніи, съ 24-го августа, Никольский—Новинской учительской семинарі, Ширяевъ—Ловического реального училища, Чечелевъ—Гашкентской гимназіи и Вознесенскій—Вѣреневской гимназіи; преподаватель Московской гимназіи имени И. и А. Медвѣдниковыхъ, коллежский совѣтникъ *Моравский*—исправляющимъ должность директора Ростовской, Ярославской губерніи, гимназій; инспекторъ Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи, статский совѣтникъ *Трасчетовъ*—директоромъ С.-Петербургского низшаго химико-техническаго училища; приват-доценты Императорского Московского университета: докторъ римской словесности *Гурики* и докторъ уголовнаго права *Познышевъ*—extraordinariными профессорами того же университета, по кафедрамъ: первый—классической филологии, а второй—уголовнаго права.

Перемѣщаются: ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, докторъ теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ, статский совѣтникъ *Мальбергъ*—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета, по кафедрѣ: теоріи и исторіи искусствъ; директоръ Кронштадтской гимназіи, статский совѣтникъ *Вознесенскій*—директоромъ С.-Петербургской первой гимназіи.

Увольняются отъ службы: за выслугу срока, окружной инспекторъ Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статский совѣтникъ *Сельниковъ*, съ 24-го августа, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; согласно прошеніямъ: директоры: Пермскаго Алексеевскаго реального училища, дѣйствительный статский совѣтникъ *Дмитревскій* и Молодечненской учительской семинаріи, дѣйствительный статский совѣтникъ *Годыцкій-Ценкро*, изъ нихъ: первый съ 11-го августа, за выслугу срока, а второй съ 16-го августа, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; почетный попечитель *Шуйской гимназіи*, потомственный почетный гражданинъ *Павловъ*; согласно прошенію, по болѣзни, директоръ Новобугской учительской семинаріи, статский совѣтникъ *Мышковъ*, съ 1-го августа.

Производится, за выслугу лѣтъ, изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники, со старшинствомъ, бывшій ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ физики *Станкевичъ*—съ 31-го мая 1900 года.

По Кавказскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники: инспекторъ Темиръ-ханъ-шуринскаго реального училища *Погребной*—съ 24-го марта 1907 года; учитель Тифлисской 3-й женской гимназіи

Каганъ—съ 1-го сентября 1905 года; директоръ Ставропольскихъ женскихъ гимназій *Етибановъ*—съ 8-го августа 1904 года; изъ надворныхъ въ коллежскіе соѣтники: учитель Томиръ-ханъ-шуринскаго реальнаго училища *Цолтицкій*—съ 1-го сентября 1905 года; инспекторъ Бакинскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины Алмосовъ—съ 10-го сентября 1905 года; учитель Тифлисской 3-й женской гимназіи *Гаусманъ*—съ 17-го января 1905 года; учитель Бакинскаго реальнаго училища *Буйницкій*—съ 1-го августа 1906 года; инспекторы народныхъ училищъ Тифлисской губерніи: *Погорюловъ*—съ 16-го июля 1906 года, *Сорокинъ*—съ 1-го февраля 1906 года; учитель Кутаисской мужской гимназіи *Пушкиревъ*—съ 12-го сентября 1906 года; изъ коллежскихъ ассесоровъ въ надворные соѣтники: учитель Тифлисскаго 2-го городскаго училища *Габуна*—съ 1-го сентября 1906 года; помощники классныхъ наставниковъ Тифлисской 3-й мужской гимназіи *Кохридзе*—съ 1-го сентября 1906 года; учитель Бакинскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины *Авалані*—съ 25-го января 1905 года; учитель Цятнгорской женской, графини Евдокимовой, гимназіи *Вашкевичъ*—съ 20-го июня 1905 года; учитель приготовительного класса Эриванской мужской гимназіи *Фотиновъ*—съ 9-го февраля 1906 года; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Дербентскаго реальнаго училища *Родионовъ*—съ 30-го августа 1906 года; настапники Кутаисской (въ м. Хони) учительской семинаріи *Иловичъ*—съ 1-го сентября 1906 года; учитель приготовительного класса Кутаисской (въ м. Хони) учительской семинаріи *Табукашвили*—съ 1-го сентября 1906 года; учитель русскаго двухкласснаго училища при Закавказской учительской семинаріи *Касовъ*—съ 5-го сентября 1906 года; учитель Владикавказскаго Николаевскаго городскаго училища *Журавлевъ*—съ 14-го сентября 1905 года; изъ титуллярныхъ соѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры: смотритель Бѣлоключинскаго нормальниаго училища *Шопандонуло*—съ 15-го ноября 1896 года; учитель Тифлисскаго 1-го городскаго училища *Бергъ*—съ 26-го августа 1906 года; учитель Ахалцихскаго городскаго училища *Шіуковъ*—съ 1-го сентября 1904 года; смотритель русскаго двухкласснаго училища при Закавказской учительской семинаріи *Гомицидзе*—съ 1-го января 1907 года; учитель татарскаго начальнаго училища при татарскомъ отдѣленіи Закавказской учительской семинаріи *Мухтаровъ*—съ 17-го сентября 1905 года; учитель Ставропольскихъ женскихъ гимназій *Чумиковъ*—съ 1-го сентября 1903 года; учитель приготовительного класса Лебинской мужской гимназіи *Шашковъ*—съ 1-го сентября 1903 года;

учитель Владикавказского Николаевского городского училища *Алошикинъ* — съ 21-го августа 1905 года; изъ коллежскихъ секретарей въ титуларные советники: помощникъ учителя Горийского городского училища *Бабаловъ* — съ 1-го января 1896 года; смотритель-учитель Душетско-Тионетского нормального училища *Влажревъ* — съ 24-го октября 1904 года; смотритель-учитель Манглисского нормального училища *Забульо-Кравцовъ* — съ 1-го августа 1904 года; учитель-завѣдывающій начальнымъ Сацхенискимъ училищемъ *Поповъ* — съ 1-го августа 1901 года; учитель-техникъ Боржомской школы ремесленныхъ учениковъ *Халезовъ* — съ 27-го августа 1903 года; учитель Горийского городского училища *Берозашвили* — съ 1-го сентября 1903 года; учитель Тифлисского 2-го городского училища *Ильинскій* — съ 1-го августа 1904 года; бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ Тифлисской 3-й мужской гимназіи, пынъ въ отставкѣ, *Карашевичъ* — съ 16-го сентября 1901 года; помощникъ классныхъ наставниковъ Тифлисской 3-й мужской гимназіи *Гарковенко* — съ 1-го января 1907 года; письмоводитель-экономъ Закавказской учительской семинаріи *Галубятниковъ* — съ 11-го июля 1905 года; учитель приготовительного класса Дербентского реального училища *Нацваловъ* — съ 15-го июля 1905 года; учитель приготовительного класса Кутаинской мужской гимназіи *Цулукидзе* — съ 1-го июля 1902 года; изъ губернскихъ въ коллежские секретари: помощникъ классныхъ наставниковъ Кутаинской мужской гимназіи *Амалобели* — съ 1-го августа 1900 года; смотритель-учитель Гомборского одноклассного нормального училища *Крикуносъ* — съ 27-го сентября 1906 года; учитель Тифлисского 1-го городского училища *Потековскій* — съ 4-го сентября 1902 года; письмоводитель Дербентского реального училища *Шмелевъ* — съ 1-го февраля 1907 года; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернские секретари: учитель Михайловского двухклассного желѣзодорожного училища *Ксенобонтовъ* — съ 1-го января 1902 года; письмоводитель Майданпского реального училища *Осиповъ* — съ 1-го ноября 1906 года; въ коллежские регистраторы: завѣдывающій Владикавказскимъ 2-мъ мѣщанского общества училищемъ *Юрьевъ* — съ 1-го сентября 1904 года; письмоводитель Эриванской мужской гимназіи *Козмачковъ* — съ 5-го октября 1906 года; бывшій помощникъ учителя Тифлисского 1-го городского училища *Аврамчика* — съ 1-го сентября 1904 года; завѣдующій Ахалцихскимъ приходскимъ городскимъ училищемъ *Смирновъ* — съ 1-го октября 1903 года; смотритель-учитель Сурамского сельского одноклассного училища *Жужунидзе* — съ 15-го ноября 1903 года;

исправляющей должность канцелярского чиновника канцелярии попечителя *Рогожина*—съ 16-го марта 1907 года, экономъ Кубанскаго Александровскаго реального училища *Розачевъ*, канцелярские служители канцелярии попечителя *Щербаковъ* и *Рымскаго*, всѣ трое—съ 5-го октября 1906 года.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: коллежскаго ассесора: преподаватели: Батумской мужской гимназіи, *Кальвичъ*—съ 25-го июня 1901 года, Тифлісской 3-й мужской гимназіи, *Васильевъ*—съ 80-го августа 1902 года, Эриванской мужской гимназіи, титулярный советникъ *Николаевъ*—съ 1-го июля 1896 года; коллежскаго секретаря: учителя приготовительныхъ классовъ: Батумской мужской гимназіи, *Фомиченовъ*—съ 1-го сентября 1902 года, Карсскаго реальнаго училища, *Алихановъ*—съ 1-го августа 1902 года.

(12-го сентября 1907 года, № 60). *Назначаются*: почетитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, въ званіи камергера Высочайшаго двора, действительный статскій советникъ графъ *Бобринскій*—членомъ совѣта министра, сворхъ штата, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи; директоръ Гродненской гимназіи, действительный статскій советникъ *Пицулевскій*—окружнымъ инспекторомъ Виленскаго учебнаго округа; исправляющей должность экстраординарного профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета, магистръ всеобщей исторіи, статскій советникъ *Гревесъ*—исправляющимъ должность ординарного профессора того же университета, по кафедрѣ всеобщей исторіи; сворхштатный экстраординарный профессоръ Юрьевскаго ветеринарного института, магистръ ветеринарныхъ наукъ, статскій советникъ *Вальдманъ*—ординарнымъ профессоромъ названнаго института по патологической анатоміи съ патологическою гистологіею, съ 10-го июня; директоръ Эриванской гимназіи, действительный статскій советникъ *Юсуповскій*—директоромъ Курской учительской семинаріи; заслуженный преподаватель Полтавскаго Александровскаго реальнаго училища, коллежскій советникъ *Лукьяновъ* и преподаватель С.-Петербургской седьмой гимназіи, коллежскій советникъ *Цытовичъ*—директорами реальныхъ училищъ: перваго—Проскуровскаго, а второй—Царско-сельскаго.

Утверждаются: сенаторъ, шталмейстеръ Высочайшаго двора *Бринчаниновъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Великолуцкаго реальнаго училища, согласно избранію, на три года, съ оставленіемъ его сенаторомъ и шталмейстеромъ; состоящий по главному горному управлению, горный инженеръ, коллежскій советникъ *Марковъ*—директоромъ

Нижне-Тагильского горнозаводского училища, согласно избранию, съ оставлениемъ его состоящимъ по названному главному управлению.

Перемещаются: директоръ Проскуровскаго реального училища, дѣйствительный статский советникъ *Борученко-Мусиенко*—директоромъ Полтавскаго Александровскаго реального училища; директоръ Шавельской гимназии, статский советникъ *Гильбоевъ*—директоромъ Гродненской гимназіи.

Увольняется, согласно прошенію, по болѣзни, директоръ и ordinарный профессоръ Казанскаго ветеринарного института,магистръ ветеринарныхъ наукъ, дѣйствительный статский советникъ *Голицынъ*—отъ первой изъ названныхъ должностей.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію по болѣзни, директоръ Курской учительской семинаріи, статский советникъ *Ильинъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

Предоставляется уволенному отъ службы, за выслугу срока, директору Херсонской учительской семинаріи, статскому советнику *Боголюбову*—носить въ отставкѣ мундиръ, означенной должности присвоенный.

(16-го сентября 1907 года, № 63). *Назначаются:* директоръ народныхъ училищъ Казанской губерніи, дѣйствительный статский советникъ *Спасскій*—окружнымъ инспекторомъ Казанскаго учебнаго округа, съ 24-го августа; директоръ народныхъ училищъ Витебской губерніи, статский советникъ *Еленевскій*, инспекторъ С.-Петербургской Ларинской гимназіи, статский советникъ *Сыдлатый* и преподаватель Ревельской Александровской гимназии, статский советникъ *Кауженъ*—директорами гимназій: Еленевской—Шавельской, Сыдлатой—С.-Петербургской десятой, а Кауженъ—Городнянской, изъ нихъ Сыдлатый съ 1-го сентября; директоръ Кунгурскаго техническаго училища А. С. Губкина, коллежскій советникъ *Скурскій*—директоромъ Пермскаго Алексіевскаго реального училища; инспекторъ Костромскаго промышленнаго училища имени Ф. В. Чижова, инженеръ-технологъ, статский советникъ *Зотрафъ*—директоромъ Казанскаго промышленнаго училища; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Уральскаго реального училища, статский советникъ *Синицынъ*—директоромъ народныхъ училищъ Оренбургской губерніи; инспекторъ народныхъ училищъ 4-го района Виленской губерніи,магистръ богословія, коллежскій советникъ *Иручеговичъ*—директоромъ Молодечненской учительской семинаріи; купецъ 1-й гильдіи *Поляковъ*—почетнымъ попечителемъ Владивостокской гимназіи, на три года, съ 28-го сентября 1906 г.

Уволняются отъ службы: согласно прошоню, директоръ С.-Петербургской десятой гимназіи, дѣйствительный статскій советникъ Колленко, за выслугу срока, съ 1-го сентября; согласно прошеню, по болѣзни, директоръ Тульского дворянскаго пансиона-приюта отставной генераль-майоръ Полежиковъ.

Умершіе, исключаются изъ списковъ: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій советникъ Красновъ, съ 22-го августа; директоръ Керченской гимназіи, статскій советникъ Герновскій, съ 24-го августа.

По С.-Петербургскому учебному округу. *Производятся, за выслугу лѣть, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе советники: преподаватели гимназій: С.-Петербургской 12-й, Манычъ—съ 1-го июня 1907 г., Императорской Николаевской Царскосельской, Александровъ—съ 20-го мая 1901 г.; изъ надворныхъ въ коллежские советники: преподаватели: С.-Петербургской 11-й гимназіи, Толкачевъ—съ 1-го августа 1907 г.; училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Аны, Митробановъ—съ 1-го октября 1906 г.; врачъ С.-Петербургскаго Сампсоніевскаго четырехкласснаго городскаго училища Трибуцъ—съ 1-го августа 1906 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные советники: преподаватели: С.-Петербургскаго гимназій: 3-й, Николаевъ—съ 1-го августа 1906 г., 12-й, Поповъ—съ 16-го марта 1907 г.; воспитатель при пансионѣ гимназіи Императорскаго человѣколюбиваго общества Мамай—съ 1-го августа 1905 г.; въ коллежские регистраторы: учителя приходскихъ училищъ Архангельской губорніи: Кольского, Козыревъ—съ 10-го июня 1906 г., Сумскаго (Кемскаго уѣзда) Черницынъ—съ 1-го сентября 1905 г.; дѣлоизвѣдователь канцеляріи дирекціи народныхъ училищъ Архангельской губерніи Павловскій—съ 5-го октября 1906 г.*

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: коллежскими ассессорами: преподаватели: Кронштадтской гимназіи, Бѣльгинъ—съ 1-го декабря 1902 г., частной женской гимназіи Шаффе, Нечасовъ—съ 5-го сентября 1902 г. и С.-Петербургской 6-й гимназіи, Федоровъ—съ 1-го августа 1901 г.; титуларными советниками: врачи Вытегорской женской прогимназіи Стрѣлковъ—съ 24-го ноября 1902 г., по степени лекаря; коллежскими секретарями: помощники классныхъ наставниковъ: гимназіи Императорскаго человѣколюбиваго общества, Сычевъ (бывшій)—съ 1-го сентября 1902 г., С.-Петербургскаго частнаго реальнаго училища Богинскаго, коллежскій регистраторъ Корнутенко—съ 1-го июня 1903 г. и С.-Петербургскаго 1-го реальнаго училища Четвериковъ—съ 1-го

сентября 1901 г.; коллежского регистратора: домашне учителя: Савитова-Латышева—съ 22-го мая 1906 г. и Прихода съ 1-го марта 1907 г.!

(22-го сентября 1907 года, № 64). Опредѣляется на службу изъ отставныхъ, статскій советникъ Персональный—директоромъ частнаго реальнаго училища товарищества педагоговъ въ Москвѣ.

Опредѣляется на службу инженеръ-технологъ Шиманъ—исправляемъ должность адъюнкта-профессора Рижскаго политехническаго института по механической технологіи, съ 1-го июля.

Назначаются: инспекторъ пыродныхъ училищъ Пермскаго уѣзда, статскій советникъ Пактюковъ—директоромъ Шадринскаго реальнаго училища; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища, статскій советникъ Сибирскій—директоромъ Томскаго Алексѣевскаго реальнаго училища; преподаватель частныхъ гимназій и реальнаго училища К. Мал., въ С.-Петербургѣ, статскій советникъ Липовскій—директоромъ названныхъ гимназій и реальнаго училища; сверхштатный экстраординарный профессоръ Харьковскаго ветеринарного института, магистръ ветеринарныхъ наукъ, надворный советникъ Ивановъ и приватъ-доцентъ того же института, магистръ ветеринарныхъ наукъ Мостинскій—въ названный институтъ: первый экстраординарный профессоромъ, по скотоводству съ дізтетикой, а второй—сверхштатный экстраординарный профессоромъ по фармакологіи, общей терапіи и рецензії; приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, исправляющій должность ординарного профессора С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, докторъ химія Тищенко—экстраординарный профессоромъ того же университета, по кафедрѣ технической химіи и технологіи, съ оставленіемъ его въ исправляемой имъ должности.

Утверждается исправляющій должность директора Поневѣжскаго реальнаго училища, статскій советникъ Шешукоевъ—въ исправляемой имъ должности.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія инспекторъ Кіевской духовной семинаріи, магистръ богословія, коллежский советникъ Григорьевскій—директоромъ Велико-Сорочинской учительской семинаріи.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ, директоры: Велико-Сорочинской учительской семинаріи, статскій советникъ Комиссаржевскій и Черниговскаго дворянскаго пансиона-приюта Хлодовскій.

По Одесскому учебному округу. Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ изъ коллежскихъ асессоровъ въ *наidорные сопѣтники*: помощники классныхъ наставниковъ: Бахмутской гимназіи Императора Николая II, *Роменскій*—съ 21-го января 1907 г., Кишиневской 1-й гимназіи, *Кисльскъ*—со 2-го января 1907 г., Ананьевской гимназіи *Дурожицкій*—съ 16-го сентября 1906 г.; изъ титуларныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе асессоры*: помощники классныхъ наставниковъ: Севастопольской гимназіи, *Новодѣ*—съ 1-го февраля 1907 г., Севастопольского Константиновскаго реального училища, *Капустинъ*—съ 11-го декабря 1906 г., Измаильской мужской гимназіи, *Топаловъ*—съ 11-го октября 1905 г., Одесской 5-й гимназіи: *Клюпотовъ*—съ 1-го сентября 1906 г. и *Сурковъ*—съ 30-го апреля 1907 г., Мариупольской Александровской гимназіи, *Грековъ*—съ 1-го ноября 1905 г., Екатеринославскаго 2-го имени Цесаревича Алексѣя Николаевича реального училища, *Була*—съ 15-го августа 1907 г., Екатеринославской мужской гимназіи, *Щербатюкъ*—съ 15-го июня 1907 г., Николаевскаго Александровскаго реального училища (свортштатный) *Зубогъ*—съ 1-го августа 1907 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титуларные сопѣтники*: помощники классныхъ наставниковъ: Измаильской мужской гимназіи, *Савинскій*—съ 1-го мая 1904 г. и Луганской мужской прогимназіи, *Петровъ*—съ 1-го сентября 1904 г.; письмоводитель Елисаветградскаго земскаго реального училища *Васильевъ*—съ 20-го ноября 1906 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: коллежскаяко *секретаря*: помощники классныхъ наставниковъ: Екатеринославскаго 2-го имени Цесаревича Алексѣя Николаевича реального училища, губернскій секретарь *Старницкій*—съ 1-го августа 1903 г., Луганской гимназіи, *Холодилинъ*—съ 1-го ноября 1902 г., Одесской Ришельевской гимназіи, *Александровъ*—съ 1-го апреля 1903 г., гимназіи Императора Александра III въ Болградѣ, *Скульский*—съ 1-го октября 1902 г., Бердянской гимназіи, *Шварцъ*—съ 20-го августа 1902 г., Керченской Александровской гимназіи, *Лиманаки*—съ 10-го июня 1903 г.; коллежскаяко *реєстратора*, учитель графическихъ искусствъ Екатеринославскаго городскаго четырехкласснаго училища *Касеаскій*—съ 15-го сентября 1901 г., въ отмѣну статьи о немъ въ Высочайшемъ приказѣ по гражданскому вѣдомству отъ 9-го декабря 1906 г. за № 90.

Ондакши старшинство въ чинѣ *коллежскаяко секретаря*, помощнику классныхъ наставниковъ Кишиневской 2-й гимназіи *Харченко*—съ 6-го апреля 1902 г.

(1-го октября 1907 года, № 65). Назначаются: директоръ Клинцовскаго средняго семиklassнаго техническаго училища, инженеръ-механикъ Волковичъ, преподаватели, исполняющіе обязанности инспекторовъ гимназій: Люблинской, статскій советникъ Дыконоў и Валенской второй, статскій советникъ Лидерсъ и преподаватель Иркутскаго промышленнаго училища, статскій советникъ Стадниковъ—директорами реальныхъ училищъ: Волковичъ—Нижегородскаго Владимиrскаго и состоящаго при немъ средняго механико-техническаго училища, Дыконоў—Сосновицкаго, Лидерсъ—Гродненскаго и Стадниковъ—Якутскаго; инспекторы народныхъ училищъ: Гольдингенскаго района, Курляндской губерніи, статскій советникъ Хлѣбниковъ и Вятской губерніи, статскій советникъ Сильницкій—директорами: Хлѣбниковъ—народныхъ училищъ Курляндской губерніи, съ 14-го сентября, а Сильницкій—Кукарской учительской семинаріи; преподаватели гимназій: Рижской Императора Николая I, статскій советникъ Петри и Ярославской, коллежскій ассессоръ Щегловъ—директорами гимназій: первый—Керченской Александровской, въ второй—частной Щеголова, въ гор. Ярославль.

Увольняются, согласно прошениямъ: директоры: Кукарской учительской семинаріи, статскій советникъ Елиашевичъ и Архангельскаго низшаго механико-техническаго имени Императора Петра I училища, инженеръ-технологъ надворный советникъ Коробовъ—отъ занимаемыхъ ими должностей, по случаю назначения: первого—инспекторомъ Глазовской прогимназіи, а второго—преподавателемъ и завѣдующимъ мастерскими Нижнискаго низшаго имени А. Ф. Кушакевича техническаго училища.

Увольняется отъ службы, согласно прошению, ординарный профессоръ Императорскаго Новороссийскаго университета, докторъ ботаники, статскій советникъ Каменскій; уволеніяхъ отъ службы, согласно прошениямъ, съ 1-го августа, директоры: Холмской гимназіи действительного статского советника Невскаго и Ловичскаго реальнаго училища, статскаго советника Агапитова—считать уволенными отъ службы съ 1-го сентября.

Умерший исключается изъ списковъ, почетный попечитель Красноярской гимназіи, статскій советникъ Гадаловъ, съ 16-го августа.

Производится, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе советники дѣлопроизводитель V класса учнаго комитета министерства Анчиковъ—съ 28-го июля 1907 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные советники дѣлопроизводитель

VII класса департамента общихъ дѣлъ *Леманъ*—съ 26-го августа 1907 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титуларные советники дѣлопроизводитель VIII класса, младшаго оклада, департамента народнаго просвѣщенія *Ласковичъ*—съ 1-го сентября 1907 г.; изъ губернскихъ въ коллежские секретари причисленный къ министерству *Гензенъ*—съ 1-го сентября 1907 г.

IV. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНагО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

1. (25-го августа 1907 года, № 18236). *По вопросу о допущении учениковъ, выбывшихъ или уволенныхъ изъ какого-либо класса средняго учебного заведенія по неуспѣшности, къ испытанию для поступления въ слѣдующій классъ онаго въ августѣ того же года.*

Одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ возбудилъ передъ министерствомъ вопросъ о томъ, можетъ ли ученикъ, выбывший или уволенный изъ какого-либо класса средняго учебнаго заведенія по неуспѣшности, держать въ августѣ того же года испытаніе по всѣмъ предметамъ для поступленія въ слѣдующій классъ онаго.

Разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, министерство народнаго просвѣщенія не усмотрѣло основаній къ лишению этихъ учениковъ права, коимъ пользуются постороннія лица, никогда не учившіяся, поставивъ, однако, условіе, чтобы вступительныи испытанія для пахтъ производились на точномъ основаніи правилъ о приемныхъ испытаніяхъ для посторонніхъ лицъ и чтобы, въ случаѣ неблагопріятнаго результата сего испытанія, обратный приемъ въ тотъ же классъ учениковъ, выбывшихъ изъ учебнаго заведенія по собственному желанію, производился по постановленію педагогическаго совѣта и при томъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ поступающими со стороны.

2. (20-го сентября 1907 года, № 20477). *По вопросу о приемѣ воспитанниковъ, окончившихъ III классъ реальнаго училища, въ IV классъ гимназіи.*

Одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ возбудилъ передъ министерствомъ вопросъ о томъ, можно ли принимать воспитанниковъ, окончившихъ III классъ реальнаго училища, въ IV классъ гимназіи съ экзаменомъ только по латинскому языку.

Разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, въ связи съ заключеніемъ учнаго

комитета, министерство народного просвещения признало возможным установить, что прошедшие курсъ первыхъ 3-хъ классовъ реального училища могутъ быть принимаемы въ IV классъ гимназии по выдержаніи испытаний изъ латинскаго языка и истории (въ объемѣ курса III класса гимназіи).

Объ наложенніемъ уведомляю ваше превосходительство для надлежащихъ распоряженій по вѣреному вамъ учебному округу.

V. ОПРЕДЪЛЕНИЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народного просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить описанную книгу:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Аллендорфъ, Иванъ. Учебникъ нѣмецкаго языка. Часть 2-я. 16-е издание. М. 1907. Стр. X+226+56. Цѣна 1 р.“

— „Воронецкій, А. Учебникъ всеобщей географіи. Издание М. М. Гутзата. С.-Пб. 1907. Курсъ 2-й: Географія Азіи, Африки, Америки и Австраліи. 23-е издание. Стр. 80. Цѣна 45 коп. — Курсъ 3-й: Европа. 22-е издание. Стр. 76. Цѣна 45 коп.“

— „Воронецкій, А. М. Учебникъ географіи Россійской Имперіи. 8-е издание, М. М. Гутзата. С.-Пб. 1907. Стр. 164. Цѣна 85 коп.“

— „Klasse, Octave. Le petit FranÃ§ais ou Enseignement par l'image. Cours élémentaire. 6-е édition. Vilno. 1908. Pages 229. Prix 1 rouble.“

— „Ковалевскій, С. Учебникъ физики. Издание 7-е (посмертное), пересм. П. О. Соловьевъ и А. И. Тудоровскимъ. С.-Пб. 1907. Стр. X+447. Цѣна 2 р. 20 коп.“

— „Копофъ, Е. Школьная грамматика французскаго языка. 3-е издание, маг. «Сотрудникъ школы». М. 1907. Стр. XX+270. Цѣна 95 коп.“

— „Озецкій Э. Синтаксис нѣмецкаго языка. Одесса. 1907. Стр. 34. Цѣна 20 коп.“

— „*Рассказъ, Н.* Краткій учебникъ географіи. Часть III. Западная Европа. Издание 12-е. С.-Пб. 1907. Стр. 100+XXVI табл. Цѣна 65 коп.“

— „*Саводникъ, В.* Очерки по исторіи русской литературы XIX-го вѣка. Издание 3-е, испр. и доп. М. 1907. Часть 1-я. Стр. IV+404+II. Цѣна 1 р. 35 коп. — Часть 2-я. Стр. IV+340. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „*Словцоффъ, И.* Обзоръ Россійской Имперіи сравнительно съ важнѣшими государствами. 5-е изданіе, испр. С.-Пб. 1907. Стр. IV+87. Цѣна 60 коп.“ (для реальныхъ училищъ).

— „*Чемолюсовъ, С. С.* Прямолинейная тригонометрия. Издание 2-е, испр. и доп. Житомиръ. 1907. Стр. 116. Цѣна 90 коп.“

— „*Шалландръ, А.* Полный курсъ французскаго языка. Приготовительный курсъ. Издание 6-е. С.-Пб. 1907. Стр. 64. Цѣна 30 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ зведеній:

— „*Волковскій, Д. Л.* Собраніе ариѳметическихъ упражненій. Курсъ 3-го класса. Издание 2-е, испр. и значит. доп. С.-Пб. 1907. Стр. VIII+88. Цѣна 30 коп.“

— „*Klasse, Octave.* La France littéraire. Cours supérieur. 2-е édition. Vilno. 1907. Pages 295. Prix 1 rouble 10 cop.“

— „*Левинъ, М.* Учебникъ природовѣднія. Одесса. 1907. Стр. VIII+384. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для младшихъ классовъ).

— „*La Mauricieenne, M.* La première année de Français. Cours illustré. St. Phg. 1907. Pages 120. Prix 75 cop.—La deuxième année de Français. Cours illustré. St.-Pbg. 1908. Pages 119. Prix. 55 cop.“

— „*Первоѣ, П. Д.* Педагогическая хрестоматія. Коменскій. Локкъ. Руссо. Песталоцци. Ушинскій. Пироговъ. Издание К. И. Тихомирова. М. 1907. Стр. 441+II. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (въ качествѣ необязательного пособія для VIII классовъ женскихъ гимназій).

— „*Помяловскій, М.* Планы-конспекты по новой исторіи (XV—XVIII вѣка). Издание А. К. Пурышева. С.-Пб. 1905. Стр. 46. Цѣна 25 коп.“ (въ качествѣ необязательного пособія).

— „*Постниковъ, А. П.* Систематический курсъ практическихъ работъ по общей химії. Издатель В. С. Сидридовъ. М. 1907. Стр. VI+II+86. Цѣна 60 коп., въ перепл. 75 коп.“ (въ качествѣ необязательного пособія для реальныхъ училищъ).

— „*Reisegeschichten und Abenteuer.* Erzählungen von Rosegger,

Seidel, Immermann u. a. Russische Schulausgabe von L. Behrsin. (Deutsche Autoron. Band 27). Jakobstadt. 1907. 123 S. Preis geb. 50 Kop."

— „Сальниковъ, А. Н. Русские писатели послѣ Гоголевскаго периода въ биографіяхъ, образцахъ и характеристикахъ. С.-Пб. 1906. Стр. 651. Цѣна 2 р. 50 коп.“ (для старшихъ классовъ мужскихъ гимназий).

2. Допустить условно следующія книги:

а) въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Воронецкій, А. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ I: Общий обзоръ земного шара и карты Российской Имперіи. 23-е изданіе, М. М. Гутаца. С.-Пб. 1907. Стр. 72. Цѣна 45 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

б) въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Пеніонжесевичъ, К. Б. Систематический сборникъ задачъ по элементарной физикѣ. Издание С. А. Козловскаго. Вып. I. Механика, гидростатика и аэростатика. Одесса 1904. Стр. IV+115. Цѣна 70 коп.—Вып. II. Теплота. Свѣтъ. Звуки. Магнетизмъ. Электричество. Дополненія механическаго отдѣла. Одесса. 1907. Стр. V+253. Цѣна 1 р.“ (съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи была улучшена видѣність обоихъ выпусковъ и содержаніе ихъ было исправлено соответственно замѣчаніямъ ученаго комитета).

3. ПРИЗНАТЬ ЗАДУЖИВАЮЩИМИ ВНИМАНІЯ ПРИ ПОПОЛНЕНИИ УЧЕБНИЧЕСКИХЪ ВИБЛЮТЕКЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЙ СЛЕДУЮЩІЯ КНИГИ:

— „Bastin, J. Nouvelles glanures grammaticales. Riga. 1907. Pages 87. Prix 50 сор.“

— „Катаевъ, И. Учебникъ русской исторіи. Выпускъ 1-й. Издание т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Стр. VII+136. Цѣна 50 коп.“

— „Острогорскій, Викторъ. Русскіе писатели. Издание 6-е промежт., ред. журн. «Юная Россія». М. 1907. Стр. XIV+360. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „Шмидъ, Б. Философская хрестоматія. Переводъ съ нѣм. Ю. А. Гоесъса, подъ ред. и съ предисл. Н. Н. Лаке. Издание «Mathesis». Одесса. 1907. Стр. IV+172. Цѣна 1 р.“

VI. ОПРЕДѢЛЕНИЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщениія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Вишневскій, Г. Ариѳметический задачникъ. Изд. 26-е, бр. Башмаковыхъ. С.-Пб. 1907. Стр. 158. Цѣна 35 коп.“ (также и для приготовит. классовъ средн. уч. зав., съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „Гусева, М. А. Сборникъ упражнений въ русскомъ правописаніи. С.-Пб. 1906. Ч. I. Стр. 46. Цѣна 12 коп.—Ч. II. Стр. 68. Цѣна 20 коп.“

— „Гусевъ, А. Элементарный учебникъ церк.-слав. языка. Изд. 13-е, А. Д. Ступинъ. М. 1907. Стр. VI+214. Цѣна 30 коп.“

— „Камикова, Исакъ. Русская забука. Казань. 1907. Стр. VI+47. Цѣна 25 коп.“ (для нач. вноворожд. татарск. и башкирск. училищ Камско-Волжского района).

— „Павловъ, Н. Сборникъ задачъ и численныхъ примѣровъ для нач. обученія ариѳметикѣ. Ч. 1-ая. Числа 1-й сотни. 12-е изд., А. А. Дубровина. Казань. 1907. Стр. 68. Цѣна 15 коп.“

— „Путыковичъ, О. О. Букварь. Для народныхъ церк.-приходскихъ и другихъ элементарныхъ училищъ. Изд. 14-е (15-е) П. В. Луковникова. С.-Пб. Стр. 52. Цѣна 15 коп.“

— „Ушинскій, К. Д. Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ 1-й. Изд. 135-е. С.-Пб. 1907. Стр. 110. Цѣна 25 коп.“

б) въ ученическия библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

- „Городцовъ, А. Народногѣвческіе хоры. Изд. Пермскаго губ. комитета попеч. о народной трезвости. М. 1907. Вып. 1-й. Стр. 119. Цѣна 80 коп.—Вып. 2-й. Стр. 51. Цѣна 50 коп.“
 - „Немировичъ-Данченко, Вас. Июль. Повѣсть о похожденіяхъ майора Бобкова. Изд. ред. журн. „Южная Россія“ (Библіотека для семьи и школы). М. 1907. Стр. 100. Цѣна 35 коп.“
 - „Нельзова, А. И. Золотое дѣтство. Рассказы для дѣтей. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1904. Стр. 270. Цѣна 1 руб. 15 коп.“
 - „Покровскій, Н. Изъ галлереи дѣтскихъ портретовъ. Рассказы русскихъ писателей. Книжка 3-я. М. 1907. Стр. 99. Цѣна 40 коп.“
 - „Термикеловъ, Н. М. Происхожденіе земли и первые дни до появленія организмовъ. Подъ ред. Н. И. Каракана. Изд. т-ва И. Д. Сытина (Книги для современной школы. Серія геологическая). М. 1907. Стр. 118. Цѣна 35 коп.“ (для городскихъ, по Положенію 1872 г., училищъ и воскресныхъ школъ).
-

СПИСОКЪ КНИГЪ,

**разсмотрѣнныхъ учеными комитетомъ и приведенныхъ въ слу-
живашемъ вниманіи при пополненіи бесплатныхъ народ-
ныхъ читалень и библіотекъ.**

- „Берtrandъ, Эд. Уходъ за пасѣкою. Календарь пчеловода. Переводъ съ франц. подъ ред. Г. П. Кандратьевъ. Изд. 3-е, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1906. Стр. 230. Цѣна 90 коп.“
- „Денисовъ, Л. Сыны свѣта. Сборникъ церковно-историч. по-
вѣстей. Изд. П. П. Сойкина. С.-Пб. Стр. 176. Цѣна 50 коп.“
- „Досугъ и дѣло. Издается по Высочайшему повелѣнію, еже-
мѣсячно. Подписанная цѣна въ годъ съ пересылкой 4 р.“
- „Лебедева, Е. А. Гонения на христіанъ въ Римской имперіи
до Константина Великаго. 3-е изд. С.-Пб. Епарх. братства во имя
Пресвятой Богородицы. С.-Пб. 1906. Стр. 109. Цѣна 20 коп.“
- „Острогорскій, Викторъ. Русскіе писатели. Изд. 6-е., просм.,
ред. журн. «Южная Россія». М. 1907. Стр. XIV+360. Цѣна 1 руб.
50 коп.“

- „Поляковъ, И. Какъ жить. Сборникъ рассказовъ и бесѣдъ. Изд. П. П. Сойкина. С.-Пб. Стр. 175. Цѣна 25 коп.“
- „Поселенникъ, И. Праведникъ нашего времени Оптинскій старецъ Амвросій. Жизнь его и подвиги. Изд. И. Л. Тузова. С.-Пб. 1907. Стр. 217. Цѣна 50 коп.“
- „Термікеловъ, Н. М. Происхожденіе земли и первые дни ея жизни до появленія организмовъ. Подъ ред. Н. И. Каракаша. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Книги для современной школы. Серія геологическая). М. 1907. Стр. 118. Цѣна 35 коп.“
-

ОТЪ КОМИТЕТА ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О ТРУДОВОЙ ПОМОЩИ.

По имѣющимся въ комитете попечительства о трудовой помощи свѣдѣніямъ, попечительное общество о домѣ трудолюбія въ С.-Петербургѣ для мужчинъ съ общежитіемъ распространяетъ черезъ различныхъ агентовъ за плату портреты Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича при особомъ обращеніи отъ общества, а также изданный обществомъ альбомъ „Исторія Россіи въ портретахъ по столѣтіямъ“.

Подобное распространеніе печатныхъ изданій съ благотворительной цѣлью комитета попечительства о трудовой помощи, въ виду возможныхъ при семъ злоупотребленій, признала необходимымъ обусловить для учрежденій попечительства особымъ разрѣшеніемъ комитета.

Между тѣмъ издаванное общество, состоя въ вѣдѣніи попечительства о трудовой помощи, не только не испросило въ установленномъ порядке разрѣшенія на напечатаніе при портретахъ Наслѣдника Цесаревича текста вышеупомянутаго обращенія и на распространеніе названныхъ изданій, но и онъ не представило, по требованію концепторіи комитета, объясненій объ основаніяхъ, на которыхъ организована ихъ продажа.

Общество равнымъ образомъ не представило еще надлежаще пропечатанныхъ и утвержденныхъ отчетовъ какъ о своей дѣятельности, такъ и о состояніи денежныхъ средствъ общества за 1904, 1905 и 1906 гг.

ВОПРОСЪ О МЕТОДЪ ВЪ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

(Историко-методологический очеркъ).

ГЛАВА I.

Методология физиократовъ и представителей такъ называемой классической школы въ политической экономии.

Вопросъ о методѣ политической экономіи не перестаетъ интересовать экономистовъ и въ наши дни. Еще и до сихъ поръ кѣтъ единогласія среди представителей экономической науки въ данномъ вопросѣ. Правда, въ послѣднее время подъ вліяніемъ углубленія философской мысли въ изслѣдованіе гносеологическихъ и методологическихъ проблемъ, вопросъ о методѣ въ политической экономіи получилъ болѣе солидное основаніе. Экономическая мысль подъ вліяніемъ общихъ устгаховъ философіи въ послѣднія десятилѣтія XIX в. стала на болѣе твердую почву въ разработкѣ своей частной методологии. Отсюда, у современныхъ представителей политической экономіи наблюдается стремленіе къ болѣе объективному разрѣшенію вопроса о методѣ, чѣмъ какое было 20—30 лѣтъ тому назадъ. Теперь основанія для разрѣшенія этого важнаго вопроса берутся изъ самой природы нашего познанія, между тѣмъ раньше здѣсь примѣшивались нерѣдко вѣшнія стороннія обстоятельства; таъ, напримѣръ, успѣхи естествознанія, усвоившаго методъ наблюденія, какъ извѣстно, оказали громадное вліяніе на примѣненіе этого же метода и въ общественныхъ наукахъ.

Методология, исходящая изъ анализа познанія, должна дать общи человѣчески объективныя основанія для разрѣшенія вопроса о методѣ. Благодаря именно этому, въ настоящее время среди экономистовъ замѣчается больше единодушія въ разрѣшеніи интересующаго насъ вопроса. Крайности увлечений постепенно слаживаются и есть

надежда, что въ не столь отдаленномъ будущемъ установится одна общая точка зрения на затронутый нами вопросъ. Для этого необходимо, чтобы методология политической экономіи больше ориентировалась на общую методологію и гносеологію; въ такомъ только случаѣ возможно успешное разрѣшеніе поставленной задачи. Вообще можно сказать, что въ наше время методологія всѣхъ отдѣльныхъ наукъ стала на болѣе твердую почву подъ влияніемъ общихъ усиѣвъ теоріи познанія.

Въ настоящемъ очеркѣ авторъ предполагаетъ дать историко-критический обзоръ учений о методѣ политической экономіи. Въ исторіи нашей науки вопросъ о методѣ былъ поставленъ въ сравнительно позднѣйшее время; первоначально же тѣ въ другіе экономисты изучали народное хозяйство, писали цѣлымъ изслѣдованія и трактаты, не задаваясь специальными вопросомъ о тѣхъ способахъ, какими удобнѣе и лучше можно изслѣдовывать экономические явленія, ничего не говорили о тѣхъ путяхъ, которые должны быть примѣнены для достиженія истины въ политической экономіи.

Не ставя теоретически资料а вопроса, пionеры нашей науки на практикѣ разрѣшали его, примѣняя въ своихъ трудахъ тѣ или другіе приемы изслѣдованія. Такимъ образомъ, сначала создалась наука, опредѣлилось въ большей или меньшей степени экономическое міропониманіе, паконецъ, выработались известныя научныя традиціи, и только тогда былъ поставленъ теоретический вопросъ о ея методѣ. Подобное явленіе наблюдается и въ другихъ областяхъ знанія. Только послѣ того, когда опредѣлится предметъ науки, установится ея приблизительные границы, соберется достаточно материала, возникаетъ вопросъ о методѣ этой науки.

Съ исторической точки зренія представляетъ большой интересъ и этотъ періодъ чисто практическаго разрѣшенія данного вопроса; весьма важно для науки восстановить, какимъ методомъ пользовались экономисты на практикѣ раньше еще, чѣмъ были прямо поставлены въ политической экономіи методологические вопросы. Въ сущности говоря, и теоретически построенная методология имѣть для науки постолько интересъ и значеніе, поскольку она осуществилась на практикѣ. Практическое разрѣшеніе вопроса о методѣ въ трудахъ первыхъ экономистовъ имѣть большое значеніе въ дѣлѣ выясненія методологической проблемы.

Съ этой точки зренія мы и разсмотримъ отдѣльные направления экономической доктрины. По установленвшейся традиціи считаются отцомъ

политической экономії Ад. Смита. Но у него таъ много связей съ физіократами, что скорѣе начало экономической теоріи нужно отнести къ этому направлению. Меркантилисты не были теоретиками-систематиками,—это практики, и потому меркантилизмъ является скорѣе экономической политикой, чѣмъ экономической теоріей. Меркантилисты смотрѣть на политическую экономію, какъ на искусство обогащать страну путемъ увеличенія благородныхъ металловъ. Для полноты изслѣдованія скажемъ всѣтаки нѣсколько словъ о томъ методѣ, которымъ они пользовались. Въ основѣ ихъ возврѣй несомнѣнно лежало наблюденіе надъ современной дѣйствительностью, но наблюденіе ис критическое, научное, а простое, наивное. Ихъ основной принципъ, что богатство заключается въ деньгахъ, что нужно стремиться къ большему накопленію драгоцѣнныхъ металловъ, и затѣмъ построенная на этомъ принципѣ экономическая политика—все это слишкомъ наивныя поверхностные обобщенія изъ частно-хозяйственныхъ явлений. Меркантилисты наблюдали частно-хозяйственный оборотъ и сдѣлали въ известной степени вѣрный выводъ, что для частного хозяйства на мѣновой стадіи его развитія деньги составляютъ основу богатства. Эту частно-хозяйственную точку зрѣнія они перенесли потомъ и на народное хозяйство. Здѣсь и была допущена ими грубая методологическая ошибка. Къ двумъ совершенно неподобающимъ явлениямъ, каковы частное и народное хозяйство, они примѣнили одинъ общий принципъ, выведеній только изъ наблюденія надъ первымъ. Здѣсь и лежитъ первородный грѣхъ методологии меркантилизма.

Несомнѣнно, представители этого направлениія обратили большою вниманіе на такія экономические явленія, какъ обогащеніе Испаніи путемъ ввоза драгоцѣнныхъ металловъ изъ Америки, на обогащеніе Голландіи отъ торговли; не ускользнула отъ ихъ наблюдательности и нарождающаяся мануфактурная промышленность.

Все это указываетъ, что исторический опытъ и наблюденіе были использованы меркантилистами въ значительной степени, хотя и безъ критической проверки. Въ виду своей основной методологической ошибки они не могли дать собранному фактическому материалу должнаго освѣщенія. Въ своей экономической политикѣ они руководились принятой точкой зрѣнія на деньги, какъ единственное богатство, обусловленной смѣшаніемъ частного хозяйства съ народнымъ.

Методъ изслѣдованія меркантилистовъ изъ экономической политики былъ уже дедуктивный. Разъ установивъ путемъ несовершенного наблюденія свой основной принципъ, они рекомендовали только тѣ мѣ-

роприятія, которыя логически вытекали изъ этого принципа. Деньги единственное богатство, следовательно необходимо принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы привлечь въ страну побольше драгоценныхъ металловъ. Отсюда все, что въ конечномъ резултатѣ могло увеличить количество благородныхъ металловъ, считалось цѣлесообразнымъ и разумнымъ. Само собой разумѣется, что живая дѣйствительность должна была скоро показать несостоятельность подобной политики; но меркантилисты, ослѣпленные своимъ основнымъ положеніемъ, ис замѣчили глубокаго противорѣчія своей теоріи съ экономической жизнью. Должны были явиться новые изслѣдователи съ другой экономической мѣркой, которые ясно и неопровергимо доказали всю ложность и ошибочность предпосылокъ меркантилизма. Это уже были физіократы. Такимъ образомъ, меркантилисты взяли свой основной принципъ изъ наблюденія надъ современной имъ дѣйствительностью, но критически не пропроверивъ его, какъ этого требовалъ научный методъ изслѣдованія, перенесли его цѣликомъ изъ одной области въ другую, существенно отличную отъ первой.

Насколько все-таки меркантилисты вѣрою подмѣтили изъкоторыхъ явлепія экономической жизни, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что ихъ возврѣнія, получивъ болѣе совершенную и болѣе просвѣщенную форму въ національной системѣ Фр. Листа, перешли въ видѣ наслѣдія и къ намъ. Сопременныя протекціонныя системы, какъ известно, водить свои корни изъ меркантилизма; она усвоила и культивировала многое изъ принциповъ, впервые обоснованныхъ представителями этого направления. Слѣдовательно, въ системѣ меркантилизма много было жизненныхъ началь, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, если цѣлымъ столѣтіемъ не могли ихъ изгладить. И эти начала были взяты ими изъ наблюденія надъ экономическимъ переворотомъ, совершившимся на ихъ глазахъ, отчасти подъ влияніемъ громаднаго прилива въ Европу драгоценныхъ металловъ. Первый некритический опытъ и наблюдение представителей только что зародившейся еще науки не сумѣли отѣлить пшеницу отъ чеволы.

Школа физіократовъ дала первую въ хронологическомъ смыслѣ систематику политической экономіи. Физіократы, иссомицкими, стояли подъ сильнымъ влияніемъ ученія объ естественномъ правѣ; основные принципы ихъ экономики представляются, въ сущности говоря, иерархією принциповъ естественного права въ хозяйственную жизнь. Въ виду этого ихъ принципы носятъ абстрактный, отвлеченный характеръ. Въ системѣ физіократовъ они занимаютъ роль большихъ посы-

локъ, изъ которыхъ путемъ дедукціи выводились какъ мѣры экономической политики, такъ и другие частные пункты ихъ ученія. Хозяйственная свобода, индивидуализмъ, естественные, неизменные законы, оптимизмъ—всъ эти характерныя особенности физіократизма являются вмѣстѣ съ тѣмъ основными положеніями школы естественного права и въ частности системы Локка. Извѣстно, что глава физіократовъ Кенэ находился подъ сильнымъ влияніемъ локчевскихъ идей. Само собой разумѣется, эти идеи приспособлялись къ экономической жизни, хотя эти приспособленія часто и не шли дальше замѣны элитета „политический“ элитетомъ „хозяйственный“; напр., вмѣсто политическая свобода физіократы говорятъ хозяйственная и т. д.

Такъ какъ національная экономія, справедливо замѣчать Гисбахъ¹⁾, выросла на почвѣ естественного права, то она дышала не только воздухомъ атомо-этюристическо-механическихъ всесвѣтній на индивидуумъ, общество и государство, но также усвоила математический методъ, т. е. дедукцію изъ универсального человѣческаго эгоизма.

Послѣдовательное примѣненіе математического метода мы находимъ у Декарта и еще въ большей степени у Спинозы, написавшаго этику *more geometrico*. Высокая авторитетность этихъ двухъ наиболѣе видныхъ для своего времени представителей философіи, для Франціи особенно первого, была причиной того, что этотъ методъ пользовался всеобщимъ признаніемъ. По фигулярному выражению Гасбаха, математический методъ вистѣлъ въ воздухъ, которымъ всѣ тогда дышали. Въ рѣдкихъ случаяхъ этотъ методъ примѣнялся вполнѣ сознательно, чаще же его примѣняли по научной традиціи, освященной авторитетомъ философіи. Экономическая таблица Кенэ представляетъ образчикъ примѣненія абстрактной математической дедукціи. Съ этой точки зрѣлія она превосходитъ даже „Основыя начала“ Рикардо. Косвенно влияніе декартовской методологіи на физіократовъ подтверждается тѣмъ, что метафизическая система Кенэ является въ значительной степени отраженіемъ картезіанской философіи. Обращаясь къ анализу экономическихъ положеній физіократизма, мы видимъ, что большинство изъ нихъ чисто априорного происхожденія, напр., ученіе о производительномъ и бесплодномъ классѣ, *prodit* нет, единий па-

¹⁾ Hasbach, Die allgemeinen philosophischen Grundlagen der von Fr. Quesnay und A. Smith begründeten pol. Ökonomie. Leipzig. 1890 S. 197.

логъ и проч. Физіократы, установивъ въ рѣзгѣ понятіе производства, какъ созданія или порожденія благъ, подвели подъ это абстрактное, нереальное понятіе только одно земледѣліе. Производительство только воспроизводство сырыхъ продуктовъ, переработка же ихъ уже не есть производство богатства. Изъ этого отвлеченнаго умозаключенія они дѣлали выводъ о производительной и непроизводительной дѣятельности общественныхъ классовъ, на основаніи его строили свою экономическую политику.

Съ другой стороны, некоторые воззрѣнія физіократовъ явились какъ результатъ наблюдений надъ современной имъ дѣйствительностью. Меркантильная политика привела къ упадку земледѣлія во Франціи; доходы землевладѣльцевъ были принесенны въ жертву меркантильной торговлѣ. Въ виду того, что земледѣльческій классъ составлялъ въ то время главное ядро французскаго народа, пониженіе благосостоянія этого основного класса сопровождалось экономическимъ упадкомъ всей Франціи. Физіократы хорошо подмѣтили этотъ печальный фактъ и явились выразителями нуждъ землевладѣльческаго класса. То, что составлялось въ теоріи физіократовъ—изложеніе хозяйственного круговорота, учение о воспроизводствѣ сырыхъ продуктовъ, ихъ обращеніи и распределеніи, расчетъ процента на капиталъ, уплачиваемаго арендаторомъ—все это, въ сущности, является описаніемъ французского хозяйства XVIII вѣка. Ихъ вѣрныя наблюденія привели во многихъ случаяхъ къ ошибочнымъ выводамъ потому, что они рассматривали экономическая явленія въ исторической перспективѣ, имъ была чужда историческая точка зрѣнія. Поэтому-то своимъ конкретнымъ выводамъ физіократы ошибочно придали абсолютный характеръ сопственныхъ, незамѣнныхъ законовъ.

Такимъ образомъ, методологический анализъ системы физіократовъ ясно показываетъ, что имъ примѣнялись два метода изслѣдованія: абстрактно-дедуктивный и конкретно-описательный; первый—въ той части, которая создалась подъ прямымъ влияніемъ естественного права, а второй—тамъ, где они являлись выразителями классовыхъ интересовъ. Любопытно, что у физіократовъ встрѣчается ясное указаніе на то, что политическая экономія есть наука наблюденія (Дюпонть-де-Немуръ). По словамъ этого виднаго представителя школы физіократовъ, тотъ, кто вынужденъ къ жизни новую науку (Кенз), былъ человѣкомъ, учившимъ наблюдать и уважать природу. Дюпонть-де-Немуръ сожалѣетъ, что учение о внутренней политикѣ еще не считается за точную науку. Онь первый употребляется этотъ терминъ въ указанномъ

значеній. Подъ точной политической экономіей нашъ физіократъ понимаетъ такую науку, которая, опираясь на точное наблюдение, измѣрение, взвѣшиваніе, въ состояніи предсказывать будущее¹⁾). Значеніе индуктивного метода почти буквально въ такихъ словахъ было охарактеризовано еще въ концѣ XVII вѣка однимъ изъ англійскихъ предшественниковъ А. Смита Петти.

Онъ въ 1688 г. писалъ слѣдующее о методѣ своей политической арифметики: „The Method I take do this, is not very usual... I have taken the course to express myself in Terms of Number, Weight or Measure; to use only Arguments of Sense and to consider only such Causes, as have visible Foundations in Nature“^{2).}

Уже этотъ англійский экономистъ думалъ о точномъ методѣ въ изслѣдованіи политической экономіи. Правда, Петти самъ признаетъ, что его методъ далеко не является обычнымъ. Вообще, всѣ подобные попытки примѣненія точного метода въ изслѣдованію экономической жизни носятъ въ рассматриваемую эпоху чисто случайный характеръ. Послѣдовательное проведеніе точного метода въ область экономическихъ изслѣдований составляло задачу болѣе отдаленного будущаго.

Нѣкоторые изъ физіократовъ возвышались до такого пониманія политической экономіи, которое далеко опередило ихъ время. Къ сожалѣнію, авторитетъ школы естественного права царилъ во всѣхъ областахъ таѣ безпредѣльно, что даже передовые физіократы, часто знакомые съ естественными науками, не въ состояніи были освободиться отъ его влиянія. Априорные, абстрактные выводы представителей естественной школы всѣми признавались тогда за непогрѣшими истины и переносились, какъ предпосылки въ область другихъ наукъ. Онѣ сковывали умъ и тѣхъ передовыхъ изслѣдователей, у которыхъ временами пробуждалось критическое отношеніе къ установленвшимся воззрѣніямъ.

Изъ англійскихъ экономистовъ, примѣнявшихъ индуктивный методъ изслѣдованія, помимо Петти, можно еще называть Юма, этого величайшаго англійского мыслителя; онъ былъ современникомъ А. Смита и, какъ известно, даже находился съ послѣднимъ въ перепискѣ.

Юмъ не оставилъ послѣ себя цѣльной экономической системы, но

¹⁾ Harbach, выше цит. сочиненіе, S. 137—138.

²⁾ John, Zur Methode der heutigen Social-Wissenschaft, въ Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung Bd. I. 1892 S. 212.

написать рядъ очерковъ, гдѣ обнаруживаетъ удивительное для своего времени пониманіе экономическихъ отношеній. Въ настоящемъ случаѣ насторожеютъ его пріемы изслѣдованія. Отличительная особенность его методологии заключается въ томъ, что онъ всегда рассматриваетъ экономическая явленія въ связи съ политической и соціальной жизнью, опиравшись при томъ на опытъ и исторію. Юмъ сознавалъ полную несостоятельность примѣнявшагося метода, почему и говорить о необходимости исправленія его путемъ опыта (Д. Юмъ—Библиотека экономистовъ 1896 г., стр. 49). Интересно, что аналогичныхъ возврѣній на методъ въ политической экономіи держалась и позднѣйшая историческая школа.

Насколько удачно философъ-экономистъ пользовался историческимъ и индуктивнымъ мѣтодомъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ его экономическая возврѣнія. На основаніи наблюденія надъ современной и исторической жизнью Юмъ раскрылъ ошибочность возврѣнія меркантилистовъ, что деньги—богатство. Онъ неопровергжимо доказалъ, что богатство страны зависитъ отъ ея промышленности, отъ количества населения, отъ величины капиталовъ, представляемыхъ цолезными предметами. Деньги—только орудіе, которое люди употребляютъ для облегченія обмѣна. Стоитъ еще указать на блестящую критику единаго налога физіократовъ и ошибочной идеи о зависимости процента отъ количества денегъ въ странѣ. Юмъ справедливо замѣчаѳть, что норма процента опредѣляется развитіемъ промышленности, торговли, трудолюбія и бережливости въ народѣ.

Англійскій мыслитель, широко пользуясь наблюденіемъ, признавалъ вѣѣсть съ этимъ и громадное значеніе за дедукціей. Задачу своихъ изслѣдований онъ полагалъ въ достижениіи тѣхъ универсальныхъ положеній, которые охватываютъ неизмѣримое количество индивидуумовъ и въ одной теоремѣ содержатъ целую науку (стр. 2). Этотъ выдающійся философъ, соперничающій съ Кантомъ въ разрѣшеніи гносеологической проблемы, обнаружилъ и въ политической экономіи глубину и силу своей мысли. Въ его экономическихъ очеркахъ мы находимъ лучшее совмѣстное примѣненіе индукціи и дедукціи, прямо-таки удивительное для своего времени. Наблюденіе и исторія въ широкой мѣрѣ использованы имъ при разрѣшеніи экономическихъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, труды этого философа экономиста не оказали большого вліянія ни на современниковъ, ни на грядущія поколѣнія. Его извѣстность, какъ экономиста, номеркала предъ восходящей славой творца „Изслѣдованія о природѣ богатства народовъ“; вмѣстѣ съ этимъ

не нашло себѣ подражанія удачное примѣненіе Юмомъ индуктивного въ исторического метода. Потомству онъ почти исключительно извѣстенъ какъ философъ-эмпирікъ, но не какъ экономистъ.

Ад. Смитъ, основатель таکъ называемой классической школы въ политической экономіи, стоялъ на почвѣ локковскихъ идей еще въ большей степени, чѣмъ глава физіократовъ Кенз. Задимствованные оть школы естественного права принципы составляютъ въ системѣ великаго шотландца чистоaprіорную отвлеченную основу. Абстрактно-дедуктивный методъ примѣнялся имъ въ весьма значительномъ объемѣ¹⁾.

Не говоря уже о такихъ основныхъ положеніяхъ его системы, какъ хозяйственный интересъ, свобода конкуренціи, индивидуализмъ, материализмъ и оптимизмъ, но даже въ болѣе частныхъ пунктахъ Ад. Смита съѣдавалъ нерѣдко абстрактно-дедуктивному методу. Ядро его системы конструировано этимъ методомъ: изъ основныхъ предпосылокъ, заимствованныхъ отчасти у физіократовъ, а въ еще большей степени оть доктрины естественного права, дѣлаются Ад. Смитомъ дальнѣйшіе выводы въ примѣненіи къ экономической жизни "страны".

Другой излюбленный методологический пріемъ великаго шотландца— это построение "уртиги" экономическихъ отношеній и выводъ отсюда путемъ дедукціи тѣхъ и другихъ заключеній. У Ад. Смита мы часто встрѣчаемъ въ началѣ теоретическихъ разсужденій дикаря съ лукомъ, охоту его за сернами и бобрами и т. п. Онъ всегда съ удовольствіемъ останавливается на первобытномъ состояніи общества, предшествовавшемъ обращенію земель въ собственность и скопленію капиталовъ. Этотъ "уртига" является для него отправной точкой при изложеніи тѣхъ или иныхъ экономическихъ вопросовъ. Конечно, этотъ гипотетический уртига не имѣть никакого исторического значенія: правда, у Ад. Смита иногда и проскальзываетъ мысль объ его исторической реальности, но прямо это никогда не высказывается. Насколько далеко оть исторической дѣйствительности было пониманіе Ад. Смита этого

¹⁾ Въ примѣненіи къ дедуктивному методу необходимо отыскать опытныхъ и апріорныхъ предпосылокъ. Можно дедуктировать изъ отвлеченныхъ, апріорныхъ принциповъ— это будетъ абстрактная дедукція, иначе говоря, абстрактно-дедуктивный методъ; приближается къ нему гипотетико-дедуктивный методъ, т. е. дедукція изъ гипотетическихъ предпосылокъ. Наконецъ, возможна дедукція изъ твердо установленныхъ и точно обоснованныхъ на опыте положеній. Это уже будетъ строго научной дедукціей; напримѣръ, зная законъ тяготѣнія, мы можемъ дѣлать вѣрные выводы о наденіи тѣлъ. У А. Смита мы видимъ примѣненіе двухъ разновидностей дедукціи—абстрактно-дедуктивной и гипотетической.

состоянія, видно хотя бы изъ такой фразы: „въ первобытномъ состояніи общества работникъ пользовался безраздѣльно всѣмъ произведеніемъ своего труда“ ¹⁾.

Собственно говоря, это не больше, не меньше, какъ методологіческій пріемъ, имѣющій своей цѣлью упрощеніе сложныхъ экономическихъ проблемъ.

Рядомъ съ абстрактной и гипотетической дедукціей у Ад. Смита мы находимъ и значительное примѣненіе индукціи въ видѣ наблюденія и обобщенія фактовъ современной и исторической хозяйственной жизни. На первомъ мѣстѣ здѣсь нужно поставить извѣстное ученіе о раздѣлении труда и его значеніи, несомнѣнно выработанное путемъ наблюденія надъ крупнымъ мануфактурнымъ производствомъ. Совершавшаяся въ это время въ Англіи промышленная эволюція не ускользнула отъ вниманія вдумчиваго экономиста. Многіе изъ экономическихъ явлений съ нашли собѣ должное выраженіе въ трудахъ отца политической экономіи.

Индуктивнымъ же методомъ Ад. Смитъ пользуется при изложеніи вопроса о роли законодательства въ народномъ хозяйствѣ, при критикѣ меркантилизма, и въ другихъ болѣе частныхъ случаяхъ.

Для характеристики метода А. Смита необходимо еще уяснить тѣ психологическіе предпосылки, которыя играютъ такую громадную роль въ его системѣ. Основной предпосылкой являлся личный интересъ, безусловно господствующій въ области хозяйственныхъ отношеній.

Экономисту предстояло решить чисто абстрактный вопросъ: въ какія формы сложится игра человѣческихъ интересовъ, если предоставить свободу этой игрѣ? Разрешеніе этой задачи не представляло особенной трудности, если вспомнимъ, что для Ад. Смита въ сферѣ экономическихъ отношеній главную роль игралъ личный интересъ, который такъ легко было учесть. Отсюда возможность построенія дедуктивныхъ путей цѣлой сложной системы экономическихъ отношеній. Елъ жизненный нервъ, съ основы—это эгоизмъ. Хозяйственный дѣйствія человѣка представлялись очень простыми и несложными, они всегда были проявленіями личаго интереса, сущность которого была точно установлена. Люди—это въ извѣстномъ смыслѣ автоматы; понимая ихъ внутренний механизмъ, не трудно опредѣлить, какъ будуть они дѣйствовать въ томъ и другомъ случаѣ. Изъ этого вытекалъ

¹⁾ Ад. Смітъ. Исследованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ Пер. Бабилова, т. I, стр. 191.

взглядъ на политическую экономію, какъ на своего рода хозяйственную механику.

Психологическая возврѣнія Ад. Смита, лежавшія въ основѣ его системы, были заимствованы изъ общей психологіи того времени.

Философы XVII и XVIII вв. понимали психологію въ видѣ механики побужденій, стремленій и представлений. Достаточно будетъ указать на Декарта, пользовавшагося громаднымъ авторитетомъ въ это время, который представлялъ людей и животныхъ вообще въ видѣ автоматовъ. Индивидуализированія психологіи тогда не существовало, быть установленъ для всѣхъ психическихъ силъ одинъ шаблонъ; по этому шаблону, предполагалось, и дѣйствуютъ люди-автоматы. На возврѣнія Ад. Смита и оказала громадное влияніе эта общепринятая тогда психологія; изъ нея онъ заимствовалъ свое представленіе о хозяйственномъ человѣкѣ. Личный интересъ дѣйствуетъ у великаго шотландца съ чисто механической правильностью и точностью. Въ основѣ всѣхъ его разсужденій проглядываетъ представленіе о человѣкѣ, какъ объ экономическомъ автоматѣ.

Естественно, что эта механическая точка зреінія въ психологіи оказала рѣшающее влияніе на методъ Ад. Смита. Развѣ точно известны основные силы, то уже легко можно опредѣлить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ихъ дѣйствие. Для этого не было надобности наблюдать жизнь или изучать исторію. Нужно было только вывести тѣ слѣдствія, которыхъ естественно должны вытекать изъ нихъ.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, Смитъ пользовался преимущественно абстрактно-дедуктивнымъ методомъ. Съ такимъ пониманіемъ несогласны многие изъ экономистовъ. Между прочимъ, Schüller пытается доказать, что Ад. Смитъ во многихъ случаяхъ приводитъ во вниманіе различія историческихъ условій,—въ доказательство чего приводятся и выражки изъ „Изслѣдованія о природѣ и богатствѣ народовъ“¹⁾). Несомнѣнно, у Ад. Смита имѣется не мало историческихъ примѣровъ, фактовъ изъ повседневной жизни, но за немногими исключеніями весь этотъ фактическій матеріалъ играетъ чисто подчиненную роль—доказательства абстрактныхъ положеній. Теорія не выводится и не обосновывается на фактахъ, а наоборотъ, послѣдніе только приводятся для вящаго подтвержденія теоретическихъ положеній, составленныхъ уже заранѣе. Во многихъ случаяхъ

¹⁾ K. Schüller, *Les économistes classiques et leurs adversaires*. Paris 1896, p. 5.

это излишний балластъ, который съ удобствомъ можетъ быть выброшенъ за борть, не нанося существенного вреда цѣльности системы. Справедливо говорить, что Ад. Смитъ не былъ „исторической головой“. Онъ былъ воспитанъ на рабіонализмѣ XVIII в. и потому не могъ правильно понять значенія историческаго метода и не могъ правильно пользоваться исторіей. Несмотря даже на то, что значительная часть его „Богатства народовъ“ посвящена историческимъ изслѣдованіямъ, все это вѣнчайший приданокъ, имѣющій мало отношенія къ сущности самой системы.

Въ наукѣ существуютъ разнорѣчивыя мнѣнія о томъ, какого метода держался шотландскій мыслитель. Бокъ утверждалъ, что Ад. Смитъ пользовался исключительно додуктивнымъ методомъ, позднѣе подобный взглядъ былъ высказанъ Lowe, Weisz'омъ¹⁾.

Наоборотъ, Клиффъ Лесли думаетъ вмѣстѣ съ Контомъ, что его методъ чисто индуктивный; подобного же мнѣнія держится и проф. Роджеръ, изъ русскихъ ученыхъ—проф. Чупровъ. „Смитъ, говорить онъ, является въ своей книгѣ не столько отвлеченнымъ мыслителемъ, сколько наблюдателемъ, пишущимъ о промышленномъ мірѣ, среди котораго онъ живъ“ (Исторія полит. экономіи. Москва 1892, стр. 128). Ингрэмъ и Гасбахъ стоятъ за то, что Ад. Смитъ примѣнялъ одинаково оба метода. По мнѣнію Gans-Ludassy, въ „Богатствѣ народовъ“ еще по дифференцировались элементы индуктивнаго метода, во всякомъ случаѣ преобладающимъ элементомъ является дедуктивный²⁾). Мнѣніе послѣднаго, по нашъ взгляду, является наиболѣе правильнымъ.

Наиболѣе чистымъ и послѣдовательнымъ теоретикомъ классической школы является Рикардо³⁾. Его система поражаетъ читателя своей стройностью и логической послѣдовательностью. Это удивительное архитектурное строеніе, где всѣ части тѣкъ подходятъ одна къ другой,

¹⁾ Weiz, Die Nationalökonomie und Methodo въ Jahrbücher für Nationalökonomie, Bd. 18 1878, S. 148.

²⁾ Gans-Ludassy, System der ökonomischen Methodologie, Jena 1893, S. III.

³⁾ Ось отношеній Рикардо и Мальтуса къ Ад. Смиту въ вопросѣ о методѣ Кейнса говорить слѣдующее: „As regards inductive tendencies noticeable in A. Smith, his successor is to be found in Malthus; for the continuation and development of the abstract deductive tendencies we turn to Ricardo... it was Ricardo... who gave to their work (позднѣйшихъ англ. экономистовъ) a distinctive tone, particularly in their specific analysis of the method to be pursued“...

См. Hasbach, Zur Geschichte des Methodenstreits in der politischen Oekonomie въ Jahrbuch für G. V. u. V. 1895 III Heft, S. 70 и д.

такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что нельзя отбросить одной безъ того, чтобы не поколебать всей этой искусной постройки. Въ основѣ системы Рикардо лежитъ нѣсколько посылокъ, изъ которыхъ онъ съ математической точностью выводить всѣ вытекающія изъ нихъ слѣдствія. Это Гегель въ политической экономіи. Онъ такъ некудо пользовался дедуктивнымъ методомъ, что его сочиненіе, по словамъ Гасбаха, стало какъ бы механикой хозяйственной жизни. Рикардо въ этомъ отношеніи пошелъ дальше А. Смита. У него народное хозяйство являлось въ видѣ механизма хозяйственныхъ атомовъ, носителей эгоистическихъ чувствъ.

Такъ, напримѣръ, сложный вопросъ о размѣрахъ заработной платы решается имъ при допущеніи трехъ общихъ положеній — дѣйствія закона спроса и предложенія, закона возрастанія населенія и на-конецъ, такъ называемой естественной цѣны труда. Всѣ выводы вытекаютъ изъ этихъ основныхъ предпосылокъ съ логической необходимости, и получается такое впечатлѣніе, какъ будто передъ глазами читателя послѣдовательно раскрывается кисыл-нибудь теорема. Эта иллюзія быстро исчезаетъ, если мы обратимся къ анализу самъ предпосылокъ. Онъ, выставленный въ такой абсолютной формѣ, оказывается далеко не соответствующими живой дѣйствительности. Этими отвлеченными, чисто математическими формулами никакъ нельзя охватить разнообразныхъ экономическихъ отношеній, часто сплетающихся такимъ причудливымъ узоромъ. Несмотря на это, система Рикардо, созданная рукой гениального мастера, надолго подчинила себѣ экономическую мысль. «Послѣ Рикардо, говоритъ Тойнби, потребовалось 30—40 лѣтъ, пока экономисты научились провѣрять свои выводы на фактахъ и наблюденіяхъ» (см. Промышленный переворотъ въ Англіи, стр. 219). Кстати сказать, абстрактно-дедуктивный методъ изслѣдованія Рикардо широко примѣнялся Марксомъ, который находился подъ сильнымъ влияніемъ Гегеля. Правда, Марксъ не чуждался и исторического, индуктивного метода; въ видѣ примѣра можно указать на его блестящія характеристики англійского хозяйства; но вообще въ теоріи онъ былъ удивительно абстрактенъ и сколастиченъ. По своей методологіи Марксъ вполнѣ принадлежалъ къ старой школѣ¹⁾.

Другой выдающійся представитель классической школы Мальтусть въ своемъ извѣстномъ трудѣ сдѣлалъ опытъ примѣненія индуктивного

¹⁾ Ср. характеристику дедукцій Рикардо, сдѣланную Штольцманомъ.—Die soziale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre, Berlin 1896, S. 36.

метода. Свой знаменитый законъ о народонаселеніи онъ обосновывалъ отчасти на наблюденіи надъ царствомъ живыхъ существъ вообще, а отчасти на статистическихъ данныхъ. Извѣстно, что, готовя свое второе изданіе „Опыта“ (въ 1803 г.), Мальтусъ предпринялъ специальное путешествіе по различнымъ европейскимъ странамъ для освѣщенія вопроса о приростѣ населения и для личного знакомства съ экономическими бытомъ тѣхъ и другихъ народовъ.

Опять закона о народонаселеніи распадается на двѣ части—въ первой, основанной на фактахъ естественно-историческихъ, устанавливается законъ народонаселенія; вторая часть представляетъ приложеніе этого закона къ явленіямъ соціальной жизни. Въ первой части Мальтусъ пользуется индуктивнымъ методомъ или, лучше сказать, методомъ наблюденія. У Мальтуса это наблюденіе носило общий случайный характеръ. У него еще имѣть сознанія необходимости строго научного, критического наблюденія, основанного на всестороннемъ изученіи наблюдаваемыхъ явлений, на ихъ группировкѣ и классификації. Помимо такого общежитейскаго наблюденія, Мальтусъ пользуется и некоторыми статистическими данными, также безъ критической проверки. Въ результатѣ авторъ впалъ въ ошибку постѣшнаго обобщенія. Узкое поле личнаго наблюденія и еще болѣе ограниченная сфера статистического изслѣдованія, не могли, конечно, привести къ общимъ достовѣрнымъ положеніямъ. Законъ, формулированный Мальтусомъ съ математической точностью, въ действительности, при болѣе строгой проверкѣ его, обнаружилъ свой абстрактный характеръ. Такимъ образомъ, этотъ экономистъ сдѣлалъ попытку индуктивного построенія теоріи, но она оказалась неудачной въ виду отсутствія строго научнаго наблюденія. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать того, что въ основѣ закона Мальтуса лежитъ вѣрное наблюденіе, только ему была придана несоотвѣтствующая форма. Несомнѣнно, приростъ населения совершается быстрѣе возрастанія средствъ существованія, въ силу чего въ мірѣ живыхъ существъ идетъ постоянная борьба за существованіе. Этотъ фактъ борьбы, вѣрно подмѣченный, и лежитъ въ основѣ „Опыта о законѣ народонаселенія“. Попытка установить для этого явленія точный законъ, выраженный въ математической формѣ, потерпѣла полную неудачу. Основная, главная причина этого—недостатокъ всестороннаго, строго научнаго наблюденія. Ошибки Мальтуса сплошь заключались въ томъ, что онъ обобщеніемъ изъ экономической исторіи Англіи и Америки придалъ характеръ общихъ незмѣнныхъ законовъ народнаго хозяйства. Выводъ, добытый путемъ

такой недостаточной индукции, Мальтусъ вынесъ за предѣлы пространства и времени и придалъ ему абсолютное значение. Въ своемъ дальнѣйшемъ изложениѣ закона о народонаселеніи Мальтусъ держался дедуктивнаго метода. Основной продиосылкой здѣсь являлся его законъ, стъ точки зрѣнія котораго и рассматриваются отдѣльныя стороны соціальной и экономической жизни¹⁾.

Ни Ад. Смитъ, ни Рикардо, ни Мальтусъ — эти три столпа классической экономіи,—не зналъ методологіи, какъ теоретической проблемы. Спустя нѣкоторое время послѣ появленія ихъ великихъ творчествъ, возникла методологическая проблема.

Естественно, что впервые она была поставлена въ той странѣ, которая была колыбелью политической экономіи — въ Англіи. Первыми исследователями метода политической экономіи были также англійские экономисты. Обаяніе Рикардо послужило причиной того, что такъ называемые эпигоны классической школы въ своихъ методологическихъ возварѣніяхъ всецѣло подчинились этому великому экономисту. На первомъ мѣстѣ здѣсь нужно поставить талантливаго послѣдователя смитовской школы Дж. Ст. Милля. Точка зрѣнія Милля на методъ политической экономіи выясняется въ его трудѣ *Essays on some unsettled questions*, въ статьѣ *Definition and Method of Political Economy* и въ послѣдней книжкѣ его Логики (логика духовныхъ наукъ). По мнѣнію Милля, политическая экономія абстрактная наука съ априорнымъ методомъ (*an abstract science and its method a priori*). Онъ считаетъ этотъ методъ единственно возможнымъ — *it is the only mode*. Опытные методы непримѣнны къ познанію законовъ соціальныхъ явлений въ виду сложности послѣднихъ, а съ другой стороны въ виду недоступности эксперимента²⁾.

Такимъ образомъ Дж. Ст. Милль ясно и опредѣленно высказывается, что политическая экономія должна пользоваться исключительно

¹⁾ Интересенъ взглядъ Gans-Ludassy на методъ Мальтуса: Seine Methode ist zwar noch eine im Wesentlichen deductive, aber ihre Form ist durch erfahrungsmässige Ermittlungen derart erfüllt, dass sie sich sehr der inductive nähert. Нѣсколькими строками ниже методъ Мальтуса уже опредѣляется, какъ „im Grunde nur inductiv“ (S. 119). Въ концѣ концовъ, читатель все-таки остается въ невѣдѣніи относительно того, какого же метода держался Мальтусъ — дедуктивнаго или индуктивнаго? Повидимому, Gans-Ludassy не уловилъ ясно разницу въ методологической точкѣ зрѣнія между двумя частями „Опыта“.

²⁾ Дж. Ст. Милль, Система логики, пер. подъ ред. Лаврова, т. II, стр. 454, ср. стр. 474. По изд. 1865 г.

дедуктивнымъ методомъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ не изгоняетъ и эмпирическаго метода, который, по его мнѣнію, является обратной индукціей. Между индукціей и дедукціей нѣтъ противоположности; первая представляетъ изъ себя только особый видъ второй. У него дедуктивный методъ состоитъ изъ трехъ процессовъ: 1) прямого наведенія (индуктивный процессъ), 2) умозаключенія и 3) проверки¹⁾). Обращаясь къ „Основаніямъ политической экономіи“, мы находимъ тамъ примѣненіе индуктивного и дедуктивного методовъ; правда, сфера примѣненія первого очень ограничена. Тѣмъ не менѣе даже исключительное пользованіе методомъ наблюденія привело Дж. Ст. Милля къ признанію такихъ фактovъ въ экономической жизни, которые совершенно игнорировались предшествовавшими экономистами, стоявшими на отвлеченной точкѣ зрѣнія. Такъ, напримѣръ, Милль подробно указалъ на значеніе обычая въ дѣлѣ ограниченія соперничества. Ихъ были подмѣчены тамъ явленія, которыхъ совершенно противорѣчили общимъ законамъ классической экономіи. Съ точки зрѣнія этихъ законовъ целью допустить совмѣстного существованія двухъ различныхъ цѣнъ на одномъ и томъ же рынке; наоборотъ, Дж. Ст. Милль доказываетъ ясно, что въ дѣйствительности на одномъ рынке существуютъ десятки различныхъ цѣнъ, единственно подъ влияниемъ привычки. Въ вопросѣ о рентѣ, аграрномъ законодательствѣ, въ учениіи о нравшательствѣ государства у Милля встрѣчается не мало такихъ замѣчаний, которыхъ могли явиться, какъ результатъ наблюдений и изученія современной и исторической дѣйствительности. Кроме того, онъ требовалъ еще утвержденія дедукціи путемъ проверки ея фактическими данными. Изъ этого видимъ, что у Милля замѣчалось стремленіе стать на путь наблюденія, но влияние великихъ предшественниковъ было такъ сильно, что онъ не пошелъ дальше такихъ отдельныхъ попытокъ. И заслуга Милля лежитъ скорѣе въ прошломъ, а не въ будущемъ. Онъ является передъ нами, какъ талантливый систематизаторъ всего того, что было сдѣлано классической школой. Необходимо еще упомянуть, что въ вопросѣ о методѣ у Милля замѣчается нѣкоторая неопределенность воззрѣній. Въ началѣ своей ученої дѣятельности онъ ясно и точно высказался за дедуктивный, абстрактный методъ для политической экономіи. Вносятъ въ расширеніе самое понятие дедуктивного метода, включивъ туда и индукцію. При такомъ воззрѣніи самъ собой отпадаетъ вопросъ о томъ

¹⁾ Дж. Сп. Милль, Система логики, стр. 517.

или другомъ методѣ. Сияние индуктивнаго и дедуктивнаго метода и. одинъ само собой прекращаетъ споръ о томъ, какой методъ преимущественно должна употреблять политическая экономія.

Несмотря на такое измѣненіе первоначальной точки зрѣнія, Дж. Ст. Мильлъ долженъ быть причисленъ къ экономистамъ, примѣнившимъ преимущественно абстрактно-дедуктивный методъ.

Болѣе послѣдовательно абстрактно-дедуктивный методъ былъ проведенъ двумя другими англійскими экономистами Сеніоромъ и Кэрлсомъ. Первый причислялъ политическую экономію къ наукамъ чисто дедуктивнымъ. Вся она можетъ быть построена на основаніи школьніхъ общихъ предпосылокъ. При этомъ Сеніоръ утверждалъ, что всея выводы не имѣютъ гипотетического характера, но вполнѣ соответствуютъ дѣйствительнымъ явленіямъ. Въ политической экономіи не должно быть мѣста другимъ фактамъ, кроме указанныхъ имъ общихъ положеній.

Въ лицѣ Сеніора предъ нами экономистъ въ полномъ смыслѣ слова абстрактно-дедуктивного направлѣнія. Всѣ предшествующіе экономисты, хотя въ незначительной дозѣ, но давали мѣсто наблюденію. Въ ихъ произведенияхъ нерѣдко пробивалась жизнь съ ся непосредственными требованиями, запросами, и они сами не сторонились отъ нихъ. Не то мы видимъ у Сеніора. Онъ ясно и опредѣленно утверждаетъ значеніе окружающей его дѣйствительности, и гордо заявляютъ, что можетъ построить свою систему, только опиряясь на одиними общими положеніями. Здѣсь вполнѣ сознательно на мѣсто наблюденія ставится пустая абстракція, при чемъ самъ Сеніоръ вѣрить въ ея соответствие дѣйствительности. Въ системѣ названнаго экономиста смитовская абстрактно-дедуктивная школа дошла до своихъ крайнихъ предѣловъ.

Рядомъ съ нимъ нужно поставить и другого болѣе позднѣйшаго англійского экономиста Кэрлса, который также является чистымъ дедуктивистомъ. Онъ также опредѣленно утверждаетъ, что въ политической экономіи нѣтъ мѣста для индукціи: „экономистъ имѣть дѣло съ изученіемъ конечныхъ причинъ, и такимъ образомъ онъ сразу начинаетъ свое изслѣдованіе съ положеній, для получения которыхъ естествоиспытатель затрачиваетъ многіе годы трудолюбивыхъ изысканій“¹⁾.

¹⁾ Исторія, Исторія полит. экономіи, изд. второс, пер. Микланскаго 1897 г. стр. 219.

Кэрнсъ совершиенно отрицалъ необходимость провѣрки дедуктивныхъ выводовъ фактами, что признавалъ еще Милль. По его мнѣнію, „экономические законы, добытые дедуктивнымъ путемъ, но могутъ быть опровергнуты ни статистической, ни какой другой документальной очевидностью“ ¹⁾.

Отличіе Кэрнса отъ Сеніора заключается въ томъ, что первый придавалъ экономической наукѣ характеръ гипотетический, абстрактный. На этомъ основаніи онъ и утверждалъ, что экономические законы не могутъ быть черезъ посредство фактовъ ни обоснованы, ни опровергнуты. Между тѣмъ Сеніоръ признавалъ политическую экономію за вполнѣ точную реальную науку. У него экономические законы, „несмотря на всю ихъ абстрактность, вполне соответствуютъ действительности“. Такимъ образомъ смитовское направление въ лицѣ своихъ двухъ крайнихъ представителей пришло къ диаметрально противоположнымъ выводамъ, примѣняя одинъ и тотъ же абстрактно-дедуктивный методъ. У одного политическая экономія стала вѣвъ жизни, у другого она являлась, несмотря на свой абстрактный характеръ, точнымъ выражениемъ живой дѣйствительности.

Послѣдующимъ экономистамъ предстояло разрѣшить это логическое противорѣчіе. Естественнѣе всего имъ было обратиться къ изслѣдованию метода, примиравшагося классической школой.

Необходимо еще сказать нѣсколько словъ объ экономистахъ смитовского направления въ другихъ странахъ. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить французскихъ экономистовъ Ж. Б. Са и Бастіа. Это—континентальные популяризаторы идей смитовской школы. Методъ ихъ тотъ же абстрактно-дедуктивный, что и англійскихъ экономистовъ. Они не ставили вопроса о методѣ, а только популяризовали и пропагандировали идеи классической школы. Поэтому ихъ труды не имѣютъ никакого значенія въ исторіи метода политической экономіи. Нѣмецкій послѣдователь смитовизма Рау также не вноситъ ничего существенно нового въ вопросъ о методѣ. Правда, у него проскальзываѣтъ мысль о значеніи опыта въ томъ мѣстѣ, где онъ говоритъ, что хозяйственныя принципы должны быть выведены изъ опыта. Всѣ экономическія положенія необходимо провѣрить на основаніи данныхъ опыта ²⁾). Но систематического примѣненія эта мысль не имѣла у него. Продолжая написаніемъ своего курса чисто практическій цѣли, Рау

¹⁾ Ингромъ, стр. 220. Gans-Ludassy называетъ образно Кэрнса—Гобесниромъ дедуктивного метода. *System der ökonomischen Methodologie*. Jena 1899, S. 117.

²⁾ *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*. Bd. I, S. 10.

сообщаетъ въ немъ не мало статистическихъ и географическихъ свѣдѣній. Такимъ образомъ его система не носить такого отвлеченнаго характера, какъ системы англійскихъ экономистовъ; но это было вызвано не требованиями методологіи, а чисто практическими цѣлями. Рау—практикъ; этой практикѣ онъ внесъ и въ свой курсъ.

Съ ходомъ времени, въ особенности съ развитіемъ естествознанія, съ утратой философіей своей гегемоніи начали пробиваться новые вѣянія и въ политической экономії. Выше мы указывали, что въ до-смитовскихъ экономистовъ встрѣчались попытки дать болѣе широкое примѣненіе методу наблюденія (Ють), появлялись экономисты съ такимъ направленіемъ и въ послѣ-смитовскій періодъ. Послѣ того какъ нѣсколько ослабѣло первое впечатлѣніе отъ великихъ твореній классической тріады (Ад. Смита, Мальтуса и Рикардо), изъ среды экономистовъ начали раздаваться голоса въ защиту метода наблюденія, сначала слабые и неувѣренные, но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе настойчивые и болѣе сильные.

Болѣе или менѣе систематическую критику абстрактно-дедуктивнаго метода мы находимъ у Ричарда Джонса. Отдельныя замѣчанія встрѣчались у болѣе раннихъ писателей; напр., у Уэтла, настаивавшаго на томъ, что въ ученіи о хозяйствѣ не должно удаляться отъ дѣйствительности¹⁾; у Лонг菲尔да, который еще въ 1835 г. предупреждалъ отъ увлеченія экономическими абстракціями, говоря: „мы не должны слишкомъ много довѣрять абстракціи въ политической экономіи“²⁾). Джонсъ совершенно ясно высказалъ многое изъ того, что было впослѣдствіи провозглашено нѣмецкой исторической школой. Всѣ его выводы основываются на всестороннемъ наблюденіи современной и исторической дѣйствительности. О роли метода наблюденія въ политической экономіи онъ такъ выражается: „если мы желаемъ познакомиться съ политической экономіей и съ тѣми способами, посредствомъ которыхъ различныя націи на землѣ производятъ и распредѣляютъ свои доходы, то мнѣ представляется, что мы можемъ достигнуть желаемаго только единственнымъ путемъ: мы должны смотрѣть и видѣть. Мы должны добиваться ясно и всестороннею пониманія фактовъ, если хотимъ получить принципы, дѣйствительно всеобъемлющіе. Если мы построимъ наше изслѣдованіе по иному методу, если, ограничившись незначительнымъ наблюденіемъ, станемъ

¹⁾ Gans-Ludassy, выше цит. соч., S. 115.

²⁾ Инграмъ, стр. 201.

удовлетворяться только установлениемъ общихъ принциповъ, съ нами можетъ произойти двойная бѣда. Во-первыхъ, то, что мы сочтемъ за общий принципъ, зачастую не будетъ имѣть никакого общаго значенія, и мы, такимъ образомъ, признаемъ за универсальные истини такія предположенія, которые при дальнѣйшемъ развитіи науки нерѣдко должны будемъ признать ошибочными. Во-вторыхъ, мы упустимъ изъ виду огромную массу полезныхъ свѣдѣній, которая неизбѣжно будутъ замѣчены всѣми, кто стремится установить начала въ своей наукѣ только послѣ исчерпывающаго изученія фактовъ, необходимо встрѣчающихся въ изучаемой области¹⁾). Въ этихъ словахъ ясно и точно опредѣлены основные пункты индуктивной методологіи. Наблюденію надъ дѣйствительной жизнью выставляется Джонсомъ, какъ единственно вѣрный путь къ наученію экономическихъ отношеній. Ясное и всестороннее пониманіе фактовъ—вотъ цѣль, которую долженъ преслѣдоватъ экономистъ. Этимъ ниспровѣргается старая экономическая наука, вращавшаяся въ области абстракцій и совершенно игнорировавшая живую дѣйствительность; наносится смертельный ударъ абстрактному, отвлеченному методу, сознательно чуждавшемуся жизни. Мало того, Джонса не удовлетворяетъ и индукція, построенная на недостаточномъ наблюденіи, какую мы, напр., видѣли у Мальтуса. Онъ требуетъ всестороннаго исчерпывающаго изученія фактовъ, ограниченное же наблюденіе мало чѣмъ отличается отъ абстракцій. Такимъ образомъ, Джонсъ не только точно опредѣлилъ значеніе метода наблюденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно и опредѣлило указалъ на существенные признаки его, безъ которыхъ индуктивный обобщеній не будутъ стоять выше гипотетическихъ абстракцій. Кстати сказать, свои теоретическія возврѣнія на методъ Джонсъ проводилъ на практикѣ. Въ своемъ трудѣ *Essay on the Distribution of Wealth and the sources of Taxation* (1831) онъ далъ блестящій анализъ тѣхъ называемыхъ крестьянскихъ рентъ на основаніи всестороннаго изученія современной и исторической дѣйствительности. Джонсъ различаетъ четыре вида крестьянскихъ рентъ: 1) ренту рабскую, 2) ренту половническую, 3) ренту районную (индійскихъ крестьянъ) и 4) ренту коттеровъ. Этой классификацией воспользовался впослѣдствіи Дж. Ст. Милль. Между прочимъ Джонсъ обратилъ вниманіе на значеніе обычая при установлѣніи размѣра ренты. Эта мысль также была воспринята и болѣе подробно развита Миллемъ.

¹⁾ Иагромъ, стр. 203—204.

Джонсу не чужда была и историческая точка зрењія. Онъ признавалъ существование различий въ экономической жизни общества въ зависимости отъ условий пространства и времени. Этотъ англійскій экономистъ обращалъ вниманіе на принципъ развитія въ его примѣненіи къ народному хозяйству. Отсюда онъ не допускалъ возможности перенесенія обобщеній, взятыхъ изъ жизни одной страны, въ другую, стоящую на низшей ступени развитія. Эта общая характеристика интересныхъ воззрѣній на методъ Джонса ясно показываетъ, что они во многихъ отношеніяхъ приближаются къ воззрѣніямъ на методъ, провозглашеннымъ исторической школой. Этотъ незаслуженно забытый экономистъ высказывалъ по существу тѣ методологическіе принципы, которые были позже послѣдовательно развиты и подробно обоснованы представителями исторического направления.

Рядомъ съ Джонсомъ нужно поставить французскихъ писателей Сисмонди и Дюнойз, которые также опредѣлено высказывались за методъ наблюденія, въ особенности послѣдній изъ нихъ. Сисмонди въ предисловіи къ своему извѣстному труду „Нouveaux Principes“ такъ выражается о значеніи изученія фактовъ для политической экономіи¹⁾: „Depuis plus de quinze ans que j'avais écrit sur la Richesse commerciale, j'avais très peu lu de livres d'économie politique, mais je m'avais assé d'étudier les faits. Quelques-uns m'avaient paru rebelles au principe que j'avais adopter“. Здѣсь Сисмонди ясно указывается на то громадное значеніе, какое можетъ имѣть для экономической теоріи изученіе фактовъ. Еще яснѣе свою точку зрењія на методъ, французский экономистъ опредѣляетъ въ томъ мѣстѣ, где онъ упраекаетъ А. Смита въ априорномъ изобрѣтеніи теоріи, къ которой насильно пристегивались потомъ факты. По мнѣнію же Сисмонди, политическая экономія наука экспериментальная и можетъ основываться только на исторіи и на тщательномъ наблюденіи фактівъ²⁾). Ученики Ад. Смита пошли еще дальше по пути абстракцій; они совершенно упустили изъ вида человѣка, которому принадлежитъ богатство. Наука въ ихъ рукахъ настолько стала спекулятивной, что, казалось, совершенно освободилась отъ всякой практики³⁾.

Въ самомъ труде Сисмонди мы находимъ не мало доказательствъ

¹⁾ *Simonde de Sismondi, Nouveaux Principes d'Economie politique et de la Richesse dans ses rapports avec la population.* Paris 1827, t. I, pp. XX—XXI.

²⁾ Sismondi, p. 47.

³⁾ Ibid., p. 55.

пользовалія имъ методомъ наблюденія; напр., въ вопросѣ о формахъ труда, о мелкомъ землевладѣніи и пр. Нѣкоторыя его критическія замѣчанія на законы, установленные классической школой, взяты изъ наблюденія надъ живой дѣйствительностью; напр. его возраженія на законъ равенства прибылей, на законъ ренты Рикардо.

Еще болѣе ясно на значеніе индуктивного метода указалъ другой французский экономистъ Дюнойзъ. Онъ прямо высказывается за то, чтобы научные выводы опирались на данныя наблюденія и опыта (*de l'observation et de l'expérience*). *Rechercher expérimentalement*—вотъ основной принципъ его методологии⁴⁾. Авторъ нѣсколько разъ указываетъ на то, что его работа есть результатъ наблюдений (*en donnant le résultat de mes observations*), что его методъ—тотъ, который примѣняютъ во всѣхъ опытныхъ наукахъ (*celle qu'on suit dans toutes les sciences d'observation*, p. 18).

Дюнойзъ самъ сознавалъ новизну и значеніе этого метода, почему и закончилъ свое предисловіе такими словами: „Quand je n'aurais fait dans cet ouvrage qu'ouvrir aux études politiques une nouvelle voie, que leur imprimer une direction un peu plus sûre, que montrer un peu plus clairement le but où il s'agit d'arriver et les moyennes que nous avons de l'atteindre, je serais loin d'avoir perdu mon temps“ (pp. 21—22). Интересно, что у Дюнойзъ замѣчается сознаніе тѣсной связи экономическихъ отношеній съ другими сторонами общественной жизни, какъ-то—моральной и политической. Онъ даже склоненъ возвести экономію на ступень общей науки объ обществѣ, т. е. сдѣлать ее тѣмъ, что теперь известно подъ именемъ соціологии.

Характеристика методологии Джонса, Симонда и Дюнойзъ показываетъ, что среди представителей смитовской школы уже начало создаваться теченіе, критически относившееся къ абстрактно-дедуктивному методу. Оно выдвигало на первый планъ методъ наблюденія и требовало его примѣненія въ области экономическихъ исследованій. Въ виду того, что отдельные голоса, раздававшіеся въ защиту индуктивного метода, не объединились подъ однимъ общимъ знаменемъ, не выработали общихъ точекъ зрения и действовали каждый на свой собственный страхъ и рискъ, они и не могли оказать замѣтнаго вліянія въ исторіи экономической методологии. Ихъ воззрѣнія прошли почти бесследно для усовершенствованія метода политической экономіи; прослѣдуемую ими задачу взяло на себя новое направление экономи-

⁴⁾ Ch. Dunoyer, *De la Liberté du travail*. Paris 1845, t. I, p. VII.

ческой мысли, которое успѣло довести дѣло до конца и такимъ образомъ произвело глубокій переворотъ въ области нашей методологии.

ГЛАВА II.

Методология исторической школы.

Родиной исторического метода была Германія. Вообще нужно сказать, что страна философовъ не поддалась обаянію абстрактно-дедуктивной экономіи. Если выключить предшествующихъ экономистовъ въ родѣ Крауса, Сарторіуса, Лотца, Якоба и др., которые въ большинствѣ случаевъ являлись простыми истолкователями Ад. Смита, то болѣе талантливые нѣмецкіе экономисты, какъ напр., Рау, Германнъ и въ особенности Тюненъ, заняли довольно самостоятельную позицію по отношенію къ англійской школѣ. О методѣ Рау мы уже выше говорили; что касается метода Германна, то и у него замѣчается некоторое существенное отступленіе отъ основныхъ предпосылокъ смитіанизма. Такъ онъ ставить наравнѣ съ эгоизмомъ, какъ однимъ изъ хозяйственныхъ мотивовъ дѣятельности, въ духъ общественности. Этимъ Германнъ ниспровѣргаетъ одну изъ наиболѣе важныхъ методологическихъ предпосылокъ классической экономіи.

Еще болѣе отступаетъ отъ метода классической школы Тюненъ, этотъ глубоко оригинальный экономистъ, одаренный прямо творческимъ воображеніемъ. Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Изолированное государство“ огнь обнаруживаетъ рѣдкую способность къ точному наблюденію. Занятіе сельскимъ хозяйствомъ развило въ немъ эту способность. Къ тому же онъ наслѣдовалъ вопросы, такъ хорошо знакомые ему изъ практики. Помимо метода наблюденія, Тюненъ еще примѣнялъ и методъ изолированной абстракціи. Въ чёмъ онъ состоитъ, мы скажемъ ниже, такъ какъ этотъ методъ сближаетъ его съ австрійской школой.

Въ явную оппозицію абстрактно-дедуктивному методу смитовской школы стали въ Германіи два писателя А. Мюллеръ и Фр. Листвъ, хотя они, собственно говоря, и не создали новой методологии. Ихъ значеніе въ исторіи методологіи скорѣе чисто отрицательное: они своей критикой значительно расшатали стройное зданіе классической экономіи, начавшее къ этому времени давать уже трещины. А. Мюллеръ выступилъ съ критикой механическаго, атомистического и материалистического представлений Смитовской школы объ обществѣ. Смитіанізмъ,

выдвигая частный интерес, совершенно игнорировал народную жизнь въ ея национальной солидарности и исторической преемственности. Мюллеръ обращалъ особенное вниманіе на то, что хозяйство есть только одна сторона народной жизни, и потому ее необходимо привести въ связи съ высшими цѣлями общества. Изъ этихъ бывшихъ замѣчаній видно, что у Мюллера вполнѣ ясно опредѣлилась соціально-историческая точка зреія. Отъ признанія такой точки зреія не-далекъ былъ шагъ къ замѣтѣ абстрактно-дедуктивного метода истори-ческимъ, соціологическимъ методомъ.

Воззрѣнія Фр. Листа сложились подъ сильнымъ вліяніемъ взглядовъ Ад. Мюллера. Значеніе перваго экономиста въ области методологіи больше, чѣмъ значеніе второго. Заслуга Фр. Листа заключается въ томъ, что онъ выдвинулъ принципъ развитія экономической жизни и его значеніе, а затѣмъ мы у него находимъ широкое пользованіе для своихъ теоретическихъ выводовъ наблюденіемъ надъ современ-ной и исторической действительностью. Фр. Листъ практически въ своемъ изслѣдованіи показалъ значение метода наблюденія.

Такимъ образомъ, въ средѣ самихъ экономистовъ подготовлялся поворотъ въ области экономической методологіи. Еще въ большей степени оказалось здѣсь свое вліяніе и развитіе другихъ наукъ—философіи, соціологіи и естествознанія.

Философія пь лицъ Шеллинга и сице больше Гегеля авторитетно выдвинула идею развитія. „Все течетъ“, эта фраза древняго Гераклита стала теперь догматомъ руководящей философіи. Идея міровой эволюціи со страницъ философскихъ трактатовъ перешла въ естественнонауч-ные и соціологические изслѣдованія.

Безъ сомнѣнія, эволюціонизмъ Шеллинга и въ особенности Гегеля должны были оказать большое вліяніе на идею исторической школы о развитіи народнаго хозяйства, точно такъ же, какъ онъ оказалъ по-добное же вліяніе и на естественные науки. Центральное понятіе этой школы обѣ относительности экономическихъ формъ и законовъ зародилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ идеи развитія, прони-кающей собою всю міровую жизнь ¹⁾.

Рядомъ съ этимъ пробивалась свѣжая струя и въ довольно затхлую

¹⁾ О влияніи критической философіи на политко-экономическія направленія говорить между прочимъ проф. Шмидлеръ въ своей рѣчи при вступлениі на долж-ность ректора Берлинскаго университета—Über einige Grundfragen der Socialpolitik und der Volkswirtschaftslehre. Leipzig 1898, S. 333.

атмосферу обществовѣдѣнія. Въ началѣ XIX вѣка складывается историческая школа права Савиньи и Пухты съ основной своей идеей органическаго и національного развитія права. Эта школа оказала свое влияніе и на историческое направленіе въ политической экономіи. На это намекаетъ самъ Рошеръ въ словахъ: „diese Methode will für die Staatswirtschaft etwas Ähnliches erreichen, was die Savigny-Eichhornsche für die Jurisprudenz erreicht hat“ ¹⁾.

На нашъ взглядъ, это влияніе было чисто вѣнтильное. Школа Савиньи, обративъ вниманіе на историческія измѣненія права и выдвинувъ принципъ его развитія, дала толчокъ въ соотвѣтствующемъ направлениіи и экономической мысли; тѣмъ болѣе, что оба эти направленія возникли въ Германіи и историческое направленіе въ политической экономіи позднѣе.

Разработка психологіи показала всю несостоительность старого представленія объ экономическомъ человѣкѣ съ личнымъ интересомъ, какъ главнымъ мотивомъ хозяйственныхъ дѣйствій.

Наконецъ, не остались безъ влиянія на методологію общественныхъ наукъ и устїхи естествовѣдѣнія, широко примѣнявшаго методъ наблюденія. Значеніе этого обстоятельства можно иллюстрировать на научной дѣятельности Кетле. Будучи по специальности математикомъ и натуралистомъ, Кетле возволь статистику на степень точной науки. Онъ прямоставилъ задачей своей научной дѣятельности примѣненіе въ изученію общественныхъ явлений того пріема точнаго изслѣдованія, которымъ пользовались естественные науки. Задача эта хорошо выражена въ эпиграфѣ къ его главному сочиненію: *Sur l'homme et le d閙veloppement des ses facult閑s ou essais de physique sociale* (Paris 1835 г.): „примѣніемъ къ политическимъ и моральнымъ наукамъ, методъ, основанный на наблюденіи и вычислѣніи, методъ, оказавшій столь добрыя услуги въ естественныхъ наукахъ“ (*Appliquons aux sciences politiques et morales la m閎thode fondée sur l'observation et le calcul, m閎thode, qui nous a si bien servi dans les sciences naturelles*).

Вся эта совокупность разнообразныхъ причинъ и условій должна была разрушить методологіческія предпосылки старой англійской экономіи, а выѣтѣсть съ тѣмъ и самый ея методъ.

Необходимо здѣсь коснуться того влиянія, которое оказалъ О. Конть

¹⁾ Roscher, Grundriss, S. V. Менгеръ не признаетъ за школой Савиньи никакъ за историческое направление политической экономіи. Исследованія о методѣ соціальныхъ наукъ и политической экономіи, кн. IV, гл. III.

на методологію політическої економії. Хотя и нельзя устамовить непосредственного впливу контовських ідей на первыхъ основателей исторической школы въ политической экономії, какъ это прямо утверждалъ одинъ изъ нихъ (Кицисъ¹⁾), тѣмъ не менѣе ідеи французского мыслителя, оказавъ огромное вліяніе на всю область соціальныхъ наукъ, посредственно отразились и на методології послѣдователей историковъ экономистовъ. Основные принципы позитивизма, имѣвшіе большое значение для политической экономії, сводились къ слѣдующему: 1) невозможно создать истинную теорію хозяйственного быта отдельно отъ всѣхъ другихъ сторонъ жизни; 2) по отношенію къ хозяйственному фактору, какъ и по отношенію къ другимъ соціальнымъ элементамъ, нужно применить, помимо статической, динамическую точку зреянія, т. е. теорія должна являться ученіемъ о послѣдовательныхъ фазахъ экономического развитія и, наконецъ 3) необходимо оставить мысль о возможности построенія абсолютной и универсальной теоріи народного хозяйства.

Государственные принципы были выставлены и въ методологіи исторической школы. Кому принадлежитъ приоритетъ, для насъ здѣсь не важно, одно несомнѣнно, что у Конта эти принципы получили болѣе систематическое выраженіе, и что въ постѣдующей методологіи соціальныхъ наукъ они всегда связываются съ именемъ этого мыслителя.

Первый экономистъ, положившій начало историческому методу, былъ Вильгельмъ Рошеръ, который считается основателемъ исторической школы въ политической экономіи. Основные принципы этого метода изложены Рошеромъ въ его небольшомъ сочиненіи *Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirtschaft nach geschichtlicher Methode*.

Суммируя сказанное Рошеромъ, можно вывести слѣдующія четыре важныхъ положенія: во-первыхъ, изложеніе экономического быта должно идти въ тѣской связи съ другими соціальными науками, тѣ особенности съ науками права, государства и культурной исторіей; вторыхъ, для изслѣдованія народного хозяйства недостаточно одногонаблюденія надъ современными хозяйственными отношеніями, а необходимо изученіе болѣе раннихъ эпохъ; въ-третьихъ, изслѣдованию и сравненію въ экономическомъ отношеніи подлежать всѣ народы, о

¹⁾ Во второмъ изданіи (1883) Die Polit. Oekonomie Кнісс указываетъ на то, что, когда онъ писалъ свое изслѣдованіе въ 1852 г., „Позитивная философія Конта, шесть томовъ которой появилось въ промежутокъ времени съ 1830 по 1848, была совершенно неизвѣстна ему и по всейѣѣности и всѣмъ германскимъ экономистамъ“.

которыхъ мы можемъ что-нибудь знать,—особенно важно изученіе жизни древнихъ народовъ, закончившихъ уже циклъ своего развитія; иль-четвертыхъ, историческій методъ не допускаетъ ни порицаній, ни восхваленія экономическихъ учрежденій; мало было такихъ учрежденій, которыхъ были бы полезны или вредны для всѣхъ народовъ и на всѣхъ ступеняхъ развитія.

Такимъ образомъ, здѣсь уже опредѣленіо выражено мысль о развитіи народнаго хозяйства и о тѣсной связи его съ другими сторонами общественной жизни, и затѣмъ имѣется ясное указаніе на необходимость самого широкаго примѣненія историко-сравнительного метода къ изученію экономическихъ явлений.

Нельзя назвать основательнымъ замѣчаніе Рошера, что изученіе экономической жизни древнихъ народовъ имѣть для насы особенное значеніе. Эта точка зрѣнія была бы правильна только въ томъ случаѣ, если бы история слагалась не изъ прогрессивныхъ, а циклическихъ измѣненій. Какъ известно, Вико первый высказалъ мысль о круговоротѣ исторического развитія. Понятому, и самъ Рошеръ держится подобныхъ взглядовъ, но крайней мѣрѣ въ своей системѣ народнаго хозяйства онъ всегда различаетъ три периода въ истории каждого института—юность, зрѣлость и старчество¹⁾.

Посмотримъ, какого метода держится Рошеръ въ своей системѣ народнаго хозяйства. Въ отдѣлѣ о методахъ онъ указываетъ на то, что всякая соціальная наука должна отвѣтить на два вопроса: что есть и что должно быть? Для этого имѣются у нея два метода: 1) физиологический или исторический и 2) идеалистический. Отказываясь отъ изобрѣтенія идеаловъ, Рошеръ и не пользуется послѣднимъ методомъ. Свою теорію онъ называетъ анатоміей и физиологіей народнаго хозяйства²⁾.

Обращаясь къ методологическому анализу его основного труда, мы видимъ, что Рошеръ на практикѣ дѣлъ неудачное примѣненіе своего исторического метода³⁾. Его теоретическія воззрѣнія ничѣмъ существенно не отличаются отъ установленныхъ въ его эпоху экономическихъ воззрѣній. Въ своей системѣ Рошеръ, въ сущности говоря,

¹⁾ См. объ этомъ Kries, *Die Politische Oekonomie vom Standpunkt der geschichtlichen Methode*. 1853, гл. III, § 7.

²⁾ W. Roscher, *System der Volkswirthschaft. Grundlagen der Nationalökonomie*. Bd. I. 1880, SS. 23, 26.

³⁾ К. Менгеръ, Исследованія о методѣ соціальныхъ наукъ и политической экономии въ особенности. Пер. Гурьева, 1894, кн. IV, гл. III, § 3.

не отступасть отъ положеній, уже выработанныхъ старой школой. Что касается исторіи хозяйства, то и здѣсь Рошеръ не даль ничего цѣльного и систематического. Примѣненіе историческаго метода свѣлось у него къ яборо отрывочныхъ и разнообразныхъ примѣчаній историческаго характера, обнаруживающихъ въ авторѣ только необычайную эрудицію.

Этотъ методъ пристегнутъ чисто механически къ его теоретическимъ сужденіямъ. У него мы не видимъ проникновенія теоріи исторической точкой зрѣнія; исторія и теорія у него плохо приложены другъ къ другу; внутренней, органической связи между ними нѣть.

Слѣдовательно, основатель исторической школы, давъ теоретическое обоснованіе историческому методу, на практикѣ не сумѣлъ успѣшно примѣнить его. Подобное явленіе наблюдается и у другихъ экономистовъ и лишний разъ подтверждаетъ ту старую истину, что теорія одно, а практика—другое.

Славу основателя исторического направления въ политической экономіи раздѣляеть съ Ропшеромъ Карлъ Книсъ. Онъ обладалъ болѣе сильнымъ теоретическимъ умомъ, чѣмъ первый. Его книга—*Die Politische Oekonomie vom Standpunkt der geschichtlichen Methode* (1853) представляеть опись систематически развитой и обоснованной на политico-экономической почвѣ методологіи.

Справедливо говорить Ингрэмъ, что „это сочиненіе является самымъ полнымъ наложеніемъ и защитой историческаго метода въ его приложениі къ экономической наукѣ, самымъ систематическимъ и опредѣленнымъ провозглашеніемъ, по крайней мѣрѣ, съ логической стороны, идеи новой школы“ ¹⁾). Это дѣйствительный методологъ исторической школы.

Въ основѣ методологіи Книса лежитъ мысль, что какъ хозяйственныхъ условія общественной жизни, такъ и экономическая теорія есть результатъ исторического развитія, поэтому нѣть абсолютныхъ общихъ законовъ хозяйственной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть абсолютной универсальной теоріи. всякая теорія имѣть только относительное значеніе. Книсъ причисляетъ политическую экономію къ историческимъ наукамъ, она является, по его убѣждению, теоріей хозяйства ²⁾.

¹⁾ Ингрэмъ, выше цит. соч., стр. 292.

²⁾ В. Лентинский, Задачи и методы науки о народномъ хозяйстве. Ярославль 1890, стр. 139.

Естественно, что и методъ политической экономіи долженъ соотвѣтствовать такому пониманію политической экономіи, таковыемъ можетъ быть только методъ наблюденія, въ частности—историко-сравнительный методъ.

Въ своей методологической работе Кніесъ даетъ образцы примѣненія метода наблюденія вообще и въ частности метода историко-сравнительного въ тѣхъ мѣстахъ, где онъ рассматриваетъ вліяніе различныхъ условій территории на народное хозяйство; вліяніе времени на территорію, на капиталъ, вліяніе государственной власти, церкви на экономический строй и т. д.¹⁾.

Всѣ эти примѣры имѣютъ, собственно говоря, характеръ иллюстрацій къ теоретическимъ выводамъ и потому не могутъ представлять систематического и послѣдовательного опыта примѣненія историко-сравнительного метода.

Въ своихъ другихъ трудахъ по теоріи денежного обращенія и кредита Кніесъ больше примѣняетъ методъ абстрактно-дедуктивный, чѣмъ исторический. Такимъ образомъ, и этотъ экономистъ повиненъ въ томъ же самомъ грѣхѣ, что и В. Рошеръ.

Рядомъ съ Кніесомъ и Рошеромъ нужно поставить еще одного блестящаго экономиста—Бруно Гильдебранда, къ сожалѣнію, мало плодовитаго. Въ своемъ извѣстномъ труде—*Die National-Ökonomie der Gegenwart und Zukunft*, 1848, Bd. I, онъ показалъ себя глубокимъ и проницательнымъ экономистомъ; къ сожалѣнію, это прекрасное изслѣдованіе осталось безъ окончанія.

Задачу своей книги онъ видѣлъ въ томъ, чтобы проложить путь историческому методу и направлению въ национальной экономіи²⁾.

Для выполненія этой задачи онъ избралъ путь историко-критического изслѣдованія. Гильдебрандъ дастъ въ первомъ томѣ историко-критический обзоръ экономическихъ учений. Блестящая критика воззрѣній смитовской школы, романтической школы (А. Мюллеръ) и учения Фр. Листа съ одной стороны, а съ другой—критический разборъ коммунистическихъ и соціалистическихъ системъ выясняютъ основную точку зрения самого автора.

Эта точка зрения опредѣляется признаніемъ принципа развитія и органическимъ пониманіемъ общества; въ частности въ вопросѣ о методѣ авторъ высказывается за широкое примѣненіе историко-срав-

¹⁾ K. Knies, т. II: Конкретные условия исторической народного хозяйства.

²⁾ Br. Hildebrand, выше цит. соч., S. V.

нительного метода. Кстати сказать, у Гильдебранда увлеченье этимъ методомъ не переходитъ въ крайность и исторический методъ не вырождается въ просто описательный, какъ это можно замѣтить у некоторыхъ экономистовъ его направлений. У Гильдебранда есть склонность къ синтезу, къ обобщеніямъ. Для характеристики его съ этой стороны необходимо указать извѣстную его теорію о послѣдовательной смысли формъ народного хозяйства—натурального, денежнаго и кредитнаго.

Ропперъ, Кніпсъ и Гильдебрандъ принадлежать къ болѣе старому поколѣнію исторической школы.

Усвоивъ ихъ основную методологическую точку зреінія, болѣе молодые послѣдователи пошли дальше своихъ учителей. Они признали преждевременнымъ теоретическую разработку экономическихъ проблемъ: для этого слишкомъ мало исторического и статистического материала. Первая насущная задача экономистовъ—это накопленіе, какъ можно большее, фактическаго материала при посредствѣ тѣхъ эмпирическихъ методовъ, которые съ такимъ успѣхомъ примѣнялись въ естествознаніи. Слѣдуя этому призыву, рядъ болѣе или менѣе талантливыхъ ученыхъ принялъ за дѣятельное изученіе хозяйственной истории. Результатомъ этого идеяшаго увлеченія явилось множество монографій, детально осѣщавшихъ тѣ или другіе вопросы изъ исторіи народного хозяйства. Укажемъ лучшія изъ нихъ: Шмольера—*Unriss und Untersuchungen zur Verfassung-Verwaltung und Wirtschaftsgeschichte besonders des preuss. Staates*, Шталя—*Das deutsche Handwerk*, Бемерта—*Beiträge zur Geschichte des Zunftwesens*, Шанца—*Zur Geschichte der deutschen Gesellenverbände*, Вернера и др.

Само собой разумѣется, что эти послѣдователи экономического быта исключительно пользовались историко-сравнительнымъ и статистическимъ методомъ.

Крайніе сторонники этого направлениія не ограничились тѣмъ, что отложили разработку теоретическихъ вопросовъ политической экономіи на болѣе отдаленное время; но совершенно отказались отъ нея, поставивъ для политической экономіи чисто описательныя цѣли. Болѣе яркимъ выразителемъ этой крайней партіи является англійскій экономистъ Кеннингэмъ въ статьѣ *The relativity of Economic doctrine* въ *The Economic Journal*¹⁾. Извѣстный пѣменецкій экономистъ Брентало

¹⁾ M. Block, *Progrès de la science économique depuis A. Smith*, 2 éd. t. I, p. 39, ср. Gans-Ludassy, S. 196.

прімо заявили, что „теорія народного хозяйства должна быть замѣнена исторіей“¹⁾.

Экономисты этого направлениі ставили своей задачей изложение конкретныхъ, индивидуальныхъ фактівъ какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Они хотѣли превратить политическую экономію въ простое описание хозяйственныхъ явлений, сдѣлать изъ нея что-то въ родѣ экономической морфологии.

Не будемъ останавливаться на всѣхъ такихъ крайнихъ воззрѣніяхъ: они достаточно охарактеризованы въ этомъ общемъ замѣчаніи.

Для настъ представляеть большой интересъ анализъ методологическихъ воззрѣній проф. Шмольера, признанного главы новоисторической школы. Въ его воззрѣніяхъ на методологію можно отличать два периода—болѣе ранній и болѣе поздній; въ первомъ—онъ выступаетъ защитникомъ метода индуктивнаго; во второмъ—обоихъ методовъ. Такая перемѣна методологическихъ воззрѣній совершилась съ одной стороны подъ вліяніемъ общей разработки гносеологии и методологии, а съ другой—подъ вліяніемъ и австрійской школы, съ особыніемъ увлеченіемъ выдвигавшей значеніе абстрактнаго, додуктивнаго метода.

Сущность воззрѣній Шмольера на методологію сводится къ слѣдующему: при настоящемъ положеніи политической экономіи ей необходимо побольше собрать описательнаго матеріала. Чѣмъ соприкосновѣе описание, тѣмъ лучше будетъ и общая теорія, и наоборотъ, чѣмъ несовершенѣе описательная часть, тѣмъ больше теорія состоится изъ преждевременныхъ и сомнительныхъ обобщеній. Единственно правильный путь для того, чтобы придать точность политической экономіи—это увеличеніе наблюденій. Когда будетъ собранъ такимъ путемъ обильный матеріалъ, тогда только и возможна будетъ разработка теоріи. *Es ist keineswegs eine Vernachl ssigung der Theorie, sondern der notwendige Unterbau f r sie, wenn in einer Wissenschaft zeitweise  berwiegend descriptiv verfahren wird*²⁾.

Далѣе проф. Шмольеръ указываетъ и на значеніе абстракціи, на которой покоятся всякое мышеніе и знаніе; но для того, чтобы вѣрно абстрагировать, необходимы точныя научныя истины. Необходимо изслѣдованіе всѣхъ существенныхъ причинъ хозяйственныхъ явлений,

¹⁾ Лескіцкій, Задачи и методы науки о народномъ хозяйстве, стр. 125.

²⁾ Schmoller, Zur Methodologie der Staats- und Socialwissenschaften въ Jahrb cher f r G. 1883 г. Bd. 3, S. 241.

и только когда это будетъ достигнуто, тогда и возможно будетъ дѣлать дедуктивные выводы¹⁾.

Такимъ образомъ, насколько выясняется здѣсь точка зрѣнія Шмольера на методъ, она сводится къ признанію абстрактнаго, дедуктивнаго метода преждевременнымъ.

Пока политическая экономія должна пользоваться индуктивнымъ, описательнымъ методомъ; это первая подготовительная стадія изслѣдованія; въ затѣмъ уже, когда будутъ выяснены существенные причины экономическихъ явлений и будутъ установлены точныя научныя истины, тогда наступить время абстрактныхъ дедуктивныхъ методовъ. Иначе говоря, проф. Шмольеръ отодвигаетъ здѣсь примѣненіе абстрактнаго, дедуктивнаго метода *ad Calendas graticas*.

Въ послѣднемъ его капитальномъ трудахъ *Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre* указанная точка зрѣнія существенно измѣнился. Здѣсь берлинскій профессоръ ясно и опредѣленно указываетъ на необходимость примѣненія дедуктивнаго и индуктивнаго метода. При чёмъ на первомъ мѣстѣ онъ ставитъ дедуктивный методъ, безъ котораго „мы не дѣляемъ почти ни одного шага нашей научной мысли. Всякая наука стремится со временемъ стать по возможности дедуктивной“. *Der Drang aller Wissenschaft möglichst deductiv mit der Zeit zu werden*²⁾.

Дедукція въ политической экономіи можетъ пользоваться истинами, добытыми другими науками, напримѣръ, психологію. Въ случаѣ, если дедуктивный выводъ не согласенъ съ дѣйствительностью, или если не имѣется на лицо твердо установленныхъ положеній для объясненія фактическаго матеріала, тогда, говорить проф. Шмольеръ, мы обращаемся къ индукції. Такимъ образомъ, глава новоисториковъ отказывается отъ основныхъ принциповъ своей школы и пытается занять въ вопросѣ о методѣ среднюю позицію.

Желая оправдать себя въ глазахъ своихъ противниковъ, проф. Шмольеръ такъ облъсняетъ свою прежнюю точку зрѣнія: „тѣ, кто въ новѣйшей нѣмецкой экономіи выступали въ защиту индуктивнаго метода, возвставали не противъ дедукціи вообще, а противъ поверхности недостаточныхъ предпосылокъ, которыхъ, по ихъ убѣждѣнію, могли быть замѣнены болѣе точными принципами на основаніи лучше поставленнаго наблюденія. Они утверждали, что послѣдніе преемники

¹⁾ Schmoller, выше цит. соч., S. 244—245.

²⁾ Schmoller, *Grundriss*, I Theil, Leipzig 1900, S. 109.

англійской дедуктивной школы, какъ Менгеръ и Дитцель, слишкомъ ссызили область науки, додуцируя изъ одного или двухъ психологическихъ положений, или изъ принципа хозяйственности. Представители новоисторической школы настаивали па томъ, что можно дедуктивно заключать изъ твердо установленныхъ положений о причинной зависимости, а не изъ постулатовъ и копочныхъ цѣлей¹⁾.

Если бы новоисторики возставали противъ такихъ злоупотреблений дедуктивнымъ методомъ, то они были бы совершенно правы. Въ дѣйствительности это оказывается далеко не такъ. Свода политическую экономию къ исторіи народного хозяйства, представители этого направления исключительно говорили о статистическомъ, историко-сравнительномъ методѣ; методъ же дедуктивный изгонялся ими, какъ пустая абстракція.

Правда, проф. Шмольеръ, какъ мы видѣли, не впадалъ въ такую крайность; онъ только считалъ дедуктивный методъ при данномъ состояніи науки проклевременнымъ. Раньше у него на первомъ мѣстѣ стояла индукція, теперь дедукція. Эта измѣна проф. Шмольера основнымъ принципамъ методологии своей школы убѣдительно говорить за то, что методология ея была слишкомъ одностороння и для теоретической разработки экономическихъ проблемъ непригодна. Поэтому-то берлинский профессоръ при первой попыткѣ дать опытъ экономической теоріи вынужденъ былъ обратиться къ дедуктивному методу.

Рядомъ съ исторической школой въ духѣ разрушеній методологическихъ основъ классической школы дѣйствовалъ еще и такъ называемый научный соціализмъ. Родбертусъ, въ меньшей степени Марксъ и Лассаль, реалью подчеркнули корепиое различіе между историческими и чисто экономическими категоріями народного хозяйства. Этими были ниспровергнуты пернетуализмъ и абсолютизмъ старыхъ англійскихъ экономистовъ. Послѣдніе придали законамъ мѣнового капиталистического хозяйства абсолютное значеніе, между тѣмъ соціалисты справедливо видѣли въ капитализмѣ только одну изъ стадій въ развитіи народного хозяйства. Это принципіальное положеніе, имѣющее громадное значеніе для экономической теоріи, сначала не оказалось вліянія на ея методологію. Только впослѣдствіи, когда эта идея была воспринята и болѣе подробно обоснована Вагнеромъ и въ особенности Штольцманомъ, стало очевидно, какое значеніе она имѣеть для теоріи политической экономіи.

¹⁾ Schmoller, *Grundriss...*, S. 110.

Точное установление и разграничение экономическихъ и социальныхъ категорий стало ближайшей задачой теоріи народного хозяйства. Только такимъ путемъ можно опредѣлить тѣ элементы въ соціальной экономії, которые имѣютъ общее и универсальное значеніе, конечно, съ человѣческой точки зрѣнія, отъ тѣхъ элементовъ, которые отличаются чисто историческими и преходящими характеромъ. Само собой разумѣется, что это различие имѣетъ первостепенное значение въ области экономической политики, но это уже выходитъ за предѣлы нашего чисто методологического очерка.

ГЛАВА III.

Методология австрійской школы.

Крайности исторического направления, отожествлявшаго теорію съ исторіей народного хозяйства, должны были вызвать реакцію, которая и нашла себѣ выражателя въ лице профессора Вѣнскаго университета К. Монгера. Этотъ экономистъ подврѣзъ коренной переработкѣ методологію политической экономіи и явился основателемъ нового направления, известнаго подъ именемъ экзактъ-реалистического. Энитѣтъ реалистический присвоенъ представителями данного направления на томъ основаніи, что оно хочетъ прійти къ пониманію реальныхъ явлений, а энитѣтъ точный (экзактъ) потому, что для достиженія назначеннай цѣли имѣть примѣняется строгій и точный анализъ.

Зародыши методологии австрійской школы нужно искать значительно раньше. Между прочимъ изъ предшественниковъ Менгера по методу въ Германіи можно назвать Тюнена и Госсена. Первый въ своемъ классическомъ сочиненіи по экономіи сельского хозяйства далъ примѣръ блестящаго примѣненія метода такъ называемой изолированной абстракціи. Сущность этого метода заключается въ слѣдующемъ: Тюненъ дѣлаетъ предположеніе о существованіи государства, вполнѣ изолированнаго отъ всего остального міра съ территоріей въ формѣ круга. Въ этомъ государствѣ почва всюду одинаково плодородна, нѣтъ ни судоходныхъ рѣкъ, ни каналовъ; въ центрѣ находится одинъ большой городъ, который снабжаетъ всю страну фабричными издѣліями, получая въ обмѣнъ пищу и сырье. Все это гипотетическіе предпосылки для того, чтобы прослѣдить влияніе разстоянія на сельско-хозяйственную культуру различныхъ концентрическихъ полосъ, на которые распадается вся территорія изолированнаго государства. Само собой разумѣется, что авторъ не придаетъ этимъ

предположеніемъ реальнаго значенія. Они необходимы только для того, чтобы можно было выдѣлить и обоснованно разсмотреть влініе мѣстоположенія на сбытъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Этотъ методъ изолированной абстракціи напоминаетъ собой экспериментъ въ естественныхъ наукахъ. Только тамъ изоляція извѣстнаго явленія для изученія совершается въ конкретной дѣйствительности, здѣсь же въ умѣ изслѣдователя, при чёмъ какъ тамъ, такъ и адѣсь условія, могущія затѣмъять дѣйствіе изслѣдуемой причины, устраняются въ одномъ случаѣ *in concreto*, въ другомъ — *in abstracto*. Безусловно, примѣненіе такого метода можетъ быть плодотворнымъ только въ томъ случаѣ, если устраненія условія не стоять въ тѣсной, неразрывной связи съ изслѣдуемой причиной; въ противномъ случаѣ всѣ сложныя построенія не приведутъ ни къ какимъ результатамъ. Насколько этотъ методъ плодотворенъ, конечно, въ искусственныхъ рукахъ, свидѣтельствуютъ тѣ блестящіе выводы, къ которымъ пришелъ Тюненъ и которые цѣлкомъ вошли въ науку.

Методологія его весьма сходна съ методологіей Менгера. Система Тюнена имѣть такой же абстрактный характеръ, она также не совпадаетъ съ эмпирической дѣйствительностью; законы, выводимые имъ, также абстрактны и также универсальны въ своей абстрактности. Изолированіе является излюбленнымъ пріемомъ австрійской школы, стоитъ вспомнить хотя бы ихъ „робинзонаду“.

Такимъ образомъ, въ Тюненѣ можно видѣть блестящаго предшественника австрійской школы въ области экономической методологіи. Правда, этотъ экономистъ не занимался, собственно говоря, методологическими вопросами, ноставилъ ихъ во главу угла, какъ это сдѣлалъ Менгеръ, онъ является скорѣе практикомъ-методологомъ. Силой своего творческаго воображенія Тюненъ далъ классическій образецъ принципіи изолированной абстракціи; и въ этомъ отношеніи онъ не превзойденъ и представителями австрійской школы¹⁾.

Основные принципы методологіи Менгера изложены въ его „Изслѣданіяхъ о методѣ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности“.

Менгеръ различаетъ индивидуальные познанія, имѣющія своимъ предметомъ индивидуальные, конкретныя экономическихъ явленія, и ро-

¹⁾ Кстати сказать, подобный же методологический пріемъ мы находимъ еще и у Дж. Ст. Милла, напр., при разсмотрѣніи международной торговли.

довий познанія о формахъ явлений. Къ первымъ относится исторія и статистика, ко вторымъ—теоретическое учение о народномъ хозяйстве, то есть теоретическая экономія. Исторія и статистика изслѣдуютъ индивидуальную хозяйственную явлениа, вторая—формы и законы явлений.

Заблужденіе исторической школы заключалось въ томъ, что она не отличала специфически исторического выясненія народного хозяйства отъ теоретического. Это заблужденіе, возникшее изъ вполнѣ основательного стремленія къ историческому выясненію хозяйственныхъ отношеній, вродно отразилось на систематикѣ и методикѣ. Отсюда получилось то, что исторія оказалась разработанной, а теорія—нетъ.

Заслуга исторической школы—это принципіальное проведение исторической точки зренія, но вмѣстѣ съ этимъ она, по выражению Менгера, „пролѣдѣла самую науку, которую задалась изслѣдовать“. Необходимость теоретического изслѣдованія опредѣляется уже тѣмъ, что „почти все въ иной обрѣтается еще въ области сомнѣній“.

Реалистическо-эмпірическое направление (историческое) стремилось установить строгія категоріи формъ явлений, обнамающія всю эмпірическую дѣйствительность, и затѣмъ опредѣлить законы ихъ путемъ индукціи. Но мнѣнію Менгера, и то и другое недостижимо. Въ эмпірической дѣйствительности, когда явленія берутся во всей цѣлостности, нѣть строгихъ типовъ; путемъ индукціи нельзѧ установить строгихъ точныхъ законовъ. Въ виду этого реалистическое направление пришло въ концѣ концовъ къ релятивизму.

Точное направление, защищаемое Менгеромъ, поставило своей задачей отысканіе строгихъ законовъ явлений, который въ силу способа познанія ихъ носятъ въ себѣ самихъ ручательство своей ненаруши-мости.

Путь, которымъ теоретическое изслѣдованіе приходитъ къ познанію истиинъ, заключается, во-первыхъ, въ открытии простѣйшихъ реальныхъ элементовъ, не существующихъ въ дѣйствительности, какъ самостоятельные явленія, и во-вторыхъ—въ установлении законовъ этихъ явлений.

Въ наукѣ довольно распространено мнѣніе, что методъ Менгера есть абстрактно-дедуктивный методъ старой англійской школы. Въ австрійскомъ экономистѣ видятъ преемника по методологіи Милля и Кэрнса. Заксъ, одинъ изъ послѣдователей Менгера, справедливо считаетъ такой взглядъ заблужденіемъ, хотя самъ и не уясняетъ въ до-

статочной мѣрѣ, въ чемъ заключается сущность метода точно-реалистического направления¹⁾.

Сущность этого метода заключается въ анализѣ экономическихъ явлений. Онъ стремится разложить каждое хозяйственное явленіе на его составные элементы, пытается дойти до первоначальныхъ, недоступныхъ дальнѣйшему анализу строго-типическихъ элементовъ. Это первая задача изслѣдованія, вторая—установленіе типическихъ соотношеній, законовъ явлений (стр. 37—39). Точное направление стремится къ отысканію строгихъ законовъ явлений, правильностей въ послѣдовательности явлений, такихъ законосообразностей, которая не только представляются намъ ненарушимыми, но въ виду самаго способа познаванія ихъ, въ себѣ самихъ носятъ ручательство своей ненарушимости, въ отысканіи такихъ законовъ явлений, которыя, обыкновенно, называются „естественнymi законами“, но правильнѣе называть ихъ „точными законами“ (стр. 34). Было бы опиаично предполагать, что эти законы находятъ свое полное выражение въ эмпирической дѣйствительности. Ими устанавливается, толькъ сказать, умозрительная законосообразность. Отсюда, естественно, провѣрка точной теоріи паро-циаго хозяйства чисто эмпирическими данными представляется недѣйствіемъ съ точки зренія Монгера. „Конечно, говорить онъ, желательно, чтобы точные познанія согласовались съ полной эмпирической дѣйствительностью, но это недостижимо при фактическихъ условіяхъ реальнаго мїра“.

Свою мысль австрійскій экономистъ иллюстрируетъ слѣдующимъ примѣромъ: существуетъ экономический законъ, что возрастаніе потребности въ извѣстныхъ товарахъ ведеть къ точно опредѣленному повышению цѣнъ при извѣстныхъ условіяхъ, именно: 1) при полномъ пониманіи всѣми хозяйствующими субъектами своихъ экономическихъ интересовъ, 2) при ясномъ сознаніи всѣми прослѣдуемой цѣли и средствъ къ ея достижению, 3) при знаніи общаго экономического положенія и 4) при отсутствіи виѣшилію прінужденія.

Въ виду того, что совокупность всѣхъ этихъ условій рѣдко бываетъ въ наличности, реальные цѣны значительно уклоняются отъ экономическихъ.

Вскроемъ толькъ методологический процессъ, который лежитъ позади всѣхъ разсужденій Монгера. Такъ какъ въ центрѣ хозяйства стоятъ человѣкъ, то точное направление обращается къ анализу первоначальныхъ и общихъ силъ человѣческой природы. Отсюда предста-

¹⁾ *Sax, Das Wesen und Aufgabe der Nationalokonomie.* Wien 1884, S. 35.

вители этого направления придаютъ большое значенію психологію и некоторые (Закъ) прямо называютъ политическую экономію „прикладной психологіей“.

Параллельно съ психологическимъ анализомъ идетъ и анализъ хозяйственныхъ явлений. Берутъ основные типическіе элементы и изъ нихъ дедуктивнымъ путемъ конструируютъ теоретическую систему. Слѣдовательно, эти типические элементы играютъ роль предпосылокъ цедукціи.

Менгеръ настаиваетъ на отдѣленіи хозяйственныхъ явлений отъ другихъ, сторонъ соціальной жизни.

„Мнѣніе, будто явленія народного хозяйства слѣдуетъ изучать въ неразрывной связи ихъ съ общимъ соціальнымъ и государственнымъ развитіемъ народовъ, оказывается методологическимъ абсурдомъ“ (стр. 63). Поскольку это замѣчаніе Менгера направляется противъ крайностей исторической школы, которая первоначально расширила границы экономическихъ изслѣдований до соціологическихъ, съ ними вполнѣ можно согласиться. Но съ другой стороны, и точка зреіія Менгера является крайностью. Полное изолированіе хозяйственныхъ явлений не всегда возможно и не всегда желательно. Хозяйственный быть находится въ самомъ тѣсномъ союзноисполненіи съ другими сторонами соціальной жизни. Многія хозяйственныхъ явлений будутъ совершенно непонятны вигъ соціальной атмосферы. Право частной собственности, напримѣръ, обусловливаетъ известный характеръ экономическихъ отношеній; уничтоженіе его радикально измѣнило бы структуру народного хозяйства. Игнорировать такие существенные факторы, опредѣляющіе направление народного хозяйства, національная экономія никакъ не можетъ.

У представителей австрійской школы, какъ и англійской, основной предпосылкой является хозяйственный интересъ. „Точное направление, говорить Менгеръ, имѣть задачей свести человѣческія явленія къ проявленіямъ самыхъ первоначальныхъ и общихъ силъ и стремлений человѣческой природы... Среди людскихъ побужденій наиболѣе общее и могущественное побужденіе, заставляющее каждого индивидуума домогаться своего благополучія. Точная наука о экономіи учить настъ точнымъ образомъ выслушивать и понимать проявленія человѣческаго свойства въ стремлѣніяхъ хозяйствующаго человѣка, направленныхъ на удовлетвореніе вещественныхъ потребностей“ (стр. 74). Менгеръ вполнѣ основательно замѣчаетъ, что эта теорія не имѣть задачей научить настъ пониманію соціальныхъ явлений во всей ихъ

цѣлости, а имѣть задачей дать намъ „уразумѣніе только одной, хотя, конечно, крайне важной хозяйственной стороны человѣческой жизни“ (стр. 74).

Отличіе австрійской школы отъ англійской заключается въ томъ, что у нея дедукція предшествуетъ анализъ какъ природы человѣка, такъ и хозяйственныхъ явлений. Классическая школа не занималась такимъ анализомъ, а заимствовала свои предпосылки изъ естествен-наго права или изъ здраваго смысла.

Слѣдуетъ подчеркнуть характерную особенность австрійской школы— это ея увлеченіе психологіей⁴⁾). Она первая обратила вниманіе на психическіе мотивы хозяйствующаго субъекта. Это значительно углубило изслѣдованіе экономическихъ проблемъ. Существенный недостатокъ австрійской методологіи заключался въ томъ, что она остановилась исключительно на индивидуальной психологіи и совершенно игнорировала коллективную психологію. Увлеченіе робинзонадой—съ первородный грѣхъ. Значеніе коллективной психологіи хорошо выясняется Зомбартъ въ слѣдующихъ словахъ: „Черезъ современное общество проходитъ такой жизненный токъ, какого не знало никакое прежнее время и чрезъ это возможна такая быстрая соприкосновенія отдѣльныхъ членовъ общества, какая прежде была немыслима. Возможность въ настоящее время съ разныхъ концовъ огромной страны обмѣняться мыслями въ теченіе немногихъ часовъ чрезъ посредство телеграфа, телефона, газеты—породила состояніе общенія болѣе крупныхъ массъ и чувство повсемѣстнаго присутствія, незнакомаго всѣмъ прошлымъ временамъ. Чрезъ это чрезвычайно возросла легкость большихъ массовыхъ движеній“ (Sombart. Socialismus und soziale Bewegung. 1896, S. 10—11).

Представители австрійской школы совершенно упускаютъ изъ виду, что политическая экономія есть соціальная наука и что въ соціальной атмосфѣре невозможно научное изслѣдованіе экономическихъ вопросовъ. Индивидуалистическая точка зрѣнія сближаетъ разматриваемое направленіе съ школой Смита и Рикардо, всецѣло проникнутой индивидуализмомъ. Его психологическая данная по существу мало чѣмъ отличаются отъ старого представлениія классиковъ объ „экономическомъ человѣкѣ“ съ его весьма упрощенной психологіей.

⁴⁾ Не безъ основания говорить Гасбахъ, что теорія политической экономіи Менгера скорѣе является отраслью практической психологіи. Zur Geschichte des Methodenstreits in der Politischen Oekonomie. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft 1895. Drittes Heft, S. 75.

Въ своей дальнѣйшей методологіи австрійская школа тѣмъ отличается отъ классической, что сама признаетъ абстрактный характеръ своей теоріи и поскольку не претендуетъ на соотвѣтство эмпирической дѣйствительности. „Результаты точного направления изслѣдований при измѣрепіи ихъ масштабомъ реализма, говоритъ Менгеръ, оказываются неудовлетворительными и неэмпирическими (несоответствующими дѣйствительности), какъ во всѣхъ прочихъ областяхъ міра явлений, такъ точно и въ области народнаго хозяйства“ (стр. 49—50). Между тѣмъ классики хотѣли въ своихъ трудахъ дать исчерпывающее воспроизведеніе экономического быта. Они признавали необходимость пропрѣкъ своихъ теоретическихъ выводовъ фактическими данными. Менгеръ считаетъ такую пропрѣку точной теоріи народнаго хозяйства на полномъ эмпиризмѣ (дѣйствительности) „методологической целѣностью“ (стр. 50). По мнѣнію русскаго экономиста проф. Леватскаго, „пропрѣка основныхъ законополъ конкретными фактами есть абсурдъ. Основные законы завѣдомо не могутъ и не должны совпадать съ результатами эмпирическихъ изслѣдований“¹⁾). До Менгера можно назвать только одного экономиста Кэриса, который также признавалъ за политической экономіей абстрактный характеръ и считалъ целѣностью пропрѣку абстракцій фактическими данными. Такимъ образомъ, въ методологіи Менгера мы видимъ ясно сознанное примѣненіе абстракціи въ смыслѣ изоляціи отдѣльныхъ психологическихъ и экономическихъ элементовъ отъ сложной эмпирической дѣйствительности и затѣмъ построеніе изъ такихъ предпосылокъ цѣлой системы, которая имѣть чисто идеальное значеніе.

Спрашивается, какое значение могутъ имѣть такие абстрактные законы?

Менгеръ не даетъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ или, лучше сказать, онъ его не ставитъ. Изъ отдѣльныхъ разбросанныхъ въ „Изслѣдованіяхъ о методѣ“ замѣчаній можно заключить, что Менгеръ придастъ громадное значеніе какъ „точнымъ“ законамъ, такъ и вообще своему направлению. По мнѣнію Менгера, его методъ приводить не только къ болѣе глубокому пониманію реальнаго міра, но также къ предвѣдѣнію и господству надъ вещами.

Существеннымъ недостаткомъ методологіи Менгера является его своеобразная терминология. Такія общеустановившіяся понятія, какъ,

¹⁾ В. Леватскій. Задачи и методы науки о народномъ хозяйстве. Ярославль. 1890 г. Стр. 117.

формы явлений, типы, априорный, точный и т. д., употребляются имъ въ своеобразномъ значеніи, что затемняетъ точку зрения Менгера и затрудняетъ ея пониманіе. Такъ, напр., онъ называетъ точными тѣ законами, которые не выражаютъ эмпирической действительности, или же прилагаетъ этотъ эпитетъ къ своему направлению. Въ такомъ же своеобразномъ значеніи Менгеръ употребляетъ терминъ индивидуальный, конкретный и пр. Онъ утверждаетъ, напр., что исторіи народнаго хозяйства изучаетъ индивидуальные явленія. Съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Ставить такую задачу для исторіи—это значитъ отрицать ее, какъ науку. И она имѣеть въ виду типы явлений, а не каждое конкретное, индивидуальное явленіе. Изученію такихъ явлений стоять выше человѣческихъ силъ. Человѣкъ не имѣеть даже возможности зарегистрировать каждое конкретное явленіе, гдѣ же тутъ говорить о научномъ изученіи ихъ?

Иллюстрируемъ нашу мысль примѣромъ. Исторія заработной платы не будетъ трактовать о каждомъ отдельномъ случаѣ полученія заработной платы въ извѣстный періодъ. Это совершенно невыполнимая задача. Историческое изслѣдованіе должно только установить среднія типичныя формы заработной платы и затѣмъ уже прослѣдить,измѣненія въ нихъ за тотъ или другой періодъ. Вообще, нужно сказать, что различіе между историческими и теоретическими дисциплинами въ области національной экономіи не выписано въ достаточнѣй степени Менгеромъ.

Справедливо указывалось критикой, что глава австрійской школы въ своемъ изслѣдованіи удѣлилъ слишкомъ много места полемикѣ, и потому положительное рѣшеніе методологической проблемы оказалось во многихъ отношеніяхъ незаконченнымъ. Этимъ отчасти и объясняются некоторые пробѣлы и недочеты въ немъ¹⁾.

Несомнѣнная заслуга Менгера въ области методологіи заключается въ его классификациіи экономическихъ дисциплинъ. Онъ первый предложилъ удачную классификацію ихъ, и она не потеряла своего значенія еще и въ наше время; большинство современныхъ экономистовъ придерживается ея.

Необходимо отмѣтить одно обстоятельство, часто упускаемое изъ виду противниками австрійской школы, что Менгеръ признаетъ за

¹⁾ Обстоятельный критический разборъ методологіи Менгера можно найти въ статьѣ Гасбаха, *Ein Beitrag zur Methodologie der Nationalökonomie* (*Jahrbuch für Gesetzgebung* за 1885, 1—2).

эмпирико-реалистическимъ направлениемъ полное право на существование. Оно неоднократно указываетъ на то, что два направления (точное и эмпирическое) полноценны въ изслѣдованіи народного хозяйства.

Мы излагали методъ австрійской школы такъ, какъ его понимаетъ Менгеръ, глава и основатель этой школы. Его послѣдователи, оставаясь върыхъ основными принципами, въ частностихъ отступаютъ отъ разсмотрѣнного метода.

Одинъ изъ наиболѣе рѣзкихъ послѣдователей австрійской школы Заксъ обратилъ болыпое вниманіе на изслѣдованіе психологическихъ предпосылокъ. Въ своемъ увлечении психологіей онъ доходилъ до того, что политическую экономію считалъ прикладной психологіей. Этотъ ученый является представителемъ крайняго психологизма въ политической экономіи. Содержаніемъ національной экономіи должно служить, по Заксу, „выясненіе душевныхъ проявлений, которыхъ возникаютъ въ человѣкѣ вслѣдствіе основного экономического отношенія“. Подъ послѣднимъ онъ понимаетъ „зависимость человѣка въ его инстинктивныхъ и разумныхъ проявленіяхъ жизни отъ ограниченной матеріи вѣтшаго міра“.

Национальная экономія изслѣдуется, „какія представленія и чувствованія, желанія и стремленія и на конецъ, конкретные возвужденія воли возникаютъ въ человѣкѣ, или должны возникать подъ влияніемъ основного экономического отношенія“¹⁾.

Приведенныхъ выдержекъ вполнѣ достаточно для того, чтобы понять точку зренія Закса. Его политическую экономію нельзя назвать соціальной наукой, а только индивидуальной экономической психологіей. Она ставить такія задачи для политической экономіи, которыхъ лишаютъ ее признания за нея всѣми характера общественной науки. Въ лучшемъ случаѣ подобныи психологический изслѣдованія могутъ войти въ общее введеніе въ политическую экономію, но никакъ не составлять ся основного предмета.

Что касается самого метода, то Заксъ вполнѣ слѣдуетъ точкѣ зренія основателя австрійской школы Менгера.

Другой представитель этой школы проф. Филипповичъ тоже придерживается точки зренія Менгера, хотя и не такъ послѣдовательно, какъ Заксъ. Послѣдній обращаетъ особое вниманіе на психологиче-

¹⁾ *Sax, Die neuesten Fortschritte der nationalökonomischen Theorien. Leipzig. 1889, S. 8—9.*

скій анализъ. Наоборотъ, Филипповичъ считаетъ его совершенно излишнимъ. Ученіе о хозяйствѣ, говорить онъ, не заботится о сущности причинъ, которыхъ побуждаютъ людей къ дѣйствіямъ. Какъ мало думаетъ о сущности причинъ естествознаніе, такъ мало думаетъ и теорія хозяйства о сущности ненависти и любви, эгоизма и альтруизма. Она исходитъ изъ факта, что люди преслѣдуютъ хозяйственныя цѣли хозяйственнымъ путемъ, ея задача исчерпывается наблюдениемъ вызванныхъ этимъ явлений. Какіе мотивы ложатъ позади дѣйствій, для нея безразлично. Даѣтъ проф. Филипповичъ указываетъ на то, что всякое хозяйственное дѣйствіе, насколько оно выступаетъ въ реальной дѣйствительности, характеризуется исключительно какъ эгоистическое. Всѣ альтруистические дѣйствія не входятъ въ область экономической науки¹⁾.

Въ послѣднемъ изданіи (1904 г.) своего *Grundriss'* онъ замѣчаетъ, что его точка зрѣнія на методъ совпадаетъ съ точкой зрѣнія Вагнера, Менгера и Дитцеля²⁾. Указывая на Вагнера, занимающаго особую позицію въ экономической методологіи, Филипповичъ, тѣмъ самымъ, какъ бы отказывается отъ прежней точки зрѣнія. Дѣйствительно, въ главѣ о мотивахъ хозяйственныхъ дѣйствій онъ такъ говоритъ: *jedonfalls ūben die ausserwirtschaftlichen Motive auf die Gestaltung des Lebens der Volkswirtschaft einen grossen Einfluss aus und jede Betrachtung der realen Verhltnisse wird auf sie Rcksicht nehmen mssen* (S. 99). Слѣдовательно, взглѣдъ проф. Филипповича на эгоизмъ, какъ исключительный мотивъ хозяйственныхъ дѣйствій, измѣнился въ смыслѣ привлеченія и другихъ неэгоистическихъ мотивовъ. Нужно думать, что, поворотъ возврѣтній совершился не безъ вліянія *Grundlegung* Вагнера.

Изъ другихъ сторонниковъ методологіи австрійской школы слѣдуетъ назвать Бемъ-Баверка и Гобсона. Эти экономисты не занимались специально методологической проблемой, но на практикѣ примѣнили методъ изолированной абстракціи. Бомъ-Баверкъ далъ удачное примѣненіе этого метода въ общезавѣтномъ примѣрѣ двусторонней конкуренціи на конномъ рынке. Для опредѣленія общаго уровня цѣнъ онъ рассматриваетъ куплю-продажу лошадей, предполагая, что

¹⁾ Philippovich. *Über Ausgabe und Methode der Politischen Okonomie*. Freiburg 1886. S. 38, 39, 42.

²⁾ *Grundriss der Politischen Oekonomie*, 5 Auf. 1904. „Die im Text vertretene Auffassung steht auf dem grundstzlichen Standpunkte, den A. Wagner, C. Menger, H. Dietzel einnehmen“ (S. 38).

всѣ лошади одной цѣнности и всѣ продавцы и покупатели обладаютъ одинаковымъ знаніемъ рынка. Конечно, въ дѣйствительномъ торговомъ мірѣ подобный случай немыслимъ: не можетъ быть на одномъ и томъ же рынке лошадей одной цѣнности, а тѣмъ болѣе еще не могутъ обладать одинаковымъ знаніемъ рынка продавцы и покупатели. Допущеніе такихъ гипотетическихъ условій сдѣлано для того, чтобы опредѣлить процессъ установления цѣни.

Подобнымъ же методомъ, извѣстнымъ у его противниковъ подъ именемъ „робинзонады“, пользуется въ широкой мѣрѣ извѣстный американский экономистъ Гобсонъ. Внолгѣ основательно онъ указываетъ на то, что этотъ методъ изолированной абстракціи представляется изъ себя въ пѣкоторомъ родѣ фиктивный опытъ. „Отвлеченный анализъ, при всей его рискованности, говоритъ Гобсонъ, необходимъ общественнымъ наукамъ. Здесь, какъ извѣстно, отсутствуютъ условія для примѣненія индуктивного метода, опирающагося на опытъ, условія, которыхъ существуютъ во многихъ отрасляхъ естествознанія. Чтобы восполнить этотъ именно недостатокъ, изобрѣтались фиктивные опыты, создавались искусственные случаи, въ которыхъ все несущественное было оставлено безъ вниманія въ тѣхъ видахъ, чтобы можно было яснѣ наблюдать дѣйствіе извѣстныхъ элементарныхъ силъ“¹⁾). Этотъ методъ состоитъ въ томъ, что берутся случаи, близкіе къ фактамъ дѣйствительной жизни, хотя и поставленные въ сравнительно болѣе простую обстановку, чѣмъ та, которую мы обычно наблюдаемъ, и затѣмъ постепенно вводятся исключенные условія, чтобы наблюдать вносимую ими въ явленія перемѣну. Такую замѣну экспериментальнаго метода естественныхъ наукъ Гобсонъ вполнѣ основательно признаетъ плодотворной и очень полезной. По существу, это тѣль самыи методъ, которымъ такъ мастерски воспользовался Тюнель въ своемъ „Изолированномъ государствѣ“.

Дѣлая общую оценку методологіи австрійской школы, слѣдуетъ обратить вниманіе на двѣ отличительныи особенности ея: 1) проведение индивидуалистической точки зреінія черезъ всю систему теоретической экономіи и крайне упрощенное трактованіе экономическихъ проблемъ, выдѣляющее въ хозяйственныхъ явленіяхъ только ихъ наиболѣе элементарные черты; 2) игнорированіе той соціальной атмосферы, среди которой протекаютъ процессы человѣческаго хозяйства.

¹⁾ Гобсонъ. Экономика распределенія. Пер. подъ ред. Котельникова. Москва 1903 г., стр. 5.

Это и обуславливаетъ абстрактно-индивидуалистический характеръ данной школы.

Психологический анализъ ся по существу не далеко уходить отъ старого представлениі классиковъ обѣ „экономическомъ человѣкѣ“ съ его крайне несложной психологіей. Австрійские экономисты такъ же, какъ и классики, строятъ свои выводы на томъ, что въ хозяйственной дѣятельности человѣкъ руководствуется принципомъ эгоизма. Это положеніе составляетъ одну изъ основныхъ предпосылокъ методологіи названной школы.

Такъ произвольно ограниченный психологический анализъ страдалъ еще и тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что онъ бралъ исходнымъ пунктомъ индивидуальную психологію и совершенно игнорировалъ колективную психологію. Между тѣмъ выводы послѣдней могли бы содѣйствовать разрѣшенію нѣкоторыхъ экономическихъ проблемъ, возникающихъ на почвѣ соціальныхъ общественныхъ отношеній. Если такой крайний индивидуализмъ бытъ естествененъ у экономистовъ, принявшихъ теоретическое наслѣдство индивидуалистического вѣка (XVIII), то въ настолѣщее время такая точка зреінія является уже устарѣлой послѣ серьезныхъ успѣховъ индивидуальной и колективной психологіи съ одной стороны, и послѣ удачныхъ пошытотъ выясненія экономическихъ проблемъ съ общественной точки зреінія, предложенныхъ нѣкоторыми представителями критического соціализма¹⁾.

Психологический индивидуализмъ, ограниченный притомъ узкой сферой эгоизма, и игнорированіе соціальной среды—вотъ основные недостатки методологическихъ предпосылокъ австрійской школы.

ГЛАВА IV.

Методъ математической школы.

Косса въ своей исторіи экономическихъ ученій указываетъ на то, что еще въ XVIII столѣтіи въ Италии нѣкоторые ученые пытались применять при изслѣдованіи тѣхъ или другихъ экономическихъ вопросовъ алгебраические символы и геометрическія фигуры, напр., по вопросу о деньгахъ (Cova), о процентахъ (Bernoulli), о цѣнѣ (Verti, Ferroni) и пр.

¹⁾ Много интересныхъ замѣчаний о теоретическомъ значенії австрійской школы разсѣяно въ книгѣ Жегельмана: „Главные направления въ теоріи заработной платы“ 1904 г. Стр. 382, 403, 501—509, 507.

Позднѣе мы находимъ болѣе систематическое примѣненіе математического метода къ проблемамъ уже общаго характера. Изъ такихъ опытовъ нужно назвать изслѣдованію Канара и еще въ большей степени — труды изѣбѣнаго математика Курно. Послѣдніго, собственно говоря, и можно считать основателемъ математической школы въ политической экономіи. Въ своихъ „*Recherches sur les principes mathématiques de la théorie des richesses*“ (1838 г.) онъ сдѣлалъ опытъ примѣненія математического метода къ изслѣдованію богатства. Опытъ оказался неудачнымъ въ виду абстрактнаго характера его изслѣдованія, совершенно игнорировавшаго весьма существенные реальные условия изслѣдуемой проблемы. Интересно, что въ другомъ сочиненіи, написанномъ въ 1863 г., Курно совершенно отказался отъ математического метода въ экономическихъ изслѣдованіяхъ. Хотя, по его уѣждѣнію, этотъ методъ могъ бы облегчить изложеніе, могъ бы яснѣе опредѣлять идеи и содѣйствовать дальнѣйшему ихъ развитію, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ скрываетъ въ себѣ большую опасность. Эта опасность заключается въ томъ, что изслѣдователь можетъ придавать несоответствующее дѣйствительности значеніе тѣмъ абстрактнымъ гипотезамъ, которые служатъ ему основаніемъ при созданіи формулъ.

Изъ позднѣйшихъ ученыхъ за математическій методъ высказались Джевонсъ, Вальра, Парето, Панталеони и др. Эти изслѣдователи не ограничились примѣненіемъ алгебраическихъ формулъ и геометрическихъ фигуръ, но стали примѣнять и высшую математику въ видѣ дифференціаловъ и интеграловъ.

Подробно обосновать методологію математической школы Вальра. Его точка зренія резюмируется въ двухъ положеніяхъ:

1) *L'Économie politique pure est la détermination des prix sous un régime hypothétique de concurrence absolue;*

2) *Cette théorie de la détermination des prix est une théorie mathématique; c'est-à-dire que si l'exposition peut s'en faire dans le langage ordinaire, la démonstration doit s'en faire mathématiquement¹⁾.*

Аргументы, приводимые защитниками математического метода, можно формулировать слѣдующимъ образомъ: всюду, где объекты изученія могутъ быть разсмотриваемы съ точки зренія категоріи количества, тамъ, говорятъ представители математической школы, мы

¹⁾ Вальра хотѣлъ обработать чистую политическую экономію, какъ естественную и математическую науку (*comme une science naturelle et mathématique*). L. Walras. *Théorie mathématique de la Richesse Sociale*. Lausanne. 1883, p. 10.

имѣемъ по существу математическія отношенія. Не мало есть такихъ экономическихъ вопросовъ, которые лучше всего могутъ быть представлены въ цифрахъ, напр., законы Мальтуса, Грошама, законы денежнаго обращенія и пр.¹⁾.

Математическій методъ долженъ быть примѣняемъ въ политической экономіи не только какъ методъ изложенія, но и какъ методъ изслѣдованія. Вальра утверждаетъ, что математическій методъ можетъ давать новые результаты и тѣмъ содѣйствовать прогрессу экономической науки. Путемъ этого метода изъ наблюдавшихъ фактовъ выводятся такія слѣдствія, которыхъ носить характеръ несомнѣмой правдивости и по истинѣ являются открытиями.

Задача математическаго метода состоять въ томъ, чтобы формулировать сначала систему уравнений и затѣмъ доказать, что цѣль реальныхъ явлений составляетъ только эмпирическое разрѣшеніе этой системы уравнений. Математическій методъ долженъ найти широкое примѣненіе въ чистой экономіи, которая является фундаментомъ для другихъ экономическихъ дисциплинъ. Истинны чистой политической экономіи доставлять разрѣшеніе проблемъ, наиболѣе важныхъ, наиболѣе спорныхъ и наименѣе ясныхъ изъ прикладной и соціальной экономіи²⁾.

Въ виду того, что математическія тонкости непонятны для публики, защитники этого метода считаютъ возможнымъ для цѣлей популяризации пользоваться только некоторыми болѣе простыми математическими предположеніями, замѣчая при этомъ, что цѣлей популяризации не должно смѣшиваться съ цѣлями научнаго изслѣдованія.

Построенія, добытыя систематическимъ методомъ, будуть носить чисто идеальный характеръ. *L'économie pure determinera, sur un marché idéal, des prix idéaux qui seront dans un rapport rigoureux avec une offre et une demande idéales*³⁾.

Эти идеальные результаты будутъ имѣть для практики такого же дѣйствительное значеніе, какъ абстрактныя теоремы геометріи. Они будутъ служить для опредѣленія отношеній дѣйствительныхъ цѣнъ на дѣйствительномъ рынке съ дѣйствительнымъ предложеніемъ и спросомъ, подобно тому какъ законы геометрическихъ фигуръ слу-

¹⁾ La forme mathématique est pour l'économie politique pure non seulement une forme possible, mais la forme nécessaire et indispensable, говорятъ Вальра. См. Bouvier. La Méthode mathématique en l'économie politique. Revue d' Économie politique. 1901, № 8—9, p. 1036.

²⁾ Ibid., p. 848.

³⁾ Ibid.

жать для определенія особенностей болѣе или менѣе несовершенныхъ треугольниковъ, квадратовъ, круговъ, существующихъ въ природѣ.

Самыи защитники математическаго метода сознаютъ, что экономическая уравненія отличаются болѣшимъ числомъ неизвѣстныхъ, чѣмъ обычно математическія уравненія, что объясняется сложностью и измѣчивостью экономическихъ отношеній. Если даже и съ прогрессомъ знанія пельзя будетъ учсть всѣ неизвѣстныя въ этихъ уравненіяхъ, то и въ такомъ видѣ они будутъ имѣть большое практическое значеніе. Эта мысль иллюстрируется такимъ прымѣромъ: математическій методъ устанавливаетъ, что свобода производства доставляется въ иѣкоторыхъ границахъ максимумъ пользы; следовательно, принципъ, нарушающій ее, служить препятствиемъ къ достижению этого максимума, поэтому ихъ нужно устранить, какъ можно скорѣе¹⁾.

• Вотъ практический выводъ изъ теоретического положенія.

Болѣе умѣренные представители математической школы соглашаются съ тѣмъ, что математическій методъ долженъ имѣть вспомогательное значеніе въ политической экономіи; специально же онъ долженъ применяться только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужны цифры и вычисленія²⁾.

Таковы воззрѣнія математической школы на методологію въ политической экономіи.

Обращаясь къ критикѣ этой методологіи, мы должны пройде всего установить, что сторонники ея упускаютъ изъ виду то существенное обстоятельство, что математическій методъ есть въ сущности толькъ же дедуктивный. Логически между дедуктивнымъ и таѣмъ называемымъ математическимъ методомъ нѣтъ разницы; если и есть различіе, то только чисто виѣшнее—математическій методъ пользуется алгебраическими формулами и геометрическими фигурами и другими знаками для выраженія того логического процесса, который въ простотѣ дедуктивномъ методѣ выражается обычнымъ языкомъ. Отсюда доводы, приводимые въ пользу математическаго метода, въ сущности являются доводами въ пользу дедуктивного метода. Часто защитники этого метода называютъ свой методъ дедуктивнымъ и съ точки зреінія этого метода опровергаютъ всѣ воззрѣнія, направленныя противъ математическаго метода. Если методъ математическій и дедуктивный тождественны по существу, то спрашивается, насколько удобно пользова-

¹⁾ Ibid., 844.

²⁾ Ibid., 1082.

ніє дедуктивнимъ методомъ, облеченымъ въ математическая формулы? Оправдывается ли существомъ дѣла такое не упрощеніе, а усложненіе дедукціи?

На нашъ личный взглядъ, математический методъ не можетъ имѣть сколько-нибудь значительного примѣненія въ политической экономії. Прежде всего нужно указать, что онъ, какъ методъ изслѣдованія, представляя изъ себя чистую дедукцію, не можетъ быть самостоятельно примѣненъ въ экономическихъ изслѣдованіяхъ. Причины этого кроются, во-первыхъ, въ томъ, что экономическихъ данные не имѣютъ такого точного, положительного характера, какъ данные математическая, и во-вторыхъ, въ томъ, что они отличаются большой сложностью и большимъ разнообразіемъ.

Математика исходить изъ такихъ ненамѣнныхъ положеній, которые всегда были, есть и будуть. Политическая же экономія пользуется съ одной стороны психологическими данными, которыхъ не могутъ быть ни измѣнены, ни исчислены съ точностью; съ другой стороны, такими соціальными и экономическими отношеніями, которыхъ измѣняются въ зависимости отъ пространства, времени и национальности. Изъ этого сопоставленія видно, что основные предпосылки въ этихъ двухъ наукахъ совершенно различны, и поэтому механическое перенесеніе математического метода въ политическую экономію является крупной методологической ошибкой. Le regard, говорить П. Леруа-Болье, aux mathématiques en une matière aussi subtile, dont les éléments sont si difficilement saisissables, est une pure chimère, une vraie duperie. Тотъ же экономистъ произносить такой суровый приговоръ надъ математической школой: l'école dite mathématique n'a aucun fondement scientifique, ni aucune application pratique, c'est un pur jeu d'esprit en ensemble de fictions en dehors de toute réalité et contraire à toute réalité. Cet exercice d'esprit ressemble à la recherche de martingales à la roulette de Monaco (L'Économie politique, t. I, p. 85; t. III, p. 62).

Методъ математический не можетъ дать ни посылокъ для выводовъ, ни материаловъ для нихъ. Въ виду этого болѣе умѣренные сторонники его вполнѣ соглашаются съ тѣмъ, что примѣненіе этого метода не должно вести къ уничтоженію наблюденія или индукція¹⁾.

Математический методъ, какъ методъ изложения, можетъ имѣть болѣе или менѣе широкое примѣненіе. Математический языкъ отли-

¹⁾ Bouvier, выше цит. соч., р. 1080.

Новая серия XII (1907, № 11), отд. 2.

чается точностью, краткостью и ясностью; во многихъ случаяхъ примененіе его можетъ способствовать лучшему уясненію и усвоенію экономическихъ проблемъ. Въ этомъ значеніи указанный методъ примѣнялся многими изъ экономистовъ, не принадлежащихъ къ математической школѣ. Широко имъ пользовались экономисты такихъ противоположныхъ лагерей, какъ Марксъ, Тюненъ, Маршаль, Бемъ-Баверкъ и др.

Умѣренное пользованіе математическими формулами при изложеніи вполнѣ умѣстно и желательно; только и въ данномъ случаѣ нужно избѣгать крайностей. Пользованіе данными высшей математики дѣлаетъ недоступными такія изслѣдованія не только для публики, но даже и для специалистовъ. Такимъ образомъ, здѣсь не только не будетъ облегчаться пониманіе экономическихъ проблемъ, но наоборотъ, оно будетъ еще затрудняться. Значитъ, прямая цѣль примѣненія математического метода останется совершенно недостигнутой, вмѣстѣ съ этимъ падать и смыслъ самого примѣненія этого метода¹⁾.

Реальное значеніе той или другой методологіи лучше всего доказывается тѣмъ, насколько плодотворные результаты дало примененіе на практикѣ того или другого метода. Научные результаты—лучший показатель плодотворности метода. Если, примѣня данный методъ, мы приходимъ къ важнымъ научнымъ открытиямъ или вообще выводамъ, то это лучшее доказательство того, что избранный путь изслѣдованія вполнѣ удовлетворителенъ; если, наоборотъ, наши усилия оказались бесплодны, то здѣсь вполнѣ сомнѣніе въ правильности тѣхъ путей, которыми мы скѣдовали при разрѣшеніи данной проблемы. Спрашивается, доказала ли математическая школа плодотворность своего метода какими-либо серьезными научными открытиями? Обогатила ли она политическую экономію какими-нибудь цѣнными вкладами?

Сторонники математического метода на поставленный вопросъ отвѣчаютъ утвердительно. Математическая школа обогатила политическую экономію ученіемъ о цѣнности, къ которой пришли математическимъ путемъ два главныхъ представителя этой школы Джевонсъ

¹⁾ Кейпъ признаетъ, что введеніе математическихъ приемовъ въ политическую экономію оказалось важное воспитательное значеніе въ виду точности, определенности и сжатости математического метода, но имѣтъ съ этимъ онъ предостерегаетъ противъ излишнего злоупотребленія математическими знаками, такъ какъ по всѣмъ понимаютъ.

и Вальра. Правда, теорія предельной полезности была выставлена параллельно и австрійской школой безъ примѣненія математического метода, но это нисколько не умаляетъ заслуги математиковъ, которые пришли къ этой теоріи совершенно самостоятельно и независимо отъ австрійской школы.

Такимъ образомъ, за довольно таки значительный періодъ своего существованія математическая школа можетъ указать только одну новую теорію, которая въ концѣ концовъ не оказывается оригинальной. Даже оставляя въ сторонѣ то, что теорія предельной полезности была открыта австрійской школой безъ всяко математического метода, что зародыши этой теоріи были даны въ трудахъ предшествующихъ экономистовъ (Гильдебранда, Госсена и др.), мы не можемъ поставить въ особую заслугу открытие этой теоріи математической школѣ на томъ простотѣ основанія, что эта теорія съ нашей точки зрѣнія не имѣтъ большого научнаго значенія. Она далеко не разрѣшаетъ вопроса о цѣнности и только освѣщаетъ съ стороны.

Для свыше полуѣвропейского существованія математической школы—это слишкомъ ничтожный результатъ. Безыгодность научныхъ изслѣдований математической школы служатъ лучшимъ доказательствомъ несостоительности пропагандируемаго метода. Справедливо говорить Косса, что математики употребляютъ длинный и сухой путь для достиженія тѣхъ результатовъ, къ которымъ можно прийти скорѣе и проще другимъ путемъ¹⁾.

Часто экономисты-математики ссылаются на то, что некоторые экономические законы, напримѣръ, законъ Мальтуса, Грешама требуютъ математического выраженія. Съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Ариѳметическая и геометрическая пропорція закона Мальтуса суть не больше, че менѣе какъ фигулярное выраженіе, совершенно не могущее претендовать на точное математическое изображеніе известныхъ тенденцій въ ростѣ населенія. Никто въ настоящее время не станетъ утверждать, что законъ Мальтуса или законъ Грешама могутъ быть выражены въ точной математической формулѣ. Если они иногда и облекаются въ такую форму, то только для большей наглядности и ясности. Такимъ образомъ, и эти излюбленные матема-

¹⁾ L. Cossa, *Histoire des doctrines économiques*. Paris 1899, p. 105. „Мысль о математической разработкѣ хозяйственныхъ проблемъ является, по замѣчанію Кайса, малой“. Предметъ и методъ политической экономіи, пер. Гуковскаго 1899, гл. VIII.

тиками законы оказываются далекими отъ точности, которая обычно присуща математическимъ положеніямъ.

Свыше полузвѣвой оѣть примѣненія математического метода показалъ въ достаточной степени его несостоительность и думается, что этимъ безславнымъ прошлымъ и окончится роль его въ истории нашей науки.

М. Небольшой.

(Окончаніе следуетъ).

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ГЕОМЕТРИЯ И ЕЯ ДѢЯТЕЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА¹⁾.

Учебники элементарной геометрии.

Продолжая свое давно уже начавшееся количественное, а частью и качественное, развитие, учебная элементарно-геометрическая литература обогатилась въ теченіе послѣднаго 40-лѣтія XVIII вѣка очень значительнымъ количествомъ новыхъ приобрѣтеній. Приближенія и при томъ вслѣдствіе неполноты имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи библиографическихъ свѣдѣній болѣе или менѣе уменьшиныя числа, являющіяся выраженіемъ упомянутаго количества, таковы: 55 курсовъ, содержащихъ въ числѣ частей, посвященныхъ всѣмъ или нѣкоторымъ отдельамъ элементарной математики, также и часть, занятую исключительно элементарною геометріею, 35 специальныхъ элементарно-геометрическихъ учебниковъ, 35 переводовъ „Элементовъ“ Эвклида и 10 переводовъ сочиненій, вышедшихъ въ теченіе первой половины XVIII вѣка. Распределеніе этихъ чиселъ по главнымъ странамъ Европы представляется слѣдующею таблицею:

¹⁾ Предлагаемая статья была написана авторомъ первоначально на пѣмоцкомъ языке, какъ составляющая одинъ изъ отдѣльныхъ печатаемаго въ Лейпцигѣ IV тома *Verlesungen über Geschichte der Mathematik*, сочиненія, первые три тома которого составляютъ единоличный трудъ гейдельбергскаго профессора Морица Кантора. Попаданіе этой статьи на русскомъ языкѣ въ отдѣльномъ видѣ заставляетъ автора присоединить къ ней нѣкоторыя дополненія, которыхъ были изложены въ ея первоначальномъ видѣ частью потому, что уже содержались въ другихъ отдельахъ и даже томата этого сочиненія, частью же потому, что имѣть въ виду исключительно интересъ русской читающей публики. Эти дополненія состоятъ, главнымъ образомъ, въ развитіи частей статьи, посвященныхъ биографическимъ сидѣніямъ, представляемыя или дополненіемъ уже имѣвшихся ранѣе биографическихъ очерковъ, или введеніемъ новыхъ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ, напримѣръ, очерки биографій д'Аламбера, Бессу, Кестнера.

С Т Р А Н Ы.

	Общематематические курсы.	Специально-геометрические учебники.	Элементы ^a	Переводы сочинений:	Переводы сочинений:	
					a.	b.
Англія	1	3	8	—	—	—
Германия	24	10	13	—	—	1
Италия	5	3	2	1	1	—
Нидерланды	2	9	3	2	—	—
Польша.	8	—	1	2	3	—
Россия.	2	6	2	3	6	—
Франция.	13	4	3	—	—	—
Швеція.	—	—	3	2	—	—

Нѣкоторыя изъ приводимыхъ вдѣсь книгъ имѣли по нѣсколько изданий. Такъ, изъ общематематическихъ курсовъ въ Германии шесть имѣли по 2 издания, одинъ 3 и одинъ даже 5 изданий, а во Франціи, кромѣ двухъ, вышедшихъ въ двухъ изданияхъ, были еще, хотя и по одному въ каждой группѣ, имѣвшіе 3, 4 и даже 7 изданий. Изъ специально-геометрическихъ учебниковъ имѣли по два издания одинъ въ Германии, 3 въ Голландіи и 2 во Франціи.

Въ дополненіе и поясненіе приведенной таблицы остается сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Сочиненіями иервой половины XVIII вѣка, переводы которыхъ указываются въ таблицѣ, были: *Christian Wolff's Anfangsgrunde aller mathematischen Wissenschaften*¹⁾, переведенное на языки голландскій, польскій, русскій и шведскій; *Clairaut, Elémens de géométrie*²⁾, переведенное на языки шведскій, голландскій и польскій, и, наконецъ, переведенія только на русскій языкъ сочиненія *Георга Вольфганга Крафта*, Краткое руководство ѿ теоретической геометріи въ пользу учащагося въ гимназіи при Императорской Академії Наукъ россійского юношества³⁾ и *J. F. Weidler's Institutiones mathematicae*⁴⁾. Послѣднее сочиненіе, а также и вышеупомянутая книга Вольфа имѣли нѣсколько новыхъ изданий также и на родинѣ въ Германіи. Къ числу переводовъ сочиненій Вольфа въ таблицѣ отнесенъ также и второе итальянское изданіе его сочиненія *Chri-*

¹⁾ Halle 1710.²⁾ Paris 1711.³⁾ 1-е изданіе вышло въ 1748 г.⁴⁾ Wittemberg 1718.

stiani Wolfi Elementa Mathematicae universae¹⁾). Какъ на сочиненія, имѣющія отношеніе къ „Элементамъ“ Эвклида, хотя и не введенныя въ таблицы, слѣдуетъ указать въ Англіи на R. Simson, *The Elements of Euclid. Notes critical and geometrical*²⁾ и на *The philosophical and mathematical Commentaries of Proclus, furnamod Plato's Successor, on the I Book of Euclid's Elements and his life by Marinus etc.*³⁾ и въ Германіи на *Euclid's Data, verbessert und vermehrt von R. Simson, übersetzt von Ch. Schwal*⁴⁾. Въ Англіи, Германіи и во Франціи обращаеть на себя вниманіе почти полное отсутствіе сочиненій, переведенныхъ съ иностранныхъ языковъ. Во Франціи и Англіи не было ни одного такого перевода. Въ Германіи только одинъ, именно переводъ съ голландскаго языка сочиненія *Swinden's Anfangsgründe der Messkunde*⁵⁾. Всего болѣе переводовъ было въ менѣо просвѣщенныхъ странахъ, именно въ Россіи и уже въ меньшихъ размѣрахъ въ Польшѣ. Въ этихъ же двухъ странахъ изслѣдователь сдавали не впервые встрѣчается съ переводами, сдѣланными не сть початныхъ изданий, а съ рукописей. Такими переводами были: въ Россіи Леонарда Эйлера, Геометрія для употребленія въ академической гимназіи⁶⁾ и названное уже выше Руководство къ геометріи Крафта и въ Польшѣ *Geometrie von Lhuillier*⁷⁾.

Важнѣйшимъ изъ указаний, доставляемыхъ изслѣдователю приведенною таблицею, является то, которое характеризуетъ положеніе въ разныхъ странахъ Европы „Элементовъ“ Евклида въ отношеніи дѣла преподаванія геометріи. Изъ этой таблицы дѣйствительно слѣдуетъ, что свое древнее положеніе, какъ единственнаго учебника для изученія элементарной геометріи, „Элементы“ Эвклида сохранили во второй половинѣ XVIII вѣка только въ Англіи. Въ Германіи, несмотря даже на провосходящее всѣ другія страны число изданий⁸⁾ сочиненій

¹⁾ Morris Cantor, *Vorlesungen über Geschichte der Mathematik*, III, S. 508—509. Editio secunda veronensis. Verona, 1788—98, vol. 5, in 4°.

²⁾ Glasgow 1762 и 1781.

³⁾ London 1788.

⁴⁾ Stuttgart, 1780. 8°.

⁵⁾ Von Gaab Jena 1797. 8°.

⁶⁾ Съ латинскаго. С.-Петербургъ 1765. 8°.

⁷⁾ *Geometrya dla szkół Narodowych*, Część I. Autor Lhuillier, Obyw. Geneweński i Gromasz X. Gavoroński. W Warszawie 1780. 8°. 431 страницъ съ 22 таблицами. Część II Id. 1781. 245 страницъ съ 6 таблицами. Второе издание. W Krakowie 1785 roku.

⁸⁾ По 2 издания отъ двухъ издателей, тогда какъ въ Англіи 3 издания отъ одного издателя.

Эвклида, не можетъ быть и рѣчи не только объ исключительномъ, но даже о превосходящемъ его употреблениѣ въ дѣлѣ преподаванія элементарной геометріи, какъ это съ совершенной ясностью показываютъ еще болѣе значительныя числа учебниковъ, составленныхъ отечественными авторами, а также и изданій нѣкоторыхъ изъ нихъ. Что же касается Франціи, то тамъ прямое употребление во второй половинѣ XVIII вѣка „Элементовъ“ Эвклида въ дѣлѣ изученія элементарной геометріи можетъ считаться совершенно прекратившимся. Наконецъ, остальные изъ главныхъ странъ Европы занимаютъ въ отношеніи рассматриваемаго предмета промежуточныя положенія между Германіей и Франціей, болѣе приближаясь однако же съ послѣдней. Такимъ образомъ, стремленіе къ замѣнѣ „Элементовъ“ Эвклида въ преподаваніи элементарной геометріи болѣе пригодными для него учебниками, впервые выраженное философомъ Рамусомъ и затѣмъ съ течениемъ времени все болѣе и болѣе усилившееся, достигло во второй половинѣ XVIII вѣка очень крупныхъ результатовъ. Къ этому же времени сдѣлало успѣхи, хотя и далеко менѣе значительные, также и сознательное пониманіе причинъ, вызвавшихъ упомянутое стремленіе. Такъ какъ основная изъ этихъ причинъ лежать очень глубоко въ природѣ дѣла, то ихъ познаніе въ рассматриваемую эпоху еще не было достигнуто. Успѣхи познакомиться только съ тѣми изъ нихъ слѣдствій, которыя были доступны непосредственному наблюденію, не вооруженному обширными и глубокими историческими свѣдѣніями.

Въ той странѣ, где разматриваемое стремленіе проявлялось всего сильнѣе, и потому почти вполнѣ достигло осуществленія своей цѣли, то-есть, во Франціи, съ выраженіемъ той или другой или нѣкоторыхъ его причинъ вслѣдователь встрѣчается у многихъ писателей. Доказательства Эвклида, по словамъ *д'Аламбера* въ *Encyclopédie méthodique*¹⁾, несмотря на свою точность, такъ трудны для пониманія, что овладѣть ими вполнѣ не удавалось многимъ известнымъ математикамъ. *Бульо*, напримѣръ, откровенно признавался, что онъ никогда не понималъ ихъ хорошо, а еще болѣе знаменитый *Виет* несправедливо подозрѣвалъ въ нихъ парадоксизмъ, что можетъ быть объяснено единственno только ихъ недостаточнымъ пониманіемъ. Въ *Discours préliminaire* къ тому же изданію²⁾ *Боссю* говорить, что, вполнѣ признавалъ достоинства превосходного сочиненія Эвклида, многие упре-

¹⁾ *Mathématiques*. Т. II. Р. 129.

²⁾ Тамъ же, р. IX.

жаютъ его за слишкомъ большое число опредѣлений и схоластическихъ подраздѣлений, за слишкомъ большую уточненность и строгость доказательства истинъ и безъ того вполнѣ ясныхъ. Можно подумать, замѣчаетъ онъ далѣе, что придиличнымъ и вращающимися въ молочахъ методамъ греческихъ софистовъ удалось проникнуть въ точныя науки. Позднѣе въ своей *Histoire g n rale des math m tiques*¹⁾, представившей расширенный и дополненный *Discours*, тотъ же авторъ говорилъ и о характерѣ и свойствахъ доказательствъ Эвклида. Эти послѣднія, по его словамъ, какъ очень первоначально длинныя, непрямые и запутанныя, причиняютъ для начинающихъ очень большую затрудненія. Имеющіи эти ихъ свойства и заставляли многихъ изъ наиболѣйшихъ ученыхъ въ своихъ изданіяхъ „Элементовъ“ Эвклида помѣстить доказательства болѣе простыя и болѣе легкія. Другое же въ своихъ собственныхъ сочиненіяхъ нашли полезными и совсѣмъ удалиться отъ метода Эвклида. Крупнѣйшими изъ числа первыхъ, не называемыхъ Боссю поименno, были, конечно, въ Англіи *Робертъ Симсонъ* съ его сочиненіемъ *The Elements of Euclid. Notes critical and geometrical*²⁾ и *Джемсъ Уильямсонъ* съ его изданіемъ *The Elements of Euclid with dissertations by James Williamson*³⁾ и въ Германіи *Лоренцъ* съ его полнымъ изданіемъ „Элементовъ“ Эвклида⁴⁾ и съ исполненіемъ: первыхъ шести книгъ⁵⁾, 11-ї и 12-ї книгъ⁶⁾ и, наконецъ, первыхъ восьми книгъ выѣтствъ съ 11-ї и 12-ї⁷⁾. *Монтюклъ*, этотъ убѣжденный сторонникъ „Элементовъ“ Эвклида, останавливается на своей посвященной имъ апології⁸⁾ главнымъ образомъ на высказываемой многими геометрами недовольствѣ принятыхъ въ нихъ расположений предмета. Принятая на себя Монтюкла роль защитника „Элементовъ“ Эвклида не помѣщала ему однако же въ концѣ своей апології признать пользу написанныхъ для нихъ замѣнъ въ преподававшіи наиболѣйшими авторами сочиненій. Присоединяясь къ мнѣніямъ этихъ авторовъ о трудности изученія геометріи по „Элементамъ“ Эвклида для начинающихъ, онъ находитъ необходимымъ сдѣлать геометрію болѣе

¹⁾ I, p. 29.²⁾ Glasgow 1762, 1781 etc. восемь изданій. 8°.³⁾ Oxford 1781—90; 2 vol. in 4°.⁴⁾ Въ 15 книгахъ; Halle 1781; 2-te Aufl. 1798; 8°.⁵⁾ Halle 1773.⁶⁾ Halle 1781; 8°.⁷⁾ Halle 1798; 8°.⁸⁾ *Histoire des math m tiques*, I, p. 218—222.

доступною особенно для тѣхъ, которые не имѣютъ въ виду сдѣлаться геометрами.

Изъ геометровъ второй половины XVIII вѣка, особенно рѣзко выражавшихъ свое недовольство принятіемъ въ „Элементахъ“ Эвклида расположениемъ предмета, достаточно указать Лакруа, который въ своемъ сочиненіи *Essais sur l'enseignement* прямо обвиняетъ это расположение въ беспорядочности. Изъ проявлений послѣдней, Лакруа нашелъ случай коснуться впрочемъ только одного, но за то особенно крушаго, именно вывода Эвклидомъ основного предложения теоріи пропорциональныхъ линій изъ сравненія площадей треугольниковъ.

Продромотомъ, сть которымъ Лакруа приходилось входить въ непосредственное соприкосновеніе и который при этомъ видимо произвелъ на него особенно непріятное впечатлѣніе, были затрудненія, создаваемыя для новѣйшихъ авторовъ элементовъ геометріи существованіемъ „Элементовъ“ Эвклида и приобрѣтеннымъ ими, благодаря многообразному употребленію въ наукѣ и преподаваніи, авторитетомъ. Онь видѣть эти затрудненія, во-первыхъ, въ конкуренціи съ трудомъ Эвклида, всегда опасной для новѣйшаго автора, какіе бы доводы оть ни приводилъ въ пользу приватаго имъ плана; во-вторыхъ, въ обязательности употреблять по примѣру Эвклида и вообще древніхъ греческихъ геометровъ синтетическій методъ пъ предметъ, принадлежащемъ къ курсу, всѣ другія части которого пользуются аналитическимъ методомъ, дѣлающимъ вслѣдствіе этого и болѣе доступнымъ и болѣе привычнымъ для учащагося, и, въ-третьихъ, въ грозящей всегда возможности заслужить упреки какъ отъ сторонниковъ Эвклида, такъ и отъ его противниковъ, отъ первыхъ за недостаточное соблюденіе выставленнаго древними требованиямъ строгости разсужденій, а отъ вторыхъ какъ за подчиненіе этому требованію, приводящему къ мелочнымъ формамъ, способнымъ только затруднять умъ, такъ и за устраненіе аналитическихъ процессовъ, составляющихъ методъ изобрѣтенія.

Установившееся въ математической средѣ критическое отношеніе къ „Элементамъ“ Эвклида и вызванное имъ появленіе многочисленныхъ сочиненій, посвященныхъ изложению элементовъ геометріи, не могли не поставить передъ всѣми философски мыслящими умами вопросъ о томъ, что такое элементы геометріи? и изъ чего должно слагаться ихъ содержаніе? Едва-ли не крупнейшую попытку рѣшенія этихъ вопросовъ во второй половинѣ XVIII вѣка были статьи

д'Алембера въ *Encyclopédie méthodique „Éléments des sciences“*¹⁾ и *„Des éléments de géométrie“*²⁾.

*Jean Baptiste Leclerc d'Alembert*³⁾ (1717—1783) былъ позаконно-рожденныи сыномъ канонера Dostouches, артиллерийскаго генерала, и госпожи de Tencin, канониссы и сестры ліонскаго кардинала—архиепископа. Тотчасъ же послѣ рожденія ребенокъ, по желанію матери, былъ для избѣжанія скандала подкапнутъ на ступени лѣстницы церкви Saint-Jean-Lerond, которой онъ и былъ обязанъ своимъ именемъ и первою фамиліей, данными ему при крещеніи полицейскимъ комиссаромъ. Совершенно оставленный матерью, онъ сдѣлался предметомъ внимательнаго попеченія со стороны отца, а послѣ смерти послѣдняго со стороны его семьи. Благодаря этому попеченію д'Алембера получилъ прекрасное образованіе въ учрежденной кардиналомъ Мазарини *Collège des Quatre-Nations*, изъ которой онъ вышелъ въ концѣ 1735 г., получивъ отъ факультета искусствъ степень бакалавра искусствъ. Дальнѣйшее, уже высшее, образованіе онъ получилъ въ Школѣ правъ, которую былъ возведенъ послѣ двухлѣтнаго слушанія ея лекцій въ степень лицензіата правъ. Занимался онъ также еще въ медициною. Получивъ въ послѣдніе годы своего пребыванія въ коллѣжѣ, по желанію родственниковъ отца, фамилію Daremberg, онъ, спустя нѣсколько лѣтъ, замѣнилъ ее уже по собственному желанію фамиліей d'Alembert. Кромѣ образованія, ребенокъ получиль отъ отца и материальное обеспеченіе, состоявшее въ завѣщаніи ему отцомъ при его смерти въ 1726 году ежегодной ренты въ 1200 ливровъ, которую онъ пользовался до конца жизни.

Первою работою д'Алембера, представленную въ Парижскую академію наукъ 19-го июля 1739 г., была замѣтка объ одномъ мѣстѣ, въ сочиненіи патера Рейно, *Analyse démontrée*, которое считалось тогда классическимъ. Несмотря на свою незначительность, она получила отъ

¹⁾ *Mathématiques*, t. I, p. 617—625.

²⁾ Тамъ же, t. II, p. 133—136.

³⁾ *Condorcet*, *Eloge de M. d'Alembert. Histoire de l'Académie Royale des Sciences. Année 1783. Hist. pag. 76—120. Charles Henry, Correspondance inédite de d'Alembert avec Cramer, Lescagu, Clairaut, Turgot, Castillon, Beguelin etc. Bulletino di bibliografia e di storia delle scienze matematiche e fisiche, pubblicato da B. Boncompagni, t. XVIII, p. 507—570 e 605—649. Poggendorff's Biographisch-literarisches Handwörterbuch zur Geschichte der exakten Wissenschaften*, I, p. 2829. *Maximilien Marie, Histoire des sciences mathématiques et physiques*, VIII, p. 172—236. *Joseph Bertrand, D'Alembert*. Paris 1889.

Клеро похвальный отыскъ главнымъ образомъ за точность изложенія и за усердіе автора. Послѣ послѣдовавшаго затѣмъ представленія въ академію мемуара, посвященнаго механикѣ жидкостей, а за нимъ и еще трехъ, которыхъ позднѣе самъ авторъ не нашелъ достойными появиться въ печати, д'Аламберъ рѣшился 1-го марта 1741 года обратиться къ академіи наукъ съ просьбою о назначеніи его на сдѣлавшееся вакантнымъ мѣсто *associé*, или другими словами о возвведеніи его прямо во второе академическое званіе, минуя первое *adjoint*. Когда эта просьба не была исполнена и на вакантное мѣсто оказался назначеніемъ Лемоннье, состоявшій уже въ точеніе пяти лѣтъ въ званіи *adjoint*, д'Аламберъ понизилъ свои требованія и стала просить академію о назначеніи его на освободившееся послѣ Лемоннье мѣсто *adjoint*. Но и это болѣе скромное желаніе осталось безъ исполненія и счастливымъ соперникомъ д'Аламбера оказался аббать де-Гюа. Испытавъ подобную же неудачу въ третій разъ, когда академія предпочла ему астронома Лакайля, д'Аламберъ добился исполненія своего желанія только послѣ четвертаго ходатайства, именно 17-го марта 1742 г., когда, наконецъ, состоялось его назначеніе на мѣсто *adjoint* по секціи астрономіи. На должность *associé* д'Аламберъ былъ назначенъ въ 1746 году. Но еще ранѣе этого, именно въ 1745 году, д'Аламберъ сталъ получать вслѣдствіе особой и очень рѣдкой милости правительства жалованье или, какъ оно тогда обыкновенно называлось въ Парижской академіи наукъ, пенсию, въ 500 ливровъ, отнесенную на счетъ фондовъ академіи. Такимъ образомъ, онъ сдѣлался получающимъ жалованье академикомъ, хотя и сверхштатнымъ (*pensionnaire surnumbraire*), еще до своего возвведенія въ званіе *associé*. Окончательное признаніе его въ этомъ новомъ званіи состоялось однако же позже, именно въ 1756 году; когда, по желанію короля, состоялось переименование д'Аламбера изъ *associé* въ *pensionnaire surnumbraire titulaire* и назначеніе на освободившееся вслѣдствіе этого мѣсто *associé* другого лица. Но это признаніе такимъ образомъ официально новое званіе не давало ему еще всѣхъ правъ дѣйствительного члена академіи и полноценнаго академикомъ или *pensionnaire titulaire* онъ сдѣлался, только спустя почти 23 года послѣ своего вступленія въ академію, именно въ 1765 году.

Первыми крупными научными трудами д'Аламбера были появившіеся въ печати въ 1743 году *Traité de Dynamique*. Онъ содержалъ въ себѣ между прочимъ тотъ знаменитый приводящій динамику къ статикѣ, принципъ механики, который былъ названъ по имени своего

автора *принциповъ д'Аламбера*. Прилагая этотъ принципъ къ предмету слѣдующаго своего сочиненія *Traité de l'équilibre et du mouvement des fluides*¹⁾, д'Аламбера, встрѣтился съ уравненіями съ частными разностями. Но болѣе обстоятельно онъ занялся этими новыми предметомъ высшаго анализа въ своемъ сочиненіи *Reflexions sur la cause g n rale des vents*²⁾, написанномъ на тему, предложенную Берлинскою академіею наукъ для соисканія преміи. Несмотря на то, что эта премія была присуждена въ 1746 году сочиненію д'Аламбера, послѣднее имѣло только теоретическое значеніе, такъ какъ, разсматривая результаты соединенного дѣйствія солнца и луны на жидкость, окружающую землю, оно оставляло безъ вниманія такой важный факторъ разсматриваемаго явленія, какъ измѣненія температуры, производящія въ жаркому полѣ восхожденія воздуха, а透过 это и большія воздушныя теченія. Присужденіе Берлинской преміи имѣло въ жизни д'Аламбера два важныхъ послѣдствія: во-первыхъ, избраніе его въ 1747 году въ члены Берлинской академіи наукъ и, во-вторыхъ, установление спонсій и даже, можно сказать, продолжавшееся въ течение почти сорока лѣтъ дружбы съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ.

Слѣдующимъ важнымъ трудомъ д'Аламбера, котораго одного было бы достаточно для того, чтобы сдѣлать имя автора бессмертнымъ, было сочиненіе *Recherches sur la pr  cession des   quinoxes et sur la nutation de l'axe de la terre*³⁾, въ которомъ онъ путемъ приложения своего принципа далъ рѣшеніе проблемы предваренія равнодействій. При этомъ попутно онъ далъ и теорію нутраціи, открытой впервые Брадлеемъ. Не менѣе трудные вопросы были разрѣшены д'Аламбера въ сочиненіи *Essai d'une nouvelle th  orie sur la r  istance des fluides*⁴⁾, въ которомъ онъ исходилъ изъ предположенія, что всякий элементъ жидкой массы при совершающемся въ каждое мгновеніе измѣненіи формы постоянно сохраняетъ одинъ и тотъ же объемъ. Другимъ важнымъ сочиненіемъ д'Аламбера по предмету не бесной механики изъ числа его большихъ сочиненій, вышедшихъ въ видѣ отдѣльныхъ изданій, было *Recherches sur diff  rents points importants du syst  me du Monde*⁵⁾. Въ немъ онъ далъ въ болѣе совершенномъ видѣ, чѣмъ въ искоторыхъ изъ своихъ мемуаровъ, свое рѣ-

¹⁾ Paris 1744.

²⁾ Тамъ же, 1747.

³⁾ Тамъ же, 1749.

⁴⁾ Тамъ же, 1752.

⁵⁾ Тамъ же, 1754—56. Въ трехъ томахъ.

шенис задачи возмущений планетъ и въ частности задачи трехъ тѣлъ, составлявшей предметъ первого тома сочиненія. Занимаясь, такимъ образомъ, этими важными задачами одновременно съ Клеро и Эйлеромъ, д'Аламберъ, пришелъ къ ихъ решенію, пользуясь соворожено другими методами. Послѣднимъ изъ большихъ математическихъ сочиненій д'Аламбера, вышедшихъ, въ видѣ отдѣльныхъ изданий, было *Éléments de musique théorique et pratique suivant les principes de Mr. Rameau*¹⁾.

Всѣ многочисленныя другія сочиненія д'Аламбера по чистой и прикладной математикѣ, астрономіи и физикѣ, какъ имѣвшія менѣе значительные размѣры, появились въ свѣтѣ или въ видѣ мемуаровъ, помѣщенныхъ, главнымъ образомъ въ издаваемой Парижскою академіею наукъ *Histoire de l'Académie Royale des Sciences, avec les Mémoires de Mathématique et de Physique* и въ подобномъ же изданіи Берлинской академіи, или въ видѣ статей, вошедшихъ въ составъ ихъ сборника, изданнаго авторомъ подъ заглавіемъ *Oriuscules mathématiques ou mémoires sur différents sujets de géométrie, de mécanique, d'astronomie, etc.*²⁾.

Первымъ мемуаромъ д'Аламбера, напечатаннымъ въ упомянутомъ изданіи Парижской академіи наукъ, былъ *Méthode générale pour déterminer les orbites et les mouvements de tous les planètes*³⁾. За нимъ послѣдовали: *Sur la précession des équinoxes et sur la nutation de l'axe de la terre*⁴⁾; *Sur la théorie du soleil de Mr. de la Caille*⁵⁾; *Nouvelles recherches sur les verres optiques*⁶⁾; *Recherches sur le calcul intégral*⁷⁾; *Sur les mouvements de l'axe d'une planète etc.*⁸⁾; *Sur les principes de la mécanique*⁹⁾; *Sur le mouvement des corps pesants, en ayant égard à la rotation de la terre*¹⁰⁾. Въ мемуарахъ Берлинской академіи наукъ были напечатаны слѣдующіе мемуары д'Аламбера: *Recherches sur le calcul intégral*¹¹⁾; *Sur la correction du midi et sur*

¹⁾ Тамъ же. 1779.

²⁾ Тамъ же, 1761—68. Въ 8 томахъ.

³⁾ 1745.

⁴⁾ 1754.

⁵⁾ 1757.

⁶⁾ 1764, 1765 et 1767.

⁷⁾ 1767.

⁸⁾ 1768.

⁹⁾ 1769.

¹⁰⁾ 1771.

¹¹⁾ 1746 et 1748.

la détermination de l'orbite des planètes ¹); Sur la courbe que forme une corde tendue mise en vibration ²); Sur les cordes vibrantes ³); Sur les autochrones ⁴); Sur les lunettes achromatiques ⁵); Sur l'attraction des sphéroïdes elliptiques ⁶). Третьимъ ученымъ учреждениемъ, начитавшимъ мемуары д'Аламбера, было Турийское ученое общество, помѣстившее въ своемъ изданіи *Miscellanea Societatis Taurinensis* слѣдующіе изъ нихъ: *Sur les triangles sphériques, formés par des arcs de petites cercles* ⁷); *Sur une différentielle réductible à des arcs des sections coniques* ⁸); *Sur le mouvement des noeuds des satellites* ⁹); *Sur l'arc en ciel* ¹⁰).

1747

*) 1747.

1769.

1765.

5) 1768,

4) 1774.

Томъ IV.

*) Тамъ же.

¹⁰) Тамъ же.

²⁰) Тамъ же.

fraction. Въ IV томѣ: Recherches sur les axes de rotation d'un corps de figure quelconque, qui n'est animé par aucune force accélératrice; Du mouvement d'un corps de figure quelconque; Extrait de plusieurs lettres de l'auteur sur la solution d'un problème, sur un paradoxe géométrique, sur un autre paradoxe, sur la chaleur communiquée par un globe ardent, sur le calcul des probabilités, sur l'analyse des jeux, sur la durée de la vie, sur un mémoire de M. Bernoulli concernant l'inoculation; Nouvelles recherches sur les verres optiques; Nouvelles réflexions sur les vibrations des cordes sonores; Recherches de Calcul intégral; Extraits de lettres sur le Calcul des probabilités et sur les calculs relatifs à l'inoculation; Sur la forme des racines imaginaires, sur la manière de déterminer certaines fonctions, démonstration analytique du principe de la force d'inertie, sur une méthode pour trouver la hauteur méridienne du Soleil; Réflexions sur la théorie de la Lune et en général sur le problème des trois corps. Въ V томѣ: Sur l'équilibre des fluides; Nouvelles réflexions sur les lois du mouvement des fluides (4 статьи); Sur les suites et sur les racines imaginaires; Sur la loi de la compression des ressorts, sur un problème concernant les sinus, sur les tables de mortalité, sur quelques différentielles réductibles à des arcs de sections coniques; Remarques sur une difficulté singulière qui se rencontre dans la solution du problème de la précession des Equinoxes; De la forme la plus avantageuse que l'on puisse donner à l'équation différentielle de l'orbite lunaire; De l'intégration de l'équation de l'orbite lunaire; Examen de quelques autres points importants de la théorie de la Lune; De la résistance que les Planètes et les Comètes peuvent éprouver dans leur mouvement; Du mouvement des apsides quand la force centrale n'est pas exactement en raison inverse du carré de la distance, sur le mouvement des noeuds des Satellites, sur l'altération du mouvement des Comètes dans le système de la gravitation; Des lois de la réfraction de la lumière, dans l'hypothèse de l'attraction newtonienne; Additions à quelques-uns des mémoires précédents. Въ VI томѣ: Recherches sur quelques points d'astronomie physique, principalement sur la figure de la Terre; Suite des recherches sur la figure de la Terre (3 статьи); Eclaircissements sur une prétendue loi de la réfraction; Sur quelques points d'Astronomie physique; Sur différentes questions de mécanique, sur un problème de Calcul intégral, sur les fonctions algébriques, sur la loi de l'attraction. Въ VII томѣ: Sur la théorie des ressorts, sur le Calcul des probabilités, sur les différentielles réductibles aux arcs de sections coniques; Sur l'attraction des sphéroïdes elliptiques; Recherches sur l'opti-

que; Sur le mouvement des corps pesants, en ayant égard à la rotation de la terre autour de son axe, sur la rotation d'un corps de figure quelconque, sur l'intégration de quelques équations différentielles. Въ VIII томѣ: Nouvelles réflexions sur les lois de l'équilibre des fluides, sur quelques questions de Mécanique, sur les annuités; Nouvelles recherches sur le mouvement des fluides dans les vases; Sur les perturbations des Comètes, sur les quantités négatives, sur la multisection de l'angle, sur la figure de la Terre, sur le passage des rayons à travers l'atmosphère, sur les fonctions discontinues, sur les courbes à courbure multiple, sur les frottements, sur la théorie des intégrales singulières, sur une question d'optique, sur la cause des vents.

Изъ работъ, представляемыхъ этими мемуарами, едва ли не самыми выдающимися были работы о колеблющихся струнахъ, для которыхъ авторъ создалъ новый методъ анализа, именно теорію уравнений съ частными производными. Изъ прочихъ мемуаровъ обращаютъ на себя вниманіе посвященные теоріи вѣроятностей вообще и въ частности такимъ ея вопросамъ, какъ Петербургская задача и вопросъ о значеніи оспоприживанія. Въ нихъ авторъ съ постоянствомъ и настойчивостью, достойными лучшей участіи, всегда отвергалъ принципы этой теоріи и, несмотря на работы Паскаля, Гюйгенса и Якова Бернулли, решительно отказывался видѣть въ ней законную вѣтвь математики. Подчинить случай математическимъ законамъ было въ огромныхъ сокращенію безсмыслицею, въ виду которой онъ, рѣшительно отказываясь войти въ глубь предмета, несмотря на приглашенія его къ этому со стороны Давида Бернулли. Въ возобновлявшихся иѣсколько разъ спорахъ по тому же предмету съ этими послѣдними побѣда, по признанію потомства, не осталась однако же на сторонѣ д'Аламбера. Заслуживаетъ также упоминанія и споръ съ Эйлеромъ, въ которомъ д'Аламберъ поддерживалъ несчастливую мысль о существованіи въ дѣйствительности логарифма отрицательного числа.

Общимъ недостаткомъ математическихъ сочиненій д'Аламбера, совершенно чуждымъ другимъ его сочиненіямъ, обыкновенно считается отсутствіе изящества и ясности. Его біографъ, Жозефъ Бертранъ, видѣть причину этого въ томъ обстоятельствѣ, что д'Аламберъ никогда не былъ въ теченіе всей своей жизни и не желалъ быть ни профессоромъ, ни преподавателемъ. Этую мысль нельзя ис считать болѣе, чѣмъ вѣроятно. Въ своихъ математическихъ сочиненіяхъ д'Аламберъ склоновалъ, повидимому, тому же правилу, которымъ онъ предложилъ руководствоваться одному молодому человѣку, обратив-

шемуся къ нему за совѣтъмъ по поводу мучившихъ его противорѣчій, который встали передъ нимъ при началѣ изученія дифференціального исчисленія. Allez en avant, la foi vous viendra, вотъ въ чёмъ состояло упомянутое правило. При составленіи своихъ математическихъ сочиненій, д'Аламберъ разсчитывалъ, хотя, можетъ быть, и безосознательно, что пониманіе читасмой страницы придется къ читателю послѣ прочтенія слѣдующихъ.

Изъ математическихъ сочиненій д'Аламбера очень многія не появлялись въ печати. Списокъ ихъ приведенъ Шарлемъ Анри въ указанной выше его статьѣ *Correspondance inédite de d'Alembert*¹⁾. Изъ нихъ къ элементарной геометріи относятся: *Sur le jaugeage и хранящаяся въ Британскомъ музѣе Introduction géométrique à l'étude de la géographie ou géométrie pratique pour l'instruction des Artistes.*

Выѣтѣ съ Дидро и по его приглашенію д'Аламберъ въ теченіе многихъ лѣтъ стоялъ во главѣ грандиознаго литературнаго предпріятія, представлявшаго ихъ знаменитою энциклопедію, выходившую въ ея первомъ изданіи въ 1751—80 годахъ подъ заглавіемъ *Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*²⁾. Неудобства алфавитнаго порядка расположения статей, хотя и умѣряемыя приложеніемъ систематическихъ таблицъ, указывавшихъ внутреннюю связь между отдѣльными статьями, заставили дать новое изданіе энциклопедіи подъ заглавіемъ *Encyclopédie méthodique*, предпринятое Планкукомъ и Агассономъ³⁾ и расположеною уже по системѣ, указанной въ упомянутыхъ таблицахъ. Гоненія, которымъ подвергалась энциклопедія за свое свободомысліе со стороны духовенства и правительства, и борьба, которую вслѣдствіе этого приходилось вести руководителямъ изданія, до того утомили д'Аламбера, что онъ прекратилъ свою руководящую дѣятельность въ изданіи задолго до его окончанія. Энциклопедія имѣла очень обширное распространеніе. Кроме двухъ французскихъ изданій, изъ которыхъ первое состояло изъ 30000 экземпляровъ, она уже въ 1774 году имѣла четыре иностраннѣи перевода. Д'Аламбера принадлежали въ энциклопедіи значительная часть математическихъ статей и очень много философскихъ. Изъ этихъ послѣднихъ, обратившою на себя общее вниманіе читающей публики, и потому особенно замѣчательною, былъ *Discours préliminaire*, слу-

¹⁾ Раг. 511—514.

²⁾ Paris. In fol. 28 томовъ, 1751—72, 5 томовъ дополненій 1777 и 2 тома указателя 1780.

³⁾ Paris 1782—1832, 166 томовъ in 4°.

жившій предисловіемъ къ энциклопедії. Представляя по замыслу автора и по его собственному выражению квантесценцію его математическихъ, философскихъ и литературиныхъ знаній, она состояла изъ двухъ различныхъ частей. Первая была посвящена подробному изложению порядка, въ которомъ создавались различные отрасли человѣческаго знанія, а вторая представляла историческую картину прогресса человѣчества съ эпохи возрожденія до самаго послѣдняго времени. Нельзя не указать также и на появившуюся въ VII томѣ энциклопедіи статью д'Аламбера *Genève*, возбудившую противъ энциклопедіи не только ея врага—французское духовенство, но и такого ся сторонника и даже сотрудника, какъ Жанъ-Жакъ Руссо. Со стороны послѣдняго она вызвала не только отказать отъ дальнѣйшаго сотрудничества въ изданіи, но и оскорбительное письмо къ д'Аламберу.

Слава, доставленная д'Аламберу его *Discours préliminaire* и вообще первыми томами энциклопедіи, заставила Французскую академію избрать его въ 1754 году въ свои члены. Это избрание было скорѣе уступкою общественному мнѣнию, чѣмъ результатомъ собственного желанія академіи, какъ это можно видѣть изъ того, что изъ четырехъ, послѣдовательно освобождавшихся мѣстъ въ академіи д'Аламберу было предоставлено только послѣднее. Что же касается первыхъ трехъ, то при ихъ замѣщеніи д'Аламберу были предпочтены такіе незначительныя литературные дѣятели, какъ графъ де Клермонтъ, Бугенвиль и де Буасси. Съ 1772 года д'Аламберъ сдѣлался непремѣннымъ секретаремъ Французской академіи. По этому званію, а также и ранѣе, какъ членъ той же академіи, д'Аламберъ долженъ былъ произносить въ ся засѣданіяхъ много похвальныхъ академическихъ рѣчей, которыхъ стояли далеко ниже другихъ его произведеній, что въ значительной степени обусловливалось и качествами предметовъ этихъ словъ и установленными традиціею характеромъ ихъ изложенія. Въ 1770 году было издано подъ заглавіемъ *Mélanges de Littérature, d'Histoire et de Philosophie* собраніе нѣкоторыхъ изъ сочиненій д'Аламбера по литературѣ и философіи.

Къ концу своей жизни д'Аламберъ былъ членомъ почти всѣхъ академій и ученыхъ обществъ Европы. Кромѣ прусского короля Фридриха, онъ находился въ перепискѣ также и съ русскою императрицею Екатериной II, приглашившею его между прочими, хотя конечно и безуспешно, переселиться въ Петербургъ для того, чтобы сдѣлаться действительнымъ членомъ Петербургской академіи наукъ.

Д'Аламберъ различаетъ для каждой изъ наукъ, а въ томъ числѣ и для геометріи элементы двухъ родовъ. Если изъ составляющихъ науку истинъ или предложній выдѣлить общія, служащія основаніемъ всіхъ другихъ, и соединить ихъ въ одно цѣлое, то получатся элементы первого рода. Они представляютъ какъ бы зародышъ, изъ котораго путемъ развитія могутъ быть воспроизведены всѣ предметы науки со всѣми ихъ подробностями, какъ это прямо слѣдуетъ изъ того, что общія истинны или предложнія, составляющія элементы, содержать въ себѣ, хотя и неявно, всѣ другія. Можно сказать, съдовательно, что въ своихъ элементахъ первого рода всякая наука заключается во всѣмъ объемѣ. Въ геометріи такими элементами были бы содержащіе въ себѣ не только принципы измѣренія и свойствъ плоскихъ фігуръ, но также и принципы приложенія алгебры къ геометріи и приложенийій къ кривымъ линіямъ дифференціального и интегральнааго исчислений.

Истинны или предложнія, составляющія науку, могутъ быть рассматриваемы еще и съ другой точки зренія. Нѣкоторыя изъ нихъ, или въ самихъ себя, или въ своихъ слѣдствіяхъ, могутъ рассматривать предметъ самимъ простымъ образомъ. Собраніе такихъ истинъ или предложній вмѣстѣ съ ихъ подробнѣ изложенными слѣдствіями въ одно цѣлое и представляетъ элементы второго рода болѣе вульгарные и болѣе употребительные, но въ философскомъ смыслѣ значительно уступающіе элементамъ первого рода. Они являются, такимъ образомъ, рассматривающими въ подробнѣяхъ наиболѣе простыя части предмета. Въ геометрической литературѣ ихъ представляютъ элементы обыкновенной геометріи, какъ исидущіе дающіе изложенія общихъ свойствъ плоскихъ фігуръ и круга и потому обнимающіе, хотя бы въ съ большими подробнѣями, только простѣшую часть предмета.

Говоря далѣе о стадіяхъ развитія каждой науки, представляемыхъ, во-первыхъ, періодами накапливанія новыхъ знаній и, во-вторыхъ, смѣняющими ихъ періодами систематизаціи тѣхъ же знаній, д'Аламберъ объясняетъ неудовлетворительность трактатовъ, представляющихъ первыя попытки упомянутой систематизації, тѣмъ, что авторы ихъ не принадлежатъ, обыкновенно къ числу изобрѣтателей или творцовъ науки. Трактатъ каждой науки, какой бы онъ ни былъ, полный или только излагаютцій ея элементы, долженъ, по его мнѣнію, склоняться къ тому пути, по которому шоль изобрѣтатель, такъ какъ единственно только за этимъ путемъ можетъ быть признана способность представить связь между истинами или предложніями науки въ ея естествен-

номъ видѣ. Д'Аламберъ не забываетъ при этомъ указать и на случай, когда и самъ изобрѣтатель не оказывается въ состояніи вернуться на пройдѣній имъ путь, что бывастъ каждый разъ, когда онъ руководился въ своихъ изысканіяхъ болѣе инстинктомъ особаго рода, чѣмъ умозрѣніемъ¹⁾). Четырьмя страницами ниже²⁾ д'Аламберъ снова возвращается къ тому же предмету. Здѣсь, поставивъ вопросъ: должно ли при изложеніи элементовъ слѣдоватъ порядку, которому держались изобрѣтателя? онъ высказываетъ слѣдующія мысли. Несомнѣнно, что этотъ порядокъ вообще есть самый выгодный, какъ наиболѣе сообразный съ ходомъ ума. Поставляя умъ, онъ его проспѣваетъ, онъ ставитъ его на путь, по которому слѣдуетъ идти далѣе, и заставляетъ предвидѣть на этомъ пути каждый слѣдующій шагъ. Этотъ порядокъ есть то, что иначе называется *аналитическимъ методомъ*, идущимъ отъ сложныхъ идей къ идеямъ абстрактнымъ, восходящимъ отъ извѣстныхъ сѣдѣствий къ неизвѣстнымъ принципамъ и достигающимъ открытия посѣдѣніяхъ черезъ обобщеніе первыхъ.

Для элементовъ геометріи д'Аламберъ предлагаетъ слѣдующій планъ. Находя неточнымъ обычное ихъ дѣленіе на лонгиметрію, планиметрію и стереометрію, какъ забывающее о необходимости рассматривать въ нихъ, кроме прямой линіи и плоскости, также еще окружность и сферическая поверхность, онъ раздѣляетъ ихъ на геометрію прямыхъ линій и окружности, геометрію поверхностей и геометрію тѣлъ. Первая изъ этихъ трехъ частей распадается на два отдѣла, изъ которыхъ въ первомъ линіи рассматриваются по ихъ положенію, а во второмъ по отношению, которое онѣ могутъ имѣть между собою. Несмотря на то, что прямая линія значительно болѣе проста, чѣмъ окружность, онѣ обѣ должны быть рассматриваемы въ элементахъ вмѣстѣ, а не отдѣльно, такъ какъ свойства окружности являются чрезвычайно полезными для доказательства наиболѣе простымъ и легкимъ образомъ всего, что относится къ сравненію прямыхъ линій между собою по ихъ положенію. Предложеніе обѣ измѣренія угла дугово, описанно изъ его вершины, какъ изъ центра, и принципъ наложенія, взятые вмѣстѣ, составляютъ основаніе всего первого отдѣла геометріи линій въ элементахъ, такъ какъ съ помощью ихъ могутъ быть доказаны всѣ его предложенія. Изложивъ этотъ отдѣлъ, авторъ элементовъ долженъ перейти къ наложенію втораго, основаніемъ,

¹⁾ *Éléments des sciences*, p. 618—619.

²⁾ Тамъ же, стр. 622—623.

которому, по мыслию д'Аламбера, служить теорема о дѣленіи сторонъ треугольника на пропорціональныя части линіею, параллельною его основанію. Для доказательства этой теоремы достаточно показать, что если упомянутая параллельная проходитъ черезъ середину одной изъ двухъ сторонъ треугольника, то она пройдетъ и черезъ середину другой, такъ какъ затѣмъ уже легко будетъ видѣть, что въ случаѣ симизмѣрности отрѣзка съ цѣлою стороною полученные отрѣзки пропорціональны. Что же касается противоположнаго случая, то въ немъ для доказательства того же предложенія остается только показать при помощи приведенія къ нелѣшности, что одно изъ рассматриваемыхъ отношеній не можетъ быть ни больше, ни меньше другого и, следовательно, должно равняться ому. Приведеніе къ нелѣшности, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ большинствѣ другихъ, имѣющихъ дѣло съ несопромѣрными количествами, становится на мѣсто прямыхъ доказательствъ, какъ несопрѣмѣрныхъ здѣсь по слѣдующей причинѣ. Въ початкѣ несопромѣрныхъ количествъ входитъ, хотя и въ пеявицѣ видѣ, идея безконечности, которая намъ представляется всегда только въ формѣ идеи отрицанія конечнаго, что и имѣть своимъ необходимымъ слѣдствиемъ невозможность доказывать прямо и a priori все, что касается математической безконечности. Вполнѣ признавая трудности, представляемыя для начинающихъ несопромѣрными количествами, д'Аламберъ въ виду ихъ важности для геометріи и въ особенности для теоріи пропорцій линій совѣтуетъ ввести ихъ разсмотрѣніе въ элементы лучше раньше, чѣмъ позже. Целью обойтись при этомъ и безъ введенія единственнаго предложенія, требуемаго теорію несопромѣрныхъ количествъ и касающуюся предѣловъ количествъ. Вотъ это предложеніе. Величины, составляющія предѣлы одной и той же величины, или иначе величины, имѣющія одинъ и тотъ же предѣлы, равны между собою.

Геометрія поверхностей сводится, по взгляду д'Аламбера, къ ихъ измѣренію; также какъ *геометрія тѣла* къ измѣренію объемовъ. Основнымъ принципомъ измѣренія въ первой служить принципъ измѣрепія прямоугольника, а во второй—принципъ измѣрепія прямоугольного параллелепипеда.

Затрудненіемъ, встрѣчаемымъ въ геометріи тѣль и не имѣющимъ себѣ соответственнаго въ геометріи поверхностей, является предложеніе объ объемѣ пирамиды, какъ о трети объема параллелепипеда, имѣющаго съ пирамидою равновеликія основанія и равныя высоты. Для доказательства этого предложенія должна быть доказана предва-

ригельно теорема о равновеликости пирамидъ, имѣющихъ тѣ же основанія и тѣ же высоты, что можетъ быть легко исполнено при помощи метода исчерпыванія. Тѣмъ же методомъ или методомъ предѣловъ сдѣлутъ пользоваться въ геометріи поверхностей при опредѣленіи площади круга, а въ геометріи тѣль при опредѣленіи поверхности и объема шара. Для этого нужно, напримѣръ, въ первомъ случаѣ, показать сперва, что произведеніе окружности на половину радиуса есть предѣлъ площади описанного или вписанного многоугольника, а затѣмъ въ виду того, что тѣмъ же предѣломъ является очевидно площадь круга, замѣчательно, что площадь круга есть произведеніе окружности на половину радиуса или радиуса на половину окружности.

О методѣ предѣловъ д'Аламберъ говоритъ еще въ статьяхъ *Dif- f  rentiel*¹⁾ и *Limite*²⁾. Во второй статьѣ, главная часть которой принадлежитъ аббату *de la Шапелль*, д'Аламберъ старается сдѣлать даниое первымъ опредѣленіе предѣла болѣе строгимъ и яснымъ. Первый даетъ это опредѣленіе въ слѣдующемъ видѣ: величина есть предѣлъ другой величины, когда вторая можетъ приблизиться къ первой ближе, чѣмъ на всякую данную величину, какою бы малою она ни полагалась, и притомъ однако же такъ, чтобы приближающаяся величина никогда не могла превзойти ту, къ которой она приближается; разность между подобною величиною и предѣломъ является такимъ образомъ абсолютно неуловимою. Д'Аламберъ доказываетъ это опредѣленіе замѣчаніемъ, что „предѣлъ“ никогда не совпадаетъ или никогда не дѣлается равнымъ количеству, для которого оғь является предѣломъ, но это количество, постоянно приближаясь къ нему все болѣе и болѣе, можетъ отличаться отъ него какъ угодно мало“. Кругъ, напр., есть предѣлъ вписанныхъ и описанныхъ многоугольниковъ, потому что онъ никогда не сливается съ ними, хотя они и могутъ приближаться къ нему до бесконечности. Затѣмъ, чтобы показать на примѣрѣ значеніе этого замѣчанія для освѣщенія иѣкоторыхъ математическихъ предложеній, онъ останавливается на разсмотрѣніи выраженія суммы членовъ безконечно убывающей геометрической прогрессіи. Теоріи предѣловъ д'Аламберъ вообще придаетъ весьма важное значение, таlkъ какъ видѣть въ ней основаніе истинной метафизики дифференциального исчисленія. Въ статьѣ *Dif- f  rentiel*, пользуясь первымъ изъ двухъ

¹⁾ *Encyclop  die m  thodique. Math  matiques*, I, pag. 520—526.

²⁾ Тамъ же, II, стр. 309—310.

указываемыхъ де ла Шапелль основныхъ предложений метода предѣловъ, д'Аламберъ даетъ ему доказательство, пользующееся приведениемъ къ нульности. Это предложение и присоединяемое къ нему де ла Шапелль другое представлены въ его статьѣ въ слѣдующемъ изложеніи: 1-ое. Если каждая изъ двухъ величинъ представляетъ предѣль одного и того же количества, то эти двѣ величины равны между собою. 2-ое. Пусть $A \times B$ произведение двухъ величинъ A, B . Положимъ, что C предѣль величины A , а D предѣль величины B ; я говорю, что произведеніе предѣловъ $C \times D$ необходимо будетъ предѣломъ произведенія $A \times B$ двухъ величинъ A, B . Доказательство этихъ предложений авторъ не приводить, отсылая читателя для ознакомленія съ ними къ своему сочиненію *Institutions de Géométrie*. Что же касается упомянутаго доказательства д'Аламбера первого предложениія, то оно состоитъ въ слѣдующемъ. Пусть Z и X предѣлы одного и того же количества Y , я говорю, что $X = Z$, ибо, если бы между ними была какая нибудь разность V , то $X = Z \pm V$. Но, по условію, количество Y можетъ какъ угодно близко подойти къ X , то есть разность между Y и X можетъ быть какъ угодно малою. А такъ какъ Z отличается отъ X на количество V , то отсюда слѣдуетъ, что Y не можетъ приближаться къ Z ближе, чѣмъ на количество V , и слѣдовательно Z не есть предѣль Y , что противно условію ¹⁾.

Лѣбату де ла Шапелль принадлежать въ энциклопедіи также и статья о методѣ исчерпыванія ²⁾. Онъ опредѣляетъ его какъ способъ доказывать равенство двухъ величинъ посредствомъ обнаруживанія, что ихъ разность менѣе всякой выразимой величины, и при употребленіи для доказательства приведенія къ нульности. Въ виду того, что, несмотря на простоту принципа метода исчерпыванія, его приложеніе очень нерѣдко дѣлаетъ доказательства длинными и сложными, д'Аламберъ предлагаетъ замѣнить его принципомъ бесконечно-малыхъ, показать предварительно совершенную тождественность обоихъ принциповъ, изъ которыхъ второй есть только сокращенное выраженіе первого.

Для болѣе строгаго соблюденія порядка и методичности въ расположении материала разсмотрѣніе сферической поверхности слѣдовало бы отнести къ геометріи поверхностей. Съ этой послѣднею д'Аламберъ совѣтуетъ также сблизить теорію пропорцій линій, при

¹⁾ Encycl. méth. Mathém. I, pag. 521.

²⁾ Тамъ-же, I, p. 703—704.

помощи доказываемой геометрических теоремы о томъ, что при пропорциональности четырехъ линій произведенію двухъ крайнихъ равно произведенію двухъ среднихъ. Употребленіе алгебраического исчислѣнія какъ при доказательствѣ этой теоремы, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, д'Аламберъ считаетъ для элементовъ геометрии совершиенно излишнимъ въ виду полной неспособности этого исчислѣнія хотя сколько-нибудь содѣйствовать облегченію ихъ изложенія. Очень полезнымъ для развитія и укрѣщенія ума учащагося результатомъ разсматриваемаго сближенія является наблюденіе какъ двѣ отдельно разсматриваемыя теоріи сходятся другъ съ другомъ въ доказательствахъ различныхъ предложеній въ родѣ, напримѣръ, предложенія о квадратѣ гипотенузы.

Изложивъ свой планъ элементовъ геометрии, д'Аламберъ замѣчаетъ, что какъ это изложеніе, такъ и общія соображенія, высказанныя въ статьѣ *Éléments des Sciences*, равно показываютъ, что нѣть ни одного геометра, который могъ бы считаться стоящимъ выше предприятия, подобного составленію этихъ элементовъ; что двѣло этого составленія можетъ быть хорошо выполнено только первокласснымъ математикомъ и что, наконецъ, задача составленія возможно лучшихъ элементовъ геометрии не можетъ быть признана стоящую ниже достопрінства даже такихъ выдающихся силъ, какъ Декартъ, Пьютонъ, Лейбницъ, Бернулли и др. Въ противоположеніе этимъ идеальнымъ требованиямъ д'Аламберъ приводитъ слѣдующую суровую онѣвку начальной дѣятельности. Нѣть, можетъ быть, ни одной науки, въ которой къ настоящему времени, не говоря уже о будущемъ, появилось бы столько сочиненій, посвященныхъ элементамъ, сколько въ геометрии. И эти сочиненія въ громадномъ большинствѣ случаевъ суть произведенія математиковъ посредственныхъ, геометрическихъ знаній которыхъ не выходятъ за предѣлы написанного ими сочиненія и которые, поэтому, совершиенно не въ состояніи хорошо изложить свой предметъ. Къ этому необходимо еще прибавить, что нѣть почти ни одного автора элементовъ геометрии, который въ своемъ предисловіи не говорилъ бы болѣе или менѣе плохо о своихъ предшественникахъ въ томъ же дѣлѣ.

Замѣчанія, имѣющія цѣлью возможное усовершенствованіе элементовъ геометрии, встрѣчаются не только въ изложеніи плана послѣднихъ, но и въ заключительной части посвященной имъ статьи, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ д'Аламбера изъ числа находящихся въ методической энциклопедіи (наприм. *Axiome, Courbe*).

Аксіомы, какъ для всѣхъ наукъ вообще, такъ и для геометріи въ частности, совершенно бесполезны. Какая можетъ быть, напримѣръ, надобность въ аксіомѣ о цѣломъ и его частяхъ для того, чтобы видѣть, что половина линіи меньше цѣлой? Иложenie аксіомъ не должно, поэтому, имѣть мѣста въ элементахъ геометріи. Совершенно должно быть преобразовано въ нихъ также и изложеніе опредѣленій, этой ихъ существенно необходимой части. Приводить опредѣленіе сразу въ самомъ началѣ безъ анализа особаго рода значитъ поступать не только противно здравой философії, но и несомнѣнно съ естественнымъ ходомъ разума. Умѣстно ли, напримѣръ, прямо сказать: поверхность есть предѣль тѣла, не имѣющій никакой толщины? Не лучше ли сперва разсмотрѣть тѣло такимъ, каково оно есть, и только уже потомъ показать, какъ съ помощью послѣдовательныхъ абстракцій приходятъ къ представлению о тѣлѣ, какъ о чёмъ-то протяженіемъ и оформленіемъ, а затѣмъ уже透过 новыхъ абстракцій и въ послѣдовательному разсмотрѣнію поверхности линіи и точки. Наконецъ, встрѣчаются и такие случаи, особенно въ полныхъ курсахъ геометріи, когда опредѣленіе предмета только и можетъ быть дано послѣ его разсмотрѣнія, то есть являясь результатомъ послѣдняго. Прямая и кривая линіи совсѣмъ не должны быть опредѣляемы въ элементахъ, въ виду, главнымъ образомъ, того, что ихъ понятія не могутъ быть сведены къ болѣе простымъ идеямъ. Стремленіе къ точности никогда не должно переходить въ элементахъ въ погоню за минимонеадельною точностью. Пространство, напримѣръ, слѣдуетъ представлять такимъ, какъ его понимаютъ всѣ люди. Создавать же себѣ по его поводу затрудненія по примѣру софистовъ совершенно палиши. Не слѣдуетъ также съ цѣлью достиженія обыкновенно только кажущейся, минимой, точности пользоваться для доказательства существованія и вывода свойствъ того или другого протяженія замѣною абстрактной математической гипотезы грубымъ и несовершеннымъ физическимъ образомъ, въ родѣ, напримѣръ, употребленного однимъ изъ современныхъ д'Аламбера геометровъ замѣщенія понятія прямой линіи образомъ тупо натянутой нити.

Кромѣ д'Аламбера усовершенствованіемъ элементовъ геометріи занимались еще и многие другие ученые какъ въ отдельныхъ сочиненіяхъ, такъ и въ журнальныхъ статьяхъ. *Louis Bertrand*¹⁾ (1731—1812), женевскій уроженецъ, бывшій до революціи профессоромъ ма-

¹⁾ *Poggendorff* I, pag. 171.

тематики въ Женевѣ, а ранѣе вступленія въ эту должностъ долго жившій въ Бордигѣ, гдѣ онъ сдѣлался членомъ мѣстной академіи наукъ. Въ засѣданіяхъ послѣдней имъ были прочитаны пѣкоторыи изъ чго математическихъ работъ, а изъ си членовъ онъ ближе другихъ былъ къ Эйлеру. Въ своеемъ назначенніи для начинающихъ курсъ элементарной математики *Developpement nouveau de la partie elementaire des mathématiques, prise dans toute son étendue*¹⁾ онъ все си изложеніе дѣлаетъ подчиненнымъ, вспомогательнымъ, по отношенію къ теоріи круга и прямой линіи, какъ къ главной въ области элементовъ математики. Отведя весь первый томъ²⁾ изложению ариѳметики и алгебры, онъ большую часть³⁾ второго⁴⁾ посвящаетъ элементамъ геометріи, которые, какъ и д'Аламберъ, дѣлить на три части: на первую „О прямой линіи и обѣ окружностяхъ“⁵⁾, на вторую „Обѣ измѣренія плоскихъ поверхностей, ограниченныхъ пряммыми линіями и окружностями“⁶⁾ и на третью, занимающуюся взаимоображеніемъ кривыхъ поверхностей и тѣль, зависящихъ отъ круга и прямой линіи⁷⁾). Изъ семи главъ, составляющихъ первую часть, первая трактуетъ о плоскости, прямой линіи и углахъ; вторая — обѣ условіяхъ, опредѣляющихъ треугольники; третья — о подобіи треугольниковъ и иѣкоторыхъ плоскихъ фигурахъ; четвертая — обѣ относительномъ положеніи окружности и прямой линіи, а также и двухъ окружностей; пятая — о решеніи 19 задачъ на основаніи принциповъ, изложенныхъ въ предыдущихъ главахъ; шестая — о вписаніи и описаніи около круга многоугольниковъ и о вы-примененіи окружности и седьмая — о кривизнѣ кривыхъ линій вообще и окружностей въ частности. Двѣ главы, составляющія вторую часть, имѣютъ предметами: первая — плоскія прямолинейныи поверхности, а вторая — поверхности круга и его секторовъ и сегментовъ. Наконецъ изъ шести главъ, составляющихъ третью часть, первая трактуетъ о встрѣчѣ прямыхъ линій и плоскостей; вторая — о тѣлахъ вообще и о правильныхъ тѣлахъ и шарѣ въ частности; третья — о призмахъ, пирамидахъ, конусахъ и цилиндрахъ, а также и о иѣкоторыхъ опредѣленіяхъ, относящихся къ шару; четвертая — обѣ измѣренія поверхно-

¹⁾ 2 vol., Genève 1778, in 4°.

²⁾ 1 исп. + XXXII + 676 стр.

³⁾ 388 р.

⁴⁾ 1 исп. + 646 стр. и XIX гравированныхъ таблицъ.

⁵⁾ 160 стр.

⁶⁾ 161—194 стр.

⁷⁾ 195—338 стр.

стей цилиндровъ и прымыхъ конусовъ—полного и усѣченного, а также и поверхности шара и ея частей; пятая—объ объемахъ призмъ, цилиндровъ, пирамидъ, конусовъ, шара и ихъ частей и шестая—о подобии тѣлъ. Но поводу второй части Бертранъ замѣчаетъ, что въ нее можно было бы перенести изъ третьей главы о кривыхъ поверхностяхъ, для измѣренія которыхъ достаточно знанія свойствъ круга и прямой линіи. Съ такимъ же правомъ слѣдовало бы перенести изъ третьей въ первую статью о встрѣчѣ прымыхъ линій и плоскостей вмѣстѣ со всѣмъ, что относится какъ къ построению правильныхъ тѣлъ и разстояній ихъ центровъ отъ сторонъ и вершинъ угловъ, такъ и къ сѣченіямъ призмъ, цилиндровъ, пирамидъ и проч. плоскостями, параллельными основаніемъ. Но онъ не дѣластъ ни того, ни другого въ виду необходимости властъ черезъ это въ противорѣчіе съ принятымъ обычаемъ, какъ вполнѣ оправдываемъ уже тѣмъ соображеніемъ, что обѣ первыя части яе идутъ въ своемъ изложеніи далѣе плоской поверхности.

Ідея д'Альмбора о совмѣстномъ разсмотрѣніи прямой линіи и окружности въ первой части элементовъ геометріи является въ книгѣ Бертрана вполнѣ осуществившемся, особенно въ первой главѣ. Что же касается другой его идеи, именно подраздѣленія той же первой части на два отдѣла, то полное ея осуществленіе можно найти развѣ только въ первыхъ трехъ главахъ, изъ которыхъ первая дѣлъ принадлежать вполнѣ первому отдѣлу, а третья—второму. Въ слѣдующихъ трехъ главахъ оба отдѣла представляются уже въ смѣшанномъ видѣ. Такъ изъ трехъ частей, составляющихъ четвертую главу, первая имѣть предметомъ относительные положенія прямой линіи и окружности и двухъ окружностей, вторая—измѣреніе угловъ въ кругѣ и третья—находящіяся въ связи съ кругомъ пропорциональныя линіи. Также и въ собраніи задачъ, представляющемъ пятую главу, одинъ принадлежать одному отдѣлу, а другія—другому.

Проникающее все сочиненіе Бертрана стремленіе къ усовершенствованію элементовъ геометріи проявляется прежде всего въ даваемыхъ имъ определеніяхъ плоскости и прямой линіи. Пространство безконечно и однородно или, другими словами, сходно само съ собою во всякое время и во всякомъ мѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы захотѣли дать предѣлы пространству, то должны были бы сдѣлать это на всемъ его протяженіи, а это значило бы, что данные предѣлы его не ограничиваютъ. Что же касается однородности, то она выражается въ томъ, что часть пространства, занимаемая тѣломъ въ

одномъ мѣстѣ, ничѣмъ не отличающейся отъ части пространства, занимаемой тѣмъ же тѣломъ во всякомъ другомъ мѣстѣ; къ чому слѣдуетъ прибавить еще, что пространство, окружающее тѣло, помѣщенное въ одной его части, есть то же, что и пространство, окружающее то же тѣло при помѣщении его въ другой части. Изъ этого понятія о пространствѣ слѣдуетъ, что пространство можно представить себѣ раздѣленнымъ на такія дѣла части, изъ которыхъ ни обѣ одной нельзя сказать ничего такого, что не можно бы быть сказано о другой и общей предѣль которыхъ, кроме того, къ каждой изъ нихъ имѣть одни и тѣ же отношенія, какъ бы они при томъ ни разсматривались: въ цѣломъ или въ части. Этотъ предѣль, раздѣляющій пространство на дѣла части, и есть то, что называется *плоскостью*. Плоскость, какъ и пространство, можно представить себѣ раздѣленной на такія дѣла части, изъ которыхъ ни обѣ одной нельзя сказать ничего такого, что не можно бы быть сказано о другой и общей предѣль которыхъ, кроме того, къ каждой изъ нихъ имѣть одни и тѣ же отношенія, какъ бы они при томъ ни разсматривались: въ цѣломъ или въ части. Этотъ предѣль, раздѣляющій плоскость на дѣла части, и есть то, что называется *прямой линіею*. Съ помощью этихъ опредѣлений Берtrandъ доказываетъ слѣдующія предложенія о прямой линіи, которыя безъ нихъ не могутъ быть доказаны и потому принимаются обыкновенно за аксиомы: „изъ одной точки на плоскости къ другой можно провести только одну прямую линію“; „дѣла точки на плоскости опредѣляютъ прямую линію“; „дѣла пересекающейся на плоскости прямыхъ линіи пересекаются только въ одной точкѣ“. Позднѣе тѣ же предложенія были доказаны еще и другимъ образомъ при помощи опредѣленія прямой линіи, данного Лапласомъ въ *Journal des sбances de l'Ecole Normale*.

Не расходясь, вообще говоря, съ д'Аламберомъ въ выборѣ путей доказательствъ предложенныхъ, имѣющихъ дѣло съ переходами отъ сознанія рациональному и отъ прямыхъ линій къ кривымъ, Берtrandъ даетъ только нѣсколько, болѣе широкое распространеніе употребленію приведенія къ нелѣности. Онъ, именно, пользуется имъ доказательствахъ не только всѣхъ предложений первой изъ указанныхъ сейчасъ двухъ группъ, но и тѣхъ изъ второй группы, которыя залимаются определеніемъ площади круга и поверхности цилиндра и конуса, хотя, конечно, по ихъ природѣ онъ и не можетъ при этомъ обойтись безъ метода исчерпыванія. Однимъ методомъ исчерпыванія пользуются доказательства всѣхъ другихъ изуждающихся въ немъ

предложений второй груши, а также и предложения о равенствѣ треугольныхъ пирамидъ при равенствѣ ихъ оснований и высотъ.

Присущее сочиненію Бертрана стремленіе къ возможному сокращенію числа отдельныхъ предложенийъ съ особенною яркостью проявляется въ пятой главѣ третьей части, где цѣлый рядъ предложенийъ оказывается замѣненнымъ рядомъ соответствующихъ задачъ, соединенныхъ вмѣстѣ въ одномъ слѣдующемъ изложеніи: „измѣрить призму, пирамиду, усѣченную пирамиду, цилиндръ, конусъ, усѣченный конусъ, шаръ, сферический секторъ, сферический сегментъ, усѣченный сегментъ“. Объемъ усѣченной пирамиды, соответственно усѣченного конуса, опредѣляется здѣсь какъ разность между объемами пирамидъ, соответственно конусовъ, полной и отсѣченной отъ нея. Объемъ цилиндра измѣряется съ помощью теоремы „отношеніе цилиндровъ къ призмамъ равно сложному отношенію ихъ высотъ и оснований“, а измѣреніе объемовъ конуса и шара сводится къ измѣренію объема цилиндра.

Являясь во второй половинѣ XVIII вѣка однимъ изъ самыхъ содержательныхъ и глубокихъ сочиненій по элементарной математикѣ вообще и геометріи въ частности, книга Бертрана, несмотря на свое сравнительно малое распространеніе, не осталась безъ существенного влияния на послѣдующую литературу своего предмета, какъ это можно видѣть, между прочимъ, въ обращеннаго Лакруа къ тѣмъ изъ своихъ читателей, которые желаютъ углубиться въ принципы анализа и элементарной геометріи, приглашенія обратиться къ сочиненію Бертрана, какъ къ такому, которому въ самъ приглашающій обязанъ многими важными идеями.

Кромѣ разсмотрѣннаго, въ печати появились еще два сочиненія Бертрана: *Réouvellements périodiques des continents terrestres*¹⁾ и *Sur une question du calcul des probabilités*²⁾. Изъ момуаровъ, прочитанныхъ имъ въ Берлинской академіи наукъ, по, повидимому, не появившихся въ печати, известенъ *Sur le développement des puissances d'un binôme, dont les exposants sont des fractions ou des nombres négatifs.*

Изъ сочиненій второй половины XVIII вѣка, посвященныхъ изложению элементовъ геометріи, самымъ распространеннымъ, особенно въ теченіе всего послѣдующаго XIX вѣка, были *Éléments de géométrie par A. M. Legendre*, вышедшие въ свѣтъ въ 1794 году въ Парижѣ.

¹⁾ Hambourg 1799.

²⁾ Berlin. Mémoires des savants étrangers.

Въ XIX вѣкѣ они имѣли много изданій начиная съ третьяго, во Франціи и Бельгіи и, кромѣ того, были переведены почти на всѣ европейскіе языки. Доставляемые ими доходы были такъ значительны, что вполнѣ обеспечили въ материальномъ отношеніи дальнѣйшее существование автора. Они вышли бы еще въ болѣе значительномъ количествѣ экземпляровъ, если бы не помѣщали этому многочисленные составленные по нимъ на разныхъ языкахъ учебники, очень нерѣдко представлявшіе пріемы ихъ воспроизведенія. Авторъ ихъ *Adrien Marie Legendre*¹⁾ (1752—1833), парижскій уроженецъ, учился въ Мазаринской коллегіи, гдѣ, по окончаніи курса классическаго учения, слушалъ лекціи математики, читаемыя очень извѣстнымъ въ свое время преподавателемъ аббатомъ Мари. Даровитость Лежандра обратила на него вниманіе учителя, много содѣйствовавшаго его научному развитию. Результаты, которыхъ достигъ Лежандръ въ это время въ дѣлѣ изученія математическихъ наукъ, выразились до изѣкоторой степени въ написанныхъ имъ по порученію учителя для его сочиненія *Traité de mécanique* 1774 года отдѣльныхъ главахъ. Принадлежа къ числу замѣчательнѣйшихъ въ книгѣ, эти послѣднія и особенно глава объ ускорительныхъ силахъ па столько выдѣлялись по ясности и строгости изложенія, что заслужили одобреніе самого Лагранжа. Въ практическомъ отношеніи, какъ и въ научномъ, имѣло очень важное значеніе для Лежандра сведеніе имъ около этого времени знакомство съ д'Аламберомъ, вполнѣ сумѣвшимъ оцѣнить его, какъ ученаго. При посредствѣ д'Аламбера Лежандру удалось въ 1775 году занять каѳедру математики въ Парижской военной школѣ, которую затѣмъ онъ удерживалъ за собою до 1780 года. Обезпеченный этой каѳедрою въ материальномъ отношеніи, Лежандръ съ большими рвениемъ при himselfъ изученіе трудовъ знаменитыхъ геометровъ, и въ особенности Эйлера, который затѣмъ служилъ для него образцомъ во всѣхъ трудахъ и изслѣдованіяхъ.

Первымъ появившимся въ печати ученымъ трудомъ Лежандра былъ получившій въ 1782 году отъ Берлинской академіи наукъ полную премію мемуаръ *Recherches sur la trajectoire des projectiles dans*

¹⁾ *Poisson, Discours prononcé aux funérailles de Legendre, 1833.—Mémoire sur les travaux et les écrits de M. Legendre. Biblioth. univers. de Genève; Sciences et arts 52, 1833, pag. 45—82. Poggendorff, I, S. 1406—1407. Legendre (Adrien-Marie). Histoire des sciences mathématiques et physiques, par M. Maximilien Marie, X, pag. 110—148. О сочиненіяхъ Лежандра. Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета. 1894. Отр. 403—411 и 592—605.*

les milieux résistants. За этимъ мемуаромъ вскорѣ послѣдовалъ другой подъ заглавіемъ *Sur l'attraction des sphéroïdes homogènes*¹⁾, представлений въ Парижскую академію наукъ въ январѣ 1783 года. Лестный отзывъ, данный обѣ этомъ трудахъ Лапласомъ, которому онъ вмѣстѣ съ д'Аламберомъ былъ переданъ на разсмотрѣніе, заставилъ Парижскую академію наукъ избрать автора въ томъ же 1783 году въ члены-адъюнкты академіи на мѣсто, освободившееся послѣ повышения Лапласа въ слѣдующее академическое званіе. Въ 1787 году Лежандръ былъ назначенъ членомъ комиссіи, задача которой состояла въ исполненіи геодезическихъ операций, необходимыхъ для приведенія въ связь Парижской обсерваторіи съ Гринвичскою. Не удовлетворяясь дѣятельнымъ участіемъ въ практической части этихъ операций, представляемой ежедневными наблюденіями и логарифмическими вычислѣніями, Лежандръ много содѣйствовалъ усовершенствованію и ихъ теоріи. Замѣтившисъ, что треугольники на земной поверхности, входящіе въ составъ геодезической сѣти, не могутъ быть считаемы плоскими, какъ это дѣялось прежде, онъ пришелъ къ открытию важнаго предложенія, известнаго подъ именемъ *теоремы Лежандра* и состоящаго въ томъ, что сферический треугольникъ, стороны которого очень малы въ сравненіи со радиусомъ шара, можетъ быть вычисленъ какъ имѣющій тѣ же стороны плоский треугольникъ, если только его углы будутъ уменьшены на третью часть сферической избытка. Въ этихъ же своихъ работахъ онъ впервые ввелъ въ науку опредѣленіе геодезическихъ линій, какъ имѣющихъ между всѣми линіями, которымъ могутъ быть начертены на поверхности, наименьшую длину. Къ изученію этого предмета и въ частности къ теоріи геодезическихъ линій на поверхностяхъ второго порядка, онъ неоднократно возвращался и послѣ, черезъ болѣе или менѣе значительные промежутки времени. Какъ эти, такъ и другія можетъ значительныя открытія и нововведенія были изложены въ знаменитомъ сочиненіи автора *Sur les opérations trigonométriques, dont les résultats dépendent de la figure de la terre*²⁾, въ непосредственной связи съ которымъ находился и *Suite du calcul des triangles qui servent à déterminer la différence de longitude entre l'Observatoire de Paris et celui de Greenwich*³⁾. Въ своемъ

¹⁾ Mémoires de mathématique et de physique, présentés à l'Académie Royale des Sciences par divers savans, et lus dans ses Assemblées. T. X. 1785.

²⁾ Mémoires de l'Académie de Paris 1787. pag. 352 et suiv.

³⁾ Тамъ же, 1788.

участії въ работахъ комиссії Лежандръ пошель гораздо далѣе, чѣмъ это отъ него требовалось. Онъ вычислилъ не только всѣ треугольники, находящіеся во Франції, но и тѣ, которые соединили берега Англіи съ Гринвичемъ. Для этой послѣдней части своей работы онъ долженъ былъ отправиться въ Лондонъ, гдѣ его принялъ съ большими почестями и немедленно избрали въ члены Лондонскаго Королевскаго Общества. Изложенію практической части работы Лежандра, а также и другихъ членовъ комиссії, посвящена книга *Exposé des opérations faites en France en 1787 pour la jonction des observatoires de Paris et de Greenwich par Cassini, Méchain et Legendre*¹⁾.

Въ 1791 году Лежандръ вошелъ по назначенню въ число членовъ комиссії, учрежденной для опредѣленія основанія новой системы вѣсовой и мѣръ и для находящейся съ нимъ въ тѣсной связи повѣрки прежняго измѣренія дуги меридіана между Дюшикхеномъ и Барселоной. По окончаніи работъ этой комиссії, непосредственная дѣятельность Лежандра въ созданіи новой системы мѣръ прекратилась до вступленія его въ члены международной комиссії, назначеннай для повѣрки всѣхъ работъ, посвященныхъ этому предмету. Въ 1799 году имъ было подписанъ докладъ комиссіи институту, окончательно разшишившій принятіе метрической системы.

Разработку теоретической части геодезіи Лежандръ продолжалъ и послѣ прекращенія участія въ практическихъ геодезическихъ работахъ. Такъ, въ 1798 году онъ напечаталъ *Mémoire analytique pour la détermination d'un arc du méridien* при изданіи имѣющаго то же заглавіе сочиненія Деламбра. Въ мемуарѣ *Analyse des triangles tracés sur la surface d'un sphéroïde*²⁾ онъ обобщилъ данные имъ прежде методы и пересмотрѣлъ въ общемъ обзорѣ всѣ главныя геодезическія операции.

Занятія теорію притяженія привели Лежандра къ небесной механикѣ, а геодезическія работы къ астрономіи. Первой онъ посвятилъ два мемуара подъ общимъ заглавіемъ *Sur la figure des planètes*³⁾, въ которыхъ доказалъ теорему, что если фигура жидкой массы мало отличается отъ сферической, то она можетъ быть только эллипсоидъ вращенія. Съ однородныхъ сфероидовъ, для которыхъ она была доказана въ мемуарѣ 1784 года, онъ распространилъ ее въ мемуарѣ

¹⁾ 4°. Paris 1791.

²⁾ *Mémoires de l'Institut* 1806.

³⁾ *Mém. Par.* 1784 et 1789.

1789 года на сфероиды неоднородные. Въ заключеніи этого второго мемуара онъ опредѣлилъ плотность земли, найди ее превосходящую въ 5 разъ плотность морской воды. Въ астрономіи Лежандръ далъ представляющій его открытие новый способъ опредѣленія орбитъ кометъ по небольшому числу наблюдений, который и изложилъ въ изданіи отдалено сочиненія *Nouvelles méthodes pour la détermination des orbites des comètes*¹⁾. Въ дополненіи къ этому сочиненію, вышедшемъ въ 1806 году, онъ поставилъ себѣ задачу уничтожить представляемый его способомъ въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ недостатки, а также упростить его и по возможности облегчить требуемыя имъ вычисленія. Во второмъ дополненіи къ тому же сочиненію, изданномъ въ 1820 году, онъ, въ замѣту своего подостаточно оцѣненнаго современниками способа, дѣлъ два новыхъ, изъ которыхъ одинъ довольно близко подходитъ къ способу Ольберса, а другой къ способу Ламбаса. Кроме названныхъ сейчасъ, Лежандру принадлежало и еще одно астрономическое сочиненіе подъ заглавіемъ *Nouvelle formule pour réduire en distances vraies les distances apparentes de la Lune au Soleil ou à une étoile*²⁾.

Ясно выразившіяся во второй половинѣ XVIII вѣка нужды астрономіи, а за нею и другихъ наблюдательныхъ наукъ, въ выводѣ изъ ряда доставленныхъ наблюденіемъ многочисленныхъ измѣреній одной и той же величины ся вѣроятнѣйшаго значенія привели Лежандра если не къ первому выражению основной идеи *теоріи наименьшаго квадратовъ*, то несомнѣнно къ первой обработкѣ этой теоріи, которую онъ и далъ въ вышеупомянутомъ своемъ сочиненіи о кометахъ. Обогативъ такимъ образомъ теорію вѣроятностей новымъ важнымъ отдѣломъ, Лежандръ предупредилъ на четыре года появленіе посвященней тому же предмету короткой статьи Гаусса при его сочиненіи *Theoria motus*. Возраженія, которыми встрѣтила новую теорію Деламбръ, были легко опровергнуты Лежандромъ. Позднѣе въ 1810 году послѣднимъ былъ напечатанъ по тому же предмету еще мемуаръ *Méthode des moindres carrés, pour trouver le milieu le plus probable entre les résultats de différentes observations*³⁾.

Наряду съ занятіями прикладною математикою и практическими работами, поглощавшими въ теченіе первого двадцатилѣтія ученой

¹⁾ 4°. Paris 1805.

²⁾ Mém. de l'Inst. 1805.

³⁾ Тамъ-же.

дѣятельности Лежандра едва ли не большую часть его времени, шли и его работы по различнымъ отдѣламъ чистой математики и притомъ не только находившимся въ связи съ главными направлениями его работы этого времени, но и стоявшимъ отъ него такъ далеко, какъ теорія чиселъ и эллиптическія функции. Теоріи чиселъ онъ посвятилъ первое свое большое сочиненіе по чистой математикѣ *Essai sur la théorie des nombres*¹⁾. За вторымъ изданіемъ этого сочиненія, вышедшемъ въ 1808 году, послѣдовали въ 1816 и 1825 годахъ два дополненія къ нему. Пополненное ими сочиненіе вышло въ значительно увеличившемся размѣрѣ 3-мъ изданіемъ въ 1830 году въ двухъ томахъ и уже подъ заглавиемъ *Théorie des nombres*. Кроме этого важного сочиненія, Лежандръ посвятилъ теоріи чиселъ еще слѣдующіе мемуары: *Recherches d'analyse indéterminée*²⁾; *Recherches sur diverses sortes d'inégalités définies*³⁾ и *Sur quelques objets d'analyse indéterminée et particulièrement sur le théorème de Fermat*⁴⁾.

Первою появившеюся въ печати работою Лежандра по *теоріи эллиптическихъ функций* была отдельно изданій *Mémoire sur les transcendantes elliptiques*⁵⁾. По главными его работами, заключавшими въ себѣ всѣ изслѣдованія автора по этому предмету, были: обширный выходившій въ 1827—32 годахъ въ отдельномъ изданіи, трехтомный трудъ *Traité des fonctions elliptiques et des intégrales eulériennes*⁶⁾ и предшествовавшее ему также 3-томное сочиненіе *Exercices de calcul intégral sur divers ordres de transcendantes et sur les quadratures*⁷⁾. Интересный материалъ по тому же предмету научныхъ занятій Лежандра заключается въ *Correspondance mathématique entre Legendre et Jacobi, communiquée par C.-W. Borchardt*⁸⁾.

По высшему анализу и, главнымъ образомъ, по *интегральному исчислению*, кромѣ многихъ важныхъ открытій и изслѣдований, разсѣянныхъ въ трудахъ по прикладной математикѣ, Лежандру принад-

¹⁾ Paris 1788.

²⁾ Mém. de l'Acad. de Paris 1784.

³⁾ Mém. de l'Inst. 1809.

⁴⁾ Mém. de l'Acad. VI, 1823.

⁵⁾ 4°. Paris 1794.

⁶⁾ 4°. Paris.

⁷⁾ 4°. Paris 1811—19.

⁸⁾ *Crell's Journal*, LXXX, S. 205—279; 1875. *Bulletin des sciences mathématiques*, rédigé par M. Darboux VIII, (1875), pag. 287—303; IX, (1875), pag. 38—47, 51—95, 126—142.

лежать еще заключающіяся въ слѣдующихъ специальномъ посвященныхъ имъ его сочиненіяхъ: *Sur la mani re de distinguer les maxima des minima dans le calcul des variations*¹⁾; *Sur les int gations par arcs elliptiques*²⁾; *Sur l'int gation de quelques  quations aux diff rences partielles*³⁾; *Sur les int grales doubles*⁴⁾; *Sur les int grales particuli res des  quations diff rentielles*⁵⁾.

Въ области геометріи, кромъ изслѣдований, находящихся въ непосредственной связи съ элементами этой науки, замѣтимъ работы Лежандра по теоріи параллельныхъ линій, которой онъ посвятилъ слѣдующія свои сочиненія: *Nouvelle th orie des parall les*⁶⁾ и *R flexions sur diff rentes mani res de d montrer la th orie des parall les ou le th or me sur la somme des trois angles du triangle*⁷⁾.

Съ оставленіемъ Парижской военной школы прямое иликосвенное участіе Лежандра въ дѣлѣ преподаванія математическихъ наукъ не прекратилось. Постъ открытія въ 1795 году Парижской нормальной школы онъ сдѣлался, хотя и не тотчасъ, ея профессоромъ. Еще позже онъ получилъ доступъ въ преподавательскій персоналъ политехнической школы въ званіи экзаменатора выпускныхъ учениковъ. При открытии университета въ 1808 году Лежандръ былъ назначенъ его почетнымъ совѣтникомъ, а еще позже членомъ комиссіи народнаго просвѣщенія. Въ 1812 году Лежандръ замѣнилъ Лагранжа въ бюро долготъ.

Составленіе Лежандромъ своихъ *El ments de g om trie* было вызвано стремлениемъ къ усовершенствованію предмета этого сочиненія. Какъ показываетъ предпосланіе его первому изданію общирное предисловіе, изъ всѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ упражнений, дѣлаемыхъ существующими учебниками элементарной геометріи, Лежандръ придалъ значеніе только одному, именно упреку въ недостаткѣ точности. На устраненіи этого недостатка онъ и сосредоточилъ всѣ свои усилия, игнорируя все остальное. Прежде всего такое отношеніе къ дѣлу отразилось на расположении содержания, не уступающемъ

¹⁾ M m. de l'Acad. d. Paris 1786.

²⁾ Тамъ же, 2 мемуара.

³⁾ Тамъ же, 1787.

⁴⁾ Тамъ же, 1788.

⁵⁾ Тамъ же, 1790.

⁶⁾ 8^e. Paris 1803.

⁷⁾ M moires de l'Ac d mie Royale des sciences de l'Institut de France, XII (1833), pag. 367—410; avec 4 planche.

по своей беспорядочности принятъмъ за образецъ вмѣстѣ съ сочиненіемъ Архимеда „О шарѣ и цилиндрѣ“ Элементамъ Эвклида. Той заботливости о стройности и послѣдовательности плана элементовъ геометріи, которая отличала разсмотрѣнные сочиненія д'Аламбера и Бертрена, въ книгѣ Лежандра неѣтъ и съѣда. Общаго дѣленія предмета на части онъ не только не производить, но и не говорить о немъ. Самъ собою, сообразно со своею природою, этотъ предметъ распадается у него на двѣ части: на геометрію на плоскости и геометрію въ пространствѣ. Иными образомъ сочиненіе раздѣлено на восемь книгъ. Первая, подъ заглавиемъ *Les principes*, начинается по примѣру Элементовъ Эвклида съ собраній опредѣленій и аксиомъ, къ которымъ авторъ присоединяетъ еще объясненіе терминовъ и знаковъ. Далѣе слѣдуетъ разсмотрѣніе свойствъ пересекающихся прямыхъ линій, равенства и другихъ свойствъ треугольниковъ, свойствъ линій перпендикулярныхъ, наклонныхъ и параллельныхъ и въ заключеніе параллелограммовъ. Предметы второй книги — кругъ и измѣреніе угловъ; третьей — пропорциональность фигуръ; четвертой — правильные многоугольники и измѣреніе круга; пятой — плоскости въ тѣсные углы; шестой — многогранники, седьмой — шаръ и сферические треугольники и восьмой — три круглыхъ тѣла, то есть цилиндръ, конусъ и шаръ. Заключительную часть книги составляютъ подъ общимъ заглавіемъ *Notes sur les Éléments de géométrie* многочисленныя дополнительныя статьи. Въ беспорядочности изложения, и именно, по выражению автора, въ „перемѣшиваніи свойствъ линій со свойствами поверхности“, признается и онъ самъ, оправдывая ее примѣромъ Эвклида, а также и соображеніемъ, что расположение не можетъ считаться плохимъ, если предложенія въ немъ хорошо связаны другъ съ другомъ.

Введенное Эвклидомъ обыкновеніе предполагать каждой книгѣ Элементовъ собраніе содержащихся въ ней опредѣленій, несмотря на его строгое осужденіе философскою критикою, былодержано Лежандромъ не только въ первой книгѣ его Элементовъ, какъ это уже указывалось выше, но и во всѣхъ остальныхъ. Опредѣленія линій и поверхности у него такія же, какъ и у Эвклида. „Линія есть длина безъ ширины“; „поверхность есть то, что имѣеть длину и ширину, но безъ высоты или толщины“. Прямая линія, плоскость и угол, опредѣляются у него уже иначе. „Прямая линія есть кратчайшее разстояніе одной точки отъ другой“. „Плоскость есть такая поверхность, на которой вполнѣ лежать всякая прямая, соединяющая двѣ

точки, произвольно взятыя на этой поверхности". „Когда двѣ прямыи линіи АВ, АС встрѣчаются, тогда болѣе или менѣе значительное количество, на которое онѣ въ отношеніи своего положенія удалены одна отъ другой, называется уломъ“.

Въ доказательствахъ теоремъ, имѣющихъ дѣло съ переходомъ отъ соизмѣримыхъ величинъ къ несопоставимымъ, Лежандръ пользуется приведеніемъ къ нелѣпости, доказывая, что одно изъ двухъ отношеній, равенство которыхъ требуется обнаружить, не можетъ быть ни больше ни меньше другого.

Въ доказательствахъ предложеній, имѣющихъ дѣло съ переходомъ отъ прямыхъ линій къ кривымъ, Лежандръ употребляется въ пѣсколько измѣненномъ видѣ данную Архимедомъ форму метода исчерпыванія. Не имѣющія существеннаго значенія отступленія отъ этой формы, которая она позволяетъ себѣ, состояли въ употребленіи двухъ слѣдующихъ леммъ. Если площадь круга болѣе какой-нибудь другой площади, то въ этотъ кругъ всегда можетъ быть вписанъ правильный многоугольникъ, площадь которого также будетъ болѣе той же площади. Если площадь круга менѣе какой-нибудь другой площади, то около этого круга всегда можно описать правильный многоугольникъ, площадь которого также будетъ менѣе той же площади. Вместо отдельного изложенія этихъ двухъ леммъ, Лежандръ приводить въ своей книгѣ слѣдующую одну объединяющую ихъ лемму. Имѣя двѣ линіи концентрическія окружности, можно всегда въ большую изъ нихъ вписать правильный многоугольникъ, стороны которого не встрѣчаются съ меньшою, и также можно около меньшей окружности описать правильный многоугольникъ, стороны которого не встрѣчаются съ большою окружностью; такимъ образомъ, и въ томъ и другомъ случаѣ стороны построеннаго многоугольника будутъ заключаться между обѣими окружностями. Какъ сама эта лемма, такъ и ея остроумное употребленіе изъ метода исчерпыванія не представляютъ изобрѣтеній Лежандра. Лемма содергится въ 16-мъ предложеніи XII книги Элементовъ Эвклида, а ся первое употребленіе въ методѣ исчерпыванія принадлежитъ *Маэробику*, какъ это можно видѣть въ изданіи его перевода сочиненій Архимеда¹⁾.

Въ своемъ предисловіи Лежандръ говорить, что въ началѣ онѣ хотѣлъ вмѣсто метода исчерпыванія или, по его выражению, способа

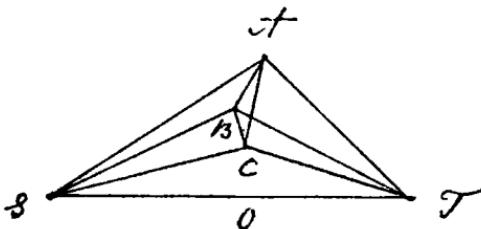
¹⁾ Admirandi Archimedis Syracusani monumenta omnia mathematica quae exstant, ex traditione D. Franc. Maurolici, etc. Panormi, 1685, in fol., pag. 5 et suiv.

Архимеда употребить методъ предѣловъ, какъ являющійся прекраснымъ подготовленіемъ къ изученію дифференціального исчисленія. Потомъ это намѣреніе имъ было оставлено, во-первыхъ, въ виду того, что въ теорію предѣловъ входятъ нѣкоторыи общія начала, составляющія скорѣе предметъ алгебры, чѣмъ геометріи, и, во-вторыхъ, потому что употребленіе этой теоріи требуетъ введенія въ разсужденіе бесконечнаго ряда вписаныхъ и описанныхъ фигуръ, результатомъ чего являются растянутость изложенія и трудности. Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что первое изъ этихъ соображеній находится въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ поэмъющими въ томъ же предисловіи заявленіемъ автора о томъ, что въ читателѣ своей книги онъ предполагаетъ знаніе ариѳметики и по крайней мѣрѣ начальной части элементарной алгебры.

Изъ сдѣланыхъ Лежандромъ нововведеній въ элементы геометріи болѣе замѣчательнымъ по своему непосредственному отношенію къ основаніямъ науки является принятіе имъ въ число принциповъ элементарной геометріи *принципа симметріи*. Непосредственное приложеніе этому принципу оно даётъ тамъ, где для установления равенства принципіи наложения оказывается недостаточнымъ, именно при разсмотрѣніи тѣль. Оно называется *симметричными многогранниками*¹⁾ два многогранника, которые, имѣя общее основаніе, построены соответственнымъ образомъ одинъ надъ плоскостью основанія, а другой подъ этой плоскостью, и при томъ подъ условіемъ, чтобы вершины соответственныхъ тѣлесныхъ угловъ были расположены на разныхъ расстояніяхъ отъ плоскости основанія и находились на прямой перпендикулярной къ той же плоскости. Это определеніе онъ поясняетъ примѣромъ

двухъ пирамидъ SABC

и TABC, имѣющихъ общее основаніе ABC и вершины S и T расположеными на прямой ST перпендикулярной къ плоскости

основанія и дѣляющейся въ точкѣ пересѣченія съ нею O на двѣ равные части. Доказавъ затѣмъ въ предложеніи II шестой книги, что всякий многогранникъ можетъ имѣть только одинъ симметричный съ

¹⁾ Си. определеніе XVI шестой книги.

нимъ многогранникъ, онъ ввелъ въ элементы геометріи новый видъ равенства, который иногда называютъ *равенствомъ иль по симметріи* и который представляется предложениемъ: если два тѣла *a* и *b* симметричны третьему *c*, то при наложении они совмѣстятся.

Вступивши на путь, приведшій къ этимъ нововведеніямъ, Лежандръ былъ обязанъ Роберту Симсону, который въ критическихъ и геометрическихъ замѣчаніяхъ къ своему изданію Элементовъ Эвклида¹⁾ первый указалъ на 9-ое и 10-ое опредѣленія XI книги Элементовъ Эвклида²⁾, какъ на такія, которыхъ не могутъ считаться опредѣленіями, а потому должны быть доказаны какъ теоремы. Призываю справедливость этого указания и въ то же время не вводя эти опредѣленія въ число теоремъ, Лежандръ, какъ и самъ Робертъ Симсонъ, долженъ былъ озабочиться изысканіемъ новыхъ доказательствъ для тѣхъ теоремъ, которыхъ Эвклидъ основывалъ на упомянутыхъ опредѣленіяхъ. При этомъ прежде всего приходилось иметь въ виду предложеніе 28-го книги XI Элементовъ Эвклида, состоящимъ въ теоремѣ о дѣленіи параллелепипеда диагональною плоскостью пополамъ. Робертъ Симсонъ рассматривалъ это предложеніе, какъ слѣдствіе доказанной имъ предварительно теоремы: призмы, ограниченныя одинаковоымъ числомъ равныхъ, подобныхъ и одинаково расположенныхъ граней, равны между собою. Что же касается Лежандра, то онъ въ своихъ элементахъ ранѣе этого предложенія доказывалъ теорему³⁾: плоскость, проходящая черезъ два противоположныхъ параллельныхъ ребра, дѣлить параллелепипедъ на двѣ треугольные призмы, симметричныя одна другой. Само же это предложеніе онъ представляетъ въ формѣ теоремы⁴⁾: двѣ симметричныя треугольные призмы, на которыхъ разлагается параллелепипедъ, равновелики другъ другу.

Изъ всего сказаннаго объ Элементахъ Лежандра слѣдуетъ, что они совсѣмъ не удовлетворяли требованіямъ эпохи, предъявленнымъ философскою критикою. Взявъ себѣ за образецъ творенія Эвклида и Архимеда, и главнымъ образомъ первого, они раздѣлили съ ними и почти всѣ его недостатки. Какъ же объяснить въ такомъ случаѣ выпавший на ихъ долю колоссальный успѣхъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ частью пѣкоторыя изъ условій эпохи, частью же и даже

¹⁾ The Elements of Euclid by Robert Simson, p. 388 et suiv.

²⁾ 9-ое: опредѣленіе подобныхъ; 10-ое: опредѣленіе тѣль равныхъ и подобныхъ.

³⁾ Предложеніе VI книги VI.

⁴⁾ Предложеніе VIII той же книги.

главнымъ образомъ наличность въ книгѣ Лежандра наряду съ недостатками многихъ несомнѣнно важныхъ достоинствъ. Изъ условій эпохи, благопріятствовавшихъ успеху книги Лежандра, какъ на практическомъ, особенно въ начальѣ, можно указать на слѣдующее. Требованія, обращенные къ элементамъ геометріи со стороны философской критики, раздѣлялись далеко не всѣми изъ современниковъ. Многіе изъ нихъ, какъ это мы уже имѣли случай наблюдать и ранее, считали испрѣвленію обязанностью новѣйшихъ авторовъ сочиненій, посвященныхъ элементамъ геометріи, слѣдованіе какъ образцамъ твореніямъ древнихъ геометровъ. Что же касается упомянутыхъ достоинствъ книги Лежандра, то ими были замѣчательная ясность изложенія и достигнутая авторомъ высокая степень точности. Много способствовало успеху книги Лежандра также и присоединеніемъ къ ней замѣчанія, изъ которыхъ многія являются очень цѣнными даже въ научномъ отношеніи. Съ пѣкоторыми изъ нихъ намъ еще придется имѣть дѣло впослѣдствіи.

Не находясь илъ дѣлѣ составленія элементовъ геометріи на уровнеѣ современныхъ требованій науки, предъявляемыхъ передовою частью ея дѣятелей, Лежандръ все-таки не могъ не оставаться сыномъ своей эпохи. И дѣйствительно, воспроизвести методы древнихъ въ элементарной геометріи въ чистомъ ихъ видѣ, вполнѣ свободномъ отъ всякоаглавленія ариѳметическо-алгебраического направлениія, онъ не оказался въ состояніи. Уже въ своемъ требованіи отъ читателей его книги знаний ариѳметики и части алгебры онъ выразилъ намѣреніе поставить изложеніе элементовъ геометріи въ зависимость отъ ариѳметическихъ процессовъ новѣйшаго анализа. Намѣреніе это и было имъ осуществлено въ полной мѣрѣ. Всѣдѣ въ свой книжѣ онъ предполагалъ геометрическую величину замѣненою числомъ. Въ своемъ изложеніи онъ говоритъ, напримѣръ, о произведеніяхъ линій на линіи или на поверхности. Въ доказательствахъ, требующихъ употребленія пропорцій, онъ къ пропорціямъ между линіями прямо прилагаетъ ариѳметическія теоремы, доказанныя только для пропорцій между раціональными числами. Такимъ образомъ, д'Аламберъ, этотъ наиболѣе яркий выразитель предъявляемыхъ къ элементамъ геометріи современныхъ требованій, въ высказанномъ имъ взглядѣ на безполезность алгебры для доказательствъ въ области элементарной геометріи оказывается стоящимъ гораздо ближе къ пониманію истиннаго духа геометрическихъ методовъ древнихъ, чѣмъ Лежандръ, поставившій себѣ задачею строгое слѣдованіе этими методамъ.

Изъ учебниковъ элементарной геометріи второй половины XVIII вѣка второе мѣсто посль *Éléments de géométrie par Legendre* занималъ по своему распространенію учебникъ того же заглавія, авторомъ которого былъ *Sylvestre François Lacroix*¹⁾ (1765—1843), парижскій уроженецъ. Вся его жизнь была посвящена преподаванію математики, веденію которой онъ началъ въ 1782 году съ должности профессора морской школы въ Рошфорѣ и затѣмъ продолжалъ, занимая послѣдовательно должности: профессора школы военной въ Парижѣ въ 1787 году и артиллерійской въ Безансонѣ съ 1788 года, экзаменатора воспитанниковъ и ищущихъ тѣхъ же права постороннихъ въ артиллерійскомъ корпусѣ съ 1793 года, адъюнкта-профессора начертательной геометріи въ нормальной школѣ, профессора математики въ центральной школѣ четырехъ націй, профессора анализа въ политехнической школѣ съ 1799 года и профессора трансцендентной математики въ факультетѣ наукъ, а съ 1815 года также и въ Collège de France. Кроме того, онъ былъ съ 1794 года начальникомъ бюро комиссіи по преобразованію народного просвѣщенія. Его литературная дѣятельность была также почти исключительно посвящена преподаванію математики. Измѣнить ея направление въ смыслѣ привлечения къ разработкѣ специально научныхъ вопросовъ не оказалось въ силѣ даже избрание Лакруа въ 1799 году въ члены института. Его ученая дѣятельность, какъ члена этого учрежденія, выражалась почти исключительно въ составленіи докладовъ о сочиненіяхъ, разсмотрѣніе которыхъ ему поручалось классомъ наукъ, переименованномъ позднѣе въ академію наукъ. Въ засѣданіи этого класса 15-го октября 1810 года былъ прочитанъ составленный Лакруа и Лагранжемъ докладъ о мемуарѣ *Broncskaïo Premier principe des méthodes algorithmiques comme base de la Technie algorithmique*. Докладчики предлагали въ немъ автору развить свои новыя общія идеи, чтобы затѣмъ дать имъ соответствующія приложения²⁾. Предложеніе, это съ удовольствіемъ принятое авторомъ, было исполнено имъ въ 1811 году въ сочиненіи *Introduction à la Philosophie des Mathématiques et Technie de l'Algorithmie*, а также и въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Другими докладами, составленными или однимъ Лакруа или при участіи другихъ академиковъ, были слѣдующіе: *Lacroix, Navier et Poisson. Rapport sur deux Mémoires de*

¹⁾ Poggendorff, I, S. 1340. Cantor, Vorlesungen über Geschichte der Mathematik, III, S. 485.

²⁾ Moniteur, 15 novembre 1810.

M. J. Liouville ayant pour titre: Mémoire sur la détermination des intégrales dont la valeur est algébrique ¹⁾. Lacroix et Poisson. Rapport sur un Mémoire de M. Liouville, concernant une question nouvelle d'Analyse. Suivi d'une Note de M. Liouville ²⁾). Предметъ монографии—проводимость теплоты. Observation sur une lettre de M. Gautier relative à la numération duodécimale ³⁾). Rapport en réponse à un voeu formulé par M. A. Vène ⁴⁾). Предметомъ этого доклада было исключение неизвестного изъ двухъ уравнений. Лакруа находился также въ ученой перепискѣ съ нѣкоторыми изъ современныхъ математиковъ. Изъ нея въ печати пока появились только его письма къ итальянскому математику Паоли, помѣщенные въ статьѣ P. Riccardi, Alcune lettere di Lagrange, di Laplace e di Lacroix dirette al matematico Pietro Paoli e sette lettere del Paoli al prof. Paolo Ruffini ⁵⁾.

Промежуточное положение между учеными и чисто учебными трудами Лакруа занималъ по своему значенію свода новѣйшихъ приобрѣтений науки съ одной стороны, а съ другой необходимаго пособія для ся преподаванія, *Traité du calcul différentiel et du calcul intégral avec un appendice contenant un traité des différences et des séries* ⁶⁾. Appendix вышла также въ 1800 году и отдельнымъ изданиемъ. Не будучи историческимъ, этотъ большой трудъ Лакруа является очень полезнымъ для историка, такъ какъ содержитъ много цѣнныхъ библиографическихъ и литературныхъ замѣчаній особенно въ отношеніи математическихъ сочиненій конца XVIII вѣка.

Исключительно для цѣлей преподаванія въ значеніи элементарного учебника по тому же предмету Лакруа составилъ *Traité élémentaire du calcul différentiel et du calcul intégral* ⁷⁾. То же назначеніе служить

¹⁾ Journal für die reine und angewandte Mathematik von Crelle, X (1833), S. 342—347.

²⁾ Тамъ же, XVI (1837), S. 39—40.

³⁾ Comptes rendus des séances de l'Académie des Sciences. Paris. VII (1838) pag. 238—239.

⁴⁾ Тамъ же, IX (1839), pag. 241.

⁵⁾ Modena, Accad. d. sc., Memorie, I (3 sér.), 1897; pag. 105—129.

⁶⁾ Paris, 1797—1800, 3 vol. in 4°. 2-е изд., тамъ же, 1810—1819.

⁷⁾ 1 vol., 8°. Paris 1797. 2-me édition, 1806. 4-me éd., 1828. 5-me éd. revue, corrigée et augmentée, 1837. 6-me éd. revue et augmentée de notes par Hermite et Serret, 1861—1862. 2 vol. 8-me éd., 1874, 2 vol. 9-me éd., 1881, 2 vol. Итальянская перевѣдь: Trattato elementare del calcolo differenziale e del calcolo integrale, Firenze 1829. Русский переводъ П. Смирнова: „Начальные основанія дифференциального исчислѣнія“ (С.-Пб. 1822) и „Начальные основанія интегральнаго исчислѣнія“ (С.-Пб. 1828).

элементарными учебниками имѣли слѣдующія произведения Лакруа: *Essais sur les plans et les surfaces*¹⁾; *Introduction à la géographie mathématique et critique et à la géographie physique*²⁾; *Essais de Géométrie sur les plans et les surfaces courbes*³⁾; *Traité élémentaire du calcul des probabilités*⁴⁾; *Manuel d'arpentage*⁵⁾; *Introduction à la connaissance de la sphère*⁶⁾. Первое и третье изъ этихъ сочиненій, а также въ *Complément des Éléments de Géométrie*, ou *Éléments de Géométrie descriptive*⁷⁾, были первыми, сдѣлавшими свой предметъ — начертательную геометрію — общедоступнымъ, и для этого развившими ся принципы. Популяризациіи своего предмета были посвящены еще четвертое сочиненіе и статьи, напечатанные Лакруа въ *Dictionnaire des sciences naturelles* и въ *Biographie universelle*. Въ послѣдней особенно замѣчательно является статья обт. Эвклидѣ, содержащая цѣнныій разборъ его *Элементовъ*.

Самою обширною изъ работъ Лакруа въ области учебной литературы былъ вышедший первоначально въ 1796 — 1799 годахъ въ семи томахъ *Cours de Mathématiques à l'usage de l'Ecole centrale des Quatre-Nations*. Частными заглавіями отдѣльныхъ томовъ этого сочиненія были: *Traité élémentaire d'Arithmétique*; *Éléments d'Algèbre*; *Éléments de Géométrie*; *Traité élémentaire de Trigonométrie rectiligne et sphérique, et d'application de l'Algèbre à la Géométrie*; *Complément des Éléments d'Algèbre*; *Complément des Éléments de Géométrie descriptive*; *Traité élémentaire de Calcul différentiel et de Calcul intégral*. Принятое французскимъ правительствомъ, какъ руководство для лицеевъ и среднеучебныхъ заведеній, оно тотчасъ же послѣ своего выхода въ свѣтъ получило очень большое распространение, не утраченное имъ вполнѣ даже въ новѣйшее время, какъ это слѣдуетъ заключить изъ выхода въ свѣтъ въ 1897 году его 25-го изданія. Появлялись въ печати также и переводы его на иностранные языки, напримѣръ, на нѣмецкій, русскій, польскій. Подробный разборъ своего сочиненія и отчетъ о произведенныхъ въ немъ

¹⁾ 1 vol. in 8°; Paris 1795.

²⁾ Тамъ же 1811; 8°.

³⁾ Тамъ же 1812. Итальянскій переводъ: *Saggio di geometria riguardante le superficie piane e curvo o sia elementi della geometria descrittiva*. Firenze 1829.

⁴⁾ Тамъ же, 1816. In 8°. 3-mo édition; тамъ же, 1833. 4-me éd., тамъ же 1864.

⁵⁾ Тамъ же, 1825; 18°. 4-me éd. 1830.

⁶⁾ Тамъ же 1832; 18°.

⁷⁾ 8°; Paris 1796; 6-me éd. 1829.

усовершенствованіяхъ элементовъ математики Лакруа далъ спустя шесть лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ его послѣдняго тома въ сочиненіи *Essais sur l'enseignement en g n ral, et sur celui des math m tiques en particulier*¹⁾, гдѣ имъ посвященъ § III второго отдѣлій, озаглавленій *Analyse du Cours  lementaire de Math m tiques pures   l'usage de l'Ecole Centrale des Quatre-Nations*²⁾. Большому распространенію учебниковъ Лакруа много способствовалъ способъ изложения, отличающейся ясностью и точностью.

Въ части курса Лакруа, посвященной элементарной геометріи, согласно принятому авторомъ плану, на которомъ огъ, вирочемъ, очень мало останавливаются въ своемъ отчетѣ, элементарная геометрія подраздѣляется на двѣ части, почему-то не обозначаемыя специальными названіями. Обозрѣніе ихъ содержанія, однако же, ясно показываетъ, что первая часть должна быть названа *элементарною геометріею на плоскости*, а вторая — *элементарною геометріею въ трехъ пространствахъ*. Введеніемъ этого подраздѣленія элементовъ геометріи Лакруа избѣгъ непослѣдовательности, въ которую впала Бертраинъ, принявъ подраздѣленіе д'Аламбера и въ то же время не решившись сдѣлать изъ второй части дѣйствительную геометрію поверхностей. Свою первую часть Лакруа подраздѣляетъ на отдѣленія: первое „О свойствахъ прямыхъ и круговыхъ линій“ и второе „О площади многоугольниковъ и площади круга“. Второе отдѣленіе не имѣть подраздѣленій, а въ первомъ содержатся статьи: „Определенія и предварительные понятия“; „О перпендикулярныхъ и наклонныхъ линіяхъ“; „Теорія параллельныхъ линій“; „О многоугольникахъ“; „О прямой линіи и кругѣ“; „О многоугольникахъ, вписанныхъ въ кругъ и описанныхъ около него“. Идеи д'Аламбера о совмѣстности разсмотрѣнія прямой линіи въ окружности и о раздѣленіи первого отдѣленія первой части на двѣ части у Лакруа совсѣмъ не осуществляются. Иаконецъ, изъ отподелки второй части достаточно замѣтить, что она также раздѣлена на два отдѣленія, въ которыхъ первое подъ заглавиемъ „О плоскостяхъ и тѣлахъ, ограниченныхъ плоскими поверхностями“ состоять изъ статей: „О плоскостяхъ и прямыхъ линіяхъ“; „О тѣлахъ, ограниченныхъ плоскостями“; „О измѣреніи объемовъ“; а второе подъ заглавиемъ „О круглыхъ тѣлахъ“, кромѣ статьи того же имени, содержать еще статью „О сравненіи круглыхъ тѣлъ“.

¹⁾ Paris 1805; 8°, VIII+390 pp.

²⁾ Pag. 254 — 390.

Свѣдѣнія, сообщаемыя въ своемъ отчетѣ самимъ Лакруа о принятомъ имъ планѣ элементовъ геометріи, очень кратки и относятся, главнымъ образомъ, къ геометріи линій. Въ началѣ послѣдней онъ помѣщаетъ разсмотрѣніе прямыхъ линій въ отношеніи сравненія ихъ длины и только затѣмъ уже переходитъ къ разсмотрѣнію ихъ въ отношеніи взаимного положенія. Въ этой второй части своего изложенія геометріи линій онъ соединяетъ, прежде всего, всѣ предложения, относящіяся къ равенству и подобію треугольниковъ, имѣя въ виду, что треугольники являются элементами всѣхъ другихъ фигуръ и, кроме того, опредѣляютъ самыя простымъ образомъ положеніе точекъ и линій на плоскости. Затѣмъ онъ переходитъ къ равенству и подобію многоугольниковъ, а въ заключеніе отдѣла ставить статьи о кругѣ и находящихся съ нимъ въ связи прямыхъ линіяхъ. Изъ расположения предложенийъ въ первомъ отдѣлѣ элементарной геометріи можетъ быть легко выведено и расположение ихъ въ остальныхъ ея отдѣлахъ, посвященныхъ измѣрѣнію площадей, плоскостямъ и свойствамъ тѣль, при помощи существующей между всѣми этими отдѣлами аналогіи, проведению которой въ преподаваніи Лакруа придается очень важное значеніе, какъ средству облегченія памяти учащагося и укрѣпленія въ немъ навыка въ обобщеніи идей. Если, какъ это случается иногда, аналогія не можетъ быть проведена въ доказательствахъ иѣкоторыхъ предложенийъ, то ее все-таки должно сохранять хотя бы въ расположениіи предложенийъ и въ формахъ ихъ изложения. Изъ предложенийъ элементарной геометріи въ составъ элементовъ, по мнѣнію Лакруа, должны входить только предложения двухъ родовъ: во-первыхъ, необходимыя для пониманія хода разсужденій въ приложенияхъ синтетического метода къ разсмотрѣнію фигуръ и, во-вторыхъ, вытекающія изъ такихъ операций практической геометріи, какъ: черченіе, измѣрение и проч. По поводу продолженіи второго рода Лакруа, впрочемъ, считаетъ необходимымъ замѣтить, что изъ нихъ слѣдуетъ выбирать только тѣ, которые могутъ быть признаны дѣйствительно употребительными и удобными. Слой планъ элементовъ геометріи Лакруа, на основаніи своего долговременнаго преподавательскаго опыта, считается огностивеннымъ и строгимъ.

Видя въ терминѣ *прямая линія* выраженіе одного изъ непосредственныхъ результатовъ дѣятельности чувствъ, именно представленія кратчайшаго пути, которому нужно слѣдовать, чтобы дойти отъ одной точки до другой, Лакруа сводить все опредѣленіе прямой линіи къ выражению только одного этого свойства. Определеніе понятія въ

этотъ случаѣ онъ замѣняетъ, такимъ образомъ, опредѣленіемъ значенія слова, состоящимъ въ предложеніи: кратчайшее разстояніе между двумя точками называется прямой линіою. Отворганъ взглядъ на точки, линіи и поверхности, какъ на абстрактныя идеи, но имѣющія вѣнъ нась никакого объекта, онъ находитъ, что онъ дѣйствительно существуютъ, хотя и не могутъ быть представляемы отдельно отъ тѣла, которому принадлежать. Дѣйствительно, всякое тѣло должно имѣть предѣлы, иначе оно не отличалось бы отъ бесконечнаго пространства. Эти предѣлы и есть поверхности, которымъ, въ свою очередь, имѣютъ предѣлами линіи, а эти послѣднія—точки. Всѣ эти предѣлы не только существуютъ, но и прямо предстоятъ передъ нашими чувствами, такъ какъ безъ нихъ посредства мы не знали бы фигуръ тѣлъ. Съ изложеніемъ этихъ взглядовъ и должно начинаться изложеніе элементовъ геометріи. Такъ Лакруа дѣйствительно и поступаетъ въ своемъ учебнику, предпосыпая его первой части посвященную упомянутому изложению статью „Главный понятія о протяженіи“.

Помѣщать всѣ аксиомы въ видѣ собранія въ началѣ элементовъ Лакруа считаетъ бесполезнымъ и даже смѣшнымъ, такъ какъ по самой ихъ природѣ не можетъ встрѣчаться никакого препятствія въ непосредственномъ пользованіи ими при доказательствахъ тамъ, где въ нихъ представляется надобность.

Изъ опредѣленій Лакруа находитъ заслуживающимъ особеннаго вниманія *определеніе угла*, какъ совершенно недостаточное у Эвклида и вообще представляющее серьезныя затрудненія. Чтобы обойти послѣднія, онъ предлагаетъ даже совсѣмъ не давать этого опредѣленія, замѣня его ознакомленіемъ съ понятіемъ угла путемъ непосредственного ознакомленія съ его предметомъ. Въ своемъ учебнику онъ, этого, однако же, не дѣлаетъ, пользуясь недостаточнымъ, но его же собственному мнѣнію, опредѣленіемъ угла, „какъ неопределеннаго пространства, заключающагося между двумя прямыми, которая пересѣкаются въ какой-нибудь точкѣ и которая можно представлять продолженными какъ угодно далеко“. Тѣль же опредѣленіемъ пользовался и Берtranъ, но въ слѣдующемъ гораздо болѣе точномъ видѣ: уголъ есть часть плоской поверхности, заключенная между двумя пересѣкающимися прямыми линіями, оканчивающимися въ точкѣ ихъ пересѣченія.

Сравнительно много мѣста, какъ это и должно быть, удѣляется Лакруа въ своемъ отчетѣ встрѣчающемуся въ различныхъ частяхъ элементовъ геометріи *переходу отъ конечнаго къ бесконечному*. Слу-

чаевъ этого перехода, представляющихъ его въ явномъ или неявномъ видѣ, три: 1) переходъ отъ симѣримаго къ несимѣримому, совершаемый въ теоріи пропорциональныхъ линій, 2) переходъ отъ прямыхъ линій къ кривымъ, встречающейся при измѣреніи круга и круговыхъ тѣлъ, и 3) обнаружение равенства объемовъ тѣлъ при невозможности непосредственнаго приложенія принципа положенія, являющейся слѣдствіемъ его недостаточности для тѣлъ, какъ для протяженій трехъ измѣреній. Простейшимъ во всѣхъ этихъ случаяхъ средствомъ избѣжать разсмотрѣнія бесконечнаго Лакруа считаетъ *предѣлы*. Употребляемыя при использованіи этихъ средствомъ принципы, какъ общіе для всѣхъ предложеній того же рода, должны быть изложены отдельно отъ нихъ, а также и независимо отъ линій, какъ способные прилагаться не только къ величинамъ, рассматриваемымъ въ элементахъ геометріи, но и къ другимъ. Въ виду этихъ соображеній, Лакруа излагаетъ упомянутые принципы въ слѣдующихъ формахъ:

- 1) Если можетъ быть доказано, что разности двухъ неизмѣняемыхъ величинъ, менѣе всякой данной величины,可是ъ бы мала она ни была, то отсюда слѣдуєтъ, что обѣ величины равны между собою.
- 2) Если изъ трехъ величинъ одна, перемѣнная и притомъ всегда превосходящая обѣ другія, остающіяся неизмѣнными, можетъ одновременно приближаться къ каждой изъ нихъ, какъ угодно близко, то обѣ неизмѣняемые величины равны между собою. Признавая эти теоремы за выражаютія, хотя и неявно, два основныхъ предложенія метода предѣловъ и приписывая себѣ принятую имъ форму второй, онъ высказываетъ убѣжденіе, что эта послѣдняя въ особенности обладаетъ способностью упрощать, значительно сокращать и дѣлать болѣе симметричными всѣ нуждающіяся въ ней доказательства. Въ своихъ элементахъ геометріи Лакруа помѣщаетъ первую теорему въ началѣ статьи о выпрямленіи окружности, а вторую — въ началѣ статьи обѣ измѣреніи площади круга. Показать, что чѣмъ болѣе прямолинейными фигуры приближаются къ криволинейной, тѣмъ болѣе мѣра первыхъ приближается къ мѣрѣ второй,—вотъ то главное, на чемъ, по мнѣнію Лакруа, должно быть сосредоточено вниманіе при приложеніи этихъ обѣихъ теоремъ къ переходу отъ прямой линіи къ кривой. Предметомъ изобрѣтенія здѣсь можетъ быть только методъ приближенія, открывающій въ концѣ концовъ при посредствѣ индукціи искомое строгое значеніе рассматриваемой величины.

Приведеніе къ неявности Лакруа совѣтуетъ употреблять только при доказательствахъ самыхъ простыхъ предложеній. Во всѣхъ же

болѣе сложныхъ случаѣхъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, избѣгать этого метода, такъ какъ, убѣждалъ умъ, онъ его не просвѣщаетъ. Къ этимъ взглядамъ, а также и къ изложенному выше убѣжденію оъ возможностіи употребленія метода предѣловъ во всѣхъ случаяхъ перехода отъ конечнаго къ бесконечному, Лакруа пришелъ, повидимому, послѣ выхода въ свѣтъ первыхъ изданій своихъ элементовъ геометріи. Въ нихъ, дѣйствительно, онъ при доказательствѣ предложеній, имѣющихъ дѣло съ переходомъ отъ соизмѣримаго къ несоизмѣримому, пользуется въ полномъ согласіи съ д'Аламберомъ и Бер特朗омъ приведеніемъ къ нелѣпости. Отступить отъ этого первоначально избранныхъ путей въ пользу упомянутаго своего убѣжденія онъ не нашелъ, впрочемъ, нужнымъ и во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ своихъ элементовъ геометріи.

Стремленію къ возможному уменьшению числа отдѣльныхъ предложеній, столь ярко выраженому у Бертрана, не чуждъ и Лакруа. Побужденіемъ къ нему служитъ для Лакруа соображеніе о необходимости жертвовать подробностями для того, чтобы всегда удерживать преподаваніе на уровнѣ требованій науки, постоянно повышающихся вслѣдствіе ея прогресса, и въ то же время не нарушать соотношеній, существующаго между объемомъ преподаванія и отведенными для него временемъ. Болѣе замѣтнымъ изъ проявленій разматриваемаго стремленія въ элементахъ геометріи Лакруа является опущеніе предложеній о разложеніи объема усѣченной пирамиды, а также и усѣченного конуса. Предлагая въ отношеніи этихъ предложеній слѣдовать пути, избранному Бер特朗омъ, Лакруа замѣчаетъ въ своемъ отчетѣ, что никакого неудобства отъ опущенія употребляемаго при доказательствѣ этихъ предложеній своеобразнаго приема, произойти не можетъ, такъ какъ тотъ же приемъ употребляется и при доказательствѣ теоремы о разложеніи усѣченной треугольной призмы, которая никогда не должна быть опускаема.

Въ заключеніе своихъ замѣчаній о переходѣ въ элементахъ геометріи отъ конечнаго къ бесконечному Лакруа останавливается на изображеніи значенія, которое имѣли, по его мнѣнію, въ литературѣ элементарной геометріи труды Роберта Симсона, связанные съ его издаваемъ элементами Эвклида, и разсмотрѣвшее выше сочиненіе Бертрана. Указывая на это изданіе Симсона, какъ на очень важное явленіе въ исторіи геометріи, онъ говорить, что оно, а также и сочиненіе Бертрана, содержитъ въ себѣ все то небольшое количество предложеній, которое необходимо для установленія правильныхъ взгля-

довъ на всѣ затруднительныя мѣста элементовъ геометріи при помощи только средстъ, доставляемыхъ сочиненіями древнихъ. По его мнѣнию, послѣ появленія въ свѣтѣ этихъ двухъ книгъ въ элементахъ геометріи не можетъ быть болѣе никакихъ другихъ перемѣнъ, кроме измѣненій въ расположеніи содержанія.

Обнаруживающійся въ приведенныхъ сейчасъ мнѣніяхъ Лакруа взглѣдъ на коренное значеніе въ дѣлѣ усовершенствованія элементовъ геометріи обработки статей, имѣющихъ дѣло съ переходомъ отъ конечнаго къ безконечному, вполнѣ раздѣлялъ и русскій учёный Семенъ Емельяновичъ Гурьевъ¹⁾ (1766—1813). Онъ учился въ 1778—1784 годахъ въ С.-Петербургѣ въ артиллерійскомъ и инженерномъ кадетскомъ корпусѣ. Уже здѣсь, вслѣдствіе обнаружившейся въ немъ склонности къ занятіямъ математикою, онъ долженъ былъ выйти за предѣлы преподаваемаго учительми элементарнаго курса этой науки. По выходѣ изъ корпуса въ званіи офицера, онъ посвятилъ свою дѣятельность не военной службѣ, а преподаванію математики и научнымъ работамъ въ ся области. Сначала онъ былъ преподавателемъ навигаціи и артиллеріи въ греческомъ кадетскомъ корпусѣ въ С.-Петербургѣ. Отсутствіе въ русской литературѣ сочиненій по навигації, стоящихъ на уровне современной науки, заставило Гурьева перевести на русскій языкъ посвященную этому предмету шестую часть *Cours de mathématiques* Безу и затѣмъ издать ее подъ заглавіемъ „Навигаціонныя или мореходныя изслѣдованія“²⁾. Къ этому изданію онъ присоединилъ много собственныхъ дополненій, изъ которыхъ важнейшими являлось бывшее первымъ на русскомъ языкѣ изложеніе дифференциального и интегрального исчислений, занимающее 59 стр. Въ 1792 году Гурьевъ совершилъ путешествіе въ Англію съ цѣлью изученія гидравлическихъ работъ. По возвращеніи въ 1793 году ему было поручено чтеніе лекцій по физико-математическимъ наукамъ и артиллеріи офицерамъ гребного флота, а ого общирныхъ свѣдѣнія въ чистой и прикладной математикѣ, приобрѣтенные имъ путемъ изученія лучшихъ авторовъ, обратили на него вниманіе С.-Петербургской академіи наукъ, которая и избрала его 26-го мая 1796 года въ свои адъюнкты по предмету физико-математическихъ наукъ. Очень скоро послѣ этого избрания, именно 31-го января 1798 года, онъ былъ уже

¹⁾ Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg VI (1818), Histoire, pag. 4—6. Poggendorff, I, S. 980.

²⁾ 2 тома. С.-Петербургъ 1790—91. In 4°.

возведенъ въ званіе ординарнаго академика. Первымъ учеными работами Гурьева, представленными въ Петербургскую академію наукъ до 1800 года, были: *Mémoire sur la résolution des principaux problèmes qu'on peut proposer dans les courbes dont les ordinées partent d'un point fixe*¹⁾; *Essai de démontrer rigoureusement un théorème fondamental des équations de condition de la différentielle des fonctions à plusieurs variables, et du calcul des variations*²⁾; *Observations sur le théorème de Taylor avec sa démonstration par la méthode des limites; application de ce théorème, ainsi démontré, à la démonstration du binôme de Newton, dans le cas où l'exposant est une quantité fractionnaire, négative et incommensurable avec l'unité; suivie de la résolution d'un problème qui concerne la méthode inverse des tangentes, par le moyen de ce théorème*³⁾.

Однимъ изъ результатовъ литературной известности, доставленной Гурьеву его первыми учеными и учебными трудами, было избрание его 1-го сентября 1800 года въ члены Россійской академіи. Реформы учебного дѣла и устройство іѣкоторыхъ новыхъ высшихъ учебныхъ заведеній въ началѣ XIX вѣка въ Россіи открыли для преподавательскихъ способностей Гурьева новыя области приложения. Съ 1800 года онъ одѣлся профессоромъ математики въ училищѣ корабельной архитектуры, съ 1809 года въ С.-Петербургской духовной академіи и съ 1810 года въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія. При открытии второго изъ этихъ учебныхъ заведеній онъ произнесъ напечатанное затѣмъ „Разсужденіе о математикѣ и ея отрасляхъ“⁴⁾. Въ изданіяхъ академіи наукъ были напечатаны слѣдующія изъ прочитанныхъ имъ въ ея засѣданіяхъ, начиная съ 1800 года, записки и мемуары: „Сферическая тригонометрия“⁵⁾; *Démonstration directe et inverse du principe général de l'équilibre, faito d'uno maniéro élémentaire, avec l'application de ce principe aux machines*⁶⁾; *Détermi-*

¹⁾ *Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*; t. XII, pag. 176—191.

²⁾ Тамъ же, XIII, p. 154—165.

³⁾ Тамъ же, XIV, p. 306—335.

⁴⁾ С.-Пб. 1809. In 4°.

⁵⁾ Академическія сочиненія, выбранныя изъ первого тома Дѣлъ Императорской Академіи Наукъ подъ заглавіемъ: *Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*, T. I (1801), pag. 423—514.

⁶⁾ *Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St. Petersbourg*, I, pag. 195—225.

nation du rayon osculateur dans les lignes à double courbure¹⁾; Dissertatio de motu corporum progressivo tam libero per spatium indeterminatum, quam non libero, per superficies curvas²⁾; „О нѣкоторыхъ достоиниць чатательныхъ фокусахъ, до трехсторонней пирамиды относящихся“³⁾; „О раздѣлении поверхностей второго порядка на роды и виды“⁴⁾; „О движеніяхъ, производимыхъ посредствомъ машинъ взаимное дѣйствіеъ тѣль тяжелыхъ“⁵⁾; „Рассужденіе о нѣкоторыхъ способахъ исчисления“⁶⁾; „Общее правило равновѣсія. Съ приложениемъ онаго къ машинамъ“⁷⁾; „Прибавленіе I къ сочиненію объ общемъ правилахъ равновѣсія, приложенномъ къ машинамъ. О клинѣ и приложениіи осори онаго къ сводамъ“⁸⁾; „Прибавленіе II къ сочиненію объ общемъ правилахъ равновѣсія, приложенномъ къ машинамъ. О цѣпной или веревочной линіи“⁹⁾; „Правила движения перемѣнного, произведенія изъ началь трансцендентной геометріи“¹⁰⁾; „Прибавленіе къ сочиненію о правилахъ движения перемѣнного. О кривизнѣ кривыхъ линій“¹¹⁾; „О поступательномъ движеніи тѣль: свободномъ въ неопределѣніи пространствѣ, о принужденномъ по кривымъ поверхностиамъ“¹²⁾; „Прибавленіе къ сочиненію о поступательномъ движеніи, а именно: О правилахъ наименьшаго дѣйствія“¹³⁾; „Краткое изложение различныхъ способовъ изъяснить дифференциальное исчисление“¹⁴⁾; „Приложеніе Осори наибольшихъ и наименьшихъ величинъ къ геометрическимъ вопросамъ“¹⁵⁾; „Объ опредѣленіи положенія прямыхъ линій въ неопределѣніи пространствѣ“¹⁶⁾; „Объ опредѣленіи ра-

¹⁾ Тамъ же, т. II, р. 130—137.

²⁾ Тамъ же, р. 138—170.

³⁾ Упомянутая наследованія Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ, 5, pag. 3—13.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 14—44.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 45—100.

⁶⁾ Тамъ же, т. II, стр. 15—38.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 39—95.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 96—112.

⁹⁾ Тамъ же, стр. 113—132.

¹⁰⁾ Тамъ же, т. III, стр. 3—23.

¹¹⁾ Тамъ же, стр. 24—33.

¹²⁾ Тамъ же, 34—65.

¹³⁾ Тамъ же, стр. 66—77.

¹⁴⁾ Тамъ же, т. IV, стр. 159—212.

¹⁵⁾ Тамъ же, стр. 213—248.

¹⁶⁾ Тамъ же, стр. 249—266.

діуса кривизни въ двояко-кривыхъ линіяхъ¹⁾); „О нынѣшнемъ со-
століи вопроса о сопротивлении жидкіхъ тѣлъ“²⁾); „О силѣ течения
рѣки, приложенной къ судамъ, въ верхъ по той рѣкѣ идущимъ. Изъ
сочиненій знаменитаго Эйлера сообщено академикомъ Гурьевымъ“³⁾;
„Общее правило равновѣсія, съ приложеніемъ оного къ машинамъ“⁴⁾;
„Продолженіе сочиненія объ общемъ правилѣ равновѣсія, приложен-
номъ къ машинамъ“⁵⁾.

Какъ членъ нѣкоторыхъ изъ комиссій, образуемыхъ академіею
наукъ для разсмотрѣнія представляемыхъ ей сочиненій и изобрѣте-
вий, Гурьевъ принималъ участіе въ составленіи слѣдующихъ доска-
довъ: *Fuss, Gourieff et Viscovaloff. Examen du modÃ©le d'une machine
hydraulique*⁶⁾; *Fuss, Schubert, Gourieff. Examen d'un ouvrage de Mr.
Bauer, concernant la resolution des équations algébriques numériques*⁷⁾.

Главными предметами ученыхъ работъ Гурьева, напечатанныхъ въ
изданіяхъ академіи наукъ, какъ видно изъ приведенного ихъ пе-
речня, были: механика, геометрія и дифференціальное исчисление. Промежуточное положеніе между учеными и учебными трудами Гурьева
занимали: „Дифференціальное и интегральное исчисление, собранное
на французскомъ языке г. Кузенемъ, Парижскаго института членомъ,
и приумноженное при преложеніи на Российской С. Гурьевымъ. Книга
первая“⁸⁾); „Основанія дифференціального исчисления, съ приложе-
ніемъ оного къ аналитикѣ“⁹⁾); „Основанія трансцендентной геометріи
кривыхъ поверхностей“¹⁰⁾); „Основанія механики часть I, содержащая
сборію оной сочиненная для офицеровъ инженерного корпуса“¹¹⁾. Чисто
учебными трудами Гурьева, вышедшими въ XIX вѣкѣ и при-
томъ принадлежавшими исключительно къ области элементарной ма-

¹⁾ Труды Академіи Наукъ, т. I, стр. 1—7.

²⁾ Технологіческий журналъ, или собрание сочиненій и извѣстій, относящихся
до технологіи и приложенийъ ученическихъ въ наукахъ открытій къ практическому упо-
требленію, издаваемое Императорскою Академіею Наукъ. Т. I (1804), часть IV,
стр. 112—126.

³⁾ Тамъ же, т. II, ч. 2, стр. 89—113.

⁴⁾ Тамъ же, т. III, ч. 1, стр. 113—134,

⁵⁾ Тамъ же, т. III, ч. 2, стр. 84—104.

⁶⁾ Mémoires, III, histoire, pag. 74—75.

⁷⁾ Тамъ же, hist. pag. 78—79.

⁸⁾ С.-Пб. 1801. In 4°.

⁹⁾ С.-Пб. 1811. In 4°.

¹⁰⁾ С.-Пб. 1806. In 4°.

¹¹⁾ С.-Пб. 1815. In 8°.

тематики, были слѣдующіе: „Морскаго учебнаго курса часть первая, содержащая основанія геометріи”¹⁾; „Науки изчисленія книга первая, содержащая Основанія Ариѳметики”²⁾; „Основанія Геометріи”³⁾.

Характеристическою чертой ученої дѣятельности Гурьевъ является особенный интересъ, съ которымъ онъ относился къ утвержденію на болѣе прочныхъ основахъ какъ сдѣлавшихся извѣстными истинъ, такъ и установленныхъ уже принциповъ. Для его методическаго ума, проникнутаго уваженiemъ къ строгости древнихъ греческихъ геометровъ, работы въ этомъ направлениі имѣли болѣе высокую цѣну, чѣмъ открытия новыхъ истинъ. Кромѣ представлявшихъ это направлениѣ трудовъ по дифференціальному исчислению и изѣкоторыхъ другихъ изъ перечисленныхъ, выше, къ лимъ принадлежать и сюда пѣсколько издававшихся въ печати, хотя и представленныхъ въ академію, въ родѣ, напримѣръ, полученнаго ѿ 26-го мая 1796 года рукописнаго сочиненія Гурьевъ „Начала геометріи трансцендентной и исчисленія дифференціального, извлеченный изъ истинной природы ихъ предметовъ”, или также читанаго имъ въ засѣданіи 12-го января 1797 года рукописнаго мемуара „Опытъ о постановлениі математики, на твердыхъ основаніяхъ”. Первою изъ его работъ этого рода, появившихся въ печати, быль „Опытъ о совершеніи Элементовъ геометріи”⁴⁾. Ближайшимъ поводомъ къ составленію этого сочиненія было желаніе освободить доказательства теоремъ, имѣющихъ дѣло сть переходомъ отъ конечнаго къ бесконечному, отъ распространившагося въ нихъ употребленія недѣлимыхъ. Кавалери и безконечно малыхъ Гульдена. Чтобы возвратить геометріи точность и ясность, утраченныя ею, по мнѣнію автора, вслѣдствіе употребленія этихъ количествъ, или, что же самое, вслѣдствіе введенія представляемаго имъ метода недѣлимыхъ, онъ ставить на мѣсто послѣдняго методъ предѣловъ, который замѣстуетъ изъ вышеупомянутыхъ сочиненій д’Аламбера и аббата де ла Шапелль. Находя однако же данное въ нихъ опредѣленіе предѣла недостаточнымъ и неточнымъ, онъ для устраненія этихъ недостатковъ представляется его въ слѣдующемъ видѣ: „Есть ли какая-нибудь величина отъ какого либо извѣстнаго безъ конца продолжаться могущаго дѣйствія всегда возрастаетъ или убываетъ, и отъ

¹⁾ С.-Пб. 1804—1807; 2 тома. In 4°.

²⁾ С.-Пб. 1805. In 4°.

³⁾ С.-Пб. 1811. In 8°.

⁴⁾ С.-Пб. 1798; 2+264 стр. и 5 таблицъ. 4°.

того къ другой непремѣнной величинѣ приближается, такъ что можетъ разниться съ нею меньше, пожели всякая по произволенію данная или взятая того же рода величина, и со всемъ тѣмъ никогда си не достигаетъ; то сія другая непремѣнная величина есть то, что предѣломъ первой (возрастающей или убывающей величины) мы называемъ¹⁾). Принимая за основное предложеніе метода предѣловъ первое изъ двухъ признаваемыхъ за таковыя аббатомъ де ла Шапель предложеній, Гурьевъ представляетъ данное д'Аламберомъ этому предложенію доказательство въ слѣдующемъ измѣненномъ видѣ: „Пусть X величина возрастающая и А, В два ся предѣла, то будо оные не равны между собою, одинъ другаго долженъ быть больше. Пусть А больше В на иѣкоторое непремѣнное количество D, поелику А и В суть количества непремѣнныя; то будетъ $A = B + D$. Понеже X всегда меньше В, то разность X съ $B + D$ не можетъ сдѣлаться меньше D, а слѣдственно не можетъ сдѣлаться меньше всякой по произволенію данной величины; и поноже $B + D = A$, то и разность X съ А не можетъ сдѣлаться меньше всякой по произволенію данной величины, и А не есть предѣль величины X; что противно положению; слѣд.“ и проч.²⁾). Этимъ предложеніемъ Гурьевъ пользуется въ первой главѣ资料а сочиненія, посвященной переходу отъ конечнаго къ бесконечному во всѣхъ случаяхъ, кромѣ случаевъ перехода отъ симѣримаго къ иссонизмѣримому, которому отводена вторая глава. Предметы первой главы характеризуются авторомъ какъ „предложенія, въ коихъ утверждается равенство двухъ величинъ изъ трехъ родовъ протяженности“. За второе основное предложеніе метода предѣловъ, которымъ оно пользуется исключительно во второй главѣ, гдѣ оно и приводится, Гурьевъ принимаетъ слѣдующее. „Есть ли двѣ возрастающія или убывающія величины X и Y, имѣя предѣлы А и В, всегда такъ содержатся, какъ двѣ непромѣнныя величины С и D, то и предѣлы ихъ А и В будутъ содержаться какъ сіи непромѣнныя величины С и D“³⁾). Предложенія, „точное и ясное доказательство“ которыхъ составляютъ предметъ второй главы, характеризуются въ ея заглавіи какъ такія, „въ коихъ изыскивается пропорциональность двухъ величинъ одной изъ трехъ родовъ протяженности съ двумя другими величинами той же или иной простейшей протяженности“⁴⁾). Эти двѣ

¹⁾ Гурьевъ, Опытъ, стр. 34.

²⁾ Тамъ же, стр. 35.

³⁾ Тамъ же, стр. 152.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 105.

главы, по высокомѣрному мнѣнію ихъ автора, въ соединеніи съ Элементами Эвклида, составляютъ вполнѣ достаточный материалъ для тѣхъ элементовъ геометріи, которыхъ желалъ д'Аламберъ и для составленія которыхъ, по мнѣнію посѣдняго, необходимы силы величайшихъ геометровъ, въ родѣ Декарта, Ньютона, Лейбница, Бернулли. Планъ такихъ элементовъ, составленный д'Аламбера, Гурьевъ впрочемъ не считалъ „избранийшими“ и предпочиталъ ему принятый Эвклидомъ. О Гурьевѣ можно сказать, что онъ принадлежалъ къ тому очень распространенному въ Россіи типу образованныхъ людей, который благоговѣетъ передъ древними авторами, имѣя о нихъ очень недостаточныя свѣдѣнія. Подлинная сочиненія древнихъ геометровъ, и въ особенности Эвклида и Архимеда, ему были извѣстны на столько поверхности, что онъ рѣшился съ увѣренностью утверждать, что методъ исчерпыванія произошелъ отъ метода Ньютона первыхъ и послѣднихъ отношеній и что у древнихъ геометровъ онъ совсѣмъ не употреблялся¹⁾). Это утвержденіе было высказано имъ въ опроверженіе противоположнаго мнѣнія аббата де ла Шансель.

Въ томъ же своемъ „Опытѣ“ Гурьевъ дасть хотя и обширный, но далеко не исчерпывающій своего предмета, критический разборъ элементовъ геометріи Лежандра.

Изъ всѣхъ другихъ учебниковъ элементарной геометріи, появившихся во второй половинѣ XVIII вѣка, наибольшимъ распространѣніемъ пользовался входящій въ составъ обнимающаго всѣ отдѣлы элементарной математики, механику и навигацію обширного сочиненія члена Парижской академіи наукъ Безу *Cours de mathématiques*. Авторъ этого „Курса“ *Étienne Bézout*²⁾ (1730—1783) родился въ Немурѣ. Непосредственное участіе его въ преподаваніи математики выражалось, главнымъ образомъ, въ занятіяхъ по принятой имъ на себя должности экзаменатора морскихъ гардѣцевъ. Для нихъ онъ и написалъ первый изъ своихъ двухъ „Курсовъ математики“, состоявшій изъ шести томовъ и вышедший въ свѣтъ въ 1764—69 годахъ въ Парижѣ подъ заглавиемъ *Cours de Mathématiques à l'usage des Gardes du Pavillon et de la Marine*. Что же касается четырехтомнаго второго, то онъ вышелъ въ свѣтъ въ Парижѣ въ 1770—72 годахъ, подъ заглавиемъ *Cours de Mathématiques à l'usage du corps royal de*

¹⁾ Тамъ же, стр. 26—27.

²⁾ Condorcet, Eloge de M. Bézout. Histoire de l'Académie Royale des Sciences, 1783. Hist. pag. 69—75. Poggendorff, I, S. 184—185.

l'artillerie. Въ члены Парижской академіи наукъ Бозу было избранъ послѣ представлениія ей мемуара *Sur les quantit es diff rentielles, qui n' tant point int grables par elles m mes, le deviennent n ansmoins, quand on leur joint des quantit es de m me forme qu'elles*¹⁾). Первымъ мемуаромъ, напечатаннымъ Бозу, какъ членомъ академіи, въ ся изданіяхъ, былъ *Sur les courbes dont la rectification d pend d'une quantit  donn e*²⁾). Предметомъ слѣдующихъ за этимъ мемуаромъ ученыхъ работъ Бозу сдѣлалась почти исключительно *теорія уравненій*. Ей дѣйствительно онъ посвятилъ вышедшее въ Парижѣ въ 1779 году въ видѣ отдельного изданія сочиненіе *Th orie g n rale des  quations alg briques et m m uaires: Sur plusieurs classes d' quations de tous les degr s qui admettent une solution alg brique*³⁾; *Sur le degr  des  quations r sultantes de l' vanouissement des inconnues*⁴⁾ и *Sur la r solution des  quations de tous les degr s*⁵⁾). Въ послѣдніе годы жизни вниманіе Бозу стали привлекать вопросы физики, какъ это выражилось, между прочимъ, въ принятіи имъ участія въ опытахъ *Лавуазье* и *Вандермонда* надъ холодомъ 1776 года.

Кромѣ переводовъ на многие изъ европейскихъ языковъ, изданія отдельныхъ частей обоихъ „Курсовъ“ выходили въ теченіе всей первой половины XIX вѣка⁶⁾). При составленіи входящихъ въ эти „Курсы“ элементовъ геометріи авторъ старался слѣдовати на сколько было въ его силахъ вышепозложеннымъ плану и указаніямъ д’Аламбера. Сдѣлать это хорошо ему однако же не удалось. Трудъ его, какъ было уже указано современными критикою, отличался недостаткомъ строгости. Изъ предложеній, которыя онъ считалъ и называлъ очевидными слѣдствіями, многія нуждались въ доказательствѣ. Едва ли не главною причиной постигшей Бозу неудачи было прослѣдованіе имъ въ своемъ сочиненіи некоторыхъ постороннихъ цѣлей, въ родѣ, напри-

¹⁾ *M moires de math matique et de physique, pr sent s   l’Acad mie Royale des Sciences, par divers Savans, et l s dans ses Assembl es. Tome III.*

²⁾ *Histoire de l’Acad mie Royale des Sciences. Avec les M moires de Math matique et de Physique, 1758.*

³⁾ Тамъ же, 1762.

⁴⁾ Тамъ же, 1764.

⁵⁾ Тамъ же, 1765.

⁶⁾ Выходили до 1852 года во многихъ новыхъ изданихъ и переводахъ на языки: итальянскій, польскій и русскій. Нореработкою некоторыхъ изъ частей обоихъ „Курсовъ“, съ цѣлью устраненія присущихъ имъ недостатковъ, занимались въ XIX в. баронъ Рейно, Гарнье, Ребуль и Пейрарь.

мѣръ, облегченія труда веденія экзамена какъ для экзаменаторовъ, такъ и для экзаменующихся.

Если разсмотрѣшь до сихъ поръ сочиненія по элементарной геометріи являются элементами геометріи въ настоящемъ смыслѣ этого термина, точно установленномъ д'Аламборомъ, то посвященная геометріи вторая часть *Anfangsgründe der Arithmetik, Geometrie, ebenen und sphärischer Trigonometrie und Perspektiv*¹⁾ Кестнера должна быть рассматриваема какъ представительница другого типа элементовъ геометріи, типа, преслѣдующаго кромѣ общихъ цѣлей еще и специальныя. Типъ этотъ, благодаря обилію представляющихъ его сочиненій, уже давно получилъ права гражданства. Изъ указываемыхъ д'Аламбромъ въ статьѣ *Des éléments de Géométrie различныхъ формъ*²⁾, въ которыхъ могутъ представляться элементы геометріи въ зависимости отъ требованій, которые предъявляются имъ различными группами читателей, сочиненіе Кестнера ближе всего подходитъ къ формѣ „трактата практической геометріи, сопровождасмого умозрѣніями, способными освѣтить до нѣкоторой степени практическія операции и этимъ помышшать читателю ограничиться одною скѣпкою рутилою“.

Первая часть Геометріи Кестнера состоитъ изъ геометріи на плоскости и приложения предложенныхъ въ ней правилъ къ практической геометріи. Непосредственно за этою первою частью слѣдуетъ изложеніе плоской тригонометріи, получающее, такимъ образомъ, характеръ дополненія или даже заключительной составной части трактата практической геометріи на плоскости. Вторую часть геометріи Кестнера составляетъ геометрія въ пространствѣ, непосредственно за которую, какъ дополненіе къ ней или съ заключительной составной частью, слѣдуетъ сферическая тригонометрія. Теоретический отдѣль первой части заключающій въ себѣ геометрію прямой линіи и окружности. Цѣльность его изложенія нарушается введеніемъ въ него двухъ теоремъ изъ геометріи поверхностей: теоремы Пиегагора, доказываемой сравненіемъ площадей, и теоремы объ отношеніи площадей треугольниковъ, имѣющихъ равныя высоты. Отдѣль начинается наложеніемъ опредѣленій, требованій и аксиомъ. Изъ опредѣленій, даваемыхъ Кестнеромъ, достаточно привести слѣдующія: Прямая линія есть такая, всѣ точки которой лежать прямо въ одну сторону. Кривая же

¹⁾ Göttingen 1758; 6. Auflage. 1b., 1800. In 8°.

²⁾ Encyclopédie méthodique. Mathématiques, II, pag. 136.

есть линія, въ которой, между всякими двумя взятыми возможно близко другъ къ другу ся точками, всегда находятся пѣсколько точекъ, по лежащихъ съ ними на одной прямой линіи. Плоскость есть поверхность, отъ всякой точки которой къ другой ся точекъ можно проводить прямые линіи такъ, что всѣ ихъ точки будутъ находиться на той же поверхности. Плоский уголъ есть взаимное наклоненіе двухъ линій, лежащихъ въ одной плоскости и не составляющихъ одной прямой линіи. За аксиомы Кестнеръ принимаетъ слѣдующія предложения: 1) Черезъ каждыя двѣ точки проходитъ только одна прямая линія. 2) Если двѣ прямые линіи сходятся, то составляютъ одной прямой линіи, то, кроме одной точки, онѣ не будутъ имѣть ничего общаго. 3) Величины, которые могутъ быть наложены одна на другую такъ, что предѣлы одной и все между ними заключающееся совпадутъ съ предѣлами и всѣмъ между ними заключающимъ другой, суть величины между собою равные и подобныя. 4) Равные прямые линіи и равные углы взаимно покрываются. 5) Всѣ прямые углы равны между собою, потому что они взаимно покрываются. 6) Диаметръ дѣлить кругъ на двѣ подобныя и равные части. 7) Окружность круга около центра есть непрерывная кривая линія. 8) Неопределенная прямая линія дѣлить неопределенную плоскость, на которой она проведена, на двѣ части, расположенные на противоположныхъ ся сторонахъ. За исключениемъ указанныхъ двухъ теоремъ вся геометрия поверхностей на плоскости, а вмѣстѣ съ нею и измѣрение окружности, отнесены Кестнеромъ къ отдѣлу практической геометріи. Какъ на замѣчательную особенность Геометріи Кестнера, слѣдуетъ указать на единство способовъ ведения доказательствъ предложенийъ, имеющихъ дѣло съ переходомъ отъ конечного къ бесконечному. Въ обоихъ случаевъ этого перехода, то есть какъ при переходѣ отъ соизмѣримыхъ величинъ въ несоизмѣримыя, такъ и при переходѣ отъ прямыхъ линій къ кривымъ, въ ней однообразно употребляется одинъ и тотъ же методъ, именно методъ исчерпыванія.

Авторъ разсмотрѣннаго сейчасъ учебника геометріи *Abraham Gottlieb Kastner*¹⁾ (1719—1800) родился въ Лейпцигѣ, гдѣ его отецъ былъ профессоромъ юриспруденціи. Поступивъ въ студенты Лейпцигскаго университета, онъ сначала, по желанію отца, занимался юридическими науками, но затѣмъ, слѣдя собственному влечению, остал-

¹⁾ *Commentationes Societatis Regiae Scientiarum Göttingensis. V.—Poggendorff*, I, S. 1217—1219.

виль ихъ и предался занятіямъ математикою. Въ 1739 году онъ представилъ въ университетъ диссертацию *Theoria radicum in aequationibus*¹⁾, представлявшую его первый появившійся въ печати ученый трудъ. Получивъ отъ автора экземпляръ этой диссертации, Леонардъ Эйлеръ отнесся къ ней съ одобрениемъ, хотя она, какъ составленная по сочиненіямъ англійскихъ математиковъ, Макклорена и Кемпбелла, была трудомъ компилиативнаго характера. Самому автору принадлежали въ ней только сопровождаемыя большими или меньшими успѣхомъ старанія представить въ болѣе ясномъ видѣ изысканія Макклорена и Кемпбелла относительно предѣловъ корней уравненій и числа минимыхъ корней. Сдѣлавшись послѣ представленія этой диссертациії приват-доцентомъ Лейпцигскаго университета, Кестнеръ преподавалъ въ немъ математику, логику и естественное право. Въ 1746 году онъ занялъ въ томъ же университетѣ каѳедру математики съ званіемъ экстраординарнаго профессора, а въ 1756 году перешелъ въ Геттингенскій университетъ, гдѣ въ званіи ordinарнаго профессора математики и физики велъ пользовавшееся въ Германіи болѣшою извѣстностью преподаваніе этихъ наукъ до конца жизни.

Кестнеръ былъ чрезвычайно плодовитымъ писателемъ, написавшимъ очень большое количество сочиненій по математикѣ, механикѣ, астрономіи и оптицѣ. Большинство ихъ, и притомъ очень значительное, не поднималось, однако же надъ среднимъ уровнемъ ученыхъ произведеній своей эпохи въ Германіи. Изъ нихъ *geometrii* были посвящены слѣдующія.

Progr. Perspectivae et projectionum theoria generalis analytica²⁾. Versuch einer analytischen Abhandlung von den Kegelschnitten³⁾. Geometrische Abhandlungen⁴⁾. Solutio problematis ab Eulero propositi: de inventienda curva continua, quae radios ex dato punto incidentes, post duas reflectiones eisdem punto reddat⁵⁾. Ad theoriam cochleae pertinens observatio geometrica⁶⁾. Theoria projectionis stereographicae horizontalis⁷⁾. De multiplicatione imaginum ope duorum speculorum plan-

¹⁾ Lipsiae 1739. 31 S. In 4°.

²⁾ 4°. Lipsiae 1752.

³⁾ 8°. Göttingen 1759.

⁴⁾ 2. Samml. 8°. Тамъ же, 1789—1791.

⁵⁾ Acta Kruditorum 1746.

⁶⁾ Dissertationes mathematicae et physicae quas Societati Reg. Scient. Götting. annis 1756—66 exhibuit. 4°. Altenb. 1771. S. 38—41.

⁷⁾ Тамъ же, S. 88—111.

rum ²⁾). De minimo in reflexione ³⁾). Quot sphaerae vitiae aequales mediam et se mutuo tangere possint ⁴⁾). Additio ad theoriam suam projectionis stereographicae horizontalis ⁵⁾). Pinnarum, quibus pila tundentia elevantur, consideratio geometrica ⁶⁾). Consideratio geometrica tignorum vectis inflexi circumductu oscillantium ⁷⁾). De objecti in speculo sphærico visi magnitudine apparenti ⁸⁾). Untersuchung des Cylinders, der sich eine schiefe Fläche hinauf zu wälzen scheint ⁹⁾). Theoria projectionis superficieis sphærica in planum tangens, oculo in centro positu ¹⁰⁾). Latus trianguli sphærici ex duobus lateribus cum angulo intercepto computandi formulae ¹¹⁾). De objecti e duobus locis dissitis visi invenienda distantia in superficie terrae ¹²⁾). Problema ad geometriam practicam, sp̄ciatim ad altitudines mensurandas ¹³⁾). Fasciarum quibus globi obducuntur sphaerae circumscripicio, constructio ¹⁴⁾). De rotarum dentibus ¹⁵⁾). De sectionibus solidorum crystallorum structuram illustrantibus ¹⁶⁾). De corporibus polyedris data lege irregularibus ¹⁷⁾). De coni scaloni superficie et rete ¹⁸⁾). Cylindrorum rectorum se decussantium sectiones ad geometriam fornicum relatae ¹⁹⁾). De fornium superficiebus et solidis computandis ²⁰⁾). Specimen analyseos geometriae cum algebraica comparatae ²¹⁾). De curvis aequidistantibus ²²⁾). De corporibus regularibus abscissis et ele-

²⁾ Тамъ же, S. 1—21.

³⁾ Тамъ же, S. 22—28.

⁴⁾ Тамъ же, S. 62—74.

⁵⁾ Novi Commentarii (Göttingen), I (1770). S. 198—143.

⁶⁾ Тамъ же, II (1771). S. 117—131.

⁷⁾ Тамъ же, S. 132—151.

⁸⁾ Тамъ же, VIII (1778). S. 96—123.

⁹⁾ Deutsche Schriften d. Gött. Soc. I, 1771.

¹⁰⁾ Acta Academias Moguntinae 1770.

¹¹⁾ Тамъ же, 1778—79.

¹²⁾ Тамъ же. Ad annos 1782—83. Erfurti 1784. 6. Abhandlung vorgelesen den 3. Nov. 1783.

¹³⁾ Тамъ же, ad annos 1784—85. Erfurti 1786. 4. Abhandlung.

¹⁴⁾ Commentationes Soc. Goett. I (1779). S. 1—34.

¹⁵⁾ Тамъ же, IV (1782), S. 9—26; V (1783), S. 1—27.

¹⁶⁾ Тамъ же, VI (1785), S. 53—100.

¹⁷⁾ Тамъ же, VI (1785). Disquisitio altera et tertia VIII (1787). Disquisitio quarta IX (1787—88).

¹⁸⁾ Тамъ же, IX (1787—88). S. 39—62.

¹⁹⁾ Тамъ же, X (1789—90). S. 30—54.

²⁰⁾ Тамъ же, S. 104—127.

²¹⁾ Тамъ же, XIV (1798—99). S. 38.

²²⁾ Тамъ же, XI (1791—92).

vatis¹⁾. De superficie cochleae²⁾. De cochlearum ductibus inter superficies parallelas³⁾. De cochlea superficiebus conniventibus⁴⁾. Wann hat Punkt, Linie und Fläche sehr richtig erklärt⁵⁾. Ueber d. mathem. Begriff des Raums⁶⁾. Ueber die geometr. Axiome⁷⁾. Etwas zur Empfehlung d. Centralprojection⁸⁾. Über ordentliche Vielecke um ein gleiches⁹⁾. Исторія или точнѣе библіографія геометрія XVI и начала XVII столѣтій Кестнеръ отвѣтъ довольно значительное мѣсто въ свою очередь по случаю смерти сочиненія *Geschichte der Mathematik seit der Wiederherstellung der Wissenschaften bis an das Ende des achtzehnten Jahrhunderts*¹⁰⁾.

Кромѣ учебниковъ и ученыхъ сочиненій по физико-математическимъ наукамъ перу Кестнера принадлежали еще очень много предисловій, рецензий, энгриамъ, философскихъ сочиненій и проч.

Изъ другихъ учебниковъ элементарной математики, изданныхъ во второй половинѣ XVIII вѣка въ Германіи, значительнымъ распространениемъ на родинѣ и даже въкоторою извѣстностью вѣдь ея пользовались сочиненія профессора математики и физики въ университетахъ г. Ростокѣ, въ Бютцовѣ и въ Галле *Wenceslaus Johann Gustav Karsten*¹¹⁾ (1732—1787): *Lehrbegriff der gesammten Mathematik* въ 8-ми книгахъ¹²⁾, *Anfangsgründe der mathematischen Wissenschaften* въ 3-хъ книгахъ¹³⁾, и *Auszug aus den Anfangsgründen und dem Lehrbegriffe der mathematischen Wissenschaften* въ 2-хъ книгахъ¹⁴⁾. Замѣчательною особенностью посвященнаго элементарнѣй геометріи отдѣла этихъ сочиненій является совершенное устрапованіе въ немъ требований отъ читателя предварительныхъ знаній изъ областей ариѳметики и алгебры.

¹⁾ Тамъ же, XII (1793—94).

²⁾ Тамъ же, XIII (1795—97).

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, XIV (1798—99).

⁵⁾ *Leipziger Magazin z. Naturkunde, Mathematik, Oekonomie, herausgeg. v. Funk, Leesk, u. s. w.* 1782. S. 224—226.

⁶⁾ *Eberhard's philos. Magazin* 1780.

⁷⁾ Тамъ же.

⁸⁾ *Zach, allgem. geogr. Ephemer.* 1798.

⁹⁾ *Nova Acta Academiae Moguntinae*, I. 1799. Vorgelegt 2. Dez. 1796. S. 241—256.

¹⁰⁾ 4 тома. Sc. Göttingen 1706—1800.

¹¹⁾ *Poggendorff*, I. S. 1224—1225.

¹²⁾ Sc. Greifswald 1767—77. 2. Aufl. 1782—91.

¹³⁾ Sc. Rostock 1780.

¹⁴⁾ Sc. Greifswald 1781; 2. Aufl. 1b. 1785.

Можетъ быть для того, чтобы сильнѣе подчеркнуть это обстоятельство, изложеніе частей элементарной математики въ этихъ сочиненіяхъ начиняется съ геометріи.

Желаніе д'Аламбера видѣть авторами элементовъ геометріи первоклассныхъ математиковъ¹⁾ было осуществлено во второй половинѣ XVIII вѣка Леонардомъ Эйлеромъ и Лежандромъ. Но упомянутое уже выше сочиненіе Эйлера не получило никакой извѣстности, а вѣдь предѣловъ Россіи и никакого распространенія. Что же касается сочиненія Лежандра, то оно совсѣмъ не удовлетворяло требованію д'Аламбера слѣдовать при изложеніи элементовъ геометріи путями, которыми шли создавшіе ихъ изслѣдователи въ своихъ открытияхъ, то-есть именно тому требованію, которое и заставляло д'Аламбера призывать первоклассныхъ математиковъ къ дѣлу составленія элементовъ геометріи. Даже Эвклидъ, если не въ веденіи доказательствъ, то въ расположенніи содержаній пѣкоторыхъ частей своей книги, стоялъ ближе къ требованію д'Аламбера, чѣмъ Лежандръ. Да и вообще можно сильно сомнѣваться и даже отрицать возможность для первоклассныхъ математиковъ и даже ихъ способность удовлетворить требованію д'Аламбера. На одно изъ основаній для такихъ сомнѣній, имѣю, на встрѣчающуюся иногда безсознательность творческихъ процессовъ или, по выражению д'Аламбера, на случай, когда изслѣдователь руководится болѣе иѣкоторымъ родомъ инстинкта, чѣмъ умозрѣніемъ, указывалъ уже и самъ д'Аламбель. Но, кроме этого основанія и уже не только для сомнѣнія, но и для отрицанія могутъ быть выставлены еще и другія. Противъ возможности для первоклассныхъ математиковъ новаго и новѣйшихъ временъ возвратиться на пути, которыми шли творцы элементарной геометріи въ дѣлѣ ея создания, говорятъ слѣдующія соображенія. Созданіе греческой геометріи, представляемой Элементами Эвклида, какъ результатъ совершившагося въ теченіе очень большихъ промежутковъ времени коллективного труда дѣятелей, принадлежащихъ къ длинному ряду послѣдовательныхъ поколѣній и притомъ къ такимъ различнымъ національностямъ, какъ египетская, греческая и менѣе или совсѣмъ исчезнувшая другія, проходило при совершенно другихъ обстоятельствахъ и условіяхъ, чѣмъ работы изслѣдователей въ новой науцѣ. Не говоря уже о различіяхъ, неизбѣжно создаваемыхъ прогрессомъ далеко ушедшій впередъ съ тѣхъ отдаленныхъ временъ науки, для того, чтобы убѣдиться въ

¹⁾ Encyclopédie mѣthodique. Mathématiques, II, p. 135—136.

справедливости высказанного сейчас утверждения, достаточно вспомнить, что Эйлеръ, Лежандръ и другие европейские математики XVIII вѣка и вообще новаго времени, какъ стоявшіе на почвѣ индусскаго арифметико-алгебраического направлѣнія, были аналитиками, тогда какъ такие выдающіеся дѣятели въ области элементарной геометріи, какъ греческие математики V и слѣдующихъ столѣтій до Р. Хр., должны быть признаваемы чистыми геометрами, потому что они всегда стояли на почвѣ чисто-геометрическаго направлѣнія, таکъ рѣзко различающаго индусскую математику отъ древне-греческой.

Что же касается вопроса о способности первоклассныхъ математиковъ нового времени восстановить пути, по которымъ шли въ дѣлѣ создания элементарной геометріи съ творцами, то по его поводу для избѣжанія разсмотрѣнія предмета въ подробностяхъ достаточно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Прізываю первоклассныхъ математиковъ къ составленію элементовъ геометріи, д'Аламберъ думалъ, что имъ для восстановленія путей созданія этихъ элементовъ будетъ достаточно следовать путямъ, которыми они сами шли въ своихъ собственныхъ открытіяхъ, то-есть, говоря другими словами, заняться предварительно восстановленіемъ этихъ собственныхъ путей. Но могутъ ли они это сдѣлать при существующихъ въ новомъ и новѣйшемъ временахъ условіяхъ и приемахъ творческой научной работы въ области науки математическихъ? Прежде, чѣмъ достигнуть нового открытия, ученый, стремясь прийти къ своей цѣлі возможно скорѣе, совсѣмъ не задумывается надъ путями, которыми идетъ его мысль, и надъ стадіями ея развитія. Обыкновенно онъ не даетъ себѣ о нихъ не только яснаго, но и никакого отчета. Достигнувъ своей цѣли, совершивъ новое открытие, ученый старается представить его часто цѣною большихъ усилий, въ тѣхъ привычныхъ ему самому формахъ, и, которыхъ обыкновенно представляются въ ученой литературѣ и въ преподаваніи истины и ихъ доказательства. То, при посредствѣ чего онъ достигъ своего открытия, начинаетъ казаться ему въ этой новой его работѣ, не только ей не содѣйствующимъ, но и прямо мѣшающимъ, препятствующимъ. Онъ старается освободиться отъ него, забыть о немъ. Наибольшаго своего развитія, доходящаго до намѣренного уничтоженія всякихъ следовъ первоначальной творческой работы, эти послѣднія стремленія достигаютъ у тѣхъ ученыхъ, которые находятъ ся непосредственные результаты неизящными, а иногда даже содержащими ошибки. Результатомъ всѣхъ указанныхъ此刻 обстоятельствъ и условій, при которыхъ совершаются творчес-

ская работа ученаго въ новое и новѣйшее времена, является для него очевидно, положеніе, очень близкое къ тому, въ которомъ находится ученья въ случаѣ бессознательной творческой работы, или, по выражению д'Аламбера, въ случаѣ слѣдованія болѣе инстинкту, чѣмъ умозрѣнію.

Кто же можетъ удовлетворить требованію д'Аламбера, если этого не могутъ и даже неспособны сдѣлать первоклассные математики нового и новѣйшаго временъ? Сдѣлать это можетъ только исторія математики или въ болѣе тѣсномъ смыслѣ произведения въ соответствующемъ направленіи ея изслѣдованій. Но такихъ изслѣдованій въ ней, къ сожалѣнію, не только не виѣлось во второй половинѣ XVIII вѣка, но не имѣется еще и теперъ. Слѣдовательно, ни во второй половинѣ XVIII вѣка, ни даже теперъ не могли и не могутъ быть составлены тѣ истинные элементы геометріи, о которыхъ мечталъ д'Аламбѣръ и которые, по его мысли, должны представлять связь между истинами въ ея естественномъ видѣ, образул изъ нихъ цѣль, существующую въ дѣйствительности, а не искусственную, и которые, кроме того, должны быть свободными отъ той особой формы языка, которая вырабатывалась въ науцѣ въ теченіе вѣковъ, частью для того, чтобы сообщить ей какуюто таинственность, частью же для того, чтобы упростить ея употребленіе на практикѣ¹⁾.

Особенно важное значеніе должно имѣть создание такихъ истинныхъ элементовъ геометріи для изученія послѣдней, если смотрѣть на нихъ, какъ на руководство для него или даже прямо какъ на учебникъ. Дѣйствительно, только при устраненіи изъ элементовъ геометріи всякой искусственности и всего противнаго природѣ человѣческаго разума и законамъ развитія человѣческихъ знаній они сдѣлаются доступными для людей, обладающихъ средними умственными способностями, то-есть для громаднаго большинства человѣчества, а не изученіе этимъ большинствомъ сдѣляется дѣйствительнымъ, а не кажущимся или приврачнымъ, какъ теперъ и ранѣе. Только при такомъ освобожденіи элементовъ геометріи отъ всего имъ чуждаго и внесеннаго извѣтъ въ нихъ можетъ создаться тотъ царскій путь изученія геометріи, на отсутствіе которого въ Элементахъ Эвклида когда-то горько жаловался автору просвѣщеній царь Птолемей.

В. Бобышинъ.

(Окончаніе следуетъ).

¹⁾ *Eléments des sciences*, p. 618—619.

ТЕОРИЯ ВОЛИ ЭРЕНФЕЛЬСА¹⁾.

I.

Среди современныхъ психологовъ, отрицающихъ за волею значение особаго элемента душевной жизни, видное мѣсто занимаетъ австрійскій психологъ Христіанъ Эренфельсъ. Отъ развила свое ученіе о волѣ въ связи съ такъ называемой „теоріей оцѣнки“—Werttheorie, которая культивируется въ австрійской психологической школѣ еще со временемъ Брентано. Въ настоящемъ очеркѣ я коснусь только его теоріи воли, которая представляетъ несомнѣнныи психологический интересъ и можетъ служить введеніемъ къ системѣ теоріи оцѣнки Эренфельса.

Исходная точка разсужденій Эренфельса („System der Werttheorie“ стр. 189 В. I)—это вопросъ о „генетическомъ“ отношеніи между чувствомъ и волею въ широкомъ смыслѣ (Begehrungen), тогда какъ описание этихъ феноменовъ какъ таковыхъ отводится только лишь самое необходимое мѣсто. Подъ чувствомъ надо понимать, по Эренфельсу, всякое психическое состояніе, которое имѣть признакъ наслажденія или страданія (Lust, Unlust). По степени интенсивности наслажденіе и страданіе можно расположить какъ протяженность, непрерывность одного измѣрения (eindimensionales Continuum), т. е. отъ высшихъ степеней наслажденія можно непрерывно переходить къ низшимъ до нуля или безразличія (что условимся называть положительнымъ чувствомъ) и далѣе внизъ—отъ низшихъ къ высшимъ степенямъ страданія (отрицательное чувство). Подъ волеиемъ же понимается желаніе, стремленіе и воля въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. такие психические акты, у которыхъ общаго то, что всѣ они „напра-

¹⁾ System der Werttheorie, т. I и II. Leipzig 1897, 1898.

влены" на иѣкоторую цѣль, т. е. на существование, появление какой-нибудь вещи, возникновеніе иѣкотораго события, или же на несуществование, уничтоженіе вещи, прекращеніе события; въ первомъ случаѣ это будетъ положительное воленіе, во второмъ—отрицательное (отвращеніе).

Затѣмъ относительно чувства и воли Эренфельсъ устанавливаются два слѣдующихъ положенія: 1) можно чувствовать удовольствие и страданіе безъ всякаго воленія и 2) можно переживать воленіе безъ чувствованій, хотя обыкновенно эти элементы соединены въ сознаніи (стр. 13). Примѣры, подтверждающіе первое положеніе, можно наблюдать въ тѣхъ случаяхъ, когда мы бываемъ "поражены" (*Überrascht*) внезапностью чувствованія; запахъ, неожиданно проникая въ сознаніе, можетъ чувствоваться какъ пріятный или непріятный и только уже въ слѣдующемъ мгновеніи появляется воленіе удержать этотъ запахъ или нѣтъ. Что касается воленій безъ чувствъ, то таково, по автору, большинство привычныхъ дѣйствій, при которыхъ первоначально сопутствовавшія имъ актуальные чувства могутъ оказаться на точкѣ шути, безъ того чтобы это вліяло на силу и самое существование соответствующихъ волевыхъ актовъ.

Установивъ такое пониманіе чувства и воли, Эренфельсъ, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію ихъ взаимоотношенія, рѣшительно отвергаютъ, опираясь на самопаблюденіе, возможность непосредственнаго воздействиія разума (т. е. дѣятельности мышленія) на волю, вопреки распространенному убѣждѣнію. По его мнѣнію, разумъ только косвенно вліяетъ на волю и притомъ двоякимъ образомъ: дѣятельность мышленія даетъ, во-первыхъ, комплексъ представленій, которымъ при опредѣленной комбинаціи чувствованій даются цѣлыми или средствами къ нимъ, и, во-вторыхъ, сужденія о томъ, что исполненіе средствъ ведетъ къ достижению цѣлей. Разумъ дастъ, такъ сказать, рядъ возможностей для возникновенія волевого акта въ томъ или другомъ направлениі; само же возникновеніе и выборъ направлениія находится въ прямой зависимости отъ опредѣленной комбинаціи чувствъ или расположений къ чувствамъ.

На основаніи этого и отвергая противоположныя теоріи, Эренфельсъ полагаетъ, что всякий, способный къ беспристрастному и свободному отъ предразсудковъ самопаблюденію, долженъ признать, что не только возникновеніе или невозникновеніе, но и сила воленій находятся въ прямой зависимости отъ участія чувствъ (стр. 9). Поэтому авторъ признаетъ возможнымъ, вѣсть съ вульгарной психологіей,

отожествлять до известной степени расположение (Disposition) къ чувствамъ съ расположениемъ къ волѣ; это значитъ, что зная о томъ, что доставляютъ данному субъекту удовольствіе или страданіе, мы можемъ предвидѣть его поведеніе и наоборотъ.

Остается теперь опредѣлить зависимость между чувствомъ и волею. Какъ известно, различные теоріи эвдемонистической мотивации даютъ опредѣленные отвѣты на этотъ вопросъ. Эренфельсъ разсматриваетъ и критикуетъ двѣ главныхъ разновидности такихъ теорій, и сначала ту, которая утверждаетъ, что всякое наше воленіе направлено на достиженіе собственного счастья или освобожденіе отъ страданія. Это положеніе оказывается не выдерживающимъ критики, главнымъ образомъ потому, что далеко не всегда при воленіяхъ мы въ состояніи найти въ себѣ представление удовольствія или страданія. Но одно наблюденіе, приводимое этой теоріей, кажется Эренфельсу очень цѣннымъ. Именно замѣчено, что многіе акты стремленій и воли при своемъ возникновеніи увеличиваются наслажденіемъ или уменьшаются страданіемъ. Это можно, по мнѣнію Эренфельса, обобщить слѣдующимъ образомъ: „ всякий актъ стремленія или воли улучшаетъ состояніе счастья по сравненію съ состояніемъ, которое было бы въ случаѣ невозникновенія этого волевого акта” (стр. 32). По его мнѣнію представлять себѣ воленіе, которое ухудшаетъ состояніе счастья, по сравненію съ тѣмъ, что было бы безъ него,—является психологической невозможностью. При томъ, доказываетъ авторъ, не нужно думать, что это улучшеніе должно быть всегда цѣлью воленія, какъ это склонна утверждать рассматриваемая теорія. Высказанное положеніе можно выразить еще такимъ образомъ: „каждому опредѣленному воленію соответствуетъ вполнѣ опредѣленное теченіе представлений. Два воленія, отличающиеся по своимъ цѣлямъ, отличаются также отвѣчающими имъ представлениями и сужденіями. И вотъ несомнѣнно, что тотъ, кто послѣ долгаго колебанія опредѣляетъ свою волю по известному направлению, долженъ убѣдиться, по добросовѣстному наблюденію, что онъ выбралъ ту долю, благодаря которой, по крайней мѣрѣ при начаѣ волевого акта, его счастье увеличивается болѣе, чѣмъ если бы данный актъ не возникъ” (стр. 31).

Вторыя теорія, которая утверждаетъ, что мы можемъ хотѣть или не хотѣть только того, представление чего сопровождается актуальнымъ чувствомъ удовольствія или (соответственно второму случаю) неудовольствія, также оказывается въ глазахъ Эренфельса несостоятельной. Онъ доказываетъ съ фактами въ рукахъ, что бываютъ слу-

чай воленій безъ всякихъ замѣтныхъ актуальныхъ переживаній удовольствія или страданія, и что во всякомъ случаѣ сила воленій совершенно не пропорціональна интенсивности этихъ переживаній.

Правильно было бы, по мнѣнію Эренфельса, утверждать слѣдующее. Течеиіе представлений и интеллектъ обусловливаютъ возможность возникновенія того или другого воленія. Непосредственно же это зависитъ отъ его расположения чувствъ (*Gefuhlsdisposition*), т. е. возникаетъ именно то воленіе, которое при своемъ появленіи увеличиваетъ состояніе счастья сравнительно съ тѣмъ, что было бы безъ этого воленія или при другомъ воленіи. Особенно важно, что этотъ законъ совсѣмъ не предполагаетъ положительного чувства счастья или удовольствія; „сравнительнымъ удовольствіемъ“ (*relative Lust*) можетъ быть в точка безразличія по отношенію къ страданію или даже меньшая степень страданія по сравненію съ большей.

Изложенная сейчасъ теорія отношенія между чувствомъ и волею позволяетъ формулировать и интенсивность волевыхъ актовъ въ зависимости отъ чувствъ. Подъ интенсивностью воли слѣдуетъ понимать, по Эренфельсу, иѣру „сопротивленія“, которое можетъ преодолѣть этотъ психический актъ, т. е. то количество страданія, которое можетъ встрѣтиться на пути достижениія данной цѣли, не уничтожая тѣмъ не менѣе самого стремленія. Такъ какъ всякое воленіе подчинено „закону“ относительного удовольствія, то, слѣдовательно, это могущее встрѣтиться сопротивленіе, чтобы не уничтожить воленія, не должно превышать того относительного удовольствія, которое приноситъ съ собою данное воленіе. Испо, что чѣмъ выше степень относительного удовольствія при воленіи, тѣмъ болѣе сопротивленія оно можетъ преодолѣть, т. е. интенсивность всякаго воленія пропорціональна доставляемому вмъ относительному наслажденію.

Окончательно приведенное формулируются Эренфельсомъ такъ: „всѣ акты воленія въ своихъ цѣляхъ и интенсивности обусловлены относительнымъ увеличеніемъ счастья, которое они, согласно расположению къ чувствамъ данного индивида, приносить съ собою при возникновеніи и прохожденіи въ сознаніи“ (стр. 41). При этомъ нужно замѣтить, что этотъ законъ не предполагаетъ совершенно сознательной дѣятельности или подсчета наслажденія и страданія, т. е. обыкновенно возникаетъ воленіе опредѣленного направленія и силы, какъ разъ соотвѣтствующее относительному счастью, даже безъ того, чтобы переживающій его субъектъ имѣлъ представление объ этомъ относительномъ увеличеніи его счастья.

Конечно, такая стройная координация чувства и воли требует объяснения. Это приводить Эренфельса к необходимости проникнуть въ сущность этого отношения. Вопросъ сводится къ психологическому анализу воли. Для этой цѣли Эренфельсъ беретъ позитивический примѣръ, на которомъ весьма подробно и картино показано возникновеніе желанія, которое затѣмъ становится стремлениемъ, послѣднее переходить въ волевой актъ, и все заканчивается исполненіемъ задуманнаго. Изъ этого примѣра, рассматривать который здесь нѣть надобности, выясняется, что желаніе (Wunsch) есть самый простой видъ воли (Begehr), стремление же (Streben) и воля (Wollen) отличаются иѣ-которыми новыми психическими „плюсами“, при чѣмъ воля оказывается самымъ сложнымъ актомъ. Но то „зерно“, которое позволяетъ отнести къ одному классу (Begehr) все три разновидности, уже цѣликомъ заключается въ желаніи, на которое, поэтому, и надо обратить особое вниманіе.

Дальнѣйшему слѣдуетъ предполагать изложеніе взглядовъ автора на иѣкоторые „законы“ течения представлений. Согласно Эренфельсу нужно различать законы появленія представлений въ сознаніи или ассоціаціи отъ законовъ ихъ живости и продолжительности пребыванія въ полѣ сознанія, т. е. вопросъ о томъ, что способствуетъ живости, удержанію или исчезновенію появляющихся въ полѣ сознанія представлений. Въ этомъ вопросѣ авторъ особенно выдвигаетъ значеніе чувства. „Большо пріятнаго представлений получаютъ большую силу и борьбѣ за полѣ сознанія... Это усиленіе состоить въ перевѣсѣ одного представления надъ другими; въ относительной прибавкѣ на строкѣ одного, болѣе пріятнаго, которая можетъ имѣть основы въ относительномъ ослабленіи его соперника. Другими словами въ сознаніи одерживаются ворота относительно пріятнаго представлений“ (стр. 190—1). Эренфельсъ называетъ это „закономъ относительного способствованія счастью“ (*Gesetz der relativen Glücksförderung*).

Кромѣ этого Эренфельсъ замѣчаетъ, что при утвердительномъ экзистенціальномъ сужденіи представлений, составляющія содержаніе такого сужденія, дѣлаются сильнѣе въ борьбѣ за сознаніе въ тѣмъ большей степени, чѣмъ ближе по времени къ дѣйствительности находится данное содержаніе сужденія. Послѣднее обстоятельство приводить автора къ мысли, что быть можетъ не самый актъ сужденія, а иѣкоторые побочные обстоятельства сообщаютъ силу соответствующимъ представленимъ. И дѣйствительно, всѣмъ известно, что иѣчто представляemos какъ дѣйствительное (wirklich) выигрываетъ въ жи-

вости и долѣе привлекасть паше вниманіе, при чемъ въ сужденій ничего не измѣняется, т. е. я по прежнему могу „знать“, что представляемое мною какъ дѣйствительное не существуетъ. Эренфельсъ приходитъ къ заключенію, что „представлять любой объектъ можно троеко: именно, представление его (объекта) какъ дѣйствительного, какъ недѣйствительного и представление „просто“, т. е. безъ отношенія къ дѣйствительности или недѣйствительности“ (стр. 203). Если я начинаю представлять нѣкоторый объектъ „а“ дѣйствительнымъ, хотя знаю, что онъ не существуетъ, то представленіе его дѣлается живѣе и получаетъ болѣе шансовъ удержаться въ сознаніи. Причиной тому не сужденіе, которое остается безъ перемѣны, и не какое-нибудь измѣненіе въ „актѣ“ представленія, а, утверждаетъ Эренфельсъ, измѣненіе въ содержаніи представленія. По его мнѣнію, когда нѣкоторый объектъ представляется дѣйствительнымъ, мы „представляемъ“ его въ причинной связи съ нашимъ „теперешнимъ я“ (Gegenwrtiges Ich). Подъ теперешнимъ я слѣдуетъ понимать „ сумму всѣхъ теперешнихъ внутреннихъ восприятій данного индивида, также какъ представлений своего собственнаго тѣла“; подъ причинной связью — „такое отношение 2-хъ объектовъ (вещей, процессовъ, состояний), въ силу котораго они мыслятся, какъ общія слѣдствія одной предшествовавшей причины или какъ возможныя общія причины будущаго слѣдствія“ (стр. 203). Если нѣчто данное мыслится дѣйствительнымъ, то оно само или его слѣдствія „вплетаются“ въ представлениіи въ „причинную ткань“, въ которой находится я; въ противномъ случаѣ, это нѣчто будетъ мысляться недѣйствительнымъ, т. е. оно выключается изъ этой ткани; наконецъ оно можетъ мысляться просто, т. е. безъ всякаго причинного отношенія къ моему настоящему я. Причинная связь между объектомъ, который представляется дѣйствительнымъ, и я можетъ мыслиться болѣе или менѣе отчетливо и само понятіе причины можетъ выступить въ различныхъ формахъ. Такимъ путемъ Эренфельсъ приходитъ къ формулировкѣ слѣдующаго закона: „fantazia (представленіе) особеннымъ образомъ останавливается на томъ, что представляется стоящимъ въ причинной связи съ теперешнимъ комплексомъ представлений о я. Система такихъ примыкающихъ къ я причинныхъ связей будетъ обозначаться, какъ причинная ткань субъективной дѣйствительности или просто субъективная дѣйствительность“ (стр. 205).

Послѣ этихъ разъясненій вернемся къ анализу желанія. На основаніи уже установленного положенія объ отношеніи между чувствомъ

и волею должно следовать, и действительно следует, по мнѣнію Эренфельса, что 1) объектомъ желаній можетъ быть только представление, обуславливающее относительное увеличение счастья; 2) объекты желаній либо представляются действительными или недействительными, т. е. ставятся въ причинное отношеніе къ субъективной действительности, включаются въ причинную ткань или исключаются изъ нея (стр. 217). Теперь можно точнѣе опредѣлить тотъ фактъ, что объекты желаній обуславливаютъ относительно пріятное состояніе; но самъ объектъ желанія исполняетъ эту функцию, „но при отрицательномъ желаніи—специально представлению ого исключаясь изъ причинной ткани субъективной действительности“ (стр. 219), таѣтъ какъ, конечно, не самъ предметъ отвращенія относительно пріятенія; при положительномъ же желаніи и объектъ его самъ по себѣ обыкновенно уже дается въ сознаніи по закону относительного увеличенія счастья, и представлению о включеніи его въ объективную действительность только усиливаетъ его и безъ того высокіе шансы въ борьбѣ за существованіе. Установивъ эти элементы во всякомъ желаніи, Эренфельсъ чрезвычайно смѣло обращаетъ это положеніе, а именно: „ведѣ, гдѣ представлениe о включеніи въ субъективную действительность или исключенія изъ нея данного объекта приносить съ собою относительное увеличение счастья, тамъ дано положительное или отрицательное желаніе“ (стр. 219).

Остается опредѣлить болѣе сложныя формы воленія, именно стремленію и волю. Согласно анализу Эренфельса для стремленія нужно, чтобы къ желанію присоединились ощущенія движенія или напряженія и сужденіе, что желаемое будеть достигнуто въ силу собственнаго стремленія; при этомъ сужденіе, сопровождаемое известной степенью увѣренности, окончательно конституируетъ волевой актъ въ тѣсномъ смыслѣ. Послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ изысканій Эренфельсъ ставить вопросъ о психической природѣ „зерна“, общаго всѣмъ видамъ воленій. По обыденному воззрѣнію, это зерно есть специфический, основной, простой и несводимый на другое психический элементъ, нѣкоторое особое отношеніе къ данному объекту. Однако подобное объясненіе воленія встрѣчаетъ рядъ теоретическихъ трудностей, и само наблюденіе не подтверждаетъ обычного пониманія. При интенсивномъ воленіи я действительно воспринимаю рядъ интенсивностей: болѣе или менѣе интенсивное чувство, представленія, ощущенія движения или напряженія и т. п., но я не воспринимаю ничего такого, что не умѣжалось бы въ эти категории и требовало бы

особой психологической категории— „воленія“. Все это приводить Эренфельса къ слѣдующимъ выводамъ: „не существуетъ вовсе психического основного элемента „воленія“ (желашіе, стромленіе, воля): то, что мы называемъ воленіемъ, есть не что иное, какъ представлениe, приносящее относительное увеличеніе счастли, о включеніи въ причинную ткань, центръ которой настоящее конкретное я, или исключеніе изъ нея какого-нибудь объекта“ (стр. 249). „Воленіе есть... лишь специальный случай течеія представлений по закону относительного само-составленія счастли... Сила и крѣпость воленія не есть поэтому интенсивность опредѣленного психическаго переживанія (Qualitt), напримѣръ, удовольствія или неудовольствія, но мѣра сопротивленія, которое способно оказать теченіе представлений, составляющее воленіе, своему вытѣсненію изъ поля сознанія другими воленіями или вообще психическими силами“ („Von der Wertdefinition zum Motivationsgesetze“ Archiv fr system. Philosophie. B. II, S. 121 f.).

II.

Разсужденія Эренфельса, приводящія къ отрицанію воли, какъ особаго специфического переживанія, не являются только опровергніемъ искаженного тезиса— въ данномъ случаѣ особаго психологического понятія воли— но даютъ и известную положительную теорію. Понятіе воли отнюдь не изгояется изъ психологіи; опровергнія линъ опредѣленное содержаніе его, при чёмъ взамѣнъ его дается другое положительное содержаніе. Такимъ образомъ, чтобы опровергнуть все высказанное Эренфельсомъ, надо поставить два вопроса: а) состоятельна ли его положительная теорія и б) достаточны ли его аргументы противъ опровергаемаго имъ пониманія воли. Въ виду того, что ставить второй вопросъ имѣеть смыслъ только при отрицательномъ решеніи первого, а съ другой стороны, согласіе со положительными взглядами Эренфельса влечетъ за собою принятіе его отрицательныхъ аргументовъ, необходимо отвѣтить сначала на первый вопросъ, т. е. разсмотрѣть теорію воли Эренфельса.

A.

Характерная особенность этой теоріи состоить въ томъ, что Эренфельсъ не считаетъ нужнымъ для конструкціи понятія воли принять какой-либо специфический основной психический элементъ (Grund-element), но полагаетъ, что всѣ наши переживанія, обозначаемыя словомъ „воля“ въ широкомъ смыслѣ (Begehren), при анализѣ оказы-

ваются представлениями определенного содержания, при томъ представлениями, „обуславливающими относительное способствование счастью“. Иначе говоря, „воленію называется частный случай течения представлений по закону относительного способствования счастью“. Въ этомъ заключается суть теоріи воли Эренфельса.

Приступая къ критикѣ этой теоріи, слѣдуетъ указать на крупный методологический недостатокъ, весьма характерный для этого автора. Рассматриваемая теорія совершенно отвлечена. Это, собственно говоря, не анализъ дѣйствительно данныхъ, переживаемыхъ состояній сознанія, а иѣрархіе конструкціи, свободно построенніе понятій изъ имѣющихся уже элементовъ. Конечно, психологія, какъ и каждая наука, не можетъ обойтись только данными опыта; она должна зачастую примыкать, конструировать необходимыя и требуемыя данными объектами понятія.

Но эта конструкція дѣлается весьма опасной, когда отношение зависимости между объектами данными и примыкающими измѣняется такимъ образомъ, что ощущеніе начинаетъ приспособляться къ теоретическимъ построеніямъ. Тогда теорія становится прокрустовыимъ ложемъ: пріискиваются недостающіе факты, а противорѣчащіе совсѣмъ отбрасываются. Именно послѣдній случай мы наблюдаемъ у Эренфельса. По его собственному признанію (въ статьѣ противъ Шварца въ *Vierteljahrsschrift f. wissenschaftl. Philosophie* B. XXIII, S. 262) анализъ воленій (т. е. констатированіе фактівъ) у него вполнѣ зависитъ отъ найденного имъ закона мотиваціи (т. е. иѣкотораго теоретического положенія); то же самое и въ его книгѣ *System d. Werttheorie* (стр. 245 и слѣд.); иѣсколько затрудненій теоретического характера мѣшаютъ ему признать волю какъ особое переживаніе; это должно было бы дать почву, чтобы отвергнуть теорію, а не самъ фактъ.

Результатъ ученія Эренфельса, т. с. отрицаніе воли, не вытекаетъ изъ длиннаго ряда разсужденій Эренфельса, а уже предрѣшено сть самого начала и съмъ лежитъ въ основаніи разсужденій, которыхъ должны его обосновывать. Отрицаніе воли подсказано общими взглядами автора, притомъ не психологическими, а физиологическими. Его схема мозговыхъ процессовъ (§ 64, стр. 195 и слѣд.) предрѣшаетъ, собственно говоря, всѣ психологическія построенія и прежде всего самый законъ относительного способствования счастью. Согласно этой схемѣ, центральный психофизический процессъ состоять изъ процессовъ асимиляціи и диссиміляціи первої субстанціи, главнымъ образомъ изъ послѣднихъ, которые представляютъ суть превращенія скопленной потен-

ціальної енергії въ кінетическую. Єта енергія разряжається чутственнимъ раздраженіемъ черезъ посередство сензорныхъ первыхъ проводовъ, по которымъ "волна раздраженія" вливается въ центральний органъ и, претерпѣвъ въ немъ различнія ізмѣненія, покидає ого въ видѣ "моторного раздраженія". Установивъ эту схему съ различными оговорками, Эренфельсъ переходить къ разсмотрѣнію собственно центрального процесса диссимиляції. Этотъ процессъ, начинаясь вслѣдствіе раздраженія въ той или іной часті центрального органа, распространяется и на другія часті. Ненавѣстно, говоритьъ Эренфельсъ, зависіть-ли возникаючія при этомъ психіческій явленія, т. є. представленія только отъ локалізаціи и живості процесса или также и отъ какихъ-либо другихъ его качествъ (стр. 197). При своемъ распространеніи диссимиляціонный процесъ имѣеть не только тенденцію протекать по разъ проложеннымъ путямъ (что видно изъ "психологического" закона ассоціації), но выказывается также склонность захватывать съ наибольшою продолжительностью и силою тѣ часті, которые находятся въ состояніи наибольшої заряженности потенціальной енергіей и въ которыхъ процесъ диссимиляції разыгрывается съ сравнительно болѣею длительностью и живостью въ отвѣтъ на сравнительно слабое раздраженіе.

Всякое состояніе центрального органа можетъ разматриваться находящимся между двумя крайними положеніями (стр. 197): во-первыхъ, когда этотъ органъ, какъ бы жаждеть, исполнить свою функцію въ отвѣтъ на малѣйшее раздраженіе, и во-вторыхъ, когда онъ начинаетъ дѣйствовать и дѣйствуетъ какъ бы сопротивляясь и только по скольку его принуждается къ тому притекающее къ нему раздраженіе. Этимъ самымъ, думаетъ авторъ, дается физіологическая основа закону относительного способствованія счастью, если только еще принять предположеніе, что при функционированіи центрального органа сопровождающее его состояніе чувствъ находится тѣмъ выше на скалѣ между удовольствіемъ и страданіемъ, чѣмъ болѣе состояніе центрального органа приближается къ первому крайнему положенію, и тѣмъ ниже, чѣмъ оно ближе ко второму (стр. 198). Эта схема въ изложеніи Эренфельса является чѣмъ-то совершенство случайнымъ, пояснительнымъ примѣромъ, удобною гипотезою, такъ какъ авторъ не настаиваетъ на си достовѣрности и замѣчаетъ, что принятіе или непринятіе ея совсѣмъ не затрагиваетъ эмпірически установленнаго закона относительного способствованія счастью. Однако, присматриваясь къ взаимоотношенію частей всего построения, съ цѣлью отыскать ключъ для пониманія

самого возникновения рассматриваемой теоріи, не трудно убедиться, что таковымъ является именно эта физиологическая схема. Притомъ этотъ источникъ не есть лишь психологический, т. е. просто отправной пунктъ психического процесса творчества данной теоріи, но и логический, т. е. „безъ“ него возникновеніе другихъ частей теоріи не мыслимо.

Уже при первомъ взглядѣ на эту схему можно предположить отрицанію воли, какъ особаго элемента сознанія: схема не оставляетъ мѣста для чего-нибудь другого, кроме представлений и чувствованій. Однако, зависимость другихъ психологическихъ выводовъ отъ нея еще болѣе тѣсная: такъ прійти къ закону относительного способствованія счастью, какъ одному изъ общихъ законовъ теченія представлений, можно лишь имѣя въ виду физиологическую теорію автора. Правда, Эренфельсъ въ подтвержденіе своихъ взглядовъ неоднократно призываетъ къ умѣлому и добросовѣтному самонаблюденію читателя и даже кажется, что призывъ къ самонаблюденію служить ему единственнымъ аргументомъ; однако, на самомъ дѣлѣ никакое самонаблюденіе вичего не можетъ сказать относительно этого закона, который, по мнѣнію автора, долженъ строиться на самонаблюденії. Дѣйствительно, у него „данное“ представленіе сравнивается съ „возможнымъ“ только, что совершенно исключается возможность прямого самонаблюденія; но и путемъ косвенного наблюденія (при посредствѣ памяти или воображенія) нельзя прійти къ увѣренности, что данное представленіе возникло въ сознаніи именно по закону относительного счастья. И это потому, что 1) вообще говоря, совершенно невозможно даже гадательно предполагать, каково было бы мое состояніе чувствъ въ данный моментъ, если бы вмѣсто теперешнихъ представлений въ сознаніи всплыли бы какія-нибудь другія представлѣнія, такъ какъ совершенно неизвѣстно, каковы именно эти „другіе“ представлѣнія; и 2) если бы даже какимъ-нибудь способомъ можно было знать, какою именно представленіе явилось бы въ сознаніи вмѣсто данного, все же совершенно неизвѣстно, каковъ быль бы его чувственный тонъ, такъ какъ: а) быть можетъ, это представленіе еще никогда не переживалось мною, и поэтому я ничего не могу знать напередъ о его пріятности или непріятности; но б) допустимъ даже, что это представленіе миѣ уже извѣстно, и я помню его чувственный тонъ; все же нельзя предвидѣть, каковъ будетъ этотъ тонъ теперь, такъ какъ онъ зависитъ, согласно утвержденію автора, отъ соответственного состоянія центральнаго органа, который

постоянно и неуловимо меняется. Следовательно, то, съ чѣмъ сравнивается данное представление, въ отношеніи чувственного тона, никогда не можетъ быть известно, следовательно не можетъ быть и самого сравненія, т. е. мы никогда не можемъ знать или наблюдать, что данное представление появилось въ сознаніи по закону относительного счастья, а не по какому-нибудь другому. Столь же очевидно, что этого нельзя узнать и изъ самихъ переживаемыхъ представлений какъ таковыхъ.

Чувственный тонъ вновь появляющихся представлений можетъ понижаться или повышаться, и тѣмъ не менѣе первый случай можетъ какъ разъ подходить подъ законъ относительного счастья (стр. 190), а второй, наоборотъ, противорѣчить ему. Эти же разсужденія, *mutatis mutandis*, приводятъ къ убѣждѣнію, что Эренфельсъ могъ прийти къ своему мотивационному закону только уже „заранѣ“ будучи убѣжденъ, что этотъ законъ есть частный случай закона течения представлений согласно относительному способствованію этихъ представлений увеличенію счастья, но отнюдь не путемъ самонаблюденія. Законъ же мотиваций, какъ это неоднократно говорить самъ авторъ, уже предрѣшасть результаты „анализа“ (?) воленій. Наконецъ, усматривая исходный пунктъ теоріи въ физиологической схемѣ, мы понимаемъ самое построение Эренфельса. Можетъ показаться страннымъ, что два совершенно различные вопросы—анализъ воленій какъ таковыхъ и отношеніе между чувствомъ и воленіемъ—такъ тѣсно связаны между собою. Но это совершенно понятно, если вспомнить, что физиологическая схема съ одной стороны объясняетъ возникновеніе тѣхъ или иныхъ представлений, т. е. при отрицаніи воли, какъ особого элемента, можетъ служить основаніемъ закона мотиваций, а съ другой стороны она не оставляетъ места для особаго переживанія „воли“. Поэтому кажется, что анализъ воли стоитъ въ связи съ закономъ мотиваций, хотя, конечно, отношеніе одного переживанія къ другимъ переживаніямъ никакимъ образомъ не можетъ повлиять на аналитика каковою.

Итакъ весьма гипотетическая физиологическая схема опредѣляетъ все психологическое построение Эренфельса.

Любопытно то, что самъ авторъ, повидимому, этого не замѣчаетъ и, желая показать, что онъ основывается на самонаблюденіи, иногда долженъ менять смыслъ своей теоріи, такъ какъ она вообще, какъ и старался показать, не допускаетъ никакого самонаблюденія. Примѣры на лицо. 1) Устанавливая законъ течения представлений согласно

относительному способствованию счастью, Эренфельсъ привываетъ къ самонаблюдению (стр. 190) и говорить, что „болѣе благопріятныя представлениія“ получаются усиленіе въ борьбѣ за поле сознанія. Такое наблюденіе, конечно, можетъ быть сдѣлано, но оно не приноситъ никакой пользы закону относительного способствования счастью; Эренфельсъ забываетъ, что наблюденіе, быть можетъ, въ состояніи показать усиленіе представлений болѣе пріятнаго въ сравненіи съ другимъ, „даннымъ въ сознаніи“ представлениемъ, тогда какъ для его закона надо, чтобы представление оказалось болѣе пріятнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, которое „могло бы явиться“ въ сознаніи на его мѣсто, а такое сравненіе, по моему убѣжденію, вообще невозможно. 2) Если основываться на самонаблюденіи и утверждать, что болѣе пріятныя представлениія усиливаются, то можно, пожалуй, говорить о влияніи чувствъ, о томъ, что удовольствіе является причиной удержанія представлений въ сознаніи; и, дѣйствительно, Эренфельсъ такъ обыкновенно и выражается (стр. 23, 189 и др.); однако это не согласно съ его теоріей, а потому въ другихъ мѣстахъ онъ долженъ говорить, что чувство не можетъ рассматриваться какъ причина усиленія (стр. 190). Отсюда постоянное колебаніе автора въ терминологии: то говорится, что на волю влияетъ чувство, то эмоциональные склонности; конечно, только послѣднее возможно съ точки зреія рассматриваемой теоріи. 3) Эренфельсъ рѣшительно утверждаетъ, что законъ относительного способствования счастью не есть законъ возникновенія или ассоціаціи представлений, но законъ ихъ пребыванія въ сознаніи; и, дѣйствительно, самонаблюдение можетъ только показать, что представлениія, болѣе пріятныя сравнительно съ другими данными въ сознаніи, проищущественно передъ этими послѣдними удерживаютъ наше вниманіе, чего нельзѧ сказать относительно ихъ возникновеній въ сознаніи, такъ какъ эта область недоступна наблюденію. Однако законъ относительного способствования счастью въ своемъ физиологическомъ толкованіи есть именно законъ появленія представлений въ сознаніи: процессъ диссимиляціи распространяется на тѣ части центрального органа, которыя, въ зависимости отъ степени заряженія ихъ потенциальной энергией или разряжаются и посылаютъ моторное раздраженіе, или выдѣляютъ теплоту (см. также стр. 267 статьи противъ Шварца). Отъ локализаціи же мозгового процесса зависитъ появление тѣхъ или другихъ представлений (стр. 197). И конечно, только въ смыслѣ ассоціаціонного закона имѣеть значеніе для теоріи Эренфельса законъ относительного способствования счастью:

вѣдь онъ долженъ дать законъ мотивациіи воли; воля (т. е. относительно пріятное представление опредѣленного содержанія) именно въ своемъ „возникновеніи и силѣ“ подчиняется этому закону (стр. 23).

Всѣ эти разсужденія должны показать, что Эренфельсъ главнымъ образомъ руководится отвлеченою теоріей, а совсѣмъ не дѣйствительнымъ наблюденіемъ надъ данными, фактическимъ материаломъ; что, конечно, не допустимо въ психологіи.

Однако и съ такими негодными средствами, быть можетъ, возможно прійти къ иѣкоторымъ цѣннымъ выводамъ. Поэтому обратимся теперь къ самой теоріи Эренфельса. Она, какъ мы видѣли, состоять изъ двухъ частей: закона мотивациіи воли и анализа этого переживанія. Замѣтимъ, прежде всего, что если принять вторую часть, которую первая должна до иѣкоторой степени обосновывать, т. е. согласиться, что воля есть лишь специальный случай теченія представлений по закону относительного способствованія счастью, то первая часть, гласяющая, что воля въ своемъ возникновеніи и силѣ зависитъ отъ соответствующихъ эмоциональныхъ склонностей (или расположений), становится тавтологіей. Въ самомъ дѣлѣ, по теоріи автора эмоциональные склонности, т. е. известное состояніе центрального органа, обусловливаютъ возникновеніе данного представлениія и продолжительность пребыванія его въ сознаніи. Однако, воля по Эренфельсу не есть просто опредѣленное представлениѣ, а весь процессъ его появленія въ сознаніи по опредѣленному закону, т. е. самая зависимость дѣйшаго представлениія отъ опредѣленныхъ эмоциональныхъ склонностей. Значить, воля есть иѣкоторый сложный процессъ, одинъ изъ элементовъ кото-раго есть, между прочимъ, наличность опредѣленныхъ эмоциональныхъ склонностей и, следовательно, этотъ элементъ не можетъ быть причиной всого процесса, часть которого онъ составляетъ, и самъ долженъ обусловливаться искомой причиной. Но въ такомъ случаѣ сказать, что воля зависитъ отъ опредѣленныхъ склонностей или расположений—то же самое, что объявить, что данное явленіе произошло по какимъ-то достаточнымъ причинамъ, тогда какъ нужно указать не эту самоочевидную истину, а опредѣленныя причины, которыя и составляютъ предметъ поисковъ.

Далѣе мы кажется, что и самый анализ воленія произведенъ Эренфельсомъ неправильно въ двухъ отношеніяхъ: 1) указаны элементы не только для воленія не характерные, но даже въ громадномъ количествѣ случаевъ совершенно отсутствующіе въ сознаніи воли; 2) главные же на самомъ дѣлѣ элементы совсѣмъ не указаны.

Для обоснованія первого положенія можно привести слѣдующія соображенія. Эренфельс думаетъ, что объектъ желаній непремѣнно долженъ представляться дѣйствительнымъ или недѣйствительнымъ; допустить это. Слѣдовательно, заключаетъ авторъ на основаніи своей теоріи представленія дѣйствительности, въ сознаніи должно быть при всякомъ желанії дано представление о включеніи объекта въ причинную ткань субъективной дѣйствительности. Прежде всего надо рѣшительно отвергнуть мнѣніе, будто бы представлять что либо дѣйствительнымъ значитъ вплетать это представление въ субъективную дѣйствительность. Эренфельс утверждаетъ, что въ „содержанії“ представленій происходитъ искаженіе, когда я начинаю яѣчто представлять дѣйствительнымъ: къ одному представлению (данного объекта) присоединяется другое представление объ отношеніи его (причинной связи) къ третьему представлению или комплексу таковыхъ („теперешнее я“ въ вышеуказанномъ смыслѣ). Здѣсь совершенно непонятно, почему отъ соединенія иѣсколькихъ представленій одно изъ нихъ начинаетъ представляться дѣйствительнымъ (ср. Kant, „Kritik d. reinen Vernunft“, въ изданіи Адамеса, стр. 218). Отъ соединенія иѣсколькихъ представленій получаются тѣ или иные новые комплексы ихъ, но каждое изъ нихъ остается качественно тѣмъ же, т. е. опять-таки представленіемъ, какъ и раньше. Правда, у Эренфельса представленіе, которое начинаетъ представляться дѣйствительнымъ, присоединяется къ представлению „теперешняго я“, которое „уже“ мыслится какъ дѣйствительное, хотя бы и субъективно; допустимъ, что первое представление отъ такого соединенія начинаетъ тоже представляться дѣйствительнымъ; однако остановиться на этомъ значитъ впасть въ *petitio principii*: вѣдь нужно „еще“ показать, почему представление „теперешняго я“ представляется дѣйствительнымъ? Если авторъ попытается выйти изъ этого *petitio*, онъ номинуемо позадѣтъ въ *regressus ad infinitum*; въ самомъ дѣлѣ, по его рецепту нужно сказать: представление „теперешняго я“ потому представляется дѣйствительнымъ, что приводится въ связь съ представлениемъ „теперешняго я“, которое, чтобы явиться дѣйствительнымъ, въ свою очередь относится къ другой субъективной дѣйствительности представления я и т. д. до бесконечности. Попытка Эренфельса могла бы имѣть смыслъ, если бы „дѣйствительность“ была содержаніемъ представленій, т. е. объектомъ, „рядомъ“ съ другими объектами представленій, тогда какъ дѣйствительность психологически есть особая форма представления „всѣхъ“ объектовъ или содержаній. Поэтому

объясненію Эренфельса есть объясненіе *per idem*: представлениe „теперешнаго я“ сознается дѣйствительнымъ, потому что оно есть представлениe „теперешнаго я“, каково объясненіе при способѣ реализаціи непримѣнно даетъ *progressus ad infinitum*. Но, быть можетъ, авторъ правъ въ томъ смыслѣ, что безъ всякаго отношенія къ вопросу о сознаніи дѣйствительности все же при вскому воленіи можно найти въ себѣ представлениe о включеніи объекта положительного воленія въ субъективную дѣйствительность или причинную ткань я (и исключеніе при отрицательномъ воленіи). Но едва-ли съ этимъ кто либо согласится. Эренфельсъ утверждаетъ, что и въ такихъ случаяхъ, какъ желаніе, чтобы асиніяне не осудили Сократа, судьба Сократа приводится въ причинную связь съ субъективной дѣйствительностью, центромъ которой есть мое „теперешнее я“. Однако я затрудняюсь даже приблизительно представить себѣ, что это можетъ быть за связь; а *priori* невѣроятно, чтобы всякое простое желаніе обусловливалось такимъ сложнымъ интеллектуальнымъ процессомъ.

Что касается второго пункта сомнѣй, то мысль, что Эренфельсъ не затронулъ въ своемъ анализѣ самыхъ главныхъ элементовъ воли, кажется мнѣ вѣроятною въ силу слѣдующихъ соображеній. Характерно для воли именно то „зерно“, которое Эренфельсъ считаетъ возможнымъ выбросить. Откинувъ же это „чувство вѣтвиности“, приходится вообще отказаться дать какос-нибудь пошлѣ воли, какъ это дѣлаетъ Эренфельсъ. Онь постоянно говорить о предметѣ воленій, о цѣляхъ волевыхъ процессовъ. Но что понимать подъ цѣлью или предметомъ воленій? Представлениe объекта, „вылетающаго въ субъективную дѣйствительность“? Но это, согласно опредѣленію, при условіи относительной прѣятности рассматриваемаго представлениe, есть именно волевой актъ, который, очевидно, не можетъ быть своюю цѣлью. Или можетъ быть цѣль это одно лишь представлениe объекта въ моментъ присоединенія къ нему представлениe о виленії его въ субъективную дѣйствительность?

Какое основаніе имѣть тогда авторъ относить это представлениe въ новую психологическую категорію „цѣли“? Вѣдь отъ того, что къ одному представлению присоединилось другое, первое не приобрѣтаетъ такихъ новыхъ свойствъ, которыхъ могли бы конструировать новое психологическое понятіе или, по крайней мѣрѣ, авторъ ихъ совершенно не указываетъ. Пытаться же опредѣлить понятіе цѣли въ зависимости отъ содержанія представления цѣли—запятіе безнадежное, такъ какъ очевидно, что это содержаніе разнообразно до

безконечности. Не говоря уже о томъ, что теорія Эренфельса не можетъ показать, что такое цѣль, или предметъ воленія, безъ чего сдѣлали возможно самое понятіе воли,—это понятіе у него и формально несостыдительно. Эропфальс называетъ волю „относительно пріятное представление о включеніи объекта въ субъективную дѣйствительность“ (я все время говорю о положительныхъ воленіяхъ, но тѣ же разсужденія приложимы mutatis mutandis и къ отрицательнымъ). Будемъ для краткости называть это представлениемъ „e“ (отъ einschalten). Здѣсь нужно спросить Эренфельса, почему представление „e“ будетъ воля, а представление стола, напримѣръ, нѣтъ? Конечно, но относительная пріятность тому виною, такъ какъ въ другія представленія могутъ быть относительно пріятными. Столъ отличается отъ стула и оба вмѣстѣ, отъ „вилетенія чего-нибудь въ субъективную дѣйствительность“, но всѣ три, какъ процессы сознанія, совершенно одинаково относятся къ классу представлений (если вообще допускать вмѣстѣ съ Эренфельсомъ, что причина можетъ быть объектомъ представления). Поэтому нѣтъ оснований, или они не указаны авторомъ, отличать представление „e“ отъ другихъ представлений а. б. с. д... и т. д.

Незаконность въ образованіи понятія сказывается, если попробовать его реализовать, т. е. не только высказать его, но и попробовать продумать. Въ такомъ случаѣ получится следующее. Воля есть относительно пріятное представление „e“. Но „e“, какъ и всяческое другое представление (вѣдь, психологически оно вполнѣ однородно со вскімъ другимъ), будетъ волею, согласно опредѣленію, если къ нему присоединится относительно пріятное представление о включеніи его въ субъективную дѣйствительность; т. е. получится „e₁“. Это e₁, опять-таки, чтобы быть волею, должно превратиться въ представление e₂,—e₂ въ e₃... и такъ до безконечности.

Наконецъ, понятіе воли у Эренфельса не вяжется съ его собственными словами. Въ началѣ книги (стр. 6) онъ опредѣляетъ волю какъ психический актъ, характеризующійся тѣмъ, что отъ „направленія“ на нѣчто. Однако, по его теоріи, при волѣ въ сознаніи дано только представление или комплексы такиховыхъ, плюсъ иѣкоторый чувственный тонъ. Допустимъ, что эта „направленность“ выпадаетъ на долю чувства; но въ такомъ случаѣ всякое чувство будетъ „направлено“ на что-нибудь, и почему именно въ данномъ случаѣ окажется особый психический актъ—воленіе, остается совершенно не выясненнымъ. Не думаю, чтобы авторъ относилъ эту „направленность“ къ представле-

ніамъ, которые вѣдь просто даны въ сознаніи (и уже на нихъ только направлено чувство активности). Но если бы даже они дѣйствительно представлялись „направленными“, то это ошити-таки было бы свойствомъ всѣхъ представлений и, следовательно, данное представление о влеченіи объекта въ субъективную дѣйствительность не содержать ничего такого, что можно было бы ввести въ новое психологическое понятие воли.

Любопытнѣе всего то, что Эренфельсъ все время занимается, по-видимому, чѣмъ-то совершенно другимъ, но не волею. Подъ волею всегда понимается иѣкоторое душевное явленіе, а у Эренфельса это особый случай открытаго имъ закона; коренное различіе здѣсь въ томъ, что подъ волею обычно понимается переживание, непосредственно данное субъекту, тогда какъ у Эренфельса воля есть построение наблюдателя.

Мнѣ кажется очень правильнымъ одно возраженіе Шварца противъ теоріи Эренфельса. Именио онъ утверждаетъ, что она не даетъ критерія для различія положительныхъ воленій отъ отрицательныхъ, хотя самъ Эренфельсъ считаетъ очень важнымъ это различіе (стр. 224). По его мнѣнию отрицательное воленіе отличается отъ положительного темъ, что оно направлено на несуществованіе, уничтоженіе объекта, въ противоположность положительному.

Но желать несуществованія чего-нибудь это все же значитъ „положительно“ желать; въ самихъ воленіяхъ какъ таковыхъ не проходитъ еще перемѣнъ отъ измѣненія цѣлей или предметовъ воленій, а потому воленіе, направленное на несуществованіе объекта, столь же положительно, какъ и направленное на существованіе его. Впрочемъ Эренфельсъ на почвѣ наблюденія не считаетъ возможнымъ найти какое либо различіе, кроме указанного имъ, между положительными и отрицательными воленіемъ. Здѣсь, конечно, всякие споры должны прекратиться.

Всѣ эти разсужденія имѣли цѣлью показать, что нельзя согласиться со второю частью теоріи Эренфельса. Но если это такъ, то первая часть ея, т. е. ученіе о взаимоотношеніи чувства и воли, сохраняетъ всю свою силу, по крайней мѣрѣ, сразу не превращается въ тавтологію.

Самъ Эренфельсъ утверждаетъ, что его законъ мотиваций останется въ силѣ, даже если понимать волю въ общепринятомъ смыслѣ. Но тогда его утвержденія представляются недостаточно обоснованными. Только принимая вѣдь что въ родѣ предустановленной гармоніи, можно

согласиться, что воля всегда является „какъ разъ“ въ томъ направлениі и съ той интенсивностью, чтобы обусловить относительно приятное состояніе.

Во всякомъ случаѣ единственный аргументъ Эренфельса, что будто бы противоположный случаѣ „психологически немыслимъ“, не обладаетъ такой доказательностью, чтобы дѣлать налишнимъ дальнѣйшіе аргументы, если, конечно, авторъ хочетъ не только высказать, но и доказать свои положенія. Самонаблюденіе же, вопреки Эренфельсу, здѣсь ничего сказать не можетъ.

В.

Изъ всего наложенаго я вывожу, что построение Эренфельса, доказавшее подтверждать его отрицаніе воли, не пріемлемо въ силу перечисленныхъ причинъ. Но кромѣ положительной теоріи у автора есть и отрицательные аргументы противъ обычного пониманія воли, которые слѣдуетъ тоже разсмотрѣть, хотя они и основаны на самонаблюденіи.

Положеніе при контролерахъ на почвѣ самонаблюденія особенно щекотливо. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, доказывать то, что лежитъ въ основѣ всякаго доказательства?

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ данномъ случаѣ положеніе психологіи почти не хуже того, въ которомъ находятся и другія науки. Если какой-нибудь ботаникъ будетъ утверждать, что хлорофилль окраиниваетъ растенія не въ зеленый, а въ красный цветъ, то всѣ споры съ нимъ невозможны. Конечно, нельзя доказать Эренфельсу существованіе особыхъ переживаній, но и его утвержденія совсѣмъ неубѣдительны для его противниковъ. Съ другой стороны иѣть надобности предполагать у него и другихъ согласныхъ съ нимъ психологовъ какихъ-нибудь отклоненій въ психической организациіи, разъ они не замѣчаютъ въ себѣ того, что находятъ въ себѣ другіе. Мы все можемъ одинаково переживать воленія, но точность наблюденія иѣтъ зависѣть отъ чисто индивидуальныхъ обстоятельствъ. Цѣлесообразно ли характерныя чувства активности и сопротивления, которымъ мы наблюдаемъ при воленіи, относить въ классъ ощущеній направленія, движенія и т. п. или же лучше образовать для нихъ особую категорію, въ концѣ концовъ, рѣшающую за страхъ каждого наблюдателя.

Въ заключеніе кѣсколько словъ о тѣхъ трудностяхъ, которыхъ находить Эренфельсъ въ случаѣ принятія воли, какъ особаго психологического класса.

Такъ силу воленій пришлось бы понимать какъ интенсивность особаго психического переживанія; однако, интенсивность воли, согласно Эренфельсу, пропорциональна относительному увеличенію счастья при дальнемъ актѣ воленія; относительное же счастье не есть нечто психически актуальное, но лишь разница между истиннымъ и возможнымъ состояніемъ счастья (стр. 246). Но если это такъ, то совершенію не понятно, какимъ образомъ разница между действительнымъ и только возможнымъ состояніемъ счастья можетъ вызвать къ существованію некоторый актуальный психический феноменъ и сообщить ему опредѣленную степень интенсивности.

Это дѣйствительно не понятно, но только если согласиться съ теоріей Эренфельса обѣ отношеніи между чувствомъ и волею; однако для такого соглашенія съ авторомъ нѣтъ никакихъ основаній, кроме чисто голословного утвержденія „психологической немыслимости“ противоположныхъ мыслей. Другія трудности такого же рода. Они возникаютъ или въ связи съ теоріей самого Эренфельса или съ другими разсужденіями, неимѣющими ничего общаго съ самонаблюденіемъ.

Общее заключеніе всѣхъ этихъ критическихъ замѣчаній таково. Отрицаніе воли какъ особаго переживанія, предпринятое Эренфельсомъ на почвѣ самонаблюденія, конечно, неопровергнуто, но зато и въ пользу его авторомъ не приводится никакихъ вѣскихъ соображеній, могущихъ поколебать общепринятое пониманіе. Что же касается собственныхъ построений Эренфельса, то они должны быть откинуты въ силу многихъ указанныхъ нами внутреннихъ недостатковъ. Поэтому всѣ, понимающіе волю какъ особый классъ психическихъ переживаний, съ полнымъ основаніемъ могутъ придерживаться такого вззрѣнія, по крайней мѣрѣ разсужденія Эренфельса для нихъ не опасны.

II. Болѣречъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Книга о Іосифѣ II, какъ представителе и дѣятелѣ просвѣщеннаго абсолютизма¹⁾.

I.

Вторая половина XVIII в. въ исторіи Западной Европы была, какъ известно, эпохой такъ называемаго „просвѣщенаго абсолютизма“ или, какъ тоже выражаются обѣ этой эпохѣ, „просвѣщенаго“ деспотизма (*der aufgeklärte Absolutismus, le despotisme éclairé*). Такъ обозначають,—что также хорошо известно,—новую политику западно-европейскихъ правительствъ, норавившую въ это время съ прежними традиціями абсолютизма, который находился въ теченіе долгаго времени въ тѣснѣшемъ союзѣ съ католической реакцией и съ привилегированными сословіями, а теперъ вступивъ въ союзъ съ „просвѣщеніемъ“ вѣка, отказался отъ искусственной поддержки застое и выступилъ на путь прогресса. У этой новой политики была своя идеология. Особенно рьянымъ проповѣдникомъ необходимости союза монарховъ съ философами для обоянной ихъ пользы и на благо народа былъ Вольтеръ, но не было недостатка и въ другихъ писателяхъ, стоявшихъ на точкѣ зрения просвѣщенаго абсолютизма, въ родѣ напримѣръ, цѣлой школы физіократовъ. Всѣ эти писатели съ Вольтеромъ во главѣ были сторонниками неограниченной монархической власти, съ недовѣріемъ относились къ представительнымъ учрежденіямъ въ ихъ старой сословной формѣ, какъ къ учрежденіямъ, въ которыхъ происходит порабощеніе и угнетеніе народа, но въ то же время они желали, чтобы государи пользовались своею неограниченною властью для осуществленія

¹⁾ П. Митрофановъ. Политическая дѣятельность Іосифа II, ея сторонники и ее враги (1780—1790). С.-Пб. 1907.

нія общаго блага, для проведенія въ жизнь принциповъ просвѣщенія, для осуществленія настоящихъ общественныхъ реформъ. Абсолютизмъ съ этой точки зреіїя долженъ быть сдѣлаться органомъ разума и терпимости.

Государство шло на встрѣчу призыва философовъ. Королевская власть, олицетворявшая и даже поглощавшая въ себѣ государство, выросла на Западѣ въ постоянной борьбѣ съ общими средневѣковыми силами католицизма и феодализма, по эта борьба имѣла односторонній характеръ. Государи сокрушали политическую мощь церкви и знати, по оставляли неприосновенными культурное господство духовенства надъ свѣтскимъ обществомъ и соціальное господство феодального землевладѣнія надъ народную массою. Мало того, съ католицизмомъ и соціальнымъ феодализмомъ королевская власть очутилась въ союзѣ, бывшемъ весьма гибельнымъ для свободы, благосостоянія и самаго развитія народовъ. Съ одной стороны, это былъ союзъ свѣтскаго абсолютизма съ абсолютизмомъ церковнымъ, напротивъ противъ всякихъ свободныхъ движений въ обществѣ: церковь преклонилась передъ государствомъ, которое сохранило за нею ея духовное владычество надъ обществомъ и сословными привилегіями служителей. Съ другой стороны, то же самое было и по отношенію къ дворянству: за отказъ отъ былой политической самостоятельности оно, подъ всесильною охраною государства, пользовалось спокойно всѣми своими правами и преимуществами, отличавшими его отъ другихъ сословій и заключавшими въ себѣ настоящее существованіе надъ народными массами.

Однако, въ такой политикѣ была и очень невыгодная сторона для самихъ же абсолютныхъ монархонъ. Духовенство забирало слишкомъ много силы къ ущербу для независимости и авторитета свѣтской власти, а господство дворянства надъ народной массой ослабляло ся платежными средствами къ ущербу для государственной казны. Въ серединѣ XVIII в. борьба королевской власти съ католицизмомъ и феодализмомъ возобновилась, и на этотъ разъ государство дало духовенству и дворянству цѣлый рядъ битвъ на культурной и соціальной почвѣ, которая ранѣе была отдана въ полное распоряженіе этихъ двухъ сословій. Другими словами, изъ силы, по отношенію къ старымъ порядкамъ охранительной, государство второй половины XVIII в. стало превращаться въ силу разрушительную. Такъ называемое историческое право должно было склоняться передъ рационалистическимъ естественнымъ правомъ во имя общаго блага, и вмѣсто девиза Людовика XIV:

„государство, это я“, найденъ былъ другой, девизъ Фридриха II: „государь есть первый слуга государства“. Поравъ съ клерикально-феодальною политикою временъ Людовика XIV, абсолютизмъ XVIII в. оставался во всемъ, прочемъ прежнимъ абсолютизмомъ, даже усиленнымъ абсолютизмомъ, не сдерживаемымъ уже никакими традиціями и историческими правами. Новое рационалистическое учение о государствѣ приходилось какъ нельзя болѣе къ этому новому повороту въ политикѣ абсолютизма: носитель государственного суверенитета былъ полновластнымъ распорядителемъ судебъ государства и устроителемъ жизни подданныхъ, руководившимся исключительно своимъ пониманіемъ общаго блага безъ всякаго вниманія къ тому, какъ понимали ого подданные, къ ихъ традиціямъ, къ ихъ интересамъ, къ ихъ правамъ, разъ все это не совпадало съ собственнымъ пониманіемъ государя, съ цѣлью, интересами и правами государства. „Просвѣщенные деспоты“ второй половины XVIII в. были больше государственники, какъ бы исходившіе изъ формулы: „государство для государства“. Во имя этой идеи они, когда это находили нужнымъ и возможнымъ, совершали перестройку внутреннихъ отношеній въ ущербъ прежнимъ консервативнымъ силамъ.

Извѣстно, что въ духѣ просвѣщенія абсолютизма дѣйствовали въ XVIII в. многіе государи и министры, во многихъ отношеніяхъ между собою различавшіеся, далеко не всегда послѣдовательные въ своихъ мѣропріятіяхъ, очень притомъ и искреніе (но въ разныхъ сіянияхъ) по отношенію къ просвѣтительной философіи, съ представителями которой пѣкоторые изъ нихъ находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ. Изъ просвѣщенныхъ монарховъ укажемъ на Фридриха II, Екатерину II, Іосифа II, изъ министровъ — на Помбала, Аранду, Тануччи, Струнзе, Турго. Конечно, кроме тѣхъ различій, которыхъ существовали между ихъ способностями и характерами, наиболѣе важное значеніе въ образованіи мѣстныхъ особенностей просвѣщенія абсолютизма принадлежало фактическимъ условіямъ и историческимъ традиціямъ отдельныхъ странъ, и въ этомъ отношеніи частныя изслѣдованія о просвѣщеннѣмъ абсолютизмѣ въ той или другой странѣ нужно считать существенно необходимыми.

Къ числу наиболѣе интересныхъ дѣятелей просвѣщенія абсолютизма принадлежитъ австрійскій государь Іосифъ II, о которомъ недавно вышла въ свѣтъ русская книга, составляющая предметъ настоящей статьи. Правда, объ Іосифѣ II нельзя сказать, какъ о его старшемъ современникѣ Фридрихѣ II, что это былъ философъ на тронѣ, и притомъ писатель-вольнодумецъ, касавшійся въ своихъ сочиненіяхъ,

въ духѣ просвѣщенія XVIII в., вопросовъ религіи и политики, метафизики и морали. Напротивъ того, Іосифъ II имѣлъ очень мало отношенія къ просвѣтительной философіи, но отличался вольнодумствомъ, и излагалъ своихъ теоретическихъ взглядовъ письменно и потому въ указанномъ отношеніи, какъ представитель просвѣщенія XVIII в. или, по крайней мѣрѣ, его послѣдователь, долженъ уступить пальму первенства своему прусскому союзду. Наоборотъ, если мы выдвинемъ на первый планъ не теорію, а практику, не словесныя заявленія, а настоящія дѣла, то первенство, какъ за дѣятелемъ просвѣщенія абсолютизма, нужно будетъ признать за Іосифомъ II. Какъ-никакъ, король-философъ, не смотря на все свое вольнодумство, былъ порядочнымъ-таки консерваторомъ въ области соціальныхъ отношеній, и Пруссія послѣ его царства полузвѣкового царствованія осталась такимъ же феодально-крѣпостническимъ государствомъ, какимъ была до его вступления на престолъ. Другое дѣло—Іосифъ II, которого недаромъ называютъ революціонеромъ на тронѣ. Это, дѣйствительно, было одинъ изъ типичнѣйшихъ представителей революціи сверху, болѣе прямолинейный, чѣмъ Фридрихъ II, гораздо болѣе неумолимо-радикальный и потому ставшій въ глубочайшее противорѣчіе съ окружающей средой.

Умирая, Фридрихъ II говорилъ, что ему надоѣло царствовать надъ рабами. Іосифъ II встрѣтилъ въ своей реформаторской дѣятельности, длившейся только десять лѣтъ, враговъ, и его задача, помимо широты размаха, была гораздо болѣе трудная, чѣмъ у Фридриха II. Прусская монархія была государствомъ протестантскимъ, гдѣ духовенство давнымъ давно было подчинено свѣтской власти, тогда какъ Австрія съ послѣдней четверти XVI в., т. е. уже въ теченіе двухъ столѣтій, была однимъ изъ оплотовъ реакціоннаго католицизма, и Вѣна все это время вмѣстѣ съ Мадридомъ, съ Мюнхеномъ, съ Варшавой, была однимъ изъ центровъ католической реакціи, руководимой Рамономъ. Съ другой стороны, Гогенцоллерны въ Пруссіи сумѣли гораздо лучше справиться съ дворянствомъ, превративъ его въ своего рода служилое сословіе и очень рано установивъ въ странѣ бюрократическій строй военно-хозяйственного характера, тогда какъ Габсбурги, несмотря на весь свой абсолютизмъ, не только не ослабили аристократизма въ своей монархіи, но даже до известной степени его поддерживали до самой серединѣ XVIII в., и въ XIX в., какъ известно, Австрія всегда отставала отъ Пруссіи во всѣхъ областяхъ культурной и соціальной жизни. Сверхъ всего этого, Пруссія,

хотя и состоявшая изъ разрозненныхъ, черезеполосныхъ кусковъ и изъ востокѣ, и изъ запада германскаго міра, была болѣе одною въ культурномъ отношеніи, чѣмъ разношерстная монархія Іосифа II. Эта гosударь носилъ титулъ императора, какъ выбранный курфюрстами общий гosударь Германіи, состоявшей изъ трехсотъ княжествъ и полусотни имперскихъ городовъ-республикъ, притомъ, какъ гosударь безъ всякой реальной власти, но по отношенію къ габсбургскимъ землямъ у него не было даже общаго титула. Въ одно и то же время онъ былъ и король богемскій, и король венгерскій, и эрцгерцогъ австрійскій, и графъ тирольскій и пр. и пр., потому что и Богемія, и Венгрия, и Австрія (эрцгерцогство), и Тироль и пр. и пр., все это были отдельныя земли, отдельныхъ государствъ. Подъ скопиствомъ Габсбурговъ жили и нѣмцы, и мадьяры, и разныя славянскія народности, какъ-то чехи, съ 1772 г. поляки и русины, хорваты, сербы въ др., а также и романскія національности, т. е. румыны въ Венгрии, итальянцы, составлявшіе симошное населеніе въ Ломбардіи, и бельгіици, въ сущности французы съ сильною примѣсью фламандскаго элемента.

И вотъ въ 1780—1790 гг. мы присутствуемъ въ Австріи при такомъ зрелищѣ. На одной сторонѣ мы видимъ гosударя, стоящаго изъ точкѣ зреїнія единаго, централизованнаго государства, управляемаго неограниченную монархическою властью при помощи бюрократіи и во имя общаго блага,—государя, притомъ, не считающагося во имя этой идеи ни съ національными, ни съ сословными традиціями, интересами и правами и стремящагося самое католическая церковь въ лицѣ ея духовенства использовать въ цѣляхъ своей политики. Съ другой стороны, монархія, состоящая изъ нѣсколькихъ государствъ съ разными національностями, степенями культуры и внутренними порядками, отстаивающими свою самобытность, государство, въ которомъ есть могущественное духовенство, всегда пользующееся раньше содѣствиемъ свѣтской власти, сильное дворянство, привыкшее къ полному хозяйственчанью въ своихъ помѣстьяхъ, и мѣстные сословные сеймы, съ неудовольствіемъ смотрѣвшіе на все болѣе и болѣе ростущее вмѣшательство чиновничества въ дѣла ихъ компетенція. Другими словами, на одной сторонѣ были отвлеченные идеи централизованной и всеспоглощающей государственности съ сильными, во многихъ отношеніяхъ, прогрессивными тенденціями, съ другой исторически сложившаяся пестрота національныхъ традицій, областныхъ привилегій и сословныхъ интересовъ, связанныхъ (всѣхъ этихъ интересовъ, привилегій и

традицій) съ общественною самодѣятельностью, хотя бы и съ консервативными вождѣніями, но все-таки самодѣятельностью.

Царствование Іосифа II поэтому было сплошнымъ конфликтомъ между государственною властью и сословнымъ обществомъ. Власть думала дѣйствовать во имя культурного и соціального прогресса, провозглашая, напримѣръ, вѣротерпимость и уничтожая крѣпостное право, но въ то же время она, эта власть, дѣйствовала не иначе, какъ средствами крайняго деспотизма. Общество, или вѣрнѣе говоря тѣ общественные классы, которые были достаточно зрѣлы для организованаго отстаиванія своихъ правъ, защищало какъ разъ консервативные интересы клира и помѣщичьяго сословія, но вмѣстѣ съ тѣмъ протестовало и противъ деспотизма, ополчалось на защиту самодѣятельности и свободы. На обѣихъ сторонахъ была правда и истина, что крайне затрудняетъ сужденіе какъ о самой эпохѣ, такъ и о центральной ся фигурѣ, Іосифѣ II.

Самыми главными и самыми рьяными врагами государя-реформатора были представители католицизма, бывшаго сильно задѣтымъ преобразованіями Іосифа II. Послѣднія даже были обобщены подъ наименіемъ „іозефинизма“, ставшаго для правовѣрныхъ католиковъ такимъ же предметомъ искависти, какъ вольтерьянство. Уже при жизни Іосифа II противъ іозефинизма былъ предпринятъ цѣлый публицистический походъ, въ духѣ которого потомъ, въ XIX столѣтіи, писались и историческая сочиненія, тоже иногда лишь своего рода намѣфлеты противъ іозефинизма. Такъ правовѣрные католики относились къ той сторонѣ дѣятельности Іосифа II, которая имѣла наиболѣе близкое соприкосновеніе съ „просвѣщеніемъ“ XVIII в. Но нападки на политику Іосифа II, на іозефинизмъ въ болѣе широкомъ смыслѣ слова, дѣялись и современниками, и историками и съ другой равниной образовъ стороны, и надѣли не на то, что въ цей было родственна про стѣнченію, а на то, въ чёмъ заключалась деспотическая сущность этой политики. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи среди историковъ, сколько мнѣ известно, у Іосифа II не было защитниковъ, и его даже сравнивали—и довольно справедливо—съ Филиппомъ II испанскимъ, который столь же деспотически, какъ и Іосифъ II двумя вѣками позже, напалъ на политическую вольности своихъ нидерландскихъ подданныхъ. Въ концѣ XVI в. одна часть Нидерландовъ деспотизмомъ Филиппа II была доведена до возстанія и отложенія отъ монархіи, другую половину тѣхъ же Нидерландовъ довелъ въ концѣ XVIII в. до такого же результата Іосифъ II.

Но у Іосифа II були не толькó хулители, були у нього, і сторонники, а въ исторической літературѣ даже палегиристи, закрываши глаza на слабыя стороны его политики. Благія намѣренія императора, его непреклонная твердость въ вопросахъ віротерпимости и освобожденія крестьянъ, его трагическая судьба (крушение всѣхъ почти его реформъ въ концѣ царствованія и тяжелое разочарованіе па смертномъ одрѣ) невольно подкупають въ его пользу независимо отъ тѣхъ мотивовъ, которые у разныхъ историковъ могли быть для расточенія особыхъ похвалъ Іосифу II, у историковъ антиклерикального направлениія и у писателей разныхъ народностей Австріи, которыхъ могли впервые хотѣ сколько-нибудь свободно при немъ вдохнуть. Да и вообще въ дѣятельности Іосифа II была сильно-прогрессивная сторона. „Революціонеръ на тронѣ“ бывъ не только современникомъ начала французской революції, къ которой, какъ абсолютистъ, онъ, конечно, не могъ относиться сочувственно, но и человѣкомъ, въ некоторыхъ отношеніяхъ раздѣлившиимъ ідеи ея дѣятелей и даже дѣлавшимъ та-кій же, какъ они, ошибки. Напримѣръ, громадное большинство сербскихъ историковъ революціи называетъ крупною ошибкою ея дѣятелей такъ называемую „constitution civile du clergé“, по всѣ знакомые съ этимъ „устройствомъ“ могли сказать, что это былъ чистѣйшій іоазефиніамъ. То же можно сказать, что, какъ ярый государственникъ, Іосифъ II по Франції съ своими взг҃ідами и съ своими томичераментомъ, родись онъ тамъ частнымъ человѣкомъ, быть бы самыми типичными якобинцемъ. Іосифа II отдалила отъ французской революціи не программа преобразованій и не тактика ихъ проведения въ жизнь, а раздѣляло непримиримое противорѣчіе, существующее между принципами абсолютной монархіи и народовластія.

Современная историческая наука стоять на колективистической, а не на индивидуалистической точкѣ зренія, какъ недавно говорилось въ полемикѣ, возникшей среди нѣмецкихъ историковъ. Если подъ этими терминами, какъ это и слѣдуетъ, разумѣть соціологическое и, таъ сказать, біографическое направление въ исторіи, то, конечно, не можетъ быть никакого сомнія, что существо дѣла требуетъ въ наукѣ разсмотрій явлений не личнаго, а общественнаго характера. При этомъ не надо, однако, забывать, что сами соціальные „коллективности“ состоять изъ отдельныхъ личностей, и что и со строго соціологической точки зренія біографический элементъ не можетъ быть устранимъ изъ исторіи, поскольку, во-первыхъ, то или другое лицо являются болѣе или менѣе характернымъ представителемъ какой-либо

культурной и социальной группы или какого-либо общественного течения, и поскольку, во-вторыхъ, лицо, взятое особнякомъ, можетъ рассматриваться, какъ одинъ изъ дѣятелей известнаго исторического процесса большаго или меньшаго значенія.

Съ обѣихъ этихъ точекъ зрѣнія личность Іосифа II, конечно, заслуживаетъ тщательнаго изученія. Іосифъ II былъ и весьма характернымъ представителемъ, и очень важнымъ дѣятелемъ просвѣщенія абсолютизма. Въ обоихъ отношеніяхъ онъ можетъ быть исключенъ, какъ въ группу другихъ современныхъ ему государей и вообще правителей въ духѣ просвѣщенія абсолютизма, такъ и въ болѣе тѣсную группу дѣятелей въ томъ же духѣ въ самой Австріи, соратниковъ его самого, его ближайшихъ и болѣе отдаленныхъ помощниковъ, раздѣлявшихъ его идеи и стремленія. Собственно говоря, Іосифъ II не одинъ стоялъ противъ общественныхъ силъ, съ которыми ему пришлось вести борьбу. Въ рукахъ императора находился рычагъ, приводившій въ движение всю бюрократическую машину. Конечно, въ смыслѣ сочувствія или несочувствія просвѣтительной политикѣ императора составъ австрійской бюрократіи былъ довольно неоднородный. Если исключить изъ него болѣе равнодушные и пассивные элементы, просто-на-просто творившіе волю начальства съ большинствомъ или меньшинствомъ радѣніемъ (или нерадѣніемъ), то въ ней, въ этой бюрократіи, могли бы быть обнажены и юзефінцы, и притчики юзефінизма или такие люди, которые въ одномъ юзефінизму сочувствовали, въ другомъ неѣтъ. Во всякомъ разѣ среди правящаго, бюрократическаго класса монархіи были многочисленныя сторонники преобразованій императора, многіе старше его лѣтами, дѣйствовавшіе еще при его матери, во многомъ даже своею прежнію хѣятельностью подготовившіе почву для дальнѣйшихъ реформъ самого Іосифа II: взять бы хотя однихъ министровъ. Такимъ образомъ, Іосифъ II являлся лицомъ представителемъ и вождемъ цѣлой общественной группы, съ которойю раздѣлять одни и тѣ же взгляды, которую вдохновлять и поддерживать, самъ получая съ ея стороны вдохновенія и внушенія, сочувствіе и содѣйствіе. Борьба шла не между отдѣльною личностью и цѣлымъ обществомъ, а между двумя большими группами одного и того же общества.

Одну группу, какъ мы видѣли, составляли сознательные и убѣждѣнныя элементы австрійской бюрократіи, и рядомъ съ этой группою мы должны поставить другую, состоявшую изъ публицистовъ, запиццианскихъ въ печати юзефінскія реформы. Противъ стояли тѣ сословія и классы, привилегіи которыхъ нарушались указанными преобразованіями.

Не принадлежать историологическому направлению экономического материализма, даже сражаясь съ нимъ, какъ съ одностороннимъ увлечениемъ, можно тѣмъ не менѣе признавать, что въ основѣ классовыхъ интересовъ лежитъ экзопомика, что эти интересы создаютъ свою особую, чисто классовую психологію, что въ политической борьбѣ чуть не первое мѣсто принадлежитъ классовымъ интересамъ, и что сама она направляется главнымъ образомъ классовою психологіей. Исторія оппозицій противъ юзефінскихъ реформъ можетъ служить одною изъ хорошихъ иллюстрацій этихъ общихъ положеній, но она же, эта исторія, даетъ массу примѣровъ того, что оппозиція вытекала и изъ идеологическихъ побужденій национального, религіознаго, политического характера. Даѣшь, оппозиція воинственнымъ власти можетъ быть какъ прогрессивною, такъ и консервативною. Въ бельгійской революціи противъ того, что называлось деспотизмомъ Іосифа II, объединились и консервативные, и прогрессивные элементы, разошедшіеся потомъ въ разныя стороны, когда демократическая революція въ соседней съ Бельгіей Франціи втянула бельгійское политическое движение въ кругъ своихъ стремлений.

Если не одинъ Іосифъ II на сторонѣ просвѣщенія абсолютизма велъ борьбу съ обществомъ, настроеннымъ въ своей главной массѣ консервативно, то и общество это не было чѣмъ-то во всѣхъ частяхъ своихъ однородныхъ. Подъ обществомъ въ данномъ случаѣ мы разумѣемъ только имущіе, болѣе культурные классы, выдѣлявшіеся изъ населенія страны и болѣе сознательными отношеніемъ къ своимъ интересамъ и къ мѣроprіятіямъ правительства, и больше сплоченностью, организованностью, привычкою къ коллективнымъ дѣйствіямъ. Многочисленное, но бѣдное, невѣжественное, забытое крестьянство, въ интересахъ которого наиболѣе потрудился Іосифъ II, было, вмѣстѣ съ малочисленнымъ по тѣмъ пременамъ рабочимъ людомъ городовъ, наименѣе прочною опорою для „просвѣщенія правительства“, подчасъ и мѣстами даже превращалось тоже въ силу оппозиціонную, когда неумѣльмыми руками властей задѣвались религіозныя вѣрованія массы. Изъ классовъ, стоявшихъ надъ народною массою, буржуазія была мало развита въ большей части монархіи, и главную активную силу представляли собою духовенство и дворянство.

Это были два сословія, которыхъ и во Франціи, когда тамъ, еще при жизни Іосифа II, вспыхнула революція, явились главными противниками начавшагося исторического движения. Для общей исторіи западно-европейского „старого порядка“, для характеристики проис-

ходившей и въ другихъ странахъ, кромѣ Австріи, консервативной оппозиції противъ политики просвѣщающаго абсолютизма, для характеристики клерикально-аристократической реакціи противъ французской революціи, исторія борьбы духовенства и дворянства и Австріи противъ реформъ Іосифа II имѣетъ немаловажное значеніе, не говоря уже о томъ, что побѣда этой оппозиціи надъ іозефинизмомъ—фактъ въ высшей степени существенный и для исторіи Австріи въ XIX в. Начиная съ революціонныхъ войнъ и въ теченіе всей наполеоновской эпохи, когда на всемъ Западѣ совершались крупные внутренніе перевороты, почти одна только монархія Габсбурговъ оставалась какъ бы застывшую въ своихъ старыхъ формахъ. Правда, въ своихъ столкновеніяхъ съ Франціей она теряла провинцію за провинціей и даже предпочитала терять ихъ, лишь бы внутри все оставалось постарому, чего, конечно, не было бы, если бы въ монархіи поднялись какій-либо движение, но зато внутри все было скончано, и порядокъ не нарушился. Въ Австріи не было ни Гарденберга, ни Штейпа, обновившіхъ Пруссію такими реформами, передъ которыми остановился просвѣтительный абсолютизмъ Фридриха II, и австрійскому крестьянству пришлось ждать 1848 года, чтобы увидѣть ликвидацию крѣпостническихъ отношеній. Такъ поздно исполнилась завѣтная мечта Іосифа II! Въ эпоху реакціи, наступившей послѣ „безумнаго“ 1848 года, погибло и то изъ церковныхъ реформъ Іосифа II, что оно пережило и удерживалось и въ теченіе всей первой половины XIX в.

Такова была сила тѣхъ сословій, которые боролись въ Австріи противъ реформъ Іосифа II. Но эта реакція не остановила выполненія чисто политического плана Іосифа II, т. е. дѣла созданія централистического и бюрократического государства. Въ началѣ XIX в. съ крушениемъ средневѣковой Священной Римской имперіи сошло образованіе единой „Австріи“, реакціонное правительство которой стало вездѣ на-саждать одни и тѣ же порядки. Революція 1848 г. потрясла это единство, но оно тотчасъ же возстановилось, какъ только побѣдила реакція.

Исторія, однако, идетъ впередъ не по тому пути, который для земель Габсбургскаго дома былъ предначертанъ Іосифомъ II: 1867 годъ раскололъ Австрію на двѣ половины, получившія вмѣстѣ имя Австро-Венгрии, но и съ этимъ дуализмомъ, какъ и съ болѣе раннимъ централизмомъ, борется теперь федералистическая идея. Общественная вольности, считавшіяся Іосифомъ II противорѣчіями идеи государства, тоже ожили и развиваются.

Изъ этого можно видѣть, что борьба противъ Іосифа совершилась

не только во имя прошлого, но и во имя интересовъ будущаго, которое должно осуществлять въ Австріи принципъ національного самоопредѣленія и общественной самодѣятельности. Въ XVIII в. на стражѣ этихъ принциповъ стояли консервативныя силы общества, но нерѣдко онѣ прибѣгали, въ своей защите правъ народностей и общества, къ аргументамъ, получавшимся изъ той же просвѣтительной философіи, которая была идеологіей и самого преобразовательного абсолютизма. Не все притомъ общество было заражено устарѣлыми предразсудками: въ немъ были элементы, если и не сочувствовавшиесъ Іосифу II, то по мотивамъ, формулировавшимся въ философіи XVIII в. защитниками именно свободы, которой не знало и не хотѣло знать политическое направление Іосифа II.

II.

Автора настоящей статьи всегда интересовала, въ связи съ общимъ вопросомъ о просвѣщеніи абсолютизмъ, личность, дѣятельность и вообще эпоха Іосифа II, и въ свое время онѣ потратили немалое количество часовъ и дней на ознакомленіе съ литературою этого предмета¹⁾. Тѣмъ, что о немъ мнѣ приходилось говорить на университетскихъ лекціяхъ, мнѣ удалось заинтересовать и кое-кого изъ своихъ слушателей, изъ которыхъ однѣ, А. М. Ону, нѣсколько лѣтъ тому назадъ написали объ Іосифѣ II очень хорошую статью²⁾, другой, П. П. Митрофановъ—цѣлую книгу, представлennную затѣмъ, въ качествѣ диссертациіи на учченую степень магистра всеобщей исторіи, въ историко-филологической факультетъ С.-Петербургскаго университета. Факультетъ почтилъ меня порученіемъ составить о книгѣ г. Митрофанова официальный отзывъ, на основаніи которого могло бы состояться допущеніе автора диссертациіи къ ея защите въ публичномъ засѣданіи факультета. Исполнивъ эту, въ данномъ случаѣ, формальность, такъ какъ о допущеніи къ диспуту не могло быть никакихъ сомнѣній, я не хотѣлъ ограничиться тѣмъ немногимъ, что въ похвалу книги г. Митрофанова написалъ для факультета, и что было сдано на храненіе въ факультетскій архивъ съ другими разнаго рода бумагами. Я вознамѣрился, именно, въ связи съ приготовленіемъ къ диспуту, написать подробный анализъ труда г. Митрофанова имѣющій съ тѣми

¹⁾ Слѣды этого сказались на тѣхъ главахъ III тома моей „Исторіи Западной Европы въ новое время“, где говорится объ Іосифѣ II (главы 24—28).

²⁾ Попытана въ „Историческомъ обозрѣніи“ за 1891 г.

возражениями, которые могъ бы сдѣлать на диспутѣ, дабы тѣмъ самымъ дать возможность познакомиться съ книгой большему числу читателей, нежели то, которому придется имѣть въ рукахъ ее самой, весьма объемистую и, въ сущности, очень специальную. Чтеніе этой книги, кромѣ того, подошло ко времени, когда личныи мои занятия, въ связи съ готовымъ новымъ курсомъ, заставили меня снова вернуться къ эпохѣ просвѣщенного абсолютизма, какъ къ одному изъ этаповъ въ исторіи западно-европейской абсолютной монархіи вообще, и это былъ еще одинъ лишній мотивъ для болѣе обстоятельного собственнаго ознакомленія съ книгою.

Все, что было изложено въ первой главѣ настоящей статьи, имѣть своей цѣлью выяснить точку зреія ея автора и на самую эпоху Іосифа II, и на задачи ея исторического изученія и тѣмъ самымъ дать читателю понять, какія руководящія идеи положены имъ въ основу тѣхъ критическихъ замѣчаній, которыхъ онъ счелъ нужнымъ сдѣлать въ настоящей статьѣ.

По обратимся къ самой книгѣ. Названіе ея „Политическая дѣятельность Іосифа II, съ сторонниками и съ врагами“ указываетъ на то, что главное въ неѣ—дѣятельность—и я бы сказалъ „правительственная“, а не политическая¹⁾—Іосифа II, взятая притомъ въ тѣхъ отношеніяхъ, какія она встрѣтила со стороны и сочувствовавшихъ, и не сочувствовавшихъ элементовъ общества. Тема взята, значитъ, довольно полно и довольно широко, а объ исполненіи задачи рѣчь будетъ идти впереди. Отъ заглавія перейдемъ къ самой книгѣ и разсмотримъ ее сначала съ чисто вѣтшней стороны.

Прежде всего, именно, это—томъ въ 774 страницы текста, т. е. не считая, кромѣ того, пѣсколькихъ страницъ, занятыхъ еще оглавлениемъ, предисловиемъ и указателемъ собственныхъ именъ (Index по-типши), встречающихся въ текстѣ. Уже бѣгло перелистывая книгу, мы убѣждаемся въ томъ, что на нее потрачено немало труда, судя по подстрочнымъ примѣчаніямъ на каждой страницѣ, нерѣдко занимающимъ половину страницы, а не то и болѣе и содержащимъ не только ссылки на многочисленныя пособія, но и длинныя выписки изъ источниковъ, какъ печатныхъ, такъ, въ особенности, и рукописныхъ. Отъ самого автора—изъ предисловія къ книгѣ—мы узнаемъ, что она является плодомъ почти восьмилѣтняго труда, и что въ основу ея положены, между прочимъ, и архивный материалъ, которымъ авторъ

¹⁾ Послѣднее слово можетъ вызвать некоторое недоразумѣніе.

пользовался въ официальныхъ хранилищахъ Берлина, Дрездена, Дармштадта, Парижа, Граца, Вѣны (городскомъ и министерства внутреннихъ дѣлъ) и Пешта¹). Въ томъ, что г. Митрофановъ совершилъ большую работу, убѣждаетъ настъ, далѣе, и обзоръ его источниковъ, представляющій собою первую меньшую (стр. 1—69) часть 1-й книги. Именно, г. Митрофановъ въ качествѣ источниковъ положилъ въ основу своего труда переписку Іосифа II и его современниковъ, правительственные указы и распоряженія и памятники законодательства той эпохи, дѣловую переписку присутственныхъ мѣстъ, доклады чиновниковъ и высочайшія резолюціи, полицейскія доносенія, протесты земскихъ чиновъ и жалобы отдельныхъ сословій, учрежденій и частныхъ лицъ, доносенія иностраныхъ пословъ своимъ дворамъ, мемуары современниковъ, записки путешественниковъ, собранія анекдотовъ, газеты и памфліты. Это перечисленіе источниковъ свидѣтельствуетъ, кромѣ того, какъ разнообразенъ кругъ вопросовъ, которыхъ авторъ касается въ своемъ трудахъ. Объ этомъ говорить также и одно простое перечисленіе главъ, на которыхъ распадается вторая, большая и главная часть книги. Очертивъ въ первой главѣ этой части личность Іосифа II и посвятивъ вторую ея главу его вицѣшней политикѣ, г. Митрофановъ рассматриваетъ въ семи главахъ (III—IX), занимающихъ 556 страницъ (209—764), т. е. пять седьмыхъ всего текста, реформы Іосифа II (и отчасти его матери) въ областяхъ администраціи, военного дѣла, государственного и народного хозяйства, суда, сословныхъ отношеній, церковной жизни, народного просвѣщенія и цензуры²), послѣ чего въ особомъ небольшомъ заключеніи (стр. 765—774) подводить итоги подъ всѣмъ содержаніемъ книги.

Обилие и разнообразіе матеріала составляютъ, уже при первомъ, бѣгломъ обзорѣ труда г. Митрофанова, такую его сторону, которая прямо бросается въ глаза и наводитъ па мысль о томъ, что въ основу книги положена серьзная работа. Другая сторона труда—его систематичность, доведенная мѣстами до чисто вицѣшняго схематизма,

¹) Въ такомъ порядке перечислены архивы г. Митрофановыхъ въ предисловіи, но на стр. 2 текста, гдѣ авторъ выражаетъ свою благодарность помогавшимъ ему архиваріусамъ, Грацъ въ перечисленіи пропущенъ, но за то упоминается неизвестный польско-брюссельский.

²) Быть можетъ, г. Митрофановъ сдѣлалъ бы даже лучше, если бы болѣе сосредоточилъ свое вниманіе на одной какой-либо достаточной категоріи явленій, болѣе важной съ соціологической точки зрѣнія, остановившись при томъ преимущественно на принципіальной сторонѣ, а не на технической.

облегчающаго справки, но иѣсколько утомляющаго читателя своимъ однообразiemъ. Согласно съ заглавиемъ книги „Политическая дѣятельность Іосифа II, съ стороны и съ враги“ каждыя главы распадаются на два отдѣла, изъ которыхъ первый посвященъ дѣятельности самого Іосифа II съ его помощниками и сторонниками, второй—г҃ымъ оппозиціонными проявлениями со стороны отдѣльныхъ народностей, сословій и т. п., съ какими этой дѣятельности пришлось имѣть дѣло. Другими словами, о чёмъ бы ни заходила рѣчъ, г. Митрофановъ болѣе или менѣе исчерпывающимъ образомъ излагаетъ спачала мѣропріятія Іосифа II, потомъ говорить о тѣхъ, кто ему помогалъ или, по крайней мѣрѣ, выражалъ сочувствіе, и заканчиваетъ свой обзоръ каждой категоріи реформъ разсмотрѣніемъ вызывавшейся ею оппозиції. Съ такимъ же схематическимъ однообразiemъ и внутри каждого отдѣла авторъ держится опредѣленного порядка, повторяющагося изъ главы въ главу, напримѣръ, всегда говоря о габсбургскихъ земляхъ, входившихъ въ составъ Священной Римской имперіи германской націи, раньше земель короны св. Стефана, т. е. Венгрии. Все это, повторяю, очень облегчаетъ справки, но иѣсколько утомляетъ своимъ единообразiemъ. Уже при первомъ прочтываніи книги я находилъ, что иногда въ интересахъ дѣла не слѣдовало бы отдѣлять оппозицію реформъ отъ самой реформы, да и въ другихъ отношеніяхъ надлежало бы иѣсколько разнообразить порядокъ изложенія. Отмѣчалъ здѣсь эту особенность книги г. Митрофанова, я, однако, имѣю въ виду пока главнымъ образомъ ту большую работу, которую онъ долженъ былъ сдѣлать уже для простого классифицированія своего материала: одинъ и тотъ же, скажемъ, документъ (или вообще какой-либо источникъ) могъ дать автору факты, подлежащіе размѣщенню подъ разными рубриками общей схемы, принятой авторомъ.

Слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и оговориться, что этотъ схематизмъ г. Митрофановыи до крайности, впрочемъ, не доводится. Въ предисловіи онъ самъ заявляетъ, что „долженъ быть отказаться отъ вполнѣ равномѣрной разработки всего существующаго материала“. Онъ даже какъ бы оправдывается въ томъ, что не дать всесторонней и полной разработки своего предмета: объ одномъ уже достаточно было сказано въ болѣе раннихъ изслѣдованіяхъ, и потому объ этомъ можно было поговорить коротко, другое было бы только повтореніемъ сказаннаго самимъ авторомъ по аналогичному же поводу и т. п. Напримѣръ, г. Митрофановъ лишь очень коротко говорить о болгарской революціи и венгерской агитациіи, считая оба эти вопроса окончательно выяснен-

ными въ специальной литературѣ, и не даетъ разбора реформы въ Ломбардіи, находя, что она была лишь точнымъ склономъ съ реформы нидерландской. Самъ онъ указываетъ, что настоящій центръ тяжести всего его труда—въ „оппозиції юзефинскімъ преобразованіямъ“, которая пока еще не вызвала ни одного специального цѣльного труда¹. На то, что именно это—центръ тяжести всего труда, указываетъ, кромѣ только-что приведенного заявленія автора, и выданіе имъ въ особый отдѣлъ каждой главы отмѣченной стороны, главнымъ образомъ и разработанной въ книгѣ г. Митрофанова на основаніи первоисточниковъ—печатныхъ и рукописныхъ²).

Это послѣднее обстоятельство даетъ намъ право ожидать, что и въ заключеніи къ книгѣ авторъ выдвинетъ на первый планъ вопросъ именно объ этой оппозиціи, на которой онъ особенно сосредоточилъ свое вниманіе. Дѣйствительно, вопросъ, поставленный г. Митрофановымъ въ самомъ началѣ второй части книги³), почему не удалась реформа, предпринятая Іосифомъ II, являясь исходнымъ пунктомъ и заключенія (стр. 765), рѣшается въ связи съ вопросомъ о той оппозиціи, съ какою Іосифу II и его преемнику пришлось имѣть дѣло. Правда, онъ останавливается прежде всего на личныхъ свойствахъ императора, не-благопріятно, но общему мнѣнію, отразившихся на его преобразовательной дѣятельности, но для автора дѣло не въ догматизмѣ и торопливости юзефинской реформы только, а и въ оппозиціи ей какъ со стороны консервативныхъ, такъ и со стороны прогрессивныхъ элементовъ общества въ разношерстной монархіи Іосифа II. Но входя сейчасъ въ разсмотрѣніе основной мысли автора по существу, отмѣтили только, что онъ сравниваетъ Іосифа II съ Петромъ Великимъ, изъ коихъ первого считаетъ сравнительно со вторымъ совершеннымъ неудачникомъ: тѣль и реформа Петра Великаго отличалась многими свойствами, которыхъ пришло приписывать преобразовательной дѣятельности Іосифа II, а между тѣмъ результаты въ обонъ случаихъ были разные, и испо разница у автора объясняется тѣмъ, что въ Россіи при Петре Великомъ не было такой мощнай и организованной оппозиціи, какую встрѣтила въ разныхъ путяхъ своей монархіи Іосифъ II. Впр-

¹) То же самое видно и изъ того, что эти первые отдѣлы семи главъ, посвященныхъ реформамъ Іосифа II, составляютъ $\frac{1}{4}$ всего изложенія этихъ реформъ.

²) Слова самого г. Митрофанова на стр. 101: „найти причину, приведшую къ такому концу (неудачи), выяснить въ общихъ чертахъ генезисъ, ходъ и судьбу политической дѣятельности Іосифа II и составлять задачу, напечатанную себѣ авторомъ въ слѣдующихъ главахъ“.

чемъ, и тутъ г. Митрофановъ совершенно основательно оговаривается, что въ этихъ отдельныхъ частяхъ дѣло шло далеко неодинаково, и что совсѣмъ потому не приходится говорить о полной неудачѣ юзефинской реформы.

Остановимся пока на этомъ, чтобы сдѣлать нѣсколько замѣчаній о работѣ г. Митрофanova по поводу всего только-что сказанного. Первое наше замѣчаніе касается архивнаго матеріала, который былъ въ распоряженіи г. Митрофanova. Какъ мы видѣли, онъ для своихъ архивныхъ изысканій посѣтилъ семь или восемь иностраннѣхъ городовъ, но совершенно не заглянулъ въ одинъ русскій архивъ, гдѣ тоже могъ бы кое-что найти для своей книги. Я говорю здѣсь о той части нашего архива министерства иностраннѣхъ дѣлъ, которая находится въ Москвѣ и вполнѣ доступна для изслѣдователей. Между прочимъ, одинъ изъ нашихъ историковъ, работавшій въ этомъ архивѣ какъ-разъ по той же эпохѣ, именно покойный Трачевский,—книгу котораго „Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Йосифа II“ (1877 г.) г. Митрофановъ цитируетъ,—уже указалъ на значеніе документовъ, хранящихся въ названномъ архивѣ, и нужно удивляться, почему г. Митрофановъ не предпринялъ поездки въ Москву, чтобы порыться въ донесеніяхъ Румянцева, Голицына и др.¹⁾). Въ связи съ этимъ первымъ замѣчаніемъ находится и второе. Въ главѣ,

¹⁾ „Союзъ князей, говорить Трачевский, не можетъ быть иссажданъ вполнѣ безъ русскихъ архивовъ, такъ какъ онъ былъ заключенъ въ пору самаго близкаго участія Россіи во внутреннѣхъ дѣлахъ Германіи. Обильныя донесенія Николая Румянцева (особаго посланника Екатерины II воFrankfуртѣ-на-Майнѣ) проливаются свѣтъ даже на будничныя мелочи изъ жизни нѣмецкой имперіи и ея князей. Нѣмецкіе ученые, прибавляется Трачевский, не могли и подозрѣвать такого значенія русскаго архива для ихъ внутренней исторіи“ (Союзъ князей, стр. III—IV). О донесеніяхъ Румянцева авторъ говоритъ еще, что онъ „написаны живо, съ участіемъ на предмету, изобилуютъ мѣткими наблюденіями и характеристиками“ (стр. 68). Менѣ важны донесенія посланника приѣзжемъ дворѣ „спокойнаго и неноворотимаго старичка“ князя Голицына (стр. 72). Въ книгѣ Трачевскаго масса ссылокъ на донесенія обоихъ. Недавно изъ того же архива извлечены иѣкоторый матеріалъ для эпохи 1788—1791 гг. профессоръ Львовскаго университета Br. Dembiński въ первомъ томѣ своего изданія „*Przódka do dziejów drugiego i trzeciego rozbioru Polski*“ (Lwów. 1902 г.). Хотя книга посвящена политикѣ Россіи и Пруссіи, но кое-что взято и изъ донесеній князя Голицына. См., напримѣръ, письма (на русскомъ и французскомъ языкахъ) отъ начала 1790 г. о приготовленіяхъ Австріи къ войнѣ съ Пруссіей, о кончины Йосифа II, о стараніяхъ прусскаго двора „всѣми силами сдѣлать возможнѣю въ Венгріи и Трансильваниѣ“ и т. п. (стр. 457 и слѣд.), т. е. предметахъ, входящихъ въ изложеніе г. Митрофanova (см. изъ его книгѣ стр. 179 и слѣд. и 198 и слѣд.).

посвященной обзору источниковъ, очень видное мѣсто принадлежитъ параграфу, посвященному донесениямъ иностранныхъ пословъ (стр. 15—51, т. с. 36 страницъ изъ 69, составляющихъ всю главу), и адѣсь рѣчь идеть о донесеніяхъ дворамъ версальскому (стр. 19—32), берлинскому (стр. 32—43), саксонскому (стр. 43—50) и гессенскому (стр. 50—51), какъ будто изъ Вѣны никакихъ донесений не посыпалось въ Петербургъ или эти донесенія не заслуживали даже такого вниманія, какое привлекла къ себѣ редакція гессенского министра-рѣзидента, признаются авторомъ совершенно неважными. Между прочимъ, въ главѣ о вѣнѣційской политикѣ Іосифа II г. Митрофановъ отводитъ цѣлый параграфъ (стр. 139 и слѣд.) образу дѣятельнаго императора по отношенію къ Россіи, „въ силѣ которой горькимъ опытомъ пришлось убѣдиться поль—Европѣ и въ агрессивныхъ стремленіяхъ которой не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія“,—слова автора, указывающаго совершенно справедливо на важность именно русской политики во всѣхъ главныхъ комбинаціяхъ Іосифа II. Союзъ съ Россіей, по словамъ г. Митрофанова, сталъ рѣшѣніемъ императора (стр. 140). Къ сожалѣнію, въ этомъ параграфѣ авторъ совершенно не пользуется не только русскими источниками, но и русскими пособіями¹). То же самое можно сказать и о другихъ мѣстахъ, гдѣ въ книгѣ заходятъ рѣчи о русско—австрійскихъ отношеніяхъ той эпохи (например, стр. 150, 166—167, 169—171, 173, 175 и др.).

Къ числу важныхъ, на мой взглядъ, пробѣловъ въ трудѣ г. Митрофанова я отношу также отсутствіе въ немъ хотя бы самого краткаго обзора литературы объ Іосифѣ II. Разъ въ книгѣ данъ обзоръ источниковъ, въ которомъ мы находимъ общія характеристики дипломатическихъ донесеній объ Іосифѣ II и о его дѣятельности и даже отзывы объ его характерѣ и поведеніи иностраннѣхъ посланниковъ, мы въ праѣ были бы ожидать, что автору познакомить настѣ, хотя бы и не входя въ подробности, съ современнымъ состояніемъ литературы объ Іосифѣ II, съ пыраніеніями, существующими въ этой литературѣ, съ главнейшими ея представителями, высказавшими тотъ или другой

¹ Кромѣ книги Трачевской „Союзъ князей“, о которой у автора см. подстрочное примѣчаніе на стр. 157, „Семейство Рузумовскихъ“ Васильчикова и „Капицера князя Бензородка“ Григоровича, русская историческая литература не представлена ни Соловьевымъ (Начинѣ Польши), ни Косюмаровимъ (Послѣдніе годы Гѣчи Ноополитанѣй), ни Чечулинымъ (Вѣнѣційская политика Екатерины II), книги которыхъ имѣютъ отношеніе къ предмету. Въ „Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“ г. Митрофановъ пользовался только перепиской Екатерины съ Григомонъ.

взглядъ на Іосифа II, на его реформы, на оппозицію этой реформѣ¹⁾. Такіе исторіографические обзоры вообще весьма полезны, но въ данномъ случаѣ польза была бы особая и по отношенію къ книгѣ самого г. Митрофанова: онъ обличилъ бы не только для своихъ критиковъ, но и для обыкновенныхъ читателей сужденіе о томъ, что же нѣтъ, авторомъ книги, сдѣлано въ томъ предметѣ, который онъ взялся изслѣдоватъ. Литература объ Іосифѣ II весьма обширна, сужденія, которыя о немъ высказывались, были весьма различны, часто діаметрально противоположны, но въ сущности основныхъ трудовъ пришлось бы выдѣлить не такъ уже много, а взгляды на Іосифа II тоже можно было бы подвести подъ самое ограниченное число рубрикъ, таѣть что и мѣста обзоръ литературы предмета въ книгѣ занять бы очень немнога. Тѣмъ болѣе все это не сдѣлано, что г. Митрофановъ въ общемъ прекрасно знакомъ съ специальную литературуой²⁾.

Написавъ послѣднія строки, я чувствую потребность тотчасъ же внести въ это свое заявленіе иѣкоторое и притомъ немаловажное ограниченіе. Г. Митрофановъ прекрасно знаетъ литературу объ Іосифѣ II,

¹⁾ Я считаю, что такой обзоръ былъ бы гораздо полезнее того обзора источниковъ, который дается авторомъ особенно въ виду того, что настоящей критики источниковъ тамъ и нѣтъ, а многое говорится по о нихъ слышь, а только по ихъ новоду.

²⁾ Къ сожалѣнію, г. Митрофановъ не приложилъ алфавитного списка исполь-
зованной имъ литературы: такой списокъ только дѣлъ бы болѣе наглядно представ-
леніе о массѣ прочитанныхъ имъ книгъ, но можетъ съ тѣмъ облегчить бы и указаніе на пробѣмы въ его литературуѣ предмета. Не ставя ому пропуски въ особую
лини, отмѣтилъ нѣсколько такихъ пропусковъ, вовсе, однако, по пристанду на пол-
ноту указаній. *Paganel. Histoire de Joseph II, empereur d'Allemagne.* Книга выдер-
жала два издания (1843 и 1853) и была переведена на нѣмецкій языкъ. *Tratschevsky.*
Das russisch-oesterreichische Bündniß vom Jahre 1781 (Hist. Zeitschr. за 1875).—
K. Ritter. Kaiser Joseph II und seine kirchlichen Reformen. 1867.—*Brunner. Joseph II. Charakteristik seines Lebens und seiner Kirchenreformen.* 1885.—*J. Polek. Joseph II Reisen nach Galizien und der Bukowina und ihre Bedeutung für letztere Provinz.* 1895. Кое-что будеть еще отмѣчено ниже. По истории крестьянъ въ разныи частяхъ монархii г. Митрофановъ ссылается на работы *Грюнберга*, *Мизеса*, *Тарле*, но не пользуется для польскихъ крестьянъ книгою *Млкотина*. Кроме того, въ иѣкоторыхъ иностраннѣиисторическихъ журналахъ въ послѣдніе годы были разныи статьи объ Іосифѣ II, оставшися, повидимому, автору незвест-
ными. Линъ кое-что изъ этихъ статей попадаються въ печати послѣ выхода въ свѣтъ книги г. Митрофанова, какъ, напримѣръ, *Franz Ilnoo. Kaiser Joseph II als Volkswirt* въ *„Preussische Jahrbücher“* за 1907. Наконецъ, есть и пробѣмы въ литературуѣ по терсіанской эпохѣ. См., напр., издания *Marisoria'smo* о законодательной
дѣятельности Маріи Терезіи или *Gianella. Legislazione penale ed istituzioni carce-
ratie dai tempi di Maria Teresa ai nostri.* 1887.

но далеко не всю, а только главнымъ образомъ вѣмецкую. Въ общей и специальной литературѣ на языкахъ венгерскомъ, чешскомъ, польскомъ и даже русинскомъ авторъ книги объ Іосифѣ II нашелъ бы тоже немало для себя материала и если бы даже не новые фактическія данныя, которые были бы ему раньше неизвѣстны, то, по крайней мѣрѣ, такія точки зрѣнія обобщенія и освѣщенія, какихъ не можетъ заключать въ себѣ вѣмецкая литература. Дѣлая здѣсь иѣкоторую уступку относительно фактическихъ данныхъ, я самъ придаю ей, однако, чисто словесное значеніе, въ дѣйствительности же думаю, что авторъ памъль бы въ оставленной имъ въ сторонѣ литературѣ немало и чисто фактическаго материала, и это даже не трудно было бы доказать цѣлымъ рядомъ прамѣровъ. О венгерской исторической литературѣ ни вообще, ни въ частности по отношенію къ эпохѣ Іосифа II, я судить не берусь, потому что ея не знаю, какъ не знаю и самого мадьярскаго языка. Становясь па принципіальную точку зрѣнія, можно г. Митрофанову поставить въ упрекъ, что онъ не подучился хоть сколько-нибудь по мадьярски, а въ ого извииненіе незаволительно сказать развѣ лишь то, что, быть можетъ, результаты далеко не оплатили бы затраченный трудъ въ виду крайней нелегкости изученія языка, столь отличного отъ всѣхъ европейскихъ языковъ. О неособенно большой важности венгерскихъ сочиненій говорю, впрочемъ, лишь предположительно, думая, съ другой стороны, что разъ особенно сильна была именно венгерская оппозиція, то и автору особенно было бы важно, хотя бы и съ постороннею помощью, познакомиться съ тѣмъ, что по интересующему его предмету было сдѣлано мадьярскими национальными историками, когда авторъ посѣтилъ Будапештъ для тамошняго архива. Но не будемъ больше говорить объ этомъ. Кромѣ Венгрии, въ составѣ монархіи Іосифа II входили еще такія страны, какъ Чехія и Галиція съ двумя своими пародостями—польской и русинской. Выучиться читать по русински, по польски¹⁾, по чешски—не такая уже мудрость, а между тѣмъ и у чеховъ, и у поляковъ существуютъ свои университеты съ историческими кафедрами, свои ученыя общества, изданія историческихъ источниковъ, ученыя труды по истории общаго и специального содержанія, за послѣднее же время развивавшіяся и получающія литература на га-

¹⁾ Благодаря незнанію польского языка, г. Митрофановъ для фамиліи Сигетъ (стр. 663—664 и въ указателѣ) даетъ транскрипцію Хрумъ, вѣсто Хржалъ (или Хшанъ).

лицко-украинскомъ языке. Эдѣсь уже у г. Митрофанова гораздо меныше быть можетъ оправданій, искажи по отношенію къ венгерской литературѣ, да и лично я, въ качествѣ критика его книги, могу сть бѣльшимъ сознаніемъ своей правоты говорить обѣ относительной важности сдѣланнаго имъ упущенія.

Въ чешской исторической литературѣ главнымъ общимъ трудомъ по эпохѣ Іосифа II въ Чехіи, притомъ наиболѣе новымъ (1903), является VII томъ начатой въ 1892 г. Резекомъ и продолжавшейся Сватекомъ, а затѣмъ Прашекомъ Исторіи Чехіи съ 1648 г.¹⁾). Изъ частныхъ работъ, относящихся къ эпохѣ, особенно важны написанныя недавно скончавшимъ проф. Богушиемъ Ригеромъ и изъ нихъ прежде всего книга „Krajské zřízení v Čechach“, въ которой къ эпохѣ относится вышедший въ свѣтъ въ 1893 г. т. II („Ústrojí spravy krajské“, 1740—1792). Ему же принадлежать рядъ статей въ журналахъ „Osvěta“, именно: „Z germanizačního úsilí 18. věku“ (1887), „Dilo centralismu v 18. století“ (1888), „Císař Josef a český trůn“ (1897), а также въ журналахъ „Právnik“, каковы: „O spravě obcí katastrálních za Josefa II“ (1890), „O snaze komplikovatí politické zákony v Čechach za M. Teresie a Josefa II“ и „O záměru M. Teresie reformovati stavovské soudy v Čechach“ (обѣ статьи въ 1891 г.). Кромѣ того, въ одномъ чешскомъ сборнике („Sborník věd právních a státních“), изданномъ подъ редакціей Ригера (1904), есть статья „Josef II a správní centralismus“. Вообще Ригерь былъ знатокъ эпохи, и ему, между прочимъ, принадлежать еще нѣкоторыя статьи въ „Oesterreichischес Staatwörterbuch“ на нѣмецкомъ языке, а его очеркъ исторіи государственного устройства въ Австріи, помѣщенный въ чешской энциклопедії (Ottův Slovník Naučný), прямо считается образцовымъ²⁾.

¹⁾) Prašek. Panování Josefa II. Svatek Dějiny panování Marie Teresie a Josefa II. 1897.

²⁾) Въ некрологѣ Ригера (ум. весною 1907), написанномъ проф. Рекаřемъ въ чешскомъ историческомъ журнале („Český Časopis historický“, ročník XIII, sešit 8), въ особую влсугу ставится ему, что онъ произвѣзъ общирными наслѣдованіями въ государственныхъ архивахъ относительно временъ Маріи Терезіи и Іосифа II (doby teresianské a josefinské), чѣмъ было пополнено пробѣгъ прежнихъ чешскихъ историческихъ работъ, рассматривавшихъ исключительно среднѣѣвропейскія отношенія. „Chtěl pokrýt do detailu motivy, cíle a formy, v nichž osvícenský absolutismus předělával námlivé českou ústavu a správu, zahajoval i na vnitřní státní právo“ (стр. 274). Изъ этого же некролога мы узнаемъ, что Ригерь готовилъ большой трудъ по политической исторіи Чехіи преимущественно съ государственно-правовой точки зрения отъ Маріи Терезіи до нашихъ дней (стр. 275). Порывшись въ чешской литературѣ,

Польская историческая литература равнымъ образомъ могла бы дать кое-что г. Митрофанову. За восемь лѣтъ до вступленія на престолъ Іосифа II произошло первы раздѣлъ Польши, результатомъ которого было включеніе въ составъ Габсбургской монархіи Галиціи. Г. Митрофанову перваго приходится говорить о политики Іосифа II по отношенію къ этой провинціи, но ему осталось совершенно неизвѣстнымъ то, что имѣется по истории Галиціи за эту эпоху на польскомъ языкѣ. Уже болѣе шатидесяти лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ видѣйшихъ польскихъ историковъ второй половины XIX в., кс. Калинъ посвятилъ прошлому Галиціи и Кракова подъ австрійскимъ владычествомъ одну изъ первыхъ своихъ работъ¹⁾), а послѣ него можно назвать цѣлый рядъ работъ, правда большую частью мелкихъ, которыя также или иначе освѣщають время Іосифа II по отношенію къ Галиціи²⁾.

Только игнорированіемъ польской историографіи объясняется раз-

можно было бы набрать не мало мелкихъ статей по истории эпохи. Напр., недавно въ „Ченскому Ліфтѣ“ была помѣщена статья Іосифіека „Lidová říčej o svitři a křastu císa Josefa II“. Къ сожалѣнію, г. Митрофанову, остались неизвѣстными прекрасные французскіе труды по чешской истории Эрнеста Денни.

¹⁾ Galicya i Kraków pod panowaniem austriackim. Parzy. 1858.—Кромѣ того, см. его Galicya w roku 1790 (Przegl. lwowski. 1881). Для истории вѣнѣцкой политики Іосифа II главное соченіе Калинки (Sejm czteroletni) едва ли впрочемъ, дало бы г. Митрофанову что-либо важное.

²⁾ K. Chłodowski. Zajęcie Galicji (Atencja. 1888).—*Eto же*. Traktat handlowy między Austrią i Polską z r. 1775 (Przewodnik naukowy. 1880).—Pepłowski. Schnurr. Z przeszłości Galicji, 1772—1802 (1894). Въ этой книжѣ есть отдѣль. обз. юзефинскихъ реформахъ.—Finkel, Memorial Antoniego hr. Pergena, pierwszego gubernatora Galicyi, o stanie kraju (Kwart. historyczny na 1900 г. въ отд. оттискѣ).—Wawel-Louis. Okreszony historyczne. 1898. Сборникъ статей, изъ которыхъ вѣкоторые относятся къ царствованію Іосифа II.—*Eto же*. Drobiazgi historyczne pierwszych lat istnienia królewstwa Galicyi (Przegl. polski. 1897). Początkowe sądownictwo austriackie w Galicyi i dr.—Lewicki, J. Ruch rusinów w pierwzej połowie wieku panowania Austrii. 1879.—Biłaszewski. Anarchia polaka i cesarz Józef II. 1880.—Skoczek. Rys szkół ludowych w Galicyi (1772—1767). 1869.—Baranowski. Pogląd na rozwój szkolnictwa ludowego w Galicyi od roku 1772. 1897. Кромѣ того, можно было бы отыскать кое-что и въ пѣменской литературѣ, касающейся галиційскихъ отношеній, напр., Gross-Hoffinger. Die Theilung Polens und die Geschichte der österreichischen Herrschaft in Galizien. 1847. — Dridacki. Die Frohnpatente Galicien.—Wolf. Geschichte der Lemberger Universität и т. п. Но части частностей г. Митрофановъ тоже падаютъ бы польской матеріаль въ родѣ того, который имѣется во вопросѣ обз. уничтоженіи монастырей. Roczet klasztorów zniesionych w latach 1772 i 1781 (Dod. tyg. Gaz. lw. 1857) и т. п. Но крестьянскіе отношенія см. Hr. Stadnicki. Prawa i używalność względem spadków właściańskich za grodu Iosifowskich (Dod. do Gaz. lw. 1856).

нымъ образомъ и то, что г. Митрофанову остался неизвѣстнымъ большой томъ изданныхъ проф. Львовскаго университета *Дембінскимъ „Источниковъ для исторіи второго и третьяго раздѣловъ Польши“*, въ которомъ между прочимъ есть и доносенія русскаго посланника при вѣнскомъ дворѣ, извлеченный изъ московскаго архива министерства иностраннаго дѣлъ.

Въ русинской литературѣ нѣть специальныхъ работъ для эпохи Іосифа II, чо есть все-таки кое-какие материалы и мелкія замѣтки¹⁾), а кромѣ того, о ней говорится между прочимъ въ сочиненіяхъ болѣе общаго содержанія, гдѣ г. Митрофановъ могъ бы найти указанія на такія стороны дѣятельности Іосифа II, которыхъ остались ему мало извѣстными. Въ главѣ о церковной реформѣ, на страницахъ, гдѣ упоминается о Галиції (607, 608—609, 617, 655, 720), я, напримеръ, нарасло искаль чего-либо, касающагося уніі, бывшей вѣроисповѣданіемъ русинскаго населенія, и не нашелъ ничего, какъ будто уніі тамъ и не существовало. Между тѣмъ и при Марії Терезії, и при Іосифѣ II австрійское правительство принимало нѣкоторыя мѣры, специально касавшіяся уніатской церкви. Среди нихъ я отмѣчу прежде всего открытие при Львовскомъ университете генеральной семинарии (1784), въ которой преподаваніе шло главнымъ образомъ на малорусскомъ языкѣ. Говоря о реформѣ университетовъ и специально о реформѣ Львовскаго университета (стр. 731), г. Митрофановъ совсѣмъ не упоминаетъ о томъ, что и тамъ былъ допущенъ, чт. преподаваніи тогъ же языкѣ, равно какъ умалчивается объ этомъ и въ томъ мѣстѣ, гдѣ упоминается о германизации Галиції (стр. 236). А дѣло заключалось въ томъ, что вплоть до 1806 г. въ Львовскомъ университете было не мало профессоровъ-руsinovъ, преподававшихъ на родномъ языкѣ²⁾). Интересно здѣсь отметить еще закрытие Іоси-

¹⁾ Отмѣчаю только слѣдующія работы: изъ львовской „Зарѣ“ за 1882 г. ст. Лепицкаго подъ заглавиемъ „Галичина въ первомъ году посѣ раздѣла Польши“.—Площанскій. Галиція въ началѣ владѣнія Австріи. 1885.—Головацкій. Матеріалы къ исторіи Галичини. 1886.—Петрушесичъ. Сводки галицко-русская лѣтопись. 1887, 89. Часть II (отъ 1772 до 1800).—Матеріалы въ уваги до исторіи австро-руssкого видродження (1772—1848). 1895 (Жито и Слово). Сотая годовиця вступленія Іосифа II на престолъ даха поводъ къ написанію вѣсколькихъ о немъ статей (Згарскаго, Барвінскаго, Андрійчука). Болѣе подробныя указанія для польской и русинской литературы см. въ „Bibliografij historyi polskiej“ проф. Л. Финкеля.

²⁾ О львовскомъ университете есть сносаильные сочиненія: G. Wolf. Geschichte der Lemberger Universität (въ „Kleinere Schriften“, 1882).—Finkel i Starsyjek: Historya uniwersytetu lwowskiego, 1894.

фомъ II (1782) знаменитаго Львовскаго братства, извѣстнаго даже по школьнымъ руководствамъ русской исторіи¹⁾.

III.

Теперь очередь за взглядами г. Митрофанова.

Я не стану передавать содержаніе его книги, слѣдя за наложениемъ предмета изъ главы въ главу, а тѣмъ болѣе, такъ сказать, изъ страницы въ страницу, а остановлюсь на нѣсколькихъ болѣе важныхъ пунктахъ, особенно заключающихъ въ себѣ наиболѣе важные его выводы. Первый такой пунктъ—взглядъ г. Митрофанова на самую суть просвѣщенія абсолютизма, представителя и дѣятеля которого мы видимъ въ главномъ персонажѣ его книги.

Г. Митрофановъ находитъ, что название „просвѣщенный абсолютизмъ“, „быть можетъ, не совсѣмъ точно характеризуетъ вновь наступившій порядокъ“, такъ какъ слову „просвѣщеніе“ отведено здѣсь слишкомъ много мѣста срѣднителю сть тѣмъ реальными значеніемъ, которое оно имѣло въ узко-государственной сфере (стр. 75). „Государи этой эпохи, говорить онъ, брали на практикѣ отъ философіи то, что совпадало съ реальными государственными потребностями, а имѣло въ этомъ, и гораздо больше, чѣмъ во вѣнчанемъ имъ подражанія, поконится политическое значеніе яснителей тогдашней культуры. Такія требования, какъ вѣротерпимость, отмѣна крѣпостнаго права, уравненіе всѣхъ передъ закономъ и передъ налогомъ, о чомъ неустанные твердили въ своихъ книгахъ просвѣтители, мало по малу сдѣливались избѣжной истиной и для государственныхъ дѣятелей. Конечно, прибавляетъ авторъ, требованія эти создала сама жизнь, но синтетизировали и теоретически обосновали ихъ писатели, а осуществляли ихъ на практикѣ представители абсолютной монархіи: гдѣ этомъ смыслѣ дескоти второй половины XVIII в. воистину были просвѣщеными“. Власть новыхъ идей при этомъ обладала такою силой, что, по вѣрному замѣчанію г. Митрофанова, „сіи подчинились и люди, прямо не сочувствовавшіе новому направлѣнію въ его совокупности“. „Не слѣдовать имъ (этимъ идеямъ), продолжаетъ онъ, было прямо невыгодно для правительства: къ порицанію философовъ оно относилось бы

¹⁾ Для унії, которую г. Митрофановъ вообще не удостоилъ своего вниманія, онъ могъ бы найти материалъ въ нѣмецкомъ труда Шелзинга, „Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom von den ältesten Zeiten bis auf Gegenwart“ (1878—1880).

съ полнымъ презрѣніемъ, но къ первысу сосѣдей, заведшихъ у себя новые цѣлесообразные порядки, оно не могло остатся равнодушнымъ". Представительницей "такихъ подневольно и даже безсознательно просвѣщенныхъ государей" г. Митрофановъ съ полнымъ основаниемъ считаетъ, напр., Марію-Терезию (стр. 76). "Императрица, говорить онъ, не меиѣ врага своего Фридриха исполненная сознаніемъ своихъ обязанностей, осуществляла идеи, представителями коихъ были неправистные ей люди" (стр. 77).

Придавая такимъ образомъ въ понятіи "просвѣщенаго абсолютизма" первостепенное значеніе сознанію реальныхъ интересовъ государства, а идеологии "просвѣщенія" лишь второстепенное значеніе, г. Митрофановъ характеризуетъ "совокупность принциповъ, руководившихъ политической дѣятельностью большинства государей во второй половинѣ XVIII в.", какъ проведение въ жизнь извѣстнаго девиза: "все для народа и ничего посредствомъ народа". Впрочемъ, онъ тутъ же оговаривается, что въ данномъ случаѣ слово "народъ" слѣдуетъ замѣнить словомъ "государство". "Конечною цѣлью дѣятельности правителей, говорить онъ, были слава, уврѣженіе, расширение и благосостояніе государства, какъ такового; подданные же были лишь членами государственного организма, цѣнность и смыслъ существованія которыхъ заключались въ томъ, чтобы напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ способствовать называемой цѣли". По сопорицію спрекедленому замѣчанію г. Митрофанова, подданные "въ глазахъ правительства не были моральными личностями, имѣвшими свои права, свои интересы, свои радости, свои горести—они были лишь живой силой, которая приводила въ движение государственную машину". Говоря другими словами, "личная жизнь должна была стушеваться передъ требованиями общаго блага, и ей оставалось иѣстя постольку, поскольку она не противорѣчила и не иѣшала этимъ требованиямъ" (стр. 73). Это былъ старый, еще римскій идеалъ всееноглащающей государственности, Молохъ которой, какъ выражается г. Митрофановъ, правители "приносили въ жертву и собственные силы наряду съ жизнью поданныхъ, сидѣли ли они на престолѣ по праву наслѣдства, завоеванія, выбора, delegacij отъ народа, по милости ли Божій, или по соціальному договору" (стр. 74). По отношенію къ указанной цѣли государи признавали за собою извѣстныя обязанности, но вмѣстѣ съ тѣмъ они "считали себя однѣстѣнными судьями народнаго блага и неограниченными распорядителями подвластныхъ имъ земель". Всѣ препятствія, какія только они встрѣчали на своемъ пути, они ломали, работая безъ устали надъ воз-

введеніемъ новаго зданія, „работали съ убѣжденіемъ, даже съ одушевлениемъ и страстью, но работали один со своими помощниками и чиновниками, смотря на народъ, на подданныхъ, какъ на объектъ своей дѣятельности, не допуская субъективныхъ проявленій его воли, его чувства и его мыній“. Для г. Митрофанова Иосифъ II именно и является типичнѣйшимъ представителемъ просвѣщенаго абсолютизма: „никто, говорить его историкъ, болѣе его не трудился для блага государства и на пользу подданныхъ, но никто, вмѣстѣ съ тѣмъ, не былъ деспотичнѣе и властнѣе его“ (стр. 77).

Таковъ общий взглядъ автора книги на Иосифа II, какъ на представителя просвѣщенаго абсолютизма. Мы уже видѣли въ первой главѣ статьи, что въ политикѣ просвѣщенаго абсолютизма необходимо различать двѣ стороны, одну изъ которыхъ онъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ развитіемъ абсолютной монархіи вообще въ ея борьбѣ съ средневѣковыми силами католицизма и феодализма и въ стремлениі подчинить государству всѣ общественные силы и всѣ проявленія народной жизни, тогда какъ другую сторону было влияніе новыхъ идей, которыхъ вырабатывались умственностью дѣятельностью общества и находили свое выраженіе въ просвѣтительной литературѣ. Въ дѣятельности Иосифа II, несомнѣнно, были обѣ эти стороны, и на частномъ примѣрѣ дѣятельности этого государя можно видѣть, какъ на ией отражалось соединеніе дѣйствію унаследованной отъ прошлыхъ временъ и диктуемой потребностями настоящаго жизненной практики, съ одной стороны, а съ другой, — отвлеченныхъ идей, разрабатывавшихся теоретиками общественнаго блага въ типахъ ихъ рабочихъ кабинетовъ.

Постоянно отмѣчая, что въ той или другой изъ своихъ реформъ Иосифъ II только дальше шелъ по пути, проложенному его предшественниками¹⁾, или указывалъ на тѣ практическія потребности текущаго времени, которыхъ удовлетворялись разными мѣропріятіями Иосифа II, г. Митрофановъ мѣстами касается и вопроса, насколько онъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ слѣдовалъ указаніямъ тогдашнихъ общественныхъ ученыхъ. Прежде всего, конечно, онъ рассматривалъ, насколько Иосифъ II вообще подчинился влиянію „Философіи“ XVIII вѣка. Отмѣтившисъ всѣ факты, имавшіеся его отношеній къ писателямъ того времени и къ ихъ книгамъ, авторъ указываетъ на то,

¹⁾ См. стр. 214 и слѣд., 222, 228, 231, 241, 245, 367, 382, 396, 464, 527—528, 621, 726, 730. Далеко не могу поручиться, что отмѣтилъ всѣ мѣста.

что сами эти писатели, „видя практическое осуществление многихъ своихъ идей, упорно, хотя и безнадежно, считали его за своего“ (стр. 82), но на дѣлѣ это, думать г. Митрофановъ, было не совсѣмъ такъ. „Нужна была, говорить онъ, вся серьезность и все проникновеніе Мирабо¹⁾, чтобы угадать истинныя чувства, которыя императоръ лично питалъ къ представителямъ просвѣтительной литературы“ (стр. 83). Отношеніе было въ сущности отрицательнымъ: Иосифъ, говорить г. Митрофановъ, терпѣть не могъ „людей, говорившихъ на современномъ и модномъ языкѣ человѣкобудія“; дѣла, какъ это доказывается всемъ его дѣятельностью, — прибавляется онъ, — должны были рѣшаться не по ихъ соображеніямъ, а по его собственнымъ, „зрѣло обдуманнымъ размышеніямъ“ (стр. 84). Авторъ особенно настаетъ на томъ, что у Иосифа II была масса чисто практическихъ знаній, приобрѣтавшихся имъ особенно во время часто предпринимавшихся путешествій по разнымъ землямъ монархіи. „Быть можетъ, говорить онъ, ни одинъ государь, даже великий Фридрихъ, не зналъ толъ хорошо всѣхъ мѣстныхъ условій своей страны, какъ неутомимый и неугомонный Иосифъ, и никто, быть можетъ, не имѣлъ за собою такой основательной практической школы“ (стр. 85). Г. Митрофановъ указываетъ еще и на то, что въ время соправительства Иосифа II въ царствованіе матери тоже немало содѣйствовало развитію въ немъ правительственной опыта. Только этою долгую подготовительную работою и объясняетъ онъ, „почему его реформа, во время единичнаго его правленія, могла начаться сразу, могла быть такой всесторонней и вестись по такому опредѣлѣнному плану“. Г. Митрофановъ говоритъ даже, что „школа матери, можетъ быть дала ему (Иосифу II) еще больше, чѣмъ юстринская канцелярія великому Фридриху“ (стр. 87).

Къ вопросу о теоретическихъ воззрѣніяхъ Иосифа II авторъ возвращается по разъ, къ своей книгѣ, когда къ этому представляется тотъ или другой поводъ. Онъ затрудняется опредѣлить, откуда почерпнулъ Иосифъ II тѣ или другія свои идеи, „по совершененному отсутствію какихъ-либо теоретическихъ сочиненій, вышедшихъ изъ-подъ его пера“ (стр. 259; ср. стр. 210), но это ему не мѣшаетъ все-таки и въ отдельныхъ случаяхъ опредѣлить, какими идейными вліяніями своей эпохи Иосифъ II подвергался. Напр., по вопросу о происходѣ-

1.) Въ данномъ мѣстѣ, однако, ссылки пѣтъ, вопреки обычаямъ автора, весьма похвальному, подкрѣплять всегда свои слова точными ссылками.

нії власти г. Митрофанову кажется наиболѣе вѣроятнымъ признать зависимость его взгляда отъ теоріи о договорномъ происхожденіи государства (стр. 260).

Въ другомъ, иѣть по поводу того, что и сторонники, и противники Іосифа II называли его проектъ финансовой реформы физіократическимъ, г. Митрофановъ ставить вопросъ о томъ, насколько императоръ былъ знакомъ съ сочиненіями физіократовъ, но затрудняется дать на этотъ вопросъ какой-либо отвѣтъ, „ибо въ этомъ отношеніи, говорить онъ, какъ и вообще въ вопросѣ объ источникахъ его мировоззрѣнія, приходится ограничиваться догадками и умозаключеніями“. Собственное мнѣніе автора заключается въ томъ, что „такія книги (сочиненія физіократовъ) попадались Іосифу II въ руки“, такъ какъ въ соответственныхъ документахъ физіократическая идея „выражена слишкомъ ясно и слишкомъ рѣзко, чтобы быть переданными лишь по слухамъ, изъ вторыхъ рукъ“ (стр. 385). Но и въ данномъ случаѣ г. Митрофановъ далеко не считаетъ Іосифа II фанатическимъ послѣдователемъ „экономистовъ“, какимъ его старались выставить враги реформы. Въ доказательство этой своей мысли авторъ имѣетъ возможность сослаться на собственное изложеніе Іосифомъ II своихъ возврѣній на финансовое управление, гдѣ онъ не безъ юмора разсказываетъ о томъ, какъ жизненная практика, въ эпоху соправительства, разрушила его предвзятые мысли въ этой области. „Я, писалъ, между прочими, Іосифъ II,—я сталъ атеистомъ въ сфере финансовыхъ вѣрованій. Я вижу нѣсколько вѣроисповѣданій и не вѣрю ни въ одно. Отъ того, кого я придерживалась мои предки, меня отвратили доказательствами неопровергнутыми, по крайней мѣрѣ, такимъ, на которыхъ мнѣ нечего возразить. Новая же религія, какъ я вижу, противорѣчитъ повседневной практикѣ, и самые ярые ея защитники начинаютъ колебаться. Но ограниченности моего разума, я не знаю, что сказать, когда господа финансисты приводятъ красивыя доказательства, но я не вѣрю тому, что говорятъ“ (стр. 386). Іосифъ II написалъ и далѣе еще десятка полтора строекъ въ томъ же тонѣ. „И, говорить по ихъ поводу г. Митрофановъ, какимъ былъ молодой императоръ въ 1765 г., когда были написаны эти слова, такимъ остался и восемнадцать лѣтъ спустя¹⁾: онъ не желалъ руководствоваться

¹⁾ Финансовый проектъ относится къ 1783 г. Въ другихъ мѣстахъ г. Митрофановъѣннѣше говорить о вліянії физіократіи на финансовую реформу Іосифа II (стр. 519 и особенію 550).

никакой теорией, а полагался на людей, которые своими глазами видели мѣстные условия. Мало того, онъ не прочь быть даже посмѣяться надъ физиократами и на основаніи практики доказать всю несостоятельность ихъ попыткой осчастливить человѣчество" (стр. 387). Общее отношение Иосифа II къ финансовымъ и экономическимъ вопросамъ г. Митрофановъ не разъ характеризуетъ, какъ своего рода электизмъ (стр. 385, 388 и др.), а мѣстами и прямо отмѣчаетъ чисто меркантилистический характеръ отдѣльныхъ мѣропріятій Иосифа II (стр. 294 и слѣд.). „Мирабо, замѣчаетъ по этому случаю авторъ, быть пожалуй правъ, но признавая императора своимъ человѣкомъ: не Кеня, а Колльберъ вдохновлять Иосифа при регламентаціи имъ промышленной жизни страны" (стр. 403).

И судебная реформа Иосифа II (въ частности его уголовное законодательство) даетъ его историку поводъ спросить, насколько императоръ былъ знакомъ съ программой Беккарии въ цѣломъ. Нѣкоторые соображенія приводятъ его къ той мысли, что „никакого увлечения въ родѣ того, которое проявила Екатерина II при составленіи своего „Паказа“, у Иосифа не было“, и въ подтвержденіе этого указывается на то, что въ уголовномъ кодексѣ и въ установленіяхъ обѣ уголовномъ судопроизводствѣ „многое, очень многое прямо противорѣчило указаніямъ и выводамъ Беккарии“ (стр. 483).

Рассмотримъ также, какую роль приписываетъ г. Митрофановъ идейному мотиву въ крестьянскомъ вопросѣ, занимающемъ столь важное мѣсто во всей правительственной дѣятельности Иосифа II.

„Рѣшающимъ моментомъ“ при выясненіи „причинъ, побудившихъ правительство уже издавна выступить съ цѣлымъ рядомъ законодательныхъ мѣръ на защиту крестьянства“, наигрь авторъ считаетъ то, что вслѣдствіе помѣщицкихъ поборовъ не оставалось ничего или оставалось очень мало не только самому крестьянину, но и государству (стр. 541). Далѣе, по мнѣнію автора, „при Маріи-Терезіи и Иосифѣ II иѣ прежнимъ соображеніямъ присоединяются два новыхъ момента: „одинъ чисто-политический—желаніе окончательно сломить сословное устройство, становившееся поперекъ дороги монархической реформы; другой—болѣе идейный, возникший подъ влияніемъ ученія обѣ естественномъ правѣ—стремленіе превратить каждого подданного въ сознательно относящагося къ своимъ обязанностямъ гражданина“. Кроме того, г. Митрофановъ указываетъ и на то, что „во всѣхъ провинціяхъ происходили волненія, переходившія часто въ открытый мятежъ“ (стр. 542). Нѣсколько дальше мы читаемъ у него и такое еще

мѣсто: „государственные потребности вынуждали его (Иосифа II) позаботиться объ улучшении крестьянского быта; „разумъ и любовь къ человѣчеству“ (die Vernunft und die Menschenliebe) подсказывали ему то же самое; централистическая и бюрократическая его тенденція толкали его на тѣть же путь; демократическая¹⁾ душа его радовалась при мысли объ уничтоженіи дворянства, а физіократическое учение²⁾, которымъ онъ проникся настолько, что на некоторыхъ его принципахъ основывала финансовую свою реформу, давали известную теоретическую подкладку его дѣятельности. Конечно, оговаривается, впрочемъ, г. Митрофановъ, и тутъ онъ не былъ философомъ на троихъ: „насущные нужды стояли выше всякихъ идеальныхъ соображений, и до полнаго уничтоженія старого соціального строя, до консеквентнаго отверженія всѣхъ компромиссовъ такъ и не дошло, даже и при немъ“ (стр. 549). Такимъ образомъ и здѣсь г. Митрофановъ настаиваетъ не столько на вѣдомомъ, сколько на чисто практическомъ происхожденіи правительственныйыхъ мѣропріятій Иосифа II. Рассмотрѣніе имъ еще одной сферы реформъ—церковной—приводить его къ такому же, въ сущности, взгляду.

Именно и въ церковной реформѣ Иосифъ II является у г. Митрофанова тоже „далекимъ отъ рационалистического скептицизма философомъ“: „самое большее, говорить авторъ, это—то, что иногда онъ принималъ ихъ фразеологію“ (стр. 611). Поставивъ вопросъ о томъ, подъ какими вліяніями была проведена эта реформа, и перечисливъ разныя мнѣнія на этотъ счетъ отдѣльныхъ ученыхъ, авторъ готовъ согласиться, что и „философы, и Феброній, и якобинцы во многомъ повѣляли на Иосифа II“ (стр. 613), но „искать въ нихъ объясненія и корень всей юзефинской реформы“ онъ не согласенъ (стр. 614), полагая, что все дѣло—въ практическомъ абсолютизмѣ Иосифа II, желавшаго наравнѣ со всѣмъ оставаться въ монархіи подчинить своей власти и церковь³⁾. Чисто дѣловой взглядъ г. Митрофановъ обнаруживаетъ и въ отношеніи Иосифа II къ вѣротерпимости (стр. 645).

Подведемъ общій итогъ подъ всѣми этими заключеніями г. Ми-

¹⁾ „Иосифъ, говоритъ авторъ на стр. 527, былъ демократомъ до конца ногтей и до нозга костей“.

²⁾ „При проведении своей реформы Иосифъ опирался на физіократическую тюрию“, стр. 559. На практикѣ роль си, по словамъ самого же автора (стр. 561), оказалась иллюзорной.

³⁾ Авторъ отвергаетъ и вліяніе премиера Екатерины II въ дѣлѣ секуляризаціи монастырскихъ земель (стр. 626).

трофанова и сдѣлаемъ имъ общую оценку. Этотъ итогъ можетъ быть выраженъ очень коротко: въ разныхъ сторонахъ своей внутренней политики Іосифъ II былъ прежде всего практическимъ дѣятелемъ, продолжавшимъ главнымъ образомъ линію поведенія своей матери или дѣйствовавшимъ подъ испоредственнымъ давленіемъ нуждъ своей монархіи, какъ только могъ понимать эти нужды абсолютный монархъ его эпохи, но при всемъ радикализмѣ, съ какимъ онъ дѣйствовалъ, онъ менѣе всего можетъ считаться ученикомъ философіи, изъ теорій которыхъ онъ бралъ лишь то, что такъ или иначе соотвѣтствовало его собственнымъ взглядамъ и намѣреніямъ. Это, думается мнѣ, не подлежитъ сомнѣнію послѣ того, какъ г. Митрофановъ въ разныхъ мѣстахъ книги на рядѣ частныхъ примѣровъ показалъ, что именно на дѣлѣ такъ и было. Я даже склоняюсь къ тому, чтобы назвать это однимъ изъ лучшихъ результатовъ его книги, какъ изслѣдованія, по-тому что въ другихъ пунктахъ его трудъ нерѣдко имѣть характеръ не изслѣдованія, а только иллюстраціи на частныхъ примѣрахъ тѣхъ или другихъ общихъ положеній, болѣе или менѣе уже установленныхъ въ науки.

На этомъ мы еще, однако, не покончимъ съ самою личностью Іосифа II. Вопреки не только въ происхожденіи его идей, но и въ личномъ его характерѣ, несомнѣнно, отразившемся на томъ, какъ эти идеи проводились въ жизнь, тѣмъ болѣе, что многие историки видѣли главную причину, стубившую благія намѣренія и начинанія императора, въ способѣ проведения реформъ, въ его, такъ сказать, поведеніи и, следовательно, въ его личномъ характерѣ. Тему эту я не считаю настолько важной, чтобы на ней останавливаться долго, но обойти ее совсѣмъ не приходится въ виду все-таки пѣкотораго интереса, представляемаго ею.

Въ личномъ характерѣ Іосифа II г. Митрофановъ отмѣчасть то, что „никого не любя и никѣмъ не любимый“ среди своей родни (стр. 92), онъ и вообще „кругомъ себя не терпѣль ни фаворитовъ, ни любимцевъ“, и что потому друзей у него, собственно говоря, не существовало: „его приближенными были лишь тѣ люди, которые, по его мнѣнию, могли принести пользу государству. Въ сущности, прибавляетъ онъ, Іосифъ былъ не менѣе одинокъ въ жизни, чѣмъ великий Фридрихъ; мысль о служеніи отвлеченнай идеѣ государства заглушила въ обоихъ всѣ личныя стремленія и желанія; дѣло—поть что ихъ захватывало и занимало. За то, прибавляетъ авторъ, въ этой области Іосифъ не зналъ ни границъ, ни мѣры своему рвению“ (стр. 99).

Равный въ обращеніи съ знатными и незнатными (стр. 95), онъ никогда не отличался мягкостью въ этомъ своемъ обращеніи съ людьми: „при несомнѣнномъ его остроуміи и юридическомъ складѣ его ума, говорить г. Митрофановъ, замѣчанія его были злы и щекотливы; самолюбія людей онъ не щадилъ ... и обижать людей иногда просто ни за что, съ удовольствіемъ, ради краснаго слова, ради удачнаго выражения; недаромъ Марія-Терезія упрекала его въ „коханіи умомъ“ (стр. 96—97). Упреки эти, однако, по замѣчанію нашего историка, въ ирокѣ не имѣли: „Іосифъ былъ и остался суровъ и жестокъ, требователь и строгъ, безъ всякихъ снисхожденій“ (стр. 97). Съ лѣтами, попадимому, эта черта усилилась, особенно въ виду раздраженія, которое въ императорѣ должно было вызываться сопротивленіемъ его реформамъ. „Утомленный, говорить г. Митрофановъ, — утомленный пассивной, глухой, но постоянной оппозиціей противъ его начинаній и благихъ стремлений, императоръ сталъ подозрительенъ, угрюмъ и раздражителенъ. Оғь самъ чувствовалъ, что характеръ его портится, но оправдывалъ свое поведеніе начальную необходимостью.... Подозрительность, читаемъ мы далѣе, естественно вела къ скрытности; о своихъ планахъ императоръ рѣдко кому проговаривался и приближеннымъ своимъ тоже запрещалъ доводить, что бы то ни было до всеобщаго свѣдѣнія“ (стр. 98).

Остановимся на этой общей характеристицѣ г. Митрофановыи Іосифа II и перейдемъ къ разсмотрѣнію, вмѣсть съ авторомъ, дѣятельности этого типичнаго, какъ его представляеть авторъ, прежде всего практика просвѣщеннаго абсолютизма.

IV.

Г. Митрофановъ въ одномъ мѣстѣ своей книги совершенно вѣрию говоритъ, что „внутреннее управление Іосифа II мало чѣмъ разницилось отъ того, что было у сосѣдей“, подчеркивая именно, какъ общее положеніе, свою мысль, что „благо государства было его цѣлью, деспотизмъ — его незамѣнныи пріемомъ“ (стр. 210).

Въ этихъ немногихъ словахъ о цѣли и главномъ пріемѣ правительственной дѣятельности Іосифа II заключается цѣлая съ характеристика, выведенная авторомъ изъ массы собранныхъ имъ фактовъ.

„Самодовѣюще, — такъ начинаетъ г. Митрофановъ главу о виѣшней политикѣ Іосифа II, — самодовѣюще, не знающее ни соперника,

ковъ, ни стѣсненій, ни моральныхъ препятствій и соображеній государство, его цѣлость и безопасность—вотъ цѣль стремленій и заботъ политическихъ дѣятелей XVIII в., и тѣмъ „просвещеніе“ были правительства, тѣмъ больше были труды и стремленія“. Прежде всего, это было стремленіе къ округленію владѣній, къ расширѣнію границъ. „О какой бы то ни были принципіальной подкладкѣ, читаемъ мы далѣе, въ родѣ той, которая была хотя бы у защитниковъ католицизма и протестантизма въ XVI и XVII в. или у борцовъ французской революціи, не могло быть и рѣчи“. Г. Митрофановъ съ полнымъ правомъ по этому поводу замѣчаетъ, что „политическимъ дѣятелямъ того времени было все равно, противъ кого или чего вести войну, за или противъ кого вступить въ союзъ“ (стр. 103). Іосифъ II не составлялъ исключенія: „увеличить свои владѣнія“—вотъ чего онъ хотѣлъ и къ чему стремился, „откуда же взять эти приобрѣтенія — ему было все равно, лишь бы ставка стояла игры, и лишь бы сама игра не была слишкомъ опасна. всякая политическая авантюра, прибавляетъ г. Митрофановъ, разъ она сулила выгоды безъ большого риска, были для Іосифа II желательнымъ предпріятіемъ, и онъ, действительно, не разъ пускался въ таковыя“. Авторъ приводить примѣры подобныхъ авантюръ, но, конечно, это были скорѣе случайныя попытки подобрать то, что плохо лежало или, по крайней мѣрѣ, казалось плохо лежащимъ: политика такого государства, какъ Австрія, не могла, разумѣется, заключаться лишь въ авантюрахъ. У Габсбурговъ, какъ и въ другихъ династіяхъ, существовала своя традиціонная политическая система, которую г. Митрофановъ, съдѣя въ данномъ случаѣ большинству историковъ, сводить къ тремъ главнымъ цѣлямъ — къ подчиненію себѣ Италии, къ достижению гегемоніи надъ Германіей и къ расширѣнію границъ на ближнемъ Востокѣ. „Политика Іосифа II, говорить онъ, какъ и политика его предковъ, да, пожалуй, и его преемниковъ, опредѣлялась, главнымъ образомъ, этими тремя моментами, если не считать тѣхъ случайныхъ отклоненій, къ которымъ его увлекала непосѣдливая его жадность. Но, оговаривается авторъ, вести одновременно аттаку и защиту на три фронта было дважды весьма трудноимъ, почти невозможнымъ, и это создавалъ и самъ Іосифъ, несмотря на всю свою энергію и на высокое свое mightio о могуществѣ и средствахъ своихъ земель“ (стр. 114—115).

Изъ этихъ трехъ направленій, по которымъ двигалась австрійская политика, Іосифъ II былъ дѣятельно занятъ только двумя—сѣвернымъ и восточнымъ, т. е. германскимъ и турецкимъ, почти не касался

третьяго, южнаго, т. е. итальянскаго ¹⁾). Собственно говоря, въ изображеніи германской и восточной политики Иосифа II г. Митрофановъ, какъ и самъ онъ объ этомъ заявляетъ въ предисловіи, не даетъ ничего нового по существу, хотя пользуется и архивными источниками. Общий выводъ, который авторъ дѣлаетъ изъ своего обзора вицѣшней политики Иосифа II, изложенъ имъ въ слѣдующихъ словахъ: „именно агрессивная на всѣ стороны политика Иосифа II довела было габсбургскую монархію до совершенного крушения; императоръ въ своей самонадѣянности не расчитывалъ ни своихъ силъ, ни силы сопротивленія своихъ враговъ; встревоженная и обеспокоенная Европа вездѣ приготовила его „революціонной политики“ жестокій отпоръ, и Австрия оставалась еще благодарить судьбу и новаго своего властителя ²⁾), что она вышла безъ урона и безъ ущерба изъ затруднительного положенія, въ которое поставилъ ее Иосифъ. Но для самого императора, замѣчаетъ г. Митрофановъ, неудачный исходъ его плановъ былъ великій бѣдой: умалился не только его престижъ за границей, но и наль, отчасти благодаря этому, и его авторитетъ внутри страны“ (стр. 182).

Дѣло въ томъ, что вицѣшня политика Иосифа II была крайне непопулярна въ обществѣ, и ея неудачи только усиливали эту непопулярность его предпріятій по отношенію къ другимъ государствамъ. Г. Митрофановъ сдѣлалъ очень хорошо, собравъ цѣлый рядъ данныхъ, указывающихъ на причины, степень и послѣдствія того, что вицѣшня политика императора не одобрялась его подданными (стр. 183 и слѣд.). „Осязательно неудачные результаты ея, говорить онъ, погубили вконецъ его популярность“ (стр. 185). „Неодобрение было настолько сильно, что стали желать успѣха турецкому оружію“, доносилъ въ 1783 г. Бартелемі въ Парижъ (стр. 187). И „подданные, прибавляеть г. Митрофановъ, имѣли, въ самомъ дѣлѣ, основанія быть недовольными“, такъ какъ, помимо всего прочаго, эта политика „тяжелыми бременемъ ложилась на все населеніе и требовала громадныхъ жертвъ людьми и деньгами“ (стр. 191), въ доказательство чего въ книгѣ тоже собрано большое количество весьма краснорѣчивыхъ фактовъ. „Очень естественно, читаемъ мы далѣе, что при такихъ условіяхъ народъ, слышавший только о пораженіяхъ, не сочувствовалъ войнѣ ³⁾),

¹⁾ Послѣднему въ книгѣ посвящено лишь дѣлъ съ половиною страницы (214—116).

²⁾ Леопольда II.

³⁾ Съ Турцией.

враждебно относившись къ союзникамъ⁴⁾), обремененный новыми по-датами, обѣднѣвши, стѣсненный и голодавши, всею душою желалъ мира во что бы то ни стало. Тѣмъ сильнѣе, продолжаетъ г. Митрофановъ, была злоба противъ виновника всѣхъ бѣдъ—противъ самого императора, который самъ всѣмъ распоряжался и потому однѣ несъ на себѣ всю стѣтственность. Турецкая война унесла съ собою послѣдній остатокъ популярности, которую когда-то въ такой мѣрѣ пользовался Іосифъ⁵⁾ (стр. 197—198).

Въ виду основной темы всего труда г. Митрофanova эти указания на неудачу и испопулярность выгнанной политики Іосифа II имѣютъ особую важность, такъ какъ, по его совершенно основательному заключенію, эта неудача „имѣла громадное вліяніе на ходъ всей юзе-финской реформы“. „Несомнѣнно, поясняетъ онъ свою мысль,— несомнѣнно, что боязнь передъ агитацией иностраннныхъ державъ, передъ вмѣшательствомъ ихъ во внутренній дѣла габсбургской монархіи, передъ вторженіемъ иноземцевъ, которое отвлекло бы всѣ силы правительства, сильно и постоянно смущала Іосифа въ его реформаторской дѣятельности“ (стр. 198). Это свое мнѣніе г. Митрофановъ основываетъ не на общихъ соображеніяхъ, а на положительныхъ фактахъ, показывая, напримѣръ, какъ тогдашняя прусская политика всячески стремилась создавать Іосифу II внутреннія затрудненія и въ Венгрии, и въ Галиції, и въ другихъ мѣстахъ, или какъ мышала ему въ Бельгіи революціонная Франція. Къ сожалѣнію, и здесь г. Митрофanova совершенно игнорируетъ Россію, ни единымъ словомъ не упоминая о томъ, какъ же дѣйствовала та самая Россія, къ которой съ такимъ недовѣрьемъ относилась въ Австріи, интриговала ли она противъ своей союзницы или, наоборотъ, поддерживала, насколько могла, Іосифа II.

Конецъ главы о выгнанной политикѣ Іосифа II г. Митрофановъ посвящаетъ общимъ итогамъ подъ приведенными имъ фактами и своими высказанными по ихъ поводу мнѣніями. Агрессивность этой политики восстановила противъ Іосифа II всѣ иностраннныя державы, не исключая союзниковъ, а ея дѣйствіе ослаблялось ея многосторонностью. „Ея антинаціональная тенденція, продолжаетъ авторъ, оскорбляла народъ; неудачный исходъ предпрѣятій рождалъ престижъ власти и всѣмъ внушалъ недовѣріе къ силамъ страны; военные тяготы озабочили населеніе, отказывавшее своему государю въ поддержкѣ, а иностраннная агитация уничтожала всякое патріотическое чувство. Но,

⁴⁾ Въ частности къ Россіи, о чёмъ см. стр. 187 и слѣд.

думаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ г. Митрофановъ, никогда бы Іосифъ не оказался въ такомъ затруднительномъ положеніи въ концѣ своего царствованія, если бы вся его внутренняя дѣятельность не отвратила отъ него его подданныхъ". По мнѣнію автора, "политическіе замыслы нелюбимаго государя, какъ бы цѣлесообразны и удачны они ни были, вызывали всегда осужденіе именно и только потому, что сама особа императора и его система были нелавистны" (стр. 206—207). Кромѣ тяжелой и разорительной войны, была еще и "внутренняя смута, колебавши всѣ устои государства", смута, которая, какъ выражается г. Митрофановъ, "жila во всѣхъ умахъ, во многихъ мѣстахъ проявлялась на дѣлѣ и была результатомъ коренной внутренней реформы, предпринятой Іосифомъ и поставившей габсбургскую монархію на краю гибели" (стр. 208).

Г. Митрофановъ различаетъ между причинами, вызвавшими оппозицію противъ реформъ Іосифа II, и причинами той неудачи (стр. 769), "хотя бы и частичной", какъ онъ считаетъ нужнымъ оговориться (стр. 770), которая постигла преобразовательную дѣятельность Іосифа II. "Всякое нововведеніе, разсуждаетъ онъ, хотя бы и самое нужное, полезное и необходимое, всегда наталкивается на чью-нибудь оппозицію, ибо злоупотребленія и беспорядокъ только потому и могутъ возникнуть и существовать, что они кому-нибудь выгодны". Это, конечно, въ порядкѣ вещей, и весь вопросъ въ томъ, почему силы оппозиціи были настолько значительны, что побѣда оказалась въ концѣ концовъ на ихъ сторонѣ. Степень недовольства и даже число недовольныхъ здѣсь не играютъ опредѣляющей роли, которая принадлежитъ главнымъ образомъ моральнымъ и материальнымъ силамъ, какими располагаютъ обѣ стороны. Къ сожалѣнію, авторъ не далъ намъ въ своей книгѣ изображенія самого общества въ разныхъ частяхъ габсбургской монархіи, его сословія-наго или классового состава со всѣми особенностями въ интересахъ и традиціяхъ отдельныхъ его группъ. Конечно, по поводу отдельныхъ категорій реформъ Іосифа II г. Митрофановъ говоритъ, какъ что было и тамъ и здѣсь въ обширной монархіи этого государя, но всѣ отмѣченныя имъ черты тогдашняго соціального строя слишкомъ разбросаны по разнымъ мѣстамъ: книга, слишкомъ притомъ мало сами по себѣ обращаются на себя вниманіе автора, чтобы у читателя сразу могла образоваться въ умѣ общая картина господствовавшихъ въ странѣ порядковъ. Г. Митрофановъ могъ бы, на мой взглядъ, пожалуй, и не писать отдельной главы о политической и соціальной постройкѣ монархіи Іосифа II, хотя именно это, по моему мнѣнію, досад-

ный проблемъ, но все-таки, по крайней мѣрѣ, онъ не долженъ быть бы такъ скучиться мѣстомъ при подведеніи общихъ итоговъ, какъ онъ это дѣлаетъ въ своемъ „заключеніи“ къ книгѣ. Выставляя толькъ тезисъ, что Іосифъ II своими реформами вызвалъ смуту въ государствѣ, и что победа (хотя бы и частичная) была результатомъ большаго количества и моральныхъ, и материальныхъ силъ у оппозиціи, а не у правительства, г. Митрофановъ долженъ быть бы обосновать его болѣе обстоятельно и подробно, чѣмъ онъ это дѣлаетъ на двухъ-трехъ страницахъ (770—771) заключенія.

А мысль г. Митрофanova заключается какъ-разъ въ томъ, что перевѣсь моральныхъ и материальныхъ силъ быть не на сторонѣ Іосифа II, и что тѣмъ самимъ его реформа, при всей ея благожелательности, была обречена на погибель. „Моральное преимущество, говорить г. Митрофановъ, имѣли, несомнѣнно, передъ нимъ его противники. Они были сильны оскорблѣннымъ национальнымъ чувствомъ, сознаніемъ попраннаго и поруганнаго своего права на привилегіи, освященныя не только вѣками и кровью предковъ, но и положительнымъ законодательствомъ, религіознымъ своимъ міровоззрѣніемъ, которое въ теченіе вѣковъ обращалось въ святая святыхъ, стремлѣніемъ своимъ къ свободѣ, бытъ можетъ, исключительно и своеобразно понятой, но искреннѣй и неукротимѣй. Подъ сѣнью такихъ знамень оппозиція, смѣло и не опасаясь пичныхъ укоровъ, могла выступить на защиту жизненныхъ своихъ интересовъ, которыемъ грозило великое умышленіе, сражаясь *pro patria et libertate*, она билась и за свое имущественное благосостояніе, и за свое положеніе въ обществѣ, и за политическое свое преобладаніе“ (стр. 770). Г. Митрофановъ указываетъ при этомъ, что въ оппозиціи принимали участіе не одни только привилегированіе съ ихъ консервативнымъ направленіемъ, но и „ученики философіи“, прогрессивная партія стояла стремлѣніемъ къ свободѣ. У оппозиціонныхъ элементовъ при всей разнородности ихъ идеаловъ и стремлений „идеальные и материальные интересы тѣсно переплетались между собою, нерѣдко даже совпадали, придавал оппозиціи смѣлости ни на шагъ не уступать правительству. Оппозиція эта,—подчеркиваетъ г. Митрофановъ свою мысль,—была именно тѣмъ опасна, что она временно объединила людей самыхъ противоположныхъ лагерей“. И вотъ этой моральной силѣ оппозиціи, по словамъ автора, Іосифу II нечего было противопоставить. Полная его убѣжденность въ своей правотѣ какъ-разъ для оппозиціи не имѣла рѣшительно никакого значенія, и въ возвращеніяхъ императора она видѣла только „индивидуальное про-

явлениѣ его мысли и воли, противное не только общему благу, но и всѣмъ божескимъ и человѣческимъ законамъ". Столь же мало силы имѣло для оппозиціи и высокое пониманіе Іосифомъ II абсолютной своей власти, противъ которой была „традиція, стоявшая за сослов-
нымъ самоуправленіемъ", такъ что „чины рѣшительно отрицали теорію демократического самодержавія". Наконецъ, какъ мы уже видѣли, „не окружалъ императора и ореоль виѣшаго успѣха, играющаго всегда столь важную роль въ минуты государственного кризиса: его войска были разбиты—въ глазахъ общества по его же винѣ; врагъ вторгся въ границы государства, а дипломатическая комбинація окончи-
лась совершенной неудачей" (стр. 771).

Такъ объясняетъ г. Митрофановъ одну сторону дѣла—моральную, хотя, въ сущности, здѣсь рѣчь идетъ, конечно, не о моральныхъ силахъ обѣихъ сторонъ, а о чувствѣ своей правоты у каждой изъ нихъ, которое само можетъ быть внутренне очень сильно, но не обладать достаточными виѣшими средствами для того, чтобы въ жизнен-
ной борьбѣ одержать верхъ надъ противникомъ. Въ смыслѣ убѣжден-
ности въ своей правотѣ и рѣшимости отстаивать свои идеи однажды
были сильны духомъ (или приблизительно однажды) и самъ Іосифъ II, и его противники, и ни та, ни другая сторона не получила морального перевѣса. Тѣмъ по менѣе мысль г. Митрофанова понятна: идеи Іосифа II не могли имѣть въ обществѣ престижа, ибо оно стояло на совершенномъ иной, нежели онъ, точкѣ зрѣйла, а неудачный исходъ его виѣшнихъ продпріятій ослаблялъ его престижъ и какъ носителя верховной власти.

Далѣе, г. Митрофановъ находитъ, что и материальные силы у оп-
позиціи вовсе не были такъ малы, какъ это могло бы показаться съ первого взгляда при сравненіи ихъ съ силами Іосифа II, располагавшаго „стройной бюрократической іерархіей, организованными финан-
сами, а главное—дисциплинированнымъ войскомъ". Дѣло въ томъ, что и оппозиція „имѣла свою организацію и довольно крѣпкую, благодаря со-
словнымъ штатамъ, комитатскимъ сеймикамъ и провинціальнымъ собра-
ніямъ, духовная же іерархія ничѣмъ не уступала свѣтской. И деньги, говорить г. Митрофановъ, были у нея подъ рукою, такъ какъ ландтаги и сейміки взимали налоги, а аббаты охотно приносили золотую свою ленту на алтарь поруганной церкви; могли отыскаться и отыскивались въ самомъ дѣлѣ и вооруженные банды" (стр. 771—772). Къ этому авторъ прибавляетъ и солидарное выступленіе отдѣльныхъ классовъ. „Дѣйствовала, говорить онъ, оппозиція очень дружно: духовенство поддерживало дворянство, дворянство—3-е сословіе, 3-е сословіе шло

подъ руководствомъ двухъ первыхъ". Наконецъ, онъ придаетъ во всемъ этомъ немалое значеніе и тому, что „со стороны Пруссіи сулила и регулярные полки, и ввозъ оружія, и вѣнчайшій заемъ: эти обѣщанія открыли оппозицію и придавали ей бодрости". Съ другой стороны,—и это г. Митрофановъ считаетъ самымъ главнымъ,—и силы Іосифа II не были, по его мнѣнію, такъ велики, какъ можно было ожидать. Самое важное, это—то, что „внутри страны ему трудно было расчитывать на чью бы то ни было поддержку". Г. Митрофановъ перебираетъ крестьянство, интеллигентію, чиновничество, армію, и все это оказывается такимъ, что не могло составить для императора настоящую опору. „Крестьяне, говорить онъ, большую частью невѣжественные и мало развитые, либо относились индифферентно къ какимъ бы то ни было политическимъ вопросамъ, либо, нафанатизированные духовенствомъ, или противъ государя, либо если и сочувствовали своему Богу, оставались неподвижны въ своей беспомощности организоваться въ политическихъ вопросахъ". Интеллигентные классы были всеѣ противъ Іосифа II. „Чиновничество оказалось далеко не на высотѣ своей задачи: непопулярное, несогласное между собою, забитое суро-вымъ императоромъ, недовольное плохимъ своимъ положеніемъ, оно не смогло и не сумѣло служить дѣлу реформы, если только не шло прямо противъ нея, заступалось за братию свою—привилегированныхъ". Сама армія, главная опора правительства, поклонившись ему въ рѣшительную минуту на границахъ государства, оказалась въ недостаточной, и деморализованной, тѣмъ болѣе, что „национальные войска, какъ выражается г. Митрофановъ, склонялись на сторону отечествен-ной крамолы" (стр. 772).

Конечно, не вездѣ было одно и то же, потому что условия, въ какихъ находились различные земли монархіи, не были одинаковы. Въ упрекъ г. Митрофанову можно поставить то, что онъ, говоря въ отдельныхъ особо о каждой землѣ, какъ встрѣчалась въ ней реформа Іосифа II, нигдѣ не даль общаго и притомъ, такъ сказать, сравнительного очерка тѣхъ различій, какія существовали между отдельными провинціями монархіи. Этой темы онъ лишь слегка касается въ заключительной главѣ, только на полутора послѣднихъ страницахъ, чего, конечно, очень мало для такого важнаго предмета. „Какое, говорить онъ, рѣшающее значеніе имѣть моментъ равпо-вѣсія¹⁾ силь въ исторіи юзефинской оппозиціи, известность большо-

¹⁾ Вероятно, авторъ хотѣлъ сказать: „соотношенія".

всего изъ той судьбы, которая постигла реформу императора въ различныхъ частяхъ его монархіи". Именно въ нѣмецкихъ провинціяхъ успѣхи оппозиціи были лишь частичными и временными, благодаря чему реформа здѣсь въ основныхъ чертахъ своихъ и сохранилась, таинъ что „послѣ бурного 1790 г. все впало въ прежнюю апатію, вошло въ прежнюю колесо". Это явленіе г. Митрофановъ объясняетъ тѣмъ, что въ указанныхъ провинціяхъ „путь Іосифу былъ приготовленъ его предшественниками, раздавившими провинціальный сепаратизмъ и общественную самодѣятельность". Въ немногихъ строкахъ, въ которыхъ даются далѣе кое-какія обѣ этомъ подробности, авторъ даже прямо утверждаетъ противоположное тому, что говорилъ нѣсколько выше о настроении оппозиционныхъ элементовъ общества: здѣсь „абсолютизмъ успѣлъ пустить глубокіе корни и сдѣлаться традиціонной, всѣми признанной иуважаемой формой правленія"; здѣсь „сословные чины давно потеряли свое значеніе"; здѣсь „духовенство было лояльно и покорно, а нѣмецкія войска твердо держались присяги" (стр. 773—774). Если мы сопоставимъ эти заявленія г. Митрофанова съ общей характеристикой, о которой уже шла рѣчь, то придется сказать, что она оказывается далеко не имѣющею права на значеніе именно общей характеристики: явленія, наблюдавшееся въ нѣмецкихъ земляхъ монархіи, далеко не подтверждаютъ этой характеристики. Не будемъ при этомъ забывать, что г. Митрофановъ подъ нѣмецкими землями разумѣеть вѣсъ тѣ, которые входили въ составъ Священной Римской имперіи германской націи, значить и славянскую Богемію съ Моравіей и австрійскою частью Силезіи¹). Самъ авторъ указываетъ на то, что совершенно такъ же дѣло обстояло и въ Ломбардіи, а съ своей стороны мы могли бы прибавить еще и Галицію, такъ что для подтвержденія общаго разсужденія г. Митрофанова о моральныхъ и материальныхъ силахъ оппозиціи остаются развѣ только Венгрия и австрійскіе Нидерланды,—Венгрия, гдѣ „владычество Габсбурговъ не насчитывало по

¹) „Нѣмецкія" земли перечислены у автора на стр. 237, гдѣ онъ говоритъ, что онѣ-то и составляли „основу, мощь, опору власти". Тѣмъ болѣе поэтому авторъ долженъ былъ бы считаться именно съ ними при составленіи общей характеристики, которая здѣсь нами разсматривается. Кстати еще: самъ г. Митрофановъ находитъ пользованіе этихъ земель нѣмецкими неправильными, что вполнѣ ясно изъ виду, напримеръ, славянской Чехіи, но этой неправильности по было бы, если бы онъ ихъ норусски назвалъ не нѣмецкими, а германскими въ смыслѣ принадлежности ихъ тогданий Германіи, въ составъ которой не входили габсбургскія же Венгрия, Галиція, Ломбардія и Бельгія.

настоящему и ста лѣтъ", а "абсолютизмъ былъ сломленъ уже съ 1222 г.", и Бельгія, гдѣ неравенство силъ оказалось еще большимъ, нежели въ земляхъ короны св. Стефана. Если мы сравнимъ съ общей характеристикой, приведенной выше, то, что авторъ въ частности говоритъ о Венгрии и Бельгіи, то увидимъ, что именно эти двѣ страны онъ и имѣлъ въ виду, набрасывая общую характеристику оппозиціи реформамъ императора.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть читатель только возводитъ въ своей памяти то, что г. Митрофановъ говорить на страницахъ 770—772 своей книги, съ тѣмъ, что сказано имъ на страницѣ 773, и сдѣлается яснымъ, что только Венгрия и Бельгія подходятъ подъ эту характеристику. Въ Венгрии, говорить онъ, "сеймъ и сеймики обладали законодательною властью; нація, закаленная вѣковой борьбой противъ османовъ, отличалась воинственностью и была полна чувствомъ собственного достоинства". Даѣе, "венгры неизбѣлемо вѣрили въ правоту своего дѣла; они высказали коронѣ свое порицаніе въ протестахъ, а когда послѣдніе не помогли, они явно выказали намѣреніе взяться за оружіе. Шляхетская конница, читаемъ мы еще далѣе, могла имѣть боевое значеніе; мѣстные войска выказывали склонность перейти на сторону своихъ земляковъ; чиновничество въ массѣ нелицемѣрно сочувствовало оппозиції". Все это о Венгрии, а вотъ что сказано затѣмъ о Бельгіи. "Въ Нидерландахъ еще большее неравенство силъ привело къ еще большему успѣху оппозиціонныхъ элементовъ. Императоръ своей реформой затронулъ всѣ интересы и оскорбилъ лучшія чувства націи. Чувства эти и идеи были драгоценными наслѣдіемъ народа, народа мужественнаго, гордаго и фанатичнаго, беззавѣтно преданного своей родинѣ и свой вѣрѣ, защиту которыхъ онъ считалъ своимъ долгомъ. У бельгійцевъ нашлись и средства постоять за себя. Денегъ дали богатые города¹⁾ и монастыри; волонтеры съумѣли дать войскамъ отпоръ на баррикадахъ; агитаторамъ удалось сманить армію; провинциальные штаты справились съ задачей организации временнаго правительства. Императоръ же лишь съ большимъ трудомъ могъ послать подкрепленія въ череполосную провинцію; валлонскіе полки перешли на сторону новобранцевъ; чиновники разбрѣжались или вышли въ отставку. Ясное дѣло, заключаетъ авторъ,—борьба была неравна, и слабѣйший уступилъ сильнѣйшему" (стр. 774).

¹⁾ Въ немецкихъ провинціяхъ "города были бѣдны и немногочисленны".

Если бы г. Митрофановъ, кроме расположения своего фактическаго материала по рубрикамъ отдельныхъ реформъ, воспользовался имъ и для проведения параллелей между отдельными частями монархій, онъ далъ бы въ своей книгѣ вообще болѣе ясное представление о ходѣ дѣла реформы и вмѣстѣ съ тѣмъ еще лучше обосновать бы и подкрепить свой основной тезисъ относительно того, что объясненія неудачи реформы Іосифа II вужно искать не въ ея собственныхъ особенностяхъ, но и въ тѣхъ условіяхъ среды, при которыхъ реформа должна была осуществиться. Въ послѣднемъ отношеніи особенно было бы поучительно сравнить исторію юзефинской реформы въ Бельгіи и въ Ломбардіи. Г. Митрофановъ считаетъ, какъ мы знаемъ, ломбардскую реформу „точнымъ скоплениемъ съ реформы нидерландской“¹⁾, и это значитъ, что въ обѣихъ странахъ и принципы реформы, и ея техническія подробности были одни и тѣ же, но если самая большая неудача постигла начинанія Іосифа II въ Бельгіи, то, наоборотъ, въ Ломбардіи дѣло, по словамъ самого же автора, обстояло совершиенно такъ же, какъ и въ нѣмецкихъ земляхъ. Даже Подевильсь, прусскій посланникъ въ Вѣнѣ, по словамъ автора, признался, что со стороны Ломбардіи императору не грозитъ никакой опасности (стр. 774). Если бы г. Митрофановъ систематически занялся сравнительной характеристикою внутреннихъ отношеній въ отдельныхъ частяхъ монархій, онъ могъ бы расположить всѣ эти „государства австрійскаго дома“ въ извѣстномъ порядке, руководясь принципомъ возвращающей оппозиціонности и убывающей успѣшности реформъ. Въ этомъ предполагаемомъ ряду, конечно, на одномъ концѣ стояла бы Бельгія, а за нею Венгрия, на другомъ—одна изъ нѣмецкихъ земель,—не берусь сейчасъ сказать какая,—гдѣ реформа встрѣтила наименѣшую оппозицію и вмѣстѣ съ тѣмъ дала наиболѣе прочные результаты. Для автора не составило бы большого затрудненія произвести такую работу, такъ какъ въ каждой главѣ, посвященной исторіи той или другой категоріи преобразованій, собрать и необходимый материалъ, на основаніи котораго можно было бы произвести такую работу²⁾). Не

¹⁾ Что дѣло было именно таѣ, обѣ этомъ см. стр. 254.

²⁾ См. о положеніи сословныхъ сеймовъ въ разныхъ частяхъ монархій Габсбурговъ на стр. 214—216 и 219—221, о разномъ значеніи для династій отдельныхъ земель, составлявшихъ эту монархію, на стр. 226—228, о разномъ отношеніи къ нарушеніямъ личной и общественной свободы на стр. 291, обѣ особомъ отношеніи Тироля къ системѣ консуліцій на стр. 340 и слѣд., о неодинаковыхъ условіяхъ экономического быта на стр. 407 и слѣд., о судебномъ устройствѣ отдельныхъ зе-

забудемъ,—и этого никоимъ образомъ нельзя упускать изъ внимания,—что между отдельными землями, находившимися подъ властью Іосифа II, существовала иногда самая большая, какую только можно себѣ представить, разница въ отношеніи высоты экономического и культурного развитія, не говоря уже о разницахъ, существовавшей въ национальныхъ традиціяхъ и въ политическомъ строѣ. Достаточно указать хотя бы на то, что наличность крѣпостническихъ отношеній въ однихъ областяхъ (притомъ тоже далеко неоднаковыхъ тамъ и здесь) и отсутствіе ихъ въ другихъ провинціяхъ были причиною того, что при всей общей однородности политики Іосифа II по отношенію ко всей монархіи она неизбѣжно сама должна была разнообразиться въ частныхъ своихъ проявленіяхъ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Разработка основной темы въ трудѣ г. Митрофанова, повторяю, много выиграла бы, если бы онъ не ограничился лишь разбросаннымъ по разнымъ мѣстамъ книги сообщеніемъ фактовъ, касающихся тѣхъ различій, какія существовали между отдельными провинціями въ отношеніяхъ экономическомъ, культурномъ, соціальномъ, политическомъ, а занялся бы этимъ предметомъ систематически и вплотную.

Остановимся еще на одномъ пунктиѣ, относящемся ко внутренней политикѣ Іосифа II и имѣющемъ немаловажное значеніе въ его дѣятельности. Дѣло касается, именно, національныхъ отношеній въ монархіи такого постраго этнографического состава, какъ Австрія, въ которой, съ своей стороны, Іосифъ II все, повидимому, хотѣлъ привести къ одному знаменателю. Рассматривая централизаторскую политику этого государя (стр. 229 и слѣд.), г. Митрофановъ указываетъ на то, что лучшее средство для этого императора видѣть „въ германизаціи иноязычныхъ и иночлененныхъ частей государства“ (стр. 231), кроме Ломбардіи и Бельгіи съ ихъ старой латинской культурой. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ высказывается та мысль, что, издавая свои указы о нѣмецкомъ языке, „Іосифъ II не былъ германизаторомъ въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова“, т. е. „преслѣдовать не расовый, націоналистический, а чисто политический цѣли“. По мнѣнію автора, этимъ средствомъ „онъ ду-

мель на стр. 455 и слѣд., о большей дворянской сиѣси въ Венгріи сравнительно съ другими областями на стр. 516, о положеніи дворянства на стр. 525—527, о положеніи сельского населенія на стр. 532 и слѣд., о положеніи городовъ стр. 565 и слѣд., объ отношеніи горожанъ къ другимъ сословіямъ стр. 598 и слѣд., о различномъ отношеніи клира въ отдельныхъ земляхъ къ церковной реформѣ Іосифа II на стр. 676 и слѣд.

малъ положить конецъ сепаративнымъ стремлениямъ, упростить администрацію и судъ, улучшить благосостояніе подданныхъ". Г. Митрофановъ прямо прибавляется, что „уничтожать национальную культуру отдельныхъ народовъ, бывшихъ подъ его скандромъ, онъ и не хотѣлъ" (стр. 237). Въ доказательство этой мысли приводятся и достаточно убѣдительные факты. Въ некоторыхъ случаяхъ Іосифъ II являлся даже „заступникомъ и защитникомъ угнетенныхъ народностей", говорить г. Митрофановъ (стр. 239), имѣя въ виду тѣ именно случаи, когда эти народности состояли изъ крестьянъ подъ властью иностранныхъ и иновѣрныхъ помѣщиковъ. Мы боимся только, не смѣшиваетъ ли здесь авторъ разныя понятія: Іосифъ II могъ заступаться за народъ, вовсе не имѣя въ виду сохраненія имъ его национальности. Какъ бы тамъ ни было, однако, всеуравнивающая политика Іосифа II вызвала противъ себя сильную националистическую оппозицію, о которой г. Митрофановъ сообщаетъ въ своей книжѣ не мало интересныхъ фактовъ (стр. 283 и слѣд.). Еще лучше, но можетъ быть, именно вслѣдствіе этого съ какими-либо дополненіями и оговорками, вопросъ былъ бы освѣщенъ, если бы г. Митрофановъ поинтересовался узнать, какъ къ этому предмету относятся, напримѣръ, чешскіе, польскіе и русинскіе писатели¹⁾.

V.

Книга г. Митрофanova озаглавлена „Политическая дѣятельность Іосифа II, ея сторонники и ея враги". Читатель уже знаетъ, какое значеніе придается нами тому обстоятельству, что авторъ ставить вопросъ о сторонникахъ и врагахъ реформъ Іосифа II. Если теперь мы посмотримъ, какъ исполнить авторъ эту часть своей задачи, то результатъ получится слѣдующій. Въ соответствии съ тѣмъ, что самъ онъ говоритъ въ предисловіи о своемъ трудаѣ, все, относящееся къ той оппозиціи, какую встрѣтили въ разныхъ слояхъ общества реформы Іосифа II, и разработано г. Митрофановымъ гораздо полнѣе, чѣмъ это сдѣлано по отношенію къ сторонникамъ, и я даже позволю себѣ сказать, что разработка послѣдняго предмета, пожалуй, наи-

¹⁾ И слыть раньше (въ „Исторіи Западной Европы", т. III) смотрѣлъ на этотъ вопросъ совершенно такъ же, какъ смотрѣтъ г. Митрофановъ, но топоръ у меня на этотъ счетъ есть кое-какія соображенія. Кстати, говоря о поправкахъ Іосифа II национальныхъ чувствъ венгерцевъ, болгарицъ и поляковъ (стр. 767), авторъ не упоминаетъ ни о чехахъ, ни о русинахъ, объ отношеніяхъ къ нимъ Іосифа II.

меньше удовлетворительная сторона всего труда. „Императоръ, говорить г. Митрофановъ, не стоялъ одиноко со своими возвѣніями: у него, несомнѣнно, были многочисленные и дѣятельные сторонники“ (стр. 259). Въ отдѣльныхъ, даѣте, мѣстахъ мы встрѣчаемся съ разными указаніями автора на то, кого же опѣ разумѣть подъ этимъ названіемъ. Такъ, на стр. 261 упоминаются безъ дальнѣйшихъ объясненій „белгійскіе роялисты“ и „люксембургская партія въ Австрии и въ Венгрии“, какъ и въ другихъ мѣстахъ мы встрѣчаемся съ подобными столь же общими обозначеніями.

Все это кажется намъ недостаточно опредѣленнымъ. Г. Митрофановъ какъ будто склоняется здѣсь на болѣе точныя опредѣленія, на болѣе детальная характеристики, которыхъ помогли бы читателю уяснить себѣ, кто и какихъ категорій были сторонники императора, какими мотивами руководились они въ своей дѣятельности, въ какихъ личныхъ отношеніяхъ стояли къ Іосифу II, чѣмъ были до начала его царствованія въ Австрии и что представляли собою въ эпоху реакціи противъ предпринятыхъ этимъ государемъ преобразованій. Тѣ мѣста отдѣльныхъ главъ, гдѣ рѣчь идетъ о сторонникахъ, написаны такъ, что производить впечатлѣніе, будто авторъ совсѣмъ не интересовался подобными вопросами или, по крайней мѣрѣ, не считалъ ихъ достаточно важными, чтобы занять внимание читателя. Но это совершенно напрасно. Если уже ставить въ самомъ заглавіи книги слово „сторонники“, то и въ ея текстѣ нужно было бы отвести болѣе мѣста опредѣленію и характеристику этихъ сторонниковъ, въ частности характеристику отдѣльныхъ дѣятелей, бывшихъ непосредственными помощниками Іосифа II. Съ этой стороны въ трудѣ г. Митрофanova замѣчается даже значительная неравнomoѣрность, и иногда думаешь, почему бы ему было не отнести къ отдѣльнымъ дѣятелямъ эпохи съ тѣмъ же вниманіемъ, съ какимъ опѣ относится къ характеристистикѣ разныхъ авторовъ дипломатическихъ донесеній на стр. 15 и слѣд., т. е. въ главѣ обѣ источникахъ. Думается, что нужно было бы поступить какъ-разъ наоборотъ.

Въ вопросѣ о противникахъ Іосифа II, по самому существу дѣла, г. Митрофанову не зачѣмъ было бы останавливаться на отдѣльныхъ лицахъ, если бы онъ даже и захотѣлъ это сдѣлать. Помогали Іосифу II активно, въ концѣ концовъ, главнымъ образомъ отдѣльные лица, противъ же него стояли цѣлыя общественные группы. Мы уже видѣли, что сторонниковъ у императора въ лицѣ какого-либо класса (не считая чиновничества) не было. Такимъ классомъ могло бы быть разѣв-

только одно крестьянство, среди которого Иосифъ II пользовался, по словамъ и самого г. Митрофanova, громадною популярностью (стр. 591), но это сословіе, на что также было указано, было слишкомъ соціально слабо, чтобы играть активную роль, хотя, быть можетъ, императоръ отчасти и надѣялся на кое-что большее сравнительно съ тѣмъ, что было въ этомъ отношеніи. „Помимо,—читаемъ мы у г. Митрофanova,—помимо глубокаго убѣжденія въ своей правотѣ и сознанія въ непреложной необходимости крестьянской реформы Иосифа, несомнѣнно, поддерживала въ его намѣреніи и увѣренность въ сочувствіи ему низинныхъ земледѣльческихъ классовъ (стр. 588). Но, говорится далѣе, въ дѣйствительности далеко не все шло такъ гладко, какъ это думали онтимисты—юзефинианс, воображавши, что... мужикъ станетъ усердно пахать свою землю и, разбогатѣвъ, аккуратнѣе, чѣмъ прежде, начнетъ вносить подати. На самомъ дѣлѣ крестьяне, хотя и много выиграли, волновались и становились беспокойными”, потому что ожидали полнаго освобожденія, котораго не получали, и „думали, что господа скрыли правду” (стр. 587).

Что касается до общественныхъ классовъ, стоявшихъ въ оппозиціи къ реформамъ, то, несомнѣнно, въ этой оппозиціи первенствующую роль играла защита консервативныхъ интересовъ. Г. Митрофановъ обращаетъ вниманіе на то, что противъ Иосифа II неудовольствіе поднималось и съ другой стороны, хотя, на мой взглядъ, ему не удалось доказать, что обѣ оппозиціи—консервативная и либеральная—были частично равносильными явленіями, чтобы и быть отмѣчаемыми, какъ, таковы. По крайней мѣрѣ, среди фактовъ, въ изобилии собранныхъ г. Митрофановымъ, подавляющее большинство относится къ оппозиціи консервативной, и то, что онъ говоритъ о протестѣ, имѣвшемъ иной источникъ, нежели защита привилегій, скорѣе свидѣтельствуетъ лишь объ одинаковомъ нерасположеніи къ деспотизму Иосифа II какъ консервативныхъ, такъ и прогрессивныхъ элементовъ общества. „Протестъ, говорить именно г. Митрофановъ въ главѣ объ административной реформѣ, шелъ съ двухъ сторонъ”: во-первыхъ, это былъ протестъ привилегированныхъ, которые „въ теченіе долгихъ вѣковъ привыкли къ тому, что имъ все позволялось, что правила, изданные для поддержанія общественного порядка, для нихъ не писаны. Эти люди были глубоко уязвлены въ своей сословной гордости ¹⁾ уравненіемъ”.

¹⁾ Ср. заявления о недовольствѣ судебной реформой Иосифа II всѣхъдѣствіе строгости уголовныхъ законовъ и по отношенію къ дворянамъ (стр. 513 и слѣд.).

и щемъ ихъ съ „черью“ (стр. 290)... Съ другой стороны, читаемъ мы итѣсколько ниже, общественное мнѣніе безъ различія сословій и состоянія возмущалось той системой произволныхъ арестовъ, иніонства и доносовъ, которая такъ пропитывала въ правлѣніе Іосифа II, особенно въ концѣ его царствованія, когда во всей монархіи пользовалось броженіе“ (стр. 291). Это объединяло съ привилегированными и такие классы, которымъ нечего было защищать противъ правительства какія либо привилегія. „Буржуазія, говорить г. Митрофановъ, дала себя увлечь общему течению и присоединилась къ протестамъ высшихъ, сословій, которая сть своей стороны, хотя и претендовали на сокращеніе компетенціи своей въ сеньеріальныхъ городахъ, тѣмъ не менѣе стремились найти поддержку въ бургерствѣ“ (стр. 592). Горожане даже по временамъ соединялись съ высшими сословіями противъ крестьянства (стр. 600). Только въ Бельгіи они играли самостоятельную и даже руководящую роль.

Главнымъ средоточіемъ отношеній были собранія земскихъ чиновъ, существовавшихъ въ отдѣльныхъ земляхъ. „Сословные чины“¹⁾, говоритъ г. Митрофановъ, были аттакованы съ трехъ сторонъ: новая наука, наимѣвшая свое выраженіе въ „философіи“ XVIII в., признавала ихъ устройство „готическими“ и несогласными съ естественнымъ правомъ; народъ злобился на жертвы, которая онъ приносилъ ради ихъ существованія, самъ налагая на себя цѣпи; абсолютные государи видѣли въ нихъ противниковъ своей политической, сословной и гуманистической реформы, и они-то именно стали во главѣ крестового похода противъ политического преобладанія привилегированныхъ, которые пользовались своей властью лишь для сословныхъ своихъ выгодъ“ (стр. 214). Въ народѣ такимъ образомъ чины поддержки не имѣли, но тѣмъ не менѣе они противъ теоріи, объявившей ихъ устарѣлыми пережитками варварскихъ временій, выставляли совсѣмъ другую теорію, дававшую сословныхъ представителей какъ бы защитниками парода.

Мы уже упоминали, что каждая глава въ книгѣ г. Митрофанова раздѣляется на два отдѣла, изъ которыхъ второй специально посвящаетъ оппозицію реформамъ Іосифа II. Въ главѣ обѣ административной реформѣ авторъ прежде всего указываетъ на то, какими идеями руководилась оппозиція противъ этой реформы. Оказывается здесь, что въ данномъ случаѣ оппозиція исходила или изъ идеи договора го-

¹⁾ Считаю такую комбинацію словъ неудобной, ибо „чинъ“ и „сословіе“ переводятъ одинаково одно и то же немецкое слово „Stand“: это—синонимы.

сударя съ народомъ, равно обязательного для обѣихъ сторонъ, или изъ старого феодальнаго принципа, позволявшаго вассаламъ отрѣшаться отъ вѣриности своему сеньору въ случаѣ нарушенія имъ ихъ законныхъ правъ (стр. 262 и слѣд.). Однако, какъ изъ самого изложенія, такъ и изъ подстрочныхъ примѣчаній видно, что, отмѣтчивъ подобную мотивировку, авторъ обобщалъ лишь факты, взятые изъ тогдашней исторіи Бельгіи. Къ этой же сторонѣ относится и слѣдующее замѣчаніе г. Митрофана, весьма хорошо характеризующее положеніе дѣлъ: „цѣлью оппозиціи было удержать старый порядокъ вещей, поконившій на средновѣковыхъ устояхъ, но доводы для защиты она сплошь и рѣдомъ брали у новыхъ писателей“ (стр. 266). „По странной ironіи судьбы, говорить еще авторъ, антиклерикальные юзефиане, закрывавшіе монастыри и проповѣдовавшіе подчиненіе духовенства свѣтской власти, должны были ссыпаться на божественное право; чтобы удержать бунтовавшихъ белгійцевъ въ повиновеніи, а оппозиція, имѣвшая на своей сторонѣ всѣхъ ультрамонтанѣтъ, черпала свои доводы изъ „философіи“ XVIII в., стромавшейся постолюю ить тому, чтобы бѣзглазъ інфілѣтъ“ (267). То же самое приблизительно происходило и въ Венгріи, гдѣ равнинъ образомъ ссыпались не изъ историческихъ права, но и „охотно черпали аргументы и изъ сочиненій „развращенныхъ философовъ“, которые въ такихъ случаяхъ назывались „лучшими людьми просвѣщенійшаго вѣка“ (стр. 268). Монтески, Руссо, отчасти Мабли, доставляли оппонентамъ Іосифа II „философскіе“ аргументы противъ его деспотизма и въ Бельгіи, и въ Венгріи, гдѣ оппозиція, какъ-ни-какъ, имѣла главнымъ образомъ консервативный характеръ. „Даже въ покорныхъ властіи пѣменскихъ земляхъ, говоритъ г. Митрофановъ, не умерло еще самосознаніе гордыхъ своимъ богатствомъ и положениемъ чиновъ“ (стр. 273). Объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлий рядъ фактовъ, приводимыхъ авторомъ на стр. 274—279. Онъ останавливается и на тѣхъ уступкахъ, которыми въ концѣ своей жизни Іосифъ II вынужденъ былъ сдѣлать, не обеспечивъ этимъ, однако, повиновенія своей власти въ наиболѣе оппозиціонныхъ земляхъ. Тамъ, гдѣ не уступилъ (или не успѣлъ уступить) самъ Іосифъ II, сдѣлано это было потомъ братомъ его Леопольдомъ II.

Въ главѣ о финансовой и экономической реформѣ г. Митрофана особенно подчеркивается ростъ недовольства въ послѣдствіи финансовыхъ провинціяхъ подъ вліяніемъ предпринятой Іосифомъ II финансовой реформы, при чёмъ подчеркивается, что мало-по-малу недовольство стало охватывать и пизшіе классы населения (стр. 421 и слѣд.).

„Новая податная реформа, говорить онь, довела смиреные и молчаливые дотолѣ штаты до громкаго протестовъ, такъ какъ она задѣвала чувствительнейшіе человѣческіе интересы—денежные, и пѣть ничего удивительнаго въ томъ, что моментъ этого синтакса выжную роль въ оппозиціи и другихъ классовъ общества, где онь оказывалася еще сильнѣе вслѣдствіе большей имущественной несостоитѣльности“ (стр. 431). Историкъ Іосифа приводитъ здѣсь и прямымъ крестьянскія жалобы, вызванныя податною реформою и объясняющія памъ волненій, которыхъ тогда происходили. Извѣстно, что Леопольдъ II постѣнился отмѣнить эту реформу. Если финансовая политика императора чуть-было не довела до бунта вѣкотория изъ земель его монархіи, то и экономическая его политика тоже была очень непопулярна, вооруживъ противъ себя, какъ показываетъ г. Митрофановъ (стр. 438), и землевладѣльцевъ, и ремесленниковъ, и промышленниковъ, и торговцевъ¹⁾.

Разумѣется, г. Митрофановъ останавливается подробно (стр. 568 и слѣд.) и на той весьма сильной и упорной оппозиціи, вызванной „сословною реформою Іосифа II въ томъ видѣ, какъ она была задумана, и въ той формѣ, въ которую она вылилась на практикѣ“. Особенно „стъ крестьянской реформою Іосифа II промежуточными сословія“, ограбившія въ свою пользу президента Монтескиї, лишились своего положенія, и пѣть ничего удивительнаго, прибавляютъ авторы, что они старались по возможности со дискредитировать, указанные на допущенные ошибки (стр. 569). Интересно, что протестъ противъ реформы шелъ со стороны чиновъ²⁾. „Хуже всего, говорить еще авторъ, было то, что противъ нея были не только затронутые въ своихъ интересахъ привилегированные, но даже часть чиновниковъ, призванныхъ проводить ее въ жизнь“ (стр. 577).

Церковная реформа Іосифа II, которыи, собственно говоря, и получила название юзефінизма, тоже не могла не вызвать противъ себя сильнаго неудовольствія. Она, говорить г. Митрофановъ, затрагивала интересы всѣхъ классовъ населения, касалася не только духовной жизни подданнныхъ, но и материальнаго ихъ благосостоянія, распространяясь на всю монархію, проводилась во имя открыто высказывавшихъ принципіевъ, расшатывала стародавнія, крѣпко укоренившіяся, почти сросшіяся

¹⁾ О причинахъ недовольства купцовъ см. стр. 445 и слѣд.

²⁾ Они, однако, дѣлали видъ, что хлопочутъ въ пользу крестьянъ. См. стр. 577 и 588.

сь людьми возврѣнія". Отсюда авторъ считаетъ весьма естественнымъ, что эта реформа сдѣлалась "предметомъ страстий полемики огульного порицанія", и что "оппозиція противъ нея была ярая, а защита смѣлая и убѣжденная" (стр. 659). Конечно, впереди всѣхъ столо здѣсь духовенство, многіе члены которого даже сильно поплатились за свое сопротивленіе церковнымъ преобразованіямъ Іосифа II. Г. Митрофановъ, очень подробно рассматриваетъ эту оппозицію въ отдѣльныхъ частяхъ монархіи, отмѣчая тѣ различія, которыхъ тутъ наблюдались между разными областями. Въ особомъ параграфѣ онъ указываетъ на то, что чисто клерикальная оппозиція шла рука обь руку съ оппозиціей чисто политического характера. „Грова, говорить онъ, падвигалась на правительство съ двухъ концовъ—со стороны свѣтскихъ элементовъ общества и со стороны духовенства, одинаково обиженныхъ и одинаково затронутыхъ въ своихъ интересахъ новыми порядками. И,—читаемъ мы далѣе,—что было хуже всего для правительства, что придавало силу оппозиціи, чтоб дало ей возможность выйти побѣдительницей изъ борьбы съ могущественною абсолютной монархіей, такъ это то, что оба теченія шли не параллельно, а постоянно слияваясь другъ съ другомъ и взаимно другъ друга поддерживая". Особенно здѣсь важенъ рядъ указаний г. Митрофанова на то, что "чины и корпораціи заступались постоянно за духовенство, а духовенство всегда одобряло дѣйствія штатовъ, санкционируя ихъ своимъ авторитетомъ, своимъ благословеніемъ" (стр. 688). Въ частности, главнымъ образомъ, это замѣчаніе имѣть силу для Бельгіи, по отношенію къ которой слѣдуетъ еще отмѣтить, что здѣсь "буржуазія, не вѣ, примѣръ тому, что происходило въ то время въ остальныхъ странахъ Западной Европы, бывла въ силу исторической традиціи¹⁾ настроена очень клерикально" (стр. 689). Въ общемъ, однако, "истинныя отношенія, существовавшія между духовенствомъ и остальными классами общества", по мнѣнию г. Митрофанова, были таковы, что "главнымъ мотивомъ, побудившимъ свѣтское общество вступиться за права духовенства", было желаніе свѣтского общества заручиться содѣйствіемъ духовенства въ своемъ собственномъ дѣлѣ (стр. 690). Съ другой стороны, и клиръ находилъ для себя выгодныя союзы съ свѣтскими сословіями: "материальная, физическая сила все-таки

¹⁾ „Гровая борьба за вѣру во второй половинѣ XVI в. создала такой образъ мыслей, передъ которыми оказалось бессильнымъ даже просвѣщеніе XVIII в." (стр. 689).

была въ ихъ рукахъ; духовенство могло быть только головой, душой оппозиції, тѣ же были ся тѣломъ". Авторъ ссылается при этомъ на то любопытное явленіе, что „церковная оппозиція, даже въ формѣ своихъ заявлений, старалась облизаться со свѣтской, не брезгая приводеніемъ ссылокъ изъ испавистныхъ сочиненій „развратныхъ философій" (стр. 691). „Въ частности въ Венгріи духовенство протестовало противъ эдикта о вѣротерпимости съ чисто конституціонной точки зренія, какъ противъ противозаконнаго, самовольного распоряженія короны, не имѣющаго силы безъ сеймовой санкціи" (стр. 692) ¹⁾). Въ свою очередь и чины въ разныхъ протостахъ „постоянно колебались въ своей мотивировкѣ", и „чисто свѣтскія заботы смѣшивались у нихъ съ благочестивыми соображеніями" (стр. 696). Правда, у Іосифа II, въ дѣлѣ церковной реформы, были и сторонники, особенно среди зажиточныхъ городскихъ классовъ, у которыхъ было въ модѣ вольнодумство, но масса народныхъ не сочувствовала императору: „даже и въ самой Вѣнѣ народъ считалъ стихийная бѣдствія наказаніемъ Божіимъ за нечестіе императора" (стр. 702). Что касается крестьянской массы, то положеніе ея, какъ выражается г. Митрофановъ, было трагическимъ. Въ крестьянствѣ Іосифъ II былъ очень популярный, — недаромъ привилегированные называли его „мужичьимъ богомъ" (стр. 593): они „видѣли нарушеніе древняго благочестія со стороны благожелательнаго къ нимъ императора", а потому затруднялись въ опрощеніи своего отишешія къ его церковной реформѣ, „не зная, по словамъ автора, въ какую сторону податься" (стр. 703). Иногда католическія чувства брали перевѣсь, и, напримѣръ, „измѣненіе въ порядкѣ богослуженія вызвало серьезные беспорядки въ правогѣрномъ Тиролѣ" (стр. 704). Если, однако, жизнь вообще высказывалась скорѣе противъ церковной реформы Іосифа II, то тогдашняя публицистика была, напротивъ, больше на его сторонѣ (стр. 705 и слѣд.). „На десять юзефинскихъ памфлетовъ, по счету г. Митрофанова, приходился приблизительно одинъ клирикальный, и притомъ, прибавляетъ онъ, талантъ быть рѣшительно на сторонѣ первыхъ". Только въ Бельгіи вольнодумцы молчали, „не поддерживая церкви, но зато на нее и не нападая", чтобы не сводить домашнихъ счетовъ, пока не была окончена австрійская тирания, и „только посѣть изгнанія австрійцевъ, — считаетъ нужнымъ отмѣтить авторъ,— проливалась скрытая дотолѣ рознь" (стр. 717).

¹⁾ Это была точка зренія и свѣтскихъ сословій (стр. 700).

VI.

Статья о книгѣ г. Митрофанова вышла гораздо болѣе обширною, чѣмъ я предполагалъ, берясь за перо, чтобы эту статью написать. Въ сущности, все главное о трудахъ сказано и притомъ достаточно подробно, но мнѣ не хочется отложить теперь книгу въ сторону, не сдѣлать въ заключеніе общей ея характеристики, какъ научнаго труда.

Научное значеніе книги г. Митрофанова находится въ всякомъ сомнѣніи по массѣ содержащагося въ ней материала, въ запачтальной мѣрѣ извлеченного изъ архивовъ и, кромѣ того, являющагося результатомъ большой начитанности автора въ исторической литературѣ. Тѣмъ не менѣе его работа въ обоихъ же этихъ отношеніяхъ и не-безупречна въ виду его невнимательнаго отношенія къ русскимъ источ-никамъ, и даже къ русскимъ дѣламъ, касающимся Австрии при Іосифѣ II, а потому и къ тому, что имѣется о юзефинизмѣ въ чешской, поль-ской и русской литературахъ. Безъ этой оговорки мы могли бы назвать трудъ г. Митрофанова наиболѣе полнымъ, какъ только вообще можно себѣ назвать для данного предмета, и во всякомъ слу-чаѣ будущимъ историкамъ эпохи цѣстолюбно придется обращаться къ этому общему труду. Скажу, напримѣръ, прямо о себѣ. Въ данную минуту я готовлю къ печати читаюшій мною курсъ лекцій объ эпохѣ абсолютной монархіи на Западѣ и уже заранѣе могу заявить, что искальмы въ иѣкоторыхъ главахъ будущей книги мнѣ придется счи-тать себя болѣе или менѣе облзанными труду г. Митрофанова¹⁾.

Взгляды и выводы г. Митрофанова — съ моей, по крайней мѣрѣ, стороны — тоже не вызываютъ никакихъ серьезныхъ возраженій, и вообще ихъ можно назвать хорошо документированными и прочно обоснованными, въ чемъ также заключается солидная сторона работы автора. Но, подводя итоги подъ впечатлѣніями, полученными отъ чтенія книги, я могу сказать, что въ неѣ, однако, мало того, что можно было бы назвать элементомъ изслѣдованія. Уже одно отсутствіе исто-риографического обзора, почти полное молчаніе о томъ, кто и что го-ворилъ объ Іосифѣ II въ обширной, посвященной ему исторической литературѣ, о томъ, что проочно установлено въ наукѣ, чтѣ остается спорнымъ, чтѣ требуетъ разысканій и чтѣ авторъ имѣетъ право на-

¹⁾ Головнымъ образомъ при перенаданіи III т. „Історіи Западной Европы“ кое-что придется перемѣнить и въ немъ на основаніи труда г. Митрофанова.

звать по преимуществу своимъ вкладомъ,— все это лишает книгу той доли цѣнности, какую она пріобрѣла бы, если бы въ ней ясно было поставленъ вопросъ о состояніи разработки исторіи Іосифа II въ исторической литературѣ¹⁾). Правда, у г. Митрофанова есть обзоръ источниковъ, но и его я называлъ бы болѣе описзывающимъ эти источники, чѣмъ ихъ анализирующими. Нерѣдко тотъ или другой источникъ даетъ автору поводъ сообщить разныя интересныя подробности, касающіяся отдельныхъ лицъ, событий и т. п., но это, конечно, не можетъ замѣнить систематического изслѣдованія, критики въ техническомъ значеніи слова.

Совершенно такое же впечатлѣніе оставляетъ чтеніе самаго текста. Иногда прямо кажется, что г. Митрофановъ расчленилъ свою общую тему на рядъ болѣе частныхъ темъ, подраздѣлилъ каждую изъ нихъ на известныя рубрики (реформы, ихъ сторонники, ихъ противники) и потомъ наполнилъ эти схематическія рамки²⁾ собраніемъ иныхъ материаловъ, подтверждающимъ ту или другую изъ его общихъ мыслей, такъ что получается отъ его наложенія впечатлѣніе иѣшьтойрой догматичности, лишенной какого бы то ни было внутренняго исканія³⁾). Г. Митрофановъ не сомнѣвается, не ставитъ вопросовъ, не изслѣдуется, не старается показать, какъ онъ приходитъ къ своимъ открытиямъ, не спорить, не опровергаетъ, не доказываетъ, а только излагаетъ и документируетъ уже сожѣтимъ готовыя положенія.

Этимъ же свойствомъ работы г. Митрофанова я объясняю и то, что онъ прошелъ безъ вниманія мимо многаго такого, что въ умѣ читателя вызываетъ тѣ или другие вопросы. Миѣ, напримѣръ, очень иногда хотѣлось найти какія либо общія характеристики и сравненія лицъ, вещей, порядковъ, отношений, безъ лесаго представленія о которыхъ не получаешь и вполнѣ отчетливой общей картины. Въ книгѣ масса фактовъ, масса деталей, по автору какъ-то проходитъ мимо цѣлаго ряда вопросовъ, на которые читатель желалъ бы у него получить

¹⁾ Конечно, этого обзора не могутъ замѣнить случайныя и краткія характеристики отдельныхъ сочиненій, встречающихся кое-гдѣ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ (см., напримѣръ, стр. 611, 641, 648), да и на это авторъ довольно скучъ.

²⁾ На дескать мнѣ невольно пришло въ голову сравненіе книги съ коммодомъ съ цѣнными рядомъ отдельныхъ ящиковъ: для собранія фактъ это удобно, но для обработки ихъ нужно было нѣчто другое.

³⁾ Авторъ оправдывается, что многаго онъ не касался, не желая повторять однородные факты, но кроме метода перечисленія однородныхъ фактъ есть методъ ихъ обобщенія.

отвѣты, совсѣмъ ихъ затѣши, не находя. Я увѣренъ, что все это со-
держится въ умѣ самого г. Митрофанова, но читатель видѣть иногда
только подавляющую массу обоснованныхъ ссылками и систематически
расположенныхъ фактовъ. Мы видѣли, что эта систематичность, такъ
сказать, сковывъ изложеніе г. Митрофанова неподвижными рамками,
помѣшила ему сгруппировать и классифицировать эти факты, а за-
тѣмъ сдѣлать изъ нихъ соответствующіе выводы и съ другихъ точекъ
зрѣнія. Мы видимъ отдѣльные моменты дѣятельности Іосифа II, ви-
димъ, что у него были сторонники и были враги, по не видимъ са-
мой Австрии, ея устройствы, ея общества, взятыхъ въ цѣломъ, и т. п.
Можетъ быть, г. Митрофановъ поступилъ такъ совершенно преднамѣ-
ренно, и можетъ быть, таъ ему въ его шлахѣ и нужно было поступить:
я передаю, по крайней мѣрѣ, то впечатлѣніе, которое остается послѣ прочтенія книги. Соціологическая точка зрења, выте-
кающая, по моему мнѣнію, изъ самой темы г. Митрофанова, въ ней
во всякомъ случаѣ не доминируетъ.

Въ одномъ отношеніи такой характеръ изложенія предмета мо-
жетъ привести автору и несомнѣнныи вредъ. Спокойная догматичность
книги,—конечно, не заходящая такъ далеко, какъ обычное наложеніе
учебныхъ руководствъ,—лишаетъ читателя возможности разобраться въ
вопросѣ, что же сдѣлала самъ г. Митрофановъ для освѣщенія избран-
наго имъ предмета, и у иного даже мелькнуть мысль, не является ли
его книга простымъ пересказомъ давно извѣстнаго, только снабжен-
нымъ бѣльшимъ количествомъ фантическихъ подробностей, иногда
бывшихъ прежде, пожалуй, и неизвѣстными¹). Лично я бы протестовалъ
противъ такого взгляда, но если бы кто-либо потребовалъ отъ меня
доказательствъ, я во всякомъ случаѣ въ подборѣ ихъ не нашелъ бы
достаточной помощи въ самой книгѣ г. Митрофанова и пришлось бы
самому перебирать старую литературу о Іосифѣ II. Между тѣмъ, и
общее заключеніе книги, и тѣ 14 „тезисовъ“, которыи были извлечены
изъ диссертаций для диспута, не подчеркиваютъ рельефно, что же
авторъ считаетъ особенно своимъ, собственнымъ, личнымъ вкладомъ.
Въ 8 изъ 14 этихъ положеній подчеркивается преемственная связь
политики Іосифа II съ политикой его предшественниковъ и особенно
его матери, а въ частностяхъ,—впрочемъ, не особенно настойчиво,—под-

¹) Авторъ самъ говорить, что на болѣе извѣстное онъ не обращаетъ такого
вниманія, какъ на мало извѣстное, но на практикѣ у него это правило далеко не
выдержано.

черкивается известная степень независимости его реформъ отъ просьщенія XVIII в., въ шести же тезисахъ объ оппозиціи большую роль играютъ отрицательныя заявленія о томъ, чѣмъ не была оппозиція,— заявленія, имѣющія какъ будто полемической оттѣною, но сдѣланныя, что никто особенно и не утверждалъ того, противъ чего г. Митрофановъ усиленно возражаетъ. Мне кажется, что онъ сдѣлалъ бы хорошо, если бы для большой публики (да и не для ея одной) написалъ о Іосифѣ II этодѣ, въ которомъ дала бы общую характеристику посланной ему литературы и, указавъ на спорные въ ней вопросы, объяснилъ, какъ и почему именно такъ онъ ихъ решаетъ. Еще болѣе нужно желать, чтобы въ своей будущей работе, если она будетъ имѣть аналогичный предметъ, онъ замѣнилъ чисто *снѣжинкою* систематизацію оставшагося отъ прошлыхъ временъ матеріала углубленіемъ во *снѣженкѣ* взаимоотношенія самихъ явлений, подлежащихъ изученію.

II. Карпеневъ.

Д. К. Немировъ. Замѣтки по истории старо-испанской комедіи. 2 части. С.-Пб. 1907.

Авторъ предлагаемой книги—одинъ изъ немногихъ русскихъ ученыхъ, специально занимающихся изученіемъ испанской литературы. Онъ уже составлялъ себѣ опредѣленную репутацію своей магистерской диссертацией „Очерки бытового театра Лопе-де-Вега“, вышедшей въ 1901 году. Выпущенный имъ нынѣ въ свѣтъ обширный трудъ является до известной степени продолженіемъ первого. И здѣсь также въ центрѣ стоитъ Лопе-де-Вега; повторяются и некоторые вопросы, затронутые въ первой работѣ, лишь въ иѣсколько иной постановкѣ и въ иномъ освѣщеніи. Тема его на этотъ разъ—любовная комедія Лопе. Данное же имъ своему труду название „Замѣтокъ“ онъ въ предисловіи оправдываетъ тѣмъ, что „настоящая работа не есть вполнѣ законченное изслѣдованіе о бытовомъ театрѣ Лопе-де-Вега“, хотя въ иѣкоторыхъ главахъ ому и удалось почти исчерпать богатую тему.

Исходную точку всей работы составляетъ вторая часть, въ которой онъ впервые издаетъ одну изъ комедій *Lope Lo que passa en una tarde*, по рукописи-автографу поэта 1617 года, хранящейся въ Мадридской библиотекѣ.

Какъ *editio princeps* интересного произведения великаго испанскаго

драматурга, эта вторая часть имѣть самостоятельное научное значение независимо оть первой, и, конечно, будетъ съ радостью привѣтствована и на родинѣ поэта. Выполнена она очень тщательно и умѣло, исправлены ошибки и т. д. Издатель вполнѣ исчерпалъ свою задачу. Никакихъ дополненій или замѣчаній эта часть не вызываетъ.

Первая же часть разбираемаго труда значительно большаго объема (523 страницы). По замыслу автора, это—кальбы бы пространный историко-литературный комментарий ко второй, разростающейся во всесторонний разборъ любовныхъ комедій Лопе-де-Вега вообще.

Исходя изъ изданной имъ комедіи, пересказу и разбору которой посвящена вся первая глава книги (стр. 1—14), авторъ уже въ слѣдующихъ главахъ значительно расширяетъ рамки своего исследования, привлекая къ разбору остальная комедія Лопе. Весь этотъ довольно значительный материалъ онъ группируетъ по слѣдующимъ рубрикамъ-главамъ: Комедія, история и правы (т. е. бытова сторона); Любовь, ея принципы и діалектика; Схема и построение комедій; Положенія, темы, тенденціи комедій; Люди и страсти; Стиль комедій. Этотъ первый отдѣлъ, обнимающій около двухъ третей всей книги (314 стр.), поноситъ характеръ по преимуществу дескриптивный. Въ итогѣ получается всестороннее описание—разборъ комедій Лопе.

Двѣ послѣднія главы имѣютъ цѣлью освѣтить тотъ же материалъ исторически. Въ главѣ VIII авторъ даетъ „Литературную исторію комедій“ Исчаніи безотносительно къ Лопе, наконецъ девятую и послѣднюю главу онъ посвящаетъ историческому же освѣщенію „трудовъ Лопе-де-Вега“.

Таково построение и объемъ всей работы.

Какъ явствуетъ уже изъ этого краткаго обзора, главную задачу автора составляетъ не исторія испанской комедіи, хотя бы эпохи Лопе-де-Вега, или хотя бы самого Лопе, творчество которого обнимаетъ около 45 лѣтъ. Историческая точка зреіія становится руководящей только въ послѣднихъ двухъ главахъ, и лишь въ самой послѣдней например авторъ на 11 страницахъ (488—499) дѣлаетъ попытку установить хронологію комедій Лопе и отвѣтить на вопросъ, „въ чёмъ же заключается драматическая эволюція Лопе-де-Вега“ (стр. 489).

И если не пожалѣть о такой постановкѣ изслѣдованія. Нѣть науки о литературѣ виѣ ся исторіи, и книга г. Петрова значительно выиграла бы въ смыслѣ научности, если бы онъ не запряталъ этотъ вопросъ, который онъ самъ признаетъ „важнѣйшимъ“ (въ указанномъ мѣстѣ), въ одинъ изъ параграфовъ послѣдней главы, а выдвинулъ бы

его на первый планъ и поставилъ бы его въ центръ всего своего изслѣдованія.

Матеріала для этого было достаточно, что доказываютъ все тѣ же 11 страницъ. Надо было лишь использовать его иначе и не относиться къ этому „важнѣйшему вопросу“ такъ безнадежно-скромно, какъ например авторъ, который полагаетъ, что въ виду трудности установить вѣнчанію хронологію комедій Лопе, на этотъ вопросъ „пожалуй, не удастся представить удовлетворительного отвѣта“ (стр. 489). Творчество Шекспира находится въ такомъ же, если не худшемъ положеніи: вѣнчаніяхъ хронологическихъ дать здѣсь такъ же мало. А между тѣмъ каждое научное изслѣдованіе о творчествѣ Шекспира начинается съ этого вопроса и кончается имъ. И сдѣлано тутъ не мало. Постепенно расширяющееся и углубляющееся пониманіе міра и человѣка и, въ зависимости отъ этого—эволюція типовъ; развитіе и усовершенствованіе драматургической техники и техники стиха,—все это, парадуясь другими частными наблюденіями, даетъ при надлежащемъ тщательномъ изслѣдованіи не мало ясныхъ и надежныхъ критеріевъ для установленія относительной, а иногда и безотносительной хронологіи творчества поэта.

Нашъ авторъ всѣми этими пріемами пренебрѣгъ, съ самаго начала отказавшись отъ исторической постановки своей задачи. И отъ этого, повторю, пострадала вся книга.

Чтобы дать справедливую оцѣнку того, что сдѣлано нашимъ авторомъ, чего онъ достигъ въ предѣлахъ поставленной нимъ самимъ задачи, мы должны отказаться отъ той точки зрѣнія, которую мы считали бы болѣе научной и цѣлесообразной, и стать на точку зрѣнія самого автора.

Онъ беретъ любовную комедію Лопе-де-Вега въ ея цѣломъ, какъ пѣчто готовое, законченное въ себѣ, безъ дифференціациіи по нормамъ внутренней и вѣнчаній эволюціи.

Въ этомъ видѣ онъ дѣлаетъ ее объектомъ разбора въ первомъ отдѣлѣ своей книги, который выше названъ нами по преимуществу дескриптивнымъ. Онъ прослѣдуется, прежде всего, информационныя цѣли, знакомя читателя съ материаломъ, который у насъ, да и на западѣ вѣнчаніи Испаніи, почти или совсѣмъ неизвѣстенъ.

Пересказывается содержаніе комедій; характеризуются положенія, тенденціи, типы; опредѣляются принципы и діалектика любви въ пониманіи Лопе-де-Вега; затрагиваются вопросы стиля. Передъ нами въ пестромъ калейдоскопѣ проходитъ неисчерпаемое разнообразіе

творчества Лопе въ области любовной комедіи. Все это изложено умѣло и бойко, иногда красиво и мѣтко, и читается легко. Я увѣренъ, что вслїй читатель, будь онъ даже специалистомъ по испанской литературѣ, прочтетъ этотъ отрывокъ книги г. Петрова съ удовольствіемъ и пользой для себя.

Конечно, и здѣсь также нѣть исторической перспективы: типы и положенія изъ *La Francesilla* (1590—94 г.г.) стоять на одной линіи и трактуются одинаково съ типами и темами изъ *No son todos гнусейорез* (1630—35 г.г.). Но объ этомъ мы уже говорили. Остается все же богатый материалъ, хорошо и тщательно разработанный догматически, и представляющій цѣнныій даръ для всѣхъ наст., не имѣющихъ возможности изучать творчество Лопе-де-Вега самостоятельно и по первоисточникамъ.

Возраженія по существу тутъ едва-ли возможны, кромѣ высказанаго нами уже. Мы позволимъ себѣ сдѣлать еще лишь нѣсколько частныхъ замѣчаній.

Въ всестороннемъ разборѣ любовной комедіи Лопе-де-Вега мы были бы въ правѣ ожидать и постановки вопроса о зависимости его драматургической техники отъ выѣлненныхъ условій сцены. Вѣдь комедіи эти, какъ всѣ истинныя драматургическія произведенія, написаны для сцены, и авторъ ихъ имѣлъ въ виду совершение опредѣленныхъ сценическихъ условій, сть которыми онъ не могъ не считаться при построеніи драматического дѣйствія. Зависимость послѣдняго отъ первыхъ—*a priori* выѣлненія сомнѣнія, какъ она явна, напр., въ греческой трагедіи или въ драмѣ Шекспира.

Между тѣмъ, г. Петровъ этого вопроса даже и не ставить по отношенію къ комедіямъ Лопе, хотя посвящаетъ цѣлую главу „схемѣ въ построенію комедій“. Это, конечно, пробѣль, на нашъ взглядъ довольно существенный. Очень желательно, чтобы авторъ восполнилъ оного, хотя бы въ видѣ отдельной статьи.

Разбирая ту или иную комедію, тотъ или иной типъ, авторъ часто затрагиваетъ попутно и болѣе общіе вопросы, не всегда, какъ намъ кажется, удачно.

При оцѣнкѣ творчества Лопе вообще однимъ изъ важнейшихъ моментовъ представляется несомнѣнно вопросъ о его художественномъ реализмѣ. Вопросъ этотъ настолько важенъ, что ему слѣдовало бы посвятить особую главу. Нашъ авторъ, дѣйствительно, на всѣмъ протяженіи своей книги возвращается къ нему, затрагивая его то здѣсь, то тамъ при разборѣ типовъ и положеній. Въ началѣ шестой

главы („Люди и страсти“) онъ сводить свои наблюденія къ общей характеристицѣ реализма Лопе по отношенію къ изображенію человѣка. Онъ полагаетъ, что „объединяющими элементомъ“ въ боягатствѣ психическихъ данныхъ въ бытовомъ театрѣ Лопе „можно признать только правду“. Лопе—поэты реалистический, конечно, съ изгѣстными ограничениями“ (стр. 165 сл.). Тутъ же выясняются и эти ограниченія, и выводъ изъ нихъ таковъ, что онъ едва-ли не опровергаетъ главное положеніе автора. Характеры Лопе-де-Вега „страдаютъ иногда однобразiemъ и сравнительно небольшой глубиной захвата“. „Живыхъ выпуклыхъ образовъ“ у него мало, во всякомъ случаѣ „не пропорционально массѣ поэтическаго материала и напряженію творческой работы“, онъ „часто останавливается на ступени лишь типического воссозданія души“. „У него есть нѣсколько образовъ, напр., героя или первого любовника, съ незначительными варіаціями... Ихъ психика правдива, но въ ней нерѣдко преобладаютъ одѣй и тѣ же опредѣленныя черты. ...Все это взято прямо съ натуры,... за общей схемой слышится чей-то голосъ, но не всегда передъ нами властное проиниковеніе въ тайны человѣческаго духа: голосъ изъ глубины индивидуальности не доходитъ до насъ“ (стр. 167).

Конечный выводъ въ наиболѣе мѣткой формулировкѣ получается нашимъ авторомъ изъ сравненія его героя съ Шекспиромъ (стр. 168): „Спіетической стихіи копія, суммирующіе моменты.—у Шекспира гораздо болѣе, чѣмъ у испанскаго драматурга. Поэтическая надстройка у Шекспира значительно выше, чѣмъ у нашего поэта“. Это несомнѣнно правильно и, повторяю, мѣтко характеризуетъ Лопе по сравненію съ великими англійскими поэтами. Но едва-ли г. Петровъ правъ, утверждалъ далѣе, что „Лопе ближе къ жизни, чѣмъ Шекспиръ“ (тамъ же). Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію нашего автора, „деталей и мелочей, обыкновенно весьма знаменательныхъ, Лопе сообщаєтъ болѣе, чѣмъ Шекспиръ“ (стр. 173), по эти детали „разбросаны во множествѣ комедій“ (стр. 166), Лопе не сумѣлъ создать изъ нихъ законченныхъ портретовъ. „Лишь изъ совокупности любовныхъ комедій Лопе получаются краски для картины испанской жизни и души“ (стр. 166). Это то, что нашъ авторъ называетъ „разсѣяніемъ подробностей“, придающими „особую окраску глубоко-правдивому колориту поэзии Лопе“ (*ibid.*). Въ этомъ именно и заключается, по мнѣнію г. Петрова, большая близость къ жизни по сравненію съ Шекспиромъ. „Вѣдь и въ наше время... не на каждомъ шагу вырабатываются рѣзко-выраженные, строго-обозначенные, вполнѣ самобытные характеры. Сколько

бесличного, туманного и блѣднаго бродить вокругъ и около насть!... Впечатлѣніе отъ комедіи Лопе въ япыхъ слушаю и соответствуетъ тающей психикѣ человѣка" (168 сл.). Мы бы сказали не „въ иныхъ слушаю“, а всегда, и увѣроны, что всѣ читатели книги г. Петрова вынесутъ изъ нея именно такое впечатлѣніе—отсутствія живыхъ „выпускныхъ“ типовъ: вмѣсто нихъ передъ нами рядъ готовыхъ шаблоновъ, очень искусно и умѣло варваруемыхъ при помощи дѣйствительно богатаго запаса мѣткіхъ наблюденій.

Мѣткая наблюдательность—одна изъ наиболѣе видныхъ и цѣнныхъ особенностей Лопе. Именно она и умѣніе пользоваться ея результатами сдѣлали Лопе „создателемъ испанской бытовой комедіи“, какъ его справедливо называлъ г. Петровъ (стр. 434), и однимъ изъ крупнейшихъ представителей этого жанра въ мировой литературѣ. Но и только.

Отъ бытовой комедіи Лопе еще далеко до художественного реализма Мольера, съ которымъ нашъ авторъ сравниваетъ своего героя. Д. К. Петровъ посвятилъ кѣмую книгу „бытовому театру“ Лопе; къ бытовой сторонѣ комедіи его онъ многократно возвращается и на всемъ протяженіи разбрасываетъ трудъ, доказывая, напр., что и всѣ элементы интриги его комедій, переодѣванія, похищенія и другія *hazañas de amor*, которыми варваруется интрига, отражаются въ себѣ испанскую дѣйствительность (ср. особенію главу IV, стр. 79—120). Увлекаясь этой стороной дѣла, г. Петровъ, на нашъ взглядъ, увлекся и въ конечномъ своемъ выводѣ, пришавъ бытовой характеръ комедіи Лопе за художественный реализмъ.

Вирочимъ, даже название „бытовыхъ“ любовныхъ комедій Лопе заслуживаютъ лишь съ извѣстными ограничениями. Онъ вводить насть, какъ мѣтко выражается нашъ авторъ (стр. 53), въ „изолированное царство любви“, изолированное отъ всѣхъ другихъ проявленій жизни индивидуальной или общественной. Въ нихъ, между прочимъ, не отразилась ни религіозная, ни политическая жизнь испанцевъ XVII вѣка, хотя и та и другая въ высшей степени знаменательны для испанской культуры этого времени. Полной картины этой культуры Лопе не дастъ. Дѣйствующія лица ого комедій какъ бы оторваны отъ жизни и перенесены поэтому въ заоблачное пространство, куда не долетаютъ звуки житейской борьбы. Но обстановка, въ которой они дѣйствуютъ, та же, что въ Мадридѣ или въ Валенсіи.

Въ результатѣ получается крайне одностороннее освѣщеніе жизни—черезъ призму любви.

Зато въ этомъ дѣлѣ Лопе дѣйствительно великий мастеръ. Онь не только изучилъ его досконально; онъ пережилъ его съмъ, пережиль всѣ радости и муки, всѣ восторги и паденія любви. Для него любовь — нѣчто совершенно независимое, нѣчто самодовльюще, никакимъ законамъ не подчиняющееся, кроме тѣхъ, которые обоснованы самимъ чувствомъ. Если всѣ любовныя интриги въ комедіяхъ Лопе-де-Вега и кончаются „благополучно“, т. е. бракомъ, то это лишь уступка извѣстной общественной точкѣ зрѣнія. На самомъ же дѣлѣ Лопе лично понималъ дѣло иначе, и бракъ получается въ концѣ его комедій очень часто лишь потому очень силной патожки. И въ этомъ отношеніи также нельзя не отмѣтить извѣстную скованность творчества Лопе: оно не отразило полностью его міросозерцанія, какъ оно не отразило полностью и его личного опыта. „Въ жизни онъ шагнулъ куда дальше, чѣмъ въ комедіяхъ“ (стр. 75). Нашъ авторъ на стр. 480 сл. подробно останавливается на исторіи „послѣдней любви“ Лопе-де-Вега, относящейся къ 1616—1628 гг., исторіи мучительной страсти старѣющаго поэта къ Мартѣ Неваресь-Сантойо, и на ея литературномъ отраженіи въ *La viuda valenciana*. Но, если оставить въ сторонѣ предисловіе-посвященіе, то многое ли перемѣло изъ жизни поэта въ эту комедію?

Точка зрѣнія г. Петрова на отношеніе Лопе къ любви иѣсколько странная, во всякомъ случаѣ не вполнѣ объективная: всюду проглядываетъ субъективное чувство автора, его личное отношеніе къ дѣлу, и отъ этого не могла не пострадать и его оцѣнка любовной стихіи въ творчествѣ Лопе и характеристика самого героя. Любовь носитъ у Лопе характеръ „нѣморальный“ (стр. 71, ср. 73, 149). Это, по-жалуй, иѣрно. Но если напрѣкъ авторъ тутъ же пояснитъ этотъ эпитетъ другимъ — „языческій“, „нехристіанскій“ (стр. 149), то читатель новольно удивится терминологіи автора. Любовь съма по себѣ, конечно, ничего общаго ни съ христіанствомъ, ни съ язычествомъ: не имѣть: отъ послѣднихъ зависѣть до извѣстной степени развѣ только анѣшнія условія, которыми она обставляется. Болѣе чѣмъ лишними представляются намъ въ ученомъ трудѣ какъ негодование нашего автора по поводу того, что „въ сознаніи героя“ Лопе обманъ и Амуръ нераалучны“, съ чѣмъ „трудно помириться“ (стр. 73), также и его попытка смягченія приговора надъ Лопе: „конечно“, его „точка зрѣнія языческая, не христіанская“, „но безизрѣственности здѣсь еще нѣть“ (стр. 140). Гораздо важнѣе и интереснѣе было бы историческое освѣщеніе этой стороны дѣла. Нашъ авторъ намѣчаетъ, но не

разбираетъ этотъ вопросъ на стр. 56, где онъ говорить о „книжныхъ вѣліяхъ, мотивахъ платонической любви и отраженіяхъ классической поэзіи“ въ любовныхъ комедіяхъ Лопе-де-Вега.

Субъективность характеристики и опѣки разбираемаго материала сказывается и въ другихъ пунктахъ. Культурно-исторический фонъ, на которомъ выдѣляется фигура Лопе-де-Вега — эпоха католической реакціи—представляется ему блестящимъ периодомъ подъема культурныхъ силъ. Здѣсь „была сдѣлана грандиозная попытка создать христіанскую культуру, но неудавшаяся какъ и все на землѣ.... Сосвершилось возрожденіе католицизма, новый расцвѣтъ великой цивилизующей силы“ (стр. 48). Поэтому нашъ авторъ протестуетъ даже противъ термина „католической реакціи“ (тамъ же), очевидно полагая, что въ этомъ терминѣ заключается иѣчто обидное.

Онъ приводить рядъ очень удачныхъ анекдотическихъ примѣровъ для характеристики „напряженности и силы церковно-религіозной жизни“ Испаніи того времени. Но какова эта религіозность, выясняется въ достаточной мѣрѣ изъ тѣхъ же примѣровъ. По словамъ французскаго путешественника, испанцы считали инквизицію „la plus belle chose qu'il y eût en Espagne“ (50). Испанки „почти всегда бормочутъ про себя молитвы, tême en faisant l'amour“ (51). Вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣть же путешественникъ утверждается, что испанцы довольно невѣжественны въ религіозныхъ вопросахъ и полагаютъ сущность религіи въ церковныхъ церемоніяхъ и вѣнчаніемъ культа (стр. 50). Правда, „одинъ испанскій ученый справедливо замѣчаетъ“, что даже испанская „толпа должна была обладать высокой богословской культурой“, разъ она понимала *comedia de santos* и особенно *auto sacramental*.

„Просвѣщеніе въ старой Испаніи было возвышеніе и глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ“ (стр. 47). Но „благочестивыя братства считали вполнѣ приличнымъ почтить своего патрона (святого) каруселью. Случалось и то, что праздникъ Santissimo Sacramento соединялся съ босемъ быковъ“ (стр. 49 сл.).

Въ какихъ же проявленіяхъ испанской религіозной жизни усматриваетъ нашъ авторъ „грандиозную попытку“, о которой онъ говорить выше?

Обратимся ко второму отдѣлу книги, обнимающему, какъ указано, двѣ послѣднія главы (стр. 315—532). Здѣсь задача автора—освѣтить любовную комедію Лопе исторически.

Общая схема развитія испанской комедіи, которую даетъ нашъ авторъ, несомнѣнно вѣриа: отъ Энсина, или вѣрнѣе Торресъ Наарро

черезъ итальянскій и классическій вліялії (Лопе-де-Руэда и Хуанъ-де-ла-Кузево) къ Лопе-де-Вега (см. стр. 331, 423).

Намъ сдѣлается, что г. Петровъ слишкомъ умалюютъ историческое значеніе Энсина, котораго Шефферъ и другіе выдвигаютъ на первыи планъ, какъ отца испанскаго національнаго театра¹⁾. Но это не важно. Нашъ авторъ несомнѣнно правъ въ томъ, что лишь съ Наарро начинается исторія испанской драматической системы. Онъ хорошо излагаетъ и разбираетъ теоретическіе взгляды его на комедію, изложеніе въ предисловіи къ его *Propaladia*, а затѣмъ и комедіи его. Та же тщательность и самостоятельность работы по первоисточникамъ отличаетъ и дальнѣйшее изложеніе этой главы, дающей много цѣннаго матеріала для характеристики ближайшихъ предшественниковъ и старшихъ современниковъ Лопе-де-Вега. Особенно подробно онъ останавливается на представителеѣ классицизма Хуанѣ-де-ла-Кузево и его теоретическихъ взглядахъ на поэзію и, въ частности, драму. Онъ разбираетъ послѣдовательно содержаніе его *Epistola dedicatoria à Moto* 1582 года (стр. 383 сл.), *El viaje del Sannio* 1585 г. (стр. 383—394), наконецъ *El Ejemplar poetino* 1606 г. (стр. 394—403), прослѣживая его переходъ отъ классицизма къ націонализму. При высокомъ историческомъ значеніи Кузево и при рѣдкости его произведеній—какъ, впрочемъ, большинства трудовъ испанскаго драматурговъ второй половины XVI вѣка—весі, этотъ отдѣль книга г. Петрова пріобрѣтастъ особый интересъ и цѣнность. Къ сожалѣнію, г. Петровъ въ большинствѣ случаевъ ограничивается сообщеніемъ и разборомъ матеріаловъ и какъ бы боится болѣе общихъ построений. Слишкомъ часто мы находимъ въ этомъ — наиболѣе интересномъ — отдѣль книга фразы въ родѣ той, которую читаемъ на стр. 383: „Предоставляя окончательный сводъ и объединеніе матеріала другимъ, мы будемъ имѣть въ виду.... только....“.

Дѣйствительно, въ конечномъ резултатѣ, весь этотъ отдѣль представляется лишь какъ бы подготовительной работой къ болѣе широкому труду, который дастъ намъ исторію испанской комедіи на болѣе широкомъ фонѣ. У нашего автора этого фона нѣтъ. Онъ прослѣживаетъ шагъ за шагомъ эволюцію испанской комедіи — и только ко-

¹⁾ Кстати, Шефферъ вовсе не приписываетъ 1492 году „особо глубокаго, какъ бы мистического смысла“, какъ утверждаетъ г. Петровъ на стр. 325, а просто указываетъ на странность совпаденія событий. Впрочемъ, сопоставленіе послѣднихъ принадлежитъ даже не Шефферу, а ванто пінь въ Rojas, *Viaje entretenido*, 1604 г., чего, кажется, не замѣтилъ г. Петровъ.

медиа, изолируя ее почти совершенно отъ другихъ видовъ даже драматического творчества Испаніи, не говоря ужъ объ иныхъ литературныхъ родахъ. Наконецъ, испанская литература XVI—XVII вѣковъ стоитъ вѣдь не особнякомъ, отрѣзанная отъ литературного творчества другихъ западно-европейскихъ народовъ; она развивалась не вполнѣ самобытно, а вошла въ круговоротъ того великаго движенія, которое мы привыкли называть „возрожденіемъ“. Нашъ авторъ это, конечно, знаетъ; онъ отмѣчаетъ зависимость испанцевъ отъ итальянскихъ поэзіи и отъ классицизма, характеризуя тѣмъ самимъ зависимость испанской комедіи отъ мотивовъ и тондѣцій ренессанса. Но все это—лишь къ краткихъ замѣткахъ, какъ бы мимоходомъ (см. напр. стр. 325, 333, 354 сл., 356, 363 и друг.). Между тѣмъ, онъ самъ опредѣляетъ историческое значеніе испанского театра тѣмъ, что послѣдній „фактически долженъ быть названъ театромъ ренессанса“ (стр. 423), и Лопе-де-Вега совершенно вѣрно понять, какъ „наслѣдникъ ренессанса, подобно Шекспиру“ (стр. 424).

По цѣльной картины этого ренессанса въ его испанскомъ отображеніи мы напрасно стали бы искать въ книгѣ г. Петрова, а потому и эволюція Лопе-де-Вега и исторический фонъ, на которомъ выдѣляется его творчество, остаются въ концѣ концовъ неясными. Положенія нашего автора слишкомъ узко. Его изслѣдованіе течетъ тонкой струйкой въ извилистомъ ложѣ любовной комедіи, пидѣ не принимая въ себя смежныхъ течений и потому никогда не расширяясь въ болѣе широкій потокъ. Вообще въ отсутствіи болѣе обширныхъ перспективъ заключается одна изъ характерѣйшихъ особенностей работы г. Петрова.

Переходя къ некоторымъ частностямъ, мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что совершенно неразработаннымъ остался вопросъ объ отношеніи комедіи Лопе-де-Вега къ комедіи итальянцевъ. „Здѣсь не мѣсто вдаваться въ параллельное изученіе двухъ жанровъ“, говорить г. Петровъ на стр. 424, хотя на папкѣ взглянуть именно здѣсь и было бы мѣсто для этого. Въ подстрочномъ примѣчаніи онъ обѣщаетъ восполнить этотъ пробѣгъ въ главѣ IX, § 2,—но и тамъ мы полагаю отвѣта не находимъ. Что касается валенсіанской школы испанскихъ драматурговъ, то авторъ, на папкѣ взглянуть, правъ, отрицая си влѧниѳ на Лопе-де-Вега и рѣшаютъ этотъ вопросъ какъ разъ въ обратномъ смыслѣ (стр. 426 прк.). Но менѣе ясно отношеніе Лопе къ Мигелю Санчесу, отъ которого нашъ авторъ также отдѣливается мимоходомъ въ томъ же примѣчаніи. Между тѣмъ этотъ вопросъ имѣть

первоочередное значение для исторической оценки творчества Лопе, и надо надеяться, что наш автор, уже составивший себѣ определенное мнѣніе по этому поводу (см. тамъ же), вернется къ детальнѣйшей разработкѣ данного вопроса. Вполнѣ согласны мы съ г. Петровымъ въ вопросѣ о *Serafina Паарро* (стр. 343 сл.). Ей герой—конечно, не карикатура, какъ полагалъ Менендѣз-и-Пелайо.

Лучшая часть всей книги г. Петрова несомнѣнно послѣдняя глава, въ центрѣ которой снова стоятъ Лопе-де-Вега, нѣсколько оттесненный на задний планъ въ предшествующей главѣ. Тутъ, какъ мы уже замѣтили, затронутъ рядъ важнѣйшихъ вопросовъ, которые должны бы были быть выдвинуты на первое мѣсто, какъ вопросъ объ эволюціи творчества Лопе (см. выше стр. 194). Во всѣхъ частяхъ этой главы г. Петровъ вполнѣ самостоятеленъ, впервые поднимая и отчасти разбирая нѣсколько вопросовъ, важныхъ для оценки и характеристики поэзіи Лопе вообще. Особенно мѣръ хотѣлось бы подчеркнуть третій параграфъ этой главы („Комедія и автобіографія“, стр. 466 сл.). Здѣсь мѣрко и очень убѣдительно выясняются автобіографическіе элементы въ комедіяхъ *Amar, servir y esperar, El maestro de danzar, El Domine Lucas*, въ особенности *La villana de Xetafo*, „въ которой съ любовной интригой переплетаются воспоминанія о первомъ и второмъ бракѣ поэта“ (стр. 471) и, наконецъ, *La viuda valenciana*, съ ея многознаменательнымъ посвященіемъ Марсін Леонардѣ. Это — яркая литературная иллюстрація къ послѣдней страстью любви Лопе, героиней которой была Марта Неваресь-и-Сантойо, жена Роке-де-Эриандеса (стр. 480 сл.). Здѣсь нашимъ авторомъ достигнуты прочные и, нѣсколько мы можемъ судить, исчерпывающіе матеріалы результаты. Предполождій параграфъ этой главы посвящаютъ „драматургіи Лопе“ (стр. 499—517). Къ сожалѣнію, и тутъ также лишь началь работы, подготовительные шаги. „Подробное изложеніе эстетики, теоріи поэзіи или даже только драматургіи Лопе-де-Вега заведо бы насть слишкомъ далеко отъ цѣлей настоящаго изслѣдованія“ (стр. 499), и читателю невольно приходится мириться съ тѣмъ, что авторъ даетъ лишь подробный анализъ интереснѣйшаго труда Лопе—*Arte nuevo* 1609 г., въ защиту національного театра (стр. 502—510), предисловія къ XIV части его комедіи (*El teatro a los lectores*, 1620 г.) и *La Filomena*, 1621 г., касающейся мимоходомъ еще посвященія къ *El castigo sin venganza* 1631 г. и одновременно съ нимъ *Egloga a Claudio*. Все это — чрезвычайно интересно и цѣнно, но это лишь матеріалы для будущаго зданія.

Вернется-ли нашъ авторъ къ его отстройкѣ? Въ интересахъ дѣла

мы бы желали этого. Ниже изъ нашихъ ученыхъ — да и мало кто изъ ученыхъ испанскихъ — подготовленъ къ этой работе такъ хорошо, какъ г. Петровъ. Изучить хотя бы одинъ изъ отрывковъ поэзіи Лопе, чудовищнаго по своей плодовитости (ср. стр. 427), это — подвигъ, который рѣдко кто способенъ выполнить съ такой добросовѣтностью, какъ нашъ авторъ. Но для него лично мы утомотрѣли бы въ этомъ серьезную опасность: мы боимся, какъ бы онъ не потонуть въ этомъ „океанѣ поэзіи“, потерявъ путеводную нить, ясность и объективность взгляда. Первые признаки такого печального оборота уже на лицо. Посвятивъ двѣ объемистыя книги Лопе-де-Вега, онъ невольно идеализируетъ своего героя — но въ пользу объективной оценки, а стало быть и не въ пользу научного уразумѣнія ого. „Очарованіе поэзіи Лопе-де-Вега безгранично“, восклицаетъ онъ на стр. 83. „Лопе одинъ изъ самыхъ великихъ поэтовъ міра“ (стр. 173), „очень многое изъ его поэтическаго наслѣдія должно быть отнесено къ числу совершенѣйшихъ созданий искусства“ (стр. 427), во многихъ отношеніяхъ огнь выдержаніи сравненію съ Шекспиромъ, въ пѣкоторыхъ — огнь стоять выше послѣдняго (ср. стр. 168, 173, 434).

Мы противъ такой идеализации не споримъ: она кажется намъ естественнымъ послѣдствиемъ долголѣтней работы нашего автора, хотя мы лично во многихъ пунктахъ расходимся съ г. Петровымъ въ оценкѣ творчества Лопе, вполнѣ признавая его историческое значеніе. Болѣе опаснымъ представляется намъ чувство огорченія, испытываемое нашимъ авторомъ, когда ему по необходимости приходится констатировать отрицательныя стороны въ характерѣ своего героя. „Да, Лопе — гениальный поэтъ, особа духовнаго званія, слава родины, быть прелюбодѣемъ....! Все это необходимо признать.... Но было бы грубо осуждать поэта, не выслушавъ его оправданій. Не всякий можетъ бороться съ любовной страстью“ и т. д. (стр. 481).

Болѣе объективный тонъ былъ бы здѣсь больше у мѣста.

Намъ остается сдѣлать нѣсколько частныхъ замѣчаній. Утверждая на стр. 320, что „воздареніе Филиппа IV (1621 г.) окончательно обеспечило театру благопріятное развитіе“, г. Петровъ, очевидно, забылъ, что и этотъ король принималъ репрессивные мѣры противъ театра въ 1644—1649 годахъ, и что, въ частности, комедіи Лопе-де-Вега были запрещеными къ постановкѣ еще послѣ 1649 года.

Театръ de la Сузѣ былъ основанъ въ Мадридѣ въ 1579 г., Del principe — въ 1582, а не наоборотъ, какъ мы читаемъ у г. Петрова на стр. 316. См. Шеферъ стр. 12.

Какъ мы уже отмѣтили, книга г. Петрова читается легко, стиль бойкій и гладкій. Тѣмъ больше поражаетъ читателя любовь автора къ иностраннымъ словамъ и оборотамъ. Таковы фразы изъ соцг (стр. 40, 88 и т. д.), tapada (79, 137), gozat (78, 94, 482). Неужели авторъ не могъ бы замѣнить ихъ равносильными русскими словами? Очень ужъ некрасиво звучать они въ серединѣ русской фразы.

Но это, конечно, мелочи.

Подводя итогъ, мы можемъ сказать, что трудъ г. Петрова проведенъ—въ предѣлахъ поставленной самимъ авторомъ задачи—умѣло и добросовѣстно, и представляется цѣнный вкладъ въ ученую литературу обѣ испанской комедіи. Цѣнителей этого труда у насъ найдется немногого. Въ интересахъ дѣла было бы желательно, чтобы авторъ перевѣлъ иностранныя части своей книги на одинъ изъ западно-европейскихъ языковъ: мы имѣемъ въ виду, при этомъ, главнымъ образомъ, послѣднія двѣ главы, имѣющія, какъ нами уже отмѣчено, наибольшее научное значение.

Ф. Браунъ.

Псалтыри живописующихъ въ перевода Еврея. Къ изданію приготовилъ М. Н. Сперанскій. Издание Императорскаго Общества Историк и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университѣтѣ. М. 1907.

Много лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ взяли мы въ руки одинъ изъ списковъ Псалтыри Осдора Еврея; много разъ по разнымъ причинамъ намъ приходилось упоминать обѣ этой Псалтыри; но по независящимъ отъ насъ и непредвидѣннымъ обстоятельствамъ не оказалось для насъ возможнымъ воспользоваться ея списками и пропроверить по нимъ свои выписки въ то время, когда мы печатали свой трудъ о переводной литературѣ Московской Руси XIV—XVII вѣковъ. Поэтому написать этюдъ о Псалтыри Осдора Еврея не попало въ эту книгу, къ несомнѣнному ущербу для ея полноты; но мы въ ней все-таки наложили вкраплѣ свое мнѣніе обѣ этомъ памятникѣ.

Большое спасибо М. Н. Сперанскому, что онъ взялъ на себѣ не легкій трудъ изданія Псалтыри Осдора Еврея. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ издалъ ее вполнѣ точно. Можно на него постыдиться разве за то, что онъ не приложилъ къ тексту хотя бы небольшого словаря—списка находящихся въ текстѣ необычныхъ словъ, что было бы полезно для интересующихся языкомъ Псалтыри и избавило бы ихъ отъ перечитыванія и выписыванія.

Кромѣ текста, М. Н. Сперанскій далъ небольшое изслѣдованіе

этого въ своемъ родѣ единственного въ древне-русской литературѣ памятника. На немъ мы остановимся.

Первое, что намъ кинулось въ глаза, это—неполное знакомство М. Н. Сперанского съ вышеупомянутымъ нашимъ трудомъ о переводной литературѣ Московской Руси. Кажется, онъ прочелъ въ главѣ: „Литература живовѣтующихъ“ только шесть строкъ на страницѣ 400-й. Во всякомъ случаѣ для насть несомнѣнно, что онъ не прочиталъ страницъ 398 и 399, гдѣ мы говоримъ о Псалтыри живовѣтующихъ и о книгѣ Эсопѣ въ древне-русскомъ переводѣ¹⁾). Въ виду этого намъ здесь придется повторить кое-что изъ сказанного тамъ.

Какъ видно уже изъ заглавія, для М. Н. Сперанского Псалтырь Феодора Еврея и Псалтырь живовѣтующихъ—одно и то же. По его мнѣнію, архіепископъ Геннадій говорить именно о Псалтыри Федора, и именно она должна быть поставлена въ связь съ „богослужебными отпразднѣніями“ живовѣтующихъ.

Взглядъ М. Н. Сперанского по отличается новизною и мы съ нимъ считались, когда печатали страницу 400 нашей „Переводной литературы“. Онъ основывается всецѣло на цитатѣ изъ посланія Геннадія къ Прохору о тетради, „по чому живовѣтующіе молились по-живовѣтскіи“: „ты тамо узришь..., какъ превращены псалмы на ихъ обычай“. Но опускаетъ изъ виду, что говорится у Геннадія въ посланіи къ Іоасафу: „живова еретическое преданіе держать—псалмы Давыдовы или пророчества испревращали, по тому какъ имъ еретики предали Акила, Симмаха и Феодотіона“. Взятыя всѣ вмѣстѣ слова Геннадія ясно показываютъ, что онъ анализъ у живовѣтующихъ обыкновенную Псалтырь, но не простую, а снабженную толкованіемъ Акила, Симмаха и Феодотіона, т. е. подобную книгѣ Царствъ и книгѣ Іова, которыхъ дошли до насть (только въ сербскихъ спискахъ, Геннадію, конечно, неизвѣстныхъ) съ толкованіемъ, па библейской текстъ Акила, Симмаха и Феодотіона.

Вотъ эту-то Псалтырь, вѣроятно, съ извѣстными особенностями въ текстѣ псалмовъ и съ толкованіемъ Акила, Симмаха и Феодотіона, мы и называемъ „Псалтырю живовѣтующихъ“. Списковъ ея въ нашихъ библиотекахъ мы указать не можемъ; но надѣемся, что они

¹⁾ Точно также ому осталась неизвѣстной наша критическая замѣтка о книгѣ: „О ерсси живовѣтующихъ. Новые материалы, собранные С. А. Булокуровымъ, С. О. Долговымъ, Н. Е. Бессеневымъ и М. И. Соколовымъ“, М. 1902,—напечатанная въ Журн. Мин. Нар. Прое., гдѣ мы говоримъ, между прочимъ, въ о Псалтыри Федора Еврея.

найдутся. Извѣстно, что позднихъ списковъ Псалтыри—огромное количество и что они еще никакъ-нибудь не рассматривались¹).

Что же до Псалтыри Федора Еврея, которая съ обыкновенной Псалтырью не имѣть ничего общаго и съ Акалою, Симиахомъ и Феодотиономъ не можетъ быть связана, то мы ее считаемъ особымъ памятникомъ, отличнымъ отъ Псалтыри живовствующихъ.

М. Н. Сперанскій остановился на „Посланиѣ“ Федора Еврея, недавно изданномъ М. И. Соколовымъ, и по поводу его написалъ противъ Федора нѣчто въ родѣ обвинительного акта (стр. 38—39). По его словамъ, Федоръ — „одинъ изъ предшественниковъ Схарія“, а его „Послание“ — „новко прикрытый тактический ходъ съ цѣлю отвести глаза“; „Федоръ уже болѣе, чѣмъ за 10 лѣтъ до появленія ереси дѣйствовалъ въ ее пользу, и когда дѣло ереси стало крѣпнуть, явился въ ряду тѣхъ ся дѣятелей, которые помогали ея организациѣ“. Мы по прежнему не видимъ ни малѣйшаго основанія для причисленія Федора Еврея къ еретикамъ живовствующимъ; хотя его имя находится и на переведенной имъ Псалтыри, и въ „Посланиѣ“, тѣмъ не менѣе никто изъ современниковъ между еретиками его не называетъ.

Гдѣ совершенъ переводъ Псалтыри, спрашивается М. Н. Сперанскій (стр. 40). И отвѣчаетъ: „оба списка ся, намъ извѣстные, указываютъ, что она была извѣстна на сѣверѣ; естественно предположить, что Федоръ жилъ если не въ самомъ Новгородѣ, то во всякомъ случаѣ... въ областяхъ новгородскихъ и здѣсь совершилъ свой переводъ“. Списки его Псалтыри сдѣланы, почти несомнѣнно, въ Кирилловомъ монастырѣ на Бѣломъ озерѣ. Теперь этотъ монастырь, дѣйствительно, связанъ съ Новгородомъ административно; но въ XV вѣкѣ онъ былъ въ Московскому княжествѣ и, повидимому, имѣть значительныхъ союзій съ Москвой. Это обстоятельство, виѣстѣ съ благословеніемъ Федора на переводъ отъ московского митрополита Филиппа (а не отъ новгородского архіепископа или отъ одного изъ списковъ Московской Руси), позволяетъ догадываться, что Федоръ всего скорѣе жилъ и работалъ въ самой Москвѣ.

М. Н. Сперанскій замѣчаетъ, что „особенности юго-западнаго говора, замѣтныя въ Псалтыри (Федора), показываютъ, что русскому языку впервые онъ обучился на юго-западѣ русскаго племени, въ Литвѣ (въ широкомъ смыслѣ этого термина), откуда онъ и пришелъ“

¹) Поэтому, мы думаемъ, мы еще не имѣемъ въ рукахъ и тѣхъ „мирскихъ составленій Псалтырь“, о которыхъ говорить индексъ запрещенныхъ книгъ, точно—прибавленіе къ нему, сдѣланное въ древней Россіи.

(стр. 40). Далѣе онъ приводить изъ Псалтыри Федора рядъ словъ и выражений, по его мнѣнію, принадлежащихъ юго-западному русскому говору, каковы, напримѣръ, лоочный, кто какъ ты, сялъ какъ ты¹⁾), кто Богъ яко ты, надѣніе, излюби и др.

И здѣсь памъ приходится разойтись съ уважаемымъ надателемъ. Текстъ Псалтыри Федора по обоимъ спискамъ, можно сказать, совершенно свободенъ не только отъ малоруссизмовъ (ничего похожаго на нихъ въ немъ нѣть), но даже отъ шаблонныхъ бѣлоруссизмовъ, обычныхъ въ каждомъ документѣ западно-русского происхожденія; они должны были сохраниться у переписчиковъ вслѣдствіе малой понятности текста. То, что кажется М. Н. Сперанскому юго-западнымъ русскимъ элементомъ, это скорѣе—польское, чешское, сербо-хорватское. Именно *поставный* (ис. XXV, LIX)=пол. postawny, чешск. poslavný, *починокъ* (начало; ис. XL)=чешск. ročinek, *вѣдѣ*=чешск. vѣdy, *поранитие* (встать рано; ис. XLIII)=сербо-хорв. *поранити, уранити*. Какъ-будто Оедоръ Ерей жилъ среди славянъ нынѣшней Австро-Венгрии, оттуда попалъ въ Москву и здѣсь г҃боколько научился и церковно-славянскому языку русскихъ церковныхъ книгъ, и живому русскому языку. Такимъ образомъ языкъ его Псалтыри—смѣясь чуть не всѣхъ славянскихъ языковъ.

Если мы рѣшимся такъ смотрѣть на языкъ труда Федора Ерея, мы кое-что уяснимъ себѣ въ его странныхъ грамматическихъ формахъ.

Формы имен. пад. од. ч. на а съ значениемъ вин. или твор. пад. (похвалимъ имя его усты всиими и душа величия его, ис. XX; съ страхомъ воля ихъ творящихъ, ис. XXII, и т. п.)—можетъ быть, польскія формы съ опущеннымъ носовымъ прозвукомъ. Формы 2-го и 3-го лица ед. ч. аориста на э (ты выкупилъ насть, Господь Богъ нашъ,... ты гладъ насть напиталъ, а сыта угѣшилъ, а отъ меча насть избавилъ, ис. L, и др.) легко могутъ быть объяснены при помощи сербо-хорватской ореографіи.

Впрочемъ нѣть сомнѣнія, что языкъ Псалтыри Федора Ерея—въ полномъ смыслѣ слова искусственный и имѣть сочиненные имъ самимъ слова и формы.

А. Соболевскій.

¹⁾ Эти два призыва неудачны: *какъ*—тический великоруссизмъ (=бѣлорусск. *какъ*).

Prof. D-r T. Maretic. Ruske i češke vlivni u književnom hrvatskom jeziku. Zagreb. 1892.

Вопросъ о тѣхъ или иныхъ сторонахъ русскаго вліянія на западно и юго-славянскую культуру является еще очень мало разработаннымъ въ наукѣ; тѣмъ отраднѣе потому въ ряду трудовъ одного изъ видныхъ представителей юго-славянской науки, профессора Загребскаго университета д-ра Т. Маретича, встрѣчать стремленіе къ освѣщенію различныхъ сторонъ этого вопроса: въ своей работѣ „о переводахъ Тургенева на сербо-хорватскій языкъ“, подробно разсмотрѣнной мною въ *Журнале Министерства Народного Просвещенія* 1906, № 3, почтенный ученый даётъ богатый матеріалъ для разрѣшенія вопроса о степени интереса сербовъ и хорватовъ къ одному изъ видѣйшихъ представителей нашего художественнаго реализма, о степени знакомства хорватовъ и сербовъ съ русскимъ языкомъ и т. д. Въ своей работе, заглавіе которой выше выписано, проф. Маретичъ даётъ рядъ цѣнныхъ матеріаловъ по вопросу о вліяніи русскаго слова въ на хорватскій, при чёмъ этотъ вопросъ разматривается въ связи съ вліяніемъ и чешской лексики на хорватскую. Какъ первый, такъ и второй упомянутые труды хорватскаго профессора являются плодомъ тщательныхъ и кропотливыхъ изысканій, отнимающихъ массу времени, труда и въ заключеніе приводящихъ къ составленію по объемистѣмъ томонъ, а брошюры въ иѣсколько десятковъ страницъ, по брошюрамъ нерѣдко гораздо болѣе цѣнной, чѣмъ иная тѣжеловѣсная изслѣдованія, для выпуска которыхъ въ свѣтъ требуется лишь подборъ и сортировка не напечатаннаго раньше матеріала, а не сложная критическая и сравнительная предварительная работа. Въ началѣ разматриваемаго труда проф. Маретичъ даётъ перечень трудовъ, проливающихся свѣтъ на роль иноzemной стихіи въ хорватскомъ языкѣ, приводя изслѣдованія Ф. Миклошича¹⁾ и Дж. Поповича²⁾ о турецкомъ, Ф. Курелца³⁾ обѣ итальянскомъ и Мункачі⁴⁾ о мадьярскомъ вліяніяхъ въ хорватскомъ языкѣ. Трудовъ о вліяніи другихъ славянскихъ языковъ на хорватскій до появленія настоящей работы проф. Маретича не имѣлось, и ему такимъ образомъ первому принадлежитъ честь проектированія пути въ этомъ направлѣніи; онъ ограничивается

¹⁾ F. Miklošić, Die türkischen Elemente in süd-ost- und osteuropäischen Sprachen, 1884.

²⁾ B. Попович. Турско и друге источанске речи у нашем језику, 1884.

³⁾ F. Kurelac. Vlaške rěči o jeziku našem.

⁴⁾ B. Munkácsai. Magyar elemek a déli szláv nyelvekben.

свою задачу съ одной стороны лишь двумя славянскими языками, русскимъ и чешскимъ, какъ имѣвшими наибольшее влияние на хорватскій, а съ другой стороны исключительно областю словарной безъ затрагиванія сферы этнографической и синтаксической. Говоря о различныхъ формахъ влиянія одного языка на другой, авторъ различаетъ влияніе 1) естественное, народное, когда одинъ народъ, приходя въ соприкосновеніе съ другимъ, заимствуетъ изъ его словаря, часто не замѣтно для себя, его выраженія и 2) влияніе искусственное, литературно-научное, когда писатели или ученые вводить въ свои произведения выраженія чужихъ языковъ, становящіеся общепароднымъ достояніемъ лишь подъ влияніемъ авторитета писателя-новатора. Ясно, что первое влияніе обыкновенно съ одной стороны, какъ все стихійное, мало сознательно, съ другой стороны шире въ количественномъ отношеніи; второе, какъ продуктъ зрѣлого размышленія, болѣе сознательно, обосновано и глубже въ качественномъ отношеніи. Разумѣется, при заимствованіяхъ одного народа отъ другого и въ силу сопѣдства, чистыхъ синонимъ не играютъ особенно важной роли племенное и языковое средство въ; кроме того нерѣдко заимствуются тѣ слова, которые уже существуютъ и въ своемъ языке и постепенно вытесняются заимствованнымъ варваризмомъ; очевидно затѣмъ и то, что подобный естественный народный заимствованія сплошь и рядомъ носятъ чистый областной характеръ, такъ на мадьярской границѣ будуть мадьяризмы, на нѣмецкой германизмы и т. д., которыхъ общий литературно-школьный языкъ не принимаетъ. При заимствованіяхъ искусственныхъ въ большинствѣ случаевъ иностранное слово берется лишь въ силу дѣйствительной необходимости, когда для выраженія извѣстного понятія иѣть подходящаго слова въ своемъ языке; одни изъ новаторовъ языка стараются обыкновенно и въ этомъ случаѣ или сковать по чужому образцу все же свое слово, или перевести иностранное слово, какъ было напр. и у насъ въ Россіи, когда хотѣли ввести „лѣнѣсть“ вмѣсто субъективизма, „мокроступы“ вмѣсто калоши, „самокатъ“ вмѣсто велосипедъ и т. д.; другие стараются подыскать необходимое слово сначала въ ближайшихъ родственныхъ языкахъ или прямо беруть то иностранное слово, которое дало самый толчокъ къ ихъ изысканіямъ. Отмѣтишь затѣмъ, что искусственное заимствованіе, разъ оно привилось, становится уже не областнымъ, а литературнымъ общепароднымъ достояніемъ. Все вышеизложенное находить себѣ рядъ подтвержденій и въ рассматриваемой книгѣ доктора Маретича по отношенію къ заимствованіямъ хорватскаго языка. При-

водится однако же и рядъ отступлений отъ указанныхъ общихъ положеній, такъ напр. указывается нѣсколько принятыхъ въ литературномъ хорватскомъ языке руссизмовъ и чехизмовъ, которые являются совершенно излашными въ виду наличности и хорватскаго слова для выражения соответствующихъ понятій, таковы руссизмы: „dozvoliti, izlijan, izviniti“ и др. при наличности хорватскихъ выражений „dorustiti, zališan, oprostiti“ и т. д. или чехизмы „dostatan, opotovati, veljevan“ и др. вмѣсто чисто хорватскихъ dovoljan, ponavljati, veličanstven и т. д. Обращаясь къ разсмотрѣнію руссизмовъ и чехизмовъ въ хорватскомъ языке, авторъ дѣлаетъ между прочимъ замѣчаніе о причинѣ, по которой онъ оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о полонизмахъ: „iz toga (poljskoga) jezika, говорить онъ, nijesmo po svoj prilici uzeli ni jedne rijece“. Тѣ слова, которыхъ въ хорватскомъ языке являются общими съ языкомъ польскимъ, какъ напр. ogroman, podal, porodak, surot, и др. и могли бы считаться полонизмами, имѣются и въ языкахъ либо русскомъ, либо чешскомъ, „za to, продолжаетъ профессоръ Маретичъ, treba reci, da smo te i slično rijece uzeli ili od Rusa ili od Čeha, kao i mnoge druge, a ne od Poljaka, od kojih i opće njekesto valja nista uzeli“. Единственнымъ известнымъ автору словомъ, общимъ хорватскому и польскому языкамъ, но не имѣющимся ни у русскихъ, ни у чеховъ, является „krajoberaz“, однако и это слово профессоръ Маретичъ считаетъ возможнымъ признать не заимствованіемъ изъ польского, а, какъ онъ выражается, „čomaga kovanica“, тѣмъ болѣе что въ польскомъ языке это слово имѣть значеніе нѣмецкаго „Landschaft“, а Мажураничъ, Ужаровичъ и Поповичъ понимаютъ его въ смыслѣ нѣмецкаго „Landkarte“. Констатируя тщетность своихъ тщательныхъ усилий найти въ хорватскомъ языке какой-либо безусловный полонизмъ, профессоръ Маретичъ признаетъ себя въ правѣ утверждать „naše književno slavonsko i hrvatsko rođenje samo iz češkoga i ruskoga jezika“. Отсутствіе полонизмовъ въ хорватскомъ литературномъ языке авторъ объясняетъ слабымъ знаніемъ этого языка хорватами, которые, если изучаютъ какой-либо изъ славянскихъ языковъ, то или русский, или чешский; къ польскому же языку отъ эпохи хорватскаго возрожденія рѣдко кто обращался, такъ какъ, по словамъ профессора Маретича, онъ много труднѣе для юго-славянъ, чѣмъ русский или чешский.

Пишущій эти строки имѣлъ случай, по личнымъ наблюденіямъ, убѣдиться въ справедливости указанныхъ словъ профессора: тогда какъ русский языкъ изучается и въ Загребскомъ университете, и въ

специальномъ „кружкѣ любителей русскаго языка“, и частнымъ образомъ; тогда какъ знатоковъ чешскаго языка можно найти среди хорватовъ тоже довольно много, знатоковъ польскаго языка можно считать лишь единицами. Дѣятели хорватскаго возрожденія тоже были больше въ сношенихъ съ русскими и чехами, чѣмъ съ поляками, быть можетъ и потому, что, за исключеніемъ Кухарскаго, Манѣвскаго и т. д. поляки менѣе проявляли интереса къ славянской идеѣ, чѣмъ русскіе, какъ Погодинъ, Хомяковъ, Срезневскій, Бодянскій, министръ Шишковъ и т. д., или чехи и словаки, какъ Колларъ, Шафарикъ, Ганка, Челаковскій и др. Польская литература тоже лишь за послѣднее время главнымъ образомъ въ лицѣ Сенкевича стала пользоваться популярностью у хорватовъ, но и то болѣе путемъ перевodовъ, чѣмъ въ оригинальѣ. Конечно, желательно, чтобы кто-либо изъ польскихъ ученыхъ знатоковъ хорватскаго языка еще разъ привѣрилъ выводы профессора Маретича, но при отсутствіи пока такихъ наследниковъ профессоръ Маретичъ является единственнымъ авторитетомъ. Введеніе русскаго элемента въ хорватскій словарь профессоръ Маретичъ усматриваетъ съ включеніемъ дубровчаниномъ Stulić множества русизмовъ въ свой трудъ „Rječosložje god. 1806“; заимствованія эти дѣлались г. Студицемъ непосредственно изъ русскаго словаря и обозначались „Iсх. г.“; отмѣтивши обиліе русскихъ заимствованій въ словаряхъ Majkulača, Užagovića и Štok'a и указавши роль сербскаго посредства при этихъ заимствованіяхъ, авторъ констатируетъ наличность заимствованій довольно разнообразнаго характера. Подводя итоги наблюденіямъ профессора Маретича, можно установить слѣдующія группы хорватскихъ заимствованій изъ славянскихъ языковъ:

- 1) слова, заимствованные непосредственно изъ русскаго языка, такъ какъ они лишь только въ немъ и имѣются; какъ подраздѣленіе этой группы будутъ и тѣ русизмы, которые перешли въ хорватскій языкъ черезъ сербское посредство;
- 2) слова, общія и русскому и чешскому языкамъ; решеніе вопроса, изъ которого именно языка переплыли подобныя славянскія заимствованія въ хорватскій языкъ, въ большинствѣ случаевъ затруднительно: у отдѣльныхъ писателей подобный чехизмъ-руссизмъ заимствовался изъ одного, у другихъ изъ другого языка и въ концѣ концовъ привился общо-литературному языку;
- 3) слова, имѣющіяся лишь въ чешскомъ языкѣ и заимствованыя непосредственно изъ него.

Какъ оригинальныхъ явлений, слѣдуетъ отмѣтить съ одной стороны наличность заимствованія въ хорватскомъ языкѣ руссифицированныхъ германізмовъ, идиотизмовъ и литвинизмовъ и чехизированныхъ германізмовъ, а съ другой стороны наличность такихъ случаевъ, когда хорватскій языкъ заимствуетъ для выраженія известнаго понятія и русское, и чешское слово, звучащія однако же каждое въ своемъ языкѣ различно. Какъ примѣръ первого изъ только что указанныхъ явлений можно привести *kist*—кисть—*Quaste*; *važan*—важный—*vaznī*—*Wage*; *jantar*—ялтарь—*jentaras*; какъ примѣръ второго явлений, могутъ служить: *rojace* (рус.) и *rojat* (чеш.) для выраженія „понятіе“; *zbornik* (рус.) и *zbírka* (чехизмъ) для выраженія „сборникъ“ и т. д. Что касается всѣхъ разсмотрѣнныхъ профессоромъ Маретичемъ заимствованій, то въ интересующей настъ книжкѣ ихъ разсмотрѣно около 270, при чемъ расположены они въ алфавитномъ порядкѣ хорватскихъ словъ. Почти половина всѣхъ заимствованій (около 120 словъ) падаетъ на долю первой изъ намѣченныхъ нами выше группъ, т. е. представляетъ собою чистые руссизмы; какъ примѣры ихъ можно привести: *bars*—барсъ; *čip*—чики; *iskren*—искреній; *otmjen*—отмѣній; *savješt*—совѣсть и т. д. Около четверти заимствованій должно быть отнесено на долю второй и около четверти на долю третьей изъ намѣченныхъ группъ. Въ примѣръ второй группы приведемъ: *bodar*—бодрый—*bodrý*; *čaj*—чай—*čaj*; *předmět*—предметъ—*predmet*; *skromn*—скромный—*skrovny*; *zvuk*—звукъ—*zvuk* и др.; въ примѣръ заимствованій третьей группы укажемъ: *bojegljivo*—*baiesloví*; *prednost*—*přednost*; *sadra*—*sádra* (гильз); *ubjel*—*ubil* (амебастрь); *veleban*—*velebný* и другіе.

При выдающейся тщательности, отличающей всѣ труды профессора Маретича, и настоящій его трудъ можетъ быть признанъ образцовымъ; цѣнная дополненія къ нему, о которыхъ нами будетъ также поздѣе сказано, появились въ „*Nastavní vjestaňk*, III sv. 2“.

Одну изъ вкравшихся неточностей, а именно пропускъ русскихъ выражений „набожный, набожность“ при хорватскихъ словахъ „*nabožan*, *nabožnost*“ и чешскихъ „*nábožný*, *nábožnost*“ профессоръ Маретичъ замѣчаетъ и поправляетъ самъ (стр. 33).

Изъ замѣченныхъ нами неточностей позволимъ себѣ указать слѣдующія:

стр. 8—изъ приводимыхъ, какъ переводъ выражения „*izraziti se*“ двухъ: русскихъ выражений „изразиться щи выразиться“ первое неупотребительно;

стр. 15—въ параллель хорватскихъ „bilina, bilinsvo“—Pflanze приводится лишь чешскій выраженіе „bylina, bylinstva“, тогда какъ можно бы привести и русское слово „былинка, былинка“ въ томъ же значеніи растенія, напр. ниже тоненькой былинки нужно голову клопинуть, чтобы на свѣтѣ сиротиночки беззачально вѣтъ прожить (Некрасовъ); подъ нами трепещутъ былинки, намъ таѣхъ хорошо и тепло и т. д. (стихотв. „Омутъ“);

стр. 22—ошатка „кашаться“ вмѣсто „касаться“;

стр. 22—помимо чешскаго „látka“ въ параллель къ хорватскому „latak“ (Stoff, Zung) можно добавить и русскій выраженія „латка, латать“ въ значеніи маленькая заплаты, положить маленькую заплату;

стр. 23—въ параллель чешскому „objom“ къ хорватскому „objam“ (Umfang, Peripherie) можно указать и русское слово „объемъ“;

стр. 24—слово „отсутствій“ не свойственно русскому языку;

стр. 24—къ выраженіямъ хорв. okolnost (Umgland) и чеш. okolnost можно добавить и русскія „окольный“, напр. онъ идѣтъ къ цѣли окольными путями“, „околичность“, напр. приступить къ дѣлу безъ дальнѣйшихъ окольностей;

стр. 25—къ хорватскому „općinstvo“ (Publicum) и чешск. „obecenstvo“ можно добавить и русское „общество“, употребляемое въ значеніяхъ, какъ лат. „societas“, такъ и при выраженіи „онъ—человѣкъ изъ общества“ въ смыслѣ „высший свѣтъ“;

стр. 25—выраженіе „осудить“ не употребительно;

стр. 26—выраженіе „покусь“ для русскаго языка не обычно;

стр. 27—къ хорв. preropa (Hinderniss) и чешск. r eropa можно добавить и русское слово „препона“, напр. рѣка разрушила на своемъ пути всѣ препоны;

стр. 27—для русскаго языка слово „притомный“ не обычно;

стр. 29—къ хорв. „soljanka“ (Idylle) и чешск. „selanka“ можно привести и употребляющееся въ другомъ значеніи русское слово „селянка“ (женища изъ села), такъ какъ вообще-то авторъ приводить и тѣ слова, которые одинаковы въ рассматриваемыхъ языкахъ по формѣ, но различны по значенію;

стр. 30—русское слово „строить“ намъ неизвѣстно, а въ смыслѣ производимомъ авторомъ употребительно „строила“.

Всѣ указанные недочеты не имѣютъ однако важнаго значенія и нисколько не умаляютъ значенія цѣнной работы проф. Мартича.

III. Заболотный.

Slavische Literaturwissenschaften von Dr. J. Karasik. II Theil. Das neunzehnte Jahrhundert. Leipzig 1906.

Продолжение разсмотренного нами въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1907 г. № 11, труда д-ра Каракса по истории славянскихъ литературы является выпущенное имъ въ 278 книжкъ Гешеновского собрания обзорѣніе славянскихъ (кромъ русской) литературы XIX вѣка. Краткое, но содержательное, это обзорѣніе начинается главою о польскомъ литературномъ ренессансѣ, родоначальниками которого выставляются Kazim. Brodzinski и дѣятели такъ называемой украинской школы, каковы Ant. Małczewski, M. Grabowski, S. Goszczyński и B. Zaleski; при всей скромности своего изложения авторъ успѣваетъ однако же не только дать биографический очеркъ и обзоръ трудовъ известного писателя, но старается, по мѣрѣ возможности, дать оцѣнку характера, направленія и выяснить значеніе творчества рассматриваемаго литературнаго дѣятеля. Съ вниманіемъ останавливаются на вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ литературы, д-ръ Караксъ отмѣчаетъ интересные съ точки зренія русско-польской взаимности факты участія М. Грабовскаго въ „Дѣлѣ“ Аксакова и влиянія малороссийскихъ душокъ на творчество Б. Залескаго. Съ большей подробностью, чѣмъ представителей „укrainской школы“ въ польской литературѣ, характеризуетъ авторъ знаменитыхъ представителей польского романтизма А. Мицкевича, Словацкаго и Красинскаго; основательное знакомство автора съ творчествомъ характеризуемыхъ имъ писателей и тленное чувство по отношенію къ предмету своего изложения дѣлаютъ весьма содержательнымъ и интереснымъ очеркъ г. Каракса о мессиапизмѣ: съ его представителемъ Товлинскимъ, объ указанныхъ корнеяхъ польской литературы и о возрастаніи въ Европѣ интереса къ Польшѣ подъ влияніемъ политическихъ событий въ странѣ и подъ влияніемъ роста польской литературы. Говоры о творчествѣ указанныхъ писателей, авторъ неоднократно касается вопроса объ ихъ отношеніяхъ къ Россіи, русскимъ писателямъ и литературѣ; такъ напримѣрь, дается интересное и, на нашъ взглядъ, правильное сопоставленіе „Pan Tadeusz“ Мицкевича и „Евгений Онѣгінъ“ Пушкина (стр. 17), рисуются отношенія Пушкина и Мицкевича, отмѣчается разработка Словацкимъ мотива о Миазепѣ и характеризуется изображеніе русскихъ въ творчествѣ Мицкевича и Красинскаго. Изъ замѣченныхъ истoчностей болѣе существенной въ рассматриваемой главѣ является приписываніе Пушкину какого-то несуществующаго произведения, *Gedicht, das gegen*

die Polen gerichtete, „Der prahlerische Pole und der treue Russe“, тогда какъ эти слова являются не заглавіемъ особаго произведенія, а лишь выражениемъ изъ раньше упомянутаго авторомъ „Den Verleumdern Russlands“¹⁾.

Если съ любовью, основательностью и знаниемъ дѣла излагаетъ авторъ ходъ возрожденія национальной польской литературы, то, естественно, еще болѣе въ курсѣ дѣла онъ оказывается, какъ природный чехъ и какъ авторъ многочисленныхъ статей и трудовъ по чешской литературѣ, когда рѣчь заходитъ объ его родныхъ писателяхъ и деятеляхъ чешскаго возрожденія. Ходъ развитія чешской литературы авторъ излагаетъ въ связи съ обрисовкой развитія чешскаго общества, при чемъ обширна (31—49 стр.) третья глава рассматриваемаго труда содержитъ характеристику чешскихъ ученыхъ и литературныхъ деятелей отъ Добровскаго до Коллара.

Послѣ краткой замѣтки о первыхъ шагахъ литературы словинцевъ и послѣ характеристики Фр. Прешерна, этого замѣчательнаго сытоты своего небольшого, но богато одареннаго народа, д-ръ Карасекъ подробно останавливается на вопросѣ объ импрезѣ, знакомство съ которымъ обнаруживается вполнѣ, и переходитъ къ обзору словинской литературы послѣ Прешерна, заканчивая эту свою очерть характеристикой поэзіи недавно скончавшагося талантливаго поэта С. Грегорича и здравствующаго одного изъ видѣйшихъ представителей современной не только словинской, но, пожалуй, и славянской поэзіи вообще А. А. Ашкера.

Съ достаточнouю подробностью излагаетъ авторъ возрожденіе сербской национальной литературы и выработку литературного языка отъ Доситея и Вука и, не ограничиваясь предѣлами сербскаго королевства, сгѣдитъ за развитіемъ сербской литературы всюду, где обитаетъ сербский народъ.

Въ виду обилия представителей новѣйшей сербской литературы, д-ръ Карасекъ рассматриваетъ особо писавшихъ прозой и писавшихъ стихами, при чемъ, вопреки своему обыкновенію, нерѣдко ограничивается лишь перечнемъ именъ авторовъ и заглавій написанныхъ ими произведеній. Впрочемъ, врядъ ли можно винить въ подобномъ способѣ изложения современного чешскаго историка сербской литературы, коли скоро сами сербскіе составители руководствъ по истории родной литературы не пошли еще пока дальше библіографическихъ или

¹⁾ Стр. 31.

библиографическо - биографическихъ обзоровъ. Вспомнимъ хотя бы 2-ое изданіе (1906) исторіи сербской литературы г. Грчица.

Слѣдкомъ кратко обозрѣть ново-болгарскую литературу (стр. 93—99), д-ръ Карасевъ характеризуетъ хорватскихъ ученыхъ, боллестристовъ и поэтовъ новѣйшаго времени, и съ гораздо болыней подробностью и основательной разносторонностью разсмотриваетъ новую чешскую литературу. Съ теплой любовью и знаніемъ творчества рассматриваемыхъ писателей рисуетъ онъ дѣятельность В. Галька, Я. Неруды, Гейдука, Св. Чеха, Яр. Врхлицкаго, Зейера и чешскихъ писателей новѣйшаго времени, при чмъ не забываются и выдающіяся чешскія женщины-писательницы.

Такою же подробностью и основательностью отличается и обозрѣніе новой польской литературы въ лицѣ ея представителей Крашевскаго, Г. Сенкевича, Жеромскаго, Сирошевскаго, Асныка, Конопницкой и др. Не достаточно только, на нашъ взглядъ, удѣлено вниманія такимъ важнымъ какъ въ ідейномъ, такъ и въ художественномъ отношеніямъ корнеемъ новой польской литературы, каковы Б. Пруст. и Э. Оржешко.

Обзорѣніемъ творчества „модернистовъ“ въ польской и словинской литературахъ заканчиваетъ почтенный ученый свое руководство по славянскимъ литературамъ XIX в. Богатая начитанность автора, его вдумчивость, любовное отношеніе къ избранныму предмету и живость изложенія составляютъ крупный достоинства его труда, задачею кото-рого было дать не столько глубокую, сколько широкую картину славянскихъ литературамъ XIX в. Являясь, очевидно, больше въ курсѣ дѣла по отношенію къ литературамъ западно-славянскимъ и русской, чѣмъ въ области юго-славянскихъ, особенно болгарской, литературы, авторъ не удѣлилъ должного вниманія литературамъ лужицкихъ сербовъ и словаковъ, хотя и тѣ и другіе относятся къ западной группѣ славянской семьи и, склонительно, знатоку чешской и польской литературу должны быть особенно известны и понятны.

Слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, указаннымъ литературамъ посвятить специальная главы, а отдѣль о болгарской литературѣ все-цѣло переработать и расширить, какъ она того заслуживаетъ.

Въ ряду Гешеновскихъ обозрѣній міровыхъ литературъ книжка д-ра I. I. Караска должна быть признана одной изъ наиболѣе удачныхъ и отвѣщающею своей задачѣ—возбудить интересъ нѣмецкаго или вообще понимающаго по нѣмецки читателя къ литературамъ западныхъ и южныхъ славянъ, нарисовать ему картину литературнаго

богатства славянь и послужить точкою отправлениј при дальнѣйшихъ занятіяхъ тою или иною славянскою литературой, тѣмъ или инымъ писателемъ. Какъ цѣнныи справочникъ, рассматриваемая книжка заслуживала бы перевода и на русскій языкъ.

III. Заболотскій.

Книжные новости.

Труды Вятской ученой архивной комиссии 1906 года. Выпускъ V—VI. Вятка. 1907.

Послѣ официальныхъ журналовъ комиссіи за время съ 14-го декабря 1906 г. по 28-е февраля 1907 г. и двухъ отчетовъ о длительности ея за первый и второй годы существованія (1906 и 1906), въ рассматриваемый выпускъ вошло, прежде всего, продолжение начатыхъ печатаніемъ еще въ первомъ выпускѣ „Трудовъ“— „грамотъ“ и актова Вятскаго Успенскаго Трифонова монастыря 1580—1764 гг., которые заимствованы собирателемъ и издателемъ ихъ А. С. Верещагинымъ изъ архива вятской казенной чалаты, московского архива министерства юстиціи и частныхъ собраний и которые имѣютъ весьма важное значеніе для исторіи Вятскаго края, особенно его колонизаціи, и для ознакомленія съ бытъмъ какъ монастыри, такъ и крестьянъ, жившихъ въ его владѣніяхъ. Продолженіе это составляютъ „жалованная правда грамота царей Иоанна и Петра Алексѣевичей въ Успенскій Трифоновъ монастырь архимандриту Александру съ братіей, на вотчина земли, на крестьянъ, на рыбныхъ ловли и всякихъ угодья въ Казавскомъ и Ургумскомъ уѣздахъ, 1693 г. июля 2-го“ и подробнѣйшая „Описъ 1764 года имѣющемся въ городѣ Хлыновѣ Успенскому Трифонову монастырю, учиненная, въ силу данной изъ коллегіи экономіи инструкціи и при томъ формы, Смоленскаго пѣхотного полка подпоручикомъ Маховымъ, о состояніи онаго Успенскаго Трифонова монастыря, и что въ немъ какого каменнаго и деревянаго строенія и всякаго званія какъ духовныхъ, такъ и свѣтскіхъ служителей, и на какомъ жалованьи находятся и что за оными монастыремъ имѣется мельницъ, рыбныхъ ловль и сѣнныхъ покосы и прочаго“.

Весьма любопытна эта „Опись“ подпоручика Махова, съ особенной подробностью рисующая положеніе Успенскаго монастыря въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія и результаты колонизаторской работы монастыря. Церечисмъ всѣхъ вотчинъ монастыря съ ихъ селами и деревнями, съ рыбными ловлями, покосами и разными угодьями, всѣхъ жившихъ въ нихъ монастырскихъ крестьянъ и половниковъ, ова, иль то же время, подробно указываетъ содержание всѣхъ храмовъ съ ихъ ризницами и даже приводить имена большихъ отставныхъ пономарь и калѣкъ, содержащихся въ монастырѣ.

Вторую часть рассматриваемаго выпуска „Трудовъ“ составляютъ „рефераты и сообщенія“ гг. членовъ комиссіи, изъ которыхъ 10 сообщеній принадлежатъ известному археологу А. А. Спицыну („Кудчая крѣпость на горомы и дворъ съ яблонями въ Хлыновѣ у Московской улицы, 1662 г.“, „храмоздан-

нам грамота приходанамъ села Архангельского (Кирчала) казанскаго митрополита Тихона, 1700 г., „память из архіерейскаго приказа священникамъ Березовскаго стана съ государевымъ указомъ о сборщикахъ податей, 1712 г.“; „Списокъ съ грамоты царя Петра Алексеевича преосв. Дюнисю о штрафахъ съ небывшихъ у исновѣдѣ, 1716 г.“ и др.), и до 8—А. С. Верещагину („Вятское взятие по разряднымъ записямъ 1489 г.“—реферат); „Правскій посадъ и уѣздъ по переписной книгѣ Г. М. Юшкова, 1646 г.“; „Царево-Санчурскій уѣздъ и посадъ по переписной книгѣ М. Б. Кишкина (Клешнина), 1646 г.“; „Промеморія провинціальной канцелярии по духовному архіерейскому приказу о побитіи рекрутовъ семинаристами, 1741 г.“; „Изъ писемъ преосв. Кирчала къ протоіерею А. Т. Шилегодскому“ и др.). Изъ остальныхъ членовъ комиссии г. Шабалинъ сообщили: „Когда вятскій духовный архіерейскій приказъ началь называлася духовной комісторіей“ и „Реестръ ставленническихъ раскодовъ, назначенныхъ преосв. Антоніемъ Илліашевичемъ, 1748 г.“, и г. Фаворскій—„Изъ дѣлъ о битьѣ юрбачемъ мѣщанина гор. Вятки С. Фоминыхъ, 1792 г.“, где сообщаются любопытныи и въ то же время ужасныи подробности стариннаго судопроизводства съ его „неправдою“ и нещадною битіемъ особо устраиваемыи орудіями „юрбачами“ изъ „толстой двойной кожи“.

Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Книга VIII. Губ. гор. Владимиръ. 1906.

Содержаніемъ первого отдѣла рассматриваемой «сѣмой книги „Трудовъ“ Владимирской архивной комиссіи служатъ сообщенія: 1) И. Н. Ушакова—„Историческія свѣдѣнія обѣ иконописаніи и иконописцахъ Владимирской губерніи“, и 2) архимандрита Мисаила,—„Святый благовѣрный князь Константина Муромскаго и Благогѣщенскаго монастыря, гдѣ почиваютъ мощи князя и чадъ его Михаила и Феодора“. И. Н. Ушаковъ, воспользовавшись почти всѣми печатными пособіями и источниками, прослѣдилъ развитие иконописной живописи, съ ея основанія до позднѣшаго времени, въ городахъ: Суздалѣ, Владимирѣ, Переславѣ Загѣбскомъ, Муромѣ, Вязникахъ, Гороковѣ и Шубѣ и въ трехъ знаменитыхъ селахъ: Мстерьѣ, Холуѣ и Палехѣ. Особенно подробно оѣъ остановился на раскрытии исторіи „иконописного художества“ въ этихъ трехъ селахъ, отнесясь съ наибольшими симпатіями къ Палеху, который „одинъ только работать съ любовью и по мѣрѣ силъ продолжаетъ дѣло нашихъ лучшихъ древнихъ иконописцевъ“ (46 стр.). Въ индѣ общихъ выводовъ о „сузdalльской иконописаніи“ (такъ извѣстно въ наукѣ иконописаніе всей Владимирской губерніи) онъ говоритъ слѣдующее: „то иконописное художество, которое въ настоящее время такъ славится Владимирская губернія, очень рано возниклоѣ здесь, а именно уже со второй половины XII вѣка, когда начи-нается быстрый расцвѣтъ жизни, политического значенія, культуры и промышленности Сузdalльского края. Затѣмъ съ течениемъ времени погдѣ „иконописное художество“ не пускаетъ такихъ глубокихъ корней и не внѣдряется столь глубоко въ народную жизнь, какъ здѣсь. Начиная, по крайней мѣрѣ, съ половины XVII вѣка наше иконописаніе становится очень замѣтнымъ явленіемъ и въ самомъ Суздалѣ и въ другихъ городахъ и селахъ, куда оно переходитъ. И черезъ передачу этого искусства отъ отца къ сыну, отъ семьи

къ семѣ иконопись дѣлается въ нашахъ селеніяхъ настѣнными заня-
тіемъ, состоящимъ какъ бы фамильную собственность".... Указавъ даље на
то, что въ Холуѣ и Мсторахъ иконоческое художество отклонилось отъ
своего первоначального — византійского образца и приняло характеръ ремес-
ленного производства,— онъ справедливо утверждаетъ, что во Владимирской
губерніи "не малое количество добрыхъ мастеровъ и выдающихся по склон-
ности къ талантамъ художниковъ-изографовъ, которые, благодаря своимъ природнымъ
дарованіямъ, стояли и стоятъ на высотѣ своего призвания, оставили и оста-
вляютъ намъ прекрасные образцы своихъ произведений, которые достигаютъ
истинной „художественности и высоко цѣняются знатоками" (стр. 53—56).

Архимандритъ Мисаиль въ своемъ „опытѣ исторического исслѣдованія“
вновь подвергъ разсмотрѣнію весьма спорный въ нашей исторической лите-
ратурѣ вопросъ о св. кнзѣ Константии, съ именемъ котораго связывается
по преданию исторія обращенія въ христіанство населения города Мурома.
Подробно разобравъ всѣ „Житія“ о св. кнзѣ Константии, онъ, придержи-
вался болѣе всего мнѣній митрополита Макарія и Филарета, утверждая, что
„въ основѣ всѣхъ житій лежитъ одно самое полное сказаніе“, относящееся
къ XVI вѣку; что „въ основѣ сего послѣдн资料 можетъ лежать исторически
пѣрвое зерно“, и что въ немъ идѣть рѣчь „о дѣйствительной исторической
личности, о дѣйствительномъ событиї“. Исходя изъ этого послѣдн资料 утвер-
жденія, архимандритъ Мисаиль пытается связать имя св. кнзѣ Константина
съ муромскимъ княземъ Ярославомъ, сыномъ Святослава Ярославича Черни-
говскаго, правившими въ Муромѣ съ 1097 по 1129 годъ, несмотря на то, что
въ „Хожденіи“ Даниила Паломника этотъ князь носить христіанское имя
Панкратія. Для примиренія этого разногласія онъ повторяетъ гипотезу своихъ
авторитетовъ: Макарія и Филарета, которые предполагали, что Ярославъ Си-
ятославичъ христіанское имя Константина получилъ предъ свою кончиною
при постриженіи въ монашество. „Это послѣднєе имя“, говоритъ онъ, „и со-
хранилось въ церковномъ преданіи, которое удерживало среди мѣстного на-
селенія память о важнѣйшемъ событиї въ его внутренней жизни, о событиї,
которое не вошло въ лѣтопись“ (стр. 87). Несмотря на значительную празд-
нодобность заключеній архимандрита Мисаила, все же нельзя признать ихъ
за рѣшеніе поставленнаго вопроса, который врядъ ли и можетъ получить
окончательный положительный отвѣтъ.

Все вышеизложенное составляетъ первую часть исслѣдованія нашего автора;
во второй, гораздо болѣе богатой фактами, онъ рассматривается: 1) „Обрѣте-
ніе мощей благовѣрнаго князя Константина и чадъ его Михаила и Феодора“,
2) „Основаніе Благовѣщенскаго монастыря и исторія его“ и 3) „Современ-
ное состояніе Благовѣщенскаго монастыря“.

Внѣрой отдельъ рассматриваемой VIII главы „Трудовъ“ составляютъ
обширные „материалы“, которые, впрочемъ, помѣщены здѣсь только въ огла-
шасіи, такъ какъ вышли въ слѣдующемъ ранѣе напечатаніи самой книги
„Трудовъ“, поэтому о нихъ мы ограничимся только приведеніемъ ихъ заго-
ловковъ: 1) „Хронологическая опись дѣлъ о раскопѣ, хранящихся въ архи-
вахъ губернскаго города Владимира. Ч. I“. Составилъ Ф. К. Сахаровъ, 2) „Крат-
кое описание рукописей церковно-исторического Древлехранілица при Брат-
ствѣ св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. Вып. I“. Сост.

С. И. Недешевъ, 3) „Монастыри, соборы и приходскія церкви Владими́рской епархіи, построенные до начала XIX вѣка. Ч. I. Монастыри“. Издание подъ редакціей В. В. Косаткина, и 4) „Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ, Владими́рской губерніи. Съ указаниемъ важнейшихъ документовъ, находящихся въ дѣлахъ о дворянствахъ разныхъ фамилий Архива Владими́рского Дворянского Депутатского Собрания“. Сост. М. И. Трогубовъ, подъ ред. А. В. Селиванова.

Въ заключеніе книги напечатанъ „Отчетъ о деятельности Владими́рской ученой архивной комиссии за седьмой годъ ее существования (1905)“. Какъ изъ этого отчета, такъ и изъ обозрѣваемой дѣятельности комиссіи за слѣдующій годъ вытекаетъ для обозрѣвателя одинъ только выводъ, что Владими́рская ученая архивная комиссія — это истинѣ научное историко-археологическое хѣстое общество, стоящее во главѣ всѣхъ нашихъ архивныхъ комиссій.

И. А. Вахромеевъ. Церковь во имя святаго и чадиваго пророка Божія Иліи въ гор. Ярославль. Ярославль. 1906. 4°. 83 стр.+75 фотографіи. снимковъ.

Церковь св. Иліи въ Ярославль принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ золотой эпохи русскаго зодчества — она сооружена и расписана въ серединѣ XVII столѣтія. Равно замѣчательны и наружны, сравнительно немногочисленны, ея украшения и богатая внутренняя роспись, превосходно сохранившаяся до настоящаго времени и богатая подписями образами, т. е. образами, имѣющими подписи мастеровъ. „Роспись Ильинской церкви — говорить И. В. Покровский — отличается сложностью и разнообразиемъ сюжетовъ, покрывающихъ какъ бы колоссальною узорчатою пеленою всѣ внутреннія поверхности храма“. И. А. Вахромѣевъ, известный своими трудами по реставраціи древнихъ памятниковъ Ярославля и изданиями древнихъ актовъ этого города, дастъ въ изданіи, название которого приведено выше, обстоятельное описание этого замѣчательного памятника; иль книгѣ его подробно описаны всѣ образы Ильинской церкви, всѣ ея росписи, а также же и древніе предметы церковной утвари, находящіеся въ церкви; превосходныи дополненіемъ къ тексту являются 74 фотографіи большого размѣра, отлично выполненные, представляющія наиболѣе важные и любопытные сюжеты росписи. Издание И. А. Вахромѣева заслуживаетъ полнаго вниманія лицъ, интересующихся стариннымъ русскимъ иконописаніемъ и вообще — исторіею русскаго искусства. Съ вѣтшней стороны изданіе безукоризненно и нельзя не порадоваться, что столь прекрасно исполняются теперь у насъ изданія даже въ провинціи.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію Журнала Министерства Народного Просвещенія въ теченіе сентября и октября иѣсацѣвъ 1907 года.

— Труды Вятской ученой архивной комиссии 1907 года. Выпускъ I. Вятка 1907. 40+IV+70+108+2 стр.

— Янусоффъ, Н. И. Указатель грамотамъ и актамъ Вятского Трифонова монастыря. Вятка 1907. 43 стр.

— Шостакоевичъ, В. Б. О лампиратурѣ языка Восточной Сибири. С.-Пб. 1907. 57 стр. Цѣна 80 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣлению. Томъ XX. № 4).

— *Nathorst, A. G.* ÜBRE TIAAS- UND IURAPPFLANZEN von der Insel Kotelnij. Mit 2 Tafeln. С.-Пб. 1907. 13 стр. Цѣна 60 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XXI. № 2).

— *Sachsny, W.* MORPHOGENETISCHE STUDIEN AN WÜRMERN. II. Über die Anatomie der Archianneliolen nebst Bemerkungen über den Bau einiger Organe des Sauocirrus papillocercus. III. Über die Metamorphose des Polygordius ponticus n. sp. mihi. IV. Schlussberachtungen. Mit 12 Tafeln. С.-Пб. 1907. III+349 стр. Цѣна 9 руб. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XIX. № 11 и послѣдній).

— Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ восемьдесятъ второй. С.-Пб. 1907. I+62+XIII+60+XXXVIII+35+II+53+VI+168+II+194+II+40+XII+29+I+67 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

— Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ сто двадцать третій. С.-Пб. 1907. (Материалы Екатерининской законодательной комиссіи. Томъ XI). XXXVIII+557+VIII стр. Цѣна 8 руб.—Томъ сто двадцать четвертый. Юрьевъ 1906. (Бумаги кабинета министровъ императрицы Анны Ioannovны 1731—1740 гг. Собрани и изданы подъ редакцію А. Н. Филиппова. Томъ VIII. (1738 г.). (Ноябрь—декабрь). XXXIV+543+VII стр. Цѣна 3 руб.

— *Берманъ, М. Я.* ОТКРЫТИЕ ТАТАРИНОВА. 20 рисунковъ и чертежей въ текстѣ. С.-Пб. 1908. 81 стр. Цѣна 80 коп.

— *Прожансій, Н. А.* КЪ ФАРМАКОЛОГИИ СПИРИННА ЦІАЛІ. (Экспериментальное исследование). Съ 4 рисунками и 2 кардиограммами. С.-Пб. 1907. 84 стр.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЯТСКАГО ЗЕМСТВА ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ¹⁾.

(1867—1906 гг.).

I.

Земскія учрежденія ввели въ крестьянскую жизнь школу и въ этомъ ихъ историческая заслуга. Тѣмъ любопытнѣе разсмотрѣть земскую дѣятельность въ этомъ направленіи тамъ, где земство, по своему составу, является по преимуществу крестьянскимъ, а къ такому типу земствъ принадлежитъ—вятское.

¹⁾ Материалъ для настоящаго очерка почертннутъ нами, преимущественно, изъ слѣдующихъ источниковъ: „Труды мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Х. Вятская губернія“ С.-Пб. 1903 г.—„Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по 49 губерніямъ Европейской Россіи“. Вып. III. Просвѣщеніе. Составилъ И. Я. Петерсонъ. С.-Пб. 1904 г.—Отчетъ по ревизії земскихъ учрежденій Вятской губерніи. Томъ II. С.-Пб. 1905 г.—„Наслѣдованіе положеній начальшаго народного образованія въ Вятской губерніи, съ проектомъ школьнай сѣти для введенія всеобщаго обученія“. Изд. Вятского губернскаго земства.—„Намѣтили книжка Вятскаго статистическаго комитета на 1904 годъ“.—Г. Фальборкъ и В. Чарновускій. „Вышкольное образованіе“. Систематический сводъ законовъ, распоряженій, правилъ и т. д. С.-Пб. 1905 г.—Вл. Акимовъ. „Книга въ деревнѣ“, статья въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1906 годъ, книга IX (глава 5-ая).—С. И. Анциферовъ. „Справочная книга по наинему образованію“. Годъ первый. С.-Пб. 1905 г.—„Записка по вопросу о всеобщемъ начальномъ обученіи, со приложениемъ сѣдѣмъ о начальномъ образованіи въ Россіи за 1903 годъ“ (приложение къ представлению министерства народного просвѣщенія о введеніи всеобщаго обученія въ Россійской Имперіи). С.-Пб. 1906 г.—„Вятская Газета“.—Журналы губернскія и уѣздныя земскія собраний Вятской губерніи; доклады губернскѣй и уѣздныx управъ и т. д. Прочіе источники указаны въ текстѣ очерка.

События послѣднихъ лѣтъ потрясли земское хозяйство и разстроили земскую просвѣтительную работу, и потому не по этимъ годамъ, внесшимъ въ земскую культурную жизнь, наряду съ освободительными стремлѣніями, чисто деструктивный элементъ, приходится судить о качествахъ и результатахъ этой работы. Одновременно успѣшность ея затруднялась своеобразными географическими и бытовыми условіями Вятской губерніи, представляющей собою обширный и разночлененный край, благодаря чему понесенные земствомъ труды и затраты дали, быть можетъ, меньшій результатъ, чѣмъ можно было предполагать.

Нельзя, во всякомъ случаѣ, отрицать того безспорного факта, что вятское земство за время своего существованія проявило совершенно выдающуюся энергию по созданию доступного для всего населенія губерніи начального образованія, что особенно цѣнно, если мы примемъ въ соображеніе не всегда благопріятныя условія для такой просвѣтительной работы. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, въ Вятской губерніи насчитывалось въ 1903 году, при населеніи въ $3\frac{1}{3}$ миллиона душъ, свыше 1.095 земскихъ школъ съ 85.243 учениками, и расходъ земства на народное образование составлялъ 1.671.000 рублей, превосходя расходъ московского земства на тѣ же предметы болѣе, чѣмъ на 500 тысячъ рублей.

Такихъ результатовъ вятское земство добилось путемъ долголѣтнихъ упорныхъ усилий. При введеніи земскихъ учрежденій въ этой губерніи, болѣе или менѣе правильно организованными сельскими начальными школами являлись лишь училища, открытые по распоряженію бывшей палаты государственныхъ имуществъ и содержавшіеся на особый сборъ съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Школъ этого типа насчитывалось въ 1867 году всего 216, при чѣмъ содержаніе ихъ, согласно докладу, представенному экстренному губернскому земскому собранию 30-го мая 1867 года, обходилось всего въ 33.092 рубля, что составляло въ среднемъ по 153 руб. на школу, не считая квартиръ и отопленія, такъ какъ школы помѣщались въ специально выстроенныхъ зданіяхъ, а отопленіе отпускалось изъ казенныхъ лѣсовъ.

Уже въ то время населеніе губерніи достигало болѣе 2 миллионовъ душъ, распределенныхъ, при томъ, крайне неравномерно по ея территории. Поэтому вышеуказанное количество школъ было совершенно ничтожнымъ, и вниманіе уѣздныхъ земскихъ учрежденій, тогдь же послѣ ихъ открытия, естественно обратилось на развитіе школьнаго дѣла.

Губернское земство первоначально не приняло участія въ расширениі свѣти, сосредоточивъ свою дѣятельность по народному образованію преимущественно на заботахъ о подготовленіи учителльского персонала, состоящаго въ то время болѣе чѣмъ на половицу изъ членовъ церковныхъ причтъ, которыхъ отъ занятій въ школахъ часто отвлекало исполненіе ихъ прямыхъ обязанностей. Однако и на первыхъ порахъ губернское земство стало проявлять извѣстный интерес къ общему ходу дѣла начального образования. Такъ, до 1874 года включительно въ губернское земское собраніе вносятся подробные доклады о состояніи этого дѣла и въ отдѣльныхъ случаяхъ изъ суммъ губернскаго земства даются даже небольшія пособія иѣкоторымъ наиболѣе нуждавшимся школамъ, преимущественно—открытымъ частными лицами.

Въ первое же пятилѣтіе послѣ введенія земскихъ учрежденій школьнное дѣло стало быстро рости, о чѣмъ свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры, почерпнутыя изъ упомянутыхъ выше докладовъ:

Г о д :	Ч и с л о :		Расходъ земства:	Въ среднемъ приходится на школу:	
	Школъ.	Учащихся.		Учащихся.	Расхода.
1868	284	8.648	108.000 руб.	30	380 руб.
1869	342	12.381	110.000	36	322
1870	345	12.296	130.000	36	377
1871	354	14.437	150.000	41	424
1872	390	18.367	198.000	47	508

Съ течениемъ времени ростъ количества школъ сталъ иѣсколько замедляться по мѣрѣ возрастанія числа учащихся въ нихъ, болѣе чѣмъ удвоившагося за пять лѣтъ. Расходы же земства на школы постоянно росли, что объяснялось не только желаніемъ земства улучшать качества школьнаго преподаванія путемъ лучшаго подбора учителей, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что извѣстная доля расходовъ на школы, пополнявшаяся прежде сельскими обществами, перешла на бюджетъ земства.

Въ 1873 году въ Вятской губерніи было уже 469 начальныхъ училищъ съ почти 23.000 учащихся, изъ которыхъ собственно на земской счетъ содержалось 430 училищъ съ 21.000 учащихся, а расходъ земства опредѣлялся суммою въ 203.000 рублей, т. е. въ сред-

немъ по 472 руб. на школу ⁴⁾). Распределеніе училищъ по уѣздахъ и участіе земствъ въ ихъ содержаніи были до крайности разнообразны и неравномѣрны. Одинъ изъ наиболѣе населенныхъ—Ургумскій уѣздъ имѣлъ, напримѣръ, всего лишь 22 школы; въ Малмыжскомъ уѣздахъ было 45; въ Саранульскомъ же болѣе 80, съ числомъ учащихся болѣе 4.000, т. е. въ нихъ находилось около пятой части общаго числа учащихся въ земскихъ школахъ всей губерніи, тогда какъ населеніе уѣзда составляло менѣе одной седьмой общаго ея населенія. О неравномѣрности школьнай сѣти можно судить, напримѣръ, потому, что въ Еланбужскомъ уѣздахъ, где тогда на 86.000 русскихъ приходилось 66.000 инородцевъ, для послѣднихъ не было ни одной школы.

Заботы о лучшемъ оборудованіи школъ въ отношеніи приспособленія помѣщеній и соотвѣтственнаго подбора учителей замедлили въ послѣдующіе годы численный ростъ училищъ. Повлияли на это и опасенія чрезмѣрнаго увеличенія земскаго обложенія, къ чему земскія собранія, образованныя по положенію 1864 года и состоявшія преимущественно изъ крестьянъ и землевладѣльцевъ, несшихъ почти всю тяжесть земскихъ расходовъ, откосились особенно осмотрительно, развивая параллельно и другія отрасли зем资料ского хозяйства.

Съ введеніемъ земскаго положенія 1890 года характеръ дѣятельности земствъ сильно измѣнился. Преобладаніе среди гласныхъ получили владѣльцы городскихъ и другого рода неземельныхъ имуществъ, для которыхъ увеличеніе земскаго обложенія, благодаря ма-лоцѣнности большинства этихъ имуществъ, не было особою тягостью. Если учесть это обстоятельство, а также то, что гласные отъ сельскихъ обществъ стали, по порядку ихъ избрания, еще болѣе зависимы отъ администраціи,—невольно бросается въ глаза быстрый ростъ земскихъ расходовъ по народному образованію и стремленіе къ увеличенію числа школъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на то, что общій расходъ земствъ на народное образованіе, составлявшій еще въ 1895 году лишь 577.600 рублей, т. е. увеличившійся за 22 года съ небольшимъ на 300.000 руб., въ послѣдующее десятилѣтіе возросъ до 1.670.000 руб., т. е. на 1.100.000 рублей. Въ эту цифру входитъ 417.000 руб. изъ бюджета губернскаго земства, общая сумма расходовъ котораго на народное образованіе за 10 лѣтъ до того была менѣе 50.000 рублей въ годъ.

⁴⁾ Докладъ о положеніи школьнаго образованія, представленный очередному губернскому земскому собранию 1873 года.

Это явление необходимо поставить въ тѣснѣйшую связь съ наглядными результатами практической пользы земскихъ опытовъ по пасажированію просвѣщенія въ томной крестьянской массѣ, оцѣнившихъ многочисленными (сравнительно съ другими губерніями) представителями крестьянства, входившими въ составъ гласныхъ вятского земства.

Одновременно возросли и расходы губернского земства на народное образование вслѣдствіе его болѣе активнаго участія въ этомъ дѣлѣ. Въ 1895 году, по инициативѣ предсѣдателя губернской управы А. И. Батуева, губернское земство рѣшило выступить въ болѣе дѣятельной роли по народному образованію и приходить на помощь уѣзднымъ земствамъ въ открытии начальныхъ училищъ. По постановленію губернскаго собранія отъ 11-го декабря 1895 года, уѣзднымъ земствамъ ассигновано было ежегодное пособіе въ 150.000 рублей на покрытіе части расходовъ по содержанію вновь открываемыхъ этими земствами школъ, кромѣ 8.000 рублей изъ процентовъ со спекулятивно образованнаго передъ тѣмъ въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ. Величествъ капитала въ 200.000 рублей. Всегдѣ затѣмъ губернское земство постепенно отчислило сначала 50.000 руб., а потомъ 100.000 руб., изъ запаснаго капитала для выдачи уѣзднымъ земствамъ безпроцентныхъ ссудъ на постройку школьныхъ зданий, начало оказывать пособіе уѣзднымъ земствамъ на открытие библиотекъ, на устройство педагогическихъ курсовъ и учительскихъ съѣздовъ, выдавать ежегодный пособія на каждую женскую гимназію, преобразованную изъ прогимназіи, а также и на мужскую гимназію, прогимназіи и реальный училища, выразило готовность на участіе въ процентныхъ прибавкахъ къ учительскимъ содержаніямъ и, вообще, начало приходить на помощь уѣзднымъ земствамъ въ ихъ затратахъ по народному образованію. Помимо того, губернское земство принимало и непосредственная мѣры къ развитію народнаго образованія—издашеніемъ народной газеты, учрежденіемъ при сельскихъ обществахъ библиотечекъ, бесплатной раздачей книгъ и т. д.

Съ усиленіемъ въ 90-хъ годахъ интереса въ губернскомъ земствѣ къ дѣлу народнаго образованія, въ губернскія собранія стали поступать подробные доклады о ходѣ этого дѣла. Въ нихъ обрисовывалась дѣятельность всѣхъ вятскихъ земствъ, и ни одинъ докладъ не вызывалъ столько преній, какъ докладъ о народномъ образованіи. Такъ продолжалось до послѣднихъ лѣтъ. Всѣ существенные вопросы по народному образованію обсуждались губернскимъ собраніемъ; въ немъ же обсуждались вопросы о всеобщемъ обученіи, о разработкѣ

школьной сѣти, обь изысканія средствъ для распространенія въ губерніи образованія, о школьныхъ попечительствахъ и проч. Не завѣдывалъ, какъ и раньше, непосредственно народными школами, по ассигнуя вышеупомянутая пособія уѣзднымъ земствамъ на разныя отрасли образованія, обставляя эти пособія, однако, известными условіями, губернское земство мало-по-малу взяло въ свои руки практическое направление дѣятельности уѣздныхъ земствъ, вызывалъ ихъ на тѣ или другія мѣроприятія.

Учрежденіе губернскимъ земскимъ собраниемъ въ 1865 году при губернской управѣ особая комиссія для разработки вопросовъ по начальному образованію единогласно признала, что губернское земство не должно ограничиваться однимъ только ассигнованіемъ въ пособіе уѣзднымъ земствамъ на дѣло народнаго образованія и распределеніемъ этой суммы между уѣздаами пропорціонально размѣрамъ платежа послѣднихъ въ губернскій земской сборъ, а должно оставить за собою и общую руководящую роль въ дѣлѣ расходованія уѣздными земствами причитающихся имъ въ пособіе по разверсткѣ суммъ, опредѣливъ нормальный размѣръ пособія на вновь открываемыя школы каждого типа я. отдѣльности, въ остальномъ же (какъ-то: въ определеніи числа школъ въ томъ или другомъ уѣздѣ, въ выборѣ типа школы для той или другой мѣстности уѣзда и проч.) необходимо предоставить всенчѣло инициативу уѣзднымъ земствамъ, какъ болѣе знакомымъ съ мѣстными условіями и имѣющимъ за собою солидный опытъ въ народно-школьномъ дѣлѣ.

Это разграничение сферы дѣятельности губернского и уѣздныхъ земствъ имѣло, однако, болѣе теоретическое, чѣмъ практическое значеніе, такъ какъ, за рѣдкими исключеніями, уѣздныя земства, желая воспользоваться наибольшою возможною помощью отъ губернскаго земства, получающаго средства отъ тѣхъ же уѣздныхъ плательщиковъ, обычно стали направлять свою дѣятельность къ развитию тѣхъ сторонъ дѣла, на которыхъ губернское земство давало наибольшія пособія.

Такимъ образомъ вліяніе губернского земства на дѣятельность уѣздныхъ земствъ по народному образованію постоянно усиливалось, чому способствовало въ новѣйшее время учрежденіе особаго совѣщенія представителей управы, совместно съ составомъ губернскай управы. Въ этомъ созѣщеніи обсуждались, между прочимъ, вопросы о колективныхъ школьныхъ попечительствахъ, о завѣдывающихъ вѣшкольнымъ образованіемъ, обь учительскихъ съѣздахъ и педаго-

тическихъ курсахъ, о книжныхъ складахъ, о новыхъ пособіяхъ со стороны губернского земства, о желательности распространенія четвертыхъ отдѣлений при начальныхъ училищахъ и т. д. Мало-по-малу, съдовательно, губернское земство стало регуляторомъ земской жизни въ разныхъ уѣздахъ, оказывая помощь тамъ, где она была неотложнѣе.

Опека губернского земства повела къ извѣстному ослабленію самодѣятельности въ уѣздахъ. Такъ, въ губернскомъ земскомъ собрании 1902 года, при обсужденіи вопроса объ отмѣнѣ закона о прѣдѣльности обложения, указывалось, что все уѣздили земства стремятся взвалить на губернскую смѣту свои прямые расходы: въ уѣздныхъ земствахъ, какъ только поднимается вопросъ о какомъ-нибудь новомъ расходѣ, сейчасъ же начинаютъ раздаваться голоса, что „этотъ расходъ нужно отнести на губернскій счетъ“...

Если, однако, принять во вниманіе значительность результатовъ, достигнутыхъ въ области народного образования именно благодаря дѣятельному участію и объединяющей роли губернского земства, то установленійся порядокъ надо признать далеко не плохимъ, хотя, какъ показываютъ цифровыя данные, имъ мало достигалась главная цѣль губернского земства — урегулированіе дѣятельности отдѣльныхъ уѣзовъ. Напримеръ, число жителей на одну школу по даннымъ 1902 года колеблется отъ 2.055 въ Слободскомъ уѣзѣ до 4.431 въ Кирголиническомъ, при чмъ число жителей на одного ученика въ этихъ уѣздахъ 30 и 52. Это разнообразіе въ развитіи народного образования нѣсколько смягчалось наличностью церковно-приходскихъ школъ, которыхъ уравновѣшиваютъ слишкомъ рѣзкія различія отдѣльныхъ уѣзовъ.

При введеніи земскихъ учрежденій въ Вятской губерніи въ 1867 году расходъ на изнїї школы составлялъ, какъ мы видѣли, всего 33.092 рубля. О дальнѣйшемъ постепенномъ ростѣ бюджета на народное образование, сравнительно съ общими бюджетами земствъ, можно судить по даннымъ слѣдующей таблицы: (см. табл. на стр. 8).

Процентное отношеніе смѣтныхъ ассигнований всѣхъ земствъ Вятской губерніи на народное образование къ общему ихъ бюджету, какъ видно изъ этой таблицы, первоначально повышалось и составляло въ 1880 году 21,8%, а въ 1885 году 23, 2%, затѣмъ оставалось нѣ-которое время безъ движения и даже въ 1895 году понизилось до 22%. Изъ этой же таблицы ясно видно, насколько мало было первоначальное участіе губернского земства въ дѣлѣ народного образова-

Г О Д А .	Всего расходов губернаторского и уездного бюджета по народному образованию.	Всего расходов губернаторского и уездного бюджета на народное образование.	Расходы губернаторского бюджета на народное образование.	Всего расходов губернаторского и уездного бюджета на народное образование.	Расходы губернаторского бюджета на народное образование.	% от общего количества расходов на народное образование.
1870	1.170.988	169.086	14.4	223.289	35.600 ¹⁾	15,9
1875	1.692.818	334.868	19,8	372.147	42.080	11,3
1880 .	1.907.417	416.721	21,8	451.720	38.780	8,6
1885	1.895.516	439.606	23,2	276.086	43.590	15,8
1890 .	1.969.027	456.682	23,2	317.329	41.600	13,1
1895	2.646.700	632.503	22,0	541.394	66.490	12,3
1900	4.203.852	1.364.416	32,5	1.308.531	343.775	26,3
1901 .	5.136.919	1.671.620	82,5	1.691.722	416.981	24,6

¹⁾ Въ томъ числѣ 25.000 руб. на содержание земского реального училища.

мія: ассигнованія его за время съ 1870 года по 1890 г. возросли лишь на 6.000 руб., составляя въ послѣднемъ году лишь 41.600 руб., а за вычетомъ 25.000 руб. на содержаніе реального училища, ничего общаго собственно съ народнымъ образованіемъ не имѣющаго, всего 16.000 руб. Со второй же половины 90-хъ годовъ, когда губернское земство стало принимать дѣятельное участіе въ дѣлѣ начального образования и своими ассигнованіями побуждать къ большей дѣятельности уѣздныя земства, сумма земскихъ расходовъ по всей губерніи на этотъ предметъ быстро возросла, достигнувъ въ 1900 году 1.364.415 руб. вмѣсто 582.809 руб., ассигнованныхъ по сметамъ на 1895 годъ, и составила 32,5%, всѣхъ земскихъ бюджетовъ губерніи вмѣсто указанныхъ выше 22%, исчисленныхъ за 1895 годъ. Сумма расходовъ губернского земства за то же пятилѣтіе возросла до 343.775 руб. вмѣсто 66.490 руб., т. е. до 26,3% общаго бюджета губернского земства вмѣсто 12,3%. Сумма расходовъ уѣздныхъ земствъ на народное образование возросла до 1.020.640 руб. вмѣсто 515.879 руб., назначенныхъ на тотъ же предметъ по сметамъ на 1895 г., и процентное отношеніе этихъ расходовъ къ общему бюджету ихъ увеличилось за то же время съ 24,5% до 35,2%. На 1904 г. сумма ассигнованій по бюджетамъ всѣхъ земствъ Вятской губерніи на народное образование, равняясь 1.671.620 руб., составляетъ уже 32,5% общаго ихъ бюджета, при чмъ въ бюджетѣ губернского земства она показана въ 416.981 руб., т. е. 24,6% бюджета, а въ бюджетахъ уѣздныхъ земствъ она равняется 1.254.639 руб. или 36,4%. Изъ общей суммы расходовъ по народному образованію за указанный годъ на долю губернского земства приходилось бы, такимъ образомъ, около 25%, на долю же уѣздныхъ земствъ — около 75%, но такъ какъ по сметамъ уѣздныхъ земствъ приведены и расходы, произведенные за счетъ губернского земства, которыхъ по отдѣлу народного образования показано по сметѣ губернского земства на 1903 годъ 287.025 руб., то, исключивъ эти расходы, необходимо признать, что изъ бюджетовъ уѣздныхъ земствъ на народное образование расходуется собственно лишь 1.017.614 руб., т. е., слѣдовательно, общій расходъ всѣхъ земствъ составить въ дѣйствительности лишь 1.484.595 руб., изъ которыхъ на долю губернского земства приходится пѣсоколько болѣе 29%.

Вятская губернія, въ итогѣ, занимаетъ первое мѣсто въ ряду земскихъ губерній, какъ по общей суммѣ расходовъ земства на народное образование, такъ и по процентному отношенію къ общему

бюджету, и уступаетъ только одной Московской губерніи по цифре расхода на этотъ предметъ на каждую душу населенія.

Въ 1903 году собственно на содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ Вятской губерніи, подвѣдомственныхъ министерству народного просвѣщенія и училищнымъ совѣтамъ, израсходовано было:

Изъ суммъ государственного казначейства	92.763	руб.	29	к.
Отъ местныхъ земствъ	954.217	"	11	"
городскихъ обществъ	18.838	"	01	"
" сельскихъ "	10.089	"	80	"
Изъ пожертвованій постоянныхъ единовременныхъ	15.822	"	39	"
	6.357	"	86	"
Всего.	1.098.088	руб.	46	к.

На земства пришлось, такимъ образомъ, почти 87% всѣхъ указанныхъ расходовъ. Сравнительно ничтожный размѣръ ассигнованій сельскихъ обществъ объясняется отчасти тѣмъ, что и въ земскихъ сборахъ лица сельского состоянія являются подавляющимъ большинствомъ плательщиками, отчасти же тѣмъ, что сельскія общества, помимо непосредственныхъ денежныхъ взносовъ, иногда участвуютъ въ отводѣ для училищъ квартиръ, съ предоставлениемъ освѣщенія и отопленія натурою.

По всѣмъ имѣющимся въ губерніи начальными школамъ, участіе въ расходахъ по содержанію ихъ различныхъ вѣдомствъ и учрежденій выражалось въ 1902 году (согласно изданіямъ Вятскаго губернскаго земства изслѣдованіямъ) въ слѣдующихъ процентахъ:

Министерства народного просвѣщенія	3,9%.
Синода	17,2%.
Земства	74,1%.
Городскихъ и сельскихъ обществъ	2,5%.
Отъ частныхъ лицъ и другихъ	2,3%.

Средний же расходъ на каждого учащагося и на каждого окончившаго курсъ училища въ земскихъ начальныхъ школахъ составлялъ:

Расходы на одного.

Уѣзды.	Окончившаго безотн. вола.	Учавшагося.	
		Руб.	Коп.
Вятскій	87 50	12 42	
Глазовскій	69 45½	9 46½	

Елабужский . .	62	93	9	35
Котельничский	50	51	10	10
Малмыжский.	79	54	11	17
Полинский.	68	34	12	39
Орловский .	48	36	8	88
Сарапульский.	99	21	10	44
Слободской.	30	—	10	70
Уржумский.	66	37	10	97
Иранский . . .	90	80 $\frac{1}{2}$	11	62 $\frac{1}{2}$
По всемъ уѣздахъ въ среднемъ	68	45	10	68

Любопытно, что въ то время, когда расходъ на одного учащагося больше или менѣе однообразенъ въ разныхъ уѣздахъ и нигдѣ не отступаетъ рѣзко отъ средняго по губерніи, расходъ на одного окончившаго курсъ колеблется въ предѣлахъ отъ 30 руб. въ Слободскомъ уѣзѣ до 99 руб. 21 к. въ Сарапульскомъ уѣзѣ. Нѣть никакого основанія объяснять себѣ это рѣзкое различіе между отдѣльными уѣздаами лучшимъ или худшимъ составомъ въ нихъ педагогического персонала. Равнымъ образомъ нельзя объяснять себѣ это явленіе въ большемъ переполненіемъ училищъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи Слободской и Сарапульскій уѣзды не представляютъ различія: въ первомъ приходится 68, а во второмъ 72 учащихся на каждую школу. Вероятнѣе всего, стремленіе поднять расходы на народное образованіе не всегда соразмѣрно съ потребностями и условіями жизни кѣстнаго населенія, представляющаго по отдѣльнымъ уѣздамъ Вятской губерніи значительное разнообразіе.

Такъ какъ приблизительная численность сельского населения въ 1902 достигла 3.260.000 душъ, то расходъ на народное образованіе составлялъ въ этомъ году 39 коп. на душу, въ томъ числѣ за счетъ губернскаго земства около 11 коп., а остальныы—за счетъ уѣздныхъ земствъ. Дѣйствительно произведенные въ 1902 году расходы на народное образованіе по земствамъ и статьямъ, съ указаніемъ размѣра расхода, падающаго на душу населения, приводятся нами въ нижеслѣдующей таблицѣ (см. табл. на стр. 12 и 13).

Таблица показываетъ, что наибольшая сумма расходовъ на народное образованіе за 1902 годъ приходилась на Сарапульскій уѣздъ (около 138.000 р.), а по отношенію къ общему бюджету наиболѣшіи затраты произведены Орловскимъ (40,35%) и Уржумскимъ (39,1%) земствами, наименьшая—Котельничскимъ (29,2%). Наивысший расходъ

У В З Д И.	Содержание земскихъ школъ.		Пособія на сооружение деревенскіхъ ходильныхъ школъ и писца грамотности.		Пособія на сооружение казенныхъ учебныхъ заведений.		Н А Р О Д Н О Й	
	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	
	48.601,98	2.000	600	—	—	6.750,15	254	
Вятскій .	73.918,06	2.000	27.040,14	400	1.500	11.573,91	—	
Глазовскій .	55.281,21	560	5.321	150	1.312,50	7.144,55	905	
Котельническій .	52.988,19	7.744	2.460	1.800	1.800	7.566,67	—	
Малмыжскій .	58.239,26	2.179,78	2.173,6	1.292,39	50	7.322,9	49-	
Нолинскій .	44.652,29	5.093,28	4.554,90	—	1.500	6.424,95	—	
Орловскій .	59.189,00	4.700	9.514	—	1.500	7.888	1.000	
Саранскій .	95.544,12	700	18.266,32	120	1.500	8.900	100	
Слободской .	64.860,46	2.300	1.730	4.900	—	10.690,76	—	
Уржумскій .	78.182,40	4.000	18.642,77	—	1.650	10.500	631	
Яранскій	84.287,42	2.200	13.790	—	1.500	13.666,98	301	
Всего .	715.644,2	33.467,6	104.042,19	8.662,39	12.312,50	98.428,1	3.687	
Губернское земство .	178.177,10	7.000	15.800	37.000	—	6.968,27	200	
Всего	893.821,12	40.467,6	119.892,19	45.662,39	12.312,50	105.396,28	3.887	

¹⁾ Эта сумма исчислена, за исключениемъ съѣздовъ о действительныхъ поступленияхъ.

²⁾ Эту сумму необходимо вычесть изъ общей суммы всѣхъ земскихъ расходовъ на губернскаго земства.

³⁾ При вычислении прината въ разсчетъ сумма действительно произведенныхъ расходовъ.

О Б Р А З О В А Н И Е.										Расходы на земство сельского насе- ления и комицкое.	
Число уча-щихся.	Составление земских отчетов.	Образование по рас-пространению обра-зования среди насе-ления.	Постройка и ре-монт школыных зданий.	И Т О Г О.	% к общему бюд-жету.	Из пособий от губернаторского земства.	Население губернии (сельское) въ то-сочеть путь.	Назначенный сбор.	Со пособием из губер-ната сообра-зованія.	Со пособием из губер-ната губер-ната сообра-зованія.	
8.	9.	10.	11.	12.	13.	14.	15.	16.	17.		
618.96	992.36	2.319.25	1.038.44	65.176.05	37,2	14.031	1.87	27,3	34,9		
.363	1.604.33	2.393.72	—	122.793.15	33,47	19.500 ¹⁾	406	25,3	30,2		
143,56	580	1.484	1.473,66	74.293,47	36	13.860	236	25,6	31,5		
325	1.340	1.746,10	11.734,47	89.451,43	29,16	10.322	319	24,8	28,0		
713,43	2.948	1.238	704,31	79.356,32	36,25	17.100	296	21,1	27,0		
622,50	125	419,77	1.000	68.392,69	31,49	8.100	201	29,0	33,0		
219	3.930	3.227	5.685	100.852	40,36	10.755	245	36,7	41,2		
358,42	2.192,91	5.111	4.458,82	138.239,9	34,64	24.575	416	27,3	33,2		
440,33	1.854	929,27	5.194,55	94.899,37	30,8	12.750	226	36,4	42,0		
.199	—	4.425	7.277,71	126.507,86	39,1	23.032	313	33,1	40,4		
366,89	810	5.500	7.969,88	132.391,12	36,73	15.950	415	26,6	31,9		
368,7	16.376,60	28.693,11	46.536,84	1.090.357,55	35,45	169.985	3.259	28,3	33,9		
.620,89	120	41.637,18	19.018,20	352.591,64	25,33	—	3.259	10,8			
.988,96	16.496,60	70.380,29	65.554,54	1.442.949,19	—	169.985	3.259	—	—		
				—169.985 ²⁾							
				1.272.964,19	28,49 ³⁾			39,1			

²⁾ г., лишь приблизительно сообразно со сметами на 1903 и 1904 гг.
шое образование, такъ какъ она приведена дважды — во бюджету, какъ уѣздныхъ, такъ и
народное образование.

на каждую душу населения приходится на уезды: Орловский (36,7 к.), Слободской (36,4 к.), наименьший — на Малмыжский (21,1 к.). Подавляющее большинство расходовъ всѣхъ вятскихъ земствъ по народному образованію составляетъ содержаніе земскихъ школъ (1.146.000 руб.), а затѣмъ — пособія казеннымъ и частнымъ учебнымъ заведеніямъ (около 165.000 руб.), въ томъ числѣ и церковно-приходскими школами, въ которыхъ больше всего расходуетъ Котельническое уѣздное земство.

Завѣдываніе дѣлъмъ народного образованія въ губерніи построено на слѣдующихъ началахъ. Забота объ удовлетвореніи потребности населения въ начальномъ образованіи и о надлежащемъ его направленіи возложена закономъ въ каждомъ уѣзде на уѣздааго предводителя дворянства и уѣздааго училищнаго совѣта, а въ цѣлой губерніи — на губернскаго предводителя дворянства и губернскаго училищнаго совѣта. За отсутствіемъ предводителей дворянства въ Вятской губерніи, училищные совѣты находятся подъ предсѣдательствомъ: губернскаго директора народныхъ училищъ, а уѣздиаго — инспекторовъ народныхъ училищъ.

Несмотря на благопріятныя условия, значеніе училищныхъ совѣтовъ на дѣлѣ крайне незначительно. Предметы обсужденія въ ихъ заѣданіяхъ сводятся, главнымъ образомъ, къ утвержденію попечителей училищъ, къ награжденію учителей, къ разсмотрѣнію жалобъ послѣднихъ на увольненіе или недопущеніе ихъ къ преподаванію, при чемъ дѣла эти, насколько можно усмотреть изъ журналовъ совѣта, не вызываютъ по большей части никакихъ преній. Принципіальныхъ же вопросовъ въ нихъ почти не обсуждалось. Члены губернскаго училищнаго совѣта отъ земства отчетовъ, предусмотрѣнныхъ ст. 3496 т. XI ч. I св. зак., о состояніи въ губерніи народныхъ училищъ земскому собранию не представляются; систематическихъ посѣщеній училищъ членами совѣта также не производится, за исключеніемъ директора, который, однако, отвлекаемый другими обязанностями и значительной перешкодой по своей должности, не имѣть возможности, при существующихъ въ Вятской губерніи разстояніяхъ, обслѣдовать постановку дѣла народного образованія въ губерніи путемъ личныхъ наблюдений; не всегда онъ можетъ знать о дѣйствительномъ положеніи дѣла и отъ инспекторовъ училищъ. Недостаточна и дѣятельность уѣздиаго училищныхъ совѣтовъ, хотя они заѣдаются чаще, чѣмъ губернскій совѣтъ. Главную роль въ нихъ играютъ ихъ предсѣдатели — инспекторы народныхъ училищъ, которые находятся, большую частью,

въ фактической зависимости оть земства, стремящагося вліять и на постановку учебнаго дѣла. Въ итогѣ въ настоящее время училищные советы—учрежденія, до извѣстной степени подчиненны земству.

Одна изъ причинъ такой зависимости заключается въ томъ, что изъ 11 уѣздовъ Вѣтской губорніи лишь въ трехъ (въ Вѣтскомъ, Слободскомъ и Малмыжскомъ) инспектора пародныхъ училищъ учреждены за счетъ казны, а въ остальныхъ восьми—по ходатайству и за счетъ земства, оть котораго и по нынѣ получають содержаніе (1.500 р. въ годъ, какъ и инспектора, получающіе изъ государственного казначейства). Это содержаніе является крайне недостаточнымъ, особенно въ виду приходящихъ на долю инспекторовъ значительныхъ расходовъ по содержанию канцелярии, въ которой сосредоточивается не-малочисленная переписка, какъ по должностіи инспектора, такъ и по дѣлопроизводству училищного совѣта. Благодаря этому, стало весьма обычнымъ, что повсемѣстно въ губерніи инспектора обращаются въ послѣднее время съ ходатайствами обѣ ассигнованіи имъ особаго кредита на канцелярскіе расходы по училищному совѣту или на развѣзы. Такъ какъ назначеніе или прекращеніе подобнаго способа вполнѣ зависитъ оть уѣзданаго земскаго собрания, то фактически независимость инспектора оказывается часто совершенно мимою. Ходатайства инспекторовъ о такихъ способахъ иногда и отклоняются. Вообщѣ, отношеніе земства къ нимъ находится въ зависимости оть личности инспектора.

Базируясь на этомъ, земство постепенно расширяетъ свое вліяніе на постановку дѣла начального образования и смотрѣть на инспекторовъ, какъ на лицъ, въ значительной мѣрѣ ему подчиненныхъ. Такъ, свѣдѣнія о состояніи народныхъ училищъ, содержимыхъ земствами (ст. 8496 т. XI, Св. Зак. уст. учебн.), по закону должны быть представлены земскими собраниемъ членами оть земства, избираемыми въ училищные совѣты, и мѣстное учебное начальство не обязано доставлять такихъ свѣдѣній, а фактически представление такихъ отчетовъ перенесено на инспекторовъ училищъ и земства смотрѣть на такое представление, какъ на извѣстную обязанность инспекторовъ по отношенію къ земству. Объясняется это тѣмъ, что земство не можетъ не интересоваться такими фактами, какъ вопросы, разрывоносные училищнымъ совѣтомъ, часть которыхъ можетъ требовать со стороны земства соответствующихъ мѣропріятій. Не можетъ земство оставаться безучастнымъ и къ такимъ явленіямъ изъ школьнай жизни, какъ успѣшность преподаванія съ определенными указаніями на школы

лучшія и худшія въ этомъ отношеніи, съ объясненіемъ причинъ положенія той или другой школы и т. д. Такія же свѣдѣнія сосредоточиваются въ дѣлахъ инспекціи. Представляя свои отчеты въ земскую управу для доклада очередному уѣздному земскому собранию, инспектора присоединяютъ къ нимъ свои заключенія, хотя и не всегда. Такъ, въ докладѣ инспектора училищъ Слободскому собранию 1902 года выражается мнѣніе о необходимости дополнить курсъ начальныхъ школъ введеніемъ преподаванія церковной истории, общей истории и географіи, десятичныхъ дробей, правилъ процентовъ и учета векселей. сообщеніемъ свѣдѣній объ анатоміи, физикѣ и сельскомъ хозяйствѣ. Въ томъ же отчетѣ управѣ рекомендуется разослать въ училища списки, имѣющихся у нихъ изданій, для облегченія выбора учебниковъ самими учителями, и сообщается объ открытии въ некоторыхъ училищахъ четвертыхъ и пятыхъ отдѣленій.

Стремленіе земствъ приобрѣсти рѣшающее влияніе въ дѣлахъ училищныхъ совѣтовъ выражалось въ возникающихъ особенно часто и въ послѣднее время ходатайствахъ, обѣ увеличеніи числа членовъ этихъ совѣтовъ отъ земства. Такъ, въ 1898 году, по постановлению губернского собрания, вызванному къ тому же ходатайствомъ одного изъ училищныхъ совѣтовъ (Уржумского), возбуждено было ходатайство передъ министерствомъ народного просвѣщенія объ увеличеніи числа членовъ отъ земства въ училищномъ совѣтѣ до 6-ти, въ виду громадныхъ расходовъ, которые несутъ всѣ уѣздины земства на нужды начального образования, но это ходатайство было отклонено. Несмотря на это, отдельные земства продолжали возбуждать однородныя ходатайства, указывая при этомъ на значительныхъ ассигнованій земствами на народное образование, а также на то, что двумъ членамъ училищного совѣта отъ земства трудно въ теченіе учебнаго года посѣтить всѣ школы уѣзда, собрать въ нихъ необходимыя свѣдѣнія и дать надлежащій отчетъ въ этомъ земскому собранию. Возбуждались и ходатайства о включеніи въ составъ училищныхъ совѣтовъ и представителей уѣздныхъ управъ. Въ Уржумскомъ земскомъ собрании 1902 года постановлено было просить инспектора училищъ пригласить въ составъ училищного совѣта земского врача, при чемъ мотивомъ къ этому указывалось, что участіе врачей въ училищномъ совѣтѣ, какъ лицъ интеллигентныхъ, живущихъ на мѣстѣ и знающихъ положеніе школъ своего участка, ничего кроме пользы не приносить. Это постановление состоялось по предложению представителя отъ вѣдомства уѣдовъ. Наконецъ, земскими собраниями возбуждалось и ходатайство

о возложении обязанностей предсѣдателей уѣздныхъ училищныхъ со-
вѣтовъ на предсѣдателей уѣздныхъ съѣздовъ, какъ на лицъ, исполь-
няющихъ въ Вѣтской губерніи иѣкоторыя изъ обязанностей уѣздныхъ
предводителей дворянства, на которыхъ, по общему закону, возложено
также предсѣдательство, но и это ходатайство было отклонено.

Завѣдываніе, какъ школьнімъ, такъ и виѣшкольнымъ образова-
ніемъ, въ губернскій земской управѣ возложено на предсѣдателя
управы, въ вѣдѣніи котораго находится и дѣла по реальному училищу.
Завѣдываніе же книжнымъ складомъ, ремесленнымъ училищемъ и
фельдшерскими курсами распределено между 3 членами управы. Въ
канцеляріи управы дѣломъ народнаго образования занимается помощ-
никъ секретаря (1.380 руб. содержанія въ годъ и наградный вѣ раз-
мѣръ мѣсячнаго оклада) и 4 писца съ содержаніемъ отъ 180 до 420 руб.
Кромѣ того, имѣется специальный школьный столъ, ведущій школьнную
статистику, въ которомъ занимаются 2 лица. Въ редакціи „Вѣтской га-
зеты“ и въ книжномъ складѣ имѣются особые штаты служащихъ.

Съ середины 90-хъ годовъ губернскою управою возобновлено со-
ставленіе подробныхъ докладовъ по всѣмъ отраслямъ народнаго обра-
зования (школьному, виѣшкольному, среднему и профессіональному),
заключающихъ въ себѣ разработку вопросовъ, соприкасающихся съ
этой отраслью дѣятельности земствъ (напримѣръ, о школьнѣхъ сѣяхъ,
о коллегіальныхъ попечительствахъ, о завѣдывающихъ виѣшкольнымъ
образованіемъ и пр.), обзоръ дѣятельности не только губернскаго, но
до извѣстной степени и уѣздныхъ земствъ и отчасти критику мѣро-
пріятій послѣднихъ по дѣлу народнаго образования. Въ эти же до-
клады включаются, съ заключеніями управы, ходатайства уѣздныхъ
земствъ передъ правительствомъ, такъ какъ до самаго послѣдняго
времени губернское собраніе являлось по закону какъ бы носредствую-
щей инстанціей между уѣздными земствами и правительствомъ. При
этомъ губернскимъ собраніемъ учреждались иногда временные комис-
сіи для обсужденія того или другого вопроса; напримѣръ, въ 1895 году
образована была комиссія для разработки вопроса о лучшей по-
становкѣ дѣла народнаго образования.

Наиболѣе существенные вопросы по этой отрасли земскаго хозяй-
ства стали рассматриваться съ 1902 года въ образованіи при гу-
бернскій управѣ совѣщаніемъ предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ.
Это совѣщаніе, носившее первоначально частный характеръ, работаетъ
довольно самостоятельно, возбуждая непосредственно вопросы и хода-
тайства передъ земскими собраніями, передавая возбужденные имъ

вопросы на заключение уездных земскихъ собраний и тѣмъ какъ бы направляя дѣятельность послѣднихъ. Совѣщаніе, напримѣръ, обратило вниманіе уѣздныхъ земствъ на то, что малосостотельный лица почти не имѣютъ доступа въ среднисучебныя заведенія, и высказали пожеланіе, чтобы земства учреждали возможно больше стипендій при этихъ заведеніяхъ, и оказывали всевозможныя пособія несостоительнымъ лицамъ изъ крестьянъ, стремящимся въ среднему образованію. Тѣмъ же совѣщаніемъ обсуждались иѣкоторые общіе вопросы, касающіеся народнаго образованія, напримѣръ: объ устройствѣ при школахъ коллежиальныхъ попечительствъ, о порядкѣ разрѣшенія и организаціи педагогическихъ курсовъ и учительскихъ сѣездовъ.

Позднѣе, именно постановлениемъ Витскаго губернскаго собранія отъ 9-го декабря 1903 года, образована была постоянная комиссія по народному образованію, въ которую, кроме состава губернской управы, избраны губернскимъ собраниемъ 13 гласныхъ. На разсмотрѣніе и разработку комиссіи губернскимъ собраниемъ переданы были слѣдующіе вопросы: 1) возбужденіе ходатайствъ передъ правительствомъ о ссудѣ на школьнное строительство и образованіе специальнаго фонда для него; 2) школьнныя попечительства; 3) снабженіе книгами пятирублевыхъ библіотекъ и обслѣдованіе этихъ библіотекъ; 4) о завѣдывающихъ вышкольнымъ образованіемъ; 5) пересмотръ программы „Вятской газеты“ въ цѣляхъ ея улучшенія; 6) уменьшеніе числа лицъ, бесплатно получающихъ „Вятскую газету“; 7) программа сборника по народному образованію и 8) преобразованіе устава Витскаго ремесленнаго училища. Въ 1904 году постановлено было передать въ ту же комиссію еще слѣдующіе вопросы: 1) объ ознакомленіи событія пятидесятилѣтія со дnia восшествія на престолъ Императора Александра II и со дnia освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; 2) о выработкѣ проекта новаго типа повышенной школы съ курсомъ, не меншимъ двухклассныхъ министерскихъ училищъ, согласованныхъ при этомъ съ программами высшихъ и городскихъ училищъ; 3) о выработкѣ проекта курсовъ ручного труда; 4) объ устройствѣ курсовъ для ознакомленія учащихъ съ простѣйшими приемами нагляднаго преподаванія и 5) объ участіи въ выставкѣ по народному образованію въ Москвѣ.

Этотъ перечень свидѣтельствуетъ, что въ комиссіи сосредоточены все наиболѣе существенные вопросы о народномъ образованіи, но кратковременность ея существованія не позволяетъ еще подвести ся дѣятельности какіе-либо итоги.

Въ уѣздныхъ земскихъ управахъ дѣло народного образованія вѣдается обыкновенно или предсѣдателемъ, или однимъ изъ членовъ управы, а въ иѣкоторыхъ — заботы объ этомъ распредѣлены, паряду съ прочими земскими дѣлами, по участкамъ между личными составомъ управы. Наблюденіе за школьнімъ дѣломъ въ предѣлахъ вѣдѣнія земства осуществляется непосредственно только личнымъ составомъ управы, и никакихъ другихъ лицъ для этого управами въ помощь не привлекаются. Свѣдѣнія о положеніи школьнаго хозяйства берутся нерѣдко управою изъ отчетовъ инспекторовъ народныхъ училищъ, на которыхъ, главнымъ образомъ, и основываются всѣ мѣропріятія земства.

При большинствѣ уѣздныхъ управъ специальныхъ комиссий по дѣламъ народного образованія не учреждено. Въ 1903 году въ Орловскомъ земскомъ собраниіе возникло предположеніе объ учрежденіи при уѣздной управѣ совѣтательной комиссіи по народному образованію, но губернское земское собраніе, разсмотрѣвъ это ходатайство, написало его налишнимъ въ виду того, что, на основаніи ст. 105 Полож. о зем. учр., совѣтательная комиссія можетъ быть учреждена безъ особаго разрѣшенія. Въ томъ же году Нолинскимъ земскимъ собраниемъ постановлено было учредить при управѣ постоянную школьнную комиссию въ составѣ уѣздной управы, двухъ земскихъ гласныхъ, по выбору собранія, завѣдывающаго школьнімъ образованіемъ, четырехъ лицъ изъ учительского персонала по выбору послѣдняго (трехъ изъ учителей и учительницъ и одного изъ помощниковъ и помощницъ), земскихъ врачей по дѣламъ школъ своихъ участковъ и школьнныхъ попечителей по дѣламъ своихъ школъ. Къ предметамъ занятій этой комиссіи были отнесены всѣ вопросы начального народного образованія, а равно школьнно-учителльского быта, въ предѣлахъ компетенціи земства, и, кроме того, собираяніе матеріаловъ и подготовка докладовъ по народному образованію. Точно также и Уржумскимъ земскимъ собраниемъ 9-го октября 1903 года постановлено было учредить школьнную комиссию для выясненія нуждъ и недостатковъ хозяйственно-учебной части, для наблюденія на мѣстахъ за выполнениемъ распоряженій управы по школьному и виѣшкольному образованію и для исполненія постановленій земскаго собранія и распоряженій управы, изъ двухъ членовъ училищнаго совѣта отъ земства, трехъ гласныхъ земскаго собранія, состава управы и другихъ лицъ, по указанію собранія, и въ качествѣ временныхъ членовъ — учителей, законоучителей и прочихъ постороннихъ лицъ, которыхъ, по своимъ познаніямъ и

подготовкѣ, могли бы быть полезны при разработкѣ вопросовъ образовательного дѣла и которымъ съ этой цѣлью приглашаются комиссіей на очередные собрания.

Для ближайшаго завѣдыванія начальными училищами, содержимыми на средства земства, имѣются при большинствѣ школъ попечители или попечительницы. Эти лица избираются земскими собраніемъ, по представлению управы, преимущественно—изъ мѣстныхъ священниковъ, земскихъ начальниковъ, врачей, купцовъ и ихъ женъ, а также изъ крестьянъ, и всегда утверждаются губернскимъ училищнымъ совѣтомъ. Попечители заботятся о своихъ училищахъ и учащихся въ нихъ, оказывая имъ, главнымъ образомъ, материальную помощь путемъ денежныхъ пожертвованій, улучшеніемъ за свой счетъ училищныхъ помѣщеній, устройствомъ горячихъ завтраковъ, раздачею одежды и книгъ, организациою дѣтскихъ елоекъ, праздниковъ и экскурсій, за что земскія собрания всегда выражаютъ благодарность благотворителямъ.

Изъ земскихъ данныхъ видно, что, однако, попечители почти не пользуются предоставленными имъ по закону правами участія въ училищныхъ совѣтахъ и спошения съ инспекторомъ народныхъ училищъ по введеннымъ имъ учебнымъ заведеніямъ (ст. 3481 и 3482 т. XI ч. I св. зак., изд. 1893 г.). Возникшая въ малмыжскомъ земствѣ попытка привлечеенія попечителей къ участію въ составленіи учащими смѣть на потребные для школъ предметы школьнаго инвентаря не увенчалась успѣхомъ. Въ докладѣ малмыжской управы земскому собранію 1902 года одной изъ главныхъ причинъ этого выставлялась дальность разстоянія школъ отъ мѣстъ жительства попечителей.

Малоподторвная дѣятельность попечителей на пользу начальныхъ училищъ¹⁾ побудила вятскія земства въ послѣднее время, съ цѣлью болѣе правильной постановки дѣла въ земскихъ училищахъ въ чисто хозяйственномъ отношеніи и въ интересахъ школы, установить, кроме личныхъ попечительствъ, еще попечительства коллегіальные, состоящія изъ нѣсколькихъ уважаемыхъ и компетентныхъ въ данной мѣстности лицъ. Инициаторомъ этого новаго проекта явилась яранская земская управа. «Всякому изъ учителей», говорится въ ея докладѣ: «да и вообще хотя помногу знакомому со школой побѣгъзвѣстны тѣ затрудненія, какія возникали и возникаютъ у учителей съ хозяевами школьнаго помѣщеній. Нерѣдко приходится заниматься съ дѣтьми въ

¹⁾ См., напр., докладъ котельничской земской управы по школьному образованію 1903 г., стр. 198.

холодної комнатѣ, терпѣть другія лишенія и переносять различныя непрѣятности. При учрежденіи школьнаго попечительства дѣло будетъ обстоять иначе и можетъ принять совершенно другой оборотъ. Учитель долженъ быть непремѣннымъ членомъ и секретаремъ попечительства. По его заявлению, попечительство должно собираться для обсужденія нуждъ и принятія своевременныхъ мѣръ для ихъ удовлетворенія. Кромѣ этого непосредственнаго значенія, школьнаго попечительства могутъ играть роль общественнаго органа и крестьянское общество можетъ привыкать къ некоторой самодѣятельности, а учитель имѣть болѣе возможности сойтись съ обществомъ".

Составленный первоначально яранской управой проектъ устава коллегіальныхъ школьнаго попечительства, по обсужденіи его въ совѣщаніи предсѣдателей уѣзденыхъ управъ и разсмотрѣніи уѣзденными собраніями, привелъ къ выработкѣ окончательного устава, объ утвержденіи которого чрезвычайнымъ губернскимъ земскимъ собраніемъ и возбуждено было въ концѣ мая 1904 года ходатайство.

Согласно окончательному прослѣту, учреждаемымъ уѣзденными земскими собраніями попечительства при начальныхъ народныхъ училищахъ, содержащихъ на средства земства или съ пособіемъ отъ него, имѣть цѣлью содѣйствовать благосостоянію и преуспѣванію училищъ, учащихся и учившихся въ немъ. Въ составъ попечительства, не ограниченнаго числомъ членовъ, входятъ въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ: учительская корпорація данного училища вмѣстѣ съ законоучителемъ, представитель уѣзданой управы изъ ея состава, попечитель училища, избираемый земскимъ собраніемъ, одинъ или нѣсколько человѣкъ отъ уѣзданого земства, избираемыхъ уѣзденныи земскими собраніемъ, если оно найдеть нужнымъ, по его усмотрѣнію или по представлению школьнаго попечительства, изъ числа членовъ-соревнователей, членъ отъ соответственнаго сельскаго или городскаго общества по избранію послѣднихъ и участковый врачъ. Кромѣ того, въ засѣданіяхъ попечительства могутъ участвовать съ правомъ совѣщательного голоса члены-соревнователи, каковыми считаются лица, жертвующія лично или собирающія въ пользу школы пожертвованія не менѣе одного рубля въ годъ. Предсѣдатель, заступающій его мѣсто и казначей избираются членами попечительства изъ своей среды; дѣлопроизводителемъ попечительства состоить учитель - завѣдывающій школой или его помощникъ. На обязанность попечительства предполагалось возложить изысканіе средствъ для улучшенія училищныхъ помѣщеній и общежитій при нихъ, для снабженія учениковъ книгами и пособіями,

надѣление бѣдныхъ учащихся одеждою и пищею, распространеніе обученія дѣтей пѣвицѣ, огородничеству, рукодѣлію, ремесламъ, устройство разумныхъ развлечений, содѣйствіе къ поступленію дѣтей въ училища и академическому посвѣщенію ими послѣднихъ и получению желающими дальнѣйшаго образованія, возбужденіе ходатайствъ по всѣмъ перечисленнымъ нуждамъ передъ земской управой и черезъ нее передъ собраніемъ и училищнымъ начальствомъ.

Нельзя не согласиться съ соображеніями губернской земской управы, высказанными въ докладѣ ея земскому собранію 1903 года, что учрежденіе коллегіальныхъ попечительствъ во всякомъ случаѣ внесетъ въ школьнное дѣло существенное измѣненіе къ лучшему, хотя бы по одному тому, что въ составѣ попечительствъ будуть участвовать мѣстные жители, находящіеся въ районѣ школы, близко знакомые со всѣми условиями, среди которыхъ существуетъ школа, и непосредственно заинтересованные въ ея процвѣтаніи. Быть можетъ, эти попечительства обратятъ вниманіе на неблагопріятныя стороны постановки школьнаго дѣла и помогутъ его улучшенію.

II.

Быстрый сначала, по открытии земскихъ учрежденій въ Вятской губерніи, ростъ числа училищъ послѣ 1874 года, какъ мы знаемъ, замедлился. Объ этомъ говорять ясно и данные слѣдующей таблицы:

	Школы.	Учащихся.
Къ 1 января 1870 года было:	. 357	13.602 ¹⁾
1875 " "	. 408	19.975 ¹⁾
1880 " "	. 438	30.674
1885	. 478	35.168
1890	. 472	37.121
1895	. 492	43.195

Почти полная остановка увеличенія числа начальныхъ училищъ, несмотря на сильно развитую потребность въ народномъ образованіи, выразившуюся, несмотря на неблагопріятныя условія, въ быстромъ ростѣ числа учащихся, обратила на себя вниманіе, въ 1895 году, губернскаго земства. Въ докладѣ, представленномъ губернскому земскому собранію, губернская управа объяснила такой застой ограниченностю земскихъ средствъ и ложными взглядами на типъ школъ.

¹⁾ Кромѣ Елабужскаго уезда, по которому свѣдѣній за этотъ годъ нѣтъ.

По словамъ доклада, принципъ всеобщаго обученія, руководившій первыми дѣятелями вятскаго земства, замѣненъ бытъ совершенно чуждымъ крестьянскимъ земствамъ Вятской губерніи принципомъ „хоть немножко — да мнюое“, благодаря чemu расширялись училища въ большихъ торговыхъ богатыхъ селахъ и останавливалось открытие новыхъ школъ въ глухихъ и болѣе бѣдныхъ мѣстностяхъ. Въ большихъ селеніяхъ строились дорогія училищныя помѣщенія, на эти постройки издерживались такія суммы, которыхъ хватило бы на содержаніе нѣсколькихъ училищъ, назначались въ одно такое училище по три и по четыре преподавателя, устраивались особыя общежитія, содержаніе которыхъ часто превышало содержаніе самой школы. Цѣль большой и дорогой школы все равно не достигалась; вслѣдствіе громаднаго наплыва учащихся, изъ которыхъ половина, за дальностью разстоянія отъ дома, становилась не временнымъ посѣтителемъ, а постояннымъ жильцемъ школы, дорогое помѣщеніе оказывалось тѣснымъ, неудобнымъ и антисанитарнымъ. Увлекшись идеей усовершенствованія школъ, вятскія земства нововѣльно, за недостаткомъ средствъ, должны были отказаться народу въ учрежденіи новыхъ школъ. „Земства“, говорится въ докладѣ: „должны поставить себѣ задачу открыть елико возможно больше школъ. Едва ли можно сомнѣваться, что среди населенія Вятской губерніи есть запросъ не только на низшее и среднее, но и на высшее образованіе. Едва ли кто рѣшится отрицать желательность высшаго образованія не для одиѣхъ только единицъ, а и для всего населенія. Однако, эти благія пожеланія остаются и надолго еще останутся только пожеланіемъ, такъ какъ содержаніе хотя бы одного высшаго учебнаго заведенія превышаетъ средства земства. Точно также и содержаніе среднихъ учебныхъ заведеній лежитъ на земствѣ большою тягостью и по всей справедливости должно бы относиться на средства казны, съ небольшою помошью отъ земства. Единственное, что средства земства позволяютъ и, настоящее время дать населенію, это—всеобщее начальное обученіе. Ради того, чтобы дать нѣсколькимъ многое, лишить большинство самого необходимаго въ высокой степени несправедливо. Первымъ долгомъ земства должно быть предоставление каждому возможности быть грамотными. Если средства земства не позволяютъ создать школы высшаго типа, пусть будутъ вездѣ открыты хоть такія школы, которыя научатъ читать, писать и считать“.

Руководствуясь этими справедливыми соображеніями, губернская управа предложила собранію оказывать уѣзднымъ земствамъ ежегодное

пособіе на содержаніе 600 вновь предположенныхъ къ открытию школъ въ губерніи въ размѣрѣ 150.000 руб., т. е. по 250 рублей на каждую школу. Это предложеніе принято было единогласно. Въ виду же происходившаго при обсужденіи его преній о будущемъ направлении школьнай дѣятельности земства, т. е. должны ли они сосредоточиться на количественномъ расширеніи существовавшей уже съѣти школъ или же обратиться на качественное улучшеніе школы и увеличеніе учебной программы, а, съѣдовательно, на введеніе народныхъ училищъ высшаго типа, или же, наконецъ, направиться „и въ ширь и въ глубь“, придавъ народнымъ училищамъ сельско-хозяйственный характеръ,— губернское собраніе поручило выработку типа народной школы особой комиссіи. Въ представленномъ губернскому собранію 1896 года „сводѣ міній“ членовъ комиссіи указаны были двѣ главныя категоріи народныхъ училищъ, подраздѣлявшіяся въ свою очередь на пять типовъ. Къ первой категоріи отнесены были чисто общеобразовательные нормальные одноклассныя школы съ тремя и четырьмя годами обученія и двухклассныя съ пятью годами обученія. Ко второй категоріи отнесены общеобразовательные училища съ утилитарнымъ направленіемъ, именно: двухклассныя съ дополнительнымъ сельско-хозяйственнымъ курсомъ и промышленно-сельско-хозяйственные, ремесленные, техническія и т. п. училища. Субсидировать изъ 150.000 руб., ассигнованныхъ губернскимъ земскимъ собраніемъ 1895 года, слѣдовало, по мнѣнию комиссіи, лишь начальныя школы общеобразовательного характера, назначая на нормальные школы съ трехгодичнымъ курсомъ по 250 руб., съ дополнительнымъ четвертымъ годомъ обученія—по 300 руб. и, наконецъ, на двухклассныя—по 400 руб. въ годъ на каждую. Соображенія комиссіи приняты были губернскимъ собраніемъ въ засѣданіи 11-го декабря 1896 года. Общий кредитъ въ 150.000 руб. постановлено было ежегодно распредѣлять между уѣздами пропорціонально платежу каждымъ уѣздомъ губернскаго сбора, на вышеупомянутыхъ основаніяхъ. Вносясь въ засѣданіи 8-го декабря 1898 года, губернскимъ собраніемъ постановлено было расходовать на тѣхъ же условіяхъ и процентахъ съ учрежденія чрезвычайнымъ собраніемъ 1895 года особаго фонда въ 200 тысячъ рублей имени Императора Николая II-го.

Каждое изъ уѣзденыхъ земствъ получило, такимъ образомъ, въ свое распоряженіе опредѣленную ежегодную помощь изъ суммъ губернскаго земскаго сбора, съ тѣмъ, что невы требованный въ теченіе года кредитъ могъ быть использованъ въ послѣдующіе годы. Хотя

пособіе губернскаго земства едва могло покрыть третью часть расходовъ по содержанію школы, тѣмъ не менѣе желаніе использовать открытые кредиты повсюду и уѣздили земства къ увеличению, съ своей стороны, расходовъ на дѣло народного образования, и съ середини 90-хъ годовъ замѣчается быстрое увеличеніе числа школъ по всей губерніи. Въ теченіе восьми лѣтъ, съ 1896 по 1903 годы, открыты 621 начальная школа съ 3 отдѣленіями, 30 дополнительныхъ классовъ 4-хъ и 5-хъ отдѣленій или вторыхъ классовъ при нихъ и 34 четвертыхъ отдѣленій. Объ интенсивности начавшагося открытия школъ по годамъ и уѣззамъ легко можно судить по слѣдующей таблицѣ, приведенной въ докладѣ губернской управы собранію 1903 года (см. табл. на стр. 26).

Таблица показываетъ, что, между тѣмъ какъ въ первый годъ послѣ назначенія субсидій вновь открыто 710 школъ,—уже въ слѣдующій годъ ихъ открыто лишь 148, а затѣмъ число вновь открываемыхъ школъ быстро понижалось и въ 1903 году открыто ихъ лишь 34. Точно также уменьшилось за послѣдніе годы и открытие 4-хъ и 5-хъ (вторыхъ классовъ) отдѣленій при училищахъ, повидимому, впрочемъ, вслѣдствіе возникшаго вопроса о правѣ земствъ самостоитѣльно содержать двухклассный городскій училище. Правда, открытие такихъ школъ, хотя и несомнѣнно полезное, вызывало значительно большия расходы со стороны земствъ и имѣло разрѣзъ сть вышенприведенными соображеніями губернской управы, высказанными въ докладѣ ея губернскому земскому собранію 1895 года. Уменьшеніе числа вновь открываемыхъ за послѣдніе годы начальныхъ училищъ объясняется постепеннымъ исчерпаніемъ уѣздинами земствами своихъ долей изъ ежегодныхъ ассигновокъ губернскаго земства, недостаточныхъ даже для открытыхъ уже школъ, и нежеланіемъ расходовать, безъ пособія губернскаго земства, на этотъ предметъ свои собственныя средства. Въ настоящее время всѣ уѣздныя земства, за исключеніемъ яранскаго, не только совершенно исчерпали свои доли изъ 158-тысячной ассигновки губернскаго земства, но даже въ значительной степени не дополучаютъ установленнаго губернскимъ земствомъ пособія, причитающагося имъ по нормальному расчету на открытныя съ 1896 года начальные школы, что видно по слѣдующимъ даннымъ (см. табл. на стр. 27).

Общий ростъ числа земскихъ школъ и учащихся въ нихъ по губерніи за время съ середини 90-хъ годовъ по 1-ое января 1904 года выражается слѣдующими цифрами:

ЧИСЛО ОТКРЫТИХ С С ПОСОБИЕМЪ ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСТВА:

Губерн. I. I. I.	Одноклассная школа.	Всѣрѣдній классовъ.		4-тия отдѣленія.		Бюро.
		1896 г.	1897 г.	1897 г.	1898 г.	
Вятскій	5 2 14 2	— 1 5 7	36 —	—	—	— 4
Гжатскій	25 16 27 —	3 8 3 —	82 —	—	2 —	— —
Ельблужскій	26 18 1 1	5 3 —	54 —	—	— 4	— 15
Котельническій	— 14 12 2	3 2 3 1	37 —	—	2 —	— —
Малмыжскій	23 35 5 —	2 1 1 1	68 3 1 —	—	4 1 —	— 1
Нолинскій	10 6 3 10 1	2 1 1 1	34 —	—	—	— —
Орловскій	30 — — —	— 2 —	6 38 —	— 2 —	2 2 1	— 6
Саранскій.	29 25 12 2	1 4 6 5	84 —	— 4 3 1	1 9 —	— —
Слободской.	14 11 10 16	— — —	— 61 —	— 3 —	1 4 —	— 2 1 1 4
Уржумскій	42 7 5 7	2 5 2 5	75 6 —	—	— 6 —	— 4 —
Яранскій.	6 14 10 1	8 12 8 8	62 —	— 1 —	— 1 —	— 1 —
Итого	210 148 99 41	20 40 29 34	621 9 1 8 6 3 8 1	30 5 8 4 7 1 1	34	94

Уѣзды.	Число имеющих право на пособіе губернскаго земства на 1 января 1904 года.			Среднестатистическое пособіе губернскаго земства по числу школъ по нормальному расчёту.	Расчетъ прилагавшегося пособія за 1903 г. губернскаго земства по разверсткѣ ассигн.	Настоящемъ прилагавшемся по разверсткѣ изъ 157.900 руб. пособіе прошлого стьду-мѣсяца по нормѣ.	Настоящемъ недостатокъ прилагавшемся по разверсткѣ изъ 157.900 руб. пособія до нормы.	Разница фактически откры-таго за 1903 г. ассигн.								
	Школьное	Человеческое	Человеческое и пакетное открытие.						В	Ч	Р	У	В	Л	Я	Х
Валдайск.	36	4	—	9.200	8.550	—	—	6.500	8.550							
Глазовск.	82	—	2	21.300	17.450	—	—	3.850	17.450							
Елабужск.	54	15	—	14.250	13.850	—	—	400	13.850							
Котельничск.	37	—	2	10.050	9.800	—	—	250	9.800							
Малмыжск.	68	1	4	18.650	16.550	—	—	2.100	16.550							
Нолинск.	34	—	—	8.500	8.250	—	—	250	8.000							
Орловск.	38	5	2	10.300	8.550	—	—	1.750	8.550							
Саранульск.	84	—	9	24.600	24.150	—	—	450	22.950							
Слободской.	51	4	4	14.550	14.200	—	—	350	12.750							
Уржумск.	75	4	6	21.750	18.700	—	—	2.650	18.700							
Яранск.	62	1	1	15.950	17.850	1.900	—	—	15.950							
Итого.	621	34	30	168.700	157.900	1.900	—	12.700	153.100							

	Число школъ.	Число учащихся.
Къ 1-му января 1895 г.	492	43.195
1900 "	1.011	70.336
1901 "	1.084	71.558
1902 "	1.061	78.124
1903 "	1.093	80.960
1904 "	1.098	85.357

Несмотря на довольно значительный ростъ числа школъ въ Вятской губорніи, это число все еще не удовлетворяетъ действительной потребности въ нихъ. Если мы признаемъ, что населеніе школьнаго возраста, какъ это обыкновенно принимается для начальныхъ училищъ, составляетъ около 7 % общей цифры населенія, то получимъ, что въ земскихъ начальныхъ училищахъ обучается едва 37%, т. е. лишь треть съ небольшимъ того числа, которое имѣть право на бесплатное начальное образованіе. Распределеніе земскихъ училищъ и учащихся въ нихъ къ 1-му января 1904 года по уѣздаамъ видно изъ нижеслѣдующей таблицы (см. табл. на стр. 29).

Только въ одномъ Орловскомъ уѣздѣ въ начальныхъ училищахъ обучается почти половина общаго числа дѣтей школьнаго возраста, въ Котельничскомъ же уѣздѣ обучается всего лишь 27%. Точно также одна школа изъ среднемъ приходится на площадь 123 кв. версты, а въ Слободскомъ уѣздѣ средняя площадь, на которую приходится одна школа, достигаетъ громадной цифры въ 276 кв. верстъ.

Ассигнуя въ 1895 году на пособіе уѣзднымъ земствамъ для содержанія школъ 150.000 руб., губернское земское собраніе, признавъ потребность населенія во всеобщемъ обученіи вполнѣ изрѣвшее и заслуживающе удовлетворенія, поручило тогда же губернскому управлѣнію совмѣстно съ уѣздными произвести къ слѣдующему же году подробное обслѣдованіе, где и сколько школъ нужно открыть, чтобы всеобщее обученіе стало возможнымъ.

Однако лишь въ 1898 году статистическимъ столомъ губернской управы приступлено было къ собиранию матеріаловъ по особой программѣ и затѣмъ, согласно добтымъ матеріаламъ и произведеннымъ статистическимъ подсчетамъ, проектирована была нормальная школьнаго сѣти, при осуществленіи которой школа пастолько приблизилась бы къ населенію, что начальное образованіе сдѣвалось бы общедоступнымъ. По проекту школьнаго сѣти уѣзды раздѣлены на нормальные школьные районы съ существующими уже и вновь проектируемыми

У Ф З Д І Й.	Число школъ.	Одна школа на число кв. верст.	Одна школа на число душъ сель- ского населения.	Число учащихся.	На 1.000 душъ сельского населе- ния приходится уча- щихся.
Вятскій.	73	71,5	2.555	6.082	32
Глазовскій.	115	182,3	3.533	10.104	26
Елабужскій .	101	73,4	2.332	5.944	26
Котельничскій.	72	146,5	4.431	6.149	19
Малмыжскій.	98	151,2	3.175	6.591	22
Нолинскій.	63	88,4	3.193	4.644	23
Орловскій.	88	141,5	2.787	8.435	34
Сарапульскій .	163	78	2.471	11.649	28
Слободской	90	276,6	2.514	6.593	29
Уржумскій.	123	81,6	2.542	8.263	26
Яранскій	109	105,6	3.800	10.795	26
По губерніи .	1.096	123,3	2.976	85.243	26

школьными пунктами, при чмъ распределеніе селеній по районамъ произведено было съ соблюдениемъ условій, принятыхъ уже земствомъ Московской губерніи, т. е.: 1) не отступать далеко отъ трехверстного радиуса, принятаго въ основаніе, въ виду того, что, согласно произве-

даннымъ статистическимъ вычисленіямъ, начиная съ трехъ верстъ—число посѣщающихъ школу дѣтей рѣзко падаетъ, и 2) не допускать въ районѣ числа дѣтей школьнаго возраста обоего пола менѣе 60. Для преобладающаго типа начальной школы срокъ обученія установленъ трехлѣтній и, слѣдовательно, школа должна вмѣщать въ себѣ одновременно три возраста. За нормальный же школьній возрастъ принять для мальчиковъ 10, 11 и 12 лѣтъ, и для дѣвочекъ—9, 10, 11 лѣтъ. Типъ школъ принять быть большой—не менѣе 60 человѣкъ въ школѣ, съ двумя учащими.

По условіямъ расположеннія селеній и населенности въ Вятской губерніи найдено было необходимымъ устраивать при нѣкоторыхъ школахъ общежитія для того, чтобы дать возможность дѣтямъ изъ болѣе отдаленныхъ селеній жить при школѣ, при этомъ—при разстояніяхъ селенія отъ школы до 3 верстъ только для нѣкоторой части населенія, находящейся въ материальныхъ условіяхъ ниже средняго уровня, а за трехверстіемъ разстояніемъ—для всѣхъ.

По изданному вятскимъ губернскимъ земствомъ въ 1902 году проекту школьнай сѣти, выработанному на указанныхъ выше основаніяхъ, къ началу 1902 года положеніе школьнай сѣти въ губерніи представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

Уезды:	Всѣхъ намѣченыхъ районовъ:	Изъ нихъ съ организоваными школами.	Безъ школъ.
Вятскій .	114	67	47
Глазовскій .	273	164	109
Елабужскій	169	136	33
Котельничскій	218	81	137
Малмыжскій	345	132	218
Нолинскій	132	88	44
Орловскій .	173	78	95
Саранульскій .	264	188	76
Слободской . .	166	108	58
Уржумскій .	207	147	60
Яранскій	263	116	147
По губорніи	2.324	1.305	1.019

При проектированіи школьнай сѣти приняты были въ соображеніе и нѣкоторыя церковно-праходскія школы, представляющіяся, по мнѣнію земства, удовлетворяющими своему назначению. Кромѣ школьнай грамотности, число которыхъ достигало къ тому времени свыше 450,

удовлетворяющихъ своему назначению начальныхъ училищъ насчитывалось губернскими земствами 1607 со 104.421 учащимися (въ томъ числѣ 77.117 мальчиковъ и 27.304 девочекъ), что составляло почти половину дѣтской школьного возраста. Такое исчисление привело губернскую управу къ выводу, что открытие школъ лишь изъ числѣ, соответствующемъ районамъ, въ виду значительности числа неучащихся (около 100.000), будетъ недостаточно, и что для введенія всеобщаго обучения необходимо открыть въ губерніи еще 1.762 училища (504 для мальчиковъ и 1.258 для девочекъ) ¹⁾.

Хотя уѣздныя земства и принялли, вообще, проектъ школьнай сѣти къ руководству при открытии новыхъ училищъ, однако на практикѣ имъ пришлось не разъ отступать отъ него въ виду различныхъ мѣстныхъ условий, среди которыхъ важную роль играла большая или меньшая помощь на содержаніе школы отъ сельского общества. Громадность количества требующихъ къ открытию для пополненія сѣти школъ естественно должна была привести къ сознанію, что введеніе всеобщаго обученія въ губерніи непосильно для земства, и что безъ помощи извнѣ оно не можетъ удовлетворить этой законной своей потребности. Поэтому губернское собраніе тогда же постановило повторить возбужденное уже въ 1897 году ходатайство обь открытии 547 начальныхъ училищъ на средства казны, съ указаниемъ, что земство не пластиается на необходимости открытия всѣхъ школъ сразу, а желасть осуществить эту сѣть постепенно и течениe извѣстнаго ряда лѣтъ. Это ходатайство, однако, въ то время возбуждено не было въ виду неокончанія еще выработки школьнай сѣти, послѣ чего въ 1902 году земство стало ходатайствовать обь оказанія ему пособія отъ казны уже на открытіе новыхъ 1.762 училищъ. Кромѣ того, видя, что замедленіе въ открытии новыхъ школъ обусловливалось, по заявлению уѣздныхъ земствъ, отчасти использованіемъ ими назначенного къ отпуску по губернскѣй сѣти кредита въ полномъ размѣрѣ, губернскія земскія управы въ 1901, 1902 и 1903 гг. представляли губернскому собранію доклады обь увеличеніи на 25.000 руб. ежегодной 150.000-ной ассигновки на выдачу пособій уѣзднымъ земствамъ. Въ такомъ увеличеніи ассигновки, однако, губернское собраніе всякий разъ отказывало, ссылаясь на крайнюю напряженность платеж-

¹⁾ Въ „Памятной книжкѣ“ Вѣтскаго статистическаго комитета за 1904 годъ указывается, что въ 1902 году общее число дѣтей, обучавшихся во всѣхъ начальныхъ 2.177 училищахъ (читая въ томъ числѣ и школы грамотности), было 94.367 мальчиковъ и 56.893 девочекъ, а всего 180.060 дѣтей.

ныхъ силъ населенія и на невозможность и несвоевременность, при существующемъ экономическомъ положеніи, дальнѣйшаго возвышенія земскихъ налоговъ, тѣмъ болѣе, что каждая ассигновка со стороны губернскаго земства вызываетъ гораздо большую ассигновку со стороны уѣзднаго земства и должна повлечь за собою увеличеніе земскаго обложенія. „Новою ассигновкою“, говорилось въ собраниі: „мы только убиваемъ всакую самодѣятельность уѣздныхъ земствъ, между тѣмъ губернское земство въ дѣлѣ воздействиа на уѣздныя земства въ хозяйственной дѣятельности должно быть очень осторожно и не должно ихъ подхлестывать, такъ сказать, обязательными ассигновками. Каждое уѣздное земство прекрасно сознаетъ, что число школъ, должно быть увеличено, но если воздерживается отъ этого, то несомнѣнно по причинамъ весьма основательнымъ“. Въ собраниі высказывалось и мнѣніе о томъ, что для народнаго образования недостаточно одного только открытия новыхъ школъ, а нужно позаботиться и о здоровье учащихся дѣтей посредствомъ улучшенія школьнаго помѣщенія, почему губернскому земству слѣдовало бы не побуждать тѣмъ или другимъ путемъ уѣздный земстѣвъ къ открытию новыхъ школъ, а заботиться о возможности поощренія школьнаго строительства, помня, что, если выучить ребенка, но выпустить его изъ школы, благодаря крайне негигиеническому помѣщенію, болѣйшимъ, то едва ли будетъ этимъ принесена польза дѣлу народнаго образования.

Однако, отказавъ въ новыхъ пособіяхъ уѣзднымъ земствамъ, губернское собрание съ большімъ вниманіемъ отнеслось къ указанію ихъ на законъ о предѣльности земскаго обложенія, какъ на поводъ прекращенія новыхъ отпусковъ на школы. Значительнымъ большинствомъ, въ засѣданіи 13-го декабря 1902 года, губернское собрание признало необходимымъ возбудить ходатайство объ отменѣи вышеупомянутаго закона, какъ стѣсняющаго удовлетвореніе земствомъ неотложныхъ нуждъ населенія вообще и нуждъ въ образованіи, въ частности, и возвратить земству прежнее право самообложения. Одновременно, съ цѣлью изысканія средствъ на развитіе народнаго образования, губернское собрание, по иниціативѣ глазовскаго и сарапульскаго уѣздныхъ земствъ, возбудило, основываясь на подробно разработанномъ губернскою управою докладѣ, передъ правительствомъ ходатайство объ отчисленіи на нужды народнаго образования по 40 коп. съ каждого проданного въ губерніи ведра вина, прибавивъ эти 40 коп. на ведро въ продажной цѣнѣ. Сколько намъ известно, оба эти ходатайства донынѣ дальнѣйшаго движенія не получили.

Пользуясь сдѣланными губернскою управою расчетами и соглашаюсь съ ними, губернское земское собрание, въ засѣданіи отъ 19-го декабря 1903 года, постановило увѣдомить попечителя учебного округа: 1) что для обеспечения общедоступности начального обучения населенія Вятской губерніи требуется 1.762 начальныхъ школы съ ежегоднымъ расходомъ на каждую въ 1.000 руб., а всего 1.762.000 руб.; 2) что изъ числа этихъ школъ крайне необходимо открыть въ первые же три года въ Вятскомъ уѣздѣ—38 школъ, въ Глазовскомъ—76, въ Слободскомъ—50, въ Котельничскомъ—23, въ Малмыжскомъ—75, въ Нолинскомъ—20, въ Орловскомъ—66, въ Саранульскомъ—127, въ Слободскомъ—28, въ Уржумскомъ—50 и въ Яранскомъ—35, а всего 588 школъ на сумму 588.000 руб.; 3) просить попечителя ходатайствовать передъ министерствомъ народного просвѣщенія объ отпускѣ вятскому губернскому земству пособія изъ средствъ казны на открытие въ теченіе трехъ лѣтъ (въ 1905, 1906 и 1907 гг.) указанныхъ 558 начальныхъ школъ въ размѣрѣ 500 руб. на каждую школу и 4) распределенію отпущеній, министерствомъ суммъ между уѣздаами просить предоставить губернскому земству, которое, имѣя въ виду среднюю стоимость школъ въ каждомъ уѣзда и мѣстными средствами на открытие новыхъ школъ, съ одной стороны, и потребности населенія въ начальномъ образованіи въ различныхъ мѣстностяхъ губерніи, съ другой, можетъ сдѣлать это распределеніе наиболѣе цѣлесообразнымъ и въ дополненіе къ суммамъ министерства отпустить въ пособіе уѣзденнымъ земствамъ и часть своихъ средствъ.

8-го июня 1904 года попечитель Казанского учебного округа увѣдомилъ земство, что, въ виду необходимости возможнаго сокращенія по всемъ вѣдомствамъ требованій новыхъ кредитовъ на 1905 и послѣдующіе годы, это ходатайство признано преждевременнымъ.

Такъ закончилась эта попытка. Впрочемъ, министерство народного просвѣщенія принципіально, понидимому, признавало основательность земскаго ходатайства, такъ какъ въ отдѣльныхъ случаяхъ оказывало просимую поддержку. Например, въ 1904 году удовлетворено было ходатайство нолинскаго земства о пособіи изъ средствъ казны на нужды народного образования въ Нолинскомъ уѣздѣ въ размѣрѣ 10% средствъ, затрачиваемыхъ на этотъ предметъ мѣстнымъ земствомъ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, въ дѣлѣ распространенія народного образования подспорьемъ будетъ служить недавнѣе значительное по-

¹⁾ Отпись 17-го апреля 1904 г., за № 12694.

жертвование изъ завѣщанныхъ 1¹. Солодовниковымъ капиталовъ, часть которыхъ предназначена на образовательные нужды Вятской губерніи, а именно: на устройство земскихъ женскихъ училищъ и мужскихъ и женскихъ профессиональныхъ школъ съ тѣмъ, чтобы тако-вывя, по окончательномъ оборудованію ихъ душеприказчиками совместно съ земствами, переданы были во владѣніе послѣднихъ. По примѣрному подсчету губернской земской управы проценты съ приходящейся на долю Вятской губерніи части означенного капитала составляютъ ежегодно: на общее женское образованіе—сумму 75.550 руб. или на каждый уѣздъ по 6.800 руб., на профессиональное образованіе сумму 60.400 руб. или по 5.500 руб. на каждый уѣздъ, а всего на уѣздѣ придется до 12.300 руб. въ годъ. Обсуждалъ вопросъ о наиболѣшемъ использованіи завѣщанныхъ благотворителемъ средствъ на общее женское образованіе, какъ губернское, такъ и большинство уѣздныхъ земскихъ собраний, высказали пожеланіе о назначеніи этихъ средствъ на начальное образованіе и именно на открытие одноклассныхъ и двухклассныхъ училищъ, что, въ виду громаднаго по губерніи процента девочекъ, остающихся, какъ мы видѣли, даже безъ элементарной грамотности, является наиболѣе цѣлесообразнымъ. Составленная по этому предмету въ только что указанномъ смыслѣ заключенія земствъ, въ связи съ подробными свѣдѣніями о состояніи народнаго образования въ губерніи, сообщены были губернскую управу душеприказчикамъ завѣщателя.

Составляя проектъ школьнай сѣти и исчисляя необходимое число школъ для достиженія общедоступности начального образованія, вятское земство пришло во вниманіе начальные школы другихъ вѣдомствъ, а именно: школы министерства народнаго просвѣщенія и иѣ-которые церковно-приходскія школы, кромѣ школъ грамотности, при-знаемыхъ совершенно неорганизованными. Министерскія школы суб-сидируются вятскими земствами въ постоянной суммѣ 25.000 руб., а вторыя въ 1904 году получили 31.959 рублей. Если мы примемъ во вниманіе, что первыхъ школъ около 100, а вторыхъ числилось въ 1902 году 517, то неравнomoѣсть субсидированія бросится въ глаза. объясняется она замѣчаемымъ въ послѣднее время отрицательнымъ отношеніемъ вятскихъ земствъ къ продуктивности школъ духовнаго вѣдомства.

Большинство вятскихъ земствъ недавно стало возбуждать даже вопросъ о полномъ прекращеніи земскихъ пособій церковно-приходскимъ школамъ, мотивируя это, главнымъ образомъ, тѣмъ, что

многія школы духовнаго вѣдомства и особенно школы грамоты не удовлетворяютъ своему назначению, и что на суммы, отпускаемыи въ пособіе, цѣлесообразнѣе открывать собственныи школы, что земства стѣснены въ средствахъ на удовлетвореніе многихъ неотложныхъ нуждъ, между тѣмъ какъ духовное вѣдомство располагаетъ значительными материальными средствами, ассигнуемыми въ распоряженіе синода, что это вѣдомство не сообразуется подчасъ при открытии училищъ съ существованіемъ рядомъ земскаго училища, почему первыя являются даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ излишними, и что, наконецъ, распределеніе по уѣздаамъ выдаваемыхъ земствами пособій производится неравномерно и непропорціонально размѣромъ этихъ пособій.

Если, несмотря на упорно проводимыя въ земскихъ собраніяхъ мнѣнія о прекращеніи пособій церковно-приходскимъ училищамъ, вопросъ этотъ иногда разрѣшался вопросами имъ, то это объяснялось отчасти настойчивыми просьбами духовнаго вѣдомства, главнымъ же образомъ—представляемыми прочими, не раздѣлявшими эти мнѣнія, гласными возраженіями и доводами о томъ, что, хотя церковныи школы и не стоять иногда на желательной высотѣ, нельзѧ отрицать, при сравнительной дешевизнѣ этихъ школъ, несомнѣнно привносимой имъ пользы, что съ прекращеніемъ пособія отъ земства многія школы закроются, а между тѣмъ для открытия, взамѣтъ подлежащихъ уничтоженію церковныхъ школъ, стоящихъ много дороже земскихъ школъ, у земства не имѣется достаточныхъ средствъ и, такимъ образомъ, достижение всеобщаго обученія еще болѣе затруднится и что, наконецъ, мѣсто открытия церковныхъ школъ и порядокъ расходованія пособій всегда могутъ быть обусловлены при ассигнованіи этихъ пособій.

Не вдаваясь даже въ обсужденіе вопроса о большей продуктивности школъ того или другого вѣдомства, нельзѧ все же не признать основательности только что приведенныхъ соображеній, тѣмъ болѣе, что, по удостовѣренію мѣстнаго учебнаго начальства, нѣкоторыи церковно-приходскія школы хорошо оборудованы и иисколько не уступаютъ школамъ другихъ вѣдомствъ. Въ этихъ школахъ обучается болѣе 40.000 дѣтей, не находящихъ себѣ мѣста въ другихъ школахъ, и если эти дѣти научатся хотя бы простой грамотѣ, то лишить ихъ даже этого, при невозможности дать имъ пока большее, было бы во всякомъ случаѣ несправедливо.

III.

Стремление вятского земства, съ первыхъ же шаговъ своего существованія, къ удовлетворенію потребности въ увеличеніи числа начальныx училищъ не позволяло ему первоначально обратить особое вниманіе на выборъ для школъ специально приспособленыхъ помѣщений. По заявленіямъ самихъ земскихъ дѣятелей, неоднократно подтверждаемъ въ земскихъ собраніяхъ и въ докладахъ управъ, школьнное строительство оставалось въ пренебреженіи и не успѣвало идти впередъ такъ же быстро, какъ открывались новые начальныx школы. Послѣднія весьма часто открывались и въ наемныхъ помѣщенихъ. Отказываясь большою частью отъ мысли имѣть собственныхъ помѣщенія для школъ, въ виду необходимости на это крупныхъ единовременныхъ затратъ, земство признавало свою главную обязанностью устройство специально учебного дѣла, а потому требовало иногда отъ сельскихъ обществъ, ходатайствовавшихъ обь открытии училища, предоставления для послѣдняго бесплатнаго помѣщенія, отошенія и прислуги и только подъ этимъ условiemъ открывало училища. Если же общество въ этомъ отказывало,—иногда закрывались даже и существующія училища. Благодаря этому, нѣкоторые уѣздинные земства (например, глаговское) въ 90-хъ годахъ почти совершенно избавились отъ расходовъ на училищная помѣщенія. Предоставленіе существованія училищъ усмотрѣнію сельскихъ обществъ, задавалась цѣлью пробужденія въ послѣднихъ самостоятельного интереса и отношенія къ дѣлу просвѣщенія, имѣло, однако, свою невыгодную сторону, а именно—ставило училища въ зависимость отъ случайныхъ и, следовательно, измѣнчивыхъ причинъ. Земство большинства уѣздовъ губерній выработало, поэтому, систему выдачи сельскимъ обществамъ, церковно-приходскимъ посочительствамъ или даже частнымъ лицамъ безпроцентныхъ ссудъ и пособий на постройку школьныхъ зданій, которыя земство, затѣмъ, обязывалось напечатать подъ школу на извѣстный срокъ за опредѣленную плату. Этотъ порядокъ, сколько намъ извѣстно, примѣнился до самого послѣдняго времени.

Къ 1-му января 1904 года сдава четвертаго часть школъ, содержащихъ вятскимъ земствомъ, имѣла собственныхъ помѣщенія; громадное же большинство (69,3%) помѣщалось въ наемныхъ зданіяхъ, многія изъ которыхъ выстроены со ссудой или безвозвратнымъ пособіемъ земства. Ссуды на постройку зданій для школъ выдаются уѣздинными

управами въ различномъ размѣрѣ (отъ 200 до 2.000 р.), въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, отъ размѣра помѣщенія и строительного матеріала. Срокъ погашенія ссуды большою частью находится въ зависимости отъ срока, на который заключается контрактъ на паемъ строющагося или приспособляемаго помѣщенія (6, 10, 12 и даже 15 лѣтъ). Несмотря на то, что паемная плата, повидимому, должна бы обеспечивать своевременное погашеніе ссуды, оказывается, что такое погашеніе не всегда аккуратно. Изъ представлений, напримѣръ, яранской земскою управою земскому собранію въ 1903 году вѣдомости ссудъ на постройку училищныхъ зданій усматривается, что изъ 12½ тысячи рублей такихъ ссудъ, подлежащихъ возврату къ 1-му юля указанного года, 4.320 руб. въ срокъ уплачены не были.

На ряду съ ассигновками на этотъ предметъ, иѣкоторыя земства образовали для этого даже особые капиталы (напримѣръ, елабужское, котельническое, мыльмыжское). Съ 1895 года губернское земство открыло кредитъ въ 50 тысячъ рублей, увеличенный въ 1898 году до 100 тысячъ рублей изъ запаснаго капитала для выдачи уѣзdzльмъ земствамъ на тотъ же предметъ безпроцентныхъ ссудъ на срокъ до десяти лѣтъ въ размѣрѣ, пропорциональному съ уѣздовъ губернскому земскому сбору. Изъ этого кредита въ долгъ за уѣздными земствами числилось къ 1-му января 1904 года свыше 80 тысячъ рублей. Помимо того, въ 1895 году губернское земское собраніе ассигновало въ распоряженіе губернской управы 6.000 р. изъ добровольнаго страхового капитала для выдачъ въ безвозвратное пособіе тѣмъ обществамъ и лицамъ, которые пожелаютъ строить каменные училищные зданія, по 200 рублей каждому (по постановленію губернского земского собранія 1903 года пособіе можетъ быть увеличено до 600 рублей, при чомъ выработаны подробныя правила о выдачѣ такихъ пособій), а съ 1899 года стало ежегодно выдавать на дѣло школьнаго строительства остатки отъ ассигновки въ 150 тысячъ рублей, распредѣляя ихъ равномѣрно между уѣздными земствами, какъ на постройку школьнаго зданій, такъ и на выдачу субсидій сельскимъ обществамъ и частнымъ лицамъ, изъявившимъ согласіе строить школьнаго зданія. Въ послѣдніе годы вятскімъ губернскимъ земскимъ собраніемъ не разъ возбуждались ходатайства о разрѣшеніи позаимствованія на школьнное строительство изъ страхового или этапнаго капитала до 100 тысячъ рублей за установленные проценты. Однако эти ходатайства оставлены министерствомъ внутреннихъ дѣлъ безъ удовлетворенія, въ виду произведенныхъ вятскимъ земствомъ ранѣе значитель-

ныхъ позаимствованій на продовольственныя надобности, впредь до выясненія условій, обезпечивающихъ исправное помѣщеніе испрашиваемаго новаго позаимствованія.

Система обезопоченія училищъ помѣщиціями путемъ займа, при всей кажущейся выгодности ея, не замедлила обнаружить и свои отрицательныя стороны. Открытие училищъ и выборъ мѣста для нихъ, при этой системѣ, не всегда могли быть сообразованы съ дѣйствительною надобностью въ этомъ, такъ какъ зачастую невозможно было приспособить избранномъ для открытия училища пункты и найти желающихъ для постройки или приспособленія въ немъ училищного помѣщенія со ссудою отъ земства, благодаря чему самое открытие училищъ или замедлялось, или откладывалось на неопределеннное время. Общества и особенно частные лица, обязавшіяся построить школьніи зданія, нерѣдко не выполняли условій контракта и по окончаніи постройки къ определенному сроку. Произведенныя постройки часто оказывались неудовлетворительными и требовали немедленно по ихъ открытии значительныхъ исправлений. Собственники помѣщеній, сознавая безвыходное под茫еніе земства въ дѣлѣ присыпанія квартиръ для училищъ, не стѣснялись къ тому же всички эксплуатировать земство, заставляя новышать арендную плату, принимать, вопреки контракту, на счетъ земства расходы по ремонту и отопленію помѣщенія и содержанию прислуги, нарушая произвольно условія контракта и отказываясь въ помѣщенія на будущее время, ставя земство—однимъ словомъ—въ необходимость или закрыть училище или соглашаться на все условія и терпѣть нарушения. Цѣлыи рядъ примѣровъ такого образа дѣйствій собственниковъ помѣщеній можно, напримѣръ, найти въ докладахъ глазовской и вятской школьніи управъ за 1902 и 1903 гг. Въ рѣдкихъ, правда, случаяхъ земству даже приходилось обращаться за содѣйствіемъ къ подлежащей власти, однако эти обращенія на практикѣ не приводили къ желательнымъ результатамъ, и для установления спокойнаго теченія жизни въ училищѣ обыкновенно, въ концѣ концовъ, приходилось удовлетворять желанію собственниковъ зданій. Случалось, что хозяева училищъ помѣщицій, проживая съ семействомъ въ томъ же зданіи, вмѣнивались въ школьнную жизнь, распоряжались собственно школьніи помѣщиціемъ, выразили имъ (бывали даже случаи обнаружепія врачами вонюческихъ заболѣваній хозяевъ), мѣшиали заплатить, но нукали даже иногда учащихся почевать въ училищѣ, занимали помѣщенія лѣтомъ для своихъ надобностей, не очищая ихъ даже ко вре-

мени начала занятій, и своимъ подчасъ невозможно грубымъ поведеніемъ въ отношеніи учителскаго персонала принуждали послѣдній покинуть училище и ходатайствовать о переводе въ другое мѣсто. Все это, конечно, препятствовало спокойному и правильному ходу занятій и крайне вредно отражалось на постановкѣ школьнаго дѣла, на что почти единогласно указывалось, какъ учебнымъ начальствомъ, такъ и учителскимъ персоналомъ. Само собою разумѣется, что это вполнѣ сознавалось и земствомъ. Больѣ тщательное составленіе контрактовъ, неуклонное требование съ самаго начала точнаго исполненія ихъ и снабженіе съ этою цѣлью учителскаго персонала болѣе широкими полномочіями могли бы въ значительной степени устранить многія неудобства системы найма школьнаго помѣщеній. Однако нечальное положеніе большей части наемныхъ школьнаго помѣщеній привело, въ концѣ концовъ, вятскія земства къ сознанію, что обезпочить учащихъ соотвѣтствующими имъ назначенію помѣщеніями возможно лишь путемъ постройки собственныхъ земскихъ зданій. Въ виду этого, оно нѣсколько лѣтъ тому назадъ земства стали удѣлять на дѣло школьнаго строительства болѣе значительныя суммы, но неимѣніе достаточныхъ средствъ препятствовало имъ достигнуть въ этомъ отношеніи сколько-нибудь замѣтныхъ результатовъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя заявленія въ земскихъ собраніяхъ. Даже губернское земство принуждено бывало неоднократно отклонять ходатайства уѣздныхъ земствъ о ссудахъ на постройку школьнаго зданій вслѣдствіе отсутствія источниковъ на это и вслѣдствіе неразрѣшенія правительствомъ позаимствованія изъ страхового или этанаго капитала суммы въ 100.000 руб., предположенной на постройку школьнаго зданій. Тяжелое финансовое положеніе вынуждало въ послѣдніе время уѣздныя земства обращаться къ правительству съ ходатайствами о содѣйствіи постройкѣ зданій для училищъ путемъ ассигнованія единовременныхъ пособій, увеличенія количества безплатно отпускаемаго правительствомъ лѣса или долгосрочныхъ ссудъ изъ государственного банка, съ уплатою процентовъ. Болѣшая часть этихъ ходатайствъ оставлялась безъ удовлетворенія. Между тѣмъ не только росла нужда въ новыхъ постройкахъ, но и—то ассигнованія на ремонтъ существующихъ. Примѣръ, по заявлению, сдѣланному въ земскомъ собраніи 9-го сентября 1902 года, въ Гидлевской школѣ (Слободского уѣзда) сквозь потолокъ можно было видѣть небо!

По числу преподавательскаго персонала пачальнаго училища Вят-

ской губернії въ 1904-му году распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) съ однимъ преподавателемъ—305; б) съ двумя преподавателями—393; в) болѣе чѣмъ съ двумя преподавателями—281. Такимъ образомъ небольшія школы съ однимъ преподавателемъ составляли только 31,1%, а всѣ остальные школы принадлежали въ числу болѣе или менѣе большихъ. Хотя расширениемъ школы путемъ увеличенія числа учащихъ и привлечениія большаго количества учениковъ и достигалась извѣстная экономія, однако въ общемъ необходимо признать, что устройство крупныхъ школьніхъ пунктовъ, расчитанныхъ на значительные районы крестьянскаго населенія, сдѣлали вполнѣ соотвѣтствовало мѣстнымъ условіямъ большей части губерніи, съ рѣдкими и малолюдными селеніями, разбросанными по большой территории, благодаря чему часть населенія даже обслуживаемыхъ школами районовъ лишена была фактическихъ средствъ въ доставленію своимъ дѣтямъ хотя бы начального образования.

Система увеличенія размѣра школъ могла бы служить до извѣстной степени корректирующимъ ихъ малочисленности въ томъ случаѣ, если бы школьніе комиціенія были надлежащимъ образомъ оборудованы, расширялись соотвѣтственно наплыву учащихся и при нихъ были бы организованы общежитія, въ которыхъ могли бы находить пристанище дѣти отдаленныхъ селеній. Къ сожалѣнію, однако, именно неудовлетворительность школьніхъ комиціеній по сознанію всѣхъ уѣздныхъ земствъ, составляетъ одно изъ самыхъ большихъ мѣсть въ современной постановкѣ школьнаго дѣла Вятской губерніи. Тѣснота, недостаточная высота, скучность освѣщенія, неисправность, а иногда даже и полное отсутствіе печей и, какъ слѣдствіе этого, угаръ, холода, сырость, отсутствіе раздѣваленія для учениковъ, отсутствіе надлежащей вентиляціи, неблагоустроенность отхожихъ мѣсть—все это далеко не рѣдко дѣлаетъ указанная комиціенія прямо невозможными для нормальныхъ занятій. Отчетъ инспектора народныхъ училищъ 2-го района Вятской губерніи 1902 г. свидѣтельствуетъ, что въ 11 училищахъ Слободского уѣзда температура доходила до 8 и даже 5° по Ромору. Въ Сурапскомъ и Самонинатскомъ училищахъ, Сарапульскаго уѣзда, во время зимы изъ-за холода прекращалось обученіе, которое въ сущности и можетъ производиться лишь зимою. Суводское, Орловскаго уѣзда, училище, для которого устраивалось новое зданіе, представляло изъ себя, по докладу управы, почти развалины, опасныя для пребыванія въ нихъ: учащіи и учителямъ приходилось заниматься въ пемъ въ шубахъ,

такъ какъ вода и даже чернила застывали и приходилось ждать, пока отъ собравшихся въ классахъ учениковъ не поднимется температура, чтобы сдѣлать письменный урокъ! Въ некоторыхъ училищахъ, благодаря сырости, потолки и стѣны покрылись плѣсенью и т. д. Отчетъ нолинской уѣздной земской управы удостовѣрляеть, что за 1902—1903 учебный годъ въ 24 училищахъ на учащагося приходилось отъ 1,1 до 1,7 кв. арш. пола и что ни одно изъ училищъ уѣзда не удовлетворяло гигієнической нормѣ содержанія воздуха, при чмъ большинство изъ нихъ держалось на цифре въ два или въ три раза низшей, чмъ эта норма.

Отсутствіе при училищахъ помѣщеній для учительского персонала, отмѣченное самими земствами, является фактомъ крайне нежелательнымъ, какъ въ интересахъ самого училища, остающагося въ этихъ случаяхъ безъ постояннаго надлежащаго надзора, такъ и въ интересахъ самихъ учащихъ, которымъ нерѣдко, несмотря на выдаваемыя имъ квартирные деньги, представляется крайне затруднительнымъ пріисканіе соотвѣтственнаго помѣщенія и приходится подчасъ селиться въ прямо невозможныхъ, по отзывамъ местныхъ обычавтелей, частныхъ квартирахъ. На упорядоченіе вопроса объ учительскихъ квартирахъ обращалось вниманіе и на бывшихъ сѣздахъ учителей и учительницъ.

Вопросъ о ночлежныхъ пріютахъ или, вѣриг҃о, общежитіяхъ, играетъ и играетъ по необходимости важную роль въ школьной жизни Вѣтской губерніи, въ виду раскинутости селений на громадныхъ территоріяхъ, суровости климата и удаленности школы отъ значительной части населенія. Эти условія составляютъ одинъ изъ наиболѣе сильныхъ тормазовъ всеобщаго обученія, и устройство общежитій является наиболѣе радикальнымъ средствомъ борьбы съ ними. При морозныхъ и сильныхъ зимахъ Вѣтской губерніи разстояніе даже въ 1 версту часто бываетъ непроходимымъ для школьніковъ. По собраніямъ въ 1898 году и подробно разработаннымъ статистическимъ материаламъ установлено; что учащіеся въ большинствѣ случаевъ ищутъ дома и ежедневно ходятъ въ школу съ разстояній не болѣе—для мальчиковъ 3 верстъ, а для девочекъ 2 верстъ; остальные же, проживающіе на болѣе дальнихъ разстояніяхъ, не могутъ пользоваться домашнимъ кровомъ и принуждены пользоваться общежитіями при школахъ или, за отсутствіемъ ихъ, частными квартирами: 48,3% учащихся мальчиковъ и 29,4% девочекъ или 98,85% учащихся обоего пола.

Отсутствіе достаточныхъ свѣдѣній не позволяетъ судить, каково

это соотношение въ позднѣйшее время. Правда, благодаря вновь открытымъ съ 1898 года школамъ, послѣднія въ иѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи приблизились къ населенію, однако число этихъ школъ далеко не уравновѣсило увеличеніе числа учащихся за то же время почти на 30 тысячъ душъ. Въ 1904 году на 22.162 семейства губерніи всѣхъ школъ насчитывалось около 1.600, при чёмъ одна школа въ среднемъ приходилась на 84 кв. версты. На основаніи этого уже въ priori можно сказать, что число учащихся, проживающихъ отъ школы на разстояніи болѣе 3 версты, признаваемомъ максимальнымъ для ежедневного хожденія въ школу, должно быть весьма значительнымъ. Это и подтверждается добѣгными во иѣкоторымъ уѣздахъ данными. Такъ, по изслѣдованіямъ полинскаго инспектора народныхъ училищъ за 1902—1903 гг., 68% учащихся ночуютъ въ дома; согласно же свѣдѣніямъ уѣздныхъ земскихъ управъ: въ Орловскомъ, напр., уѣздѣ 46,6% учащихся живутъ на разстояніи свыше 3 верстъ отъ школы, въ Котельническомъ уѣздѣ 49,8%, а въ Глазовскомъ 45%. Въ виду этого вопросъ объ устройствѣ общежитій по утратилъ своей важности и по настоящее время.

Несмотря, однако, на усиленія губернского и уѣздныхъ земствъ, недостатокъ материальныхъ средствъ становится понеукрѣпимъ предположеніемъ. Просвѣщеніе приходилось налагать при первѣко чрезвычайной по суровости обстановкѣ. Въ иѣкоторыхъ уѣздахъ, въ виду невозможности посыпать дѣтей за иѣсколько верстъ въ иенастную погоду, имъ приходится ночевать въ классическихъ комнатахъ; часть же дѣтей приуждена жить на наемныхъ квартирахъ, что не только дурно отзыается на дѣтяхъ, лишенныхъ надзора, но и представляется обременительнымъ для малосостоятельныхъ крестьянъ. Напеколько устройство общежитія влияетъ на количество учащихся, можно видѣть, напр., изъ того, что въ Нижнискомъ, Вятскомъ уѣзда, ученицѣ съ учрежденіемъ общежитія число учениковъ возросло съ 70 до 130.

Большинство существующихъ общежитій тѣсно и совершенно не удовлетворяютъ гигиеническимъ требованиямъ объема воздуха. Чаще всего „общежитіе“—это комната при училищѣ, въ которой иногда иѣть даже паркъ, а ученики спятъ въ повалку на полу. О правильной варкѣ ници большую частью въ нихъ не можетъ быть и рѣчи. До самаго послѣдняго времени въ смѣтахъ, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, на содержаніе общежитій не производилось никакихъ ассигновокъ, если не считать небольшихъ суммъ для помощи самымъ бѣднымъ

учащимся. Дѣтіямъ въ общежитіяхъ приходилось буквально голодать и холодатъ. „Въ настоящее время“, говорится въ отчетѣ инспектора народныхъ училищъ Слободскаго уѣзда за 1901—1902 учебный годъ: „въ большинствѣ училіи учащіе снатаются сухими хлѣбомъ, безъ всякаго приварка, безъ всякихъ овощей. Если дома ребенокъ большую часть для проводить въ движеніи на открытомъ свѣжемъ воздухѣ, то школа сразу же заставляетъ его сидѣть неподвижно, при сильнейшемъ напряженіи вниманія, по четыре, по пять часовъ въ комнатѣ, лишенной часто всякихъ гигієническихъ условій, такъ какъ въ рѣдкомъ школьному помѣщенію можно бывать встрѣтить нормальное распределеніе объема воздуха, площади пола и силы свѣта на каждого учащагося. Вотъ почему разрушительное вліяніе школы на здоровье учениковъ можно наблюдать постоянно. Во время приема дѣти выглядятъ здоровыми, ихъ загорѣлые, румяные лица, полны щеки, энергичность движений—все доказываютъ, полное здоровье ихъ молодыхъ организмовъ. Проходитъ мѣсяцъ—два учебныхъ занятій и, несмотря на то, что дѣтскій организмъ привыкъ уже къ сухоѣденію, послѣднее, при школьному режимѣ, оставляетъ очень замѣтный, печальный слѣдъ; лица блѣднѣютъ, появляется такъ часто встрѣчающаяся въ школѣ боль подъ ложечкой, боль головы, вялость въ движеніяхъ. При постолипномъ пребываніи на школьнай партѣ желудокъ ребенка требуетъ, очевидно, болѣе изощреннаго питанія, чѣмъ однѣ сухой хлѣбъ“. „Въ деревни“, приводится далѣе въ томъ же отчетѣ мнѣніе одного врача-специалиста: „есть одна группа населенія, которая постоянно голодаетъ, постолипно находится въ условіяхъ исправильного питанія, эта группа—деревенскіе школьніки. Врачамъ приходится констатировать печальную картину хилаго и болѣзнишаго крестьянскаго молодого поколѣнія; для избѣженія же этого прежде всего необходимо, какъ думаютъ лѣки земскіе врачи, наблюдающіе деревенскую школу, бороться съ невыгодами дѣтскаго голодаія въ школахъ, съ плохимъ питаніемъ школьніковъ“. Въ губернскомъ земскомъ собраниі 1901 года отмѣчались, напр., такие грустные случаи, что ученикъ, не получая изъ дома ни хлѣба, ни денегъ, прекращалъ на два-три дня посѣщеніе школы и отправлялся за подаяніемъ! Помимо недостатка питания, дѣти, желающіе учиться, нерѣдко лишены были возможности посѣщать школу за отсутствіемъ самой необходимой теплой одежды.

Выше въ 90-хъ годахъ и въ послѣдующее время неурожай съ особеною силой повлиялъ на экономическую необеспеченность

учащихся дѣтей, что самыи убѣйственнымъ образомъ стало отражаться на успѣшности школьнѣхъ занятій. Вслѣдствіе этого съ 1902 года начали вноситься въ земскія сметы ассигновки, правда—изъзначительныи, ил устройство столовыхъ, почтъложнныхъ пріютовъ и на заведеніе теплой одежды для бѣднѣшихъ учащихся въ началь-ныхъ школахъ губерніи. На помощь уѣзднымъ земствамъ въ этомъ дѣлѣ пришло и губернское земство, ассигновавъ въ 1902 году изъ этой предметъ кредитъ въ 10.000 руб., увеличенный по сметѣ на 1904 г. до 15.000 руб., и исходатайствовавъ у общества Красного Креста нѣкоторую сумму въ пособіе бѣднымъ учащимся народныхъ училищъ губерніи. За недостаткомъ кредитовъ, помощь могла быть оказана, къ сожалѣнію, только въ училищахъ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая волостей и то далеко не во всѣхъ. „Хотя изъ нѣкоторыхъ училищъ“, говорится въ докладѣ одной изъ управъ, „и сообщалось, что учащимся нечѣмъ питаться, но, за отсутствіемъ кредита, управа линена была возможности удовлетворить ходатайство о высылкѣ денегъ“. Оказаніе помощи бѣднѣшимъ ученикамъ и устройство школьнѣхъ столовыхъ въ пунктахъ, пострадавшихъ отъ неурожая, явилось, однако, лишь полумѣрой, посило временный характеръ. Для уничтоженія общаго голода учащихся необходимо было устроить при всѣхъ земскѣхъ училищахъ школьные столовыя, по крайней мѣрѣ—для учениковъ, проживающихъ въ общежитіяхъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и озабочаться снабженіемъ бѣднѣшихъ учениковъ теплой одеждой, отсутствіе которой лишало многихъ дѣтей возможности учиться въ школѣ. На это земства не могли не обратить вниманія и стали отпускаетъ пѣкторыя суммы, насколько позволяли имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи средства.

Насколько сами земства сознавали насущную необходимость въ общежитіяхъ, при Витскѣхъ школахъ, видно, напр., изъ того, что губернское земство, при обсужденіи вопроса о способѣ использования Соловиниковскихъ капиталовъ, признало необходимымъ устройство при предполагаемыхъ школахъ имени завѣщателя правильно организованныхъ общежитій съ приготовленіемъ горячей пищи для учащихся. Едва ли, впрочемъ, требуется и доказывать, что только гигієнически поставленная школа, не отнимающая здоровья у дѣтей, удовлетворяетъ своему назначению и позволяетъ использовать силы учащихъ и учащихся безъ вреда для ихъ здоровья. Но заявленіямъ самихъ земскѣхъ дѣятелей, высказаннымъ не разъ въ земскѣхъ собранияхъ, нельзя ждать пользы для народного образования, если выучить ребенка,

но выпустить его изъ школы, благодаря крайне негигиеническому помѣщению, больнымъ.

Неудовлетворительное состояніе школьніхъ помѣщений, за исключениемъ сравнительно немногихъ собственныхъ земскихъ зданій, единогласно отмѣчаемыя слабость, болѣзнистность и хилость дѣтей—школьниковъ требуютъ не малыхъ и неотложныхъ заботъ со стороны земства, осуществление которыхъ встрѣчаетъ, къ сожалѣнію, почти непреодолимое препятствіе въ отсутствіи необходимыхъ денежныхъ средствъ.

Независимо отъ соотвѣтственного устройства школьніхъ помѣщений на здоровье учащихся значительно влияетъ и школьная обстановка, при чёмъ на первое мѣсто слѣдуетъ поставить возможно лучшее содержаніе существующихъ школьніхъ помѣщений, т. е. ремонтъ, отопленіе, освѣщеніе, а также и прислугу школьніхъ помѣщений. Недостаточное наблюденіе за ремонтомъ наемыхъ помѣщений ихъ собственниками нельзя, разумѣется, отнести къ винѣ лицъ, которымъ вѣропо это наблюденіе. Между тѣмъ, благодаря отсутствію ремонта, зданія, и безъ того довольно ветхія, приходить въ полную непригодность, вызывая иногда даже просьбу самихъ крестьянъ убрать отъ нихъ школу (напр., въ Пичугахъ, Сарапульскаго уѣзда). Создавая пагубный послѣдствія такого положенія, земства въ крайнихъ случаяхъ вопреки контракту приуждали производить ремонтъ наемыхъ домовъ на собственный счетъ, и надо пожелать, чтобы возможно скорѣе осуществилось во всей губерніи высказываемое вѣкотными уѣздными земствами въ послѣднее время намѣреніе принять на себя заботы по ремонту всѣхъ вообще наемыхъ училищъ. Отопленіе училищъ, которое лежитъ также на обязанности собственниковъ зданій, большую частью неудовлетворительно. Уклоняясь отъ этой своей обязанности, собственники зданій иногда оставляютъ училище совсѣмъ безъ драги. Не мало способствовать дурному и грязному содержанію школьніхъ помѣщений неудовлетворительность школьнай прислуги, которая или напинается за крайне скучное жалованіе или поставляется собственниками помѣщенія. Поэтому было бы весьма желательно, чтобы обеспеченіе училищъ отопленіемъ и прислугой принято было повсюду на счетъ земства, необходимость чего, впрочемъ, уже сознана самими земствами, которые во многихъ случаяхъ отстраняютъ квартирехозяевъ отъ какого-либо участія въ содержаніи школьніхъ помѣщений. Съ принятиемъ содержанія училищныхъ помѣщений на попеченіе земствъ, желательные результаты могутъ быть достигнуты лишь при

условій не замѣчаемаго иныѣ систематическаго обслѣдованія училищъ въ хозяйственномъ отношеніи въ разное и преимущественно въ зимнее время года. Тогда стали бы невозможны также, напр., случаи, что училище открывается осенью, и кредитъ на отопленіе отпускается лишь съ 1-го января слѣдующаго года, благодаря чему училище въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ отопляется кое-какъ и кое-чѣмъ! Наличность такихъ случаевъ удостовѣряется въ изслѣдованіяхъ самого витского земства.

Слабую сторону школьнай обстановки составляетъ мебель. Учителскія же квартиры обстановкою вовсе не снабжаются, и такимъ образомъ учителямъ и учительницамъ приходится на обзаведеніе предметами первой необходимости удѣлять нѣкоторыя суммы изъ своего скучного содержанія. Между тѣмъ расходы по снабженію училищныхъ помѣщеній мебелью лежать на земствѣ. Послѣднее, однако, пережигаетъ настолько тяжелый финансовый кризисъ, что, несмотря на составленіе сметы на мебель въ концѣ учебнаго года, нѣкоторыя училища при началѣ учебныхъ занятій порѣдко оказываются по обеспеченными мебелью.

Вл. Аксиньевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ ПО ВВЕДЕНИЮ ВСЕОБЩАГО ОБУЧЕНИЯ ВЪ РОССИИ.

Министерство народного просвещения внесло въ государственную думу проектъ введенія всеобщаго начальнаго обученія въ россійской имперіи. Проектъ основанъ на принципѣ взаимодѣйствія министерства и мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, при чмъ, въ отношеніи расходовъ, первое участвуетъ въ содержаніи учащихъ въ размѣрѣ 390 рублей на каждый школьній комплекстъ въ 50 учениковъ, а остальные расходы по содержанію школъ предлагаются земствамъ, городамъ и другимъ мѣстнымъ организаціямъ.

По состоянию суммы государственного казначейства, а также и мѣстныхъ ресурсовъ, нельзя, конечно, надѣяться на одновременное по всѣмъ мѣстностямъ имперіи достиженіе общедоступности начальнаго обученія: для этого необходимы различныи для разныхъ губерній болѣе или менѣе продолжительный срокъ и извѣстная послѣдовательность въ назначеніи казенныхъ субсидій. Принципъ справедливости требуетъ, чтобы эта послѣдовательность сообразовалась съ размѣромъ расходовъ мѣстныхъ учрежденій на дѣло народнаго образования, такъ какъ, съ одной стороны, величина этихъ расходовъ лучше всего доказываетъ сочувствіе дѣлу народнаго образованія мѣстного населенія, а съ другой стороны сдѣланыи уже расходы указываютъ на прочность того основанія, на которомъ придется строить все зданіе.

Кромѣ величины расходовъ, другимъ условіемъ роста числа училищъ является кадръ тѣхъ кандидатовъ, которые готовы занять учительскія должности при открытии новыхъ училищъ, имѣя для того соответствующій образовательный центръ.

Чтобы определить указанныя условія въ различныхъ губерніяхъ

имперія, министерство народнаго просвѣщенія предприняло первый опытъ статистическаго обслѣдованія 34-хъ земскихъ губерній, какъ наиболѣе типичнаго района, гдѣ имѣли возможность проявить себя мѣстныя силы. Обслѣдованіе производилось путемъ опроса всѣхъ гг. инспекторовъ народныхъ училищъ, уѣзденныхъ земскихъ и городскихъ управъ. Данныя этого опроса сведены въ двухъ работахъ министерства народнаго просвѣщенія, изъ которыхъ одна выпущена въ печати въ сентябрѣ этого года подъ заглавиемъ: „Свѣдѣнія о расходахъ на содержаніе начальныхъ училищъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій въ 34-хъ земскихъ губерніяхъ за 1905 и 1906 гг.“. Свѣдѣнія эти расположены по плану основной работы министерства по вопросу введенія всеобщаго обученія—„Таблицы смѣтнаго исчисленія расходовъ министерства народнаго просвѣщенія на введеніе всеобщаго обучения въ Россіи“ (С.-ПБ. 1906 г.), то есть, сначала приводятся по каждой губерніи даннымъ о расходахъ за 1905 годъ министерства и каждого уѣзданого земства на содержаніе училищъ въ уѣздахъ, затѣмъ—свѣдѣнія о расходахъ министерства, каждого города и земства на содержаніе училищъ въ городахъ, съ указаниемъ общихъ по губерніи итоговъ; такимъ же путемъ на другой страницѣ располагаются свѣдѣнія за 1906 г., гдѣ, кроме того, указывается % отношеніе министерскихъ расходовъ къ мѣстнымъ по каждому уѣзду и городу и, наконецъ, указывается повышение или понижение тѣхъ и другихъ расходовъ 1906 г. сравнительно съ 1905 г. Въ началѣ работы приложены сводные таблицы, составленныя въ вышеуказанномъ порядке, о расходахъ по губерніямъ безъ городовъ, о расходахъ по городамъ въ губерніяхъ и, наконецъ, о расходахъ по губерніямъ съ городами съ подведеніемъ общихъ итоговъ по 34 земскимъ губерніямъ. Въ введеніи къ работѣ указано, какія училища и расходы на ихъ содержаніе вошли въ подсчетъ и какими соображеніями обусловливается принятіе въ разсчетъ тѣхъ или иныхъ типовъ училищъ.

I.

Ряды цифры въ поуѣзденыхъ сводкахъ указанного выше „опыта“, и въ особенности въ сводныхъ погубернскихъ таблицахъ говорять сами за себя имѣющему навыкъ всматриваться въ нарисованную ими картину; но, чтобы оживить ее, мы привносимъ необходимымъ провести въ прилагаемыхъ таблицахъ нѣсколько параллелей, въ которыхъ

цифры принимаютъ наиболѣе рельефный и ясныи для каждого читателя видъ.

Главная задача всей работы заключалась въ установлениі параллелей между расходами на содержаніе начальныхъ училищъ и школы за послѣдніе два подотчетныхъ года со стороны министерства народнаго просвѣщенія, земствъ и городовъ въ 34-хъ земскихъ губерніяхъ съ тою цѣлью, чтобы облегчить необходимую со временемъ припятія плана введенія всеобщаго обученія въ Россіи пропѣрку составляемыхъ на мѣстахъ школьніхъ сѣтей и чтобы установить иѣкоторую постепенность въ опредѣленіи размѣра казенной субсидіи на дѣло всеобщаго обученія. Само собою понятно, что такія параллели могутъ имѣть только относительное значеніе, такъ какъ каждый уездъ и каждый городъ находятся въ своихъ особенныхъ условіяхъ по густотѣ и распределенію населенія, экономическому положенію, географическимъ особенностямъ и т. д. Но съ другой стороны, необходимо замѣтить, что сами цифры, свидѣтельствующія о степени развитія въ уѣздахъ или городѣ дѣла народнаго образования и степени сочувствія этому дѣлу со стороны мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, говорятъ о темпѣ мѣстной общественной жизни, обусловливающемся какъ историческими сложившимися обстоятельствами, такъ и экономическимъ положеніемъ данной мѣстности, развитіемъ въ ней торговли и промышленности.

Въ этомъ отношеніи цифры установлены, пекомѣтно, общее положеніе объ оскудѣвіи центра Россіи въ дѣлѣ народнаго образованія. Такіе центральныи пункты развилиѣ всей исторической жизни Россіи, какъ губерніи Псковская, Калужская, Смоленская, стоять въ концѣ всего ряда земскихъ губорній по числу начальныхъ училищъ, удовлетворяющихъ условіямъ прочнаго существованія (см. таблицу № 11), и по количеству отпускаемыхъ на ихъ содержаніе мѣстныхъ средствъ (см. таблицу № 1). Достаточно сказать, что въ Холмскомъ уѣзда Псковской губерніи при 88.000 жителей по переписи 1897 г., при 9.245 дѣтихъ школьнаго возраста, въ 1906 г. состояло только 14 министерскихъ и земскихъ училищъ, на содержаніе которыхъ земствомъ тратилось въ годъ 4.480 руб.; въ Торопецкомъ уѣзда при 10.280 дѣтихъ было 23 школы, съ земскими кредитомъ въ 9.609 руб.; въ Одоевскомъ уѣзда Тульской губерніи числилось при 9.771 ребенкѣ школьнаго возраста—12 школъ съ земскими кредитомъ въ 200 руб. (3.880 руб. пособія церковно-приходскимъ школамъ), въ Чернскомъ уѣзда той же губерніи въ 1905 г. земствомъ израсходовано 1.530 руб.

на содержание 12 земскихъ училищъ и только ассигнование казенной субсидіи, дошедшей въ 1906 году до 70% всей израсходованной суммы, дало возможность увеличить число школъ, подвѣдомственныхъ министерству народного просвѣщенія, до 36. Между тѣмъ въ губерніяхъ, удаленныхъ отъ центра (Таврическая, Екатеринославская, Вятская, Пермская), весьма часто уѣздное земство содержитъ до 150 училищъ и расходуетъ на нихъ въ годъ болѣе сотни тысячъ рублей.

Приведемъ погубернскую сводку расходовъ земствъ на содержаніе училищъ въ уѣздахъ за 1906 г. въ порядкѣ постепенности, въ тысячахъ рублей.

Таблица № 1.

*Расходы земствъ на содержаніе начальныхъ училищъ въ уѣздахъ
(въ тысячахъ рублей).*

Г У Б Е Р Н И Й .	Сумма расходовъ.
1. Вятская.	1.066
2. Пермская	1.031
3. Московская.	991
4. Полтавская. .	739
5. Курская.	671
6. Тверская.	654
7. Самарская.	623
8. Таврическая	591
9. Харьковская.	562
10. Екатеринославская. .	556
11. Херсонская. .	544
12. Тамбовская.	545
13. Воронежская.	505
14. Черниговская	503
15. Владимирская	498
16. Костромская .	468
17. С.-Петербургская	454
18. Нижегородская.	424
19. Вологодская .	422
20. Казанская.	421
21. Саратовская .	418

22. Уфимская	385
23. Новгородская	363
24. Смоленская.	317
25. Орловская.	297
26. Рязанская .	294
27. Ярославская .	256
28. Тульская.	239
29. Иркутская.	237
30. Олонецкая.	199
31. Симбирская	185
32. Калужская.	174
33. Пензенская.	169
34. Бессарабская.	115

Итого. 15.934

Въ числѣ расходовъ, указанныхъ въ данной таблицѣ, значатся и пособія земствъ на содержаніе церковно-приходскихъ школъ. Чтобы легче было опредѣлить бюджетъ земствъ на содержаніе училищъ вѣдомства министерства народного просвѣщенія, въ слѣдующей таблицѣ № 2 дѣлается сводъ расходовъ на церковно-приходскія школы и школы грамоты:

Таблица № 2.

*Расходы земствъ на церковно-приходскія школы и школы грамоты
(въ тысячахъ рублей).*

Г У Б Е Р Н I И.	Сумма расходовъ.
1. Вологодская.	49,6
2. Вятская.	26,1
3. Пермская.	25,8
4. Саратовская.	25,2
5. Таврическая.	24,4
6. Казанская	23,4
7. Олонецкая.	20,6
8. Полтавская	12,0
9. Тульская	8,4
10. Черниговская .	8,3
11. Владимірская.	7,0

12. Самарская.	7,5
13. Курская.	7,0
14. С.-Петербургская	6,9
15. Нижегородская.	6,9
16. Симбирская	5,4
17. Калужская.	5,0
18. Смоленская	4,5
19. Рязанская.	4,1
20. Воронежская.	4,1
21. Уфимская.	3,6
22. Костромская.	3,4
23. Харьковская.	3,2
24. Орловская.	3,1
25. Московская	2,9
26. Исковская.	2,8
27. Ярославская.	2,7
28. Екатеринославское,	2,0
29. Повтородская	1,7
30. Чепецкая	1,6
31. Тверская	1,5
32. Херсонская	1,5
33. Тамбовская	0,9
34. Бессарабская. .	0,4
Итого. ,	315,0

Изъ таблицы № 2 видно, что на содержание церковно-приходскихъ школъ расходуютъ болѣе всѣхъ вологодскія и вятскія земства, менѣе всѣхъ—тамбовскія и бессарабскія.

Изъ уѣздныхъ земствъ наиболѣшія пособія церковно-приходскимъ школамъ въ 1906 г. оказывали: вольское, Саратовской губерніи (16.778 р.), ярсское (13.180 р.), великоустюгское (9.926 р.) и устьысьольское (8.400 р.)—Вологодской губерніи, котельническое—Вятской губерніи (7.744 р.), каргопольское, Олонецкой губерніи (6.188 р.), маріупольское, Екатеринославской губерніи (5.117 р.), козьмодемьянское (6.230 р.) и ядринское (6.000 р.), Казанской губерніи.

Въ симѣахъ изъкоторыхъ уѣздныхъ земствъ расходы на школы грамоты выдѣляются изъ общаго пособія церковнымъ школамъ.

Такъ какъ подобныя школы имѣютъ большее значеніе въ дѣлѣ

введенія всеобщаго обученія, то въ слѣдующей таблицѣ № 3 приводятся данные о расходахъ земствъ собственно на школы грамоты, какіе расходы включены уже въ таблицу № 2.

Таблица № 3.

*Расходы земствъ на школы грамоты
(въ тысячахъ рублей).*

Г У Б Е Р Н И І И.	Сумма расхода.
1. Саратовская	7,0
2. Вологодская	6,8
3. Самарская	6,6
4. Пермская	6,1
5. Полтавская	5,7
6. Таврическая	5,0
7. Казанская	3,7
8. Черниговская	2,4
9. Симбирская	2,1
10. Владиційская	2,0
11. Нижегородская	1,9
12. С.-Петербургская	1,6
13. Харьковская	1,6
14. Костромская	1,4
15. Орловская	1,0
16. Псковская	0,9
17. Тамбовская	0,9
18. Смоленская	0,7
19. Новгородская	0,7
20. Вятская	0,6
21. Уфимская .	0,6
22. Калужская	0,6
23. Воронежская	0,6
24. Курская	0,2
25. Ярославская	0,2
26. Тульская .	0,1
27. Тверская	0,1
28. Олонецкая	—
29. Московская	—

30. Рязанская	—
31. Ненецкая	—
32. Бессарабская	—
33. Екатеринославская	—
34. Херсонская	—

Судя по расходамъ на школы грамоты, онъ получили наибольшее распространение въ губерніяхъ: Саратовской, Вологодской и Самарской. Въ 7 губерніяхъ на школы грамоты земскихъ расходовъ, повидимому, совсѣмъ не производится или такие расходы не выдѣляются ни въ одномъ изъ уѣздныхъ земствъ этихъ губерній изъ общихъ ассигнованій на церковные школы.

Опредѣливъ размѣр земскихъ расходовъ на народное образованіе въ различныхъ губерніяхъ, остановимся на отношеніи къ этимъ расходамъ суммъ, ассигнованныхъ въ 1906 г. министерствомъ народного просвѣщенія на содержаніе министерскихъ училищъ и на пособіе земствамъ по содержанію начальныхъ училищъ. Отношеніе это не только въ разныхъ губерніяхъ, но и въ каждомъ уѣздѣ каждой губерніи совершенно различное. Здѣсь трудно уловить какую-либо причинную связь между мѣстными и центральными ассигнованіями. Если сравнивать губернскіе итоги исключительно земскихъ суммъ съ итогами министерского пособія, то губерніи по %, отношенію послѣднихъ, къ первымъ будутъ расположены въ слѣдующемъ порядке, указанномъ въ таблицѣ № 4:

Таблица № 4.

Процентное отношеніе расходовъ министерства народного просвѣщенія къ расходамъ земства на училища въ уездахъ.

Г У Б Е Р Н И И.	%
1. Бессарабская	60
2. Тульская	44
3. Калужская	40
4. Уфимская	29
5. Симбирская	26
6. Нижегородская	25
7. Рязанская	25
8. Смоленская	25
9. Новгородская	23

10. Олонецкая .	22
11. Пензенская	22
12. Орловская	21
13. Псковская	18
14. С.-Петербургская	18
15. Ярославская	18
16. Вологодская	15
17. Костромская	14
18. Херсонская	14
19. Владимирская	12
20. Воронежская	11
21. Курская .	11
22. Харьковская	11
23. Тамбовская	10
24. Черниговская .	10
25. Казанская	10
26. Саратовская	10
27. Тверская „.	9
28. Екатеринославская	9
29. Самарская .	9
30. Пермская	9
31. Вятская .	8
32. Полтавская	5
33. Херсонская	4
34. Московская	3

Наивысшаго предѣла казенные ассигнованія въ ихъ отношеніи къ мѣстнымъ достигаютъ въ губерніяхъ: Бессарабской (60%), Тульской (44%), Калужской (40%), Уфимской (29%), наименьшаго размѣра— въ губерніяхъ: Полтавской (5%), Херсонской (4%) и Московской (3%).

Поуѣздный % также очень сильно колеблется въ каждой губерніи. Наиболѣе типично въ этомъ отношеніи является губернія Тамбовская; здесь въ Усманскомъ уѣздѣ казенная субсидія падаетъ до 1% (464 рубля на 32.605 руб. земскихъ расходовъ), между тѣмъ, какъ въ Елатомскомъ уѣздѣ она достигаетъ 47% (8.825 р. на 9.811 руб.). Средній по уѣзамъ Тамбовской губерніи % казенныхъ расходовъ достигаетъ 10.

Для работы по введенію всеобщаго обученія, затѣмъ, весьма важно установить, каковъ приростъ мѣстныхъ и казенныхъ суммъ въ по-

съѣдній 1906 годъ по отношенію къ предыдущему—1905 году, иначе сказать—какой интенсивности достигли расходы мѣстныхъ учреждений на содержаніе училищъ и насколько они склонны къ повышенію за самое послѣднее время.

Общий итогъ показываетъ, что во всѣхъ 34 губерніяхъ повышение земскихъ расходовъ 1906 г. на содержаніе училищъ по отношенію къ 1905 году достигаетъ солидной цифры 1.449.735 рублей (на 10%).

Но это повышеніе нельзя назвать систематичнымъ для всѣхъ земствъ. Даже погубернскія сводки показываютъ въ этомъ отношеніи весьма значительные колебанія. Слѣдуетъ отмѣтить, что земства Тамбовской губерніи даютъ общемъ итогъ расходовъ дали не плюсъ, а минусъ (— 14.930 р.).

Наивысшій приростъ земскихъ расходовъ замѣчается по губерніямъ: Пермской (102 тыс. р.), Харьковской (100 тыс. р.), Екатеринославской (90 тыс. р.), Таврической (87 тыс. р.); наименьший: Тамбовской (— 14 тыс. р.), Олонецкой (1 тыс. р.), Псковской (4 тыс. р.), Поизенской (4 тыс. р.). Для детальнаго разсмотрѣнія данного вопроса привлагается таблица № 5, въ которой, кромѣ указанія размѣра увеличенія земскихъ расходовъ, приводится и %, отношеніе этого прироста ко всей его суммѣ (выѣстъ съ приростомъ министерскихъ ассигнованій).

Таблица № 5.

*Приростъ земскихъ расходовъ на содержаніе училищъ въ 1906 г. сравни-
тельно съ 1905 г.*

(въ тысячахъ рублей).

Г У Б И Г Н И И.	Сумма зем- скаго при- роста.	% ко всему приросту.
1. Пермская	102	89
2. Харьковская	100	93
3. Екатеринославская	90	93
4. Таврическая	87	99
5. Полтавская	86	99
6. Курская	79	88
7. Воронежская	73	78
8. Вологодская	70	91
9. Самарская	67	93

10. Московская	59	100
11. Уфимская	54	69
12. Костромская	53	116
13. Нижегородская	48	65
14. Тульская .	44	58
15. Симбирская	42	83
16. Тверская .	41	78
17. Ярославская	39	72
18. Черниговская	36	80
19. Саратовская	34	88
20. Смоленская .	33	88
21. Вятская	32	101
22. Орловская	30	69
23. Владимирская	25	73
24. Каланская	24	96
25. Рязанская	17	51
26. Колумжская	16	97
27. Новгородская	16	77
28. Петербургская	14	76
29. Херсонская .	14	44
30. Бессарабская	12	52
31. Псковская	. 4	54
32. Пензенская .	4	30
33. Олонецкая	1	24
34. Тамбовская	. . .	—14 —
Итого	1.449	82%

Въ % отнoшeнiи выспиxъ размѣровъ приростъ земскихъ расходовъ достигъ въ Костромской, Вятской и Московской губерnияхъ, меньшихъ размѣровъ—въ губерnияхъ Тамбовской, Олонецкой (24%) и Пензенской (30%).

Въ среднемъ, по 34 губерnиямъ приростъ земскихъ расходовъ 1906 года составляетъ 82%, а приростъ министерскихъ расходовъ 18%.

Поуѣздныя даннiя въ этомъ отnошeнiи даютъ еще болѣе неструю картину. Наиболѣе типичною является губерnия Херсонская, гдѣ въ Елизаветградскомъ уѣзде замѣчается приростъ на 21 тысячu рублей, а въ Одесскомъ уѣзде уменьшенiе земскихъ расходовъ на 16 тысячъ и въ Аяньевскомъ—на 12 тысячъ рублей.

Всѣ уѣздныя земства повысили свои расходы на содержаніе училищъ только въ 6 губерніяхъ: Воронежской, Ярославской, Екатеринославской, Пермской, Уфимской и Московской.

Слѣдующая таблица № 6 показываетъ размѣръ прироста расходовъ, включая сюда и расходы министерства народного просвѣщенія. Въ виду своей незначительности, какъ видно, они мало вліаютъ на мѣсто, которое заняли губерніи по порядку въ таблицѣ № 5.

Таблица № 6.

Приростъ министерскихъ и земскихъ расходовъ на начальные училища въ 1906 г. сравнительно съ 1905 г.

(въ тысячахъ рублей).

Г У Б В Р Н И І.	Сумма прироста.
1. Пермская	115
2. Харьковская	107
3. Екатеринославская .	97
4. Воронежская	95
5. Курская	90
6. Таврическая	89
7. Уфимская	88
8. Полтавская	87
9. Тульская	77
10. Вологодская .	76
11. Нижегородская	74
12. Самарская	73
13. Московская	59
14. Ярославская	55
15. Тверская	53
16. Симбирская	50
17. Костромская	46
18. Черниговская	44
19. Орловская	43
20. Саратовская	38
21. Смоленская	37
22. Рязанская	35
23. Владимирская	34
24. Вятская	32

25. Херсонская	31
26. Казанская	25
27. Бессарабская	24
28. Новгородская	21
29. С.-Петербургская	18
30. Калужская	17
31. Пензенская	14
32. Псковская	9
33. Олонецкая	5
34. Тамбовская	—13
Итого	1.750

Таблица № 7 иллюстрируетъ увеличение расходовъ министерства народнаго просвѣщенія въ 1906 г., сравнительно съ 1905, при чмъ указанъ % даннаго прироста по всему увеличенію суммы расходовъ на содержаніе училищъ:

Таблица № 7.

Приростъ расходовъ министерства народнаго просвѣщенія на начальныя училища въ 1906 г. сравнительно съ 1905 г.

(въ тысячахъ рублей).

Г У Б Е Р Н И І.	Сумма прироста министерск. расходовъ.	% отноженіе по всему приросту.
1. Уфимская	38	38
2. Тульская .	32	42
3. Нижегородская	26	35
4. Воронежская	21	22
5. Рязанская	17	49
6. Херсонская	17	56
7. Ярославская	15	28
8. Орловская	13	31
9. Пермская .	12	11
10. Тверская	11	22
11. Бессарабская	11	48
12. Курская .	11	12
13. Пензенская	9	70

14. Владими́рская	9	27
15. Сиби́рская .	8	17
16. Черни́говская	7	20
17. Харьковская	7	7
18. Екатеринославская	6	7
19. Вологодская	6	9
20. Новгородская	5	23
21. Самарская	5	7
22. Саратовская	4	12
23. С.-Петербу́ргская	4 ..	24
24. Смоленская	4	12
25. Ико́вская	4	46
26. Олонецкая	4	76
27. Тамбовская	1	—
28. Таврическая	1	1
29. Казанская	1	4
30. Полтавская	1	1
31. Калужская	0,4	3
32. Московская	—0,03	—
33. Вятская	—0,4	—
34. Костромская	—7	—
Итого	309	—

Отсутствие прироста и даже некоторое уменьшение казенныхъ ассигнований замѣчается въ губерніяхъ: Костромской (7 тыс. р.), Вятской, Московской и Тамбовской. Наибольшій приростъ министерскихъ расходовъ наблюдается въ губерніяхъ: Уфимской (33 тыс.), Тульской (32 тыс.), Нижегородской (26 тыс.), Воронежской (21 тыс.), Херсонской (17 тыс.) и Рязанской (17 тыс.).

Послѣдняя губернія характерна въ томъ отношеніи, что размѣры увеличенія казенныхъ и земскихъ суммъ адѣль почти совпадаютъ (49%).

Въ % отнoшeнiя расходы министерства народного просвѣщенія особенно повысились въ Олонецкой (76%) и Херсонской (56%) губерніяхъ.

Въ таблицѣ № 8 губерніи расположены въ послѣдовательномъ порядке по степени расходовъ министерства народного просвѣщенія, произведенныхъ на содержание начальныхъ училищъ въ 1906 г. по данимъ инспекторовъ народныхъ училищъ:

Таблица № 8.

Расходы министерства народного просвещения на училища въ уездахъ
 (въ тысячахъ рублей).

Г У Б Е Р Н И Й.	Сумма расходовъ ми. нар. просв.
1. Тульская	188
2. Бессарабская	172
3. Уфимская .	161
4. Нижегородская	139
5. Калужская	115
6. Новгородская	110
7. Смоленская	107
8. Рязанская	100
9. Вятская	98
10. Пермская	97
11. С.-Петербургская	96
12. Херсонская	91
13. Курская	83
14. Орловская	76
15. Костромская	74
16. Вологодская .	72
17. Тверская	67
18. Харьковская	67
19. Владимирская	66
20. Симбирская	65
21. Воронежская	60
22. Самарская	59
23. Тамбовская	57
24. Олонецкая	56
25. Ярославская	56
26. Черниговская	54
27. Екатеринославская	54
28. Псковская	53
29. Пензенская	47
30. Казанская	47
31. Саратовская	45

32. Полтавская	37
33. Таврическая	26
34. Московская	25
Итого .	2.735

Первое мѣсто по абсолютному числу расходовъ занимаетъ Тульская губернія (188 тыс.), затѣмъ Бессарабская, Уфимская, Нижегородская. Послѣднія мѣста занимаютъ губерніи: Московская, Таврическая и Полтавская.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію губерній въ отношеніи числа училищъ, подвѣдомственныхъ министерству народного просвѣщенія и представляющихъ условія прочаго существованія¹⁾, необходимо разсмотрѣть вопросъ, одинаковую ли сумму тратить земства на содержаніе каждого училища и какъ велико въ этомъ отношеніи различіе между погубернскими итогами. Распределить губерніи въ этомъ отношеніи въ порядкѣ пониженія размѣра средняго расхода въ 1906 г. на одно начальное училище, получасимъ слѣдующую таблицу № 9:

Таблица № 9.

Стоимость содержания одного училища
(въ рубляхъ).

Г У Б Е Р Н И І И.	Расходъ на I учи- лище.
1. Московская	1.013
2. Самарская	936
3. Вятская	919
4. Таврическая	919
5. С.-Петербургская	916
6. Пермская	914
7. Херсонская	912
8. Вологодская	878

¹⁾ Такими считались училища, содержанные на счетъ министерства, земствъ и городовъ; не принимались въ разсчетъ училища частными, содержанными обществами и т. под.

9. Екатеринославская	818
10. Костромская	780
11. Уфимская	772
12. Олонецкая	761
13. Харьковская	759
14. Тверская	757
15. Псковская	745
16. Полтавская	738
17. Тамбовская	727
18. Черниговская.	716
19. Курская	714
20. Воронежская .	676
21. Ярославская	675
22. Смоленская	674
23. Нижегородская	671
24. Казанская	654
25. Владимирская	638
26. Тульская	636
27. Саратовская	620
28. Рязанская	584
29. Новгородская	561
30. Калужская	527
31. Орловская	523
32. Пензенская	512
33. Бессарабская	493
34. Сибирская	456
<hr/>	
Среднее по земскимъ губерніямъ Россіи	738

Изъ таблицы № 9 можно видѣть, что земской училища получаютъ далеко не одинаковое содержаніе: бессарабское и сибирское земства расходуютъ менѣе половины той суммы, которую расходуетъ на каждое училище московское земство. Въ материальномъ отношеніи лучшее обставлены школы Московской губерніи, Самарской, Вятской, Тверской и С.-Петербургской. Средний по Россіи расходъ земства на 1 училище составляетъ 738 рублей, высшій—1.013 руб. и низший—456 рублей.

Въ таблицѣ № 10 приведено число училищъ вѣдомства министерства народного просвѣщенія по губерніямъ, при чмъ въ послѣднихъ

графахъ оно сопоставлено съ числомъ дѣтей школьнаго возраста на 1 училище на 1 января 1907 г., съ числомъ квадратныхъ верстъ, которое обслуживаютъ, въ среднемъ, каждое училище, и съ цифрою, показывающей плотность населения въ каждой губерніи по переписи 1907 года. Необходимо иметьъ въ виду, что при исчисленихъ принимались во внимание исключительно училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, удовлетворявшія указаннымъ уже условіямъ.

Таблица № 10.

Г У Б И Р Н И І.	Число училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.	Среднее число дѣтей школьнаго возраста на 1 училище.	На какое число верстъ действуетъ школа (съ годами).	Плотность населения на 1 верту.
1. Вятская .	1.289	244	108	22,5
2. Нижегородская .	1.206	234	227	10,8
3. Курская	1.046	239	39	58,1
4. Полтавская	1.036	285	42	63,4
5. Московская	1.001	138	20	83,1
6. Тверская	952	193	59	31,1
7. Владимірская	873	161	49	35,4
8. Новгородская	840	167	124	13,1
9. Воронежская	831	302	69	43,7
10. Нижегородская.	829	177	54	35,2
11. Тамбовская .	827	331	70	45,0
12. Харьковская	825	273	58	82,1
13. Черниговская	768	299	59	49,0
14. Екатериносл.	744	256	74	37,9
15. Самарская	721	381	180	20,1
16. Орловская	710	288	57	49,6
17. Саратовская	707	316	85	32,4
18. Уфимская	704	320	152	20,6
19. Херсонская	696	337	89	43,0
20. Костромская	691	193	106	18,8
21. Казанская	680	318	82	38,8
22. Рязанская	668	280	55	48,5

23. Тульская	658	214	41	52, ₁
24. Таврическая	646	204	82	27, ₂
25. Смоленская	624	257	78	31, ₀
26. С.-Петербургск.	594	126	66	53, ₀
27. Бессарабская	583	325	68	48, ₁
28. Калужская	539	215	50	41, ₇
29. Симбирская	537	290	80	35, ₁
30. Вологодская .	508	273	695	3, ₀
31. Ярославская	459	214	68	34, ₂
32. Пензенская	421	342	81	43, ₁
33. Псковская	387	313	98	29, ₆
34. Олонецкая	308	120	373	3, ₂

Въ отношении абсолютнаго числа школъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, первыя мѣста занимаютъ губерніи: Вятская (1.239 уч.), Пермская (1.206 уч.), Курская (1.046 уч.) и Полтавская (1.036 уч.); наименьшее число училищъ имѣютъ губерніи: Олонецкая (308 уч.), Псковская (387 уч.) и Пензенская (421 уч.).

Вышеприведенное абсолютное число училищъ, какъ показываютъ послѣдующія графы, не можетъ говорить еще о положеніи дѣла народнаго образованія въ губерніи. Это сразу видно изъ сопоставленія такихъ цифръ: тогда какъ въ занимающей послѣднее мѣсто Олонецкой губерніи одно училище вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія приходится на 120 человѣкъ дѣтей школьнаго возраста, въ занимающей первое мѣсто Вятской губерніи одно такое училище приходится на 244 человѣка. Правда, здѣсь имѣть большое значеніе плотность населенія, совершенно различная въ разныхъ земскихъ губерніяхъ (наименѣшее число 3,₂ человѣка на 1 квадратную версту въ Олонецкой губерніи, наибольшее число—83,₁ человѣки на 1 квадр. версту въ Московской губерніи). Та или иная плотность населенія влияетъ и на число квадр. верстъ, на какое приходится каждое училище. Въ Вологодской губерніи одно училище приходится на 695 квадр. верстъ (maxимум), а въ Московской губерніи на 29 кв. верстъ (минимум). Между этими двумя крайними точками расположены всѣ остальные губерніи.

Въ заключеніе настоящаго отдѣла приведемъ таблицу № 11 съ общими указаніемъ расходовъ министерства народнаго просвѣщенія и земствъ на содержаніе училищъ:

Таблица № 11.

*Расходъ министерства народного просвѣщенія и земствъ на содержаніе училищъ въ уездахъ
(въ тысячахъ рублей).*

Г У Б К Р И И.	Сумма расхода.
1. Вятская	1.164
2. Пермская	1.129
3. Московская	1.017
4. Полтавская	777
5. Курская	754
6. Тверская .	722
7. Самарская	683
8. Херсонская	636
9. Харьковская	629
10. Таврическая	618
11. Екатеринославская	611
12. Тамбовская	602
13. Воронежская	566
14. Владимирская	564
15. Нижегородская	563
16. Черниговская	558
17. С.-Петербургская	551
18. Уфимская	547
19. Костромская	542
20. Вологодская	495
21. Новгородская	473
22. Казанская	468
23. Саратовская	463
24. Тульская	427
25. Смоленская	425
26. Рязанская	394
27. Орловская	374
28. Ярославская	312
29. Исковская	291
30. Калужская	289
31. Бессарабская	287

32. Олонецкая	255
33. Симбирская	250
34. Пензенская	217
Итого	18.670

Общий итог расходовъ въ 1906 году на школы въ уѣздахъ (за исключениемъ городовъ) достигъ 18.670.408 рублей, изъ которыхъ въ министерство народного просвѣщенія приходилось 2.735.966 р. (15%) и на земства 15.934.442 руб. (85%).

Въ таблицѣ № 11 первыя мѣста занимаютъ сюда губерніи Вятская, Пермская и Московская (расходы каждой превышаютъ 1 миллион); въ концѣ списка помѣстились губерніи Пензенская, Симбирская и Олонецкая, расходующія приблизительно въ 5 разъ меньшія суммы.

II.

Свѣдѣнія, сгруппированныя въ вышеуказанной работѣ, о расходахъ на начальныя училища по городамъ земскихъ губерній не имѣютъ, по нашему мнѣнію, такого значенія для работъ по введенію всеобщаго обученія, какъ свѣдѣнія о расходахъ по уѣздахъ. Погубернскій итогъ суммъ, напримѣръ, имѣть очень мало отношенія къ опредѣленію интенсивности расходовъ каждого города, такъ какъ каждый городъ губорніи, начиная отъ столицъ и кончая малыми по-садами, представляетъ изъ себя совершенно отдѣльную административную и общественную единицу, находящуюся въ специальныхъ условіяхъ географическихъ, экономическихъ и общественно-административныхъ. Такъ въ итогѣ по городамъ С.-Петербургской губерніи зачтается такія двѣ несравнимыя величины, какъ г. С.-Петербургъ съ его расходомъ на содержаніе начальныхъ училищъ въ 1.685 тыс. руб. и г. Гдовъ, въ которомъ числится 1 училище, содержимое на сродствѣ министерства народного просвѣщенія. Вотъ почему какъ полузданныя таблицы каждой губерніи, такъ и погубернскія сводка городскихъ расходовъ отличаются крайнею нестроготою, не допускающе никакихъ выводовъ. Такъ, уже графы со свѣдѣніями о количествѣ школъ показываютъ сть очевидностью, что итоги эти не говорять о среднемъ числѣ, опредѣляющемъ развитіе дѣла народного образованія въ городахъ той или иной губерніи. Если въ С.-Петербургской губерніи показано 739 училищъ, то это совсѣмъ не значить, что въ каждомъ изъ 18 городовъ С.-Петербургской губерніи по 56 училищъ, такъ какъ

на г. С.-Петербургъ нужно положить 697 училищъ, и только уже остальные можно, приблизительно, раздѣлить по городамъ губерній, при чёмъ для правильности въ отысканіи средняго числа, оказывается, необходимо будетъ и еще исключить 12 училищъ, выѣзжавшихъ въ г. Кронштадтъ.

Такимъ образомъ, для сравненія условій развитія школьнаго дѣла въ городахъ имперіи слѣдуетъ обращать вниманіе не на погубернскіе итоги, а на цифры, соотвѣтствующія каждому городу.

Здѣсь же, для облегченія этихъ сравненій, можно выбрать нѣсколько наиболѣе типичныхъ городовъ для установленія того положенія, срѣзу бросающагося въ глаза каждому, что въ размѣрахъ суммъ на содержаніе начальныхъ училищъ въ городахъ трудно замѣтить какую-либо послѣдовательность за исключеніемъ одного фактора, увеличивающаго число училищъ (но не расходовъ на нихъ) — развитія промышленной жизни города. Послѣднее ограниченіе мы сдѣлали потому, что размѣры расходовъ изъ мѣстныхъ источниковъ далеко не совпадаютъ съ размѣрами развитія промышленной жизни города. Весьма многіе города все расходы на содержаніе училищъ переводятъ исключительно на средства казны и земствъ. 40 городовъ не расходуютъ ни одного рубля на начальное народное образованіе.

Совсѣмъ не было подвѣдомственныхъ министерству народного просвѣщенія училищъ въ 8 городахъ: Духовщинѣ, Ельцѣ, Сычевкѣ и Юхновѣ, Смоленской губерніи, въ г. Миропольѣ, Курской губерніи, въ г. Петровскѣ, Ярославской губерніи, въ Краснокутскѣ, Харьковской губерніи и въ г. Брошицахъ, Московской губерніи.

Расходы на начальныя училища въ городахъ въ ихъ абсолютномъ видѣ, сгруппированы по губерніямъ въ таблицѣ № 12:

Таблица № 12.

Расходъ министерства народного просвѣщенія и городовъ на начальныя училища въ городахъ въ 1906 г.

(въ тысячахъ рублей).

Г У В Е Р Н И И.	Расходъ мин. нар. просв.	Расходъ городовъ.	% отношеніе министер- скаго расхода къ город- скому.
1. С.-Петербургская	81	1.729	5%
2. Уфимская	27	65	29%

3. Тульская	24	35	41%
4. Вологодская	21	19	52%
5. Херсонская	21	650	3%
6. Бессарабская	20	98	17%
7. Казанская	19	105	16%
8. Нижегородская	17	98	15%
9. Новгородская	17	27	38%
10. Псковская	15	23	40%
11. Таврическая	14	118	11%
12. Тверская	14	65	18%
13. Олонецкая	14	2	86%
14. Черниговская	11	42	21%
15. Вятская	11	22	35%
16. Рязанская	10	41	21%
17. Калужская	10	32	24%
18. Владимирская .	10	76	12%
19. Ярославская	10	40	21%
20. Саратовская	9	329	3%
21. Харьковская	9	131	7%
22. Тамбовская	9	98	9%
23. Пензенская	9	65	12%
24. Самарская	8	155	5%
25. Симбирская	8	58	12%
26. Костромская	8	46	15%
27. Московская	7	1.499	0,5%
28. Екатеринославская	7	129	6%
29. Пермская	7	68	10%
30. Смоленская	6	33	17%
31. Орловская	6	74	8%
32. Курская	6	63	9%
33. Воронежская .	5	66	7%
34. Полтавская	. . .	4	5%
Итого	489	6.203	7%

Изъ этой таблицы видно, что по абсолютной цифре министерскихъ расходовъ на города выдѣляются губерніи С.-Петербургская и Уфимская—наибольшимъ размѣромъ ассигнований, Полтавская и Воронежская—наименьшимъ размѣромъ. Величина этихъ расходовъ въ % отъ отношенія къ расходамъ городскихъ общественныхъ учрежденій значи-

тельно измѣняетъ порядокъ губерній, выдвигая на первый мѣста губерніи Олонецкую (86%) и Вологодскую (52%) и давая послѣднія мѣста губерніямъ—Московской (0,5%), Саратовской и Херсонской (по 3%).

Расходы городовъ на начальное образование значительныѣ всего, несомнѣнно, въ столичныхъ губерніяхъ—С.-Петербургской и Московской; меньшаго размѣра они достигаютъ въ сѣверныхъ губерніяхъ—Олонецкой и Вологодской.

Таблица № 13 выясняетъ размѣры земскихъ ассигнованій на начальное училища въ городахъ. Такъ какъ городскія недвижимыя имущество облагаются земскимъ сборомъ, то во многихъ городахъ уѣздныхъ земства содержать училища на свой счетъ. Такіе земские расходы во всей работѣ выдѣлены въ особыя графы.

Таблица № 13.

Расходы земствъ на училища въ городахъ

(въ тысячахъ рублей).

Г У Б Е Р Н И Й.	Расходъ земствъ на училища въ городахъ.	% отноженіе по всему земскому расходу.
1. Вятская	32	4%
2. Пермская	29	3%
3. Таврическая	29	5%
4. Ярославская	29	11%
5. Самарская	19	3%
6. Тульская	19	8%
7. Уфимская	15	4%
8. Псковская	13	6%
9. Екатеринославская	12	2%
10. Полтавская	11	1%
11. Харьковская	10	2%
12. Нижегородская	9	6%
13. Тверская	9	1%
14. Нижегородская	8	2%
15. Вологодская	7	2%
16. Костромская	7	4%

17. Казанская	7	2%
18. Владимирская	6	1%
19. Курская .	6	1%
20. Псковская	5	3%
21. Черниговская	5	1%
22. Московская	4	1%
23. Калужская	4	3%
24. Херсонская	4	1%
25. Воронежская	4	1%
26. Саратовская	3	1%
27. Новгородская	3	1%
28. Орловская	3	1%
29. Симбирская	3	2%
30. Бессарабская	2	3%
31. Рязанская	2	1%
32. Тамбовская	1	1%
33. Смоленская	1	—
34. С.-Петербургская	—	—
Итого	336	2%

Какъ показываетъ таблица № 13, особенно значительныхъ размѣровъ земскіе расходы достигаютъ въ сѣверныхъ губерніяхъ: Вятской (33 тыс. руб.), Пермской (29 тыс. руб.), Ярославской (29 тыс. руб.); наименьшіе расходы на школы въ городахъ несутъ земства губерній: Смоленской (1 тыс. руб.) и Тамбовской (1,5 тыс. руб.). Такимъ образомъ, города Смоленской губерніи, повидимому, обставлены въ отношеніи начального образования наимѣльѣ слабымъ образомъ.

Послѣдняя графа таблицы № 13 показываетъ % отніеніе расходовъ земствъ на училища въ городахъ ко всѣмъ земскимъ расходамъ. Большую долю изъ своихъ бюджетовъ расходуютъ земства Ярославской (11%) и Тульской (8%) губерній; с.-петербургскія земства совсѣмъ не несутъ этого рода расходовъ. Общий итогъ расходовъ на училища въ городахъ земскихъ губерній за 1906 г. равняется 336 тыс. рублей, что составляетъ 2% всѣхъ земскихъ расходовъ.

Въ заключеніе отдѣла о расходахъ приводимъ таблицу № 14, въ которой содержатся въ общей суммѣ сведения о размѣрахъ расходовъ на содержаніе всѣхъ начальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, земствъ и городовъ.

Таблица № 14.

Сводъкъ о расходахъ министерства народнаго просвѣщенія, земствъ и городовъ на содержаніе начальныxъ училищъ

(въ тысячахъ рублей).

Г У В Е Р Н И И.	Сумма расходовъ.
1. Московская	2.524
2. С.-Петербургская	2.362
3. Херсонская .	1.808
4. Пермская	1.205
5. Вятская	1.198
6. Полтавская .	866
7. Самарская	846
8. Курская	824
9. Саратовская	802
10. Тверская .	801
11. Харьковская	770
12. Таврическая	752
13. Екатеринославская	748
14. Тамбовская	710
15. Нижегородская	680
16. Владимірская .	651
17. Уфимская	639
18. Воронежская	638
19. Черниговская	612
20. Костромская	597
21. Казанская	593
22. Вологодская	536
23. Новгородская .	517
24. Тульская	487
25. Смоленская .	465
26. Орловская	456
27. Рязанская	447
28. Бессарабская	407
29. Ярославская	364
30. Псковская	361
31. Калужская	332
32. Симбирская	317

33. Пензенская .	291
34. Олонецкая .	271
Итого .	25.363.

III.

Работа о составѣ учащихъ содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о числѣ лицъ учителскаго персонала въ начальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія по 34 земскимъ губерніямъ въ 1906 году, а также о числѣ кандидатовъ на учителскія должности, которымъ было отказано въ назначеніи за недостаткомъ вакансій, о числѣ лицъ, определенныхъ на учителскія должности въ теченіе 1906—1907 учебнаго года и, наконецъ, о числѣ свободныхъ учителскихъ вакансій на 1 февраля 1907 года.

Эти свѣдѣнія составлялись также на основаніи сообщеній гг. инспекторовъ народныхъ училищъ, уѣздныхъ земскихъ и городскихъ управъ.

Установленіе спѣдѣній относительно степени обслуговыванія начальныхъ училищъ учителскимъ персоналомъ предпринято потому, что при обсужденіи составленного министерствомъ народнаго просвѣщенія проекта введенія всеобщаго обученія пришлося встрѣтиться съ сомнѣніями: имѣется ли въ настояще время въ Имперіи достаточный кадръ лицъ, получившихъ соотвѣтственное образованіе, для занятія учителскихъ должностей при предполагаемомъ увеличеніи числа школъ? Чтобы разрѣшить эти сомнѣнія, министерство собрало свѣдѣнія по вышеуказаннымъ вопросамъ отъ мѣстныхъ учрежденій.

Для освѣщенія полученныхъ рядовъ цифръ постараемся сгруппировать ихъ по общимъ признакамъ.

Таблица № 15.

Г У В Е Р Н И И.	Число учащихъ въ начальныхъ училищахъ вѣдомства мин. нар. пр. на 1 января 1907 г.	Число кандидатовъ, не получившихъ сутствіемъ вакансій за отсутствіемъ въ 1906 году.	% отноженіе числа кандидатовъ, не получившихъ вакансій за отсутствіемъ въ 1906 году, къ наличному числу учащихъ.
C.-Петербургскій учебный округъ.			

1. Вологодская	905	382	42%
2. Новгородская	1.160	198	17%

3. Олонецкая	450	49	11%
4. Псковская	567	204	35%
5. С.-Петербургская .	1.459	502	34%

Московский учебный округъ.

6. Владимирская	1.455	662	45%
7. Калужская	851	469	55%
8. Костромская .	1.104	422	35%
9. Московская	2.823	587	21%
10. Нижегородская	1.327	733	55%
11. Орловская .	1.207	407	34%
12. Рязанская	1.180	384	32%
13. Смоленская	1.112	286	25%
14. Тверская	1.679	736	44%
15. Тульская	992	434	44%
16. Ярославская	847	257	30%

Харьковский учебный округъ.

17. Воронежская	1.542	481	28%
18. Курская	1.564	456	29%
19. Пензенская	783	233	30%
20. Тамбовская	1.435	907	63%
21. Харьковская .	1.757	571	32%

Одесский учебный округъ.

22. Бессарабская	972	700	72%
23. Екатеринославская	1.782	830	48%
24. Таврическая	1.311	837	64%
25. Херсонская	2.039	1.986	98%

Киевский учебный округъ.

26. Полтавская	1.921	836	44%
27. Черниговская	1.519	562	37%

Казанский учебный округъ.

28. Вятская	2.688	663	23%
29. Казанская .	1.195	313	26%
30. Самарская	1.475	610	41%
31. Саратовская	1.641	801	49%
32. Симбирская	816	450	55%

Оренбургский учебный округ.

33. Пермская	2.688	707	26%
34. Уфимская	. . .	1.125	675
Итого	. 47.632	19.346	41%

Въ послѣдней графѣ таблицы № 15 число лицъ педагогического состава, состоящихъ на службѣ какъ въ уѣздахъ, такъ и въ городахъ, сопоставлено съ числомъ лицъ, которымъ отказано въ опредѣлениі на мѣсто за отсутствіемъ вакансій.

Изъ даннаго сопоставленія усматривается, что по 34 земскимъ губерніямъ сдѣлано было всего 19.346 отказовъ лицамъ, желающимъ получить мѣсто учителя или учительницы въ начальной школѣ, что составляетъ 41% ко всему числу вакансій (47.632).

Во многихъ губерніяхъ это отношеніе сильно колеблется въ сторону повышенія или пониженія. Отношеніе числа свободныхъ кандидатовъ къ числу учащихъ достигаетъ высшаго предѣла въ Херсонской губерніи (98%), затѣмъ слѣдуютъ губерніи: Бессарабская (72%), Таврическая (64%), Тамбовская (63%), Уфимская (60%).

Наименьшимъ это отношеніе является для губерній: Олонецкой (11%), Новгородской (17%), Московской (21%), Вятской (28%), Смоленской (25%).

Необходимо, однако, замѣтить, что цифры данной таблицы имѣютъ только относительное значеніе, такъ какъ даже на мѣстахъ весьма трудно устанавливать число кандидатовъ, которымъ отказано было въ опредѣлениі на учительскія должности за недостаткомъ вакансій. Съ одной стороны—прощенія объ опредѣлениі на учительскія должности подаются часто только въ одно изъ мѣстныхъ учрежденій, имѣющихъ право выбора кандидатовъ (инспектору народныхъ училищъ, въ земскую управу, въ городскую управу), такъ что свѣдѣнія, подсчитанные по даннымъ только одного изъ поименованныхъ мѣстныхъ учрежденій, представляющимся наиболѣе достовѣрными, должны быть признаны неполными въ сторону пониженія, сравнительно съ дѣйствительностью. Съ другой стороны, весьма часто одно и тѣ же кандидаты подаютъ прошенія въ нѣсколько различныхъ уѣздовъ или губерній, а потому иногда одно и то же лицо можетъ быть подсчитано два раза, следовательно—приведенные данныя могутъ быть признаны повышенными сравнительно съ дѣйствительнымъ числомъ кандидатовъ.

Таблица № 16.

Г У В Е Р Н И І. И.	Число учащихъ, изъвъ поступлении. въ 190%/ учебн. году.	% отъношеніе изъвъ поступ- ившихъ во всему числу учащихъ.

С.-Петербургскій округъ.

1. Вологодская	160	18%
2. Новгородская	151	13%
3. Олонецкая .	60	13%
4. Псковская	65	11%
5. С.-Петербургская .	145	10%

Московскій округъ.

6. Владмірская	196	13%
7. Калужская	127	15%
8. Костромская	163	14%
9. Московская	244	9%
10. Нижегородская	176	13%
11. Орловская .	173	14%
12. Рязанская .	166	14%
13. Смоленская	199	18%
14. Тверская	168	10%
15. Тульская	132	13%
16. Ярославская	80	9%

Харьковскій округъ.

17. Воронежская .	297	19%
18. Курская .	275	18%
19. Пензенская	110	14%
20. Тамбовская	165	12%
21. Харьковская .	420	24%

Одесскій округъ.

22. Бессарабская	111	11%
23. Екатеринославская	320	18%
24. Таврическая	215	16%
25. Херсонская	285	14%

Киевский округъ.

26. Полтавская	172	9%
27. Черниговская	288	16%

Казанский округъ.

28. Вятская .	405	15%
29. Казанская	141	12%
30. Самарская .	248	16%
31. Саратовская	241	15%
32. Симбирская	81	10%

Оренбургский округъ.

33. Пермская	412	15%
34. Уфимская	162	14%
Итого	6.698	14%

Въ таблицѣ № 16 приведены погубернскія данные о числѣ учащихъ, получившихъ опредѣленія въ 190%/_у учебномъ году, и обь отношеніи этого числа ко всему числу учащихъ.

Оказывается, это отношеніе въ данное время можно назвать установленвшимся по всемъ губерніямъ, такъ какъ оно весьма незначительно колеблется сравнительно съ общимъ процентомъ (14%).

Замѣтно повышается шадъ среднимъ %, число вновь поступившихъ въ губерніяхъ: Харьковской (24%), Воронежской (19%), Вологодской, Курской, Смоленской и Екатеринославской (по 18%).

Наконецъ, въ таблицѣ 17 число вновь поступившихъ въ 190%/_у учебномъ году сопоставлено съ числомъ не получившихъ мѣстъ кандидатовъ и въ количествѣ итогѣ подсчитано, сколько кандидатовъ приходилось въ каждой губерніи на каждое вновь открывшееся мѣсто.

Таблица № 17.

Г У Б Е Р Н И І.	Число учащихъ, вновь поступившихъ въ 190%/ _у учебн. году.	Число кандидатовъ, не получившихъ мѣстъ за открытиемъ въ 1906 году.	Сколько въ
			среднемъ кандидатовъ приходилось на одну свободн. вакансию въ 190%/ _у уч. году.

С.-Петербургскій округъ.

1. Вологодская .	160	382	3,6
2. Новгородская	151	198	2,9

3. Олонецкая	60	49	1,8
4. Иркутская	65	204	4,1
5. С.-Петербургская	145	502	4,4

Московский округъ.

6. Владимирская	196	662	4,4
7. Калужская	127	469	4,7
8. Костромская .	163	422	3,8
9. Московская	244	587	3,4
10. Нижегородская	176	733	5,1
11. Орловская	173	407	3,4
12. Рязанская	166	384	3,3
13. Смоленская	199	286	2,4
14. Тверская	168	736	5,4
15. Тульская	132	434	4,3
16. Ярославская	80	257	4,3

Харьковский округъ.

17. Воронежская	297	431	2,8
18. Курская	275	456	2,7
19. Нижегородская	110	233	3,1
20. Тамбовская	165	907	6,1
21. Харьковская	420	571	2,4

Одесский округъ.

22. Бессарабская	111	700	7,3
23. Екатеринославская	320	830	3,8
24. Таврическая .	215	837	4,9
25. Херсонская	285	1,986	8,6

Киевский округъ.

26. Полтавская	172	836	5,9
27. Черниговская	288	562	3,4

Казанский округъ.

28. Вятская	405	663	2,8
29. Рязанская	141	313	3,3
30. Самарская	243	610	3,5
31. Саратовская	241	801	4,3
32. Симбирская	81	450	6,6

Оренбургский округ.

33. Пермская	412	707	2,7
34. Уфимская	162	675	5,2
Итого .	6.698	19.346	3,8

Въ среднемъ, по 34 земскимъ губерніямъ на каждую свободную вакансію приходилось въ 1906 г. по 3,8 человѣка. По отдѣльнымъ губерніямъ эта цифра поднималась до 8 человѣкъ (Херсонская губернія) и опускалась до 1,8 человѣка (Олонецкая губернія).

Послѣдняя цифра получена такимъ образомъ: числа кандидатовъ, оставшихся безъ мѣстъ и получившихъ мѣста, сложены и сумма раздѣлена на число открывшихся вакансій (равное числу вновь опредѣленныхъ).

Приводимыя въ работѣ цифры вмѣсть еще значеніе для подтвержденія устанавливаемаго министерствомъ положенія, что общее число законоучителей въ начальныхъ училищахъ имперіи составляетъ половину общаго числа учителей тѣхъ же училищъ.

Такъ какъ въ каждомъ училищѣ, по закону, долженъ быть законоучитель, то число законоучителей можно считать равнымъ числу училищъ. При этомъ условіи изъ 28.099 законоучителей причисляется 47.632 человѣка преподавателей, иначе сказать число законоучителей составляетъ 59% общаго числа учителей.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХъ *).

* Робертс Зайчикъ. Люди и искусство итальянского возрождения. Переводъ съ кнѣмецк. Е. Герстфельда, подъ редакціей проф. Г. Форстена. С.-Пб. 1906. Изд. В. Березовскаго. Стр. VIII + 404. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Вышедшиа въ 1903 году книга г. Зайчика появилась нынѣ въ переводаѣ на русскій языкъ подъ редакціей Г. В. Форстена. Оба имени свидѣтельствуютъ о достоинствахъ лежащаго передъ нами тома. Итальянскій Ренессансъ представленъ въ видѣ ряда очерковъ, посвященныхъ характеристикѣ ученыхъ, поэтовъ и художниковъ эпохи, при чёмъ связью между отдельными очерками служатъ статьи болѣе общаго содержания, каковы, напримѣръ: очеркъ „Характерныя черты Ренессанса“, „Искусство Quattrocento“ и др.

Цѣлью автора были болѣе всего люди Возрожденія и, конечно, суть книги лежитъ именно въ характеристикахъ отдельныхъ личностей. Этимъ не только обусловлено своеобразіе труда, но здѣсь же я вижу главный источникъ какъ его достоинствъ, такъ и недостатковъ. Достоинство, помимо полной освѣдомленности автора въ предметѣ его работы, заключается въ томъ, что изложеніе отличается оживленностью и большимъ разнообразiemъ излагаемыхъ фактовъ: характеръ эпохи теряется иногда за яркостью индивидуальныхъ изображений, но зато индивидуальности отравились почти вездѣ свободно и полно, безъ искусственныхъ параллелей и нивелирующихъ обобщеній. Недостаткомъ книги кажется мнѣ преобладаніе въ ней синтетической работы

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начального образованія, а также по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

надъ анализомъ. Авторъ пишеть не для большой публики, хотя стиль его чуждъ всякой вычурности, и книга вовсе не загромождена аппаратомъ артифиціи. Но проф. Зайчикъ посомнівъ предполагасть у своихъ читателей нѣкоторое знакомство съ произведеніями тѣхъ людей, которыхъ оять обрисовывается въ своемъ сочиненіи.

Возьмемъ, напримѣръ, на выдержку одну изъ характеристикъ. Вотъ живописецъ кватроченто Фра-Беато-Анджелико (228—292). У г. Зайчика очень хорошо переданы главные свойства дарования этого интереснаго живописца, охарактеризовано вліяніе его картинъ на душу зрителя, выясняется личность и отчасти обстановка самого доминиканца, но читатель долженъ быть заранѣе знакомъ хотя бы съ фотографическими репродукціями картинъ да-Фі-золе, чтобы относиться къ очерку г. Зайчика съ той сознательностью, которой каждый авторъ въ правъ ожидать отъ своего читателя. Мы не нашли въ статьѣ, посвященной Фра-Анджелико, даже пазваній картинъ этого художника; я уже не говорю о томъ, что намъ не дано анализа этихъ картинъ. Авторъ такъ хорошо знакомъ съ своимъ предметомъ, что онъ пѣсколько переопѣниваетъ подготовленность своего читателя, и вообще оять рѣдко разсказываетъ и разбираетъ, и еще рѣже объясняетъ. Онь превосходно характеризуетъ, и въ этомъ его сила. Другой недостатокъ, обусловленный приемами работы автора, усматриваемъ мы въ томъ, что его очерки новсогда равномѣрны: Нетрарісъ посвящено 54 страницы, а Боккачо только 9. Я понимаю, что при этомъ дѣйствовали отчасти требования исторической перспективы, но нельзя ли видѣть здѣсь отчасти и слѣдствія того приема индивидуализаціи, который заставляетъ иногда автора удѣлять меньше вниманія лицамъ и характерамъ, менѣе его интересовавшимъ.

Характеристика Боккачо показалась мнѣ вообще нѣсколько блѣдной, особенно сравнительно съ предыдущей, посвященной Нетрарісъ. Здѣсь проф. Зайчикъ даже измѣнилъ своему приему и прибѣгъ къ параллелямъ между обонми поэтами, при чемъ параллели нѣсколько невыгодно отзывались на характеристики Боккачо.

Двухтомный трудъ покойнаго академ. А. И. Вессловскаго былъ, конечно, знакомъ автору разбираемой книги, но изъ чтенія работы русскаго ученаго выносить не тотъ взглядъ на автора „Декамерона“, который остается у насъ отъ чтенія главы о Боккачо въ книгѣ г. Зайчика.

Книга г. Зайчика замѣчательна однако своимъ безпристрастіемъ въ томъ смыслѣ, что, во-первыхъ, юрихскій профессоръ не допускаеть

себя до эпизода,—это очень важно именно при обрисовке такой богатой индивидуальностью эпохи, какъ Ренессансъ, а во-вторыхъ, ко всѣмъ явлениямъ творчества, которымъ подлежать его разсмотрѣнію. г. Зайчикъ относится симпатически, т. е. открывать въ нихъ высокую и интересную сторону, привлекательную оригинальность.

Кромѣ того, миѣ показались весьма замѣчательными первыя страницы книги, гдѣ проф. Зайчикъ указываетъ на постепенную подготовку и медленное произрастаніе тѣхъ блестящихъ явлений, которыхъ составляютъ собою „итальянское возрожденіе“. Въ попыткѣ установить связь между средневѣковьемъ и хѣдами возрожденія г. Зайчикъ пытается многого интересного и поучительного.

Чрезвычайно интересны для характеристики бытовой стороны эпохи и тѣ тридцать страницъ (81 слн.), гдѣ авторъ изображаетъ нравственную физиономію ранняго возрожденія.

Книга очень богата содержаниемъ, хотя, разумѣется, проф. Зайчику пришлось ограничиваться лишь самыми яркими явлениями эпохи: ить частности, венеційскому искусству удѣлено слишкомъ уже мало места. Хотѣлось бы также хоть нѣсколько страницъ между Тиціаномъ и Макіавелли.

Въ заключеніе нѣсколько мелкихъ замѣчаній.

На стр. 5-й читаемъ:

„Но ужо начиная съ двѣнадцатаго вѣка любители искусства начинаютъ пріобрѣтать активный скультурныя произведенія: Петрарка, напримѣръ, разсказываетъ, какъ во время его пребыванія въ Римѣ...“

Примѣръ едва ли убѣдителенъ.

На стр. 28:

„Неаполитанскій король Робертъ, котораго Петрарка, въ противоположность Данте, называетъ великимъ человѣкомъ...“

Перенодъ — или, можетъ быть, оригиналъ — я не имѣю его подъ рукой, можетъ ввести читателя въ недоумѣніе этой фразой, не говоря уже о синтаксической неловкости.

На стр. 49:

„Книги свои Петрарка читалъ...“

Изъ дальнѣйшаго видно, что рѣчь идетъ о принадлежащихъ Петрарку экземплярахъ.

Цитиножко колется на 193 стр.: „на платоновскомъ «сніпозіонѣ»“.

Проф. Зайчикъ такой убѣдительный врагъ фразы, и въ книгѣ его действительно такъ мало „фразъ“, что я не могу не подчеркнуть на 261 стр. той, которая удѣлена алітическому искусству:

„Единство между искусствомъ и жизнью, изъ которого возникли величайшія произведения расцвѣта греческаго искусства“. Можетъ быть, впрочемъ, здѣсь виновна иѣкоторая неточность перевода. Пли это уже судьба греческаго искусства характеризоваться общими мѣстами?

Въ общемъ превосходная и интереснѣйшая книга проф. Зайчика украсить всякую библіотеку.

II. Академій.

*Учебникъ законоведенія для среднихъ учебныхъ заведеній, составленный К. Ельницкаго. 164 стр., цѣна 75 к. С.-Пб. 1907.

Рассматриваемый учебникъ, по словамъ его автора, „составленъ примѣнительно къ нынѣ существующей программѣ по законовѣдѣнію для кадетскихъ корпусовъ“ (3 стр.), и такъ какъ онъ „представляетъ собою основныя, въ краткомъ изложеніи, попытія изъ всей области юридическихъ наукъ“, то поэтому „можетъ служить пособіемъ не только для кадетскихъ корпусовъ, но и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній“.

Съ послѣднимъ заключеніемъ не представляется возможнымъ согласиться.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что система расположения материала, принятая въ учебникѣ г. Ельницкаго, совершенно не соответствуетъ программѣ по законовѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія и принципіально съ нею расходится. Въ программѣ министерства народнаго просвѣщенія энциклопедическое введеніе, посвященное ознакомлению съ общими вопросами права, занимаетъ самостоятельное мѣсто и предшествуетъ доктринальному изложению различныхъ отдельностей правовѣдѣнія. За этимъ введеніемъ слѣдуетъ общее учение о государствѣ въ связи съ обзоромъ государственного устройства Россіи, русское гражданское и уголовное право и краткое изложение судоустройства и судопроизводства гражданского и уголовного. Совершенно иное находимъ въ учебникѣ г. Ельницкаго. Тутъ общее энциклопедическое вопросы связаны съ обзоромъ различныхъ статей права или вѣрѣю послѣдніе втянуты въ первые. Поэтому получается слѣдующее.

Въ энциклопедическое яко бы учение о субъективномъ правѣ внесенено учение о личныхъ правахъ (правѣ личной свободы, неприкосновенности жизни и здоровья, нравственной неприкосновенности тѣла, правѣ на религиозное, умственное и нравственное развитие; правѣ на честь и добре имя), изъ области государственного права и учение о

правахъ имущественныхъ (правъ собственности, авторскому праву, правъ на привилегіи, обѣ обязательствахъ и наследственномъ правѣ), составляющее почти все содержаніе гражданскаго права. Въ то же время одна изъ частей гражданскаго права— право семейственное, нашла мѣсто въ совершенно другомъ отдѣлѣ книги г. Ельницкаго— въ учени о формахъ общежитія, наряду съ „союзами, подколяющими подъ название гражданского общества“, къ которымъ отнесены: дво-рдество, „классы людей по однородности занятій“, союзы для взаимной помощи, промышленныя товарищества, городскія и земскія общества и, наконецъ, церковь. Дающе напрасно читатель искаль бы сколько-нибудь полнаго и законченного обзора государственного устройства Россіи въ той же книгѣ. Г. Ельницкій ограничивается на этотъ счетъ лишь кой-какими замѣтками, которые онъ дѣлаетъ въ разныхъ мѣстахъ своего учебника, особенно же по поводу характеристики различныхъ видовъ „государственной дѣятельности“. Элементы уголовнаго права излагаются по поводу характеристики судебнай дѣятельности государства. Благодары такой систематикѣ въ учебнике г. Ельницкаго оказывается, что читатель этого учебника не получить за-конченного представленія ни по общимъ вопросамъ права, ни по отдѣльнымъ отраслямъ права (гражданскаго, уголовнаго, государственного и т. п.).

Темы, имеющія внутреннюю связь между собою, размѣщены по разнымъ отдѣламъ книги, и наоборотъ соединены между собою юри-дическія величины различного порядка. При этомъ одни темы полу-чили непропорциональное развитіе на счетъ другихъ.

Такъ, излишне долго авторъ останавливается на характеристикахъ природы человѣка, его потребностей, на оцѣнкѣ значенія труда и его раздѣленія, на изложеніи основъ ученія о нравственности (стр. 7—33). Изложенію „основъ ученія о нравственности“ тѣмъ менѣе предста-влялось необходимо давать такое развитіе, какъ это сдѣлано г. Ельницкимъ, что въ этомъ изложеніи, собственно говоря, лишь повторяются свѣдѣнія, которые должны быть извѣстны учащимся изъ катехизиса. Зато, какъ замѣчено было раньше, весьма ограничены и несистематичны даваемыя въ учебнике г. Ельницкаго свѣдѣнія о рус-скомъ государственномъ устройствѣ; среди субъективныхъ правъ не нашли мѣста ни политическая права, ни права собраний и союзовъ, ни право птицій и др. Но это еще не все.

Въ названномъ учебнике не трудно указать рядъ ошибокъ, не-правильныхъ сужденій и неточностей. Вотъ примѣры.

По определению г. Ельницкаго, правоспособностью лица называется „обладание лицомъ тѣмъ или другимъ правомъ“ (стр. 37). Но уже грамматический смыслъ слова правоспособность показываетъ, что это есть способность лица обладать правами, а не самое обладаніе ими. Среди русскихъ сословий г. Ельницкій называетъ (стр. 71 винограда 1) „городское сословіе“, котораго въ действительности не существуетъ. Городские обыватели распадаются на почетныхъ гражданъ, купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ и одного сословія не составляютъ. Дворяне каждой губерніи, читаю на 72 стр., имѣютъ капиталъ, „составляемый изъ добровольныхъ сборовъ“. Очевидно, послѣднее определеніе совершенно лишнее. Дворянскій капиталъ можетъ, конечно, составиться изъ сборовъ, но можетъ образоваться и инымъ путемъ, напримѣръ, можетъ быть оставленъ по завѣщанію, подаренъ и т. п. Автору надо было (и достаточно было) только сказать, что дворянство извѣстной губерніи имѣть значеніе юридического лица и потому можетъ имѣть капиталъ, а какъ этотъ капиталъ образуется, объ этомъ можно было и не говорить, если же говорить, то ис такъ, какъ это сдѣлалъ г. Ельницкій. Не удачно далѣе на 74 стр. сдѣлано определеніе промышленной дѣятельности, какъ труда, направленного къ удовлетворенію материальныхъ потребностей. Не всякий такой трудъ имѣть значеніе промышленной дѣятельности, а лишь тотъ трудъ, который ведется съцѣлью получения прибыли. Не выдерживаетъ также критики классификація разнаго рода союзовъ, объединяемыхъ г. Ельницкимъ подъ общимъ названіемъ гражданскаго общества (стр. 62, 70). Къ такимъ союзамъ относятся: а) союзы высшихъ классовъ (дворянства), б) союзы лишь, посвятившихъ себя одной и той же дѣятельности (союзы по роду занятій), в) союзы съ промышленной цѣлью и т. д. Слабость этой классифікаціи очевидна. Указаніе на союзы высшихъ классовъ (дворянство) даетъ основаніе ожидать и союзы низшихъ классовъ, но этого неѣтъ въ книгѣ. Затѣмъ союзы по роду занятій характеризуются не только одинаковостью занятій, но и одинаковостью потребностей. Къ числу этихъ союзовъ, между прочимъ, отнесены и союзы, преслѣдующіе цѣли промышленной дѣятельности. При такихъ условіяхъ едва ли было основаніе выдѣлять въ особую группу промышленныя товарищества.

Наконецъ, есть въ книгѣ г. Ельницкаго непростительные анахронизмы, являющіеся результатомъ непонятной небрежности или извѣстной тенденціи. Определенная сущность государственного устройства, г. Ельницкій игнорируетъ основные законы издания 1906 г. и цити-

руеть (на стр. 92) 1 ст. основныхъ законовъ изданія 1892 г. Указывая на начало законности въ русскомъ государственномъ строѣ (тамъ же), излагая порядокъ наслѣдованія русскаго престола (на стр. 96), говоря о началѣ вѣротерпимости въ Россіи (стр. 103), о законодательной дѣятельности и законахъ (стр. 106 и сл.), онъ постоянно также цитируетъ старое изданіе (1892 г.) основныхъ законовъ. Игнорирование законовъ основныхъ изданія 1906 г. тѣмъ болѣе странно, что г. Ельницкому известны и манифестъ 17-го октября 1905 г. и манифестъ 20-го февраля 1906 г. Во всякомъ случаѣ по основному вопросу русскаго государственнаго строя читателю преподносится первыи свѣдѣнія, что совершенно недопустимо во всякой книгѣ, а особенно въ учебникѣ. Но это не единственный анахронизмъ. По мнѣнію г. Ельницкаго, въ Россіи продолжаютъ существовать цензурные комитеты, цензоры (стр. 121) и медицинскій департаментъ (стр. 123), а срокъ дѣйствительной службы въ арміи пятилѣтний. Нужно ли говорить, что все это измѣнено? Таковы крупнейшии дефекты разматриваемаго учебника.

Справедливость обязываетъ сказать, что онъ написалъ довольно ясно, точно и доступно пониманію учащихся въ сообщаетъ, хотя и въ очень сжатомъ объемѣ, разнообразный полезныи свѣдѣнія изъ области законовѣдѣнія.

II. Швейцерій.

* С. Торсій. Природовѣданія. Курсъ 1-го класса классическихъ гимназій съ 30 рисунками въ текстѣ. Составилъ, согласно программы для классическихъ гимназій, утвержденной г. министромъ народного просвѣщенія 26-го июня 1906 года, С. И. Торсій. Кіевъ. 1907. Стр. IV+71 стр. и оглавление. Цѣна 40 коп.

Авторъ слѣдующими словами объясняетъ причину появленія своего учебника: „За все время дѣйствія программы проф. Кайгородова въ низшихъ классахъ классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ была полна возможность обходиться безъ учебника, благодаря съ одной стороны легкости усвоенія тѣхъ данныхъ, ботанико-зоологическихъ, которые составляли основу этого курса, а съ другой—наглядности преподаванія, что достигалось экскурсіями. Пытѣ же, когда явилась новая программа, гдѣ доминирующее (sic!) мѣсто занимаютъ физико-химико-метеоролого-минералогическая свѣдѣнія, дѣло стало обстоять иначе“ (предисловіе). Нѣсколько странный слогъ, какимъ написано все предисловіе—вдѣсь приведено лишь начало его—вызы-

ваеть иѣкоторое предубѣжденіе по отношенію къ автору, но это предубѣжденіе проходитъ при чтеніи текста учебника, противъ которого трудно сказать что либо по существу, особенно, если принять въ соображеніе полную новизну дѣла. Вѣнность изданія вполнѣ ири-личная. Но несѣрно, какъ полагаетъ авторъ (стр. 23), что разница между минераломъ и горюю породою только количественная. Трудно понять, почему рисунокъ 17 на стр. 24 долженъ изображать горюю породы „изверженныя“—онъ болѣе напоминаетъ такія породы, которыхъ авторъ на предыдущей страницѣ называетъ „осадочными“ или „слонистыми“.

Извѣстное мѣсторожденіе каменной соли въ Испаніи находится около „Кордоны“, а не Кордовы, какъ полагаетъ авторъ—это не опечатка, такъ какъ то же напечатано въ учебнику „Природовѣдѣніе“ того же автора для реальныхъ училищъ. Авторъ говорить, что самый крѣпкій и плотный видъ известняка называется „Подольскимъ“ мраморомъ—почему же именно Подольскимъ? въ Московскомъ районѣ это таль, потому что камень этотъ добываются изъ каменоломенъ около Подольска, уѣзда города Московской губерніи, но, напр. около С.-Петербургра знаютъ подобный же „Эстляндский мраморъ“ въ т. под. Авторъ говорить, что гипсъ въ водѣ растворяется „только что очень ничтожномъ количествѣ“ (стр. 31), но въ бочкѣ воды гипсъ можетъ раствориться въ количествѣ 2—3 фунтоинъ; неужели для камня это очень ничтожное количество? Авторъ говорить, что каменный уголь находится между прочимъ „въ Сибири по р. Ленѣ“—я не знаю, есть ли каменный уголь на Ленѣ, возможно, что онъ тамъ есть, но известный Кузнецкій каменноугольный бассейнъ въ Сибири находится не на Ленѣ. Авторъ говорить о нефти (стр. 47), что это „единственный жидкий минераль“—я поставилъ скобку страницы вопроса: а ртуть? оказывается, что далѣе (стр. 56) авторъ характеризуетъ ртуть, какъ „единственный металль изъ жидкому виду“, по ртуть имѣть опредѣленный химический составъ и, при низкой температурѣ, когда она застываетъ, опредѣленную кристаллографическую форму, а нефть опредѣленного состава не имѣть—онъ колеблется въ известныхъ предѣлахъ,—не имѣть, повидимому, и кристаллической формы, следовательно: ртуть можетъ быть съ полнымъ основаніемъ названа минераломъ, а нефть называется минераломъ лишь условно—скорѣе, это горюя порода.

Несѣрно, что пудъ золота стоять 15.000 рублей (стр. 50)—ученикъ узнаеть, сколько вѣсить пятирублевая золотая монета, и

легко сосчитасть, что золото дороже. Бурый железникъ отъ краснаго отличается не тѣмъ, что въ немъ желѣзо соединено съ кислородомъ въ иной пропорціи, а содержаніемъ воды, которая въ красномъ желѣзнику отсутствуетъ.

По мнѣнію автора (стр. 52) „ростки проросшаго безъ земли въ погребѣ картофеля“ потому имѣютъ блѣдныи цвѣтъ, что они развивались при отсутствіи желѣза — на самомъ дѣлѣ, отъ отсутствія въ погребѣ свѣта.

Новѣрно, что (стр. 53) мѣдныи колчеданъ соединеніе мѣди только съ сѣрой; малахитъ — соединеніе мѣди съ углекислотою и водою, а не съ уголью лишь кислотою.

С. Гамма.

**А. Виноградовъ. Ариѳметика. Систематический курсъ для учебныхъ заведеній и для самообразованія. 8-е исправленное изданіе. Владивостикъ. 1907. 172 страницы. Цѣна 70 коп.*

Памятнѣе изданіе книги г. Виноградова нельзѧ признать удовлетворительнымъ. Въ книгѣ промаховъ очень много. Ограничусь только нѣкоторыми примѣрами.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что онъ подробно изложилъ въ своей книгѣ не десятичныи системы счисленія, при чемъ за образецъ принялъ дюжинную систему, какъ имѣющую значительныи примѣненія въ русской и особенно въ иностранной торговлѣ.

Едва ли примѣнія эти значительны.

Изъ этого же предисловія мы узнаемъ слѣдующіе способы рѣшенія задачъ:

„анализъ, синтезъ, правило пропорциональнаго дѣленія, элементарное правило смѣщенія, способъ пробнаго допущенія, элементарный способъ приведенія къ единицѣ, способъ остатковъ, способъ подобія, способъ взаимного содѣйствія, способъ взаимного противодѣйствія, способъ двойственнаго предположенія, способъ средняго ариѳметическаго числа, общій алгебраическій способъ, способъ точныхъ дѣлителей, способъ средняго геометрическаго числа и правило срока.“.

Авторъ полагаетъ, что названные методы рѣшенія принесутъ ученику пользу, способствуя объединенію весьма различныхъ задачъ. Полагаю, что всѣ эти такъ называемые „методы“, изложенные на страницахъ отъ 45-ой до 54-ой, произведутъ въ головѣ ученика только путаницу, тѣмъ болѣе, что самое изложеніе для ученика

едва ли можетъ быть понятно. Что напр. ученикъ, изучающій арифметику цѣлыхъ чиселъ, пойметъ изъ слѣдующаго объясненія:

„Рѣшеніе каждой задачи требуетъ внимательнаго и неторопливаго разсмотрѣнія данныхъ условій, а также правильныхъ и точныхъ разсужденій. Поэтому раньше рѣшенія задачи необходимо изслѣдоватъ или изучить ея условія, т. е. выкинуть въ значеніе каждого данного въ задачѣ числа, а также уразумѣть взаимную зависимость всѣхъ данныхъ и искомаго числа и т. д.“.

На стр. 51-ой авторъ сообщаетъ „очевидную истину“: „если вся величина какъ либо измѣняется, то подобно ей измѣняются и каждая единица (или часть) этой величины“.

На 1-ой страницѣ читаемъ:

„Каждый отдельный предметъ при счетѣ называется единицей.... Одна единица или собраніе нѣсколькихъ одноклассныхъ единицъ называется числомъ“.

Значить, по мнѣнію автора число есть собраніе предметовъ, или одинъ предметъ.

На стр. 29-ой авторъ говоритъ, что „умножить нуль на число значитъ отсутствующее число повторить слагаемымъ нѣсколько разъ“.

Есть, значитъ, отсутствующія и, вѣроятно, и присутствующія числа.

Далѣе, на той же страницѣ авторъ доказываетъ, что отъ умноженія числа на 0 получится 0, пользуясь при этомъ теоремой о перестановкѣ множимаго и множителя. Теорема эта доказывается однако только для тѣхъ случаевъ, когда ни одинъ изъ сомножителей не нуль, а потому пользоваться ею для выясненія, что $5 \times 0 = 0$, нельзя.

На стр. 62-ой говорится, что „если прямая линія при своемъ движеніи дѣлаетъ уклоны отъ первоначальнаго направленія, то получится кривая или ломанная поверхность“.

Можетъ получиться и плоскость.

На стр. 73-й мы узнаемъ, что температура есть „степень теплоты или холода“.

На стр. 70-ой авторъ говоритъ, что „мѣсяцемъ называется промежутокъ времени, въ который луна дѣлаетъ полный оборотъ вокругъ земного шара, продолжительность этого промежутка 29 дн. 12 ч. 44 м. 3 сек.“.

На той же страницѣ онъ говоритъ: „годъ имѣеть 12 мѣсяцевъ или 365 дней“, а дальше:

„мѣсяцъ имѣть 30 дней“. Авторъ, очевидно, приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы сбить съ толку ученика.

Помимо промаховъ, подобныхъ указанныхъ, книга г. Виноградова имѣть и другіе недостатки: она содержитъ въ себѣ много лишнаго материала, отличается многословиемъ и мѣстами тяжелымъ изложеніемъ и напечатана очень мелкимъ шрифтомъ, а число строкъ на нѣкоторыхъ страницахъ доходитъ до 60-ти.

К. Фоктъ.

Теоріи химии Сванте Агреніуса (по лекціямъ, читанныхъ въ калифорнійскомъ университѣтѣ въ Беркли). Переводъ съ шведск. изд. „Theorien der Chemie“ von Svante Arrhenius D. Д. Гроднера, лаборанта технологического института Императора Николая I. Съ 22 рис. и прилож. атомныхъ вѣсовъ и период. систем. Менделѣева. 176 стр. Изд. К. Риккера С.-Пб. 1907.

Сванте Арреніусъ — громкое, крупное имя въ современной химії, идущей ишгѣ по пути точного математического анализа, благодаря, главнымъ образомъ, твердо установленной теоріи электролитической диссоціаціи, которая къ ХХ вѣку сдѣлалась, по выражению Ванть-Гоффа, фактомъ, а вмѣсть съ теоріей осмотического давленія, по словамъ Арреніуса, прямѣпимымъ и полезнымъ во всѣхъ областяхъ современной химіи. Подъ химическими теоріями Арреніусъ разумѣеть только такія положенія, которыхъ имѣютъ количественную формулировку, заключающуюся въ выраженіи соотношенія между гигантскими количественно взмѣримыми величинами. Всякія же иные предположенія и обобщенія, не укладывающіяся въ количественную формулу, относятся къ гипотезамъ. И если наука не обладаетъ соответствующими измѣрительными приборами, то она не можетъ дать научную теорію, а должна довольствоваться лишь гипотезой. Приложите это совершенно научное опредѣленіе теоріи къ только что вышедшей книгѣ Н. Морозова „Періодическія системы строенія вещества“ и посмотрите, что, въ концѣ концовъ, осталется отъ „теоріи“ Н. Морозова, трактующей сложнѣйший вопросъ объ образованіи химическихъ элементовъ? Никто не отрицаетъ пользы даже отъ фантастической дѣятельности ума, ибо фантазія, исходя изъ правильныхъ научныхъ положеній, изъ аналогій, приводить къ научной гипотезѣ, которая, съ течениемъ времени, при накопленіи опытнаго материала, можетъ превратиться въ теорію, но никогда не слѣдуетъ именовать теоріей то, что по существу относится къ гипотезѣ или просто къ научной фантазіи. „Надо производить опыты, собирать наблюденія и не устанавливать теорій, не проверивши ихъ путемъ опыта“ (Бойль).

Книга Арреніуса вмѣщаєть въ себѣ 14 главъ: 1) польза теоріи, 2) обзоръ главнѣйшихъ теорій въ области химії, 3) существованію гидратовъ и растворъ, 4) разсмотрѣніе закона Дальтона, 5) электрическія силы между атомами и законъ Фарадея, 6) химическая валентность и сродство, 7) развитіе ученіе о валентности, 8) составъ атома и электроны, 9) теорія газовъ, 10) химическая кинетика и статистика, 11) диссоціація, 12) осмотическое давленіе, 13) электролитическая диссоціація, 14) первоначальные вопросы и возраженія. Каждая глава читается съ громаднымъ интересомъ, благодаря замѣтительно мастерскому изложению и вполнѣ удовлетворительному переводу г. Гарднера. Для русскаго читателя нѣсколько исключительный интерес представляетъ 3-я глава, такъ какъ гордость русской науки Д. И. Менделѣевъ много потрудился надъ вопросомъ о существованіи гидратовъ въ растворѣ. Арреніусъ изложилъ этотъ вопросъ съ ссылками на оригинальныя изслѣдованія (что выполнено у Арреніуса во всей книгѣ) и пришелъ къ слѣдующему выводу: „изъ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ видно, какак трбуется осмотрительность, если желательно доказать присутствіе въ растворахъ гидратовъ или другихъ соединеній“ и нѣсколько далѣо онъ прямо высказывается сожалѣніе, „что работы, направленныя къ выясненію этихъ вопросовъ, не исходята изъ лсныхъ теоретическихъ соображеній“ (стр. 32). Электрическія силы между атомами и электролитическая диссоціація изложены у Арреніуса съ такимъ небывалымъ для столь трудныхъ вещей искусствомъ и съ такой простотой, что изучившій эти главы получитъ возможность ясно излагать въ классѣ, на урокахъ химіи, самыя послѣднія новости въ электрохиміи.

Издана книга Арреніуса очень хорошо въ техническомъ отношеніи.

А. Альмедиангемъ.

П. А. Даниловский. Технологія выѣданной кожи, дувальной и сыромятной. Изд. 3-е. Съ отдельными атласомъ рисунковъ и съ приложеніемъ справочныхъ таблицъ. 158 стр. С.-Пб. 1907 года.

Книга составлена по преимущество для цѣлой военнаго вѣдомства, но тѣмъ не менѣе въ ней собраны авторомъ значительныя и весьма важныя свѣдѣнія и наблюденія, касающіяся распознаванія доброкачественности кожевенного товара. Это послѣднее обстоятельство и заставляетъ обратить вниманіе на книгу П. А. Даниловскаго иь отношеніи пригодности ея для коммерческихъ училищъ, насколько она удовлетворяетъ требованіямъ научнаго товаровѣдѣнія. Въ своемъ предисловіи авторъ говоритъ, что онъ имѣлъ 20 лѣтнюю практику по

изучению кожевенного товара, следовательно мы въ правѣ ожидать отъ такого автора обстоятельного изложения предмета, особенно по вопросу объ испытаниі кожевенного товара, такъ какъ эта часть товаровѣдѣнія кожи составляетъ всю сущность дѣла.

Совершенно не понятно, почему авторъ къ своей технологии выдѣланной кожи присоединилъ небольшую статью о войлокѣ и пеньковомъ канатѣ; войлокъ еще можно какъ-нибудь объяснить, но пеньковый канатъ не имѣть никакого отношенія къ кожѣ. Ссылка автора на то, что войлокъ и пеньковый канатъ имѣютъ примѣненіе „въ войсковой амуниції“, не выдерживаетъ критики, ибо въ эту амуницію входятъ самые разнообразные предметы, которые, следовательно, по аргументации И. А. Даниловского, также должны быть включены въ книгу о кожевенномъ товарѣ.

Общимъ недостаткомъ „Технологіи“ И. А. Даниловского является несистематичность въ расположениі матеріала и въ частыхъ повтореніяхъ, благодаря чому, усвоеніе содержанія книги очень затрудняется. Такъ, гистологическое строеніе кожи отдѣлено отъ анатомического цѣлымъ рядомъ статей; о калмычкомъ способѣ изготавленія сыромятіи говорится во многихъ мѣстахъ книги; жировка кожи выдѣлена изъ общей статьи объ отдѣлкѣ и почему-то слѣдуетъ за статьей о сшиваніи машинныхъ ремней, при чемъ ремнямъ удѣлено больше мѣста, чѣмъ опойкѣ и юфти.

Во всѣхъ курсахъ, даже общихъ, по органической химії говорится о дубильныхъ веществахъ, какъ совершенно не изученныхъ; въ сложности классъ этихъ веществъ болѣе опредѣлены только галловая и дигалловая кислоты, при чѣмъ свѣдѣнія о дубодубильной кислотѣ очень неточны (см. напр., органич. химія проф. Н. А. Меншуткина). Между тѣмъ, И. А. Даниловский говорить о токсичности танина и дубильной кислоты (5 стр., 12 стр.). Это — ошибка. Къ таковой же надо отнести допущенное авторомъ наименование органическаго вещества внутренняго слоя кожи оссениномъ (стр. 11, 3-я строка снизу); правильное название этого вещества — коллагенъ, такъ какъ онъ, при кипиченіи съ водой, переходить въ глутинъ, при чѣмъ чистый глутинъ называется желатиномъ. Химическая номенклатура также хромасть у И. А. Даниловского, такъ соль зажиси желѣза, желѣзный купоросъ, авторъ исправильно называетъ сѣриокислымъ желѣзомъ (стр. 24) вместо сѣриожелѣзистой соли. На стр. 28 авторъ говорить о краскѣ анилинѣ; такой краски не существуетъ, ибо анилинъ — не краска, а фенил-аминъ, и только производные анилина представляютъ

красящія вещества. На стр. 121 помещено непонятное слово „фенолфталинъ“; авторъ, вѣроятно, желалъ указать здѣсь на примѣненіе фенолфталеина, замѣняющаго часто лакмусъ при титрованіи щелочей. Совершенно напрасно авторъ неоднократно говорить о соединеніи „танина или дубильной кислоты съ оссенномъ“ (стр. 12 и др.); процессъ дубленія не опредѣлена, какъ то, очевидно, признаетъ и самъ авторъ (см. 14). Говоря о древнѣйшемъ способѣ удаленія волосъ со шкуры, П. А. Даниловскій почему-то сообщаетъ, что этотъ способъ сохранился со временемъ Петра Великаго (стр. 17). При чѣмъ здѣсь Петръ Великій, когда трактуемый пріемъ практиковался чуть ли не первыми кожевниками міра? Отличіе полуухѣбного товара отъ хлѣбного (стр. 17) очень неясное, ибо хлѣбный товаръ послѣ удаленія волосъ также бучится въ кислой жидкости. При описаніи дубильныхъ веществъ П. А. Даниловскій пропустилъ очень важный дубильный материалъ, древесину южно-американского дерева квебрахо, которая имѣть большее значеніе, чѣмъ катеху и диви-диви, о которыхъ авторъ упоминаастъ.

На стр. 54 авторъ пишетъ: „для опредѣленія способности кожи впитывать жиръ, я производилъ слѣдующее: я бралъ куски въ 1 кв. д., вырѣзанные изъ квадратовъ бѣлой и черной юфти, которые вавѣшивались, затѣмъ вываривались въ чистомъ бензинѣ и снова взвѣшивались“ и т. д. Всякому аналитику извѣстно, что такимъ образомъ опредѣляется содержаніе жира въ кожѣ, ибо бензинъ—лучшій растворитель жира. Но авторъ желаетъ опредѣлить способность кожи впитывать жиръ, а поэтому ему слѣдовало бы иначе поставить опытъ: обезжирить кожу, а затѣмъ испытать, какой жиръ въ какомъ количествѣ впитывается въ обезжиренную кожу? Едва ли нужно доказывать опытами, что поглощаемость воды кожею уменьшается съ увеличеніемъ жира въ кожѣ (стр. 55). Въ текстѣ сказано, что сиромятъ имѣетъ „почти бѣлый цвѣтъ съ желтоватымъ оттенкомъ“ (стр. 51), а на рисункахъ—она желто-коричневая (черт. 9, фиг. 1 и 2). Новыхъ методовъ испытанія кожи мы не нашли у П. А. Даниловскаго, но наблюдений и различныхъ испытаний собрано много въ приложенныхъ къ книгѣ таблицахъ, которыя, по нашему мнѣнію, и составляютъ главное достоинство книги П. А. Даниловскаго. Текстъ книги не содержитъ новыхъ фактовъ и къ тому же заключасть въ себѣ довольно много разныхъ промаховъ, но таблицы заслуживаютъ вниманія преподавателей товаровѣдѣнія, такъ какъ въ этихъ таблицахъ много цѣннаго товаро-вѣдскаго материала, хотя и необработаннаго.

Атласъ рисунковъ, приложенный къ книгѣ, не отличается ни техническими, ни художественными качествами.

А. Альжедимгенъ.

*Электричество, для всѣхъ и каждого удобопонятно изложенное. Жоржа Клода. Токи постоянные, токи измѣняющіеся, токи переменные, простые и многофазные. Радій и новая радиація. Переводъ съ французскаго Н. Н. Мазуренко. Съ 513 рисунками. С.-Пб. Издание В. И. Губинского (только не обозначено). Трудъ, упомянутый Парижской Академіей Наукъ. 421+VIII стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

Передъ нами возмутительный переводъ вѣсмы посредственной книги. Ограничимся немногими замѣчаніями относительно французскаго оригинала. Въ огромномъ ряду болѣе или менѣе популярныхъ книгъ, посвященныхъ учению объ электричествѣ, книга Claude'a занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Ея недостатки слѣдующіе.

1. Книга имѣетъ характеръ лекцій, или даже бесѣдъ; она написана языкомъ разговорнымъ. Въ этомъ, конечно, ничего нѣть дурного; наоборотъ такой пріемъ оживляетъ изложеніе, устанавливаетъ тѣсную связь между авторомъ—учителемъ и читателемъ—ученикомъ. Но, къ сожалѣнію, книга наполнена шутками и прибаутками и множествомъ юмористическихъ отступленій съ потугами на остроуміе крайне слабыми и почти всегда неудачными.

2. Напрасно было бы искать въ этой книгѣ чеголибо, напоминающаго дидактическіе пріемы. Немыслимо, чтобы читатель, неизвѣданныйъ съ предметомъ, что-либо попыталъ. Шутки и прибаутки замѣняютъ ясность изложенія, послѣдовательность выводовъ, логичность разсужденій. Достаточно, напримѣръ, прочесть, какъ авторъ вводить сперва понятие о разности потенциаловъ, а затѣмъ объ электрическомъ токѣ. Это уже не изложеніе науки, а какое-то научное *salto mortale*.

3. Въ книгѣ встрѣчается рядъ крупныхъ научныхъ ошибокъ—явление не совсѣмъ обыкновенное въ заграничной литературѣ по элементарной физикѣ. Приводимъ нѣкоторыя изъ этихъ ошибокъ.

Авторъ ясно и многократно указываетъ на практическую систему единицъ (омъ, вольтъ, амперъ, фарада и т. д.), какъ на С. Г. С. единицы. Между тѣмъ $омъ = 10^8$ С. Г. С. единицъ и т. д.

Авторъ ясно и многократно (стр. 339) говоритъ, что звуковые колебанія въ воздухѣ суть колебанія поперечныя! Авторъ многократно повторяетъ, что электрический токъ распространяется со скоростью 300.000 км. въ секунду. Въ действительности никакой "скорости распространенія тока" не существуетъ.

Авторъ считаетъ метръ за определенную часть земного меридиана и опасается, что съ измѣненіемъ размѣровъ земного шара метръ „можетъ черезъ сколько-нибудь тысячъ лѣтъ потерять одну или двѣ миллионныя доли своей длины“.

Авторъ „считаетъ живую силу“ (*force vive*) за скрытую энергию (*énergie latente*).

Изложение электролиза особенно плохое; оно отстало на полу-столѣтие.

Не останавливаясь далѣе на оригиналѣ, мы не можемъ не обратить вниманія на слова „Трудъ, увѣнчанный Парижской Академіей Наукъ“, которые красуются на заглавномъ листѣ русского перевода. Одно изъ двухъ: или Парижская Академія Наукъ увѣнчала книгу, не прочитавши ее, или русскій издатель сфантазировалъ. Но допустимы ли такого рода фантазіи, вводящія покупателя въ заблужденіе¹⁾?

Обращаемся къ переводу, который мы уже назвали возмутительнымъ. Дѣйствительно, только одно чувство глубокаго возмущенія можетъ вызывать илиѣ столь расплодившіеся переводы научныхъ сочиненій, сдѣланыхъ лицами, незнакомыми ни съ наукой, къ которой сочиненія относятся, ни съ русскою терминологіей, давно твердо установленнойся, когда дѣло касается элементарныхъ вопросовъ. О, эти ужасные переводы, сколоченные при помощи лексикона! Сколько ихъ уже выпило за послѣднее время! Иногда пъ мірѣ, кромѣ какъ у насъ, ничего подобного не бываетъ и быть не можетъ. Тамъ, на западѣ, переводы дѣлаются знатоками науки, и ни одинъ издатель не поручитъ перевода научного сочиненія лицу, отыскивающему всѣ специальные термины въ лексиконѣ! У насъ же это явленіе самое обыкновенное, ежедневное; у насъ издатель только и стремится къ тому, чтобы книга вышла подешевѣе, а чтобъ въ ней изображено — его мало смущаетъ. Сойдетъ и такъ! Покупатели найдутся, да еще и въ рецензіяхъ похвалять, особенно если книга (якобы?) „увѣнчана Парижской Академіей Наукъ“!

Переводъ книги Claude'a можно назвать типичнымъ, особенно въ тѣхъ частяхъ, которыя не касаются чисто техническихъ описаний.

Обратимся сперва къ терминологіи, которую пользуется авторъ. Чего стоитъ одно „магнитическій“, электро-магнетический (стр. 19,

¹⁾ Оригиналъ вышелъ въ 1905 году. Списки премій и наградъ, выданныхъ Парижской Академіей наукъ въ 1905 и 1906 годахъ, напечатаны въ *Comptes Rendus des Séances de l'Académie des Sciences*, Vol. 141 стр. 1065 до 1141 и Vol. 143 стр. 998 до 1074. Имя Claude'a въ этихъ спискахъ не встречается.

142, 143 и т. д.)! Ну, конечно! „magnétique“—переведемъ „магнитический“! чѣмъ не подходящій терминъ?

Недурны: молекулъ, интегральное вычисление, специфическое (вмѣсто удѣльно), истерезисъ (!), фазисъ (вмѣсто фаза), труба Гейссера, труба Бранли, труба Кушера Хевитъ (стр. 357—363). Очень хорошо также теплородъ (!); напримѣръ, дѣйствие теплородное, стр. 19 (calorifique), энергія калорифическая (теплородная), стр. 55 и т. д.

Серьезиѣ уже переводъ слова „puissance“ (мощность) терминомъ „силы“; этотъ переводъ повторяется безчисленно, напримѣръ, на стр. 48 до 65 и 288 до 292. Переодочикъ совсѣмъ по отличности force и puissance; легко представить себѣ, какая сплошная чепуха должна тутъ получиться! Но—ничего! сойдется, и покупатели найдутся! Приведемъ дальнѣйшіе примѣры такихъ же переводовъ.

Rendement des lampes à incandescence (полезное дѣйствие) переведено притокъ (!?) лампочекъ накаливания (стр. 103, 107). На стр. 153 и др. мы читаемъ о линіяхъ силъ „rairissimables“, вмѣсто „пересыкаемыхъ“. На стр. 180 остаточный магнетизмъ, почему-то, названъ еще и выработаннымъ, хотя въ оригиналѣ дано только одно название „rémanent“. На стр. 265 читаемъ о механизме „колеблющагося разраженія“, вмѣсто „колебательного разряда“.

Un courant pulsatoire переведено „токъ пульсирований“ (стр. 266).

Self-induction et capacit  „en s rie“, и далѣе „en d rivation“ переведены: самондукція и ємкость „въ серіи“ и „въ деривації“ (стр. 296 и 300) вмѣсто „соединенныхъ послѣдовательно“ и „соединенныхъ параллельно“.

Franges d'interference, т. е. полосы интерференціонныя, переведено „бахрома интерференціи“ (стр. 341).

Ventre d'oscillations, т. е. пучность, переведено „мѣдро колебаній“ (стр. 342).

„Litre“, т. е. литръ, вездѣ переведено „квартъ“ (стр. 8, 35 и т. д.).

Scheele превратился въ Шелле, Cance въ Кансе, Joule въ Жуль, Dewar въ Деваръ и т. д.

Не беремся решить, очертка ли миллиэтру (два раза на стр. 344).

Химическія названія веществъ большою частью переведены не только не вѣро, но и химически бессмысленно. На стр. 23 встречается мѣдно-сѣриокислая соль, вмѣсто сѣрномѣдной соли, сѣриокислой мѣды, или мѣднаго купороса. На стр. 27 bichromate de potasse

переведены *двухлористый кали* (!!). Хромъ смѣшанъ съ хлоромъ, „кали“ сть „кали“, и допущено соединеніе, въ которомъ К является двухатомнымъ! Рѣчь идетъ о двухромовокалиевой соли. На стр. 31 натрѣ названъ содій.

По лучше всего переводъ *oxyde de manganese* (перекись марганца): двухкислый марганецъ!! Узнать вѣрное название этого вещества, известного всемъ ученикамъ старшихъ классовъ, было бы не трудно. Но — не стоитъ трудиться! Сойдется и такъ, а покупатели найдутся. И чѣмъ „двукислый марганецъ“ не звучить прекрасно и вполнѣ научно? И если ни одинъ химикъ ничего не слыхалъ о „двукислыхъ“ веществахъ, такъ это не бѣда! Вѣдь нашель же переводчикъ (стр. 115) „двухромовую кислоту“ (стр. 115), хотя въ оригиналѣ сказано *bichromate*, что уже указываетъ не на кислоту, а на соль. Оказывается, что эта „двухромовая кислота“ и выпечуказанный „двухлористый кали“ въ дѣйствительности одно и то же вещество (*bichromate de potasse*).

Знакомство переводчика съ русскою научною терминологіею освѣщено въ достаточной мѣрѣ.

Переходимъ къ переводу простого текста.

Стр. 12. *Placer les électrodes..... dans les m mes conditions relatives* переведено: ставить наши оба электрода... въ такія же условія соотношенія.

Стр. 15. *Tr ve de dissertations!*.. переведено: „Однако, довольно диссертаций! и далѣе „ne nous perdons pas de nouveau en dissertations“ переведено (стр. 16) „не будемъ снова увлекаться диссертациями“.

Тамъ же: „le fil... est le si ge d'un ph nomen  abnormal“ переведено: „проволока является причиной или лучше сказать въ ней зиждется неправильность явленія“. Стр. 17: *niveau  lectrique*, уроненіе, электризациі, т. е. потенціалъ, переведено „уровень электрическаго тока“. Стр. 18: *le courant liquide* (потокъ жидкости) переведено „жидкій токъ“.

Стр. 20. *La diff rence de potentiel... est  videmment une grandeur susceptible de valeurs plus ou moins grandes, et ces valeurs doivent influer sur l'importance des effets  lectriques produits par cette pile;* переведено: Разность потенциаловъ..... есть очевидно величина, могущая быть подраздѣленной на доли болѣе или менѣе значительные, и эти цифры должны влиять на значеніе электрическихъ дѣйствий и т. д.

Тамъ же: „unité de monnaie“, т. е. единица цѣнности, переведено „единство монетной системы“.

Стр. 21: aux bornes переведено „на краяхъ“.

Тамъ же: fixe et immuable переведено „неуемленна и неизмѣнна“.

Стр. 22: piles-bouteilles au bichromate переведено упрощено „бутылочные элементы“.

Стр. 30: elle diminue l'écart entre les actions chimiques (уменьшаетъ разницу) переведено: уменьшаетъ уклоненіе между химическими дѣйствіями.

Стр. 38: Influence de la nature des conducteurs переведено: вліяніе природного состава проводниковъ.

Стр. 192: Machine Gramme, type supérieur переведено: машина Грамма верхнаго типа.

Стр. 199: un conducteur parcouru par un courant переведено: проводъ, въ которомъ вращается токъ.

Стр. 316 и 322: Télégraphic multiple, téléphonie multiple (много-кратная) переведено: многоразличная телеграфія, многосложная телефонія.

Стр. 335, 338 и др. Des sphères qui se gonflent rapidement много разъ переведено: сферы, быстро вадымающиася.

Стр. 338. Дано опредѣленіе понятія о длинѣ волны, какъ l'écart (т. е. разстояніе) entre deux crêtes ou deux creux consécutifs; переведено „уклонъ между двумя гребнями и т. д.“ Тамъ же: la vitesse est sensiblement constante (приблизительно постоянна) переведено „замѣтно постоянна“.

Стр. 340: les micrographes—Bertillons de l'infiniment petit—мен-сurent и т. д., т. е. микрографы—эти Бертильоны безконечно малаго—измѣряютъ и т. д. переведено: Бертильона микрографы безконечнаго малаго измѣряютъ и т. д.

Стр. 342: mouvements (рѣчь идеть о колебательныхъ движеніяхъ) exactement discordants, т. е. движенія, какъ разъ противоположныя, переведено: „движенія безусловно разновѣчныя (несогласныя)“.

Тамъ же: „ils y arriveraient au même point de leurs périodes respectives“, т. е. они попадутъ въ эту точку, находясь при одинаковыхъ фазахъ, переведено: они достигли бы (чего?) одновременно въ одни и тѣ же моменты ихъ взаимныхъ (!!) периодовъ.

Авторъ указываетъ, что Volta построилъ столбъ (pile), и что съ тѣхъ поръ всѣ видоизмѣненія (т. е. элементы) продолжаютъ вазы-

вать „riles“. Переводчикъ пресколько буквально переводить, что продолжаютъ всѣ подобные приборы называть столбами (стр. 11).

Старался буквально держаться оригинала, переводчикъ не стыдится калѣчить русскій языкъ. Хороша первая фраза (стр. 7):

„Вступая въ область электричества, начинающій искомѣнно ожидаетъ очутиться на незнакомой почвѣ, состава (*d'une consistance*) вполнѣ специальнаго, и на которой онъ не замедлитъ почувствовать себя чуждымъ, такъ какъ осуществили такое множество чудесъ помощью этого электричества и каждое изъ нихъ вызываетъ къ дѣятельности феномены и т. д.

Стр. 14: Но не вздумайте себѣ вообразить...

Стр. 17: соединенія оконечностей проволоки...

Стр. 24: скорость... значительно независима...

Стр. 181: когда мы намагничиваемъ желѣзо, мы принуждаемъ его испытывать постоянное извращеніе (*une déformation permanente*).

Стр. 238: Въ оригиналѣ говорится о томъ, что послѣ замыканія цѣли мы имѣемъ сперва *une période de régime variable pendant laquelle le courant arrive petit à petit à la valeur définie par la loi de Ohm*. Въ переводѣ читаемъ, что мы имѣемъ „періодъ положенія перемѣнного, въ теченіе котораго токъ мало-по-малу достигаетъ цѣнности опредѣленной закономъ Ома“. Какъ же иначе? Во всякомъ лексиконѣ можно найти, что *valeur* — цѣнность.

Стр. 261. *Une partie* (*энергія*) *s'est emmagasinée sous forme de tension* переведено: одна часть ея скопилась запасно (!) въ формѣ напряженія (натяженія) и т. д.

Издатель и переводчикъ заслуживаютъ полнаго порицанія.

Ф. Хиольсомъ.

*Систематический спорникъ задачъ по элементарной физикѣ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ К. Б. Немецкій, преподаватель физики Екатеринбургской мужской гимназіи. 1) Выпускъ I. Механика, Гидростатика, и Аэростатика (Курсъ 6-го кл. гимн. и 5-го кл. реальн. уч.). Одесса 1904 г. Изд. С. Козловскаго. IV+116 стр. Цѣна 70 коп. 2) То же. Выпускъ II. Теллота. Свѣтъ. Звукъ. Магнитизмъ. Электричество. Дополненія механическаго отдѣла. Одесса 1907 г. Изд. С. Козловскаго. X+253 стр. Цѣна 1 руб.

Въ послѣднее время значительно возросло число русскихъ задачниковъ по физикѣ—фактъ весьма отрадный, доказывающій быстрое распространеніе между преподавателями утвержденія, что преподаваніе физики не можетъ принести надлежащей пользы, что предметъ

не может быть правильно усвоенъ учащимися безъ непрерывнаго, попутнаго рѣшенія задачъ. Съ особымъ удовольствиемъ я правѣт-
ствую этотъ новый сборникъ въ виду указанія автора, въ его пре-
дисловіи, что съѣзжъ преподавателей физики въ С.-Петербургѣ отъ
2—10 января 1902 г., единогласно высказавшійся за необходимость
рѣшать задачи, побудилъ автора заняться составленіемъ нового сбор-
ника. Въ двухъ выпускахъ сборника содержатся 913+1750, т. е.
2.663 задачи по всѣмъ частямъ элементарной физики. Онъ распре-
дѣленъ по группамъ или отдѣламъ, и такихъ отдѣловъ 19+37,
т. е. 56, изъ которыхъ только послѣдній, посистематическій, содер-
житъ задачи изъ всѣхъ частей физики.

Весьма существенная особенность сборника заключается въ томъ,
что каждому изъ 55-ти отдѣловъ систематически распределенныхъ
задать предполагаю объяснительная статья, иногда коротенькая, но
и иногда и довольно обширная. Эти статьи содержать нечто среднее
между конспектомъ и научнымъ изложеніемъ соответствующей статьи
изъ физики. Мы встрѣчаемъ въ нихъ обзоръ формулъ, перечень зако-
новъ, опредѣленіе встрѣчающихся физическихъ величинъ, указанія на
методы измѣренія и, во многихъ случаяхъ, довольно подробныя разъ-
ясненія по существу вопросовъ. Всѣ эти статьи вмѣстѣ взятыя пред-
ставляютъ нечто въ родѣ краткаго повторительнаго курса элементарной
физики.

Мысль автора, несомнѣнно, прекрасная и, при безукоризненномъ
е выполненіи, упомянутыя статьи представляли бы украшеніе сбор-
ника, значительно увеличивающее его цѣнность. Къ величайшему со-
жалѣнію, хорошая мысль выполнена далеко не безукоризненно: въ
статьяхъ, помѣщенныхъ во второмъ выпускѣ, встречается не малое
число разного рода промаховъ и даже серьезныхъ ошибокъ. Въ пер-
вомъ выпускѣ находится только одна неудачная статья на стр. 76—77.
Здѣсь мы читаемъ, что частицы газа стремятся удалиться одна отъ
другой (отталкиваніе?); что газы оказываютъ „небольшое“ сопротив-
леніе силамъ, стремящимся уменьшить ихъ объемъ, и что послѣ
прекращенія дѣйствія силъ газы возваставляютъ прежний объемъ
(такое прекращеніе невозможно!).

Во второмъ выпускѣ можно найти до сорока пехорошо, или ошибочно
изложенныхъ мѣстъ. Ограничиваюся указаниемъ главнѣйшихъ
и начнемъ съ несомнѣнныхъ ошибокъ.

Стр. 3. Все, что говорится о коэффициентѣ расширения, невѣрно.
Никакой показательной функции здѣсь не существуетъ. Для среднего

коэффициента дана вѣрная формула, но формулировка словами совершенно не вѣрна („при повышении температуры на 1° “).

Стр. 13. „Только вѣсма не многие газы обнаруживают замѣтное отступление“ отъ закона Гей-Люссака. Отступления почти для всѣхъ газовъ громадныя, когда давленіе велико.

Стр. 14. „Коэффициентъ расширения упругости газа при постоянномъ объемѣ“; расширение упругости! Расширение при постоянномъ объемѣ! Рѣчь идетъ о температурномъ коэффициентѣ давленія.

Стр. 23. Авторъ полагаетъ, что число 1,41 есть среднєе значеніе отношенія двухъ теплоемкостей; въ дѣйствительности оно относится ко всѣмъ двуатомнымъ, недиссоциирующимъ газамъ.

Стр. 53. Приведена формула для числа изображений въ двухъ зеркалахъ, составляющихъ уголъ въ n° ; но эта формула относится только къ частному случаю, когда $360: n$ цѣлое число.

На той же страницѣ сказано, что наблюдатель, по видимости источника света (!), видитъ изображеніе въ зеркаль.

Стр. 56. „Точка, въ которой послѣ отраженія отъ зеркала пересекаютъ главную оптическую ось свѣтовые лучи, идущіе отъ источника свѣта, называется фокусомъ свѣтящейся точки“. Но сказано, что сама свѣтящаяся точка лежить на главной оптической оси.

Стр. 90 и 161—162. Авторъ даетъ невѣрные опредѣленія простого и двойного колебанія, а также амплитуды; всѣ величины должны быть удвоены.

Стр. 91. Оказалось, „что скорость звука въ твердыхъ и жидкихъ тѣлахъ больше, чѣмъ въ газахъ“. Это невѣрно.

Стр. 112. Дано невѣрное опредѣленіе магнитныхъ полюсовъ.

Стр. 121. Нѣчто очень странное: авторъ говоритъ, что на проводникахъ электричество распредѣляется такъ, что въ каждой точкѣ плотность электричества обратно пропорціональна радиусамъ кривизны, и даже пишетъ формулу! Поневѣдѣно, что это за радиусы кривизны въ точкахъ поверхности. Кроме того никакой теоремы, хотя бы похожей на эту, не существуетъ; общая задача электростатики неразрѣшима!

Стр. 134. Токъ, протекаю по тонкой проволокѣ, нагреваетъ ее. А толстую не нагреваетъ?

На той же страницѣ дано вполнѣ фантастическое описание распределенія потенціаловъ вдоль цѣли.

Стр. 150. „Разложеніе жидкости... сосредоточивается исключительно на электродахъ“. Тогда на каждомъ электродѣ должны выдѣ-

ляться оба иона! Авторъ смишиваетъ разложеніе жидкости и выдѣленіе ионовъ.

Тамъ же. „Химическимъ эквивалентомъ к. н. вещества называется его атомный (!) вѣсъ, дѣленный на атомность“. Какой же, напримѣръ, атомный вѣсъ у аниона SO_4^- ?

Стр. 158. „На основаніи закона о равенствѣ дѣйствія и противодѣйствія каждая сила вызываетъ равное ей противодѣйствіе, а потому на врачающееся (по кругу) тѣло дѣйствуетъ еще другая, такъ называемая центробѣжная сила и т. д.“.

Стр. 170. Объ ударахъ тѣль: „...взаимное ихъ давленіе уменьшается и дѣлается равнымъ нулю, когда скорости тѣль сравняются“. Это невѣро, ибо для упругихъ тѣль давленіе *наибольшее*, когда скорости сравняются.

Стр. 196. „Простѣйший случай превращенія энергіи есть превращеніе кинетической энергіи въ потенциальную и наоборотъ“. Непостижимо!

Не останавливаемся на перечинѣ всѣхъ болѣе мелкихъ промаховъ, число которыхъ довольно велико. Укажемъ лишь вѣкоторые курьезы.

Въ первомъ выпускѣ, стр. 10, статья озаглавлена: „Равноускоренное и равнозамедленное движенія съ начальной скоростью и ускореніемъ“. Развѣ бывають названныя здесь движенія и безъ ускоренія?

Стр. 55. Законъ Паскаля: „...передаются ею во всѣ части этой жидкости, какъ внутреннія, такъ и вѣщнія безъ измѣненія“. Что это за вѣщнія части жидкости?

Второй выпускъ, стр. 23. Къ „найболѣе употребительнымъ“ калориметрамъ причисленъ ледяной калориметръ Лавоазье и Лапласа, которымъ никто не пользуется. Въ задачахъ этого отѣла цѣлыи рядъ относится къ ледяному калориметру Бунзена, который дѣйствительно общеупотребителенъ.

Авторъ сильно злоупотребляетъ терминомъ величина „постоянна“. Такъ на стр. 30 читаемъ, что „точка плавленія для каждого тѣла постоянна“, а затѣмъ мы узнаемъ, что она зависитъ отъ давленія. Въ чёмъ же си постоянство?

Стр. 37. „...газъ, или пары другой жидкости, химически между собою не смѣшивающіеся“.

Стр. 89 и 97. Авторъ полагаетъ, что шумъ—это впечатлѣніе

„отрывистое или мгновенное“. Развѣ шумъ (вѣтра, водопада) всегда мгновенный? Разница между шумомъ и тономъ совсѣмъ другая!

Стр. 120. При индукціи разнородныхъ электричествъ помѣщаются на „наиболѣе близкомъ“ и на „наиболѣе отдаленномъ“ мѣстахъ проводника. Значить вся средняя часть остается ненаполектризованной?

Очень жаль, что авторъ отожествляетъ абсолютную систему единицъ съ С. Г. С. системою. Развѣ система Гаусса не абсолютная?

Авторъ вѣроченье многіхъ мѣстахъ злоупотребляетъ терминомъ „законъ“. Удивительные у него встрѣчаются „законы“!

Въ вып. I, стр. 90, находимъ два закона:

1. „Газы, не дѣйствующіе химически другъ на друга, быстро смыываются между собою и т. д.“ Это не „законъ“; кромѣ того и фактъ невѣренья, ибо диффузія происходитъ медленно.

2. „Смыщеніе двухъ газовъ происходитъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ значительнѣе разность между ихъ плотностями“. Какъ разъ обратное вѣрно!

Вып. II стр. 13. Три (!) закона Гей-Люссака:

1. Всѣ газы расширяются одинаково.
2. Расширение газовъ не зависитъ отъ давленія.
3. Коэффиціопти расширенія для всѣхъ газовъ одинаковъ и равенъ 0,00375.

Какая же разница между первымъ закономъ и третьимъ? Второй невѣрень,

Стр. 36. „Законы“:

1. Давленіе замедляетъ испареніе.
2. Въ пустотѣ жидкости испаряются мгновенно.
3. При одной и той же температурѣ пары различныхъ жидкостей не обладаютъ одинаковой упругостью.

Это не законы, а факты.

Стр. 133. „Первый законъ Вольты“ состоять, по мнѣнию автора, въ томъ, что $B | A = -A | B$! Но вѣдь символъ $B | A$ обозначаетъ потенціаль тѣла B минус потенціаль тѣла A , такъ что „законъ“ сводится къ тому, что $x = -(-x)$!

Обращаемся къ главной части сборника, къ задачамъ.

Въ общемъ слѣдуетъ сказать, что задачи выбраны удачно и формулированы правильно и понятно. Проверенные решения оказались почти все вѣрными; ошибочными оказались решения немногихъ, и притомъ какъ разъ совсѣмъ простыхъ задачъ. Распределеніе задачъ

нельзя назвать удачнымъ и, при второмъ изданіи, придется автору еще много поработать. Задачи не распределены по степени ихъ сложности; легкія и трудныя задачи чередуются. Особеніо страннѣмъ представляется повтореніе одной и той же задачи въ извѣсныхъ мѣстахъ. Такъ, напримѣръ, въ выпускѣ I задачи 196, 197 и 275 совершенно одинаковы; то же самое относится къ задачамъ 67 и 79 выпуска второго. Встрѣчаются задачи, неправильно поставленныя въ тотъ или другой отдѣлъ. Такъ, напримѣръ, въ выпускѣ I задачи 71, 72 и 115 не относятся къ ускоренному движению съ начальною скоростью.

Неудовлетворительными, по различнымъ причинамъ, представляются задачи:

Вып. I. № 24, 40, 109, 110, 135, 144, 166, 183, 196, 197, 209, 301, 319, 362, 388, 399, 459, 478, 528, 559, 578, 583, 591, 689, 769, 780, 805.

Вып. II. № 43, 86, 93, 95, 96, 107, 109, 163, 370, 413, 448, 454, 523, 600, 625, 682, 791, 792, 978, 1008—1010, 1137, 1179, 1199, 1224, 1228, 1257, 1290, 1355, 1387, 1440, 1463, 1725, 1744.

Укажу на недостатки нѣкоторыхъ изъ этихъ задачъ.

Вып. I. № 24. „Скорость электрическаго тока“—такой величины не существуетъ. № 109 непонятна. № 110 „замедленіе скорости“. № 144 неясно, куда направлены движенія точекъ; что значить „направленіе корня“? № 166 непонятно слово „проходимому“ (пройденному?). № 183 „...равнымъ произведенію числа 19,6 на число секундъ плюсъ единица“; неясно, скѣдуетъ ли единицу прибавить къ произведенію или къ числу секундъ. № 197 не сказано отъ какого момента считать искомое время. № 301 вместо „поднимается“ должно быть „начинаетъ подниматься“. № 319 задача невозможна. № 388 неразрѣшима, ибо не сказано, какой уголъ образуютъ двѣ части веревки. № 399 нѣть никакого вопроса. № 459 решеніе дано въ совершенно непонятномъ видѣ. № 583 непонятна, ибо не сказано, гдѣ прикреплены вертикальные трубы. № 639 вместо „плаваютъ“ должно быть „остаются въ покойѣ внутри жидкости“. № 780 основанъ на невѣрномъ и невозможномъ предположеніи. № 805 не можетъ быть, чтобы вторая трубка была „открыта съ обоихъ концовъ“.

Вып. II. № 43. „Доказать, что расширеніе тѣла (какого?) не вполнѣ пропорционально измѣненію температуры“. Это можетъ быть доказано только путемъ опыта. № 86 маятникъ еще не былъ разсмо-

трѣть. № 96 непонятна. № 107 неразрѣшима, а „рѣшеніе“ непонятно. № 109 непонятна. № 448 какое значеніе имѣть указаніе на давление въ 80 ст.? № 454 въ рѣшениѣ сказано „окружность“ вмѣсто „сфера“. № 625 не сказано, изъ какого материала призма. № 791 что значитъ „первое“ появленіе молнии? № 792 продолжительность грома зависитъ не только отъ длины молнии, но и отъ отраженій звука. № 978 вмѣсто $t_2 = -3,5$ гр. должно быть $t_2 = -3,5$ ед. (т. е. С. G. S. единицъ магнетизма). № 1008—1010 непонятно, въ какихъ единицахъ силы выражено рѣшеніе (должны быть дины). № 1137 совершенно непонятно! къ какой температурѣ относится данное сопротивленіе? № 1179 непонятно, что это за вѣнчее сопротивление R, добавочное, или полное? изъ какихъ частей состоять цѣлыи съ гальванометромъ? № 1199 неизвѣстно, относится ли разность потенциаловъ къ незамкнутому или къ замкнутому элементу. № 1228 загадка, а не задача. № 1290 абсолютно непонятна! № 1355 на вершинѣ горы нельзя пренебречь вліяніемъ самой горы на маятникъ. № 1440 не дано времія и въ рѣшениѣ по добавленіи слова „въ секунду“. № 1463 представляеть иѣчто поразительное! Авторъ смысла мощность сть работой, полагаетъ первую пропорціональной времени и не смущается рѣшеніемъ „144.000 лошадиныхъ силъ“, которымъ требуются, чтобы поѣздъ прошелъ 30 версты!! № 1725 рѣшеніе непонятное! откуда число 9,712, когда и число неопределѣнное?

Задачи 142 и 365 первого выпуска и задача 1017 второго не могутъ быть рѣшены учениками средней школы. *Несправно* рѣшены еще, напримѣръ, задачи 454, 1375, 1376, 1390, 1481 второго выпуска. Безъ оговорокъ авторъ ставить $1 + at = 1 : (1 - at)$, напримѣръ, въ задачахъ 93 и 95 вып. II. Величины, которыми слѣдуетъ пренебречь, авторъ неясно называетъ „незначительными“ (напр. 142 вып. II).

Опечатокъ очень много и далеко не всѣ оговорены.

Бумага и печать первого выпуска очень плохи. Оба выпуска совсѣмъ не сброшюрованы; они разваливаются, когда вхъ разрѣзаются.

О. Хольсонъ.

По поводу книги: „Синтаксисъ русскаго языка“, сост. Ф. В. Ржиза. Нижний Новгородъ 1906 г.

Названная здѣсь книга удостопилась рецензіи, помѣщенной въ предыдущей книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвещенія*. Господинъ рецензентъ замѣчаетъ, что въ эту синтаксисъ, какъ грамматическое ученіе, авторомъ внесена иѣкоторая новизна, къ сожалѣнію,

не оправдываемая имъ никакими доводами научного характера, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ настоящей книги: на 5-ой страницѣ *обстоятельство* понижается на категорію, являясь однимъ изъ видовъ дополненія или опредѣлія; на 7-ой страницѣ нераспространенное предложение опредѣляется не двумя главными членами его, а тремя, при чѣмъ къ главнымъ присоединяется дополненіе. Удовлетворительно разъяснить, чѣмъ такое видоизмѣненіе полезно, могъ бы, по нашему мнѣнію, только авторъ книги, которому понадобилось внести это въ общесугубительную систему и терминологію.

Считая замѣчаніе г. рецензента вполнѣ основательнымъ, пошьтаемъ привести соображенія и доводы, которыми я руководствовался при составленіи систематического учебника: *«Синтаксис русского языка»*, построеннаго на указанныхъ выше нововведеніяхъ.

Извѣстно, что система и терминологія русскихъ грамматикъ до Ломоносова и послѣ него—когда органомъ общерусского литературнаго языка въ школѣ быть водворенъ русскій народный языкъ на мѣсто церковно-славянскаго—закимствованы изъ латинскихъ и греческихъ источниковъ. Въ теченіе всего XIX вѣка русскіе грамматисты и филологи разрабатывали и пополняли учебники русского языка на тѣхъ же, разъ усвоенныхъ, началахъ и, пользуясь въ этомъ направлѣніи трудами немецкихъ и славянскихъ филологовъ, разъясняли и самостоятельный наслѣдованиемъ открыли много характерныхъ особенностей русской рѣчи.

На этомъ пути, однако, по мѣрѣ болѣе основательнаго изученія русскаго языка—среди русскихъ наслѣдователей вноскѣствіи появился разногласія, во примиримыя съ системою ни греко-латинскихъ, ни славянскихъ, ни германскихъ, ни романскихъ грамматиковъ. Поводъ этихъ разногласій не могъ сдѣлаться предметомъ наслѣдованія перусскихъ грамматистовъ, потому что онъ коренился только въ русскомъ языкѣ, не имѣя аналогіи въ прочихъ европейскихъ языкахъ.

Оказалось, что въ примѣненіи грамматического строя древнихъ и новыхъ языковъ Европы къ русской рѣчи явное затрудненіе вызвало существование въ ней предложенийъ, не имѣющаго личнаго глагола—сказуемаго, въ родѣ такихъ формъ:

„Онъ—сь прибылью, и дѣло—пъ шлипѣ“.

„Ларецъ—сь скретомъ: опъ и безъ замка“.

Предложение такого склада не мыслимо въ другихъ памъ близкихъ языкахъ, ни въ литературной, ни въ народной или разговорной рѣчи, ибо соответствующая мысль изобразима въ нихъ лишь формою

трехчленного предложения, и говорящій (не-русскій человѣкъ) въ произношеніи русскихъ двухчленныхъ предложений не чувствуетъ мысли и не соображаетъ какого-либо мысленного пропуска, а, между тѣмъ, въ русскомъ языкѣ предложения безъ глагольного сказуемаго, предложения двухчленные о двухъ существительныхъ представляютъ весьма распространенное явленіе.

Затрудненія толкователей простого предложения въ отдельныхъ грамматикахъ и критическихъ статьяхъ „Филологическихъ Записокъ“ и другихъ изданій были доведены до противорѣчій, послужившихъ поводомъ къ статьѣ: „О простомъ предложении въ русскомъ языке“, напечатанной мною въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстнике“, издаваемомъ подъ редакціей профессора А. И. Смирнова въ 1886 году въ г. Варшавѣ. Другая статья „О простомъ предложении“ была напечатана въ томъ же журнале „Русский Филологический Вѣстникъ“ подъ редакціей проф. Е. О. Карского въ 1904 году съ указаниемъ, несогласныхъ иѣсько-въсколькихъ наиболѣе распространенныхъ учебниковъ русского языка въ синтаксисѣ простого и сложнаго предложенийъ.

Въ школьнай практикѣ для толкователя и переводчика дровніхъ и новыхъ текстовъ передача русскихъ двухчленныхъ предложений о двухъ именахъ существительныхъ создавала и создаетъ не мало затрудненій, ибо грамматики ни дровніхъ ни новыхъ языковъ, введенныя въ среднюю школу, не считались съ этой крупной особенностью русскаго языка.

Въ теоріи языковъ древнихъ и новыхъ господствуетъ правило двухчленной основы предложения, въ действительности же европейскіе языки въ области мысли примѣняютъ трехчленное предложение, и русское предложение о двухъ существительныхъ они не могутъ передать иначе, какъ формою трехчленного предложения.

Безъ трехчленного предложения и соответствие двухъ формъ мысли: действительного и страдательного залога не было бы возможнымъ, если дополненіе было бы второстепеннымъ, не главнымъ членомъ предложения.

Сочетаніе имени существительного съ другимъ существительнымъ въ европейскихъ языкахъ создаетъ только опредѣленіе: „ларецъ съ секретомъ“ значить: „ларецъ, снабженный секретомъ“... «онъ и безъ замка»—ларецъ безъ замка—ларецъ, не имѣющій замка”... А для того, чтобы эти два члена русскаго предложения, состоящіе изъ именъ существительныхъ, дали смыслъ или возбудили мысль въ другомъ

языкѣ, необходимо сказать: „ларецъ снабженъ секретомъ, ларецъ не имѣть замка, ларецъ есть безъ замка“ и под.

Статья „О простомъ предложениѣ въ русскомъ языке“, напечатанная въ 1886 году въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстнике“, сколько мнѣ известно, не вызвала разрушительныхъ возраженій. Въ 1888 году B. Delbrück въ своемъ изданіи: *Syntaktische Forschungen. Fünfter Band. Altindische Syntax. Halle*, различается въ санскритскомъ языке не только еллинтическія предложения, но и предложения безъ личныхъ глаголовъ *ak* и *bhū* (кимъ и кити), состоящія изъ сочетанія именъ прилагательныхъ съ существительными или изъ двухъ существительныхъ: „Es ist aber wahrscheinlich, dass diese Ellipse nur darum möglich wurde, weil seit Urzeiten ein Satztypus wie *caramāyam barihi* (die Streu besteht aus Rohr) also ein nur aus nominalen Bestandtheilen gebildeter Satz vorhanden war“ (§ 6 стр. 15).

Дѣленіе русского предложениѧ на собственно-русское двучленное и общесеверо-европейское трехчленное предложениѣ, представленное въ статьѣ „Русского Филологического Вѣстника“ 1886 года, послужило мнѣ по-водомъ къ другой работѣ, изданной отдельно, въ Москвѣ, въ 1890 году: „Синтаксисъ славянскихъ языковъ. Отдѣль общий. Основные виды предложениѧ: древнеславянскаго, русскаго, польскаго, лужицко-сербскаго, чешскаго, словенскаго, сербскаго и болгарскаго“. Въ этой работе оказалось возможнымъ выдѣлить въ предложениѧ двойное значеніе понятія „обстоятельство“, какъ опредѣленій глагола сказуемаго, или наречій, и какъ дополненій, зависящаго отъ глагола сказуемаго (стр. 35). Это различіе, относящееся къ двумъ разнымъ членамъ простого предложениѧ, праводить и П. Виноградовъ въ § 56 своей книги: „Синтаксисъ, учебникъ русской грамматики, Курсъ 1892“. То же самое находимъ въ издаваніи того же автора: „Русская грамматика“. Синтаксисъ I. II. въ § 58 ученія о простомъ и сложномъ предложениѣ, Курсъ 1901 г. Съ толкованіемъ П. Виноградова согласенъ и рецензентъ его книги С. Брайловскій въ „Педагогическомъ Сборнику“ за мѣсяцъ юнь 1904 г. на стр. 548 и самъ многими примѣрами подтверждаетъ явное различіе обстоятельства въ смыслѣ наречія и въ смыслѣ дополненія, какъ это отмѣчено было мною въ синтаксисѣ славянскихъ языковъ въ 1890 году.

Основываясь на выводахъ, подтвержденныхъ и другими авторами, я предпринялъ въ 1906 году самостоятельное изданіе синтаксиса русскаго языка, въ которомъ система русского предложениѧ проѣрена рѣчью писателя, наиболѣе распространенного въ народѣ.

Въ педагогическомъ отношении весьма важно установить прочные предѣлы мысли на значеніяхъ предмета, какъ главного члена предложения, и дидактическая практика убѣдила меня, что введение мною дѣленіе русскаго предложения въ школѣ полезно и для переводчиковъ цѣлосообразно.

Мысль, основанная на значеніяхъ предмета, углубляетъ пониманіе и служить источникомъ дальнѣйшаго развитія мысли въ болѣе сложныхъ формахъ.

Ф. В. Ржага.

*И. Катаевъ. Учебникъ русской истории для среднихъ учебныхъ заведеній. Выпукъ первый. М. 1907. Стр. VII + 138. Цѣна 50 коп.

По объясненію г. Катаева онъ имѣть въ виду, при составленіи своего учебника, тройкаго рода задачи. «Двѣ изъ нихъ, научная и доброкачественность учебника, соответствующая уровню современного научно-исторического знанія, и объективность изложения, чуждая тенденціозности въ какомъ бы то ни было смыслѣ, представляются по существу безспорными. Третья задача, относящаяся къ выбору и распределенію въ книгѣ учебно-исторического материала, уже сама по себѣ представляется болѣе сложной и спорной. По какому плану долженъ быть построено учебникъ? Нужно ли въ основу его положить хронологический и биографический порядокъ изложения (книжепись за книжеписемъ, царствованіе за царствованіемъ), или систематический, съ раздѣлами изложениемъ различныхъ сторонъ исторического процесса? Первый имѣть свои выгоды: большую простоту и давнюю традицію; но огромная новыгода его заключается въ антинаучномъ характерѣ, который неизбѣжно получаетъ изученіе исторіи въ средней школѣ при такомъ способѣ изложения».

Не можемъ вполнѣ согласиться съ этимъ разсужденіемъ. Хронологико-биографический, по выражению автора, способъ изложения самъ по себѣ не можетъ считаться неизбѣжно антинаучнымъ, при соблюдении двухъ первыхъ условий: научной доброкачественности материала и отсутствія всякихъ постороннихъ тенденцій. Съ другой стороны, и систематическое изложение подъ первомъ тенденціозного и мало съѣдущаго историка можетъ легко получить антинаучный характеръ.

Требованіямъ научности должны удовлетворять всѣ возможные способы изложения исторіи; планъ же учебника исторіи долженъ опредѣляться не только общимъ понятіемъ научности, но и уровнемъ той школы, для которой онъ предназначается. Г. Катаевъ ставить курсъ русской исторіи старшихъ классовъ средней школы въ связь съ эпи-

зодическимъ курсомъ двухъ младшихъ классовъ и исходить изъ предположенія, что „учащіеся въ младшихъ классахъ болѣе или менѣе познакомились съ фактической исторіей и біографіями выдающихся общественныхъ дѣятелей“ (стр. IV). На чёмъ основано это предположеніе? Введеній нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ два младшіе класса гимназій и реальныхъ училищъ эпизодический курсъ русской исторіи не имѣть, какъ известно, общеобязательной программы; выборъ матеріала для этого курса зависитъ отъ усмотрѣнія каждого отдѣльного преподавателя. При этихъ условіяхъ нельзя опредѣлить той общей подготовки, которую получаютъ ученики, прошедшіе эпизодический курсъ I—II классовъ. Систематический курсъ старшихъ классовъ приходится ставить принципіально совершенно независимо отъ курса эпизодического¹⁾.

Стремясь къ возможной научности своего курса, г. Катаевъ налагаетъ каждый періодъ русской исторіи въ порядкѣ отдѣльныхъ сторонъ исторического процесса, дѣлаетъ каждый отдѣлъ учебника на 4 главы: 1) внутренній политический строй, 2) общественный строй, 3) культурный бытъ, 4) вѣнчанія отношенія, территорія. Цѣль автора при этомъ—дать возможно полное освѣщеніе каждой стороны исторического процесса, на каждый вопросъ, который онъ считаетъ необходимымъ ввести въ учебный курсъ, дать, хотя бы и скжатый, но обстоятельный и ясный отвѣтъ; при хронологическомъ же или біографическомъ порядкѣ наложенія пришлось бы касаться многихъ, часто весьма нынѣхъ, вопросовъ политического и общественного строя и культурнаго быта мимоходомъ и вскользь».

Бесспорно, что такая постановка курса исторіи вполнеѣ научна, что въ настоящее время въ средней школѣ, такъ называемая внутренняя исторія можетъ и должна быть проходима съ большей полноностью и систематичностью, чѣмъ допускала дѣйствовавшая дослѣ традиція. Но, подымаю преподаваніе исторіи въ средней школѣ до уровня современного состоянія исторической науки, не слѣдуетъ впадать въ крайность и смѣшивать задачи преподаванія въ средней и высшей школѣ, университетѣ, и учебникъ г. Катаева не далекъ отъ этой крайности. Расчлененія отдѣльныхъ стороны исторического процесса и расположены ихъ по одинообразной искусственной схемѣ, учебникъ не даетъ изображенія этого процесса въ его конкретной цѣльности. Между тѣмъ, задача исторического преподаванія въ средней школѣ

¹⁾ На практикѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ эта схема, конечно, можетъ быть устанавливаема особенно тамъ, где одинъ и тотъ же преподаватель ведетъ оба курса.

заключается, на нашъ взглядъ, именно въ томъ, чтобы дать учащимся отчетливое и, конечно, вполнѣ научное знаніе конкретнаго хода исторического развитія. Само собою разумѣется, что такое знаніе не должно выливаться въ утрированной формѣ хронологическо-биографического изложения (княжескіе за княжескіемъ, царствование за царствованіемъ) безъ какихъ бы то ни было обобщеній и систематизацій. Учебникъ исторіи для средней школы долженъ одинаково удаляться отъ обѣихъ крайностей: какъ безсвязной эпизодичности, такъ и искусственной систематизаціи, разрушающей цѣльность представленія объ отдѣльныхъ эпохахъ, событияхъ въ ихъ дѣйствительной послѣдовательности и историческихъ дѣятеляхъ. Учебникъ г. Катаева приближается къ этой второй крайности, таинъ какъ главная ошибка автора, повторяемъ,—въ предположеніи, что ученики старшихъ классовъ приступаютъ къ систематическому курсу русской исторіи, уже владѣя достаточнымъ вапасомъ фактическаго знанія, и что для этихъ учениковъ исторія событий и биографіи историческихъ дѣятелей явится повтореніемъ, способнымъ вызвать только скучу.

Обратимся къ частностямъ плана, по которому построено учебникъ г. Катаева. Излагая раздѣльно разныя стороны исторического процесса, онъ располагаетъ ихъ, какъ мы уже знаемъ, въ слѣдующемъ порядке: 1) внутренній политический строй, 2) общественный строй, 3) культурный бытъ (въ это понятіе вводятся: хозяйство, законодательство, судъ, религія, просвѣщеніе), 4) виѣшнія отношенія, территорія. Главный недостатокъ этой схемы—помѣщеніе на послѣднєе мѣсто исторіи виѣшнихъ отношеній. Гораздо цѣлесообразнѣе было бы сдѣлать какъ разъ наоборотъ, ибо виѣшними отношеніями (мирными и особенно военными) русской земли и въ кіевской и въ удѣльной и въ московской періода опредѣлялись, какъ извѣстно, многіе крупнѣйшіе факты политического, соціального и экономического строя. Такіе факты, какъ политическое объединеніе русскихъ славянъ, военная и правительственноя дѣятельность князей кіевскаго періода, происхожденіе и положеніе общественныхъ классовъ, культурная роль виѣшней торговли, получили бы несравненно болѣе рельефное и обстоятельное объясненіе, если бы предварительно были разъяснены виѣшнія отношенія къ Византіи, варягамъ, степнымъ кочевникамъ. Точно также, излагая исторію политического, соціального и культурного быта удѣльного періода, авторъ многократно долженъ коснуться послѣдствій татарскаго погрома прежде, чѣмъ изложень и объясненъ самый фактъ татарскаго нашествія.

Авторъ подробно перечисляет мотивы, побудившіе его при изложении исторіи каждого периода поставить на первое мѣсто главу о внутреннемъ политическомъ строѣ, а не объ общественномъ или экономическомъ. Въ числѣ этихъ мотивовъ находимъ, между прочимъ, то соображеніе, что вопросы о политическомъ строѣ въ нашей исторической и юридической литературѣ разработаны точнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ вопросы соціального и экономического характера, и что вопросы политического строя (о князѣ, вѣчѣ и проч.) понятнѣе и проще для учащихся, чѣмъ вопросы объ экономическомъ и общественномъ строѣ (хозяйство, смерды, холопы и проч.). Едва ли эти соображенія правильны. Меньшая разработанность соціально-экономической исторіи сравнительно съ политической въ данномъ случаѣ не имѣеть серьезнаго значенія, такъ какъ въ учебникахъ для средней школы находятся себѣ мѣсто лишь элементарные и достаточно обоснованные факты соціального и экономического строя. Равнымъ образомъ не можетъ присоединиться къ мнѣнію, что элементарный свѣдѣнія о формахъ хозяйства въ древней Руси, о смердахъ, о холопахъ представляютъ большія трудности для учениковъ, чѣмъ вопросы о княжеской власти, вѣчѣ и т. п. Даѣтъ авторъ приводить въ защиту своей схемы то соображеніе, что „развитіе политическаго строя, иъ особенности въ эпоху Московскаго Государства имѣло очень видное значеніе въ общемъ ходѣ историческаго процесса“. Но значеніе этого совершенія бесспорного замѣчанія ослабляетъ самъ авторъ, иѣсколькими строками выше заявленіемъ: „по существу, конечно, трудно спорить противъ того, что политический строй въ государствѣ развивается въ зависимости отъ экономическихъ и соціальныхъ условій“.

Мы отмѣчаемъ шаткость мотивовъ г. Катаева вовсе не съ цѣлью доказывать необходимость изученія экономической и соціальной исторіи раньше политической, но съ цѣлью указать на трудность и нецѣльно-сообразность изложения всѣхъ периодовъ и эпохъ по единообразной искусственной схемѣ. Стремленіе разсортовывать исторические факты по рубрикамъ этой схемы, игнорируя конкретныя, жизненные соотношенія этихъ фактовъ, и приводить автора къ отмѣченной выше несообразности: къ изложению послѣдствій какого-нибудь факта прежде, чѣмъ дано понятіе о самомъ фактѣ. Приведемъ еще примѣръ. Въ первыхъ главахъ первого отдѣла авторъ говорить о вмѣшательствѣ княжеской власти въ дѣла церкви и, обратно, объ участіи духовенства въ политикѣ, объ отношеніи церкви къ рабству, о церковныхъ

людяхъ и церковномъ законодательствѣ; о введеніи же христіанства и положеніи церкви разсказывается уже послѣ всего того, въ концѣ главы о культурномъ бытѣ.

Впрочемъ самъ г. Катаевъ, заканчивая настоящій, первый выпускъ своего учебника и обдумывая послѣдующіе, уже призналъ невозможность держаться съ неуклонной прямолинейностью избраннаго имъ плана. Такъ въ отдѣльѣ объ удѣльному періодѣ отсутствуетъ особая глава объ общественномъ строѣ, и свѣдѣнія о послѣднемъ излагаются въ связи съ исторіей политического строя; въ главѣ о виѣшнихъ отношеніяхъ выпущенъ особый параграфъ о колонизаціи, исторія которой излагается въ другихъ комбинаціяхъ. Исторія образования литовско-русскаго государства введена въ главу о внутреннемъ политическомъ и общественномъ строѣ удѣльной Руси.

Обычная отступленія отъ принятой системы изложенія и въ слѣдующихъ отдѣлахъ, г. Катаевъ указываетъ, въ частности, что „эпохи реформъ Петра Великаго и реформъ 60-хъ годовъ XIX столѣтія будуть изложены въ видѣ общихъ очерковъ, безъ раздѣленія на обычныя главы, въ тѣхъ видахъ, чтобы характеристика этихъ эпохъ была представлена въ болѣе цѣльномъ видѣ; иначе значеніе ихъ можетъ поблѣдѣть въ представлениі учащихся“. Мысли совершенно правильная, и остается только пожалѣть, что авторъ не утвердился въ ней съ самого начала. Тогда и настоящій, первый выпускъ стого учебника представлялъ бы не одни только механически связанные, сухіе, монотонные конспекты по истории государственного права, материальной и духовной культуры, виѣшнихъ отношеній и т. д., но давалъ бы цѣльное и рельефное представление объ отдѣльныхъ эпохахъ и важнѣйшихъ событияхъ въ ихъ конкретной исторической связи, что и должно составлять главную цѣль преподаванія исторіи въ средней школѣ. Лишь на почвѣ такого конкретнаго знанія можетъ быть плодотворной та или иная систематизация материала соответственно современнымъ задачамъ исторической науки.

Безжизненнымъ и, такъ сказать, плоскимъ изображеніе кievской и удѣльной Руси получилось въ разбираемомъ учебникѣ, между прочимъ, вслѣдствіе того, что авторъ слабо и неправильно использовалъ біографический материалъ. По отношенію къ біографическому материалу, пишетъ г. Катаевъ, нужно замѣтить, что первая часть курса русской исторіи для V класса находится въ болѣе неблагопріятномъ положеніи, чѣмъ послѣдующія части. Это потому, что біографіи первыхъ князей Рюриковичей, первыхъ московскихъ князей такъ однообразны, такъ

трудно придать имъ научный характеръ, что авторъ не нашелъ возможній даты имъ особое мѣсто въ учебникѣ, тѣмъ болѣе, что все, что можно сказать о жизни въ дѣятельности этихъ князей по лѣтописнымъ источникамъ, использовано въ эпизодическомъ курсахъ младшихъ классовъ. Нѣть надобности повторять учащимся въ старшихъ классахъ то, что имъ уже извѣстно ранѣе, иначе можно вызвать только скучу. Другое дѣло—при прохожденіи периода Московскаго Государства; тамъ много яркихъ историческихъ личностей, биографіи которыхъ можно придать научное освѣщеніе, и онѣ, хотя бы кратко, должны быть изложены въ учебникѣ” (стр. IV—V). Мы уже указывали выше, что эпизодический курсъ русской истории младшихъ классовъ не можетъ служить надежнымъ базисомъ для построенія систематического курса старшихъ классовъ. Поэтому и биографический материалъ, въ послѣднемъ курсѣ долженъ быть разработанъ совершенно самостоятельно и независимо отъ того, насколько исчерпана онъ въ эпизодическомъ курсѣ. Нашрасно ссылается г. Катаевъ на одвообразіе биографій первыхъ Рюриковичей и первыхъ московскихъ князей, будто бы мѣшающее дать имъ научную характеристику и освѣщеніе. За тѣ два периода (кіевскій и удѣльный), которые обнимаетъ учебникъ г. Катаева, проходить цѣлый рядъ типичныхъ личностей, ярко характеризующихъ свое время: Святославъ, Владиміръ св. и Ярославъ, Владиміръ Мономахъ, Андрей Боголюбскій, Александръ Невскій, Иванъ Калита и Иванъ III, преподобные Феодосій и Сергій Радонежскій и т. п. Свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ дѣятеляхъ, въ большинствѣ случаевъ крайне недостаточныя, разбросаны тамъ и сямъ, по разнымъ рубрикамъ и не сведены въ цѣлыми характеристики (кромѣ, развѣ, одного Андрея Боголюбскаго). Между тѣмъ такія цѣлыми характеристики должны составлять существенный элементъ въ учебникѣ истории для средней школы, чего не отрицаютъ и самъ авторъ.

Мы подробно остановились на разборѣ плана учебника г. Катаева, потому что этотъ планъ представляется намъ во многихъ отношеніяхъ несостоительнымъ. Но трудъ г. Катаева не лишенъ и серьезныхъ достоинствъ. Матеріалъ по истории политического и соціального строя и материальной культуры подобранъ удачно и освѣщенъ вполнѣ объективно и научно. Изложеніе, хотя и сухое, но ясное и точное, свободное отъ фактическихъ ошибокъ. Слѣдуетъ впрочемъ отмѣтить одинъ пунктъ, могущій дать поводъ къ неправильному представлению о политическомъ строѣ кіевской Руси. Авторъ говорить о кіевскомъ

княжествъ IX—XII вѣковъ, какъ совокупности городскихъ волостей—княжений, объединенныхъ подъ властью киевскаго князя (стр. 19, 25). Между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ отмѣчено, что со смертью Ярослава въ 1504 г. оканчивается княжеское единовластіе и окончательно устанавливается порядокъ раздѣла русской земли между членами княжескаго рода Рюриковичей (стр. 20), что власть киевскаго князя не простиралась на всю область; ему принадлежала верховная власть только въ Киевѣ (стр. 24). Съ этими фактами, очевидно, трудно примирить представление о всей русской землѣ, какъ единомъ киевскомъ княжествѣ въ теченіе всего данного периода IX—XII вѣковъ.

С. Ромедеосменскій.

Библейская новость.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію въ теченіе сентября и октября текущего 1907 года.

— Вопросы творчества и психологии творчества. (Пособіе при изученіи теоріи словесности въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ). Статьи гг. Е. В. Аничкова, А. Г. Горнфельда, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, В. И. Харціева и Б. А. Лезина. Издатель—составитель—Б. А. Лезинъ. Харьковъ 1907. 446 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

— Каржес, Н. Альбэрт Сороль, какъ историкъ французской революціи. Отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій С.-Петербургскаго политехническаго института“ за 1907 г. С.-Пб. 1907. 50 стр. Цѣна 80 коп.

— Штіффель. Парламентаризмъ. Переводъ съ немецкаго Надежды Шамирской подъ редакціей, со введеніемъ и прикѣчаніями Ю. П. Бартенева. Издание Е. А. Боголѣбовой. М. 1907. 31 стр. Цѣна 15 коп.

— Шмаковъ, А. С. Речь въ защиту Ильи Михайловича Векинина, Владимира Александровича Сусленикова, Петра Лошасьевича Башкирина, Ивана Никитича Буринштрова, Саввы Сергеевича Леленова и другихъ, всего двадцати четырехъ жителей гор. Вязмы, обвиняемыхъ въ погромѣ евреевъ, т. е. въ дѣлѣ, предусмотрѣнномъ ст. 269¹ Улож. о нак. М. 1907. 43 стр.

— Рождественскій, А. К. Слово правды о церковной школѣ и о заслугахъ духовенства въ дѣлѣ народного образования. По поводу слуховъ объ упраздненіи церковныхъ школъ. Издание третье, исправленное и дополненное. Рыбинскъ 1907. 73 стр. Цѣна 35 коп.

— Петроевъ, Конс. Федор. Въ защиту старухи-грамматики. (Смѣхъ и горе составители русской грамматики). 1907. 42 стр. Цѣна 40 коп.

— Галицкая Русь прошлѣ и нынѣ. Исторический очеркъ и взглядъ на современное состояніе очевидца. Издание Общества ревнителей русского исто-

рическаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. С.-Пб. 1907. 104 стр. Цѣна 50 коп.

— Отчетъ начальника Кіевскаго учебнаго округа о состояніи учебныхъ заведеній округа за 1906 годъ. Кіевъ 1907. 40+XII табл.+31+11 табл.+31+10 табл.+90+11+43+11 стр.+28+4 табл.+4+1 табл.+8+2 табл.+5+39+7 табл.+18+6 табл.+4+1 табл.

— Шахоръ-Троцкий, С. И. Геометрия на задачахъ. Книга для учителей: а) начальныхъ школъ съ продолжительнымъ курсомъ; б) начальныхъ и среднихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній; в) профессиональныхъ школъ и курсовъ и т. д. (100 воинскихъ въ текстѣ). Цѣна 2 руб. М. Издание т—ва И. Д. Сытина. 1908. XXVI+428 стр.

— Канц., Р., д-ръ мед. Учебная стираскопия и гиппина глазъ. Съ 6 рисунками въ текстѣ. Издание И. П. Мазурецъ. С.-Пб. 1907. 42 стр. Цѣна 36 коп.

— Ермиловъ, В. Е. Завѣты Балтийского молодому поколенію. (Публичная рѣчь). Издание шестое. М. 1908. 32 стр. Цѣна 10 коп.

— Отчетъ о состояніи шестой С.-Петербургской гимназии за 1906—1907 учебный годъ. С.-Пб. 1907. 72 стр.

— Отчетъ центрального правленія общества для пособія учащимъ въ народныхъ училищахъ Рязанской губерніи за 1906 годъ (25-й годъ своего существованія). 64 стр.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОНИЯ.

ПРЕДМЕТНАЯ СИСТЕМА ВЪ НАШИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ И
ЕЯ ПРИМѢНЕНИЕ КЪ ФИЛОСОФСКИМЪ НАУКАМЪ¹⁾.

I.

Вышнее образование переживаетъ въ Россіи глубокій кризисъ. Сей-часъ передъ нами на первомъ планѣ преимущественно, такъ сказать, вѣнчане — общественные черты этого кризиса. Мы были свидѣтелями долговременного перерыва въ работѣ университетовъ и всѣхъ вообще высшихъ школъ нашей родины; сейчасъ мы видимъ страшное перенаполненіе ихъ — частію отъ того, что въ нихъ, такъ сказать, застакивается масса студентовъ, частію отъ того, что въ нихъ — и особенно въ университеты — получили такъ или иначе доступъ молодые люди съ болѣе разнообразной подготовкой, чѣмъ это имѣло мѣсто до настоящаго времени.

Несомнѣнно, такое положеніе дѣлъ отзовется еще цѣлымъ рядомъ другихъ измѣненій въ строѣ нашаго высшаго образования. Оно — эти, большей, нежели сейчасъ, степени — оторвется отъ государственной службы. Государство, имѣя передъ собой большее количество конкурентовъ на всевозможныя мѣста, вѣроятно, измѣнить и повысить предъявляемыя имъ на государственномъ экзаменѣ (на должностѣ) требования. Съ другой стороны, возросшая численно масса молодежи, получившей университетское образованіе, въ поискахъ примѣненія

¹⁾ Докладъ, читанный въ засѣданіи Петербургскаго Философскаго общества 8-го сентября 1907 г. Въ составѣ его вошли, въ переработанномъ видѣ, статьи о „предметной системѣ“, помѣщенные въ газетѣ „Дневникъ Казани“ (въ октябрѣ 1906 г.).

своего труда хлынетъ въ профессіи, въ которыхъ мы до сихъ поръ не привыкли встрѣчать людей съ высшимъ образованіемъ, и наполнить кадры тѣхъ специальностей, которыхъ создадутся неизбѣжныиъ культурнымъ ростомъ нашей родины—такъ, какъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XIX вѣка русская молодежь заняла мѣста въ судебномъ вѣдомствѣ и адвокатурѣ, въ земской медицинѣ и статистикѣ и т. д. Такъ и теперь мы стоимъ, можетъ быть, наканунѣ того дня, когда университетская молодежь разойдется по всей Руси въ качествѣ учителей „высшихъ народныхъ школъ“ (*Fortschungsschulen*) и учительскихъ семинарій и курсовъ, волостныхъ старшинъ и писарей, конкретарій рабочихъ организаций, руководителей сельскихъ банковъ, кредитныхъ, производительныхъ и потребительныхъ товариществъ и т. д.—словомъ, станетъ во главѣ неминуемаго переустройства русской жизни на началахъ, уже выработанныхъ и практикуемыхъ въ Зап. Европѣ.

Процессъ этотъ не можетъ не возбуждать самого горячаго интереса въ человѣкѣ, сознательно относящемся къ судьбамъ своей родины, и несомнѣнно, онъ будетъ своевременно учтенъ и изученъ.

Но рядомъ съ задачами такого характера жизнь выдвигаетъ вопросы, касающіеся внутренняго строя научнаго преподаванія, его организаціи въ зависимости отъ развитія самой науки, отъ непомѣрного роста ел матеріала, отъ того усложненія задачъ, безъ которыхъ въ наше время уже нѣть науки, а есть лишь то тупое и безмыслиенное ремесло, съ которымъ всѣ мы знакомы по печальной памяти экспериментамъ университетскаго устава 1884 г. и слезливыхъ съ нимъ учебныхъ плановъ.

Этотъ ростъ науки дѣлаетъ въ наше время совершенно неизбѣжной дальнѣйшую специализацію научнаго преподаванія, уничтоженіе въ немъ многопредметности, концентрацію преподаванія около извѣстныхъ центральныхъ предметовъ съ болѣе глубокимъ ихъ изученіемъ, по источникамъ, съ отчетливымъ усвоеніемъ ихъ методологіи... Такая концентрація научнаго образования не имѣеть ничего общаго съ той принудительной концентраціей всего преподаванія около древнихъ языковъ, которая была введена у настѣ въ 1884 году и нанесла столь долго не заживашую рану нашимъ историко-филологическимъ факультетамъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, какъ понимали классическую древность творцы устава 1884 года, въ чёмъ они видѣли сущность „классицизма“, укажемъ только на то, что концентрація на классическихъ предметахъ тамъ была принудительной.

Напротивъ, въ сущность той реформы научнаго преподаванія, ко-

торая, какъ кажется, назрѣваетъ въ настоящее время, входить свобода выбора между тѣми науками и дисциплинами, около которыхъ концентрируется преподаваніе. Такого рода организація преподаваній, т. е. выработка цѣлого ряда учебныхъ плановъ, изъ которыхъ каждый концентрированъ около какой-либо болѣе детально и самостоятельно изучаемой науки или предмета, и можетъ быть названа „предметной системой учебного плана“. Объ этой системѣ я и имѣю въ виду говорить въ моей статьѣ,—хотя (замѣчу) терминъ „предметная система“ не имѣть еще вполнѣ установленнаго, всѣми принятаго значенія.

II.

Когда у насъ говорятъ о „предметной системѣ“, не всегда отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ, что подъ этимъ терминомъ можно разумѣть *две совершенно различные вещи*: 1) предметную систему экзаменовъ, 2) предметную систему учебнаго плана.

Предметная система экзаменовъ состоить въ томъ, что студентъ экзаменуется по каждому изучаемому имъ предмету отдельно—по мѣрѣ того, какъ огъ въ данномъ экзамену подготовился. Эта система противоположна теперешней—*курсовой*—въ двухъ отношеніяхъ. При курсовой системѣ экзаменуется: 1) сразу весь личный составъ данного „курса“, 2) по *всѣмъ* предметамъ данного „курса“ (1-го, 2-го, 3-го и 4-го) однѣ разы въ году, въ теченіе извѣстнаго периода времени, въ опредѣленный день по каждому предмету. Въ противоположность этому, при „предметной системѣ экзаменовъ“ испытанія по каждому предмету происходятъ *несколько разъ* въ теченіе учебнаго года—въ опредѣленные дни (недѣли или мѣсяца или въ другіе, заранѣе опубликованные сроки), между которыми выбираетъ самъ студентъ соответственное своимъ удобствамъ. Въ случаѣ многолюдства экзаменующихся, можетъ быть назначепъ максимумъ ихъ на каждое испытательное засѣданіе (напр., 30—50 человѣкъ). При этомъ, конечно, должны выполняться всѣ специальные сроки, назначаемые факультетами для прохожденія курса (напр., сдача всѣхъ *противовѣтческихъ* предметовъ не позже 2-хъ или 3-хъ лѣтъ со времени поступленія, а всѣхъ вообще предметовъ не позже 3-хъ или 4-хъ и не позже 6-ти лѣтъ и т. д.). Но въ этихъ предѣлахъ студентамъ предоставляется свобода распределенія экзаменовъ¹⁾.

¹⁾ На историко-филологическомъ факультете Казанского университета съ осени 1906 г. установлено три срока экзаменовъ въ теченіе учебнаго года: въ сентябрѣ, январѣ и маѣ, т. е. послѣ лѣтніхъ, рождественскихъ и пасхальныхъ вакаций.

Такая система испытаний не цѣлаго „курса“ студентовъ по цѣлому циклу предметовъ, проходящихъ на данномъ „курсѣ“, а отдельныхъ студентовъ по отдельнымъ предметамъ имѣть большія преимущества передъ теперешней—„курсовой“. При „предметной системѣ экзаменовъ“ невозможна такая неизѣнность, какъ оставленіе студента на второй годъ на томъ же курсѣ,—неизѣнность, приводящая къ тому, что человѣкъ, не удовлетворившій требованіямъ по какой-либо науки, обязуется прослушать рядъ новыхъ курсовъ, при чемъ очень часто какъ разъ тѣ курсы, по которымъ его познанія оказались недостаточными, вовсе не читаются въ томъ году, когда онъ проходить повторительный курсъ. Даѣтъ „предметная система экзаменовъ“ возможность студенту (при желаніи) гораздо лучше использовать время: онъ можетъ назначить два-три испытанія на осеннею полугодіе, когда его работоспособность выше, можетъ сдать особенно трудный предметъ сейчасъ же послѣ лѣтніхъ каникулъ, подготовившись за лѣто, и вообще распределить свои занятія, какъ ему нужно для его цѣлей. Кромѣ того, система эта, разг҃ѣю распределія труда экзаменаторовъ, позволяетъ имъ ближе знакомиться съ экзаменующимися и обстоятельнѣе пронѣрять ихъ познанія. Наконецъ, при очень большомъ наплывѣ студентовъ въ университеты эта система будетъ единственно возможной, потому что сколько-нибудь добросовѣстного испытания 1—2 тысячи студентовъ (какъ это имѣть мѣсто на юридическихъ факультетахъ) въ теченіе одного мая мѣсяца по несколькимъ предметамъ не выдержитъ никакое экзаменаторское здоровье¹⁾.

„Предметная система экзаменовъ“—и это очень важно—совмѣстима рѣшительно со всякой системой учебною плана: факультетской, „отдѣленской“ и „предметной“. Она совершенно не касается того, какія именно науки будетъ изучать студентъ: она предусматриваетъ только то, какимъ образомъ ого знанія будутъ пронѣряться,—и лишь когда можетъ указывать желательную или безусловно обязательную по-

¹⁾ Вопросъ о „предметной системѣ экзаменовъ“ затронутъ въ статьѣ проф. И. Г. Виноградова „Учебное дѣло въ нашихъ университетахъ“ (Вѣт. Евр. окт. 1901) и довольно обстоятельно разработанъ въ „Трудахъ Высочайше учрежденной комиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній“ (С.-Пб. 1903), а именно, въ „Докладѣ о курсовой и предметной системахъ преподаванія и испытаний“ проф. А. С. Алексеева. (Вып. III, стр. 69—75 и „Журналъ засѣданій комиссіи“. Вып. I, стр. 43—63). Смотри также книгу проф. Л. И. Петражицкаго. „Университетъ и наука“, т. I, въ разныхъ мѣстахъ, особенно стр. 94 и слѣд.

слѣдовательность сдачи экзаменовъ по отдельнымъ предметамъ — *внутри всякою данною учебнаю плана*.

„Предметная система экзаменовъ“ въ чистомъ видѣ существуетъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ; напр., въ парижской *École de médecine*.

III.

Совершенно иное представляютъ собою „предметная система учебнаго плана“: эта послѣдняя есть, какъ я сказалъ, дальнѣйшій и необходимый шагъ въ процессѣ расширенія, специализаціи и углубленія научнаго преподаванія.

Для болѣе отчетливаго представленія объ этой системѣ, бросимъ взглѣдъ на исторію университетскаго преподаванія.

Главный прототипъ современныхъ университетовъ — университетъ Парижский—самопроизвольно сложился около 1200 года изъ частнаго союза „вольныхъ“ (т. е. не учившихъ въ офиціальныхъ школахъ того времени: монастырскихъ, епископскихъ, соборныхъ) учителей, изъ которыхъ каждый держалъ маленькую школу. Очень скоро внутри этого союза началась дифференціація по специальностямъ,—стали называться „факультеты“. Такъ какъ университетъ создался въ общемъ для удовлетворенія жизненныхъ, практическихъ потребностей, то главными, „старшими“ факультетами были: богословскій, готовившій къ высшей учено-духовной карьерѣ, юридический (съ двумя подраздѣленіями: права гражданскаго и права каноническаго), готовившій законниковъ, и медицинскій.

Такъ какъ источниками тогдашней науки были, главнымъ образомъ, св. Писаніе съ „отеческой“ литературой и древніе авторы, то для занятій на „старшихъ“ факультетахъ нужно было знаніе, по крайней мѣрѣ, латинскаго языка,—если также и по гречески. И вотъ, для ознакомленія съ латинскимъ языкомъ и для предварительного „общаго“ образованія, скоро выдѣлился самый многолюдный, „подготовительный“ факультетъ, такъ называемый *facultas artium*. Онъ назывался такъ потому, что въ связи съ изученіемъ древнихъ авторовъ и для ихъ пониманія на немъ преподавались знаменитыя „семь свободныхъ искусствъ“ (*septem artes liberales*): грамматика, діалектика, реторика, музыка, ариѳметика, геометрія и астрономія¹⁾). Въ эти

¹⁾ Всѣмъ, конечно, известно, что подъ этими названіями разумѣлось въ средніе вѣка далеко не то содержаніе, какое связывается съ ними сейчашъ. Содержаніе этихъ

семь рубрикъ втискивался тогда весь запасъ научныхъ знаний, полученныхъ средневѣковьемъ отъ древнихъ грековъ и римлянъ.

Съ XV вѣка значеніе „артистического“ факультета начинаетъ необычайно быстро возрастать: семь свободныхъ искусствъ изъ подготовительной школы становятся постепенно основой всего научного знанія. Подъ знаменемъ „грамматики“ и „реторики“ вырастаетъ поэзія гуманистовъ; „ариѳметика“ начинаетъ развиваться въ цѣлую огромную область математическихъ знаний; въ географическихъ интуиціяхъ Джордано Бруно, въ открытіяхъ Коперника, Тихо-дс-Браго, Кеплера, позже Ньютона и др. скромная „астрономія“ древнихъ вырастаетъ въ цѣлую систему міровѣдѣнія; создаются—трудами Галилея, Декарта, Паскаля, Гюйгенса, Бойля и ихъ продолжателей—новая физика. Этотъ процессъ роста науки выдвигаетъ „артистический“ факультетъ на первый планъ: онъ становится центральнымъ факультетомъ и иѣсколько позже полу-часть названіе факультета „философскаго“.

Было ясно однако, что существование „философскаго“ факультета, какъ единаго цѣлая, невозможно. Дальнѣйшій ростъ науки дробить его на два отдѣленія (потомъ становящіяся, въ свою очередь, факультетами): на отдѣленія, соответствующія нашимъ факультетамъ: физико-математическому и историко-филологическому. Надо замѣтить однако, что, напримѣръ, въ Германіи до сихъ поръ „философскій“ факультетъ объединяетъ въ себѣ обѣ эти группы наукъ. То же было и въ Россіи по университетскому уставу 1835 г.; въ этомъ уставѣ фигурировали „философскій“ факультетъ съ двумя „отдѣленіями“: „первымъ“ (историко-филологическимъ) и „вторымъ“ (физико-математическимъ). Но въ общемъ въ теченіе XIX вѣка факультеты историко-филологический и физико-математический совершенно обособляются другъ отъ друга, складываясь во вполнѣ самостоятельный цѣлый.

Однако, специалізація высшаго образования въ этой области не останавливается и на этомъ. Слѣдующимъ ея этапомъ является выдѣленіе, въ составѣ историко-филологическихъ и физико-математическихъ факультетовъ, новыхъ цѣлыхъ—такъ называемыхъ „отдѣленій“. Физико-математический факультетъ распадается на отдѣленія: математическое и естественное, и эта дифференціація становится настолько глубокой, что—за небольшими исключеніями—составъ курса этихъ отдѣленій совершенно различенъ. Внутри историко-филологическихъ фа-

средневѣковыхъ дисциплинъ хорошо характеризовано въ книгѣ Н. В. Сперанской „Очерки по истории народной школы въ Западной Европѣ“.

культетовъ также постепенно сложились отдѣленія,—у настъ въ Россіи: классическое, словесное и историческое¹). Но здесь связь отдѣленій между собою осталась болѣе тѣсной, чѣмъ на факультетѣ физико-математическомъ: по большей части специализація на отдѣленія начинается съ 3-го курса; первые же два курса общі для всѣхъ.

Университетскій уставъ 1884 г. и правила, на немъ основанныя, насильственно и вопреки естественному ходу дѣла вернули курсъ историко-филологическихъ факультетовъ къ его прежней нерасчлененности: отдѣленія были уничтожены и въ основу курса всего факультета были положены древніе языки съ древней литературой и исторіей. Но, какъ и слѣдовало ожидать, попытка эта, стоявшая въ всплывающемъ противорѣчіи съ потребностями самого дѣла, потерпѣла полную неудачу, и прежнія отдѣленія черезъ нѣсколько лѣтъ были възстановлены.

Слѣдующимъ за „отдѣленіями“ шагомъ все въ томъ же направлении дифференціаціи, специализаціи и углубленія научного образования и является „предметная система“ учебнаго курса.

IV.

Вопросъ о специализаціи и углубленіи научного преподаванія на историко-филологическихъ университетахъ затрагивался и въ нашей литературѣ. Но восходя къ болѣе отдаленнымъ годамъ, литературу которыхъ по этому вопросу я не собираюсь, я указу только на кое-что изъ появившагося въ послѣднее время.

Честь почина принадлежитъ, если я не ошибаюсь, проф. П. Г. Виноградову, совершенно отчетливо поставившему этотъ вопросъ въ превосходной статьѣ „Учебное дѣло въ нашихъ университетахъ“, помѣщенной въ октябрьской книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1901 г. Разобравшъ и признавъ негодными для поднятія уровня научного образования какъ полную „свободу слушавія“, такъ и „систему школьнаго прикужденія“, проф. Виноградовъ останавливается, какъ на единственно возможномъ исходѣ, на „усовершенствованіи выработавшейся у настъ исторически системы факультетскаго руководства“. „Вместо общихъ плановъ по факультетамъ или хотя бы даже по отдѣленіямъ, говорить онъ, планы обязательныхъ курсовъ должны быть групповые на менѣе широкомъ, но прочномъ фундаментѣ. Напр., на историко-

¹) Въ Петербургскомъ университѣтѣ, какъ известно, есть еще четвертое отдѣленіе: германо-романско.

филологическомъ факультетѣ можно было бы разрѣшить слѣдующія комбинаціи предметовъ, кромѣ логики и психологіи, которыя должны слушаться всѣми: 1) *древніе языки* (и литература), сравнительное языкознаніе, исторія древней философіи, древняя исторія; 2) *славянскія народы*, славяновѣдѣніе, сравнительное языкознаніе, исторія всеобщей литературы (или исторія русской литературы); 3) *русскіе языки*, исторія русской литературы, исторія всеобщей литературы, исторія философіи, русская исторія; 4) *германскіе* (или романскіе) языки, сравнительное языкознаніе, исторія всеобщей литературы, исторія философіи, всеобщая исторія; 5) *исторія—всеобщая и русская*, исторія философіи и древніе языки (или русскій языкъ и литература, или исторія искусства); 6) *философія*, исторія всеобщей литературы, всеобщая исторія, древніе языки; 7) *исторія искусства*, исторія философіи, всеобщая исторія, исторія всеобщей литературы, древніе языки"... „Я убѣждонъ, говорить проф. Вилоградовъ, что предлагаемая разверстка учебныхъ плановъ будетъ значительно содѣйствовать оживленію интереса и увеличенію успѣшности занятій“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ успѣшно отражаетъ возможныя возраженія противъ этой системы (стр. 568—9), каковыѣ онъ насчитываетъ три. Могутъ сказать: 1) что подобная система придаетъ университетскимъ занятіямъ слишкомъ специальный характеръ, 2) что подобная специализація затруднитъ будущую профессиональную дѣятельность учащихся, 3) что для такой системы у насъ не хватитъ преподавательского персонала.

Далѣе, въ май-юньской книжкѣ „Ученыхъ записокъ Казанскаго университета“ за 1904 г. имѣется цѣнная замѣтка М. М. Хвостова: „Постановка студенческихъ занятій въ Оксфордскомъ университете“. Указавъ на недостатки оксфордской системы университетскихъ занятій—на то, что при ней всѣ силы студентовъ и преподавателей уходитъ на подготовку къ экзаменамъ, что нѣтъ практическихъ занятій по гуманитарнымъ наукамъ, авторъ замѣчаетъ, что несправедливо было бы однако думать, что въ оксфордской системѣ нѣтъ хорошихъ сторонъ... „Одна особенность этой системы безусловно заслуживаетъ подражанія: это разумная специализація экзаменовъ... Обязательные предметы, не имѣющіе прямого отношенія къ главной специальности студента, сведены на экзаменъ до минимума. Этимъ устраивается обремененіе головы студента излишнимъ материаломъ, который все равно забывается по выходѣ изъ университета, а между тѣмъ мѣшаеть студенту сосредоточиться на избранной имъ специальности. Въ то же время экзамены въ Оксфордѣ и не ведутъ къ узкой специализаціи...“

Укажу также на статью проф. М. М. Покровской: „Мысли о реформѣ университетского учебного строя на основѣ предметной системы“, помещенную въ мартовской книжкѣ *Журнала Министерства Народного Просвещенія* за 1906 г. Авторъ ея рассматриваетъ вопросъ, какъ онъ самъ говоритъ, преимущественно съ точки зренія „преподавателей и научно-педагогическихъ институтовъ, разумѣя подъ ними какъ факультеты, такъ и отдѣльныя каѳедры“. Въ частности онъ останавливается на чередованіи читаемыхъ курсовъ, на семестральномъ порядке преподаванія, на соотношениі между энциклопедическимъ и специальнымъ элементами научного образования, на организаціи практическихъ занятій и налагаетъ свой „проектъ каѳедры (мы теперь скажемъ бы: предметной группы) классической филологии“. Кромѣ того, онъ настаиваетъ на необходимости поддерживать возможно большую связь между различными факультетами, иллюстрируя это на примерѣ каѳедры исторіи философіи права, которую онъ считаетъ принадлежащей столько же историко-филологическому, сколько и юридическому факультету.

Итакъ, „предметная система учебного плана“ состоять въ томъ, что при неї вырабатывается не одинъ учебный планъ для цѣлого факультета (или отдѣленія), а рядъ плановъ для болѣе мелкихъ „группъ“, изъ которыхъ въ центрѣ каждой стоять одинъ изъ крупныхъ предметовъ преподаванія, одна изъ системъ наукъ и дисциплинъ, обладающихъ внутренней связностью и единицію. Стоящая въ центрѣ занятій наука (или система наукъ) составляетъ предметъ болѣе детального и глубокаго изученія, а около нея располагаются въ извѣстной системѣ другія, родственные ей науки, изучаемыя, но столь детально, какъ наука основная.

Нѣчто подобное этой системѣ существуетъ, какъ извѣстно, въ германскихъ университетахъ—для экзамена на степень „доктора философіи“. Тамъ экзаменующійся, кромѣ написанія и публичной защиты небольшой диссертациіи, обязанъ сдать экзаменъ по одному „главному“ предмету (*Hauptfach*) и по двумъ „дополнительнымъ“ (*Nebenfächern*). Комбинація этихъ главныхъ и дополнительныхъ предметовъ установлены въ разныхъ университетахъ различныя—съ значительной свободой въ выборѣ дополнительныхъ наукъ.

Приведу, напримѣръ, детально разработанный планъ экзаменовъ на степень доктора на философскомъ факультетѣ Грайфсвальдскаго университета (по книжкѣ М. Baumgart'a: *Grundsätze und Bedingungen zur Erlangung der Doctorwürde. 5 Aufl. Berlin 1898*). Каждый безъ

исключенья кандидатъ на „доктора философія“ подвергается тамъ испытанию по философіи, а затѣмъ по своему главному и по своимъ дополнительнымъ предметамъ.

И въ частности: кандидатъ философія—по всѣмъ философскимъ наукамъ и по одной отрасли дисциплинъ историко-филологическихъ или естественно-математическихъ; кандидатъ археологіи—по археологіи и по греческой и латинской филологии; кандидатъ классической филологии—по греческой и латинской филологии и либо по древней истории, либо по археологіи; кандидатъ германской филологии—по своей специальности и еще по одной изъ филологическихъ или историческихъ наукъ; кандидатъ новой филологии—по романской или англійской филологии и еще по двумъ филологическимъ либо историческимъ наукамъ; кандидатъ лингвистики—по сравнительному языкознанію и по одной отрасли древней либо новой филологии; кандидатъ восточной филологии—по языку, избранному имъ для специального изученія, по языкамъ, родственнымъ этому послѣднему, и по одной отрасли классической филологии. Кандидатъ исторіи долженъ сдать экзамены изъ всѣхъ, отдаловъ исторіи и изъ одной науки филологической. Кандидатъ математики—изъ всѣхъ математическихъ наукъ и изъ физики; кандидатъ физики—изъ физики, математики и химіи; кандидатъ химіи—изъ химіи, физики и одной изъ описательныхъ естественныхъ наукъ; кандидатъ зоологии, ботаники, минералогіи—каждый изъ своей специальности и изъ физики и химіи; кандидатъ географіи—изъ географіи, физики и либо математики, либо одной изъ естественныхъ наукъ (зоологии или ботаники или минералогіи), либо изъ одной изъ наукъ историческихъ. Кандидаты обществознанія (Staatswissenschaft) экзаменуются специально изъ политической экономіи съ финансами и дополнительно изъ исторіи либо изъ государствознанія (Staatslehre).

Такою тиѣль иѣменскихъ экзаменовъ на „доктора философія“. При этомъ не надо забывать, что на „доктора философія“ держать далеко не всѣ студенты философского факультета; большинство, прослушавъ курсы въ теченіе положенного числа семестровъ, прямо сдаютъ ю-сударственные экзамены на должность, программа которыхъ шире программы докторскаго экзамена.

V.

Какой же видъ можетъ принять „предметная система учебного плана“ въ нашихъ университетахъ, и прежде всего на факультетахъ историко-филологическихъ, близко мнѣ знакомыхъ?

И уже говорилъ о раздѣлениі двухъ старшихъ курсовъ историко-филологическихъ факультетовъ на три „отдѣленія“: классическое, словесное и историческое... Этацъ процессъ дифференциаціи не могъ остановиться на образованіи отдѣленій.

Система нашихъ „отдѣленій“ имѣетъ слѣдующія исходства:

1) Она неполна: въ числѣ отдѣленій вовсе нѣтъ, напримѣръ, отдѣленія столь важнаго, какъ философское.

2) Въ отдѣленіяхъ соединяются подчасъ слишкомъ разнородныя отрасли знанія; напримѣръ, подъ рубрикой „словеснаго“ отдѣленія соединены изученіе языка и изученіе литературы, требующія совершенно различныхъ методовъ и различныхъ личныхъ интересовъ и склонностей. Изученіе языка, заставляюще студента углубиться въ физіологии рѣчи, въ переходы звуковъ, въ вопросы о корняхъ, окончаніяхъ, удареніяхъ и т. д., совершенно отлично отъ изученія литературы, для котораго требуется, между прочимъ, интересъ къ вопросамъ эстетики литературныхъ формъ, къ пониманію общественного процесса въ цѣломъ и роли въ немъ литературы, къ исторіи народнаго хозяйства, политическихъ формъ, общественнаго и частнаго быта, психологіи общественныхъ классовъ, значенія религіи и церкви, науки, идеинаго творчества... Это совмѣщеніе двухъ столь разнородныхъ вещей является нерѣдко камнемъ преткновенія для ищущихъ ученыхъ степеной по наукамъ словеснаго отдѣленія: историка литературы затрудняетъ обиліе чисто лингвистического материала, тогда какъ языковѣдъ съ неохотой отвлекается для изученія чисто литературныхъ явлений.

Въ вѣсколько иномъ видѣ проявляется стремленіе въ дифференциаціи внутри „историческаго“ отдѣленія историко-филологического факультета. Задачи и методы исторіи должны быть въ основахъ *своихъ всегда и всегда одинаковыхъ*, каковъ бы ни былъ исторической матеріалъ. Поэтому что предѣлахъ исторического отдѣленія дифференциаціи навязывается не разнородностью по существу изучаемыхъ на немъ наукъ, а колоссальнымъ ростомъ самой исторіи и разнохарактерностью ея источниковъ, въ число которыхъ входятъ и глиняныя плитки съ ассирийскими клинообразными письменами, и средневѣковья латинскія хроники, и греческіе историки, и русскія лѣтописи и писцовая книги, и еврейскія религіозныя книги, и скандинавскія саги, и монетные клады, и развалины дворцовъ и храмовъ въ Микенахъ, Троѣ и т. д. и т. д. Между тѣмъ, современное научное образование признаетъ необходимымъ—для усвоенія самого въ немъ важнаго: *методологіи*—непосредственное ознакомленіе хоть сть какими-нибудь источниками. Прежде

на это обращалось менѣе вниманія: профессора только читали лекціи, на которыхъ выясняли свое собственное пониманіе проблемъ данной науки, и студентъ, хотя бы и желая, не могъ выработать независимаго, личнаго отношенія къ данной области знанія. Онъ либо подчинялся міровоззрѣнію профессора, либо неотчетливо и полубесознательно критиковалъ и отвергалъ его, чувствуя, что оно его не удовлетворяетъ, либо (и это чаще всего) вовсе не заглядывалъ въ принципіальные вопросы науки, ограничиваясь усвоеніемъ фактическаго матеріала и оставаясь совершенно чуждымъ принципіальнаго къ лему отношенія. На „обывательскихъ“ разговорахъ молодожи постоянно сказывалось это бессознательное отношеніе къ главной—принципіально-методологической—сторонѣ науки.

Однако, въ настоящее время пассивное усвоеніе все менѣе начинаетъ удовлетворять и молодежь, и потому среди методовъ занятій самостоятельный работы по источникамъ начинаютъ играть все болѣе и болѣе вицшую роль. Идеальная постановка научныхъ занятій въ наше время необходимо требуетъ не одного сообщенія свѣдѣній, а и возбужденія интереса, вкуса къ самостоятельной работе мысли, что достижимо посредствомъ наглядного примѣра со стороны преподавателей—на практическихъ занятіяхъ по источникамъ. Здѣсь преподаватель можетъ въ полной мѣрѣ воодушевить студента самимъ процессомъ своей работы. Замѣчу, что на этомъ основываются отчасти притягательная сила того демонстративного преподаванія, которое въ такой широкой мѣрѣ практикуется на физико-математическихъ и медицинскихъ факультетахъ (на послѣднихъ клиническія занятія у постели больныхъ).

Въ виду сказаннаго ясно, что належащее преподаваніе исторіи требуютъ дифференціаціи по другой причинѣ: по причинѣ необыкновенности и разнохарактерности ея источниковъ. А отсюда и вытекаетъ возможность дробленія исторического „отдѣленія“ на специальности: всеобщей, русской исторіи, исторіи славянъ, исторіи искусства, религій (и церкви) и т. д.

Такимъ образомъ и складывается новая система преподаванія на историко-филологическихъ факультетахъ. Основныхъ группъ знаній, изучаемыхъ на этихъ факультетахъ, можно считать четыре: 1) языки, 2) литературу, 3) исторія (съ „древностями“, археологіей и цѣлымъ рядомъ другихъ дисциплинъ) и 4) философія (исторія философіи, а также исторіи науки, философская критика и прикладная философская науки: логика, этика, эстетика), съ которой должна непремѣнно

остаться въ тѣсной *принципиальной* и *методологической* связи и *психологии*, хотя бы по материалу своему наука эта и вышла за предѣлы собственно философской области. Эти основные группы знаний могутъ быть раздѣляемы на любое количество „центровъ“ или предметныхъ „учебныхъ плановъ“ въ зависимости отъ практическихъ потребностей и другихъ условий.

Вотъ списокъ группъ „предметныхъ учебныхъ плановъ“, выработанный историко-филологическимъ факультетомъ Московского университета, какъ исчерпывающій циклъ наукъ этого факультета (такъ сказать, „идеальный“ списокъ; въ дѣйствительности не все эти группы оказалось возможнымъ осуществить съ самаго начала):

- 1) группа русскаго языка и словесности (съ секціями: русскаго языка и литературы),
- 2) славянской филологии,
- 3) классической филологии,
- 4) западно-европейскихъ литературъ (съ секціями: романской и германской),
- 5) сравнительнаго языкознанія,
- 6) всеобщей истории,
- 7) русской истории,
- 8) исторіи славянъ,
- 9) исторіи церкви,
- 10) исторіи искусства и археологии,
- 11) философскихъ наукъ (съ секціями: исторіи философіи, психологии и „систематической философіи“—логики, теоріи и критики познаній, этики и т. д.).

Детальный планъ „предметной системы“ выработалъ также историко-филологическимъ факультетомъ Казанского университета. Въ немъ признано возможнымъ (въ соответствии съ количествомъ наличныхъ преподавательскихъ силъ) теперь же осуществление слѣдующихъ 8 группъ: 1) русскаго языка, 2) русской литературы, 3) славянскихъ языковъ, 4) славянскихъ литературъ, 5) классической филологии, 6) сравнительнаго языкознанія, 7) всеобщей истории, 8) русской исторіи. Кроме того, признана необходимость образования философской группы, немедленное осуществление которой оказалось невозможнымъ лишь по чисто фактическимъ условіямъ.

Такимъ образомъ, число и содержаніе „предметныхъ группъ“, принятыхъ факультетами московскимъ и казанскимъ, не совсѣмъ совпадаютъ. Две секціи московской „группы русскаго языка и словес-

ности" стали въ Казани самостоятельными группами; московская группа "славянской филологии" распалась въ Казани также на двѣ: славянскихъ языковъ и славянскихъ литературъ. За то въ Казани оказалось невозможнымъ учрежденіе группъ: западно-европейскихъ литературъ, исторіи славянъ, исторіи церкви, исторіи искусства и археологіи и (временно) группы философскихъ наукъ.

Извѣстное приближеніе къ "предметной системѣ" учебнаго плана введено съ 1906—1907 учебнаго года также въ Киевскомъ университѣтѣ. Тамъ введено съ этого года 10 "спеціальностей", одну изъ которыхъ выбираетъ каждый студентъ. Предметами философской "спеціальности" являются: 1) логика, 2) психологія, 3) введеніе въ философію, 4) латинскіе авторы, 5) греческіе авторы, 6) кромѣ того, отдельно Платонъ и Аристотель, 7) исторія древней, 8) средневѣковой и 9) новой философіи, 10) педагогика и 11) эстетика; кромѣ того, обязательно участіе въ теченіе 4 семестровъ въ практическихъ занятіяхъ по философіи. Всѣ эти предметы сдаются въ государственныхъ испытательныхъ комиссіяхъ. Кромѣ нихъ, студентъ долженъ прослушать еще рядъ курсовъ "дополнительныхъ", подводящихъ каждого студента подъ одно изъ трехъ, еще не отмѣненныхъ у насъ по закону "отдѣлений": классическое, словесное или историческое. Экзамены по этимъ "дополнительнымъ" предметамъ сдаются въ факультетахъ по мѣрѣ прослушанія курсовъ; сдача ихъ даетъ право на преподаваніе въ средн.-учебныхъ заведеніяхъ древнихъ языковъ, словесности или исторіи.

Нѣсколько болѣе сложнымъ характеромъ отличается система, принятая въ Петербургскомъ университѣтѣ. Тамъ извѣстная спеціализація допускается въ предѣлахъ четырехъ существующихъ отдѣлений (классического, словеснаго, германо-романскаго и историческаго)¹⁾.

Надо имѣть въ виду, что прохожденіе курса по "предметной системѣ", углубляя занятія центральной наукой, можетъ не подвергать, тѣмъ не менѣе, студента опасности излишней и узкой спеціализаціи. Постановка въ центрѣ занятій одной какой-либо науки (или даже одного отдѣла ея) обозначаетъ только то, что данная наука (или ея отдѣлъ) изучается болѣе детально и глубоко; къ этой именно науцѣ или ея отдѣлу пріурочиваются главныя изъ практическихъ занятій студента. Но это вовсе не значитъ, что должно изъ числа главныхъ

¹⁾ Детально эта система была изложена проф. А. И. Введенскимъ въ преміяхъ, вызванныхъ настоящимъ рефератомъ въ С.-Пб. Философскомъ обществѣ.

или „основныхъ“ предметовъ исключаются всѣ другія науки: науки ближайшія къ центральной также проходятся, но только безъ практическихъ запятій или съ меньшимъ ихъ количествомъ.

Дальнѣйшее расширение познаній студента вносится курсами дополнительными или „вспомогательными“, среди которыхъ студенту можетъ быть предоставленъ въ извѣстныхъ предѣлахъ выборъ—въ зависимости отъ его личныхъ склонностей или отъ необходимости подготовиться къ предстоящей профессиональной дѣятельности. Общая же связь всей данной отрасли науки и общія методологическая и философская основы могутъ быть даваемы рядомъ вводныхъ или „пропедевтическихъ“ курсовъ, которые будутъ, конечно, болѣе или менѣе тождественными для всѣхъ студентовъ факультета.

Чтобы дать понятіе о составѣ группы, укажу, напримѣръ, на то, что—по московскому „плану историко-филологическихъ группъ предметовъ преподаванія“—студентъ, проходящій курсъ по группѣ *русской истории*, не только слушаетъ, но и занимается въ семинаріяхъ по всеобщей истории (только въ меньшемъ, сравнительно съ русской исторіей, объемѣ). Даѣте, цѣлый рядъ дисциплинъ, расширяющихъ подготовку такого студента, предлагается въ числѣ „вспомогательныхъ курсовъ“: тутъ и философія в методологіи исторіи, и исторія новой философіи, географія Россіи, исторія русской церкви, исторія русской литературы, исторія западно-европейскихъ литературъ XVII—XIX вв., исторія русского искусства и т. д.

Наконецъ, въ числѣ „пропедевтическихъ“ курсовъ мы находимъ въ московскомъ планѣ логику, психологію, „обзоръ философскихъ проблемъ“ (мы предпочли бы укрѣпившійся терминъ: введеніе въ философію), „очеркъ физической и духовной сторонъ явлений языка“, греческихъ и латинскихъ авторовъ и еще 3—4 курса, варірующіе по группамъ (напр., государственное право, элементы гражданского права и политическая экономія для историковъ, славянскіе языки—для группы по „исторіи славянъ“).

VI.

Укажу теперь на отношеніе „предметной системы учебныхъ плановъ“ къ „государственнымъ испытаніямъ“ (на должностъ). Предметная система вводится въ цѣляхъ лучшей постановки *научного образования*; она не считается съ потребностями будущей практической дѣятельности студентовъ. Между тѣмъ, главная масса труда лицъ, прошедшихъ курсъ историко-филологического факультета, погло-

щается преподавательской дѣятельностью: они занимаютъ мѣста учителей русскаго языка, исторіи и географіи, древніхъ языковъ и „философской пропедевтики“. Поэтому государство можетъ установить, по крайней мѣрѣ, четыре программы на званіе учителя, соответствующія этимъ специальностямъ (существующія программы государственныхъ экзаменовъ по отдѣленіямъ—классическому, словесному и историческому—сложились имѣни въ этихъ видахъ: философская пропедевтика тогда еще не преподавалась въ гимназіяхъ). И вотъ, можетъ оказаться, что ни одна „групповая“ программа не совпадаетъ вполнѣ ни съ одной программой государственного экзамена. Тогда студенту, намѣчающему себѣ ту или другую преподавательскую специальность, придется приобрѣтать свѣдѣнія (по подостающимъ до „программы испытанія на должность“ наукамъ) частнымъ образомъ—либо по учебникамъ, либо слушаніемъ курсовъ за предѣлами своей „группы“. Это неудобство—возможное несовпаденіе программъ университетскихъ занятій съ программами испытаній на должность (если таковы будуть)—надо имѣть заранѣе въ виду. Вообще этотъ вопросъ потребуетъ детальнаго разсмотрѣнія и решенія въ ближайшее же время—даже и помимо его связи съ введеніемъ предметной системы. Насколько мнѣ известно, мнѣнія совсѣмъ русскихъ университетовъ въ этомъ вопросѣ существенно разошлись: одни полагаютъ, что университетъ долженъ дѣлать свое ученено-педагогическое дѣло и экзаменовать изъ преподаваемыхъ курсовъ, совершенно не считаясь съ тѣмъ, какія требованія предъявлять государство на экзаменахъ на должность и будуть вообще или нѣтъ такие экзамены. Другое стоять за то, чтобы никакихъ государственныхъ экзаменовъ не было, чтобы всѣ испытанія исчерпывались тѣми, какимъ студентъ подвергается со стороны своего факультета. Третыи ищутъ средняго пути, дѣлая общий циклъ экзаменовъ по изучаемымъ наукамъ между факультетомъ и государственными комиссіями, при чёмъ одни хотѣли бы оставить въ рукахъ факультетовъ экзамены по основнымъ курсамъ, сдавъ въ комиссіи вспомогательные предметы, другое же—настаиваютъ на обратномъ распределеніи. Это сложный вопросъ, на которомъ я больше останавливаться здѣсь не буду.

Если взять топорешнія программы государственныхъ экзаменовъ по историко-филологическому факультету, то мы найдемъ даже въ нихъ все же значительное соответствие съ университетскими занятіями по предметной системѣ: студенты, проходящіе курсъ по „группамъ“ всеобщей, русской и славянской исторіи, будутъ—почти безъ

пополненія пройденного ими въ университетѣ—готовы къ экзаменамъ по историческому отдѣлению; студенты съ „группъ“ русскаго языка и словесности, западно-европейскихъ литературы и славянской филологии такимъ же образомъ будуть въ состояніи держать по отдѣлению словесному; классики и сравнительные языковѣды—по классическому. Въ болѣе затруднительному положеніи окажутся студенты, работавшіе по группамъ: исторіи искусства и исторіи церкви; имъ придется больше добавлять къ пройденному въ своей группѣ, чтобы выдержать экзаменъ, напримѣръ, на „учителя исторіи“. Не смотря на нѣкоторыя возможныя неудобства, надо имѣть въ виду, что только такая комбинація научныхъ занятій съ подготовкой къ практической работѣ можетъ удовлетворить какъ потребностямъ служебной дѣятельности, такъ и личнымъ интересамъ отдѣльныхъ студентовъ и современнымъ требованіямъ дифференцировавшагося и усложнившагося научного образования.

Государство же, со своей стороны, должно пересмотрѣть требования, предъявляемыя на экзаменахъ на должность, придавъ имъ вниманіе обѣ стороны дѣла—какъ научную, такъ и практико-педагогическую. Оно можетъ также регулировать и переходъ учителей съ одной специальности на другую (или расширеніе ихъ дѣятельности на нѣсколько специальностей, что особенно часто будетъ имѣть мѣсто въ провинції—тамъ, где школъ мало и дифференцировки специальностей провести нельзя). Исключительно, однако, что человѣкъ, усвоившій въ университетѣ методологію хотя бы *одной* изъ отраслей историко-филологическихъ наукъ и знакомый въ общихъ чертахъ (изъ пропедевтическихъ и вспомогательныхъ курсовъ) съ методами другихъ отраслей ихъ, безъ большого труда окажется въ состояніи не хуже теперешнихъ (тоже далеко не всегда *специально* подготовленныхъ) учителей преподавать и предметы, не входившіе въ ого специальную „группу“... Въ московскомъ планѣ предметной системы потребность студентовъ въ подготовкѣ къ государственнымъ экзаменамъ принята во вниманіе въ формѣ слѣдующаго положенія: выполненію обязательнаго для студента „группового плана“ не можетъ занимать у него никогда болѣе 15 недѣльныхъ часовъ; остальные часы онъ можетъ употреблять на слушаніе предметовъ, либо интересующихъ его лично либо требующихъ на государственномъ экзаменѣ.

Изъ другихъ практическихъ условій „предметной системы учебнаго плана“ надо указать слѣдующее, въ высшей степени важное: система эта, для своего достойнаго проведения на практикѣ, требуетъ *большою*

количество преподавательскихъ силъ. Прежде всего, самые курсы наукъ, при этой системѣ, должны быть специальны, глубже и многочисленнѣе, чѣмъ при прежнемъ порядке. Даѣте, практическія занятія обязательны для каждого студента; а практическія занятія, требующія непосредственного общенія преподавателя съ каждымъ слушателемъ и массы чисто индивидуальныхъ умозаній, немыслимы при большомъ числѣ слушателей,—необходимо дѣленіе общей ихъ массы на болѣе тѣсные кружки, занимающіеся параллельно подъ руководствомъ нѣсколькихъ преподавателей одного и того же предмета. Въ силу этихъ требованій, и.и. Московскому, напримѣръ, университету изъ 11 намѣченныхъ „идеальнымъ“ планомъ группъ въ 1906—1907 учебномъ году оказалось возможнымъ полностью организовать только шесть (а именно, группы: русскаго языка и словесности, славянской филологии, классической филологии, сравнительного языкознанія, всеобщей истории и русской истории); частично организованы двѣ: западно-европейскихъ литературу и философию („преимущественно соціїзмъ исторіи философіи“,—хотя въ Московскому университѣтѣ *ни* преподавателей философіи); остальная же три — исторіи славянъ, исторіи церкви и исторіи искусства и археологіи — не организованы вовсе.

VII.

Прибавлю нѣсколько словъ о предметной системѣ на другихъ факультетахъ.. Вездѣ возможность ся проведения опредѣляется, съ одной стороны, степенью расширенія матеріала и специализаціи изученій внутри данной отрасли наукъ, а съ другой — потребностями практики. Установить все это могутъ, конечно, только специалисты; я же позволю себѣ сдѣлать лишь нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній.

На медицинскихъ факультетахъ „предметная система“ составляетъ давно назрѣвшую потребность въ области подготовки специалистовъ на „докторантскомъ“ экзаменѣ и въ дѣлѣ составленія диссертаций. Въ подготовкѣ же собственно практическихъ врачей роль ся, по-видимому, можетъ быть лишь очень ограниченной: огромное большинство врачей условіями жизни вынуждены быть „врачами вообще“, и поэтому специализація можетъ касаться лишь второстепенныхъ отраслей медицинской науки, и.и. родѣ зубныхъ, ушиныхъ и горловыхъ, болѣзней, нѣкоторыхъ соціальныхъ терапій и т. п.

На юридическихъ факультетахъ „предметная система“ можетъ имѣть гораздо болѣе широкое приложеніе. Три главныхъ отрасли

наукъ этого факультета: науки экономической, государственных и собственно-юридическая и соответствующая этому области практики: народное хозяйство, администрация и судь — даютъ готовыя основы для специализаций преподавания, съ сохраненіемъ въ каждой группѣ; иѣкоторыхъ „общихъ“ съ другими группами курсовъ.

На факультетѣ физико-математическомъ роль „предметной системы“ можетъ быть еще больше. На „естественныхъ“ отдѣленіяхъ, гдѣ практическія занятія имѣютъ такое большое значеніе, известная специализация существуетъ уже и сейчасъ, и предметной системѣ остается со урегулировать и провести болѣе систематически. На отдѣленіяхъ „математическихъ“, какъ кажется, сравнительно рѣже прибѣгаютъ — для развитія въ студентахъ научного мышленія — къ чтенію, реферированию и самостоятельной обработкѣ классическихъ произведений математической литературы (играющихъ до извѣстной степени роль, аналогичную съ „источниками“ у историковъ). Но если бы этотъ принципъ практиковался, то вполнѣ возможно было бы дифференцировать самостоятельный занятія студентовъ по специальностямъ: напримѣръ; математики, механики, астрономіи и физики. Кроме того, можно было бы ввести дополнительные, болѣе специальные курсы для каждой изъ „группъ“.

Въ общемъ „предметная система учебного плана“ представляетъ въ высшей степени цѣлесообразную и подсказываемую всѣмъ ходомъ развитія науки попытку улучшить научное преподаваніе, возвести его на болѣе высокій уровень. Надо только, повторю, имѣть въ виду, что она требуетъ гораздо большей, сравнительно съ прежнимъ порядкомъ, затраты преподавательскихъ силъ, а потому и материальныхъ средствъ и организаторскаго труда со стороны факультетовъ, университетскихъ, согѣтницъ и всѣхъ другихъ учрежденій, имѣющихъ влияніе на высшее научное образованіе. Нельзя не пожалеть, чтобы опытъ введенія въ настѣнъ удался. Конечно, такое сложное дѣло не можетъ обойтись безъ колебаній, не можетъ не встрѣтить различныхъ затрудненій. Но этимъ не надо смущаться: настойчивостью всѣ эти затрудненія можно побѣдить,—по сущности своей они не непреодолимы.

VIII.

Перехожу теперь къ „группѣ философскихъ наукъ“. Здѣсь прежде всего выявляется вопросъ о ея составѣ, т. е. о тѣхъ наукахъ, которые должны на ней изучаться. Въ томъ, что такая группа необходима въ числѣ другихъ, сомнѣнія быть не можетъ: только она въ со-

стояній подготовить, какъ съдѣаетъ, специалистовъ и школьніхъ учителей по столь важной отрасли знанія; кромѣ того, она должна имѣть большое общесобразовательное значеніе.

Я начну съ обзора извѣстныхъ мнѣ попытокъ установления цикла наукъ такой „философской группы“¹⁾.

Въ составѣ американского Cornell University (въ г. Итакѣ штата Нью-Йоркъ) существуетъ особый „философскій факультетъ“ подъ наименіемъ Sage School of Philosophy. Въ курсъ этой школы входятъ слѣдующія науки и группы наукъ: 1) логика; 2) психология; 3) этика; 4) исторія и философія религіи; 5) метафизика и „эпистемология“ (т. е. теорія познанія); 6) исторія философіи и 7) нѣкоторые курсы изъ другихъ областей знанія (названные въ программѣ relaxed courses in other departments).

При этомъ въ отдѣль логики указаны слѣдующіе курсы: а) элементы логики, б) логика и методы наукъ, в) семинаръ по новѣйшимъ логическимъ теоріямъ. Въ отдѣль психологии: а) начальный курсъ психологии, б) курсъ для болѣе подготовленныхъ (включая экспериментальную и физиологическую психологію) и в) психологический семинаръ в занятія въ лабораторіи. Подъ рубрикой этики мы находимъ: а) элементы этики, б) христіанскую этику, в) основные проблемы этики, г) исторію этики, д) практическую или прикладную этику и е) семинаръ по этикѣ. Четвертый отдѣль (исторія и философія религіи) не дифференцированъ; въ пятомъ же (метафизика и эпистемология) указаны курсы: а) систематическая теорія познанія, б) курсъ о рационализмѣ и эмпиризмѣ, в) курсъ объ интуиціонизмѣ и критицизмѣ и г) семинаръ по метафизикѣ.

По исторіи философіи указаны курсы: а) исторія древней философіи (Греція, Александрийская философія, Римъ), б) особый курсъ, посвященный специальному сочиненію въ философіи Платона и Аристотеля, в) исторія средневѣковой философіи, г) исторія новой философіи, д) современная измѣщающая, французская и англійская философія, е) текущая философская литература.

Наконецъ, изъ другихъ областей знанія указаны, въ качествѣ дополнительныхъ предметовъ: а) химія и философія химіи (chemistry and chemical Philosophy), б) систематическая физика и основная теорія физики, в) физіология и біология (включая анатомію мозга), г) особый

¹⁾ При этомъ я оставляю въ сторонѣ всѣ попытки установления курса „педагогическихъ“ факультетовъ, какъ не имѣющія прямого отношенія къ нашей темѣ.

курсъ по литературѣ (the higher literature) Грекіи и Германіи, д) общество вѣдѣніе (political science), политическая экономія, римское и международное право, е) частичный, политический и религіозный бытъ и учрежденія индусовъ, грековъ и римлянъ, ж) теоретическая и критическая педагогика.

Курсы, читаемые въ этой школѣ, предназначаются частію для студентовъ (undergraduates) Корнельскаго университета, ищущихъ общаго ознакомленія съ элементами философскихъ наукъ, проинтуценно же для лицъ, окончившихъ курсъ (graduates) и желающихъ подготовиться къ общественной службѣ (въ качествѣ пасторовъ, учителей, профессоровъ и т. д.), притомъ имѣющіхъ возможность въ теченіе значительного периода времени („желательно не менѣе двухъ лѣтъ, при возможности три или даже четыре года“, какъ сказано въ проспектѣ) отдастися исключительно изученію философскихъ наукъ. Степень магистра дается послѣ минимумъ одного года, степень доктора послѣ грехъ лѣтъ занятій. При школѣ есть богато обставленная психологическая лабораторія и сподіальная библиотека съ большой комнатой для семинарскихъ занятій. Преподавательский персоналъ школы состоять изъ 11 лицъ съ профессорами: Шурманомъ, Крейтономъ, Тиченеромъ и Свіли (Thily) во главѣ.

Какъ видно изъ сказаннаго, Sage School of Philosophy не вполнѣ аналогична по своимъ задачамъ съ нашими факультетами: она назначается преимущественно для лицъ, уже прошедшихъ университетскій курсъ. Къ тому же я не имѣю указаний относительно того, представляетъ ли весь курсъ школы одно цѣлое или же слушатели могутъ выбирать по ихъ желанію тѣ или другіе курсы въ отдѣльности, а также есть ли въ этомъ отношеніи какія-либо ограниченія (въ смыслѣ порядка слушанія курсовъ и т. д.). Точно такъ же не могу я сказать и того, соответствуютъ ли читаемые въ этой школѣ курсы по объему и серьезности нашимъ или же представляютъ иѣчто болѣе элементарное.

Однако для нашей цѣли все это имѣть второстепенное значеніе: мы имѣемъ русскую попытку установить составъ преподаванія изъ „философской группѣ“ въ томъ „Основномъ планѣ историко-филологическихъ группъ предметовъ преподаванія въ Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ“, о которомъ мы говорили выше.

На выработку московскаго плана затрачена, несомнѣнно, масса труда и творчества; имъ окончательно установлены многія детали организации предметной системы.

Вполнѣ признавая это значеніе московскаго плана, я нахожу все-таки, что оно представляеть собою въ отдѣлѣ философскихъ наукъ не окончательное решеніе вопроса, а лишь одну изъ стадій его разработки. Будучи съ нимъ не согласенъ по цѣлому ряду довольно существенныхъ пунктовъ, я позволю себѣ въ дальнѣйшемъ предложить нѣсколько иной планъ организаціи философской группы.

Мы даемъ цѣликомъ часть этого плана, касающуюся философскихъ наукъ. Занятія по этому плану, какъ уже отчасти было указано выше, состоять: 1) изъ курсовъ пропедевтическихъ, 2) изъ основныхъ курсовъ, 3) семинарій и 4) вспомогательныхъ курсовъ, какъ дополненія и развитія курсовъ основныхъ. Среди величины каждого отдѣльного курса (лекціоннаго и семинарскаго) прината въ четыре семестровыхъ часа въ недѣлю (или два годовыхъ). Пропедевтическіе и основные курсы, а также семинаріи, перечисленные въ планѣ, обязательны *всю*; очевидно, что и „вспомогательные“ курсы должны быть прослушаны *всю*¹⁾. Однако, такъ какъ по этимъ курсамъ „испытанія вообще не обязательны“ („хотя и могутъ быть назначены въ отдѣльныхъ случаяхъ въ той или другой формѣ, напр., при тѣсной связи курса съ предстоящимъ семинаріемъ“), то этотъ пунктъ является однимъ изъ слабыхъ мѣстъ московскаго „плана“. Можно поручиться, что—въ виду такой неурганизованности прохожденія „вспомогательныхъ“ курсовъ—занятія по большинству (если не по всѣмъ) изъ нихъ сведутся къ одной записи на нихъ, и общіе размѣры настоящихъ обязательныхъ занятій упадутъ въ секціи исторіи философіи до 36 часовъ, т. е. при предположеніи 4-годичнаго прохожденія курса—до 9 часовъ въ годъ (и полугодіе), въ секціи психологіи до 38 часовъ (т. е. до 9½ часовъ въ годъ) и въ секціи „систематической философіи“—до 40 часовъ (10 часовъ въ годъ). Конечно, эти цифры нѣсколько повысились бы, если бы въ нашихъ

¹⁾ Это вытекаетъ изъ слѣдующаго. Въ „объяснительной запискѣ“ къ „основному плану историко-филологическихъ группъ предметовъ преподаванія“ мы читаемъ, что „обязательными занятія по отдѣльнымъ группамъ предположены въ количествѣ приблизительно 15 недѣльныхъ часовъ“, т. е. значитъ, 60 часовъ на четыро года. Но приближающіяся къ этой цифре получаются лишь при признаніи обязательными *всю* „вспомогательныхъ“ курсовъ; однако для секціи исторіи философіи и при этомъ предположеніи получаются всего 26 курсовъ, значить (при 4-часовой семестровой или 2-часовой годичной нормѣ курса) 62 часа (т. е. лишь по 18 недѣльныхъ часовъ на годъ и на полугодіе); для секціи психологіи 56 часовъ (т. е. по 14 часовъ на годъ) и для секціи „систематической философіи“ 61 часа (т. е. 16 часовъ на годъ).

университетахъ утвердился болѣе короткій—7 или 6 семестровой курсъ, о которомъ (правда, очень неопределѣнно) упоминается и въ „планѣ“: „но отдельными группами, читаюмыми тамъ, при комбинаціи очередныхъ обязательныхъ курсовъ съ неочередными и параллельными возможно прохожденіе курса въ 7 или 6 семестровъ“.

Размѣръ обязательныхъ занятій философскими предметами въ 9 или 10 недѣльныхъ часовъ ежегодно самъ по себѣ, какъ мы кажется, совершенно достаточенъ, и на немъ можно было бы остановиться (какъ мы въ дѣлаемъ въ проектѣ, предлагаемомъ въ дальнѣйшемъ изложеніи), если бы онъ дополнялся компактной группой обязательныхъ же „вспомогательныхъ“ (или, если угодно, „дополнительныхъ“) курсовъ, имѣющими внутреннюю связность и очевидную практическую цѣль, а не сводящихся къ пестрой мозаикѣ разрозненныхъ отрывковъ—наукъ, обязательныхъ только для „запаса“ на нихъ (на этомъ я остановлюсь еще въ дальнѣйшемъ). (См. табл. на стр. 24).

IX.

По поводу этого плана можно, мы кажется, сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Выдѣленіе въ особую секцію психологіи, конечно, вполнѣ рационально; но принципъ, на которомъ построены двѣ другіе секціи, т. е. противоположеніе „историческаго“ трактованія философіи „систематическому“ (или, точигре, можетъ быть, было бы сказать: теоретическому), представляется намъ неудачнымъ и потому испрѣляемымъ. Въ философіи исторический элементъ совершение неотдѣлимъ отъ теоретического. Не будемъ говорить уже объ „эстетической“ точкѣ зрѣнія на философію, съ которой каждая философская система представляетъ иѣкоторое художественное произведение, иѣкоторый монументъ, заслуживающій изученія, какъ таковой, въ связной законченности изящно построеннаго цѣла; эта точка зрѣнія, наизываемая иногда еще „монументальной“ и имѣющая защитниковъ (напр., на 2-мъ международномъ философскомъ конгрессѣ ее защищали итальянскій проф. Кантоні), не допускаетъ никакой теоретической философіи помимо этого ряда законченныхъ системъ: каждымъ изучающимъ можетъ быть усвоена, конечно, одна изъ этихъ системъ, но этотъ выборъ можетъ быть сдѣланъ только на основаніи индивидуальныхъ склонностей и вкусовъ, коренящихся въ структурѣ всей личности человѣка, а не на основаніи тѣхъ или другихъ логическихъ достоинствъ системы... Оставимъ въ сторонѣ это пониманіе философіи; признаемъ (какъ это и слѣдуетъ), что въ философіи, кроме цѣпи философскихъ системъ,

Учебный планъ по группѣ философскихъ наукъ, принятый историко-филологическимъ факультетомъ Московскаго университета.

Пропедевтическіе курсы.

1. Логика.	}	в гносеологии.
2. Психология.		
3. Обзоръ философскихъ проблемъ.		
4. Платонъ и Аристотель.		

5. Цицеронъ и Лукреций.

Основные курсы.

1. Исторія древней философіи.	}	в систематической философіи:
2. " средневѣковой "		
3. " новой "		
4. " вѣковичн. "		

- a) Секція исторіи философіи:
5. Исторія восточной философіи.
 6. Исторія педагогическихъ ученихъ.
 7. Исторія религіозныхъ идей.
 8. Исторія материалистической философіи.

b) Секція психологии:

5. Психология.
6. Основы общей педагогики.
7. Педагогическая психология.
8. Исторія педагогическихъ ученихъ.
9. Очеркъ физической и духовной стороны явленій языка.

c) Секція систематической философіи:

5. Логика.
6. Гносеология.
7. Этика (основные проблемы и история).
8. Эстетика (теорія и исторический обзоръ).
9. Исторія философскихъ взглядовъ на природу.
10. Исторія религіозныхъ идей.

Семинары.

1. Платонъ и Аристотель.	}	в систематической философіи:
2. Философія до Канта.		
3. Канта.		
4. Философія послѣ Канта.		
5. Всеобщая история (методология изученія историческихъ явле-ний).		

- 1—2. Психология.
- 3—4. Экспериментальная психология.
5. Исторія педагогики.

1. Логика.
2. Гносеология.
- 3—5. Прочие основные предметы.

Вспомогательные курсы.

1. Исторія XVII—XIX вѣковъ.
2. Исторія литературы XVII—XIX вѣковъ.
3. Исторіческий очеркъ основныхъ учений наукъ физико-химическихъ.
4. " " " " биологическихъ.

Къ секціи а:

5. Исторія Греціи.	}	в систематической философіи:
6. " греко-римской эпохи.		
7. " средневѣковой культуры.		
8. Исторія политическихъ учений.		

Къ секціи б:

5. Анатомія человека.
6. Физиология.
7. Гистология.
8. Анатомія и физиология органовъ чувствъ.
9. Физиология и гигиена дѣтского возраста.

Къ секціи с:

5. Физика.
6. Химія.
7. Общая физиология.
8. Сокращенный курсъ математики.
9. Исторія математики.
10. Сокращенный курсъ механики и исторія съ природопознаніемъ.
11. Общая теорія права.
12. Этнологія.

есть и запасъ общеобязательныхъ положеній, могущій составить объектъ „систематического“ (или „теоретического“) изученія. И все же мы увидимъ, что даже такія основыныи теоретическія философскія дисциплины, какъ „теорія познанія“, насквозь пропитаны историческимиъ материаломъ. Въ любомъ руководствѣ по теоріи познанія на каждомъ шагу встрѣчаются такія выраженія, какъ „рationalизмъ Декарта“, „средневѣковый реализмъ“, „номинализмъ Беркли“, „агностицизмъ Спенсера“ и т. д.; масса теоретическихъ терминовъ становятся понятныи только при болѣе или менѣе детальному знаніи исторіи философіи. Къ философіи можно до извѣстной степени приложить то, что говорится иногда о соціологии: соціологические законы очень трудно устанавливать, а потому ихъ даютъ, такъ сказать, *почувствовать* на конкретномъ материалѣ, заставляютъ каждого изучающаго исторію самого отыскивать ихъ въ конкретной дѣйствительности той или другой эпохи. И какъ соціологію преподаютъ такимъ образомъ „подъ схемой времени“ въ видѣ исторіи, такъ и философію, основные законы ея развитія, ея внутренній строй и взаимоотношенія ея частей, ея основные типы и точки зреінія слѣдуетъ въ значительной степени почерпать изъ исторіи философіи.

Повидимому, невозможность раздѣленія этихъ элементовъ была въ нѣкоторыхъ случаяхъ не чужда и мысли авторовъ московскаго плана. Такъ, напримѣръ, относительно этики и эстетики они прямо указываютъ, что эти дисциплины будуть преподаваться *какъ* теоретически, *такъ* и исторически.

Наконецъ, можно спросить: заслуживаетъ ли секція „систематической философіи“ своего названія, если изъ 10 входящихъ въ все основныхъ курсовъ 6 *чисто историчны* (исторія древней, средневѣковой, новой и новѣйшей философіи, исторія философскихъ взглядовъ на природу и исторіи религіозныхъ идей), 2 *полуисторичны*, *поддугтеоретичны* (этика и эстетика) и только 2 *чисто теоретичны* (логика и гносеология)? Но можно утверждать съ полнымъ правомъ, что и эти послѣднія дисциплины нельзя, какъ слѣдуетъ, преподавать, не введя студента въ ихъ исторію...

Всѣ эти недоумѣнія объясняются тѣмъ, что въ основаніе дѣленія было положено такой принципъ, по которому въ дѣленіе случаѣ произвести дѣленіе неудобно. Повидимому, гораздо болѣе филосообразнымъ было бы положить въ основу раздѣленія этихъ секцій (поскольку онѣ различны) другой принципъ—различие между философіей *наукъ о природѣ* и философіей *наукъ о культурѣ и обществѣ*,—при

сохраненіи, конечно, въ обвихъ, въ качествѣ связующаго цемента, философской теоріи познанія и исторіи философіи.

Такое дѣленіе, по нашему мнѣнію, имѣло бы въ своей основе болѣе существенный признакъ и, следовательно, было бы болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ противоположеніе исторического и теоретического трактованія однихъ и тѣхъ же проблемъ.

Правда, историки философіи часто ставятъ въ очень тѣсную связь общественный ученія философовъ съ ихъ общей теоретической философіей. Но сплошь и рядомъ эта тенденція оказывается вредной и искалечаетъ дѣйствительное положеніе дѣль: общественные теоріи въ гораздо большей степени объясняются изъ связи со всему совокупностью общественно-историческихъ условій, чѣмъ изъ теоретическихъ построений ихъ авторовъ; они тѣснѣе связаны съ исторіей эпохи, въ которую они возникли, чѣмъ съ моментами чисто логическими, совершенно независимыми отъ условій данной дѣйствительности. Правда, иногда философы сами стараются представить свои общественные воззрѣнія въ видѣ системы положеній, дедуктивно выведенныхъ изъ ихъ теорій общаго характера. Но на этомъ пути они почти всегда постигаютъ неудача, особенно отчетливо замѣтная, напр., у Канта¹⁾.

И мнѣ кажется, что, если бы въ московскомъ планѣ былъ принятъ предлагаемый мною принципъ, то при составленіи программы секціи исторіи философіи оказалось бы возможнымъ обойтись безъ нѣсколько ограничивающихъ на первый взглядъ набора, въ видѣ „основныхъ“ курсовъ, какихъ-то разрозненныхъ „остатковъ“ изъ исторіи философіи (исторія восточной философіи, исторія педагогическихъ ученій, исторія религіозныхъ идей, исторія патристической философіи); а то получается впечатлѣніе, какъ будто придумывали, что бы еще помѣстить „историческое“ въ секцію исторіи философіи...

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію предлагаемаго мною проекта „философской группы“, я позволю себѣ указать на нѣкоторыя другія недоумѣнія, возбуждаемыя московскимъ планомъ.

¹⁾ Проявленіемъ здоровой реакціи противъ этой разновидности „интолоктуализма“ въ общественной философіи является недавно выходившая талантливо (хотя и съ нѣкоторыми преувеличеніями) написанная книга г. К. Сискина: *Очерки по философии общественныхъ наукъ. Выпускъ I: Общественные науки и теоретическая философия* (Варшава. 1907), авторъ которой поставилъ себѣ цѣлью доказать, что въ дѣйствительности общественные науки развивались всегда независимо отъ построений теоретической философіи.

Прежде всего, счѣдуетъ, кажется, пожалѣть о томъ, что московской планъ не ввелъ въ число „пропедевтическихъ“ (обязательныхъ для всѣхъ трехъ секцій философской группы) курса, въ столь высокой степени образовательного, какъ общее языковѣданіе¹⁾. Студенты философской группы, имѣющіе тамъ много дѣла съ идеями, теоріями, должны быть всѣ ознакомлены съ основными принципами языковѣданія, съ основными законами языка, этого важнѣйшаго и необходимаго орудія отвлеченной мысли.

Что касается до „основныхъ“ курсовъ, то я указалъ ужо на желательность выдѣленія всѣхъ педагогическихъ курсовъ изъ сокціи психологіи и на иной принципъ для установления двухъ другихъ секцій (детали ниже въ предлагаемомъ мною проектѣ организации философской группы).

Объ отдѣльныхъ курсахъ изъ числа „основныхъ“ можно сказать слѣдующее: двухчасовой годичный курсъ исторіи средневѣковой философіи слишкомъ великъ сравнительно съ важностью этого періода философіи, со степенью его разработанности въ науки, доступностью источниковъ и т. д. Поэтому намъ кажется болѣе удобнымъ просто отвести 4 годовыхъ часа на исторію древней и средневѣковой философіи вмѣстѣ, предоставивъ распределеніе матеріала въ этихъ рамкахъ самому преподавателю. Желательно, чтобы преподаваніе древней и средневѣковой философіи было сосредоточено въ однихъ рукахъ: хотя средневѣковая философія развивается въ средѣ новыхъ народовъ, но по своимъ основнымъ точкамъ звѣнія, источникамъ, матеріалу, методамъ она стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ исторіей античной философіи. Поэтому личная упія курсовъ въ этомъ отношеніи послужила бы на пользу преподаванія.

Къ этой группѣ курсовъ надо отнести и исторію восточной философіи, проимуществою, конечно, индусской, по которой мы имѣемъ теперь такие труды, какъ „Всеобщую исторію философіи“ Дейссена, и введеніе которой въ университетское преподаваніе представляется, по нашему мнѣнію, дѣломъ ближайшаго будущаго.

Такимъ образомъ, въ составъ курсовъ древней и средневѣковой философіи вошли бы: исторія восточной философіи, исторія греческой и греко-римской языческой философіи, исторія патристической и схоластической (христіанской, арабской и еврейской) философіи. Изъ

¹⁾ Оно стоять, подъ названіемъ „Очеркъ физической и духовной стороны явленій языка“, только въ секціи психологіи, въ качествѣ одного изъ основныхъ курсовъ.

этого обширного цѣлого каждый преподаватель могъ бы выдѣлять материалъ, сообразно своимъ вкусымъ и подготовкѣ, расширяя свои курсы изъ древней греческой философіи, какъ изъ центра, либо на древній Востокъ, либо на средневѣковые.

Далѣе, въ московскомъ плаигѣ нельзя признать удачнымъ и то, что въ число „основныхъ“ курсовъ секціи „систематической“ философіи введенъ курсъ „исторіи философскихъ взглядовъ на природу“, а въ числѣ „вспомогательныхъ“ стоять такие курсы, какъ „исторический очеркъ основныхъ учений наукъ физико-химическихъ“, „исторический очеркъ основныхъ учений наукъ биологическихъ“ и „исторія принциповъ механики“. Несомнѣнно, что основной курсъ будетъ читаться философомъ; вспомогательные же (въ виду ихъ болѣе специально-научного содержания), вѣроятно, соответствующими специалистами. И можно быть увѣренными, что такое удвоенное преподаваніе одного и того же приведетъ къ цѣлому ряду частію повтореній, частію недоразумѣній...

Нельзя не вождѣть также, что 10-й изъ основныхъ курсовъ секціи *систематической* философіи посвященъ только „исторіи религіозныхъ идей“. А гдѣ же психологія религіи, гдѣ гносеологический анализъ религіозного опыта, религіозного мышленія, какъ нельзя болѣе уместный именно въ секціи „систематической“ философіи?..

Въ отдѣлѣ „семинарій“ секціи исторіи философіи недоумѣнія возбуждаются курсы, названные: „Всообщая исторія (методология изученія историческихъ явлений)“. Во-первыхъ, неясно, о методологіи какихъ историческихъ явлений идеть рѣчь? Если (такъ сказать) *обще-соціальныхъ*, то врядъ ли такой *семинарскій* курсъ будетъ полезенъ студентамъ философіи, не прошедшімъ политической экономіи и другихъ вспомогательныхъ для исторіи наукъ и не работавшимъ надъ семинарскимъ изученіемъ по источникамъ этихъ *обще-соціальныхъ явлений*, какъ та-ковыхъ. Одна методологія безъ знакомства съ материаломъ врядъ ли можетъ принести пользу учащемуся. Во-вторыхъ, неясно, почему такой курсъ долженъ быть именно семинарскимъ, а не лекціоннымъ.

Большія недоумѣнія возбуждаются затѣмъ отѣлью „вспомогательныхъ“ курсовъ. Ко всѣмъ этимъ курсамъ приложены пѣкоторыи общія замѣчанія. Составъ ихъ слишкомъ пестръ: они набраны изъ слишкомъ различныхъ отраслей фактическаго знанія. Далѣе при предполагаемомъ размѣрѣ этихъ курсовъ (4 полугодовыхъ или 2 годовыхъ часа) врядъ ли они осуществимы. Можно ли дѣйствительно *филологу* въ 2 годовыхъ часа пройти, напр., *университетскій* курсъ физики или

химії? Или: что должно представлять собою курсъ „гистології“?.. Если въ него должно входить только то, что необходимо, въ качествѣ вспомогательного материала, для изученія психологіи (особенно, конечно, гистологическое строеніе первой системы и отчасти органовъ чувствъ), то 2-хъ часового годичнаго курса слишкомъ много. Если же это общий курсъ гистології, то позволительно спросить, можетъ ли такой курсъ быть действительно усвоенъ человѣкомъ, главные интересы и занятія которого лежатъ въ другой области, и какъ ляжетъ въ его головѣ этотъ случайный обрывокъ изъ чуждой ему области фактическаго знанія? Вообще списокъ „вспомогательныхъ“ курсовъ секціи психологіи сдѣлать по слишкомъ широкому и не совсѣмъ, какъ мягъ кажется, въ данныхъ условіяхъ пригодному масштабу.

Далѣе, почему, напр., въ секціи исторіи философіи рядомъ съ „исторіей Греції“ и „греко-римской эпохи“ (надо ли здѣсь разумѣть и исторію Рима?) стоять по „исторіи среднихъ вѣковъ“, а „исторіи средневѣковой культуры“? Неужели надо опять поднимать всѣ безконечные (въ свое время очень интересные) споры о томъ, что такое „культура“, „культурная исторія“? По смыслу плана выходить, что въ исторіи Греції и „греко-римской эпохи“ будеть изучаться не „культура“ (или не только культура). И что такое „культура“ среднихъ вѣковъ? почему то, что есть въ среднихъ вѣкахъ помимо „культуры“ (очевидно, яѣчто есть), менѣе достойно изученія, чѣмъ „культура“ этой эпохи?..

Наконецъ, большое недоумѣніе возбуждаются „сокращенные курсы“ такихъ наукъ, какъ математика и механика (если только мы правильно понимаемъ смыслъ того, что рекомендуется планомъ). Всѣ мы знаемъ „краткія грамматики“, „краткія катехизисы“, „сокращенные начатки христіанскаго вѣроученія“; однако все это пособія для начальныхъ школъ, куда наука доходитъ лишь черезъ очень тусклое стекло... Но что такое „сокращенные курсы“ математики или механики въ высшей школѣ? Я не знаю, дѣлались ли уже попытки выработать такие „сокращенные курсы“ для университета; но я убѣждень, что всѣ такие попытки обречены на вполнѣ заслуженное фiasco¹⁾.

¹⁾ Въ расписаніи занятій философской группы на 1907/8 уч. годъ рекомендованъ „вспомогательныхъ“ курсовъ по наукамъ другихъ факультетовъ предоставлена личными указаціями профессоровъ („сверхъ того, читаемъ мы тамъ, курсы физико-математического и медицинского факультетовъ по указаніямъ профессоровъ“). И этотъ исходъ намъ представляется не совсѣмъ удобнымъ. На профессоровъ возлагается обязанность знать характеръ каждого читаемаго на другихъ факультетахъ курса; кромѣ

Таковы сомнѣнія, приходящія въ голову по поводу московскаго плана.

Что на проектѣ, существующій имѣть практическое примѣненіе, дѣлается замѣчанія и возраженія, это, конечно, естественно: нѣтъ ни одной практической цѣли, къ которой нельзя бы одинъ только путь,— всегда есть иѣсколько путей, изъ которыхъ каждый имѣть и свои достоинства, и свои недостатки, а слѣдовательно будетъ вызывать и возраженія. Но въ данномъ случаѣ возраженія исходить изъ основныхъ пороковъ плана: а) изъ его нестроги, б) изъ того, что группировка философскихъ наукъ по принципамъ „историчности“ и „теоретичности“ не выдерживаетъ критики.

.X.

Какую же организацію должна получить „философская группа“ на историко-филологическихъ факультетахъ?

Дѣствія такой организаціи зависятъ отъ множества мѣстныхъ и временныхъ условій: отъ количества преподавателей, отъ характера составленныхъ ими курсовъ и направления ихъ специальныхъ интересовъ и занятій, отъ числа и запросовъ студентовъ и т. д. Однако, можно, повидимому, установить иѣкоторые общія положенія, обусловливаемыя частію свойствомъ изучаемыхъ на философской группѣ наукъ, частію иѣкоторыми требованиями практики, которыми въ этомъ вопросѣ также не слѣдуетъ пренебрегать.

Начну съ одного изъ такихъ требованій, связываемаго мною съ постановкой „вспомогательныхъ“ курсовъ. При современномъ положеніи средніго образования трудно представить себѣ, чтобы учитель средней школы могъ существовать преподаваніемъ однихъ философскихъ наукъ: хотя бы онъ прошелъ курсъ историко-филологического факультета по философской группѣ, несомнѣнно, ему придется, кроме „философской пропедевтики“ и педагогики, преподавать еще либо русскій языкъ, либо исторію съ географіей. И вотъ, для подготовки къ этой дѣятельности и могли бы съ успѣхомъ послужить „вспомогательные курсы“. Но для этого нужно, чтобы подъ этой рубрикой фигурировали по ряду разрозненныхъ курсонъ самого разно-

того, вносится субъективный элементъ въ постановку всего дѣла; но говорить уже о томъ, что, во нашемъ мнѣніи, основная задача „философской группы“ совсѣмъ другая: мы должны не отсылать нашихъ студентовъ на другие факультеты, а привлечь на свой факультетъ философовъ изъ числа научныхъ специалистовъ, преподающихъ на другихъ факультетахъ.

образного содержания, а компактные циклы лекций и практическихъ занятий по наукамъ историческимъ и словесно-литературнымъ. Какого размѣра будутъ эти циклы, это вопросъ особый. Мне кажется, приблизительную величину ихъ можно было бы установить, напр., такъ: за нормальное число подѣльныхъ часовъ въ точеніе каждого года 4-го годичнаго университетскаго курса принять 18 (т. е. 72 часа въ четыре года); ежегодно 10 часовъ (т. е. въ четыре года 40 часовъ) отвести на занятія профедетическими и основными философскими курсами и семинариями; а въ остальные 8 часовъ ежегодно (32 часа въ четыре года) уложить рядъ систематическихъ курсовъ и семинаріевъ либо по истории, либо по русскому языку и литературѣ (русской и иностраннѣй). Студенты могли бы брать одинъ изъ этихъ цикловъ „вспомогательныхъ курсовъ“, т. е. либо исторію, либо русскій языкъ и литературу по ихъ собственному выбору. Специалисты, вѣроятно, не отказались бы составить списокъ курсовъ и практическихъ занятій, необходимыхъ для того, чтобы прошедшій ихъ студентъ философской группы могъ вносить въ преподаваніе исторію или „русскій языкъ“. Если бы студенты философской группы даже чего-нибудь, такъ сказать, не добрали сравнительно съ тѣми, которые прошли курсъ по группамъ всеобщей или русской исторіи, или по литературѣ, то, несомнѣнно, у нихъ была бы значительный плюсъ, вынесенный ими изъ ихъ философскихъ занятій. И такимъ вариантина преподавателя была бы, несомнѣнно, крайне желательной у насъ, гдѣ не только въ средней школѣ, но подчасъ и въ университѣтѣ господствуетъ мертвый шаблонъ. Стремясь къ полному однообразію—къ тому, чтобы всѣ представители данной специальности знали одно и то же, прослушали одинъ и тѣ же курсы, сдали одинъ и тѣ же экзамены, вовсе не считаются съ индивидуальностями будущихъ учителей и оставляютъ лежать втугѣ таланты тѣхъ изъ будущихъ учителей исторіи или словесности, симпатіи которыхъ лежать преимущественно въ области отвлеченной мысли, въ сферѣ философской критики, этической рефлексіи, исторіи человѣческаго мышленія.

Тѣмъ студентамъ, которые не желаютъ вооружаться ни исторической, ни словесно-литературной подготовкой къ учителству, можно было бы предоставить составлять самимъ менѣе систематические циклы „вспомогательныхъ“ курсовъ въ родѣ тѣхъ, какіе указаны въ московскомъ планѣ. Тутъ былъ бы значительный просторъ всякимъ индивидуальнымъ склонностямъ; одинъ могъ бы соединить съ философскими науками рядъ курсовъ по политической экономіи,

другой—по государствовѣдѣнію, третій—по тѣмъ или другимъ есте-
ственнымъ наукамъ и т. д.

Переходимъ теперь къ вопросу о содержаніи и характерѣ „основныхъ курсовъ“ философской группы. Каковы должны быть эти курсы и сколько секцій и какія можно было бы установить въ составѣ „фи-
лософской группы“? Практически этотъ вопросъ въ каждомъ отдѣль-
номъ случаѣ долженъ опять же решаться на основаніи мѣстныхъ
условій—и преимущественно въ зависимости отъ количества и спе-
циальностей лицъ преподавательского персонала. Однако, отвлекаясь
отъ конкретныхъ условій, мы казалось бы наиболѣе удобнымъ, какъ
я уже говорилъ выше, образовать трехъ секцій: 1) психологіи,
2) философіи наукъ о природѣ и 3) общественной философіи или фи-
лософіи науки объ обществѣ и культурѣ.—Что касается до *психоло-
гической секціи*, то я не могу согласиться съ московскимъ планомъ
по вопросу о включеніи въ исс. педагогическихъ курсовъ. Педагоги-
ческія дисциплины не должны замыкаться въ одну секцію; они должны
(въ извѣстномъ небольшомъ объемѣ) быть, если не обязательны, то
желательны и рекомендуемы всѣмъ студентамъ не только историко-
филологического, но и физико-математического факультета. Въ слу-
чаѣ же общія въ томъ или другомъ университетѣ преподавателей
педагогическихъ дисциплинъ, слѣдуетъ образовать специальный „педа-
гогическая группа“, на которыхъ студенты знакомились бы не только съ
психологической педагогикой и исторіей педагогическихъ учений, но и
съ исторіей школъ и воспитанія, какъ одной изъ сторонъ общаго
историческаго процесса, учились бы работать въ этой области по
источникамъ (очень мало еще разработаннымъ). Составъ курса та-
кихъ „педагогическихъ“ группъ долженъ, по моему мнѣнію, значи-
тельно отличаться отъ основного типа „философской группы“; но
это вопросъ особый, и я пройду здѣсь мимо него. Если бы уда-
лось серіозно поставить такую „педагогическую группу“ хотя бы въ
одномъ изъ нашихъ университетовъ, то мы могли бы имѣть дѣйстви-
тельно солидныхъ и знающихъ преподавателей педагогики, а также
подготовленныхъ изслѣдователей и практиковъ школьнаго дѣла.

За выдѣленіемъ педагогическихъ дисциплинъ изъ секціи *психологии*,
въ послѣдней могли бы найти себѣ мѣсто—шо естественному срод-
ству наукъ—съ одной стороны, эстетика (теорія эстетики, экспери-
ментальная эстетика и исторический обзоръ эстетическихъ учений), а
съ другой—основы анатоміи и физіологии человѣка, и преимуще-
ственно первой системы и органовъ чувствъ.

Что касается до секцій философії наукъ о природѣ и философії наукъ объ обществѣ и культурѣ, то вопросъ о составѣ ихъ требуетъ, болѣе детального разсмотрѣнія. Что такое философія вообще?... На этотъ вопросъ, какъ и на всѣ подобные (что такое право? что такое нравственность? что такое религія? и т. д.), есть масса противорѣчивыхъ отвѣтовъ и ни одного всѣми признанаго. Поэтому здѣсь есть возможность приводить свои личныя соображенія, давать свои собственные отвѣты. Мне кажется, можно сказать такъ: подъ „философіей“ въ широкомъ смыслѣ разумѣются исторически (помимо всякой строгой логической классификаціи) сложившійся „блокъ“ дисциплинъ, характерной чертой которого является то, что во всѣхъ нихъ фигурируетъ понятіе сознанія, *субъекта*—самого ли по себѣ или же въ его отношеніи къ „объекту“. Психологія изучаетъ сознаніе, субъективную жизнь, какъ таковую, въ ней самой. Логика изслѣдуетъ мышеніе и нозиціе и вырабатываетъ практическія правила для познавательной дѣятельности. Этика занимается вопросомъ объ основахъ и цѣнности дѣятельности субъекта въ ся цѣломъ. Теорія познанія изучаетъ самыя понятія субъекта, объекта и ихъ, отношеній въ познаніи, изслѣдуетъ основные законы познанія, его послѣдній составъ, его типы, его условія и предпосылки. Метафизика представляютъ совокупность гипотезъ, посредствомъ которыхъ субъектъ—при помощи аналогіи—пытается истолковать „объектъ“, транскусбъктивную и трансцендентную дѣйствительность...

Если выдѣлить изъ „философіи“ психологію, логику (и отчасти этику), какъ уже сложившіяся специальные науки, т. е. если взять „философію“ въ болѣе узкомъ смыслѣ, то она будетъ состоять изъ двухъ частей: аналитической и конструктивной, т. е. теоріи познанія, къ которой примкнутъ нѣкоторые отдѣлы логики (особенно логика науки), и метафизики, съ которой родственны по характеру теоріи религіозной философіи и нѣкоторая другія.

Изучать „коиструктивную“ философію можно только въ ея исторіи: въ этой области нѣть одной сколько-нибудь обязательной доктрины. Но въ теоріи познанія такие общеобязательные элементы есть, а потому ее можно изучать не только исторически, но и теоретически. И вотъ, на базисѣ теоріи познанія, на этой „аналитической философіи“—въ ея примѣненіи къ двумъ главнымъ областямъ человѣческаго познанія: къ природѣ и культурѣ—и можно было бы основать тѣ двѣ „секціи“ философской группы, о которыхъ мы говорили.

Съ этой своей, аналитической стороны философія есть всеобщая

методології, притомъ такая, которая ставить себѣ цѣлью во всякомъ вопросѣ дойти до его послѣднихъ элементовъ. Каждая наука соприкасается въ этомъ смыслѣ съ философией, даже прямо содержитъ въ себѣ философскіе элементы—постолы, поскольку есть дѣло объ основныхъ понятіяхъ, аксиомахъ, определеніяхъ, постулатахъ, предпосыпкахъ данной науки, о ея методологии въ самой широкомъ значеніи этого термина. Что съ вопросами научного познанія постоянно приходится сталкиваться въ исторіи философіи, это известно каждому. Многіе философы были въ то же самое время и математиками, механиками, физиками, биологами и т. д.; поэтому при изученіи ихъ философскіхъ воззрѣй всегда приходится иметь дѣло и съ ихъ научными теоріями. Стоять взять Декарта, Лейбница, Канта, чтобы видѣть, что въ ихъ философіи вопросы научной методологии играютъ огромную роль. Мало того, въ самой теоріи познанія, кроме ея общей части, не связанной ни съ какой изъ специальныхъ наукъ въ отдѣльности, есть большая область, состоящая изъ анализа, критики и исторіи основныхъ понятій и изъ разъ иношо всѣхъ специальныхъ наукъ.

Такимъ образомъ, философская теорія познанія и философская методология отдельныхъ наукъ, о прародѣ очень хорошо дополняютъ другъ друга и могутъ составить основаніе для особой „секціи философіи наукъ о прародѣ“ въ составѣ философской группы.

Само собою разумѣется, что курсы по „философіямъ“ отдельныхъ группъ наукъ должны читаться не „философами“, а тѣмъ изъ специалистовъ по даннымъ отраслямъ знанія, которымъ не чуждъ духъ философской методологии, которые не зарываются въ мелкія детали своей науки, а имѣютъ ее всегда въ виду, какъ цѣлое, интересуются критикой ея основныхъ понятій, смѣной послѣднихъ въ историческомъ процессѣ, исторіей главныхъ открытій въ данной области и т. д. При условіи проведения во всѣхъ такихъ курсахъ этого философского духа, при постоянномъ вниманіи въ данной науцѣ преимущественно къ создавшей ее дѣятельности человѣческаго мышленія и познанія—рядъ такихъ курсовъ, хотя бы они касались различныхъ группъ наукъ, составить тѣмъ не менѣе одно *внутренне объединенное цѣлое*: это будутъ, пѣсколько главъ, съ одной стороны, изъ детально разработанной философской и „научно“-философской теоріи познанія, а съ другой—изъ исторіи философіи (въ которую вводится обычно и исторія наукъ, правда, по большей части въ отрывочномъ и несистематическомъ видѣ). Спаянію, въ теоретическомъ отношеніи, философской теоріей познанія, а въ историческомъ—исторіей философіи и наукъ, все эти курсы

систематически введенуть изучающаго въ сферу „науки“, какъ высшаго проявленія познавательной дѣятельности человѣчества.

Надо имѣть въ виду, что—при тонкоренній постановкѣ философіи въ университетахъ—преподавателя ся находятся въ отчаянномъ положеніи. Чтобы какъ слѣдуетъ выполнить свою задачу, они должны отчетливо изложить и разобрать и механическія теоріи Декарта и Канта, и астрономическія гипотезы того же Канта, и теоретическая построенія многихъ физиковъ, химиковъ, біологовъ, фигурирующія въ исторіи философіи. Между тѣмъ, сдѣлать это сколько-нибудь удовлетворительно немыслимо безъ знанія *современного состоянія* каждой изъ этихъ наукъ и безъ связнаго и сплошного представленія объ *исторіи* ихъ основныхъ теорій. И преподаватель философіи, не владѣющій ни тѣмъ, ни другимъ, оказывается сплошь и рядомъ въ беспомощномъ положеніи. Этимъ, на мой взглядъ, объясняется встрѣчаемая нерѣдко узость и сухость преподаванія философіи. Напротивъ, соединивши усилия цѣлаго ряда специалистовъ, имѣющихъ, повторяю, въ виду *философскую*, познавательную (не объективную или космологическую) сторону своихъ наукъ, могли бы (будучи объединены и связаны серьезнымъ прохожденіемъ философской теоріи познанія и исторіи философіи) дать богатое содержаніе и стоящее на уровне современныхъ научныхъ требованій цѣлое¹⁾. И это цѣлое было бы, благодаря своей связности, безконечно выше тѣхъ отрывочныхъ и не имѣющихъ философскаго характера курсовъ, какими, къ сожалѣнію, полонъ московскій „планъ“ (въ немъ, какъ мы видѣли, есть и физика, и химія, и общая физіология, и „сокращенный курсъ математики“, и „сокращенный курсъ механики“, и этнографія, и общая теорія права).

Подобнымъ же образомъ секція *общественной* философіи могла бы быть построена на изученіи методологіи, теоріи и исторіи „наукъ общественныхъ, гуманитарныхъ (или „наукъ о культурѣ“). Въ нее вошли бы

¹⁾ Замѣчу, что курсы по естествознанію, предназначенные для студентовъ *«студенческого»*, далеко не рѣдкость въ піеменскихъ университетахъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ общій, философскій, другіе прикладной характеръ. Такъ, въ *Verzeichniss der Vorlesungen* Берлинскаго университета на предстоящий зимний семестръ 1907—8 учебнаго года и нашегъ слѣдующіе курсы *für Studierende (Höger) aller Facultäten:* 1) Введение въ біологію Германса, 2) Мозгъ и душа Николаи, 3) Нервная гигієна и первая дієттика Эйгенбурга, 4) Половые болѣзни, ихъ опасности и предохраненіе отъ нихъ Лессера, 5) Значеніе и профилактика вонюческихъ и другихъ распространенныхъ въ народѣ болѣзней Лассара, 6) Формированіе и рожденіе человѣка Штрасмана; кроме того, цѣлый рядъ курсовъ по гигієнѣ, курсы по „общедоступной астрономіи“, исторіи общей біологии и др.

„философія“¹⁾ исторії, „философія“¹⁾ права (общая теорія его, исторія философії права), этика (теоретический анализ и исторія нравственности и этическихъ теорій), исторія религій и философія религій, а также, напримѣръ, „вводопіе въ сопіологію“ или „философія явлений экономическихъ (въ связи съ исторіей политической экономіи)“ и другіе специальные курсы по философії общественныхъ наукъ.

Мыѣ кажется, что установление такого рода связи между собственною философіей и специальными науками, обоснование преподаванія философії на философії наукъ, виолгъ отвѣчаѣтъ запросамъ современной намъ эпохи. Было время, когда философы хотѣли просвѣщать представителей специальныхъ наукъ; они дали рядъ крайне важныхъ и полезныхъ общихъ идей, но въ то же время впадали въ разнаго рода ошибки, обусловленные тѣмъ, что они далеко не въ достаточной мѣрѣ владѣли фактическимъ материаломъ тѣхъ наукъ, о которыхъ они говорили. Это вызывало совершенно законную реакцію, и наука отвернулась отъ философіи... Но и эта эпоха прошла: философія стала яснѣе опредѣлять свою собственную структуру, свою собственную методику,—изъ построительной она стала по преимуществу аналитической, критической. И тогда въ самой науки, внутри ея просыпается сознаніе необходимости философскаго отношенія къ ея собственному материалу; прежде философія подчасъ насильно вторгалась въ науку, теперь сама наука проникается до извѣстной степени философскими точками зреенія: сама наука создаетъ философію или, точнѣе, рядъ специальныхъ научныхъ философій, сводимыхъ въ одно цѣлое философской теоріей познанія. Совершенно справедливо отмѣчаетъ эту черту нашего времени, это взаимоинициативное философіи и науки профессоръ *Файингеръ* въ своей недавно вышедшей книгѣ: *Die Philosophie in der Staatsprüfung*²⁾. „Естественнымъ наукамъ и наукамъ о духѣ, говорить онъ, противостоять, въ качествѣ ихъ общаго принципа, всеобщая наука о принципахъ—философія. Вездѣ понятія и аксиомы отдельныхъ наукъ вторгаются изъ своей области въ науку о принципахъ: попытка пространства, времени, матеріи, движенія, причиноности,

¹⁾ Употреблено здесь этотъ терминъ въ самомъ общемъ смыслѣ, не понимая подъ нимъ никакой определенной теоріи.

²⁾ *H. Vaihinger. Die Philosophie in der Staatsprüfung. Winke für Examinateure und Examinianden. Zugleich ein Beitrag zur Frage der philosophischen Propagandistik. Nebst 310 Themen zur Prüfungsaarbeiten.* Berlin. 1906. Reuther und Reichard. Въ этой книгѣ много интересного материала также по вопросу о государственныхъ испытанияхъ и о роли ихъ философіи.

жнани, цѣли, дѣйствія, нравовъ и нравственнаго настроенія, историческаго развитія, цѣности, разума, языка и т. д.—всѣ эти понятія, на которыхъ отдѣльныя науки либо основываются, либо къ которымъ они подводятъ, требуютъ принципіального и общаго выясненія, и какъ разъ такое выясненіе ихъ и называется философіей. Собственно говоря, вмѣсто столь часто повторяемаго вопроса: „Можемъ ли мы, изслѣдователи въ области специальныхъ наукъ, прийти къ занятіямъ философіей?“ надо предлагать другой, обратный ему: „Можно ли основательно разрабатывать какую-либо специальную науку, не переходя изъ нея, или даже уже изъ неї самой, къ философіи?...“ „Въ философію необходимо впадають всѣ специальныя науки, разъ они разрабатываются основательно... всѣ дороги ведутъ къ философіи, если только на этихъ дорогахъ не стоять на одномъ мѣстѣ, а безъ устали и бодро идти впередъ“...

И послѣ цѣлаго ряда очень интересныхъ замѣчаній о значеніи исторіи философіи (и науки) и другихъ философскихъ дисциплинъ для преподавателя средней школы (особенно обращу вниманіе на стр. 19—20), Файнингеръ въ другомъ мѣстѣ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ проявленія философскихъ интересовъ новѣйшими учеными самыхъ различныхъ специальностей. Метагеометры, Гельмгольцъ, Георгъ Кантарь, Оствальдъ, Махъ, Сталло, Герцъ, Геккель, неовиталисты, Вундтъ—въ наукахъ естественныхъ; Ламирехтъ, Берихейтъ и другіе историки, цѣлый рядъ языковѣдовъ, историковъ литературы, богослововъ—всѣ они занимаются, каждый въ своей области, философской задачей критики и реконструкціи основныхъ понятій. Списокъ этого можно въ наше время увеличить ad libitum; стоитъприномнить, положимъ, еще огромную школу математическихъ логиковъ и философъ-математиковъ, Ферворна, Клиффорда, Клейннетера и многихъ, многихъ другихъ.

Съ некотораго времени, говорить Файнингеръ, философскій интерес рѣшительно растетъ, отличаясь при этомъ здоровымъ характеромъ и естественной силой; и этотъ симптомъ здоровья состоитъ въ томъ, что философскіе запросы вырастаютъ изъ самихъ специальныхъ наукъ. „Какой богатый импульсъ, какой расцвѣтъ обещаетъ философіи казалось отмершій многовѣтвистый стволъ специальныхъ наукъ!“

И философское преподаваніе, если оно не хочетъ безнадежно отстать отъ современного положенія самой философіи, должно обогатить себя научно-философскимъ материаломъ, не жертвуя, конечно, своими собственными аналитико-методологическими принципами и точками

зрѣнія, на которыя впрочемъ теперь уже и не посягаетъ ни одна изъ специальныхъ наука.

Но совершенно очевидно, съ другой стороны, что эта задача не можетъ быть выполнена силами однихъ „чистыхъ“ философовъ: она возможна лишь при планомѣрно координированіи сотрудничества ихъ—скажемъ, съ „философами наукъ“.

Приведу еще замѣчанія по тому же вопросу Э. Маха изъ его статьи: *Philosophisches und naturwissenschaftliches Denken*, помещенной въ сборникѣ его этюдовъ, *Erkenntniß und Irrtum*.

Указавъ на различія между мысленіемъ *философа* и *специальными изслѣдователями* (съ которыми, правду сказать, не во всемъ можно согласиться), Махъ говоритъ: „Конечная цѣль всяко го изслѣдованія одна и та же („ориентированіе въ мірѣ“—die Weltorientierung). Это проявляется также и въ томъ, что величайшіе философы, какъ Платонъ, Аристотель, Декартъ, Лейбницъ и другіе, открыли новые пути также и для специальныхъ изслѣдований, какъ, съ другой стороны, такие изслѣдователи, какъ Галилей, Ньютоны, Дарвинъ, не называясь философами, могущественно содѣйствовали прогрессу философскаго мышленія. Разница въ постановкѣ вопроса философомъ и специальнымъ изслѣдователемъ „не должна мѣшать, и фактически не мѣшаетъ, имъ учиться другъ у друга. Своими многочисленными попытками синтеза наиболѣе общихъ чертъ широкихъ областей бытія, философія пріобрѣла богатый опытъ въ этомъ отношеніи; мало по малу она научилась, даже частично сознаваться въ своихъ ошибкахъ и избѣгать ихъ,—тѣхъ ошибокъ, въ которыхъ еще и *по сей часъ* почти неизбѣжно впадаетъ не прошлый философской школы естествоиспытатель“.

Однако, кроме этой критической заслуги, „философское мышленіе дало естествознанію еще и положительныя цѣнныя мысли, какъ, напримѣръ, разнаго рода идеи самосохраненія (*Erhaltungsideen*). Философъ, съ своей стороны, получаетъ отъ специального изслѣдователя болѣе солидныя основы (*Grundlagen*), чѣмъ тѣ, какія ему могло бы дать вульгарное мышленіе. Для философа естествознаніе является образцомъ осторожнаго, прочнаго и богатаго результатами научнаго строительства, и даже изъ самой чрезмѣрной односторонности естествоиспытателя философъ извлекаетъ полезные уроки. Дѣйствительно, каждый философъ имѣть для своего обихода свое собственное естествознаніе—точно такъ же, какъ и каждый естествоиспытатель имѣть свою собственную философию. Но только эти „собственные“ науки по большей части бываютъ отсталыми. Лишь крайне рѣдко можетъ

признать естествоиспытатель естествознаніе философа, когда и поскольку оно проявляется у послѣдняго. И обратно, огромное большинство естествоиспытателей нашего времени придерживаются въ философіи устарѣвшаго на полтораста лѣтъ материализма, недостаточность которого уже давно замѣчена не только специалистами-философами, но и всѣми вообще людьми, не слишкомъ далеко стоящими отъ философскаго мышленія"...

Нельзя лучше выразить той мысли, на которой я настаиваю: необходимости совмѣстной работы и частичного взаимопроникновенія специальныхъ наукъ и философіи. И мнѣ кажется, что этотъ принципъ долженъ быть бы стать прямо девизомъ не только современной философіи, какъ науки, но и современного философскаго образования.

XI.

Исходя изъ приведенныхъ соображеній, я обратился къ моимъ товарищамъ, профессорамъ и приватъ-доцентамъ Казанскаго университета, съ просьбой высказаться по вопросу объ организаціи философской группы на предложенныхъ мною основаніяхъ. Въ обсужденіи вопроса приняли участіе А. В. Васильевъ, А. Д. Гулиевъ, Д. Н. Зейлингеръ, А. П. Котельниковъ, А. М. Мироновъ, В. П. Осиновъ, Н. П. Парфентьевъ, В. К. Пискорскій, прот. А. В. Смирновъ, М. М. Хвостовъ, И. И. Ягодинскій и А. В. Оворскій¹⁾.

Представители физико-математического факультета единогласно признали, что въ области ихъ специальности такого рода курсы по научной философіи возможны, и желательны. Само собою разумѣется однако, что курсы, требуемые такимъ планомъ философской группы, должны быть совершенно иными сравнительно съ тѣми, какіе читаются студентамъ физико-математического факультета: въ нихъ должно быть меньше фактическихъ деталей и специальнно-технического элемента; напротивъ, на первый планъ должны быть выдвинуты вопросы обще-критического и научно-исторического характера. Въ необходимости вырабатывать заново такие курсы лежитъ, несомнѣнно, одна изъ трудностей введенія этой системы преподаванія. Однако,

¹⁾ Хотя я стараюсь возможно точнѣе передать (съ разработкою участниковъ совѣтій) содержаніе высказанныхъ или мнѣній, тѣмъ не менѣе отвѣтственность за вѣрность формулировку лежитъ въсцѣло на мнѣ. Отмѣчу еще, что общая схема З сесцій философской группы не подвергалась обсужденію въ совѣтіи, о которомъ я говорю.

съ течениемъ времени, можно надѣяться, такого рода курсовъ будетъ выработано достаточноное количество,—разъ на нихъ явится спросъ.

Въ частности специалистами были намѣчены, какъ особенно важные и существенные, слѣдующіе курсы:

1. По философіи чистой математики:

- а) философія числа,
- б) философія бесконечнаго (б. малаго и б. большого),
- в) философія математического метода,
- г) философская теорія статистического метода,
- д) философія геометріи.

2. По философіи механическаго естествознанія:

- а) исторія и критика основныхъ понятій механики,
- б) исторія и критика основныхъ понятій физики,
- в) исторія и критика основныхъ понятій химіи,
- г) исторія космологическихъ теорій.

Каждый изъ этихъ курсовъ, при двухчасовой недѣльной нормѣ, могъ бы, повидимому, дать въ теченіе двухъ полугодій достаточно свѣдѣній для первоначальной ориентировки въ данной области познанія. Исходя изъ свѣдѣній и навыковъ, приобрѣтенныхъ при слушаніи и изученіи такого курса, можно было бы дальнѣйшую работу въ данной области, поскольку въ неї будеть надобность и интересъ, предоставить самостоятельнымъ занятіямъ слушателей.

Въ области философіи наукъ біологическихъ опредѣленныя томы отдельныхъ курсовъ не были указаны. Въ этотъ отдельъ должны войти, конечно, исторія и критика такихъ понятій, какъ организмъ, органъ, жизненная функция, біологический механизмъ, витализмъ, эволюционизмъ и т. п. и общий обзоръ исторіи ученія объ эволюціи органическихъ формъ.

Для секціи философіи общественности (или культуры) были заявлены слѣдующіе курсы: по философіи исторіи: а) курсъ „теоріи и методологии исторіи“, б) курсъ „исторіи философіи исторіи“. Затѣмъ, безъ ближайшей детализаціи были указаны, какъ могутъ входить въ составъ этой секціи, курсы философіи (и исторіи философіи) права, этики, философіи и исторіи религій.

Сводъ все вышеизложенное, я предложилъ бы приблизительно слѣдующую таблицу курсовъ трехъ „секцій“ философской группы. Размеръ каждого курса принять наим., въ среднемъ, тотъ же, какой принялъ и въ московскомъ планѣ: только вмѣсто 4 полугодичныхъ

часовъ мы беремъ 2 годичныхъ—въ виду того, что чтеніе полугодичныхъ курсовъ встречается часто практическія затрудненія.

Группа философскихъ наукъ.

I. Пропедевтическіе курсы:

1. Логика (общій курсъ).
2. Психология (общій курсъ).
3. Введеніе въ философію.
4. Общее языковѣданіе.
5. Греческіе авторы (Платонъ, Аристотель).
6. Латинскіе авторы (Цицеронъ, Лукрецій).

II. Основные курсы:

<i>A. Секція психології.</i>	<i>B. Секція философії наукъ о природѣ.</i>	<i>C. Секція философії общественныхъ наукъ.</i>
1. Основы анатоміи и физиологии человѣка (особенно нервной системы и органовъ чувствъ).	1. Специальный курсъ логики (напр., математическая логика, логика наукъ, исторія логики и т. п.).	1 и 2. Два курса изъ области „философія исторіи“ и „философія права“ (съ исторіей философіи права).
2 и 3. Два специальныхъ курса психології (напр., физиологическая психология, или патологическая, или индивидуальная, колективная, исторія психологии и т. п.).	2. Одніи курсъ изъ области философії математическихъ наукъ.	3. Одніи курсъ изъ области этики.
4. Эстетика экспериментальная (или исторія эстетики).	3. Одніи курсъ изъ области философії механическаго естествознанія.	4. Одніи курсъ по философії религіи (или исторіи религій).
<i>Для всѣхъ секцій.</i>	4. Одніи курсъ изъ области философії наукъ биологическихъ.	
	5. Теорія познаній.	
	6 и 7. Исторія древней и средневѣковой философії (Востокъ, Греція, Александрія, Римъ, патристика, схоластика: христианская, арабская и еврейская).	
	8. Исторія новой философії.	
	9. Исторія новѣйшей философії.	

III. Семинаріи:

10 часовъ семинарскихъ занятій по философскимъ наукамъ, распределляемые на 4 года университетскаго курса между отдѣльными

группами въ зависимости отъ личнаго состава преподавателей и другихъ условій.

IV. Вспомогательные курсы:

1. Либо 32 часа (въ 4 года) лекцій и практическихъ занятій по истории (всеобщей и русской).

2. Либо 32 часа (въ 4 года) лекцій и практическихъ занятій по русскому языку и литературѣ (иностраннымъ и русской).

3. Для лицъ, не имѣющихъ въ виду учительской профессіи, лекціи и практическія занятія по собственному ихъ выбору изъ всѣхъ предметовъ историко-филологического, а отчасти и другихъ факультетовъ.

XII.

Въ такихъ приблизительно чертахъ представляется мнѣ организація философской группы съ тремя секціями.

Однако, очевидно, что устройство такой широкой „трехсекціонной“ философской группы есть дѣло будущаго: при современномъ количествѣ нашихъ ученыхъ силъ, дай Богъ, если можно будетъ устроить во всѣхъ университетахъ единую, недифференцированную „философскую“ группу. И какъ я уже говорилъ, сами авторы московского плана, указавъ желательный, трехсекціонный составъ философской группы, заявляютъ, что на 1906—1907 учебный годъ эта группа могла получить лишь частичное осуществленіе, преимущественно въ составѣ секціи истории философіи.

Въ Казанскомъ университѣтѣ, въ виду единогласно признанной необходимости вмѣсть въ составѣ факультета столь важную группу, какъ философская, было рѣшено организовать таковую, какъ только вопросъ будетъ достаточно разработанъ и станетъ очевидной практическая возможность ея осуществленія.

Несомнѣнно, что въ Казанскомъ университѣтѣ ничего и думать объ устройствѣ полной, трехсекціонной „философской“ группы. Малочисленность преподавательского персонала, значительная часть силъ которого отнята къ тому же чтеніемъ обязательныхъ для всѣхъ студентовъ историко-филологического факультета „пропедевтическихъ“ курсовъ (логики, психологіи, введенія въ философію); необходимость переработки всѣхъ читаемыхъ курсовъ (въ смыслѣ расширепія и углубленія ихъ) для приспособленія преподаванія къ требованіямъ „предметной системы“ и составленія цѣлаго ряда совершенно новыхъ, разг҃о не читавшихся курсовъ; необходимость—при „предметной си-

стемъ—вести въ большомъ сравнительно количествѣ практическія занятія; относительная многочисленность студентовъ-филологовъ (въ Казанскомъ университѣтѣ въ 1906—1907 учебномъ году ихъ было 300 съ лишкомъ вмѣсто прежнихъ 70—80),—все это заставляетъ лишь осторожно и съ большой постепенностью предлагать проектируемую реформу преподаванія философскихъ наукъ.

Поэтому на ближайшіе годы можно было образовать въ Казанскомъ университѣтѣ лишь единую, недифференцированную „философскую группу“, которая охватывала бы по возможности все важнѣйшее и практическое, при данныхъ условіяхъ, выполненное изъ плана болѣе широкой, трехсекціонной группы. Тогда составъ преподаванія на этой группѣ могъ бы быть установленъ приблизительно въ такомъ видѣ:

Шесть пропедевтическихъ курсовъ (какъ они были перечислены выше въ нашей таблицѣ)—12 годовыхъ часовъ.

Основные курсы:

1) Основы анатоміи и физіологии человѣка (преимущественно первої системы и органовъ чувствъ)	2 часа.
2) Психология (одинъ изъ специальныхъ курсовъ)	2
3) Эстетика (исторія эстетическихъ учений или психологія изящнаго)	2
4) Теорія познанія .	2
5) Одинъ курсъ изъ области философіи математики	2
6) Одинъ курсъ изъ области философскаго механическаго естествознанія	2
7) Одинъ годовой курсъ (или 2 курса полугодовыхъ, если будутъ таковые) изъ области „философіи общественныхъ наукъ“ (теорія и методологія исторіи, исторія философіи, исторія философскаго права)—въ общемъ.	2
8) Этика (теоретический анализъ и исторический очеркъ)	2
9) Курсъ „философіи религіи“ или исторіи религій	2
10) Исторія древней философіи	2
11) Исторія новой философіи .	2
<hr/>	
	22 часа.

Семинарии по философіи: 6 часовъ въ теченіе четырехгодичнаго курса (напр., 2 часа по исторіи древней философіи, 2 часа—по исторіи новой философіи и 2 часа по психологіи или по другой науцѣ философской группы).

Всепомогательные курсы: 32 часа лекцій и практическихъ занятій (въ течоніе 4-годичнаго курса) по исторії или словеснмъ предметамъ, или безъ ограниченія, по выбору студента—такъ, какъ указано въ приледенпой выше таблицѣ трехсокіонной философской группы.

Всего 72 часа въ 4 года, т. е. по 18 часовъ въ каждый годъ (и каждое полугодие).

Планъ этотъ, конечно, примѣрный, и быть можетъ, на практикѣ пришлось бы сдѣлать отъ него отступленія. Напримѣръ, оказалось бы возможнымъ внести большее количество практическихъ занятій или курсовъ по философіи математики или механическому естествознанію или курсъ по философіи науки біологическихъ (мы такого курса вовсе не включили въ планъ въ виду особенной трудности какъ составленія такого рода курсовъ, такъ и пріисканія для нихъ лекторовъ). За то, съ другой стороны, можетъ быть, на первые годы не состоялся бы курсъ „теорія познанія“: эта дисциплина до сихъ порь отдельно не преподавалась, и выработка по ней курса можетъ представить значительныя трудности; между тѣмъ извѣстныя свѣдѣнія по теоріи познанія даются уже въ курсахъ введенія въ философію и исторіи философіи. Точно такъ же могло бы не найтись лектора для специальныхъ курсовъ психологіи, для эстетики, этики и т. д. Однако, все это были бы вариаціи въ опредѣленныхъ предѣлахъ, которыя не нарушили бы общихъ рамокъ нашей схемы.

Таковы основныя черты, въ которыхъ намъ рисуется желательная реформа преподаванія философскихъ наукъ въ университетахъ. Только подобная реформа можетъ удовлетворить той потребности въ расширеніи и углубленіи преподаваемаго, какая обусловливается ростомъ этой области знанія и необходимостью оживить преподаваніе философіи, сблизить его съ изученіемъ философіи наукъ и человѣческой культуры, внести студента въ широкій міръ природы, человѣческой мысли и общественности.

XIII.

Я не вхожу въ обсужденіе другихъ вопросовъ, связанныхъ съ организацией преподаванія философіи по новыхъ началахъ. Однимъ изъ такихъ вопросовъ является отношеніе философской группы къ существующей факультетской организации преподаванія. Этотъ вопросъ распадается собственно на два:

1) какъ установить связность и единство внутри философской группы? какъ объединить усилия и трудъ преподавателей, ближай-

шимъ образомъ заинтересованныхъ въ успѣхѣ преподаванія философіи?

2) какія отнosiенія установить историко-филологическому факультету къ тѣмъ изъ преподавателей философскихъ дисциплинъ, которые будуть принадлежать къ составу другихъ факультетовъ?

Иначе говоря, это будутъ вопросы: внутри-факультетскій и между-факультетскій.

Что касается до первого, то неотступныя потребности практики требуютъ созданія известной вицѣней формы для подготовки и всенденія преподаванія по „предметнымъ группамъ“. И сейчасъ уже представители наукъ, центральныхъ для каждой группы, собираются отдельно отъ факультетскихъ собраний, подготавливая тѣ предложения, которыхъ они потомъ вносятъ въ факультеты.

И пока „предметная система“ не укрѣпилась, пока у насть не создались болѣе широкіе кадры преподавателей, организаціи „группъ“ можетъ остаться въ видѣ такихъ частныхъ, неоформленныхъ кружковъ.

Когда же научное преподаваніе у насть достигнетъ надлежащей полноты и широты, несомнѣнно, жизнь выдвинетъ вопросъ объ организаціи, въ предѣлахъ факультетовъ, болѣе мелкихъ соединеній—„группъ“—съ опредѣленной, специальной компетенціей частю рѣшило-праго, частю подготовительной къ факультетскимъ собраниямъ харата-тора. За границей уже есть образцы такого рода автономныхъ „группъ“ хотя бы въ видѣ той Sage School of Philosophy въ Корнельскомъ университѣтѣ, о которой было сказано выше.

Что же касается до „между-факультетскаго“ вопроса, то я вполнѣ согласенъ въ этомъ пункте съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ статьѣ „Мысли о реформѣ университетскаго учебнаго строя“ проф. М. М. Покровскимъ. Дѣйствительно, по въ одномъ, такъ сказать, мѣстѣ живая ткань человѣческой мысли, живое тѣло науки разорвано факультетской организаціей, выросшей всецѣло изъ интересовъ будущей практической дѣятельности учащихся. Поэтому, не слѣдуетъ бояться переходженія взаимныхъ границъ факультетами самого по себѣ. На-противъ, надо привѣтствовать его тамъ, где оно имѣетъ за себѣ достаточный основанія во внутренней связи наукъ. Въ какихъ конкретныхъ формахъ можетъ это осуществиться, этого я, конечно, не могу предвидѣть. Быть можетъ, сначала историко-филологические факультеты будутъ просто приглашать для чтенія курсовъ по иѣкоторымъ изъ требуемыхъ „предметнымъ планомъ преподаванія“ дисциплинамъ

профессоровъ и приватъ-доцентовъ, принадлежащихъ къ другимъ факультетамъ¹⁾). Впослѣдствіи же создается, быть можетъ, контингентъ профессоровъ и преподавателей, специально подготовленныхъ для такой между—факультетской функции—прохожденіемъ ли курса двухъ факультетовъ или просто широтою ихъ штудій.

Замѣчу, что за границей перѣдко уже практикуется первый изъ этихъ путей. Такъ, во Франціи, гдѣ особенно процвѣтаетъ патологическая психологія, считается, *sit venia verbo*, особымъ шикомъ для психолога прохожденіе курса двухъ факультетовъ: словеснаго и медицинскаго. И нѣсколько профессоровъ психологіи (Пьеръ Жане — въ Collège de France, Ж. Дюма — въ Сорбонѣ) уже обладаютъ такой подготовкой. И вотъ, если бы и у насъ создался такъ или иначе кругъ ученыхъ, обладающихъ болѣе широкой компетенціей, факультеты могли бы выбирать прямо профессоровъ въ свой составъ изъ среды такихъ ученыхъ.

Здѣсь мы, какъ и во многихъ другихъ пунктахъ нашей статьи, возвращаемся все къ тому же вопросу о количествѣ ученыхъ силь, которыми могутъ располагать наши университеты.

Въ заключеніе я сведу основные черты сказанного выше въ формѣ слѣдующихъ тезисовъ:

1) „Предметная система учебнаго плана“ есть необходимый ближайшій шагъ въ процессѣ специализаціи и углубленія научнаго образованія на историко-филологическихъ факультетахъ. Поэтому желательно перейти къ этой системѣ.

2) Одною изъ „предметныхъ группъ“ на историко-филологическихъ факультетахъ должна быть группа философская.

3) Въ случаѣ наличности значительного количества преподавательскихъ силь, желательно устройство, въ предѣлахъ этой группы, трехъ секцій: 1) психологіи, 2) философіи наукъ о природѣ и 3) философіи наукъ объ обществѣ и культурѣ.

4) Материалъ, преподаваемый на философской группѣ (и на каждой изъ ея секцій), долженъ быть внутренио связаннымъ, а именно: 1) въ немъ вездѣ должна быть проведена аналитико-философская (познава-

¹⁾ Въ Московскомъ университѣтѣ такой порядокъ практикуется уже и сей часъ. А именно, въ Общеартистической преподаваніи на ист.-фил. фак. въ 100% уч. году мы находимъ прив.-доц. физико-математического факультета А. А. Ивановского, читающаго землемѣріе, и прив.-доц. медицинскую фак. С. А. Суханова, читающаго патологическую психологію и ведущаго практическія занятия по этой наукѣ съ демонстраціей больныхъ.

тельно-методологическая) точка зре́нія, 2) все преподаваніе должно объединяться философской теоріей познанія и исторіей философіи и науки.

5) „Вспомогательные курсы“ должны быть организованы такимъ образомъ, чтобы они не только расширили познанія студента, но и готовили его къ будущей практической дѣятельности, въ качествѣ преподавателя исторіи или словесности.

6) Курсы по теоретической и исторической педагогикѣ не слѣдуетъ вводить въ составъ психологической секціи, они должны быть (въ извѣстномъ объемѣ) обязательны или желательны для всѣхъ студентовъ, разсчитывающихъ внослѣдствіи быть преподавателями. Въ случаѣ обиља въ томъ или другомъ университете преподавателей педагогическихъ дисциплинъ, лучше образовать особую педагогическую группу, отдельно оть философской.

7) Для введенія „предметной системы“ необходима наличность достаточного количества преподавательского персонала¹⁾.

Было бы желательно, мгвъ кажется, чтобы и другие специалисты по философіи высказались по вопросу объ организациіи преподаванія въ университетахъ въ связи съ введеніемъ предметной системы. Такой обмѣнъ мнѣний и взаимная критика предупредили бы нѣкоторыя ошибки, возможныя въ новомъ дѣлѣ.

Необходимо также, чтобы высказались и относительно того, въ какой формѣ вопросъ этотъ практически решается въ различныхъ университетахъ и какіе результаты будутъ получаться при первыхъ попыткахъ этой реформы.

Вл. Ивановскій.

¹⁾ Въ виду большой важности расширенія кадровъ преподавательскихъ силъ нельзя не привѣстовать прекраснаго почина историко-филологического факультета Московского университета, нономинающаго свой персоналъ „сторожинами преподавателями“, изъ лицъ, неимѣющихъ права преподаванія въ университете, каковыхъ въ обозрѣніи преподавало на 100% уч. годъ помѣщено трое. Всѣ они водутъ просеминарии „подъ руководствомъ профессоровъ“: г. Грузинскій — подъ руковод. проф. Славянскаго, гг. Кончаловскій и Протопоповъ — подъ руковод. проф. Виппера. Намъ притѣмъ этотъ кажется какъ нельзя болѣе достойнымъ подражания.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Августъ 1907 г.

Я неоднократно вамъ сообщалъ о распространеніи высшаго образования у насъ, объ увеличениі числа юношъ и возрастаніи числа студентовъ. Что касается истории и филологии, то о процвѣтаніи этихъ наукъ ваши читатели могутъ судить по тѣмъ произведеніямъ, на которыхъ я обращалъ ихъ вниманіе, при чемъ я далеко не уѣрень въ томъ, что ничего не забылъ. И однако находятся люди, недовольные этими успѣхами и обвиняющіе правительство и особенно министра народнаго просвѣщенія въ нерадивости.

Недавно въ периодическомъ сборникеъ *Les cahiers de la quinzaine* появились статья г-на Фердинанда Лота, бывшаго библиотекаря Парижскаго университета, занимающагося преимущественно педагогическими вопросами; въ этихъ статьяхъ онъ проводитъ параллель между Франціей и Германіей и утверждаетъ, что въ отношеніи высшаго образования наша страна много уступаетъ Германіи. Такъ въ Германіи на высшія школы расходуется 35 миллионовъ, во Франціи же только 21. На первый взглядъ это различіе кажется очень большимъ; но г. Лотъ не принялъ въ расчетъ одной подробности: во Франціи 39 миллионовъ жителей, въ Германіи — 56. Слѣдовательно, каждый французы участвуетъ въ расходахъ на высшее образование въ размѣрѣ 54 сантимовъ, а каждый нѣмецъ — 64 сантимовъ; кроме того не слѣдуетъ забывать, что старые германскіе университеты имѣютъ болѣе 5 миллионовъ дохода съ завѣщанныхъ имъ капиталовъ, у насъ же такого рода капиталы только что начинаютъ создаваться; если принять это въ расчетъ, то окажется, что каждый нѣмецъ тратить на содержа-

ніо высшихъ школъ 56 сантимовъ, то есть, всего на 2 сантима больше, чѣмъ французы. Г. Лотъ, очевидно, находится подъ обаяніемъ нѣмецкой науки, оғь приходить въ восторгъ отъ большого количества нѣмецкихъ книгъ и отъ числа профессоровъ, не принимая во вниманіе нѣкоторыхъ даниыхъ, которыя пон пипеганда *sed ponderanda*. Такъ онъ сравниваетъ прежніе французскіе факультеты Страсбурга съ его настоящимъ университетомъ: прежніе факультеты имѣли въ числѣ своихъ профессоровъ Фюстель-де-Кулланжа и Пастера.

До сихъ поръ каникулы въ паннихъ лицейахъ продолжались съ 1-го августа по 1-о октября. Теперь министръ народного просвѣщенія рѣшилъ распускать учениковъ съ 15-го июля. Объясняется это слѣдующимъ: въ царствованіе Наполеона III ежегодный національный праздникъ проходился 15-го августа, т. е. во время каникуль; около четверти вѣка тому назадъ было рѣшено перенести національный праздникъ на 14-е июля — годовщину взятія Бастилии; съ этихъ поръ многія семьи увозятъ дѣтей на каникулы въ деревню за двѣ недѣли до начала вакацій; затѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ уничтоженъ общій конкурсъ между парижскими и версальскими лицеями, происходившій въ концѣ учебнаго года, возбуждавшій благородное соревнованіе между лицеями Парижа и Версаля и заканчивавшійся раздачей наградъ. Благодаря этимъ двумъ причинамъ лицей въ значительной степени пустуютъ въ послѣдніе дни июля, потому что родители не ожидаютъ отъ дѣтей успѣховъ въ наукѣ за эти дни. Къ этимъ причинамъ присоединяется еще одна, о которой не говорятъ официально: десять лишихъ каникулярныхъ дней представляютъ значительную экономію въ бюджетѣ, такъ какъ уменьшаются расходы на содержаніе пансионеровъ.

Я неоднократно писалъ вамъ о походѣ, предпринятомъ противъ экзамена на бакалавра. Это степень, открывающая доступъ въ университеты и къ такъ называемымъ либеральнымъ профессіямъ. *Revue Universitaire* открыло анкету по этому вопросу, занявшую нѣсколько мѣсяцевъ; теперь опубликованы результаты ея въ статьѣ, заглавленной *Pour et contre le baccalauréat*, написанной Полемъ Крузе, профессоромъ одного изъ парижскихъ колледжей *Collège Rollin*. Собрано около 1600 мнѣний, изъ нихъ 1400 высказались за сохраненіе этого экзамена. Доводы въ пользу его не всѣхъ характера морального и педагогического. Знаете ли вы, кто болѣе всѣхъ настаиваетъ на сохраненіи экзаменовъ? Содержатели гостиницъ въ университетскихъ городахъ; они горячо протестуютъ противъ уничто-

женія экзаменовъ, благодаря которымъ три раза въ году комнаты ихъ отелей наполняются многочисленными посѣтителями, состоящими изъ кандидатовъ на степени и ихъ семействъ. Конечно, это не педагогический аргументъ. Если уничтожить экзаменъ на бакалавра при факультетахъ, то придется удовольствоваться экзаменомъ въ лицейахъ и коллежахъ, что и дѣлается въ женскихъ лицахъ; но много раздается жалобъ на влияніе рекомендаций и протекцій. Молодая девушка, желающая отличиться, сдаются экзаменъ на бакалавра при факультетахъ, потому что университеты могутъ относиться беспристрастно; для того же, чтобы набрать возможной при всякомъ экзаменѣ случайности, принимаются во вниманіе баллы, полученные въ лицѣи. Только хорошо было бы, если бы меньшее число неспособныхъ учениковъ доходило до этого экзамена, для чего желательно устраивать предварительный экзаменъ въ возрастѣ около 14 лѣтъ. Съ другой стороны для облегченія университетовъ лицей слѣдовало бы дать право присуждать степени бакалавра до юре извѣстному числу лучшихъ учениковъ. Для того же, чтобы наиболѣе гарантировать беспристрастіе со стороны университетскихъ экзаменаторовъ, слѣдуетъ устроить такъ, чтобы они не знали имёнъ экзаменующихся до устнаго экзамена, такъ какъ, къ сожалѣнію, профессоровъ преслѣдуютъ рекомендательными письмами, часто отъ лицъ весьма влиятельныхъ, которымъ по вѣт профессора имѣютъ мужество отказывать. Разсказываютъ слѣдующій остроумный вопросъ нашего изгѣбнаго профессора эллиптика покойнаго Эгжера, предложенный имъ одной дамѣ, пришедшей просить за своего сына и ссылающейся на его большую робость: „Въ чёмъ отъ особенно роботъ, спросилъ Эгжерь, въ греческомъ или въ латыни?“

Я уже сообщала вамъ о тѣль называемомъ кризисѣ патріотизма въ школѣ. Къ сожалѣнію, часть учителей увлеклась доцтриной анархистовъ или людей, отрицающихъ родину, и начала проповѣдовать эту опасную доцтрину въ начальной школѣ. Побѣды нѣмцевъ при Кониггрецѣ и Седанѣ приписывали прусскимъ учителямъ. Увы, наши учителя, старающіеся отклонить своихъ учениковъ отъ исполненія воинской повинности, готовить намъ въ будущемъ еще худшія катастрофы. Слава Богу, эти антипатріоты встрѣчаютъ серьезную оппозицію въ своихъ же товарищахъ. Я уже указывала вамъ на книгу г. Эмиля Бокильона, премированную французской академіей. Поощренный успѣхомъ г. Бокильонъ издалъ вторую книгу, озаглавленную *Pour la patrie*. Затѣмъ учитель французской литературы въ пол-

технической школѣ г. Жоржъ Дюре написалъ небольшую книжку, озаглавленную *Ecole et patrie*, въ которой онъ напоминаетъ о своемъ отцѣ, бывшемъ министрѣ, большомъ патріотѣ, присоединяется къ протесту г-на Бокильона и проповѣдує здравыя идеи, съ которыхъ не слѣдовало бы никогда сорвѣть юношество. Ножелаемъ, чтобы этотъ новый призывъ былъ услышанъ. Въ тотъ день, когда исчезнетъ патріотизмъ, исчезнетъ и французская армія и тогда можно будетъ сказать: *Finis Galliae!*

Г. Эрнестъ Лависсъ началъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ изданіе подробной исторіи Франціи, въ которомъ сотрудничаютъ нѣсколько лицъ; семь томовъ ея уже вышли. На свою долю г. Лависсъ оставилъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ періодовъ—царствованіе Людовика XIV, первый томъ котораго только что вышелъ. Г. Лависсъ въ продолженіе многихъ лѣтъ читалъ въ Сорбоннѣ о царствованіи Людовика XIV; его лекціи охотно посѣщались иностранцами, которые много потеряли, когда г. Лависсъ, ставъ директоромъ Нормальной школы, покинулъ Сорбонну. Первый томъ исторіи царствованія Людовика XIV обнимаетъ періодъ съ 1643 по 1685 г. Г. Лависсъ старается рельефно очертить характеръ короля и его министровъ, особенно Кольбера, плодотворную дѣятельность котораго онъ описываетъ. Онъ даетъ новое освѣщеніе большей части эпохи, которая считалась хорошо извѣстной.

Настоящій политическій режимъ во Франціи упорно стремится разрушить то, что осталось отъ творенія Наполеона I. А между тѣмъ среди писателей Наполеонъ таѣтъ популярность, какъ не было никогда. Почти ежемѣсячно появляется книга, посвященная ему. Недавно богатый еврейскій финансистъ г. Овириссъ купилъ замокъ Malmaison съ цѣлью устроить въ немъ Наполеоновскій музей. Въ этомъ замкѣ, лежащемъ между Парижемъ и Сен-Жерменомъ, живутъ Наполеонъ Бонапартъ, первый консулъ. Въ этомъ замкѣ жила разведенная императрица Жозефина, здѣсь ее посѣтилъ въ 1814 г. императоръ Александръ I. Теперь въ немъ собрали всевозможные предметы наполеоновской эпохи. Этотъ музей ежедневно осматриваетъ масса посѣтителей французовъ и иностранцевъ. Въ настоящее время три члена Французской академіи пишутъ почти исключительно о Наполеонѣ: г. Аири Гуссе, г. Фредерикъ Массонъ и г. Альбертъ Вандаль. Вамъ извѣстна прекрасная книга г. Вандала *Napoléon et Alexandre*; теперь вышла его новая книга (въ двухъ томахъ) *L'Avènement de Bonaparte*, которая имѣть такой громадный успѣхъ, что вышло 13-ое изданіе.

Г. Вандаль даетъ исторію внутренней политики, не касаюсь войнъ и договоровъ. Его старанія направлены на изученіе состоянія народного духа, на разборъ желаній различныхъ классовъ и ихъ нуждъ и на выясненіе способовъ, которыми Наполеонъ сумѣлъ ихъ удовлетворить. Его трудъ представляеть до нѣкоторой степени этюдъ по политической психологіи. Г. Вандаль не открылъ новыхъ неизданныхъ документовъ, но онъ мастерски использовала имѣвшіеся у него подъ рукою.

Вышла книга Albert'a Vauet подъ заглавiemъ *Les écrivains politiques du XIXe siècle*, которая продолжаетъ продолженіе его книги о XVIII вѣкѣ. Заглавіе не вполнѣ соответствуетъ содержанию, ибо среди писателей XIX вѣка г. Байе помѣстилъ Кондорсо, умершаго въ 1794 г., и Бабіфа, умершаго въ 1797 г. Muorie публицисты XIX вѣка весьма извѣстны всей Европѣ, но только по имени: произведения ихъ не были перенесены и ихъ трудно найти въ продажѣ, особенно за границей, напримѣръ: Сент-Симонть, Фурье, Кабе, Бюше, Пьеръ Леру, Едгаръ Кине. Особенный интересъ сборнику г. Байе придаютъ именно выдержки изъ произведений этихъ писателей. Кроме того, въ немъ находятся выдержки изъ м-мъ де Сталь, Жозефа де Мэстра, Бональда, Бенжамена Констана, Ламмена, Огюста Канта и Прудона. Сборникъ снабженъ общимъ введеніемъ и замѣтками о каждомъ изъ приводимыхъ въ немъ писателей. Въ общемъ это интересная хрестоматія, полезная для общественныхъ дѣятелей, публицистовъ и историковъ.

Виконти д'Авенель написалъ много книгъ по исторіи; изъ нѣкоторыхъ изъ нихъ я обращалъ выше вниманіе; одна изъ нихъ *Histoire du Cardinal de Richelieu* была премирована Французской академіей. На основаніи данныхъ, собранныхъ имъ о первой половинѣ XVII вѣка, онъ написалъ недавно *Prêtres, soldats et juges sous Richelieu*. Его всегда особенно интересуетъ исторія общества; въ послѣдней своей книжѣ онъ изучаетъ то общество, которое Ришелье (дѣятельный правитель въ царствованіе Людовика XIII) завѣщалъ Людовику XIV. Онъ описываетъ способъ, которымъ набирали священниковъ, какъ они управляли своими приходами, какова была свобода совѣсти, какъ набиралась армія, ся организацію, ся бюджетъ и какъ поддерживалась дисциплина. Особенно интересна глава, посвященная положенію юстиціи. Книга полна цикантскихъ анекдотовъ и молкихъ чертъ изъ современныхъ нравовъ.

Семья покойного Тaine выпустила четвертый и послѣдний томъ книги, озаглавленной *Taine sa vie et sa correspondance*. Этотъ томъ

обнимаетъ періодъ съ 1876 по 1893 г., во время котораго Тэнъ издалъ двѣнадцать томовъ своего главнаго произведения *Les Origines de la France contemporaine*. Эта книга имѣла колоссальный успѣхъ; она выходитъ теперь 25-мъ изданіемъ. Для написанія ея Тону пришлось изучать архивы не только храниміе въ Парижѣ, но и провинциальные. Часть его корреспонденцій касается его изысканій. Появленіе каждого тома вызывало горячую полемику. Въ своихъ письмахъ Тэнъ возражаетъ на критику. Большая часть писемъ адресована различнымъ знаменитостямъ: Гастону Парису, Ренану, принцу Наполеону, Полю Бурже, Александру Дому, Ницше, Брандесу, Бруннингу. Его письма кромѣ защиты высказанныхъ имъ въ его трудахъ идей содержатъ мысли по различнымъ вопросамъ изъ области педагогики, литературы, соціологии. Такъ въ одномъ письмѣ, адресованномъ матери сопѣтства, онъ является упорнымъ защитникомъ преподаванія латыни. Дѣло не въ томъ, чтобы научиться известному методу мысленія. Благодаря склоненіямъ и спрѣженіямъ трезвой и отличной отъ нашей конструкціи, каждая фраза представляетъ задачу для ученика, подобно геометрическимъ и ариѳметическимъ задачамъ. Латынь должна входить въ программу полнаго образования. Въ литературѣ онъ оказывается страстнымъ поклонникомъ нашего Тургенева. Онъ проводить параллель между английскимъ романистомъ Элліоттомъ и Тургеневымъ и отдаетъ нальму первенства послѣднему. „Это, говорить онъ, совершенный писатель—стилистъ, и, что весьма рѣдко, его стиль простъ; къ тому же онъ большой поэтъ... Его послѣдний романъ *Новь* представляется, по моему мнѣнію, послѣднее слово искусства и кромѣ того является образцовымъ психологическимъ этюдомъ“. Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „Рядомъ съ Тургеневымъ Достоевскій и Толстой кажутся миѣ геніальными певцами, которые даютъ мощные произведения, не зная своего ремесла“.

Графъ д'Оссонвиль издалъ сборникъ статей академического характера, озаглавленный *A l'Académie française et autour de l'Académie*. Графъ д'Оссонвиль близокъ къ академіи уже по рождению: его отецъ—историкъ, былъ членомъ французской академіи, его мать, рожденная де Брольи, была внучкой м-ра де Стель, и ему принадлежитъ знаменитый замокъ Коппе (въ кантонѣ Во), въ которомъ находятся остатки этой знаменитой писательницы. Самъ графъ д'Оссонвиль членъ двухъ академій: французской и академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ и одинъ изъ редакторовъ академического

журнала *Revue des deux mondes*. Въ вышеупомянутомъ сборнике находятся рѣчи, произнесенные въ академіи, между прочими рѣчи, произнесенные при вступлениі въ академію покойного Брюнетьера; статьи о нѣкоторыхъ академикахъ, какъ напримѣръ, о Тонѣ, о Ганното; статьи по новому нѣкоторыхъ соціальныхъ вопросовъ. Г. д'Оссонвиль является въ политикѣ умѣреннымъ либераломъ, въ религії—умѣреннымъ католикомъ, въ литературѣ—тонкимъ, пріятнымъ и элегантнымъ писателемъ, подъ чьeсть весьма остроумнымъ. Нѣкоторыя вещи этого сборника написаны съ большимъ вкусомъ и заслуживаютъ вниманія.

При жизни покойного Октава Греара, ректора Парижской академіи и члена академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ и Французской академіи, я не разъ писалъ вамъ о его трудахъ и его педагогической дѣятельности. Греаръ представляется одну изъ интереснейшихъ фигуръ XIX вѣка. Его имя тѣсно связано съ перестройкой Париjskаго университета и старой Сорбонны. Послѣдняя была чудесно породѣлана геніальнымъ архитекторомъ Иено и превратилась въ одно изъ красивѣйшихъ зданій Европы. Похвальное слово Греару было написано двумя академиками: г. д'Оссонвиллемъ и г. Жебаромъ; теперь г. П. Бургенъ написалъ книгу о его жизни и дѣятельности, озаглавленную *Gréard, un moraliste éducateur*; предисловіе къ ней написано бывшимъ министромъ народного просвѣщенія г. Буржуа, который этимъ хотѣлъ отдать послѣдній долгъ человѣку, оказавшему столь важныя услуги дѣлу народного образования вообще и особенно дѣлу начального образования въ Парижѣ. Имя г-на Греара заслуживаетъ особенной популярности за его труды по начальному и женскому образованію. Какъ ректора университета, его можно упрекнуть въ нѣкоторой слабости во время студенческихъ беспорядковъ, происходившихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Его литературные труды касались главнымъ образомъ вопросовъ педагогики, они имѣютъ нѣкоторую цѣнность, но врядъ ли передадутъ въ потомство.

Пятиадцать лѣтъ тому назадъ Французская академія рѣшила издать старые до-революціонные протоколы академическихъ совѣщаний и списки присутствовавшихъ на нихъ членовъ. Протоколы должны были бы начинаться съ 1634 г., съ того дня, когда Курарѣ былъ назначенъ первымъ исполнителемъ секретаремъ; къ сожалѣнію, протоколы за 1634—1672 гг. утеряны; правда, часть изъ нихъ была использована Пеллісономъ при составленіи исторіи Французской академіи до 1652 г. Протоколы же за 1672—1798 гг. были чудесно сохранены

академикомъ Морелле, состоявшимъ секретаремъ академіи въ августѣ 1798 г. Онъ унесъ къ себѣ всѣ бумаги и вернуль ихъ въ библиотеку института въ 1805 г.

Это изданіе протоколовъ было начато при покойномъ секретарѣ Камилль Дусе и закончено его преемникомъ Гастономъ Буссье. Оно состоитъ изъ четырехъ томовъ: первый обнимаетъ 1672—1715 гг., второй 1716—1750 г., третій 1751—1793 гг. Въ четвертомъ находятся документы, относящіеся къ исторіи академіи: жалованная грамота на основаніе академіи, посвященіе первого изданія даксіонера, оглавленіе и т. д. Издашіемъ этихъ протоколовъ академія оказала большую услугу исторіи французской литературы. Протоколы напечатаны съ сохраненіемъ орографіи оригиналовъ, такъ что по нимъ можно прослѣдить измѣненіе ея за полтора вѣка.

Уровень классического образования молодежи все болѣе и болѣе падаетъ; можно встрѣтить молодыхъ бакалавровъ, едва умѣющихъ отличить гексаметръ отъ пентаметра. А между тѣмъ никогда еще не выходили такихъ научныхъ изданій классиковъ, какъ теперь.

Извѣстный латинистъ Луи Гаве выпустялъ школьнное изданіе Федры. Два выдающихся латиниста Поль Плесси и Лежэ дали классическое изданіе Горацийа, предоставляющее въ распоряженіе воспитанниковъ нашихъ коллежей сокровища классической и филологической эрудиціи, которыми весьма немногію будутъ въ состояніи воспользоваться. Правда, что въ то время какъ познанія учениковъ уменьшаются, все увеличивается число молодыхъ людей, предназначающихъ себя къ либеральными профессіямъ и желающихъ сдать трудный экзаменъ на licence es lettres и даже на право быть учителемъ. Къ числу послѣднихъ латинистовъ принадлежитъ бывшій лицейскій профессоръ, г. Кловисъ Ламарръ, который, не смотря на свой почтенный возрастъ (70 лѣтъ), началъ писать исторію латинской литературы, по своему значенію превосходящую все, что имѣлось по этому предмету на французскомъ языкѣ. Я указывалъ уже вамъ на первые четыре тома Исторіи латинской литературы, начиная съ основанія Рима и до конца республики; этотъ трудъ былъ премированъ Французской академіей. Авторъ продолжаетъ свой трудъ, и только что появились четыре огромныхъ тома Исторіи латинской литературы со временемъ Августа. Чтобы дать вамъ представленіе объ обширности этого труда, достаточно будетъ указать на то, что первый томъ, въ 600 приблизительно страницъ, посвященъ только Августу и Виргилию. Во второмъ болѣе 400 страницъ заняты Горациемъ. Авторъ не пре-

тендуетъ на званіе филолога въ нѣмецкомъ значеніи слова; онъ любитъ латинскую литературу, желаетъ заставить другихъ полюбить ее и достигасть этого. Его трудъ можетъ быть весьма полезенъ учителямъ для подготовки къ урокамъ и ученикамъ при приготовленіи къ экзаменамъ. Книга написана весьма тепло. Четвертый томъ представляетъ историческую антологію изъ лучшихъ отрывковъ латинскихъ авторовъ съ переводами ихъ на французский языкъ.

Министерство народнаго просвѣщенія много уже лѣтъ издаѣтъ серію книгъ, озаглавленную *Documents inédits relatifs à l'histoire de la France*; я рѣдко сообщаю вамъ о нихъ, потому что эти документы носятъ по большей части чисто провинциальный характеръ и не интересны для иностранцевъ. Но теперь оно начало печатать серію книгъ, на которую считаю себя обязаннымъ вамъ указать; это *Recueil général des Bas reliefs de la Gaule Romaine par Emile Espérandieu*. Г. Эсперандій военный и преподаетъ въ военной школѣ; онъ много уже лѣтъ занимается эпиграфикой и римской археологіей. За свои труды онъ былъ сделанъ корреспондентомъ академіи надписей. Въ настоящее время ему поручено надѣль раскопками въ Бургундіи въ Алиэѣ (Alesia Юля Цезаря); эти раскопки уже дали интересные результаты.

Предполагаемый авторомъ трудъ *Recueil général des Bas Reliefs de la Gaule ancienne* обниметъ территоріи, находящіяся въ Бельгії, Германіи и Италии, и составить пять томовъ. Въ упомянутый выше первый томъ вошли южная Галлія и Корсика. Авторъ дасть описание и изображеніе 835 памятниковъ. Въ его трудѣ г-ну Эсперандію помогали два выдающихся археолога: г. Саломонъ Рейналь и г. Камиль Жюліанъ; издана книга роскошно.

Благодаря сотрудничеству г. Поттье *Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines* быстро подвигается. Недавно вышелъ 40-й выпускъ (*Princeps-Quorum*), главный статьи: *Prodigia*—написана Буше Леклеркъ, *Proxenia*—Монсо, *Publicani*—Канья, *Quaestio*—Лекривеномъ, *Quaternio*—Ленорманъ. Изданіе и иллюстраціи попрежнему безупречны.

Парижскій университетъ ввелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ цѣлью привлечь иностранцевъ, специальнуу степень *Doctorat d'Université*, которая не дасть имъ права преподаванія во Франціи (даваемаго только *Doctorat es lettres или es sciences*), но почетный титулъ. Нѣкоторые иностранцы уже представили весьма недурные диссертации. Такъ недавно представилъ диссертацию молодой сербъ Григорій Якшичъ, озаглавленную *l'Europe et la Resurrection de la Serbie*.

(1804—1834). Это книга въ 500 страницъ, авторъ ея не только изучилъ многочисленныя сочиненія, изданныя на его родинѣ, но работалъ въ архивахъ и нашелъ даже въ Парижѣ много новыхъ документъ. Въ своемъ труде онъ проявилъ серьезныя историческія способности, и я утверждаю, что это книга заполняетъ пробѣлъ въ нашей литературѣ.

Въ іюль этого года одна русская дама Ольга Крамарская представила на словесный факультетъ диссертацию Alexandre Sergievitch Grivoiedof. Sa vie—Ses œuvres. Изъ русскихъ классикъ Грибоѣдовъ памятѣ знакомъ французской публикѣ. Существуетъ только одинъ хороший французскій переводъ „Горя отъ ума“, сдѣланый покойнымъ Легрейлемъ. Легрейль, выдающійся литераторъ, прекрасно перевѣлъ нѣсколько русскихъ драматическихъ произведеній, опь ни за что не хотѣлъ пустить ихъ въ продажу. Г-жа Ольга Крамарская дала хорошую біографію и анализъ произведеній Грибоѣдова, но ей слѣдовало бы познакомить французскую публику съ исторіей русской комедіи до Грибоѣдова, указать на развитіе въ Россіи галломаніи и галлофобіи. Ея книга, несмотря на большой объемъ (300 страницъ), нѣсколько суха и не лишена недостатковъ.

Книгоиздательство Арманъ Коленъ издаетъ серію *Histoire des Littératures*. Недавно вышла исторія итальянской литературы, написанная профессоромъ Греноблѣскаго университета Henri Nanquette. Греноблѣ, расположенный на границѣ Альпъ, является въ настоящее время главнымъ центромъ изученія Италии, подобно тому какъ Тулуса, расположенная у подножія Пиреней, служитъ центромъ для изученія Испаніи. Книга г. Говетта является наиболѣе полнымъ сочиненіемъ на французскомъ языкѣ обѣ итальянской литературѣ, которую за послѣдніе годы занимались многие писатели. Въ Парижѣ существуетъ общество *des études italiennes*, образованное профессоромъ Сорбонны Дежобѣ, состоящимъ его предсѣдателемъ; оно время отъ времени организуетъ въ Сорбоннѣ чтенія, предметомъ которыхъ служить Италия.

Неутомимая книгоиздательская фирма Ларуссъ составила коллекцію популярныхъ книгъ, именуемую названіе „Библиотека Ларуссъ“ и состоящую изъ книгъ цѣною отъ 75 сантимоъ до одного франка. Эти книги снабжены картами и иллюстраціями. Среди книгъ этой коллекціи находятся сочиненія по медицинѣ, юриспруденціи, технологіи и исторіи. Г. Луи Леже написалъ для этой коллекціи Исторію Россіи и Исторію русской литературы. Эти книги написаны очень ясно и снабжены иллюстраціями.

Въ Бельгіі скончался ученый г. Спульберкъ де-Ловенжуль, имя которого останется навсегда связаннымъ съ французской литературой XIX вѣка. Г. Спульберкъ де-Ловенжуль былъ страстный библиофилъ. Онъ собралъ удивительную коллекцію документовъ по французской романтической литературѣ, относящихся къ Бальзаку и Теофилу Готье. Эту коллекцію онъ завѣщалъ Французскому институту подъ условиемъ, чтобы она хранилась въ замкѣ Шантильи, подаренномъ институту герцогомъ Омальскимъ, где и рекомендую сть ней познакомиться всѣмъ интересующимся романтизмомъ.

И. И — ръ.

λλλως, ήτοι ίκανον, ηδύνατο νὰ ἐκληρθῇ ὡς σημαῖνον τὸ ΔΙΑΚΟ(νου), καθά και ἐν ἄλλαις ἐπιγραφαῖς, οἷον παρὰ Lagrange (Saint Etienne, σ. 116), και οὕτω τὰ κατόπιν στοιχεῖα ΟΝΙC νὰ είναι δηλωτικά ὑνόματος διστιαχρίτου ἄλλου τινὸς ὑπηρεσιακοῦ ἀξιώματος τοῦ Νόννου ἐν τῇ μονῇ, ἣν ἔχει ὑπὸ δῆμοις ἡ ἐπιγραφή· ἀλλ' ἀξιώματα μυναστηριακῆς ἡ ἐκκλησιαστικῆς ὑπηρεσίας ἀπὸ τῶν συλλαβῶν ΟΝΙC ἀρχόμενον εἶναι νομίζω καὶ παντελῶς ἀγνωστον καὶ ἐτυμολογικῶς ἀκατόρθωτον. Μόνον δυνατὸν φαίνεται, εἰς ἐμὲ τούλαχιστον, γάρ ὑποτεθῆ ἔκει ἐν ἐσφαλμένον ὠνής, ήτοι ἐξ ὠνής (=ἱήχη ἐξ ὠνής)· ἀλλ' εἰς τοῦτο καλύπτομαι ἀπὸ τῆς γραμμῆς 7, ἐξ ἣν πορίσεται τις ὅτι ὁ τάφος εὑρίσκεται ἐντὸς μονῆς, ητοι παράλογον θὰ ήτο νὰ ἡγόραζε διὰ τὸν Νόννον τάφον ἐν αὐτῷ ταύτῃ τῇ μονῇ εὑρισκόμενον· δυνατὸν θὰ ήτον ἐπίσης νὰ ὑποτεθῇ ἐν ἀξιώματα γενικῆς πτώσεως, ἐσφαλμένως γεγραμμένον, οἷον ὠνιστής (=ῶνητής), καὶ τοῦτο ἐκ τύπου ἀγνώστου *ἀνίζω, οἷς δύναται νὰ ὑποτεθῇ ἐκ τοῦ νεοελληνικοῦ ὄφωνίζω ψωνίζω. Πάντα δημοτικά ταῦτα θὰ είναι βεβιασμένα, βεβιασμένον δ' οὐχ ήτετον θὰ είναι νὰ ἐκληρθῶσι καὶ τὰ ΟΝΙC ὡς δηλωτικά τοῦ ὑνόματος Ὁντησί(μου), διότι δέον μετὰ τοῦτο νὰ ὑπάρχῃ ἀλλο τι προστηροικὸν δυνάμενον νὰ συνδέσῃ τὰ ἐν ταῖς λοιπαῖς λεγόμενα γραμμαῖς, ἐκτὸς ἂν ὑποτεθῇ ὅτι θὰ ἐνεστο τοῦτο οἰκοθεν, ήτοι Ὁντησί(μου διακόνου). Οὕτως η ἐπιγραφὴ δι' ἀνεγινώσκετο ἀδέ πως· „+Θῆχ(αι) διαφέρ(ουσαι) Νόννου διακόνου· Οντησί(μου διακόνου) τῆς ἀγ(ίας) τοῦ Χ(ριστοῦ) Ἐ(να)στ(άσεως), τῆς μονῆς αὐτῆς“. Ἀλλ' ἐπειδὴ καὶ η ἀνάγνωσις αὐτῇ διὰ τὰ ικανά τῆς ἀμφίβολα δὲν δύναται νὰ είναι εὐπρόσδεκτος, τότε πρέπει τὰ δύο σημεῖα, τὴν ἐπὶ τοῦ Κ πλαγεῖαν τομήν καὶ τὸ ονοματεύμα ταῦτον, τουτέστιν ἀδιάφορα σημεῖα συγχρητῆς, ἐν δὲ τοῖς στοιχείοις ΟΝΙC νὰ διακρίνωμεν ἀπλῶς τὴν μετοχήν ὄντησί(αμένων) η ὄντησί(αμένης)=ώνησαμένων η ὠνησαμένης, ἐπίσης συγχρημένην, καὶ οὕτω νὰ ἀναγνωσαμεν.

+Θῆχ(αι) δια-
φέρ(ουσαι) Νόν-
νου δια-
κόνου, ὄντησί(αμένης)
τῆς ἀγ(ίας) τ-
οῦ Χ(ριστοῦ) Ἐ(να)στ(άσεως),
τῆς μο(νῆς) αὐτῆ-

6.

72.

C. I. G., ἀριθ. 8885. V. Guerin, Description géographique... de la Palestine. Judée. Paris, 1868—9, τ. 2, σ. 6. Germer-Durand ἐν τῷ Cos-

mos, 1888, τ. 37, σ. 371, καὶ ἐν τῇ Revue Biblique, 1893, τ. 2, σ. 209—210. Clermont-Ganneau, Archaeological researches. London, 1896, τ. 2, σ. 221—223.—Ἐπιγραφή, ἡς πρότερον ἦτινώσκετο τὸ πρῶτον ἥμισυ· τὸ ἔτερον ἥμισυ εδρεν ὁ Durand, δύσις καὶ συγχολήσας τοῦτο μετ' ἔκεινου ἀπεικόνισε τὸ σύνολον. Οὕτως ἡ ἐπιγραφὴ είναι τελεία· εὑρίσκεται δὲ ἐν Ἰουδαίᾳ, κατὰ τὴν θέσιν Kiriet-es-Saïdeh τῆς κοιλάδος Safat, καὶ οὐ μακράν τῆς πηγῆς Aïn-Karim. Τὸ πρῶτον ἥμισυ ἀνέγνω καλῶς ὁ Kirchhoff, ἢτοι „Κ(αὶ) τοῦτο κτήσμα“, τοῦ καὶ ἑκαθέντος ἐκ τοῦ ἐν ἀρχῇ τῆς ἐπιγραφῆς στοιχείου Κ, ὅπερ, ὡς ἔχει, σημαίνει πάντοτε τὸ καὶ· ἀλλ' ὁ Clermont-Ganneau ἀκριβέστερον περὶ τῆς ἐννοίας αὐτοῦ, ἐκεῖνο μὲν ἀφῆκεν ἀνερμήνευτον, τὸ λοιπὸν δὲ τῆς ἐπιγραφῆς καὶ ἀναγνώσκει καὶ μεταφράζει οὗτο· „... τοῦτο κτήσμα Μαρίνου διακόνου=.... this is the foundation of the deacon Marinos“. Κατόπιν πολλὰ λέγει περὶ τοῦ στοιχείου Κ, καὶ τελευταῖον ταῦτα· „As a general rule, the Κ is the abbreviation in current usage for κ(αὶ)=and. If this value be assigned to it here, the aspect of the inscription is entirely changed: and this is the foundation of the deacon Marinos. It becomes merely the continuation of a lost sentence which perhaps contained the mention we should expect of the name of Photinos, after whom the monastery was called. We may suppose that this lintel (τοιτέστι τὸ φέρον τὴν ἐπιγραφὴν τελείαν) formed a pair with another of the same kind, in some architectural scheme such as we can easily imagine, a double door“ κτλ. „Ολα ταῦτα κατ' ἐμὴν γνώμην είναι καὶ ἀφελῆ καὶ περιττά· διότι ἡ μὲν ἐπιγραφὴ είναι πλήρης, τὸ δὲ Κ οὐδὲν ἄλλο σημαίνει ἢ τὸ καὶ. Ο Clermont-Ganneau ἀγνοεῖ τὴν ἐνταῦθα σημασίαν τοῦ καὶ· δὲν είναι δηλαδὴ τοῦτο συμπλεκτικόν, ἀλλ' ἐν ἀρχῇ προτάσσεως εὑρίσκομεν καὶ μετὰ δεικτικῆς ἀντωνομίας λαμβάνει τὴν ἐννοίαν τοῦ ἐπίσης, εἰσιαν· ώστε ἀγγλιστὶ δέον τὸ σύνολον τῆς ἐπιγραφῆς νὰ μεταφρασθῇ οὗτο· „This also is a foundation of the deacon Marinos“.

73.

C. Schick, Discovery of rock-hewn chapels at Silwān, ἐν τῷ Palest. Explor. Fund, 1890, σ. 16—18. W. M. Flinders Petrie, Notes of places visited in Jerusalem, αὐτόῃ σ. 157.—Ἐπιγραφὴ ἐπὶ βράχον ἐντὸς τοῦ ἱεροῦ (altar) λαξευτοῦ τίνος ναΐσκου, ἔξω τῆς Ἱερουσαλήμ, ἐνθα κατὰ παράδοσιν ὁ τάφος τοῦ προφήτου Ἰλαίου. Μίδιν αὐτὸν καὶ ἐγὼ αὐτὸς ἔτει 1889-φ' μεθ' ὅσα δὲ περὶ τῆς ἐπιγραφῆς λέγει ὁ Flinders Petrie, καὶ τὸ ἀποτύπωμα καὶ ἡ αὐτοφία αὐτῆς (ἀκριβέστερον ἀποτύπωμα είναι τὸ τοῦ Schick ἐν σελ. 17) ἐπιτρέπουσι νὰ ἀναγνώσωμεν οὗτος·

Ἐ]κτύστη τ(ὸ) ἵερῳ Ἰσαίᾳ
προφ(ῆ)του.

Οὗτως ἔχομεν ἐνταῦθα φωνητικά φαινόμενα νεοελληνικά (ἐκτύστη=ἐκτίσθη, ἱερῷ=ἱερόν), ἀπὸ δὲ τοῦ χαρακτήρος ὄριμοιν τῶν στοιχείων δυνάμεθα νὰ ὑποθέτωμεν τὴν ἐπιγραφὴν μεταγενεστέραν τοῦ 11-ου αἰώνος. Σημειωτέον, δτὶ μετὰ τὸ [ε]κτύστη ἔχει ὁ λίθος τὰ στοιχεῖα ΤΕΡΩ. Τὸ πρῶτον γράμμα εἶναι μὲν Τ φανερόν, ἀλλὰ δὲν εἶναι καὶ ὅμοιον τοῖς λοιποῖς ἐν τῇ ἐπιγραφῇ τρισὶ ταῦ ἔχει δηλαδὴ ἐπὶ τοῦ καθέτου σκέλους μικράν τομῆν, δι' ἣς ἀναπληροῦται ἡ ἔλλειψις ἐνὸς Ι μετὰ τομῆς, οὐχὶ σπανίον ἐν ἐπιγραφαῖς, διπερ δέον νὰ συνενωθῇ τοῖς στοιχείοις ΕΙΡΩ. Ἀνωθεν τοῦ Τ θὰ ὑπῆρχεν ἀναμφιβόλως ἐξ ἀρχῆς ἐν Ο μικροῦ σχήματος, νῦν ἀδιάκριτον διὰ τὴν ἐκεῖ φθορὰν τοῦ λίθου.

74.

Ch. Clermont-Ganneau, Archaeological researches in Palestine. London 1896, τ. 2, σ. 107—108.—Σημειοῦται ἐνταῦθα ἐπιγραφὴ ἐκ στήλης τοῦ ἐν Δύοδῃ ναοῦ τοῦ ἀγίου Γεωργίου, ἦν ὁ ἐκδότης ἀνέγνω ὡς ἐξῆς:

+Οἱ μὲν προ-
εδρεύσαντες
ἄστεος πάλαι
τοῦ Χριστολαμ-
π(ρ)οῦ τοῦ δε σεμνο-
ποιμένες,
καλλοκίσαντες
τὸν δε τὸν λαϊ-
πρ]ὸν δόμον.

Παρατίθεται ὑπὸ τοῦ ἐκόντοντος καὶ πανομοιότυπος τῆς ἐπιγραφῆς ταύτης εἰκὼν, ἀλλὰ καὶ σημείωσις περὶ αὐτῆς ἐρμηνευτικὴ καὶ μετάφρασις ἐκείνης ἀγγλικῆς. ‘Ο ἐκδότης λέγει προσέττει „The inscription shows a marked attempt at poetical expression. It seems complete, though there appears no verb in the preteris in the sentence“. Καὶ δμως εἶναι φανερῶς ἐμμετρος, ἐκ τριῶν συνοταμάνη δωδεκασυλλάβων στίχων. Ὁ πρῶτος λήγει εἰς τὸ πάλαι, μεθ' ὁ καὶ κόσμημα ὡς σημεῖον στίκεως ἐπὶ τοῦ λίθου ὑπάρχει, ὁ δ' ἔτερος λήγει εἰς τὸ ποιμένες, μεθ' ὁ δεύτερον σημεῖον στίκεως ἐπὶ τοῦ λίθου· ὁ δὲ τρίτος εἰς τὸ δόμον· ἡ δὲ ἀκολουθία καὶ τῶν τριῶν στίχων θὰ ὑπῆρχεν ἀναμφιβόλως ἐπὶ στήλης ἑτέρας. Τούτων οὖτως ἔχόντων ἀνευ οὐδεμιᾶς ἀμφιβολίας, δέον ἐπίσης νὰ σημειωθῇ, ὅτι περὶ τοῦ Χριστολαμπ(ρ)οῦ ὁ

έκδότης λέγει: the cutter of the stone has omitted the second P. Τοῦτο ὅμως δὲν ἔχει οὕτω, διότι ἐν αὐτῷ τῆς ἐπιγραφῆς τῷ ἀπεικονίσματι ἀναγινώσκομεν σαφῶς ΧΡΙΣΤΟΛΑΜΠΙΟΥ, μεν' ὁ ὑπάρχει χῶρος ἐρθαρμένος ἐνὸς γράμματος, ἀναμφιβόλως ἐνὸς C. "Ωστε ἀντὶ τοῦ ἀλόγου καὶ συνθετικῶς ἀδυνάτου Χριστολαμπροῦ ἔχομεν ἐνταῦθα τὸ σαφὲς Χριστολαμπροῦ[ς]. Τὸ ἐπίγραμμα λοιπὸν ἔχει ὡς ἔξης·

Οἱ μὲν προβρέψαντες δύτεος πάλαι
τοῦ Χριστολαμπροῦ[ς] τοῦδε σεμνοποιμένες,
καλλωπίσαντες τόνδε τὸν λαμπρὸν ὄντον,

Κατὰ τὸ ἀπεικόνισμα ἡ ἐπιγραφὴ φαίνεται οὖσα μεταγενεστέρα τοῦ δεκάτου αἰώνος.

75.

Steward Macalister, The lost inscription of Eugenios in the Wady Er-Rababi (Palestine Explor. Fund. Quart. Statement for 1900, σ. 101—102). Πρβλ. Germier-Durand ἐν τῇ Revue Biblique, 1892, τ. 1, σ. 564.—Ἴεροσόλυμα, κοιλάς Hinnom. Ἐπιγραφὴ ποτὶ incised but painted in red, and the colour, especially at the ends of the lines, has suffered much injury from weathering. Ἀντεγράφη δὲ οὕτω·

+ΜΝΗΜΑ ΑΜΑ ΦΕΡΟΝΤΑ ΟΥΕΥΓΗ
ΝΟ ΚΟΚΟΜΙΟΥ ΤΟΥ ΠΑΤΡΙ[·]
ΑΓΙΑC

Ο Macalister προτείνει τὴν ἔξης ἀνάγνωσιν „Μνήμα ἀμα φέρον τὰ τοῦ Εὔγενος [sic] ὁ Κομίου· τοῦ πάτρος. Αγιας Σιών“. Καὶ προστίθησιν, ὅτι τὰ ἐν τῇ πρώτῃ σειρᾷ στοιχεῖα ΝΗ είναι συνηνωμένα, τὰ δὲ πρώτα τῆς αὐτῆς στοιχεῖα δὲν ἀποτελοῦν τὸ σύνημες Μνήμα διαφέρον, τὸ Μ ὅμως τοῦ ΑΜΑ is quite distinct. Σημειοῦται προσέτι, ὅτι ὁ Père Lagrange προτείνει νὰ ἀναγνωσθῇ ἡ ἐπιγραφὴ οὕτω·

ΜΝΗΜΑ ΑΜΑ ΦΕΡΟΝΤΑ ΟΥΕΥΓΗ
ΝΟ ΚΟΚΟΜΙΟΥ ΤΟΥ ΠΑΤΡΙ[·]
ΑΡΧΟC

Μετὰ τὰς πρώτας ταύτας δοκιμάς ἀναγνώσεως ὁ Macalister οίνοι συμπληρῶν αὐτὰς ἀνακοινοῖ (σ. 232—234) πρῶτον ἀπεικόνισμα τῆς ἐπιγραφῆς, λέγων καὶ πάλιν· it is painted on an exposed surface of rock and has suffered much from the weather. Εἶτα καθιστᾶ γνωστόν, ὅτι οἱ Pères La-

grange καὶ Vincent μετά δευτέραν προστάθεισαν κατέληξαν εἰς τὴν ἑκῆς ἀνάγνωσιν.

+ΜΝΗΜΑΛΜΑΦΕΡΟΝΤΑΤΟΥΓΙΗΝ
ΝΟΣΟΚΟΜΙΟΥΤΟΓΙΑΤΡΙ
ΑΡΧΟΥ+

Αὐτὸς δὲ ὁ Macalister πορίζεται ἐντεῦθεν τὸ ἑκῆς νότημα· „Μνήμα ἄμα φέρον τὰ τοῦ Εὐγη... νοσοκομείου τοῦ πατριάρχου“. Καὶ μετά τινας σχετικάς πρὸς τοῦτο παραπρήσεις ἔκάγει τὸ συμπέραφμα τοῦτο· „The alternative readings (besides that already mentioned) are therefore: 1) Private tomb of Eugenios of the hospital of the patriarch. 2) Private tomb of Eugenios son of Komios, the patriarch. There does not appear, however, to be any record of such a patriarch“. Πάντα ταῦτα εἶναι κατ’ ἡμέ βεβιασμένα δι’ ἐσφαλμένην τῆς ἐπιγραφῆς ἀνάγνωσιν. Αὕτη, χρωματιστὴ ούσα καὶ οὐχὶ ἔγχαρακτος, δὲν ἡτο δυνατὸν νὰ διασωθῇ μέχρις ἡμῶν κατηλαρά, ὡς ἐξ ἀρχῆς ἐγράφη αἱ δὲ σειραὶ αὐτῆς δὲν εἶναι ἐπίστος εὐθεῖαι κατὰ τὸ ἀποτύπωμα, ἀλλ’ ἀνώμαλοι. Δαμβαγομένων λοιπὸν τούτων ὑπ’ ὅφει, δέον νὰ ὑποτεθῇ ὅτι μεταξὺ τῶν δύο ΑΑ τῆς πρώτης σειρᾶς (=ΜνήμΑ ἄ) θὰ ὑπῆρχεν ἐν Τ, ὅπερ θὰ ἡτο μικρόσχημον· καὶ ἀν μη ἡτον ἔκει, πάντως θὰ εὑρίσκετο ὑπεράνω τῶν ΑΑ. Ωστε πρώτη τῆς ἐπιγραφῆς λέξις θὰ ἡτον ὡχὶ τὸ Μνήμα, ἀλλὰ τὸ Μνήμα(τ)α. Τὸ κατόπιν τοῦ δευτέρου Α γράμμα Μ πάντως δὲν θὰ εἶναι Μ, διότι τὸ Μ ἐν ἄλλοις τῆς ἐπιγραφῆς τόποις εἶναι διάφορον, φανερὸν Μ. Ἐν τῷ γράμματι λοιπὸν ἔκεινφ, ὅπερ ἀλλως αὐτὸς ὁ Macalister μαρτυρεῖ διτε εἶναι quite distinct (ἀλλαχοῦ δὲ λέγει διτε θὰ προύτιμα νὰ τὸ νομίζῃ μᾶλλον Ν), δέον νὰ ἔχωμεν ἐν ΔΙ συγγενεῦον κατὰ τὴν καθόλου ἔξωτερητὴν μορφὴν πρὸς τὴν μορφὴν τοῦ Ν. Οὕτω συνενοῦντες μετά τῶν ΔΙ τὰ κατόπιν καλῶς διακρινόμενα γράμματα ΑΦΕΡΟΝΤΑ ΤΟΓ, ἔχομεν τὸ Μνήμα(τ)α διαφέροντα τοῦ....“. Μετά δὲ τὸ ΤΟΓ ὁ λίθος ἔχει τὸ ΕΓΓΗ, ὅπερ ἔδωκεν ἀφρομήν νὰ ὑποτεθῇ ἐνταῦθα εἰς Εὐγηνος, ὄνομα κύριον. Τοιούτον δομα; δὲν εἶναι δυνατὸν νὰ ὑπάρχῃ, καὶ μάλιστα ἐνταῦθα, διότι κατὰ τὸ πανομοιότυπον τὸ Η εὑρίσκεται εὐθὺς ἀνωθεν ἐνός Ρ, ὅπερ ὁδηγεῖ ἡμᾶς εἰς ἄλλην ἀνάγνωσιν. Περὶ τοῦ Η ὁ Macalister παρατηρεῖ ταῦτα· „The surface of the stone has been scraped immediately after the Η, but the right vertical bar of that letter has survived the ordeal, and there is no reason why traces of other letters, if they ever existed, should not still be seen“. Γράμμα ἔτερον μετά τὸ Η βεβαιώς δὲν ὑπῆρχεν, ἀλλ’ ὅπως δοθῆ νότημα εἰς τὸ ὅλον τῆς ἐπιγραφῆς, τὸ Ν δέον νὰ λογισθῇ ὡς συνδεδεμένον μετά τοῦ Ρ, ἡτοι θὰ ἔχωμεν ὡδε συλλαβήν ΡΗ. Ἀφιεμένου λοιπὸν τοῦ Η κατὰ μέρος, ὡς ἀνήκοντος εἰς ἄλλον τόπον, μάνει

νά ἐρμηνευθῶσι τὰ στοιχεῖα ΕΓΓΙ', ὡς τὸ Γ φαίνεται ἐν τῷ πανομοιοτύπῳ διάφορον ἑτέρων Υ τῆς ἐπιγραφῆς ἀλλ' ὅπως καὶ ἀν ἔχῃ εἶναι καὶ τοῦτο Γ κατὰ διάφορον τρόπον καὶ οὕτως ἐσχηματισμένον, ώστε νὰ ἐπιτρέπῃ τὴν ὑπόθεσιν ὅπερ μεταβούν αὐτοῦ καὶ τοῦ Γ θὰ ὑπῆρχεν ἑτερόν τι γράμμα μικρόσχημον, ἀναμφιβόλως ἐν Λ. Οὕτω θὰ ἔχωμεν ἐνταῦθα συγχεκομμένη λέξιν, τὸ εὐ(α)-γ(οῦς) η εὐ(α)γ(εστάτου). Ἐν τῇ δευτέρᾳ τῆς ἐπιγραφῆς σωρᾶ, εἰς τὸ τέλος αὐτῆς, μετὰ τὸ Ρ ὑπάρχει σημείον τι ὁσπερ Ἑ, διπερ εὑρίσκεται ἀνωθεν τοῦ Χ τῆς τρίτης σειρᾶς. Τὸ σημεῖον τοῦτο προτραπάνης δὲν εἶναι ιώτα, καὶ ἐπειδή εὑρίσκεται ἀνωθεν τοῦ Χ, θὰ εἶναι μέρος αὐτοῦ· νομίζω νὰ παριστῇ τὴν δίφθογγον εἰ. Ὁπωδήποτε η ἐπιγραφή, πρὸς ἀποφυγὴν τῶν ἡδη παραδόξων αὐτῆς ἀναγκωσθεν, ἀν καὶ πάλιν ἔκτασις ἐπιτοπίως, δέον νὰ ἔχῃ κατ' ἐμὲ οὕτω-

† Μνήμα(τ)α διαφέροντα τοῦ εὐ(α)γ(οῦς)

Νοοοκομί(=ει)ου τοῦ Πατρη(=ι)-

αρχείου †

Περὶ τῆς χρήσεως τοῦ εὐαγγοῦς ἐν τοιάσταις πράσεσι παράβαλε νεαράν Ιουστίνον 3 ἐν Corp. Jur. Civilis, τ. 3, σ. 20 „τοὺς λοιποὺς ἄπαντας εὐαγγεῖς οἴκους“. 21,14 „τοὺς τρεῖς εὐαγγεῖς οἴκους τοὺς ἡγιωμένους αὐτῆς“. 21,28 „ἐπὶ τῶν εὐαγγῶν μοναστηρίων“. Νεαρά Ηρακλείου πάρα Zachariae, JGR, τ. 3, σ. 39 „οἱ κλητρικοὶ τῶν εἰρημένων εὐαγγῶν οἴκων“. Ἐπέρα τοῦ αὐτοῦ σ. 42 „ἐκ τοῦ εὐαγγοῦς ὄρφανοτροφείου η τῶν εὐτῆγων ξενώνων, η εὐαγγοῦς μοναστηρίου, η ἐκ τῶν θειῶν ἡμῶν οἴκων“. Καὶ κατωτέρω· „οἱ εὐαγγεῖς τόποι τῆς βασιλίδος ταύτης πόλεως“. Καὶ σελ. 43: „ἐκ τῶν θειῶν οἴκων είτε ἐκ τοῦ εὐαγγοῦς ὄρφανοτροφείου, η τῶν εὐαγγῶν ξενώνων, η εὐαγγοῦς μοναστηρίου“.

76.

C. Schick, The mount Olives ἐν τῷ Palest. Explor. Fund. Quart. Statement for 1889, σ. 182—183, ἀριθ. 4, ἔνīτα τὸ ἀπεικόνισμα ἐπιγραφῆς φημιδωτῆς ἐκ τοῦ προσκυνήματος „Ἄνδρες Γαλιλαῖοι“, ἐπὶ τῆς λεγομένης Μικρᾶς Γαλιλαίας τοῦ ὄρους τῶν Ἐλαιῶν¹⁾. Ταῦτην εἰδον καὶ ἐγὼ πολλάκις. Ο Schick ἀπλῶς ἔδωκε τὸ σχέδιον τῆς ἐπιγραφῆς, ὁ δὲ C. R. [Conder] αὐτόθι, σ. 179, σημειοῦται περὶ αὐτῆς ταῦτα· „The text № 4 is evidently byzantine, and seems to be the tomb of the servant Anna“. Κατόπιν ὁ H. Sayce (Palest. Explor. Fund. Quart. Stat. for 1890, σ. 4), βασιζόμενος ἐπὶ τοῦ ἀχριθοῦς σχέδιον τοῦ Schick, προύτευε νὰ ἀναγνωσθῆ ὡτοῦ· „X(αίρετ)ε μνήσθητι τῆς δούλης σου Ζάννας“. Ἀλλ'

¹⁾ Πρβλ. Germer-Durand ἐν τῇ Revue Biblique, 1902, τ. 1, σ. 573—574.

ό E. A. Finn (αντόθι c. 54—55), μη ἐγκρίνας τὴν ἀνάγνωσιν ταύτην, ἐσημείωσεν ὅτι „The inscription . . . should be read as „The memorial (ΤΗΣ ΔΟΥΛΗΣ ΣΟΥΖΑΝΝΑΣ) of the servant [minister] Susanna, not Anna, as rendered in the note p. 179“). Καὶ δῆμος τὸ Ζάννας ἔχει ὄφθαλμος, τὸ δὲ πρὸ τούτου ἀντωνυμικὸν σου ἐρμηνεύεται ἐξ τοῦ ὅτι ἡ Ζάννα ἀναφέρεται πρὸς τὸν Χριστόν, οὐ δούλην ἀναγνωρίζει. Τὸ δονομα τὴν λυχοδό γένους Ζάννα δὲν φαίνεται παράξενον, ἐπειδὴ κατὰ τὸν κάθικα Ρ ἐν τῷ „Τπέρ τῶν πολέμων“ τρίτῳ τόμῳ τοῦ Προκοπίου Καισαρέως μνημονεύεται τὸ ἀρσενικὸν τένος Ζάννας (Procopii opera omnia, τ. 1, c. 508 Boor. Πρβλ. Pape-Benseler, W. d. gr. Eigennamen, τ. 1, c. 498). 'Αλλ' εὐρέθη καὶ μοναχὸς Ζάννος ὄνομαζόμενος (Germer-Durand ἐν τῇ Revue Biblique, 1893, τ. 2, c. 213):

77.

C. Schick ἐν τῷ Palest. Explor. Fund. Quart. Statement for 1892, c. 187. Germer-Durand ἐν τῇ Revue Biblique, 1892, τ. 1, c. 582, ἀριθ. 43.—Ιεροσόλυμα, in the Muristan. „It is on the wall of a pier, in one of the old rooms, on a smooth stone, only a few inches above the flooring“. Αμφότεροι ἐδημοσίευσαν τὸ πανομοιότυπον τῆς ἐπιγραφῆς ταύτης, ἀλλ' εἰναι ἀνακριθέει. Τὸ ἀμὸν ἀντίγραφον τενόμενον ἐπὶ τόπου ἔχει οὕτω·

ΦΩΤΗΚΙΔΙΑ ΦΕΡΟΥΣΔΗ ΗΝΑΝΤΕΡΨΡΟΥ

Ο λίθος ἔχει μῆκος ἑνὸς μέτρου γαλλικοῦ καὶ 2 ἑκατοστῶν, ὅψος 0.40. Τὰ γράμματα ὅψους 0.11. Η ἐπιγραφὴ δύναται νὰ ἀναγνωριθῇ οὕτω·

+ Ηήκι (=η) δια-
φέρουσα Μ-
ηνᾶ, ὑπὲρ ω (=οῦ) πρ(έσθειε) θ(εο)ῦ.

78.

Martin Hartmann ἐν τῇ Zeit. d. d. Palest. Vereins, 1900, τ. 23, c. 108.—Συρία, El-chanāsir. „Ein grosser Stein mit dem üblichen Kreuz, darunter die Inschrift“:

ΜΕΚΕΟΤΙΕΠΙΣΟΙ ΙΕΛΠΙΣΕΙΠΟ

Ο ἑκάστης πόδεν ἔτερον λέγει, ἀλλὰ τὸ ἀντίτριχον αὐτοῦ θὰ είναι ἡλπι-
μένον ἐν τῷ μέχρι τῆς ἐπιγραφῆς, διότι ὁ λίθος θὰ ἔχῃ ἐπει ἄπλως ἐν Η,
καὶ οὕτω τὸ καίμανον αὐτῆς θὰ είναι ἀναντιρρήτος μέρος τῶν φαλμάν
σπάγων (ιερ., 1—2). „[Φύλαξ] με, Κόριτσα, διτὶ ἐπὶ σοὶ ἡλπισα-
εῖκον τῷ Κορίφῃ“ κτλ.

79.

G. Schumacher, Notes from Jedîr, ἐν τῷ Palest. Explor. Fund. Quart. Stat. for 1897, σ. 195.—Ἐπιγραφὴ ἐκ Νυ'αρᾶν, ἃς ἐδημοσιεύθη
μόνον τὸ πανομοιότυπον ἀλλ' ὑστερὸν ὁ Clermont-Ganneau (σελ. 306)
προβλεψε νὰ ἀναγνωσθῇ οὕτως: „Εὐλογητὸς Κύριος στις εἰσήκουσεν τῆς
φωνῆς τῆς ὑετοσσού μου. Κύριος βοηθός μου καὶ υπερασπιστής
μου, επ' αυτα έχει καλῶς ἡ ἀνάγνωσις αὕτη, τὰ δὲ „δοξα, εποηθη (ἐποί-
ησε?) Βην(ι)αμην“ σίνατ ἀκαράδεκτα· διότι ἐν ᾧ τῇ ἐπιγραφῇ ἔχουμεν
ἀπλῶς φαλμικὸν χωρίον, τὸν στίχον 6 καὶ μέρος τοῦ 7-ος στίχου τοῦ φαλ-
μοῦ κτλ'. Η λέξις δοξα δὲν ὑπάρχει ἐν τῷ πανομοιότυπῳ, τούναντίον δὲ ἀντί^τ
ἔκεινου εὑρίσκονται ἔκει τὰ στοιχεῖα ΗΔΞΙΣΑ, ἐν οἷς διακριτόν τὸ ἡλπισα-
δναμφιθήλως δὲ ὁ Schumacher ἔξελαβε τὸ Π ὡς τετράγωνον Ο. Μετὰ δὲ
τὸ ἡλπισα ἔχει τὸ πανομοιότυπον τὰ στοιχεῖα //ΚΕΗΞΗΘΗΝΑΜΗΝ. ΤἺ
αὐτοῖς δρις ἀντὶ τῶν βεβιασμένων „εποηθη Βην(ι)αμην“ δέον νὰ διακρί-
νωμεν τὰ „[καὶ ἐβ]ι[ο]ηθη ηθή ηην, Αμήν“, ἀτικα ἔχει ὄντες ὁ τοῦ ῥηθέντος
ψελμοῦ 7-ος στίχος. Οὕτως δηλη ἡ ἐπιγραφὴ ἔχει ταῦτα·

† Εὐλογητὸς .	καὶ	οἵτις εἰσήκουσε
τῆς φωνῆς		τῆς δεήσ-
ώς μου. καὶ		βοηθός μου
καὶ ὑπερ		ασπιστής
μου. ἐπ' αὐ		τῷ ἡλπισα
[καὶ ἐβ]ι[ο]ηθη		θην. ἀμήν.

80.

G. Schlumberger, Sigillographie byzantine, σ. 196. Ἐνταῦθα ἀπεικό-
νισται μολυβδόβουλον, οὗ τῇ ἐνεπίγραφος πλευρᾷ ἐρθαριμένη οἵσα ὀλίγον σφέσι
τὰ γράμματα ταῦτα·

M
ΙΛΔΙ
ΚΙΤΗ
ΧΙΟΥ

‘Ο ἐκδότης ἀνέγνω ταῦτα οὕτω· ΜΙ[ΧΑ]ΗΛ ΔΙ[ΟΓ]ΚΙΤΗ[ς] ΧΙΟΥ.
‘Ἄλλα τί σημαίνει διοικητής; ἀναμφιβόλως οὐδέν· ἔχομεν δὲ ἐνταῦθα ἀπλῶς
τὴν λέξιν διοικητῆς (ἄλλ’ ἀνορθόγραφον) ἐν γενικῇ πτώσει μορφῆς νεοελ-
ληνικῆς· ὅθεν ἀναγνωστέον·

[†] Μι-
[χα]ήλ Δι-
[οι]κητή,
Χίου.

81.

G. Schlumberger αὐτόθι σ. 729. Πρβλ. K. M. Κωνσταντόπουλον ἐν τῷ Journal intern. d'archéologie numismatique, 1902, σ. 5, σ. 150, ἀριθ. 8. Μολυβδόβούλων, οὗ ἡ δυντέρα πλευρὰ φέρει τὰ γράμματα ταῦτα·

† ΙΡ
)ΡΙΩΒ'ΑΣΗ
ΘΚΑΙΣΤΑΡ'Κ'Α
ΧΟΝΤΙΤΩΝΚΟ
ΕΡΚ'ΘΕΣΣ
ΑΛ()

‘Ο Schl. ἀναγινώσκει οὕτω· „† ΙΡ[ηγ]ορίφ β(ασιλεύω) ᾱσπαθ(αρίψ)
ΚαιΣΤΑΡ(χ?) χ(αὶ) ᾥ[ρ]χοντι τῶν κο[μ]ερχ(ίων) θεσσαλ.ο(νίχης)“. Εἴτε προστίθησι τὴν ἑξῆς παρατήρησιν· „Ce Grégoire, protospathaire, qui est archon des douanes (du thème) de Thessalonique (titre que je n'ai jamais encore rencontré) s'intitule encore ΚΑΙΣΤΑΡ'(χας?). Je ne trouve ce titre nulle part, pas plus sous cette forme que sous celle de ΚΟΙΑΙ-
ΣΤΑΡΧ(Ι)Σ. Ce sceau est fort intéressant et je regrette de ne pouvoir en donner une lecture plus satisfaisante.“ (1) ἀμφιβαλλόμενος τίτλος ΚΑΙ-
ΣΤΑΡ” γίνεται σαφής, ἂν τὸ ὡς Κ νομιζόμενον γράμμα θεωρητικὴ πηγάδιον
ἐκ παραγνώσεως τοῦ R (= B) καὶ οὕτως ἀναγνώσωμεν βαἰστάρ(χη). ὅτι
δὲ ἔχομεν ἐνταῦθα βαῖ αὐτὶ βαῖ, ἀνάγκη βεβαίως δὲν είναι ν' ἀπορῶμεν, ἀφοῦ
σύνηθες είναι καὶ ἐπὶ μολυβδόβούλων νὰ φαίνωνται λέξεις ἀνορθόγραφοι.

82.

G. Schlumberger, Sigillographie byzantine, σ. 644—645, ἀριθ. 28.—
‘Ἀπεικονίζεται ἐνταῦθα τοῦ ἐν Ηερολίνφ νομισματικοῦ μουσείου μάγια μολο-
βόβούλων, οὗ ἡ μία πλευρὰ παριστᾶ πολύχωπον ναῦν διαπλέουσαν τὴν θά-
λασσαν καὶ σημαίαν καὶ ναύτας φέρουσαν· ἡ δὲ ἔτερα ἔχει μακρὰν μὲν ἀλλ’

όλιγον ἐφθαρμένην ἐπιγραφήν, ἡν δὲ ἀδότης ἀνέγνω σῦτον „Σφραγίς γραφῶν εὐχλεοῖς] Θεοδώρας Κομνηνο]φυοῦς ΠΡΟΣ..... ΓΟΥΚΑ..... μεγάλου δουκὸς Ἰσαακίου σεβαστοκρατοροῦντος εὐθαλοῦς χλάδου“. Εἰς τὸ σπουδαιὸν τοῦτο μολυβδόβουλλον ἐπέσυρε τὴν προσοχήν μου ὁ κ. N. P. Litchatchew. Ὁ Schl. λέγει „La très longue légende du revers est malheureusement en partie détruite, mais de ce qu'il est possible d'en déchiffrer il ressort clairement que le sceau a appartenu à une Théodora Komnène qui semble avoir été la fille d'un grand duc et sebastocrator Isaac“. Κατόπιν ταύτης τὴν Θεοδώραν ταύτην μετὰ Θεοδώρας τῆς θυγατρὸς τοῦ σεβαστοκράτορος Ἰσαακίου Κομνηνοῦ, τῆς κατόπιν συζύγου Βαλδουΐνου τοῦ 3-ων καὶ σύτῳ βασιλίσσης τῆς Ἱερουσαλήμ. Τὸ πρᾶγμα δημοσ. δὲν ἔχει σύτῳ, διότι οὐδαμοῦ τῆς ἐπιγραφῆς λέγεται θυγάτηρ Ἰσαακίου ἡ Θεοδώρα. Τεγγυτέρα τῆς ἐπιγραφῆς μελέτη φανερώνει τὴν Θεοδώραν συγγενῆ τοῦ Ἰσαακίου. Πρὸς κατάληψιν τούτου δέον νὰ σημειωθῇ πρῶτον τὸ διαφυγὸν τὴν προσοχὴν τοῦ κ. Schliemann, ὅτι τοῦ μολυβδοβουλλοῦ ἡ ἐπιγραφὴ εἶναι ἔμμετρος, ἐκ στίχων δωδεκασυλλάβων,¹ τὸν τελευταῖον πόδα ἔχοντων παροξύνοντον· οἱ στίχοι εἰναι τέσσαρες, ἡτοι:

Σφραγίς γραφῶν εὐχλεοῖς, Θεοδώρας
Κομνηνοῦς; ΠΡΟΣ——— ΓΟΥ
ΚΑ—— μεγάλου δουκὸς Ἰσαακίου,
σεβαστοκρατοροῦντος εὐθαλοῦς χλάδου.

Ο πρῶτος καὶ ὁ τέταρτος στίχος εἶναι τέλειος· τοῦ δευτέρου² λείπουσε πάντες συλλαβαί, τοῦ δὲ τρίτου μία. Η συμπλήρωσις εἶναι νομίστις εὐχερῆς, πρὸς πορισμὸν τελείου τινὸς νοήματος. „Ἀν ὄρμηθῶμεν“ ἀπὸ τοῦ 1-ου καὶ τοῦ 4-ου στίχου, ἐν οἷς ἡ Θεοδώρα ζητεῖται πεισθόντας πως νὰ καταστήῃ φανερὰν τὴν λαμπρὰν αὐτῆς καταγωγήν, τὰ στοιχεῖα ΠΡΟΣ δέον νὰ ὀδηγήσωνται ἡμᾶς εἰς τὸ νὰ ὑποθέτωμεν, δηλαδὴ εἶναι ταῦτα ‘λείψανον τῆς λέξεως προσ[γενοῦς]’ καὶ ἐπειδὴ ἐν τῇ ἀρχῇ τοῦ 3-ου στίχου ἔχομεν τὰ στοιχεῖα ΚΑ καὶ κατόπιν ἔλλειψιμα μᾶς μόνης συλλαβῆς πρὸς ἀνόρθωσιν ἐκείνου, τὸ μὲν ΚΑ νομίσω, βοηθούσης καὶ τῆς εἰκόνος τοῦ μολυβδοβουλλοῦ, ἡτοις μετὰ Α παρουσιάζει χῶρον τριῶν κατεστραμμένων στοιχείων, δυνατὸν νὰ συμπληρωθῇ εἰς ΚΑ[Ι], ἡ δὲ λείπουσα συλλαβὴ νὰ εἶναι ἀπλῶς τὸ ἄρθρον ΤΟΥ. Οὗτως ήταν εἰγόμεν τέλειων στίχον· „καὶ[ι τοῦ] μεγάλοιο δουκὸς Ἰσαακίου“. Εἰς τὸ τέλος τοῦ δευτέρου στίχου διακρίνεται ἡ συλλαβὴ ΓΟΥ, ἡτοις δημοσ. πρὸ τοῦ Γ ἔχει χῶρον κατεστραμμένων γραμμάτων· ἀλλὰ τί καθένει τώρα καὶ τὸ ώς; Γ φεινόμενον στοιχεῖον νὰ μὴ θεωρηθῇ λείψανον ἐνός Τ καὶ σύτως ἡ τελευταῖα τοῦ στίχου συλλαβὴ νὰ ἥτον εἴκετον ἀπλῶς τὸ ΤΟΥ; „Ἄν ταῦτα ἡδύναντο νὰ βεβαιωθῶσιν ἐκ τῆς ἀνακαλύψεως δευτέρου τελείου ἀντι-

τόπου τοῦ μολυβδοθύρου τῆς Κομνηνοφυοῦς Θεοδώρας, τὸ δλον αὐτοῦ ἐπιγράμμα· θὰ εἶχεν ἔκει περίπου τὸ ἑξῆς νόημα·

Σφραγὶς γραφῶν εὐκλεο[ῦς] Θεοδώρας
Κο[μνηνο]φυοῦς, προσ[γενοῦς τε ἐκ τούτου]
καὶ τοῦ μεγάλου δουκὸς Ἰσαακίου,
σεβαστοχρατοροῦντος εὐθαλοῦς κλάδου.

83.

· K. A. Κωνσταντόπολος, Βοζαντιακὰ μολυβδόθυρα (Journal intern. d'archéol. numismatique, 1904, τ. 5, σ. 165), ἀριθ. 495. Τούτου ἡ ἐπιγραφή·

† ΣΦ
ΡΑ . . . ΙΩ
ΑΝΟΤΕ. ΒΑΣ
ΤΟΥΤΟΥΑΔ
ΥΔ.ΟΥ†

‘Ο x. K. ἀνέγνω καὶ συνεπλήρωσε ταῦτην οὕτω· „Σφράγις(ισ)μα] Ἰωάννου σεβαστοῦ τοῦ Ἀλυλ. οὐ“· ‘Αλλ’ ἐπειδὴ μετὰ τὸ Α τῆς δευτέρας σειρᾶς ὑπάρχει ἔλλειμμα τριῶν στοιχίων, προτιμώτερον θὰ είναι ν’ ἀναγκώσωμεν Σφρα[γίς], προσεκτικωτέρα δὲ τοῦ μολυβδοθύρου ἔξετασις θὰ φανερώσῃ νομίζω ώς, ἐπωνύμιον τοῦ σεβαστοῦ. Τιάννῳ τὸ ασφές καὶ πολὺ γνωστὸν Ἀλυά[την].

84.

Б. А. Панченко, Коллекция Рус. Арх. Инст. въ К/погѣ. Каталогъ монивдовуловъ (Извѣстія, 1903, т. 8, с. 205, арт. 6).—Молυβδόθυρου, οὗ τὴν κυρίαν ἐπιγραφὴν ὁ x. Πάντοενκος ἀνέγνω οὕτω· „† Σδὲ ὑπὸ τὴν σκέπην οου Θεοφύλακτον τὸν Σπληνίδρην“. Τὸ ἀποτύπωμα τοῦ μολυβδοθύρου εὑρίσκεται ἐν τῷ πίνακι XXVIII, ἀλλ’ ἡ ἐδῶ προσεκτικὴ αὐτοῦ ἀνάγνωσις ἀπιδειχνύει, ὅτι ἀντὶ τοῦ ἐτυμολογικῶν ἀκαταλήπτου ὄνοματος Σπληνίδρην, ἔχομεν φανερῶς τὸ καταληπτὸν Σπληνιάρην, διπερ ἄλλως ὡς δνομα σίχογενείας δὲν είναι ἀγνωστον οίον ἐν ἐγγράφοις τῶν ἐτῶν 1188, 1195 καὶ 1196 φέρεται ὑπογεγραμμένος· „οἱ αὐτὸς νοτάριος τοῦ αὐτοῦ σεκρέτου Ἀνδρόνικος σεβαστὸς ὁ Σπληνιάρης“ (Acta et diplomata graeca medii aevi, τ. 6, σ. 124. 129. 143).

85.

Б. А. Панченко αὐτόθι σ. 225, ἀριθ. 63, καὶ πίν. XXX, 8.—Μολυβδόθυρου, κεκολοφωμένον, οὗ τὰ γράμματα καὶ ἀνέγνω καὶ συνεπλήρωσεν ὁ

έκδότης οὗτως „[σ]τρα[γίς] προέ[δρου] τῆς σε [καὶ] ὑπερτίμου“. Καὶ νομίζει μετά δισταγμοῦ τὴν σφραγῖδα ἀνωνύμου τινὸς μητροκολίτου Σεβαστείας· τοῦτο δῆλον δύναται νὰ ἔχῃ οὕτω, διότι ἂν ἀφαιρεθῇ τὸ καὶ, διπερ ὁ ἔκδότης παρενέταλεν ἀφ' ἑαυτοῦ ἐν τῇ ἐπιγραφῇ, μένει οὐκαὶ ἔνδεκα συλλαβῶν, καὶ οὕτως εὑρισκόμεθα ἐπὶ τῶν ἰχνῶν βυζαντινοῦ δαδεκασυλλάβου στίχου, οὐ μία συλλαβὴ καταστραφεῖσα δέον νὰ εὑρεθῇ πρὸς συμπλήρωσαν. Καὶ πράγματι τῆς σφραγῖδος τὸ ἀπεικόνισμα ἔχει τόπον ἐφθαρμένον, ὃς τις δύναται νὰ συμπληρωθῇ μόνον διὰ μᾶς τριγραμμάτου συλλαβῆς. Ἐποθέτω λοιπὸν διτὶ ὁ ἐφθαρμένος οὗτος τόπος θὰ εἴχε τὴν συλλαβὴν ΡΩΝ, ἥτις ἐνουμένη μετὰ τῆς προτέρας ΣΛΕ θὰ παρουσίαζεν ἀμέσως τὸ ὄνομα ΣΕΡΩΝ (= Σερῶν) καὶ οὕτω θὰ εἴχομεν τὸν στίχον· „Σφραγὶς προέδρου τῆς Σερῶν ὑπερτίμου“.

86.

Ι. Λ. Παπαγεωργίου αὐτόθι σ. 227, ἀριθ. 70 καὶ πίν. XXXI, 3.—Μολυβδόθουλον, οὐ τὴν ἐπιγραφὴν ὀλίγον ἐφθαρμένην συμπληροῦ ὁ ἔκδότης ὅθε. „Τὸν τῆς Προυσί[α]ς Μάξιμον, [Μι]χαήλ, σκέποις“. Ἀλλ' ἡ ἐπιγραφὴ αὐτῆς εἶναι ἔμμετρος· τοῦτο δὲν διέκρινεν ὁ ἔκδότης, καὶ διὰ τοῦτο προσέθηκεν ἀφ' ἑαυτοῦ ἐν περιττὸν ἀλφα ἐν τῷ ὄνοματι Προυσί[α]ς, καταστήσας οὕτω σειρὰν συλλαβῶν δέκα καὶ τριῶν, ἐνώ ἡ ἐπιγραφὴ φανερῶς δύναται ν' ἀριθμῇ μόνον δώδεκα. Καὶ ὀρθῶς μὲν λέγει διτὶ πρόκειται περὶ τῆς πόλεως Προυσίκης, ἀλλ' αὐτῇ οὐδέποτε ὄνομάλετο Προυσία. Τὸ ἐν τῷ ἀπεικόνισματι τοῦ μολυβδοθουλλοῦ φαινόμενον I δὲν εἶναι ιῶτα, ἀλλὰ τὸ πρεστον σκέλος ἐνὸς Η, καὶ ἐπομένως ἔχομεν ἐνταῦθα καὶ κανονικὴν γενεικὴν Προύσης καὶ στίχον τέλειον δωδεκασυλλαβῶν.

87.

Β. Λ. Παπαγεωργίου αὐτόθι σ. 230; ἀριθ. 75.—Μολυβδόθουλον ἀνευ τῆς ἀπεικονίσεως του, οὐ τὴν ἐπιγραφὴν ὁ ἔκδότης ἀνέτινεν οὕτως· „Ιω(άννος) σφράγ(ισμα) τοῦ Μαυρο(ιωάννη?)“. Καὶ προσέθηκεν διτὶ τὸ μολυβδόθουλον δύναται νὰ εἴναι ἡ τοῦ XII ἡ τοῦ XIII αἰώνος. Τὸ ὄνομα Μαυρο(ιωάννη?) ἐμόρφωσεν ἐν τῆς ὑποθέσεως διτὶ σφίζεται ἐπὶ τοῦ μολυβδοθουλλου ἐν W προσθέτει συγχρόνονς διτὶ πρὸ τούτου διακρίνεται ἵχνος γράμματος, διπερ δύναται νὰ εἴναι ἡ Σ ἢ Γ, μετά δὲ τὸ W διακρίνονται ἓχη δύο γραμμάτων, πιθανῶς NH. Ταῦτα οὕτω παριστάμενα προδίδονται διτὶ καὶ τὸ W θὰ εἴναι φαινομενικόν, διότι ἀν ἐν τῷ τόπῳ αὐτοῦ διακρίνονται ἓχη κυκλικοῦ γράμματος παρεμφεροῦς πρὸς W, τότε δύναται ἀντ' αὐτοῦ καὶ ἐν ἀπλοῦ Ο νὰ ὑπῆρχεν ἐκεῖ. Τὸ ως I' διακρίνομενον δύναται βεβαίως νὰ εἴναι καὶ λείφα-

νον ἐνὸς Π., τὸ δὲ ὡς Ν φανόμενον, ἀν ἀφαιρέσῃ τις τὸ δεύτερον κάθετον αὐτοῦ σκέλος, δύναται νὰ παριστᾶ καὶ ἄλλο τι γράμμα, οίον Δ. Πρὸ δὲων ὅμως τῶν ἐφθαρμένων ταύτων ἡ δυσδιακρίτων γραμμάτων ἔχομεν τὴν ἀρχὴν ἐπωνυμίου, ἐνὸς ΜΑΥΡ(·) , καὶ ἐπειδὴ μόνον τεσσάρων γραμμάτων ἵχνη διακρίνονται κατόπιν, δῆλον ὅτι δὲν εἶναι ὄρθιὸν νὰ θέλγῃ ἐκεῖ ὁ χ. Η. ἐξ γράμματα καὶ οὕτω νὰ συμπληρωθῇ τὸ δυνομείον εἰς Μαυρο[ι]ώνη[?]. Τὰ ἵχνη τῶν ἐφθαρμένων γραμμάτων καὶ τούτων ὁ ἀριθμὸς ἀπαιτούσι μᾶλλον, ὡς ἑγώ νομίζω, συμπλήρωσιν νηφαλιατέραν, ἵτις ἀλλως εἶναι πρόχειρος, τὸ Μαυρο[ι]όδη[?], ὡς ὑποστηριζομένη διὰ τοῦ πρώτου τῆς ἐπιγραφῆς ὀνόματος, τοῦ Ἰω(άννου). Τίς δὲν ἐνθυμεῖται τώρα τὸν πασίγνωστον Εὐχαίτων μητροπολίτην Ἰωάννην τὸν Μαυρόπουν, διτις κοινῶς ἐπωνυμεῖτο Μαυροπόδης, ὡς ἡ γενικὴ φανερώνει Μαυροπόδου, ἡ ἐν ἐπιγραφῇ συγγράμματος αὐτοῦ περιωχομένη; (ὅρα τὰ ἡμέτερα Ἀνέκδοτα Ελληνικά, ἐν Κ/πόλει 1884/88, σ. 38). Ἐκτὸς δὲ τούτου ἐπ' αὐτοῦ τοῦ μολυβδοθούλλου ἔχομεν στίχον δωδεκασύλλαφον καὶ ὡψὶ κείμενον, ὡς ὁ χ. Η. ἔξελαθε, πεζόν, ἵτοι „Ιω(άννου) σφράγ(ισμα) τοῦ Μαυρο[ι]όδη[?]“. Ἀποκαθισταμένης οὕτως εὐλογώτερον τῆς ἐπιγραφῆς, δῆλον ὅτι οὐδὲ ἡ περὶ τοῦ χρόνου τοῦ μολυβδοθούλλου γνώμη τοῦ χ. Η. δύναται νὰ εἶναι παραδεκτή, διότι Ἰωάννης ὁ Μαυροπόδης ἔζη ἐν τῷ XI-φ, οὐχὶ δὲ ἐν τῷ XII-φ η XIII-φ αἰῶνι, καὶ θά εἴχε τὴν σφραγίδα ταύτην πρὸ τῆς εἰς ἀρχιερέα χειροτονίας, μοναχὸς ἢ διάκονος ὥν εἰστι. Ἰενόμενος δὲ ιεραὺς είχεν ἐτέραν σφραγίδα μετ' ἐπιγραφῆς ὡσαύτως ἐμμέτρου, λεγούσης „Τὸν Μαυρόπουν (παρὰ τῷ Παντενέο Μαυροπούν) σκέποις με λευτήγ, θῦτα“ (ὅρα Ιωβίτεια, τ. 8, σ. 242, ἀριθ. 106 καὶ πίν. XXXIII, 7).

88.

Ε. Α. Παντενέο αὐτόθι σ. 239—240, ἀριθ. 99 καὶ πίν. XXXIII, 2.—Τὴν ἐπιγραφὴν τοῦ μολυβδοθούλλου τούτου ἀνέγνω ὁ ἐκδότης ὡς ἔτης „Σφραγὶς σεβαστοῦ Μιχ(αὴλ) Ἀβαλάντη ἐκ Καλοσατ(ῶν?) τῆς φολῆς κατ(η?)μένου“. Ἡ ἀνάγνωσις αὗτη εἶναι πλημμελής εἰς δύο τόπους· πρῶτον τὸ κατημένου, ἐπειδὴ δὲν εἶναι ἐλληνικόν, οὐδὲν δύναται νὰ σημαίνῃ· τὸ πρὸ τούτου δῆμος φυλῆς ὥδητει ἴμᾶς εἰς λέξιν κατ(η?)μένου, ἵτις εἶγαι καὶ σαφής καὶ οὐχὶ ἀγνωστος ἐκ μολυβδοθούλλων οἴον „Λέοντα Σγουρόν ἐκ γένους κατηγμένον“ (ὅρα Μ. Κωνσταντόπουλον ἐν τῷ Journal intern. d'archeol. numismatique, 1904, τ. 7, σ. 166, ἀριθ. 498). Ἐπειτα τὸ Καλοσατ(ῶν) ἐμόρφωσεν ὁ χ. Η. ἀφ' ἑαυτοῦ, ὡς μὴ ἀναγνωρίσιως προσεκτικῶς τὴν ἐπιγραφὴν τῆς σφραγίδος, διότι αὕτη φανερῶς, ὡς αὐτὸ μηρύνει τὸ ἀπεικόνισμα, ἔχει ἀντ' ἔκείνου τὸ εὐανάγνωστον Καλοθετῶν (=Κα-

λοθετῶν). Ἐκτὸς δὲ τούτου δλη ἡ ἐπιγραφὴ εἶναι ἔμμετρος, συνάκτοτελοῦσα τοὺς ἑκῆς δίῃ στίχους.

Σφραγὶς σεβαστοῦ Μιχαὴλ Ἀβαλάντη
ἐκ Κιλοθετῶν τῆς φυλῆς κατηγμένου.

Τὸ φυλῆς σημάνει δὲ τι καὶ τὸ γένους, τῆς σφραγίδος Δέοντος Σγουροῦ. Καὶ γένη Καλοθετῶν εἶναι ἀρχοντῶν γνωστά· οἰων Λέων Καλοθέτης καὶ Μαρία Καλοθετίνα (*Acta et diplomata* τ. 1, σ. 17 καὶ 105). Μιχαὴλ Καλόθετος ἑτοι 1330, βεβλιογράφος (*Gardthausen, Griech. Paläographie*, τ. 331). Ἰωάννης Καλόθετος ἑτοι 1357 (*Acta*, τ. 1, σ. 374). Πρβλ. Ἐλλην. Φιλολογ. Σύλλογον Κ/πόλεως, τ. 25, σ. 164), Θεόδοτος Καλόθετος δοῦκος τοῦ θέματος Θρακησίων ἐν ὑπερμεσοῦντι 13-ῳ αἰώνι (*Acta*, τ. 4, σ. 153, 154), Θεόδωρος σεβαστὸς Καλόθετος (αὐτόθι τ. 2, σ. 208—210), Νικηφόρος Καλόθετος ἵερεὺς ἐν Κρήτῃ ἔτει 1193-ῳ (αὐτόθι τ. 6, σ. 127). Μανούὴλ Καλόθετος ἐπὶ μολυβδούσιλλου (ἴδε N. Βένην ἐν τῷ *Journal intern. d' archéol. numismatique*, 1907, τ. 9, σ. 51). Καὶ πάλιν· „Καλόθετος τῶν παρὰ Χίους δυναστῶν ὁ μάλιστα διεφρωτάτος, τῷ μεγάλου δομεστίκου οἰκιφ προσφειωμένος“, ἐπὶ Ἀνδρονίκου 3-ου τοῦ Παλαιολόγου (ἴδε Καντακουζηνοῦ ιστορ. τ. 1, σ. 371 — 379). τούτου δὲ τοῦ Καλοθέτου πατέρη ἦτον Ἄνθρεας ὁ Καλόθετος καὶ ἀδελφός· Ἰγνάτιος ὁ Καλόθετος (ἴδε Ἀλεξάνδρου Ε. Δαυράτου, Περὶ τῆς Χιακῆς οἰκογενείας Καλοθέτου ἐν τῷ Νεολόγου Ἐρθρομαδιάᾳ Ἐπιθεωρήσει, 1893, τ. 2, σ. 401 — 403). τῆς αὐτῆς δὲ σειρᾶς καὶ Ἰωσῆφ Καλόθετος, συγγραφεὺς οὐχὶ ἄγνωστος τοῦ 14-ου αἰῶνος (πρβλ. Krumbacher, *Gesch. d. byz. Litteratur*, σ. 105). Τὸ Καλόθετος δνομα εἶχε καὶ τις ἀσημικός (*Acta et diplomata*, τ. 1, σ. 153).

89.

F. Sarre, *Reise in Phrygien, Lykaonien und Pisidien* (ΑΕΜ, 1896, τ. 19, σ. 33, ἀριθ. 14).—Ἐπιγραφὴ ἐκ Dewejuklu-Koi ἀναγνωσθεῖσα ὑπὸ τοῦ ἔκδότου οὗτως· „Ἐντα κατάκιτε Παλάδις π(ρεσβύτερος) καὶ ἀρχιερεὺς τὸν θεὸν ἡμ[ᾶ]ν ἀναγινώσκοντες εῦξαστε ὑπὲρ ἐμοῦ“. Αὐτόθι προσέθηκεν ὁ ἔκδότης τὸ πανομοιότυπον· τοῦτο δὲ ἀντὶ τοῦ παρ’ αὐτοῦ εἰς ἡμ[ᾶ]ν νιωρθωμένου ἔχει τὰ γράμματα ΗΜΙΝΓ, δτίνα οὖτε δυσσόητα εἶναι, οὔτε διορθώσεως χρήζουσιν, διότι τὸ μεμονωμένον Γ παριστά τὸ ἄρθρον οἱ, τὸ δὲ Ι θὰ εἶναι τὸ μεσαῖν σκέλος ἔνος ΙΙ, οὐ τὰ δύο λοιπὰ σκέλη θὰ σχηματίζωσι συντηρημένως τὰ σκέλη τῶν ἐγγὺς γραμμάτων. „Ωστε ἡ ἐπιγραφὴ καὶ στικτέα καὶ ἀναγνωστέα οὗτος· „Ἐντα κατάκιτε Παλάδις π(ρεσβύτερος) καὶ ἀρχιερεύς. Τὸν θεὸν ἡμῶν ὁ ἀναγινώσκοντες εῦξαστε ὑπὲρ ἐμοῦ“, δηλαδὴ τοῦ Παλλάδη.

90.

G. Lefebure, Epitaphes de moines Alexandrins (Bulletin de la Société archéol. d'Alexandrie, 1905, № 8; σ. 11—19). — "Μν τῶν ἐπιταφίων τούτων (ἀριθ. 3, σ. 12) ἔχει ὡς ἑξῆς:

+ΕΚΟΙΜΗΘΕΝ ΞΩΟ
ΑΒΒΑΜΗΝΑCOTOT
ΑΒΒΑΘΕΟΝΑΤΟΓΑΡ
ΤΟΚΟΠΑΔΙΟΥΜΗΝΙ
ΦΛΩΦΙΗΝΙΑΔΙΟΚΛΗ
СМΘ

"Ο ἐκδότης μετέγραψεν αὐτὸ οὕτως: „Ἐκοιμήθη ἐν Χ(ριστ)ῷ ὁ ἀββᾶς Μηνᾶς ὁ τοῦ ἀββᾶ Θεονάτου ἀρτοχοπαδίου μηνὶ Φαῦλῳ τῇ ἵν(δικτιῶνος) ια', Διοκλη- (τιάνος) ομβλί'". Ἀλλ' ὁμολογητέον διτὶ τὸ κύριον ὄνομα Θεονάτου καὶ ἀνύπαρκτον εἶναι καὶ ἀκαράδεκτον, διότι διὰ τῆς βούθείας τῶν λοιπῶν ὁμοειδῶν ἐπιταφίων εἶναι φανερὸν διτὶ ἡ συλλαβὴ του δέον ν' ἀποσπασθῇ ἀπὸ τοῦ Θεονα καὶ ν' ἀποτελέσῃ τὸ ἀρθρον τοῦ, ὅπερ ἀνήκει τῇ κατόπιν λέξει: ὥστε ἀνάγνωσθι Θεονᾶ (=Θεωνᾶ) τοῦ ἀρτοχοπαδίου. Ηρβλ. ἀριθ. 4 „Ἐκοιμήθη... ὁ ἀδελφὸς Ἰωάννης ὁ τοῦ Σερήνου τοῦ ιατροῦ“. Ἀριθ. 5 „Ἐκοιμήθη... ὁ ἀδελφὸς Ἰωαλιανὸς ὁ τοῦ ἀδελφοῦ Ἰωάννου τοῦ κηποροῦ τοῦ κονιθίοο“.

91.

I. Ἀρβανιτάκης, Ἄνεκδοτοι ἑλληνικαι ἐπιγραφαι (Ἑλλήνιον. Δελτίον τοῦ ἐν Καΐρῳ ὡμωνύμου Ἐλλ. ἐπιστ. συλλόγου. Ἐν Καΐρῳ, 1905, τεῦχος η', σ. 179 κέ). — Ή πρώτη τούτων ἀναγνώσθη ὑπὲτοῦ ἐκδότου οὕτως: „+Ἄγαθὲ φιλάνθρωπε | διὰ τοὺς παμπληθ(εῖς) | οἰκτειρμούς σου | τὴν ψυχὴν τῆς δούλης | σου Ἑύτυχούστης κομψίτείστης | Χοῖάκας οὐ, η ἵνδι(κτιῶνος) | ἀνάπταυσον μετὰ πάντων | τῶν δικαίων σου | εἰς τόπον χλόος ἐπὶ | ὑδατος ἀνάπταύσεως | ἐνίλα ἀπέόρα πᾶσα | ὁδόνη καὶ λύπη καὶ | στεναγμὸς ἐν τῷ λαμπρῷ(τητι) | τῶν ἀγίων σου καὶ εὐερ | θεὲ παντοκράτωρ ἀμήν | ἀμήν+“. Αὐτόθι προσέθηκεν ὁ ἐκδότης ἐν ίδιῳ λιθογραφικῷ πίνακι καὶ τὸ πανομοιότυπον τῆς ἐπιγραφῆς ταύτης, ἣντις δὲν εἶναι πιθανός παλαιοτέρα τοῦ 3-ου ἢ 4-ου αἰώνος: ἐξ αὐτοῦ ὅμως παρατηρῶ διτὶ ἀντὶ τῶν „καὶ εὐερ“ δέον νὰ ἀναγνώσωμεν „ναι ΕΙΕΡ“. Τὰ τελευταῖα γράμματα εἶναι προβληματικά διὰ τὴν παροντίαν τοῦ Δ. "Αν τοῦτο δὲν ὑπῆργ, δινατὸν θὰ ἡτο νὰ στέκωμεν οὕτω: — — — τῶν ἀγίων σου. Ναι, εὐερ(γέτα) θεὲ παντοκράτωρ. Ἀμήν, ἀμήν, ἀμήν“. Ο ἐκδότης ἐν σχέσει πρὸς τὸ κείμενον τῆς ἐπιγραφῆς, ἦν ἀναγνωρίζει ὡς χριστιανικήν, παρα-

τηρεῖ μόνον τὸ ἔτικ, ὅπι ἡ φράσις „εἰς τόπουν χλόης ἐπὶ ὄδατος ἀναπαύσεως“ παριστᾶ εὐχὴν προχριστιανικήν, διότι ἐν ἐπιτυμφίοις στήγυπτιακοῖς ἀκανταὶ τὸ „δέρη σοι Όσιοις τὸ φυχρὸν ὄδωρ“, ἐπομένως δὲ τὸ „ἐπὶ ὄδατος“ ἀποτελεῖ κακότεχνον τούτῳ παραμόρφωσιν. Ἀλλὰ ταῦτα φαίνονται μοι περιττά, ἵνα μᾶλλον ἀσκοπα, ἀφοῦ πρόκειται περὶ μνημείου χριστιανικοῦ καὶ οὐχὶ περὶ καταγωγῆς τῶν ἐν αὐτῷ ἴδεν, δι’ ἃς δὲν εὐθύνεται τῆς ἐπιγραφῆς ὁ συντάκτης. Οὗτος οὐδὲν ἄλλο ἔτρεξεν, ἵνα ἐπαναλάβῃ διὰ τὴν ταφεῖσαν Εὐθύχοοσαν συνήθη τοῖς παλαιοῖς χριστιανοῖς νεκρώσιμον εὐχῆν, περιελθοῦσαν ἀχρικήμων ἀνεπιτυμένην. Καὶ διετὸν τοῦτο νὰ σημειώσῃ ὁ ἐκδότης, νὰ ὑποδείξῃ δὲ καὶ τὸ πόλιν ἐλήγριην αἱ ἐν τῇ ἐπιγραφῇ φράσεις. Καὶ πράγματι τῆς ἐν αὐτῇ εὐγῆς ίκανὰ μέρη ὑπάρχουσαν ἐν τῇ συνήθει νεκρώσιμη τῆς Ἐκκλησίας ἡμῶν εὐχῆς οἰον· „Κύριε, ἀνάπαυσον τὴν φυχὴν τοῦ κεκοιμημένου δούλου σου (δεῖνα) ἐν τόπῳ φωτεινῷ, ἐν τόπῳ χλωρῷ, ἐν τόπῳ ἀναψίκεως, ἐνθα ἀπέδρα ὁδύνη, λόπη καὶ στεναγμός ὡς ἀγαθὸς· καὶ φιλάνθρωπος Θεὸς συγχώρησον“ (Ἐγχολόγιον τὸ μέγα. Βενετία, 1891, σ. 394). Παράβαλε αὐτοῖς καὶ τὸ νεκρώσιμον κονδάκιον „Μετὰ τῶν ἀγίων ἀνάπωσιν, Χριστέ, τὴν φυχὴν τοῦ δούλου σου, ἐνθα οὐκ ἔστι πόνος, οὐ λύπη, οὐ στεναγμός, ἀλλὰ ζωὴ ἀτελεύτητος“. Ἀλλὰ καὶ ταῦτα, καθὼς καὶ τὰ ἐν τῇ ἐπιγραφῇ, δὲν εἶναι δεδανειωμένα ἐκ προχριστιανικῶν στήγυπτιακῶν ἐπιταφίων, ἀλλ’ ἐξ αὐτῆς τῆς Γραφῆς. Οὕτως ἡ ἐν τῇ ἐπιγραφῇ φράσις „διὰ τοὺς παμπληθεῖς οἰκτειρμούς σου“ εἶναι συντεταγμένη βοηθεία τῶν χρήματος· Βασιλ. 2, χο., 14 „Κυρίων, ὅπι πολλοὶ οἱ οἰκτειρμοὶ αὐτοῦ σφόδρα“. Νεεμίας, θ', 19, 29, 31 „καὶ ἐν οἰκτειρμοῖς σου τοῖς πολλοῖς“. Καὶ πάλιν θ', 27 „ἐν οἰκτειρμοῖς σου τοῖς μεγάλοις“. Λί γέκεις τῆς φράσεως „εἰς τόπουν χλόης, ἐπὶ ὄδατος ἀναπαύσεως“, ἐλήγριησαν οὕτως αὐτολεξίᾳ ἐκ τοῦ φαλμοῦ ρβ', 3. Τὸ „ἀπέδρα... ὁδύνη καὶ λόπη καὶ στεναγμός“ ἐλήγριη αὐτολεξίᾳ ἀπὸ τοῦ Ἡσαΐου λε', 10. Ή ἑτέρα φράσις „ἐν τῷ λαμπρότητι τῶν ἀγίων σου“ ἐκ τοῦ φαλμοῦ ρβ', 3. „Ωστε δὲν μένουσιν ἀδάνειστα, ἡ τὸ ὄνομα τῆς θανούσης, ὁ χρόνος τῆς κομήσεως αὐτῆς καὶ πινα λεξείδια, δι’ ὃν συνεδέθησαν τὰ δάνεια· ἀλλὰ καὶ τὰ τελευταῖα ταῦτα εἶναι δεδανεισμένα, τὰ μὲν ἐκ λειτουργικῶν εὐχῶν, τὰ δὲ ἐξ αὐτῆς τῆς Γραφῆς. Δόγμα χάριν διὰ τὸ ἀγαθὸν ερβή. Φαλμ. οφ', 1 „ὅπι ἀγαθὸς ὁ Θεός“. Τὸ „θεός παντοκράτωρ“ συχνὸν ἐν τῇ Γραφῇ· ιδεί Βασιλ. 2, ζ', 25—27. Μακκαβ. 3, c', 2.

92.

P. Batiffol ἐν τῇ Byz. Zeitschrift, 1892, τ. 1, σ. 616.—Ο λόγος ἐν ταῦθι περὶ τῆς διγλώσσου ἐπιγραφῆς, ἢπις εὑρίσκεται ἐν τῷ μοναστηρίῳ Καστ-Ηαδζία (χοινός: Ἀββᾶ Γερασίμου), ἐγγὺς τοῦ ποταμοῦ Ἰορδάνου. Ο

Père Lagrange (Revue Biblique, 1892, τ. I, σ. 440) ἀνέγνω τὸ δεύτερον
ῆμισυ μέρος τοῦ ἑλληνικοῦ κειμένου οὗτως· „——— ἐν ἡμέρες τοῦ Ἰ(ωάνν)ου
π(ατ)ρ(ι)άρχου· (καὶ) Ἰακόβου τοῦ ἰγουμ(ένου)“. Ἀλλ' ὁ Mgr. Battifol ἀντι-
παρατηρεῖ ταῦτα· „Je soupçonnerais volontiers l'inscription de porter sim-
plement: ἐν ἡμέρες τοῦ [όσ]ιου πατρὸς ἡμῶν Ἰακόβου τοῦ ἰγουμένου“. Ἡ
ὑπόθεσις αὐτῇ εἶναι περιττή. Τὴν ἐν λόγῳ ἐπιγραφὴν εἶδον ἐγὼ αὐτὰς ἔτει
1888-φ, καὶ ἀντέγραψα πανομοιότυπως καὶ ἀπετύπωσα δὲ. Τὸ ἀμφιβαλλόμε-
νον λοιπὸν μέρος αὐτῆς ἔχει ἀκριβῶς ταῦτα:

ΕΝΙΜΕΡΕΣ ΤΥ
ΙΩ ΠΡΙΔΙΑΞ ΣΙΣΚΟΒΥ ΤΥ ΓΟΥ

Δτίνα δὲν εἶναι δύνατόν ἀλλως νὰ μεταγράψωμεν, η οὗτως· „———ἐν
ἡμέρες τοῦ Ἰ(ωάνν)ου π(ατ)ριάρχ(ου) καὶ Ἰ[α]κόβου τοῦ ἰγουμ(ένου)“.

93.

Germer-Durand ἐν τῇ Revue Biblique, 1892, τ. I, σ. 571, ἀριθ. 15.
Ἐπιτύμβιος ἐπιγραφὴ ἐκ τοῦ ὄρος τῶν Ἐλαιῶν καὶ νῦν ἐν μουσείῳ τινὶ τῶν
Παρισίων εὑρισκομένη. Κάλλιστον αὐτῆς ἀπεικόνισμα παρὰ τῷ Clermont-Gan-
neau, Premiers rapports sur une mission en Palestine et en Phénicie,
Paris, 1882, σ. 61, ἀριθ. 11. Ὁ x. G.-D. ἀνέγνω αὐτὴν οὕτω· „Θήκη
διαφέρουσα τῇ ὄστατάῃ Χαρατῇ ἥγουμ(ένη) τοῦ Ἔνδη(γελίσκου) μα(νῆς) τῶν
Ἀρμενιο(ῶν)“. Ἡ τοιαύτη ἀνάγνωσις εἶναι πληρμελής, ἂν μὴ εἰς τὸ ὄνομα
Χαρατῇ (ὅπερ δύναται ὅρθιότερον νὰ γραφῇ, ητοι Χαρᾶ τι = τῇ), ἀλλὰ βε-
βαίως εἰς τὸ ὄνομα Εὐαγγελισμοῦ διότι τὸ πανομοιότυπον ἀπεικόνισμα ἔχει
τὰ στοιχεῖα

ΤΥΕΥΑΓΣΛ ΤΟΜΑΡΜΕΝΙCS,

Δτίνα δύνανται νὰ ἀναγνωσθῶσι μόνον οὕτω· „τοῦ εὐαγ(οῦς) μο(ναστηρίου)
τὸν Ἀρμενισ(σῶν). Περὶ τοῦ εὐαγγοῦς ἵδε ἀνωτέρω ἐν τῇ ἐρμηνείᾳ τῆς
ἐπιγραφῆς 73, τὸ δὲ ἀνορθόγραφον ἄρθρον τὸν = τῶν βοηθεῖ καὶ ἐν τῷ
τῇ νὰ διακρίνωμεν ἐπίσης ἀνορθόγραφον τὸ ἄρθρον τῇ, καὶ οὕτω τὸ ἀνύπαρ-
κτον καὶ βάρθαρον δνομα Χαρατῇ νὰ λείψῃ.

94.

Germer-Durand αὐτόθι, σ. 587, ἀριθ. 52, ἔξεδωκε πανομοιότυπως μαρ-
μάριον τεμάχιον ἐνεπίγραφον, οὐ τὰ γράμματα ἀνέγνω ὡς ἐξῆς· „Τῶν ξυλῶν

Οὐκ επεσει. Φυσια.

·ρύλαξ·". Άλλα κατά τὴν εἰκόνα αὐτοῦ τὸ πρῶτον γράμμα δὲν είναι Τ· ἀλλ' Ι φανερόν, καὶ ἐπομένως ὄρθότερον είναι ἐκεῖ νὰ διαχρίνωμεν λείφαντα τῆς ἀρμοδιότητος τοῖς ξύλοις λέξεως [τιμ]ιστῶ· ὥστε τὸ πρὸ αὐτῆς ἀπολεσθὲν μέρος τοῦ μαρμάρου θά εἴγε τὸ ὄνομα τοῦ φύλακος τῶν τιμάν τοῖλων (= τοῦ Σταυροῦ).

95.

Germer-Durand ἐν τῇ Revue Biblique, 1894, τ. 3, σ. 250, ἐπιτύμβιος ἐπιγρ. ἐκ Καισαρείας Παλαιστίνης·

† ΗΙΚΗ †
ΚΑΡΠΟΥΟΙΝΟ
ΙΠΣΚΣΖΩΣΙΜΗС
ΓΑΜΕΤΗС +

Ο ἑκδότης ἀναγινώσκει οὕτω· „Θήκη Καρποῦοινο πρ(εοβυτέρου) χ(αὶ) Ζωσίμης γαμετῆς“. Τὸ Καρποῦοινο ἐνομίσθη παρ' ἄλλου τινὸς ὡς ἐσφαλμένη γραφὴ τῆς γενικῆς πτώσεως Καλπουργίου. Ἀμφότεραι αἱ ἀναγνώσεις ἀποδεικνύονται διὰ τῆς εἰκόνος τῆς ἐπιγραφῆς σφαλερωταταὶ ἀνάγνωμι λοιπὸν „Θήκη Κάρπου οἰνοκρ(άτου) χ(αὶ) Ζωσίμης γαμετῆς“.

96.

Germer-Durand, αὐτόθι σ. 251. Ἐπιγραφὴ ἐκ Σιδῶνος. Τὰς σειρὰς αὐτῆς 2—6 ὁ ἑκδότης μεταγράφει εἰς „[αὐ]τὸν κύρ[ιος ἐν] τῷ δυνά[μει] αὐτοῦ ἔ[γ]ια ἐτίθην“. Ήάντα ταῦτα ἐσφαλμένα. Κατὰ τὸ πανομοιότυπον ἀναγνωστέον οὕτω· ——— τὸν Κύ[ιον]. Τῷ δυνά[μει] αὐτοῦ ἡ[β]ωηθεῖην (= ἐθοιηθήην) καὶ ἡτελίωσα (= ἐτελείωσα) τόπον” κτλ.

·Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς.

ПОРСЕНА И ВЕЕНТСКИЯ ВОЙНЫ.

I. Составъ легенды о Порсенѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Бофоръ подвергъ критическому разбору анналистическое преданіе о Порсенѣ, легендарный характеръ этого преданія стоитъ вѣдь всякаго сомнѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ основѣ преданія признается извѣстное историческое зерно. Вопросъ сводится лишь къ тому, въ какомъ видѣ и въ какомъ объемѣ можетъ быть допущена здѣсь та историческая канва, на которой легенда вышила свои поэтические узоры, дополненные археологическими орнаментами.

Нибуръ¹⁾, отворгая всѣ частности разсказа о Порсенѣ, какъ поэтический вымыселъ, признавалъ полную историчности основного мотива о нападеніи этрусковъ на римлянъ въ начальныя годы республики, причемъ послѣдовія этого нападенія представляются ему въ самомъ пессимистическомъ видѣ: римская республика не только потеряла тогда цѣлую третью унаслѣдованной ею отъ царскаго периода террито-рии, въ томъ числѣ уступленные веентянамъ *septem pagi*²⁾, но должны были еще и платить дань съ оставленныхъ имъ двухъ третей земли. Римъ лишился такимъ образомъ своей независимости; однако вскорѣ въ той войнѣ съ веентянами, которая въ анналахъ значится подъ 477 годомъ, но въ дѣйствительности, по мнѣнію Нибура, должна была произойти раньше, незадолго до 495 года, когда количество трибъ

¹⁾ *Niebuhr*, Röm. Gesch. I⁴, 437 и 573.

²⁾ Потеря трети територіи получилась для Нибура слѣдующимъ путемъ. При Сервіи Тулліи римская область была разделена на 30 трибъ (см. „Основная територія римской республики“). *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1902, юль), а въ началѣ рес-публики ихъ оказалось всего только 20, т. е. 4 городскихъ и 16 сельскихъ, со-включениемъ въ число послѣднихъ также *Claudia*.

было увеличено съ 20 до 21, Римъ возвратилъ себѣ свою независимость, по бѣзъ возврата потерянной трети территоріи ³⁾). Съ выводами Нибуря въ общемъ согласенъ и Швеглеръ ⁴⁾), по мнѣнію котораго римляне были принуждены сдать городъ (Tac. h. 3, 72) и заключить миръ съ этрусками на весьма тяжелыхъ условіяхъ (Plin. п. h. 34, 39, 139). Также и потерю земли Швеглеръ считаетъ возможной, но теорію Нибура о сокращеніи 30 трибъ до 20 онъ признаетъ неудачной. При этомъ, однако, Швеглеръ обращаетъ вниманіе, во-первыхъ, на кратковременность того позорного положенія, которое явилось послѣдствіемъ похода Порсены, и, во-вторыхъ, на то, что, несмотря на такое крайнее униженіе римлянъ, изгнанный ими Тарквиній все-таки не оказался возвращеннымъ на царство. Изъ этого обстоятельства Швеглеръ заключилъ, что походъ Порсены не былъ предпринятъ съ цѣлью восстановить Тарквинія и что, следовательно, тутъ скрываются какія-либо другія условія. А такъ какъ тяжкія для римлянъ послѣдствія похода Порсены вскорѣ исчезли совершенно, то Швеглеръ приходитъ къ заключенію, что нападеніе на Римъ было только попутнымъ эпизодомъ одного изъ этрускихъ походовъ черезъ Ладій, конечною цѣлью которыхъ являлась Кампания.

Моммзенъ ⁵⁾ представляетъ себѣ дѣло въ слѣдующемъ видѣ. Отвергая мысль, что время Тарквиніевъ означаетъ періодъ этруского владычества въ Римѣ и Лациѣ ⁶⁾), Моммзенъ утверждаетъ, что они впервые только по завороненіи въ Римѣ республики обнаружили попытку распространить свое владычество на область, лежащую къ югу отъ Тибра, съ каковой цѣлью они и предприняли тогда походъ противъ Рима подъ начальствомъ Порсены; но этотъ походъ не привелъ ни къ чему, благодаря вымѣшательству Аристодема: какъ прежде, такъ и теперь римляне оказывались вѣцѣ сферы этруского влиянія.

Согласно съ Моммзеномъ также и Низе ⁷⁾ отказывается признать Тарквиніевъ этрусками. Также по мнѣнію Низе, этруски двинулись черезъ Тибръ только послѣ изгнанія Тарквиніевъ. Однако, въ противоположность къ Моммзену, походъ Порсены превращается у Низе въ цѣлый періодъ господства этрусковъ надъ Римомъ, принадлежащий, такимъ

³⁾ Niebuhr, I. c. 579.

⁴⁾ Schwegler, II, 182 сл.

⁵⁾ Mommsen, Röm. Gesch. I⁸, 320 сл.

⁶⁾ „Вопросы древ资料 Ладія“. Журн. Мин. Нар. Просв. 1905, августъ, 393.

⁷⁾ Niese, Röm. Gesch., 2 изд., 25.—Въ 3 изданіи Низе признаетъ лишь вообще этруское владычество въ Римѣ въ 6 и 5 столѣтіяхъ.

образомъ, цѣликомъ уже ко временамъ республики. Подобнымъ образомъ и Ине ^{*)} усматривалъ въ сказаніяхъ о Порсенѣ отголосокъ народныхъ воспоминаній о такомъ времени, когда Римъ, въ самомъ дѣлѣ, находился подъ властью этрусковъ; по мнѣнію Инес, преданіе о Порсенѣ представляетъ собой параллельную версію къ сказанию о Мезенціи ^{**)}), также свидѣтельствующемъ о быломъ владычествѣ этрусковъ въ Лациї. Однако Ине не пріурочиваетъ времени этруского господства въ частности къ начальной эпохѣ республики, но въ то же время явно избѣгаетъ отожествленія этого времени съ эпохой Тарквініевъ. Въ томъ же направленіи использована легенда о Порсенѣ у Паска ^{***)}. Правда, Порсену онъ призываетъ въ частности всентскими царемъ, но въ общемъ вся легенда представляется ему лишь замаскированнымъ отголоскомъ воспоминаній объ этруской гегемоніи надъ Римомъ.

Въ общемъ вѣдь сужденія о Порсенѣ въ большей или меньшей степени обусловлены впечатлѣніемъ, производимымъ двумя свидѣтельствами, Тацита и Плія, впервые отысканными Бофоромъ и использованными имъ же въ указанномъ направленіи. По свидѣтельству Тацита ^{****}), римляне были принуждены Порсеной къ сдачѣ своего города, а по свидѣтельству Плія ^{*****)}, въ числѣ условій, поставленныхъ Порсеной побѣжденнымъ римлянамъ, значилось запрещеніе употребленія желѣза, за исключениемъ только нуждъ земледѣлія. Къ этому присоединяются еще рассказы Ливія и Діонісія о выдачѣ Порсенѣ заложникомъ, также свидѣтельствующей о покореніи римлянъ. Однако наряду съ этимъ стоятъ противорѣчивыи факты, заключающіеся въ томъ, что аукціональная продажа пещеръ въ пользу казны обозначалась у римлянъ, какъ „продажа добра Порсенѣ“. Не имѣется также какихъ бы то ни было свѣдовъ этруского господства надъ Римомъ въ республиканскоѣ время. Но въ то же время не можетъ считаться лишнимъ всякаго основанія изгнѣтие *o septem pagi*, уступленныхъ римлянамъ не вообще этрускамъ, а въ частности только веентянамъ. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что параллельно съ веентянами, враждовавшими съ Римомъ къ течеію цѣлаго столѣтія,

^{*)} *Igne, Röm. Gesch.* I^a, 76.

^{**) Schwegler, I, 288.}

^{***) Pais, *Storia di Roma*, I, 1, 471.}

^{****)} Tac. h. 3, 72: *sede Iovis, quam non Porsena dedita urbe neque Galli capta temerare potuissent.*

^{*****)} Plin. n. h. 34, 39: *in foedere, quod expulsis regibus populo Romano dedit Porsena, nominatim comprehensum invenimus, ne ferro nisi in agri cultura uterentur.*

другой ближайший соседь Рима среди этрусковъ, именно городъ Цэрс, въ то же самое время находился въ тѣсной дружбѣ съ римлянами.

Въ сказанияхъ о Порсенѣ отразились, повидимому, элементы различныхъ по времени и характеру историческихъ событий.

1. *Тарквиній въ Клузіи*¹²⁾. По Ливію, Тарквиній, т. е. Тарквиний Гордый и его два сына¹³⁾, явились въ Клузій къ царю Порсенѣ съ просьбою о помощи для восстановленія ихъ царства въ Римѣ, причемъ это обращеніе Тарквиніевъ именно въ Клузій мотивируется тогданишнимъ могуществомъ клузиницъ и ихъ цара Порсена. Послѣдний соглашается и отправляется походомъ противъ римлянъ съ цѣлью вдоворить Тарквиній обратно. Однако, въ описаніи самого похода, вылью до того момента, когда начались переговоры о мирѣ, Тарквиній совершенно отсутствуютъ у Ливія: повсюду у него рѣчь только о Порсенѣ и его этрусахъ.

Этотъ промѣнь восполняется Діонісіемъ¹⁴⁾ съ обычно у него прагматичностью изложенія событий. По Діонісію, выѣхѣть съ Порсеной въ походъ участвуютъ не только Тарквиній и его сыновья, но также и зять Тарквинія, тускуланецъ Октавій Мамілій, съ камерициами и алтемінатами. Во время осады Рима сыновья и зять Тарквинія действуютъ на лѣвомъ берегу Тибра¹⁵⁾, между тѣмъ какъ у Ливія¹⁶⁾ и здесь появляются просто этруски, переправившіеся сюда съ той стороны реки, гдѣ стояла сама Порсена.

Ливій вспоминаетъ, слова о Тарквиніяхъ только по поводу переговоровъ о мирныхъ условіяхъ, но дѣлаетъ это въ такихъ выраженіяхъ, которые свидѣтельствуютъ о предначертаніи желаній писателя хоть какъ-нибудь, механическимъ образомъ, сказать развязку похода съ указанными имъ же въ началѣ поводомъ войны. Онъ заявляетъ, что, вступая въ переговоры съ римлянами, Порсена предложилъ имъ вернуть Тарквинія на царство, но что онъ предлагалъ это только для наду, чтобы формально исполнить данное имъ Тарквинію обѣщаніе, а вовсе не для того, чтобы наизвать это условіе римлянамъ, въ отказѣ которыхъ онъ быль напередъ увѣренъ¹⁷⁾. Окончательная

¹²⁾ Liv. 2, 9, 1—5. Dion. 21.

¹³⁾ Liv. 1, 60, 2.

¹⁴⁾ Dion. 5, 21.

¹⁵⁾ Ib. 5, 26.

¹⁶⁾ Liv. 2, 11.

¹⁷⁾ Liv. 2, 13, 3: *iactatum in conditionibus nequicquam de Tarquinis in regnum*

условія мира, по Ливію, заключались въ возвращенії участка земли веентамъ и въ выдачѣ заложниковъ, за что, въ свою очередь, Порсена обязывался очистить Янікуль. Правда, у Діонісія Порсена помнить болѣе твердо о цѣлі своего похода ¹⁹⁾, но и у него, въ концѣ концовъ, дѣло Тарквиніевъ сводится на извѣтъ, хотя онъ и старается при этомъ представить подходящую психологическую мотивировку такого неожиданного фіпала ²⁰⁾.

Извѣтъ, у Ливія имя Тарквиніевъ связало съ походомъ Порсены собственно только во вступительномъ замѣчаніи, имѣющемъ цѣлью объяснить поводъ войны. Въ самой же войнѣ Тарквиніи исчезаютъ, совершенно, а въ изложении условій мира упоминаются о нихъ лишь въ томъ смыслѣ, что въ этихъ условіяхъ дѣло Тарквиніевъ также улетучилось безслѣдно. Самыя же условія переданы одинаково, какъ у Ливія, такъ и у Діонісія.

Помимо отрицательного результата для Тарквиніевъ изъ мирныхъ условіяхъ въ высшей степени характерно еще слѣдующее обстоятельство. Въ началѣ разсказа о Порсенѣ рѣчь идетъ специально о клузинцахъ, которые въ описаніи самого похода повсюду замѣняются этрусками вообще, но въ окончательныхъ условіяхъ мира, ни съ того, ни съ сего, вместо клузинцевъ на сцену вдругъ появляются веентыне, о которыхъ передъ тѣмъ не было сказано ни слова. По Ливію ²¹⁾, римляне облазались возвратить веентыне землю, называемую, по Діонісію ²²⁾, сорiem pagi. Остальные этруски, какъ и Тарквиній, остались ни при чомъ; только клузинский царь Порсена выговорилъ себѣ выдачу римскихъ заложниковъ, но при этомъ совсѣмъ не понятно, что должно было обеспечиваться этой выдачей, разъ клузинцы не получали ничего другого, кромѣ однихъ заложниковъ, выданныхъ имъ царю. Въ итогѣ получается такая несообразность: войну предприняли клузинцы, а выгоду изъ этой войны извлекли веентыне; походъ былъ начатъ въ интересахъ династіи Тарквиніевъ, а окончился расширениемъ веентской земли. Ясно при такихъ обстоятельствахъ, что фактъ Тарквиніи, такъ и клузинцы представляютъ собою лишь случайный элементъ въ легендахъ о походѣ Порсены, привнесенной въ нее дополн-

restituendis, magis quia id negare ipse nequiverat Tarquinii, quam quod negatum iri sibi ab Romanis ignoraret.

¹⁹⁾ Dion. 5, 26 кон.; 31.

²⁰⁾ Dion. 5, 33 ср.

²¹⁾ Liv. 2, 13, 4.

²²⁾ Dion. 5, 31.

нительнымъ образомъ. Въ подлинной своей формѣ легенда знамъ, очевидно, только вообще этруского (но въ частности клузинскаго) царя Порсена, походъ котораго и имѣлъ своимъ послѣдствіемъ уступку веентянамъ римскихъ союзеней pagi. Превращеніе этруского царя Порсены въ царя Клузія и пріобщеніе къ его походу дѣла Тарквиніевъ можетъ быть отнесено только на счетъ комбинацій римскихъ анналистовъ и археологовъ.

Собственный разсказъ о походѣ Порсены начинается прямо съ появленіемъ этрусковъ на Ликиумѣ. Подобнымъ образомъ и регильская новѣсть начинается съ того момента, когда римское и латинское войска сразились при Регильскомъ озерѣ, безъ всякаго объясненія, какъ и почему враждебныя войска очутились въ этомъ мѣстѣ. И подобно тому, какъ регильская битва приведена была резонирующей анналистикой, отыскивавшей pragmatическую связь между смежными событиями, та и причинную связь съ дѣломъ изгнанія Тарквинія, таѣть и походъ Порсены оказался связаннымъ съ тѣмъ же дѣломъ на тѣхъ же основаніяхъ. Но эта связь является еще у Ливія лишь вкѣшней формой, плохо оправдываемой внутреннимъ содержаніемъ легенды. Примѣры pragmatического сцѣпленія двухъ смежныхъ, но первона-чально разрозненныхъ, событий или рассказовъ встрѣчаются въ римской истории на каждомъ шагу: это одинъ изъ самыхъ любимыхъ и виѣсть съ тѣмъ самыхъ характерныхъ методологическихъ приемовъ римской анналистики.

Также наименованіе этруского царя Порсены въ частности царемъ Клузія не можетъ основываться на старинномъ преданіи. Во-первыхъ, городъ Clusium въ старыя времена назывался Samnars²³⁾, и, во-вторыхъ, съ этой частью Этрурии римляне познакомились только въ началѣ 3 столѣтія до Р. Хр.²⁴⁾. Еще въ концѣ предшествовавшаго вѣка сѣверная Этрурия за Циминійскимъ переваломъ, составлявшимъ границу бывшей веентской области, явилась для римлянъ страшной terra incognita. Походъ, предпринятый въ 310 году Фабіемъ Максимомъ за Циминійский перевалъ, повергъ римскій сенатъ въ такой ужасъ, что даже была принята тогда неслыханная мѣра противъ Фабія, выразившаяся въ откомандированіи въ его лагерь двухъ народныхъ трибуновъ со всѣми правами городской intercessio²⁵⁾. У Ливія

²³⁾ Liv. 10, 25, 11: Clusium, quod Samnars olim appellabant.

²⁴⁾ Liv. I. c.

²⁵⁾ Liv. 9, 86.

Порсена называется царем Клузия только во вступительном замечании. Въ собственномъ же повѣстованіи о военныхъ дѣйствіяхъ около Рима упоминаются исключительно только этруски вообицо, безъ всякой специализаціи племенія, не исключая и воспитаній, изълекшихъ для себя пользу изъ похода Порсена и, следовательно, бывшихъ какъ-нибудь причастными къ этому походу ²⁶⁾). Извѣстно нужно замѣтить, что въ подлинной легендаѣ также и Порсена изображался лишь вообще въ видѣ этруского царя, безъ всякаго специального опредѣленія его происхожденія. Превращеніе его въ частности въ клузійскаго царя получилось для позднѣйшихъ римскихъ археологовъ, путемъ отожествленія Порсены римской легенды съ другимъ Порсеной, сказочную могилу котораго показывали въ Клузіи. Пліній даётъ подробное описание этого клузійскаго памятника ²⁷⁾).

2. Удешевленіе соли. Встревоженные замыслами Порсены римляне принялись прежде всего выѣздить спокойствіе въ своей общинѣ, ублажая плебеевъ разными экономическими мѣрами. Но Діонісію ²⁸⁾, сенатъ освободилъ бѣдныхъ (тѣсъ пѣнчтас) отъ всѣхъ палоговъ, которые они платили при царѣ, а также отъ взносовъ на воинскіе нужды, довольствуясь съ ихъ стороны несениемъ одной лишь воинской повинности. Объ этомъ же освобожденіи бѣдныхъ (plebes, раберес) отъ пошлины (portoria) и раскладочного сбора (tributum) сообщаетъ и Ливій ²⁹⁾). Но, кромѣ того, Ливій заявляетъ также о покупкѣ хлѣба на казенный счетъ и обѣ отмѣнѣ полной продажи соли (salis vendendi arbitrium ademptum privatiss), позволявшей продавцамъ назначать произвольно высокія цѣны (quia sal impenso pretio venibat); удешевленіе было достигнуто принятиемъ па счетъ казны всѣхъ расходовъ по добычи этого предмета (in publicum omni sumptu resepto).

Прежде всего очевидно, что заявленіе о покупкѣ хлѣба за счетъ казны внесено сюда только по образцу порядковъ продовольственного дѣла, выработавшихся со временемъ Гракховъ. Подобнымъ образомъ сюобщеніе обѣ освобожденіи отъ пошлины (portoria) и раскладочного сбора (tributum) отражаетъ въ себѣ положеніе этого дѣла въ томъ видѣ, какъ это было въ концѣ республики. Трибути съ гражданъ не взы-

²⁶⁾ У Діонісія (5, 21) упоминаются камерицы въ античности; однако ихъ приводятъ съ собою не Порсена, а Октавій Мамілій, совершенно отсутствующій у Ливія.

²⁷⁾ Plin. h. n. 36, 19, 31 сл.

²⁸⁾ Dion. 5, 22.

²⁹⁾ Liv. 2, 9, 6.

мался еще съ 167 года ²⁹⁾, а въ 60 году уничтожены были и portugia въ Италии ³⁰⁾). А пока существовалъ трибутъ, то не зачѣмъ было принимать какиа-либо мѣры въ интересахъ бѣдныхъ классовъ, такъ какъ трибутъ взимался пропорціонально къ земельному имуществу, такъ что тотъ, кто не владѣлъ землей, вовсе и не привлекался къ участію въ трибутѣ. На позднѣе происхожденіе замѣтка Діонісія и Лавія указываетъ также и смыщеніе старого политическаго плебса съ соціальнымъ плебсомъ изъдѣйшихъ временъ, когда подъ словомъ plebs дѣйствительно разумѣлись одни только раперес—peupltes.

На особомъ положеніи находится замѣтка о соли. Ниже обнаружится, что соединеніе наѣстія о соляномъ промыслѣ съ нашествіемъ Порсена не было лишено всякаго основанія, составляя, повидимому, старую составную часть легенды о Порсенѣ и представляя собою ту ячейку, вокругъ которой нарости прочія замѣтки о мѣрахъ въ пользу бѣдныхъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о казенныхъ соляныхъ промыслахъ римской республики очень скучны. Во всякомъ случаѣ въ 3 столѣтіи до I. Хр. уже существовала правило организованная продажа соли въ формѣ казенной монополіи. До 204 года соль отпускалась гражданамъ по сексантунту одинаково на всѣмъ пространствѣ по автономнаго ager Romanus. Въ означенномъ году старая цѣна оставлена была только въ городѣ Римѣ, въ то время какъ въ другихъ мѣстахъ продажи казенной соли установлена была повышенная цѣна и притомъ въ разныхъ мѣстахъ различно ³¹⁾, вѣроятно, въ зависимости отъ разстоянія даннаго мѣста отъ римскихъ казенныхъ salinae на устьѣ Тибра ³²⁾; продажа соли по назначеннй цѣнѣ сдавалась откупщикамъ ³³⁾, въ то время какъ выработка соли производилась за счетъ казны ³⁴⁾, хотя, безъ сомнѣнія, также подряднымъ способомъ; разница между суммой, выданной подрядчикамъ за исполненіе подряда добычи соли, и между суммой, полученной отъ откупщиковъ за взятую ими для продажи соль, составляла чистую прибыль казны.

²⁹⁾ Cic. off. 2, 22, 76.

³⁰⁾ Cic. Att. 2, 16.

³¹⁾ Liv. 29, 37, 3: vectigal etiam novum ex salario annonae statuerunt (censoribus); sextante sal et Romae et per totam Italiam erat; Romae pretio eodem, pluris in foris et conciliabulis, et alio alibi pretio praebendum locaverunt.

³²⁾ Но Ливію, цензоръ Ливій, получившій прозваніе Salinator, установилъ это различие цѣнъ для того чтобы отомстить трибамъ, голосовавшимъ противъ него.

³³⁾ Liv. 1. c.: praebendum locaverunt.

³⁴⁾ Liv. 2, 9, 6: in publicum omni sumptu recepto.

Соляные промыслы (*salinae*) на устье Тибра составляли казенное предприятие римской общины съ незапамятныхъ временъ, какъ видно изъ преданія, приписывавшаго устройство этихъ промысловъ царю Анику Марciю ²⁶⁾). Изъ этого слѣдуетъ, что также съ незапамятныхъ временъ существовала въ Римѣ и казенная продажа соли въ качествѣ продукта казенныхъ промысловъ. Мало того, римская торговля солью имѣла иѣкогда, несомнѣнно, и важное международное значеніе для соседнихъ областей, какъ можно судить по названию „соляного шляха“ (*via Salaria*), шедшаго съ Квиринала за Аніенъ въ страну сабинянъ ²⁷⁾). Съ этой точки зрѣнія можетъ быть объяснено и пріуроченіе къ легендѣ о Порсенѣ введенія соляной монополіи въ Римѣ, но лишь въ томъ смыслѣ, что нашествіе Порсены въ народномъ преданіи находилось въ какой-то связи съ соляными промыслами римской общины. Эту связь мы и попытаемся разъяснить ниже.

3. *Гораций Коклес* ²⁸⁾. Ливій излагаетъ легенду о Коклесѣ въ слѣдующемъ видѣ. Враги появились на Яникулѣ столь неожиданно, что чуть-было не завладѣли самимъ городомъ, устремились туда вслѣдъ за уѣгавшимъ съ Яникула гарнизономъ римлянъ. Вторженіе было предотвращено только благодаря мужеству Горация Коклеса, которому была поручена охрана деревянного моста (*pons sublicius*), соединявшаго городъ съ противоположнымъ берегомъ. Прикрывая отступленію яникульского отряда ²⁹⁾), Гораций изъ сообщества съ Си. Ларциемъ и Т. Герминиемъ отражали патаки непріятелей, пока бѣглецы не перешли всѣ черезъ мостъ въ городъ. Затѣмъ онъ отпустилъ также Ларція и Герминія, а самъ продолжать сражаться на мѣстѣ, пока за нимъ не успѣли сломать мостъ, послѣ чего онъ, наконецъ, и самъ перебрался вплавь черезъ рѣку. За этотъ подвигъ воздвигли ему статую на коміції, которую видѣть еще Пліній ³⁰⁾), и подарили ему столько земли, сколько онъ былъ въ состояніи обойти плугомъ

²⁶⁾ Liv. 1, 33, 9: in ore Tiberis Ostia urbs condita, salinae circa factae. Plin. h.n. 81, 7, 89: Ancus Marcius rex salis modios VI congiario dedit populo et salinas primos instituit.

²⁷⁾ Возникновеніе сабинскаго поселка на Квиринальѣ (съ капитолійской крѣпостью) могло корениться именно въ борьбѣ изъ-за соли. Ср. „Къ начальной исторіи Рима“. Филол. Обозр. II, 2.

²⁸⁾ Liv. 2, 10. Plin. 5, 22 см.

²⁹⁾ Дионисій вставляетъ здесь предварительно цѣлую битву передъ мостомъ, съ указаниемъ, кто командовалъ лѣвымъ флангомъ, кто правымъ и пр.

³⁰⁾ Plin. n. h. 34, 5, 23.

въ течениe одного дня, а во время послѣдовавшаго затѣмъ голоды народъ поддерживалъ Гораций приношениями изъ своихъ скучныхъ запасовъ.

По Ливию, Горацию удалось переплыть рѣку совершиенно невредимымъ (*incolunis*); напротивъ, по Дионисію, онъ былъ покрытъ многочисленными ранами и особенно тяжело раненъ въ ногу ⁴¹), вслѣдствиe чего потомъ хромалъ всю жизнь ⁴²). Эта черта была привнесена въ легенду, очевидно, съ цѣлью уяснить странное иначе обстоятельство, почему такой славный герой, какъ Гораций Коклесь, не появляется затѣмъ въ числѣ консуловъ того времени: причина этому и найдена именно въ его хромотѣ ⁴³). Однако настоящая причина отсутствія его именни въ консульскихъ фактахъ заключается въ томъ, что, по старой редакціи легенды, сохранившейся у Полібія ⁴⁴), Гораций Коклесь палъ жертвою своего геройскаго подвига, потонувъ въ рѣкѣ, куда онъ бросился во всемъ вооруженіи (въ тѣсѣ *блос*), ища преднамѣренную смерти (хатѣ *проакреот*), съ тою, конечно цѣлью, чтобы оить и его доспехи не попали въ руки непріятелей. А такъ какъ, такимъ образомъ, въ добровольной смерти Гораций играетъ замѣтную роль его оружіе, то изъ этого можно заключить, что своимъ скачкомъ въ рѣку ⁴⁵) Гораций решалъ вопросъ о томъ, чтобы не отдать врагамъ своихъ доспеховъ въ качествѣ *spolia opima*. Иными словами, въ первоначальной редакціи легенды Гораций изображался въ видѣ главнаго вождя римлянъ (т. е. претора—консула)—въ этомъ именнованіи мы и встрѣчимся съ нимъ ниже—а по вѣдѣ молодого человѣка, какимъ онъ изображенъ у Дионисія ⁴⁶). Послѣднему представлению мѣшаетъ уже одно то, что въ качествѣ помощниковъ Гораций появляются Сп. Ларций и Т. Герминий, которыхъ самъ Ливій ⁴⁷) называетъ *ambos claros genere factisque*. Указаниемъ на ихъ *clara facta* оба героя характеризуются, какъ представители старшаго поколѣнія.

Ссылка на *clara facta* Ларция и Герминия любопытна еще и въ другомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что у Ливія оба эти имени встречаются въ этомъ мѣстѣ впервые, между тѣмъ, какъ то, чѣмъ они

⁴¹) Dion. 5, 24. Plut. Popl. 18. Dio 45, 32.

⁴²) Dion. 5, 25. Serv. Aen. 6, 646.

⁴³) Dion. I. c.

⁴⁴) Polyb. 6, 55.

⁴⁵) Bon. ann. 164: *Oratius inclusus saltu.*

⁴⁶) Dion. 5, 23.

⁴⁷) Liv. 2, 10, 6.

прославились, читается только уже въ разсказѣ о послѣдующихъ годахъ послѣ нашествія Порсены. Нельзя не видѣть въ этомъ нагляднаго признака того, что данное хронологическое распределеніе событий вытекло собою первоначальный другой порядокъ, по которому разсказъ о Порсенѣ слѣдовалъ за регильской повѣстю, въ числѣ героевъ которой и значатся Ларцій и Герміній. Въ статьѣ „Первый римскій диктаторъ“⁴⁸⁾ мы пришли къ заключенію, что въ основномъ распределеніи материала, вошедшаго во вторую книгу Ливія, регильская повѣсть была пріурочена къ 484 году, какъ году освященія храма Кастора. А ниже будетъ указано, что сказаніе о Порсенѣ въ той же основной редакціи материала второй книги Ливія помѣщалось подъ 478—7 годами, за сорокъ лѣтъ до истечения 40-лѣтняго перемирия съ веентянами, окончившагося въ 438—7 годахъ. Такъ какъ регильская повѣсть и сказаніе о Порсенѣ въ своемъ содержаніи не обнаруживаются ровно никакихъ точекъ сопряженія, не имѣя ничего общаго между собою, то перенесеніе именъ Ларція и Гермінія изъ одного рассказа въ другой можетъ основываться только на виѣшихъ условіяхъ, какими и является принятая нами пространственная смежность обоихъ разсказовъ въ указанномъ хронологическомъ распределеніи того материала, изъ котораго создана была вторая книга Ливія. Въ основной редакціи сказанія о Порсенѣ обоихъ помощниковъ Гораций нужно предполагать безымянными.

Въ статьѣ „Регильская повѣсть“⁴⁹⁾ показаны примѣры того какъ въ консульскихъ фактахъ разныхъ годовъ того времени сохранились следы различныхъ хронологическихъ опредѣленій того или другого сказанія. То же самое имѣмъ и въ данномъ случаѣ. Въ числѣ консуловъ 477 года значится имя Г. Гораций, которое и является такимъ же осадкомъ прежняго пріуроченія похода Порсены къ этому именно году, какъ и прочія данные веентской войны 477—476 годовъ. Консулъ 477 года Г. Гораций тождественъ съ Горациемъ⁵⁰⁾, героемъ сказанія о Порсенѣ. Этому соотвѣтствуетъ и сдѣланная нами выше выводъ о томъ, что первоначальной редакціи сказанія о Порсенѣ было присуще представление о Горации, какъ о главномъ предводителѣ римлянъ, а не какъ о представителѣ младшаго

⁴⁸⁾ Журн. Мик. Нар. Прое. 1907.

⁴⁹⁾ Тамъ же, 1906.

⁵⁰⁾ Ливій не указываетъ личного имени этого Гораций; напротивъ, Дионісій (5, 23) называетъ его Потію; Орбітос.

покоління. Когда главные части сказаний о Порсенѣ перенесены были ко времени, непосредственно следовавшему за изгнаніем Тарквиніевъ, то въ результатѣ получилось раздвоеніе первоначально единаго материала, а именно сть тѣмъ и раздвоеніе фигуры Гораций, повлекшее за собою и различие въ ихъ наименования, одного Публиемъ, а другого Гасицъ, а также и различие въ ихъ генеалогіи. По Діонисію ⁴¹⁾, Публий Гораций, герой сказания о Порсенѣ, бытъ племянникъ М. Гораций, консула первыхъ годовъ республики, освятившаго храмъ капитолійскаго Юпитера. Напротивъ, Гай Гораций, консулъ 477 года, считался сыномъ этого же Марка Горация, всѣдствіе чего и ему присваивалось прозвище послѣдняго *Pulvillus* ⁴²⁾, исказженное у Діодора ⁴³⁾ въ Нохіевѣ ⁴⁴⁾.

Въ отличіе отъ этого, за героямъ сказания о Порсенѣ упоминалось прозвище *Cocles*. Причина же этого прозвища заключалась въ томъ, что подвигъ Гораций приурочивался къ римскому *sublicio*, а пѣшеходной дорожкѣ, ведшей отъ этого моста въверхъ на Линкуль, было присвоено название *semita Coclitis* ⁴⁵⁾, что означало „дорога одноглазаго“ ⁴⁶⁾. Прозвище *Cocles*, получившееся вслѣдствіе отожествленія топографического Коклеса съ именемъ защитникомъ моста Горациемъ, вызвало даже толкованіе ⁴⁷⁾, будто Гораций былъ прозванъ „одноглазымъ“, потому что въ битвѣ лишился одного глаза.

Итакъ, въ подлинной редакціи сказания о Порсенѣ Гораций, получивший прозвище *Cocles* по случайнымъ томографическимъ даннымъ, являлся главнымъ вождемъ римлянъ противъ этрусковъ, занявшихъ Линкуль подъ предводительствомъ Порсены, и погибъ въ рекѣ, спасая скажкомъ въ воду свое оружіе, для того чтобы въ рукахъ врага оно не превратилось въ *spolia opima*. Первоначальное же приуроченіе этого Горация къ 477 году зависело отъ того, что и вообще все сказание о Порсенѣ въ своей подлинной редакціи не имѣло никакого отношенія къ изгнанію Тарквиніевъ. Остаткомъ этого старого воззрѣнія является указаніе Ливія на то, что необходимость защищать

⁴¹⁾ Dion. 5, 23.

⁴²⁾ Liv. 2, 8, 4: M. Horatius Pulvillus. Fasti Cap. 296 a. u. c.

⁴³⁾ Diod. 11, 53.

⁴⁴⁾ Основаніемъ этого исказженія является сбѣщеніе буквъ А и Д т. е. -θεσ-λος.

⁴⁵⁾ Prop. 4, 10, 63: Coclitis abacissos testatur semita poates.

⁴⁶⁾ Varro I. 1, 7, 71: ab oculo dictus Cocles ut ocles, qui unum haberet oculum.
Plin. n. h. 11. 55. 150.

⁴⁷⁾ Dion. 5, 23.

мость, пока онъ не будетъ сломанъ, вызвана была неожиданнымъ появлениемъ этрусковъ на Янукулѣ⁶⁰). Такая неожиданность и исключаетъ все то, что сообщается тѣмъ же Ливіемъ (въ гл. 9) въ видѣ подготовительныхъ дѣйствій съ той и другой стороны. Такжо и для предполагаемой памъ связи похода Порсены съ соляными промыслами римлянъ должна быть найдена иная точка зреія взамѣнъ той, которую проводить Ливій.

Сохраненію народно-эпического преданія о защитникѣ моста содѣствовало существованіе старинной статуи, считавшейся памятникомъ имени Гораций Коклеса. Объ этой статуѣ, находившейся іn агра Volcani, повѣтствовали еще *appales maximi*: когда однажды статуя была поражена молнией, то этруски гаруспики, приглашенные для обычной *procuratio*, коварнымъ образомъ перемѣстили статую въ такое мѣсто, которое никогда не освѣщалось солнцемъ; уличенные въ коварствѣ гаруспики понесли наказаніе, а статуя перенесена на болѣе подходящее мѣсто⁶¹). Напротивъ, поднесеніе въ награду участка земли перешло на Гораций изъ легенды о Муци.

4. *Осада Рима и голодъ*⁶²). Такъ какъ Порсенѣ не удалось ворваться черезъ мость при первомъ нападкѣ, то онъ приступилъ къ осадѣ города. Занявъ весь правый берегъ Тибра, онъ отрѣзаль у римлянъ подвозъ провіантта по рѣкѣ, а затѣмъ отправляль и на ту сторону лестучіе отряды этрусковъ, которые, наводнивъ всѣ окрестности Рима, сдѣлали невозможнымъ подвозъ и сухимъ путемъ. Вслѣдствіе этого въ Римѣ насталъ голодъ. Тогда, по разсказу Ливія, консулъ Валерій прибѣгъ къ хитрости. Онъ устроилъ этрускамъ ловушку, а въ видѣ приманки велѣгъ выгнать скотъ изъ города на пастибище за Эсквилинскія ворота, разсчитывая, что этруски захотятъ отбить его. Мѣсто пастибища окружено было съ четырехъ сторонъ наблюдательными отрядами римлянъ: Т. Герминий васѣль съ виѣшией стороны

⁶⁰) Liv. 2, 10, 3: *captum repentina impetu Ianiculum.*

⁶¹) Изъ того, что сказаніе о Горации признавало наличность трехъ защитниковъ достаточною для того, чтобы преградить движение по мосту, а также изъ того, что на томъ берегу къ мосту примыкала не проѣзжая *via*, а только пѣшеходная *semita*, можно заключить, что *pons publicius*, отличавшись небольшой шириной, соотвѣтствовалъ ширигѣ трехъ защитниковъ, быль расчитанъ только на пѣшее движеніе. Впослѣдствіи, рядомъ съ старымъ *pons publicius*, построенъ быль *pons Aemilius*, чтѣ и могло зависѣть именно отъ того, что старый мость не былъ приспособленъ къ ѣздѣ по немъ.

⁶²) Liv. 2, 11.

на via Gabina, Сп. Ларцій стоялъ на одномъ флангѣ подлѣ porta Collina, консулъ Лукрецій на другомъ за porta Naevia, а самъ Валерій помѣстился извнутри на monte Caecilius. Такимъ образомъ, когда явились этруски на цистище, римляне начали на нихъ со всѣхъ четырехъ сторонъ и перебили ихъ. Эта неудача заставила Порсена прервать набѣги на лѣвый берегъ. Тѣмъ не менѣе голодъ въ городѣ отъ этого не уменьшился, а Порсена продолжалъ осаду.

Эпизодъ о хитрости Валерія въ данной Ливіемъ редакціи представляется очевиднымъ, вадѣемъ позднѣйшаго времени, какъ показываетъ уже одно присутствіе именъ Гермінія и Ларція, а также и консула Лукреція, такъ какъ по другой хронологической комбинаціи въ томъ году, когда Порсена осаждалъ Римъ, вторымъ консуломъ, рядомъ съ Валеріемъ, былъ не Т. Лукрецій, а М. Гораций. Поэтому Діонісій ⁽¹⁾), принимая послѣднюю хронологію, совсѣмъ опускаетъ эпизодъ о хитрости Валерія, устроившой имъ при содѣйствії консула Лукреція, но зато имена Ларція и Гермінія использованы у него въ другомъ направлениі: ихъ отправили въ ионітіанскую область, откуда они привезли тайкомъ по Тибру пѣкоторое количество хлѣба. Притомъ указываемый Ливіемъ результатъ хитрости Валерія весьма плохо связанъ съ общимъ положеніемъ дѣла: побѣда Валерія пріостановила будто бы набѣги этрусковъ на лѣвый берегъ и, слѣдовательно, очистила пути для подвоза провіантa, но голодъ все-таки продолжается, изъ чего и слѣдуетъ, что обложеніе города вовсе не ослабѣло. Діонісій, отвергая эпизодъ съ Валеріемъ, проводить съ большою послѣдовательностью представленіе о полномъ обложеніи Рима, какъ причину развитія голода, причемъ для этой цѣли на лѣвомъ берегу Тибра появляются у него не случайные лишь отряды, какъ у Ливія, а, напротивъ, здѣсь сть самаю начала расположились войска сыновей и зятья Тарквінія, осаждая городъ съ этой стороны, въ то время какъ самъ Порсена дѣйствовалъ на правомъ берегу. Однимъ словомъ, изложеніе Діонісія отличается болѣе закругленнымъ pragmatismомъ, но его матеріаль состоять всецѣло изъ постороннихъ элементовъ (Ларцій, Герміній, сыновья и зять Тарквінія).

Въ основаціи разсказа Ливія и Діонісія о событияхъ между начальнымъ моментомъ (сказание о Горациі Коклесѣ) и заключительнымъ моментомъ (сказание о Муціи Сциволѣ) лежитъ представленіе о голодѣ, вызванномъ осадой Рима, захватывавшей таъ или иначе

⁽¹⁾) Dion. 5, 26.

также и левый берегъ рѣки. Но въ то время, какъ у Діонісія этотъ промежутокъ времени заношенъ совершено вольной композиціей, построенной на основномъ представлѣніи о голодѣ и осадѣ, эпизодъ о хитрости Валерія у Ливія, напротивъ, основывается на преданії обѣ удачной битвѣ съ этрусками, произшедшей когда-то именно позади Эсквилинскихъ воротъ, въ районѣ *via Gabina*, около святилища Надежды⁶³⁾. Обработка же этого преданія въ данной у Ливія редакціи, специально направленная къ прославленію представителя рода Валеріевъ, обнаруживаетъ наглядные признаки издѣлія анналиста Валерія Анциата.

5. *Муцій Скевола*. Ливій⁶⁴⁾ передаетъ эту легенду въ слѣдующемъ видѣ. Безвыходное положеніе осажденного города заставило знатного юношу Г. Муція рѣшиться на убийство Порсены, притомъ съ вѣдома и одобренія сената. Но вмѣсто царя Муцій по ошибкѣ поразилъ своимъ книжаломъ царскаго казначоя, раздававшаго солдатамъ жалованье. Схваченный тѣлохранителями Муцій сообщилъ, кто онъ такой и съ какой цѣлью явился, добавивъ, что сю примѣру послѣдуютъ другіе римскіе юноши. Царь, желая выштатъ у него подробнѣости о дальниѣшихъ покушеніяхъ, готовился подвергнуть Муція пыткѣ отнемъ. Тогда Муцій, чтобы доказать, какъ мало пугасть его эта угроза, тутъ же вложилъ свою руку въ огонь, пылавший на жертвеникѣ передъ царскимъ трибуналомъ. Пораженный этимъ зрѣлищемъ Порсена вѣльмъ отпустить Муція на свободу, а тотъ, какъ бы изъ благодарности, рассказалъ о миномъ заговорѣ 300 знатныхъ юношъ, среди которыхъ на его долю будто бы выпалъ лишь первый жребій. Муцій получилъ за свой подвигъ прозвище *Scaevola*, а Порсена, подъ вліяніемъ страха передъ предполагаемыми заговорщиками, вступилъ въ переговоры о мирѣ съ римлянами.

Легенда о Муціи была изгѣстна еще анналисту Кассію Геминію⁶⁵⁾. Тѣмъ не менѣе, судя по всему, это вовсе не старинное преданіе. Уже одно упоминаніе о солдатскомъ жалованьѣ, составляющемъ весьма существенную частность въ обстановкѣ покушенія Муція, доказываетъ, что эта легенда моложе организаціи этого дѣла, введенной во время послѣдней войны съ венетами, 100 лѣтъ спустя послѣ похода Порсены. На еще болѣе позднія времена указываютъ самыя имена

⁶³⁾ Liv. 2, 51, 2.

⁶⁴⁾ Liv. 2, 12 сл.

⁶⁵⁾ Peter, Hist. rom. reli. fr. 16: censuit sese regem Porsennam occidere.

Муція Сциволы. Родъ Mucii Scaevolae появляется въ фастахъ только 300 лѣтъ спустя послѣ изгнанія Тарквінія, впервые во время второй пуніческой войны⁶⁶⁾; но съ тѣхъ порь до конца республики Mucii Scaevolae занимаютъ восьмое видное мѣсто въ римской аристократії. Такъ, напр., во времена Гракховъ въ званіи верховнаго понтифика состоялъ P. Mucius Scaevola, имя которого сказано съ прекращеніемъ понтификальной лѣтописи (ок. 123 г.) и изданіемъ наложившагося въ коллегіи лѣтописного материала въ видѣ *annales maximi*⁶⁷⁾. При этомъ сама легенда усиленно настаиваетъ на знатности Г. Муція, называя его *adulescens nobilis* и причисляя также къ предполагаемымъ 300 заговорщикамъ къ составу высшей римской знати: *trecenti coniuravimus principes iuventutis Romanae*⁶⁸⁾; а Діонісій превратилъ ихъ всѣхъ въ патриціевъ, не исключая и "самого Муція"⁶⁹⁾, хотя родъ Муціевъ былъ плебейскій⁷⁰⁾. Изъ этого видно, что по меньшей мѣрѣ данная родакція легенды сложилась уже послѣ того, какъ родъ Муціевъ вошелъ въ ряды римскогоnobilitata, т. е. не раньше 2 столѣтія до Р. Хр. Но общему своему характеру легенда производить такое впечатлѣніе, какъ будто она придумана нарочито съ тою цѣлью, чтобы для рода Муціевъ отыскать знатныхъ предковъ и въ старыя времена республики, задолго до исторического возвышенія этого плебейскаго рода.

Исходнымъ пунктомъ для возникновенія легенды о Г. Муціи и ея пріуроченія именно къ походу Порсены можно считать наличность названія *Mucia prata* за Тибромъ⁷¹⁾ въ районѣ дѣйствій Порсены. Это название и было истолковано въ томъ смыслѣ, что данный участокъ земли представлялъ собою подарокъ, преподнесенный римской общиной предку рода Муціевъ. А въ свою очередь величина этого участка могла послужить основаниемъ для представления, что Муцію было подарено столько земли, сколько можно обойти плутомъ въ теченіе одного дня⁷²⁾. По образцу Муція тѣмъ же подаркомъ писа-

⁶⁶⁾ Liv. 23, 24. 40.

⁶⁷⁾ Pauly-Wissowa, R. E. I, 2251 сл.

⁶⁸⁾ Liv. 2, 12, 2 и 15.

⁶⁹⁾ Dion. 5, 29: τριπλάσιον τὴν πότην ἔχοντες ὥλητον ἐκ τοῦ γένους τοῦ πατρικίου ἀπαντεῖς εἴθουλεωσάμενα ἀποκτεῖνται οἱ.

⁷⁰⁾ Всѣдѣстіе этого Нибурѣ призванія нужнымъ предположить, что герой легенды первоначально назывался просто Гасікъ и что родовое имя *Mucius* дано было ему уже впослѣдствіи.

⁷¹⁾ Dion. 5, 35. Liv. 2, 18, 5.

⁷²⁾ Dion. 1. с.: δεῦτη δὲ ἀρότρῳ περιλαβεῖν ἐν ἡμέρᾳ δύνηται μῆ.

тели снабдили потомъ и Гораций. Наоборотъ, по образцу Горация, также и Муций снабжали статуей (*Vict. Aur. de vir. ill. 12*), о которой, однако, ничего не было известно ни аниалисту Низону (*fr. 20*), ни Ливию и Дионисию.

Въ первоначальной редакціи легенды подвигъ Муция, за который онъ удостоился земельного подарка, исчерпывался только тѣмъ, что ему удалось паковать Порсену, во-первыхъ, отважнымъ покушениемъ на его жизнь и, во-вторыхъ, раскрыть минимаго заговора 300 знатныхъ юношей. Въ этомъ именно видѣ легенда изложена у Дионисія ⁷¹⁾, во всемъ согласно съ Ливіемъ, за исключениемъ, однако, сцены сожженія правой руки ⁷²⁾, которая у Дионисія совершенно отсутствуетъ. Изъ этого явствуетъ, что сожженіе руки вовсе не принадлежало къ числу общепризнанныхъ частей легенды ⁷³⁾, а представлять собою лишь случайное наслѣдіе, возникшее въ видѣ этимологического толкованія прозвища рода Муциевъ *Scaevola* въ смыслѣ „лѣвица“. А Дионисій, отвергая сцену сожженія руки, съ явной преднамѣренностью заявляется, что героя легенды звали С. *Mucius Cordus* ⁷⁴⁾, отклоняя, такимъ образомъ, присвоеніе ему прозванія *Scaevola*, принятос Ливіемъ.

Искусственное происхожденіе сцены сожженія руки вытекаетъ уже изъ того, что въ простомъ лексикальномъ употреблении слово *scaevola* означало „амулетъ“, являясь уменьшительнымъ отъ *scaeva* „примѣта“, напр. *scaeva canina* (у Плавта) о собакѣ, перебѣжавшей дорогу. Примѣненіе къ этимъ словамъ понятія „лѣвицѣ“ появляется впервые у Варрона ⁷⁵⁾ подъ явнымъ вліяніемъ значенія греч. *σχαῖς*. Толкуя слово *scaeva* „примѣта“ отъ *scaeva* „лѣвая рука“, Варронъ имѣть въ виду авгурское значеніе лѣвой стороны, признававшейся въ отношеніи преднаменованій благопріятной стороной. Но дѣло въ томъ, что слово *scaeva* „примѣта“ было *vox media*, означая однаково, какъ благопріятныя, такъ и неблагопріятныя примѣты, почему и самъ Варронъ говорить *bona scaeva* для опредѣленія требуемаго имъ смысла. Такая подтасовка сама собою свидѣтельствуетъ объ искусственности данного Варрономъ толкованія.

⁷¹⁾ Dion. 5, 27 сл.

⁷²⁾ Liv. 2, 12, 18.

⁷³⁾ Plut. Popl. 17: τὸ περὶ Μούκιον εἴρηται ὅτι πολλῶν κτι: διαφόρων.

⁷⁴⁾ Dion. 5, 25 кон.

⁷⁵⁾ Varro I. I. 7, 97: *puerulis turpicula res in collo quoadam suspenditur, ne quid obiret, bonaes scaevae causa scaevola appellata; ea dicta ab scaeva, id est sinistra, quod quae sinistra sunt, bona auspicia existimantur.*

Прозваніе Муцієвъ Scaevola толкується якъ уменьшительное прозвища Scaeva, встрѣчавшагося въ родѣ Юпіевъ (консулъ 325 года Dec. Iunius Brutus Scaeva у Ливія) ⁷⁷⁾. При этомъ весьма правдоподобно, что имя Scaeva не исконо латинское, а, напротивъ, заимствовано изъ Этруріи, гдѣ оно неоднократно встречается на туземныхъ надписяхъ ⁷⁸⁾. Въ такомъ случаѣ и прозвище Scaevola не имѣло бы ничего общаго съ латинскимъ корнемъ слова scaeva въ томъ и другомъ значеніи, хотя, съ другой стороны, возможно, что Scaevola не находится ни въ какой связи съ именемъ Scaeva, возникнувъ самостійно въ видѣ клички на основаніи значенія слова scaevola „амuletъ“.

Пуская въ обращеніе свое толкованіе слова scaeva „примѣта“ отъ scaeva „лѣвая рука“, Варронъ имѣть въ виду разыяснить этимъ путемъ этимологію слова scaevola „амuletъ“. А для этой цѣли, въ данной связи, Варрону должна была оказать существенную услугу легенда о „лѣвнѣ“ Сциволѣ. Если же онъ не воспользовался ею, то это служитъ достаточно надежнымъ указаниемъ на то, что легенды о сожжепіи Муциемъ своей правой руки тогда еще не существовало. Сочиненіе Варрона *de lingua Latina* съ 5 книги посвящено Цицерону и, скѣдовательно, написано еще при его жизни, т. е. не позже 43 года. И вотъ также у самого Цицерона, неоднократно упоминавшаго о легендарномъ Муціи, не имѣется никакихъ скѣдовъ легенды о сожжении руки. Въ рѣчи за Сестія ⁷⁹⁾ Цицеронъ знаетъ разсказъ о Муции только въ той версіи, которая дана у Діонісія. Чрезвычайно характерна стойческая окраска сцены сожжения руки ⁸⁰⁾. Поэтому, если бы этотъ рассказъ былъ извѣстенъ въ вѣкѣ Цицерона, то было бы рѣшительно испонятно, почему онъ не воспользовался такимъ крупнымъ примѣромъ стойческой твердости духа въ своихъ тускуланскихъ бесѣдахъ. ⁸¹⁾. Извѣстно, что этого рассказъ сложился

⁷⁷⁾ Liv. 8, 20.

⁷⁸⁾ Nauhle, Kigenname, 370 и 419.—Прозвище Scaeva консула 325 года можетъ указывать на то, что съ материнской стороны онъ находился въ родственныхъ связяхъ съ Этруріей, въ которой сочетаніе родовыхъ именъ отца и матери составляло обычное явленіе (ср. Cilium Masselias). Этимъ упраощается и вопросъ о двойномъ соединеніи консула: Brutus Scaeva.

⁷⁹⁾ Cic. Sest. 21, 48: C. Mucius solus in castra venit cinaque interficere propria sibi morte conatus est.

⁸⁰⁾ Scala, Römische Studien (статья: Alte Sagen und eine junge Legende) въ сборнике: Fest-Gruas aus Innsbruck (1893).

⁸¹⁾ Осповіано II, 92 и 60.

уже послѣ 44 года, когда были изданы *Tusculanae disputationes*, и послѣ написанія сочиненія Варрона *de lingua Latina*, принадлежащаго тому же времени въ самомъ концѣ жизни Цицерона. Рассказъ былъ созданъ какимъ-либо археологомъ ближайшее послѣдующаго времени (быть можетъ даже самимъ Варрономъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ его сочиненій) на основаніи значенія слова *scaevus* „лѣвый“, впервые принятаго Варрономъ ⁴²⁾). Генеалогическія изслѣдованія и измышленія были тогда въ модѣ и спросъ на нихъ былъ большой.

Древнѣйшимъ для насть авторомъ, свидѣтельствующимъ о существованіи легенды о Муціи Сциволѣ, является Ливій, воспользовавшійся ею, какъ однимъ изъ излюбленныхъ имъ образчиковъ римской *virtus*: по Ливію, Сцивола совершаєтъ свой подвигъ просто для того, чтобы устрашить царя Порсеку нагляднымъ примѣромъ римской стойкости. У послѣдующихъ же писателей эта легенда появляется отчасти уже въ другомъ видѣ, примѣнительно къ юридическому понятію о *talio*: римскій герой сжигаетъ свою правую руку (становясь съ тѣхъ поръ „лѣвашой“) въ наказаніе за то, что она не сумѣла исполнить намѣреніе Сциволы убить царя; правая рука наказывается, такимъ образомъ, въ качествѣ виновной части тѣла, соответственно понятію о *ius talionis*. Въ этомъ видѣ легенда представлена у Валерія Максима, Сенеки и Марціала, въ то время какъ Плутархъ, Флоръ и Кассій Діоній придерживаются версіи Ливія. Юридическая окраска привнесена сюда, повидимому, въ школахъ риторовъ, поспѣшившихъ использовать новую легенду для учебныхъ цѣлей при разъясненіи понятія о *talio*.

Такимъ образомъ, сцена сожженія руки составляетъ очень позднее наслѣдіе въ легендахъ о Муціи, возникшее только въ періодѣ триумвировъ. Но и остальная часть легенды не составляла исключительно достоянія римской аннотики. Дополнивши свидѣтельство о подвигѣ Муція вообще является апшалистъ *Cassius Hemina* ⁴³⁾. Отсутствие свѣдѣній о Муціи у предшественниковъ Кассія Гемина можно было объяснить общую случайностью сохранившихся фрагментовъ антической литературы. Но возможно, что Кассій Гемина дѣйствительно первый принялъ въ свои анналы легенду о Муціи. Скала (I. c. 193) обратилъ вниманіе на безымянное обозрѣніе выдающихся подваговъ

⁴²⁾ Въ императорское время это значеніе пропитывалось уже безъ всякихъ затруднений (ср. *Ulpian. Dig.* 21, 1, 12: *scaeva* „лѣвша“).

⁴³⁾ См. выше. 64.

старыхъ римлянъ, данное у Полибія (6, 54, 4). А такъ какъ адѣль не имѣется отдельного указания на подвигъ Муція, то Скала въ заключасть изъ этого умолчанія, что разсказать о Муціи не было еще известіе Полибію; изъ этого слѣдовало бы, что Полибій не находилъ этого разсказа у римскихъ апналистовъ, бывшихъ до него. Однако выводъ Скалы не вполнѣ убѣдителенъ, такъ какъ Полибій въ данномъ мѣстѣ говорить только о случаяхъ смерти на пользу общаго блага; а въ крайнемъ случаѣ сть некоторой натяжкой можно бы подвести сюда и подвигъ Муція, имѣшаго въ интересахъ общаго блага изъ вѣрную гибель (*proposita sibi morte*). Болѣе убѣдительна ссылка Скалы на Polyb. 5, 81, 2, гдѣ Полибій, разсказавъ о подвигѣ этолійца Феодота, совершенно тождественномъ сть подвигомъ Муція, относить это дѣло на счетъ „этолійской отваги“ (Αἰτολικῆ τόλμη). Изъ этого можно заключить, что римская параллель не была известна Полибію; иначе, конечно, оть не усматривалъ бы въ данномъ дѣлѣ специфической черты национальнаго характера этолійцевъ. Итакъ, можно вполнѣ согласиться съ выводомъ Скалы, что легенда о Муціи появилась въ римской апналистики только послѣ Полибія⁶⁴⁾. Въ пользу мнѣнія, что древнѣшіе апналисты игнорировали Муція, говорить и то, что Вергилій (Aen. 8, 650) упоминаетъ только о Клеліи и Горапії, опуская Муція; изъ этого можно заключить, что такъ это было и у Эннія, служившаго главнымъ источникомъ Вергилія по вопросамъ древнѣшней римской исторіи.

Если же, однако, Скала полагаетъ, что разсказать о Муціи сложился въ подражаніе подвигу Феодота, описанному Полибіемъ, то сть этимъ можно согласиться разгѣ только въ томъ смыслѣ, что Полибій послужилъ адѣль образцомъ для обработки разсказа о Муціи у позднѣйшихъ апналистовъ, такъ какъ болѣе близкое знакомство римскихъ историковъ сть сочиненіемъ Полибія обнаруживается не ранее временъ Суллы. Въ частности для Кассія Геминіи, при чрезвычайной склонности его апналовъ, врядъ ли представлялась надобность въ пополненіи изъ Полибія того материала, который заключался частью у старыхъ апналистовъ, частью въ неиспользованныхъ или народныхъ сказаніяхъ. А если исключить изъ разсказа о Муціи все то, что направлено къ установлению давней знатности рода Муціевъ, то остается одинъ лишь мотивъ покушенія на цареубійство. А этотъ мотивъ былъ, повиди-

⁶⁴⁾ Вѣдѣ сть тѣмъ известно, что Полибій, въ моментъ составленія своей пятой книги, не зналъ еще апналовъ Кассія Геминіи.

мому, очень распространено въ сказанияхъ о царяхъ. Въ нашей традиціи о царскомъ періодѣ онъ повторяется четыре раза: о Т. Тації, Ромулѣ, Тарквініи старшемъ, Сервіи Тулліи. Въ виду этого вполне возможно, что, наравнѣ съ сказаниемъ о „Козломъ болотъ“ на Марсовомъ полѣ, существовало подобное мѣстное сказание по отношенію къ *Mucia prata* за Тибромъ. Это народное сказаніе внесено было въ литературную анналистику только въ теченіе 2 столѣтія, когда въ родѣ Муціевъ успѣло уже занять достаточно видное мѣсто въ составѣ nobiliteta.

6. Мирные условия и сказание о Клеріи. Порсена, напуганный мнимымъ заговоромъ противъ его жизни, вступила въ переговоры о мирѣ. Въ числѣ условій, по Ливію, выставлено было требование о восстановленіи Тарквініи въ царской власти ⁴⁶), въ то время какъ Діонисій говорить лишь о возвращеніи Тарквініи *ихъ имущества* ⁴⁷). Однако римляне отвергли всякия уступки Тарквінію, согласившись только на два условія: 1) „возвращеніе“ венетянамъ участка земли ⁴⁸), называвшагося *septem rati* ⁴⁹), и 2) выдачу заложниковъ, количествомъ которыхъ Ливій не опредѣляется, въ то время какъ Діонисій ⁵⁰) сообщаетъ, что ихъ было 20 юношей и девицъ изъ самыхъ знатныхъ фамилій, въ томъ числѣ сына Горация и дочь П. Валерія.

Согласно Діонисію, возвращеніе сего паговъ обусловливало собою прекращеніе *гражды*, а выдача заложниковъ должна была гарантировать *дружбу*. При этомъ Діонисій считаетъ оба условія постановленными въ интересахъ самого Порсены (*εαυτῷ*), вслѣдствіе чего и возвращаемый участокъ признается принадлежавшимъ прежде этрускому народу вообще (*αὐτῇ Τορρυχῶν ἡ χώρα τὸ ἀρχαῖον ἦν*): напротивъ, Ливій говорить въ частности о венетианахъ, какъ бывшихъ владѣльцахъ этого участка, а выдачу заложниковъ онъ считаетъ воздаяніемъ за очищеніе Янкіула. Испо, что объясненіе цѣли обоихъ мирныхъ условій является лишь плодомъ комбинацій, а не достояніемъ старинной традиціи, на чтѣ указывается уже одно ихъ разнообразіе. Испо также, что Діонисія смущало упоминаніе о венетианахъ, неожиданно появляющихся на сцену, для того, чтобы пожать плоды войны, предпринятой клузинцами въ интересахъ Тарквініевъ. Но въ то же время Діони-

⁴⁶) Liv. 2, 13, 3: *de Tarquinis in regnum restituendis.*

⁴⁷) Dion. 5, 31.

⁴⁸) Liv. 2, 13, 4: *de agro Veientibus restituendo.*

⁴⁹) Dion. 5, 31.

⁵⁰) Ibid. 32.

сій, согласно съ Лавіемъ, говоритьъ о „возвращеніи“ семи паговъ. Изъ этого видно, что именно въ этомъ видѣ формулировалось данное условіе издавна въ римской апиалистикѣ, и притомъ въ связи съ легендой о Ромулѣ, по которой первый римскій царь отнялъ спорную землю какъ разъ у венетянъ, о чомъ известно было Ливію и Діонісію⁹⁰). Объ этомъ вопросѣ будеть у насъ рѣчъ ниже⁹¹).

Дѣйствительно, возвращеніе семи паговъ именно венетянамъ плохо виждется съ наличной редакціей легенды о Порсенѣ. Но какъ разъ эта несообразность служить важнымъ признакомъ того, что разскать о Порсенѣ въ томъ видѣ, какъ онъ представленъ у Ливія и Діонісія, является лишь позднѣйшей переработкой болѣе древнаго варианта, въ которомъ первенствующее мѣсто должно было принадлежать венетянамъ во всей войнѣ вообще, а не только въ однихъ условіяхъ мира.

Довольно страшно въ данной редакціи также и условіе о выдачѣ заложниковъ Порсенѣ. Если Порсена былъ царемъ въ Клузіи и если его походъ далъ осязательный результатъ только для венетянъ, то совсѣмъ не видно, что собственно эти заложники должны были гарантировать собою для клузинцевъ и ихъ царя. Другое дѣло, если Порсена въ подлинной формѣ сказанія считался венетскимъ царемъ, хотя въ формѣ понятнаго обобщенія и могъ называться этрускимъ царемъ. Въ такомъ случаѣ выдача заложниковъ была бы понята въ связи съ условіемъ объ уступкѣ земли, какъ гарантія въ точности исполненія этого условія. Однако въ продолженіи оба эти условія совсѣмъ не ставились въ причинную связь одно съ другимъ, а приводились поразъ, одно независимо отъ другого, какъ два самостоятельныхъ элемента сказания, сгруппировавшагося вокругъ имени Порсены. Ниже мы попытаемся представить вопросъ о заложникахъ въ иномъ освѣщеніи, независимо отъ уступки земли. Эдѣсь пока будеть достаточно указать на то, что Ливій связываетъ вопросъ о заложникахъ не съ „возвращеніемъ“ венетской земли, а съ очищеніемъ Янккула⁹²). Тѣсная связь заложниковъ именно съ Янккуломъ язвуетъ, впрочемъ, и изъ разсказа о Клерії⁹³.

Находившіяся въ числѣ заложниковъ дѣвушки, съ Клеріей во

⁹⁰) Liv. 1, 15, 5. Dion. 2, 55.

⁹¹) Въ гл. II.

⁹²) Liv. 2, 13, 4: *obsides dandi, si Ianiculo praesidium deduci vealent.*

⁹³) Liv. 2, 13, 6 сл.

главъ, во время жупанъ⁹⁴⁾) перехитрили приставленную къ нимъ стражу и подъ стрѣлами непріятелей ушли вплавь черезъ Тибръ къ своимъ. Но когда, по требованію Порсены, римляне возвратили бѣглѧнокъ, то Порсена не только отпустилъ Клелію съ почтотою на свободу, но и разрѣшилъ ей взять съ собою часть заложниковъ по ея выбору: она и выбрала самыхъ младшихъ (*impuibes*) съ согласія прочихъ заложниковъ⁹⁵⁾). По Діонисію (5, 34) царь подарилъ Клелію боевого коня, а возвращенные благодаря ей заложники, по словамъ анналиста Пизона⁹⁶⁾, соорудили въ честь ея конную статую дѣвушки, сидящей верхомъ. Эта статуя, находившаяся *in sinuina sacra via*⁹⁷⁾, вблизи храма Юпитера Статора⁹⁸⁾, въ вѣкъ Ливія и Діонисія уже не существовала⁹⁹⁾. Клеліи были патрици, родъ которыхъ имѣлъ своихъ представителей, правда, еще во 2 стол. до Р. Хр.¹⁰⁰⁾; однако уже тогда этотъ родъ не отличался большими значеніемъ, а въ концѣ республики даже совсѣмъ провратился. Изъ этого видно, что легенда о Клеліи основывается на болѣе или менѣе древнемъ преданіи, появляющемся впервые еще у Пизона, и даже раньше¹⁰¹⁾.

Рядомъ съ этимъ существовала еще другая версія, по которой эта статуя принадлежала Валеріи¹⁰²⁾, также состоявшей въ числѣ заложниковъ¹⁰³⁾. Имя Валеріи связывалось съ эпизодомъ, отсутствующимъ у Ливія, но имѣющимся у Діонисія, хотя и безъ упоминанія въ этомъ мѣстѣ имени Валерія¹⁰⁴⁾. По Діонисію, Тарквиній произвелъ нападеніе на заложниковъ, когда ихъ вели обратно послѣ бѣгства Клеліи, чтѣ послужило причиной разрыва между Порсоной и Тарквиніями, лишившимися послѣ этого поддержки Порсены во время окончательного установления мирныхъ условій. Объ этомъ нападеніи Діонисій упоминаетъ лишь вкратцѣ, пользуясь имъ главнымъ образомъ

⁹⁴⁾ Dion. 5, 33.

⁹⁵⁾ Liv. § 10. Но Serv. Aen. 8, 646 это были однѣ только дѣвушки.

⁹⁶⁾ Plin. n. h. 34, 19, 29: nisi Cloeliae Piso tradiceret statuam ab iis positam, qui una ob sides fuissent, redditis a Porsena in honorem eius.

⁹⁷⁾ Liv. § 11.

⁹⁸⁾ Plin. l. c.

⁹⁹⁾ Liv. l. c.: posita fuit. Dion. 5, 35: ταῦτην ἡμεῖς μὲν οὐκέτι κηρύνειν εἰργοῦμεν.

¹⁰⁰⁾ Mommsen, R. F. I, 113.

¹⁰¹⁾ Легенда о Клеліи была извѣдна еще Эпікуру, какъ можно судить по Verg. Aen. 8, 650.

¹⁰²⁾ Plut. Popl. 19: ὃν τίνες οὖς τῆς Κλοελίας, ἀλλὰ τῆς Οὐελερίας τίνει λέγουσαν.

¹⁰³⁾ Dion. 5, 32.

¹⁰⁴⁾ Ibid. 33.

только для выяснения страшного иначе изъятія дѣла Тарквиніевъ изъ мирнаго договора. Но изъ Плутарха¹⁰⁵) мы узнаемъ, что во время свалки римлянъ, провожавшихъ заложниковъ, съ людьми Тарквиніевъ Валерія успѣла спастись и вернуться въ Римъ; а Пліній¹⁰⁶) сообщаетъ, что Валерія спаслась вилавъ черезъ Тибръ, въ то время какъ проче заложники были перебиты Тарквиніями. Такимъ образомъ, подвигъ Валерія являлся дополнительнымъ дублемъ подвига Клелія въ другой обстановкѣ. Автора же этого дублета не трудно угадать въ лицѣ апаписта Валерія Апіцата¹⁰⁷). Для основной редакціи легенды о Клеліи этотъ эпизодъ не имѣть никакого значенія, хотя само собою нраводоподобно, что и имя Клелія и ея подвигъ вносены были въ преданіе о заложникахъ только благодаря существованію статуи¹⁰⁸).

7. *Rазлѣка и bona Porsinas*. Порсена пришелъ врагомъ римлянъ и ушелъ ихъ другомъ. И правда, онъ выговорилъ уступку венетянамъ семи пагонъ, а себѣ выдачу заложниковъ. Но эти послѣдніе возвращенія были имъ римлянамъ, по Діонісію¹⁰⁹), тотчасъ при окончательномъ заключеніи мира, въ то время какъ, по Ливію, тогда отпущена была на свободу только одна часть заложниковъ по выбору Клелія¹¹⁰), другая же часть въ слѣдующемъ году, одновременно съ возвращеніемъ уступленной венетянамъ земли¹¹¹). Возвращеніе затибрской земли пріурочивается къ слѣдующему году консульства Ларція и Гермінія также и Діонісіемъ¹¹²), причемъ Діонісій мотивируетъ это благодарностью Порсены за то гостепріимство, которое римляне оказали остаткамъ разбитаго при Ариція этрускаго войска. У Ливія же, какъ возвращеніе заложниковъ, такъ и возвращеніе затибрской земли является всецѣло только актомъ великодушія Порсены, причемъ Ливій даже и не задумался надъ вопросомъ, какъ это *хлузійскій царь*

¹⁰⁵⁾ Plut. Герп. 19.

¹⁰⁶⁾ Plin. n. h. 34, 13, 29: Anuius fetialis tradit equestrem statuam Valerise fuisse, Poplicolae consulis filiae, eamque solam refugisse Tiberimque transnatavisse, ceteris obidibus, qui Porsinae mittebantur, interemtis Tarquinii insidiis.

¹⁰⁷⁾ Упомянутый Плутархъ феодалъ Апій можетъ быть призванъ лишь посрединкомъ между Апіцатомъ и Плініемъ. Peter, Hist. rom. rell. CCCXIII.

¹⁰⁸⁾ Schweigeler, II, 185.

¹⁰⁹⁾ Dion. 5, 34.

¹¹⁰⁾ Liv. 2, 13, 10.

¹¹¹⁾ Liv. 2, 15, 6.

¹¹²⁾ Dion. 5, 36.

могъ оказываться такимъ великодушнымъ за счетъ *ескапиля*. Дионисій, по крайней мѣрѣ, обходитъ этотъ вопросъ, умалчивая во всемъ этомъ дѣлѣ о венетианахъ, замѣния ихъ этрусками вообще, такъ что читателю представляется возможность думать, что уступленная по мирному договору земля находилась въ непосредственномъ распоряженіи Порсены¹¹²).

Само собою очевидно, что такая умилительная развязка предстаетъ собою только гадательный отвѣтъ на оставшійся неразрѣшеннымъ въ легендаѣ вопросъ о томъ, что стало съ остальными заложниками, послѣ того какъ часть ихъ выдана была Клеліп; подобнымъ образомъ преданіе не давало никакого отвѣта на вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ уступленныхъ венетианъ семи паговъ. Поэтому антиалисты имѣли полную возможность отвѣтить на эти вопросы по своему усмотрѣнію. А подкладка для сконструированнаго ими благодушнаго конца грознаго царства Порсены дана была уже въ томъ оборотѣ дѣла, который быть вызванъ подвигомъ Муція Справолы. Умилительная развязка мотивируется прислоненіемъ Порсены передъ образцами беззавѣтной *virtus Romana*, выражанными Муциемъ и Клеліей, а также Коклесомъ¹¹³). Однако даже еще изъ памятной редакціи Лявія и Дионисія ясно видно, что это преклоненіе Порсены передъ *virtus Romana* является лишь искусственной подтасовкой, такъ какъ подлинное чувство Порсены, заставившее его приступить къ мирнымъ переговорамъ подъ вліяніемъ покушенія Муція, заключалось въ страхѣ за свою жизнь, въ чувствѣ самосохраненія¹¹⁴). Притомъ подвигъ Муція, склонившій Порсены къ переговорамъ, освобождалъ римлянъ только отъ перспективы полнаго уничтоженія осаждаемаго и терзаемаго голодомъ города, но вовсе не избавилъ ихъ отъ принятія тяжелыхъ условій, заключавшихся въ уступкѣ значительнаго участка земли и въ выдачѣ заложниковъ. Принимая *такія* условія, римляне, конечно, признавали себя побѣжденными, а смыслъ сказания о Муциѣ самъ собою указывалъ на предотвращеніе худшаго исхода, причемъ и самая идея покушенія на жизнь врага могла возникнуть только на почвѣ представлѣнія о крайне безвыходномъ положеніи.

Выше было нами указано, что легенда о Муциѣ должна быть признана сравнительно очень молодымъ наслѣдіемъ, выработавшимъ

¹¹²⁾ Dion. 5, 31: *ἴαυτῷ δὲ αἰτεῖσθαι.*

¹¹³⁾ Liv. 2, 18, 8. Dion. 5, 30.

¹¹⁴⁾ Liv. 2, 18, 2.

не раніє 2 століття до Р. Хр., уже въ періодъ літературної анналастики. А пока эта легенда не получила правъ гражданства въ составѣ рассказа о походѣ Порсены, не было на лицо и той подкладки, на основаніи которой создать бытъ потомъ прінимаемый Ливіемъ благодушный финаль. Есть даже прямые указанія на то, что обстоятельства окончательной развязки похода Порсены рисовались совершенно въ другомъ направлениі.

У Тацита сохранился отголосокъ преданія о томъ, что осажденный Римъ былъ вынужденъ сдаться Порсентѣ¹¹⁶⁾. Еще болѣе грознымъ представляется сообщеніе Ціція, будто по договору съ Порсеной римляне не имѣли права пользоваться желѣзомъ иначе, какъ только для нуждъ землемѣрія¹¹⁷⁾. Поэтому не было бы удивительно, если бы римляне, въ качествѣ *dediticii*, имѣли тогда принять на себя обязательство платить дань *etruskamъ*¹¹⁸⁾. Однако послѣднее извѣстіе, не пріуроченное въ частности къ имени Порсены, допускаетъ другое толкованіе. А извѣстіе Ціція подозрительно, по крайней мѣрѣ, постолку, поскольку онъ представляетъ свое сообщеніе извлечениемъ изъ письменного текста договора съ Порсеной. Но, во всякомъ случаѣ, Тацитъ и Ціцій свидѣтельствуютъ о наличии другого взгляда на исходъ войны съ Порсеной, существенно отличного отъ возврѣнія, проводимаго Ливіемъ и Діонісіемъ, хотя и у этихъ послѣднихъ сохранились характерные слѣды преданія о покореніи римлянъ, заключающіеся въ уступкѣ семи шаговъ и въ выдачѣ заможниковъ. Уже въ виду однихъ этихъ двухъ условій мира является вполнѣ очевиднымъ, что благодушный финаль легенды о Порсены представляетъ собою лишь искусственное, позднѣшее наслѣденіе.

Благополучная развязка была подготовлена уже пріобщеніемъ къ преданію о Порсентѣ легенды о покушеніи Муція. Но собственнымъ источникомъ такого представленія является археологическое толкованіе выраженія: *bona Porsenae vendere*, употреблявшагося еще въ вѣкъ Ливія для обозначенія аукціонной продажи¹¹⁹⁾, производившейся кве-

¹¹⁶⁾ Tac. b. 3, 72: *confilagravit sedes Iovis optimi maximi, quam non Porsena dedita urbe neque Galli capta temerare potuerint.*

¹¹⁷⁾ Plin. n. b. 34, 89, 139: *in foedere, quod expulsis regibus populo Romano dedit Porsena, nominatim comprehensum invenimus, ne ferro nisi in agri cultu uterentur.* Оба эти места использования впервые Бофортъ.

¹¹⁸⁾ Plut. qu. R. 18. Niedebr., I⁴, 574.

¹¹⁹⁾ Liv. 2, 14, 1: *mos traditus ab antiquis usque ad nostram aetatem inter octera solemnia manet bona Porsenae regis vendendi; § 4: auctio fortunae regiae.*

сторами въ пользу казны ¹²⁰). Діонісій безъ всякої колебанія со-общаєть, что Порсена, покидая Янкіуль, подарилъ римлянамъ та-мошній свой лагерь, представлявшій собою значительную цѣнность, какъ показала распродажа найденного тамъ имущества, производен-ная квесторами по уходѣ царя. Этому толкованию отдаєтъ предпочтение и Ливій, указывающій въ частности на то, что въ лагерь Порсены остались большие запасы хлѣба, пришедшіяся какъ нельзѧ икстати голодающему населенію Рима ¹²¹). Напротивъ, Діонісій пред-полагаетъ цѣнность лагеря въ наличности другихъ богатствъ, такъ какъ, по ого замѣчанію, сами римляне должны были снабдить Пор-сену провіантомъ, когда онъ собирался уйти ¹²²). Протомъ Ливій за-являетъ, что рядомъ съ толкованіемъ, которому онъ отдаєтъ пред-почтеніе, существовали еще другія толкованія выраженія: *bona Porsena vendere* ¹²³), а самъ указываетъ на то, что подлежащій толко-ванію обычай представляется скорѣе какъ *tithis bona hostiliter vendendi* (онъ намекаетъ тутъ на водруженіе копья: *sub hasta vendere*), вслѣдствіе чего и допускаетъ другую возможность, согласно которой данный обычай могъ установиться еще въ продолженіе войны, а затѣмъ быть сохраненъ и въ мирныя времена ¹²⁴); эта вторая возмож-ность и использована для финала войны 477—6 года. Однимъ сло-вомъ, Ливій свидѣтельствуетъ, что о возникновеніи обычая называть казенные аукціоны выраженіемъ *bona Porsena vendore* не сохрани-лось никакого опредѣленного преданія и что принятый имъ и Діони-сіемъ разсказъ о *bona Porsena* представляетъ собою только одно изъ возможныхъ толкованій, которое и придало окончательной развязкѣ такую благодушную окраску.

Но въ противоположность къ остальнымъ составнымъ частямъ на-личной редакціи легенды о Порсенѣ, всецѣло основаннымъ на устномъ проданіи, хотя и подкрѣпленномъ ссылкой на памятники старины, то-пографические (semita Coelitis, prata Mucia) и художественные (статуи Горация и Кломі), обозначеніе казеннаго аукціона при помощи вы-

¹²⁰) Dion. 5, 34: ἡ πρᾶσις, ἣν ἐποίεστο μητὰ τὴν ἀπελλατὴν τοῦ βασιλέως οἱ ταῖς.

¹²¹) Liv. 2, 14, 3.

¹²²) Dion. 5, 65: καὶ ἀγορὰν καὶ ὄπλα καὶ τάλλα, δῶμα ἁδέοντο Τυρρηνοῖ, παραχεῖν ἐπὶ τῷ καταλύσει τοῦ πολέμου.

¹²³) Liv. 2, 14, 3: proximum vero ex is, quae traduntur.

¹²⁴) ¹²⁵) Liv. 2, 14, 2: cuius originem moris necesse est aut inter bellum natam esse neque omissam in pace, aut a mitiore crevisse principio, quam hic prae se ferat titulus bona hostiliter vendendi.

ражения: *vona Porsonae vendere* представляет собою реальный фактъ государственного быта римлянъ, существовавшій еще въ вѣкѣ Ливія въ видѣ пережитка старины, настоѧщий смыслъ котораго въ то время не былъ уже извѣстъ. Несомнѣнно, что этотъ обычай, привыкнувшій не только къ продажѣ военной добычи, но вообще ко всякому квесторскому аукціону и въ мирныя времена (*neque omissum in pace*), не могъ возникнуть на основаніи такого единичнаго случая, какимъ является минима продажа оставленнаго въ даръ римлянамъ имущества въ лагерѣ Порсены. Безусловно необходимо предполагать, что было нѣкогда такое время, когда вообще квесторскіе аукціоны имѣли своимъ предметомъ какое-то „добро Порсены“, если не исключительно, то, по крайней мѣрѣ, преимущественно передъ всяческимъ другимъ добромъ, продаваемымъ квесторами. А подружоніе коня при квесторскомъ аукціонѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что при продажѣ „добра Порсены“ присутствовали нѣкогда вооруженные люди, оберегавшіе это „добро Порсены“. И этотъ періодъ времени долженъ быть достаточно продолжительнымъ для того, чтобы данная обстановка квесторского аукціона вжилась настолько, что она была удержана и послѣ того, какъ не было уже продаваемаго добра Порсены, но даже самого Порсены и его воиновъ, оберегавшихъ это добро.

Къ выясненію этого загадочнаго дѣла и можетъ быть привлечено извѣстіе Плутарха о томъ, что римляне нѣкогда платили дань этрускамъ. А это извѣстіе само собою вполнѣ правдоподобно, если только допустить, что въ самомъ дѣлѣ было нѣкогда такое время, когда Римъ, наравнѣ съ прочими Лашемъ, состоялъ подъ этрускимъ владычествомъ. Принимая даѣво во вниманіе, что еще въ позднѣйшія времена дань собиралась натурой въ видѣ продуктовъ сельскаго хозяйства, поступавшихъ въ распоряженіе откупщиковъ въ сборныхъ пунктахъ (отсюда и название *vectigal*), можно полагать, что иѣчто подобное было и въ періодъ этрускаго владычества. Поэтому загадочные *vona Porsonae*, продаваемые съ аукціона римскими квесторами, и могли состоять въ причитавшихся на долю отдѣльныхъ римскихъ гражданъ взносовъ отъ ихъ полевого хозяйства, которые, поступивъ къ римскимъ квесторамъ въ пользу казны этрускаго Порсены, въ качествѣ его собственности могли быть обозначаемы, какъ *vona Porsonae*, причемъ это „добро Порсены“, продаваемое въ его пользу квесторами, и находилось подъ охраной приставленныхъ къ этому дѣлу воиновъ.

Въ такомъ случаѣ, однако, имя Porsona не можетъ имѣть того

частного значения, которое ему присуще въ легендахъ о войнѣ съ Порсеной. Значение этого имени въ оборотѣ: *bona Porsena vendere* должно быть принимаемо въ болѣе широкомъ смыслѣ. Еще Швеглеръ¹²⁶⁾ указывалъ возможность толковать слово *Porsena* по въ значеніи личнаго имени, а иль парицательномъ смыслѣ „царь“, такъ что *bona Porsena* означало бы „царское добро“. Это предположеніе кажется намъ подходящимъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Сами этруски называли себя *Rasena*¹²⁷⁾). Между тѣмъ греки называли ихъ Тиротрои (Τιρότροι). Вторая часть этого греческаго названія этрусковъ воспроизводить, очевидно, ихъ туземное прозвание:—*ρασηνοί*=*Rasena*, сросшееся съ какимъ-то префиксомъ *tu* (Ту—*ρασηνοί*). То же самое сочетаніе имѣется и въ латинскомъ *Tusci* изъ *Turs-ci*¹²⁸⁾, отличающемся отъ греческаго Тиротрои только замѣной этрускаго суффикса—*ens* латинскимъ—*cis*, какъ въ *Vols-ci*, при греческомъ *'Ολσ-ι*, *Osci* изъ *Ops-ci*. Въ *Etrusci* вмъ. *E-turci* имѣется еще и другое нароценіе посредствомъ профиля *e*. Аналогичную формацию представляетъ собою и *Porsena*: какъ Тиротрои состоять изъ *Ti-rasena*, такъ *Porsena* дѣлится на *Ro-rsena* съ профилемъ *ro*. И если въ префиксѣ *ti-* можно предполагать значение „человѣкъ“, „войнѣ“ или вообще нечто въ этомъ родѣ, то профиль *ro* будетъ означать „вождь“, „царь“, а *Ro-rsena* „царь разеновъ“, „этрускій царь“, какъ *Tu-ρασηνοί* „люди разенскіе“.

При такомъ взгляде на значеніе слова *Porsena* оно одинаково примѣнно, какъ къ тому этрускому царю, котораго касается легенда о Порсенѣ, такъ и къ царю надгробнаго памятника въ Клызіи, и, наконецъ, также къ этрускамъ царямъ изъ династіи Тарквиніевъ, владычествовавшимъ въ Римѣ. Обычай же вона *Porsena vendere* составляютъ въ частности пережитокъ тарквиніевскаго периода и пристегнуть римскими археологами къ легенду о Порсенѣ только благодаря этому имени, подлинное значеніе котораго было забыто.

Мало того, въ такомъ же смыслѣ можетъ быть принято слово *Porsena* и въ древнемъ преданіи о заложникахъ, взятыхъ у римлянъ Порсеной. Связь этого преданія съ легендой о войнѣ Порсены довольно слаба: совсѣмъ не ясно, чтѣ такое Порсена легенды обезпечивали себѣ требованіемъ выдать заложниковъ. Единственное суще-

¹²⁶⁾ Schweigler, II, 194.

¹²⁷⁾ Dion. I, 30: αὐτοὶ μέγος ἄρας αὐτοῖς ἀπὸ τῶν ἡγεμόνων τνός; Πασάννα τὸν αὐτὸν ἔκεινη τρόπον ὀνειράζουσαν.

¹²⁸⁾ Ср. укбр. tab. Eug. I, 6, 17: *tarskum*, VII, a, 12: *tursce*, рядомъ съ *tarskum* (VI, b, 58; VII, a, 47), *tuscer* (VI, b, 54; 59; VII, a, 12; 48).

ственное условие мира по легендѣ заключалось въ уступкѣ семи пагорбъ. А исполнение этого условия незатѣмъ было обеспечивать заложниками, какъ и безъ того уже находился во власти Порсена весь правый берегъ Тибра со включениемъ даже Янкула. Другое дѣло, если преданіе о заложникахъ первоначально касалось строекъ царей изъ династіи Тарквиніевъ, утвердившихъ свою резиденцію въ Римѣ (на Капитоліи): требованіемъ выдачи заложниковъ Тарквиніи обезпечивали себѣ покорность порабощенной ими римской общины и личную свою безопасность. При этомъ вполнѣ возможно, что римскіе заложники содержались Тарквиніями именно на Янкульѣ, къ которому и приурочивается преданіе о заложникахъ. Какая-либо специальная цѣль, преслѣдовавшаяся построениемъ янкульского укрѣпленія, явствуетъ изъ того, что это укрѣпленіе находилось вѣдь всякой связи съ укрѣпленіемъ города и чертѣ Сервіевой стѣны. Мѣстоположеніе янкульской вышки¹²⁸⁾ показываетъ, что это былъ наблюдательный пунктъ, съ которого можно было слѣдить за движениемъ въ самомъ городѣ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ. Въ видѣ пережитка старины это значеніе наблюдательного пункта сохранилось навсегда въ обрядѣ выкладыванія на Янкульѣ краснаго флага во время коміцій, имѣвшаго цѣлью свидѣтельствовать объ отсутствіи опасности со стороны враговъ. Весьма правдоподобно, что первоначальная цѣль, устройства наблюдательного пункта на Янкульѣ, вѣдь города, находилась въ интересахъ именно Тарквиніевъ, если ихъ резиденція находилась въ городѣ на Капитоліи. Съ тою же цѣлью тамъ же на Янкульѣ, вѣдь города, могли содержаться и взятые съ римлянъ заложники на случай возможнаго возмущенія въ самомъ городѣ. Если же преданіе о заложникахъ искона было связано съ Янкуломъ, то пребываніе его къ легендѣ о войнѣ Порсены само собою вытекало изъ того обстоятельства, что опорнымъ пунктомъ Порсены въ этой войнѣ отъ начала и до конца являлся именно Янкуль. Къ тому же янкульское укрѣпленіе, быть можетъ, нѣкогда такъ и называлось *castra Porsenae* (въ только что изложенномъ значеніи), какъ можно думать на основаніи страннаго иначе привлечения „лагеря Порсены“ къ толкованію выражения: *bona Porsenae*.

Наконецъ, и извѣстіе Плінія о томъ, что Порсена разрѣшила римлянамъ пользоваться желѣзомъ только для землемѣрія, поскольку это извѣстіе заслуживаетъ довѣрія, можетъ быть понято, какъ отто-

¹²⁸⁾ Филол. Обозр. II.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

ОТЕЧЕСТВО ВЪДѢНІЕ.

Вследствие возникновения нынѣ у насъ новыхъ условий общественной и государственной жизни, почти каждому можетъ случиться принимать участіе въ обсужденіи и разрѣшеніи важныхъ вопросовъ либо мѣстного, либо общаго значенія. Поэтому прямою обязанностью образованнаго человѣка является стремленіе къ возможно всестороннему познанію и изученію жизненныхъ условий какъ составныхъ частей государства въ отдельности, такъ въ особенности ближайшой своей родины, той мѣстности, где онъ родился и живетъ: ихъ географического строенія, климатическихъ и почвенныхъ условий, состава населения въ расовомъ и культурномъ отношеніи и, наконецъ, ихъ историческихъ развитій и судебъ.

Способствовать такому познанію своего отечества и есть назначение нижеуказанного изданія. Мѣстному уроженцу оно облегчитъ пониманіе интересовъ и нуждъ всѣхъ уголковъ его страны. Чѣмъ же многимъ, кого судьба направляетъ въ новые, совершенно чужды имъ дотолѣ мѣста — духовнымъ, административно-служащимъ, педагогамъ, военнымъ, промышленнымъ предпринимателямъ, купцамъ, переселенцамъ и пр. — книга эта дастъ богатѣйший материалъ для ознакомленія съ полемъ ихъ представшей или активной дѣятельности; безъ такого же ознакомленія никакая плодотворная работа немыслима. Едва ли нужно говорить о томъ, что подобная книга должна быть доступной каждому желающему въ каждой изъличной, въ каждой школьнай библиотекѣ. Издание это выходитъ въ 22-хъ томахъ, изъ которыхъ каждый представляетъ собою самостоятельное, законченное цѣлое, подъ заглавиемъ:

„РОССІЯ“

ПОЛНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА.

Подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова-Тянъ-Шансаго, вице-предсѣдателя И. Р. Географ. Общ. и акад. Я. И. Ламанскаго, предс. Отд. Этнogr. И. Р. Геогр. Общ. Подъ редакціею В. П. Семенова-Тянъ-Шансаго, помощн. предсѣд. Отд. физич. Географіи И. Р. Г. Общества. Съ многочисленными политикарами, диаграммами, картограммами и картами.

Только что вышелъ изъ печати и поступилъ въ продажу новый томъ этого обширнаго сочиненія, а именно:

Томъ XVI. Западная Сибирь (Губ. Тобольская и Томская).

Съ 104 политикарами, 34 диаграммами и схематич. профилами, 1 большой справочной и 9 малыми картами. СПБ. 1907. Цѣна 3 р. 75 к., въ переплѣтѣ 4 р. 25 к.

Въ продажѣ находятся слѣдующіе томы:

Томъ II-й. Среднерусская черноземная область. (Описание губерній: Тульской, Рязанской, Тамбовской, Лензенской, Орловской, Курской и Воронежской). Съ 123 политикахами, 35 диаграммами, картограммами, схематическими профилями, 1 большой справочной и 10 малыми картами. Цѣна 3 р. 25 к., въ переплѣтѣ 3 р. 75 к.

Томъ III-й. Озерная область. (Описание губерній: С.-Петербургской, Исковской, Новгородской и Олонецкой). Съ 119 политикахами, 37 диаграммами, картограммами, схематическими профилями, 1-ой большой справочной и 8-ю малыми картами. Цѣна 1 р. 90 к., въ переплѣтѣ 2 р. 40 к.

Томъ IV-й. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. (Описание губерній: Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской). Съ 98 политикахами, 36 диаграммами, картограммами, схематическими профилями, 1 большой справочной

Томъ V-й. Московская промышленная область и Верхнее Поволжье. (Описание губерній: Московской, Калужской, Тверской, Ярославской и Нижегородской) распроданъ и будетъ печататься новыми изданіемъ.

Содержаніе каждого тома слѣдующее: Формы поверхности и строеніе земной коры въ предѣлахъ рассматриваемой области.—Климат.—Растительный и животный міръ.—Историческая судьбы области.—Распределеніе населенія по территории, его этнографический составъ, бытъ и культура.—Промыслы и занятія населения.—Путі сообщенія.—Наиболѣе замѣчательныя мѣста и мѣстности.

Томы этого сочиненія выходятъ не въ послѣдовательномъ порядке; печатаются и выпускаются въ свѣтъ тотъ томъ, материалъ коего былъ раньше собранъ. Отъ такого порядка все изданіе ничуть не пострадаетъ, т. к. каждый томъ представляетъ собой самостоятельное цѣлое. Всѣ выходящіе изъ печати томы „Россія“, за исключеніемъ I-го, находятся въ продажѣ во всѣхъ болѣе значительныхъ книжныхъ магазинахъ; ихъ можно также выписывать (безъ приплаты за пересылку) съ наложеніемъ платежомъ и отъ издателя,

А. Ф. ДЕВРІЕНА, въ С.-Петербургѣ, Вас. Уст., Румянц. площ., 1—8.

и 10 малыми картами. Цѣна 2 р. 50 к., въ переплѣтѣ 3 р.

Томъ VII-й. Малороссія. (Описание губерній: Харьковской, Черниговской и Полтавской). Съ 100 политикахами, 40 диаграммами, картограммами, схематическими профилями, 1 большой справочной и 10 малыми картами. Цѣна 2 р. 50 к., въ переплѣтѣ 3 р.

Томъ IX. Верхнее Поднѣпровье и Бѣлоруссія. (Описание губерній: Смоленской, Могилевской, Витебской и Минской). Со 111 политикахами, 37 диаграммами, картограммами, 1 большой справочной и 10 малыми картами. Цѣна 3 р. 75 к., въ мягкой папкѣ 4 р., въ коленкоровомъ переплѣтѣ 4 р. 25 к.

Томъ XVIII. Киргизскій край. (Описание областей: Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской). Съ 123 политикахами, 35 диаграммами, схематическими профилями, 1 большой справочной и 9 малыми картами. Цѣна 2 р. 50 к., въ переплѣтѣ 3 р.

Отзывы о книгахъ:

И. Ф. Айенскій. Робертъ Зайчикъ. Люди и искусство итальянского возрождения	80
И. А. Ивановский. К. Ельницкий. Учебникъ законовѣднія	83
С. Ф. Глинка. С. Торскій. Природовѣдніе	86
К. В. Фохтъ. А. Виноградовъ. Археометрика	88
А. Н. Альмедиантъ. Теорія химіи Святого Агревіуса	90
А. Н. Альмедиантъ. П. А. Даниловскій. Технологія выдѣланной кожи, дубленой и сироматной	91
О. Д. Хвольсонъ. Жоржъ Клодъ. Электричество	94
О. Д. Хвольсонъ. К. Б. Пенюнскевичъ. Систематический сборникъ задачъ по элементарной физикѣ	99
Ф. В. Ржига. По поводу книги: Ф. В. Ржига. Синтаксисъ русского языка	105
О. В. Рождественскій, И. Катаевъ. Учебникъ русской истории	109
— Книжныи новостн	115

Современная лѣтопись.

В. Н. Ивановскій. Предметная система въ нашихъ университетахъ и ее примѣнение къ философскимъ наукамъ	1
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	48

Отдѣлъ классической филологии.

А. Пападопулосъ-Керамедосъ. Διορθωτικὰ εἰς χριστιανικὰ ἐπιγράφει	499
Н. В. Неструшиль. Поросна и ее отоки войны	617

Озвѣщеніе..

1

Редакторъ Э. Л. Радловъ.

(Вышла 4-го ноября).

— — —

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ

ОТ 1867 ГОДА

заключасть въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряже-
ний, отдѣлы педагогіи и наука, критики и библіографій, и со-
временную лѣтопись, учебнаго дѣла, у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи
(по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ днепропри-
существенныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра. Ивангородные
также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки
12 р., съ доставкою въ С.-Петербургѣ 12 р. 75 к., съ пере-
сылкой въ другіе города 14 р. 25 к., за границу — 16 р.
Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того,
желающіе могутъ приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для
продажи экземпляры Журнала и, по предварительному сно-
шении съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе
годы, цо цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть
рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую.
Полные экземпляры имются за 1869, 1870, 1876, 1877,
1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900,
1902 — 1906 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по
разстоянію.

При „Журнале“ съ апреля 1904 г. издаются ежемѣсяч-
ными книжками по 5—6 листовъ „Ізвѣстія по народному
образованію“ съ приложеніемъ „Справочной книги по низшему
образованію“. „Ізвѣстія“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ
„Журнала“, но „Справочная книга“ составляется совершенно
отдѣльное отъ „Журнала“ изданіе. Цѣна „Ізвѣстій“ соста-
вляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкой, за границу — 4 р.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

НОВАЯ СЕРИЯ.
ЧАСТЬ XII.

1907.
ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ЕПАТОКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1907.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. Высочайший указъ	25
II. Распоряжение, объявленное Правительствующему Сенату главно-управляющимъ землеустройство и землемѣріемъ	27
III. Высочайшие приказы по вѣдомству министерства народного просвѣщенія	31
IV. Отъ управления пенсионной классы народныхъ учителей и учительницъ	41
V. Определенія основного отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	42
VI. Определенія отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. по началь-ному образованію	45
Списокъ книгъ, рассмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признан-ныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читалень и библиотекъ	47
 К. Г. Воблий. Вопросъ о методѣ въ исторіи политической эко-номіи (окончаніе)	217
И. И. Квачала. Фона Кампамелла (окончаніе)	269
Ш. М. Красноперовъ. Рабовладѣніе и работорговля въ древней Бѣлоруссии	312

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Ф. А. Кургановъ. И. И. Соколовъ. Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ. С.-Пб. 1904	332
Л. Ю. Шенелевичъ. Juan Menenes Pidal. Leyendas del Rey godo. Madrid. 1906	421
Л. Ю. Шенелевичъ. Longinotti e Vaccini. La letteratura italiana nella storia della cultura	425
Л. И. Соболевский. Св. Козмы Пресвятаго, Слово на еретики и поученіе отъ божественныхъ книгъ. Сообщеніе М. Г. Попруженко. С.-Пб. 1907	427
Н. Г. Виноградовъ. Александръ Савинъ. Англійская сакуляризація. Москва. 1906	429
Н. О. Лернеръ. По поводу статьи о Щорбинѣ, какъ этнографѣ — Книжныи новости	433
	434

Отдѣлъ по НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

В. В. Акиновъ. Деятельность Вятского земства по народному образованію (окончаніе)	117
---	-----

См. 3-ю стр. обложки.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

НОВАЯ СЕРИЯ.
ЧАСТЬ XII.

1907.
ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1907.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. ВЫСОЧАЙШИЯ ПОВЕЛЪНІЯ.

8. (3-го сентября 1907 года). О даровании некоторымъ приюта ученицамъ Шушинской Маріинской женской училища и о предоставлении министру народного просвещенія распространять эти права на другія Маріинскія женскія училища.

Совѣтъ министровъ полагаю:

На основаніи статьи 11 основныхъ государственныхъ законовъ (свод. зак. т. I, ч. 1, изд. 1906 г.) постановить:

1) Ученицамъ Шушинского Маріинского женского училища предоставляется право перехода въ соответствующіе классы женскихъ гимназій и прогимназій безъ особаго испытанія.

2) Тѣмъ изъ упомянутыхъ ученицъ, которые окончать полный курсъ училища, присваиваются права окончившихъ курсъ женскихъ прогимназій.

3) Въ программу названного училища вводится преподаваніе, въ качествѣ необходимыхъ предметовъ, французского и иѣменского языковъ, музыки и тацѣвъ.

4) Полечителю Кавказскаго учебнаго округа предоставляется право давать необходимыя измѣненія въ программахъ преподаванія въ различныхъ классахъ названного училища, чтобы переходъ ученицъ онаго въ соответствующіе классы женскихъ гимназій и прогимназій могъ совершаться безъ особыхъ затрудненій для сихъ ученицъ.

и 5) Предоставить министру народного просвѣщенія распространять, по мѣстнымъ условіямъ, указанные въ пунктахъ 1—4 постановленія и на другія Маріинскія женскія училища.

Государь Императоръ, въ 3-й день сентября 1907 года, положение сіе Высочайше утвердить соизволилъ.

О семь министръ народного просвѣщенія, 15-го октября 1907 г., донесъ правительствующему сенату, для распубликованія.

(Собр. узак. и расп. праv., 30 окт. 1907 г., № 174, ст. 1287).

9. (3-го сентября 1907 года). О предоставлении предсѣдателю земскихъ управъ въ мѣстностяхъ, въ коихъ не производится дворянскихъ выборовъ, заступать мѣсто предсѣдателя училищнаго совета, въ случаѣ болѣзни или отсутствія мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ.

Совѣтъ министровъ полагалъ:

На основаніи статьи 11 основныхъ государственныхъ законовъ (свод. зак. т. I, ч. 1, изд. 1906 г.), постановить:

Въ губерніяхъ: Вятской, Олонецкой, Пермской, а также въ уѣздахъ: Вельскомъ, Никольскомъ, Сольвычегодскомъ, Тотемскомъ, Усть-Сысольскомъ, Устюжскомъ и Яренскомъ, Вологодской губерніи, предсѣдателемъ уѣздныхъ земскихъ управъ, въ случаѣхъ болѣзни или отсутствія мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, предоставляется заступать мѣсто предсѣдателя уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ.

Государь Императоръ, въ 3-й день сентября 1907 г., положение сіе Высочайше утвердить соизволилъ.

О семь министръ народного просвѣщенія, 3-го октября 1907 г., донесъ правительствующему сенату, для распубликованія.

(Собр. узак. и расп. праv., 2-го ноября 1907 г., № 176, ст. 1305).

10. (22-го сентября 1907 года). Объ измѣненіи правилъ ношенія форменной одежды чинами вѣдомства министерства народного просвѣщенія.

Государь Императоръ, по всенодданнѣшему докладу товарища главноуправляющаго собственою Его Императорскаго Величества канцелярію, въ 22-й день сентября 1907 года, Высочайше соизволилъ на отмѣну номѣнкнаго въ п. а § 11 правилъ ношенія форменной одежды чинами вѣдомства министерства народного просвѣщенія ограничительного постановленія о формѣ одежды при классномъ преподаваніи, съ изложеніемъ сего параграфа ниже слѣдующимъ образомъ:

§ 11. Для должностных лицъ всѣхъ классовъ второй видъ будничной формы, а также дорожную форму составляетъ укороченное пальто, при темносинихъ брюкахъ и того же цвѣта жилетъ, при черномъ галстуке, бѣлыхъ или сѣрыхъ перчаткахъ; это укороченное пальто носится: а) при ежедневныхъ служебныхъ занятіяхъ, взамѣнъ двубортного сюртука, и б) въ случаѣахъ, указанныхъ въ § 36 свода правилъ 6-го мая 1894 года.

Примѣчаніе. Ношеніе укороченнаго пальто въ общественныхъ собрaniяхъ не допускается.

(Собр. узак. и расп. прав., 6-го ноября 1907 г., № 178, ст. 1318).

II. РАСПОРЯЖЕНИЕ, ОБЪЯВЛЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ ГЛАВНОУПРАВЛЯЮЩИМЪ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВОМЪ И ЗЕМЛЕДѢЛИЕМЪ.

Объ утверждении правилъ объ отводѣ сельскимъ начальнымъ училищамъ земельныхъ отъ казны участковъ и о безденежномъ отпускѣ симъ училищамъ казенного лѣса.

Въ виду возбужденныхъ пѣкоторыми мѣстными учрежденіями ходатайствъ объ измѣненіи § 1 распоряженій, ил. № 166 собраний узаконеній и распоряженій правительства за 1905 годъ правила объ отводѣ сельскимъ начальнымъ училищамъ земельныхъ отъ казны участковъ и о безденежномъ отпускѣ симъ училищамъ казенного лѣса, были выработаны главнымъ управлѣніемъ землеустройства и земледѣлія, на основаніи примѣчанія къ ст. 253 т. VIII ч. 1 св. зак., лѣсн. уст., изд. 1905 г., по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроромъ святѣшаго синода, правила объ отводѣ сельскимъ начальнымъ училищамъ земельныхъ отъ казны участковъ и о безденежномъ отпускѣ симъ училищамъ казенного лѣса на основаніи законовъ 12-го мая 1897 года и 19-го апрѣля 1904 года, каковыя правила утверждены главноуправляющимъ 14-го марта 1907 года.

Затѣмъ 19-го июня 1907 года дѣйствіе этихъ правилъ распространено и на Забайкальскую область.

Означенныя правила главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ, 28-го июня 1907 года, представили правительствующему сенату, для распубликованія.

На подлинныхъ написано: „Утверждены главноуправляющими землеустройствомъ и земледѣльствомъ 14-го марта 1907 года“.

Правила обѣ отводѣ сельскимъ начальнымъ училищамъ земельныхъ отъ казны участковъ и о безденежномъ отпускѣ симъ училищамъ казенного лѣса на основаніи законовъ 12-го мая 1897 года и 19-го апреля 1904 года.

1) Ходатайства обѣ отводѣ сельскимъ начальнымъ училищамъ земельныхъ отъ казны участковъ и о безденежномъ отпускѣ симъ училищамъ казенного лѣса обращаются къ директорамъ народныхъ училищъ, епархиальныхъ училищныхъ совѣтамъ, уѣзднымъ отдельніямъ епархиальныхъ училищныхъ совѣтовъ и уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, по принадлежности, которые, не позднѣе 1-го февраля каждого года, направляютъ эти ходатайства, одновременно, въ мѣстные управліенія земледѣлія и государственныхъ имуществъ съ нижеизвѣдущими съ своей стороны объясненіями:

А. По ходатайствамъ обѣ отводѣ земельныхъ отъ казны участковъ: представляютъ ли училища, для которыхъ эти участки испрашивются, необходимыя условія для прочаго ихъ существованія; какое число учащихся состоять или будетъ, примѣрно, состоять въ каждомъ училищѣ; не имѣется ли уже при какомъ-либо изъ училищъ земельного участка и если имѣется, то какой величины по площади, и предоставлена ли онъ училищу въ постоянное пользованіе или только на опредѣленное время; для какихъ ближайшихъ цѣлей испрашивается отводъ участковъ отъ казны и могутъ ли имъ, по ихъ мѣстоположенію, непосредственно пользоваться учащіе и учащіеся въ данныхъ училищахъ, а при ходатайствахъ обѣ отводѣ земельныхъ участковъ площадью болѣе 3 десятинъ—какія имѣются особыя обстоятельства, по которымъ отводъ участковъ въ нормальномъ размѣрѣ (3 десят.) является недостаточнымъ.

Б. По ходатайствамъ о безденежномъ отпускѣ казенного лѣса: какими причинами вызывается надобность въ бесплатномъ отпускѣ лѣса; для какого числа учащихъ и учащихся пред назначаются проектируемые къ постройкѣ зданія, а при ходатайствахъ обѣ отпускѣ лѣса на отопленіе—какое число комнатныхъ печей и кухонныхъ очаговъ имѣется въ школьнѣхъ зданіяхъ. Кроме того, къ ходатайствамъ обѣ отпускѣ лѣса на постройку и ремонтъ училищныхъ зданій должны прлагаться сметныя исчисlenія потребнаго для того количества лѣса-

ныхъ материаловъ, разсчитанного въ бревнахъ, жердяхъ и другихъ материалахъ въ необработанномъ (кругломъ) ихъ видѣ.

2) Земельные участки сельскимъ начальникамъ отводятся какъ изъ оброчныхъ статей, не состоящихъ въ арендѣ по заключеннымъ договорамъ, такъ и изъ казенныхъ лѣсныхъ дачь, причемъ наблюдалось, чтобы проектируемые къ отводу участки, въ устраненіе череззополосности, были расположены къ границамъ оброчныхъ статей или лѣсныхъ дачь, чтобы, по ихъ положенію и качествамъ почвы, они отвѣчали своему назначенію и чтобы изъ лѣсныхъ дачь отводились участки, не покрытые лѣсомъ или покрыты лишь насажденіями, не имѣющими цѣнности или лѣсохозяйственного значенія, и притомъ, если на обращеніе лѣсныхъ участковъ въ другой видъ угодій послѣдуетъ согласіе лѣсоохранительного комитета.

3) При возможности удовлетворенія ходатайствъ объ отводѣ земельныхъ участковъ площадью не свыше 3 десятинъ управлѣніи земледѣлія и государственныхъ имуществъ сообщаютъ подлежащимъ учрежденіямъ (§ 1), по принадлежности, свѣдѣлія о томъ, изъ состава какихъ именно оброчныхъ статей или лѣсныхъ дачь могутъ быть отведены училищамъ земельные участки, въ какой площади и въ какомъ разстояніи отъ мѣста нахожденія училишъ, а также предпринимаютъ планы проектированныхъ къ отводу участковъ съ соответствующей экспликаціей. При невозможности удовлетворенія названныхъ ходатайствъ управлѣнія сообщаютъ тѣмъ же учрежденіямъ обстоятельства соображенія о причинахъ, по которымъ не могутъ быть отведены данные участки, а также о возможности въ подлежащихъ случаяхъ отвода, взамѣнъ просимыхъ, другихъ какихъ-либо казенныхъ участковъ.

4) Ходатайства объ отводѣ земельныхъ участковъ площадью болѣе 3 десятинъ представляются управлѣніями въ департаментъ государственныхъ земельныхъ имуществъ или въ департаментъ лѣсной, по принадлежности, съ приложениемъ плановъ на эти участки и сообщеніемъ о послѣднихъ свѣдѣній, указанныхъ въ предыдущемъ (3) параграфѣ.

5) Земельные участки, на отводъ которыхъ послѣдовало разрѣшеніе, распоряженіемъ управлѣній отграничиваются въ натурѣ лѣсными межами и межевыми признаками (столбами и ямами) и передаются уполномоченнымъ для того лицамъ, съ составленіемъ о томъ надлежащаго акта.

6) Отпуски лѣса на постройку и ремонтъ сельскихъ начальныхъ училищъ разрѣшаются изъ текущихъ сметныхъ назначений и изъ остатковъ отъ сметныхъ назначений предыдущихъ лѣть и не должны

превышать нормъ, установленныхъ б. министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. На отопленіе училищъ отпускается мертвый и поврежденный дровяной лѣсъ (п. 2 ст. 253 лѣси. уст., изд. 1905 г.), въ количествѣ—не свыше нормъ, указанныхъ въ приложении къ § 178 инструкціи для отпуска лѣсныхъ материаловъ изъ казенныхъ дачъ, утвержденной 7-го июля 1900 года.

Примѣчаніе. Управлѣніемъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ разрѣшается опредѣлять возможное въ отпуску на постройку и ремонтъ училищъ количество лѣсныхъ материаловъ какъ числомъ, и размѣромъ сортиментовъ, установленныхъ утвержденными б. министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ нормами, такъ и общую древесною массою, соответствующею этимъ сортиментамъ, безъ обозначенія количества полѣдніхъ.

7) О разрѣшеніи бесплатного отпуска лѣса на надобности училищъ управлѣнія уведомляютъ подлежащія учрежденія, сообщившія о томъ ходатайство (§ 1), съ указаніемъ—изъ какихъ именно дачъ разрѣшены просимые отпуски, въ какомъ количествѣ, какой породы и на какую сумму, считая по казеннымъ таxамъ и по чѣстнымъ продажнымъ цѣнамъ; по ходатайствамъ же обь отпускѣ лѣса на отопленіе, кроме того, указывается то число лѣтъ, на которое разрѣшается такой отпускъ.

8) Въ случаѣ отказа въ отводѣ просимыхъ земельныхъ участковъ (§ 3), или въ отпускѣ лѣса, подлежащія учрежденія (§ 1) могутъ, если признаютъ таковой отказъ неосновательнымъ, представлять возбужденія ходатайства въ департаменты государственныхъ земельныхъ имуществъ и лѣсной, по привадлежности, съ приложеніемъ отзывовъ, полученныхъ отъ чѣстныхъ управлений (§§ 3 и 7).

9) О всѣхъ отводахъ земельныхъ отъ казны участковъ и отпускахъ лѣса, произведенныхъ сельскимъ начальникомъ училищамъ, управлѣнія земледѣлія и государственныхъ имуществъ представляютъ въ департаменты государственныхъ земельныхъ имуществъ и лѣсной отчеты за каждое полугодіе (къ 15-му августа и 15-му февраля) по установленной формѣ.

10) Дѣйствіе сихъ правилъ распространяется на губерніи, управляемыя по общему учрежденію губернскому, за исключеніемъ губерній прибалтийскихъ, а также на губерніи: Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую и Забайкальскую область.

(Собр. узак. и расл. праv., 8-го ноября 1907 г., № 180, ст. 1344).

III. ВЫСОЧАЙШИЕ ПРИКАЗЫ ПО ВЪДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

(6-го октября 1907 года, № 67). *Назначаются*: преподаватель Московского первого реального училища, статский советник Флинкъ—директоромъ Зарайского реального училища; доценты Императорского Юрьевского университета: магистръ химіи, колледжский асессоръ Ботяловенскій и магистръ славянской филологии Грунскій—экстраординарными профессорами того же университета, по ююндрамъ: первыи—химіи, а второй русского языка и славянского языкознанія.

Перемѣщается директоръ Ливенского реального училища, статский советникъ Лебедевъ—директоромъ Владимірского реального училища.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, директоръ Московского учительского института, действительный статский советникъ Демковъ, съ 1-го октября, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

(12-го октября 1907 года, № 69). *Назначаются*: членъ инженерного совѣта министерства путей сообщенія, заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго технологического института Императора Николая I, тайный советникъ Гукингъ—управляющимъ отдѣломъ промышленныхъ училищъ министерства народного просвѣщенія, съ оставленiemъ его въ занимаемыхъ имъ должностяхъ; адъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, докторъ астрономіи, действительный статский советникъ Витрамъ—старшимъ астрономомъ названной обсерваторіи, съ 5-го сентября; преподаватель Казанской третьей гимназіи, статский советникъ Ільинъ—директоромъ Казанскаго второго реального училища.

Утверждаются: исправляющіе должности ординарныхъ профессоровъ: Императорскаго С.-Петербургскаго университета, по каѳедрѣ русской словесности, докторъ русского языка и словесности, статский советникъ Шляпинъ и С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, по каѳедрѣ химіи, экстраординарный профессоръ того же университета, докторъ химіи, статский советникъ Тищенко—въ исправляемыхъ ими должностяхъ, съ оставленiemъ изъ нихъ Тищенко экстраординарнымъ профессоромъ названнаго университета.

Увольняется, согласно прошенію, чиновникъ особыхъ поручений VI класса при министрѣ, надворный советникъ Шубинъ-Позднєевъ—

отъ названной должности, съ 1-го октября, по случаю присвоенія его къ министерству.

(19-го октября 1907 года, № 70). *Назначаются:* дѣйствительный статскій советникъ Терещенко—вновь почетнымъ попечителемъ Кіевской первой гимназіи, на три года; инспекторъ народныхъ училищъ 2-го участка Витебской губерніи, статскій советникъ Воронцовскій и преподавателя: Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, статскій советникъ Кутиневичъ и Смоленскаго Александровскаго реальнаго училища, коллежскій советникъ Вишневскій—директорами: Воронцовскій—народныхъ училищъ Витебской губерніи, Кутиневичъ—Харьковскаго второго реальнаго училища, а Вишневскій—Жмеринской городской гимназіи.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, директоръ Ахтырской гимназіи, дѣйствительный статскій советникъ Миротворцевъ.

По Императорскому православному палестинскому обществу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе со旛ники, помощникъ инспектора сѣверо-сирийскихъ школъ общества Синайский—съ 15-го января 1905 г.; изъ коллежскихъ ассесоровъ въ надворные со旛ники: учителя Назаретской имени В. Н. Хитрово учительской семинаріи общества Колонутова—съ 15-го августа 1906 г. и Сако—съ 28-го августа 1906 г.

По управлѣнію учебными заведеніями Иркутскаго генераль-губернаторства. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе со旛ники: преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Троицкосавскаго Алексѣевскаго реальнаго училища Джиникаріа—съ 1-го июня 1904 г.; учителя: Енисейской гимназіи, Чемисинскій—съ 15-го июня 1905 г., Красноярской гимназіи, Ланинъ—съ 1-го августа 1904 г., Троицкосавскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, Болотовъ—съ 15-го мая 1903 г., Иркутскаго промышленного училища, Малинскій—съ 3-го апреля 1906 г., Якутскаго реальнаго училища, Важеевскій—съ 22-го октября 1904 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе со旛ники: инспекторъ народныхъ училищъ Иркутской губерніи Шлюцъ—съ 7-го сентября 1905 г.; учителя: Иркутской гимназіи, Корсича—съ 12-го сентября 1903 г., Якутскаго реальнаго училища: Атласовъ—съ 31-го декабря 1902 г. и Аркуша—съ 1-го июля 1904 г.; изъ коллежскихъ ассесоровъ въ надворные со旛ники: преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Енисейской гимназіи Френкель—съ 1-го сентября 1902 г.;

учителя: Иркутской гимназии, *Белькин*—съ 5-го января 1902 г., Енисейской гимназии, *Небедовъ*—съ 18-го июля 1904 г.; преподаватели Иркутского промышленного училища: *Вильмонъ*—съ 10-го октября 1903 г. в *Целтнегъ*—съ 3-го мая 1905 г.; наставникъ Красноярской учительской семинарии *Петровъ*—съ 18-го июля 1904 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры: врачъ Енисейской гимназии *Васильевъ*—съ 1-го апреля 1901 г.; письмоводитель (онъ же бухгалтеръ) Иркутского промышленного училища *Черняковъ*—съ 31-го июля 1905 г.; учителя: Якутской женской гимназии, *Охлонковъ*—съ 16-го августа 1901 г., Читинского ремесленного училища Императора Николая II, *Окунцовъ*—съ 20-го марта 1904 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные советники: помощникъ классныхъ наставниковъ Троицкосавского Алексѣевскаго реального училища *Осиповъ*—съ 1-го октября 1902 г.; надзиратель Читинскаго ремесленного училища Императора Николая II *Басовъ*—со 2-го марта 1901 г.; учителя: Иркутскаго городскаго пятикласснаго училища: *Ганжара*—съ 21-го июля 1900 г. и *Брайкоускій*—съ 11-го сентября 1903 г., Иркутскаго четырехкласснаго городскаго училища, *Никифоровъ*—съ 11-го сентября 1903 г., помощникъ классныхъ наставниковъ Иркутской гимназии *Андреевъ*—съ 1-го ноября 1901 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари: учитель приготовительнаго класса Якутскаго реального училища *Савинъ*—съ 7-го августа 1897 г.; письмоводитель Красноярской гимназии *Хромыхъ*—съ 15-го августа 1904 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретари: помощникъ учителя Иркутскаго городскаго пятикласснаго училища *Фатуевъ*—съ 11-го февраля 1903 г.; старшій учитель Урульгинскаго двухкласснаго приходскаго училища Забайкальской области *Суринъ*—съ 15-го октября 1905 г.; въ коллежскіе регистраторы: бывшій учитель приходскаго училища, нынѣ исправляющій должностъ надзирателя Иркутскаго промышленнаго училища *Литининъ*—съ 6-го ноября 1905 г.; смотритель Троицкосавской сиропитательно-ремесленной школы и учитель существующаго при ней приходскаго училища *Капустинъ*—съ 1-го ноября 1904 г.; бывшій младшій учитель Кударинскаго двухкласснаго инородческаго училища *Байбородинъ*—съ 1-го августа 1905 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: коллежскаго ассесора: преподаватели: Красноярской гимназии, *Смирновъ*—съ 1-го марта 1903 г., Иркутской гимназии: *Острогскій*—съ 21-го июля 1899 г., *Слѣпскій*—съ 21-го июля 1899 г., *Рофастъ*—съ 3-го августа 1899 г., Красноярской учительской семинарии, *Серпьевъ*—съ 27-го января

1903 г., Читинского ремесленного училища Императора Николая II, *Николаевъ*—съ 22-го октября 1902 г.; коллежскаяко секретаря: бывший помощникъ классныхъ наставниковъ Иркутской мужской гимназіи *Бельдинновъ*—съ 1-го января 1900 г.; учитель Верхнеудинского городского четырехклассного училища *Озоль*—съ 1-го августа 1902 г.; коллежскаяко регистратора: помощникъ учителя Иркутского городского пятиклассного училища *Маныковъ*—съ 27-го августа 1902 г.

(26-го октября 1907 года, № 71). *Определенъ* на службу, изъ отставныхъ, отставной генераль-лейтенантъ *Дудкинъ*, съ утверждениемъ почетнымъ попечителемъ Новочеркасской учительской семинаріи, согласно избранію, на три года.

Назначаются инспекторы: народныхъ училищъ 5-го района Помольской губерніи, статскій советникъ *Осташковъ* и Каравеевской четырехклассной прогимназіи, коллежский советникъ *Витта*—директорами: первый—Потокской учительской семинаріи, а второй—Каравеевской шестикласной прогимназіи.

Утверждаются, согласно избранію: числящійся по Донскому войску генераль-маіоръ *Рыковскій*, коллежские советники: *Ефремовъ* и *Ежовъ*, коллежский ассессоръ *Пырковъ*, инженеръ-технологъ *Грековъ* и графъ *Орловъ-Денисовъ*—почетными попечителями: первый—Новочеркасского реального училища, второй—Новочеркасской гимназіи, третій—Урюпинского реального училища, четвертый—вновь Нижне-Чирскаго реального училища, пятый—вновь Каменскаго реального училища и послѣдній—вновь Усть-Медведицкаго реального училища, всѣ на три года, изъ нихъ Грековъ съ 17-го мая.

Утверждается въ чинѣ, коллежскаяко секретаря, со старшинствомъ, помощникъ дѣлопроизводителя департамента общихъ дѣлъ *Ильинскій*—съ 27-го июня 1907 г., по диплому первой степени Императорскаго университета.

По С.-Петербургскому учебному округу. *Утверждаются*: въ чинахъ, со старшинствомъ: коллежскаяко ассессора: сверхштатный преподаватель С.-Петербургской Введенской гимназіи, коллежский секретарь *Лиронъ*—съ 1-го августа 1901 г.; учитель училищъ при реформатскихъ церквяхъ въ С.-Петербургѣ *Каппель*—съ 7-го февраля 1903 г.; штатный преподаватель Выборгскаго реального училища, коллежский регистраторъ *Масловскій*—съ 31-го августа 1901 г.; коллежскаяко регистратора, домашній учитель *Савинъ-Лапшинъ*—съ 22-го мая 1906 г.

По Варшавскому учебному округу. Производятся, за выслугу лѣта, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статсіе союзники: инспекторъ Сандомирской мужской прогимназіи *Нарбековъ* — съ 24-го сентября 1904 г.; преподаватель исправляющій должность инспектора Варшавской 4-й мужской гимназіи *Скорцовъ* — съ 12-го апредя 1907 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Люблинской губерніи *Цисарь* — съ 5-го апредя 1906 г.; инспекторъ-руководитель Вейверской учительской семинаріи *Олибренко* — съ 15-го іюля 1907 г.; учителя мужскихъ гимназій: Варшавской 4-й: *Алексьевъ* — съ 10-го августа 1907 г., *Балыковскій* — съ 1-го августа 1906 г. и *Лебедевъ* — съ 18-го іюля 1907 г., *Сѣдлецкой*, *Коровинскій* — съ 15-го ноября 1905 г.; изъ надворныхъ въ коллежсіе союзники: ассистентъ Ново-Александровскаго института сельского хозяйства и лѣсоводства при кафедрѣ технологіи *Прикѣ* — съ 16-го января 1907 г.; инспекторъ Грубешевской мужской прогимназіи *Липининскій* — съ 12-го января 1905 г., преподаватели, исправляющій должность инспектора Варшавскаго частнаго, съ правами казенныхъ, реальнаго училища А. М. *Скринникова*, *Сенікъ* — съ 28-го іюля 1907 г.; учителя: мужскихъ гимназій: Варшавской 4-й, *Теодоровичъ* — съ 15-го августа 1907 г., *Пултуской*, *Грицаель* — съ 8-го апредя 1907 г., *Калишской*, *Радзиніовскій* — съ 1-го октября 1906 г. и *Сѣдлецкой*, *Картовель* — съ 6-го января 1907 г., Варшавскаго частнаго, съ правами казенныхъ, реальнаго училища А. М. *Скринникова*, *Неаполитанскій* — съ 1-го августа 1907 г., Варшавской четырехклассной мужской прогимназіи, *Иматовичъ* — съ 1-го августа 1907 г., *Лодзинской* женской гимназіи и завѣдывающій оною *Громаковскій* — съ 24-го февраля 1907 г., учителльскихъ семинарій: *Холмской*, *Бялкановскій* — съ 1-го октября 1905 г., *Вейверской*, *Сильжско* — со 2-го августа 1905 г. и *Сынницкой*: *Макаровъ* — съ 15-го сентября 1906 г. и (бывшій) *Короткевичъ* — съ 1-го августа 1906 г.; изъ коллежскихъ асессоровъ въ надворные союзники: исправляющій должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ славянской филологии *Полоръзовъ* — съ 24-го іюня 1907 г., помощникъ библиотекаря того же университета *Суловскій* — съ 21-го мая 1907 г.; учителя: мужскихъ гимназій: Варшавской 4-й, *Лонидовъ* — съ 1-го сентября 1903 г., *Радомской*, *Пырскій* — съ 1-го мая 1906 г., *Холмской*, *Гайке* — съ 1-го августа 1905 г., *Маріампольской*, *Тулодзинскій* — съ 13-го октября 1904 г., реальныхъ училищъ: Варшавскаго частнаго, съ правами казенныхъ, А. М. *Скринникова*, *Волковъ* — съ 15-го августа 1907 г. и *Сосновицкаго*, *Пакалынь* — съ 1-го августа 1903 г.;

иъ титуларныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе асессоры: учителя-инспекторы: Сѣдлецкой школы ремесленныхъ учениковъ, *Николаевъ*—стъ 1-го декабря 1901 г. и 2-го Варшавскаго трехкласснаго городскаго училища, *Тибилоевъ*—стъ 13-го июня 1904 г.; сверхштатный лаборантъ при кафедрѣ гистологии и физиологии Императорскаго Варшавскаго университета *Часенниковъ*—стъ 1-го февраля 1899 г. и помощникъ классныхъ наставниковъ Холмской мужской гимназіи *Мушинъ*—стъ 20-го января 1905 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титуларные совѣтники: дѣлопроизводитель канцеляріи Радомскай учебной дирекціи *Ориановичъ*—стъ 1-го июня 1907 г.; учителя: Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ *Сапьевскій*—стъ 1-го ноября 1905 г. и Гостынинскаго четырехкласснаго городскаго училища, *Маломовъ*—стъ 11-го февраля 1904 г.; помощники классныхъ наставниковъ мужскихъ гимназій: Варшавской 4-й, *Васильевъ*—стъ 1-го сентября 1905 г., Прагской, *Воскобойниковъ*—стъ 10-го октября 1905 г. и Люблинской, *Рымковскій*—стъ 15-го августа 1905 г. и учитель приготовительнаго класса Калишской мужской гимназіи *Барановскій*—стъ 1-го ноября 1905 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари: учитель Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ *Манчарскій*—стъ 1-го декабря 1906 г.; экономъ Холмскаго Маріинскаго женскаго училища *Надѣровскій*—стъ 28-го мая 1906 г.; письмоводители: Маріампольской мужской гимназіи, *Исаевъ*—стъ 29-го января 1906 г. и Варшавскаго частнаго, стъ правами казенныхъ, реальнаго училища А. М. Скрипникова, *Скрипниковъ*—стъ 24-го февраля 1906 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретари: дѣлопроизводитель канцеляріи Холмской учебной дирекціи *Шутовскій*—стъ 1-го марта 1906 г. и канцелярскій чиновникъ канцеляріи Императорскаго Варшавскаго университета *Горлинъ*—стъ 1-го сентября 1907 г.; въ коллежскіе регистраторы: письмоводители мужскихъ гимназій: Пулатуской, *Изнатчикъ*—стъ 29-го января 1907 г., Радомской, *Крачина*, Люблинской, Замѣко въ Холмской, *Картовичъ*, всѣ трое—стъ 5-го октября 1906 г.; учитель музыки и пѣвиц Солецкой учителльской семинаріи *Цадерскій*—стъ 5-го октября 1906 г. и писцы и смотрители зданій женскихъ гимназій: Варшавской 2-й, *Левинъ*—стъ 1-го января 1907 г. и Люблинской, *Климъ*—стъ 5-го октября 1906 г.

Упомягдаются въ чинахъ, со старшинствомъ: коллежскаго совѣтника: инспекторъ народныхъ училищъ Варшавской губорніи, коллежскій асессоръ *Русановъ*—стъ 1-го октября 1900 г. и помощникъ инспектора училищъ гор. Варшавы *Смирносильскій*—стъ 1-го марта 1902 г.;

имитуллярного советника: штатный ординаторъ при акушерской клинике Императорскаго Варшавскаго университета *Луневскій*—съ 15-го марта 1903 г., бывшій сверхштатный ординаторъ при клинике душевныхъ и первыхъ болѣзней того же университета, нынѣ въ отставкѣ *Икубовичъ*—съ 27-го января 1900 г. и врачъ Сосновицкаго реальнаго училища *Залевенскій*—съ 21-го февраля 1903 г., всѣ трое по степени лекаря; бывшій учитель Глуховскаго ремесленнаго училища, нынѣ учитель 1-го Варшавскаго трехкласснаго городскаго училища *Маньченко*—съ 1-го февраля 1901 г.; *коллежскаго секретаря:* ассистентъ Ново-Александрийскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства при каѳедрѣ минералогіи и геологіи *Батичъ*—съ 1-го августа 1906 г., по диплому первой степени Императорскаго университета; учителя городскихъ училищъ: Варшавскаго шестикласснаго, *Голубевъ*—съ 22-го августа 1901 г., Варшавскаго четырехкласснаго, *Пужаченко*—съ 1-го января 1902 г., Влоцлавскаго трехкласснаго: (штатный) *Супрончикъ*—съ 1-го августа 1900 г. и (сверхштатный) *Дудниченко-Руденко*—съ 11-го сентября 1900 г.; Гостынинскаго четырехкласснаго, *Шійка*—съ 11-го сентября 1900 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Варшавской 3-й мужской гимназіи *Ющенъ*—съ 1-го августа 1903 г.

(2-го ноября 1907 года, № 72). *Опредѣляется на службу, изъ отставныхъ, действительный статский советникъ, Геордѣвъ, съ утвержденіемъ директоромъ Тульскаго дворянскаго пансиона-приюта, согласно избранию.*

Назначаются: экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ медицины, статскій советникъ *Тимофеевъ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ гистологіи и эмбриологіи; экстраординарные профессоры Императорскаго Юрьевскаго университета:магистръ римскаго права, статскій советникъ *Кричцовъ*,магистръ богословія фонъ-*Луамерингъ*,магистръ международнаго права *Грабарь* и магистръ сравнительнаго языковѣдѣнія *Кудрявскій*—исправляемиа должность ординарнаго профессора того же университета, по каѳедрамъ: первый — римскаго права, второй — семитическихъ языковъ, третій — международнаго права и послѣдній — нѣмецкаго и сравнительнаго языковѣдѣнія; директоръ Юрьевскаго реальнаго училища, статскій советникъ *Бояриновъ*, заслуженный преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Юрьевской гимназіи Императора Александра I Благословеннаго, статскій советникъ *Кипріановичъ*, преподаватель Юрьевскаго реальнаго училища, кандидатъ

математических наукъ *Любиминъ*, инспекторъ Батумскаго ремесленнаго училища, надворный советникъ *Колодъевъ* и преподаватель Таганрогскаго средняго восьмикласснаго техническаго училища, инженеръ-электрикъ *Пономаревъ*—директорами: первый—Рижской Александровской гимназіи, второй—Юрьевскаго реальнаго училища, третій—Валлскаго реальнаго училища, четвертый—Клинцовскаго средняго семилетнаго техническаго училища и послѣдній—Архангельскаго пившаго механико-техническаго имени Императора Петра I училища изъ нихъ *Богдановъ* и *Киприановичъ*, съ 1-го октября.

Утверждены: заслуженный ординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института, действительный статский советникъ *Кирилловъ*—директоромъ того же института, съ 1-го октября, согласно избранію; коллежскій асессоръ *Конжинъ*, дворянинъ *Лутковскій* и потомственный почетный гражданинъ *Миндеръ*—почетными попечителями: первый—Анальевской гимназіи, второй—Ржевской гимназіи и послѣдній—училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила, въ Москвѣ, всѣ согласно избранію, на три года.

Увольняется, согласно прошенію, хоронскій губернаторъ, почетный попечитель Анальевской гимназіи, въ званіи камергера Высочайшаго Двора, статский советникъ *Маласъ*—отъ должности почетнаго попечителя названной гимназіи.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, директоръ Маріупольской гимназіи, действительный статский советникъ *Щепетель*, съ 1-го ноября, съ мундиромъ, означенной должности присвоеніемъ.

Умерший исключается изъ списковъ, советникъ правленія Императорскаго Новороссийскаго университета, коллежскій советникъ *Каменскій*, съ 6-го октября.

По Виленскому учебному округу. //Производится, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статские советники: архивариусъ Виленскаго центральнаго архива *Строисъ*—съ 24-го ноября 1906 г.; преподаватели гимназій: Виленской 1-й, фонъ-Фолькманъ—съ 21-го апреля 1907 г. и Виленской 2-й, Конторъ—съ 16-го сентября 1907 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе советники преподаватель Виленской 1-й гимназіи *Никовичъ*—съ 6-го июля 1907 г.; изъ коллежскихъ асессоровъ въ надворные советники: преподаватели гимназій: Шавельской, Граффъ—съ 3-го сентября 1906 г.; Гомельской, Блезе—съ 28-го августа 1906 г. и Бобруйской, Ферстеръ—съ 1-го августа 1906 г.; преподаватели реальныхъ училищъ Поневѣжскаго, Гермо-

нічъ — съ 13-го января 1907 г. и Бѣлостокскаго, Гомельскаго — съ 1-го августа 1906 г.; преподаватели Виленскаго средняго химико-техническаго училища, Барыевскій — съ 1-го ноября 1906 г., Виленскаго учительскаго института, Терраскій — съ 20-го июня 1906 г.; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Ленельская, Садовскій — съ 1-го августа 1905 г. и Чаусскаго, Любинскій — съ 1-го июля 1907 г., штатный врачъ Бѣльскаго городскаго училища Мазья — съ 5-го августа 1907 г. и помощникъ классныхъ наставниковъ Витебской гимназіи Рибановичъ — съ 16-го сентября 1906 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: бывшій учитель городскаго училища, иныѣ учитель-инспекторъ Дисненскаго городскаго училища Чуботаревичъ — съ 1-го августа 1902 г.; учителя городскихъ училищъ: Рогачевскаго: Захаринъ (онъ же Захарікъ) — съ 14-го января 1905 г. и Лосколичъ — съ 1-го августа 1906 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Вилонской 1-й, Захожій-Хартунъ — съ 1-го июля 1907 г. и Павольской, Коэловъ — съ 16-го июня 1907 г. и учитель приготовительного класса Гродненской гимназіи Олехновичъ — съ 1-го августа 1899 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные союзники: бывшій учитель городскаго училища, иныѣ учитель-инспекторъ Свіненскаго городскаго училища Могнанъ — съ 1-го апреля 1895 г.; учителя городскихъ училищъ: Брестскаго, Віткевичъ — съ 1-го августа 1904 г., Чериковскаго, Крысенко — съ 1-го августа 1902 г.; Мстиславскаго, Меркуловъ — съ 1-го сентября 1904 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Віленской 1-й, Дреко — съ 5-го ноября 1906 г. и Віленской 2-й, Черстый — съ 15-го января 1906 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Поневѣжскаго реальнаго училища Олехновичъ — съ 15-го августа 1905 г. и бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ Брестской гимназіи, иныѣ въ отставкѣ Круллевскій — съ 1-го августа 1905 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ чубернскіе секретари: старшій учителя приходскихъ училищъ: Брестскаго, Кѣтуро — съ 1-го июля 1907 г., Будславскаго, Осипъ Зубецъ — съ 1-го августа 1904 г. и Ковенскаго 2-го, Александръ Зубецъ — съ 16-го июня 1906 г.; учителя приходскихъ училищъ: Трокскаго, Дудчинъ — съ 7-го октября 1906 г. и Віленскаго 2-го, Горбацевичъ — съ 15-го августа 1906 г.; комиссаръ зданій Віленской 1-й гимназіи Киршевскій — съ 1-го октября 1907 г.; въ коллежскіе реєстраторы: учителя приходскихъ училищъ: Дисненскаго, Корейво, Віленскаго при евангелическо-лютеранской церкви, Лешевичъ, Бѣлостокскаго, Габровскаго и Вілейскаго, Павловецъ, секретарь Віленскаго центральнаго архива Малевичъ, столонаачальникъ

канцелярии попечителя *Кравчевичъ*, помощникъ столоначальника той же канцелярии *Мусницкій*, хлоппроизводители дирекцій народныхъ училищъ: Гродненской, Ксюндз и Витебской, *Литвиновъ*, учителя приходскихъ училищъ: Виленского 1-го, *Руткевичъ*, Виленского 8-го, *Южникъ*, Свенцицкаго, *Панковецъ*, Ново-Вильского, *Поповъ*, Виленского 4-го, *Ульяновъ*, Виленского 9-го, *Балашъ*, Могилевскаго 2-го, *Лещенко*, Мстиславскаго, *Бахметовъ*, Свиринскаго, *Прокоповичъ*, Бѣлицкаго, *Шафрановскій*, Гомельскаго, *Сербовъ*, Могилевскаго 3-го, *Лацкевичъ*, Могилевскаго 5-го, *Лисицкій*, Могилевскаго 6-го, *Бордонасовъ*, Озеранскаго, *Таберко*, Оршанскаго, *Барсуковъ*, Могилевскаго 4-го, *Братченковъ*, Иидурскаго, *Козліч*, Слонимскаго, *Самосюкъ*, Брестскаго, *Русиновичъ*, Одельскаго, *Цыдзикъ*, Витебскаго 2-го, *Барковскій*, Витебскаго 3-го: *Зотовъ* и *Борисъ*, изъ нихъ: Корейко—съ 10-го августа 1904 г.; Лешевичъ—съ 27-го декабря 1903 г.; Габровскій—съ 20-го октября 1904 г.; Павловецъ—съ 18-го августа 1903 г.; Малевичъ—съ 16-го февраля 1907 г.; Кравчевичъ—съ 1-го сентября 1907 г.; Ксюндз—съ 27-го августа 1907 г.; Прокоповичъ—съ 1-го октября 1906 г.; Таберко—съ 11-го апреля 1907 г.; Барсуковъ—со 2-го июня 1907 г. и Барковскій—съ 21-го февраля 1907 г.; а остальные двадцать семь—съ 5-го октября 1906 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: колледжскою ассесоромъ: преподаватель Бобруйской гимназіи *Шабакъ*—съ 1-го мая 1902 г.; учитель Виленского средняго химико-техническаго училища *Гансонъ*—съ 1-го июля 1903 г.; титуллярнаю состоятника, штатный врачъ Пружанского городскаго училища *Давидсонъ*—съ 1-го июня 1903 г., по степени лекаря; колледжскою секретаремъ: учителя городскихъ училищъ: Трокскаго, Котковскаго, Свенцицкаго, *Манжевичъ*, Климовичскаго, *Гурикъ*, всѣ трое—съ 1-го августа 1902 г., Свенцицкаго, *Сенко*—съ 1-го августа 1901 г., Чечевскаго, *Дубковъ*—съ 1-го августа 1902 г., Климовичскаго, *Юреевичъ*—съ 1-го июля 1903 г., Могилевскаго: *Грушевскій*—съ 1-го августа 1901 г. и *Ивановъ-Сосинъ*—съ 1-го августа 1902 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Бобруйской гимназіи: *Нолторжицкій* и Гродненской, *Прокопцевъ*, оба—съ 1-го сентября 1903 г. и Могилевскаго реального училища, *Козловъ*—съ 1-го августа 1903 г.

IV. ОТЪ УПРАВЛЕНИЯ ПЕНСИОННОЙ КАССЫ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ.

На 1-ое сентября 1907 года по отъезду XXX специальныхъ средствъ министерства народного просвѣщенія „капиталъ пенсионной кассы народныхъ учителей и учительницъ“ состояло на лицо суммъ, поступившихъ по квартаніямъ главного казначейства:

Поличными деньгами	41.790	р.	73	к.
Процентными бумагами на нарицат. сумму .	5.041.679	,	03	.
Изъ нихъ:				
4½% земл. лист. Московского земельного банка.	220.000	,	—	—
" Бессар.-Таврическаго	224.700	,	—	—
Донского земельного	233.400	,	—	—
" Полтавского земельного	223.900	,	—	—
" Кіевскаго земельного	235.300	,	—	—
" Яросл.-Костромскаго	220.500	,	—	—
" Віленскаго земельного "	225.600	,	—	—
" Нижег.-Самарскаго "	225.100	,	—	—
" С.-Петербр.-Тульск. поз. банка .	168.500	,	—	—
" " Харьковскаго земельного "	198.600	,	—	—
3,8% конверсионные облигаций .	132.000	,	—	—
5% земл. лист. Тифлисскаго двор. банка.	127.600	,	—	—
4% свидѣт. Крестьянскаго поземельного банка .	500	,	—	—
5% свидѣт. Крестьянскаго поземельного банка .	30.200	,	—	—
6% именныхъ обязательствъ Крестьян. поз. банка .	807.954	,	03	.
4% свидѣт. государственной ренты	595.700	,	—	—
4½% земл. лист. земск. банка Херсонской губ.	229.600	,	—	—
, облигаций Московск. гор. кред. общества.	225.800	,	—	—
" " С.-Петербургск. гор. кред. общ.	228.700	,	—	—
5% внутренній заемъ 1906 года I выпуска.	149.900	,	—	—
" " " " II "	188.000	,	—	—
" Российск. государственный заемъ 1906 года .	98.062	,	50	.
4% конс. облиг. Российскихъ жал. д. 1 и 2 серій .	50.062	,	50	.
Итого	5.041.679	руб.	03	.

V. ОПРЕДѢЛЕНИЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Определениями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

a) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Воиновъ, А. Прямолинейная тригонометрія съ собраниемъ задачъ. 7-е изданіе. Павловскъ и/д. 1907. Стр. 106. Цѣна 70 коп.“

— „Городенскій, И. Учебникъ всеобщей психологіи. Тифлісъ. 1907. Стр. IV + 280. Цѣна 1 р. 30 коп.“

— „Ивановъ, Г. И. Начальный курсъ географіи. Часть 1-я. Изданіе 5-е, Г. И. Иванова. С.-Іб. 1908. Стр. IV + 154. Цѣна 60 коп.“

— „Иванцовъ, Н. А. Руководство зоологіи. 3-е изданіе, Реальнаго училища Н. А. Иванцова. М. 1907. Стр. 324 + IV. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „Микеичъ, К. Л. Основы нѣмецкой грамматики. 5-е изданіе, И. И. Глазунова. С.-Іб. 1907. Стр. XII + 176 + 46. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „Нескій, А. Уроки пространнаго православно-христіанскаго катехизиса. Часть 1-я. Введеніе. Ученіе о христіанской вѣрѣ. Тверь. 1906. Стр. 101 + V. Цѣна 50 коп.“

— „Никифоровъ, В. Латинская грамматика. По Штегману. Изданіе 14-е, В. В. Думнова. М. 1907. Стр. 280. Цѣна 1 р.“

— „Focksch, Emil. Deutsche Grammatik. Вильна. 1907. Стр. 64. Цѣна 50 коп.“

b) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Амберовъ, А., и А. Грузинскій. Русская литература XVIII вѣка. Хрестоматія. Изд. фирмы «Сотрудникъ школы». М. 1907. Стр. VIII + 456. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „Гаубфѣ. Избранные сказки. Обработалъ Н. Г. Розенбергъ. (Избранные произведения нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ

ред. С. А. Манштейна). Издание С. А. Манштейна, 7-е. С.-Пб. 1908. Стр. 126 (текста) + 106 (приложений). Цѣна съ прилож. 60 коп. въ перепл. “

— „Гете. «Германъ и Доротея». Обработалъ Максъ Фишеръ. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. С. А. Манштейна). Издание 5-е, С. А. Манштейна. С.-Пб. 1907. Стр. 79 (текста) + 87 + 37 (приложений). Цѣна съ прилож. 60 коп. въ перепл. “

— „Dohne, Friedrich. Theoretisch-praktisches Rechenbuch. III Teil. Die Bruchrechnung. Verlag von W. Mellin & Co. Riga. 1907. 104 S. Preis geb. 60 Кор.“ (для учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ языкомъ преподаванія).

— „Зачиняевъ, Александръ. Былины. Издание Ил. В. Казначеева. С.-Пб. 1907. Стр. XIX + 70. Цѣна 30 коп.“ (въ качествѣ необязательного пособія).

— „Лосскій, Н. Сборникъ элементарныхъ упражненій по логикѣ. С.-Пб. 1908. Стр. VII + 206. Цѣна 70 коп.“ (въ качествѣ необязательного пособія).

— „Максимовъ, И. Наглядная учебная карта полуширій. Гомель. 1906.“ (въ качествѣ класснаго пособія).

— „Meyer, Alfred. Rechenbuch fü r die mittleren Lehranstalten. I Teil. Verlag von N. Kummel. Riga. 1907. 96 S.“ (для учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

— „Meyer, Alfred. Rechenbuch fü r die Vorbereitungsklassen der mittleren Lehranstalten. Verlag von N. Kummel. Riga. 1907. 2-tes Heft. Die Zahlenreihe 1 bis 100. 60 S. Preis kart. 25 Кор. — 3-tes Heft. Die Zahlenreihe 1 bis 1.000 und 1 bis 1.000.000. 88 S. Цѣна не обозначена.“ (для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

— „Ноакъ, К. Сборникъ задачъ для практическихъ работъ по физикѣ. Переводъ М. А. Савича подъ ред. С. О. Майзеля. С.-Пб. 1907. Стр. XI + 225. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (въ качествѣ необязательного пособія).

— „Овсянниковъ, В. Чертежные инструменты и уходъ за ними. Издание К. Л. Риккера. С.-Пб. 1907. Стр. 42. Цѣна 60 коп.“ (въ качествѣ необязательного пособія).

— „Петровъ, К. П. Русская историческая христоматія. Издание 8-е, испр. и доп. С.-Пб. 1907. Стр. XIV + 927. Цѣна 2 р. 50 коп.“

— „Шмидевичъ, П. К. Курсъ прямолинейной тригонометріи и

методы рѣшенія триг. задачъ. С.-Пб. 1907. Стр. XII + 557. Цѣна 2 р. 85 коп." (въ качествѣ необязательного пособія).

2. Допустить условно слѣдующія книги:

въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Владимирский, А.* Практический учебникъ русской грамматики. Н.-Новгородъ. 1907. Стр. III + 152. Цѣна 75 коп." (для младшихъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Персональныи, С. К.* Краткій учебникъ зоологии. М. 1907. Стр. 194 + II. Цѣна 1 р." (для реальныхъ училищъ и женскаго гимназій, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Плетнисовъ, И.* Учебникъ географіи Россійской имперіи. Изданіе М. М. Гутаца. С.-Пб. 1907. Стр. 195. Цѣна 75 коп." (для VI класса женскихъ гимназій и къ употребленію въ учительскихъ институтахъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующихъ изданіяхъ авторомъ были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

3. Признать заслуживающими вниманія при пополненіи научно-учебныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „*Астрономическое обозрѣніе. Научно-популярный журналъ.* Редакторъ-издатель *Н. С. Палиенко.* Николаевъ. 1907. Цѣна въ годъ 3 руб."

— „*Елачичъ, Евгений.* Приспособленія животныхъ къ передвиженію по воздуху. Издание Д. К. Тихомирова. (Научно-популярная библиотека. Естествознаніе. № 1). С.-Пб. 1907. Стр. 70. Цѣна 20 коп."

— „*Елачичъ, Евгений.* Происхожденіе лошадей, ихъ предки и родичи. Издание Д. К. Тихомирова. (Научно-популярная библиотека. Естествознаніе. № 2). С.-Пб. 1907. Стр. 55. Цѣна 15 коп."

— „*Климонтовичъ, А.* Изъ области взаимныхъ отношеній животныхъ. (Паразитизмъ). Издание Подвижного музея учебныхъ пособій. С.-Пб. 1907. Стр. 81. Цѣна 25 коп."

— „*Королчевскій, Д. А.* Въ ледяномъ царствѣ. Издание Д. К. Тихомирова. (Научно-популярная библиотека. Географія. № 3). С.-Пб. 1907. Стр. 78. Цѣна 20 коп."

- „Лакуръ, П., и Я. Аппель. Историческая физика. Переводъ съ нѣм. подъ ред. «Вѣстника опытной физики и элементарной математики». Изд. Mathesis. Одесса. 1907. Подписанная цѣна за 2 тома (около 800 стр.) 5 р. 50 коп., съ перес. 6 р. 50 коп.“
- „Гіевоніз, О. А. Сжатый и жидкий воздухъ. Добыvanіе, свойства и примѣненія. Книгоиздательство «Прогрессъ». С.-Пб. 1907. Стр. 108 + 2 табл. Цѣна 80 коп.“
- „Физикъ-любитель. Общедоступный журналъ. Томъ III. № 21—40. Николаевъ. 1906—1907. Стр. 320. Цѣна 3 р.“
- „Эллинская культура въ изложении Фр. Баумартина, Фр. Польманда, Рих. Вазмера. Переводъ М. И. Берга подъ ред. Ф. Ф. Зелинского. Издание Брокгаузъ-Ефронъ. С.-Пб. 1906. Стр. IV + 580. Цѣна 5 р.“

VI. ОПРЕДЪЛЕНИЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Абраменко, Ф. Словарикъ, заключающій около 10.000 затруднительныхъ для правописанія словъ, и главы о правилахъ правописанія. 4-е изд. Киевъ. 1907. Стр. 176. Цѣна 10 коп.“ (въ качествѣ необязательного пособія).

— „Dohne, Friedrich. Theoretisch-praktisches Rechenbuch. III Teil. Die Bruchrechnung. Verlag von W. Mellin & Co. Riga. 1907. 104 S. Preis geb. 60 Кор.“ (для училищъ съ нѣмецкимъ языкомъ преподаванія).

— „Расстой, Н. Краткое руководство всеобщей географіи. 13-е изд., испр. С.-Пб. 1907. Стр. 151 + XXIV табл. + 3 карты. Цѣна 85 коп.“ (для городскихъ, по Положенію 1872 г., училищъ).

— „Розановъ, Н., и Д. Харитоновъ. Обученіе правописанію. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1907. Стр. 47. Цѣна 15 коп.“

— „Смирновъ, Ф. А. Иллюстрированная русская исторія. Первоначальный курсъ. С.-Пб. 1905. Стр. 164+II+1 карта. Цѣна 50 коп.“ (для 2-хъ сельскихъ училищъ Кавк. уч. о., съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были прияты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „Тихомировъ, Д. И. Весніе всходы. 1-ая послѣ азбуки книга для чтенія. Изд. 36-е. М. 1908. Стр. 171. Цѣна 30 коп.—2-ая книга. Изд. 31-е, значит. дополн. М. 1907. Стр. 307+V. Цѣна 40 коп.—3-ья и 4-ая книги. 21-е изд., испр. и доп. М. 1907. Стр. 452. Цѣна 60 коп.“

— „Ушинскій, К. Д. Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ 1-й. Азбука и 1-я послѣ азбуки книга для чтенія. Изд. 136-е. С.-Пб. 1907. Стр. 110. Цѣна 25 коп.“

— „Ушинскій, К. Д. Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ 2-й. 2-я послѣ азбуки книга для чтенія. Изд. 119-е. С.-Пб. 1907. Стр. 188+IV. Цѣна 35 коп.“

б) въ учителльскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведений:

— „Богдановъ, А. Исторический очеркъ развитія элементарной школы. Наданіе В. Б. С.-Пб. 1905. Стр. VI+102.“

— „Розановъ, Н. Несколько словъ объ обученіи правописанію. Изд. К. Тихомирова. М. 1907. Стр. 12. Цѣла 5 коп.“

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведений:

— „Богдановъ, М. Н. Изъ русской природы. Валъка и колдунъ Волкъ. Рассказъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Стр. 31. Цѣна 10 коп.“

— „Богдановъ, М. Н. Изъ русской природы. Лѣшай. Рассказъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Стр. 40. Цѣна 10 коп.“

— „Богдановъ, М. Н. Изъ русской природы. Птицеловы. Рассказъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Стр. 23. Цѣна 10 коп.“

— „Опочининъ, Евг. Зимний баринъ и другіе рассказы. Изд. ред. журн. «Юная Россія» (Библіот. для семьи и школы). М. 1907. Стр. 88. Цѣна 15 коп.“

— „Соловьевъ, Д. Д. Въ Московскомъ царствѣ. Историческія картины. 2-е изд. ред. журн. «Юная Россія» (Библіот. для семьи и школы). М. 1907. Стр. 95. Цѣна 30 коп.“

— „Троицкій, Д. И. Домонгольская Россія. Изд. учили. совѣта при св. синодѣ. С.-Пб. 1907. Стр. 335. Цѣна 1 руб.“

Определеніемъ отѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Издание: „Полторацкая, Э. С. Русскій историческій календарь на 1908 г. Издатель Ю. М. Адеркаль. Стр. 366. Цѣна 1 руб.“ — допустить къ пріобрѣтенію въ низшія учебныя заведенія.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

рассмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— „Ариадна, Иоаннъ. Объ истинномъ христіанствѣ. Изд. П. Н. Сойкина. С.-Пб. Стр. 556. Цѣна 2 руб.“

— „Бодановъ, М. И. Изъ жизни русской природы. Зоологическіе очерки и рассказы. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Стр. XIX—364. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

— „Бодановъ, М. И. Изъ русской природы. Валька и колдунъ Волкъ. Рассказъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Стр. 31. Цѣна 10 коп.“

— „Бодановъ, М. И. Изъ русской природы. Лѣпій. Рассказъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Стр. 40. Цѣна 10 коп.“

— „Бодановъ, М. И. Изъ русской природы. Птицеловы. Рассказъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Стр. 23. Цѣна 10 коп.“

— „Будущее «равенство». Съ англійскаго. Переводъ С. К. Альбераки. Изд. комиссіи по устройству общеобразов. чтеній для фабр.-заводск. рабочихъ г. Москвы. М. 1906. Стр. 27. Цѣна 10 коп.“

— „Богдановъ, И. С. Крестьянинъ-писатель начала XVIII вѣка И. Т. Просошковъ. Историч. очеркъ. Издание общ. ревнителей русск. историч. просвѣщ. въ память Императора Александра III. Вып. 5. М. 1902. Стр. 75. Цѣна 40 коп.“

„*Воронежъ*, Л. Н. Ложный путь. Изд. комиссии по устройству чтений для московск. фабр.-заводск. рабочихъ. М. 1906. Стр.. 13. Цѣна 5 коп.“

— „*Елачичъ, Евгений*. Приспособленія животныхъ къ передвижению по воздуху. Изд. Д. К. Тихомирова. (Научно-попул. библіотека. Естествознаніе. № 1). С.-Пб. 1907. Стр. 70. Цѣна 20 коп.“

— „*Елачичъ, Евгений*. Происхожденіе лошадей, ихъ предки и родичи. Изд. Д. К. Тихомирова. (Научно-попул. библіотека. Естествознаніе. № 2). С.-Пб. 1907. Стр. 55. Цѣна 15 коп.“

— „*Каменоградский, Н. И.* Парники и ранняя выгонка овощей, рассады и земляники. Изд. А. Ф., Деврена. С.-Пб. 1906. Стр. XI+256. Цѣна 2 руб.“

— „*Климоптиевичъ, А.* Изъ области взаимныхъ отношеній животныхъ. (Паразитизмъ). Изд. Подвижного музея учебн. пособій. С.-Пб. 1907. Стр. 81. Цѣна 2^½ коп.“

— „*Боронческій, А. А.* Въ ледяномъ царствѣ. Изд. Д. К. Тихомирова. (Научно-попул. библіотека. Географія. № 3). С.-Пб. 1907. Стр. 78. Цѣна 20 коп.“

— „*Кээръ, Энцельбертъ*. Соціалистический рай, какимъ онъ будетъ въ действительности. (Съ иѣмѣцкаго). Изд. комиссии по устройству общеобразов. чтений для фабр.-заводск. рабочихъ г. Москвы. М. 1906. Стр. 16. Цѣна 8 коп.“

— „*Лематъ, П.* Будущій соціаль-демократический строй. Отрывокъ. Переволь съ иѣм. Изд. комиссии по устройству общеобразов. чтений для фабр.-заводск. рабочихъ г. Москвы. М. 1906. Стр. 15. Цѣна 6 коп.“

— „*Мененіусъ*. Цѣли, пути и исходъ соціаль-демократіи. (Съ иѣмѣцкаго). С. К. А. Изд. комиссии по устройству общеобразов. чтений для фабр.-заводск. рабочихъ г. Москвы. М. 1906. Стр. 23. Цѣна 10 коп.“

— „*Ривоша, О. А.* Сжатый и жидкий воздухъ. Добываніе, свойства и примѣненія. Книгоиздательство «Прогрессъ». С.-Пб. 1907. Стр. 108+2 табл. Цѣна 80 коп.“

— „*Соловьевниковъ, Д. Д.* Въ Московскомъ царствѣ. Историческія картины. 2-е изд. ред. журн. «Юная Россия». (Библіот. для семьи и николы). М. 1907. Стр. 95. Цѣна 30 коп.“

— „*Тихомировъ, Левъ*. Соціально-политические очерки. Изд. комиссии по устройству чтений для московск. фабр.- заводск. рабочихъ. М. 1907. Очеркъ I. Гражданинъ и пролетарій. Стр. 26.—Очеркъ II.

Заслуги и ошибки социализма. Стр. 29.—Очеркъ III. Плоды пролетарской идеи. Стр. 43.“

— „Троицкий, Д. И. Домонгольская Русь. Изд. учен. совета при св. синодѣ. С.-Пб. 1907. Стр. 335. Цѣна 1 руб.“

— „Чичеринъ, Б. Н. «Социализмъ». Отрывокъ изъ книги «Собственность и государство». Изд. комиссіи по устройству общеобразов. чтений для фабр.-заводск. рабочихъ г. Москвы. М. 1906. Стр. 11.“

— „Щербатовъ, А. Г. Способы увеличить производительность крестьянского хозяйства. Изд. комиссіи по устройству общеобразов. чтений для фабр.- заводск. рабочихъ г. Москвы. М. 1905. Стр. 16. Цѣна 10 коп.“

ОТЪ ПОСТОЯННОЙ КОМИССІИ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНИЙ.

(С.-Петербургъ, Екатерининский каналъ, 14).

Выпущены въ свѣтъ слѣдующія чтенія:

1) *О холерѣ*. Пародное чтеніе. Д-ра В. В. Гориневскаго. Цѣна 5 коп. 1907 г. Стр. 50. 51—55 тысяча. (Брошюра „О холерѣ“ можетъ быть прочитана въ народныхъ аудиторіяхъ съ показываніемъ свѣтовыхъ картинъ на экранѣ при помощи волшебного фонографа. Картины эти, въ числѣ одиннадцати штукъ, изготовлены постояннію комиссіею и продаются за семь рублей за всю коллекцію, безъ рамокъ).

2) *Тарасъ Бульба*. Повѣсть Н. В. Гоголя. Цѣна 5 коп. 1907 г. Стр. 56. Издание пятое.

ВОПРОСЪ О МЕТОДЪ ВЪ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ¹⁾.

ГЛАВА V.

Анатомический и физиологический методъ въ политической экономии.

Органическое пониманіе общества не могло не отразиться и на политической экономіи. Опыты построенія аналогій между соціальными и естественными организмами были перенесены и въ сферу экономическихъ отношеній. И здѣсь стали открывать сходство между экономическими явленіями и отношеніями съ одной стороны, и отдельными функциями организма съ другой, такъ напримѣръ, видѣли analogію между кровообращеніемъ и денежнымъ или товарнымъ обращеніемъ, между пищевареніемъ и потребленіемъ, между первої системой и телеграфной сѣтью и т. д.

Естественно, что изъ такихъ сопоставлений, подчасъ не лишенныхъ остроумія, возникло стремленіе примѣнить къ политической экономіи и органический методъ исслѣдованія. Организмы могутъ быть предметомъ исслѣдованія или со стороны строенія ихъ частей (анатомія) или со стороны ихъ функционированія (физиология); съ этихъ точекъ зрения можетъ быть изучаемо и народное хозяйство, представляющее изъ себя соціальный организмъ. Такъ явилась мысль объ анатоміи и физиологии соціальныхъ организмовъ, а отсюда уже возникъ анатомический и физиологический методъ исслѣдованія народного хозяйства.

Въ сущности, органическое пониманіе общества послѣдователь-

¹⁾ Окончаніе. См. полбрѣскую книжку *Журнала Министерства Народного Просвещенія* за 1907 г.

нѣе было прѣведено въ соціології (Спенсеръ, Ліліенфельдъ, Вормсъ и др.), оно культивировалось и поддерживалось соціологами, а не экономистами¹⁾). Изъ экономистовъ можно развѣ назвать одного Шеффле, который держался подобного пониманія народнаго хозяйства. Но этотъ ученый, отличающійся разносторонней писательской дѣятельностью, скорѣе можетъ быть отнесенъ къ соціологамъ, чѣмъ къ чистымъ экономистамъ.

Во всякомъ случаѣ органическое пониманіе народнаго хозяйства заслуживаетъ своего разсмотрѣнія въ настоящемъ очеркѣ въ виду того, что народное хозяйство составляеть одну изъ важнѣйшихъ сторонъ соціальной жизни, и потому защитники органическаго пониманія соціальныхъ явлений всегда включали его въ область своихъ изслѣдований. Такъ, напримѣръ, Шеффле, пользуясь органической аналогіей, доказывалъ необходимость существованія перваго центра, какъ въ области сознательной жизни, такъ и растительной (т. е. въ народномъ хозяйствѣ). Отношеніе центральныхъ органовъ правительства къ веденію общественнаго хозяйства выражается имъ по аналогіи съ отношеніемъ центральной нервной системы къ питательнымъ процессамъ тѣла (Bau u. Leben d. soc. Körpers Bd. III S. 369 и д. изд. 1875—1880 г.).

Междудругимъ, самъ Шеффле опровергаетъ выставленное противъ него обвиненіе въ полномъ отожествленіи общественнаго развитія съ органическимъ ростомъ. Несомнѣнно подъ влияніемъ такихъ нападокъ во второмъ изданіи Bau u. Leben d. s. Körpers (изд. 1881—1882 г.) онъ значительно сокращаетъ число аналогій и прямо заявляетъ, что и общественное тѣло не есть органическое тѣло и потому не имѣть органическаго роста (Bd. I, S. 84). Слѣдовательно, этотъ защитникъ органическаго метода, правда, изъ умѣренныхъ, пришелъ къ сознанію научной несостоятельности его.

Основная ошибка этого направленія лежитъ въ томъ, что оно грѣшилъ въ своей методологіи противъ тѣхъ требованій, которыя предъявляютъ логика къ аналогіи, какъ вспомогательному средству при изученіи изслѣдованіяхъ. Для того, чтобы можно было дѣлать на основаніи аналогіи какіе-либо научные выводы, необходимо установить между двумя рядами явлений—однимъ извѣстными, а другимъ только изслѣдуемыми, сходство въ основныхъ существенныхъ призна-

¹⁾ Seignobos. La Méthode historique appliquée aux sciences sociales. Paris 1901, pp. 120—131.

вахъ. Аналогія, какъ вспомогательный методъ, имѣть громадное значение, но по самому существу ея значение ограничивается не главными признаками, а второстепенными, производными. Если между данными явлениями быть существенного сходства, то все выводы на основании аналогіи будутъ поверхностны и ненаучны. Если бы на основании аналогіи между землей и луной мы сдѣлали выводъ, что на последней есть органическая жизнь, то такой выводъ не имѣть бы научного значенія. Для того, чтобы онъ получилъ такое значение, необходимо было бы доказать, что между этими двумя планетами существуетъ сходство въ тѣхъ основныхъ признакахъ, безъ которыхъ невозможно развитіе органической жизни. Развѣ этого нельзя доказать, то нельзя серьезно говорить и о существованіи органической жизни на лунѣ.

Спрашивается теперь, вѣются ли такие данные для научной аналогіи между соціальными явленіями и естественными организмами? На этотъ вопросъ нужно дать отрицательный отвѣтъ. Сходство между явленіями этихъ двухъ различныхъ порядковъ чисто вѣнчее. Всѣ подобныя сопоставленія, сближенія не могутъ претендовать на строго научное значеніе. Примѣтъ къ обществу позваніе организма можно только въ фигуральномъ смыслѣ.

Разсматривая такъ называемый соціальный организмъ и естественный съ точки зрѣлія ихъ происхожденія, функционированія, существованія и уничтоженія, мы находимъ такія существенные различія между ними, что претензіи на ихъ полную аналогію оказываются совершенію на чёмъ не основанными. Въ настоящемъ случаѣ не можетъ наѣдности повторять то, что уже высказывалось сотни разъ и что стало азбучной истиной, для наѣс важенъ общій выводъ, что о полной аналогіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Далеко нельзя сказать и того, чтобы между организмомъ и обществомъ замѣчалось вѣнчее сходство во многихъ отношеніяхъ. Безусловно, есть такія соціальные явленія, развитіе которыхъ въ извѣстномъ смыслѣ можетъ быть названо органическимъ, напримѣръ, происхожденіе языка, обычного права и пр. Рядомъ съ ними существуютъ такія явленія, въ которыхъ сказывается цѣлесообразная дѣятельность людей (соглашенія членовъ общества, положительное законодательство), направляющаяся на установление и развитіе ихъ. Подобныя соціальные явленія не въ какомъ случаѣ не есть слѣдствіе естественного „органическаго“ процесса, а результатъ человѣческаго разсчета. Необходимо отмѣтить, что съ ходомъ времени и съ разви-

тіемъ культуры сфера такихъ явлений, гдѣ принимаетъ большое участіе сознательная человѣческая дѣятельность, все расширяется и измѣняетъ постепенно проникать и въ тѣ области, которые раньше всецѣло были предоставлены естественному органическому процессу. Въ области права юридическіе обычай вытѣсняются все болѣе и болѣе положительнымъ законодательствомъ. Самъ народный языкъ, этотъ наилюбленій примѣръ сторонниковъ органическаго пониманія общества, въ наши дни начинаетъ подвергаться сознательному воздействию человѣка.

Въ отношеніи тѣхъ соціальныхъ явлений, развитіе которыхъ можно назвать органическимъ, данный терминъ употребляется въ особомъ значеніи. Онъ указываетъ на то, что развитіе этихъ явлений совершается естественно безъ сознательного воздействиія человѣка; терминъ "органическій" въ примѣненіи къ естественнымъ организмамъ имѣть иное значеніе.

Въ виду того, что между соціальными явлениями и естественными организмами не существуетъ полной аналогіи, и методы естественныхъ наукъ, въ особенности анатоміи и физіологии, не могутъ быть выѣтъ съ тѣмъ методами соціальныхъ наукъ вообще и политической экономіи въ частности. Механическое перенесеніе анатомического или физіологического метода въ народное хозяйство, ни на чёмъ неоснованное, должно сопровождаться не столько положительными, сколько отрицательными результатами. Труды нѣкоторыхъ изъ сторонниковъ органическаго пониманія общества (напр., Липенфельда) служатъ лучшимъ доказательствомъ бесплодности защищаемаго ими метода.

Если органическіе методы не могутъ быть применены въ области политической экономіи, какъ методы наслѣдованія, то какъ методы изложенія они могутъ быть иногда полезны. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сравненіе соціальныхъ явлений съ явлениями органическими можетъ содѣйствовать лучшему выясненію первыхъ. Органическія явленія, доступныя личному, непосредственному наблюденію каждого, могутъ служить хорошимъ примѣромъ для сравненія съ ними болѣе сложныхъ и потому менѣе доступныхъ соціальныхъ явлений.

Конечно, мы никакъ не думаемъ отрицать того важнаго значенія, которое сыграла органическая школа въ исторіи обществовѣдѣнія, какъ реакція противъ механическаго пониманія соціальныхъ явлений, но въ данномъ случаѣ наше это не касается; историческое значеніе этой школы мы оставляемъ въ сторонѣ.

ГЛАВА VI.

Синтетическое направление въ экономической методологии.

Крайности исторической школы съ одной стороны, и австрійской съ другой, въ вопросѣ о методѣ политической экономіи должны были вызвать опыты синтетического построенія экономической методологии, состоящіе въ объединеніи индуктивного и дедуктивного методовъ. Такое направление нашей методологии, безъ сомнѣнія, возникло не безъ сильнаго влиянія общихъ успѣховъ гносеологии въ послѣднее время. Гносеологическая и въ частности методологическая проблемы въ послѣднія десятилѣтія подверглись всесторонней переработкѣ. Философское изслѣдованіе методологическихъ вопросовъ пролило много свѣта въ эту томную область; разумѣется, успѣхи общей методологии должны были отразиться на методологии отдѣльныхъ наукъ и въ частности на методологии обществовѣдѣнія. Теперь уже защищата исключительного примѣненія того или другого метода шла бы въ разрѣзъ съ общей методологіей, основывающейся на изслѣдований чѣмъ достаточной мѣрѣ теоріи познанія. Мысль, что методология не только обществовѣдѣнія, но также и естествознанія, которое всегда широко примѣняло методъ наблюденія, должна опираться и дѣйствительно опиралась на индуктивный и дедуктивный методъ изслѣдованія, стала теперь общепризнаніемъ достояніемъ науки. Среди экономистовъ, защищающихъ необходимость индукціи и дедукціи, нѣть единогласія въ определеніи роли этихъ двухъ методовъ, якъ взаимоотношенія и пр. Подъ указанную рубрику должны войти экономисты различныхъ оттенковъ; одни изъ нихъ ближе стоять къ австрійской школѣ, другие—къ исторической; наконецъ, треты пытаются опредѣлить для какаго изъ этихъ методовъ отдѣльную область изслѣдованій, напримѣръ для индуктивного метода—теорію производства, и для дедукціи—теорію обмѣна и распределенія.

Изъ экономистовъ, стоящихъ ближе къ Менгеру, мы назовемъ проф. Вагнера. Въ его *Grundlegung* вопросъ о методѣ разработанъ обстоятельно. По мнѣнію Вагнера, недостатокъ теоріи экономического индивидуализма не въ томъ, что она примѣняла дедуктивный методъ, а въ томъ, что она не обосновала въ достаточной степени психологическихъ посылокъ этого метода, и затѣмъ недостаточно ирредусмотрительно примѣняла его къ конкретнымъ отношеніямъ хозяйственныхъ

ственной жизни... По индукція или дедукція, но дедукція и индукція— вотъ справедливое разрѣшеніе вопроса о методѣ¹⁾.

Дедуктивный методъ исходить изъ психическихъ мотивовъ и пытается изъ нихъ вывести и объяснить акты воли, дѣйствія и явленія въ хозяйственной области. Дедуктивно выведенныя законы дѣятельныхъ явленій указываютъ только на тенденцію дѣятельности; строго точные законы въ хозяйственной области существуютъ только въ гипотезѣ, по по въ дѣятельности. Въ этомъ случаѣ точка зрения проф. Вагнера сближается съ Монгеворскимъ пониманіемъ этихъ законовъ съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что у Вагнера точные законы даютъ указанія на существованіе той или другой экономической тенденціи. Подобное пониманіе точныхъ законовъ значительно пре-восходитъ пониманіе Менгера, совершенно упускающаго изъ виду отношеніе своихъ законовъ къ конкретной дѣятельности. Съ точкой зрения Вагнера вполнѣ можно согласиться и, думается, такое пониманіе строго точныхъ законовъ вполнѣ соответствуетъ дѣятельному положенію дѣла²⁾.

Среди отдѣльныхъ методовъ наблюденія Вагнеръ различаетъ: 1) ненаучно ежедневное наблюденіе, 2) научное единичное наблюденіе, 3) строго-научное массовое наблюденіе или статистику и менѣе строго научное и менѣе массовое наблюденіе или исторію. Особенно сближаетъ Вагнера съ австрійской школой то значеніе, какое онъ придаетъ психологическому анализу. Въ *Grundlegung* отводится много места выясненію психологическихъ методовъ хозяйственной дѣятельности. Авторъ прямо говоритъ о томъ, что „экономическая проблемы во многихъ случаяхъ являются психологическими. Гдѣ идетъ дѣло о вопросахъ права и организаціи въ народномъ хозяйстве, тамъ национальная экономія является прикладной психологіей“³⁾.

Болѣе сомнѣнія, изъ экономистовъ средняго направлениія Ад. Вагнеръ больше всѣхъ другихъ придаетъ значеніе психологическому фундаменту экономической методологіи.

Gans-Ludassy, написавшій обширное изслѣдованіе по методологіи нашей науки, не лишенное известной оригинальности, въ вопросѣ о методѣ держится также средняго пути. Синтетическая школа, которую онъ называетъ не безъ основанія рационально-эмпирической, „должна

¹⁾ Ad. Wagner. *Grundlegung der politischen Oekonomie*. Leipzig 1892. S. 4.

²⁾ Ad. Wagner, S. 172, 188—189.

³⁾ Ibid. S. 14.

сгладить крайности рационализма и эмпиризма. Она должна объять школамъ противорѣчить и вмѣстѣ признавать ихъ¹⁾). Къ сожалѣнію, Gans-Ludassy не высказываетъ положительнымъ образомъ сносъ точки зрения, если не считать общихъ замѣчаний, подобныхъ вышеуказаннымъ. Вообще, этотъ ученый, придерживающійся гегелевскаго діалектическаго метода въ развитіи экономическихъ доктринъ, больше обращаетъ вниманія на изложеніе и критику чужихъ системъ, чѣмъ на положительное изложеніе и развитіе своего взгляда. Поэтому-то читатель и не выносить ясного представленія о томъ, какъ понимается методъ политической экономіи Gans-Ludassy. Можно только сказать, что этотъ экономистъ держится средняго направлениія; но и эта позиція въ значительной степени обусловливается, какъ намъ кажется, его увлечениемъ гегельянской діалектикой. Тезисъ, антитезисъ и синтезъ — вотъ пути развитія экономической методологіи. Историческая школа — это тезисъ по данному случаю; австрійская — антитезисъ. Это діалектическое противорѣчіе должно завершиться въ высшемъ синтезѣ, живымъ и явится будущая рационально-эмпирическая школа.

Больѣ обстоятельно разработанъ вопросъ объ экономической методологіи въ специальному изслѣдованіи Кейнса — „Продметъ и методъ политической экономіи“. Основная точка зрения англійскаго экономиста заключается въ слѣдующемъ положеніи: ни за одинъ изъ методовъ нельзя признать права на устраненіе другіхъ. Должны быть примѣняемы всѣ методы въ зависимости отъ задачи и области науки.

Въ гл. VI, посвященной опытному методу въ политической экономіи, онъ говоритъ, что наука не должна ограничиваться однимъ описаніемъ и классифицированіемъ, она должна изслѣдовывать причины и слѣдствія и устанавливать законы явлений. Политической экономіи помимо наблюденія доступенъ и опытъ; достаточно указать, напримѣръ, на опыты сокращенія рабочихъ часовъ, опыты организацій коммунистическихъ общинъ, некоторые законодательные эксперименты и т. д. Кейнсъ прекрасно сознаетъ затруднительность примѣненія опыта въ сферѣ экономическихъ отношеній, обусловливаемую тѣмъ, что адѣль нельзя или по крайней мѣрѣ очень трудно изолировать дѣйствіе одной причины отъ другой. Авторъ между прочимъ указываетъ на возможность примѣненія къ политической экономіи метода различія, что и

¹⁾ Gans-Ludassy, выше цит. соч., S. 206.

илюстрируется имъ на примѣрѣ австралийскихъ штатовъ Викторіи и Южнаго Валиса; во многихъ отношеніяхъ эти штаты сходны между собой; между тѣмъ Валисъ опередилъ Викторію по своему развитію. Примѣня укальный методъ, мы замѣчаемъ между ними различіе въ томъ, что послѣдняя держалась покровительственной системы, между тѣмъ какъ Валисъ — свободной торговли. Вполнѣ естественна мысль поставить въ причинную связь эти два рода явлений. Кейнѣсъ хорошо сознаетъ всю непрочность выводовъ на основаніи метода различія: вполнѣ точного сужденія на такомъ сравненіи, говорить онъ, нельзя построить, потому что нельзя быть увѣреннымъ въ несуществованіи другихъ различій между сравниваемыми странами. Мы можемъ установить причинную связь между такого рода явленіями, которая не стоять ни въ какой причинной зависимости. Въ исторіи экономическихъ доктринъ известны случаи, когда пользованіе методомъ различія приводило нерѣдко къ противоположнымъ результатамъ. Такъ, напримѣръ, протекціонисты въ доказательство благодѣтельности защищаемой ими системы указывали на Соединенные Штаты, достигшіе высокаго уровня экономического развитія при протекціонной системѣ; французскіе въ свою очередь для доказательства справедливости своихъ возврѣній приводятъ въ примѣръ Англію съ ея свободой торговли. Ошибка тѣхъ и другихъ заключается въ томъ, что экономический прогрессъ, обусловливаемый совокупностью многихъ причинъ, они сводятъ къ одной изъ этихъ причинъ, имѣющей притомъ второстепенное значеніе.

Сдѣлавъ такое широкое обоснованіе индуктивнаго метода, Кейнѣсъ переходитъ къ разсмотрѣнію дедуктивнаго метода. Въ послѣднемъ онъ различаетъ три стадіи: 1) опредѣленіе главныхъ дѣйствующихъ силъ и ихъ законовъ, 2) выводъ съѣдѣствий и 3) сопоставленіе ихъ съ дѣйствительностью.

Онъ не отрицаетъ того, что выводы, полученные дедуктивнымъ путемъ, во всѣхъ наукахъ заключаются въ себѣ гипотетическій элементъ: данные причины производятъ известное дѣйствіе при отсутствіи противодѣйствующихъ силъ.

Кейнѣсъ подчеркиваетъ, что дедуктивный процессъ часто начинается съ реальнаго изслѣдованія дѣйствительности; при этомъ онъ обстоятельно выясняетъ значеніе наблюденія при дедукціи. Дедуктивный методъ долженъ начинать съ самыхъ простыхъ примѣровъ въ родѣ известнаго гипотетического примѣра о торговлѣ у Дж. Ст. Миля, который береть двѣ соседнія страны, обмѣнивающіяся полотномъ и

сукномъ, и изъ этого простого примѣра путемъ включения изъ него приводящихъ условий дѣлаетъ рядъ выводовъ о международной торговли. Мне кажется, что въ данномъ случаѣ Койнсъ смѣшивается дедуктивный методъ съ изолирующей абстракціей, о которой мы говорили выше при разсмотрѣніи методологіи Тюнена.

Методологія Койнса цѣлна тѣмъ, что онъ обстоятельно анализировалъ примѣненіе индуктивного метода въ политической экономіи. Заслуживаетъ вниманія его мысль о возможности примѣненія эксперимента при изслѣдованіи экономическихъ проблемъ. Большинство ученыхъ доказываетъ невозможность примѣненія опыта въ области соціальныхъ наукъ въ виду недоступности изоляціи наблюдаемыхъ явлений. Нельзя отрицать того, что примѣненіе строго научного эксперимента встрѣчаетъ массу затрудненій въ обществовѣденіи; болѣе того, оно не можетъ дойти до такой степени совершенства, какъ, напримѣръ, въ физикѣ или химії. Но такое несовершенство соціального эксперимента никакъ не говоритъ противъ его примѣненія тамъ, где это возможно. Лучшимъ доказательствомъ возможности его примѣненія въ соціально-экономической сфере служить экономическая политика. Возьмемъ, напримѣръ, государственное страхование рабочихъ въ Германии: сначала въ видѣ опыта было установлено болѣе простое и легче осуществимое страхование отъ несчастныхъ случаевъ, затѣмъ, страхование отъ болѣзни и, наконецъ, поздиѣ этотъ величайший соціальный опытъ былъ увѣнчанъ страхованиемъ рабочихъ на случай неиспользованія труда и старости, какъ наиболѣе сложныи и трудно осуществимыи.

Успѣхъ этого опыта въ Германии побудилъ и другія государства ввести принудительное страхование и у себя. На очередь этойъ вопросъ поставлена и у насъ. Здѣсь мы наблюдаемъ перениманіе одной страной у другой удачнаго опыта. Можно указать, по мало и другихъ случаевъ, гдѣ экспериментъ примѣняется въ области народнаго хозяйства не только со стороны государства, но и со стороны частныхъ лицъ. Фабриканты въ видѣ опыта сокращаютъ рабочий день подъ тѣмъ условиемъ, чтобы производительность предпріятія не понижалась. Если по истеченіи пробнаго года, производство не уменьшится при равенствѣ всѣхъ прочихъ условий, исключая сокращенія рабочихъ часовъ, то въ такомъ случаѣ сокращенный рабочий день останется и въ будущемъ. Подобныхъ примѣровъ можно привести безчисленное множество, но думается, и сказанного достаточно для того, чтобы убѣдиться въ важности эксперимента въ области народнаго хозяйства. Если теорія

въ большинствѣ случаевъ игнорировала его примѣненіе, зато въ пользуясь въ широкой мѣрѣ практика.

Слабѣ разработана у Кейнса дедуктивная методология; онъ не даетъ всестороннаго освѣщенія этого метода въ его примѣненіи къ политической экономіи. Во всякомъ случаѣ Кейнсъ болѣе детально и болѣе основательно разработалъ методологію экономической науки, чѣмъ другіе ученые.

Къ защитникамъ совмѣстнаго примѣненія дедукціи и индукціи въ области политической экономіи нужно отнести еще итальянскаго экономиста Л. Косса, который довольно обстоятельно рассматриваетъ интересующій насъ вопросъ. Онъ прежде всего отмѣчаетъ то, что дедуктивные предпосылки и некоторыхъ писателей, въ особенности англійскихъ (Сеньора, Кериса, Баджгата), не могутъ быть названы по существу априорными; онъ основаны на фактахъ внутренняго или же вѣнчшаго наблюденія. Считая невозможнымъ исчерпывающее указание посыпокъ дедуктивной экономіи, онъ полагаетъ, что возможно и необходимо указание наиболѣе общихъ предпосылокъ, которые являются скрыто или явно основаниемъ самыхъ важныхъ теорій чистой экономіи. Эти предпосылки, по мнѣнию Косса, слѣдующія: 1) въ экономическомъ порядкѣ главнымъ и обычнымъ двигателемъ человѣческихъ дѣйствій является личный интересъ, который побуждаетъ насъ стремиться къ большему удовлетворенію нашихъ потребностей съ затратой возможно меньшихъ усилий (*loi du moins d'effort*); 2) законъ убывающаго плодородія почвы, состоящій въ томъ, что новые приложения капитала и труда къ данному количеству земли не отличаются производительностью, пропорциональной затратамъ; 3) законъ возрастанія населенія, опережающаго увеличеніе средствъ существования.

Эти предпосылки въ связи съ предположеніемъ о полной свободѣ конкуренціи и полномъ знаніи рынка и представляли изъ себя толь фундаментъ, на которомъ классики-экономисты строили дедуктивныій методомъ свою теорію цѣнности, обращенія и распределенія богатствъ.

По мнѣнию названного ученаго, эти предпосылки основываются или на фактахъ очевидныхъ сами по себѣ или же доказываются эмпірически другими науками (психологіей, агрономіей, физіологіей) и, следовательно, онъ основываются на наблюденіи. Такимъ образомъ, соціальная экономія есть не менѣе положительная наука, чѣмъ и физическая науки, и не менѣе точна, чѣмъ чистая математика.

Сравнивая результаты дедуктивнаго разсужденія съ реальными

фактами, мы видимъ, что послѣдніе отличаются болѣе или менѣе существенно отъ первыхъ. Очень естественно, что явленія, на которыхъ оказываютъ влияніе не только постоянныя и главныя причины, но также и другія случайныя и перемѣнчивыя причины, не могутъ совпадать съ результатами, предсказываемыми одиними основными причинами. Часто любовь, тщеславіе, апатія, невѣжество, ошибка парализуютъ дѣйствіе личного интереса; изобрѣтенія и усовершенствованія въ сельскомъ хозяйстве задерживаются дѣйствіемъ закона убывающаго плодородія; наконецъ, отеческая любовь, предусмотрительность, агонизмъ налагаютъ узду на ростъ населенія и т. д. Справедливо отмѣчаетъ Косса, что всѣ эти отклоненія, имѣющія значеніе въ индивидуальныхъ случаяхъ, часто исчезаютъ при замѣнѣ наблюденія частнаго наблюденіемъ колективнымъ и систематическимъ, поэтому дѣйствія случайныхъ причинъ при болѣе значительномъ числѣ наблюденийнейтрализуются; но это не уничтожаетъ возможности и даже необходимости дѣлать некоторые дополненія и вносить корректизы въ первоначальную дедукцію.

На этомъ основаніи Косса, подобно Багнеру, признаетъ, что дедуктивные законы, какъ множество и физическихъ законовъ, опредѣляютъ только тенденціи, которая сами по себѣ универсальны и постоянны и открывается даже въ тѣхъ реальныхъ фактахъ, которые даютъ намъ результаты, отличные отъ результатовъ предвидѣвшихъ.

Для того, чтобы исправить указанные недостатки дедукціи, пользуются двумя прѣемами — примѣненіемъ дедуктивныхъ выводовъ къ гипотетическимъ случаямъ (Тюонть) или обращеніемъ къ индукціи.

Къ индукціи, какъ полагаетъ Косса, прибегаютъ не для того, чтобы получить прямое доказательство истинности дедуктивныхъ законовъ, но скорѣе для того, чтобы опредѣлить существование противодѣйствующихъ причинъ и открыть по крайней мѣрѣ эмпирическіе законы изъ проявленій.

Въ виду несовершенства метода наблюденія, примѣняемаго въ политической экономіи, приходится обращаться къ дедукціи. Чисто индуктивнымъ путемъ невозможно открыть научные законы обращенія и распределенія богатствъ. Коллективное и систематическое наблюденіе множества однородныхъ явленій, т. е. количественная или статистическая индукція, служащая базисомъ для него, являются очень дорогими средствами и помимо того, они не въ состояніи указать намъ первоначальные причины наблюдавшихъ явленій.

Простое наблюденіе также несовершенно, потому что оно не

можетъ пользоваться ни искусственными инструментами, ни экспериментомъ. Экономистъ долженъ наблюдать исключительно своими вѣдѣніями и внутренними чувствами, подверженными множеству всякихъ ошибокъ, тѣ явленія, которыхъ представляютъ изъ себя результатъ психическихъ элементовъ и не всегда доступны строгому опредѣленію. Къ соціальной экономіи не можетъ быть примѣненъ ни методъ различія, ни методъ сходства, ни методъ сопутствующихъ измѣнений. Косса выясняетъ, почему методъ различія не можетъ быть примѣненъ и. изслѣдованийъ экономическихъ явленій. Доводы, приводимые имъ, разсмотрены нами выше. Сущность выводовъ итальянского экономиста сводится къ слѣдующему:

- 1) Соціальная экономія есть наука наблюденія, которая пользуется дедуктивнымъ и индуктивнымъ методомъ.
- 2) Экономисты пользуются чаще, но не исключительно, индуктивнымъ методомъ для изложенія теоріи, тѣй большей части описательной, производства, потребления и тѣхъ которыхъ частей теоріи населенія, обращаясь иногда къ дедукціи для проверки или для точного определенія индуктивныхъ заключеній и вытекающихъ изъ нихъ слѣдствій.
- 3) Экономисты пользуются болѣе часто, но не исключительно, дедуктивнымъ методомъ для построенія теоріи обращенія и распределенія.
- 4) Для устраненія противорѣчія между дедуктивными выводами и реальными фактами экономисты прибегаютъ къ установлению новыхъ гипотезъ или пользуются квантитативной и квальтитативной индукціей.
- 5) Экономическая политика пользуется чаще, но не исключительно индуктивнымъ методомъ и въ особенности психологической и статистической индукціей.

Дѣлая общую оценку методологіи Косса, нужно прежде всего отмѣтить, что онъ въ сравненіи съ Кейнсомъ придаетъ больше значенія дедуктивному методу и меньше индуктивному¹⁾). Косса не считаетъ возможнымъ примѣненіе въ экономическихъ изслѣдованіяхъ эксперимента, метода различія, чтоб допускать и, на нашъ личный взглядъ, вполнѣ основательно Кейнсъ.

Попытка Косса разграничитъ области примѣненія индукціи и дедукціи съ гносеологической точки зреінія не можетъ быть оправдана. Онъ и самъ это прекрасно признаетъ, когда употребляются такія выраженія, какъ „болѣе часто, но не исключительно“. Утвержденія съ

¹⁾) J. Kossa. *Histoire des doctrines économiques*. Paris 1899, pp. 83—95.

такого рода ограничениями не имѣютъ значенія въ виду ихъ не-
определенности, неясности.

При построеніи теоріи производства мы можемъ пользоваться равно
дедукціей, какъ и индукціей. Въ виду того, что въ производствѣ
дѣятельность человѣка обусловливается въ значительной мѣрѣ есте-
ственными факторами, мы можемъ примѣнять здѣсь дедукцію даже
чаще, чѣмъ индукцію, пользуясь въ качествѣ предпосылокъ данными
естественныхъ наукъ. Равно какъ проблема распределенія, раньше
исследуемая дѣйствительно абстрактнымъ путемъ, въ настоящее время
начинаетъ освѣщаться фактически статистической индукціей. Думается,
что въ этой области статистика дѣйствительно можетъ дать солидныя
фактическія основанія для построенія теоріи распределенія, болѣе
соответствующей реальнѣй дѣйствительности. Теорія обмѣна въ на-
стоящее время также пользуется въ широкой мѣрѣ статистическими
обслѣдованіями, которыя все больше и больше охватываютъ различ-
ные стороны обмѣна.

Что касается экономической политики, то въ ней, помимо историче-
ской и статистической индукціи, должна находить примѣщеніе и
дедукція. Тѣ или другія мѣры экономической политики, касающіяся
будущихъ явлений, хотя и опираются на статистическое или историче-
ское наблюденіе, должны получить дедуктивную обработку для того,
чтобы имѣть болѣе общее и постоянное значеніе.

Извѣстный английский экономистъ Маршалль также можетъ быть
причисленъ къ синтетическому направлению въ области методологіи.
„Политическая экономія, говорить этотъ экономистъ, пользуется двумя
методами—индуктивнымъ и дедуктивнымъ“¹⁾). Изъ дальнѣйшаго изло-
женія видно, что Маршалль не совсѣмъ ясно понимаетъ различие
этыхъ двухъ методовъ: подъ индуктивнымъ методомъ онъ понимаетъ
методъ собранія новыхъ фактovъ, а подъ дедукціей—выясненіе взаимо-
отношеній уже извѣстныхъ фактovъ. Отсюда онъ различаетъ историче-
скую школу (собирающую и устанавливающую факты) и аналитиче-
скую, обращающую главное вниманіе на научный анализъ. Послѣдняя
школа разлагаетъ сложные факты, изучаетъ взаимоотношеніе отдель-
ныхъ частей и сходныхъ явлений. Эти два направления должны работать
рука объ руку. Подобное пониманіе индукціи и дедукціи значительно
отступаетъ отъ общепринятаго. Задача индуктивного метода далеко
не ограничивается однимъ собираемь фактическаго материала. Это

¹⁾) A. Marshall. Principles of Economics. I. London 1898, p. 91.

только первая подготовительная ступень его. Въ прямую задачу индукції входитъ научная разработка этого материала, и затѣмъ, настъ дальнѣйшая стадія—установление эмпирическихъ законовъ. Простое собираніе материала не есть методъ, какъ приемъ научного исслѣдованія. Тотъ анализъ, который Маршалль относитъ къ дедукції, входитъ непосредственно въ область индукції. Сущность же дедукціи заключается въ томъ, что она изъ тѣхъ или другихъ предпосылокъ, научно установленныхъ, дѣлаетъ выводы чисто логическимъ путемъ для объясненія известнаго рода явлений. Основная методологическая точка зрения его выражается въ съдѣдующемъ положеніи: „As every deduction must rest on the basis of inductions, so surely does every inductive process involve and include analysis and deduction“ (р. 95).

Мыѣ кажется, что вѣрна мысль, заключающаяся вѣдь, не совсѣмъ точно выражена. Индуция не включаетъ и не замыкаетъ въ себѣ дедукціи, а только предполагаетъ ее. Часто дедуктивныя положенія являются необходимыми условіями для правильности индукціи, но это далеко не значитъ, что индуктивный процессъ включаетъ дедукцію. То же можно сказать и по отношенію дедукціи, часто опирающейся на индуктивныя данные, но вмѣсть съ тѣмъ не включающей въ себѣ индукціи.

Помимо названныхъ экономистовъ, можно указать еще цѣлый рядъ ученыхъ, признающихъ необходимость примѣненія въ области экономическихъ исслѣдований дедукціи рядомъ съ индукціей. Назовемъ хотя бы Конрада, Кона, М. Блока, Бернгофъ-Изинга, Бюхера, Тойбі¹⁾, Шмольера (въ его *Grundriss*ѣ), John'a и др.; у насъ проф. Симоненко, Левитскій, Чупровъ и др. Нѣть надобности излагать возврѣнія на методъ каждого изъ этихъ ученыхъ въ отдельности. Въ общемъ ить точки зрения пачкѣмъ существенно не отличаются отъ уже разсмотрѣнныхъ взглядовъ сторонниковъ свѣтѣтническаго направлѣнія.

Въ предлагаемомъ историческомъ очеркѣ отдельныхъ направлений экономической мысли въ области методологии мы въ достаточной степени подготовили почву для положительного рѣшенія вопроса, въ чему теперь и перходимъ.

¹⁾ По мѣткому замѣчанію Тойбі, „истор. методъ безъ помощи дедукціи можетъ служить только къ тому, чтобы собрать массу несвязанныхъ и бесполезныхъ фактовъ“. Интересныя замѣчанія о роли дедуктивного метода въ политической экономіи мы находимъ въ работѣ Войтильского, Гылокъ въ цѣли. 1906 г., стр. 28.

Общіе выводы.

Исторический путь развитія экономическихъ доктринъ въ вопросѣ о методологіи привелъ къ признанію въ области экономическихъ изслѣдований равныхъ правъ гражданства, какъ за дедуктивнымъ, такъ и индуктивнымъ методами. Крайности абстрактной и исторической школъ стадились въ прогрессѣ исторического развитія, и въ настоящее время большинство экономистовъ высказывается за примѣненіе обоихъ этихъ методовъ. Допущеніе двухъ методовъ въ область экономическихъ изслѣдований совершилось не безъ сильного вліянія всесторонней разработки гносеологическихъ проблемъ.

Гносеология въ настоящее время установила неразрывность дедуктивного и индуктивного методовъ. Въ основѣ познанія лежитъ стремленіе къ единству, присущее всякому сознательному мышленію.

Въ свою очередь мы говоримъ только о дедуктивномъ и индуктивномъ методѣ, именно потому, что все различія въ пріемахъ научной аргументаціи сводятся къ противоположности между дедуктивнымъ и индуктивнымъ методомъ, а эта послѣдняя поконится на важнѣйшемъ отношеніи, лежащемъ въ основѣ всего нашего мышленія — на отношеніи между общимъ и частнымъ. Тенденція къ единству, которой подчинено все сознательное мышленіе, можетъ быть выражена въ слѣдующей формѣ: мы стараемся постигнуть зависимость единичнаго отъ общаго. Вотъ почему отношеніе между единичнымъ и общимъ есть абсолютная основа всего научнаго мышленія¹⁾). Въ каждомъ человѣческомъ познаваніи можно различать двѣ стороны: отдѣльные ощущенія и общія положенія, выражающія собой тѣ или другія отношенія между ощущеніями. Процессъ познанія состоитъ въ подведеніи этихъ частныхъ явлений подъ общія формы. При этомъ нужно имѣть въ виду, что общія положенія достовѣрны непосредственно, какъ равно и первичные элементы нашего познанія — ощущенія. Недоказуемость ихъ обусловливается самимъ характеромъ органовъ нашего познанія. Процессъ доказательства состоить въ томъ, что достовѣрность извѣстнаго положенія зависитъ отъ достовѣрности предпосылокъ доказательства, которая въ свою очередь опираются на другія предпосылки и т. д. Этотъ процессъ не можетъ быть безконечнымъ; онъ долженъ въ концѣ концовъ остановиться на такихъ предположеніяхъ, которыхъ

¹⁾ Виндельбандъ. Прелюдіи, пер. Франка, 1904 г., стр. 227.

сами уже не могутъ быть доказуомы. Эти предположенія отличаются не-посредственной достовѣрностью. Такая достовѣрность присуща объемъ діаметрально-противоположнымъ исходнымъ точкамъ нашего познанія—ощущеніямъ и общимъ положеніямъ, известнымъ подъ именемъ аксиомъ.

Задача науки заключается въ томъ, чтобы создать промежуточные звенья между аксиомами и ощущеніями: по отношенію къ аксиомамъ они будутъ болѣе или менѣе частными положеніями, по отношенію къ ощущеніямъ—положеніями болѣе или менѣе общими. Для создания такихъ научныхъ истинъ, необходимо равно пользоваться объемами исходными точками. Изъ однихъ аксиомъ, безъ привлечения частныхъ фактовъ, никогда не складусть ничего, точно такъ же, какъ на основаніи однихъ ощущеній нельзя установливать общихъ сужденій, опредѣляющихъ взаимоотношенія ихъ. „Кто обладаетъ лишь общимъ, говорить Бенедельбандъ, тотъ не имѣстъ материала, изъ которого онъ могъ бы добить частное; у кого нѣтъ ничего, кроме частнаго, тотъ не можетъ найти пути, ведущаго къ общему“.

Обычно устанавлившееся представление о томъ, что дедуктивный методъ исходить изъ однихъ аксиомъ, а индуктивный—изъ однихъ ощущеній, далеко не соотвѣтствуетъ природѣ этихъ методовъ. Какъ дедуктивный методъ нуждается въ частныхъ фактахъ, такъ съ своей стороны индукція не можетъ обойтись безъ общихъ посылокъ.

Различие между этими методами состоитъ въ томъ, что дедукція подводить подъ общее положеніе частное содержаніе представлениія, добытое какимъ-либо путемъ, и затѣмъ уже вывести изъ этихъ двухъ посылокъ, большей и меньшей, выводъ въ примѣненіи къ данному специальному случаю; напротивъ, индукція подводить группу фактівъ подъ общее положеніе для вывода такого утвержденія, которое занимаетъ по степени свой общиности промежуточное мѣсто между этими фактами и общимъ положеніемъ. Только въ такомъ ограниченномъ смыслѣ можно сказать, что дедуктивный методъ переходить отъ общаго къ частному, индуктивный же наоборотъ—отъ частнаго къ болѣе общему.

Частное, въ которомъ нуждается дедукція, берется либо изъ опыта, либо является гипотетическимъ допущеніемъ. Общее, безъ которого не можетъ обойтись индукція, заключается въ известныхъ общихъ предпосылкахъ, которые являются самоочевидными для всякаго нормального мышленія. Обыкновенно, въ индуктивномъ методѣ не высказываются ясно тѣ самоочевидныи аксиомы, которыми этотъ методъ пользуется на каждомъ шагу. Такъ, напримѣръ, нѣтъ надобности при

каждомъ индуктивномъ умозаключеніи упоминать о законѣ причинности, составляющемъ для него необходимую большую посылку. Правда, умолчаніе объ этой основной предпосылкѣ иногда приводить къ тому, что некоторые исследователи упускаютъ изъ виду это обоснованіе и ошибочно предполагаютъ, что предпосылки индуктивного доказательства исчерпываются фактами, которыми оно пользуется. „Отсюда могъ возникнуть, говоритъ Виндельбандъ, достойный сожалѣнія взглядъ, будто науку можно спрѣстъ изъ отдельныхъ фактовъ, какъ соръ, сметаемый въ кучу метлой“.

Мы подробѣгѣе остановились на этомъ общемъ выясненіи взаимоотношенія дедукціи и индукціи для того, чтобы показать, что противоположность между ними не такъ уже рѣзка и діаметральна, какъ это, напримѣръ, казалось и кажется крайнимъ защитникамъ индуктивного метода. Какъ туть, такъ и другой методъ одной изъ своихъ сторонъ входить въ область другого.

Опредѣливъ, изъ какихъ элементовъ складывается содержаніе нашего познанія, мы тѣмъ самымъ подошли и къ разрѣшенію вопроса о методахъ. Если въ основѣ нашего познанія лежать, съ одной стороны, опущенія, а съ другой—аксіомы, непосредственно достовѣрныя, и если задача всякаго научнаго познанія состоитъ въ созданіи промежуточныхъ звеньевъ между этими двумя полюсами, то, слѣдовательно, неизбѣжно примѣненіе этихъ двухъ въ извѣстномъ смыслѣ противоположныхъ пріемовъ научнаго изслѣдованія.

Указанные элементы нашего познаванія мы находимъ и въ сферѣ научнаго экономического изслѣдованія. И здѣсь на одной сторонѣ стоять частное въ видѣ экономическихъ явлений или событий или, наконецъ, въ видѣ нашихъ внутреннихъ представлений, эмоцій и желаній, на другой—тѣ основные предпосылки въ видѣ идей причинности, закономѣрности и другихъ общихъ категорій, которыхъ опредѣляютъ по общечеловѣческому призванію и убѣжденію соціальную сферу и экономическую въ частности. Задача политической экономіи, какъ науки, заключается въ томъ, чтобы подвести подъ эти общія предпосылки (аксіомы) взаимныя отношенія экономическихъ явлений и событий. Будемъ ли примѣнять индуктивный или дедуктивный методъ, мы должны одинаково пользоваться какъ предпосылками, такъ и явленіями. Возможны случаи, что это будетъ скрыто отъ поверхности наблюдателя, и даже мало вдумчивый изслѣдователь самъ подчасъ бываетъ склоненъ думать, что онъ не пользуется недоказуемыми положеніями, но при первомъ анализѣ своихъ пріемовъ изслѣдованія

предъ нимъ вскроется закулисная сторона общечеловѣческаго познанія.

Этими общими замѣчаніями мы пытались уяснить ошибочность тѣхъ представлений о методахъ, которыхъ были широко распространены среди экономистовъ и которыхъ явились главной причиной одностороннихъ учений въ области нашей методологии.

Предметъ изученія политической экономіи составляетъ народное хозяйство, экономическая дѣятельность человѣка и тѣ общественные отношенія, которые возникаютъ между людьми на почвѣ хозяйства. Такимъ образомъ, политическая экономія соприкасается не только съ родственными ей общественными науками, но также съ естественными и техническими дисциплинами; затѣмъ, тотъ фактъ, что политическая экономія имѣть дѣло съ хозяйствующими субъектомъ, ставитъ ее въ близкую связь съ психологіей какъ индивидуальной, такъ и коллективной. Это обстоятельство имѣть громадное значеніе для нашей методологии. Политическая экономія въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ можетъ пользоваться выводами какъ естественныхъ наукъ, такъ и психологіи; напримѣръ, законъ убывающаго плодородія почвы, выясненный и подробно обоснованный агрономіей, имѣть громадное значеніе для политической экономіи въ вопросѣ о земельной рентѣ. И чѣмъ болѣе будстъ обоснованъ этотъ законъ въ агрономіи, тѣмъ болѣе будутъ обоснованы и экономические выводы, опирающіеся на этотъ законъ. Если бы психологія дала исчерпывающий анализъ психическихъ мотивовъ хозяйственной дѣятельности человѣка, то, несомнѣнно, многое изъ запутанныхъ вопросовъ политической экономіи были бы такимъ путемъ скорѣе всего разрѣшены. Основная проблема политической экономіи, возникшая съ момента зарожденія самой науки—о мотивахъ хозяйствующаго субъекта—только и можетъ быть удовлетворительно разрѣшена на основаніи данныхъ какъ индивидуальной, такъ и коллективной психологіи. Къ сожалѣнію, психологи до сихъ порь мало обращали вниманія на внутреннюю мотивацию хозяйственной дѣятельности человѣка; скорѣе можно сказать, что эти вопросы болѣе детально разрабатывались представителями нашей науки. Въ ихъ трудахъ психическая дѣятельность хозяйствующаго субъекта начала получать всестороннее освѣщеніе. Особенно это можно сказать объ изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ (Вагнеръ, Заксъ, Гансъ-Лудаси, у настъ Орженцкій и др.). Съ точки зрѣнія раздѣленія труда, конечно, желательнѣе, чтобы психологические вопросы, хотя и въ хозяйственной сферѣ, были переведены изъ политической

экономії въ психологію, гдѣ они будуть стоять въ тѣсной непосредственной связи съ общимъ содержаніемъ науки. Въ экономическихъ изслѣдованіяхъ такіе психологические экскурсы являются слишкомъ изолированными, мало связанными съ общей системой; между тѣмъ въ психологію они войдутъ какъ составная часть въ одно живое цѣлое. Тамъ они могутъ получить всестороннее освѣщеніе и широкое обоснованіе. Можно думать, что со временемъ въ психологическихъ изслѣдованіяхъ явится специальная глава, посвященная психологіи хозяйствующаго субъекта.

Въ тѣхъ частахъ, гдѣ политическая экономія опирается на выводы другихъ наукъ, она можетъ исключительно пользоваться дедуктивнымъ методомъ. Хотя бы известные выводы были получены въ соответствующихъ дисциплинахъ путемъ индукціи, въ политическую экономію они входятъ какъ общія положенія, которые могутъ служить большой посылкой для дедуктивныхъ заключеній. Въ такихъ случаяхъ дедуктивный методъ долженъ найти самое широкое примѣненіе. Если эти общія положенія, заимствованные изъ другихъ наукъ, будутъ отличаться точностью и будутъ представлять изъ себя не только эмпиріческія обобщенія, но строго научные законы, то такими же свойствами будутъ отличаться и выводы политической экономіи, основанные на нихъ; конечно, при строгомъ соблюдении требованій логики. Наоборотъ, если положенія этихъ соприкасающихся дисциплинъ будутъ носить чисто эмпиріческий характеръ, то и основанные на нихъ выводы политической экономіи будутъ также только эмпирічны. Такимъ образомъ, здѣсь прогрессъ экономической науки находится въ прямой зависимости отъ прогресса смежныхъ съ ней областей знаній.

Въ виду того, что политическая экономія имѣть своимъ предметомъ изученіе народного хозяйства въ его дѣйствительныхъ, реальныхъ проявленіяхъ, несомнѣнно она должна чаще и болѣе обращаться къ индукціи, къ методу наблюденія и опыта. Экономистъ прежде всего долженъ обращаться къ самой жизни, къ изслѣдованию народного хозяйства въ его конкретныхъ проявленіяхъ. Онъ не можетъ плесть изъ своей головы канву экономической теоріи, какъ науку свою паутину. Въ основе его построений должно лежать или личное наблюденіе или наблюденіе другихъ лицъ.

Первоначальной стадіей индуктивного процесса является виѣшнее наблюденіе. Оно можетъ быть простымъ, обыденнымъ, когда человѣкъ наблюдаетъ известное экономическое явленіе, не задаваясь какими-либо специальными научными цѣлями. Это обыденное, житейское на-

блуденіе совершается ежедневно, какъ только мы сталкиваемся съ дѣйствительностью; таковы, напримѣръ, явленія купли и продажи, найма услугъ и проч. Наша жизнь въ такой степени проникнута материальными интересами, что не проходить буквально ни одного дня, чтобы мы не почувствовали на себѣ лично дѣйствіе тѣхъ и другихъ экономическихъ отношеній.

Это простое наблюденіе, не зависящее въ извѣстной степени отъ нашей воли, нужно отличать отъ научного систематического наблюденія.

Къ этого рода наблюденію человѣкъ приступаетъ съ извѣстной идеей, онъ выполняетъ его по извѣстному заранѣе обдуманному плану; для наблюденія онъ выбираетъ только тѣ или другія явленія, иногда ту или другую сторону ихъ. Напримѣръ, экономистъ хочетъ изучить положеніе труда въ фабрично-заводской промышленности Привислинскаго края путемъ личнаго наблюденія. Заранѣе для успѣшности своего наблюденія онъ долженъ выработать его планъ; ясно опредѣлить себѣ цѣли и границы наблюденія. При осуществленіи этого плана экономисту необходимо выдѣлить интересующія его явленія отъ другихъ и спешащо заняться ими. Для этого ему пришлось бы посѣтить фабрики, жилища рабочихъ не только въ Варшавѣ, но и въ другихъ крупныхъ центрахъ мѣстной промышленности, какъ, напримѣръ, Лодзь, Набѣлны, Жирардовъ и проч. Необходимо было бы собрать справки о размѣрахъ заработной платы, о длинахъ рабочаго дня, о жилищахъ, праздникахъ, временпровожданіи рабочихъ, ихъ организаціяхъ; вообще изслѣдовать цѣлый рядъ явленій, могущихъ характеризовать положеніе труда въ мѣстной промышленности. Если подобное наблюденіе будетъ отвѣтствовать требованіямъ объективности и всесторонности, то оно дастъ весьма цѣнныя результаты. Въ наукѣ мы знаемъ нѣсколько цѣнныхъ работъ, явившихся результатомъ такого научнаго, систематического наблюденія отдельнаго лица. Укажемъ, напримѣръ, классическое изслѣдованіе въ Англіи супруговъ Веббъ — Теорія и практика традъ-юніонизма, или же работу Шульце-Геверинца — Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Пруссіи; у насть — Демонтьева, Святловскаго и др.

Рядомъ съ научнымъ индивидуальнымъ наблюденіемъ нужно поставить массовое наблюденіе количественнымъ методомъ, иначе говоря, статистику. Но всегда удобно, а главное не всегда возможно одному человѣку воспользоваться вышеуказаннымъ наблюденіемъ. Личное наблюденіе одного человѣка охватываетъ менѣе значительную

область съ одной стороны и съ другой—тѣ явленія, гдѣ не требуется одновременное зарегистрированіе ихъ при разномѣстности существованія.

Въ виду этого индивидуальное наблюденіе восполняется статистическимъ. Послѣднее совершается значительнымъ числомъ лицъ. Это имѣть свои выгодныя и невыгодныя стороны. Большое количество наблюдателей даетъ возможность изслѣдовывать массовый явленія одновременно и разномѣстно.

Такимъ путемъ можно наблюдать явленія на такомъ пространствѣ и за такой періодъ времени, что отдельному человѣку совершенно было бы не подъ силу.

Неудобства статистического метода заключаются въ томъ, что имъ могутъ быть изслѣдованы только таکія явленія, которыя доступны количественному измѣрению; затѣмъ этотъ методъ изслѣдованія требуетъ большихъ затратъ труда и капитала. Необходимо имѣть хорошо подготовленный контингентъ статистиковъ. Нужны большія суммы на совершение тѣхъ или другихъ статистическихъ работъ. Этотъ методъ изслѣдованія очень дорогой и очень громоздкій. При выработкѣ программъ статистического изслѣдованія приходится больше ограничиваться общими вопросами, избѣгая деталей, хотя бы весьма важныхъ и интересныхъ, изъ опасенія, что первоначальные статистики не могутъ разобраться въ подробностяхъ. Когда производятъ наблюденіи одинъ изслѣдователь, то онъ всегда можетъ измѣнить и дополнить свою программу изслѣдованія соответственно запросамъ дѣйствительности. Здѣсь программа не будетъ парализовать его самодѣятельности; и въ случаѣ, если жизнь покажетъ ея пробѣлы или недочеты, сейчасъ ихъ и можно исправить; не то мы видимъ съ программами, выработанными для статистическихъ изслѣдований.

Здѣсь уже простой статистикъ по можетъ входить въ разсмотрѣніе того, насколько его программа удовлетворительна; онъ долженъ стремиться къ точному ея выполнению. Если же предоставить каждому статистику право дѣлать измѣненія въ программѣ, то возникаетъ справедливое опасеніе, что не будетъ достигнута цѣль статистического изслѣдованія, строго выполняемаго всегда по одному плану.

Другой существенный недостатокъ статистического метода заключается въ томъ, что не все экономические отношенія можно измѣрять количественно; есть много такихъ явленій, гдѣ количественный методъ оказывается совершенно непригоденъ. Въ какихъ цифрахъ можно выражать отношеніе работодателя къ рабочему, въ какихъ цифрахъ можно

опредѣлить гибельныя послѣдствія раздѣленія труда и т. д.? Наконецъ, не мало есть такихъ экономическихъ отношеній, гдѣ въ принципѣ статистический методъ могъ бы быть примѣненъ, но гдѣ его нельзя осуществлять практическъ, при отсутствіи постоянной и точной регистраціи данныхъ явлений.

Статистическимъ методомъ мы изучаемъ явленія въ ихъ данномъ состояніи; въ прошломъ мы можемъ изучать ихъ историческимъ методомъ. Послѣдний методъ долженъ быть поставленъ въ политической экономіи рядомъ съ статистическимъ. Намъ могутъ сказать, что статистический методъ можетъ быть примѣненъ и къ изученію исторіи. Это возраженіе чисто вѣщнаго характера. Статистический методъ, если даже примѣняется въ исторіи, то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ рассматриваетъ явленія съ статической, а не съ динамической точки зренія. Изученіе съ послѣдней точки зренія входитъ уже въ задачу исторического метода. Наконецъ, статистический методъ не можетъ получить широкаго развитія при изученіи исторіи въ виду того, что статистическая регистрація явлений, научно поставленная, стала примѣняться въ сравнительно недавнее время. Изъ архивовъ мы можемъ извлечь только отрывочныхъ и несистематичныхъ цифры, а подчасъ и таковыхъ не найдемъ. Говорить о примѣненіи статистического метода въ исторіи на основаніи этихъ отрывковъ, это значитъ не понимать истинной природы данного метода.

Развитіе народного хозяйства и его отдѣльныхъ институтовъ доступно только историческому изученію. Многіе вопросы политической экономіи могутъ быть решены только на основаніи исторіи; напр., вліяліе на заработную плату примѣненія машинъ, на цѣнность денегъ—добычи благородныхъ металловъ. Собственность, кредитъ, деньги—все это историческая категорія и должны быть рассматриваемы при свѣтѣ исторіи. Хозяйственная жизнь въ селѣ настоящемъ есть результатъ тысячелѣтнаго развитія; путемъ медленнаго и постепенного прогресса создалась та структура народного хозяйства, которую застаетъ изслѣдователь-экономистъ. Для теоретической политической экономіи имѣеть громадное значеніе изученіе исторіи народного хозяйства и отдѣльныхъ экономическихъ институтовъ. Поэтому исторический методъ при изслѣдованіи экономическихъ вопросовъ долженъ занять почетное мѣсто, въ особенности, если онъ будетъ еще пользоваться сравнительнымъ сопоставленіемъ.

Указываютъ, повторяя доводы Дж. Ст. Милля, на то, что индуктивный методъ не можетъ найти широкаго примѣненія въ политиче-

ской экономії въ виду недоступности для явлений общественного хозяйства эксперимента. Между прочимъ въ нашей литературѣ подобное мнѣніе было высказано Левитскимъ въ его изслѣдованіи „Задачи и методы науки о народномъ хозяйстве“ (стр. 93—94). Пользуясь экспериментомъ, говоритъ Милль, натуралистъ имѣетъ возможность взять испытуемое явленіе, какъ бы на дому, поставить его въ точно опредѣленный условія и наблюдать затѣмъ въ изолированномъ состояніи дѣйствіе на него каждого изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыхъ, какъ онъ предполагаетъ, служатъ причинами этого явленія. Ничего подобного не существуетъ въ области общественно-хозяйственныхъ явлений; здесь экспериментъ не примѣнимъ. Причины, обусловливающія состояніе общественного хозяйства, такъ многочисленны, что не поддаются вычислению; во-вторыхъ, онъ дѣйствуютъ совмѣстно: совершенно невозможно выдѣлить дѣйствіе однихъ изъ нихъ отъ дѣйствія другихъ; и въ-третьихъ, каждый изъ этихъ общественныхъ факторовъ подлежитъ измѣненію въ періодъ наблюденія. „По вѣнчности иѣкоторое сходство съ экспериментомъ, говоритъ Левитскій, въ области народного хозяйства представляютъ акты хозяйственнаго законодательства, такъ какъ всякий законодательный актъ вводится въ данное сочетаніе хозяйственныхъ явлений новымъ факторомъ; но этимъ только и ограничивается сходство ого съ экспериментомъ. Исследователь, задавшися цѣлью показать, каковы были послѣдствія данного законоподательного акта, долженъ приниматъ всѣ непосредственно слѣдовавшия за введеніемъ данного закона измѣненія въ состояніи народного хозяйства той или другой его области, за слѣдствія, вызванныя этимъ актомъ (?), тогда какъ наблюдавшія перемѣны могли произойти отъ цѣлаго ряда другихъ причинъ, сопровождавшихъ введеніе въ жизнь нового закона. Сложность и взаимодѣйствіе хозяйственныхъ явлений мѣшаѣтъ исследователю выдѣлить то, что въ данномъ случаѣ, дѣйствительно, было слѣдствіемъ другихъ, сопровождающихъ его обстоятельствъ“¹⁾). Въ подтвержденіе возможности такой ошибки Левитскій приводитъ известный примѣръ—защиту Кэри протекціонизма на основаніи экономического преусыпленія С. Штатовъ.

Тотъ фактъ, что иѣкоторые экономисты неумѣло пользовались выводами, основанными на экспериментѣ, никакъ не говорить противъ него, какъ приема изслѣдованія. Смѣшно предполагать, что эко-

¹⁾ Подобный взглядъ высказываетъ и проф. Федоровичъ—Исторія и теорія статистики. Одесса. 1894 г. Стр. 627—628.

номистъ будеть принимать всѣ измѣненія въ состояніи народнаго хозяйства, послѣдовавшія непосредственно за введеніемъ даннаго закона, какъ его слѣдствія. Это противорѣчіло бы требованіямъ самой элементарной логики. Между тѣмъ такой логический поп-зепс Левитскій приписываетъ изслѣдователю, задавшемуся цѣлью показать, каковы были послѣдствія данного законодательнаго акта. Левитскій выражается еще болѣе сильно, когда говорить, что изслѣдователь долженъ принимать всѣ измѣненія за слѣдствія даннаго закона. Почему долженъ, авторъ не выясняетъ этого. Мы скажемъ наоборотъ, что онъ не долженъ такъ поступать, если не хочетъ противорѣчить требованиямъ логики. Посомнившисъ, что въ сферѣ общественныхъ явлений экспериментъ не можетъ примѣняться въ такой мѣрѣ, какъ въ некоторыхъ естественныхъ наукахъ. Общественное явленіе невозможно вполнѣ изолировать отъ другихъ причинъ и условій, кроме изслѣдуемыхъ, какъ это возможно, напр., въ физическихъ явленіяхъ. Но вѣдь нельзя забывать и того, что въ естественныхъ наукахъ, имѣющихъ дѣло съ органическимъ міромъ, ис всегда бываетъ возможнымъ примѣнить опытъ при полной изоляціи. Нерѣдко и здѣсь натуралисту приходится считаться съ тѣми условіями, отъ вліянія которыхъ нельзѧ вполнѣ освободить изслѣдуемое явленіе. Здѣсь уже приходится логическимъ путемъ устранять тѣ причины и тѣ условія, которые не имѣютъ существеннаго значенія въ данномъ случаѣ. Такой приемъ долженъ быть примѣняемъ и при соціальныхъ экспериментахъ. Изслѣдователь при примѣненіи соціального эксперимента долженъ обращать самое серьезное вниманіе на привходящія условія, сопровождающія данное явленіе. Было бы совершенно иенаучно игнорировать ту сложную соціальную обстановку, среди которой нашель себѣ примѣненіе тотъ или другой экспериментъ. При этомъ нужно замѣтить, что и въ сферѣ экономическихъ явлений есть болѣе и менѣе сложныя явленія. Среди болѣе сложныхъ явлений, захватывающихъ притомъ еще значительный раіонъ, примѣненіе эксперимента встрѣчаетъ больше затрудненій. Если Кэри на основаніи опыта С. Штатовъ доказывалъ благодѣтельное значеніе протекціонизма, а его противники, основываясь на опыта Англіи, доказывали обратное, то въ данномъ случаѣ мы имѣемъ образчикъ поверхностнаго пользованія весьма сложнымъ экспериментомъ. Экономическое развитие страны опредѣляется такой массой условій, начиная отъ чисто географическихъ и кончая политическими, что слишкомъ наивно ставить его въ зависимость отъ отсутствія или наличности протекціонной системы. Но вѣдь въ сферѣ

экономическихъ отношений возможны и болѣе простыя явленія. Извѣстный опытъ Оуэна въ Нью-Ланаркѣ, направленный къ поднятію культурного уровня рабочихъ и сопровождавшійся блестящимъ успѣхомъ, является лучшимъ доказательствомъ того, какое громадное значеніе имѣеть культурный уровень рабочихъ для самихъ предпринимателей. Оуэнъ, ставши во главѣ фабричного населения въ Нью-Ланаркѣ, произвелъ нѣсколько важныхъ опытовъ въ видѣ сокращенія рабочаго дня, повышенія заработной платы, устройства общественныхъ кухонь, столовыхъ, лавокъ, кассъ взаимопомощи и пр. Этотъ смѣлый экспериментъ съ точки зрѣнія своего времени увѣнчался блестящимъ успѣхомъ. Онъ прямо пересоздалъ рабочее населеніе и Нью-Ланаркъ сталъ образцовой фабрикой по своему устройству, по благосостоянію рабочихъ, по высокому уровню ихъ умственнаго и нравственнаго развитія. И важно, что этотъ экспериментъ не только не понизилъ доходности предпріятія, но еще значительно повысилъ ее.

Если на основаніи этого опыта экономистъ скажетъ, что повышеніе умственнаго и нравственнаго уровня рабочихъ путемъ соотвѣтствующихъ мѣропріятій выгодно и для самихъ предпринимателей, то неужели онъ допуститъ логическую ошибку?

Отсюда изъ всего сказанного объ экспериментѣ въ сферѣ экономическихъ отношений можно сдѣлать тотъ пессимистичный выводъ, что экспериментъ примѣнимъ и въ области народнаго хозяйства, особенно по отношенію къ многосложнымъ явленіямъ. Только при его примѣненіи отъ экономиста требуется внимательное и вдумчивое отношеніе къ изслѣдуемому явленію. Осторожность въ выводахъ всегда должна быть присуща экономисту. Только послѣ тщательнаго и всестороннаго анализа изслѣдуемаго явленія можно сдѣлать вѣрный выводъ на основаніи того или другого эксперимента.

Помимо вѣнчшаго наблюденія для политической экономіи имѣеть громадное значеніе и внутреннее наблюденіе, направляющееся на тѣ психические мотивы, которые опредѣляютъ хозяйственную дѣятельность человѣка. Человѣкъ, преслѣдуя тѣ или иные экономическія цѣли, всегда руководится известными мотивами; какова сущность этихъ мотивовъ, это не всегда бываетъ очевидно для сторонняго наблюденія; только дѣйствующій субъектъ, анализируя самого себя, можетъ опредѣлить внутреннія причины своихъ дѣйствій. Выясненіе этихъ психическихъ мотивовъ имѣТЬ весьма важное значеніе для теоретической и прикладной экономіи. Столкновеніе экономическихъ интересовъ, борьба классовъ, цѣли, преслѣдуемыя хозяйствующими

субъектомъ, группировка общества—все это получить свое выражение, если мы опредѣлимъ мотивы хозяйственной дѣятельности человека. Если намъ удастся вскрыть психические мотивы хозяйствующихъ субъектовъ, тогда въ иномъ свѣтѣ предстанутъ передъ нами и экономическая отношенія. И тамъ, гдѣ раньше было хаосъ, мы увидимъ правильность и закономѣрность. Не даромъ говорятъ, что психологія есть ключъ ко всѣмъ духовнымъ наукамъ; а следовательно также и къ политической экономіи. „Хотя история и статистика могутъ собирать факты безъ психологіи, но при каждой попыткѣ истолкованія они должны прибѣгать къ психологическимъ мотивамъ“. Pour expliquer toute évolution, il faut remonter à une cause psychologique, говорить Сенѣбость (р. 148)—Méthode historique.

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ послѣднее время ученые изслѣдователи стали обращать болѣе серьезное вниманіе на психические мотивы. Такъ, напр., известный чѣмецкій историкъ Лампредъ въ своемъ трудахъ—*Zur j ngsten deutschen Vergangenheit*, Bd. II, H lfte I Wirtschaftsleben, *Sociale Entwicklung* пытается установить ступени хозяйственного развитія по внутреннимъ психологическимъ признакамъ, по росту „хозяйственной памяти и хозяйственной предусмотрительности“. Онъ детально останавливается на изображеніи настроенія, образа мыслей и душевнаго состоянія отдельныхъ сословій и хозяйственныхъ группъ.

По существу, все люди какъ съ физической, такъ и психической стороны тождественны. Конечно, мы этими́мъ не отрицаемъ тѣхъ различий, которые являются результатомъ культуры или же личныхъ дарований, или, наконецъ, представляютъ изъ себя расовыя и национальныя особенности. Но эти и подобные различія не захватываютъ существа самой природы человѣка, которая остается единой во всѣхъ грядусахъ широты и долготы. Это тождество человѣческой природы придаетъ громадное значеніе выводамъ индивидуальной психологіи. Само собой разумѣется, что психологія должна считаться главнымъ образомъ съ типомъ культурнаго человѣка. Конечно, выводы такой психологіи будутъ имѣть болѣе ограниченную сферу примѣненія. Внутренний опытъ, которому доступны самыя сокровенные движения нашей души, открываетъ для политической экономіи богатый источникъ знаній. Въ этомъ ея несомнѣнное преимущество предъ другими научными дисциплинами. Значеніе этого преимущества Шеффле также опредѣляется: „W\u00e4hrend der Naturforscher an eine der mechanischen Bewegung innerwohnende bewusste Zweckm\u00e4ssigkeit wissen-

schaftlicher Weise gar nicht anknüpfen darf, und während dem Biologen das Innerliche des Zusammenhaltes des organischen Lebens mindestens dunkel bleibt, der „Vitalismus“ und Verwandtes also über Bord geworfen bleiben muss, kann die Socialforschung sowohl das Innorische als das Ausserliche ihres Objektes gleichmässig erfassen. Ihr sind die treibenden und zusammenhaltenden Bewusstseinsphärsachen, alle Vorgänge der sozialen Vorstellungs-Gefühls- und Willenswelt, vollständig und unmittelbar verständlich“ (Bau u. Leben d. Sozialen Körpers, Bd. I. 1881, S. 59—60).

Конечно, психологический опыт будет иметь значение у нормально здорового человека. Возможная аномалия здесь не принимается въ расчетъ. Для того, чтобы выводы индивидуальной психологии могли иметь более общее значение, необходимо ихъ проверять и дополнять внутреннимъ опытомъ другихъ людей, который можетъ быть запечатлён во вчёныхъ формахъ, доступныхъ для изучения; напримѣрь, въ автобиографияхъ, дневникахъ, запискахъ, художественныхъ произведенияхъ и т. д. Помимо этого, необходимо еще обращаться въ колективной психологии. Психика индивидуума подъ влияниемъ колективистического момента существенно изменяется. Эти изменения необходимо принимать въ расчетъ въ политической экономии, где особенно сильны социальные и вообще колективистические мотивы. Далеко пелья сказать, что колективная психология образуется путемъ сложенія индивидуальной. Der Gesamteffekt vieler Individualkräfte ist nicht wie in der Mechanik eine Summe oder ein Produkt, говорить Рюмелинъ (Hand. d. St. Bd. VII, S. 573). Существенный недостатокъ классической экономии и въ меньшей степени новѣйшей заключается въ игнорировании колективной психологии. Это до извѣстной степени объясняется темъ, что эта психология еще и до сихъ поръ слабо разработана. Только въ послѣднее время делаются опыты болѣе серьезного и болѣе систематического изученія данной психологіи. И думается, что политическая экономія должна широко воспользоваться выводами колективной психологии специально для своихъ целей.

Примѣрная индуктивный методъ во всѣхъ его разработаніяхъ, мы придемъ въ заключеніе къ эмпирическимъ обобщеніямъ, охватывающимъ только данную группу явлений. Напримѣрь, наблюдая отдельные случаи заработной платы въ Сѣв. Америкѣ, мы можемъ сказать, что во всѣхъ наблюдавшихъ нами случаяхъ заработка плата въ Америкѣ выше, чѣмъ въ Европѣ. Если мы расширимъ поле наблюдения

нія на всю територію Соединенныхъ Штатовъ, то можемъ въ конечномъ выводѣ сказать, что заработка плата американскихъ рабочихъ вообще выше, чѣмъ европейскихъ. Этотъ эмпіріческий выводъ, не затрагивающій существа причинъ, не можетъ удовлетворить научного изслѣдователя. Послѣдній стремится къ тому, чтобы выяснить причины данного явленія. Для этого необходимо полученный эмпіріческий выводъ свести къ болѣе общимъ законамъ, каковыми въ приведенномъ случаѣ является основной законъ спроса и предложения. Выводы, опирающіеся на этотъ законъ, будутъ имѣть универсальное значеніе, а не только частное. И путемъ индукціи можно получить въ резултатѣ такой выводъ, но только въ томъ случаѣ, если удастся эмпіріческое обобщеніе подвости подъ существующій въ науцѣ точный законъ. Индукція, опирающаяся на такой законъ, известна въ логикѣ подъ именемъ строго научной индукціи въ отличіе отъ индукціи чрезъ простое перечисленіе, которая въ резултатѣ ничего не даетъ, кроме эмпіріческихъ обобщеній.

Научная индукція такимъ образомъ опирается на дедукцію. При этомъ здѣсь громадную роль играетъ гипотеза. Изслѣдуя известныя явленія и желая ихъ болѣе прочно обосновать, мы дѣлаемъ догадку, не представляются ли данные явленія слѣдствіями такого-то закона? Для проверки этой гипотезы мы пытаемся вывести эти явленія изъ предположенного закона. Если окажется, что они не могутъ сгѣдоваться изъ него, то мы отбрасываемъ первую гипотезу и строимъ другую и т. д.

„Безъ дедукціи, говорить Риль, было бы невозможно введеніе какой-либо гипотезы, а безъ научныхъ гипотезъ невозможно было бы никакое сколько-нибудь правильное наблюденіе. Для того, чтобы опытъ подтвердилъ требования нашей мысли, его необходимо напередъ цѣлесообразно устроить, для чего требуется подготовительная дедукція и установка научной гипотезы“¹⁾.

Не только при установкѣ гипотезъ имѣть значеніе дедуктивный процессъ мышленія, но даже и при самомъ наблюденіи. Правильное наблюденіе невозможно, если только оно не направляется первоначально и не истолковывается окончательно при помощи какой-либо теоріи. Съ научной точки зренія всякое отдѣльное наблюденіе чисто эмпіріческое по своей сущности не представляетъ научного интереса и чаше всего даетъ неопределенные выводы. Наука можетъ пользо-

¹⁾ A. Риль. Теорія, наука и метафизика съ точки зренія философского критицизма. Москва 1888 г., стр. 100—141.

ваться только такими наблюдениями, которые находятся въ связи съ какимъ-нибудь закономъ, хотя бы выставленнымъ въ видѣ гипотезы. Эта связь и соотставляетъ главное характеристическое различие между научными и обыкновенными наблюдениями, хотя бы даже они производились надъ одними и тѣми же предметами, по только съ различныхъ точекъ зрения.

Это основное требование логики имѣеть еще большее значеніе въ отношеніи къ болѣе сложнымъ явленіямъ. Въ нихъ безъ путеводного указанія предварительной теоріи наблюдатель чаще всего самъ не знаетъ, на что ему необходимо обратить особенное вниманіе. Этимъ путемъ дѣлались наблюденія при изученіи астрономическихъ, физическихъ явлений и особенно при изученіи различныхъ биологическихъ явлений, гдѣ вслѣдствіе крайней сложности ихъ, цѣнныя наблюденія тамъ трудны и такъ рѣдки. Тѣмъ болѣе этотъ путь наблюденія долженъ примѣняться при изученіи соціальныхъ и экономическихъ явлений, отличающихся еще большей сложностью¹⁾.

Крайніе защитники индуктиваго, эмпирическаго метода собрали громадное количество фактовъ, не отдавая важное отъ маловажнаго, типичное отъ случайнаго и мѣстнаго. Къ собранному матеріалу они относились какъ къ равнозначенному, и потому были подавлены громадностью своего матеріала. Необходимо дѣлать выборъ въ этомъ матеріалѣ, иначе нельзя будетъ разобраться въ немъ. Эмпиріки ставили своей задачей изложеніе конкретныхъ, опредѣленныхъ, индивидуальныхъ фактовъ, изображеніе существующаго положенія народовъ въ опредѣленное время; они, въ сущности говоря, превращали науку въ описание хозяйственныхъ явлений, придавая ей чисто морфологический характеръ. Хорошо говорить о значеніи теоретического обоснованія для историковъ проф. Паульсена: „кто не умѣеть спрашиватъ, тому источники не даютъ отвѣта, а только заваливаютъ его путаницей мнѣній и слуховъ. Многознаніе въ этомъ смыслѣ, говоря словами еще старика Гераклита, не родитъ ума“²⁾.

Необходимо отмѣтить, что съ ходомъ времени въ исторіи наукъ мы наблюдаемъ такое любопытное явленіе: старыя описательныя науки, собиравшія раньше чисто эмпиріческій матеріалъ, начинаютъ постепенно превращаться въ системы мысли. Параллельно съ этимъ

¹⁾ Такъ смотрѣть на дѣло основатель позитивизма О. Конти, см. Иисокъ, Теорія статистики, стр. 21—23. *Cours de philosophie positive*, т. IV, лекція IV.

²⁾ Паульсена. Введение въ философию, пер. съ нѣм. Москва 1899, стр. 430—432.

идеть и более широкое применение дедуктивного метода. Этот метод преобладает насколько въ наукахъ абстрактныхъ, настолько и въ наукахъ, обладающихъ высшей степенью достовѣрности, какъ напримѣръ, математика. Это, собственно говоря, идеаль, къ которому должно стремиться научное знаніе. „Nur so viel Mathematik in einem Wissen, nur so viel ist Wissenschaft“, говорить Кантъ. Зная точно основные законы, мы дедуктивнымъ путемъ можемъ охватить всю совокупность явлений данной области. Дедукція имѣть преимущество передъ индукціей именно потому, что она можетъ вывести всѣ следствія изъ принципа, положенного въ основу; между тѣмъ изъ индукціи часто очень важные результаты могутъ быть получены только путемъ вспомогательной дедукціи. Если бы дедуктивный методъ нашелъ себѣ полное осуществленіе во всѣхъ наукахъ, то это означало бы полное господство человѣческаго ума надъ доступными его познанію бытіемъ. Насколько достижимъ такой идеаль, не будемъ говорить объ этомъ. Для насъ важно то, что более широкое применение дедукціи означаетъ высшую ступень научного знанія; поэтому-то и во многихъ естественныхъ наукахъ обнаруживается стремленіе возвысить додукцію на степень предпочтительного метода¹⁾.

Обращаясь къ политической экономіи, мы должны сказать, что она еще далека отъ, указанного нами идеала знанія. Для нея еще и до сихъ поръ не окончилась эмпиріческая стадія развитія. Благодаря этому въ политической экономіи преобладаетъ индуктивный методъ, методъ наблюденія во всѣхъ его разсѣвавшихъ (историческомъ, статистическомъ, позитивномъ, сравнительномъ и т. д.). Дедукція въ ея чистотѣ видѣ находить сравнительно ограниченное примененіе. Это объясняется тѣмъ, что въ данной науки еще мало точныхъ общепринятыхъ началъ и сравнительно много эмпиріческихъ обобщеній. Въ этомъ виновата не одна политическая экономія. Свои основные предпосылки она заимствуетъ изъ другихъ наукъ, главнымъ образомъ, изъ психологіи, индивидуальной и коллективной, а затѣмъ, изъ естественныхъ наукъ, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ. Между тѣмъ, эти вспомогательные науки еще далеки отъ совершенства.

¹⁾ *Wundt. Logik*, Bd. II, § 32. Три четверти всего содержания естественныхъ наукъ, говорить John, чисто дедуктивного происхождения, *Zur Genesis der realistischen Wissenschaft* въ *Zeitschrift für V. S. u. V.* 1898, Bd. II, S. 243. „Der Drang aller Wissenschaft möglich deductiv mit der Zeit zu werden“, говорить справедливо Шмидлеръ. *Grundriss*, S. 109.

Психология еще далеко не сказала своего последнего слова; применение экспериментальных методовъ, получившее права гражданства въ психологіи сравнительно недавно, поставило психологическое изслѣдованія на болѣе прочную основу, но все-таки еще не дало цѣнныхъ выводовъ въ отдѣлѣ, относящемся къ политической экономіи. Въ данномъ случаѣ экономистамъ приходилось работать на свой рискъ и страхъ и потому, конечно, нельзя пенять на то, что ихъ изысканія не были особенно успѣшны.

Политическая экономія еще въ настоящее время носить чисто описательный характеръ. Мысленно пробывая содержаніе нашей науки, мы видимъ, что она представляетъ изъ себя изображеніе дѣйствительно существующихъ хозяйственныхъ отношеній, преимущественно описание формъ товарного и капиталистического хозяйства. Отдѣлы—производство, обмѣнъ, распределеніе и потребленіе въ сущности наполнены описаниемъ экономическихъ отношеній современной или прошлой исторіи. Экономическихъ законовъ очень немного, и они въ научныхъ системахъ занимаютъ второстепенное мѣсто. Не погружаю можно относить политическую экономію въ ея настоящемъ видѣ къ описательнымъ наукамъ. Въ послѣднее время дѣлаются попытки углубленія политической экономіи (укажемъ въ видѣ примѣра на изслѣдованіе Гобсона „Экономика распределенія“, представляющее интересный опытъ построенія теоріи распределенія отъ точки зренія единаго принципа), но все это только первые шаги, и пока еще рано говорить о результатахъ этихъ парождывающихся точеній экономической мысли.

Описательный характеръ политической экономіи и обуславливаетъ то, что ея преимущественнымъ методомъ въ настоящій моментъ долженъ быть методъ наблюденія и опыта, т. е. индукція. Конечно, съ ходомъ времени политическая экономія будетъ освобождаться, по крайней мѣрѣ въ своей теоретической части, отъ описательного характера, и тогда большее значение пріобрѣтетъ додуктивный методъ.

Дж. Ст. Милль, а за нимъ и другие экономисты, въ частности у насъ проф. Чупровъ и Левитскій, доказываютъ неприложимость или по крайней мѣрѣ ограниченность примѣненія индуктивного метода въ соціальныхъ наукахъ на томъ основаніи, что причины, отъ которыхъ зависятъ явленія соціальной жизни: 1) многочасленны, 2) и дѣйствуютъ при томъ большемъ частью совмѣстно, такъ, что нѣть возможности выдѣлить дѣйствіе однѣхъ прочихъ изъ дѣйствія другихъ и 3) на-конецъ, каждый изъ общественныхъ факторовъ подлежитъ постоянн-

нымъ измѣненіямъ. Въ доказательство своей точки зрѣнія вѣдь эти экономисты приводятъ избитый примѣръ Кэри съ его защитой протекціонизма. Объ этомъ примѣрѣ мы уже говорили выше и потому не будемъ здѣсь повторяться.

Указанныя условия, препятствующія, по мнѣнію Милля, широкому примѣненію индукціи въ сферѣ экономическихъ изслѣдований, на нашъ личный взглядъ, говорить не противъ, а за индукцію. Въ виду перечисленныхъ выше условій скорѣе затруднительно примѣненіе дедукціи, а не индукціи. Послѣдняя именно и направляется на то, чтобы схватить частное, измѣняющееся; между тѣмъ дедукція останавливается на общемъ, постоянномъ. Тамъ, где дѣйствуетъ немногихъ основныхъ причинъ, отличающихся притомъ постоянствомъ, дедукція можетъ имѣть самое широкое примѣненіе. У Чупрова приведенъ удачный примѣръ съ астропомическими явленіями. Эти именно явленія управляются немногими причинами, которыхъ къ тому же измѣняются весьма мало и по точно известнымъ законамъ, такъ что можно ясно опредѣлить, каковы эти причины теперь, и какія измѣненія въ нихъ произойдутъ въ любую эпоху отдаленнаго будущаго. Слѣдовательно, въ астрономіи мы видимъ образецъ самого широкаго примѣненія дедуктивнаго метода. Этими примѣромъ проф. Чупровъ блестящимъ образомъ опровергъ заимствованное имъ отъ Милля воззрѣніе на объемъ примѣненія индукціи въ соціальныхъ наукахъ.

Вѣдь приводимые имъ доводы говорить именно не противъ индукціи, а противъ дедукціи. Многочисленность причинъ, ихъ совмѣштность, постоянная измѣненія общественныхъ факторовъ скорѣе можетъ учесть не дедукціи, а индукція, т. е. методъ наблюденія и опыта. Если признать вѣдѣсть съ Чупровымъ и Левитскимъ „постоянное измѣненіе общественныхъ факторовъ“ (къ сожалѣнію, не совсѣмъ ясно, что понимаются ими подъ этими факторами), то тогда совершенно невозможно будетъ дѣлать дедуктивныхъ выводовъ. Напримеръ, дедуктивная теорія ренты Рикардо опирается на постоянные, конечно относительно, факты: на существование почвъ различного плодородія, хозяйственный интересъ, размноженіе населения. И только при неизмѣнности этихъ факторовъ съ точки зрѣнія теоріи ренты, послѣдняя будетъ имѣть научное значение. Если же допустить, что эти факторы находятся въ постоянномъ измѣненіи, само собой разумѣется нестолько, поскольку это имѣть значение для ренты, то никакого дедуктивного построенія нельзѧ сдѣлать, или лучше сказать, можно сдѣлать, только его нужно будетъ менять въ каждый данный мо-

ментъ. Для дедуктивной политической экономии имѣютъ весьма важное значение постоянные факторы, иль-то она и стремится открыть и на нихъ она и хочетъ строить свои выводы. Все же конкретное, называющееся остается на долю индукціи. Такимъ образомъ, итъ этомъ пунктѣ мы существенно расходимся съ нашими отечественными экономистами. Кстати сказать, большинство нашихъ экономистовъ воспитывалось на Миллѣ. Этотъ англійскій мыслитель наложилъ сильный отпечатокъ на возвращающихся изъ русскихъ экономистовъ, въ особенности въ методологическихъ вопросахъ, хотя именно методология нравственныхъ наукъ Милля слаба и страдаетъ противорѣчіями. Проф. Шмольеръ характеризуетъ ее въ такихъ словахъ: *eine wunderbare Mischung von gänzlich widersprechenden Thesen über die Methode der Nationalökonomie und der Socialwissenschaften*¹⁾. Между тѣмъ проф. Чупровъ называетъ ее даже геніальной.

Только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ политическая экономія опирается на несомнѣнно точные выводы другихъ наукъ, возможно плодотворное примѣненіе дедуктивного метода. Такъ напримѣръ, опиралась на законъ убывающаго плодородія почвы, мы можемъ дѣлать дедуктивныи путемъ цѣльные выводы о проблемѣ земельной ренты. Законъ населенія можетъ служить основной предпосылкой для дедуктивныхъ выводовъ въ вопросѣ о заработной платѣ или вообще въ вопросахъ распределенія и потребленія благъ; такое же значеніе можетъ имѣть и предпосылка хозяйственнаго интереса.

Такимъ образомъ, дедукція, исходя изъ твердо установленныхъ аналитическихъ и синтетическихъ истинъ, выясняетъ намъ взаимоотношеніе тѣхъ или другихъ явлений, указываетъ намъ всѣ слѣдствія, которые съ естественной необходимости вытекаютъ изъ данного основного положенія. Если же предпосылки дедукціи будутъ односторонне построены или же не обоснованы прочно и даже ложны, тогда, конечно, и всѣ выводы будутъ ошибочны. Въ этомъ и заключается слабая сторона дедуктивного метода. Образчикъ такой ложной дедукціи мы находимъ, напримѣръ, въ известномъ желѣзномъ законѣ заработной платы, который опирался на недостаточно обоснованный законъ населения, или подобное же ученіе о фондахъ заработной платы. Вообще, примѣровъ постигшихъ дедуктивныхъ обобщеній мы имѣемъ не мало въ старой политической экономіи.

Здѣсь мы подошли къ вопросу, какимъ путемъ получаются тѣ

1) *Handw. St. Bd. VII*, ст. *Volkswirtschaft*, S. 572.

основные предпосылки, изъ которыхъ дѣлаются дедуктивные выводы. Эти предпосылки отчасти являются результатомъ наблюдений и опыта, напримѣръ, принципъ хозяйственного интереса, отчасти онъ представляютъ изъ себя самоочевидныи истины, не требующія доказательствъ, напримѣръ, идея закономѣрности, причинности соціальныхъ явлений и, наконецъ, посылки дедукціи могутъ имѣть чисто гипотетический характеръ (например, часто принимаемое экономистами условное допущеніе, что экономические дѣятели обладаютъ точнымъ знаніемъ условій рынка).

Достовѣрность дедукціи лучше всего опредѣляется не столько логическимъ путемъ, сколько путемъ сравненія съ данными опыта или съ параллельно идущей индукціей. Нѣкоторые экономисты провѣрку дедуктивныхъ выводовъ на основаніи эмпирической дѣйствительности считаютъ чистымъ абсурдомъ (например, Левитскій, слѣдя Менгеру), но, мѣръ кажется, такое мнѣніе основано на непониманіи того, что разумѣется подъ провѣркой дедуктивныхъ выводовъ. Никто не станетъ утверждать, что выводы той или другой экономической дедукціи непремѣнно должны осуществляться *in completo* въ конкретной эмпирической дѣйствительности. Что можетъ быть постояннѣе дѣйствіемъ закона тяготѣнія, но и онъ не всегда ясно обнаруживается въ реальной дѣйствительности (например, подъемъ аэростата и пр.). Экономическая дедукція указываетъ только, что данныхъ явленія стремятся къ тому, чтобы сложиться въ указанномъ имъ направлениі; но какъ они сложатся въ эмпирической дѣйствительности—это вопросъ другой. Дедуктивные положенія только указываютъ тенденціи въ экономическихъ отношеніяхъ, которые при наличности благопріятныхъ условій обнаружатся; наоборотъ, при наличии неблагопріятныхъ условій они могутъ остаться незамѣты для поверхностного наблюдателя. При дедукціи намѣреніо оставляются всѣ *если*, всѣ *но*, при обращеніи же къ реальнѣй дѣйствительности необходимо возстановить всѣ исключенные условія. Въ „Изолированномъ государствѣ“ Тюненъ даѣтъ образецъ дедуктивного построенія вопроса о распространеніи сельско-хозяйственныхъ культуръ въ зависимости отъ удаленности рынка. Было бы странно ожидать совпаденія этого дедуктивного построенія съ конкретной, эмпирической дѣйствительностью. Обращаясь къ провѣркѣ системы Тюнена, мы должны принять во вниманію всѣ исключенные условія, и встѣмъ уже сравнивать съ реальнѣй дѣйствительностью. Если наблюденію подтвердить существованіе тенденцій, указанныхъ въ данной дедуктивной теоріи, хотя бы даже и не обнаружившихся

подъ вліяніемъ противодѣйствующихъ силъ, то значитъ и дедукція отличается достовѣрностью.

Выше мы сказали, что дедукція въ ея чистомъ видѣ имѣть ограниченніе примененіе въ политической экономіи въ виду малочисленности въ пої строго точныхъ положеній. Недостатокъ ихъ приходится восполнять гипотетическими предпосылками, въ результатѣ чего мы имѣемъ какъ бы суррогатъ дедукціи — гипотетическую дедукцію, извѣстную подъ именемъ еще изолирующей абстракціи (у Шеффле *Eliminations-Hypothese*, S. 68 *Von und Leben...*).

Сущность этого методологического пріема заключается въ томъ, что берется гипотетический примѣръ экономическихъ отношеній въ наиболѣе упрощенной формѣ, всѣ привходящія условія исключаются и считаются какъ бы несуществующими.

Вниманіе изслѣдователя сосредоточивается на объясненіи гла-
нихъ, основныхъ причинъ и явлений. Чутомъ дедукціи изъ гипотети-
ческаго случая выводятся всѣ вытекающіи изъ него слѣдствія. Да-
льгийшій ходъ этого пріема изслѣдованія состоить въ томъ, что постепенно вводятся въ разсматриваемый случай исключенные условія въ порядке возрастающей сложности, и соотвѣтственно этому изменяются и дополняются первоначальные выводы. Изолирующая абстракція широко примѣняется экономистами при изслѣдованіи болѣе сложныхъ вопросовъ. Представители какъ старой, такъ и новой политической экономіи называютъ ее экспериментомъ *in abstracto*.

Дѣйствительно, здѣсь изслѣдователь изолируетъ извѣстное явле-
ніе отъ усложняющихъ его условій въ абстракціи, подобно тому какъ
натуралистъ изолируетъ, напримѣръ, физическая явленія *in concreto*. Изолирующая абстракція, представляющая особый видъ дедукціи, является могущественнымъ вспомогательнымъ средствомъ въ полити-
ческой экономіи. Ею восполняется недостатокъ чистой дедукціи. Тамъ,
гдѣ оказывается невозможнымъ применить индукцію въ виду слож-
ности явлений, можно съ успѣхомъ пользоваться гипотетической дедукціей.

Само собой разумѣется, выводы ея также будуть имѣть гипотети-
ческий характеръ, но сопоставленіе съ дѣйствительностью можетъ при-
дать имъ реальный характеръ и, такимъ образомъ, оправдать и самую
дедукцію.

Само собой разумѣется, такой пріемъ изслѣдованія будетъ имѣть
научное значеніе только въ томъ случаѣ, если построение его не
противорѣчить правиламъ логики, и если окончательные выводы такой

индукціі соответствуютъ действительности. Примѣненіе изолирующей абстракціі требуетъ отъ исслѣдователя извѣстной доли фантазіи; воображенія, и потому не всякой экономистъ можетъ съ успѣхомъ примѣнять ее.

Проф. Чупровъ въ своемъ курсѣ даетъ обстоятельное выясненіе вопроса о методѣ въ политической экономіи. Къ сожалѣнію, онъ не отдѣляетъ изолирующей или гипотетической дедукціі отъ дедукціі въ ея чистомъ видѣ. Различая совершенно основательно въ дедукціі три стадіи: 1) открытие законовъ отдѣльныхъ причинъ, 2) объясненіе изучаемаго факта изъ этихъ законовъ и 3) пропрѣкту дедуктивныхъ выводовъ, онъ почему-то вторую стадію отождествилъ съ изолирующей абстракціей, и на стр. 28—29 дастъ описание этой именно абстракціі, принимая ее ошибочно за вторую стадію дедукціі. Но между этими двумя видами дедукціі есть существенная разница, и она лежитъ въ самомъ характерѣ предпосылокъ ихъ: въ одномъ случаѣ онъ строгіе точки, а въ другомъ — гипотетичны. Напримеръ, законъ Мальтуса, основанный на двухъ истинныхъ предпосылкахъ, взятыхъ изъ физиологии и агрономіи, образецъ чистой дедукціі; образецъ второй — изолированное государство Тюнена или конный рынокъ Бемь-Баверка.

Къ такимъ же вспомогательнымъ средствамъ исслѣдованія принадлежитъ гипотеза, которая въ соціальныхъ наукахъ и въ частности въ политической экономіи находитъ самое широкое примѣненіе. Мы наблюдаемъ сосуществование и послѣдовательность извѣстныхъ явлений; возникаетъ вопросъ о причинной зависимости между ними, здесь и является на помощь гипотеза, восполняющая пробѣлъ вѣнчшаго наблюденія. Второй стадіей гипотезы является пропрѣка ея на существующихъ фактахъ; если результаты этой пропрѣки будутъ удовлетворительны, то мы придаемъ гипотезѣ характеръ достовѣрности; въ противномъ случаѣ наша догадка или предположеніе должно быть признано ложнымъ и необходимо создать новую гипотезу.

По значенію для науки гипотезы раздѣляются на 1) реальная, вытекающая изъ природы явлений и объясняющая ихъ и 2) на вспомогательная, служащая только для цѣлей исслѣдованія.

Характерная особенность реальной гипотезы заключается въ томъ, что она посредствомъ пропрѣки переходитъ въ разрядъ индуктивныхъ истинъ; между тѣмъ, вспомогательная гипотеза есть сознательная фикція, придуманная нами въ цѣляхъ облегченія научного исслѣдованія. Значеніе такой гипотезы всецѣло зависитъ отъ степени сход-

ства воображаемаго положенія съ дѣйствительностью; примѣръ такой гипотезы въ физикѣ—атомъ. Въ политической экономіи въ видѣ примѣра можно указать на многочисленныя теоріи развитія народнаго хозяйства и на наиболѣе известную изъ нихъ схему Бюхера. никто не станетъ утверждать, что развитіе народнаго хозяйства шло такъ, какъ изображаетъ схема Бюхера; но въ этой схемѣ схвачено много характерныхъ чертъ изъ дѣйствительности, и къ тому же она помогаетъ выясненію общаго хода экономического развитія. Теорія Бюхера, какъ и всякая схема, очерчона слишкомъ общиими, грубыми штрихами, но въ видѣ ся внутренней цѣльности съ одной стороны, и съ другой—въ видѣ значительнаго сходства съ реальнай дѣйствительностью, эта гипотеза имѣть свое научное значеніе. Какъ на образецъ реальной гипотезы можно указать на гипотезу о происхожденіи акціонерныхъ компаний. Извѣстный французскій юристъ Пардессю высказалъ предположеніе, что акціонерныя компании развились изъ средневѣковыхъ морскихъ товариществъ, такъ называемыхъ, *societas maris*. Позднѣйшія болѣе тщательныя изслѣдованія Лемана подтвердили справедливость этого предположенія, связь между *societas maris* и акціонерными компаниями была твердо установлена¹⁾.

Экономисты, широко пользуясь въ своихъ изслѣдованіяхъ гипотезами, совершенно упускаютъ изъ виду въ методологіи громадное значеніе этого пріема изслѣдованія. Гипотеза помогаетъ намъ разобраться въ фактахъ, она освѣщаетъ ихъ. Человѣческій умъ по своей природѣ не выноситъ состоянія неизвѣстности. И разъ для изслѣдуемыхъ явленій у него не имѣется подъ рукой готоваго объясненія, онъ создаетъ новое предположеніе до тѣхъ поръ, пока не будетъ удовлетворена его научная любознательность. Важно имѣть въ виду то, что часто и ложныя гипотезы даютъ толчокъ къ открытию истинны. Особенно широкое примѣненіе гипотезы находить въ политической экономіи въ исторіи народнаго хозяйства вообще и хозяйственныхъ институтовъ въ частности.

Слѣдуетъ еще упомянуть обь аналогіи, какъ особомъ пріемѣ изслѣдованія въ области народнаго хозяйства. Въ аналогіи на основаніи сходства въ существенныхъ признакахъ между двумя рядами явленій дѣлається заключеніе о существованіи такого сходства и въ производныхъ признакахъ. Для основательности заключенія по аналогіи тре-

1) Каминка. Акціонерныя компании. Юридич. изслѣдованіе. Т. I, С.-Пб. 1902, стр. 88—89.

буется, какъ необходимое условіе, тожество въ существенныхъ признакахъ, выводъ дѣлается только въ отношеніи къ производимымъ признакамъ, зависящимъ отъ главныхъ. Лучшой иллюстраціей примѣненія аналогіи къ области экономическихъ изслѣдований служить оживленная полемика въ нашей литературѣ по вопросу о судьбахъ капитализма въ Россіи. Сторонники того мнѣнія, что Россія не избѣгнетъ общей участіи европейскихъ народовъ въ развитіи капитализма, пришли къ своимъ выводамъ, пользуясь аналогіей. Народники, защитники русской экономической самобытности, въ доказательство носостоятельности такого вывода указывали на существенные отличія экономической жизни въ Россіи въ сравненіи съ западно-европейской, начинаящія самобытной путь экономического развитія нашего отечества. Вообще, методъ аналогіи находить себѣ широкое примѣненіе въ экономической политикѣ и въ особенности въ тѣхъ отдельахъ, где политическая экономія касается будущаго.

Намъ остается еще выяснить тотъ принципъ, который долженъ лежать въ основѣ экономической методологіи. Въ естественныхъ наукахъ возможно только каузальное объясненіе явлений, т. е. объясненіе съ точки зрѣнія закона причинности. Въ соціальныхъ же наукахъ и въ частности въ политической экономіи каузальный принципъ не можетъ имѣть такого исключительного примѣненія, какъ напримѣръ, въ физикѣ или хімії. Рядомъ съ имъ долженъ быть поставленъ и телесологический принципъ. Въ соціальномъ мірѣ дѣйствуютъ многочисленныя цѣлевыя представленія, какъ внутреннія силы. Каждъ отдельный хозяйствующій субъектъ, также и хозяйственныя группы ставятъ известныя цѣли, преслѣдуютъ ихъ, борются за нихъ осуществленіе и т. д. Эти хозяйственныя цѣли находятся въ непосредственной связи съ господствующими міровоззрѣніемъ, съ господствующими въ данный моментъ идеалами, пониманіемъ жизни и проч. Весь этотъ культурный багажъ оказываетъ влияніе на сферу народного хозяйства. Тамъ, где представленіе цѣли оказываетъ влияніе на волю мыслящаго существа, цѣль приобрѣтаетъ объективное значеніе. Волевые акты направляются къ тому, чтобы предносящуюся уму цѣль объективно реализовать.

Поэтому, сознательные намѣренія людей должны быть приняты въ разсчетъ въ качествѣ одного изъ закономѣрно дѣйствующихъ факторовъ индивидуальной и общественной жизни. Какое громадное значеніе для народного хозяйства имѣютъ господствующія въ данномъ обществѣ идеи, или, обѣ этомъ свидѣтельствуетъ экономическая история Европы.

Укажемъ въ видѣ примѣра на фабричное и рабочее законодательство въ Германіи, созданное подъ вліяніемъ идей соціаль-демократіи, на организацію рабочаго класса, возникшую подъ тѣмъ же идеинимъ вліяніемъ; въ Англія—на защиту дѣтскаго и женскаго труда. Наконецъ, если въ будущемъ совершиится когда либо коренная реформа народного хозяйства въ духѣ коллективизма, то она осуществляется также подъ вліяніемъ идеиной борьбы.

Современная организація народного хозяйства, поскольку она представляется результатомъ свободной сознательной дѣятельности человѣка, создалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ идей, цѣлей, стремлений и желаній, которыми жили предшествовавшія поколѣнія.

Слѣдовательно, въ основѣ экономической методологіи долженъ лежать не только каузальный, но иteleологический принципъ.

Значеніе этого принципа для соціальныхъ наукъ выяснено философами. Похоже переняли его отъ нихъ экономисты. Блестящее обоснованіе этого принципа въ соціальныхъ наукахъ далъ Штаммлеръ въ извѣстномъ трудѣ *Wirtschaft und Recht*. Изъ экономистовъ, вызывавшихся за teleologический принципъ, можно назвать Шеффле и Шиммлера¹⁾.

Классификація экономическихъ наукъ, задачи и методы каждой изъ нихъ въ отдельности.

Наука должна дать отвѣтъ на вопросъ: „что есть, какъ и почему оно такъ произошло (совершилось) и какъ будетъ развиваться дальше“? Этотъ общий принципъ долженъ лежать въ основу классификациіи хозяйственныхъ дисциплинъ.

Намъ лично изъ всѣхъ существующихъ классификацій наиболѣе удовлетворительной кажется система, предложенная Менгеромъ. Онъ различаетъ первую группу историческихъ науки, куда входитъ статистика и история народного хозяйства; вторую группу составляютъ теоретическія науки,—гдѣ Менгеръ различаетъ *морфологію* (классификацію реальныхъ явлений и изложеніе ихъ общей сущности) и теорію въ собственномъ смыслѣ (установленіе законовъ). Морфологія должна быть соединена съ теоріей.

Въ третью группу входятъ практическія или прикладныя науки:

¹⁾ Schaffle, *Bau und Leben des sozialen Körpers* 1881. Bd. I S. 63—65. Schmalzler, *Volkswirtschaft* въ Hand. d. St. 1901. Bd. VII S. 577. Ср. Орженикій, Ученіе объ экономическомъ явлениі. 1909 г., стр. 143 и д.

1) народно-хозайственная политика и 2) наука о финансах¹⁾). Въ качествѣ введенія въ политическую экономію можно поставить еще исторію экономическихъ теорій; о ней Менгеръ почему то не упоминаетъ въ своей классификаціи.

Классификація Менгера завоевала общія симпатіи ученыхъ и, можно сказать, является общепринятой въ науки. Изъ русскихъ ученыхъ, придерживающихся ея, назовемъ, между прочимъ, проф. Чупрова, Левитскаго, Жалѣзнова и др.

Такыя группировка экономическихъ наукъ подсказывается самыемъ предметомъ политической экономіи (изученіе народного хозяйства въ его развитіи) съ одной стороны, а съ другой—историческимъ ходомъ развитія ея, какъ науки. Народное хозяйство можно изучать въ его прошломъ, настоящемъ и будущемъ, — отсюда и три ряда научныхъ дисциплинъ.

Въ исторіи такая дифференціація наукъ явилась не сразу. Въ началѣ не было ясного разграничения ни теоретическихъ, ни практическихъ, ни историческихъ задачъ политической экономіи. Меркантилисты въ своихъ экономическихъ исслѣдованіяхъ были чистыми практиками, у физіократовъ на ряду съ практикой появляется и теорія. У представителей классической экономіи А. Смита, Риккардо теорія и практика идутъ параллельно.

Первый, кто положилъ ясное различие теоріи отъ практики, былъ польской экономистъ Рау, который въ своемъ курсѣ строго различалъ теорію народного хозяйства, затѣмъ практическія науки — экономическую политику и науку о финансахъ.

Съ появленіемъ исторической школы возникла новая область политической экономіи — исторія народного хозяйства и его отдельныхъ институтовъ. Параллельно съ этими сдавалась и статистика. Такимъ образомъ, естественный ходъ развитія привелъ къ дифференціаціи наукъ въ области народнаго хозяйства.

Подобное явленіе наблюдается и въ исторіи другихъ наукъ, напримѣрь, философіи. Изъ одной греческой философіи постепенно образовались исторія философіи (древней, средневѣковой и новой), метафизика, гносеология и этика. Здѣсь мы видимъ дѣйствіе того же закона разделенія труда и специализаціи, который лежитъ въ основѣ человѣческаго общественности.

¹⁾ Исследование о методѣ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности, 1894 г., примѣч. IV; ср. это же Grundzüge einer Klassifikation der Wirtschafts-Wissenschaft in Jahrbücher für N. Ö. u. St. 1889 S. 5.

Специальные задачи, преслѣдуемые каждой изъ отдельныхъ экономическихъ дисциплинъ, обусловливаютъ собой и различіе методовъ ихъ. Исторія народного хозяйства и статистика преимущественно примѣняютъ историко-сравнительный и статистический методы. Въ видѣ вспомогательного пріема изслѣдованія является здѣсь гипотеза.

Теорія народного хозяйства или политическая экономія въ узкомъ смыслѣ слова, преслѣдуя изученіе формъ и типовъ народного хозяйства и затѣмъ установленіе экономическихъ законовъ, одинаково пользуются индукціей и дедукціей, какъ вспомогательными средствами, въ видѣ изолирующей абстрактациіи. Необходимо отмѣтить, что съ ходомъ времени въ политической экономіи описательный элементъ уступаетъ мѣсто систематическому; параллельно съ этимъ идетъ расширение дедуктивного пріема изслѣдованія за счетъ индуктивного.

Экономическая политика и наука о финансахъ, въ виду практическаго характера ихъ задачъ, примѣняютъ индукцію (историко-сравнительную и статистическую) и аналогію. На почвѣ индуктивныхъ выводовъ можетъ найти примѣненіе и дедукція для опредѣленія тѣхъ послѣдствій, къ которымъ могутъ привести тѣ или другія мѣропріятія экономической и финансовой политики.

Въ исторіи методологіи всякой науки можно подмѣтить борьбу двухъ началъ—эмпирізма и рационализма, при чёмъ исторія развитія наукъ идетъ такъ, что сначала береть перевѣсъ эмпирізмъ, съ ходомъ же времени перевѣсъ склоняется на сторону рационализма.

Въ первоначальной стадіи науки изслѣдующій умъ прежде всего занятъ собираниемъ и накоплениемъ матеріала, описаніемъ и распространениемъ его и, наконецъ, классифицированіемъ. На этомъ задача изслѣдователя не оканчивается; послѣ этого въ извѣстномъ отношеніи виѣшняго изслѣдованія наступаетъ новый фазистъ разработки научного матеріала. Человѣческій умъ изъ собраннаго матеріала строится создать систему мысли, логически построенную, открыть законы, управляющіе данными явленіями, и опредѣлить не только настоящее и прошлое, но по возможности и будущее. Въ этой задачѣ оказывается сила человѣческаго ума и его господство надъ природой. На указанной стадіи развитія науки рационализмъ береть перевѣсъ надъ наивнымъ эмпирізмомъ. „Рационализмъ, говорить проф. Шмидлеръ, одержалъ бы полную победу въ этой борьбѣ, если бы было достигнуто полное знаніе міра“ ¹⁾). Но такъ какъ при данныхъ условіяхъ

¹⁾ См. ст. въ Hand. d. St. 1901 г. Bd. VII Volkswirtschaft. S. 549.

віяжъ это недостижимо, то поэтому въ каждой наукѣ (за исключениемъ быть можетъ одной математики) рѣдомъ съ рационализмомъ должны существовать элементы эмпирізма. Въ какой бы степени человѣкъ ни достигъ дедуктивнаго, рационалистического господства въ данной наукѣ, онъ всегда будетъ нуждаться въ притокѣ свѣжихъ, новыхъ эмпирическихъ элементовъ опыта и наблюденія.

Примѣняй этотъ принципъ борьбы рационализма и эмпирізма къ политико-экономической методологіи, мы находимъ въ исторіи развитія нашей науки три стадіи: первая стадія—смѣсь наивнаго эмпирізма съ не менѣе наивнымъ рационализмомъ (фізіократы и старая классическая школа). Меркантилистовъ, какъ чистыхъ практиковъ-эмпириковъ, мы оставляемъ въ сторонѣ; второй періодъ характеризуется господствомъ критического эмпирізма (историческая школа), затѣмъ, переходный періодъ къ критическому рационализму (австрійская школа) и наконецъ, заключительная стадія—попытки объединенія эмпирізма и рационализма съ тенденціей къ расширению послѣдняго (Л. Вагнеръ, Кейнсъ, Л. Косса, Шмоллеръ и др.). Конечно, наша схема, какъ и вообще всяческое схематическое изображеніе, вѣрна только въ общемъ, но не въ частностяхъ. Она, быть можетъ, слишкомъ грубо, рѣзко очерчиваетъ методологіческія направлениія, совершенно игнорируя множество переходныхъ оттѣнковъ, но это общий недостатокъ всякаго схематического построенія. Продлагая свою схему, мы хотѣли дать только общую руководящую нить при изученіи политико-экономической методологіи въ ся историческомъ развитіи.

К. Вебль.

ФОМА КАМПАНЕЛЛА¹).

V.

Двойственность духовной физиономии Кампанеллы особенно ясно отражается въ способахъ, которыми ему приходилось завлывать. Въ своихъ произведенияхъ онъ проявляется сильную привязанность къ Испании и Риму. Однако, все его прошлое, а также и его произведения, на сколько они стали достояніемъ публики, должны были возбудить къ нему также интересъ приверженцевъ евангельского учения, приходившихъ въ сношениі съ Неаполемъ. Въ дѣйствительности изъ его учения больше всего извлекли евангелики, несмотря на то, что онъ до конца своей жизни оставался иль отъявленнымъ врагомъ и доминиканскимъ монахомъ. Обаюдное сближеніе началось во время его заключенія въ Неаполѣ. Кампанелла готовъ былъ ухватиться, подобно утопающему, за всякую соломинку, которая могла бы способствовать его освобожденію. Онъ неоднократно увѣрялъ Испанию и папу въ своемъ глубокомъ раскаяніи и старался, если не возбудить въ нихъ довѣріе, то по крайней мѣрѣ оказаться имъ полезнымъ²). Мы уже упоминали о томъ, что еще во времена папы Климента VIII Кампанелла познакомился въ Неаполѣ съ саксонскимъ дворяниномъ Пфлугомъ, который получилъ свѣдѣніе о рядѣ законченныхъ философомъ

¹) Окончаніе. См. августовскую книжку *Журнала Министерства Народного Просвещенія* за 1907 годъ.

²) Имеются не менѣе пяти записокъ, адресованныхъ частью свѣтскимъ, частью духовнымъ властямъ, въ которыхъ Кампанелла старается привлечь на себя ихъ вниманіе и дѣлаетъ большія обѣщанія; самая ранняя отъ 1806 г. и обращена къ кардиналу St. Giorgio; она напечатана у А. д'Анаона *Opere di Camp. I.*

произведеній¹⁾). Повидимому онъ обратилъ на Кампанеллу вниманіе Каспара Шоппе.

Каспаръ Шоппе²⁾ обратился въ католичество въ началѣ XVI в. подъ именемъ Баронія, и хотя онъ и не измѣнилъ своей привязанности къ классической филологии, однако онъ вполнѣ проникся воинственнымъ духомъ католицизма. Поязда въ Римъ укрѣшила въ немъ этотъ образъ мыслей; онъ пробрѣлъ, благодаря ему, много знакомыхъ среди знати, и между прочимъ благосклонность эрцгерцога Фердинанда Штирийскаго³⁾, пылавшаго, какъ известно, тѣмъ же религіознымъ рвениемъ. Но его почину при Клементѣ VIII произошло сближеніе между Испаніей и Австріей на почвѣ общихъ религіозныхъ интересовъ⁴⁾ и вражды въ Генриху IV, а также вслѣдствіе броженія среди протестантівъ. Папа избѣгалъ решительной встать на сторону Франціи или Испаніи, но поддерживалъ ту и другую въ изѣрахъ, предпринимаемыхъ имъ противъ еретиковъ. Павелъ V не переставалъ бороться съ протестантами; кроме того онъ стромился вернуть папству прежнее могущество.

Это привело къ конфликту съ Венеціей, затѣмъ къ конфликту противъ этой республики⁵⁾; этотъ конфликтъ далъ Кампанеллѣ поводъ выступить съ произведеніемъ, которымъ онъ желалъ обратить на себя вниманіе. Въ 1606 г. узникъ написалъ папѣ и многимъ другимъ властямъ имѣющимъ инбльма, въ которыхъ указывалъ на свои, написанные въ интересахъ церкви, произведенія⁶⁾. Какъ известно, въ этомъ конфликѣ Римъ обвинялъ республику между прочимъ въ томъ, что она подвергаетъ проклятыхъ монаховъ суду, отказывая въ выдачѣ ихъ начальству, т. е. Риму. Но Кампанелла въ своихъ полемическихъ произведеніяхъ выставляетъ не столько это, сколько вообще отстаиваетъ власть папы, въ защиту которой онъ выступалъ уже десять лѣтъ тому назадъ.

¹⁾ Ср. конецъ гл. III этой статьи.

²⁾ Ср. о немъ и особенно о его полемикѣ Nisard, *Les gladiateurs dans la rÃ©publique des lettres etc...* и H. Kovallek, Ueber Gaspar Scioppius въ *Forschungen zur deutschen Geschichte* XI стр. 401—482. Тоже въ соотвѣтственной статьѣ Allg. D. Biographie.

³⁾ Позднѣе императоръ Фердинандъ II.

⁴⁾ Kovallek въ ук. и. стр. 417.

⁵⁾ Этотъ импиджъ сталъ историческимъ благодаря тому, что онъ былъ по- слѣднимъ.

⁶⁾ Arch. juc. italiano 1866. Въ одномъ изъ этихъ писемъ приведена статья противъ Венеціи.

Онъ апелirуетъ къ патротизму итальянской республики, уговаривая ее подчиниться папѣ, которому въ союзѣ съ Испанией предстоять высокія задачи ¹⁾). Шоппе, находившися въ это время въ Римѣ, очевидно узналъ о произведеніяхъ Кампанеллы. Когда папа поручилъ ему написать статью противъ Венеции, онъ рѣшилъ посыпти узника. Благодаря этому посыщенію между ними завязались споры, которые продолжались долгое время. О происшедшемъ между ними мы можемъ судить лишь изъ неоднократно цитированного письма Кампанеллы къ Шоппе ²⁾). Въ немъ Кампанелла сознается, что онъ слишкомъ далеко зашелъ въ своихъ реформаторскихъ стремленіяхъ, и говорить, что „долженъ испить чашу до дна за то, что злоупотребилъ дарами Бога“. Описаніе ужасной пытки ³⁾ напоминаетъ средневѣковую инквизицію; однако мужественное преторгвіе ся не повело ни къ чему: онъ, подобно Прометею, прикованъ къ Кавказу за то, что онъ недостойно исполнилъ свою обязанность. Онъ охотно передаетъ эту обязанность Шоппе, котораго онъ считаетъ болѣе близкимъ Богу. Слѣдуетъ бороться за божественное откровеніе противъ маккавеевистовъ, унижающихъ вѣру и религию. Для этой цѣли онъ посыпаетъ ему свое произведеніе „Atheismus triumphatus“, представляющее часть его метафизики, которую онъ вручилъ одному другу, поэтому и не можетъ передать ее Шоппе. Свое произведеніе онъ характеризуетъ такъ: оно имѣетъ цѣлью обращеніе германскихъ еретиковъ. Для этого недостаточно ссылаться на чай либо авторитетъ, хотя бы даже папы, а слѣдуетъ апелировать къ разуму, стараться доказать, что римская вѣра полезна, а это возможно только съ помощью естественной философіи ⁴⁾). Этимъ онъ не умаляетъ значенія откровенія, такъ какъ самый глупый человѣкъ можетъ черезъ благодать Бога сразу познать религию лучше, чѣмъ умнѣйший философъ. Но чтобы обратить еретиковъ, стоя на ихъ же точкѣ зрѣнія, онъ пытается съ помощью человѣческой и божественной философіи раскрыть истину, воожечь потухшую вѣру и разбудить глубоко погребенные

¹⁾ Въ главныхъ чертахъ это тѣ же мысли, которыхъ Кампанелла высказывалъ въ „Discorsi“, обращаясь къ итальянскимъ князьямъ.

²⁾ Письмо присоединено въ видѣ посыщенія къ рукописному экземпляру „Atheismus triumphatus“, находящемуся въ университѣтѣ библиотекѣ въ Іенѣ; оно напечатано въ Амбилие IX, стр. 57 сл.

³⁾ Тамъ же стр. 61.

⁴⁾ Тамъ же стр. 58. „Oportet incipere a Credo in Deum, et per philosophiam naturalem, non per autoritatem“.

духовные дары. Если даже онъ и не оказался пророкомъ, тѣмъ не менѣе онъ стремится къ великому, и хотя его мучители и не желаютъ этого признать, однако Богъ образумить ихъ.

Желая ослабить нѣкоторыя преувеличеннія обвиненій, онъ заявляетъ, что не считаетъ себя побѣжденнымъ въ существенныхъ вопросахъ. Онъ сознается въ увлечениіи хиазмомъ и только желалъ бы, если уже не хотятъ вѣрить ему, чтобы повѣрили св. Екатеринѣ и Бригиттѣ. Однако онъ не бѣжалъ ни къ туркамъ, ни къ еретикамъ, и если бы даже онъ не былъ христіаниномъ, то онъ какъ философъ любить „состѣннѣемъ образомъ“ Бога, свое отчество Италию и славу того, кто возсѣдастъ на апостольскомъ стулѣ, ради кого онъ написалъ, вышолнилъ и сказалъ много чудеснаго. Люди, стоящіе у власти, гѣрять его противникамъ и терзаютъ его, но такова и раньше была участіе всѣхъ реформаторовъ. Но если даже противъ него и существуютъ подозрѣнія, однако его враги не имѣютъ достаточнаго основаній, чтобы такъ его мучить. Во всякомъ случаѣ слѣдовало бы выслушать его предложеніе, ибо какая польза отъ его смерти, между тѣмъ, сдержавъ свои обѣщанія, онъ могъ бы принести много пользы. Затѣмъ онъ умоляетъ Шоппе, чтобы онъ сталъ его самаритяниномъ¹⁾; Кампанелла посыпаетъ ему свою книгу для того, чтобы онъ перевелъ ее на нѣмецкій языкъ, а также свой диалогъ противъ лютеранъ и иныхъ еретиковъ и другія свои произведения. Онъ проситъ Шоппе передать ихъ императору, а также апостольскій прогностикъ о будущемъ исселеній. Въ числѣ этихъ произведеній находились три книги Antiveneti, особенно важныя для Шоппе, ибо Шоппе уже раньше принялъ участіе въ спорѣ, написавъ хотя и ядовитую, но въ общемъ незначительную статью²⁾. Кардиналь Бароній послѣдовательно пытаясь принять строгія мѣры противъ непокорной республики, за что на него горячо напалъ одинъ юристъ изъ Падуи (Крассусъ). Въ защиту кардинала и выступила Шоппе и въ то же время въ оправданіе интердикта.

Шоппе не перевелъ Atheismus triumphatus; очевидно, эта книга была для него непригодна. Также мало пригодны были и другія написанныя специально для итальянцевъ сочиненія, какъ-то: рѣчи къ итальянскимъ князьямъ, въ которыхъ Кампанелла убѣждаетъ ихъ

¹⁾ Игра словъ: Кампанелла часто называлъ Германію Самаріей, какъ отчество еретиковъ.

²⁾ Kovallek, въ ув. и. стр. 419. 420.

не противиться папѣ и Испаніи, рѣчъ противъ отдѣленія Венеціанской республики, въ которой онъ приводить политические и теологические доводы и пророчества, ибо конфліктъ былъ уложенъ девятымъ днемъ позднѣе числа, которымъ помѣщено письмо съ Кавказа¹⁾. Остальные произведения, посланныя новому другу, были трехъ родовъ: въ однихъ Кампанелла является поборникомъ папскаго всемогущества, въ другихъ онъ горячо ратуетъ за высокую миссію Испаніи—обращеніе всего міра въ католичество, и, наконецъ, въ третьихъ онъ предвозвѣщаетъ новую форму государства. Онъ не отказался отъ послѣднихъ, хотя они въ сущности и были причиной его печальной судьбы, онъ считалъ ихъ важными въ виду ожидаемаго имъ близкаго кризиса.

Для Шоппе цѣны были произведенія первыхъ двухъ родовъ. Герцогъ Фердинандъ, которому онъ посвятилъ свою статью противъ Скалигера, призвалъ его въ Австрію для принятія участія въ совѣщаніяхъ германскихъ князей. Главный предметъ совѣщаній, въ которыхъ слово должно было принадлежать между прочимъ и Шоппе, была борьба противъ нѣмецкой ереси. Въ качествѣ совѣтника Фердинанда, Шоппе появился и въ Регенсбургѣ (1608). Послѣ неудачи Регенсбургскихъ переговоровъ Шоппе былъ посланъ Фердинандомъ къ различнымъ нѣмецкимъ католическимъ и протестантскимъ князьямъ; при этомъ онъ познакомился съ герцогомъ Максимилианомъ Баварскимъ.

Затѣмъ онъ послѣдователь за Фердинандомъ въ Гранъ. Во время кристаллизациіи двухъ главныхъ государственныхъ партій Шоппе выступилъ въ печати сторонникомъ Испаніи и папы. Я предполагаю, что его статья *Gründlicher Bericht von des Luthers und seiner Lehr, Autorität und Ansichten* представляетъ познаменованіе изъ кампанелловскаго діалога противъ лютеранъ²⁾. Извѣстно, что Шоппе считалъ свою дѣятельность на столько успѣшной, что приписывалъ себѣ образование лиги. При этомъ онъ не забылъ Кампанеллы, однако онъ мало былъ ему полезенъ. Книги, оставленныя имъ для напечатанія въ Италии, остались не напечатанными, такъ какъ ихъ подвергла секвестру цензура, а именно одну изъ нихъ за утвержденіе автора, что въ его гороскопѣ находятся болѣе значительныя звѣзды, чѣмъ въ гороскопѣ Христа.

Фердинандъ, занитересовавшійся, вѣроятно благодаря Шоппе, узин-

¹⁾ Ср. Kovallek, стр. 420, 421; ср. также новую статью Tschackert'a о P. Sarpiu въ *Realencykl. für prot. Theol.* Герцога, 3 Aufl. Bd. XVII.

²⁾ Ср. Kovallek, въ ук. соч. стр. 426.

комъ, получиль о немъ свѣдѣнія также изъ другого источника, и такъ какъ оказалось, что Кампанелла занимается не только тѣмъ, о чёмъ онъ сообщалъ Шоппе, то Фердинандъ счелъ дальше невозможнымъ выступать на защиту Кампанеллы¹⁾.

Это не помѣшало Шоппе обратиться по поводу новой полемики за совѣтомъ на „Кавказъ“. Послѣ раскрытия порохового заговора въ Англіи начались репрессіи противъ католиковъ. Отъ нихъ требовали принесенія клятвы въ томъ, что папа не имѣть никакой власти надъ королемъ, не можетъ освобождать его подданныхъ отъ присяги въ чѣриости на войнѣ, они должны были обѣщать раскрывать всякие заговоры противъ короля, отказаться отъ основного положенія такъ называемыхъ монархомаховъ и свергъ всего должны были заявлять, что даютъ свою клятву безъ задней мысли. Въ бреве отъ 1606 г. папа заявилъ, что считаетъ принесеніе такой присяги невозможной, и повторялъ это въ бревѣ отъ сентября 1607 г. Болларминъ заявилъ въ посланіи къ англійскому архіепископу Блэквелу, что такая клятва переноситъ церковную власть съ папы на паслѣдниковъ Генриха VIII²⁾. Противъ этого обвиненія Яковъ I защищается въ своей *Apologia pro iuramento fidelitatis* (1608), противъ которой выступили выдающіеся римскіе полемисты; Шоппе не могъ не принять участія въ этой полемикѣ. Когда Фердинандъ послалъ его въ Римъ, онъ имѣлъ въ виду посѣтить Кампанеллу, что видно изъ письма Фердинанда въ неаполитанскому вице-королю, въ которомъ онъ просилъ открыть Шоппе свободный доступъ къ Кампанеллѣ. Когда папа пероссалъ Шоппе посланіе англійского короля для возраженія на него, Шоппе въ немъ нашелъ одинъ специальный вопросъ, который могъ ему объяснить Кампанелла. То, что онъ не прямо обратился къ узнику, а черезъ посредство брата Серафима, знаменательно для положенія дѣла. Дѣло касалось не особенно важнаго для полемики вопроса: наступитъ ли страшный судъ непосредственно послѣ паденія антихриста или же, какъ училъ Кампанелла въ *Prophetacis*, послѣ сорокадневнаго промежутка? Въ своемъ отвѣтѣ Кампанелла далоко не исчерпываетъ вопроса и просить Шоппе похлопотать о вызовѣ его въ Римъ для личнаго

¹⁾ Всѣ фазы отношеній Шоппе къ Кампанеллѣ подробнѣ сообщены у Амбисе, VIII. Объ отношеніяхъ Кампанеллы къ Фердинанду подробнѣ въ моей статьѣ: Th. Camp. und Ferdinand II. Sitzber. der Wiener Acad. der Wis. 1907.

²⁾ Ср. Kawerau, *Reformationsgeschichte* (Möller, Kirchen. Gesch. III Th.) стр. 317 и статью Thiersch' въ о Болларминѣ Herzogs Realencykl. III Aufl. Bd. II. S. 554.

обсуждения его. Въ началѣ письма Кампанелла выражаетъ желаніе, чтобы ему была доставлена возможность переговорить съ герцогомъ; весьма знаменательны слова ¹⁾: *Si allocutus fuero principem, me diabolum fuisse audiens sed posse et angelum fieri.* Въ постъ-скриптумѣ онъ проситъ Шоппе прислать ему книгу англійского короля, онъ самъ на нее отвѣтить; можетъ быть, это ему поможетъ лучше всего.

Но Кампанелла не былъ призванъ въ Римъ и не получать книги англійского короля; его считали настолько опаснымъ, что самъ Шоппе говорилъ, что Кампанелла находится въ самомъ подхоящемъ для него мѣстѣ, и толькъ, кто его оттуда извлечетъ, нанесетъ, вредъ общественному благу ²⁾.

Въ меморіалѣ, написанномъ въ этомъ году, Кампанелла прежде всего обращается къ папѣ съ просьбой о помощи ³⁾. Онъ послалъ ему, подобно тому какъ три года назадъ кардиналомъ Джорджіо и Фарнезе, списокъ удивительныхъ обѣщаний и нѣсколько законченныхъ сочиненій. Этотъ документъ не прибавляетъ ничего существеннаго къ написаннымъ о дѣятельности Кампанеллы. Также мало удачна была попытка Кампанеллы завязать сношенія съ Галлеономъ. По поводу его нового произведения Кампанелла написалъ ему письмо во Флоренцію, въ которомъ указываетъ на свое глубокое уваженіе къ знаменитому физику, на интересъ къ наукѣ, на испытываемую имъ патріотическую гордость при мысли обѣ итальянскомъ изслѣдователѣ; но все это не привело ни къ чему ⁴⁾. Иѣ-который, хотя и не очень оживленный обмѣнъ чувствъ между Флоренціей и Неаполемъ начался только послѣ путешествія по Италии Тоб. Адами, который посѣтилъ Неаполь и заключеннаго Кампанеллу. Благодаря Адами Кампанелла приобрѣлъ широкую извѣстность въ научномъ мірѣ.

Тоб. Адами ⁵⁾ не былъ, какъ Шоппе, выдающимся ученымъ, и кромѣ того онъ былъ лютеранинъ. Но онъ былъ полонъ живого научнаго интереса, удовлетвореніе которому нашелъ у Кампанеллы; послѣ

¹⁾ Amabile IX, стр. 68.

²⁾ Amabile VIII, стр. 126.

³⁾ Не напечатано; M.S. Vatic. 8193 p. 714 „al Papa all' Imperatore e al Re por la sua debita Libertas“.

⁴⁾ Amabile VIII, стр. 141.

⁵⁾ Наша свѣдѣнія о немъ весьма скучны; о годѣ рожденія и смерти у Jöcher, Gelehrtenlexikon. Краткія разбросанныя свѣдѣнія о немъ у Амабиле. Изъ его произведеній существуетъ только введенія къ произведеніямъ Кампанеллы.

восьмимѣсячного пребыванія онъ покинулъ Неаполь, увозя съ собой кампанелловскіе макускирты; это указываетъ на дозвѣрѣ узника къ нему; во Флоренціи Адами посѣтилъ Галилея и сталъ послѣдователемъ коперникіовской теоріи. Повидимому, онъ узналъ отъ Кампанеллы о новеденіи Шописа: но крайней мѣрѣ, Шопис писалъ о нихъ встрѣчѣ въ Мадридѣ, имѣвшей мѣсто въ слѣдующемъ году, что Адами попрежнему относится къ нему враждебно¹⁾). Въ то время какъ споренія между Кампанеллой и Шописомъ почти совершенно прекращаются, между саксонскимъ лютераниномъ и заключеннымъ монахомъ возникаетъ оживленіе: переписка, изъ которой однако до насъ дошло весьма немногое. Влияніе Адами, вѣроятно, отразилось на все возрастающемъ интересѣ Кампанеллы къ Галилею.

Какъ известно, въ 1616 г. въ Римѣ обсуждался вопросъ о признаніи Галилеемъ коперниковой системы; между прочимъ этимъ была занята комиссія съ кардиналомъ Белларминомъ во главѣ. На этотъ разъ ограничились сообщеніемъ Галилею папскаго инквизиціи, что ученіе о движеніи земли противно св. писанію и не можетъ быть терпимо. Однѣ изъ членовъ комиссіи пожелала узнать мнѣніе Кампанеллы. Кампанелла написалъ Апологію въ защиту новой натурфилософіи, въ которой высказываетъ мысль о свободѣ научнаго изслѣдованія. По словамъ Кампанеллы²⁾), это сочиненіе написано по приказанію кардинала Бонифачія изъ Гаэты, которому было поручено разслѣдованіе этого дѣла. Уже въ посланіяхъ Кампанелла заявляетъ о своей готовности подчиниться рѣшѣнію церкви; этимъ завѣшеніемъ онъ, какъ бы приобрѣлъ право на возможное изслѣдованіе.

Поставленный ему вопросъ Кампанелла изслѣдуетъ въ связи съ болѣе общими вопросами: можно ли построить новую философію на перипатетическихъ основахъ, и затѣмъ въ цѣти частяхъ изслѣдуетъ аргументы за и противъ Галилея. Въ первой части наложены мѣста изъ св. писанія, говорящія противъ теоріи Галилея, затѣмъ изложены предположенія о строеніи небесныхъ тѣлъ и о множественности мировъ, вытекающія изъ его посылокъ и находящіяся въ противорѣчіи съ ученіемъ церкви и схоластики. Во второй части авторъ сопоставляетъ всѣ авторитетныя мнѣнія, высказанныя за то, что система Коперника не противна учению церкви. Сначала онъ приводятъ кардиналовъ и

¹⁾ Ср. заключеніе Кампанелловской Epistola antilutherana.

²⁾ Это сочиненіе хорошо изслѣдовано у Gotheim'a T. C. Zeitschr. f. K. G., стр. 88—90.

членовъ ордена, затѣмъ пытается доказать, что учение Галилея ведеть начало отъ Моисея, признавалось Пиегоромъ и Нумой Помпиліемъ; поэтому было бы несомнѣстимо съ итальянскимъ патріотизмомъ предпочтить ему греческій аристотелизмъ. Многіе астрономы хвалить новое учение, многіе отвергаютъ его изъ зависти и невѣжества, а между тѣмъ само бблейское название неба „firmamentъ“ указываетъ на то, что небо слѣдуетъ считать неподвижнымъ, въ противоположность движущейся земли.

Въ третьей части Кампанелла устанавливаетъ три основныхъ принципа: а) Тотъ, кто хочетъ заниматься вопросами, имѣющими хотя бы нѣкоторое отношеніе къ реальности, долженъ соединять въ себѣ святое рвение съ знаніемъ дѣла. в) Для знанія дѣла слѣдуетъ руководствоваться слѣдующими шестью положеніями: 1) теологъ неизбѣжно долженъ заниматься изслѣдованіемъ неба и преисподней; 2) философское знаніе о чувственныхъ предметахъ носовершенно; 3) Моисей и Христость не преподали намъ физиологии и астрономии; Богъ даровалъ намъ мірь для того, чтобы мы поняли невидимое, основываясь на видимомъ, и намъ сказано, чтобы мы жили праведно, руководясь сверхъестественными догматами, для которыхъ природы недостаточно; 4) несогласно съ христіанскимъ учениемъ запрещать занятія наукой; 5) при обоснованіи философской доктрины на священномъ писаніи не слѣдуетъ проявлять узости и нетерпимости; 6) *militans ecclesia* должна снисходительно относиться къ кажущимся противорѣчіямъ со священнымъ писаніемъ, если они вытекаютъ не изъ желанія противиться церкви, а изъ чистаго стремленія къ истинѣ. Въ первомъ положеніи Кампанелла хвалить труды Галилея; во второмъ доказывается, что учение Аристотеля обѣ этихъ вопросахъ неудовлетворительно; и, третьемъ приводится въ примѣръ Соломонъ, который углублялся въ природу, а не только въ законъ Моисея; въ четвертомъ положеніи приводится въ примѣръ Юліанъ, который хотѣлъ запретить христіанамъ заниматься наукой, для того, чтобы теология, лишенная своихъ служанокъ, не могла привести людей къ стѣнамъ Божіаго града. Во всемъведеніи доказательствъ главную роль играетъ Ома, затѣмъ нѣсколько разъ упоминается Бернардъ. Въ пятомъ положеніи авторъ ссылается даже на кардинала Беллармина. Въ шестомъ онъ особенно настаиваетъ на томъ, что невозможно заподозрить Галилея въ фальши, „*quia ex observationibus sensatis in mundo procedit, non ex opinione*“ ¹⁾.

¹⁾ *Camp. Apologia pro Galilaeo*, стр. 30.

Третій главный принципъ требуетъ знанія экзегетики въ буквальномъ и мистическомъ смыслѣ „secundum sanotorum patrum expositio-
nem et naturae codicem, per omnes scientias, praecipue physicas et
mathematicas observationes“. Ибо священное писаніе не находится въ
противорѣчіи съ природой.

Основываясь на этихъ трехъ принципахъ, Кампанелла переходитъ къ решенію заданного ему вопроса: онъ оцѣниваетъ введенія на Галилея обвиненія и возражаетъ на нихъ. Онъ указываетъ на вредъ для теологии аристотелевской философіи, на то, что многіе теологи являлись сторонниками учений, гораздо больше отступавшихъ отъ священныхъ традицій, чѣмъ ученіе Галилея, что многіе теологи съ нимъ согласны, что священное писаніе къ нему благосклоннѣе, чѣмъ къ другимъ. На птолемеевскія положенія Кампанелла возражаетъ довольно натянутой ссылкою на священное писаніе, и уже здесь проскальзываетъ его првострастіе къ ученію Галилея¹⁾. Исследуя свойства звѣздъ, Кампанелла приходитъ къ заключенію, что только ученіе Эмпедокла совпадаетъ со священнымъ писаніемъ; но такъ какъ Эмпедокль былъ пнеагорейцемъ, какъ и Галилеи, то послѣдний достоинъ хвалы за то, что онъ, послѣ столь долгаго промежутка, способствовалъ вѣрному пониманію писалія на славу церкви и Христа. О множествѣ мировъ въ священномъ писаніи не сказано ничего, следовательно этотъ вопросъ остается открытымъ. Онъ пишетъ, что это ученіе можетъ привести вредъ или что занятіе этими вопросами сущто и безполезно, Кампанелла считаетъ опровергнутыми ранее высказанными аргументами.

Ссылаясь на то, что Галилей въ своемъ учениѣ ближе всего примыкаетъ къ Моисею и Пнеагору, Кампанелла старается доказать, что Пнеагоръ былъ также іудей, а затѣмъ, что уже онъ действительно училъ о движении земли. Даже Магометъ принялъ это ученіе отъ евреевъ. Поэтому если подвергнуть цензурѣ ученіе Галилея, то это будетъ имѣть видъ глумленія надъ священнымъ писаніемъ и можетъ показаться союзомъ съ язычниками противъ него. Въ такое время, когда еретики готовы все, что только возможно, поставить въ вину церкви — какъ это хорошо известно Беллармину — они съ особыніемъ рвениемъ примутъ и начнутъ превозносить отвергнутыя церковью произведения Галилея.

Это сочиненіе не измѣнило отношенія Рима къ Кампанелѣ, и

¹⁾ Тамъ же, стр. 44.

Римъ его по прежнему не любить, какъ сообщаеть Шоппе въ 1617 году. И Галилей не дасть о немъ Адами благопріятнаго отзыва¹⁾). За то въ церковныхъ кругахъ далекаго Вюртемберга пробуждается живой интерес къ трудамъ и стремлениямъ калабрійскаго Прометея. Этотъ фактъ такъ многозначителенъ по своимъ послѣствіямъ, что на немъ слѣдуетъ остановиться.

Вюртембергъ проявлялъ неоднократно интересъ къ практической сторонѣ церковнаго учения еще въ XVI вѣкѣ. Чѣмъ больше мѣстное духовенство притѣсняло лютеранскія общины, чѣмъ одностороннѣе обличиями теологи христіанское учение, тѣмъ невыгоднѣе выступало сравненіе съ соседними реформированными общиными. Какъ известно, на границѣ шестнадцатаго и семнадцатаго вѣковъ мистико-практическое теченіе въ лютеранствѣ получило выдающагося представителя въ лицѣ Іог. Арилта, пастора въ Цемль²⁾). Чтобы избѣжать многихъ неблагопріятныхъ для правдивой жизни условий, было предложено организовать самостоятельные свободныя общины благомыслящихъ евангеликовъ³⁾). Ученіе⁴⁾ Арилта I. В. Андре, одинъ изъ значительнейшихъ представителей лютеранского духовенства въ Вюртембергѣ, научившійся въ Женевѣ цѣнить церковную дисциплину, раздѣляясь вмѣстѣ съ другими сторонниками возрожденія церкви отвращеніе къ Аристотелю и къ лютеровской схоластики⁵⁾). Съ жадностью бросается онъ на дары, привезенные Адами и Вензіемъ изъ ихъ итальянской поездки, и въ Швабіи начинается настоящая пропаганда идей Кампанеллы. Адами издастъ во Франкфуртѣ сначала *Физиологію* какъ *Prodromus* новой философіи, затѣмъ *Апологію Галлея*⁶⁾). Андре переводить на иѣменцій языкъ нѣсколько стихотвореній Кампанеллы⁷⁾; Бозольдъ, ученый членъ кружка, переводить „Испанскую монархію“⁸⁾; анонимно, но,ѣроятно, этимъ же кружкомъ, былъ изданъ *Дискурсъ о подчиненіи Болгаріи*, а нѣсколько позднѣе оба первыхъ дискурса къ итальянскимъ

¹⁾ Ср. Amabile VIII, стр. 196.

²⁾ Ср. о немъ Ritschel, *Geschichte des Pietismus*, Bd. I, Bonn 1884, стр. 34 сл.

³⁾ Ср. мой трудъ *Die paedagogische Reform des Comenius in Deutschland*, Bd. II S. 7 ff. Berlin 1902—3.

⁴⁾ Ср. его напечатаніе *Вензѣ въ Monatshefte des Comeniusgesellsch.* XIV, стр. 244.

⁵⁾ Объ Андре въ нѣсколько устарѣлой біографіи Hoashiach'a, оставленное въ статьѣ Holscher'a *Herzogs Realencycl.* III, Bd. 1.

⁶⁾ 1617—1622.

⁷⁾ Ср. Sigwart, Kl. Schriften II, стр. 171.

⁸⁾ Тамъ же.

князьямъ. Въ то же время Адамъ подготовилъ изданіе главныхъ философскихъ произведеній своего учителя: дѣйствительно черезъ нѣсколько времени появились два слѣдующихъ тома¹⁾). Ненависть къ Аристотелю можетъ объяснить увлеченіе философией Кампанеллы, которая все же придерживалась христіанскихъ формъ; удивительное пристрастіе лютеранскихъ теологовъ и пасторовъ къ Солнечному государству. Прибавлю еще, что недостаточная заботливость церкви о чистотѣ нравовъ въ духѣ истиннаго христіанства вызвала съ обѣихъ сторонъ убѣжденіе въ ненужности ся, чего однако Андре не сознаетъ вполнѣ ясно²⁾).

Поэтому становится понятнымъ, что вюртембергцы приняли предложеніе Адамы и рѣшили образовать свободную самостоятельную общину³⁾, для которой Андре быстро составилъ нѣсколько программъ. „Мы назвали“, пишетъ Андре, „этотъ союзъ Civitas Solis, имѣя въ виду съ одной стороны, чтобы известносъ число правовѣрныхъ лютеранъ, выдающихся научно и морально, безъ различія рожденія въ состояніи, но пѣмецкаго происхожденія, стало жить подъ одинъ закономъ и главою съ цѣлью серьезно заняться служеніемъ ненадѣльной религіи, улучшеніемъ испорченныхъ нравовъ и восстановленіемъ присущей въ упадокѣ литературы, съ другой — чтобы, въ виду превратностей жизни, взаимно поддерживать другъ друга, при чёмъ богатые должны вносить материальные средства, менѣе достаточные рабочую силу, и такимъ образомъ отдѣльные члены этой общины будутъ пользоваться христіанской любовью, приятными удовольствіями и взаимной помощью⁴⁾). Хотя въ этомъ истинно христіанскомъ определеніи цѣли не слишкомъ проявляется вліяніе Città, однако несомнѣнно здѣсь находится примѣненіе этого произведенія къ даннымъ условіямъ. Историческій интересъ представляеть готовность Іоганна Компера ит. Линца присоединиться къ союзу⁵⁾). Испѣю проглядываютъ вліяніе Città въ Christianopolisѣ Андре⁶⁾). Чтобы ознакомить съ предполагаемымъ нѣмецкимъ солнечнымъ городомъ широкіе круги общества, Андре далъ, въ подражаніе итальянскому, но съ ясно выраженнымъ

¹⁾ Особено важно было изданіе въ 1623 г. *Realis Philosophia*, о которой подробно говорено въ предыдущей главѣ.

²⁾ Ср. упомянутую мою книгу, стр. 14.

³⁾ Ср. раннѣю упомянутую статью *Pust'a*, стр. 242. 3.

⁴⁾ Тамъ же и латинскій оригиналъ стр. 243.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Ср. мою книгу, стр. 13.

женнімъ ужо въ заглавії христіанськимъ духомъ, описаніє идеального города, Зигвартъ характеризуетъ его такъ: онъ относится къ итальянскому таmъ, какъ Вейчингенъ (место дѣятельности Андре) къ Риму¹⁾. Съ вітальней стороны это мігніе бросаетъ тѣнь на произведение Андре, но для внутренняго значенія этихъ двухъ произведений это сравненіе не безъ выгоды для Андре, ибо онъ въ заключеніи своего Christianopolis'a также призываетъ къ осуществленію своего проекта²⁾, а исторія указываетъ на него какъ на ученика Аридта, одного изъ влиятельнѣйшихъ подготовителей пштизма, преобразовавшаго, въ продолженіе полуувѣка, евангельскую церковь и Германію, въ съдовательно и духовную жизнь, и это не путемъ отвращенія отъ догматики и обращенія къ благочестію, а главнымъ образомъ черезъ свободную организацію общинъ внутри церкви и проникновеніе благочестія во всѣ области жизни, т. е. путемъ натурализаціи благочестія.

Этимъ организаціоннымъ планамъ повредила тридцатилѣтняя война, но Андре не переставалъ составлять новые планы. Его статьи, а также издания Адами, вызвали движеніе не только въ вѣмеckихъ ученыхъ кругахъ; однако связь между Адами и Кампанеллой, выражавшаяся въ оживленной перепискѣ, не могла долго выдержать враждебного ей современного положенія вещей. Она порвалась на религіозномъ вопросѣ.

Очевидно, по ініціативѣ Кампанеллы, отличающейся стремленіемъ пріобрѣтать прозелитовъ, въ ихъ перепискѣ былъ поднятъ вопросъ о реформації. Какъ известно, послѣ Тридентскаго собора полемика противъ протестантізма усилилась. Еще въ XVI вѣкѣ появилось главное, направленное противъ протестантовъ, сочиненіе кардинала Беллармина Disputationes adversus haereticos. Онъ разбираетъ въ этомъ сочиненіи всѣхъ учителей евангельского исповѣданія и опровергаетъ ихъ исторически и діалектически. Эта книга представляется собою лекціи, читанные Белларміномъ для начинающихъ священниковъ, поэтому вопросъ разобранъ въ ней основательно, и учение противниковъ передано вѣрою³⁾. Она несравненно выше возраженій Кампанеллы. Уже діалогъ Кампанеллы противъ Лютера показываетъ, какъ мало были ему понятны мотивы реформації; онъ, какъ мы уже указывали, при-

¹⁾ Готтеймъ цитируетъ его безъ комментаріевъ, съдѣвателльно, съ нимъ соглашаетъ T. C. Zeitschr. etc. S. 70.

²⁾ Послѣдняя глава книги.

³⁾ Ср. между прочимъ выше упомянутую статью Thiersch'a Herzogs R. Encycl. Bd. II.

знавалъ только политическое значение религії. Къ этому присоединилось еще ложное суждение о Лютерѣ, при чёмъ однако удивительно, что онъ понималъ и признавалъ духъ Лютера и значение его предпріятія.

Свое первое письмо ¹⁾ противъ Лютера Кампанелла лично передалъ Адами въ Несаполь для сообщенія его соотечественникамъ; въ немъ онъ изображаетъ свои сношения съ Шоппе и другими иѣмцами таѣ, какъ будто ихъ цѣль состояла въ томъ, чтобы найти выходъ изъ расшатаннаго состоянія Германіи. Это не удалось при посредствѣ Шоппе, и онъ хочетъ возобновить свою попытку при помощи Адами, защитника его философіи. Оть увѣряетъ иѣмцевъ въ своей любви и уваженіи. Но они неправы по отношенію къ пагѣ, котораго они считаютъ антихристомъ; проявляемая ими ненависть къ Риму есть ненависть неблагодарного дитята къ своимъ родителямъ.

Поученіе, начинаящееся съ третьей главы, заключается главнымъ образомъ, въ призываѣ къ чувству свободы, свойственному римлянамъ. Всѣ христіанскіе философы, поэты, законодатели были сторонниками свободы, а также и теологи, начиная съ евреевъ. Изъ Августина, на которого ссылается Лютерь, авторъ приводить два мѣста, говорящихъ за свободу воли, но такихъ мѣстъ можно у него найти очень много. Ссылка Лютера на Наву и евреевъ: слова Кальвина понятны, всѣ отцы церкви въ этомъ ошибались; но слѣдуетъ признать, что Магометъ отрицалъ свободу воли, а также Зенонъ, отрицавшій движеніе. Остальные же догматы онъ разсмотрѣлъ въ *Antimacchiavelli* ²⁾; кромѣ того онъ отсылаетъ къ своимъ многочисленнымъ произведеніямъ, переданнымъ Адами, они ихъ предохраняютъ какъ отъ ложной философіи, такъ и отъ элегантной реторики. Противники пусть докажутъ свою правоту посредствомъ логики Христа: мученичества и чудесъ. Римская церковь въ этомъ не нуждается—это Кампанелла доказываетъ въ духѣ Тертулліановскаго *praescriptio* ³⁾; за нее говорить исторія; попытки Полихромія ⁴⁾ и Гусса были неудачны. Вирочемъ въ Италии

¹⁾ Эта переписка находится въ Кампанелловскомъ сочиненіи „*Bominiscentia*“ etc. стр. 77b, о которомъ будетъ говорено ниже.

²⁾ Подъ этикъ Кампанелла подразумѣваетъ вѣроатно *Atheismus triumphatus*; объ этомъ произведеніи мы будемъ еще говорить подробнѣ.

³⁾ Тертулліанъ указываетъ въ своемъ „*de praescriptione haereticorum*“, что еретики не имеютъ права ссылаться на священное писаніе и правила вѣры.

⁴⁾ Такъ назывался несчастный, который пытался воскресить мертваго, опиравшись на монотелізмъ.

Franciscus de Paula совершає чудеса ін'єськолько літъ тому паздь; пусть лютеране попробують сдѣлать то же въ Германии, они въ этомъ очень нуждаются. Для ихъ обученія Кампанелла посыпаетъ Адами различные книги, между прочимъ метафизику и теологію¹⁾.

Адами не замедлилъ отвѣтить на это письмо²⁾. Онъ защищаетъ реформацію главнымъ образомъ со стороны ученія о свободѣ воли, затѣмъ устанавливаетъ призваніе Лютера и подъ конецъ высказываетъ ін'єкторыя мысли о таинствахъ. Основательность этого краткаго возраженія (всего 41 недлинный тезисъ) заставляетъ предполагать, что оно было составлено сообща съ ін'єсколькими друзьями, можетъ быть въ немъ принималъ участіе и І. В. Андре. Въ рѣшительномъ тонѣ Адами заявляетъ, что лютеране не отвергаютъ свободы воли, Лютеръ самъ вносятъ смягчилъ свои выраженія, высказанные въ „de servo arbitrio“, подобно тому какъ это было сдѣлано Августиномъ. Однако несомнѣнно, что только продонределісныe къ ін'ичному блаженству достигаютъ его. Въ тезисахъ о призванії Лютера особенно подчеркивается то, что священное писаніе представляетъ единственную основу, чудеса и преданія могутъ быть поддѣлами. Къ тому же многие пророки (какъ напр. Іоаннъ Креститель) не подтверждали своего ученія чудесами. Начало церкви свангелики видѣть въ союзѣ, заключенномъ Богомъ съ людьми; печатью этого союза являются таинства; они остались послѣ того, какъ чудеса исчезли (можетъ быть, благодаря невѣрію людей). Но чудеса не только недостаточны, ихъ слѣдуетъ даже отвергать, если они противорѣчатъ ученію священнаго писанія. Евангелики не откажутся отъ преемственности, хотя и не могутъ ее доказать. Кто противорѣчитъ священному писанію, тотъ еретикъ, и таковъ пана, который пренебрегаетъ при таинствахъ пропастія словами Господа, и поэтому онъ самъ антихристъ.

Такимъ образомъ мисіонерское рисунокъ Кампанеллы было отвергнуто. Неудивительно, что Кампанелла просилъ Бога просвѣтить его и помочь ему написать соответственное возраженіе. Въ своемъ возраженіи³⁾ онъ прежде всего указываетъ на некомпетентность Адами, какъ не теолога. Ученіе Лютера о свободѣ уже достаточно было освѣщено другими католическими исследователями (также Шоппе). Лютеръ также же нападаетъ на свободу, какъ Арий на божественность, Пела-

¹⁾ Epistola anti. Cap. IV въ Reminiscentur, стр. 103.

²⁾ Тамъ же, стр. 111a—114.

³⁾ Кампанелловский разборъ этикъ трактора начинается тамъ же, стр. 114.

гий на благодать. И если позднее Лютеръ отступилъ, то и въ этомъ онъ похожъ на Пелагія, который постоянно исправлялся, но и постоянно возвращался къ своему ложному учению. Его положеніе Кампанелла очерчиваетъ слѣдующими словами: *in voluntate enim antecedenti Deus est pater, in consequenti Iudicis turum gerit.*

Затѣмъ Кампанелла снова старается доказать, что Лютеръ является для евангеликовъ законодателемъ, и къ тому же недостойнымъ: онъ отъ Шоппе слышалъ различная о немъ непристойности. Для учения Лютера чудеса были бы весьма желательны, ибо, продолжаетъ философъ, „если бы догматы Лютера были истинны, я считалъ бы его ангеломъ, выше Иліи и апостоловъ, такая удивительная и полезная вещь оғь говорить“. Здѣсь вслкому вспоминаются часто приводимыя слова Джордано Бруно изъ его Виттенбергской прощальной рѣчи, въ которыхъ онъ Лютера ставитъ выше Геркулеса. Подобный же образомъ, могъ чувствовать и Кампанелла, по оғь необходимо должно быть бытіе сдерживаться изъ своего поанонитанскому заключенія. Поэтому далѣе онъ продолжаетъ: „по у Лютера иѣть примѣтъ истиннаго апостола, и множество примѣтъ противоположнаго характера“¹⁾. Вѣсто чудесъ, происходящихъ, по словамъ Адами, въ нѣдрахъ евангелической церкви, авторъ требуетъ публичныхъ чудесъ. Что касается священнаго писанія, то онъ спрашиваетъ, откуда вѣра въ него? Къ тому же Лютеръ отвергаетъ нѣкоторыя части его.

Далѣе Кампанелла замѣчаетъ: въ Римѣ дрожали, когда Лютеръ говорилъ о грѣхахъ и симоніи духовенства, но когда онъ коснулся таинствъ, тогда Левъ Х воскликнулъ: „мы побѣдили“. Въ вопросѣ обѣ иѣг҃а Кампанелла требуетъ доказательства тезиса, что Христость даваль чашу мірянамъ. Католическая церковь предоставляетъ имъ пятие духовное²⁾.

Этотъ отвѣтъ слѣдуетъ отнести къ 1623 году. Положеніе Кампанеллы рисуется изъ его признанія, что ему пришлось отказаться отъ приведенія мѣсть иѣть священнаго писанія и отцовъ церкви, такъ какъ онъ лишенъ всякихъ книгъ, даже священнаго писанія. Когда онъ кончить свою теологію, онъ обѣщаетъ прислатъ ее Адами. Такимъ образомъ связь между Кампанеллой и Адами не порвалась, несмотря на религиозное разногласіе. Несмотря на все уваженіе Адами къ философу, которое видно изъ его трудовъ по изданію сочиненій

¹⁾ Тамъ же, стр. 122а.

²⁾ Тамъ же, стр. 131.

Кампанеллы, возражение Кампанеллы его не удовлетворило, и онъ послалъ ему (вѣроятно въ томъ же году) 22 новыхъ тезиса. Онь проситъ Кампанеллу принять во вниманіе добрый намѣренія и мотивы противника. Евангелики не атеисты, какъ полагаетъ Кампанелла, они сторонники соглашенія, желаютъ окончанія спора, но этого нельзя достигнуть иначе, какъ опровергнувъ ихъ возраженія.

Согласно своей метафизикѣ, Кампанелла подраздѣляетъ еретиковъ и источники ересей на четыре вида, проискающіе: 1) изъ чрезмѣрныхъ сомнѣй и стремленія къ святости (Повиніанъ); 2) изъ козней сатаны (Монтанъ, Симонъ Магъ); 3) изъ чрезмѣрной учености; 4) изъ стремленія оправдать собственную слабость или грѣхъ (Керинотъ). Къ нимъ онъ приводитъ еще пятый разрядъ: стремленіе къ власти, наблюдающееся у атеистовъ; къ нему принадлежать гугеноты, новые политики, Кальвинъ. У Лютера было три основанія для обновленія церкви: а) дурной образъ жизни духовенства, б) ученіе Августина о свободѣ воли, которое его обмануло, с) его собственная гордость и сластолюбіе: онъ не сумѣлъ сохранить щѣломудріе, какъ Иоаннъ Креститель.

Затѣмъ слова слѣдуетъ подробное опровергніе тезисовъ Адами, на которомъ мы не будемъ останавливаться, такъ какъ знаемъ уже мнѣнія обоихъ противниковъ. Бросается въ глаза горячность Кампанеллы: его возраженіе полно такихъ словъ какъ *imprudentia*, *caucionis* и подобныхъ имъ; онъ самъ чувствуетъ неумѣстность такихъ выражений и въ оправданіе говорить, что онъ любить всѣхъ людей, но церковь есть трибуналъ, рѣшающій подобного рода споры; безъ нея священное писаніе только усилило бы разногласія ¹⁾). Въ дополненіи онъ указываетъ, какъ всякая ересь ведетъ къ атеизму: эти мысли встрѣчаются и въ *Atheismus triumphatus*. Адами пришлось разочароваться, если онъ ожидалъ спокойнаго сдержаннаго отвѣта; повидимому, вслѣдъ за этимъ онъ прекратилъ изданіе Кампанелловскихъ сочиненій.

Итакъ мы прослѣдили десять лѣтъ связи Кампанеллы съ его другомъ еретикомъ. Въ это время, повидимому, оправдались многія мысли Кампанеллы; некоторые выдающіеся язгѣдователи предполагаютъ даже, что Кампанелла былъ совѣтникомъ римско-католической партіи ²⁾). Но это было въ болѣе ограниченномъ объемѣ, чѣмъ принято думать.

¹⁾ Тамъ же, стр. 150.

²⁾ Ср. Kovallekъ въ ук. м. стр. 138 сл.

Намъ приходится вернуться назадъ на нѣсколько лѣтъ. Въ мартѣ 1614 г. Шопе письмъ Фабри, что онъ съ каждымъ днемъ все менѣе придастъ значеніе Кампанеллѣ. Въ іюнѣ 1615 г. онъ высказываетъ мнѣніе, что не стоитъ болѣе заботиться о Кампанеллѣ, это потріянный трудъ. Нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ (апрѣль) Шопе закончилъ въ Миланѣ трудъ, въ которомъ онъ защищаетъ Маккіавелла, какъ прямую противоположность Кампанеллѣ¹⁾); при этомъ онъ опровергаетъ главнымъ образомъ французскихъ кальвинистовъ, но и іезуиты, особенно Поссевини, получаютъ свою долю. Сомнительно, чтобы Кампанелла получилъ свѣдѣнія обѣ этомъ сочиненій, которое не было напечатано. Но, вѣроятно, къ этому времени относится толь факть, что Павелъ V послалъ къ Кампанеллѣ, не перестававшему осаждать папу просыбами и обѣщаніями, двухъ людей, въ томъ числѣ и Шопе, съ порученіемъ передать ему, чтобы онъ занялся разумными вещами, какъ напримѣръ миссионерствомъ²⁾). Въ результатѣ уже 1-го сентября 1617 г. Кампанелла посвятилъ папѣ большой трудъ, въ которомъ онъ отставаиваетъ миссионерство и въ посвященіи обѣщаетъ дать въ будущемъ еще кѣчто большее. Въ это время іезуиты начали дѣйствовать противъ Кампанеллы. Не находится ли это въ связи съ книгой? Обѣ эти книги мы будемъ говорить отдельно.

Послѣдующіе затѣмъ годы принесли великую и продолжительную религіозную войну, которая послѣ образованія союза и лиги была только вопросомъ времени. Выдающееся мѣсто среди буревѣстниковъ, занимаетъ Каснаръ Шопе. Его памфлетъ „Classicii belli sacri“ былъ впослѣдствіи включенъ въ манифестъ католической партіи. Его брошюра вызвала цѣлый потокъ враждебн. со стороны протестантовъ. Мы уже видѣли изъ нѣсколькихъ примѣровъ, что Шопе въ своихъ полемическихъ статьяхъ противъ евангеликовъ тѣсно примыкаетъ къ Кампанеллѣ³⁾), поэтому справедливо было бы въ интересахъ исторической правды вспомнить по случаю столь удачного для Рима начала тридцатилѣтней войны о томившемся на своемъ Кавказѣ Прометеѣ, который въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ писалъ впопыхъ христіанскія, проникнутыя церковнымъ и папскимъ духомъ произведения. Но въ Римѣ и въ Неаполѣ не считали себя чѣмъ либо ему обязанными.

¹⁾ Macchiavellica, MS изъ Biblioteca Vittorio Emanuele въ Римѣ.

²⁾ Ср. Reminiscitur. Посвященіе Павлу V.

³⁾ Ср. Kovallek въ ук. и. 482.

VI.

Въра Кампанелла въ чрезвычайно быстрые усігѣхъ пропаганды имѣла частью личное основаніе, проистекая изъ ого хиліастическихъ расчестовъ, частью же объективное, а именно блестящѣе усігѣхъ на этомъ поприщѣ католическихъ орденовъ со времени реформаціи. Я ограничусь указаниемъ на эти усігѣхъ, такъ какъ предполагаю ихъ извѣстными читателямъ, и считаю это знаніе необходимымъ для пониманія послѣдующаго ⁴⁾). Уже въ *Monarchia di Spagna* Кампанелла предполагаетъ такое тріумфальное шествіе католицизма. Трудно съ увѣренностью рѣшить, въ какомъ отношеніи реформаторская дѣятельность въ Калабріи должна была находиться къ планамъ о пропагандѣ, изложеннымъ въ *Monarchia*, а именно, вѣрить ли Кампанелла, что ожидаемыя имъ духовныя завоеванія Испаніи будутъ полезны для задуманной имъ реформы. Его намѣреніе выступить противъ Испаніи и Рима, воспользовавшись помощью турокъ, послѣ того какъ имъ были напечатаны нѣсколько теократическихъ сочиненій въ духѣ испанскаго престола, а также вѣроятно и *Monarchia di Spagna*, вызываетъ сомнѣнія, которыхъ не могутъ разсѣять его многократная увѣренія въ раскаяніи и обращеніи на путь истины. Но такъ какъ изслѣдованіе не даетъ никакихъ точныхъ данныхъ за или противъ, то остается только, отказавшись отъ намѣренія раскрыть мотивы Кампанеллы, указать на тотъ фактъ, что миссионерское рвение повидимому все сильнѣе завладѣвало узникомъ. Какъ было выше упомянуто, папа Павелъ V посовѣтовала Кампанеллѣ заняться миссионерскимъ вопросомъ ⁵⁾). Кампанелла не замедлилъ набросать обширный планъ, о которомъ и сообщилъ папѣ въ меморіалѣ, написанномъ въ годъ начала тридцатилѣтней войны ⁶⁾.

Судя по меморіалу, планъ обнималъ мѣропріятія для обращенія въ христианство, т. е. въ католичество, всего человѣчества; но папа Павелъ V не могъ имъ воспользоваться. Умирал, онъ, по словамъ Кампанеллы, указалъ своему преемнику на пользу этого произведения въ

⁴⁾ Для полной оценки духовной работы Кампанеллы такое знакомство съ современнымъ ему *Orbis christianus* необходимо. Читатель можетъ найти интересующій его сбѣдійніи въ исторіи католической пропаганды.

⁵⁾ Ср. предисловіе къ *Quod reminiscuntur* (Vatic. 8067).

⁶⁾ Напечатано въ *Mittheilungen aus der Stadtbibliothek Hamburg*, 1887, стр. 39 сл. Меморіалъ помѣщенъ 22 дек. 1618 г.

consilium de propaganda. Григорій XV використовувався consilium'омъ, поетому Кампанелла повторяє посвященіе, пред назначенное для Павла, его преемнику¹⁾). Что Григорій зналъ о Кампанеллѣ и его произведениях, не подлежитъ сомнѣнію; однако же Кампанелла, а іѣкій патеръ изъ Нарни приводится какъ лицо, проповѣдь котораго побудили папу учредить Congregatio de Propaganda²⁾). А между тѣмъ не только пріоритетъ идеи принадлежитъ Кампанеллѣ, но имъ быть сдѣланъ подробный планъ и дано въ главныхъ чертахъ содержаніе миссіонерской проповѣди для всѣхъ странъ свѣта. Можетъ быть, его слыши повредила аналогія Галілею, которую въ томъ же 1621 году начальникъ Адами и на которую въ Римѣ было наложено запрещеніе³⁾. Фактъ толькъ, что въ офиціальныхъ актахъ объ учрежденіи Congregatio de Propaganda не упоминается имени Кампанеллы, и его положеніе, не смотря на успѣхъ его идеи и распространеніе его сочиненій о пропагандѣ, не только не измѣнилось, при наль Григорію къ лучшему, а даже ухудшилось⁴⁾.

Какъ известно, въ 1626 году при преемнике Григорія Урбанѣ VIII несчастный узникъ, томившійся въ заключеніи болѣе четверти вѣка, былъ освобожденъ, но и послѣ его перевода въ Римъ онъ считался узникомъ, и только послѣ долгой борѣбы ему удалось (1629) добиться того, что его книги были допущены къ печати, при условіи согласія на томагистра Sacri Palatii⁵⁾.

Невѣдомо, имѣло ли на учрежденіе Collegium'a de Propaganda

¹⁾ Посвященіе въ предисловіи къ Quod. reminisc. Странно, что оно помѣщено 8-мъ марта 1620 г.

²⁾ Въ Maffei, Degli Annali di Gregorio XV, Roma 1743, учрежденіе конгрегаціи принимается Григорію какъ самостоятельный великий актъ. Напротивъ у Моголе (Dizionario stor.-eccl. I.V, стр. 301) читають, что на папу особенно новаіяя кардиналъ Girol. da Narini и кардиналъ Домініко di Gesu Maria.

³⁾ Ср. Amabile VIII, стр. 219.

⁴⁾ Какъ печально именно въ 1621 г. было его положеніе, видно изъ его письма къ Фердинанду II, отъ 1625 г., въ которомъ онъ говоритъ, что четыре года тому назадъ онъ былъ почти совершенно уничтоженъ (письмо до сихъ поръ не было напечатано, теперь я читаю его въ Sitzungsber. der Wienor Akad. d. Wiss.). Относительно освобожденія существуетъ иѣкоторое несогласіе между Амабиле и Ринieri, а именно по вопросу о томъ, какое въ немъ участіе принималъ папа. Послѣдній авторъ (въ ук. и. стр. 65—76) доказываетъ, на основаніи новыхъ документовъ, заслуги папы передъ Кампанеллою. Всегда Амабиле изложенъ у Зигварта Kl. Schriften I, стр. 301 сл.

⁵⁾ Amabile VIII, стр. 374, 409.

въ 1627 году вліннє произведеніе, которое въ рукоши имѣли уже въ 1624 году въ Неаполѣ два августинскихъ монаха и одинъ іезунть и которымъ они хотѣли воспользоваться для своихъ цѣлей¹⁾). Въ *Villa-regium*²⁾ Пронагайды съ благодарностью упоминается благотворитель, даръ которого помогъ осуществленію *Collegium*'а, но имя Кампанеллы въ немъ также не упоминается. Надо полагать, что онъ до конца продолжалъ работать надъ этимъ вопросомъ (т. е. съ 1616 по 1629 годъ). Для первой части сочиненія онъ воспользовался главнымъ образомъ своими собственными трудами, въ слѣдующихъ мы не находимъ указанія на источники; выдающимся предшественникомъ Кампанеллы, именно въ области восточного миссіонерства, можно считать француза В. Росселя, который находился въ какое время въ римской инквизиціонной тюрьмѣ.

Заключеніе произведенія мы беремъ съ датой послѣдняго посвященія³⁾. Въ этомъ видѣ мы имѣемъ произведеніе, одобренное годъ спустямагистромъ *Palatii*; издѣлованіе объ этомъ сочиненіи здесь впервые появляется въ печати.

Эпиграфъ для своего произведенія Кампанелла береть не изъ Но- ваго Завѣта, а изъ псалма, по которому обращеніе всѣхъ народовъ произойдетъ путемъ воспоминанія („Вспомнить и возвратятся къ Господу всѣ концы земли“). Въ параграфѣ 1-мъ, гл. I, говорится, что ничего неѣтъ естественнѣе того, чтобы веци возвращались къ своимъ принципамъ. Элементы и существа стремятся къ себѣ подобному, этого требуетъ самосохраненіе. Если это такъ, то всѣ существа должны вернуться къ Создателю, оксану всего бытія, особенно тѣ, которыхъ сходны и родственны высшему Существу, какъ ангелы и человѣческія души. Здѣсь несомнѣнно является чомѣхой тѣло, оно влечетъ къ землѣ, при чемъ стремленіе души становится скрытымъ, подобно огню, который можно вызвать только при помощи нѣкоторыхъ средствъ.

¹⁾ Жалобу на преждевременное заимствованіе изъ его сочиненій см. у Амабиаса VIII, стр. 232.

²⁾ Roma 1830, т. I, стр. 28 сл., 66 сл.

³⁾ 6-го априля 1629 г. Ср. „Reminiscentur“. Введеніе. *Ad Sanctiss. D. N. P. P. Urbanum VIII. F. Thomae Campaneliae stylensis ordinis Praedicatorum. Quod Reminiscentur et convertentur ad Dominum Universi Fines Terrae, Psalm. XXI, Volumen Quadruplicatum.—In prima parte continentur Legationes ad Coeliculos et Christianos Sacerdotes et Reges. In secunda Legationes ad praecipuos Reges Gentilium etc. In tertia Legationes ad Judeorum Synagogas et Proceres etc. In Quarta Legationes ad Machameitanos Reges et sectas etc.*

Подобно тому какъ элементы имѣютъ сознаніе сродства съ моремъ или съ душою, такъ душа съ самого начала ощущаетъ Бога; воспоминаніе есть возобновленіе прошедшаго ощущенія или познанія, вызванное чѣмъ-нибудь сладкимъ съ разѣ познанными вещами. Познаніе Бога прирождено людямъ, а не вызвано воспитаніемъ; познаніе, полученное путемъ воспитанія, дѣлаетъ человѣка скрѣе чуждымъ самому себѣ, такъ что душа не знаетъ, что она такое.

Подобно тому какъ жизненная теплота возносится по смерти къ солнцу, такъ и шептъ, освободившись отъ тѣлесныхъ желаній черезъ воспоминаніе о своемъ происхожденіи, стремится къ освобожденію отъ тѣла въ единеніи съ Богомъ.

Но на ряду съ этимъ общимъ воспоминаніемъ, Богъ посыпалъ частныя напоминанія, черезъ посредство Авраама, Моисея, основателя религіи, которая въ продолженіе длиннаго ряда лѣтъ будила это воспоминаніе, особенно же透过 посредство Давида. Черезъ тысячу съ чѣмъ-то лѣтъ явился Христосъ, котораго не признали евреи и только отчасти магометане. Но божественное слово не можетъ погибнуть, также не могутъ быть истинными столь многочисленныя противоположныя воззрѣнія, поэтому авторъ приглашаетъ всѣхъ на совѣтъ, такъ какъ всѣ мы братья, сыновья Адама, чтобы познать вѣру и истинную религію; онъ призываетъ всѣ секты вернуться къ истинному Богу, который будеть познанъ изъ этихъ преній. Такая проповѣдь указана Христомъ, какъ условіе его вторичнаго пришествія на землю для господства надъ міромъ, и дѣйствительно, христианство покоряетъ все новыя страны; правда, народилась оппозиція, вѣстниками которой являются Эпикуръ, Макіавелли и книга *de tribus impostoribus*. И тѣмъ не менѣе присигнуло время для второго пришествія Господа. Увѣренность въ этомъ основывается на общихъ причинахъ, особенно астрологическихъ, затѣмъ также на такихъ, которые признаются евреи и магометане, особенно же христиане. Слѣдуютъ указанія на Ездру, на евангелистовъ. Многіе антихристы, которые должны были предшествовать Господу, уже появились, ибо никогда не было столько ересей какъ со времени Виклефа; свершилось и предсказаніе Винцента изъ Феррари, что предшественникъ антихриста явится изъ среды нѣмецкихъ монаховъ, а именно въ лицѣ Лютера. Но и другіе пророки, особенно Захарія, провозгластили эту истину, поэтому слѣдуетъ здесь указать на книгу *de prophetis libis*. Идуща изъ глубины души молитва къ Богу переходитъ у автора въ чистосердечную исповѣдь, въ которой опять вполнѣ сознается въ но-

пытей къ революции, имѣвшей мѣсто 30 лѣтъ тому назадъ. Эта исповѣдь подтверждаетъ тогдашнюю антихристіанскую точку зрѣнія автора и правоту свидѣтельскихъ обвиненій.

Въ слѣдующихъ параграфахъ находится рядъ посланий: одно обращено къ самому Богу, затѣмъ къ человѣческому роду, къ нац., къ ангеламъ, къ дьяволу. Начиная съ гл. IV, рѣчь обращена къ христіанамъ: сначала авторъ обращается ко всѣмъ христіанамъ вообще, затѣмъ къ прелатамъ, особенно къ римскимъ кардиналамъ, и къ монахамъ и клирикамъ. Вопросъ заключается въ томъ, какія реформы слѣдуетъ предпринять во всемъ христіанскомъ духовенствѣ въ интересахъ пропаганды? Отвѣтъ частью общій — улучшеніе правовъ и всестороннее образование, частью касается миссионерской практики. Авторъ выражаетъ желаніе, чтобы послыаемые къ невѣрнымъ вѣстникамъ вѣры были достойнымъ образомъ обставлены, особенно въ завоеванныхъ ими провинціяхъ; онъ требуетъ, чтобы тотъ, кто обратилъ еретиковъ или невѣрныхъ, получалъ санъ епископа, или же, если онъ захочетъ идти дальше и продолжать свой трудъ, онъ могъ поставлять на свое мѣстоvikarія, по примѣру апостоловъ.

Глава V посвящена императору и другимъ властителямъ, особенно итальянскимъ князьямъ: въ пар. 1 говорится, что если бы наступило согласіе между христіанами, турки не могли бы имъ противостоять. Въ пар. 2 указаны средства для поднятия христіанства, отчасти уже извѣстныя: все должно зависѣть отъ папы, слѣдуетъ образовать подъ его предсѣдательствомъ Collegium въ Римѣ, на которомъ разбирались бы все споры, князья должны приносить клятву, что будутъ подчиняться его рѣшеніямъ, тогда христіане скоро станутъ господами. Тѣмъ, кто съ насыщкой встрѣчаетъ такой планъ, авторъ указываетъ на то, что ко всякой великой законодательной или научной реформѣ относились сначала скептически. Это обывательство относительно римскаго Collegium'a особенно подобаетъ принять итальянскимъ князьямъ, самыми образованными и самыми могущественными въ христіанскомъ мірѣ. По смерти одного изъ нихъ его область должна временно быть передана кардиналу, чтобы затѣмъ со временемъ она слилась съ папской областью. Всѣ законы должны перестать дѣйствовать, останутся только канонические, которые должны составить Deuteronomium, такимъ образомъ Италия станетъ magistra domina et mater. Кромѣ того слѣдуетъ еще считаться съ тремя католическими властителями (гл. VI): во-первыхъ, съ испанскимъ королемъ. Ему предстоитъ высокая миссія стать во времена пришествія Мессіи всемирнымъ императоромъ: глупо изъ

за уголка въ Италии отказываться отъ всемирной роли и мучить сыновъ Христа. Авторъ, какъ патріотъ, упрекаетъ короля за его враждебность къ Италии—весьма неразумную въ виду венеціанцевъ и французовъ—и напоминаетъ ему о своихъ сочиненіяхъ, написанныхъ для прославленія Испаніи. Пусть король позаботится о томъ, чтобы не лишиться столь великой славы, что можетъ случиться, если онъ не будетъ върнуть самому себѣ. Въ слѣдующемъ параграфѣ, обращенномъ къ христіанскому королю, авторъ не согѣтуетъ ему выѣхивать изъ дѣла Италии¹⁾, а лучше рекомендуется применить къ предполагаемому Collegium'у и вмѣстѣ съ Италией обрушиться на турокъ. Королю польскому и шведскому онъ указываетъ на то, что нападеніе датчанъ на его владѣнія является наказаніемъ ему за то, что онъ открылъ свои владѣнія еретикамъ.

Все это представляется подготовительную, основную часть. Когда католическіе государства вполнѣ проникнутся идеей единства, данной въ папствѣ, тогда можно обратить вниманіе на некатоликовъ, и прежде всего на схизматиковъ. Посольство должно убѣдить абиссинскаго короля въ ложности монофизитства, и именно указаніемъ на различіе между лицомъ и словомъ. Второе посланство должно быть послано къ великому князю московскому и къ греческимъ прелатамъ; первого оно должно убѣдить въ необходимости распространенія культуры ит. его государства, тогда его государство будетъ стоять выше всѣхъ, но, конечно, для этого должна быть упичтожена схизма. Далѣе авторъ старается доказать, что кафедра Петра была призвана при самомъ возникновеніи церкви; относительно filioque онъ прибѣгаеть къ своей метафизикѣ и доказываетъ, что любовь должна пронестекать изъ могущества и мудрости, а также доказываетъ ученіе о чистилищахъ. Болѣе важенъ совѣтъ великому князю призвать въ свою страну латинскихъ монаховъ и духовенство, открыть гимназіи и хорошенко обдумать вопросы вѣры и тогда уже изобличать римско-католиковъ за приверженность къ папству. Для этой цѣли авторъ предлагаетъ устроить коллоквиумъ, для которого онъ составилъ пять пунктовъ. Въ этомъ посланіи отведено мѣсто и астрологіи: въ 1572 году была замѣчена большая звѣзда на высотѣ и меридианѣ Москвы; это является для нея предозвѣстникомъ великаго будущаго, поэтому пусть великий

¹⁾ Именно Неаполь подобенъ „прикамью“, брошенной дьяволомъ въ церковное море, для того, чтобы Галлія и Испанія подняли изъ за него споръ и позабыли своего общаго врага.

князь бросить грековъ обратится къ Риму и проложить себѣ такимъ образомъ путь въ даль. Послѣ схизматиковъ авторъ переходить къ еретикамъ. Здѣсь вниманіе проще всего обращено на Англію; посланіе адресовано къ Іакову. Кампанелла хвалитъ короля за его сочиненіе, хотя и не видѣлъ его книги¹⁾). Отвѣтъ съ его стороны можетъ служить то, что написалъ Шоппе относительно одного пункта, о которомъ онъ спрашивался у автора. Король поступилъ легкомысленно, отступивъ отъ старой вѣры не на основаніи чудесъ и убѣждений; такъ поступали только еретики; хорошо было бы, если бы онъ отвернулся отъ ереси и своимъ примѣромъ отвратилъ бы и другихъ. Датскому королю Кампанелла говорить объ открытии Тихо де Браге новой звезды, что, несомнѣнно, имѣть высокое значеніе. Наибольшую часть занимаютъ посланія къ нѣмецкимъ еретикамъ, затѣмъ слѣдуетъ Epistola Antilutherana, посланная Адами, оба его отвѣта и возраженія автора. Эта первая часть имѣла нѣкоторый успѣхъ²⁾); заключеніе всей книги состоить въ томъ, что всякая ересь ведеть къ атеизму; заключеніе чрезвычайно важное по послѣдствіямъ для цѣлой автора.

Во второй книгѣ находятся десять посланій къ язычникамъ. Принципиальное значеніе имѣть первое, направленное къ язычникамъ вообще и соприкасающееся во многомъ съ Atheism. triumph. Главныя мысли его слѣдующія: единство Бога, единство человѣческаго рода, провидѣніе и бессмертіе. Кромѣ упомянутаго Atheismus tr. авторъ пользуется своей метафизикой, а именно при доказательствѣ простоты души. Вопросы, которые могутъ подняты языческіе читатели, могутъ быть выяснены на предполагаемомъ великомъ соборѣ. Самъ авторъ ставить шесть такихъ вопросовъ, которые по своему характеру принадлежать къ христіанской теодицеѣ.

Второе посланіе поучаетъ японцевъ объ исполненіи пророчествъ Исаіи, упрекаетъ ихъ государя въ богохульствѣ, ихъ самихъ и культь животныхъ, при чемъ авторъ ссылается на свое анти-макіавеллистическое сочиненіе, направленное противъ ихъ эпикурейски-макіавеллистическихъ сектъ. Въ третьемъ посланіи авторъ обращается къ китайцамъ: онъ, во-первыхъ, упрекаетъ ихъ за ихъ ограниченіе отъ остального міра; оно иначе: христіане, а именно испанцы, вмѣшиваются въ дѣла Америки, только когда это необходимо; кромѣ того Богу легко сло-

¹⁾ Мы говорили о ней въ предыдущей главѣ.

²⁾ Одинъ изъ ультрамонтаній, выдающейся юристъ Хр. Бѣзольдъ, переводчикъ Monarchia di Spagna, действительно перешелъ въ католичество. См. Sigwart, II, стр. 179.

мить могущество Китая черезъ посредство Японіи и татарь. Китайцы на ряду съ животными поклоняются еще дьяволу, какъ будто Богъ не можетъ позаботиться о человѣкѣ; поэтому авторъ привываетъ ихъ вернуться къ разсудку. Королей въ браминовъ Индіи авторъ (Посланіе IV) убѣждаетъ въ ложности ученія о переселеніи душъ, о томъ, что Богъ есть мировая душа, и о возможности сдѣлать людей безгрѣшными. Въ слѣдующемъ посланіи (V) къ королю и браминамъ авторъ борется противъ сожженія вдовъ: какъ это совѣстно сть запрещеніемъ убивать животныхъ, даже блокъ! Тогда они должны были бы щадить жизнь вмѣй и хищныхъ звѣрей, противъ чего справедливо выступалъ еще Платонъ, такъ какъ несовершенныя существа созданы ради пользы болѣе совершенныхъ. Также неправильно считать животныхъ мѣстомъ наказанія душъ. Авторъ хвалить индуистъ, живущихъ по ту сторону Гангъ, за ихъ вѣру въ конецъ міра черезъ огонь и въ послѣдующій Божій судъ. Неправильно ить ученіе о рядѣ міровъ, о конечномъ блаженствѣ въ нирванѣ. Для христіанъ смерть есть исправленіе. Въ седьмомъ посланіи къ князьямъ и учителямъ сіамскаго королевства авторъ вовстаетъ противъ культа людей и элементовъ. Неправильно предполагать, будто животные и растенія подлежатъ также наказанію. Предположеніе, что изъ 8.000 ятъ 6.000 уже прошли, ни на чёмъ не основано, число намъ неизвѣстно, хотя астрономы и говорятъ, что конецъ міра близокъ. Татарь и ихъ великаго хана онъ учитъ, что не существуетъ двухъ боговъ, земля не имѣть особаго бога, не существуетъ переселенія душъ, что они поступаютъ неправильно, не допуская къ себѣ чужестранцевъ, такъ какъ мы должны къ нимъ ити. Ихъ ученіе происходитъ отъ Маркіона, черезъ посредство манихеевъ, которые представляютъ смѣсь древнихъ скинозвъ и евреевъ. Напротивъ твердо установлено, что есть единный Богъ, и его Мессія уже явился. Слѣдующее посланіе направлено въ Африку; въ немъ авторъ хвалить великаго короля Моюнотока за его монотезмъ, его ждутъ еще болѣе великия дѣла: авторъ сообщаетъ ихъ ему изъ чувства долга, не взирая на препятствія, возводимыя на его пути магометанами. Слѣдуетъ обучить мало знакомые автору пограничные народы тому, что ихъ касается. Послѣднее посланіе сообщаетъ американцамъ, что испанцы покорили столь многие народы только при помощи Бога. Американцы поступаютъ неправильно, начиная относиться съ меньшимъ уваженіемъ къ испанцамъ и ихъ религіи, испанцы принесутъ имъ счастье, такъ какъ отвратить ихъ отъ грѣха противъ Бога (возвышеніе надъ

нимъ животныхъ) и противъ природы (содомія і людоїдство). Сходство ихъ культа съ христіанскимъ ничего не доказываетъ, въ язычествѣ существовали и иные сходства. О предстоящемъ имъ концѣ говорять предсказанія ихъ собственныхъ демоновъ.

Какъ принципіально, такъ и исторически третья книга (къ евреямъ) менѣе достойна вниманія. Возраженія, приводимыя со стороны евреевъ противъ христіанства, такъ же не новы, какъ и опроверженія ихъ. Книга состоитъ изъ четырехъ посланій, соответственно четыремъ эпизодамъ разсѣянія еврейскаго народа: зоюшское при Соломонѣ, татарское при Ассарѣ и Салманассарѣ, вавилонское при Навуходоносорѣ и римское при Титѣ и Адріанѣ. На извѣстные упреки евреевъ авторъ отвѣчаетъ яростнымъ нападеніемъ на талмудъ. Четвертое посланіе сообщаетъ о распространеніи евреевъ послѣ послѣдняго разрушения Испаніи. Въ заключеніи книги находятся слишкомъ подробное разъясненіе разногласій между талмудомъ и христіанствомъ. Евреи были испорчены талмудомъ, который хуже корана. Укажу на два замѣчанія: на упрекъ, что христіане не чтутъ день субботній, авторъ возражаетъ: „я признаю, что отдыхъ въ извѣстные дни нуженъ для подкѣрѣпленія тѣла и возвышенія души и отвѣчать естественному праву, но будетъ ли для этого выбрана суббота или воскресенье, сводится только къ церемоніалу и обычаю (ceremonialia et institutiones). Къ тому же начало міра было въ день Господень“. Важнѣе второе замѣчаніе: авторъ полагаетъ, что если бы Христость не восхвалилъ Моисея какъ человѣка Божія и не превратилъ ритуаль въ истину, тогда, можетъ быть, теперь никто въ мірѣ не цѣнилъ бы закона Моисея выше закона Нуры Помпілія, Минosa и др., т. е. на него смотрѣли бы какъ на чоловѣческое изобрѣтеніе. Достаточно вспомнить взглядъ язычниковъ на евреевъ.

Четвертая книга направлена противъ магометанъ. Она состоитъ изъ посланий къ туркамъ, персамъ, арабамъ и марокканамъ; чистое посланіе озаглавлено „ad Regem Zagaitanorum et Regem Mogorum, Turcarum sextae faventes“. Первое посланіе представляетъ допросъ, на которомъ выслушивается обвиненіе магометанъ и защита христіанъ. Главныя обвиненія заключаются: въ признаніи Троицы, въ томъ, что Богъ имѣлъ отъ Маріи сына, и въ поклоненіи невѣстѣ Божіей. Кампанелла постоянно ссылается на коранъ и отвѣчаетъ рѣзкими нападеніемъ на магометанъ, ведущихъ совершенно животную жизнь; при этомъ онъ ссылается на Авицену, Аверроesa, Алгазали и подробнѣо доказываетъ, что ученіе Магомета грѣшитъ противъ природы,

Бога и нравственности. При этомъ онъ приводить изъ Корана различные смѣшные возврѣнія и высказываетъ противорѣчія у Магомета, но скоро это ему надоѣдаетъ. Первое посланіе заканчивается продолженіемъ обмѣняться священными писаніями, затѣмъ созвать си-
ночь; самъ Кампанелла явится на состязаніе хотя бы одинъ, затѣмъ побѣжденный долженъ будеть подчиниться. Королю персидскому (посл. III) онъ сообщаетъ, что Коранъ въ настоящемъ его видѣ навѣр-
ное поддѣлать, на это имѣются не только философскія, но и астро-
номическія основанія. Замѣтательна его полемика противъ дуализма,
который онъ приводить въ связь съ персидскимъ манихействомъ.
Наконецъ, послѣ новой справки онъ пытается склонить персовъ объ-
щаніемъ золотого вѣка, для того, чтобы они принадлежали уже ко
Христу при его близкомъ второмъ пришествіи. Арабовъ (посл. II)
Кампанелла прежде всего упрекаетъ за ихъ убийства и защищаетъ
этическій преимущества христианъ. Гораздо интереснѣе посланіе IV;
въ немъ мароккане признаются болѣе образованными, чѣмъ доказы-
ваютъ ихъ возраженія. Но и ихъ авторъ легко побѣждаетъ. Въ от-
вѣтъ на ихъ указаніе на свои побѣды, какъ на божественные, авторъ
отвѣчаетъ, что многія религіи одерживали побѣды, а затѣмъ поги-
бли. Когда противникъ при защищаетъ многоженства ссылается на пат-
риарховъ, авторъ возражаетъ, что это было въ тѣ времена, когда
только спаси душами вѣрующіе поколѣнія, умноженіе котораго было
необходимо. Авторъ охотно предоставляетъ Лютера и Кальвина
марокканамъ. Христіанскому потряблению имѣя онъ противоставлять
употребленіе магометанами перстна. Интересны представленія о рабѣ:
мароккане не желаютъ въ раю отказаться отъ женщій, тѣмъ болѣе,
что и Адамъ ихъ имѣлъ; но нашъ авторъ полагаетъ, что общанія
Христа слѣдуетъ понимать въ мистическомъ смыслѣ, тамъ будеть
всикое *sana delectatio, „veneges“* же не запрещено. Авторъничего не хо-
чуть слышать о животныхъ, которыхъ мароккане тамъ ожидаютъ
найти, ибо они не *„religiosae“*. Въ послѣднемъ У посланія къ индійскимъ
магометанамъ авторъ преклоняются передъ могуществомъ государя, но
спрашивается, какъ возможно вѣрить суевѣрнымъ астрономическимъ
представленіямъ Магомета? Онъ посыпаетъ имъ священное писаніе
вмѣстѣ съ *Prophetales*; онъ напоминаетъ имъ о предполагаемомъ со-
борѣ и убѣждаетъ ихъ послать на него своихъ ученикѣйшихъ мужей.
Этимъ заканчивается книга. Въ небольшомъ примѣчаніи авторъ пере-
числяетъ еще разъ приводимыя имъ сочиненія. На послѣдней страницѣ
находится цепуза магистра S. Palatii, въ качествѣ котораго профес-

серь Placidus Filingerus заявляетъ, что онъ нашелъ, что эта книга, выдающаяся *rationibus et eruditione*, весьма пригодна для людей, занимающихся пропагандой, очень приятна для христианскихъ теологовъ и философовъ, и заслуживаетъ всеобщаго одобрения, такъ какъ прекрасно соединяетъ полезное съ приятнымъ¹⁾.

Своимъ происхождениемъ, какъ мы уже видѣли, эта книга обя-зана указаниемъ папы; при разработкѣ подробностей автора оживляла надежда добиться посредствомъ ея свободы. *Confessio*, находящаяся въ первой книгѣ, могло показать всему миру, что прежний револю-ционеръ превратился въ благочестиваго христианина. И все же мы не можемъ не видѣть въ ней развитія его самыхъ крайнихъ идей. Ученый теологический и географический материалъ не можетъ ввести насъ въ заблужденіе. Это произведеніе относится къ книгѣ объ испанской монархіи такъ, какъ папская власть къ власти католи-ческаго короля. Поэтому настъ не удивить то, что въ первой же книгѣ мы находимъ „Испанскую монархію“.

По именно обоснованіе всого произведенія представляется намъ выходящимъ далеко за границы произведенія, написаннаго ради ком-промисса: пропаганда не приноситъ даже нехристианамъ ничего сущес-твенно новаго, обращеніе въ христианство возвращаетъ ихъ только къ ихъ чисто естественному состоянію. Слѣдовательно, нельзя оспа-ривать, что въ этой книгѣ встрѣчаются тѣ же основныя религіозныя воззрѣнія, что и въ Солнечномъ городѣ; съ другой стороны мы встрѣ-чаемъ многія соотвѣтствующія этому идеалу признанія, которыхъ здѣсь также неизбѣжны, какъ въ Испанской монархіи, разъ это произве-деніе желало имѣть серьезное практическое значеніе, а для его автора важно было именно практическое значеніе. Насъ не удивляетъ, что въ числѣ уступокъ, дѣляемыхъ авторомъ, мы встрѣчаемъ и моно-гамію, правда въ противоположность къ магометанской полигаміи. И

¹⁾ На послѣдней 372 страницѣ мы находимъ слѣдующія строки, накладывающія печать достоинства на всю книгу, скѣдовательно и на посланіоне, поэтому мы ихъ вынимаемъ цѣлкомъ: *Ei commissione R-um Patria, Fratris Nicolai Ricardi, Magistri Sacri Palatii, Ego Dominus Placidus Filingerus iunior Theologus Clericus Regularis perlegi opus hoc et non modo illud in nullo amorum honestato et fidei firmitate alienum invenio, verum rationibus et eruditione paeclarum, iis qui fidei propagandas invigilant egregie accommodata. Theologis philosophis christianis omni-bus iucundissimum pulcherrime omne tulit punctum commiscens utile dulci. Data in Aedibus St. Andree de Valle Urbis die 23 May 1630. Ego Dominus Placidus Filingerus Clericus Reg. in sacrae Theol. Prof. mp.*

уже это одно должно настъ испаѣжно привести къ изслѣдованию предполагаемой зависимости между государствомъ іезуитовъ въ Парагваѣ и кампанелловской „Civitas Solis“.

Четверть вѣка тому назадъ Готтеймъ въ изслѣдованіи „Der Christlichsociale Staat der Jesuiten“¹⁾ пришелъ къ заключенію, что это государство іезуитовъ не связано съ государственными теоріями ордена и его учителей; іезуитскіе учителя наложили бы узду на свою фантазію и едва ли осмѣялись бы переступить границы конкретнаго. Кампанелла высказалъ въ своемъ Солнечномъ городѣ ихъ затасканныхъ идеи, и онъ могъ это сдѣлать, ибо ого произведеніе могло сойти за фантазію, а между тѣмъ въ немъ, какъ полагаетъ Готтеймъ, самымъ безцеремоннымъ образомъ наложены идеи католицизма, обновленного и расширенного возрожденіемъ²⁾, и поэтому іезуиты, которые это понимали, провели самымъ полнымъ образомъ эти идеи въ Парагваѣ, въ видѣ ощущь, который затѣмъ долженъ быть постепенно распространяться на весь христіанскій міръ.

Къ сожалѣнію, доказательства Готтейма заключаются только въ сравненіи такъ называемыхъ редукцій (іезуитскія колоніи) съ кампанелловскимъ образцомъ. Онъ только мимоходомъ указываетъ на ис-обходимыя требования, съ которыми пришлось имѣть дѣло іезуитамъ при образованіи этого государства, и весьма поверхностно, съ ссылкою на Супреца и Маріана, отклоняется возможность проведения ими идеи ихъ ордена при организаціи знаменитаго іезуитскаго государства. Главное совпаденіе Готтеймъ находитъ въ требованіи, чтобы естественный разумъ лежалъ въ основѣ всего, и въ то же время во взглядѣ на государство, какъ на произведеніе искусства, во введеніи труда, который бы не нарушилъ личности, а сохранялъ ее и который самъ по себѣ „могъ бы повести къ полному отрицанію собственности“ (7). Когда затѣмъ, по возможности будуть уничтожены эти языки, то наступить сліяніе религіозной и политической жизни, которое найдеть самое рѣзкое выраженіе въ такой любви къ справедливости, которая замѣнитъ законъ. Готтеймъ перечисляетъ множество подробностей, указывающихъ на сходство, но не можетъ умолчать о большомъ различіи въ вопросѣ о бракѣ. Здѣсь ему на помощь приходитъ, ничего въ сущности не говорящее, указаніе на время, наступившее послѣ уничтоженія іезуитскаго государства.

¹⁾ Leipzig 1883.

²⁾ Тамъ же, стр. 3.

Также неудовлетворительно и собственно историческое исследование. Мы только узнаемъ, что итальянцы Катальдино и Мадета набросали планъ конституціи государства въ то время, когда Кампанелла былъ въ заключеніи; знали ли они о кампанелловскомъ Солнечномъ градѣ, этого авторъ не можетъ установить; по если они даже и не знали о немъ, то ихъ попытка указываетъ на то, что эти теоріи были распространены и привлекали къ произведению опыта. Если къ этому прибавить, что мы ничего не узнаемъ у Готтейма объ отношеніи указанной конституціи къ созданной въ Америкѣ дѣйствительности, что и объ этой дѣйствительности мы не имѣемъ прямыхъ, точныхъ и бесспорныхъ указаний, то легко будетъ ложить, почему предположенія Готтейма вызвали вполнѣ справедливый возраженія. Такъ вскорѣ послѣ появленія работы Готтейма появилась статья Катрэйна, въ которой онъ оспариваетъ историческую достовѣрность набросанной Готтеймомъ картины государства ¹⁾ и называетъ предположенія и сужденія Готтейма произвольными.

Особенно интересно, какъ Катрэйнъ устанавливаетъ отношеніе ордена къ коммунизму; іезуиты, пишетъ онъ, всегда стояли за частную собственность; de Lugo считалъ возможнымъ коммунизмъ только въ небольшихъ общинахъ, поэтому они его осуществили только въ Парагваѣ и то только отчасти, ибо тамъ всякая семья имѣла свое поле и свой скотъ и заботилась о немъ; кроме этого имѣлась и общая собственность, поддерживаемая всей общиной, получаемые съ нея продукты шли на содержание церквей, больныхъ, чиновниковъ, солдатъ, и кроме того существовалъ запасной складъ для испредвидѣнныхъ случаевъ; остальное продавали и изъ вырученныхъ денегъ уплачивались подати и покупались необходимые для обхода предметы. Еще болѣе, чѣмъ это, противорѣчить кампанелловской схемѣ святость брака. Поэтому Катрэйнъ считаетъ положенія Готтейма фантастичными, хотя онъ и готовъ признать некоторые неизбѣжные недостатки въ іезуитской схемѣ государства. Съ Катрэйномъ соглашается въ вопросѣ о зависимости протестантъ Пфотенгауэръ ²⁾). Хотя онъ совершенно иначе судить объ учрежденіи іезуитовъ, однако послѣ основательного изслѣдованія кампанелловской схемы государства онъ приходитъ къ заключенію, что іезуитское государство въ своихъ основныхъ чертахъ независимо отъ нея, скорѣе же представляетъ, къ сожалѣнію, примѣненіе іезуитской конституціи, т. е.

¹⁾ Stimmen aus Maria-Laach, 1883, стр. 489 сл.

²⁾ Die Missionen der Jesuiten in Paraguay. Göttersloh. 1891—93. Bd. 2.

конституції ордена, къ народныи отношеніямъ¹⁾). Этими словами онъ отвергаетъ оригинальную мысль Готтейма, что здѣсь имѣлся въ виду опытъ, хотя онъ и считаетъ возможнымъ, что идеи Кампанеллы послужили отцамъ руководствомъ для вѣнчикаго устройства редукцій на данномъ фундаментѣ²⁾). Вурмъ³⁾ одинакового мнѣнія съ Катрейномъ, который напиралъ на то, что іезуиты не явились въ Парагвай съ готовымъ планомъ; „благодаря прямолинейной организації іезуитскаго ордена, говорить Вурмъ, господствование его надъ всѣми соціальными условиями въ тѣхъ случаяхъ, когда ему предоставлялась полная свобода, вытекало само собою и не пуждалось въ образцѣ извѣнія“.

Напротивъ, анонимный авторъ „Schlarafia politica“ признаетъ взглѣдъ Готтейма вполнѣ правильнымъ; въ отдѣленіи, озаглавленномъ Phantasia wird Wirklichkeit⁴⁾), онъ проинеся высказанными въ книжѣ Готтейма идеями и преподносить ихъ читателю за истину. „Художественное устройство іезуитского государства, говорить онъ, порадовало бы привыкшаго къ заключенію Кампанеллу“. Онъ находитъ сходство не только въ принципѣ, но и во многихъ частностяхъ, и хотя онъ и не можетъ доказать, что іезуитское государство было устроено по образцу Солнечного города, однако онъ считаетъ себя въ правѣ изъ ихъ сходства заключать, что эти идеи укоренились во время контрѣ-реформаціи и настойчиво требовали эксперимента, „интенсивнѣаго изъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторії“.

Эти утвержденія совершающіо не опровергаютъ вображеній Катрейна и Пфотенгауера, поэтому не представляютъ для насъ дальнѣйшаго интереса. Въ своемъ позднѣйшемъ трактатѣ о Кампанеллѣ⁵⁾ Готтеймъ не повторяетъ своего первого положенія и считаетъ кампанелловскій Солнечный городъ мало оригинальнымъ. Если это и можно считать отступлениемъ, то въ дѣйствительности это оставляетъ вопросъ открытымъ. Вавельській вкратцѣ обстоятельства, которымъ мы, посль разсмотрѣнія вопроса о зависимости, можемъ сопоставить какъ признанныя.

Кампанелла, какъ вѣрующій, пользовался очень плохой славой, и въ Солнечномъ городѣ содержится, конечно, подъ покровомъ, его

¹⁾ Тамъ же, стр. 18, 29.

²⁾ Тамъ же, стр. 30.

³⁾ Theol. Literaturzeit., 1893, стр. 267.

⁴⁾ Ср. стр. 102 сл.

⁵⁾ In Zeitschrift f. Kulturgeschichte 1894.

антихристіанская система. Въ первоначальной (итальянской) переработкѣ отъ придалъ этой системѣ видъ церковной реформы, основанной на видѣніяхъ святыхъ Екатерины и Бригитты, и возможно, что въ этомъ видѣ его система сдѣлалась известной въ обширныхъ кругахъ, между прочимъ и у іезуитовъ¹⁾, но отъ этого его произведеніе, которое также поизрвилось вюртембергскимъ лютеранамъ, не стало болѣе цензурнымъ. Это я заключаю изъ заглавія, подъ которымъ оно было издано впервые Адамъ въ латинскомъ переводе: *Idea reipublicae philosophicae*. Съ 1623 г. оно въ этомъ видѣ стало всѣмъ известнымъ и доступнымъ. Но возможно ли предположить, чтобы іезуиты стали основывать на далекомъ западѣ свое государство, руководствуясь философскими эскизомъ? Это такъ же мало правдоподобно, какъ и то, чтобы они захотѣли копировать мятежнаго еретика. Такъ наивны они не были. Соответственно слѣдуетъ сократить и аргументъ *post hoc, ergo propter hoc*. Самъ авторъ чувствовалъ, что Солнечное государство носить монашескій характеръ, и это въ самомъ произведеніи говорится²⁾: его натурализмъ можно найти въ иѣзутскихъ опредѣленіяхъ назначенія другого ордена, при чемъ настъ не удивляетъ, что рѣчь идетъ о такихъ определеніяхъ, которыя дикому народу должны были запечатлѣть специфически іезуитскіе черты характера³⁾. Особению принять въ расчетъ различія, мы должны будемъ усомниться въ томъ, чтобы Кампанеллѣ доставило удовольствіе это государственное устройство. Мы подразумѣваемъ того Кампанеллу, который осмѣялся сдѣлать въ Калабріи попытку осуществленія солнечного государства.

Иначе обстоитъ дѣло съ тѣмъ Кампанеллой, который, въ качествѣ обращенного, помогается у папы освобожденія и работаетъ по его указанію надъ планомъ пропаганды. Если его планъ пропаганды найдутъ заслуживающимъ вниманія, то онъ естественно возбудить интересъ и не возбудить возраженій. О послѣднемъ можетъ свидѣтельствовать данный мною набросокъ его, при чемъ я долженъ еще прибавить, что въ этомъ произведеніи общность имущества не была осуждена. Что это произведеніе возбудило интересъ, видно изъ того, что уже въ 1624 г. оно находилось въ рукахъ іезуитовъ и капуциновъ. Возможно, что имъ пользовались и американскіе іезуиты. Правда,

¹⁾ Тѣмъ бѣже, что его произведенія были подчинены цензурѣ кардинала Бальарини.

²⁾ Ср. также *Schlaraffia pol.* стр. 84.

³⁾ Мы подразумѣваемъ позднѣѣ споры о приспособленіи.

послание къ американскимъ и австралийскимъ язычникамъ (198—207) давало мало материала.

Въ 1630 г. (и очевидно до самой своей смерти въ 1639 г.) Кампанелла ничего не зналъ о томъ, что его солнечное государство осуществлено въ Америкѣ, иначе онъ упомянулъ бы объ этомъ въ посланіи. Поэтому мы полагаемъ, что Кампанелла, Солнечное государство котораго не связано ю своему содержанию съ контрь-реформацией или самое большее является ея противоположностью, не отвѣтственъ за опытъ, какимъ исторія считаетъ государство іезуитовъ; напротивъ, съ полнымъ правомъ можно утверждать, что идти обѣ учрежденій коллегіи пропаганды и Propaganda Congregatio принадлежитъ ему. Ибо его всегда занимала мысль обѣ единства человѣческаго рода, и идея такой организации труда на пользу религиознаго единства, которую онъ считалъ практически выполнимой, хотя и носилась въ воздухѣ, въ дѣйствительности была возбуждена Кампанеллой посредствомъ произведенія, изъ которому эта идея разработана до мельчайшихъ подробностей съ большою ученостью, остроуміемъ и ревностію. Можетъ быть, этого не хотѣли признать, поэтому печатаніе было запрещено. Но могли быть и иные причины.

VII.

Мотивы, побудившіе Урбана VIII выступить въ пользу Кампанеллы, были отчасти политическіе¹⁾. Будучи противникомъ испанцевъ, онъ хотѣлъ, во-первыхъ, проявить свою самостоятельность, но возможно, что его также тронула участіе несчастнаго узника, проявлявшаго такое глубокое раскаяніе. Возможно, хотя и нельзя утверждать съ увѣренностью, что въ астрологія играла некоторую роль. Папа, какъ говорятъ, раздѣлялъ съ некоторыми своими современниками вѣру въ астрологію. Онъ былъ по прочь получить свѣдѣнія о своей судьбѣ, въ именіо, относительно предсказанной ему въ ближайшемъ будущемъ смерти. Кампанелла же, можетъ быть изъ расчета, тотчасъ послѣ своего перевода въ Римъ написалъ статью, въ которой доказывается, что можно избѣжать предсказанной звѣздами судьбы. Это со-

¹⁾ Възаѣмне Амабиле вкратцѣ передало въ послѣдователіи къ много разъ упомянутой статьѣ Зигварта, Kl. Schriften II, стр. 305—307. Напротивъ Ринieri считаетъ главнымъ мотивомъ (въ ук. и. стр. 68) антииспанскую политику папы. Я больше склоняюсь къ мнѣнію Ринieri, но не могу вѣдьсъ дать болѣе подробныхъ оснований своего возвѣщенія.

чиненіе, озаглавленіе „de fato siderali vitando“, должно было сильно заинтересовать папу; въ мемъ авторъ указываетъ, что защиту отъ судьбы слѣдуетъ искать частью въ Богѣ, частью въ изобрѣтательности разума. Авторъ раздѣляетъ несчастья на universalissima, univogalia, particularia и particularissima, изслѣдуя средства для избѣжанія каждого рода несчастья, указываетъ на то, что еще многое могло бы быть найдено, и считаетъ грѣхомъ со стороны князей, что они пренебрегаютъ этими изслѣдованіями. Въ гл. IV и V авторъ даетъ совѣты противъ несчастій, проистекающихъ для новорожденного или должностнаго родиться отъ положенія свѣтиль, появленія кометы, а въ гл. VI—указанія, въ какое время можно избѣгнуть этой судьбы и какъ это сдѣлать, при чмъ способъ различенъ для различныхъ видовъ несчастья. Такимъ образомъ мы узнаемъ, какъ освободиться изъ тюрьмы, какъ избѣжать гнѣва князей, насильственной смерти отъ яда, паденія, кораблекрушенія и т. д. Въ послѣдней главѣ авторъ указываетъ на тайныя средства и объясняетъ, почему указанныя средства не всегда помогаютъ.

Одному изъ посѣтителей Кампанеллы сообщили, что работаетъ надъ астрологіей; это былъ, по мнѣнію Амабиле, Гаффарель, которому онъ и передалъ рукопись книги. Въ это время положеніе Кампанеллы начало улучшаться, но его враги сумѣли лишить его довѣрія имѣ, въ чмъ имъ помогло напечатаніе безъ вѣдома Кампанеллы его астрологіи, которую они выдали за послѣднюю самостоятельную часть de fato siderali vitando. Книга была напечатана въ Ліонѣ въ 1629 г. и преподнесена папѣ въ доказательство ненослушанія и суевѣрія Кампанеллы¹⁾.

Излагаемая въ этой книгѣ²⁾ миѳологія очень мало касается задачи нашей статьи. Мы дадимъ краткое изложеніе ея только ради придania большей полноты научному портрету нашего автора.

Въ первой книгѣ говорится о планетахъ, которымъ приписываются какъ живымъ существамъ страсти, возврѣнія, поль и связи. Во второй книгѣ событія на землѣ, ихъ начало и исходъ приписываются главнымъ образомъ отношеніямъ между планетами, но также и кометамъ и эллипсамъ. Въ третьей книгѣ говорится о значеніи различ-

¹⁾ Ср. Amabile VIII, стр. 369—371.

²⁾ F. Thomasae Campaneliae Astrologicorum libri sex Astrologiam physicam separandam a physica superstitione: nec per illam everti Providentiam potentiamque Dei: nec humani arbitrii libertatem.

ныхъ временъ (годъ, времена года, мѣсяцы, недѣли, дни, часы). Въ четвертой книгѣ, раздѣленной на семнадцать главъ, дано полное описание гороскопа. Въ слѣдующей книгѣ говорится о сидерическихъ явленіяхъ (eventum). Шестая озаглавлена „de electionibus sideralibus“, въ ней доказывается, что для выполнения различныхъ дѣйствій слѣдуетъ выбирать соответствующее время, ибо Богъ „stellas temporum causas praefecit nullis subditus temporibus“¹⁾.... Nos autem non facimus tempora quae eligimus, sed illis corpore subjacemus et servimus“. Седьмую книгу составляетъ упомянутая выше статья „de fato siderali viciendo“.

Гораздо большаго вниманія, чѣмъ эта чуждая для наука, заслуживасть, особенно въ связи со всей жизнью Кампанеллы, предисловіе, въ которомъ онъ дѣлаетъ попытку отдалить физическую астрологію отъ стечѣрной астрологіи и установить основные принципы первой.

Первое основаніе всякаго события есть Богъ, его ближайшіи средства суть элементы; человѣкъ вполнѣ свободное существо: поэтому было бы глупо ограничивать Бога или свободу судьбою, или считать все непреложнымъ; слѣдуетъ остерегаться какъ слишкомъ высокой оцѣнки, такъ и превозношенія созѣадій, согласно предостереженію Августина. Онъ учитъ, что Соломонъ сказалъ объ астрологіи: она знать прошлое, предсказываетъ будущее, затѣмъ умѣть tolkновать знаменія и „eventus temporum et saeculorum“.

Поэтому Кампанелла счолъ собя вынужденнымъ написать свою астрологію по физическимъ законамъ, ее можно безъ заэрѣнія читать въ Божій церкви. Положимъ, Августинъ считаетъ періодъ вѣры въ астрологію уже пережитымъ; но Иисусъ, Павелъ, другие отцы церкви, особенно Иеронимъ, указываютъ на знаменія, предшествовавшія великимъ событиямъ. Для тѣкого изслѣдованія недостаточно чистотныхъ трудовъ Коперника, Тихо и Галилея, какъ доказано въ articuli prophetales.

Руководствуясь Фомою и Альбертомъ Великимъ, Кампанелла устанавливаетъ, что человѣческая воля подчинена звѣздамъ не прямо, а случайно (per accidens), поскольку тѣло человѣка соприкасается съ небомъ и звѣздами, а также его животный духъ и даже соки; аффектъ (passio) достигаетъ души, которая можетъ ему слѣдовать или нѣтъ.

Такъ какъ далѣе душа, какъ известно, чаше слѣдуетъ чувствен-

¹⁾ Astrologicorum стр. 210.

нымъ впечатлѣніямъ, чѣмъ соображеніямъ разума, то область, которую здѣсь приходится принять во вниманіе, очень велика. Для иллюстраціи этого основного положенія авторъ приводитъ массу примѣровъ. По отношенію къ божественнымъ вещамъ должны быть принимаемы въ расчетъ только знаменія, исходящія отъ Бога; но при этомъ очень важно расположение звѣздъ, въ чемъ неоднократно убѣждался самъ авторъ. Такимъ образомъ астрологія руководствуется или непрерывно дѣйствующими причинами, или же случайными. Но слѣдуетъ принимать во вниманіе всѣ обстоятельства жизни человѣка. Кто не дѣлаетъ этого, тотъ обращается съ этой наукой суетѣрно, и къ его фантазіи примѣшиваются демоны, какъ утверждаетъ Августинъ о некоторыхъ врачахъ. Съ такой демонической астрологіей боролись пророки, но не такова наша, подчленяющаяся теология. Богъ можетъ влѣтъ на звѣзды ради своихъ цѣлей, звѣзды же дѣйствуютъ на землю различными способами:透过 теплоту, свѣтъ, движеніе и „asprectus“. Послѣдний также измѣняется и дѣлаетъ разнообразными тонковатыя силы, что они могутъ быть полезными или же вредными вещами, которыми правятъ звѣзды¹⁾. Въ измѣненныхъ такимъ образомъ теплотѣ и свѣтѣ заключаются сила, мысль и любовь, поэтому въ этихъ физическихъ силахъ заключены и метафизические: это „influxus latens a cacio“, который въ своихъ средствахъ не ограничивается теплотою и свѣтломъ. Въ своихъ астрологическихъ представленияхъ Кампанелла считаетъ себя послѣдователемъ Птолемея, который воспользовался наблюдениями древнихъ народовъ; для того, чтобы прибавить что-нибудь новое, недостаточно дослѣдить лѣтъ, которыхъ авторъ посвятилъ этой наукѣ. Однако при этомъ онъ ссылается въ этой книгѣ на свои „articuli prophetales“, написанныя тридцать лѣтъ тому назадъ.

Этому сочиненію, фигурировавшему въ качествѣ защитительной статьи въ большомъ процессѣ Кампанеллы, принадлежитъ научно-принципіальное значеніе, но его конкретные задачи и выводы умѣляются заявленіемъ, что научная астрологическая изслѣдованія автора имѣютъ за собою только десять лѣтъ. Можно это понимать такъ, что здѣсь онъ подразумѣваетъ науку, согласную съ ученіемъ церкви, и при этомъ косвенно заявляетъ, что не вѣрить больше въ свои звѣзды. Это намѣреніе не вполнѣ ясно и убѣдительно, поэтому не трудно было, напечатаніемъ этой книги вновь, очертить, передъ кѣмъ слѣдовало, находившагося подъ подозрѣніемъ автора и возбудить противъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 10.

чего преслѣдованиѣ. Такимъ образомъ средствомъ, которымъ онъ на-дѣялся приобрѣсть милость папы, оказалось мало успѣшнымъ, и уловка его противниковъ удалась; съ этихъ поръ всѣ ого труды принимаются съ подозрѣніемъ, которое почти такъ же тяготитъ его, какъ надзоръ въ неаполитанскихъ тюрьмахъ; ибо хотя въ Римѣ Кампанелла меньше страдалъ физически, но цензура была прицѣльна и приходилось быть гораздо осторожнѣе въ сношеніяхъ съ окружающими.

Такимъ образомъ, что касается его научной дѣятельности, полу-ченная имъ свобода была восьма относительно: онъ далеко не поль-зовался той свободой, которой пользовались остальные руководящіе умы того времени. Въ этомъ не измѣнилось ничего успѣхъ его произве-деній, палачатанныхъ Адами и возбудившихъ сильный интересъ.

М. Мерсеніи, другъ Декарта, написалъ ему еще въ Неаполь (1624 г.), что его метафизику (первую часть) желаютъ напечатать въ Парижѣ. Кампанелла самъ попросилъ отложить печатаніе, чтобы имѣть время исправить книгу и приготовить оставшіяся части. Упо-минаются и другіе его почитатели, но имена ихъ якъ-то неизвѣстны¹⁾. Въ юлѣ 1627 г. Кампанеллу поздравили съ освобожденіемъ изъ за-ключенія Хр. Форстнеръ, его старый знакомый. Онъ выражаетъ радость по поводу того, что Кампанелла можетъ теперь заниматься, и сообщаетъ о своихъ собственныхъ трудахъ²⁾.

Это все, конечно, только отрывочныя свѣдѣнія о возбужденномъ Кампанеллой сильномъ движении, отголосокъ которого могъ бы при-нныхъ обстоятельствахъ снова оживить его. Дѣйствительно, несмотря на всѣ препятствія, Кампанелль не недоставало ни желанія работать, ни высокихъ задачъ, но ему мѣшало отсутствіе внутренней свободы; оно тормозило смѣлый полетъ духа, заграждало свободный путь и на будущее время указывало, какъ на единственно возможный, на тотъ путь, по которому онъ шелъ со временемъ своего ареста.

Это проявилось, когда ему впервые представился случай открыто провозгласить свой государственный идеалъ³⁾. „Monarchia Messiae“,

¹⁾ Ср. письмо Кампанеллы къ Мерсенни, напечатанное въ Archiv. f. Gesch. der Phil. 1895, стр. 396 сл.

²⁾ M. S. вѣнской придворной библіотеки. 9748, стр. 1, 2. Объ этомъ Форстнеръ упоминаетъ въ Morges и Cyprian въ своей биографіи Кампанеллы.

³⁾ Подробное изложеніе содержания у Ny'a въ ук. и. стр. 230—237. Онь, не-сомнѣнно, слишкомъ высоко оцѣниваетъ этотъ трудъ, когда о немъ говоритъ: „это несомнѣнно наиболѣе важный политический трудъ Кампанеллы“ (230). Онь пода-гаѣтъ, что авторъ превозносить папскую власть потому, „что таково его убѣжденіе,

одобрена въ 1629 г., была напечатана въ Эксѣ въ 1633 г. Въ ней симѣю возвѣщена мысль, что всякая власть людей надъ людьми можетъ происходить только отъ Бога, что духовная и свѣтская власть прекрасно могутъ быть соединены, и надъ всѣмъ міромъ долженъ властвовать одинъ человѣкъ. Христость передаетъ высшую власть папѣ, который долженъ соединить государства всего міра, преобразовать и усовершенствовать ихъ (гл. XIV). Когда такимъ образомъ проявится единство человѣческаго рода, тогда наступитъ золотой вѣкъ: войны, чума, голодъ, раздоры исчезнутъ, науки достигнутъ высокаго развитія. Чтобы достигнуть этого, следуетъ основать въ Римѣ селать изъ всѣхъ королей, иначе наступитъ погибель. Вспомнимъ „Discorsi Politici“, которые кончаются тѣмъ же предложеніемъ, и мы найдемъ здесь ту же руководящую мысль, что и въ „Monarchia di Spagna“, но сама Испанія отступаетъ на задній планъ. Основная теоретическая мысль напоминаетъ годы странствій, въ якіхъ некоторые частности заимствованы изъ третьей части „Philosophia Realis“. Обращаю особенное вниманіе на то, что въ гл. XV ясно идеть рѣчь о реформѣ.

Одновременно съ этимъ произведеніемъ обсуждалось цензурою „Re-miniscentur“, заключающее подготовленіе человѣчества къ этому единству въ самомъ важномъ пункѣ, а именно въ христіанскаго міра; но оно было менѣе счастливо, чѣмъ „Monarchia Messiae“.

Это послѣднее прошло черезъ церковную цензуру. Произведеніе же, на которое его авторъ потратилъ столько труда, и которое еще во время его заключенія было, по его словамъ, использовано Римомъ, но прежнему, несмотря на церковное одобрение, оставалось недоступнымъ для публики. Всѣ попытки автора вынести ее на свѣтъ разбивались о недоброжелательство магистра Palatii и иныхъ саловниковъ¹⁾. А между тѣмъ Кампанелла особенно интересовался дѣломъ пропаганды; во время своего пребыванія въ Римѣ онъ неоднократно искалъ мѣстностей, которая бы годились для осуществленія идеи „Re-miniscentur“. То ему приходѣтъ въ голову устроить школу для миссіонеровъ²⁾, то

такова его вѣра.—Объ отвѣтѣ рукописнаго экземпляра къ печатному я предлагаю сообщить въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же я обрату вниманіе на прекрасный выводъ, что любовь и доброта суть единственныя принципы властителя (Nys стр. 238): „...sans la bonté il n'y a point de titre de dominium, car l'impiété c'est l'éloignement, la séparation de Dieu, qui donne la base même de la domination“.

¹⁾ Amabile VIII, стр. 362, 366. Его описали папѣ какъ еретика. Стр. 369—371; т. IX стр. 161.

²⁾ Тамъ же, т. VIII, стр. 374.

коллегію для учителей, иѣчто въ родѣ ученаго общества, преслѣдующаго цѣли христіанско-католической пропаганды¹⁾). Но ему не удалось добиться ни этого, ни напечатанія „Reminiscetur“; хотя это сочиненіе предназначалось быть учебникомъ пропаганды, оно осталось не напечатаннымъ. Не смотря на свое стѣсненное положеніе въ Римѣ, Кампанелла старался провести свои планы относительно школы миссіонеровъ и ученаго общества, которое должно было подготавлять для нея научный матеріалъ. Подобного рода идеи возникаютъ въ XVII вѣкѣ въ различныхъ частяхъ Европы, вѣроятно, ис безъ вліянія Кампанеллы.

Лѣтомъ 1632 г. въ Римъ прибылъ Галилей, но видался ли съ нимъ Кампанелла, неизвѣстно. За то въ домѣ Мареско онъ подружился съ французскимъ дипломатомъ Ноде, которому мы обязаны автобіографіей Кампанеллы²⁾ и панегірикомъ Урбану VIII по поводу оказанныхъ имъ Кампанеллѣ благоѣствий³⁾. Надо обратить на Кампанеллу вниманіе другихъ выдающихся французовъ; онъ началъ съ ними переписку, которая подготовила переселеніе Кампанеллы во Францію. Правда, и эта дружба охладѣла, когда Ноде напечаталъ только одну изъ порученныхъ ему Кампанеллой Syntagma. Связь съ французами и французскимъ посланикомъ была тѣмъ драгоцѣнѣе, чѣмъ больше испанцы⁴⁾ преслѣдовали свою истительностью своего противника. Уваженіе, которое чувствовалъ къ Кампанеллѣ энтузиаистъ Гассенди, вылилось еще въ 1632 г. въ его письмахъ. Съ обѣихъ сторонъ проявлялся также живѣйшій интересъ къ положенію дѣль Галилея⁵⁾. Въ томъ же 1632 году начался знаменитый процессъ Галилея. Кампанелла посовѣтовалъ Галилею написать свое сочиненіе въ формѣ діалога. Когда же онъ узналъ, что дѣло передано конгрегаціи, онъ преподалъ Галилею совѣты относительно способа защиты и предложилъ себѣ самого и Кастиоли въ защитники. Относившійся враждебно также и къ Кампанеллѣ Мостро⁶⁾ обманулъ многихъ, интересо-

¹⁾ Тамъ же, т. VIII стр. 418.

²⁾ Ср. Syntagma Campanellii въ ук. и. стр. 368. Proseminium, цосвященный ему.

³⁾ Panegyricus dictus Urbano VIII Pont. Max. ob. beneficia ab ipso in M. Thom. Campanellam collata: Auth. Gabr. Naudaco Parisino Parisiis 1644. Произведеніе мало полезное для исторіи, какъ видно уже изъ заглавія.

⁴⁾ Amable VIII. Rinieri въ ук. и. 73.

⁵⁾ Первое письмо Гассенди къ Кампанеллѣ помѣчено апрѣлемъ 1632, при этомъ онъ посыпаетъ ему брошюру „de Mercurio in sole viso“.

⁶⁾ Mag. Sacri Palat., обыкновенное имя которого Риккарди.

вавшихся дѣломъ, между прочимъ посланника Николини, относительно времени суда; только одинъ Кампанелла былъ достаточно прозорливъ. Амабиле находитъ, что все судопроизводство вѣдь почти исключительно Мостро; Кампанелла склонилъ въ пользу Галилея одного кардинала, принимавшаго участіе въ испытательной конгрегаціи; этотъ кардиналъ произнесъ въ защиту Галилея длинную рѣчъ, которая однако не имѣла успѣха. Тщетно Кампанелла рекомендовалъ Мостро свою Апологію Галилея, въ надеждѣ, что его выслушаютъ; вместо того на него посыпались угрозы. Все это Кампанелла самъ сообщалъ Галилею¹). Мужество, съ которымъ Кампанелла выступилъ защитникомъ знаменитаго физика и интересовъ науки, заслуживаетъ полнаго вниманія иуваженія.

Въ это время спошения Кампанеллы съ Франціей становились все значительнѣе. Пейрескъ спрашивается его мигінія о „de veritate“ Герберта изъ Чербюри. Многочисленныя друзья ходатайствуютъ за него. Но въ Римѣ его положеніе ухудшается. Печатаніе его сочиненій встрѣчаетъ затрудненія; часть изъ напечатанныхъ подвергается секвестру (Atheismus tr. и Monarchia Messiae). Его ученикъ Пиньятели былъ отданъ подъ судъ въ Неапольѣ за заговоръ противъ Испаніи и указаль на Кампанеллу вѣль на соучастника; тогда началась новая травля Кампанеллы. Испанскій посланникъ требовалъ его выдачи; Кампанелла, узнавъ объ этомъ, бѣжалъ къ французскому послу Ноалю. Посолъ обратился къ папѣ съ просьбой о защите невинно прослѣдуемаго; папа сначала обѣщалъ, но потомъ взялъ свое обѣщаніе обратно и предоставилъ послу сдѣлать все, что въ его власти. Сначала Кампанелла хотѣлъ бѣжать въ Венецию, но посолъ синьоріи отказалъ въ содѣйствіи. Тогда вмѣшался Ноаль; онъ снабдилъ Кампанеллу шансонтомъ и рекомендациами во Францію; Кампанелла оставилъ свои рукописи и книги молодому Бурделю и покинулъ городъ въ экипажѣ посла; онъ прибылъ черезъ Тоскану въ Ливорно, откуда, не боясь опасности, отплылъ на кораблѣ во Францію²).

Ему не пришлось вновь увидѣть свое отчество, гдѣ онъ таинъ много страдалъ.

Радостно и съ почестями встрѣтили бѣглеца его французскіе друзья. Пейрескъ преподнесъ ему значительную сумму денегъ. Гас-

¹) Тамъ же. Это письмо напечатано также въ собраний сочиненій Галилея.

²) О благодарности Кампанеллы папѣ см. Rinieri стр. 74, 75.

сены увѣдомилъ, что собирается прѣѣхать въ Перейсу¹⁾, чтобы привѣтствовать Кампанеллу во Франціи.

Наконецъ, несчастный вздохнулъ свободно на новой родинѣ, а ласковое и свободное обращеніе съ нимъ выдающихся людей должно было подѣйствовать оживляющимъ образомъ на человѣка, которого постоянно подозрѣвали и преслѣдовали.

Кампанелла поселился въ Парижѣ. Многіе предлагали ему материальную поддержку, но и вѣдь чувствовался гнетъ Рима. Оттуда ему было дано знать, чтобы онъ не смыть ничего печатать, не подвергнувшись предварительно цензурѣ. Въ уваженіи и участіи французовъ не было недостатка. Въ февралѣ 1635 года онъ былъ принятъ самимъ королемъ. Однако онъ сильно нуждался, такъ какъ изъ даваемыхъ ему денегъ онъ долженъ быть часть посыпать своимъ роднымъ въ Калабрію. Съ самаго начала онъ нашелъ покровителя въ кардинала Ришелье: его сочиненіе „Aphorismi politici per le presenti necessit  di Francia“ относится столько же къ кардиналу, сколько и къ папѣ. Наконецъ онъ получилъ, правда не безъ проволочекъ, позволеніе издать полное собраніе своихъ сочиненій, а затѣмъ и церковное дозволеніе на многочисленныя произведенія, о которыхъ мы ниже дадимъ краткія свѣдѣнія. Они послужатъ намъ для пополненія сказаннаго въ главѣ четвертой о міросозерцаніи Кампанеллы.

Кампанелла началъ съ изданія книги „de Praedestinatione“. Одновременно онъ издалъ въ нѣсколько расширенномъ видѣ Atheismus triumphatus. Книгъ „de Praedestinatione“ прюществуетъ изслѣованіе „de gentilismo non retinendo“, въ которомъ Кампанелла заявляетъ себя сторонникомъ основанія новой философіи. Желательны полезныя возраженія Аристотелю; невѣро, что святой Єома былъ послѣдователемъ Аристотеля, къ тому же не всегда полезно принимать на иѣру слова учителя. Поступая такъ относительно священнаго писанія и отцовъ церкви, имъ отдаютъ должную честь; но принимать на иѣру лзыческихъ философовъ есть сресть, клятвопреступлію и безбожіе. Однако преуволиченная вѣра въ отцовъ и учителей церкви находится въ противорѣчіи съ намѣреніями мужей, которые писали: „Вѣрь иѣру слова Божія, для того, чтобы ихъ понимать, понимай мои, для того, чтобы въ нихъ вѣрить“. И святой Єома значительно отклонился отъ своего учителя Альберта. Поэтому въ школахъ слѣдуетъ

¹⁾ Ср. письмо Гассенди отъ 1634 г., Opere vol. 17, стр. 75. О денежномъ дарѣ сообщаетъ также Гассенди въ своей Vita Peirescii, Opera V, стр. 319.

предпочитать известные учения, но не принимать ихъ на вѣру. Слѣдуетъ остерегаться—хотя бы ради еретиковъ—ставить на одну доску слова Божія и человѣческія.

На четырехъ первыхъ страницахъ сочиненія „de praedestinatione, electione, reprobatione et auxiliis divinae gratiae“ авторъ даетъ тезисы, въ которыхъ различаетъ voluntas antecedens, по которой Богъ избралъ всѣхъ людей себѣ въ наследники и никого не создалъ дурнымъ, отъ voluntas consequens, — по которой онъ, смотря по заслугамъ, однихъ infallibiliter избралъ, другихъ осудилъ; но грѣхъ Адама навлекъ погибель на всѣхъ, спасеніе принесло намъ воплощеніе. Будучи свободнымъ, человѣкъ можетъ благодать „respuere de facto“, именно потому что онъ свободенъ; воспринять Бога онъ не можетъ безъ „помощи благодати“, но онъ можетъ „dissentire cuicunque auxilio speciali communiter sumpto“; только „speciale auxilium egregium“, которое ведетъ къ высшей ступени спасенія (Прочистая Дѣва, Иоаннъ Креститель) испроходимо, но также не отмѣняетъ свободы. Это сознаніе свободы выражено также въ тезисѣ 18, по которому voluntas antecedens не есть infallibilis, но consequens.

Въ заключительной главѣ авторъ ставить вопросъ, почему Богъ пѣкоторыхъ, противящихся ему, принимаетъ, другихъ не тѣтъ; на него онъ отвѣчаетъ, какъ и Фома: въ пѣкоторыхъ Богъ не находитъ материала (in quo) для милости (Иуда, Фараонъ и др.); въ другихъ находитъ, какъ у Саула (какъ открылъ св. Стефанъ св. Бригиттѣ). Подъ конецъ авторъ различаетъ четыре степени способности воли у человѣка: четвертая та, когда человѣкъ нельзя даже насилино заставить поступать хорошо, эти люди не могутъ быть спасены; принадлежащіе же къ первымъ тремъ категоріямъ могутъ. Въ краткомъ повтореніи авторъ указываетъ королю на опасность учений Кальвинна и Лютера и ссылается на вредъ, который они привнесли странѣ.

Изъ приложенія мы узнаемъ, что французскій посолъ при Вагинальѣ потребовалъ отъ Кампанеллы объясненія девятой главы римскаго письма. Это объясненіе Кампанеллы и даетъ въ приложеніи (это объясненіе помѣчено 22-мъ сентября 1632 г.): оно сводится къ выясненію цѣнности „auxilia“ — тѣхъ средствъ, которыми находятся въ распоряженіи Бога для воздействиія Божественной благодати на душу человѣка; это былъ вопросъ, который въ продолженіе почти ста лѣтъ волновалъ умы.

Орденъ Кампанеллы былъ хранителемъ августиновскаго воззрѣнія на противоположность іезуитамъ, которые сумѣли въ теченіе XVI вѣка

выхлопотать поддержку папы. Рука обь руку съ болѣе легкими іезуитскими воззрѣніемъ шло сомнительное проведение на практикѣ заботы о душахъ. Благодаря этому чисто теоретический спорный вопросъ перешелъ на почву христіанской нравственности; это могло привести Кампанеллу къ постепенной эволюціи въ этомъ вопросѣ: онъ отказался отъ своей юношеской точки зрѣнія, когда онъ такъ энергично защищалъ свободу воли противъ учения реформаторовъ¹⁾; его точка зрѣнія начинаетъ постепенно приближаться къ традиціямъ его ордена, который долженъ быть блести чистоту ученил; но въ своемъ сочиненіи Кампанелла останавливается на симпелагіиствѣ, которое, хотя и было осуждено церковью, въ дѣйствительности было весьма распространено. Вслѣдствіе этого эта первая напечатанная во Франціи книга не имѣла успѣха.

Но и во Франціи, какъ было уже указано, не исчезли всѣ затрудненія. Противъ Кампанеллы возбуждали недовѣріе, указывая на его дружественные Испаніи произведения. Въ этомъ обвиненіи въ склонности къ Испаніи онъ оправдывается въ характерномъ письмѣ къ канцлеру Сегье: онъ называетъ испанскихъ монаховъ шпионами, по-здравляетъ французы съ побѣдами надъ Испаніей и Бельгіей и высказываетъ желаніе, чтобы Франція вскорѣ завоевала всю страну²⁾.

Кампанелла сохранилъ благосклонность Ришелье, о политикѣ котораго онъ одобрительно писалъ въ нѣсколькихъ небольшихъ статьяхъ, даже и тогда, когда прекратилась выдача ему пособія отъ французского правительства. По счастью, онъ приобрѣлъ нового покровителя, Клавдія Бульона, который способствовалъ дальнѣйшему напечатанію его сочиненій³⁾. Тогда появились одно за другимъ *de sensu regum, philosophia rationalis, Disputationes съ philosophia realis* и метафизика. Предположеніе, что Кампанелла нѣкоторое время жилъ въ Голландіи, ни на чёмъ не основано⁴⁾, также то, что онъ былъ близокъ съ Декартомъ⁵⁾, но онъ былъ близокъ съ его друзьями.

¹⁾ Ср. сочиненіе *Dialogo politico contro i Luterani*, о которомъ было говорено выше (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1906 октябрь, стр. 353).

²⁾ Campanella au Segnier, 31 мая 1635. M. S. Bibl. Nationale de Paris, Nouv. Acq. frans. 6210 стр. 44. Напечатано мною въ *Sitzungsber. der Wiener Akad. d. Wiss.* 1904.

³⁾ Ср. посвященіе въ *Metaphysica*.

⁴⁾ Amabile IX, стр. 115.

⁵⁾ Это видно изъ переписки Декарта, см. *Index* въ новомъ изданіи *Oeuvres de Descartes*, t. V.

Бэкона онъ зналъ черезъ Адами¹⁾, и тотъ оказалъ на него иѣкоторое вліяніе. Повидимому, Кампанелла хотѣлъ учиться у всѣхъ, но онъ долженъ былъ при этомъ соблюдать осторожность, такъ какъ онъ не могъ порвать съ церковью. Его противники сѣдили за нимъ и не переставали выступать противъ него.

Заглавіе полного собрания его сочиненій въ подражаніе Бэкону таково: *Instauratio scientiarum tomus X*, но указанные въ заглавіи два источника познаній: *ex natura et scriptura* указываютъ на то, что авторъ былъ несвободный итальянскій монахъ конца XVI вѣка.

На заглавномъ листѣ нового изданія *de sensu rerum* указано, что оно исправлено. Въ посвященіи кардиналу Ришелье авторъ воздаетъ хвалу этому государственному человѣку какъ „*musarum refugium*“, понявшему тайный смыслъ цѣлаго; авторъ просить его о защите своихъ сочиненій, которыхъ имѣютъ цѣлью свободу христіанскаго міра; намѣченній авторомъ плантъ солнечнаго города кардиналъ могъ бы осуществить на вѣчную себѣ славу.

Книга, не смотря на многія измѣненія и расширенія (напр. прибавленіе къ гл. 19 въ гл. IV объ искусственномъ рожденіи), осталась по существу безъ измѣненій. Ей предписано оправданіе заключающагося въ ней основнаго ученія о чувствѣ вещей. При этомъ авторъ такъ опредѣляется *sensus*: „*sensus est perceptio sensilibus objecti per passionem illatam ab eo, datus entibus a Deo ad sui ipsorum conservatiolum*“²⁾. Оно предшествуетъ волѣ, а ему предшествуетъ сила. Доказательства авторъ замѣстуетъ частью изъ физическихъ наблюдений, частью изъ великихъ философовъ и теологовъ, частью даетъ теологическія обоснованія. Особенно многочисленны теологическія свидѣтели, начиная съ Діонисія Ареопагита и кончая Дунсомъ Скотомъ.

*Disputationes*³⁾ посвящены упомянутому Петру Сегье, канцлеру и меценату „*religiosorum philosophorumque*“. Цѣль философіи заключается въ познаніи Бога, творца природы, свѣта науки и счастья

¹⁾ Ср. Adami, *Praefat. къ Real. Phil. Epilog. 8. a. Mѣsje Gottesma* объ отношеніи Адами къ Бэкону *Zeitschr. f. Culturg.* 1894.

²⁾ *De sensu rerum*, Parisiis 1637, стр. 8.

³⁾ Полное заглавіе: Th. Campanella O. Pr. *Disputationum. In quattuor partes suae philosophiae Reales libri quattuor. Pro Republica literaria ac christiana, idest vere Rationabili stabilienda contra sectariorum. Una cum textu instaurato auctoquo post Editionem Tobianam* (подразумевается текстъ Tobias Adami). *Suorum Operum Tom. II. Ad Excell. Petr. Sequerium, Franciae Cancellar. — Physiologia, Ethica, Politica, Oeconomica cum questionibus. Parisiis Houssaye, 1637 Privil. Regis.*

жизни. Авторъ, руководимый природой и священнымъ писаниемъ, даетъ попытку такого познанія. Это стало для него возможнымъ благодаря тому, что Богъ таѣ долго продержалъ его въ заключеніи; если бы онъ жилъ въ благоденствіи и общеніи съ другими людьми, онъ не былъ бы въ состояніи предпринять такое *Instauratio* всѣхъ наукъ.

Объемъ „*Philosophia Realis*“, которая въ текстѣ, кажется, не потерпѣла существенныхъ замѣненій, увеличился вчетверо. Въ качествѣ введенія помѣщена напечатанная два года передъ тѣмъ статья „*de genitissimo non continentio*“; для чего это сдѣлано—не вполнѣ ясно. Затѣмъ следуютъ четыре дисциплины: физиология, этика, политика и экономика. Текстъ снабженъ длинными прямѣчаніями на поляхъ, которые главнымъ образомъ указываютъ содержаніе текста, но имѣются также указанія источниковъ и объясненія. Центръ тяжести книги заключается въ *Questiones*, которыхъ сдѣланы за текстомъ; особенно великъ этотъ отдѣлъ въ физиологии: къ 124 страницамъ и безъ того распространеннаго текста присоединены 570 страницъ *in folio* *Questiones*. Здѣсь невозможно не только изложить, но даже перечислить всѣхъ вопросовъ. Я укажу только на иѣкоторыя частности, которые представляютъ интересъ для характеристики автора: на главу о солнечныхъ цитнахъ, въ которой упоминается о перепискѣ съ Галилеемъ обѣ этомъ спорномъ вопросѣ; на главу о значеніи для натурфилософіи Кампанеллы галилео-киперниковскихъ наблюдений, эта глава была написана по желанію Адами. Далѣо интересно прочесть, какъ авторъ, клинясь въ послушаніи цагъ, въ то же время не хочеть отказаться отъ астрологии. Въ этомъ сначала помѣщены *Questiones*, а затѣмъ текстъ, та и другая часть почти равны по объему. То же можно сказать и о политикѣ, добавленіемъ къ которой служить *Civitas solis*, и то же относительно экономики.

Заключеніе составляетъ глава „*de regno Dei*“, въ которой Кампанелла проводить тотъ же взглядъ, что и въ своихъ политическихъ статьяхъ, а именно, что въ папствѣ заключается гарантія исполненія обѣщаній блаженства мира. Въ параграфѣ о различіи между свѣтской и духовной властью авторъ указываетъ на преимущество послѣдней.

Это сочиненіе производить сильное впечатлѣніе. Хотя въ *Questiones* и не соблюдена строгая система, однако, не смотря на многочисленные повторенія, замѣчается движеніе впередъ. Поразительно, какъ мощно авторъ овладѣваетъ историческимъ материаломъ и какъ вѣски его доказательства. Почти нѣть вопроса въ реальной фило-

софії, який не іншель бы здѣсь всесторонняго объясненія. Авторъ по существу придерживается точки зреїнія древнихъ философовъ, но тѣмъ очевиднѣе стремлениe согласить ее съ ученіемъ церкви. Не смотря на это, онь почти во всѣхъ вопросахъ полемизируетъ съ Аристотелемъ. Правда, здѣсь встрѣчаются разсужденія, которыми мы уже читали въ другомъ мѣстѣ, и сомнительные попытки доказать непротиворѣчивость логическихъ противорѣчій—лишняя причина для сомнѣній въ искренности увѣреній въ готовности подчиняться церкви.

Печатаніе *Philosophia rationalis* было закончено только въ слѣдующемъ году; она посвящена братьямъ Ноаль: римскому послу и его брату главному епископу, въ знакъуваженія и личной признательности. Въ рекомендациіи заключающихся въ книгѣ дисциплинъ особенно замѣчательно мѣсто о философской грамматикѣ¹⁾). Такое же впечатлѣніе, какъ *Disputationes*, производить и *Metaphysica*²⁾, посвященная меценату Бульону. Въ посвященіи авторъ говоритъ, что его книга предназначена очень высокая задача; она должна быть: *Biblia Philosophorum, sapientia scientiarum, divinarum et humanarum rerum arx, omniumque questionum... resolutio*. При этомъ она имѣть и большое практическое значеніе. Хотя вообще авторъ не хвалить своихъ произведений, однако это онь ставить очень высоко; это первая настоящая метафизика, говорить онь; тѣ, кто писалъ таковую до него, давали только беспорядочную грамматику и логику. Не трудно изъ безчисленнаго множества трактованныхъ вопросовъ прибавить не сколько новыхъ къ разсмотрѣніямъ имъ, таковые легко вырвать изъ цѣлаго, такъ какъ въ немъ нѣть органической связи. Автору удается дать толкованіе всевозможныхъ вопросовъ физическихъ и техническихъ, этическихъ и философскихъ. Чаще всѣхъ онь ссылается на Телезія и Галилея. Среди глубокихъ вопросовъ изъ теоріи познанія попадаются основные вопросы изъ философіи ролигії³⁾). Конечно, въ книгѣ находятся также *Insomnia, propheticâ et occulta consilia*⁴⁾. Во многихъ мѣстахъ выступаетъ практическое значеніе книги, на которую авторъ

¹⁾) *Continens semina scientiarum et nationum sermocinua: et modum grammaticandi secundum naturam et artem.*

²⁾) Полное заглавіе: *Ad, ex quo omnia, per quem omnia, in quo omnia. Thomae Campanellae Stylo. Ord. Praed. Universalis Philosophiae seu Metaphysicorum juxta propria dogmata: partes tres, libri 18. Duce Doo. Suorum operum Tomus quartus Parisiis MDCXXXVIII Cum Privilegio Regis.*

³⁾) Тамъ же, II, стр. 148, 9.

⁴⁾) Тамъ же, часть III, стр. 203.

указатьъ въ посвященіи: частью въ наблюденіяхъ, свидѣтельствующихъ противъ другихъ религій и сектъ, частью въ практической оцѣнкѣ фактовъ съ точки зрѣнія христіанской общины. Не обойдены и астрономические вопросы¹⁾. Въ книжѣ сопоставлены симптомы, указывающие на скорую кончину мира²⁾. Въ вопросѣ объ управлении міромъ привѣтуется учение объ ангелахъ: одна изъ ангельскихъ системъ (*dominatio*) управляетъ, въ качествѣ намѣстника Божія, всѣми другими. Съ XVI-ой книги начинается какъ бы теорія религій, заканчивающаяся космогоніей. Въ краткомъ заключеніи авторъ высказываетъ надежду, которая по его мнѣнію раздѣляется всѣми, на обновленіе мира.

Уже изъ этого краткаго обзора видно, какой громадный трудъ авторъ положилъ въ эту книгу.

Здѣсь я хочу остановиться еще на одномъ вопросѣ, уже затронутомъ раньше: о предопредѣлении³⁾. При разсмотрѣніи вопроса о счастіи, судьбѣ, случаѣ авторъ приходитъ къ признанію прорицаній. Что противорѣчитъ случаю, свободѣ, говорять древніе и новые мыслители: все предвидѣно, поэтому необходимо. Такого возврѣнія придерживаются послѣдователи Августина, которые полагаютъ, что спасеніе зависитъ исключительно отъ воли Бога; напротивъ другіе, особенно ориенталисты, послѣдователи Оригена, учатъ, что люди заранѣе предопределены, потому что Богъ предвидѣлъ, хорошо ли они воспользуются своей свободой или будутъ злоупотреблять дарами Бога. Затѣмъ Кампанелла разсказывается, что въ своемъ первомъ діалогѣ онъ былъ такого мнѣнія, что всѣ подвигаются къ добру при помощи *auxilio generali*, „quod ex postro bono ipsi efficax sit: liberis enim sumus“. Но затѣмъ его привела въ недоумѣніе⁴⁾ глава V откровеній святой Бригитты, и онъ оставляетъ вопросъ открытымъ въ ожиданіи божественного освѣщенія его. Однако слѣдующія строки представляютъ отказъ отъ прежнаго возврѣнія: „Illud autem inconcussum sustineo, esse in nobis libertatem ad volendum et nollendum; et auxilium, ut entitas addita est, non fieri a nobis efficax: nullam enim entitatem nos dare possumus, nisi a primo Ente et cum primo: ergo fieri efficac a Deo effective, a nobis vero incitoric tantum; ex virtute

¹⁾ Тамъ же, ч. III, стр. 38 сл.

²⁾ Тамъ же, ч. III, стр. 68 сл.

³⁾ Тамъ же, ч. II, кн. IX, гл. XII, стр. 229.

⁴⁾ Я не могъ найти объясненія этой перемѣны въ много разъ цитированной главѣ Откровеній св. Бригитты (изд. Durantus, Римъ 1628, стр. 85 сл.).

tamen prioris gratiae, quam non respuimus, sed cooperamur, acti ab ea sicut liberi a patre: non sicut servi a Domino; quippe qui possimus respnere gratiam: et de facto habitam respuimus. Neque enim nos gratia deserit, nisi deserta..., sine enim poenitentia dat illam nobis Deus".

Здесь Кампанелла соприкасается съ учениемъ евангельской церкви. Согласно вышесказанному, свобода человѣческой воли отрицательная, такъ какъ все добро исходить effective отъ Бога. Заявление Кампанеллы, что онъ откладываетъ произнесеніе своего сужденія до дальнѣйшаго просвѣщенія со стороны Бога, представляеть уже большой шагъ впередъ сравнительно съ бывшей его увѣренностью. Можетъ быть, болѣе рѣшительная формулировка содержалась въ его широко задуманной *Theologica*, до которой дошла теперь очередь. Если бы книга была напечатана, мы бы имѣли понятіе о связи Кампанеллы съ яисенізмомъ¹⁾; но книга не была дозволена цензурой, и это сочиненіе, которое и безъ того не могло возбудить большого интереса, считалось незаконченнымъ и даже потеряннымъ.

Правда, даже существованіе этой теологии, о которой заявляеть Гаффарель въ обзорѣ всѣхъ произведеній Кампанеллы, считалось иѣсколько сомнительнымъ²⁾. Эта теология, распадающаяся на 30 частей, весьма полезна (по словамъ Кампанеллы) теперь, когда обновились науки, открыты новые миры и звѣзды, а также для борьбы съ еретиками и пехристіанами. Она короче, яснѣ и сильнѣ доказываетъ вѣру, чѣмъ имѣющіяся теологии; многое, что не относится къ теологии, было изъ неї удалено, и многое, пропущенное раньше, теперь включено. То, что до насъ дошло въ рукописи, не подтверждаетъ этихъ указаний объ ея краткости³⁾.

¹⁾ Какъ известно, Кампанелла умръ какъ разъ передъ тѣмъ, какъ начались яисеністскія распри.

²⁾ Ср. индексъ сочиненій Кампанеллы, перепечатанный также д'Анконой т. I.

³⁾ Совсѣмъ недавно мнѣ удалось найти два большихъ отрывка, представляющихъ цѣлые томы этой *Theologica* (Bibl. Mazarinea, Парижъ, MS 1078). На нихъ находится надпись, очевидно, поадѣйшой даты: Th. Camp. Орага I и II. Въ томѣ I находятся книги VI — XV, въ немъ рѣчь идетъ (*VI de Praedestinatione* и т. д.) VII de Conservatione et Gubernatione, VIII De Beatitudine, IX De virtute et vitiis; X De virtutibus et vitiis speciatim; XI De virtutibus supranaturalibus; XII De donis et fructibus spiritus sancti; XIII De Gratia Gratum faciente; XIV De gratia gratis data; XV De legibus.

Томъ II. Книги XXI De Gestis Christi Redemptoris; XXII De dictis Christi Legislatoris Regisque; XXII De dictis Christi Legislatoris seu de Lege Evangelica. Это чрезвычайно большое и трудно читаемое сочиненіе не легко поддается изученію; оно и не могло бы войти въ настоящую статью.

Она должна была представлять большую естественную теологію римско-католического учения. Объемистыя разсужденія остались въ библиотекѣ монастыря и были потеряны для изслѣдователя. Это относится къ указанной въ индексѣ рациональной теологии. Что касается практической теологии, то главную ея часть составляетъ „Reminiscenscentia“, съ которой мы въ этой статьѣ впервые познакомили публику.

Итакъ очевидно, что „Sua opera“ Кампанеллы оканчиваются на четвертомъ томѣ потому, что ему не было дозволено обѣ всемъ писать и все напечатать, что онъ желалъ. Римъ оказался достаточно близкимъ и отъ нового пребыванія Кампанеллы. Въ одномъ отношеніи приходится пожалѣть о томъ, что собраніе сочиненій не было закончено; стихотворенія Кампанеллы¹⁾ заслуживали того, чтобы цѣлкомъ дойти до насъ. Мы закончимъ эту статью вѣкоторыми замѣченіями о послѣднемъ дошедшемъ до насъ стихотвореніи.

Годы во Франціи протекли въ усаженной научно-литературной дѣятельности; въ 1639 г. совершилось предсказанное Кампанеллою событие, воизбужденное радость во всей странѣ: короля, послѣ 22 лѣтъ безплодія, произвела на свѣтъ сына. Кампанелла, по просьбѣ Ришелье, составилъ его гороскопъ, который оказался весьма благопріятнымъ, и написалъ эклогу, изъ которой видно, что надежды Кампанеллы на золотой вѣкъ не исчезли²⁾. Стихотвореніе, какъ показываетъ его обозначеніе „Ecloga“, написано по образцу Вергилиевскихъ. Въ немъ можно различить, какъ доказываетъ Амабиле, двѣ части соответственно двумъ позывнымъ: одна болѣе субъективная, другая болѣе относящаяся къ существу дѣла. Но оно не представляетъ строгаго раздѣленія матеріала по этимъ двумъ категоріямъ. Особенно интересны, во-первыхъ, большая самонадѣянность автора, во-вторыхъ, неиссякаемый запасъ надеждъ на будущее.

Авторъ, называющій себя „seculorum exhibitor“, съ чувствомъ удовлетворенія указываетъ на то, что день рождения дофина совпадаетъ въ мѣсяцѣ и днѣ недѣли съ его днемъ рождения: „Instaurare ego Musas; Tu nova saecula regum“. Въ программѣ государя стоять девизъ: Bellorum finis pax. Печальный жизненный путь автора быть такъ предсказанъ судьбою: непонятый Испаніей, онъ долженъ быть бѣжать во Францію, и то, что Испанія глупо отвергла, то, чего

¹⁾ Согласно плану десяти томовъ девятый долженъ быть заключать Poematum Partes III.

²⁾ Напечатано цѣлкомъ у Амабиле IX, стр. 348 сл., подробное изслѣдованіе тамъ же, стр. 199 сл.

тщетно желала Швеція, онъ предлагаетъ потомку Пипина: „Admirandum urbem solis de nomine dictam“.

Ту же цѣль преслѣдуетъ и вторая часть стихотворенія. Здѣсь перечислены дѣла, которыя предстоять новорожденному. Онъ храбро встрѣтить предстоящаго антихриста и побѣдить его. Грекія и Италия получатъ свободу, еретики будутъ побѣждены, турки будутъ изгнаны изъ Европы, востокъ обратится въ христіанство, а также новые и старые западныя владѣнія. Petrus и Gallus будутъ въ прекрасномъ единеніи управлять всей землей. Наступить блаженный вѣкъ. „Nam labor est jocus in multis partitus amice“, и послѣ того, какъ народы узнаютъ о своемъ прошломъ, „Convenient Reges, Populorumque agmina in urbem, Heliacam dicent quam construit inclitus Heros Et Templum in medio statuit Coelestis ad instar: Praesulis autem summi Regesficumque senatum sceptaque Regnorum Christi deponet ad aras: Illaque jura dabit, quae olim docuere prophetas Divini cultus Reges docet esse Ministros: Fas erit et pax, si plebs inferiora capessit Plebem animo dico: studiosi coetera norunt“. Новорожденный, проведшій въ жизнь проекты своихъ предковъ, пробудить съ благочестивымъ вздохомъ всѣ народы къ „Gloria patri“ и „Allelujah“.

Въ новоучрежденномъ французскомъ солнечномъ государствѣ будеть также введено единство духовнаго и свѣтскаго войска, короли будуть священниками, будеть ли французскій король первосвященникомъ? Что подразумѣваетъ авторъ подъ солнечнымъ государствомъ? Не идеальное же государство 1599 года, даже не въ иерифразѣ *Monarchia di Spagna*. Или же преобразованіе Франціи по идеямъ автора? Можетъ быть (мы говоримъ это съ необходимой осторожностью), этимъ цѣлямъ должно было служить новое общество, новый орденъ, который долженъ быть имѣть въ виду преобразованіе и христіанизацію міра, опиралась па много разъ пересмотрѣнную программу (рукопись Солнечного государства). Если вспомнить вышеупомянутое посвященіе кардиналу Ришелье, то можно, пожалуй, подумать, что возникновеніе Парижской академіи тѣсно связано съ Солнечнымъ государствомъ и миссіонерскими идеями Кампанеллы. Что это сочиненіе вызвало въ Германіи подобный же идеи, я доказать и утверждать уже восемь лѣтъ тому назадъ¹⁾; съ тѣхъ поръ это стало еще очевиднѣе. Что удивительнаго, что эта идея пѣвнила Ришелье, такъ

¹⁾ Ср. мою книгу L. V. Andreas Anteil an geheimen Gesellschaften. Юрьевъ. 1899, стр. 28 сл.

что онъ поручилъ Кампанеллъ руководительство учеными собраниями, которымъ онъ покровительствовалъ, и изъ которыхъ вскорѣ образовалась Французская академія наукъ¹⁾.

Такимъ образомъ Кампанелла пережилъ въ извѣстномъ смыслѣ осуществленіе своей мечты. Но радостныя минуты жизни и прекрасные надежды не могли надолго продлить его жизнь; онъ не перенесъ коликъ и лихорадки, не смотря на то, что примѣнилъ всѣ средства, рекомендуемые имъ въ книгѣ противъ *faulen siderale*. Онъ умеръ 21 мая 1639 г., и ему были устроены блестящія похороны изъ того самаго монастыря (св. Іакова), который во время революціи служилъ помѣщницомъ политического клуба (якобинцевъ), стремившагося, хотя и отчасти, къ осуществленію кампанелловской мечты о дарованіи народу счастья.

Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ ученія Кампанеллы и на его отношеніи къ прошлой и послѣдующей эпохамъ. Мы уже дали историческое сужденіе о его вліяніи на позднѣйшія революціи. Наибольшее значеніе для философіи имѣла часть IV, для современниковъ и особенно для католической пропаганды часть V и VI. На его роль въ исторіи воспитанія я уже указалъ въ другомъ мѣстѣ, о его участіи въ возникновеніи деизма я предполагаю написать въ особой статьѣ. Здѣсь я только упомяну, что Кампанелла по вопросу о религіозномъ просвѣщеніи собралъ гораздо больший матеріалъ, чѣмъ былъ употребленъ деистами, ибо онъ пользовался, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ, сравнимыми изученiemъ религій.

Если мы къ этому прибавимъ многочисленные и столь разнообразные практическіе проекты и планы, которые, правда, по большей части остались на бумагѣ, но которые были выработаны въ мельчайшихъ подробностяхъ и обнимали почти всю область человѣческаго мышленія и физической жизни,—то и теперь, 300 лѣтъ спустя, въ наѣ возникаетъ такое же чувство трепета, которое испытывали современники Кампанеллы при знакомствѣ съ нимъ еще во времена его юности. А теперь, когда мы познакомились съ условіями, въ которыхъ Кампанеллѣ пришлось работать, удивленіе передъ его духовными дарами и его трудами становится еще живѣе. Чтобы не подвергать опасности объективность заключительного сужденія, приведемъ здѣсь слова сходнаго съ нимъ по гeniu Лейбница, который сравниваетъ четырехъ вы-

¹⁾ Polisson et Fontanier, *Histoire de l'académie française*. Paris 1859; въ неѣ извлечено изъ небольшой брошюры Сореля, I, стр. 475.

дающихихся мыслителей XVII вѣка: „Кто, говорить онъ, проницательнѣе Декарта въ физикѣ, Гоббеса въ морали? Но если сравнить первого съ Бэкономъ, второго съ Кампанеллой, то увидимъ, что первые ползутъ по землѣ, вторые, по величину своихъ идей, намѣреній и решеній, подымаются до облаковъ и имѣютъ желанія, едва ли соотвѣтствующія человѣческимъ силамъ“.

Что такая сила духа въ связи съ астрологическимъ безуміемъ должна была пасть подъ ударами суроваго и сухого хода событий, такъ же очевидно, какъ и печально. Утѣшительно то, что тотъ, кто отказался отъ своей личности уже при поступлении въ монастырь, до конца остался вѣрнымъ своему дѣлу и связаннымъ съ нимъ иаждадамъ.

И. Ключник.

РАБОВЛАДЪНИЕ И РАБОТОРГОВЛЯ ВЪ ДРЕВНЕЙ БЪЛОРУССИИ.

I.

Когда историкъ пытаются определить первоначальный моментъ заселенія известными народомъ данной территоріи, онъ всегда наталкивается при этомъ на следы существованія здесь другого, совершенно неизвестного прежде народа. Такъ, ни въ одной части свѣта мы не можемъ указать мѣста, где бы не существовало следовъ человѣческой культуры еще задолго до наступленія исторического периода. Натуралістъ Э. Геккель относитъ существование человѣка на землю за 300.000 лѣтъ до нашей эры¹⁾). Неудивительно, что ту или другую человѣческую культуру мы находимъ везде, хотя и не можемъ определить момента ея появленія. Въ сѣверозападномъ краѣ, именно въ западно-двинскомъ и приධѣпровскомъ районѣ мы находимъ следы существованія человѣка еще за нѣсколько тысячелѣтій до Р. Хр. Проф. Варшавского университета г. Карский открылъ следы существованія человѣка въ Витебской губерніи въ неолитическую эпоху; есть извѣстія о нахожденіи свайныхъ построекъ въ Припятскихъ болотахъ и у истоковъ р. Березины²⁾). Въ урочищѣ Городищахъ, въ городѣ Могилевѣ губернскомъ, г. Романовъ былъ найденъ скелетъ человѣка каменного вѣка палеолитического периода съ массою кремневыхъ орудій, пережженыхъ костей, черепковъ и пр. Аналогичная орудія палеолитического периода были найдены въ курганахъ въ м. Жлобинѣ и Быховскомъ уѣздѣ, по формѣ совершенно тождественные съ находимыми въ прибалтийскомъ краѣ. Но только за

¹⁾ Der Kampf um den Entwickelungs-Gedanken, 1905, S. 95.

²⁾ Карский, Бѣлоруссы, I, 1903 г., 33.

500 лѣтъ до нашій эры по нижнему течению Днѣпра были найдены слѣды существованія земледѣльческаго населенія. Это скиѳы-земледѣльцы, по своему облику и одѣждѣ совершенно схожіе съ нашими крестьянами. Отсюда съ плугомъ, сохой и топоромъ они должны были разселиться дальше на сѣверъ и сѣверо-востокъ¹⁾. Исторія застаетъ славянина на берегахъ Западной Двины, именно авангардъ ихъ, въ III вѣкѣ нашей эры. Карпаты и берега Дуная были общеславянскимъ гнѣздомъ, изъ которого славяне разошлись въ разныя стороны. Отсюда переселенческая волна медленно продолжала двигаться въ при-днѣпровскій и западно-двинскій край и окончательно остановилась на берегахъ верхняго течения рѣкъ Днѣпра и Западной Двины не ранѣе конца VI вѣка; отдѣльная вѣтвь ихъ, радимичи, пришли сюда гораздо позднѣе и поселились за немынѣмъ мѣста на правой сторонѣ Днѣпра къ востоку за Днѣпръ, по рѣкѣ Сожи. Славяне застали здѣсь уже искони вѣковъ жившихъ литовцевъ, а до нихъ разныя угро-финскія племена²⁾.

Теперешніе бѣлоруссы родственны сербамъ и хорватамъ, съ которыми они когда-то „вмѣстѣ и въ сожительствѣ прошли одну полосу доисторического развитія“³⁾. Будучи насильственно вытѣснены изъ плодородныхъ мѣстностей съ теплымъ климатомъ на сѣверъ, въ малогостепріимную страну, лежащую въ области дерново-подзолистыхъ почвъ, славяне долго не могли забыть своей прародины. Они часто воспѣваютъ прелести той отдаленной жизни въ своихъ пѣсняхъ. Масса географическихъ названий совершенно аналогичны названіямъ мѣстностей Даїн и Мизіи, откуда они первоначально вышли. Когда-то рѣка Сож называлась *Дунаемъ*, а ея притокъ—*Бесядъ* и сейчасъ называется *Задунай*; въ Быховскомъ уѣзде существуетъ рѣка *Дунаецъ*; сама рѣка Дунай въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ вспоминается съ саяцкимъ, увалжиномъ: Дунай вспахаютъ широкимъ, сѣдимъ, тихимъ, старымъ и пр. И сейчасъ у сербовъ и болгаръ Дунай называется тихимъ. Чѣмъ тяжелѣе, нешrigлядишь была послѣдующая жизнь бѣлорусса, тѣмъ трогательнѣе его воспоминанія о прародинѣ. „Идти на Дунай умывайтесь⁴⁾, Шоукой хустой утирайтесь“, поется въ одной пѣснѣ; „Идеть Спась съ виноградомъ“, поется въ другой,—

¹⁾ И. Забѣльскій, Исторія русской жизни, I, 530.

²⁾ Нероэльфъ, Варяги—Русь и балтійские славяне (въ Журк. Мин. Нар. Пр. 1877, кн. 7).

³⁾ Бессоновъ, Бѣлорусскія пѣсни 1871, LXVII.

⁴⁾ Бессоновъ, Бѣлорусскія пѣсни, стр. 5—10.

это воспоминание о прародинѣ, гдѣ въ изобилии росъ виноградъ. „Падѣнъ сукно салтовую, подносяши поясъ золочены, падѣнъ шапку парловую...“. Соя или сая,—это тонкая шелковая итальянская матерія; парловая шапка или мурманка на прародинѣ убиралась жемчугомъ. Если въ пѣснѣ поется, что „шло войско все же дѣвоцкое“, то эта дѣвичья толпа представляется войскомъ сть знаменами, какъ у сербовъ.

Воспоминанія о прародинѣ получаютъ особенное значеніе у бѣлоруссовъ, когда они связываются съ погребальными обычаями, въ которыхъ выражаются черты ихъ прежняго быта. Культь предковъ неизмѣнно сохранялся по традиціи въ бытовыхъ пережиткахъ бѣлоруссовъ. Береста, какъ известно, надолго предохраняетъ предметъ отъ гниенія, если ею обернуть его. Берестой обертывали славяне прахъ покойниковъ на прародинѣ. Въ цѣломъ рядъ кургановъ по-войники у кривичей обертывались въ бересту. Этотъ обычай удерживался у нихъ и въ христіанское время, хотя были у нихъ случаи и трупосожженія. Охраняли подлежащіи и могилы покойниковъ. Нерѣдко они обводили могилы канавками, а самыя могилы обкладывали камнями; мѣстами они насыпали курганы въ видѣ валовъ до 10 сажень длины; такія именно могилы или курганы встрѣчаются при истокахъ рѣки Волги. По берегамъ притоковъ Западной Двины въ большомъ количествѣ встречаются могилы съ каменными гробницами или обложенными камнями. У рядничной насыпи трупомъ дѣмались деревянными сооруженіями. Въ курганахъ ихъ по берегамъ рѣки Сожи находили бронзовыя статуэтки скіфовъ.

Населеніе разселилось деревнями по берегамъ рѣкъ, гдѣ оно ловило рыбу и добывало особаго рода стѣдолѣбную раковину—иніористорум¹⁾; на берегахъ же рѣкъ оно во множествѣ находило кремень для камешекъ орудій. По словамъ лѣтописи, радиинчи и вятчи жили звѣринскимъ образомъ и „ядяху вся нечисто“. Изъ чего состояла эта нечистая пища, можно понять изъ словъ лѣтописца: „ядуще мертвевчину и всю нечистоту, хомѣки и сосулы“. Но уже съ началомъ IX вѣка придѣлѣпровскіе славяне занимались земледѣльемъ. О радиинчахъ говорится, что они еще въ VIII вѣкѣ платили дань хозарамъ отъ плуга. Плугъ тогда встрѣчался чаще, нежели соха, такъ какъ дѣвственная дернистая почва требовала болѣе прочнаго орудія для разрыхленія. Кроме пшеницы, ржи, ячменя воздѣливались лѣнъ и ко-

¹⁾ В. Е. Дамиловичъ, Очеркъ истории Полоцкой земли до конца XIV в., 41.

иоплю; послѣдняя высьвалась еще въ періодъ жизни славянъ на Дунаѣ¹⁾. Скиены на Днѣпрѣ обрабатывали коноплю, очищали и окуривались ея сѣменемъ для омыленія, вслѣдствіе чаго конопляное сѣмя первоначально и посило название скіенскаго курева²⁾, „стол. сильнаго, что каждый присутствовавшій непремѣнно потѣсть“. Ткацкому ремеслу бѣлоруссы научились уже позднѣе, именно въ ХІІ вѣкѣ, когда оно, напримѣръ, въ Торопецкой области имѣло кустарный характеръ. Женщины-кустари занимались тогда горнымъ тканьемъ, производствомъ скатертей, плетеньемъ кружевъ, тканьемъ полотенецъ, подавочниковъ и пр.³⁾.

Само собой разумѣется, земледѣльческая промышленность не могла дать населенію достаточныхъ средствъ существованія; она только прокормливала его, но не обогащала. Послѣднему могли содѣйствовать вѣземледѣльческие промыслы и торговля. Населеніе повсемѣстно занималось бортничествомъ и бобровымъ промысломъ.

Вмѣстѣ съ земледѣльцемъ должно было развиться и скотоводство. Скотъ первоначально приобрѣтался отъ печенѣговъ и затѣмъ отъ половцевъ, при чемъ разводился не только убойный, но и для кожъ. Наконецъ, обиліе въ лѣсахъ пушныхъ звѣрей—куницъ, лисицъ, соболей и другихъ дало начало развитію мѣхового промысла, продукты котораго въ большомъ количествѣ сбывались восточными народами⁴⁾. Въ VIII столѣтіи приднѣпровскіе славяне завязали торговлю съ хазарскимъ и арабскимъ востокомъ, на что указываютъ во множествѣ ходившія по берегамъ Днѣпра и Западной Двины арабскія, африканскія, испанскія, греческія, сиракузскія (въ Сициліи), омойядскія и абассидскія монеты VIII вѣка⁵⁾. Особенно замѣчательны находки арабскихъ монетъ въ Витебской губ. и гор. Гомель (Могилевской губ.). Въ 30 верстахъ отъ Витебска найдено было 100 фунтовъ се-ребряныхъ куфическихъ диремъ, цѣлыми и рѣзанными на куски, половины, трети, четверти; аналогичныя монеты во множествѣ были найдены въ Гомель, именно саманидскія монеты (896 г.).

Развитіе торговли вызвало появленіе торговыхъ городовъ: Киева,

¹⁾ В. Генз, Культурные растения и домашняя животная, 1872 г., 69.

²⁾ Ibid., 96.

³⁾ См. мою статью въ „Историч. Обозр.“, т. VII: „Очеркъ промысловъ и торг. въ Смоленскомъ княжествѣ“, 100.

⁴⁾ Что въ древности въ Бѣлоруссіи водилось много купицъ и соболей, на это указывается въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ.

⁵⁾ Турчимончъ, Очеркъ Бѣлоруссіи, 1855 г., прим. 72.

Переяславля, Смоленска, Новгорода и Полоцка. Полоцкъ, упоминаемый въ лѣтописяхъ въ 362 году, лежалъ на торговомъ пути, соединявшемъ восточную Европу съ западной, и на прямомъ пути изъ Новгорода въ Киевъ, поэтому рано сталъ извѣстенъ скандинавамъ, которые называли его Paltleskja. Въ X вѣкѣ онъ сдѣмался столицей Полоцкаго княжества, быть средоточиемъ торговой дѣятельности бѣлорусского населения, позднѣе, именно въ началѣ XIII вѣка, въ Полоцкѣ была построена рижскими кѣмами католическая церковь, въ свою очередь и въ Ригѣ существовала цѣлая улица, населенная полочанами, которые имѣли тамъ свою церковь св. Николая.

Благодаря вѣнчайшей торговлѣ, „въ натурально хозяйственномъ отношеніи съ XI вѣка проникъ сильною струей капиталъ, сосредоточившійся въ немногихъ рукахъ“¹⁾). Капиталъ далъ возможность взять и подложимъ образовать эксплуатировать обширныя земли. Именно вѣнчанная торговля создала новые формы, проходя на Руси неиздомыи: землевладѣніе княжеское, боярское и монастырское. Населеніе теперь расчленилось на отдельные части по своему экономическому положенію, при чёмъ верхніе слои обратили массы въ подневольныхъ рабовъ. Въ лѣтописяхъ очень часто говорится не только о земельныхъ владѣніяхъ князей, но и членовъ ихъ семьи. Въ 1128 г. по житію св. Ефросиніи Полоцкой у неї было около Полоцка княжеское село „съ челядью“; у жены Минскаго князя Глѣба упоминаются 5 сель „съ челядью“. У дружины княжеской („княжихъ мужей“) были тоже сола съ челядью. Въ княжескихъ селахъ число челяди достигало иногда до 700 человѣкъ. Князь Романъ Галицкій пѣвчихъ литовцевъ заставлялъ расчищать лѣсъ подъ пашню, „запрягше кошати кореня на новыхъ мѣстахъ“. И княжескія и боярскія земли обрабатывались рабами и ролейными закупами, т. е. людьми, которымъ, богатые ссужали живой и мертвый инвентарь, и даже деньги, съ обязательствомъ отрабатывать долгъ съ процентами. Неуплатившіе долга крестьяне становились холопами заемодавца; иногда они сами закладывались на цѣлую жизнь; закупъ дѣлался холопомъ и въ томъ случаѣ, если онъ, не выполнивъ условій, бѣжалъ отъ заемодавца. Господинъ могъ быть закупомъ или паймита за вину²⁾.

¹⁾ Н. Рожковъ, Обзоръ русской ист. съ соціологич. точки зренія („Миръ Бога“ 1903 г., кн. 3).

²⁾ Соловьевъ, Ист. Рос. изд. 1857 г., т. I, 255.

Въ началѣ XII вѣка людей тяглыхъ, т. е. крестьянъ, сидящихъ на общинахъ земляхъ, было сравнительно не много, да и тѣ, часто подвергаясь разоренію вслѣдствіе частыхъ войнъ, и ссылья на частно-владѣльческихъ земляхъ, не рѣдко превращались изъ свободныхъ людей въ закуповъ. Но были еще закупы не ролейные, которые жили при домѣ господина, какъ должники, и отрабатывали долгъ личными услугами. Это явленіе не чуждо было и пѣмецкому праву: въ Ригѣ, напримѣръ, должникъ самъ отдавался кредитору въ залогъ и работалъ на него¹⁾). Такимъ образомъ производительные земледѣльческие классы населенія въ древней Руси были рабами. Привольная жизнь общественныхъ вершинъ въ Полоцкомъ княжествѣ держалась на юридическомъ пренижденіи массы простого народа²⁾). Полочане удивительнымъ образомъ сумѣли гарантировать свое юридическое положеніе отъ княжескихъ притязаній путемъ формальныхъ договоровъ съ князьями. Община нуждалась въ князѣ какъ военачальникѣ, какъ главнокомандующемъ надъ полоцкими войсками. Власть князя была поставлена здесь въ исключительныя условія. Здесь не существовало посадниковъ и тысяцкихъ, какъ въ Новгородѣ, а были подвойскіе и старосты, которые исполняли больше волю вѣча, нежели князя. Мы видимъ здесь, что полоцкіе князья вступаютъ въ непосредственныя сношенія съ вѣчомъ и заключаютъ съ пимъ союзы, признавая такимъ образомъ полную законность и юридическую правоиспособность вѣча. И въ то время, какъ другіе князья, напримѣръ въ Новгородѣ, Смоленскѣ, Киевѣ назывались великими князьями, иногда носяли титулъ „господина“, „отца“, „паря“ и т. п., въ Полоцкомъ княжествѣ онъ просто назывался княземъ, „княже напѣ“. Вся его дѣятельность происходила подъ строгимъ контролемъ общины, а ея органъ—вѣче, всегда могъ выѣшаться въ его дѣятельность. Управление, судъ, выѣшнія политическія и торговыя спошенилъ, законодательство вѣдались вѣчевыми собраниями. Чтобы не давать князю возможности вліять непосредственно на дѣятельность полоцкаго вѣча, полочане отвели ему мѣстожительство не въ самомъ Полоцкѣ, а въ селѣ Бѣльчицы, отстоящемъ отъ Полоцка въ 2 верстахъ, гдѣ онъ жилъ со своею дружиною и откуда являлся въ столицу на совѣтъ по приглашенію полочанъ. Князья въ полной силѣ могли строить церкви, основывать

¹⁾) Dr. Bumge, Der Stadt Riga im dreizehnten und vierzehnten Jahrhundert, 1878. S. 359.

²⁾) Ключевский, Курсъ русск. ист., I, 338.

монастыри, назначать тюна, пристава, обязанность которого заключалась въ томъ, чтобы, будучи приставленнымъ къ иностраннымъ купцамъ, сопровождать ихъ для безопасности въ поездкахъ для торговли по Полоцкой землѣ¹⁾.

Вѣча собирались подъ открытымъ побомъ—на торговыхъ площадяхъ, но они могли собираться и въ городскихъ стѣнѣ и даже во время походовъ. Обычное право древней Руси не выработало опредѣленного порядка созыва вѣчевыхъ собраний, вслѣдствіе чего вѣча могла собрать и цѣлая партія, и отдѣльное влиятельное лицо, и князь. Дѣла рѣшались на вѣчѣ такимъ большинствомъ, которое подавляло и заставляло молчать не согласное съ мнѣніемъ меньшинство, которое принуждено было даже покидать городъ. Нерѣдко вѣча представляло собой всеобщее побоище, такъ какъ дѣла рѣшались не силой убѣженія, но силой кулаковъ, неожиданностью нападенія.

Изъ того, что княжеская власть подчинялась въ Полоцкомъ княжествѣ величию лѣтовыхъ собраний и потому общественный строй могъ свободно развиваться, нельзя заключать, что будто всѣ классы населенія могли свободно проявлять свою волю въ общественныхъ дѣлахъ.

Личный составъ вѣчевыхъ собраний ограничивался почти исключительно имущими классами, за которыми всегда стояли зависимые отъ нихъ экономически люди. Челыдь, рабы и холопы не принимали въ нихъ участія, а играли подчиненную роль въ качествѣ подсобниковъ той или другой партіи, или даже влиятельной личности—кулаками, крикомъ и пр. Даже изъ „малыхъ“ людей могли присутствовать на вѣчѣ только домохозяева, представители семьи, хотя бы въ семѣи домохозяина жили его женатые сыновья. Это было общимъ правиломъ. Это былъ, дѣйствительно, аристократический политический строй, аналогичный вѣчевому строю въ Великомъ Новгородѣ.

Полочане часто выгоняли своихъ князей, иногда даже цѣлой толпой. Въ 1132 г. вѣча рѣшило избавиться отъ власти Мономаховичей и само изгнало изъ Полоцка Святополка. Въ 1151 г. полочане „яша“ своего князя Рогволода Борисовича, разграбили его имущество, а самого отвезли узникомъ въ г. Минскъ, пригородъ Полоцка. Въ Минскѣ онъ былъ подвергнутъ строгому заключенію: „ту и держиша у великихъ пужи“, говорить лѣтописецъ. Было общимъ правиломъ, что князь, потерпѣвшій въ военномъ походѣ неудачу, уже не рѣшался

¹⁾ Даниловичъ, 209.

воротиться въ Полоцкъ¹⁾). Князья постоянно ссорились съ полоцкими, и не было ни одного князя, который бы подрядъ княжилъ въ Полоцкѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, ни разу не будучи изгнанъ. Одинъ только князь надолго остался въ памяти полоцкихъ, какъ сильный и могущественный князь, которому Полоцкая земля облавами объединенiemъ и укрѣпленiemъ Полоцкаго княжества. Это былъ знаменитый князь Всеславъ Брячиславичъ, прожившій въ Полоцкѣ 57 лѣтъ и воспѣтый въ Словѣ о Полку Игоревѣ, какъ князь чародѣй. При немъ въ составѣ Полоцкаго княжества входили 22 города. Города: Минскъ, Витебскъ, Рына(=Орша), Друцѣ, Лукомль считались пригородами Полоцка, и полоцкія колоніи тянулись вплоть до береговъ Балтійского моря. По лѣтописи, Всеславъ родился отъ волхвованія и почти съ самого дѣтства всегда носилъ на головѣ повязку, такъ какъ „на головѣ было язвено“. Это просто была свойственная бѣлоруссамъ болѣнь колтуши, вслѣдствіе чего они и были почти всегда раздражительны и, по словамъ лѣтописи, „не милостивъ на кровопролитіе“.

Всеславъ задумалъ построить въ Полоцкѣ каменный Софійскій каѳедральный соборъ. Постройка должна была обойтись очень дорого, такъ какъ кирпичъ и известіе приходилось вывозить по рѣкѣ Западной Движѣ изъ Лифляндіи²⁾; всѣ же прочія церковные принадлежности—сосуды, паникадило, колокола—надо было доставать изъ Греціи, изъ Византіи. Не долго думая, Всеславъ стремительно началъ со своей дружиной въ 1066 г. на Новгородъ, раззорилъ и сжегъ его до Черевскаго конца, а затѣмъ ограбилъ каѳедральный Софійскій соборъ: снять съ колокольни колокола, забрать въ церкви церковные сосуды и паникадило и съ массой пленныхъ мужчинъ и женщинъ ускакать въ свой Полоцкъ, гдѣ и украсилъ свой соборъ ограбленными колоколами, паникадиломъ и сосудами. „О, велика блише бѣда вѣ. чистъ!“ воскликнула лѣтописецъ³⁾. Впрочемъ такая грабительская политика полоцкаго князя не составляла исключительного явленія,—она совершенно согласовалась съ общими правами того времени и была свойственна и другимъ русскимъ князьямъ. Но въ данный моментъ такое наглое грабительство Всеслава возмутило Ярославичей: князья Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ собрали многочисленную рать и

¹⁾ И. Баллестъ, Оч. ист. Полоцкой земли, 308.—Ипат. лѣт., 91.

²⁾ Турчиновичъ, 50.

³⁾ Новгород. лѣт., 197.

зимой въ жестокіе морозы пошли на Всеслава. Они пришли къ Минску, жители которого затворились въ крѣпости. „Братья взяли Минскъ, мужчинъ изрубили, женъ и дѣтей отдали въ пленъ ратникамъ“ и пошли къ рекѣ Неманѣ, где встрѣтили Всеслава въ началѣ марта 1067 г.; несмотря на сильный снѣгъ, произошла жестокая сѣча, въ которой съ обѣихъ сторонъ истреблена была масса народу¹⁾. Пѣвѣцъ Слова о полку Игоревѣ вспоминаетъ объ этой сѣчѣ: „На Неманѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи хару碌жными, на тоѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла... Неманѣ кровави бреzi... посыпани костями русскихъ сыновъ...“ Всеславъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ г. Оршу, где занерся въ крѣпости. Орша была увѣщенна съ трехъ сторонъ острымъ частоколомъ, а съ четвертой граничила рѣкой Днѣпромъ. Обезсиленные противники не посмѣли, однако, осаждать городъ и простошли въ нерѣшительности по ту сторону Днѣпра въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Въ эти четыре мѣсяца они придумали одно исключительное средство—взять Всеслава обманомъ. Они хитростью заманили его къ себѣ въ шатерь для переговоровъ о мирѣ, при чёмъ для вящшаго увѣренія его въ своей честности поклялись честнымъ крестомъ, что не сдѣлаютъ ему никакого зла²⁾). Всеславъ повѣрилъ Ярославичамъ, сѣлъ въ лодку съ двумя своими сыновьями и переправился на другой берегъ Днѣпра. Изяславъ, однако, не сдержалъ своего слова и увезъ Всеслава въ Киевъ пленникомъ. Тамъ онъ посадилъ его въ „норубъ“. Мы не будемъ передавать въ деталяхъ всѣхъ перипетій этой киїлжской драмы, но скажемъ только, что Всеславъ, освобожденный изъ тюремы київскимъ вѣчемъ и провозглашенный затѣмъ тѣмъ же вѣчемъ київскимъ княземъ, черезъ 7 мѣсяцевъ, послѣ этого тайно ночью бѣжалъ въ свой Полоцкъ.

Впослѣдствіи, именно въ 1070 году Всеславъ постарался отомстить київскому князю за свое унижение тѣмъ, что разорилъ и сжегъ союзный київскому князю г. Смоленскъ.

Въ 1071 г. Владимиръ Мономахъ, соединившись съ черниговцами и наемными половцами, „изѣѣхаша городъ Минскъ и неоставиша у него ни челядина, ни скотины“, похваляясь еще при этомъ, что „Богъ ны поможе“³⁾). Все было перебито, уничтожено этимъ „добрымъ“ княземъ. Всеславъ умеръ въ 1101 году, оставивъ послѣ себя 6 сыно-

¹⁾ Соловьевъ, II, 15.

²⁾ Бѣллестъ, Очеркъ ист. сѣверо-зап. края, 1867 г., 22.

³⁾ Н. Бирсовъ, Материалы для истор.-геогр. словаря, 181.

вой. Послѣ Всеслава Полоцкое княжество распалось на нѣсколько почти независимыхъ удѣловъ съ особыми удѣльными городами, каковы: Витебскъ, Минскъ, Друцѣ, Лукомль, Орина и др. Всѣ удѣльные князья были родственны между собой и удѣльная между ними рознь только усиливала народную тѣгости. Удѣльные князья обзавелись собственными селами съ челядью и холопами. Первымъ дѣломъ князей было, вступивъ въ княжество соперника-родича, пожечь его села и забрать или истребить его жизнь, т. е. хлѣбъ, скотъ, челядь... Между княжеская политика въ Полоцкѣ за весь до-литовский періодъ можетъ быть охарактеризована, какъ политика эгоизма. Первая забота князя, по мнѣнію В. И. Сергеевича, состояла „въ увеличеніи собственныхъ владѣній, и все приносилось въ жертву: земскій миръ, узы родства и пр.“. Нѣкоторые изъ удѣльныхъ городовъ Полоцкаго княжества сплошь были заселены рабами, напр. Минскъ¹⁾. Друцѣ (нынѣ село на р. Други съ 300 жителями) представлялъ собой главный новолыничій рынокъ. Изъ сыновей Всеслава особенно недобрую память оставилъ по себѣ Глѣбъ Всеславичъ Минскій, который своей беззастѣничной жестокостью сумѣлъ настолько парализовать силу вѣча, что могъ безнаказанно проявлять свои рабовладельческие инстинкты. „Доревни и волости дымились подъ его набѣгами. Онъ продавалъ крестьянъ въ рабство въ дальняія страны и даже за море, говорить одинъ историкъ Бѣлоруссіи,—или же солилъ въ пустынныхъ окрестностяхъ рѣки Березини. Глѣбъ до того пріучилъ своихъ бояръ къ этому изумѣрному промыслу, что они сдѣлялись истинными торговцами невольникомъ. Владѣнія его пустѣли: народъ бѣжалъ въ сосѣднія земли и въ особенности въ Литву“. По словамъ Турчиновича, Владимира Мономаха усовѣчивалъ Глѣба, грозилъ, заставилъ даже кіевскаго митрополита предать Глѣба анаемѣ²⁾). Глѣбъ не щадилъ отъ набѣговъ владѣнія и кіевскаго князя. На совѣщаніи Мономаха въ 1116 году съ черниговскими князьями Давидомъ и Ольговичами, а также съ своимъ сыномъ Ярополкомъ, перяславскимъ княземъ, было решено идти на Глѣба войной, которая имѣла послѣдствиемъ совершение разореніе городовъ Вячеславля, Орши и Кошыса и истребленіе ихъ жителей, а самого Глѣба Ярополкъ разбилъ на голову на рѣкѣ Березинѣ и вязъ въ пѣнѣ. Центральный новолыничій рынокъ Минскаго княжества Друцѣ Ярополкъ сжегъ, а жителей его переселилъ на лодкахъ

¹⁾ Коллективъ, Четвѣтъ по истории Зап. Россіи, нов. изд. 1884, 63.

²⁾ Очерки Бѣлоруссіи, 37.

по Днѣпру въ свое Переяславское княжество, построивъ для ильи новый городъ при впаденіи рѣки Сулы въ Днѣпъ—Желди¹). Самого Глѣба отвезли пленникомъ въ Киевъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1119 году. Глѣбъ оставилъ послѣ себѣ значительное денежное состояніе. Киево-печерской лаврѣ и онъ и его жена пожертвовали по 100 гривенъ серебра каждый и по 50 фунтовъ золота; кроме того послѣдняя завѣщала туда же 5 сель съ челядью²). Разоренный и сожженный Друцкъ черезъ 40 лѣтъ снова былъ заселенъ таѣ же густо, какъ и до сожженія, что доказывается тѣмъ, что въ 1158 году дручане, встрѣчая киїзя Рогвольда Борисовича, выѣхали къ нему на встрѣчу изъ Друцка болѣе, чѣмъ на 300 ладьяхъ. Слѣды земляного вала и глубокаго рва и сейчасъ еще сохранились на островѣ озера, черезъ которое протекаетъ рѣка Друтъ. Здѣсь же находится самое большое въ Бѣлоруссіи городище.

Всѣдѣствіе частыхъ, скоры, и междоусобныхъ войнъ изъ-за земельныхъ владѣній кіевскихъ князей съ полоцкими между ними образовались антиконицкіе отнosiенія. Неудивительно, что кіевские князья охотиѣшли войной на Полоцкое княжество, чѣмъ на дикахъ кочевниковъ—половцевъ. Въ 1127 году кіевский князь Мстиславъ, сынъ Мономаха, пригласилъ полоцкаго князя Давида Глѣбовича въ походъ на половцевъ. Тотъ отвѣтилъ ему грубымъ отказомъ: „Ты съ Боянкомъ шолудякомъ здравствуйте оба и управляйтесь сами, а мы имѣемъ дома что дѣлать“³). Покончивъ такъ или иначе съ половцами, Мстиславъ упросилъ переяславскаго и черниговскаго князей идти въ походъ на Полоцкую землю; дѣло однако до этого не дошло. Въ 1129 году кіевский князь сумѣлъ заставить полоцкаго выдать ему всѣхъ полоцкихъ князей: Давида Глѣбовича съ сыновьями—Ростиславомъ и Святославомъ и двумя Рогвольдовичами—Василиемъ и Иваномъ съ ихъ женами, дѣтьми и слугами, и всѣхъ ильи отправилъ на трехъ ладьяхъ пленниками въ Константинополь къ византійскому императору, родственнику Мстислава, а Полоцкое княжество передалъ своему сыну Изяславу, котораго, впрочемъ, черезъ три года полоцкане выгнали. Византійскій императоръ принялъ къ себѣ на службу всѣхъ пятерыхъ князей, „далъ имъ содержаніе и послалъ ихъ въ войско сражаться

¹) Типоръ мѣстечко Жовинъ на рѣкѣ Судѣ, неподалеку отъ впаденія ее въ Днѣпъ, въ Золотомошскомъ уѣздѣ Полтавской губ. См. Соловьевъ, II, прим. 159.

²) Иваньевская, 82. Даниловичъ, 16.

³) Татищевъ, II, 240.

сть сарацинами¹⁾). Только черезъ 10 лѣтъ, именно въ 1140 году, двое изъ полоцкихъ князей вернулись на свою родину; участъ остальныхъ неизвѣстна.

II.

Вся исторія между-княжескихъ отношеній, начиная съ X и по XII вѣкъ, была наполнена почти безпрерывными войнами. Въ теченіе этого времени много народа было перебито, не меньше обращено въ рабство и продано на вѣшнихъ рынкахъ. „Военные походы князей, говорить проф. Ключевский, скопляли въ ихъ рукахъ множество челяди, и они наполняли сю свои городскія подворья, излишкѣ — сбывали за море“. Много этой челяди было и у дружины, у бояръ и купцовъ въ селахъ и деревняхъ. Слѣдя закону направленія движенія въ сторону наименьшаго сопротивленія, владѣющіе и сильные экономически классы общества лично не занимались добывающей или обрабатывающей промышленностью, слѣдовательно не вносили въ общество никакихъ культурныхъ элементовъ, — легкость и выгодность сбыта человѣческаго товара на вѣшніе рынки влекли ихъ именно въ эту сторону. Въ XI и XII вѣкахъ и князя и бояре-купцы отлично изучили уже всѣ торговые пути въ далекія заморскія страны. Ближайшій торговый рынокъ для приднѣпровскихъ былоруссовъ находился въ половецкихъ вѣжахъ. Туда купцы ехали и въ большомъ количествѣ сбывали еще въ X вѣкѣ мясо, медъ и челядь, получая отъ половцевъ взамѣнъ этого рогатый скотъ и лошадей. Митрополитъ Иоаннъ укорялъ русскихъ купцовъ въ 1088 г. въ томъ, что они „ходять къ поганымъ купли-ради и челядь продаютъ“. Нерѣдко русскіе сами нападали на степныхъ половецкихъ вѣжи и массами забирали у нихъ мальчиковъ и девушки. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ говорится, что князь Олегъ въ походѣ на половцевъ „помчаша красивыи дѣвки половецкія, а съ ними и злато“. Команскіе (половецкіе) мальчики часто упоминаются въ числѣ русскихъ подарковъ венгерскими писателями. Венгерскій хѣтописецъ, пересчитывая дары отъ русскаго князя, упоминаетъ о мальчикахъ половецкихъ, какъ о рѣдкостяхъ и какъ о почетныхъ дарахъ²⁾. Для половцевъ набѣги на русскихъ служили положительнымъ источникомъ существованія. Половцы въ качествѣ союзниковъ одного русского князя въ 1160 году заразъ увеши

¹⁾ Соловьевъ, II, прим. 188.

²⁾ Мельниковъ, Очерки по истории русской торговли, 1905 г., 47.

изъ Смоленской земли въ рабство 10.000 человѣкъ¹⁾). Захваченныхъ имъ русскихъ „полонянниковъ“ и „полонянокъ“ они или отпускали за выкупъ, или чаще всего продавали въ рабство въ Византію, особенно въ Корсунь. Рынки, на которыхъ сбывали русскію рабовъ, были довольно многочисленны: Багдадъ, Александрія, Дербентъ, генуеаскія колоніи: Тана (при устьѣ Дона), Тамань, Сухумъ-Кале, Болгары, Итиль, затѣмъ Египетъ, Валахія, Генуя, Венеція, Барселона, Валенсія. Кучецъ, выгрузившись на базарѣ въ Италиѣ, разставлялъ свои скамьи и лавки, на которыхъ и рассказывалъ свой товаръ — рабынь²⁾). Еще въ 944 году, по сказанію о рабовъ, цѣлыи ватаги въ нѣсколько тысячъ человѣкъ съ береговъ Днѣпра, Западной Двины и истоковъ Волги пробралась по Волгѣ въ Каспійское море, откуда поднявшись вверхъ по р. Курѣ, напала на хазарскій городъ *Бердаа*, имѣвшій 10.000 жителей, который дочиста разграбила, а дѣтей и самыхъ красивыхъ юношницъ взяла въ рабство³⁾). Чаще всего русскіе продавали рабовъ въ Константинополь. Изъ Полоцкой и Киевской страны невольники отправляли по Днѣпру скованными въ насадахъ, изъ коихъ въ каждомъ могло помѣститься до 50 и болѣе человѣкъ. „Не доходя порога, русскіе высаживались на берегъ и готовились къ бою — съ печеньгами или половцами, которые, случалось, отбивали у нихъ невольниковъ; лодки вытаскивали на берегъ и волокомъ тянули на бичевъ на разстояніи 6.000 шаговъ, а грузъ распредѣляли между людьми. За неясныемъ предстояло пройти почти такимъ же образомъ черезъ три порога“⁴⁾. Въ Константинополѣ находилась особая торговыя площадь, на которой русскіе купцы продавали челядь. Въ древнѣмъ описаніи чудесъ св. Николая сказано: „и всѣдѣ на конѣ доѣхѣ до торгу, идѣже рустіи купци приходяще челядь продаютъ“. Путешественникъ XII вѣка Венiamинъ Тудельскій видѣлъ русскихъ купцовъ въ Греціи и Александрии и говорить, что они „ловятъ, соболей и торгуютъ невольниками“. О невольникахъ существуютъ особыя статьи въ договорахъ грековъ съ русскими. У грековъ русскіе вымѣнивали паволоки, которыми даже одѣвались рабы. Ходачая цѣна раба въ Греціи X вѣка варьировалась отъ 35 до 50 р. на наши деньги⁴⁾, т. е. цѣна находилась въ зависимости отъ отношенія спросомъ и

¹⁾ Аристовъ, Промышленность древней Руси, 1866 г., 255.

²⁾ Ключенскій, Курсъ русской исторіи, I, 335. Въ Италиѣ по свидѣтельству Ибнъ-Фацдана, была особая русская слобода.

³⁾ И. Забылинъ, Исторія русской жизни, II, 167.

⁴⁾ Аристовъ, Промышленность въ древней Руси. 184.

предложеніемъ живого товара. Славянскіе невольники повсюду цѣнились дорого, такъ какъ они были способны ко всякой работе, особенно невольницы, которыхъ покупались для гаремовъ и работъ. Въ арабской торговлѣ въ числѣ невольниковъ упоминаются и русскіе мальчики. Въ обмѣнѣ за работу русскіе купцы брали у арабовъ дорогіе камни, бисеръ, особенно зеленаго цвѣта, за который нерѣдко платили по диргему за каждую бисеринку ¹⁾). Въ Мингрелию ежегодно вывозилось на продажу до 12.000 человѣкъ... Отсюда можно заключить, какъ должна была обезлюдѣть эта страна! Египетскій Суданъ, нуждавшись въ рабахъ, покупалъ мужчинъ для арміи, а женщинъ для гаремовъ. Для покупки рабовъ въ Танѣ жили особые египетскіе агенты, должностность которыхъ состояла въ покупкѣ и отправкѣ невольниковъ по назначению. Больше караваны съ невольниками съ береговъ Днѣпра и Западной Двины шли по Волгѣ за Каспійское море, и тамъ-то несчастные „безъ вѣсти пропадали въ далекой чужбинѣ“, напрасно вздыхая по своей родинѣ²⁾. Въ самомъ центрѣ Руси торговали рабами и принимала иногда широкіе размѣры. Результатомъ княжескихъ междуусобій, какъ мы сказали выше, было громадное скопленіе пѣнниковъ въ данной мѣстности. Послѣ неудачнаго нападенія рати Андрея Боголюбскаго на Новгородъ въ 1169 году новгородцы „купляху пѣнныхъ по двѣ ногатъ“ за человѣка, т. е. по 70 к. на выигранныя деньги ³⁾). Уже позже столѣтіемъ, въ 1260 году, послѣ побѣды, одержанной литовско-полоцкими князьями Миндовгомъ надъ полками, князья пришли домой съ такой громадной добычей пѣнныхъ, что послѣднѣе продавались по гривнѣ за голову или по 80 к., а литовцы и полочане мѣняли ихъ между собой на коровъ, лошадей и другую скотину ⁴⁾). Привычка торговать пѣнниками и рабами настолько вкоренилась въ общественное сознаніе, что даже лучшіе люди того времени открыто выражали свои чувства радости или печали относительно ихъ ходичей рыночной цѣны. Пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ дѣластъ наивное причитаніе по убитому князю Всеvolodу: „Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатъ, а кощѣй по рѣзанѣ“, т. е. если бы ты былъ живъ, то половецкая пѣнница продавалась бы по 35 к., а невольникъ по 15 к. Въ крестьянскомъ населеніи совершенно утратилась

¹⁾ Соловьевъ, I, 273. Бисеръ, найденный въ курганахъ, походилъ на бисеръ въ Помпеи (Памятники старины Нитебской губ. Семеновскію, 23).

²⁾ Аристотель, 281.

³⁾ Бѣльевъ, Очеркъ истории сѣверо-западнаго края, 1867 г., 60.

вѣра въ справедливость высшихъ, сильныхъ экономически классовъ общества по отношению къ низшимъ, бѣднымъ. „Работающіе сироты“, по слову одного проповѣдника, работали „на обидящихъ меньшихъ“, иногда не получая никакого вознагражденія. По одному сказанію о постройкѣ церкви св. Георгія въ Киевѣ въ XI вѣкѣ, когда князь Ярославъ заложилъ этотъ храмъ и вѣдумъ приступить къ дальнѣйшимъ работамъ, всѣ киевскіе рабочіе забастовали: никто не пошелъ на работу, боясь, что имъ не заплатятъ за трудъ. Очевидно, поуплаты денегъ за трудъ рабочимъ была порѣдкимъ явленіемъ въ то время. Князь спросилъ тѣуна: „отчего мало дѣлатель“? — „Дѣло властельское — отвѣтилъ ему тотъ, — люди боятся, что имъ не заплатятъ“. Князь велѣлъ возить куны на телѣгахъ подъ своды золотыхъ воротъ и объявить на торгу, чтобы каждый бралъ за трудъ по ногатѣ на день, т. е. по 35 к. на наши денги, — обычная поденная плата рабочимъ того времени. „И бысть множество дѣлающихъ“, заключаетъ сказаніе¹⁾.

Въ концѣ XII вѣка, когда приднѣпровская Русь почти совсѣмъ опустѣла и почти некого было продавать въ рабство, работорговля продолжала еще существовать въ предѣлахъ Полоцкаго княжества, откуда рабы сбывались въ нѣмецкіе города, напр. въ Ахенѣ, куда приходили по рѣкѣ Рейну²⁾. Въ началѣ XIII вѣка нѣмцы, поселившіеся въ г. Ригѣ и его окрестностяхъ, пожелали завести съ бѣлоруссами мирные торговыя сношенія и съ этой цѣлію упросили полочанъ и смольянъ прислать въ Ригу пословъ для заключенія договора. И вотъ въ 1229 году въ Ригу и островъ Готландъ были отправлены отъ городовъ Смоленска, Полоцка и Витебска послы: „остскій умный мужъ Пантелеї и попъ Еремей“, а отъ нѣмцевъ — жившій въ Смоленскѣ купецъ Туманъ. Договоръ былъ заключенъ, по „давнему обычая“, слѣдовательно торговыя сношенія русскихъ съ нѣмцами происходили уже давно, еще въ XII вѣкѣ. Всѣхъ торговыя договоры между рижскими нѣмцами и полочанами было заключено 56, отдельно съ Витебскомъ — 9. Къ упомянутому первому письменному договору привѣшены дѣй двухстороннія печати, составленныя изъ двухъ тонкихъ серебряныхъ пластинокъ, спаянныхъ вмѣстѣ. Въ договоръ включены рядъ статей, могущихъ привести современного читателя въ ужасъ отъ циничнаго перечисленія тѣхъ безобразій, какія обыкно-

¹⁾ Соловьевъ, I, примѣт. 398.

²⁾ И. Бѣллест, Лекція по исторіи русскаго законодательства, 1879, 38.

венно допускались въ международныхъ взаимоотношенияхъ. 12 первыхъ статей договора заняты исключительно перечислениемъ денежныхъ штрафовъ за совершенные вмѣдленія:

1. Убийство свободнаго человѣка и насилие свободной женщины оплачивались вирою въ .	10	гравенъ ¹⁾
2. Убийство холопа	1	гравиа
3. Убийство посла и попа	5	
4. Ударъ холопу	1	
5. Переломъ руки, ноги и выбитіе глаза	5	
6. Выбитіе зуба	3	
7. Ударъ по уху палкой или мечемъ до крови или синихъ пятенъ .	1½	
8. Рана безъ увѣчья	¾	
9. Ударъ по уху боярину или тіуну	¾	
10. Вырываніе бороды посолу или попу	5	
11. Драпье за волосы	¾	
12. Безъ вины связать или арестовать нѣмца или русскаго	3	

Эти договорные условия одинаково примѣнялись какъ къ русскимъ, такъ и къ нѣмцамъ. Со стороны русскихъ къ этому договору была прибавлена весьма любопытная статья: нѣмцы не имѣли права держать въ Полоцкѣ, Смоленскѣ и Витебскѣ корчмы, т. е. продавать хмѣльные напитки врозницу, а только онтомъ ²⁾; но въ свою очередь нѣмцы навязали русскимъ не менѣе любопытныя условія относительно взвѣшиванія продаваемаго русскими нѣмцамъ воску. Когда вѣсять товарь на вѣсахъ, то вѣсовщики мало того, что должны были предварительно цѣловать кресть въ удостовѣреніе того, что будуть вѣсить по совѣсти, но еще обязывались: „положивши товарь и гири, русскіе должны отнять руки и отступить отъ вѣсовъ для устранинія всякихъ подозрѣній“ ³⁾. Въ позднѣйшій договоръ сюда добавлены еще слѣдующія условія: „вѣсити чистый воскъ безъ подсады, безъ смолы, безъ сала, какъ вѣрхъ, таю исподъ“. Относительно работорговли русскихъ, преимущественно женщинами, имѣются данные въ одномъ

¹⁾ Ранѣе по Русской правдѣ за убийство холопа полагалось вира въ 5 гравенъ. Соловьевъ, I, 266.

²⁾ Бережкоевъ, О торговлѣ Руси съ Гаизой, 1879, 104.

³⁾ Ibid.

изъ договоровъ подъ 1286 годомъ¹⁾). Здѣсь рѣжане детально излагають жалобу одного нѣмецкаго купца витебскому князю Михаилу Константиновичу, заключающуюся въ томъ, что купецъ отправился, вооруженный мечомъ, въ полоцкую землю, чтобы у русскихъ „дѣлки купити“, но, заблудившись въ лѣсу, случайно забрѣгъ и въ какому-то русскому монастырю, откуда вдругъ „выскочивше 3 черничи и четвертыи человѣкъ иный сними, ту его емко били и рвали, и мечъ выызяли силою у него“. Обиженный нѣмецъ требовалъ отъ князя удовлетворенія за обиду; онъ не только ничего не получилъ, но, говорится дальше въ жалобѣ—„ты киляже, на другой сѣть сго оловавъ еси и держаль его до того же дне, а товара еси отъяль на 3 берковца воску... Въ старану, при твоемъ отцѣ этого не было. Мы свой обиды не положимъ, болѣ не можемъ терпѣти и будемъ искать правды“.

Очевидно, описываемый порядокъ вещей не имѣлъ и не могъ имѣть опоры „въ низшихъ классахъ населения, которымъ онъ давалъ себя чувствовать только своими невыгодными послѣдствіями“.

III.

Въ самыя мрачныя эпохи варварства история чаше всего старается отыскать на темномъ фонѣ человѣческой жизни хотя бы одну свѣтлую точку, на которой глазъ могъ бы успокоиться и отдохнуть. Страдно увидѣть среди сонма озѣрѣвшихъ людей ангела-хранителя, ласкающаго и оберегающаго измученную жертву своимъ теплымъ участіемъ и любовью. Мы всегда съ удивленіемъ и благоговѣемъ будемъ останавливаться на божественныхъ женскихъ образахъ, нарисованныхъ художественной кистью Тургенева, чарующая нравственная прелестъ которыхъ способна возвысить насть нравственно надъ обыденной людской пошлостью.

И въ это-то мрачное время была именно одна такая свѣтящаяся точка на темномъ фонѣ въ лицѣ Евфросиніи Полоцкой, внучки извѣстнаго уже намъ полоцкаго князя Всеслава Брячиславича и дочери младшаго изъ шести его сыновей—князя Георгія. У Георгія было двѣ дочери: Предислава и Гордислава и сынъ Давидъ. Лѣтописныя сказанія рисуютъ Предиславу поэтическими чертами. Личность ея можетъ служить протестомъ противъ существовавшаго изувѣрства и насилия. Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь одну замѣчательную черту многихъ

¹⁾ Русско-ливонскіе акты, изд. 1868 г., № XLIX.

личностей древней Руси, причисленныхъ къ лицу святыхъ: почти всѣ они, помимо приносимаго ими нравственного добра, отмѣчены печатью знанія и учености, что мы гораздо рѣже встрѣчаемъ въ области агиографіи позднѣйшаго времени. Такою была Евфросинія Полоцкая, такими были въ то же времялъ Авраамій Смоленскій. Къ сожалѣнію, исторія мало сохранила деталей относительно ся личной жизни. Въ дѣствѣ Предислава (ея языческое имя) обнаружила столь страстную любовь къ ученію, что удивляла своихъ родителей. Въ 12 лѣтнемъ возрастѣ она уже хорошо читала книги и писала. Она была прокрасна лицомъ и отличалась ангельской добротой къ людямъ. Ей думали юныхъ лѣть болѣла несчастіеми родины. Неудивительно, что уже на 13-мъ году ея жизни многіе изъ князей начали искать ся руки. Въ то время выдавали дѣвицъ замужъ очень рано, даже въ 8-ми лѣтнемъ возрастѣ. Грубые общественные нравы, какъ результатъ нравѣства и общественнаго ностроенія, не возбуждали гнѣвъ. Предиславъ жалованія вступать въ супружескій союзъ, въ которомъ она могла играть роль только безгласной рабыни. Она рѣшила бѣжать изъ родительскаго дома. И вотъ ночью тайно отъ родителей она уѣхала въ загородный женскій монастырь, гдѣ жила иконкинѣ ся родная тетка, супруга князя Романа Всеславича. Это было между 1116—1120 годами. Со слезами на глазахъ она умоляла свою тетку принять ее къ себѣ въ монастырь. Та принялѣ ее и постригла подъ именемъ Евфросиніи; но на другой же день родители хватили ее. Отецъ явился въ монастырь и „жалостно терзашо волосы главы своей и любозно цѣловаше ю“, упрашиваль вернуться домой. Евфросинія оставалась не-преклонной. Въ женскомъ монастырѣ она могла оставаться наисильной личностью, такъ какъ не представлялось возможности примѣнить къjakому либо дѣлу свои способности. Спустя нѣсколько времени, Евфросинія поселилась съ дозволеніемъ епископа полоцкаго Иліи въ „голбѣ камоніи“ Софійскаго кафедральнаго собора, находившемся въ подвалѣномъ этажѣ, подъ церковью. Здѣсь, при соборѣ, сохранилась богатая по тому времени библіотека¹⁾, состоявшая изъ рукописныхъ сочиненій. Въ данномъ случаѣ для настъ является особенно интереснымъ то, какъ Евфросинія будетъ проводить время въ подвалѣномъ „голбѣ“. Съ утра и до вечера она посвящала себя списыванью рукописныхъ книгъ, которая потомъ продавала желающимъ и всѣ вырученныя деньги расходовала на помощь бѣднымъ. Впослѣдствіи, вѣроятно при

¹⁾ Е. Голубинскій, Исторія русской церкви, 1881 г., II, 493.

помощи своего отца, она имѣла возможность построить новую Спаскую каменную церковь, гдѣ около хоровъ и сейчасъ видны двѣ маленькия комнатки, въ которыхъ жила Евфросинія, занятая и здѣсь списываніемъ книгъ. Евфросинія по хотѣлъ оставлять въ невѣмѣстѣ свою маленькую сестру Гордиславу. Она упросила родителей пустить ее къ ней погостить, „да научатся грамотѣ“, сказано въ житіи. Тѣ согласились. Сколько времени прожила Гордислава у сестры—невѣдѣсто, но только когда отецъ послать за ней въ монастырь, чтобы она шла домой, Евфросинія не пустила ее, отвѣтивъ родителямъ, что сестра „еще неизвѣдѣла всѣй грамотѣ“. Кончилось однако тѣмъ, что и Гордислава постриглась въ монахини подъ именемъ Евдокіи и навсегда осталась въ монастырѣ, хотя этотъ поступокъ Евфросиніи настолько огорчилъ ея отца, что онъ „возъяривши на преподобную Евфросинію, сердцемъ горя“. Лѣтописные сказанія, описывая образъ жизни Евфросиніи, симпатичными чортами квалифицируютъ ея нравственныя качества. Своимъ умомъ въ качествами своего сердца она умѣла возбудить къ себѣ всеобщую любовь и уваженіе. „Аще кто ея вопрошає о коей вещи—говорится въ одномъ сказаніи,—она ему разрѣшаше, и кто ея послушаше, то и добро получаше, ибо всѣхъ хотяше имѣти яко едину душу“¹⁾). Таковъ былъ нравственный обликъ Евфросиніи, призывающей всѣхъ къ дѣятельной любви и просвѣщенію въ тотъ вѣкъ, безправія и пасхи.

Евфросинія умерла 23 мая 1173 года. Церковь причислила ее къ лику святыхъ.

Жизнь и дѣятельность Евфросиніи служила, конечно, протестомъ противъ царившаго зла; но этотъ протестъ, выражавшійся въ формѣ воздѣйствія на нравственную сторону человѣческой природы, былъ единичный, исключительный. Народъ проявлять свой протестъ различнымъ образомъ. Какъ бы тяжко ни былъ придавленъ человѣкъ вѣнчаниемъ гнетомъ, ему всегда будетъ присуще стремленіе къ свободѣ, къ собственному самоопредѣленію. Это именно стремленіе къ свободѣ и побуждало низшіе классы населения искать выхода изъ своего угнетенного рабскаго положенія, и онъ находилъ его въ массовомъ проявленіи массового протesta противъ господствовавшаго порядка, противъ пренебреженія человѣческой личностью. Крестьяне, „челядь“—массами бѣжали изъ придѣловской Руси на сѣверъ, сѣверо-западъ, сѣверо-востокъ въ ростовско-сузальскій край, на Волгу и другія мѣста—

¹⁾ Житіе преподобной Евфросиніи книжны похвостой, изд. А. Сапунова, 1888 г.

„куда глаза глядятъ“. Это бѣгство проявлялось въ различныхъ формахъ: прежде всего въ формѣ массового паломничества ко святымъ мѣстамъ. Лѣтописцы говорятъ, что эти паломничества до такой степени были многолюдны, что они отнимали массу рабочихъ русь у земледѣлія, такъ что во многихъ мѣстахъ совсѣмъ некому было обрабатывать землю: деревни и поля опустѣли. По Нифонту уходъ этой причинилъ великий вредъ государству ¹⁾). Уходившіе паломники рѣдко возвращались обратно. Рѣчная приднѣпровская полоса съ притоками, издавна такъ густо заселенная, съ конца XII вѣка пустѣеть, населеніе вообще разбѣгается, разѣбѣгаются отъ рабства и неволи ²⁾). Убыль населенія является также результатомъ постоянныхъ междуусобныхъ княжескихъ войнъ... Между рѣками Днѣпро и изловымъ течениемъ Березины, а также между Могилевомъ и рѣкой Сожемъ—въ такомъ количествѣ разсыпны курганы, „что невольно рождается мысль, будто бы эта страна была вѣковымъ кладбищемъ какого-то многочисленнаго народа“ ³⁾). Одинъ путешественникъ начала XIII вѣка сообщаетъ, что вся приднѣпровская Русь была покрыта черепами и скелетами... Въ самомъ Кіевѣ, по Титмару Морзобургскому, въ XI вѣкѣ считалось 400 церквей и 8 торговыхъ рынковъ, гдѣ прежде гостили иностранные купцы, въ концѣ XII вѣка остались лишь развалины, 200 бѣдныхъ лачугъ и хижинъ. Само Полоцкое княжество, обезселенное и ослабленное малолюдствомъ и внутренними смутами подчинилось въ XIII вѣкѣ Литвѣ; Кіевская Русь по тѣмъ же причинамъ, не могла противостоять татарскому нашествію.

III. ВЪРАСШЕНІЕ РЕНЬЯ.

¹⁾ Калайдовичъ, 176 и 203.

²⁾ Ключевский, I, 344.

³⁾ Турчиновичъ, Очерки Бѣлоруссіи, 3.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

И. И. Соколовъ, проф. С.-Петербургской духовной академіи. Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ. Опытъ исторического изслѣдованія. Томъ первый. 1) Внѣшняя история церкви. 2) Очерки дѣятельности патріарховъ. 3) Патріаршее управлѣніе. 4) Приложениа—Та же. С.-Петербургъ. 1904 г.

Исторія православной Восточной церкви, въ частности—Константинопольского патріархата, стала въ послѣднее время болѣе и болѣе привлекать на себя вниманіе русскихъ ученыхъ. Это и естественно, къ тому пудрить и пудить самый ходъ событий. Среди православныхъ народовъ Востока уже съ конца XVIII вѣка начинаются сильные движения, знаменующія новую эпоху ихъ религіозно-гражданскаго существованія. Въ XIX вѣкѣ они, эти движения, достигаютъ наибольшей силы напряженій. Но прекратились они и теперь, но въ некоторыхъ частяхъ продолжаютъ идти и развиваться въ данномъ имъ направлѣніи съ неослабѣвающею силою. У всѣхъ на языкахъ, что Россія, какъ православная держава, имѣть на ближайшемъ, т. е. православномъ, Востокѣ существенные, такъ сказать, кровные интересы, отъ которыхъ она не можетъ отказаться, не отрекнись отъ самой себя, какъ православной державы, и при томъ единственной доселѣ сильной православной державы. Вотъ эти-то „кровные“ интересы, при всей безпечности русскихъ людей, заставляютъ, по крайней мѣрѣ, некоторыхъ изъ нихъ, присмотрѣться ближе и познать, что же это такое за ближний православный Востокъ? Каковы права и обычаи его обитателей? Каковы задачи и стремленія этихъ обитателей ближайшаго Востока? Да въ какихъ собственно отношеніяхъ они стоять къ намъ, русскимъ, и наоборотъ—мы, русские, къ нимъ? Такимъ образомъ, невольно, самымъ ходомъ событий, ставится предъ взоромъ насть, русскихъ людей, задача—познать природу близкаго

намъ по вѣрѣ православнаго Востока. Но это только одна сторона дѣла. Каждый народъ растетъ и крѣпнетъ непремѣнно послѣ точнаго знанія своей собственной природы, своихъ задачъ и стремленій, самого, какъ говорится, *raison d'être* среди другихъ, населяющихъ землю, народовъ. Но широта, ясность и опредѣлённость такого самосознанія дается только чрезъ точное опредѣленіе своихъ отношеній къ другимъ народамъ, преимущественно же—родственнымъ по вѣрѣ. Въ исторіи церкви это прямо-таки необходимо: если мы—православные, то вѣдь это нужно исторически непрекращеніемъ образомъ показать съ документами въ рукахъ и выѣсти съ этимъ указать на никогда непрерывающуюся духовную связь свою со всѣми православными народами. Если среди православныхъ народовъ Востока начались сильныя движения, до крайности забаламутившія ихъ церковную жизнь, то со стороны наѣсъ, русскихъ, непремѣнно требуется изучить природу этихъ движений: но можетъ болѣе изъ одной части тѣла не отзываться во всемъ тѣлѣ, а вѣдь церковь—тѣло, единое, органическое тѣло. Къ тому же, съ познаніемъ природы волнующихъ православный Востокъ движений не вѣришь ли мы познаемъ природу своихъ, могуче захватывающихъ и волнующихъ наѣсъ самихъ, движений? На этотъ вопросъ можно отвѣтить только утвердительно. А это обязываетъ православнаго русскаго изслѣдователя относиться къ религіозно-церковнымъ движениямъ православнаго Востока съ любовью и сърдечной родственностью, а не съ холоднымъ гордымъ равнодушіемъ, какъ изъ явлениямъ, намъ чуждымъ, наѣсъ не касающимся, чтѣ обычно замѣчается въ средѣ иноязыцѣвъ—враговъ православія. Ибо только съ этой точки зренія, при взглядѣ на всѣ православныя церкви какъ на единое органическое цѣлое, часть资料 которого со-ставляется и русская церковь, мы можемъ объективно отнестись къ религіозно-церковнымъ явленіямъ православнаго Востока и изъ изученія ихъ извлечь полезный для себя урокъ. Проф. Н. И. Соколову именно и не чужда эта точка зренія.

I.

Содержаніе его сочиненія представляется въ слѣдующемъ видѣ.— Въ „предисловіи“, предпосланномъ имъ своему „изслѣдованію“, онъ первоначально говорить о поводѣ, который понудилъ его предпринять трудъ о исторіи Константинопольской церкви именно XIX вѣка, а не другого какого-либо времени. Этимъ поводомъ для автора было, съ одной стороны, обилие открывшихся ему источниковъ именно для

этого периода Константинопольской церкви (стр. III—IV), а съ другой—еще и то обстоятельство, что исторія Константинопольской церкви XIX вѣка „полна самого живаго интереса въ по характеру отношений къ ней турецкаго правительства, тѣль и по разнообразнымъ движеніямъ въ нѣдрахъ ея, до организаціи нового административного строя включительно“ (стр. XXXII). Затѣмъ авторъ знакомить читателя съ источниками и пособіями—русскими, западно-европейскими и греческими—по избранному имъ предмету (стр. IV—XXXII). Обзоръніе источниковъ и пособій, сдѣланное авторомъ, поражаетъ читателя своею полнотою: авторъ, можно сказать, не оставилъ безъ вниманія ни одного сочиненія, имѣющаго такое или иное касательство къ его предмету, иногда даже очень отдаленное. Преимущественное значеніе въ избранномъ имъ предметѣ, конечно, имѣть греческая литература, и авторъ ознакомился съ нею основательнымъ образомъ. Онъ изучилъ не только изслѣдованія, статьи и различные, разбросанные по разнымъ изданіямъ, документы, относящіеся къ исторіи Константинопольской церкви XIX вѣка, но еще многочисленные рукописные кодексы патріаршаго Константинопольскаго архива и нѣкоторые Афонскіе рукописные кодексы. О каждомъ изъ поименованныхъ имъ сочиненій онъ даетъ свой отзывъ, показывая, такимъ образомъ, относительную важность и значеніе каждого изъ нихъ для его изслѣдованія. При перечисленіи кодексовъ патріаршаго Константинопольскаго архива онъ кратко сообщаютъ и содержаніе каждого изъ нихъ, что, очевидно, должно оказаться весьма полезнымъ для будущихъ историковъ Константинопольской церкви. Перечисленіемъ и характеристикою источниковъ и пособій авторъ наглядно даетъ понять читателю, сколь великую цѣнность должны имѣть свѣдѣнія о Константинопольской церкви, предлагаемыя имъ въ своей книгѣ, и какъ читатели должны относиться къ сообщаемымъ имъ свѣдѣніямъ. При этомъ трудъ автора осложненъ еще тѣмъ, что всѣ свѣдѣнія, заключающіяся въ обозрѣнныхъ имъ сочиненіяхъ и печатныхъ въ архивныхъ документахъ, отрывочны; цѣльного и обстоятельного изслѣдованія обѣ избранномъ имъ предметѣ не имѣется въ литературѣ, ни въ греческой, ни въ западно-европейской, ни въ русской. Поэтому авторъ, съ полной справедливостью, могъ сказать о себѣ: „Намъ пришлось работать почти исключительно по первоисточникамъ общирнымъ и разнообразнымъ“ (стр. XV). Такимъ образомъ, трудъ его долженъ быть причисленъ къ самостоятельнымъ. Въ заключеніе авторъ начертываетъ планъ своего сочиненія, раздѣленного имъ на три

отдѣла, и высказывается о значеніи сдѣланного имъ приложенія къ своему сочиненію: Та чеселлтихъ—215 документовъ, извлеченныхъ имъ изъ патріаршаго архива, частью хатѣ лѣтъ, преимущественно же єнъ турецкіе. Этому приложению, говорить авторъ, мы придаемъ значеніе, главнымъ образомъ, документальнаго оправданія сужденій и выводовъ, предложенныхъ въ нашемъ изслѣдованіи, а затѣмъ оно можетъ имѣть и иное научное значеніе, такъ какъ не использовано нами во всемъ своемъ составѣ” (стр. XXXII—XXXV).

Самое изслѣдованіе профессора И. И. Соколова открывается „вступленіемъ“, трактующимъ о „высшемъ состояніи Константинопольской церкви съ половины XV до конца XVIII вѣка (1453—1789)“. Здѣсь, прежде всего, въ качествѣ фона, на которомъ должно со всею яркостью вырисоваться общее состояніе греческой церкви въ Турціи, авторъ изображаетъ устройство и основной характеръ Османской имперіи, какъ мусульманскаго государства (стр. 1—4), и затѣмъ уже описываетъ устройство православной Константинопольской церкви и государственное положеніе ея—юридическое и фактическое—въ имперіи Османисовъ при Магометѣ II и его преемникахъ до конца XVIII столѣтія, при чѣмъ авторъ очень значительное мѣсто удѣляетъ исторіи мученичества православныхъ христіанъ отъ турокъ за указанное время (стр. 4—56). Этотъ вступительный очеркъ авторъ заканчиваетъ разсужденіями о значеніи Константинопольскихъ патріарховъ, іерархіи Константинопольской, Фанаріотовъ и вообще греческаго народа въ охраненіи и сохраненіи православной вѣры и церкви въ Турціи (стр. 57—65) и объ отношеніи Константинопольской церкви къ Россіи, или вѣрнѣ—Россія къ православной церкви въ турецкихъ владѣніяхъ, какъ защитницы этой церкви и освободительницы православныхъ христіанъ Востока отъ ига турокъ (стр. 65—71).

Въ сужденіяхъ о грекахъ, греческой іерархіи и особенно о Фанаріотахъ участь, среди русскихъ ученыхъ, преобладаѣтъ мрачно-отрицательный взглядъ, огульное порицаніе всего греческаго, какъ такого, что можетъ возбуждать въ душѣ всякаго доброго христіанина одно только отвращеніе. Въ такихъ отрицательного свойства русскихъ сочиненіяхъ о греческой церкви въ турецкихъ владѣніяхъ прямотаки предъявляется обвинительный актъ противъ грековъ и всего греческаго, влупшаются читателю, что греческій народъ—никуда не годный народъ. „Если уже о грекахъ отъ IX до XV вѣка,—такъ ведется разсужденіе,—люди, очень расположенные къ этому народу, рассматривая ихъ преимущественно съ религіозной стороны, говорятъ,

вирочемъ, но безъ преувеличения, что они уже въ это время „совершенно изжились нравственно, умственно и физически“, то лучше ли стали греки дальниѣшихъ временъ, послѣ XV вѣка?—Какъ пошли дѣла среди греческаго народа въ религіозномъ отношеніи послѣ порабощенія его турками? Съ полной увѣренностью можно сказать одно: греки новѣйшаго времени не исѣвались отъ своихъ старыхъ недуговъ, а лишь пріумножили ихъ безъ мѣры и числа. Всякіе идеалы, какими и красна жизнь, иссякли; религіозное знаеніе, которое составляеть важнѣйший стимулъ въ церковной жизни каждого народа, совсѣмъ исчезло. Великія имена плодовитѣшихъ церковныхъ писателей древности сдѣлались лишь именами календарными. Великія имена никого не воодушевляли: они оставались какимъ-то виѣшиемъ декорумомъ".

„Жизнь греческой церкви послѣдняго периода съ существованіемъ—жизнь въ широкомъ смыслѣ: слова—по представлялось ничто особенно-отрадного и религіозно-высокаго. Теченіе церковной жизни обмелѣвало. Но ищите здесь многихъ и зрѣлыхъ плодовъ... За неимѣніемъ высшихъ интересовъ, которые даютъ жизни смыслъ и цѣль, греческая церковь и съ представителями начали тратить свои душевныи и нравственныи силы на пустяки. Греческіе архіереи только и думали о томъ, чтобы попрочище держаться въ своихъ мѣстахъ, въ виду интригъ и зависти, отличающихъ этиоть ликъ вождей церкви; о томъ, чтобы угождать турецкой власти и въ замѣнѣ того притѣснять подчиненный имъ народъ, выжимать изъ него побольше денегъ для возможно вѣселаго житія. Народъ представлялся собою послушное стадо, которое волей-неволей давало себѣ стричь своимъ пастырамъ, не получая въ вознагражденіе за свое послушаніе почты ничего. Виѣшия обрядность, суевѣrie, невѣжество, изрѣдка индифферентизмъ—вотъ главное, къ чему сводилось промывленіе религіознаго начала у греческаго народа".

„Въ сущности дѣла исторія указаннаго периода не заслуживасть серьезнаго научнаго изученія. Нельзя изучать всѣхъ и всичкихъ историческихъ явлений: если бы наука взялась за это, то она замутатилась бы. Историческая наука, сохранивъ свое достоинство, можетъ изучать только дѣйствительно живое, т. е. привнесшее что-либо новое въ жизнь, и замѣчательное. Но... говорятъ: „въ XV вѣкѣ греки, разбѣжавшиеся изъ порабощеннаго турками отечества, положили начало умственному пробужденію западныхъ народовъ". Положимъ такъ,—греки пробудили западъ въ научномъ отношеніи, но,

весьма вероятно, только потому, что лица, съ которыми они столкнулись, оказались воспринимчивы для образования и науки, чѣмъ сами греки сдѣлали ли могли похвалиться: греки пришли на западъ и приносили съ собою много превосходныхъ греческихъ сочинений (конечно древнихъ). Эти-то книги и были полезны для запада, а не сами греки; греки, быть можетъ, были полезны тѣмъ, что сдѣвались учителями и руководителями при изученіи греческаго языка западными любителями науки. А главное при оцѣнкѣ рассматриваемаго факта не слѣдуетъ упускать изъ вниманія того, что это были греки, родившіеся и воспитавшіеся въ эпохѣ Налогологовъ, слѣдовательно въ тѣ времена, которая можно назвать пропадшими по отношенію къ эпохѣ греческой церкви и народа послѣ паденія Византійской имперіи".—Не велика заслуга грековъ и въ томъ, что они сохранили православіе. „Несомнѣнно: греки сохранили себя православными, но сдѣвались ни мусульманами, ни папистами, ни протестантами. Но сице вопросъ: по выгодѣ ли было имъ оставаться православными, чѣмъ приниматъ другую какую вѣру? Собственной ли ревности ихъ нужно приписывать честь сохраненія у нихъ православія?"—„Увы,... благодаря только туркамъ и держится еще многое истинно православное на Востокѣ".—Да и нужно ли особенно восхищаться тѣмъ православіемъ, какое удержали у себя греки? Но увѣрены. Православіе грековъ—это талантъ, зарытый въ землю. Прежде всего, истинное православіе есть высшая христіанская гуманность, присущая любви... Между тѣмъ, греческое православіе... бозо вслыхъ доказательство только себя почитаетъ настоящимъ православіемъ. Греки не иначе, какъ косо и непріязненно смотрятъ, не говоря уже о какихъ-нибудь болгарахъ и сербахъ, по и на всѣхъ русскихъ. Православіе русскихъ для нихъ сильно подозрительно, а подозрительно оно, между прочимъ, потому, что русскію не чуждаются связи съ европейской культурой и наукой и не считаютъ единственнымъ источникомъ свидѣтельства греческую церковь. Православные греки давно предали бы открытой анаемѣ православныхъ русскихъ, если бы не мѣшали финансовые соображенія. Хорошо же, значитъ, православіе грековъ, если оно не пытается любви къ такимъ же христіанамъ, какъ и они сами, и если нетерпимость составляетъ рельефную черту этого (т. е. греческаго) православія?"—Относительно заслуги, приписываемой греческой церкви,—что она помогла до поддержанію національного чувства греческаго народа,—слѣдуетъ, прежде всего, замѣтить, что „для церковнаго историка эта сторона дѣла мало интересна", а затѣмъ, „націо-

иальное чувство среди греческой іерархіи привило странную форму филэллинизма, т. е. исключительно поклоненія и прославленія всего своего греческаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пренебреженія къ тому, что не составляетъ принадлежности греческой націи. Этимъ объясняется враждѣ грековъ какъ къ балканскимъ славянамъ, такъ и къ русскимъ".—"Поистинѣ греки только и умѣютъ дѣлать: „мертвыми дланями ударять въ пустыя перси". Неужели стоять изучать ихъ церковно-историческую жизнь?"...

"Изученіе исторіи греческой церкви очень полезно для пониманія развитія русской церковно-исторической жизни съ XV вѣка.—Много ли, мало ли люди греческой націи и, до извѣстной степени, греческой культуры вносили все же греческій элементъ въ жизнь русского народа, русской церкви. Вотъ почему, пожалуй, не лишишь дѣло изучать Восточную церковь и послѣ паденія Византіи". Сочиненія русскихъ исследователей по исторіи русской церкви безъ предварительного ознакомленія съ исторіей Восточной церкви послѣ паденія Византіи „оставляютъ странное впечатлѣніе въ читателѣ: какъ будто бы авторы написали и напечатали второй томъ своихъ произведеній, забывъ написать и оттиснуть предыдущій, первый томъ. Для писателя, возсоздающаго историческую картину русской церковно-исторической жизни XV, XVI и XVII вѣковъ, знать и изучать Восточную церковь, безъ сомнѣнія, весьма полезно.

Побужденіемъ же для изслѣдователя общей исторіи вселенской церкви изучать судьбы Восточной церкви послѣ паденія Византіи можетъ быть лишь соображеніе: мы — православные, т. е. греко-восточные христіане, и все православное греко-восточное не можетъ быть намъ чуждо".

Но и въ этомъ случаѣ, „на чтѣ главнѣе всего слѣдуетъ обращать вниманіе при изслѣдованіи и описаніи турецкаго периода греческой церкви?—Мы не раздѣляемъ мнѣнія, что предметомъ, наиболѣе достойнымъ вниманія историка, должно быть мученичество турецкихъ грековъ, какъ проявленіе христіанскаго характера и совершенства этого народа, сильно тѣснаго, но не поборимаго деспотическими мусульманствомъ. Мартирологъ вездѣ и всегда одинаковъ. Исключеніе представляетъ лишь мартирологъ первыхъ временъ христіанства, потому что оно имѣть не только историческое, но и глубоко-религиозное значеніе. Мартирологъ греческій рассматриваемаго времени не носить ничего характеристичнаго. Тѣ же тяжелыя, но крайне монотонныя сцены, какъ вездѣ и всегда". Итъ,—предметомъ наиболѣе

ревностного изучения должна быть Константинопольская патриархия, „это гнездо Фанариотовъ, обезславленное у всѣхъ народовъ, и при томъ съ давнихъ временъ“.—„Въ 1453 году византійская имперія пала, но не совсѣмъ, могущество ея сохранило, но не до конца. Не тѣль величіе только, а и то, что составляетъ действительное величіе, отъ временъ древнихъ наслѣдовано именно Константинопольскою патриархіей, точище самимъ Константинопольскимъ патриархомъ.“—Патриархъ Нового Рима есть какъ бы томящійся въ неволѣ Византійскій императоръ, лишенный свободы, но не власти... Патриархъ Византійскій есть и „царь“ для своего греческаго народа и первосвященникъ для него. И во всякомъ случаѣ въ турецкія времена патриархъ несомнѣнно сталъ единимъ духовнымъ главою всего своего народа. Онъ стремился къ этому необыкновенному положенію еще во времена византійскихъ патриарховъ и многаго достигъ, но наибольшій успѣхъ, увѣличаючи его строился только послѣ 1453 года“. „Патриархъ Константинопольский—историческая величина“, хотя сами патриархи и были унижаемы, гонимы, изгоняемы и умерщвляемы, въ большинствѣ же случаевъ—сами унижали себя, сами роняли свой сань и достоинство: были низки, коварны, корыстолюбивы, порочны, совершили неувѣжественны, шатались, „подъ предводительствомъ поводыря, по улицамъ столицы съ протянутой рукой и твердили что-нибудь иль родъ слѣдующихъ словъ: „дайте Велизарію на хлѣбъ, Велизарій пинцистомъ питастся“, жили въ грязномъ и поношемъ Фанарѣ“...

Таковъ взглядъ ученыхъ специалистовъ на восточную православную церковь и таковы ихъ сужденія о греческомъ народѣ, греческой іерархіи, епископахъ греческихъ и самихъ патриархахъ. Взглядъ мрачный, сужденія—безусловно отрицательны.

Професоръ И. И. Соколовъ не высказываетъ прямо только-что приведенными отрицательными суждениями относительно грековъ, греческой іерархіи, греческаго мученичества и греческаго православія; но несомнѣнно, онъ имѣлъ именно ихъ въ виду, когда внесъ указанныя свои разсужденія о значеніи греческаго народа и въ частности греческой іерархіи въ дѣлѣ храненія и сохраненія православной вѣры и церкви въ Турціи. Съ этой стороны отношенію изслѣдований профессора И. И. Соколова къ приведеннымъ отрицательнымъ сужденіямъ о греческой православной церкви очень напоминаетъ отописеніе „Анналовъ“ (*Annales ecclesiastici*) Ц. Баронія къ „Магдебургскимъ центуриямъ“ (*Ecclesiastica historia etc. congesta per aliquod studiosos et pios viros in urbe Magdeburgica. Basil. 1559—1574 г. 13 Т. fol.*). Какъ

Цезарь Бароний въ своихъ „Аналахъ“, опирался на подлинные документы и следя за событиями шагъ за шагомъ, изъ года въ годъ, старался, въ противовѣсь авторамъ „Магдебургскихъ центурий“, усматривавшимъ въ римской церкви одно сплошное царство тьмы, царство сатаны, представить ее царствомъ Божімъ, подлинно церковью Христовою, такимъ образомъ, дать документально обоснованную историческую апологію ея, и нигдѣ, однакожъ, нарочито не упомянулъ о центуриаторахъ, такъ равно и профессоръ И. И. Соколовъ въ своихъ разсужденіяхъ, нигдѣ нарочито не приводя изложенного, крайне мрачнаго, взгляда на греческую церковь, ни тѣмъ менѣе касаясь лично авторовъ подныхъ взглядовъ, даетъ въ сущности историческую апологію греческаго народа, во всей его совокупности, отъ ваведимыхъ на него означенныхъ нареканій. Впрочемъ, параллель эта, вызываемая содержаниемъ всѣхъ указанныхъ произведеній, подлежитъ некоторымъ ограничениямъ. Центуриаторы (авторы центурий)—горячію протестантамъ съ дуалистическими тенденціями (именно—главный директоръ этого предпріятія, М. Фляцій, держался дуалистическихъ воззрѣній), между тѣмъ, авторъ приведеннаго мрачнаго взгляда на православную греческую церковь въ турецкихъ владѣніяхъ—православный и суждениѳ свое о ней думастъ, произнести съ православной точки зрѣнія. У центуриаторовъ сужденія о римской церкви прямо стоять въ зависимости отъ ихъ вѣроисповѣдной точки зрѣнія и если въ общемъ они не вѣрны и преувеличены, то все же стоять въ гармоніи съ вѣроисповѣдными взглядами авторовъ центурий и въ лѣкоторой мѣрѣ оправдываются горячностью тогданѣй борьбы протестантовъ съ римскою церковью. Въ приведенномъ мрачномъ отрицательномъ взгляде на восточную церковь подъ игомъ турокъ возбуждается рядъ недоумѣній, можно сказать, даже прямо не разрѣшившихъ вопросовъ: греческой церкви ставится на видъ, что „православіе есть высшая христіанская гуманность, произвиліе любви“, и въ то же время, съ точки зрѣнія этой христіанской гуманности и этого произвилія любви, произносится о ней судъ не только не христіанско-высокогуманный и не произвилующій любовью, но прямо-таки безчеловѣчный, лишенный какої бы то ни было гуманности, а тѣмъ болѣе—произвилія любви; утверждается, что у грековъ турецкаго периода иссякли всѣкіе идеалы и что въ церкви ихъ не осталось высшихъ интересовъ, дающихъ жизни смыслъ и цѣль, и одновременно вспыхиваетъ читателю, что греки, несомнѣнно, сохранили себя православными: да развѣ православіе не есть идеаль, дающій жизни смыслъ и цѣль, и развѣ, при сохраненіи и храненіи его,

можно не имѣть высшихъ интересовъ? Категорически залипается, что исторія греческой церкви за указанное время не заслуживаетъ соразмѣга научнаго изученія, и, однакожъ, въ противоположность этому положенію, оиять вѣстрою винчается читателю, что изученіе исторіи греческой церкви турецкаго періода полезно, и даже очень полезно и весьма полезно, хотя бы для познанія исторіи своей собственной, русской церкви,—да не лишено значенія оно и само вѣ себѣ,—и, конечно, это изученіе должно быть серьезное, ибо иссерьезное изученіе бываетъ негодно; завѣряется, что греческое православіе — никакой пробы, такимъ образомъ, не настоящее православіе. Возникаетъ вопросъ: гдѣ же истинное, подлинное православіе? Теперь, напримѣръ, раздаются голоса, что оно, подлинное православіе, сохранилось у нашихъ раскольниковъ: ужъ и не-впрямь ли оно сохранилось у раскольниковъ? Рядъ подобныхъ недоумѣнныхъ вопросовъ можно продолжать и дальше. Апологія греческой церкви, представленная профессоромъ И. Соколовымъ, по своему масштабу значительно уступаетъ „Анналамъ“ Ц. Баронія, какъ исторической апологіи римской церкви. „Анналы“—общирнѣйшая исторія церкви, изложенная, по большей части, словами самихъ документовъ; данная профессоромъ Соколовымъ апологія греческой церкви должна представляться выводомъ изъ документально изложенного положенія православныхъ христіанъ въ турецкихъ владѣніяхъ. Но и въ этомъ видѣ она должна имѣть высокую цѣнность: вѣдь представленное имъ положеніе православныхъ христіанъ въ имперіи османахъ поконится на документахъ.

Заручившись, такимъ образомъ, вѣскими историческими данными, профессоръ И. И. Соколовъ смѣло выступасть въ защиту греческой іерархіи и вообще греческаго народа и говорить:

„Представленные факты изъ исторіи Константинопольской церкви съ половины XV до конца XVIII вѣка убѣдительно доказываютъ, что положеніе патріархіи, духовенства и народа было въ высшей степени печальное и находилось въ совершеннѣй противоположности съ начертанными турецкимъ правительствомъ юридическими опредѣленіями, касательно быта христіанъ въ предѣлахъ мусульманской державы. Внутреннее противорѣчіе въ принципахъ устройства христіанской общины, отчетливо выступающее уже въ законодательной дѣятельности Магомета II, въ послѣдующее время еще болѣе опредѣлилось въ своемъ отрицательномъ направлении и создало для рапи положеніе совершенно невыносимое, чреватое грозными бѣствіями для церковно-общественаго „ея“ благосостоянія. И надо положительно удивляться тому, что

греки не только не погибли въ тяжелой мусульманской атмосфѣрѣ, которая способна была заглушить всякія проявленія христіанскаго чувства и нравственнаго сознанія, но и спасли святую вѣру православную, защищали правду и пропомі церкви, сохранили идею народности и удержали свой родной языкъ. Въ этомъ заключается величайшая историческая заслуга грековъ—рабовъ варварскаго турецкаго ига. Много факторовъ участвовало въ обеспеченіи за греками этой славной исторической миссіи. Здѣсь, прежде всего, проявилось спасительное руководство Великой Христовой церкви, которая, во главѣ съ патріархами, была подвержена, какъ и народъ, всевозможными испытаніямъ и новзгодамъ, но всегда и немѣнно хранила, какъ зеницу ока, чистоту православія, поддерживала народъ въ религіозной борьбѣ съ фанатичнымъ врагомъ, распространяла и укрепляла въ его сознаніи древнія преданія—церковныя, отеческія и національныя, и такимъ образомъ, и въ новомъ своемъ положеніи, какъ *status in statu* мусульманскому, она не только обезпечила за собой свободу во внутренней жизни, но и одержала, во славу православія, победу надъ коварнымъ исламомъ. Ея исторія въ турецкій періодѣ есть, прежде всего, эпоха страданій и борьбы не только за вѣру, но и за самое свое существованіе, а затѣмъ эпоха борьбы двухъ культуръ—христіанской и мусульманской, исторія торжества гонимаго христіянства надъ господствующимъ мусульманствомъ... И много есть въ этой исторіи славныхъ для церкви Христовой страницъ, ознаменованныхъ великими подвигами патріарховъ вселенскихъ, которыми, въ своемъ большинствѣ, свято исполняли многотрудныя обязанности своего исключительного служенія, не щадя и самой жизни своей для блага вѣры и церкви Христовой, и стяжали неувядаемый вѣнецъ славы исторической, какъ доблестѣйшіе іерархи церкви Христовой, самоотверженные защитники ся правъ и пропомі, неумолчные ходатай предъ Портой и Россіей за беззащитную райю ромейскую, авторитетные представители церковно-народнаго единства турецкихъ христіанъ. Имена этихъ доблестныхъ слугъ церкви и народа греческаго весьма многочисленны и достаточно извѣстны, такъ что не предстоитъ надобности вновь воспроизводить въ памяти подробности ихъ дѣяній. Вырочемъ, необходимо оговориться: нельзя оправдывать дѣятельность *асъхъ Константинопольскихъ патріарховъ, епископовъ и клириковъ*—среди нихъ были и лица недостойныя. Но историкъ долженъ имѣть въ виду, что въ жизни историческихъ дѣятелей бываетъ много такого, чтѣ не зависить отъ ихъ личной воли, а совершается подъ вліяніемъ *вѣнчанихъ обстоятельствъ*,

устранение которых лежит за предѣлами субъективной возможности. Примагая этотъ научный критерій къ оцѣнкѣ церковно-общественныхъ событій въ Турціи, сть необходимостию приходится заключить, что въ церковныхъ нестроеніяхъ XV—XVIII вѣковъ преимущественно было по-вину турецкое правительство, создавшее такой внутренний бытъ греческаго духовенства и народа, при которомъ неизбѣжно должно было возникнуть діаметральное разногласіе между правою и дѣйствительностью со всѣми его отрицательными послѣдствіями для церковно-общественной жизни христіанъ. Эти послѣдствія и не преминули обнаружиться уже при Магометѣ II, который способъ коварной политикой не только de facto унизилъ церковь и навсегда покрылъ позоромъ постыдившаго рабства греческій народъ, но и *первый* оскорбилъ вселенскихъ патріарховъ въ достоинствѣ ихъ неприкосновенной *de jure* церковно-гражданской власти и, такимъ образомъ, *положилъ начало* фактическому безправію всей Константинопольской церкви. Воспользовавшись этимъ безправіемъ, одобреннымъ и самими падишахомъ, цѣлѣюю и изъ Трапезунтскихъ грековъ-мірлікъ, но и духовенства—встушили на ложный путь подкупа и интригъ и еще болѣе поколебали престижъ патріаршой власти. Но греки изъ мірянъ не осмѣялись бы прикоснуться своимъ нечистыми руками къ священной особѣ патріарха, этаарха и василеева¹⁾, если бы Магометъ II раньше этого не приказалъ острічь бороду патріарху Ioасафу, а его вѣрному помошнику, екзарху Максиму, вырвать ноздри,—еслибы онъ, вопреки прономіямъ церкви, не приказалъ патріарху дать незаконный брачный разводъ, и т. д.

¹⁾ Титулъ этаарха и василеева патріархъ Константинопольскій пріобрѣгъ исключительно въ турецкую эпоху, вслѣдствіе новаго своего положенія въ турецкомъ государствѣ, какъ мусульманской державѣ, не только духовнаго пастыря, но и гражданскаго владыки, и не только однихъ грековъ, но и вообще всѣхъ православныхъ христіанъ. „Сокравши за собою высшую церковно-религиозную власть—говорить проф. И. Соколовъ,—развившись еще въ эпоху Византійскую, Константинопольскій патріархъ пріобрѣгъ въ эпоху турецкую и значительную власть гражданскую. Онъ былъ предъ Портой гражданскимъ представителемъ христіанъ (міщети-баши) и ответственнымъ лицомъ за ихъ новиковеніе правительству и за исполненіе обязанностей по отношенію къ государству. Въ силу этого нового полномочія, патріархъ былъ въ гражданскомъ владыкою всѣхъ своихъ единовѣрцевъ.—Такимъ образомъ, Константинопольскій патріархъ, въ перво время турецкаго господства, является не только церковнымъ, но и гражданскимъ начальникомъ, подчиненныхъ султану христіанъ, ихъ этааркомъ, владыкою и даже василевсомъ (*âlîârخىقى، سۇبۇقى، خاى باىلەس*), т. е. пріобрѣгъ такую власть, какой въ Византійскія времена она не имѣла, воплотивъ въ своемъ лицѣ фактический дуализмъ церковной и гражданской власти разоренной Византіи". См. стр. 6—8.

За Магометомъ II послѣдовала и его мать Маро, которая, своимъ вмѣшательствомъ въ церковныя дѣла, до нѣкоторой степени узаконила на будущее время практику пріобрѣтения патріаршаго престола путемъ подкупа. А какъ только создалась эта прискорбная практика, получившая при преемникахъ Магомета значеніе необходимости, патріаршій престолъ пришелъ еще въ большее униженіе, такъ какъ впала въ неоплатные долги, которые, какъ коршуны Прометея, беажалостно пожирали саму сердцевину патріаршой власти. Патріархъ преимущественно и приходилось думать о томъ, гдѣ пайти деньги для вноска несокіи и ежегоднаго хараджа, для подарковъ сановникамъ Порты и придворной членамъ, для попоха громадныхъ процентовъ евреямъ и армянамъ, для выкупа столичныхъ и епархиальныхъ храмовъ отъ захвата мусульманами, которые, въ теченіе XV—XVIII вѣковъ, много разъ угрожали этимъ церквамъ,—для уплаты чрезвычайныхъ налоговъ на народъ, которому турки гроили всюобщимъ ястребленіемъ, и т. д. Патріархи не только проводили жизни въ сопоршенніи бѣдности и даже по имѣли необходимой домашней утвари, но и хорошо были знакомы со столичной тюрьмой Бостанджи, куда ихъ первѣцко заключали, то за долги, не ими содеянные, то за нещадность хараджа и чрезвычайныхъ налоговъ народомъ, за который официально отвѣчали предъ Портой вселенскій патріархъ, то за волненія и беспорядки, происходившіе въ разныхъ углахъ имперіи, вслѣдствіе возмутительныхъ насилій надъ раемъ со стороны турецкихъ властей и народа. А за тѣмъ, русскія войска побѣдили турокъ?—Константинопольскаго патріарха вѣшаютъ; возстали клефты и арматовы Элады?—патріарха изгоняютъ; возмутились янычары?—патріаршая казна должна удовлетворить ихъ и жалованьемъ, и подарками, а если не исполнить этого, турецкіе солдаты производятъ разгромъ и въ патріаршемъ помѣщепіи и даже въ ц. церкви. А за всѣмъ тѣмъ, на патріархѣ ложить много-труднѣйшій долгъ архипастырства, администраціи, суда, гражданскаго представительства. Ноужели будеть справедливо обвинять только вселенскихъ патріарховъ въ различнѣхъ церковно-общественныхъ нестроеніяхъ XV—XVIII в. и выдвигать эти нестроенія на первый планъ, полагая въ нихъ и существенное содержаніе исторической жизни Константинопольской церкви этого времепи? Мы признаемъ и то и другое не научнымъ. Цельзя винить патріарховъ въ томъ, что совершилось по винѣ Магомета и его преемниковъ,—въ чёмъ повинны и яѣ, которые ихъ современники изъ грековъ, преимущественно міряне... Корень зла—въ инициаторахъ дѣла, т. е. въ данномъ случаѣ въ Магомета...

гометъ II и его ближайшихъ преемникахъ. Затѣмъ, крупныя нестроенія были внесены въ церковно-общественную жизнь грековъ и латинянами. Римскіе папы, послѣ паденія Византіи, съ удвоенной энергией стремились подчинить себѣ православный Востокъ, чтобы вознаградить себя за потери на протестантскомъ Западѣ. Многочисленная черная армія миссіонеровъ была двинута Римомъ для проповѣди папскихъ заблужденій среди христіанъ древняго вселенского православія... Свой боевой натискъ латиняне направили, главнымъ образомъ, противъ патріархіи, чтобы ослабить центръ православія, лишить патріарховъ присущаго имъ авторитета и могущества, унизить ихъ и обезславить въ представлѣніи народа и духовенства, дабы потомъ безраздельно господствовать и среди православной рапи.

„Созданное интригами турокъ и латинянъ печальное стеченіе обстоятельствъ, въ связи съ крайне деморализующимъ мусульманскимъ рабствомъ, толкнуло на путь несправедливости и грековъ-мірянъ, которые, проимущество въ союзѣ съ корыстолюбивыми турецкими властями и коварными франками, и занижали патріаршее достоинство. Но вмѣшательство „сильныхъ мира Ромейского“ въ церковныя дѣла... не имѣло систематического злонамѣренного характера и осуждалось и самими греками, какъ дѣло ненормальное и беззаконное. Что касается патріарховъ, то громадному ихъ большинству нужно воздать должное за ихъ защиту чистоты православной вѣры, правъ и проповѣдь церкви, за ихъ покровительство всемъ христіанамъ, безъ различія національностей — и грекамъ, и сербамъ, и румынамъ, и болгарамъ, и арабамъ, и даже пѣтнадцати русскимъ, которыхъ они объединили въ составѣ рапи Ромейской союзомъ вѣры и единствомъ церковной власти, за которыхъ жертвовали свободой и даже жизнью. Не порицать нужно этихъ мучениковъ долга за ихъ великими и чесноливыми прогрессіонія, въ возможно болѣе — изгнанія, тѣмъ болѣе что многіе изъ нихъ весьма неохотно вступали на шаткий патріаршій престолъ, иные даже и бѣжалі изъ столицы, лишь бы избавиться отъ непосильнаго бремени долговъ и турецкаго произвола, а иѣкоторые возводились на патріаршій престолъ только потому, что въ данный моментъ не оказывалось болѣе достойнаго кандидата: все это указывало на то, что патріаршій престолъ, по винѣ лицъ постороннихъ и чуждыхъ церковному дѣлу, былъ поставленъ въ самыя неблагопріятныя условія.

„Мы не отрицаемъ, что среди клириковъ низшихъ и высшихъ, даже среди патріарховъ были, въ теченіе XV—XVIII вѣковъ, и люди недостойные, служившіе орудіемъ постороннихъ виновниковъ (турокъ

и латиницъ) смуть въ кѣдрахъ Константинопольской церкви, но въ то же время и утверждаемъ, что несправедливо, на этомъ основаніи, порочить всю ієрархію, считать преимущественно ее повинной въ церковно-общественныхъ нестросніяхъ и все содержаніе церковно-исторической жизни сводить къ одиимъ недостаткамъ. Ненаучно ограничиваться только виѣшнимъ и видимымъ выраженіемъ церковной жизни, а необходимо обращать вниманіе и на внутреннюю ея сторону, на тотъ трудно уловимый духъ, который осмысливаетъ виѣшнія проявленія и сообщаетъ своеобразную дѣйственность и простоту, на первый взглядъ, фактамъ" (стр. 57—61. Си. стр. 62—63).

Въ приведенныхъ словахъ профессора И. И. Соколова не только силою выступаетъ апологетическая сторона рѣчи противъ указанныхъ нареканій на Константинопольскихъ патріарховъ, греческую ієрархію и вообще весь греческий народъ, по вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается и историческое пониманіе автора, его основная точка зрѣнія на историческій процессъ православной церкви. Съ этой стороны его разсужденіе заслуживаетъ вниманія: всякая похвала или хула всечепремѣнно обусловливается основною точкою зрѣнія того или другого автора на избранный имъ предметъ, а объективное отношеніе къ предмету прямо зависитъ отъ установления правильной, подлинно соответствующей предмету, точки зрѣнія. Методично проведенная и научно обоснованная, она, безъ лягушачихъ словъ, придаетъ сочиненію характеръ одновременно и сильнѣйшаго опроверженія одностороннихъ искаженныхъ сужденій, и вмѣстѣ—лучшей апології инкриминируемыхъ лицъ и предметовъ.

Авторъ совершенно правильно говорить, что ионаучно ограничиваться только виѣшнимъ и видимымъ выраженіемъ церковной жизни,— ионаучно и несправедливо выдвигать на первый планъ одни только церковно-общественные нестроснія и въ нихъ полагать существенное содержаніе исторической жизни Константинопольской церкви турецкаго периода, но что при этомъ необходимо обращать вниманіе и на внутреннюю сторону, на тотъ „трудно уловимый духъ, который осмысливаетъ виѣшнія проявленія и сообщаетъ своеобразную дѣйственность и простоту, на первый взглядъ, фактамъ". Это основное историческое воззрѣніе его, которое онъ старается провести въ своемъ сочиненіи, имѣть, по моему мнѣнію, особенно важное значеніе: оно съ рѣшительностью показываетъ, что авторъ стоитъ на дорогѣ къ церковно-объективному представлению предмета, что для него прежде всего и главнѣе всего важна истина. Но тѣмъ не менѣе съ вѣкото-

рыми положениями его и съ нѣсколькою риторически-приподнятымъ тономъ его апологіи Константинопольскихъ патріарховъ, свидѣтельствующимъ о неизбѣжно допустимыхъ при такой формѣ рѣчи пресувеличніяхъ, я не могу согласиться. Такъ, во всѣхъ нестроеніяхъ Константинопольской церкви подъ властью турокъ и особенно въ частой смѣнѣ патріарховъ, въ томъ, что патріаршій Константинопольскій тронъ сдѣлался предметомъ купли-продажи и интригъ всякаго рода, онъ, главнымъ образомъ, даже почти исключительно, винить турокъ, мусульманское турецкое правительство. Онъ утверждаетъ, что „греки изъ мірянъ не осмѣлились бы прикоснуться своими исчистыми руками къ священней особѣ патріарха, этиарха и василевса, если бы Магометъ II раньше этого не приказалъ острічь бороду патріарху Іоасафу“ и пр. Это утвержденіе автора болѣе, чѣмъ проблематично. Предшествующая история Византійской церкви не дасть права на выставленіе подобнаго утвержденія. Византійцы высоко ставили значеніе царя: безъ него, какъ говорили они, имперія и существовать не можетъ, и, однакожъ, нигдѣ, кажется, такъ часто не совершились кровавые государственные перевороты, какъ въ Византіи, нигдѣ, повидимому, не замѣчается болѣе гнуснаго обхожденія съ извергаемыми съ трона царями, какъ это было въ Византіи. Точно также византійцы высоко почитали и званіе патріарха: безъ него они не могли и представить себѣ церковь благоустроенно управляемою, въ состояніи мера и спокойствія, и однакожъ исторія Византійскихъ патріарховъ представлеть многочисленные примѣры самого испочтительного къ нимъ отношенія. Нѣть никакого основанія предполагать, чтобы этотъ, въками сложившійся; порядокъ измѣнился виезапно, тотчасъ же послѣ завоеванія Константинополя турками. Серьезные западные историки усматриваютъ причину возникновенія купли-продажи Константинопольского патріаршаго трона въ высокомъ положеніи его въ Турецкой имперіи, даже болѣе высокомъ, чѣмъ это было въ надежной Византіи. Это-то высокое его положеніе сдѣлало его предметомъ зависти и домогательства людей честолюбивыхъ. Отсюда естественно возникли всякаго рода интриги и смуты, завершившіяся куплею-продажею патріаршаго трона¹⁾). И такое возврѣніе западныхъ ученыхъ,

¹⁾ Pichler, A., Geschichte der kirchl. Trennung zwischen dem Orient und Occident. Munchen 1804, B. I, S. 425: Die einflussreiche Stellung des Patriarchates machte dasselbe zum Gegenstand des Neides und ward die Ursache eines Grundubels der griechischen Kirche, an dem dieselbe heute noch leidet, der Simonie.— Нельзя усматривать въ приведенныхъ словахъ Пихлера засловія или клеветы като-

но моему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго вниманія, оправдывается прѣдѣщующею исторіей Константинопольскихъ патріарховъ подъ властью христіанскихъ государей и никакъ не можетъ быть объяснено враждебностью восточного иловѣра къ восточному православію: оно оправдывается ходомъ событій. А если такъ, то нельзѧ же винить Магомета II и его преемниковъ въ томъ, что они поставили Константинопольский патріархатъ слишкомъ высоко,— нельзѧ требовать отъ турокъ-магометанъ, чтобы они явили себя болѣе православными христіанами, чѣмъ сами православные греки. Какія беззаконія по отношенію къ православнымъ христіанамъ позволяли себѣ дѣлать турки и въ частности—турецкіе султаны,—этого, конечно, скрывать не слѣдуетъ, но не представляется надобности и придавать имъ преувеличное значеніе, какъ это дѣлаетъ авторъ. Несомнѣнно, гоненія турокъ на православныхъ христіанъ и въ частности—на патріарховъ, никогда не принимали такого систематического характера, какъ это, напримѣръ, было у западныхъ католиковъ и протестантовъ: гоненія турокъ всегда носили спорадический характеръ. И это опять-таки весьма объяснимо. Гражданскія вся отвѣтственность за покорность православныхъ христіанъ турецкой власти лежала на іерархіи, въ особенности же на Константинопольскихъ патріархахъ. Посему неудивительно, что при малѣйшихъ волненіяхъ христіанъ ярость турокъ съ особливою силою обрушивалась на патріарховъ и іерархію вообще: на ряду съ физическостью грубыхъ необразованыхъ дикарей и мусульманъ дѣвали себѣ знать, здесь еще инстинктъ самосохраненія. Этого обстоятельства нельзѧ не принимать во вниманіе: нужно же быть справедливымъ и по отношенію къ туркамъ.—„Трудно уловимый духъ“, осмысливающій виѣшнія проявленія церковно-общественной жизни, слишкомъ неопределѣленное начало, чтобы имъ можно было руководствоваться въ сужденіяхъ объ этихъ проявленіяхъ жизни. Отъ научнаго изслѣдования требуется, чтобы этотъ „духъ“ быть не только легко уловимъ, но прямо-таки осязаемъ. Только въ этихъ случаяхъ онъ можетъ указывать на „своеобразную дѣйственность“ фактovъ, даже простыхъ, и быть руководственнымъ началомъ въ сужденіяхъ о нихъ.

Вопрѣкъ о томъ, какъ, при гнетѣ турокъ, сохранилось въ турец-

ника, всегда недоброжелательного къ православной церкви. Дѣло въ томъ, что первый томъ его труда: „Історія раздѣленія между Востокомъ и Западомъ“ написалъ съ великою свободою, такъ что подвергся осужденію со стороны Римской куріи. Съ этимъ мнѣніемъ его согласны и протестантскіе историки.

кой империи христианство, занимало историковъ. Къ числу такихъ относится Ricaut. Онъ же, между прочими, старался проникнуть и въ тотъ духъ, который даетъ церковно-религиознымъ явлениямъ турецкихъ грековъ своеобразную дѣйственность. Мнѣніе его таково, что оно заслуживаетъ быть здесь приведеннымъ; оно характерно и, въ устахъ протестанта, можетъ быть поучительно и для православнаго историка. Онъ разсуждаетъ такимъ образомъ:

„Я беру въ руки печальную материю: я буду повѣствовать только о томъ, какъ святыни разрушено, царское священство выгнано изъ церквей, и самыя церкви превращены въ мечети. — Впрочемъ, удивляться всему этому не слѣдуетъ; христиане необходимо должны страдать и..., въ образецъ послѣдованія, братъ для себя терпѣніе и смиреніе своего Святого Головы. Но, какъ бы то ни было, все же обѣтованіе Господа Иисуса Христа исполняется досолѣ наиточнѣшимъ образомъ: врата адовы не могли преодолѣть церкви, потому что крѣпость ея еще не поколеблена и народъ, не смотря па всю тираннію, не страшится открыто исповѣдывать христианскую вѣру. Да и то еще слѣдуетъ сказать, что, если святость христианской церкви открывается изъ тѣхъ средствъ, которыми Богъ приводить къ ней людей, то не менѣе она свидѣтельствуется и являеть себя еще чрезъ твердость нынѣшихъ грековъ; потому что угнетеніе и презрѣніе, претерпѣваемыя ими, искушенія и примаки, которымъ они подвергаются ежедневно, а также выгода отъ потурченія и, папротинъ, опасности отъ нежеланія отречься отъ своей вѣры,—все это, какъ и многое другое, составляетъ, по моему мнѣнію, такой признакъ, посредствомъ котораго святость евангелія не менѣе ясно подтверждается, какъ въ первоначальной церкви посредствомъ чудесъ, въ ней совершившихся.— Греки хранять свою вѣру съ удивительной твердостью,—и при этомъ совершиенно невѣроятно, чтобы такая твердость была вдохнута въ нихъ однѣмъ только воспитаніемъ, потому что они живутъ съ турками на одной улицѣ, а иногда даже въ одномъ домѣ, такъ что дѣти ихъ играютъ и растутъ вмѣстѣ. Да и по одинаковости нравовъ они приближаются къ туркамъ, которые ничѣмъ не отличаются отъ нихъ, за исключеніемъ дѣлъ вѣры и, быть можетъ, еще тѣмъ, что въ страхѣ турецкія дѣти стараются восхитить надѣи своими греческими сотоварющими маленькое высокомѣріе и господство. Слѣдовательно, если воспитаніе и можетъ здесь содѣйствовать чему-либо, то во всякомъ случаѣ скорѣе размноженію магометанскаго суевѣрія, чѣмъ христианской религіи, потому что во всемъ, что касается именно мірской жизни,

на сторонѣ магометанскаго суевѣрія такія выгody, какихъ нельзѧ обрѣсти въ христіанской религіи. Магометанское лживое ученіе можетъ нравиться только людямъ тупымъ и звѣроподобнымъ, совѣсть коихъ отнюдь не можетъ оскорблиться мірскою жизнью, тогда какъ, напротивъ, всѣ евангельскія тайны и святость христіанской жизни далеко возвышаются надъ движеніями плоти, какъ со стороны ученія, такъ равно и дѣйствія. Въ виду всего этого твердость (въ вѣрѣ) греческаго народа можетъ быть приписана единственно только дивной благодати Божіей и обѣтованіемъ нашего Спасителя. Однакожъ, если мы все-таки будемъ настаивать, что сказанныя твердость должна быть возвѣрнута въ сердцахъ грековъ человѣческимъ преложеніемъ и стараніемъ, то, по моему мнѣнію, сильнѣйшимъ побужденіемъ къ этому было у нихъ точное соблюденіе ихъ церковныхъ праздниковъ и постовъ, такъ какъ именно чрезъ праздники и посты, какъ бы посредствомъ наглѣднаго катехизиса, они знакомятся съ исторіей христіанства легче и лучше, чѣмъ посредствомъ плохо составленныхъ собственныхъ проповѣдей или посредствомъ тѣхъ мѣстъ священнаго писанія, которая прочитываются имъ на простонародномъ (*geweinen*) языкѣ. Къ тому же, такого рода посты и праздники, совершаюмыя притомъ со всевозможною торжественностью, пародъ пріученъ соблюдать наиточнѣйшъ образомъ, а это-то и доводить ого до полнаго, вѣвъ всякаго сомнѣнія, убѣжденія въ томъ, что въ этихъ великихъ обрядахъ кроется пѣчто божественное. Далѣе, не менѣе сильно страшатся греки еще власти ключей. Они трепещутъ, когда лишь слышать говоръ о церковныхъ наказаніяхъ, и по этой причинѣ пытаются къ своему духовенству удивительное почтеніе, которое поэтому по справедливости можетъ быть названо фундаментомъ и опорою ихъ церкви. И подлинно, когда совѣсть допускастъ (отвѣтъ) приносить себѣ законы, то воля, а затѣмъ и душевный движенія легко прилагаются къ послушанію. А это-то именно и составляетъ въ церкви стѣну и заборъ овчаринъ, тѣль что, если они будутъ разрушены, то овцы разсѣются и діаволъ посѣть въ иной расколы и ереси. Поэтому что, гдѣ каждое частное лицо—само себѣ епископъ и пастырь, тамъ не иное можетъ послѣдовать изъ этого, какъ безразсудное уклоненіе людей въ чудовищныя или, по меньшей мѣрѣ, неразумныя мнѣнія. — Поэтому, страхъ, питаемый ими къ церковныхъ наказаніямъ, приносить имъ удивительную пользу двоякимъ образомъ: во-первыхъ, поскольку дѣло идетъ о природныхъ христіанахъ, онъ создаетъ людей необыкновенно благочестивыхъ, а во-вторыхъ, онъ замѣняетъ свѣтскую власть, по-

тому что, хотя греки живутъ подъ турецкимъ владычествомъ, однакожъ въ распярхъ своихъ, слѣдуя совету апостола, они желаютъ лучше подчиняться приговору своего патріарха, или своего епископа, или другого изъ своихъ духовныхъ лицъ, кого они пожелаютъ избрать быть такимъ третейскимъ судьею, нежели являться къ невѣрному судью и отъ него ждать себѣ приговора.—Кромѣ того, почтительность, питаемая ими къ своей церкви, оказываютъ сице и другое полезное дѣйствіе, посредствомъ котораго вѣра ихъ болѣе и болѣе укрепляется: они обязываются соблюдать члены своей церкви и си обряды наиточнѣйшимъ образомъ,—именно, они не позволяютъ сдѣлать имъ малѣйшей перемѣны въ своемъ богослуженіи, если бы даже это являлось дѣломъ безразличнымъ и съ сущностью церкви не особенно несогласнымъ... Они не осмѣливаются сдѣлать имъ малѣйшей перемѣны, ни даже измѣнить образъ рѣчи... И, сказать по правдѣ, такою точною соблюдопсіе (правиль и обрядовъ ихъ вѣры) приносить имъ церкви, въ си тендершемъ положеніи, очень замѣчательную помощь, потому что (по совершенно правильному ихъ замѣчанію), когда народъ запримѣтитъ, что въ духовныя представленія уклоняются отъ древняго и, какъ это они называютъ, каноническаго исповѣданія вѣры только въ малѣйшей части, то, безъ сомнѣнія, сначала покажется ему подозрительнымъ и остальное, а потомъ онъ совсѣмъ охладѣть къ дѣламъ религіи и, вслѣдствіе такой холодности, можетъ и совсѣмъ отпасть отъ нея.

„Правда, христіанство въ Турціи какъ бы покрыто облаками, и свѣтски мыслящіе люди, вслѣдствіе опасности, которой при этомъ они подвергаются, отпадаютъ отъ него; но тѣмъ не менѣе оно, по особой благодати Божіей, все же изъясняется и отирается открыто во всѣхъ частяхъ этой огромной имперіи, преимущественно же въ Европѣ. Равнымъ образомъ тѣмъ увѣжаются и почитаются и лица духовныя, даже самими турками; такъ какъ эти послѣдніе держатся того мнѣнія, что къ лицамъ, посвятившимъ себя на служеніе Богу, сдѣлуетъ относиться съ особымъ почтеніемъ,—и они, насколько можно судить изъ ихъ дѣйствій и попущеній, иногда пытаются довольно хорошо мнѣнія и мысли о христіанской религіи, потому что позволяютъ умилостивлять Бога еще и молитвами христіанъ“.

О мученичествѣ грековъ, т. е. о ихъ готовности запечатлѣть свое исповѣданіе вѣры въ Распятаго Искупителя, Рико сообщаетъ слѣдующее: „Что касается тѣхъ грековъ, которые, изъ-за женщинъ или во избѣженіе какого-нибудь заслуженнаго наказанія, сдѣлались маго-

метанами въ зрѣломъ возрастѣ, то ихъ (обратное) принятіе въ церковь очень затруднено, потому что на нихъ иногда налагается шестилѣтняя или семилѣтия епитимія. Въ теченіе этого времени они не только должны пребывать въ постоянной молитвѣ, но еще и стоять между оглашенными, и не могутъ надѣяться ни на разрешеніе, ни на причащеніе до послѣдняго часа своей жизни. И относительно этого пункта греческая церковь держится особенно строго и твердо, такъ что сѣмь патріархъ не имѣть силы ослабить оптагію подобного рода, хотя бы она была паложена невинчительнымъ священникомъ. Впрочемъ, для принятія такихъ, клюющихъ грѣшниковъ существуетъ въ ихъ служебникахъ особый чинъ. Однакожъ, въ настоящее время мало находится такихъ отступниковъ, которые, разъ оставивъ церковь Іисуса Христа, снова возвращаются въ объятія своей матери, потому что, еслибы они захотѣли сдѣлать это послѣднєе, они этимъ самымъ почти должны бы были обрѣчь себя на смерть, такъ что эта превосходная сторона церковной дисциплины пришла у гроковъ почти въ совершеній упадокъ. Тѣмъ не менѣе, даже въ мое время случалось, что нѣкоторые греки... явили болѣе героическій примѣръ раскаянія и покаянія, чѣмъ тѣ, которые совершили пожаяніе, требуемое канонами и ихъ церковными порядками; потому что, почувствовавъ въ своей совѣсти скорбное раскаяніе въ томъ, что они отреклись отъ своего Искущителя, и хорошо сознавая, что они могутъ утишить мученія своей совѣсти не иначе, какъ только обратнымъ вступленіемъ въ пѣдра своей церкви, они открываютъ объ этомъ своюѣ камѣреніи какому-нибудь епископу или благочестивому клирику, съ присовокупленіемъ увѣренія, что у нихъ отнюдь не окажется недостатка въ мужествѣ принять смерть за исповѣданіе св. религіи, нѣкогда ими оставленной. Богобоязненные епископы воспламеняютъ ихъ ревность относительно этого още болѣе и увѣряютъ ихъ, что они не могутъ обрѣсти другого болѣе вѣрнаго и быстраго средства получить прощеніе грѣховъ, какъ только透过 вторичное исповѣданіе Господа Іисуса Христа въ томъ именно мѣстѣ, где они отреклись отъ Него. Это они потомъ тотчасъ же безстрашно приводятъ въ исполненіе, сбрасываютъ на землю свой тюрбанъ, смытоя являются въ обычные часы въ открытыхъ христіанскіхъ собранияхъ къ богослуженію и затѣмъ, когда турки предаютъ ихъ мученіямъ за отступничество, открыто исповѣдуютъ о своемъ отреченіи отъ магометанской религіи и своей готовности умереть въ той религіи, въ которую они были крещены. Равно, когда ихъ приведутъ къ судьямъ города или провинціи, они

также свободно и открыто свидѣтельствуютъ предъ ними, что, кроме Господа Іисуса Христа, они не исповѣдуютъ никакого другого Искупителя, тотчас же топчутъ тюрбанъ ногами, отвергаютъ всѣ милостивыя предложения, дѣлаемыя имъ на случай, если они захотятъ отречься и, посѣгъ того, какъ будуть приговорены къ смерти, идуть на мученіе сть точно такою же радостью, и претерпѣваютъ его сть точно такою же твердостью, какъ прежде могли дѣлать это мученики первыхъ вѣковъ церкви, ежедневно подвергавшіе опасности свою жизнь ради защиты христіанской истины¹⁾.

Вотъ именно православную церковь, какъ опредѣленно сложившіяся, всѣми видимый и осознаваемый, тѣль со всѣми составляющими его учрежденіями и дисциплинарными требованіями, не смѣшиваемый съ другими (и новѣрными) сложившимися формами религіозной жизни, а не „трудно уловимый духъ“, и нужно, и требуется имѣть въ виду при изложении истории православной церкви подъ властью турокъ. Исторія церкви Христовой есть исторія царства Божія на землѣ при разнообразныхъ житейскихъ и государственныхъ условіяхъ. Съ пѣненіемъ Константиноополя турками церковь, безспорно, вступила въ новые условія жизни, существующія измѣнивъ ея положеніе. Конечно, эти условія должны быть показаны со всею точностью и правдивостью, какъ со стороны не благопріятствующей ея существованію, такъ равно и благопріятствующей. Но вѣдь самая церковь осталась та же; она и при новыхъ условіяхъ будетъ создавать исторію соотвѣтственно своему характеру, внутреннему существу своему. Никифоръ Григора о греческомъ народѣ своего времени выразился въ слѣдующихъ словахъ: „Теперь народъ таъ твердъ и крѣпокъ въ вѣрѣ, что скорѣе желѣзъ измѣнится въ своихъ свойствахъ, чѣмъ онъ допустить незапачканіе отступленію отъ отеческихъ догматовъ“²⁾). И эта приверженность греческаго народа къ православной вѣрѣ со времени жизни Григоры до паденія Константиноополя ис-

¹⁾ Cf. Warhaffte und eigentliche Beschreibung des gegenwrtigen Zustandes, deren unter trkischen Tyranney beffindenden Griechisch- und Armenischen Kirchen, durch Herrn von Ricaut in Englischer Sprach gesetzt. Welchem beigegeben, was der Herr de la Croix von der Maronitischen Kirchen observirt, nebst einem Anhang, von der Standhaftigkeit und Marter eines Griechischen Knabens, Nicolaus genant, aus der Franzosischen in die Hoch-Teutsche Sprache berbracht. Frankfurt und Leipzig, bey Kroniger und Gobels Erben. S. 2—4; 60—61.

²⁾ Nicephori Gregorae byzantina historia. Bonnae 1829, vol. I, l. X, c. 8, p. 515. По русск. пер.—Никиф. Григ. истор. визант. т. I, стр. 512.

уменьшилась и въ малѣйшей степени; объ этомъ весьма ясно свидѣтельствуетъ историкъ Дука, описавшій послѣдніе дни Византіи предъ плененіемъ ея турками¹⁾). Такимъ образомъ, въ имперіи султановъ, образовавшейся въ странахъ, входившихъ прежде въ составъ Византіи, туркамъ-магометанамъ противостоялъ греческій народъ съ православнымъ міросозерцаніемъ, составляющимъ его душу и жизнь,— да не только одинъ греческій народъ, но и остальные все народы, исповѣдывающіе православную вѣру. У всѣхъ этихъ народовъ было одно сердце, жизнь этихъ народовъ сложилась и слагалась, по вѣрѣ, одинаковыми образомъ; направляя свою жизнь исключительно по вѣрѣ, они въ полномъ смыслѣ составляли единое тѣло, одушевляемое единственнымъ ученіемъ Христа—православною вѣрою и управляемое единою невидимою Головою—самимъ Иисусомъ Христомъ. Они чувствовали себя подлинно братьями, тѣсно связанными между собою узами вѣры. По силѣ единства животворящей ить вѣры, какъ добродѣтели ихъ, такъ равно и прегрѣшения въ укладѣ ихъ жизни, носили одинъ общий отпечатокъ, свойственный именно православнымъ народамъ. И это примѣнено не только къ православнымъ народамъ, входящимъ въ составъ турецкой имперіи, но и къ намъ, русскимъ. При такихъ условіяхъ, связывать сохраненіе православной вѣры и церкви въ турецкихъ владѣніяхъ исключительно съ доблестью отдѣльныхъ лицъ, напр. патріарховъ, не представляется надобности. Доблесть отдѣльныхъ лицъ не потерпитъ ни малѣйшаго ущерба, если прежде всего и глашаніемъ образомъ, при описаніи событий, будетъ имѣться въ виду сложившійся типъ православной церкви, вступившей теперь, послѣ завоеванія Константионала турками, въ новые жизненные условия. Преувеличенія, при такомъ отношеніи къ событиямъ, отпадутъ сами собою, какъ при восхваленіи доблестей отдѣльныхъ лицъ, такъ равно и при описаніи разныхъ прегрѣшений, лвляющихся въ церкви: это—наиболѣе надежный путь къ объективному изложенію историческихъ событий церкви. Съ этой стороны приведенные разсужденія Рико заслуживаютъ вниманія: онъ именно съ объективной стороны, со стороны характера православной церкви, старался показать, насколько это возможно протестанту, ея достоинства и внутреннюю ея силу.

Достойно примѣчанія еще слѣдующее его сѣтованіе, вырвавшееся у него изъ труди послѣ описанія имъ геройскихъ подвиговъ мученичества грековъ: „я часто очень скорблю при видѣ того, какъ ико-

¹⁾ Ducae Michaelis historia byzantina. Bonnæ 1834, cap. 37 et 39, p. 290—291.

торые жалкие английские реигнаты, отрекшись предварительно въ страшъ варваровъ и въ Турціи отъ своего Искупителя, но потомъ, наскучивши лѣ магометанскими обычаями, къ которымъ они не могли привыкнуть, или, быть можетъ, нашедши случай бѣжать въ Англію, идутъ здѣсь въ церковь съ такою же увѣренностью и присутствуютъ въ духовныхъ собранияхъ съ такимъ спокойствіемъ совѣсти, какъ если бы они всегда были самыми вѣрными и ревностными христіанами. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ слѣдуетъ удивляться не столько дерзости и невѣжеству этихъ безбожныхъ людей, сколько нерадѣнію лицъ духовныхъ, не изгвщающихъ обѣ этомъ епископовъ, не исправляющихъ у сихъ послѣднихъ мнѣнія и распоряженія относительно этого, никогда не знавшихъ, а если и знавшихъ, то, безъ сомнѣнія, новавѣвшихъ требованія, на подобные случаи, англійской церковной дисциплины, не дозволяющей, подобно дисциплинѣ и всѣхъ другихъ христіанскихъ церквей, входить отпадинъ въ святынице Господне съ нечистыми руками, которыми они отреклись отъ Господа Иисуса Христа¹⁾). Мнѣ же скорѣе думается, что въ означенномъ, прискорбномъ для вѣрующаго протестанта, явленіи отображается разность свойствъ и характера двухъ церквей—православной и англійской. Къ тому же, въ Англіи къ концу XVII вѣка, когда Рико написалъ свое сочиненіе о Восточной церкви, уже довольно ясно обрисовалось начало того умственнаго движенія, которое въ настоящемъ времени известно подъ общимъ названіемъ либерализма. А чего иного можно ожидать отъ такого направленія умовъ, кромѣ индифферентности къ вѣроисповѣднымъ различіямъ?..

При описаніи тягостныхъ условій, созданныхъ мусульманствомъ для православной церкви, не слѣдуетъ, однакожъ, забывать и тѣхъ сторонъ въ ея новомъ положеніи, которая давали ей возможность продолжать свое существованіе и по прежнему вести вѣрующихъ въ Иисуса Христа ко спасенію.

Авторъ и дѣлаетъ это, но съ иѣкоторою настойчивостью выставляетъ на видъ, что турки систематически нарушили эти, благопріятствующія православной церкви условія, съ явною цѣлью совсѣмъ уничтожить ее. Я уже отмѣтилъ, что не могу согласиться съ этимъ мнѣніемъ автора и что яростная нападенія магометанъ-турокъ на православныхъ христіанъ имѣли скорѣе спорадический характеръ. Теперь же считаю необходимымъ указать еще вотъ на какую сто-

¹⁾ Ricant, op. cit., p. 61.

рону.—Авторъ почитаетъ исторію православной церкви за турецкій періодъ „эпохой борьбы двухъ культуръ—христіанской и мусульманской, исторіей торжества гонимаго христіанства надъ господствующимъ мусульманствомъ“. Я, напримѣръ, никакъ не могу признать тягостное положеніе православной церкви въ турецкихъ владѣніяхъ за борьбу двухъ культуръ, подобно тому какъ эта борьба существовала въ первые вѣка церкви между культурою языческой и нарождающеся христіанской культурой, и никакъ еще не вижу торжества гонимаго христіанства надъ господствующимъ мусульманствомъ. Противоположность между магометанствомъ и христіанствомъ слишкомъ рѣзка, чтобы могла между лими возникнуть идойкая борьба съ перспективою примиренія на пѣвоторыхъ общихъ точкахъ: этихъ-то точекъ соприкосновенія и нѣтъ между христіанствомъ и мусульманствомъ; они стоять другъ противъ друга, какъ два неизримимые лагоры.

(Одержаніе върха надъ противникомъ можетъ быть только вѣшнее, и такое-то именно ослабленіе мусульманской силы въ Турціи произведено не турецкими православными христіанами, а извѣй,—христіанами, никогда не находившимися въ подчиненіи у турокъ. Но прямо эта-то рѣзкая противоположность между христіанствомъ и мусульманствомъ и послужила одною изъ главныхъ (историческихъ) причинъ не только сохраненія православной церкви въ Турціи, но еще усиленія церковной власти. Гдѣ много точекъ соприкосновенія между борющимися культурами, тамъ предстоитъ возможность слиянія ихъ; въ прямо противоположныхъ культурахъ эта возможность исчезаетъ, предстоитъ лишь вѣшнее подавленіе одной культуры другою. Византійскіе императоры своими стремліями ить узкіи съ римскими папами, или иначе—вовлечеиющими церкви въ свою уніальную политику, преслѣдующую чисто государственные интересы, грозили уничтоженіемъ не только православной церкви, но собственно и греческаго народа. Какъ это, повидимому, ни странно, но въ дѣйствительности это было именно такъ; государство погубило себя своею ложною политикой, но церкви враты адова не могли одолѣть (Ме. XVI, 18).

Всякое „вступленіе“, по своему характеру, всенепремѣнно должно вводить читателя въ главный предметъ изслѣдованія. Какъ же вводить только что разобранное „вступленіе“ автора въ главный предметъ его изслѣдованія: „Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ“? Каково содержаніе его изслѣдованія?

П.

Вся объемистая книга профессора И. И. Соколова разделена на три отдельные, из которых каждый подразделен на главы. Первый отдельный, посвященный изображению вышеупомянутого состояния Константинопольской церкви в XIX веке, разделен на пять глав, из которых в первой описывается вышеупомянутое состояние Константинопольской церкви при султанах Селимѣ III со времени его воцарения, Мустафѣ IV и Махмудѣ II до греческого восстания (1789—1821 гг.). Авторъ яркими красками рисуетъ бѣдственное положеніе православныхъ восточныхъ христіанъ за указанное время; въ доказательство приводить многочисленные примѣры мученичества христіанъ, служащие вмѣстѣ съ тѣмъ превосходною характеристикой и бытовыхъ сторонъ жизни несправной турецкой рабы; указывается на политическо-гражданскую дѣятельность патріарховъ Григорія V и Каллиника V среди общаго гнета рабы; выдвигаетъ заступничество Россіи за православныхъ христіанъ, выразившееся въ трактатахъ Іесскомъ (1791 г.) и Бухарестскомъ (1812 г.); не умалчиваетъ о благахъ реформаторскихъ начинаніяхъ въ пользу христіанъ и самихъ султановъ, оказавшихся, однако же, безсильными провести въ жизнь эти начинанія, и дасть, наконецъ, нѣкоторые намеки на пробудившееся среди христіанъ движение къ религиозной, политической и гражданской свободѣ (стр. 72—158).

Во второй главѣ, посвященной заупомянутому: „Вѣнчаное состояніе Константинопольской церкви отъ начала греческаго восстания до смерти Махмуда II (1821—1839 гг.)“, авторъ довольно подробно говоритъ о начавшейся (въ 1821 г.) борьбѣ грековъ за религиозную и гражданскую свободу; объ обстоятельствахъ, подготовившихъ эту борьбу, и затѣмъ въ теченіе ея со стороны турокъ, которыхъ выразились въ массовомъ истребленіи грековъ и особенно высшаго ихъ духовенства и лицъ, наиболѣе влиятельныхъ, въ разрушеніи церквей и монастырей и во всевозможныхъ насилияхъ и надругательствахъ; о заступничествѣ за гонимыхъ христіанъ со стороны Россіи, обезличившей, послѣ побѣдившой войны, права ихъ Адріанопольскимъ трактатомъ (^{2/14} сент. 1829 г.), которымъ, кроме того, вызвало къ быту независимое греческое королевство (стр. 154—206), и о гражданско-политической дѣятельности патріарховъ: Евгенія II, Анонима III, Хрисанфа, Агаангела, Констанція I, Констанція II и Григорія VI, существующей обрисовать, въ связи съ реформами султана Махмуда II во второй половинѣ его царствованія, т. е. съ конца греческаго восстания, общее состояніе

Константинопольской церкви за рассматриваемое время (стр. 206—237). Результатъ этой обрисовки: неизмѣнно тягостное положеніе православныхъ христіанъ въ Турціи, породившее новыхъ мучениковъ (стр. 237—242). Глава заканчивается замѣткою о Сербіи, Молдавіи и Валахіи, которая хотя и получили, по Адрианопольскому трактату, „права внутренняго самоуправлениія“, но положеніе которыхъ, тѣмъ не менѣе, было также тягостное (стр. 242—244).

Третья глава посвящена изображенію „внѣшняго состоянія Константинопольской церкви отъ изданія Гюльханейскаго хатти-шерифа до начала крымской войны (1839—1853)“. Авторъ начинаетъ этотъ трактатъ свой съ изложеніемъ реформъ султана Абдуль-Меджіда, и именно приводить текстъ Гюльханейскаго хатти-шерифа съ сопровождающими его фирмансомъ, дѣлаетъ анализъ этихъ турецкихъ документовъ, показывающій внутреннее ихъ противорѣчіе себѣ и, паконецъ, вообще указываетъ на внутреннюю несостоятельность реформъ, предпринятыхъ Абдуль-Меджідомъ, что не замедлило обнаружиться и на дѣлѣ (стр. 245—258). Въ доказательство этихъ своихъ мыслей огнь довольно подробно говоритъ о низложеніи патріарха Грагорія VI, совершенномъ по интригамъ англійскаго посланника, Стратфорда Редклиффа (стр. 258—268), и описываетъ общественно-политическую дѣятельность патріарховъ: Анона IV, Анона V, Германа IV, Мелетія III и Анона VI, изъ которой наилѣпѣшимъ образомъ должно слѣдовать, что „жизнь христіанъ, безопасность ихъ имущества, честь женъ и дочерей, свобода вѣроисповѣданія и пр. и въ серединѣ XIX вѣка были весьма мало ограждены въ Турціи — послѣ всѣхъ усилий Россіи и Европы улучшить судьбу рабіи и послѣ претенціозныхъ заявлений Порты о танзиматѣ и прогрессѣ... Слово и дѣло расходились въ Турціи, какъ никогда въ свѣтѣ, дѣйствительность на каждомъ шагу издавалась надъ бумажными реформами турецкихъ политиковъ. Воззаненіе и произволъ по прежнему царили здѣсь во всей своей силѣ“ (стр. 268—298).

Глава четвертая трактуетъ о „внѣшнемъ состояніи Константинопольской церкви отъ крымской войны и изданія хатти-хумайюна до воцаренія султана Абдуль-Гаміда (1853—1876)“. Здѣсь авторъ первоначально говоритъ о святыхъ мѣстахъ, какъ новодѣль къ началу крымской компании, знакомитъ читателя съ Царскимъ трактатомъ 1856 года, приводить текстъ султанскаго хатти-хумайюна и затѣмъ разсуждаетъ о слѣдствіяхъ крымской войны и означенныхъ документовъ, какъ для православныхъ христіанъ въ турецкой имперіи,—въ вассаль-ныхъ ея провинціяхъ: Молдавіи, Валахіи и Сербіи и въ остальныхъ

мѣстахъ си, управляемыхъ непосредственно турецкими чиновниками, при чьемъ даетъ и анализъ хатти-гумайюна,—такъ еще и для Россіи, считавшейся доселе исключительною ихъ покровительницей (стр. 299—323). Послѣ того оғы ведеть рѣчь о гражданско-политической дѣятельности патріарховъ Алеяма VI и Кирилла VII съ характеристикою общаго состоянія Константинопольской патріархіи за время крымской войны и непосредственно послѣ обпародованія хатти-гумайюна (стр. 323—344). Послѣднія страницы этой главы посвящены обзору реформъ брата и преемника умершаго (18 іюня 1861 г.) Абдулъ-Меджиды, султана Абдуль-Азиза, съ указаніемъ полной ихъ бесплодности и сохраненія прежняго тяжкаго положенія православныхъ христіанъ въ Турціи, не смотря на всѣ старанія облегчить ихъ участіе, на основаніи объявленныхъ реформъ, со стороны патріарховъ Іоакима II, Софонія III и Григорія VI. „Положеніе турецкихъ христіанъ,—замѣчасть авторъ,—было въ высшей степени болотрадное: предоставленныя ей (конечно рабѣ) законами права попирались самыми грубымъ образомъ“. Сами султаны были жертвой возбужденія фанатизма мусульманъ: 18 мая 1876 года былъ изложенъ, а затѣмъ и убитъ султанъ-реформаторъ Абдулъ-Азисъ; 19 августа того же года объявленъ душевно больнымъ и изложенъ его преемникъ, Мурадъ V (стр. 344—362).

Пятая глава должна обрисовать „вишнєе состояніе Константинопольской церкви въ царствование султана Абдулъ-Гамида II (1876—1900 г.)“. Отмѣтивъ продварительно, что 11/23 декабря 1876 года торжественно провозглашена была турецкая „конституція“, должнаствующая, но мысли турецкаго правительства, положить „начало новой эпохи въ жизни государства“, когда события въ Турціи будутъ записываться на страницахъ исторіи „золотыми буквами“, авторъ въ слѣдъ за этимъ, прямо въ опроверженіе такого розового ожиданія отъ „конституціи“, начинаетъ живописать по прежнему тѣгостное положеніе православныхъ христіанъ—предъ войною 1877—1878 гг., во время этой войны и непосредственно послѣ заключенія Берлинскаго трактата, которому онъ попутно даетъ должную оцѣнку,—и это—не взирая на всѣ старанія патріарховъ Іоакима II и Іоакима III улучшить участіе угнетеннѣй турецкой рабїи (стр. 363—378). Дальг҃ийшій интересный разсказъ автора о пошткахъ Порты лишить патріархію издревле дарованныхъ ей султанами права и преимущество говорить не за желаніе турецкаго правительства улучшить положеніе подвластныхъ ему православныхъ христіанъ, но скорѣе за коварный его умыселъ совсѣмъ принизить ненавистную рабію (стр. 378—390). Что по-

ложение православныхъ христіанъ въ Турціи „оставалось безъ перемѣнъ“, по прежнему—безправнымъ,—объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ опубликованный 11-го февраля 1903 года „проектъ реформъ въ вилайтахъ Солунскомъ, Коссовскомъ и Монастырскомъ“, предложенный Россійскимъ и Австро - Венгерскимъ правительствами (стр. 390—397). Въ заключеніе главы авторъ бросаетъ ретроспективный взглядъ на все проіденное, съ предложеніемъ выводовъ, вытекающихъ изъ документально представленной вѣшней истории Константинопольской церкви. Эти выводы сведены имъ къ слѣдующимъ четыремъ „тезисамъ“. 1) „Вѣшие положеніе Константинопольской церкви въ XIX вѣкѣ было въ высшей степени печальное, стъ систематическимъ и самымъ грубымъ нарушеніемъ, со стороны турецкаго правительства и народа, древнихъ церковно-общественныхъ пропомій христіанъ, которые и въ концѣ XIX вѣка были почти въ такомъ же тяжеломъ рабствѣ, въ какомъ жили и въ началѣ его. 2) Главная вина всѣхъ бѣдствій и невзгодъ христіанской церкви и народа падаетъ на коварное турецкое правительство, которое своей крайне непослѣдовательной, фальшивой и фанатичной политикой, лишь узаконяло насилия и произволъ мусульманскихъ властей и народа въ отношеніи къ рабѣ и систематически вело съ церковью борьбу за право ея существованія. 3) И Западная Европа много повинна предъ христіанами Востока въ бѣдствіяхъ ихъ ужасного рабства, которое, къ стыду человѣчества, и теперь царить въ Турціи во всей своей грозной силѣ: вместо того, чтобы поддержать Россію въ ея религиозно-национальной политикѣ на Востокѣ, Западно-Европейскія державы站али на сторону султана, а вместѣ и противъ христіанъ и этимъ задержали осуществленіе Россіей, въ возможной полнотѣ, освободительной миссіи, знамя которой она высоко держала въ теченіе всего XIX вѣка. 4) Необходимо понять, что турецкое правительство добровольно¹⁾ никогда не дастъ христіанамъ гражданско-политическихъ правъ и даже свободы личности и вѣроисповѣданія, такъ какъ это противно начальству ислама, крайне невыгодно для государства и правовѣрныхъ его подданныхъ, которые, при условіи всеобщаго равенства въ правахъ, неназбѣжно подчинятся духовному господству дѣятельныхъ, способныхъ и образованныхъ христіанъ. Исторія свидѣтельствуетъ, что только дипломатическое понужденіе и сила оружія заставляли турокъ дѣлать уступки въ пользу христіанъ. Факты про-

¹⁾ Курсивъ автора.

шлаго должны получить поучительный смысл для политики будущего" (стр. 397—406).

Такимъ образомъ, представленный отдѣль сочиненія И. И. Соколова вполнѣ гармонируетъ съ предпосланнымъ ему „вступленіемъ“: неизмѣнно тяжкое положеніе Константинопольской церкви въ XIX в. авторъ усматриваетъ по преимуществу въ мусульманскомъ турецкомъ правительствеъ, и—только въ лемъ; угнетенное состояніе Константинопольской церкви въ XIX вѣкѣ составляеть прямое продолженіе того униженія ея состоянія, которое обрисовывалось тотчасъ же въ начальѣ, въ слѣдѣ за паденіемъ Константиноополя турками. Эту мысль свою профессоръ И. И. Соколовъ старается обосновать документально и со всевозможной полнотою. Факты, представленные имъ въ доказательство ея, многочисленны и весьма цѣнны. Повидимому, трудно сказать что-либо противъ нихъ. Тѣмъ не менѣе, по прочтеніи всего только-что представленнаго отдѣла книги проф. И. И. Соколова, получается впечатлѣніе пѣкоторой односторонности и предвзятости: алогія Константинопольской церкви, ея іерархіи и всего греческаго народа блекнетъ; возбуждаются сомнѣнія. Между тѣмъ авторъ вступаетъ въ сущность, на вѣрную дорогу. Въ чёмъ же дѣло?

Гейнрихъ Гельцеръ, одинъ изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ православнаго Востока, свою недавно изданную книжку объ Афонской горѣ и монастыряхъ Аоона предваряетъ слѣдующими словами: „Главное различие между древнимъ и средневѣковымъ человѣкомъ съ одной стороны и новѣйшимъ съ другой состоится въ томъ, что первый величайшее значеніе придавалъ сношенію съ вышеземными силами, послѣдний обращаетъ вниманіе только на міръ, лежащий по сю сторону. Древняя Ekklesia была открываема очистительной жертвою и молитвами; въ древности, когда въ распределеніи дня значились „отеческія богослуженія“, то имъ давали предпочтеніе предъ иѣми государственными дѣлами. Совершенно такимъ же образомъ было установлено распределеніе занятій римскаго сената, чтобы „дѣла божественные“ (*res divinae*) были отправляемы прежде „дѣлъ человѣческихъ“ (*res humanae*). Объ этомъ, совершенно чуждомъ намъ, искинѣшимъ людямъ, кругъ идей свидѣтельствуетъ и воинъ предпріятій средневѣковыхъ людей: императора Ираклія для возвращенія Животворящаго древа, или Готфрида Бульонскаго для освобожденія св. Гроба. Теперь иѣтъ у насъ пониманія (*Verstndniss*) къ такому интернациональному, всѣ народы охватывающему воодушевленію, которымъ только и опредѣляются религіозные вопросы. Въ средніе вѣка первое мѣсто, какъ

вь жизни государственной, таъ и частной, предоставлялось священнику, духовному пастырю; теперь важнѣйшая персона — врачъ, поддерживающій или продлевающій нашу земную жизнь. Теперь совершило поспоримо овладѣли нашою мыслью и даже нашими историческими возврѣніями экономические вопросы. Если мы видимъ, что средневѣковые люди, руководствуясь своими односторонними, лежащими по ту сторону мыслями, строили церкви за церквами и монастыри за монастырями, и завѣщевали этимъ духовнымъ учрежденіямъ безмѣрно имущество до собственного обнищанія, то мы прежде всего спрашиваемъ, не причинило ли это течешиѣ времени величайшаго экономического вреда всому пародному благосостоянію? Замѣчательно также, что съ пробужденіемъ новѣйшаго духа въѣхъ просвѣщенія прежде всего съ удареніемъ указывали на экономической вредъ, который, какъ думали, причинило преувеличеннное почитаніе религіи. Государи этого вѣка, между ними даже просвѣщенные церковные князья, какъ нѣмецкіе князья-архиепископы, прежде всего озабочились отмѣнить или перенести на воскресные дни „многіе и бесполезные“ праздники, вовлекающіе простой народъ въ праздность. Путешествія ко св. мѣстамъ были ограничены, духовный народный вѣлища воспрещены. Путешествія и театры были привилегіей людей зажиточныхъ; низшій и бѣдный классъ народа долженъ былъ дѣлать заработокъ, но возможности, ожидновно и съ безотрадніемъ однообразнѣй заработалоись — беречь для вызыванія національного благосостоянія. Это было главнымъ дѣломъ. Должно бы быть осуществлено также и введеніе очищеніаго, разумнаго понятія о Богѣ; однако же это было болѣе побочнымъ дѣломъ. Естественно, эти народные благодѣтели (Beglücker) нового времени устремили свое нѣжное вниманіе главнымъ образомъ на безмѣрное землевладѣніе мертвой руки (т. е. на церковную поземельную собственность). Чтобы сдѣлать его полезнымъ по большей части для политическихъ цѣлей, очень рѣдко для обезнеченія человѣколюбивыхъ или учебныхъ учрежденій, изобрѣтали секуляризацию. Вѣдь въ теченіе XIX столѣтія всѣ культурныя государства, за исключеніемъ Англіи и Австріи, устремились на то, чтобы духовное имущество конфисковать ради государственныхъ цѣлей, а клиру въ вознагражденіе платить скучное жалованье изъ государственныхъ средствъ. XX столѣтіе отличается отъ предыдущаго, кажется, преимущественно тѣмъ, что оно, подъ прекрасно звучащимъ предлогомъ отѣлскія государства отъ церкви, стремится также конфисковать и тѣ скромныя возмездныя суммы для жалованья духовен-

ству, на которых дало согласие XIX столетие. Такимъ-то образомъ тогда вполнѣ и возстановилась бы апостольская нищета древней церкви.

„Люди, облытые древними и средневѣковыми воззрѣніями, считающіе народно-экономическую жизнь безполезною, а всецѣло предающіеся потусторонней жизни, могутъ расчитывать, при господствующемъ теперь духовномъ направлении, лишь на малую симпатію. — Духъ времени рѣшительно враждебно настроенъ монашескому аскису и созерцанію. Теперь, въ вѣкъ либерализма и терпимости, только слишкомъ охотно повторяются слова Фридриха Великаго: пусть каждый спасается по своему фасону. Между тѣмъ, во имя терпимости и прогресса, намъ наиточнѣйшимъ образомъ предписываютъ этотъ фасонъ, какъ это теперь напрямикъ показываетъ духовно высокостоящая французская нація, а кто не прилагивается, тотъ долженъ удалиться изъ страны. Именно, за сто лѣть предъ симъ созерцательные ордена упрекали въ томъ, что они проводятъ жизнь вполнѣ лѣнивой и бесполезной. Католические ордена обратили на это вниманіе и посвятили себя почти исключительно обученію, попеченію о больныхъ и миссіямъ. Слѣдовало бы думать, что этимъ они удовлетворяютъ справедливыя требованія. Но ихъ обученіе—поповское; своимъ попеченіемъ о больныхъ они пользуются къ угнетенію совѣсти; ихъ миссіи портятъ рабски новинныхъ дикарей или служатъ политическимъ цѣлямъ. Наконецъ, апологеты монашества указываютъ еще на великія научныя заслуги сего прямо въ нашъ вѣкъ. Однако же и этимъ ничего не достигается; видъ это отнюдь не безпредвзятая наука. Кратко, бѣдные монахи могутъ выставлять на видъ, что угодно,—они напередъ осуждены.

„Но, если даже прилагающіеся къ новѣйшему теченію времени западные монахи обречены на полное осужденіе, то насколько жесточе долженъ быть судъ прежде всего объ аскетахъ православной церкви? На Аегонѣ жительствуетъ свыше 7.000 монаховъ, которые не посвящаютъ себя ни воспитанію (за ничтожнѣйшимъ исключеніемъ), ни попеченію о больныхъ; да и научный занятія—не ихъ дѣло. Они живутъ только богослуженіемъ и созерцательностью. Не слыханное ли это дѣло? Если бы они были гражданами новѣйшаго государства, даже только такой общественности, представляющей новѣйший государственный идеалъ въ карикатурномъ видѣ, какъ это замѣчается въ христіанскихъ государствахъ Балканского полуострова, то, бѣзъ сомнѣнія, эти руины давнѣмъ давно исчезнувшаго времени скоро болѣе или менѣе основательно были бы убраны прочь. Но Аогонская

монашеская республика находится подъ запитою турецкаго правительства, и чего не могло сдѣлать новѣйшее государство съ своимъ либеральнымъ шаблонизированіемъ и бюрократизированіемъ—позволить каждому жить по своему фасону, это совершаеть высокая Порта. Типу почтенной старины, составляющему рѣзущій контрастъ всѣмъ стремленіямъ и воззрѣніямъ нынѣшняго времени, она позволяетъ продолжать дальнѣйшее свое существованіе въ совершиенной неприкосновенности. Договоры, заключенные Афонскими монахами съ падишахами за пять съ половиною столѣтій, сохраниютъ свою силу еще доселе; ибо турокъ держитъ слово¹⁾.

Приведенные слова Гельцера заслуживаютъ полного вниманія. Смысль ихъ не измѣнится, если вместо термина: „Афонская монашеская республика“, поставимъ болѣе широкій терминъ: „Восточная православная церковь“.

Христіанскій восточнославяніи народности, входившія, въ частью и теперь еще входящія, въ составъ турецкой имперіи, если жизнь вовсе не такъ абсолютно замкнутую, какъ это можно думать, судя по ихъ угнетенному положенію. Съ половины XVIII вѣка, получившаго претенциозное название „вѣка просвѣщенія“, начинаются учащенія посвѣщенія, какъ грековъ, такъ равно и другихъ православныхъ народностей—румыновъ, сербовъ и болгаръ, западной Европы, гдѣ они съ упомінкомъ набирались идеи „просвѣщенія“, ложаща и основу получившаго теперь господство либерализма, и съ фанатизмомъ прозелиотовъ стремились ввести ихъ въ жизнь своихъ братьевъ, стонущихъ подъ игомъ турковъ. Если двигатели „вѣка просвѣщенія“ говорили: écrasons l'infâme (уничижимъ христіанство), то вѣдь это же самое составляетъ лозунгъ и современныхъ либераловъ. Ихъ ненависть къ догматамъ вѣры—вѣдь всякаго сомнѣнія и непреодолима. Она составляетъ прямое слѣдствіе основного ихъ положенія — индивидуальной свободы и связанныхъ съ нею дальнѣйшихъ свободъ: мысли, слова, печати, сходокъ, союзовъ и пр.²⁾. Но это прямо противорѣчило основному правилу православной церкви — неизмѣнности догматовъ ея вѣры — и признанію лежащаго въ ихъ основѣ богооткровенія,

¹⁾) Gelzer, H., Vom heiligen Berge und aus Makedonien Reisenbilder aus den Athosklöstern und dem Insurrektionengebiet. Leipzig 1904, S. 1—5.

²⁾ См. Курнаковъ, Ф., Наброски и очерки изъ новѣйшей исторіи румынской церкви. Казань 1904, стр. 29—40. Также, Справка. 1905 г., сент., стр. 295—319; окт., стр. 514—528, п отд. оттискъ: Курнаковъ, Ф., Что такое либерализмъ? С.-Пб. 1906, стр. 7—39.

какъ единой обязательной для всѣхъ истины, долженствующей быть нормою, мѣрой и указателемъ мысли, слова и всего образа жизни¹⁾). Освободительный движенія, какъ грековъ, такъ и другихъ православныхъ народностей, входившихъ въ составъ Турецкой имперіи,— румыновъ, сербовъ, болгаръ, прямо вытекали изъ началь либерализма съ присущимъ ему революціоннымъ характеромъ и болѣзненно развитою идеей национальности. Вмѣсто братскихъ отношеній, господствовавшихъ между православными народностями, когда они жили по вѣрѣ, теперь наступило прямо таки звѣрское озлобленіе разныхъ, национальностей другъ противъ друга.

Каково же должно быть положеніе Константинопольскихъ патріарховъ и вообще Константинопольской церкви при такомъ положеніи дѣлъ?—Когда чрезвычайный посолъ Константинопольского патріарха Софронія III, архимандритъ Евстаѳій Клеовуль, замѣтилъ румынскому министру, г. Вериско: „Слава величію нашему Богу, что и подъ инонѣрцами правительствомъ мы свободны“²⁾, то, конечно, это было въ устахъ его не пустою фразою, а выраженіемъ правды, дѣйствительности. Между тѣмъ либералами свобода совѣсти дается, по свидѣтельству патріарха Софронія III и его синода, „однимъ только инонѣрцамъ“, иностраннымъ пропагандистамъ, а на православныхъ иереевъ и монаховъ щедро сыплются поруганіе и гоненіе³⁾.

Думается, что это единодушное свидѣтельство вселенскаго патріарха, его синода, почтенаго архимандрита и несомнѣнного зна-
тока православнаго востока, беспристрастнаго и честнаго протестанта Гельцера, должно въ значительной степени ослабить настойчивое увѣ-

¹⁾ Патріархъ Іеремія III въ синодальній граматѣ отъ 1723 года къ англиканскому духовенству, подписавшему многими, случившимися въ то время въ Константиноپолѣ, митрополитами, архиепископами и епископами, а также и османскими восточными патріархами, говорилъ: οὐκ ἔχομεν ἀλλο τι εἰπεῖν, εἰ μὴ ὅτι... ταῦτα καὶ ἡμῖς δογμata, καὶ τὸ φρόντια τῆς ἡμέτερᾶς Ἀνατολικῆς Ἔκκλησίας πάλαι μὲν ἐγγέσθησαν, ὅρθως τε καὶ εὐαρθρῶς διαρισθησαν, καὶ διετάχθησαν παρὰ τῶν ἄγιων καὶ οἰκουμενικῶν συνόδων, καὶ μήτε προσθεῖται τούτοις ἑτερόν τι ἔξεστη, οὐτέ τι ὅλος ἀφαιρῆσαι ἐκ τούτων, καὶ τῷ βουλομένῳ συμφρονήσαι ἥμιν ἐν τοῖς θείοις δόγμασι τῆς ὁρθοδόξου πίστεως ἀνάγκη ἀκολουθῆσαι καὶ ὑποταγῆσαι τοὺς διορισθεῖσαν καὶ διαταχθεῖσαν ὑπό τε τῆς ἀρχαιοπαραδότου καὶ πατροπαραδότου, καὶ παρὰ τῶν ἄγιων καὶ οἰκουμενικῶν συνόδων διατάξεως, ἀπὸ τοῦ καιροῦ τῶν Ἀποστόλων καὶ τῶν καθ' ἡμῖν ἐς τὸν Θεοφόρων Πατέρων τῆς Ἔκκλησίας ἡμῶν, μετὰ ἀπλότερος; καὶ ὑπακοῆς, καὶ ἀκούντος ἀλλ.ης ἔρευνης, καὶ πειραγμένης. Гебенъ, М., Каноники даихъзис. Ен Константиноپоле: 1889, т. II, с. 429—430.

²⁾ Курляндъ, Ф., Набр. и оч. изъ нов. ист. Рум. ц., стр. 411.

³⁾ Тамъ же, стр. 366, 480.

рение проф. И. И. Соколова, что виню угнетенного положения православной церкви въ турецкихъ владѣніяхъ служить главнымъ образомъ турки, невыносимый мусульманско-турецкій „режимъ“. Выходить какъ будто нѣчто противное. Получившій всюду господство либерализмъ своими, направленными противъ христианства, законами и прямымъ гонениемъ на него стремится поставить христианскія церкви, въ особенности съ опредѣленными, точно установленными догматами вѣры, въ возможности существованія. Проповѣдь адогматизма, какъ разлагаютъ внутренній жизненный яръ церкви, си тѣсна, дѣлающій изъ нея единый живой организмъ, должна содѣйствовать этому. Римская церковь въ противовѣсь этому разлагающему принципу либерализма противопоставила догматъ о испогрѣшности папы. Православная церковь, разъ отвергнувъ эту римскую ересь, чуждается ея и теперь. Но разобщенность автокефальныхъ православныхъ церквей, учениками и поддерживаемой либерализмомъ, отнимаетъ у православной церкви, какъ единаго цѣлого, возможность дружно дѣйствовать противъ разрушающаго ее либерализма. При такихъ обстоятельствахъ, Турція съ ея „несноснымъ мусульманскимъ режимомъ“ представлялась единственнымъ углемъ, откуда православіе съ большею или меншею свободою могло выступить на борьбу съ надвигающимся на него разрушительнымъ либерализмомъ. Вотъ эта-то начавшаяся и постепенно развивающаяся борьба Константинопольской церкви съ либерализмомъ и дѣлаетъ ея исторію въ XIX вѣкѣ живою, подвижною, полною захватывающію, глубочайшаго интереса. Въ монотонномъ изложеніи несовершенствъ „турецкаго режима“, на которыхъ особенно напираетъ авторъ, эта характерная черта исторіи Константинопольской церкви XIX вѣка исчезаетъ; она какъ будто намѣренно затушевывается. Правда, при анализѣ катти-гумайюна 1856 года авторъ выставилъ отчины зловредности, либералнама для православной церкви, но это сдѣлано имъ какъ бы случайно и съ общемъ ходомъ его рассказа мало влажется.

Во „вступленіи“ проф. И. И. Соколовъ сдѣлалъ замѣчаніе, что тяжкое положеніе православныхъ христианъ въ Турціи зависѣло еще отъ жизней римскихъ миссионеровъ, старающихся всегда причинить какой-нибудь вредъ православнымъ. Замѣчаніе вѣрное. Но въ самомъ изображеніи тяжкаго положенія турецкихъ православныхъ христианъ онъ почему-то объ этомъ умолчалъ. Быть можетъ, рѣчь объ этомъ онъ поведеть тогда, когда будетъ говорить о римско-католической пропагандѣ среди православныхъ христианъ Востока.

Однакожъ, въ указаній на римскихъ миссіонеровъ для обрисовки тяжкаго положенія православныхъ христіанъ Востока сдѣлано далеко не все. Со времени отдѣленія римской церкви отъ единства церкви вселенской православный Востокъ сдѣлялся предметомъ не только обращенія, но прямо-таки завоеванія со стороны Запада. До наденія Константинаополя это стремленіе Запада выразилось въ двойкой формѣ: или *захватенія* Востока силою оружія чрезъ крестопосыпъ полчища, или же *присоединенія* его къ себѣ обманнымъ путемъ чрезъ унію, при посредствѣ насилия заключавшихъ эти уніи византійскихъ императоровъ. Послѣ наденія византійской имперіи, эти способы подчиненія православнаго Востока еретическимъ Западомъ сами собой исчезали. Кромѣ образованія, на мѣстѣ падшой Византіи, мусульманской имперіи османисовъ, съ которою уже никакъ нельзя было вести переговоры объ уніи съ православною церковью, на самомъ Западѣ явились злѣйшии враги папства—протестанты. Эти послѣдніе скоро сами устроили свой взоръ на православный Востокъ и рѣшились сдѣлать его своею добычей. Сношнія ихъ съ Восточною православной церковью начались въ концѣ XVI вѣка. Эти первыя сношнія имѣли сравнительно скромный и мирный характеръ. Но ужо въ XVII вѣкѣ при патріархѣ Кириллѣ Лукарѣ протестанты начали дѣйствовать смѣло, рѣшительно и, выѣхавъ съ папистами, произвели страшнѣйшую смуту въ восточной церкви. Однакожъ всякий разъ—и въ XVI и въ XVII вѣкѣ—патріархъ Константинопольскаго, въ союзѣ съ другими православными патріархами, давала имъ должный отпоръ. Но это отнюдь не обезкуражило протестантовъ: въ XIX вѣкѣ, особенно съ 30-хъ годами этого столѣтія, они выступили съ нескрываемою цѣлью—подчинить православный Востокъ во чтѣ бы то ни стало и повели такую же наглую и коварную пропаганду, какъ и католики (а иногда дѣйствовали и понаглѣе ихъ). Какъ католики, такъ и протестанты имѣли за свою спиною покровительствующія имъ соответствующія правительства европейскаго Запада, къ которымъ присоединились еще Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Созданіе такимъ покровительствомъ, обеспеченнѣемъ къ тому же договорами, положеніе западно-европейскихъ и американскихъ миссіонеровъ, а также и простыхъ, западно-европейскихъ обывателей-христіанъ, поселившихся въ Турціи, было исключительное, которымъ они нерѣдко пользовались и пользуются къ угнетенію туземныхъ православныхъ христіанъ Турціи. Западно-европейскіе государства и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты подъ флагомъ современной культуры—свободы совѣсти, на-

правивъ жорла своихъ пушекъ въ лбы правовѣрныхъ мусульманъ и приставивъ къ ихъ горламъ лѣсъ сверкающихъ штыковъ, требуютъ „свободы совѣсти“ для своихъ миссионеровъ и остальныхъ, покровительствуемыхъ ими, христіанъ своего вѣроисповѣданія, и не хотятъ знать о смущенной совѣсти мусульманъ, а еще менѣе — православныхъ христіанъ, — вѣдь совѣсть и тѣхъ и другихъ должна быть вытравлена — хотя бы даже при помощи пушекъ и штыковъ — по шаблону современной либеральной культуры. Русское правительство дѣйствовало, обыкновенно, въ согласіи съ „просвѣщенными“ правительствами европейскаго запада, такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ, по либеральному шаблону; а это необходимымъ образомъ привело къ охлажденію греческой юархіи, какъ хранительницы православія, къ Россіи, какъ союзницы либерализма, какъ покровительницы либеральныхъ матежниковъ и, вмѣстѣ, враговъ церкви. Такимъ образомъ, получается множество разнородныхъ силъ, разнообразно дѣйствующихъ на положеніе православныхъ христіанъ востока, при чемъ рѣзко выдвинутый авторомъ „невыносимый“, „беззаконный“, „безчеловѣчный“ мусульманскій „режимъ“, „варварскій деспотизмъ“ и пр. въ значительной мѣрѣ должны отступить на задній планъ. Безпристрастіе, справедливость и объективность требуютъ точно познать каждый изъ указанныхъ ингредіентовъ и указать имъ должное мѣсто. Факты говорятъ сами за себя; задача критики состоять лишь въ томъ, чтобы очистить ихъ отъ разныхъ ненужныхъ тенденціозныхъ наслепній и представить во всестороннемъ освѣщеніи. Думается, что такое изложеніе истории Константинопольской церкви указанного авторомъ періода ея буде лучшею ея апологіей. Но тогда и самое „вступленіе“ въ ней должно получить иной характеръ, соответствующій указываемому ея содержанію.

Во первыхъ пяти главахъ первымъ отдѣль автору, какъ мы видѣли, съ настойчивостью доказывалъ, что православные христіане Турціи постоянно оставались въ неизмѣнно тѣжкомъ положеніи, между тѣмъ въ „тезисахъ“ опѣр уже отступается отъ этого положенія и говорить, что „въ концѣ XIX вѣка они были *почти* въ тавомъ же тѣжеломъ рабствѣ, въ какомъ жили и въ началѣ его“. Эта нерѣшительность сужденія составляетъ, по моему мнѣнію, прямое слѣдствіе одностороннаго налаганія его на турокъ, на ихъ „невыносимый режимъ“ и „дикое варварство“. Я уже заявилъ о своемъ несогласіи съ авторомъ относительно „систематического нарушенія“ правъ и преимуществъ Константинопольской патріархіи и управляемыхъ ею христіанъ со сто-

роны турецкаго правительства. Справедливѣе рассматривать эти нарушенія привилегій православныхъ христіанъ со стороны турокъ всякой разъ въ связи съ тѣми обстоятельствами, которыхъ ихъ вызвали. Такое отношеніе изслѣдователя къ дѣйствіямъ турокъ будетъ соответствовать и приведеннымъ отзывамъ о нихъ патріарха Софронія III, его синода, Гельцера и др. Поэтому ссылка автора на Адамантія Кораніса (стр. 80—81) должна подлежать крупнымъ ограничіямъ; вѣдь Коранісъ, видимо, произносилъ свой судъ о туркахъ въ гибѣ и подбиралъ нарочито сильныя выраженія (см. стр. 110—111; 154—156 и др.). Равнымъ образомъ и въ сужденіи о граматахъ патріарха Григорія V нужно принимать во вниманіе не только положеніе Григорія, какъ, такъ сказать, вассала турецкаго султана (стр. 97—103; 117—118; 164—168), но вмѣстѣ и отношеніе его, какъ православнаго патріарха, къ безбожнымъ идеямъ французской революціи.

Описывая начало греческаго возстанія 1821 года, авторъ какъ-то глухо высказывается о неудачѣ его въ Молдавіи; по его словамъ, неудача эта произошла какъ будто отъ „могучаго слова Русскаго Царя“, „осудившаго возстаніе Иисуса“ (стр. 160). Между тѣмъ, полный неуспѣхъ греческаго возстанія въ Молдавіи произошелъ главнымъ образомъ отъ враждебнаго отношенія румыновъ къ грекамъ; ибо румыны, нахватавшись тѣхъ же либеральныхъ идей съ националистическими тенденціями, чтѣ и греки, стали къ нимъ въ болѣе враждебныя отношенія, чѣмъ къ туркамъ¹⁾). Таковъ первый, ярко выражавшійся, плодъ усвоенія идеи „жѣка просвѣченія“ православными народами Востока. Посему жалостливо замѣчаніе автора, что вотъ-де маленькая Греція, объявленная независимымъ королевствомъ, „оказалась счастливѣе Молдавіи, Валахіи и Сербіи, достигшихъ золотой свободы гораздо позднѣе“ (стр. 206), представляется не совсѣмъ соответствующимъ дѣйствительности.

Обвиненію предъявляется турецкому „режиму“ и тамъ, гдѣ оно, можно сказать, совсѣмъ не повинено, какъ, напримѣръ, въ дѣлѣ низложенія патріарха Григорія VI по требованію англійскаго посла Стратфорда Редклиффа (стр. 258—268). Въ самомъ дѣлѣ при чёмъ тутъ турецкий режимъ? Скорѣе можно спросить, отчего не защитила Григорія VI Россія? Вотъ именно: отчего? Вѣдь патріархъ Григорій VI далъ сильнейший отпоръ новому виду протестантской пропаганды на

¹⁾ Палавозеъ, С. Н. Румыск. господ. Валахія и Молд. въ ихъ историко-полит. отнош. С.-Пб. 1859, стр. 156 и сл., 170; см. Курлановъ, Ф. Набр. и оч. изъ и. я. рум. ц., стр. 58 и сл.

православиомъ Востокѣ; вѣдь оғь, по сознанію самихъ протестантовъ, положилъ начало новой эпохѣ борьбы православія съ протестантизмомъ¹⁾). Деятельность такого патріарха заслуживала бы сильной поддержки со стороны великой православной державы. Но этой поддержки не оказалось. Вотъ тутъ-то, для правильной объективной оценки событий, и требуется указанное всестороннее ихъ освѣщеніе. Это же самое нужно замѣтить и относительно „грубаго деспотизма“ турецкаго правительства, на который авторъ указываетъ на стр. 286—287, 292—95 и др.

Приводимъ на стр. 302—309 содержаніе парижскаго трактата и текстъ хатти-гумайюна, авторъ дѣлаетъ потому оцѣнку этихъ „инструментовъ“ западной Европы—въ существенномъ правильную и довольно обстоятельную. Но она выступила бы рельефнѣе, если бы авторъ выработалъ и строго провелъ указанную мною здѣсь точку зрения. Кроме того, хатти-гумайюнъ составляетъ всцѣю произведеніе западной дипломатіи; участія турецкаго правительства въ составленіи его не было никакого. Краткую исторію его произведенія съ измѣненіями, дѣлаемыми въ немъ при его составленіи, далъ Эйхманъ²⁾. Было бы очень хорошо, если бы авторъ воспользовался его указаніями и точно также далъ бы исторію происхожденія хатти-гумайюна въ своей книгѣ. Она послужила бы отличнымъ введеніемъ къ должной оценкѣ этого документа либеральной Европы, одинаково неугоднаго какъ греческой іерархіи и всѣмъ вообще держащимся православія грекамъ (стр. 337 и сл.), такъ равно и самимъ туркамъ³⁾.

При описаніи попытки отмѣнить издревле дарованныя султанами Константинопольской патріархіи и православнымъ христіанамъ права и привилегіи, проф. И. И. Соколовъ обрушивается также исключительно на Порту, ея произволъ и коварство (стр. 378—390). Не могу согласиться съ почтеннѣмъ профессоромъ и въ этомъ случаѣ. Попытка Порты отмѣнить права и привилегіи Константинопольской патріархіи и входящихъ въ область ея юрисдикціи православныхъ христіанъ составляетъ прямое следствіе навязанной ей либеральными

¹⁾ Meyer, Ph., Die theologische Litteratur der griechischen Kirche im sechzehnten Jahrhundert. Lpz. 1899, S. 6—9.

²⁾ Eichman, F., Die Reformen des osmanischen Reiches. Berlin 1858, S. 238 ff., 353 ff.

³⁾ Довольно обстоятельно объ этомъ разсуждаетъ Шихнеръ. См. Pichler, Al., Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident. Munchen 1864, B. I, S. 451—453.

европейскими державами конституціямъ всюду проникающаго теперь либерализма есть подданные того или другого государства уравниваются между собою. Поэтому сохраненіе правъ и привилегій Константинопольской патріархіи и управляемыхъ ею христіанъ, дарованныхъ имъ при ишомъ, „мусульманскомъ“ режимѣ, теперь, послѣ введенія „либерального режима“, является совершенно излишнимъ; оно будетъ диссонансомъ въ „прекрасномъ“ либеральномъ хорѣ. Пусть турецкая конституція явилась мертворожденнымъ дѣтищемъ для самихъ мусульманъ; но ради чего же требовать отъ нихъ, чтобы они были болѣе христіанами, чѣмъ сами христіане? Имъ навязали конституцію христіане; воть они и примѣняютъ ее... къ христіанамъ. Да еще вопросъ: сами ли они додумались примѣнить конституцію къ православнымъ христіанамъ? или внушено имъ это со стороны? Одно несомнѣнно, что послѣ того какъ западно-европейскія державы взяли Турцію подъ свою опеку, правительство смѣ шагу не сдѣлаетъ безъ дозволенія европейскихъ державъ-опекуній. Но тогда, въ самомъ дѣлѣ, какъ же „коварно“ турецкое правительство дошло до мысли отмѣнить вѣками освященные права и привилегіи вселенской патріархіи и вѣдомыхъ ею православныхъ христіанъ Османской державы? Кто же подлинный виновникъ этого умысла?—Ниже авторъ замѣчаетъ: „Турція для турокъ“—воть девизъ султана. Мотивами панисламизма была вызвана борьба Порты съ патріархіей изъ-за пропоній, ими обусловленіе системаціе правительства отъ исполненія изданныхъ законовъ и, наконецъ, создать въ концѣ вѣка рядъ кровавыхъ гоненій на христіанъ (стр. 393). Но, спрашивается, кто создалъ всѣ эти девизы? откуда они заимствованы? Все-несомнѣнно—изъ либерального катихизиса либеральной Европы. Девизы эти выставлены на знамени всѣми и всякими національностями, и турки повинны развѣ только въ томъ, что они запоздали съ своимъ либерализмомъ сравнительно съ другими національностями. Не думаю, чтобы за это слѣдовало винить ихъ съ удвоенною силою, какъ дѣлаетъ авторъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Турція сдѣлалась игрушкою въ рукахъ либеральной Европы, вину выдвинутыхъ авторомъ золъ слѣдуетъ взваливать не столько на нее (стр. 401—405), сколько на тѣхъ, кто дѣйствуетъ чрезъ нее.

III.

Отдѣль второй посвященъ обзору дѣятельности Константинопольскихъ патріарховъ XIX вѣка. Исходя изъ положенія, что „въ турец-

кую эпоху Константинопольская патріархія была центромъ церковно-общественной жизни христіанъ“, вслѣдствіе чего постъ Константинопольского патріарха въ Восточной церкви подъ турецкимъ владычествомъ приобрѣть весьма важное значеніе среди всей турецкой рабы, а также, имѣя въ виду еще то обстоятельство, что „дѣятельность каждого патріарха есть страница изъ исторіи и всей греческой церкви и народа, ясно показывающая ихъ нужды и стремленія въ зависимости отъ запросовъ времени, степень соотвѣтствія патріаршихъ дѣяній этимъ требованіямъ, фактическое положеніе церковно-общественной жизни въ различныхъ си отрасляхъ и т. д.“, и что „характеристика личности патріарха, его дѣятельности вмѣстѣ съ тѣмъ знакомить и съ внутреннимъ состояніемъ церкви въ опредѣленный періодъ времени“ (стр. 407—408), профессоръ И. И. Соколовъ даѣтъ „обзоръ церковно-общественной дѣятельности всѣхъ Константинопольскихъ патріарховъ XIX вѣка, однихъ,—довольно подробный, другихъ—краткій, и должно очень краткій, смотря по важности и широтѣ дѣятельности описываемаго патріарха. Всѣ очерки жизни и дѣятельности патріарховъ написаны одинаково: первоначально сообщаются біографическая свѣдѣнія о патріархахъ, а затѣмъ обозрѣвается церковно-религіозная и общественная ихъ дѣятельность. Описаніе жизни и дѣятельности ихъ авторъ начинаетъ съ Неофита VII, занимавшаго (вторично) патріаршій Константинопольскій тронъ съ 1799 года по 1801 годъ, и кончаетъ Константиномъ V, управлявшимъ церковью съ 1897 года по 1901 годъ, такимъ образомъ обозрѣвается дѣятельность 26-ти патріарховъ, изъ которыхъ нѣкоторые вовсѣдали на патріаршемъ престолѣ по два и по три раза. Болѣе или менѣе подробные очерки составлены о патріархахъ: Неофитѣ VII (стр. 408—415), Каллиникѣ V (стр. 415—428), Іереміѣ IV (стр. 428—436), Кириллѣ VI (стр. 437—456), Григоріѣ V (стр. 456—495), Апоніѣ III (стр. 496—505), Агаѳангелѣ (стр. 510—522), Констанціѣ I (стр. 522—537), Аноніѣ IV (стр. 539—548), Германѣ IV (стр. 553—569), Іоакимѣ II (стр. 579—592), Софоніѣ III (стр. 592—599), Григоріѣ VI (стр. 599—632), Анеїмѣ VI (стр. 632—651) и Іоакимѣ III (стр. 651—672); объ остальныхъ патріархахъ: Евгеніѣ II (стр. 495—496), Хрисантопѣ (стр. 505—510), Констанціѣ II (стр. 537—539), Анеїмѣ V (стр. 549—553), Мелетіѣ III (стр. 570—571), Кириллѣ VII (стр. 571—573), Іоакимѣ IV (672—674), Діонисіѣ V (стр. 674—679), Неофитѣ VIII (стр. 679—683), Апоніѣ VII (стр. 683—685) и Констанціѣ V (стр. 685—690), даются сравнительно краткія свѣдѣнія, конечно, въ

большинствъ случаевъ, по причинѣ кратковременного вѣкъ патріаршествованія. Составленные такимъ образомъ очерки жизни и дѣятельности Константионопольскихъ патріарховъ въ сущности представляютъ хронику событий Константионопольской церкви за все время XIX столѣтія. Мы получаемъ здѣсь свѣдѣнія: о состояніи просвѣщенія греческаго клира и народа и мѣрахъ къ поднятію его уровня, выразившихся въ учрежденіи школъ различного типа; о типографіяхъ и цензурѣ выходящихъ изъ нихъ книгъ; о законодательствѣ церкви по дѣламъ брачнымъ и бракоразводнымъ и связаннымъ съ этимъ надѣленіемъ приданымъ; о законодательствѣ по наслѣдію имуществу и земельнѣмъ ихъ; о перемѣнахъ въ распределеніи епархій; о новоденіи списковъ и клириковъ и водвореніи между ними церковной дисциплины; о монастыряхъ и монашествующихъ и разныхъ замоно положеніяхъ, направленныхъ къ упорядоченію монастырской жизни, къ поднятію дисциплины среди монашествующихъ, къ прекращенію скорь, возникнувшихъ между ними изъ-за имущества, и т. п.; о храмахъ, церковномъ богослуженіи и церковно-богослужебной практикѣ: совершеніи таинства крещенія, брака и т. д.; о разныхъ человѣколюбивыхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ: больницахъ, бояцѣльняхъ, пріютахъ и т. п.; о разныхъ братствахъ, имѣющихъ цѣлью содѣйствовать поднятію уровня просвѣщенія, улучшенію церковнаго пѣнія, облегченію участія бѣдныхъ, больныхъ, безпрѣстныхъ; о финаансовомъ состояніи патріархіи, всегда тяжеломъ и угнетеніемъ; о борьбѣ патріарховъ съ иконоборцами пропагандой—латинскою и протестантскою, съ различными антицерковными либеральными, рационалистическими, или же прямо атеистическими ученіями, съ расхитителями церковныхъ имуществъ; о защищѣ правъ и премуществъ патріархіи отъ послантельствъ на нихъ со стороны Порты; о самовольномъ отторженіи отъ юрисдикціи Константионопольскихъ патріарховъ епархій королевства греческаго, принадлежавшихъ соединенныхъ княжествъ Молдавіи и Валахіи и областей, населенныхъ болгарскимъ народомъ; объ устройствѣ приходовъ и церковно-приходской жизни и разныхъ уставахъ, изданныхъ по этому поводу, и вообще о реформахъ церковной и церковно-общественной жизни, съ указаниемъ на изданные ради этого народно-церковные „канонисмы“; о сношеніяхъ Константионопольскихъ патріарховъ съ англиканами. Такимъ образомъ получается широкая картина бытовой, религіозной и церковно-общественной жизни православныхъ христіанъ Константионопольской церкви въ теченіе XIX вѣка, охватывающая эту жизнь со всѣхъ сторонъ, радостныхъ и печальныхъ.

Выводъ изъ представленной въ такомъ видѣ жизни и дѣятельности Константинопольскихъ патріарховъ авторъ дѣлаетъ слѣдующій:

„Патріаршая власть ничѣмъ не была обеспечена, не смотря на бораты, сultанскіе раскрытия и народные канонисмы“. И тѣмъ не менѣе, „именно патріархамъ греческій народъ обязанъ тѣмъ, что неизмѣнно хранить чистоту православнаго ученія, владѣть свободой и независимостью въ своей церковно-религіозной жизни, составляеть и нынѣ *status in statu* мусульманскомъ, пользуется свѣтотомъ истиннаго христіанскаго знанія, на основѣ церковности и народности, живеть возможною, при данныхъ виѣшихъ условіяхъ, полнотою гражданско-общественной жизни. Даже малѣ способные и опытные изъ патріарховъ сято хранили традиціи лучшихъ своихъ предшественниковъ и считали долгомъ своего призванія идти по ихъ стопамъ“.— „Патріархи не сами добивались отвѣтственнаго и многотруднаго патріаршаго служенія, „не съ радостью“ вступали на окружный „великими и горькими скорбями“ патріаршій престолъ, но шли на призывъ церкви, исполняли единогласное рѣшеніе и желаніе клира и народа. И обзоръ дѣятельности каждого изъ патріарховъ XIX вѣка показаль, что, дѣйствительно, ихъ служеніе церкви и народу было сплошнымъ подвигомъ; исполнено самоотверженія, тяжелыхъ испытаний, неспрерывной борьбы, „всакихъ скорбей“...

„Почему же Фанарь,—гдѣ пребываетъ первый по чести патріархъ греческаго Востока и сосредоточна вся полнота духовнаго достоинства, христіанскаго величія и нравственной мощи православнаго сближеніза, служить и служить предметомъ властныхъ нападокъ и оскорбительныхъ обвиненій? Почему „фанаріотское“ духовенство и „Фанаріоты“ опозорены, втоптаны въ грязь, считаются виновниками злоупотребленій разнаго рода и нравственной порчи?—Мы полагаемъ, что, кромѣ „узкаго націонализма“, до крайней степени обострившаго отпушонія между Фанаромъ и различными народами (сербами, болгарами, румынами), входившими въ составъ Константинопольской церкви и стремившимися, въ теченіе XIX вѣка, къ приобрѣтенію церковной автокефальности,—злую роль въ опороченіи вселенской патріархіи и въ пресуволиченіи ея недостатковъ сыграли католики и протестанты, эти коварные и систематические враги православной церкви, притягающіе всѣ усилия къ ослабленію слѣдущества, въ интересахъ своей пропаганды. Всякій разъ какъ въ изѣдрахъ Константинопольской церкви возникало національное движеніе, направленное и къ церковному обособленію того или иного народа отъ Константинопольского патріар-

хата, въ дѣло непремѣнно вмѣшивались католики и протестанты, разжигали национальные страсти въ высшей степени и пользовались ожесточеніемъ въ нѣдрахъ православной церкви борьбою для политического и духовного подчиненія себѣ православного востока. Католики и протестанты дѣйствовали, въ данныхъ случаяхъ, съ яснымъ представлениемъ своихъ задачъ и цѣлей и, нужно сказать правду, — съ полнымъ успѣхомъ осуществили свое позорное дѣло: Фанаръ и пинь въ представлении многихъ является источникомъ „мракобѣсія и отсталости“. Но пора восстановить справедливость и понять, что недостатки и злоупотребленія греческаго духовенства преувеличены врагами православія въ высшей степени. Безспорно, они были, но не больше, чѣмъ вездѣ и всегда, и нельзя частные факты возводить на степень общихъ положеній; а затѣмъ, если принять во вниманіе разворачивающее влияніе турецкаго рабства, деспотизъ, корыстолюбіе, произволъ и беззаконіе турецкихъ властей, то многіе изъ недостатковъ и злоупотребленій Фанариотовъ становятся понятными и извилительными. Нѣть, не нападокъ и обвинений заслуживаетъ вселенская патріархія, въ частности со стороны русскихъ, а изумленія предъ самоотверженнымъ подвигомъ кесенія тяжелаго креста, возложеннаго на нее по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла, и возможнаго содѣйствія въ этомъ подвигѣ, во славу православной греко-восточной церкви“ (стр. 690—699).

Такимъ образомъ и второй отдѣль, посвященный обзору жизни и дѣятельности Константинопольскихъ патріарховъ, долженъ послужить, по мысли автора, историческою апологіей всѣми и отовсюду поносимой вселенской Константинопольской патріархіи. Путь избранъ, безспорно, правильный: правдивая, беспристрастная история всегда служила и служитъ лучшимъ оправданіемъ обвиняемаго лица, учрежденія и т. д. Но всецѣло ли соответствуютъ этой задачѣ форма, данная авторомъ своему сочиненію?

Я всецѣло раздѣляю мысль автора, что „дѣятельность каждого (Константинопольского) патріарха есть страница изъ исторіи всей греческой церкви и народа“ подъ турецкимъ владычествомъ; однакожъ, въ изложеніи автора являются многія неудобства, и думаю, что они всецѣло зависятъ именно отъ принятой имъ формы изложенія своего предмета. Показывать въ дѣятельности каждого Константинопольского патріарха страницу изъ исторіи всей греческой церкви и греческаго народа — и, при томъ, показывать ярко, отчетливо, — лучше всего можно въ монографическихъ изслѣдованіяхъ отдѣльно о каждомъ па-

тріархі; между тѣмъ авторъ озаглавилъ свое „изслѣдованіе“ исторіей „Константинопольской церкви въ XIX вѣкѣ“ вообще. Такимъ образомъ, по самому заглавію „изслѣдованія“, общее въ немъ должно господствовать надъ частнымъ; сортировка материала должна соответствовать общему характеру сочиненія; внесеніе многихъ частныхъ біографій, вместо развитія апологетического элемента, вдвинуло въ общеисторической разсказъ тормазъ и, такимъ образомъ, произвело замедленіе, иѣкоторое затмненіе и даже путаницу. Напримѣръ, по вопросу о школьнѣмъ образованіи прилагалъ заботы и дѣлали распоряженія каждый изъ обозрѣвшихъ патріарховъ. При чтеніи ихъ біографій рядъ за рядомъ, одной за другою, никакъ нельзя уловить общей, связующей нити въ исторіи школъ греческой церкви. А такъ какъ иѣкоторые патріархи управляли церковію по два и по три раза, между тѣмъ авторъ описываетъ ихъ патріаршествованія не отдельно, какъ это мы видимъ, напримѣръ, у Гедсона въ его „Патріархії“ тѣже и въ другихъ, подобнаго рода, каталогахъ или спискахъ Константинопольскихъ патріарховъ, а заразъ, большую частью, подъ годами послѣдняго патріаршествованія, а иногда и раньше, то отсюда получается хронологическая спутанность: позднее помѣщается раньше и раньше—позднѣе. Напримѣръ, на стр. 569 читаемъ: „Въ 1853 году, по его (патріарха Германа IV) инициативѣ былъ изданъ второй уставъ Халкинскай богословской школы“. Но доселѣ о первомъ уставѣ еще не было рѣчи; о немъ сообщается лишь на слѣдующей, 570 страницѣ: „27-го мая 1845 года Молстій (III, патріархъ) утвердилъ первый уставъ Халкинскай богословской школы“. Въ другихъ случаяхъ такая хронологическая путаница является на большемъ разстояніи, такъ что совсѣмъ утрачивается соотношеніе описываемыхъ событий. Вообще нужно приложить много труда, чтобы изъ разрозненныхъ сообщеній составить связное и отчетливое представление о историческомъ ходѣ школьнаго дѣла въ Константинопольской патріархіи XIX вѣка. То же самое слѣдуетъ замѣтить и объ остальныхъ изъ помѣчонныхъ выше предметовъ: дѣлахъ брачныхъ, монастыряхъ и монашеской жизни, церковной дисциплинѣ и пр. Что при такомъ изложеніи предметы должны явиться многочисленными повторенія,—это незволительно ожидать само собою. Такъ, напримѣръ, неоднократно встречается одно и то же распоряженіе многихъ патріарховъ,—чтобы въ церквахъ строго держались древняго Византійскаго образа иѣнія и, напротивъ, изгнали бы изъ нихъ новое, заимствованное изъ Европы, четырехголосное пѣніе (стр. 628, 635 и др.), или чтобы

архієрем пребывали въ своихъ епархіяхъ и заботились о своихъ пасомыхъ, а не прѣважали попусту въ Константиноополь и не жили бы здѣсь праздно. То же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ сторонахъ церковно-общественной жизни, затрагиваемыхъ въ очеркахъ жизни и дѣятельности Константинопольскихъ патріарховъ. Отсюда исчезающа явится еще монотонность; внимание читателя скоро притупляется. Вѣдь на пространствѣ 300 страницъ въ сущности приходится читать почти одно и то же, такъ какъ дѣятельность каждого изъ описанныхъ имъ патріарховъ обнимала почти один и тѣ же предметы. Что авторъ пишетъ не анналы, а изслѣдованіе, раздѣленное на отдыши и главы, смотря по характеру матеріи,—это съ несомнѣнностью открывается уже изъ рассматриваемаго первого тома его сочиненія. Но въ такомъ случаѣ весь матеріалъ, втиснутый имъ въ очерки жизни и дѣятельности Константинопольскихъ патріарховъ, весьма легко и удобно можетъ быть расprodѣлить по обычно принятымъ въ церковно-историческихъ изслѣдованіяхъ рубрикамъ: церковное управлениѳ, состояніе просвещенія, культуры, религіозно-правственная жизнь, католическая и протестантская пропаганда, и т. д. И, дѣйствительно, довольно уже представленаго содержания его очерковъ жизни и дѣятельности Константинопольскихъ патріарховъ, чтобы видѣть, что большая часть сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній относится къ управлению церкви, въ исторіи школъ и вообще просвѣщенія, къ культу. Думается, что при такомъ изложеніи предмета были бы устранины повторенія и монотонность, картина церковной и религіозно-правственной жизни христіанъ Константинопольской патріархіи получилась бы ярко, полно и отчетливо, и сами выдающіеся патріархи явились бы въ нескрываемой свѣтѣ. Историческая апология Константинопольской церкви могла бы только отъ этого выиграть.

Между заявленіями автора въ началѣ предложенныхъ имъ „очерковъ“, что въ Константинопольской патріархіи „была сосредоточена великая духовная сила церкви Христовой, объединявшая живымъ союзомъ вѣры православной всѣхъ турецкихъ христіанъ и служившая самымъ убѣдительнымъ свидѣтельствомъ ихъ братского единомыслия и солидарности“ (стр. 407), и въ концѣ, что отношения между Фанаромъ и различными народностями, входившими прежде въ составъ Константинопольской церкви: сербами, болгарами и румынами, обострились до крайней степени (стр. 692),—лежитъ пропасть, которая ничемъ не наполнена авторомъ. Читатель въ правѣ спросить, какимъ же образомъ братское единеніе вдругъ превратилось въ фанатически-

враждебное объяснение? Правда, авторъ здѣсь же замѣчаетъ, что, кромѣ „узкаго націонализма“, всяческому „опороченію вселенской патріархіи“ содѣствовала еще всегда враждебная православной церкви пропаганда западныхъ еретиковъ: католиковъ и протестантовъ. Но 1) „узкій націонализмъ“—не коренное учение, а есть съѣдствіе иного ложнаго учения, лежащаго въ основе его; 2) не понятно, какимъ образомъ православно вѣрующіе христіане вдругъ стали слушаться враждебныхъ православію пропагандистовъ: вѣдь пропаганда католиковъ и протестантовъ явилась по съ XIX столѣтіи, и, наконецъ, 3) это указаніе автора не вытекаетъ изъ прошестіющей изложениіи его „очерковъ“; оно является пристегнутымъ отвѣтъ. Къ этому нужно прибавить еще то, что походъ противъ Константинопольской патріархіи открыли элладскіе греки (см. стр. 527), иъ которымъ уже никакъ нельзя приложить „узкій націонализмъ“ въ объясненіе враждебныхъ отклоненій ихъ къ своей матери-церкви, и что сербы, болгары и румыны питаютъ фанатическую ненависть не только къ Константинопольской патріархіи, но еще къ Россіи и взаимно другъ къ другу¹⁾. Откуда же и какъ появилось все это?

Здѣсь приходится отмѣтить то же, что я старался выяснить при разборѣ „вступленія“ и „второго отдѣла“ рассматриваемаго труда почтеннаго профессора И. И. Соколова: отсутствіе въ его книгѣ очерка ознакомленія, какъ греко-ъ, такъ равно и сербовъ, болгаръ, румыновъ, съ западными рационалистическими и либеральными теченіями, носящими хулу и ненависть къ христіанской церкви—въ особенности же къ православной церкви съ опредѣленно выражившимъ догматическими ученіемъ—въ самахъ себѣ, въ свойствахъ своей природы. Со второй половины XVIII вѣка и греки, и румыны, и остальная изъ указанныхъ народностей участили свои путешествія въ западную Европу, съ жаждостию всыпывали получившія здѣсь господство либерально-рационалистическая тенденціи, переносили ихъ въ свое отчество и съ фанатизмомъ прозелитовъ старались укоренить ихъ здѣсь и перекроить по нимъ вѣкамъ сложившуюся жизнь своихъ соотечественниковъ. У такихъ лицъ и „узкій націонализмъ“, и западные пропагандисты получаютъ свое значение. Да, въ сущности, они сами—пропагандисты

¹⁾ Фанатическую ненависть сербовъ, болгаръ, румыновъ и элладскихъ грековъ къ Россіи и между собою весьма картина представляетъ извѣстный въ славянской мірѣ политический дѣятель и публицистъ хорватъ Степанъ Радичъ. См. Мирный трудъ 1904, научно-литературное изд. въ Харьковѣ, № 7, стр. 136—139; см. Pichler, Al., оп. сіт., В. II, S. 395—306.

западныхъ ученій,—фанатичные, ярые и тѣмъ болѣе опасные, что они—изъ своихъ. Это съ наглядностью открывается на нашихъ собственныхъ либералахъ, съ враждою и ненавистью относящихся къ православію, а съ нимъ—и къ самой „старой“ Россіи, сложившейся по православію. Авторъ дѣлаетъ по мѣстамъ указанія на борьбу патріарховъ съ либеральными и националистическими течениями, но эти указанія его отрывочны, стоять вѣвъ связи и отъ того какъ бы проскальзываютъ. Либеральные насаждители европейской культуры стремились овладѣть школой и чрезъ нее создать новое поколѣніе по западноевропейскому фасону, Константинопольские патріархи всемѣрно старались оградить школу отъ растлѣвающихъ ее либеральныхъ учителей. Какъ на выдающейся примѣрѣ этого рода, авторъ указываетъ на патріарха Григорія V и приводить содержаніе окружного посланія его ко всему духовенству и народу отъ 1819 года. Изъ этого посланія авторъ дѣлаетъ такой выводъ, что „патріархъ Григорій стремился дать народнымъ греческимъ школамъ церковно-богословское и національно-патріотическое направление“ (стр. 492—494). Этотъ выводъ не обнимаетъ содержанія посланія: и либеральные ревнители европейской культуры имѣли „национально-патріотическое направление“. Въ чемъ же разница? Либеральные учителя оказывали пренебреженіе къ уставамъ церкви и все упоминавшее свое возлагали на физико-математическая науки, преподаваемыя на современномъ народномъ ново-греческомъ языкѣ; патріархъ Григорій, напротивъ, стремился пріучить юношество къ точному соблюдению уставовъ церкви и дать ему богословско-философское образованіе, для чего знаніе древняго греческаго языка является какъ sine qua non. Такимъ образомъ мы видимъ заѣсь то, что замѣчается и у нашихъ либераловъ въ ихъ стремленіи низвергнуть установленіе по православію порядокъ. Каждый истинно православный іерархъ есть непромѣнило и народолюбецъ, но тѣмъ не менѣе ему совершенно чужда покоящаяся на принципахъ либерализма националистическая идея. Разность националистическихъ стремленій либераловъ отъ народолюбія православныхъ іерарховъ нужно отличать и имѣть постоянно въ виду. Эта разность особенно ярко выступила при отторженіи отъ юрисдикціи Константинопольского патріарха элладскихъ грековъ, сербовъ, румыновъ и болгаръ.

Авторъ упоминаетъ обѣ отложенія отъ юрисдикціи Константинопольского патріарха всѣхъ означепыхъ народностей—и элладскихъ грековъ, и сербовъ, и румыновъ, и болгаръ, но о причинахъ этого отложенія, о главномъ движущемъ мотивѣ его не говорить. Между тѣмъ от-

ложение этихъ народностей отъ власти Константинопольского патріарха, за исключениемъ сербовъ (оны вели себя сравнительно корректно), произошло путемъ революционнымъ, вслѣдствіе проникновенія въ среду ихъ съ запада подъ знаменемъ „просвѣщенія“ разныхъ рационалистическихъ идей и тѣсно связанныхъ съ ними, всюду возникшихъ и также революционнымъ способомъ проявившихъ себя, национальныхъ, или—вѣриѣ—националистическихъ, движений. Самы творцы отторженія снархії элладскихъ, румынскихъ и болгарскихъ отъ Константинопольской патріархіи зѣвили, что въ дѣйствительности и церковь элладская, и церковь румынская, и церковь болгарская никогда не подчинялись Константинопольской церкви, всегда были автокофальны, и потому онѣ не отторгаются отъ нея, а только восстанавливаютъ свои древлія каноническія права. Такая постановка вопроса обазывала автора опредѣлить границы Константинопольской патріархіи въ началь избралиаго имъ для изслѣдованія XIX вѣка, съ указаніемъ каноничности или неканоничности юрисдикціи ся патріарха въ этихъ предѣлахъ. У автора иѣтъ этого ии во вступительной части его сочиненія, ии въ первомъ отдѣлѣ, ии въ разсмотреніемъ второмъ, ии въ третьемъ, какъ увидимъ, отдѣлѣ его труда. Кромѣ того, со временемъ пѣнія Константиона турками патріархъ Константинопольский не только остался верховнымъ главою помѣстной церкви, но еще юніархомъ, или, какъ порѣдко называютъ ого самъ вытуръ, василовсомъ всесо православнаго народа подъ турецкимъ владѣльствомъ. Какъ юніархъ или василовъ, онъ имѣть вліяніе па всѣхъ христіанъ турецкой имперіи; какъ духовный глава, онъ управляетъ только своею церковью. Поэтому, для болѣе яснаго представленія дѣла, точное указаніе границъ его власти, какъ главы церкви, является не только весьма важнымъ, но прямо необходимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно трактовать о предметѣ, если онъ предварительно не будетъ выдѣлентъ—съ возможною точностью и опредѣлительностью—отъ другихъ предметовъ?..

На стр.¹ 653—657 авторъ знакомить читателя съ „замѣчательнымъ докладомъ“ (отбортца) патріарха Іоакима III, прочитаннымъ имъ въ церковно-народномъ собраніи 12-го января 1879 года. Патріархъ Іоакимъ раздѣлилъ всю исторію православной церкви Востока со временемъ завоеванія Константиона турками на три периода. Первый периодъ обнимаетъ время отъ 1453 г. до 1828 г. или 1830 г. „Это была эпоха иссчастій и слезъ, когда вѣрные сыны православной церкви только въ храмѣ, въ молитвахъ къ Богу, могли изливать свое

горе и находить утешение и облегчение отъ переносимых ими бѣдствій".— Второй періодъ продолжался съ 1830 до 1860 года и можетъ быть названъ временемъ пѣкотораго облегченія въ соціально-политическомъ положеніи греческаго народа; тогда возникла надежда на улучшеніе народнаго быта и были предприняты пѣкоторыя мѣры, направленные къ подъему національного самосознанія и къ возвышению просвѣтительного и нравственнаго уровня въ средѣ духовенства и народа. Но господствовавшій сице въ сердцахъ грековъ страхъ, внушенный систематическими ужасами прошлаго, дурные обычай и привычки, царившіе въ обществѣ, недостатокъ просвѣщенія, измѣненные интересы, увлекавшіе пѣкоторыхъ руководителей народа, и другія ненормальные явленія въ общественной жизни совершили разрушали добрые плоды благихъ намѣреній и парализовали благотворное вліяніе возрожденія, такъ что и въ это время греки продолжали стонать и плакать, подъ воздействиемъ почальныхъ условий своего положенія. Третья эпоха, простирающаяся съ 1860 года до настоящаго времени (1879 г.), можетъ быть названа благопріятной, сравнительно съ первыми двумя, но, однако, въ сущности она печальна, тяжела и полна несчастій разнаго рода, при чемъ главною причиной этого являются не столько вѣшнія обстоятельства, сколько внутреннія, именно — неразуміе народныхъ совсѣмъ. Возрожденіе просвѣщенія въ священномъ клире и народѣ, духъ времени и политическая обстоятельства побудили руководителей церкви и народа заняться реформою церковнаго управления. Полагали, что въ этомъ заключается залогъ будущаго благонамучія въ этомъ упованіи создали законоположеніе, измѣнившее прежній церковный строй. Однако, дѣйствительность показала, что вместо добра реформа церковнаго управления принесла одно зло, и современное печальное состояніе церкви и народа является прямымъ послѣдствіемъ этой реформы. Но хорошо уже одно то, что теперь явилось сознаніе ошибокъ и понята главная причина несчастій: прошлое миновало, а теперь нужно заняться устраненіемъ ненормальностей въ церковно-общественномъ строѣ. Теперь не время представителямъ церкви и народа взаимно обвинять другъ друга въ нарушеніи прежняго церковнаго порядка и считать главными виновниками реформъ то тѣхъ, то другихъ. Несомнѣнно, каждая изъ этихъ сторонъ имѣла въ виду принести церкви и народу пользу, но невѣдѣніе прошлыхъ судебъ народа, непониманіе современныхъ его задачъ, безразличное отношеніе къ его нуждамъ и потребностямъ,—все это привело только къ извращенію старыхъ

завѣтовъ и поколебало древніе устои церкви. Дѣло отчасти можно исправить тѣмъ, что каждая сторона будетъ строго держаться своего назначения. Священныи клиръ Великой церкви долженъ знать, что его назначение самое высокое и важное и касается служенія религіознаго, общественнаго, нравственнаго во всемъ православиомъ мірѣ. Міряне должны понять, что пересаживаніе чужого въ ограду церкви, неумѣренное вмѣшательство въ церковныи дѣла, ослабленіе центра (патріархіи) и служителей его, которые спасли православіе и православный народъ, униженіе священныихъ его достоинствъ, раздробленіе его силъ и отвлеченіе его вниманія на другія задачи—служить причиной его ослабленія и потери обаянія, имъ внушаемаго, и оросла, его окружающаго; они должны также уразумѣть, что укрѣпленіе этого главнаго центра посредствомъ совѣтской дѣятельности и разумнаго содѣйствія можетъ только принести всемъ пользу. Когда, при Божій помощи, въ той и другой средѣ будутъ господствовать эти начала, церковь приобрѣтетъ славу и величіе", и пр.

Очень жаль, что ознакомленіе съ этимъ „замѣчательнымъ доказательствомъ“ авторъ сдѣлалъ не посредствомъ буквальныx характерныхъ выдержекъ изъ него, а透过 передачу его содержания отъ себя. Но и въ такомъ видѣ изъ него съ несомнѣнностью открывается: 1) вѣнѣніе положеніе православныхъ христіанъ, какъ греческаго племени, такъ и другихъ народностей, входящихъ въ составъ турецкой имперіи, не было такъ силою тяжело, какъ это старается представить авторъ. Сынъ тѣйшій патріархъ Іоакимъ III прямо свидѣтельствуетъ, что съ 1828 года наступило сравнительное облегченіе рабіи, и, какъ мы видѣли, авторъ самъ въ заключительныхъ словахъ разбираемаго отдѣла сочиненія своего нашолся вынужденнымъ сдѣлать уступку относительно этого, хотя нерѣшительную и стоящую вѣдѣ связи съ цѣлью. Свидѣтельство Іоакима III, поставленнаго въ связь съ выше-приведеннымъ свидѣтельствомъ патріарха Софронія III и находящагося при немъ синода, получастъ, для определенія истиннаго положенія православныхъ христіанъ въ Турціи, особенное значеніе и ягиоровать его наследователю Константинопольской патріархіи въ турецкій періодъ съ исторіей никономъ образомъ не слѣдуетъ.—2) Тяжкое положеніе христіанъ въ Турціи съ 1828 года зависѣть не столько отъ турокъ, сколько отъ самихъ христіанъ, отъ ихъ неразумныхъ стремлений къ реформамъ по господствующимъ на иновѣрию западѣ ученіямъ. Авторъ всовываетъ здѣсь, между мыслями патріарха Іоакима III, свое излюбленное мнѣніе относительно зловредности тур-

рокъ: „Главнымъ образомъ (прибавляетъ онъ отъ себя) коварство турецкаго правительства, хитрость и интриганство турецкой дипломатии, сумѣвшей обойти на Парижскомъ конгрессѣ 1856 года дипломатовъ европейскихъ и внушить имъ увѣренность въ спасительномъ значеніи хатти-хумайюна того же года, который, однако, остался только на бумагѣ и не сообщилъ христіанамъ ни малѣйшей доли своей цѣлебной силы“,—вотъ что „привело къ извращенію старыхъ завѣтovъ и поколебало древніе устои церкви“ (стр. 654). Эти внушенія автора совсѣмъ не вѣжутся съ ходомъ мыслей „замѣчательнаго доклада“ патріарха Іоакима III. Вонрески автору, патріархъ настороживо увѣряетъ, что главною причиной потрясеній церковныхъ дѣлъ служитъ „пересаживание чужого въ ограду церкви“, неумѣренное вмѣшательство мірянъ въ дѣла церковныя, ослабленіе ими, подъ видомъ реформъ согласно ученіямъ Запада, самаго центра церковной жизни—патріархіи и ея служителей. Эти-то реформы по требованію ученій и новѣриаго Запада въ связи съ первѣдніемъ прошлыхъ судебъ церкви и испониманіемъ истинныхъ нуждъ народа и привели къ извращенію старыхъ завѣтovъ и потрясенію древнихъ устоевъ церкви. Ссылка на хитрость турокъ совсѣмъ напрасна. Изъ протоколовъ Парижскаго конгресса съ несомнѣнностью открывается, что хояевами на конгрессѣ были Англія и Франція, именно—ихъ дипломаты; представители же Турціи играли на немъ безпримѣро жалкую роль,—болѣе жалкую, чѣмъ представители побѣдившій Россіи. И хатти-хумайюнъ состоялся не Турцией, а представителями Англіи и Франціи. Онъ навязалъ Турціи этими державами,—навязанъ насилиственno, съ по-ложемъ, приставленнымъ сї къ горлу. Но существу своему онъ враждебенъ принципамъ мусульманства, какъ не согласуется онъ и съ началами православія. Посему неудивительно, что какъ турецкое правительство, такъ и патріархія отнеслись къ нему не особенно сочувственно. Объ этомъ и уже замѣчалъ и теперь приходится еще разъ замѣтить.—3) Раздѣленіе исторіи Восточной церкви подъ властью турокъ на три періода заслуживаетъ вниманія. Авторъ могъ воспользоваться этимъ дѣленіемъ для своего изслѣдовавія. Патріархъ Іоакимъ III за исходный пунктъ для дѣленія исторіи Восточной церкви въ турецкихъ владѣніяхъ на періоды принялъ виѣшнее положеніе христіанъ въ зависимости отъ реформъ, производимыхъ турецкимъ правительствомъ въ государственномъ строѣ Турціи подъ давленіемъ Европейскихъ державъ. Съ этимъ дѣленіемъ весьма легко можно соединить и дѣление по внутреннему ходу событий Константинопольской

церкви. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи 1860 годъ, по справедливости, долженъ быть признанъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи внутренняго строя Константинопольской церкви. А таъль какъ хатти-гумайонъ 1856 года занимаетъ въ отношеніи къ реформамъ, предпринимавшимъся въ гражданско-государственномъ строѣ Турецкой имперіи, центральное мѣсто, такъ что бывшія до него реформы составляютъ только какъ бы подготовительныя къ нему ступени, а слѣдующія затѣмъ какъ бы изъ него вытекаютъ, то дѣленіе по вышенному состоянію Константинопольской церкви въ XIX вѣкѣ будетъ вполнѣ совпадать съ дѣлениемъ и по внутреннему ся состоянію, и 1856 годъ долженъ быть признанъ раздѣльною линіей періодовъ до него и послѣ него. Такое дѣленіе, по моему мнѣнію, предложило бы автору большія удобства для его изслѣдованія.—4) Изъ содержанія „замѣчательнаго доклада“ патріарха Іоакима III съ несомнѣнностью открывается, что онъ, по существу своему, всецѣло относится къ исторіи устройства Константинопольской церкви. Тамъ бы ему и слѣдовало отнести мѣсто. Свѣтскіе „реформаторы“, опираясь на хатти-гумайонъ, стремились перевернуть все вверхъ дномъ, старались построить на новыхъ началахъ „цивилизациіи и прогресса“ весь внутренній строй Константинопольской церкви. Въ результатѣ вышло великое зло. Докладъ патріарха Іоакима III составляетъ роликю дѣяній спропойствующихъ реформаторовъ. А это уже указываетъ на его мѣсто и значеніе именно въ исторіи устройства Константинопольской церкви.

IV.

Обзору устройства и управліенія церкви Константинопольской XIX вѣка посвященъ „отдѣльный третій“. Онъ состоитъ изъ двухъ главъ. Въ первой главѣ излагается устройство управліенія Константинопольской церкви въ первой половинѣ XIX вѣка и преобразованіе его по началамъ хатти-гумайона 1856 года. Ходъ мыслей таковъ.—Заявивъ предварительно, что во главѣ Константинопольской церкви стоитъ архиепископъ Нового Рима и вселенскій патріархъ, авторъ тотчасъ же приводить—большею частью текстуально—содержаніе берата отъ 1860 года, данного патріарху Іоакиму II (1860—1863), но должностнующаго, по мысли автора, охарактеризовать юридическое положеніе всѣхъ вообще Константинопольскихъ патріарховъ и управляемой ими церкви въ мусульманскомъ государствѣ, начиная съ Гениадія Схолияра до избрания на патріаршій тронъ патріарха Самуила и слѣдую-

щихъ за нимъ, при чёмъ онъ освѣщаетъ содержаніе берата еще другими сultанскими постановленіями, явившимися по потребностямъ времени (стр. 694—710); вслѣдъ за этимъ онъ излагаетъ реформу патріарха Самуила, котъ естественно вытекающую изъ предшествующей исторіи управления Константинопольской церкви, дѣлаетъ ея оцѣнку и слѣдить за ея судбою до 1857 года, съ указаніемъ попытокъ ввести иѣкоторыя, вызываемыя потребностями времени, реформы въ ней (стр. 710—716). Все это должно служить какъ бы введеніемъ къ исторіи реформы по началамъ хатти-гумайона 1856 г. Исторію эту авторъ открываетъ изложениемъ „руководственныхъ указаний“ со стороны Порты для предполагаемой церковной реформы согласно требованіямъ хатти-гумайона и затѣмъ описываетъ самую реформу, со всѣми ся перипетіями въ течепіе бурныхъ 1858—1860 годовъ, до выработки новыхъ „канонисмовъ“ церковнаго и церковно-гражданскаго управлопія (стр. 716—757).

Во второй главѣ излагается устройство управления Константинопольской церковью на основаніи „общихъ канонисмовъ“, выработанныхъ въ означенный промежутокъ 1858—1860 годовъ, съ дополнительными къ нимъ, выработанными во второй половинѣ XIX вѣка, „уставами“. Въ частности, здѣсь авторъ приводить, большою частью въ буквальномъ переводе, 1) „общіе уставы обѣ управления церковными и народными дѣлами находящихся подъ властью вселенского престола христіанъ, подданныхъ его величества сultана“, именно: а) „уставъ обѣ избраліи и назначенія патріарха“ (стр. 758—762); б) „уставъ обѣ устройства свящ. синода“ (стр. 762—768); в) „уставъ народного постояннаго съѣзжанаго совѣта“ (стр. 768—772); г) „уставъ о необходимыхъ качествахъ избираемыхъ на архиерейство и о способѣ избрания ихъ“ (стр. 772—773), и д) „уставъ о содержаніи вселенского патріарха“ (стр. 773—774). Представивъ краткій анализъ этихъ „уставовъ“, авторъ находитъ ихъ сравнительно беззредчными, особенно относительно догматовъ вѣры (стр. 774—782).—2) За „общими уставами“ слѣдуетъ изложеніе уставовъ вспомогательныхъ при патріархѣ учрежденій, явившихся во второй половинѣ XIX вѣка въ качествѣ корректива къ означенному общимъ уставамъ, характеризующимъ высшія правительственные инстанція. Къ вспомогательнымъ учрежденіямъ, представляющимъ „второстепенные органы патріаршаго управления церкви Константинопольской“, относятся: а) „патріаршая центральная церковная епітропія“ (стр. 782—788); б) „патріаршая центральная педагогическая епітропія“ (стр. 788—789);

в) „епитропія архієрейськихъ имуществъ“ (стр. 790); г) епітрапія: контрольная, особая, совѣщательная, по завѣданью патріаршой ризницей и библиотекою, по наблюдению за богословскою школою на о. Халики и за волникою народною школой въ столицѣ, по изданию патріаршаго журнала „Еххлѣгастикѣ „Алѣѣвіа“ и др. (стр. 790—791); д) „церковный судъ“ (791); е) нотаріальная контора; ж) Оттоманская канцелярия, и з) штатъ различныхъ чиновниковъ при патріархѣ духовнаго и свѣтскаго званія (стр. 792—798). Въ заключеніе излагается исторія устройства приходовъ и приходскаго духовенства. Для освѣщенія ся приведены: а) „общій уставъ епітрапії святыхъ церкви и учебныхъ заведеній въ Константинопольѣ“, утвержденный патріархомъ Софоніемъ III въ октябрѣ 1864 года; б) новый „общій уставъ о святыхъ храмахъ въ Константинопольѣ“, изданный патріархомъ Григоріемъ VI въ 1868 году; в) „уставъ о мухтарахъ Константинопольскихъ приходовъ“, изданный патріархомъ Іоакимомъ III въ 1880 г.; г) „уставъ приходскаго клира“, введеній въ Константинопольской патріархіи съ 1-го января 1881 года; д) „уставъ приходовъ Константинопольской архіепископії“, изданный въ 1899 году; е) „уставъ столичной общины церковниковъ“ (ческоро), изданный въ 1899 году, и, наконецъ, ж) „общій уставъ Константинопольскихъ школъ Константинопольской архіепископії“, изданный въ 1897 году (стр. 798—813).

Безспорно, устройство управлінія Константинопольской церкви,—именно, вопросъ о томъ, оставить ли это церковное устройство въ прежнемъ видѣ, или же слѣдуетъ его реформировать и, тогда, по какимъ начальамъ, какимъ именно образомъ,—составляетъ центръ тяжести всей исторіи Константинопольской церкви XIX столѣтія. Положение дѣль въ смыслѣ реформы въ церковномъ управлениі проф. И. И. Соколовъ рисуетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Алчность епископовъ и геронтовъ-ефоровъ вывела, наконецъ, изъ терпѣнія духовенство и народъ, которые и приносили систематическая на нихъ жалобы въ Порту“ (стр. 716). „Сильные міра Ромейского (oi bovatoi tōb ź̄matai kōsmou) вполнѣ сочувствовали реформѣ, такъ какъ расчитали (расчитывали?) достигнуть, при коварномъ содѣйствіи Порты и Западныхъ дипломатовъ, участія въ церковно-общественной администраціи и пріобрѣсти вліяніе на дѣла своего народа. Самъ народъ, въ лицѣ своихъ представителей, выразилъ желаніе свергнуть экономическое иго геронтовъ и архіереевъ. Далѣе, геронты не желали рѣшительно никакой реформы, потому что она грозила уничтоженіемъ ихъ привилегированного положе-

жонія. Въ свою очередь, єпархіальныи архієреи враждебно били пас-
трононы по отношению къ геронтамъ-ефорамъ и желали искорененія
ихъ возмутительныхъ злоупотреблений. А митрополитъ Аргскій Софро-
ній, однѣ изъ просвѣщеннѣйшихъ и вліятельныхъ греческихъ іерар-
ховъ, утверждалъ, что реформа „не хочетъ ничего измѣнить и не
желаетъ нововведеній“, но имѣеть въ виду „уничтожить злоупотре-
бленія и привести къ примиренію всѣ племена, исповѣдующія право-
славіе въ Турції“. Такъ смотрѣли на дѣло и другіе благоразумныи
греческии іерархи, съ патріархомъ Кирилломъ VII во главѣ, и пр.
(стр. 721). Итакъ, реформа желательна для всѣхъ: и „сильныхъ“ міра
Ромейскаго“, и народа, и „благоразумныхъ“ греческихъ архієреевъ
съ патріархомъ во главѣ,—и по существу своему она не желаетъ
никакихъ нововведеній, но имѣеть въ виду только уничтожить зло-
употребленія и примирить между собою всѣ племена, исповѣдывающія
православіе въ Турції. Рѣшительными противниками реформы являютъ
только геронты, и то потому, что она, эта реформа, грозила уничто-
женіемъ ихъ привилегированаго положенія. Правда ли все это?
Дѣйствительно ли только властолюбіе заставляло геронтовъ быть
противниками вводимой реформы? Дѣйствительно ли предпринимаемая
реформа, по своему существу, не представляла никакой опасности
догматическимъ и каноническимъ принципамъ православія? Точно ли
вѣрно, что она, по своей природѣ, способна была примирить начав-
шія враждовать между собою православныи племена въ Турецкой
имперіи? Авторъ, опираясь на многочисленныи публагопріятныи отзывы
о геронтахъ нашего великаго іерарха, митрополита Московскаго Фи-
ларета, видить въ геронтахъ главное зло и на нихъ по пренимущес-
тву обрушивается (с. стр. 710, 734—739, 746). Я позволяю себѣ
не согласиться съ почтеннымъ профессоромъ, и ходъ событий, какъ и
общее положеніе дѣль, представляю чѣсколько иначе, чѣмъ
почтенный профессоръ И. И. Соколовъ.

Для характеристики положенія Константинопольскихъ патріарховъ
въ предѣлахъ мусульманскаго турецкаго государства до реформы
1858—1860 годовъ авторъ приводить бератъ, выданный въ 1860 году
патріарху Іоакиму II, выбранному на патріаршій тронъ уже по
совершеніи реформы, согласно вновь установленнымъ правиламъ
(стр. 695—704). Это не представляется удобнымъ. Въ бератѣ 1860 года
встрѣчаются постановленія, которые обусловлены именно реформою
1858—1860 годовъ и совсѣмъ не характерны для положенія патріар-
ховъ и управляемой ими церкви до этой реформы. Напримеръ, въ

берать 1860 года мы читаемъ: „Пусть онъ (патріархъ), какъ и прежде, пребываетъ... пожизненнымъ патріархомъ“; „сань митрополита, архиепископа или епископа предоставляется лишь по свидѣтельству, подтвержденному печатью патріарха и синода, а чужестранцы не удостоиваются этого званія“, „никто изъ принадлежащихъ къ греческому народу ниѣть не принуждается къ принятію ислама“. Эти и другія подобныя установления берата (1860 г.) чужды древнимъ бератамъ и являются слѣдствіемъ уже послѣднихъ реформаторскихъ дѣяній Порты. Было бы болѣе соответственно дѣлу, еслибы авторъ привелъ бератъ, помѣщенный у *D'Ohsson'a*, въ его *Tableau g neral de l'empire ottoman*; все же онъ характеризовалъ бы положеніе патріарховъ и управляемой ими церкви со времени реформы патріарха Самуила до реформы 60-хъ годовъ XIX вѣка по началамъ либерального хатти-гуайяна.

По берату, данному султаномъ Магометомъ II первому, по за-воеваніи Константина Поля турками, патріарху Геннадию Схоларію, новый патріархъ долженъ быть избираемъ живущими близъ столицы митрополитами Ираклийскимъ, Кизическимъ, Никомидійскимъ, Никейскимъ и Халкедонскимъ, съ присовокупленіемъ къ нимъ еще тѣхъ митрополитовъ, которые на этотъ разъ находятся въ Константино-полѣ¹⁾). Но это, очевидно, было не постоянный синодъ, но составлялся только *ad hoc*, на определенный случай. Что произошло по-томъ, извѣстно: изогрѣйшася купля-продажа патріаршаго трона, гро-зящая его уничтоженіемъ. Такъ въ 1580 году султанъ Мурадъ III пригрозилъ двумъ борющимся между собою искателямъ патріаршаго трона, что если они не успокоятся, то онъ уничтожить патріархатъ²⁾). Спустя сто лѣтъ, въ 1671 году, великий визирь принялъ новаго патріарха Діонисія и его клиру съ слѣдующими словами: „вы— сокиры безъ вѣры и закона, долго ли еще будуть господствовать между вами раздоры, несогласія и зависть? Когда вы перестанете

¹⁾ Буквально это хѣсто берата Магомета II гласитъ слѣдующее: "Οταν ἡθελε χρησότε ή πατριαρχεία καὶ ἡθελεν ἐκλεγθῆ εἰς τῶν μητροπολιτῶν κατὰ τὸν θρησκευτικὸν κανόνα πατριάρχη, κανὴ γνώμη τῶν τε πληρίου καὶ πέρι τῆς Βασιλεούστης ὅντων Μητροπολιτῶν Ἡρακλείας Κυζίκου Νικαιας Νικομήδειας καὶ Χαλκηδόνος καὶ τοῦ λοιποῦ ἐν Κωνσταντινοπόλει εὐρυσκομένου ἀθροίσματος τῶν μητροπολιτῶν, ἐπειδὴ ἐπεκράτησε νὰ δῆμηται η πατριαρχεία εἰς ἐπείνου τῶν ὅποιον ἔξελόντο, αὐτὴ πάλι η ίδια τάξις νὰ ξατήργηται. Цит. у *C. N. Pischon'a, Verfassung der griechisch-orthodoxen Kirche in der Türkei*, въ *Studien und Kritiken*. Gotha 1864, S. 287.

²⁾ *Negociations de la France*, III, 897: où ils ne demeureront en repos, prendre le patriarchat, église et palais.

преслѣдоватъ другъ друга? Если въ теченіе шести мѣсяцевъ я услышу отъ васъ что-либо подобное, я всѣхъ васъ прикажу умертвить¹⁾). Шведскій посланникъ, Павелъ Страсбургъ, котораго Густавъ Адольфъ послалъ въ Константинополь изъ Германіи, извѣщающій, что раздача всѣхъ должностей находилась въ рукахъ евнуховъ, сultанскихъ женщинъ и царедворцевъ, благоволеніе которыхъ можно было снискать только чрезмѣрными подарками²⁾). Реформа церковнаго управления, произведенная патріархомъ Самуиломъ (1763—1768), имѣла цѣлью именно уничтожить это зло, грозящее гибелю самого патріархата. Самуилъ учредилъ постоянный синодъ, въ составѣ котораго вошли означенные пять ближайшихъ къ Константинополю митрополитовъ, къ которымъ въ послѣдствіи присоединены были еще три митрополита. Всѣ эти митрополиты были не смѣнимы и получили почетное названіе геронтовъ (старцевъ). Удалить ихъ изъ Константинополя не могъ ни патріархъ безъ особаго сultанскаго поволѣнія, ия самъ сultантъ безъ нарочитаго доклада патріарха. Теперь, какъ поставленіе, такъ равно и низложеніе патріарховъ зависѣло единственно отъ синода. Печать синодальная была составная, и это для того, чтобы рѣшеніе важнѣйшихъ дѣлъ обезопасить отъ произвола. Патріархъ владѣлъ только четвертою частью печати, а остальные раздѣлены были между геронтами; посему требовалось общее согласіе, чтобы дать дѣлу законный ходъ. Въ послѣдствіи и самое заливданіе спархіями патріархата раздѣлено было между геронтами: явились єфории. Каждый геронть-єфоръ вѣдалъ определенію частью спархій, ихъ представляли въ синодѣ и о нихъ ходатайствовали. Такимъ образомъ правительенному положенію патріархата дана устойчивость: геронты—постоянныя члены постояннаго синода—уподобляются, въ некоторомъ родѣ, кардиналамъ Римской куріи при папѣ; теперь геронты по преимуществу явились носителями традицій Константинопольской церкви. Однакожъ эту параллель сгѣдуется относить именно только къ созданной теперь правительеннной устойчивости патріархата; но самыя традиціи и ученія, хранимыя Константинопольскою церковью, не возможно ставить въ параллель съ традиціями и ученіями Римской куріи: это было бы величайшою погрѣшностью противъ исторіи³⁾.

¹⁾ *De la Croix, Etat pr  sent des nations et de l'  glise grecque.* Paris 1715, p. 118.

²⁾ См. *Relatio de Byzantino itinere ap. Mieg, Monumenta II, 220.* Цит. у *Picker'a, A., Gesch. der kirchl. Trenn. zw. dem Or. und. Occid. B. I, S. 483.*

³⁾ *Silbernagl, Is. Verfassung und gegenw  rtiger Bestand s  mtlicher Kirchen des*

На дальнѣйшее положеніе высшой Константинопольской юрархіи, въ частности — геронтовъ, несмѣляемыхъ членовъ патріаршаго постояннаго синода, въ высокой мѣрѣ повлияло греческое возстаніе 1821 года. Это возстаніе — довольно сложное явленіе. Въ основѣ его, конечно, лежало тяжкое положеніе православныхъ христіанъ въ Турецкой имперіи; но движущимъ первомъ взыяніемъ за оружіе „борцовъ за свободу“, несомнѣнно, были тѣ освободительныи идеи, которыи разлиты французскою революціей по всей Европѣ и съ которыми начали знакомиться турецкіе греки еще съ половины XVIII вѣка. Патріархъ Григорій V хотя и издалъ страшную отлучительную грамату на инсургентовъ, но тѣмъ не менѣе былъ заподозренъ въ союзѣ съ ними и — повѣшенъ. Теперь, чтобы избежать оградить себя отъ революціонныхъ элементовъ со стороны христіанъ, турецкое правительство обязало преснниковъ Григорія V слѣдить, подъ страхомъ тяжайшей ответственности, за беззаконіями въ патріархатѣ элементами и съ этой цѣлью расширило политическія права Константинопольской юрархіи, даровало ей проскрипціонное право. Получилась такая система: патріархъ съ синодомъ отвѣтствовалъ за подчиненныхъ ему архіероевъ, архіереи — за подвѣдомую ему настѣнѣ; тѣ и другіе получили право арестовывать виновныхъ личностей, заключать ихъ въ тюрьму и подвергать разнымъ тяжкимъ наказаніямъ. Какое, при этомъ, имѣть значеніе геронтизмъ съ принадлежащими ему сферствомъ, — это понятно само собою и не требуется дальнѣйшихъ разъясненій.

Между тѣмъ, почти тотчасъ же послѣ возстанія, обнаружилось, что лица, набравшіяся западныхъ либерально-революціонныхъ идеи, въ одинаковой мѣрѣ являютъ себя враждебными, какъ къ турецкому правительству, такъ равно и къ самой православной церкви. Это проще всего открылось въ самовольномъ антиканоническомъ отторженіи элладской церкви отъ юрисдикціи Константинопольскаго патріарха и устройствѣ ея по канонамъ православной церкви, а въ духѣ либеральныхъ, протестантско-раціоналистическихъ идеи запада. Не замедила и въ самомъ Константиноцеѣ либеральная партія прямѣдѣнно выступить противъ юрархіи. Либеральныи было крайне не-

Orients. Landshut 1865, S. 8. Pischon, C. N., Verfass. der griechisch-orth. Kirche in der Turkei, въ Studien u. Krit. 1864, S. 90—93. Курьяновъ, О., Устр. управл. въ церкв. корол. Греч. Казань 1871, стр. 47 — 50. Ἐκκλησια. ἀλήθεια, тар. IV, с. 251—258, 281—285.

пріятно, что ієрархія, вслѣдствіе означенной ея обязанности — сль-
дить за беспокойными элементами и сдерживать ихъ враждебное для
Турціи проявленіе, не только не очутилась въ союзѣ съ ними, но
прямо-таки выступила противъ ихъ, въ большинствѣ случаевъ, анти-
церковныхъ стремленій: вѣдь, въ сущности, въ Турціи предоставлена
православной церкви большая свобода, чѣмъ это замѣчается при
господствѣ либераловъ въ конституціонныхъ государствахъ Балкан-
скаго полуострова¹⁾. Озлобленныи теперь либералы начали клеве-
тать на ієрархію, всевозможнымъ образомъ порочить ее, представлять
ее сплошнымъ зломъ, безъ капли добра. Описывали, что „наши Фили-
ппотскіе святыѣ“²⁾, пользуясь своимъ прокрипціоннымъ правомъ,
хватаютъ и бросаютъ въ тюрьмы не дѣйствительно виновныхъ, а
наиболѣе богатыхъ, у которыхъ страшными пытками въ мученіяхъ
вымогаютъ деньги. Корыстолюбіе и жадность архіереевъ сдѣлались
излюбленными томами при ихъ опороченії. Либералы, вторили,
или — вѣригѣо — давали тонгъ, замѣдливъ католическіе и протестантскіе
пропагандисты: въ бозианскихъ бронюрокъ и пынфлотахъ они ста-
рались сдѣлать ненавистными народу духовныхъ ого руководителей.
Само собою понятно, что геронты-сфоры стояли при этомъ на первомъ
планѣ³⁾. Цѣль у всѣхъ хулителей высшей Константинопольской
ієрархіи была одна: сдѣлать брошь въ твердынѣ Константинополь-
ской церкви, подорвать въ средѣ православно-вѣрующихъ имѣшій
церковный авторитетъ ихъ, отнять у него руководственное значеніе
и затѣмъ свободно и спокойно каждому изъ нихъ вводить свои
лжеученія: римскимъ пропагандистамъ — папско-куріальныи веди,
протестантскимъ миссионерамъ — протестантізмъ во всѣхъ его много-
численныхъ развѣтвленіяхъ, либераламъ — свой индифферентный къ
религіи вообще, но враждебный къ догматически точно опредѣленной
православной церкви, либерализмъ. „Крылатое слово“ (бои то!)
французскаго посланника Тюнепенія, которое онъ проѣздомъ чрезъ
Аенны бросилъ въ отвѣтъ на вопросъ королевы Амаліи, есть ли въ
Константинополѣ старотурецкая партія: „Mais certainement, Majesté: c'est le Haut Clergé Gréc“, — характерно столько же для обрисовки

¹⁾ Си. вышеупомянутое сужденіе Гольцера о Турціи и Балканскихъ государ-
ствахъ.

²⁾ Намекъ на титулы патріарха, митрополитовъ и архіереевъ.

³⁾ Pischon, C. N., op. cit., p. 94—98. Си. обвинительную рѣчь Ст. Караводори противъ геронтовъ. Си. Миній и отзызы митрополита Филарета по дѣламъ православной церкви изъ Востокѣ. С.-Петербургъ 1886 г., стр. 141 — 142.

положенія высшаго греческаго клира, занятаго имъ въ Турціи при указанныхъ обстоятельствахъ, сколько и тѣхъ усилій, какія прилагаются къ подорванію авторитета Константинопольской іерархіи разные враги ел¹⁾.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ большинствѣ случаевъ приведенные обвиненія противъ Константинопольской іерархіи преувеличены, и притомъ — въ весьма сильной степени. Мы выше видѣли, что всѣ ругательства, повсюду и всѣми изливаемыя на Фанаръ, И. И. Соколовъ считаетъ положительную клеветою и съ негодованіемъ отвергаетъ ихъ. Но вѣдь геронты составляютъ, такъ сказать, квинтэссенцію Фанара; ибо вѣдь въ ихъ рукахъ находилось „Фанарское“ управление, навлекшее на себя порицанія со всѣхъ сторонъ. Очевидно, между суждѣніями автора о Фанарѣ и геронтахъ имѣется какое-то недоразумѣніе. Пишонъ — протестантъ, совсѣмъ нерасположенный къ православной церкви; однажды и онъ нашелся вынужденнымъ отмѣтить преувеличенія въ обвиненіяхъ, взводимыхъ на Константинопольскую іерархію, хотя въ общемъ признаетъ ихъ вѣрными²⁾. Патріархъ Григорій VI въ синодальномъ посланіи къ русскому св. синоду положительно считаетъ клеветою всѣ тѣ тяжкія обвиненія, какія въ послѣднее время стали со всѣхъ сторонъ возводить на клиръ греческой церкви, какъ испорченный до мозга костей. Вотъ это замѣчательное мѣсто изъ посланія Григорія VI: „Но зналъ, — говорить онъ, — какъ усѣвшиѣ камни на досточтимый восточный клиръ, этого неизбѣдимаго поборника и учителя отеческаго благочестія, стали клеветать на него предъ слушателями простолюдинами или такими, которые, благоговѣя предъ иностранными теоріями, обычаями и порядками, легкомысленно относятся ко всему отеческому; стали обвинять въ насильственныхъ вымогательствахъ и денежныхъ побо-

¹⁾ *Pischon, C. N.*, op. cit., p. 292. Въ 1855 году римская пропаганда надала въ Римъ книгу грека *Pitsipios'a*, подъ заглавиемъ: *L'église oriental*, представляющую, въ сущности, не что иное, какъ злостный пасквиль на высшую Константинопольскую іерархію и вообще весь Константинопольский клиръ.

²⁾ Mag nun auch diese Schilderung die Farben hie und da etwas stark aufgetragen haben, im Wesentlichen ist sie nach den Aussagen aller unpartheiischen Beobachter des Zustandes der orthodoxen Kirche in der Türkei während unseres Jahrhunderts leider nur zu treu. Подъ этимъ безпристрастными наблюдателями онъ разумѣеться, кроме обратившихся въ католицизмъ, какъ *Pitsipios*, и англо-американскихъ миссионеровъ, главнымъ образомъ, европейскихъ консуловъ и греческихъ газетъ: б' Аіон, ѡ Водавтіс, ѡ 'Аралѣтіа (*Pischon, C. N.*, op. cit., p. 97). Позволительно усомниться въ полномъ безпристрастіи всѣхъ этихъ свидѣтелей.

рахъ". По „Великая церковь никакъ не изобличена фактами во взводимыхъ на нее обвиненіяхъ“¹⁾). Авторитетъ патріарха Григорія VIслишкомъ великъ, чтобы свидѣтельство его оставляти безъ всякаго вниманія. Поэтому самое большее, чѣд можно признать въ „тяжкихъ обвиненіяхъ“, взводимыхъ на клиръ греческой церкви, — это возведеніе частныхъ случаевъ въ общее явленіе. Но развѣ это логично, развѣ — законно? Вѣдь, на основаніи такого образа мышленія, нельзя найти въ мірѣ ни одного учрежденія, которое, одинаковыми образомъ, не возможно было бы назвать „чудовищнымъ по преступлениямъ“? Однакожъ, сознаніе этой нелогичности не входитъ въ расчеты либераловъ; въ преувеличеніяхъ, граничащихъ съ клеветою, они обыкновенно видятъ средство къ достижению своихъ цѣлей.

По окончаніи греческаго возстанія, завершившагося образованіемъ греческаго королевства и отдѣленіемъ элладской церкви отъ юрисдикції Константинопольскаго патріарха, либералы націи грековъ, стремившихся внести у себя реформы по образцу европейскаго запада, не исчезла, но сформировались въ самомъ Константинополѣ, и чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе становилась для нея очевидною противоположность ея идеи и стремленій господствующей системѣ церковнаго управления, тѣмъ съ большю яростью она стала нападать на представителей иносителей этой системы. Равныи образомъ, римскіе и протестантскіе миссіонеры, усилившиіся на православномъ востокѣ особенно съ 30-хъ годовъ минувшаго столѣтія, начали, съ своей стороны, очень настунально дѣйствовать противъ православной церкви: выставляя самихъ себя благодѣтелями, они въ безчисленныхъ брошюрахъ только и знали, что порочили православную церковь и ея іерархію, и православные внимали ихъ на-вѣтамъ²⁾). Патріархъ Григорій VI двумя посланіями, — однимъ

¹⁾ Христіанское Чтение 1871 г., ч. I, стр. 120 и сл. Православный Сборникъ 1873 г., ч. III, стр. 101 — 104. Нашъ великий святитель, митрополитъ московскій Филаретъ, бывъ склоненъ бѣгъ вѣрить обвиненіямъ противъ греческой іерархіи, чѣмъ критически относиться къ этимъ обвиненіямъ. См. Мн. и оиз. митрополита Филарета по дѣламъ православной церкви на Востокѣ. С.-Пб. 1886 г., стр. 188—195.

²⁾ Auch muss man zugeben, dass sowohl die protestantischen als die katholischen Missionen zum Theil sehr aggressiv zu Werke gingen. Die griechischen und armenischen Laien liehen aber den Stimmen der Missionare um so bereitwilliger ihr Ohr und lasen wenigstens, wenn sie auch nicht Ubertraten, um so eifriger die von der Mission verbreiteten Schriften, ja schreiendere Missbräuche in der Verwaltung der Patriarchate von Jahr zu Jahr an den Tag traten. Послѣднюю фразу, конечно, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что „ злоупотребления“ патріархата расчи-

противъ протестантовъ (отъ 1836 года), а другимъ — противъ католиковъ (отъ 1838 года), — продостерегъ православно вѣрующихъ, какъ отъ этихъ иловѣрныхъ расхитителей стада Христова, такъ и отъ своихъ собственныхъ, увлекшихся ихъ „безбожными ученіями“ и, подобно имъ, враждующихъ противъ своей матери-церкви¹). Къ тому же и среди самихъ турокъ появилась реформаторская партия, стремившаяся мало-по-малу ввести европейскіе порядки и правоотношенія въ разныя сферы своего правительстvennаго строя. Первое наиболѣе сильное выраженіе идей и стремленій этой партіи открылось въ 1839 году тотчасъ же послѣ смерти султана Махмуда и восшествія на тронъ 16-лѣтняго Абдулъ-Меджиды. Въ изданномъ этимъ послѣднимъ Гюльханейскомъ хатти-шерифѣ (21-го октября — 2-го ноября 1839 г.) говорилось, что „чрезъ новыя (теперь возвѣщенные) уставы, установленія, должны доставить поданнымъ имперіи безопаснѣсть жизни, чести и имущества, дѣлается опытъ учредить лучшее управлѣніе“ и что „эти императорскія милости просятся на всѣхъ поданныхъ султана, къ какой бы религіи или сектѣ они ни принадлежали; пусть пользуются этими милостями всѣ безъ исключенія“²). Съ цѣлью проведения реформъ, возвѣщенныхъ хатти-шерифомъ, учрежденъ былъ, подъ именемъ танзимата, императорскій со-

сывались въ крайне яркихъ краскахъ; читающіе брошюры и слушающіе сладкія рѣчи миссионеровъ, „убѣждались“ (послушивать злорѣчія всегда находится болѣе охотникоѣ) и, такимъ образомъ, „вопиющій злоупотреблѣніи“ въ правительстvenной строѣ Константинопольской церкви съ году на годъ становились яснѣ. Это для насъ, русскихъ, теперь должно быть особенно понятно. См. *Pischon, C. N.*, op. cit., p. 270. Cf. *Pichler, A.*, *Gesch. d. kirchl. Trenn. zw. d. Or. u. Occid.* B. II, S. 557—558.

¹) См. Гедѣшъ, И., *Каючкай Дистѣц*. Ев. Константіонополіи: 1889 г., т. II, с. 235—280. Нѣкоторые, усматриваая, что въ обѣихъ граматахъ имѣются въ виду либералы, дѣлаютъ даже упрекъ патріарху, почему онъ не озаглавилъ своего посланія прямо противъ либераловъ, и соображаютъ, что это сбываю де для того, чтобы сильнѣе воздействовать на народъ, такъ какъ либералы ему еще незавѣстны, а къ католикамъ и протестантамъ онъ издавна нерасположенъ. Упрекъ неосновательный. Либерализмъ, хотя принципіально противоподложенъ католицизму, но, тѣмъ не менѣе, римскіе миссионеры пользуются имъ, чтобы пропаганды смуту въ православной церкви (см. *Труды Кіевской Духовной Академіи* 1873 г., I, 129—133; *Православный Собесѣдникъ* 1873 г., III, 385), а по отношенію къ протестантизму онъ составляетъ прямое его слѣдствіе. Къ тому же, и католические, и протестантскіе миссионеры вѣдь сильнѣйшимъ образомъ враждовали и враждали противъ православной церкви. Нужно поражать зло въ его корыѣ.

²) *Christophorus Alches*, *Die Lage der Christen in der Turkei und das russische Protectorat*. Berlin 1854, S. 70—71; 113—116.

въть, въ составъ которого должны были войти и имѣть въ немъ го-
лосъ представители всѣхъ христіанскихъ народностей Турціи.

Такія реформаторскія стремленія турокъ были возбуждаемы и поддерживаемы западными державами—Франціей и особенно Англіей. Англійскій посланикъ, лордъ Стратфордъ-Редклиффъ-Кеннингъ, одинъ изъ выдающихся и упорѣйшихъ государственныхъ людей Англіи, задался цѣлью объединить различныя народности Турціи чрезъ введеніе въ государственный строй ея „амальгамирующихъ“ либеральныхъ началь европейскаго Залада ¹⁾). Но этому его стремленію болѣе всего противодѣйствовала политическая самостоятельность различныхъ церковныхъ системъ въ Турціи, и въ особенности, Константинопольской греческой іерархіи. Онъ рѣшился ослабить влияніе этихъ системъ, а этого лучше всего можно было достигнуть посредствомъ лишенія всѣхъ Восточныхъ іерарховъ, иѣ какої бы церкви они ни принадлежали, гражданской юрисдикціи, обусловливаемой турецкою мусульманскою формою управления. Такимъ образомъ, иѣ видѣть намѣченной цѣли, рѣшено было: ввести, мало-по-малу, посредствомъ централизованія отдѣльныхъ, национально-различныхъ вѣтвей гражданскаго управления, фактическую равноправность для всѣхъ поддан-
ныхъ Порты; досѣль неограниченную власть клира, злоупотреблявшаго ею, поставить подъ контроль, съ одной стороны, государственной власти, а съ другой—общаго, состояннаго изъ мірянъ и духовныхъ, собратія, или совѣта, и вообще упрочить за мірскимъ элементомъ преобладающее вліяніе, какъ па замѣщеніе церковныхъ должностей, такъ равно и на ихъ отправленіе. Въ какой мѣрѣ все это должно было признать Восточную іерархію и дать просторъ иновѣрий пропагандѣ,—это понятно само собою.

Лордъ Стратфордъ-Редклиффъ прежде всего постарался достигнуть низложенія патріарха Григорія VI, какъ выступившаго опаснымъ противникомъ протестантскихъ миссионеровъ, а затѣмъ, вкупе съ французскимъ посланикомъ, началь хлопотать о постепенномъ введеніи означенныхъ реформъ. Въ 1847 году Порта сдѣлала попытку заставить патріархію ввести въ составъ священнаго синода, и именно въ качествѣ его членовъ, трехъ мірянъ изъ фанаріотовъ съ правомъ контролировать дѣйствія синода, указавъ и на самыя лица

¹⁾ Die Verschmelzung der Rassen zu einer einzigen Nation war innerer sein (т. е. Lord Stratford de Redcliffe) Ideal gewesen. Eichman, F., Die Reformation des Osmanisch. Reiches. Berlin 1858, S. 213, 382—392.

втихъ міріанъ: на Аристархи, Психари и болгарина Богориди. Но сѧнодъ воспротивился этому требование и на этотъ разъ съ успѣхомъ. Однакожъ, требование реформы въ церковномъ управлениі продолжалось, либеральная партія домогалась ея настойчиво. Уступая сѧ требованию, главнымъ же образомъ находясь подъ сильнымъ давленіемъ посланниковъ западныхъ державъ, въ особенности англійскаго, Портъ 23-го января (4-го февраля) 1850 года отправила въ Константинопольскую патріархію слѣдующую увѣщательную ноту: „Такъ какъ некоторые митрополиты и епископы въ провинціяхъ совершаютъ такие поступки, на которые не отваживаются даже превѣнгѣшіе люди, то стоящее подъ этимъ гнѣтомъ христіанское населеніе постоянно обращается къ правительству съ просьбою у него защиты и помощи. Такъ какъ правительство не могло не принять во внимание этихъ справедливыхъ жалобъ, то оно приняло неуклонное рѣшеніе уничтожить эти безнорядки. Итакъ, оно приглашаетъ патріарха созвать собраніе изъ епископовъ и знатиѣшихъ міріанъ, дабы братски обсудить съ ними тѣ средства, кои могутъ положить конецъ такому угнетенію и привести въ порядокъ церковное и общественное управлениіе согласно съ правилами собственной (христіанской) религіи и предписаніями таинства". Однакожъ и это требование Порты осталось безъ послѣдователей: патріархія, опираясь на могущественное въ то время влияние Россіи, коротко отвѣтила, что она „не можетъ допустить никакого нововведенія въ древній апостольскій преданія (относительно устройства) православной церкви; а если Портъ желаетъ, чтобы греческому духовенству было назначено опредѣленное содержаніе, то предварительно должны быть націей погашены находящіеся на лицо, на текущемъ счету, семь миллионовъ піастровъ дворцового долга (аѣліхатѣ ѡмолоїа) патріархіи"¹⁾.

Такимъ образомъ, изъ всего доселѣ сказанного съ несомнѣнностью открывается, что въ Константинопольскомъ патріархатѣ ко времени крымской войны образовалась и рѣзко выступили другъ противъ друга двѣ партіи: мірская-либеральная, желавшая ввести широкія реформы въ церковномъ и общественномъ управлениіи грековъ согласно принципамъ и требованіямъ западно-европейской цивилизаціи, и церковно-іерархическая, стремившаяся отстоять древне-апостольскія и отеческія преданія отъ надвигавшихся на нихъ превратныхъ ідей и учений инославнаго Запада.

¹⁾ Pischon, C. N., op. cit., p. 270—271.

Послѣ крымской войны западныя державы, особенно Англія и Франція, сдѣлались хозяевами опекаемой ими Турціи. Изданій 6-го (18-го) февраля 1856 года хатти-гумайюнъ прямо заставляетъ, что онъ становится на путь, предначертанный хатти-шерифомъ гюльханейскимъ. Затѣмъ, отмѣтивъ, что всѣ привилегіи и льготы, дарованные *ab antiquo* всѣмъ христіанскимъ и другимъ немусульманскимъ общинамъ, подтверждаются и будуть сохранямы, этотъ императорскій актъ далѣе провозглашаетъ: „Каждая община христіанскаго или другого немагометанскаго обряда должна приготовиться, въ опредѣленное время и при содѣйствіи образованной *ad hoc* въ си нѣдрахъ комиссіи, приступить, съ моего высокаго соизволенія и подъ наблюденіемъ моей Высокой Порты, къ разсмотрѣнію дѣйствующихъ льготъ ихъ и привилегій, и при этомъ обсудить и повергнуть моей Высокой Портѣ реформы, требуемыя прогрессомъ просвѣщенія и времени. Права, пожалованныя патріахамъ и епископамъ христіанскихъ обрядовъ султаномъ Магометомъ II и его преемниками, будутъ приведены въ согласіе съ новымъ положеніемъ, какое наипп. великодушия и благожелательности намѣренія обезпечиваются за этими общинами. Принципъ пожизненнаго назначенія патріарховъ, послѣ исрѣсмотрѣа дѣйствующихъ нынѣ уставовъ о избраниі, будетъ точно примѣняемъ соответственно содержанію фирмановъ о ихъ инвеститурѣ. Патріархи, митрополиты, архіепископы, епископы, раввины будутъ, при своемъ вступленіи въ должность, приносить присягу по формулѣ, составленной по общему согласію между мною Высокою Портой и духовными главами различныхъ общинъ. Церковные оброки (*godevances*), какої бы формы и природы они ни были, будутъ уничтожены и замѣнены точно опредѣленными доходами патріарховъ и другихъ главъ этихъ общинъ и назначениемъ годового жалованья соответственно значенію, рангу и достоинству различныхъ членовъ клира. Движимымъ и недвижимымъ имуществамъ различныхъ христіанскихъ церквей не будетъ причиняено никакого ущерба; однакожъ свѣтское (*temporelle*) управлѣніо христіанскихъ общинъ или другихъ немусульманскихъ обрядовъ будетъ поставлено подъ защиту собранія, избраннаго въ нѣдрахъ каждой изъ различныхъ общинъ изъ членовъ клира и изъ мірянъ“. Относительно культовъ хатти-гумайюнъ объявляеть: „Въ виду того, что всѣ культуры отправлялись и будуть отправляться въ моемъ государствѣ свободно, никто изъ подданныхъ моей имперіи по будетъ терпѣть принужденія въ отправлѣніи исповѣдуемой имъ религіи и не будетъ другимъ какимъ-нибудь образомъ обвиняется“.

относительно этого. Никто не можетъ быть принуждаемъ къ перемѣнѣ религії". Послѣднимъ опредѣленіемъ, по разъясненію Фуадъ-паша, обеспечивается „свобода перемѣны религії". Согласно этимъ постановленіямъ христіане допускаются, наравнѣ съ турками, къ занятію всѣхъ общественныхъ должностей, такимъ образомъ, повинуясь, уравнены съ мусульманами во всѣхъ отношеніяхъ¹⁾.

Эйхманъ, приведши содержаніе приведенныхъ статей хатти-гумайона, дѣлаетъ выводъ, что должна наступить революція въ политическомъ и соціальномъ организмѣ разныхъ религіозныхъ общинъ Турціи²⁾. Либеральная почать Европы встрѣтила хатти-гумайонъ съ побѣднымъ торжествомъ и осипала его похвалами, и не безъ основанія: вѣдь въ изданіи его она усмотрѣла „новую постройку или перестройку 1100-лѣтнихъ христіанскихъ церквей" Востока; вѣдь въ воззѣщенныхъ имъ реформахъ чуялась именно та брешь, чрезъ которую только и могла прорваться въ „окостенѣлымъ формѣ христіанскихъ церквей" Востока живая струя либеральныхъ течений³⁾ культуры Европы. Простой народъ христіанскій (рай) отнесся къ этому дару турокъ, въ общемъ, недовѣрчиво, такъ какъ онъ исходилъ отъ закоренѣлыхъ враговъ православія, — непосредственныхъ угнетателей райя — турокъ и всегда враждебныхъ православной вѣры и церкви англо-франковъ. Православная іерархія спровадливо усмотрѣла въ реформахъ, провозглашенныхъ хатти-гумайономъ, опасность для вѣры и церкви и потому стала къ нимъ во враждебныя отношенія. Напротивъ, получившіе европейское образованіе греки — дипломаты, врачи, ученые, купцы и вообще таѣли или иначе познакомившіеся съ идеями современной Европы — приняли хатти-гумайонъ съ восторгомъ, потому что они надѣялись теперь, съ помощью самаго правительства, издавшаго либеральный законодательный актъ, ввести въ устройство церкви давно желанные ими реформы, и прямо-таки — въ духѣ гospодствующихъ идей современной Европы⁴⁾.

¹⁾ См. §§ 1—5. *Eichman, F.*, op. cit., p. 854—850. Cf. *Pischon, C. N.*, op. cit., p. 272—273.

²⁾ Mit anderen Worten: die verschiedenen christlichen Nationen des Orients sollen sich unabhangig von den kirchlichen Gewalten constituiren; eine radicale Revolution soll mit ihrem politischen und sozialen Organismus vorgehen. *Eichman, F.*, op. cit., 244—245.

³⁾ *Pischon, C. N.*, op. cit., p. 274—275. Уѣроніе автора, что „самъ народъ, въ лицѣ своихъ представителей, выражалъ желаніе свергнуть экономическое иго генеротовъ и архиереевъ", должно подлежать сильнымъ ограничениямъ. Вотъ именно „представители" далеко не выражали желаній народа. Несомнѣнно, народъ привыкъ

Въ апрѣль 1857 года Порта издала „инструкцію“ къ Константинопольской патріархіи, предначертывающую реформы въ церковномъ управлениі въ духѣ началь хатти-гумайюна и предписывающую составить временный церковно-народный совѣтъ для разработки требуемыхъ церковныхъ реформъ. Въ январѣ состоялось образованіе церковно-народного совѣта, который греки тотчас же называли „национальнымъ собраниемъ“ (*éθνουσινέλευσις*). Духовныхъ лицъ должно было быть въ немъ только семь, между тѣмъ какъ мірянъ вошло въ составъ его болѣе, чѣмъ въ четыре раза; такимъ образомъ, мірской элементъ значительно превосходилъ церковный, и греки справедливо называли этотъ церковно-народный совѣтъ не церковно-народнымъ собраниемъ, а „национальнымъ, и именно—національно-греческимъ собраниемъ“. Міряне состояли преимущественно изъ либераловъ. Въ числѣ ихъ были: Богориди, Аристархи, Психари, Кампіади, Фотіади и Ст. Караподори. Султанскій врачи, и знатные происхождения, Ст. Караподори выдавался между другими еще талантами и образованностью, и вслѣдствіе этого скоро сталъ во главѣ либераловъ, сдѣлался вождемъ всей либеральной партіи *éθνουσιнέλευσις*. Что касается нравственной чистоплотности этой партіи, то она вообще была не высока¹⁾.

„Национальное собрание“ открыло свои занятия весною 1858 года. Изъ лицъ духовныхъ въ началѣ вошли въ составъ его члены постояннаго патріаршаго синода, геронты. Но какъ они съ самого начала враждебно стали относиться къ „реформамъ“, то ихъ постарались удалить изъ собранія и на мѣсто ихъ избрали другихъ, именно митрополитовъ: Неофита Фессалонійскаго, Кирилла Адрианопольскаго,

съ почтеніемъ относиться и къ геронтамъ, и къ архіереямъ, и вообще къ іерархіи. „Представители“, набравшись либеральныхъ ідея Запада, употребляли всѣ усилия, чтобы подорвать авторитетъ іерарховъ, въ частности—геронтовъ, въ средѣ народа, „дискредитировать“ ихъ въ народномъ мнѣніи. Но отношеніе къ части народа они, дѣйствительно, въ этомъ успѣли. Но часть — далеко еще не цѣлов. Вотъ почему провозглашеніе желаемыхъ ими реформъ, которыми они настойчиво, всѣми правдами и неправдами, домогались, встрѣчено народомъ недовѣрчиво: подорвать связь народа съ іерархіей не совсѣмъ еще успѣли. Да и то слѣдуетъ отдать, что „либеральные представители“ въ реформахъ видѣли „общенаселеніе“ жизни. Напротивъ, для іерархіи „реформы“ казались посвѣтительствомъ на установленныя Отцами „формы“ церковной жизни, которыхъ должны оставаться незмѣнными. Злоупотребления вызывали отдельныхъ противъ нихъ правила, а не переустройство. Такъ было искони въ церкви, такъ должно быть и теперь. „Нераспропагандированный“ народъ держался воззрѣй іерархіи.

¹⁾ Таковы были „представители“ народа.

Софроша Амасийского, Мелетія Диодорихского, Софронія Артскаго, Діонісія Меленікского и Дорофея Димитріадскаго. Но какъ геронты и послѣ этого не перестали вліять на ходъ разсужденій „національного собранія“, то либеральная партія ничего не нашла лучшаго, какъ обратиться къ Портѣ съ жалобою на геронтовъ, какъ лишь вредныхъ для „національнаго собранія“, и Фуадъ-паша, снисходя къ ихъ просьбѣ, отправилъ къ патріарху Кириллу VII отъ имени султана письмо, въ которомъ повелѣвалось удалить геронтовъ въ ихъ синахъ, и они дѣйствительно принуждены были удалиться. Такому тенденціозному остракизму подверглись слѣдующіе митрополиты-геронты: Наумъ Ефесскій, Папарѣтъ Ираклійскій, Іоакимъ Казицкій, Діонісій Никомидійскій и Герасимъ Халкедонскій. Теперь либералы могли считать свое дѣло обезпеченнымъ; слабый патріархъ Кириллъ, креатура лорда Стратфорда Каннинга, былъ въ ихъ рукахъ ¹⁾.

Изъ всого дослѣдія сказаннаго, думается, ясно можно видѣть, что въ основѣ противодѣйствія геронтовъ вооруженнымъ въ хатти-гумайонъ церковнымъ реформамъ лежитъ далеко не властолюбіе ихъ, не жадность ихъ къ деньгамъ и не другіе подобныя этимъ пороки, но скорѣе всего и вѣрнѣе всего ревность къ исконнымъ преданіямъ и вѣрованіямъ Константинопольской церкви, сознаніе несовмѣстности ихъ съ либеральными принципами хатти-гумайона. Въ самомъ дѣлѣ, что это за „реформы (церковныя), требуомыя прогрессомъ просвѣщенія и времени“ и какъ согласить прежде дѣржавныя права патріарху съ новымъ его положеніемъ, весьма непохожимъ на прежнія права его, или, вѣрнѣе, противоположнымъ имъ, отрицающими ихъ? Вырабатываемые „національнымъ собраніемъ“ антиканоничные проекты могутъ служить лучшимъ оправданіемъ поведенія геронтовъ и по справедливости должны снять съ нихъ обвиненіе въ „кощаяхъ властолюбцевъ“, въ злобномъ противодѣйствіи и т. д. Въ дѣйствительности интриговали, и при томъ въ сильной мѣрѣ, сами либералы, упрекавши геронтовъ въ интригахъ, и при этомъ допустили рядъ правонарушеній. Какъ бы ни смотрѣли на каноничность постояннаго патріаршаго синода, созданнаго реформою патріарха Самуила, но онъ существовалъ и церковно-правовые нормы, съ нимъ связанныя, во всякомъ случаѣ, должны быть соблюдаены до измѣненія ихъ, если это уже требовалось, законнымъ путемъ подлежащею

¹⁾ Pinchon, C. N., op. cit., p. 280—282. Cf. Christ. Aethes. op. cit., p. 78—108.

властю. Въ какомъ положеніи находились, съ этой стороны, другъ къ другу спорящія стороны, это яснѣе всего открывается изъ возникшей, прямо по поводу удаленія геронтовъ изъ Константиноополя, полемики между ними.

Оставляя Константинополь, означенные геронты вручили патріарху (*/18 июля 1859 года) торжественный протестъ (*διαμαρτόρης*) противъ нарушенія ихъ привилегій и въ то же время объявили не имѣющими никакой силы всѣ рѣшенія свящ. синода, который принятъ или будутъ принятъ безъ нихъ, во время ихъ отсутствія. Протестъ этотъ составленъ Іоакимомъ Казицкимъ, остальные же изъ упомянутыхъ геронтовъ только подписались подъ нимъ. Содержаніе этого протеста слѣдующее:

Въ началѣ епископы-геронты выражаютъ свое удивленіе тому, что министръ иностраннѣхъ дѣлъ новагоѣ удалиться имъ изъ Константиноополя, между тѣмъ какъ патріархъ ничего предварительно объ этомъ не зналъ, да и къ тому же и не представлено имъ никакого прямаго императорскаго повелѣнія. Тѣмъ не менѣе, они, какъ покорные подданные, объявиляютъ о своемъ желаніи быть послушными, но находить себя вынужденными сообщить патріарху сгѣдующія свои ликичанія относительно этого чрезвычайного и неслыханного приключенія.—Издревле Великая Христова церковь управлялась патріархами и находящимися при нихъ свящ. синодомъ. Этотъ синодъ отнюдь по случайное и не изъ какихъ угодно лицъ составленное собраніе, но онъ состоять изъ лицъ опредѣленныхъ и слабженныхъ однаковыми между собою полномочіями, именно—изъ первыхъ восьми по порядку епископовъ, при чомъ, однакоож, не исключаются изъ его совѣщаній и остальные, въ столицѣ находящіеся во время его заставленій, епископы. Сія корпорація учреждена издревле посредствомъ официальныхъ рѣшеній церкви, освящена временемъ и въ лицѣ назначенныхъ епископовъ многократно была утверждасма султанскими распоряженіями, какъ одна изъ важнѣйшихъ привилегій церкви.—Теперь, если въ прежнее время одинъ или двое ординарныхъ членовъ свящ. синода и были отсылаемы въ свою спархію, когда открывалась настоятельная въ томъ надобность, то все же только въ томъ случаѣ, когда императорскій приказъ являлся вслѣдствіе предложения самого патріарха послѣ предварительного согласія синода¹⁾). Напротивъ, одно-

¹⁾ μετὰ πολλῆς σπέψεως τὴν προτάσει πάντοτε τοῦ πατριάρχου πρὸς ἑκδοσιν βασιλικοῦ διατάγματος μετὰ προηγουμένην γῆσσον τῶν λοιπῶν συνοδικῶν μελῶν.

временнаѧ высылка всѣхъ синодальныѧ членовъ составляетъ очевидное разложение и уничтоженіе синода,—этого никогда не случалось и ни одиаь заботящійся о достоинствѣ церкви патріархъ не допускалъ такой мѣры. Что постоянный синодъ состоять изъ всемирнаго числа занимающихъ важнѣйшія каѳедры епископовъ,—эта аксиома есть исторический фактъ, котораго не можетъ ниспровергнуть даже не одинъ патріархъ. Замыслившіе уничтожить свящ. синодъ въ эти опаснѣйшія времена суть вступившіе въ борьбу съ церковью матерейубійцы и враги народа. Что предпринимасть, тамъ называемое, єїніхъ союзѣюс (национальное собраніе) для мнимаго улучшения церкви, это не можетъ быть добрымъ, иначе для чего бы хранить его въ тайнѣ? Почему застѣдающіе въ этомъ собраніи епископы,—которымъ, однакожъ, не поручено свящ. синодомъ представлять въ немъ іерархію,—не доказываютъ синоду о томъ, что тамъ предпринимается? Какъ застѣдающіе въ национальномъ собраніи епископы могли созвать другой составъ свящ. синода, когда, однакожъ, они сами назначены по выбору геронтовъ? Почему патріархъ не протестовалъ противъ указа Порты, если онъ—что едва вѣроятно—до указа не зналъ о намѣреніи турецкаго министра? Правда, они, епископы-геронты, готовы съ спокойною совѣтствомъ и христіанскою покорностью испить чашу скорби, но они уполномочены и обязаны потребовать въ своемъ лицѣ защиты привилегій церкви.

Безспорно, протестъ геронтовъ написанъ сильно; онъ указывалъ на рядъ правонарушений „национального собранія“ и долженъ быть произвести на народъ, всегда смотрѣвшій на геронтовъ, какъ на защитниковъ церкви, и поэтому относившійся къ нимъ съ почтительностью, весьма сильное впечатлѣніе. „Национальное собраніе“, ради поддержания собственнаго авторитета, должно было защититься. Эта задача была возложена на вождя либеральной партіи Стефана Карапеодора, какъ человека авторитетнаго и свѣдущаго, и при томъ, какъ авторъ законопроектовъ, которые теперь „национальное собраніе“ намѣревалось ввести въ управление Константинопольской церковью на мѣсто прежнихъ „отжившихъ“ уставовъ. Стефанъ Карапеодори принялъ на себя эту задачу и, съ помощью другихъ членовъ собранія, знающихъ церковноес право, составилъ брошюру, подъ заглавиемъ: „Анахеонъ тѣс ієхаркартурѣошс тѣн пеунте союзікшн“ („опроверженіе протеста пяти синодальныхъ членовъ“), которую и отпечаталъ въ патріаршей Константинопольской типографіи осенью 1859 года. „Опропреженіе“ национального собранія должно было, по намѣрѣямъ его

авторовъ, въ кориѣ сокрушить протестъ геронтовъ и лишить ихъ предъ народомъ всякаго авторитета и величія.

„Оправдженіе“ начинается такимъ образомъ: „Съ глубочайшимъ прискорбiemъ общесціональное собраніе усмотрѣло сочиненіе пѣ-которыхъ членовъ синода, изданное отъ имени всѣхъ геронтовъ¹⁾), однакожъ насчитывающее только пять подписей, но къ которымъ при-соединились еще митрополиты Никейскій и Дербенскій. Они стараются посредствомъ страстиаго непротолкованія фактоы (ἐμπαθῆς παρερμηνεία) возбудить противъ настѣ общественное мнѣніе въ православной церкви, будто бы мы направляемъ свою дѣятельность къ перевороту существую-щаго порядка и отмѣнѣ правъ и привилегій церкви Христовой, — ради чего они еще обозвали настѣ матеребѣйцами и врагами народа. При такихъ обстоятельствахъ молчаніе было бы подтвержденіемъ этихъ обвинений и измѣно святому святыхъ. Необходимо защититься, не столько ради настѣ самихъ, сколько ради такъ нозорио оклеветан-ной истины; необходимо громко возвысить голосъ противъ лжетолко-вателей священныхъ каноновъ и соборныхъ актовъ; необходимо за-ступиться за святыхъ апостоловъ и отцевъ церкви, потому что имъ приписываютъ такія мнѣнія объ устройствѣ церкви, которыи совер-шенно противорѣчать духу Евангелія и его святому ученію; иако-нецъ, необходимо высказаться и для того, чтобы наши, быть можетъ колеблющіеся, братья во Христѣ, решность коихъ по благочестіи и славѣ церкви предумышленно эксплуатируются (ἐχμεταλлѣоут), да и вся христіанская народная община—пришли къ твердому убѣжденню въ антиканоничности выравнѣвшейся въ послѣднее время въ церковь си-стемы геронтизма, напротивъ законности дѣйствій національного со-бранія познали бы изъ священныхъ каноновъ, соборныхъ дѣлъ и исторіи церкви“.

Послѣ этихъ напыщенно угрожающихъ фразъ составители „опро-вреженія“ начинаютъ излагать свою аргументацію. Прежде всего они указываютъ на Мт. XX, 20—28; Марк. X, 35—45, и другія подоб-ные мѣста Писанія, где осуждается стремленіе иѣкоторыхъ учени-ковъ Господа Иисуса Христа къ первенству. Затѣмъ выставляется на видъ, что Апостолы, во время апостольского служенія своего, были совершило равны между собою и, если замѣчается между ними какое-либо первенство, то оно было исключительно ради порядка. Точно такое же равенство въ управлѣніи церковью Апостолы заявляли и

¹⁾ Ἐγραφον ἐκ μέρους τῆς τερουτικῆς διομεδείας συνταγμάνου.

своимъ преемникамъ епископамъ. И дѣйствительно епископы всѣ были равны между собою; митрополиты занимали между ними только предсѣдательство. Изъ соборныхъ дѣяній первыхъ столѣтій яствуетъ, что митрополитъ былъ только *primus inter pares*; равный образомъ позднѣе и патріархъ, какъ первый епископъ діаспоры между митрополитами, тоже былъ только *primus inter pares*. Первенство патріарха въ діаспорѣ состояло лишь въ чести показыванія пути (*τὴν τριήν τῆς προηγούμενης*), по которому идти надлежало. Это же самое примѣнено и къ опредѣленію отношеній патріарховъ между собою. Посему, если теперь протестующіе геронты претендуютъ на большее, сравнительно съ другими епископами, право въ управлѣніи церковью, то этимъ самымъ они показываютъ, что желаютъ идти по стопамъ римскихъ папъ, нападеніямъ которыхъ на церковь никогда побѣдокосно воспротивился знаменопосещъ православія Фотій. Аристократическое иго, наложенное геронтами на таѣль называемыхъ „малыхъ“ епископовъ, существуетъ лишь со временемъ патріарха Самуила. Ранѣе, ни въ канонахъ, ни въ соборныхъ актахъ, никогда и ни разу не встрѣчается упоминанія о че-роутихъ сѣллоуго. Нельзя оправдать существованіе геронтізма и султанскими бератами. А отсюда слѣдуетъ, что удаленіе геронтовъ изъ Константиноپоля Портою отнюдь не есть нападеніе на права церкви, потому что такое удаленіе нарочито потребовало было „національнымъ собраниемъ“, которое въ соглашеніяхъ и рѣшеніяхъ своихъ всюду встрѣчало препятствіе отъ удаленныхъ теперь въ свои епархіи епископовъ. Да долгое пробываніе епископовъ въ столицѣ воспрощено, подъ страхомъ наказанія, соборными правилами четвертаго вѣка. Поэтому-то подобная высылки изъ столицы безпрестанно, время отъ времени, практиковались патріархами въ послѣднія три столѣтія и, тѣмъ не менѣе, синодальныя рѣшенія, принятые въ отсутствіе геронтовъ, всегда считались каноническими. Синодъ, вслѣдствіе удаленія или его членовъ въ ихъ епархіи, никакъ не можетъ считаться разложившимся; на мѣсто протестующихъ геронтовъ будуть вызваны другіе епископы. Какимъ образомъ христіанскіе епископы могутъ назвать „чашею скорби“ возвращеніе въ свои епархіи, которыхъ они очень долго не посѣщали,—остается неизвѣстнымъ. Что же касается того, что засѣдающіе въ „національному собранию“ епископы не предлагали геронту его работы и не сообщали имъ его рѣшенія, то они дѣйствовали таѣль лишь сообразно нарочитымъ повелѣніямъ правительства, которое постановило держать совѣщанія и рѣшенія этого собранія въ тайнѣ. Вирочемъ, собраніе отнюдь не страшится публич-

ности относительно того, чего оно желаетъ,—оно поступаетъ совершенно согласно преданіямъ церкви¹⁾.

Какова доказательная сила этого опроверженія? Дѣйствительно ли оно отвѣтъ на главные пункты протеста геронтовъ или скорѣе оно служить къ обвиненію самого „національнаго собрания“, показывая читателю незаконность его поступка съ геронтами?

Что „національное собрание“ чувствовало себя, послѣ изданія этого „опроверженія“, одержавшимъ рѣшительную побѣду надъ противникомъ,—это явствуетъ изъ того, что оно занесло побѣдоносное, но его миѣшію, „анахорѣї“ въ свои практики²⁾. Но читатель можетъ отнести скептически къ его восторгу. Между „протестомъ“ геронтовъ и „опроверженіемъ“ его со стороны національнаго собрания не обнаруживается соответствія. Геронты протестуютъ, что удаление ихъ изъ Константинополя совершено вопреки принятымъ обычаямъ и дѣйствующему уставу о постоянномъ патріаршемъ синодѣ. Въ виду такого протеста слѣдовало бы ожидать или указанія на то, что, напротивъ, отсылка геронтовъ въ ихъ онтархіи учреждена совершенно согласно установившимся обычаямъ и предписаніямъ устава о постоянномъ патріаршемъ синодѣ, или же представлениія неоспоримыхъ доказательствъ того, что существующій постоянный синодъ при Константинопольскомъ патріархѣ—всесцѣло антиканоническое, прямотаки беззаконное учрежденіе и что оно, „національное собрание“, имѣетъ—вотъ смотрите!—неоспоримое полномочіе устранить это беззаконіе и, вместо антиканонического синода, уродить настоящій канонический синодъ. Ничего этого нѣтъ въ опровергитѣйной брошюре либерального національнаго собранія. Напротивъ, оно почему-то устранилось во временамъ апостольскимъ и начало доказывать равенство епископовъ между собою. Но вѣдь этого равенства никто не отвергалъ и не отвергаетъ. Напротивъ, геронты прямо заявили, что въ засѣданіяхъ синода, кроме постоянныхъ его членовъ—геронтовъ, имѣютъ право присутствовать—и присутствуютъ—также и другіе, по случаю находящіеся въ Константинополѣ, епископы—съ правомъ голоса, совершенно равнаго голосу геронтовъ. Спрашивается, къ чему же трактать о равенствѣ? Да, вѣроятно, для того, чтобы затуманить глаза читателямъ преувеличеннымъ выставленіемъ ненужной, въ дальнемъ случаѣ, стороны въ равенствѣ епископовъ и затушеваніемъ или

¹⁾ См. *Pischon, C. N.*, op. cit., p. 282—289.

²⁾ Ibid., p. 290.

даже намѣреніемъ скрытьемъ важнѣйшей, въ практическомъ отношеніи, стороны въ немъ. Напримѣръ, N и M облечены одинаковымъ достоинствомъ и, какъ таковые, они равны. Но N—человѣкъ гениальный, а M—довольно тупоумный; N быстро проникаетъ въ сущность вещей, разомъ охватываетъ соотношенія лицъ, предметовъ и обстоятельствъ, и сообразно тому ведеть себя, а M-у если разъяснять все это даже десятки лѣтъ, онъ все же останется—M; N слушаетъ советы и другихъ, но изъ этихъ советовъ принимаетъ наиболѣе разумнѣе,—M поступаетъ совершенно наоборотъ: памятѣ состоятельный советъ ему кажется особенно разумнымъ. Конечно, *раснопрасное* положеніе такихъ лицъ въ собраніи окажется *неодинаковымъ* на дѣлѣ. Не то же ли нужно сказать о геронтахъ (не геніяхъ,—куда до этого!—а просто—людахъ свѣдущихъ, достаточно умныхъ и опытныхъ) по отношению къ случайно пошавшимъ на засѣданія синода епископамъ, неопытнымъ и малоосвѣдомленнымъ?...

Составители „*опроверженія*“ докладываютъ, что проимущество митрополитовъ предъ епископами и патріарховъ предъ митрополитами въ томъ только и состояло, что они имѣли предсѣдательство въ собраніяхъ. Но текстъ 34 правила Апостоловъ, легшаго въ основу митрополитанской и патріаршой системы: „Епископамъ всякаго народа подобаетъ знати первого въ нихъ, и признавати его яко главу, и ничего превышающаго ихъ власть не творити боязъ стого разсужденія: творите же каждому только то, чѣмъ касается до его епархіи, и до мѣстъ къ ней припадлежащихъ“. Но и первый ничего да не творить безъ разсужденія всѣхъ“,—далеко не соотвѣтствуетъ тому опредѣленію формулы: *primum inter pares*, какое стараются дать сї составители „*опроверженія*“; митрополиты и патріархи не сидѣли только на первомъ мѣстѣ, но имѣли иѣчто и въ рукахъ своихъ. Вотъ тутъ-то именно Ѳ тщѣтѣсъ протутг҃есъ имѣть великое значеніе. На Халкидонскомъ, четвертомъ вселенскомъ, соборѣ предсѣдательствовали то императорскіе чиновники, то папскіе легаты. Между засѣданіями, на которыхъ предсѣдательствовали императорскіе чиновники, и засѣданіями подъ предсѣдательствомъ папскихъ легатовъ замѣчается значительная разность, хотя императорскіе чиновники присутствовали на соборныхъ засѣданіяхъ безъ права голоса, а только направляли, какъ опытные чиновники, вѣнцій ходъ дѣль.

Приравненіе геронтовъ къ папамъ ничѣмъ не можетъ быть оправдано, такъ какъ между геронтами и папами нѣть никакихъ точекъ сопракосновенія.

Указание на то, что γεροντικός σύλλογος началъ свое существование лишь со времени патріарха Самуила, отнюдь еще не говорить за его незаконность или антиканоничность, а тѣмъ болѣе за правильность высылки геронтовъ изъ Константиноополя, какъ говорится, безъ суда и слѣдствія. Вѣдь всякое учрежденіе, какъ и всякое правило, является въ свое время, и позднее появленіе того или другого учрежденія еще не можетъ служить доказательствомъ его негодности или незаконности. Нужно было показать, что геронтизмъ и возникъ незаконно, да и самъ въ себѣ незаконенъ. Составители „опроверженія“ прямо не решаютъ этотъ вопросъ, но стараются доказать свою правоту путемъ окольнымъ. Конечно, такой способъ аргументации не можетъ быть одобрѣнъ.

Но пусть аргументация ихъ блестяща, пусть епископы всѣ равны по своей юрисдикціи, пусть геронтизмъ незаконнымъ образомъ нарушаетъ это равенство и, какъ таковой, антиканониченъ, бессаконенъ,—при чёмъ тутъ „национальное собраніе“? Какое ему дѣло до геронтовъ? Какое оно имѣть право удалять, или хлопотать объ удаленіи геронтовъ? Вѣдь строить такой силлогизмъ: „геронты вредны, слѣдовательно „национальное собраніе“ имѣть право выгнать ихъ изъ Константиноополя“, ни сть чѣмъ не сообразно; связи между терминами этого силлогизма нѣтъ никакой.

Составители „опроверженія“ говорятъ, что Порта (одинъ министръ иностранныхъ дѣлъ—по Порта) законно поступила, удаливъ геронтовъ изъ Константиноополя, такъ какъ этого потребовало отъ нея „национальное собраніе“, которому геронты мѣшиали на каждомъ шагу. Но это—своеволіе, интриганство, насилие, что угодно, только—не законное основаніе. На основанії подобной аргументаціи можно прямо прійти къ разрушенію церкви: такіе-то члены синода мнѣ не угодны,—изгнать ихъ изъ Константиноополя! Путемъ подбора этиимъ способомъ „угодныхъ членовъ“ синода, наконецъ, можно добраться до такихъ „угодниковъ“, которые, не колеблясь, согласятся на замѣну православія протестантизмомъ или инымъ исповѣданіемъ. Но, съ другой стороны, на томъ же основаніи и геронты могли бы потребовать отъ правительства закрытия „национального собранія“ и, строго говоря, съ большими правомъ, такъ какъ геронты отстаивали интересы церкви. Если немножко приподнять завѣсу,—въ дѣйствительности такъ, пожалуй, и было; но „национальное собраніе“ поддерживали послы западныхъ державъ, къ которымъ примкнулъ и русский посланикъ, а геронты остались один; они могли опираться только на низшій классъ

народа, продолжавшій относиться къ нимъ съ почтеніемъ, да еще на тѣхъ лица, которыхъ были недовольны либеральными новшествами.

Наконецъ, не опровергнуто и то положеніе геронтовъ, что, съ насильственнымъ удаленіемъ ихъ изъ Константинаополя, свящ. синодъ при патріархѣ слѣдуетъ считать разложившимся, его решения, приняты или которыхъ будуть приняты, недѣйствительными. Въ чемъ тутъ сила? Ни для кого не было тайно, что геронты насильственю удалены изъ Константинаополя не за личное какое-либо преступленіе, а единственно за то, что они „противъѣствовали работамъ національного собранія“, которыхъ они считали противными продышиемъ и уставомъ церкви. Но это, съ канонической точки зрѣнія, не преступленіе а достоинство, заслуга (см. соб. двукр. пр. 15). Отказъ Марка, Ефесскаго подпинаться подъ автами Ферраро-Флорентійскаго собора послужилъ—и служить—неотъемлемымъ знакомъ недѣйствительности этого собора, что невольно и выразилъ папа Евгений IV, сказавъ, носіѣ того кись узнать объ этомъ обстоятельствѣ: „Нашъ, мы ничего не сдѣлали“. И теперь обстоятельства сложились подобнымъ же образомъ. 27-го января (8-го февраля) 1860 года, когда засѣданія „національного собранія“ клонились къ концу, некоторые изъ находящихся въ его составѣ епископовъ (именно—митрополитъ Адріанопольскій и епископы Димитріадскій и Силиврійскій) вручили Фуадъ-пашѣ письменный, отъ своего лица, протестъ, въ которомъ заклинили Порту не утверждать проектовъ (практихѣ) „національного собранія“, такъ какъ они несомнѣнно противорѣчатъ правиламъ церкви ¹⁾, но предварительно образовать для ихъ разсмотрѣнія комиссию, какъ изъ находящихся на должностяхъ, такъ и бывшихъ патріарховъ и, кроме того, еще знатѣйшихъ епископовъ ²⁾, и выслушать ея мнѣніе объ этихъ проектахъ. Значеніе этого протеста усилилось еще отъ того, что къ нему присоединились и его подписали патріархъ Іерусалимскій и митрополитъ Никомидійскій ³⁾. Такимъ образомъ, болѣе и болѣе становилось яснымъ, что труды „національного собранія“ не согласовались съ церковными канонами; для преданныхъ чадъ православной церкви теперь это не подлежало болѣе сомнѣнію. Но здѣсь-то именно и заключалась сила геронтовъ и, напротивъ, слабая сторона „націо-

¹⁾ ἀντιφαινούσαν δῆλον εἰς τοὺς ἐκκλησιαστικοὺς κανόνας.

²⁾ μάζ ἐπιτροπὴ συγκεκριμένη ἐκ τῶν πατριαρχῶν τὸν τε ἐνέργειφ καὶ μὴ καθὼς καὶ ἕπο τοὺς ἐγχριτιτέρους τῶν ἀρχιερέων.—Любопытно, кого слѣдуетъ здѣсь разумѣть подъ ἐγχριτιτέρους? Думается, что во иныхъ епископовъ, какъ имѣло геронтовъ.

³⁾ Pischon, C. N., op. cit., p. 291—292.

нального собрания". Для истинно-православных христианъ, дорожащихъ достоинствомъ и непорочностью своей церкви (Еф. V, 27), двухъ мнѣній здесь не могло быть.

Итакъ, анализъ двухъ означенныхъ документовъ, протеста геронтовъ и опроверженія его со стороны „национального собранія“, съ убѣдительностью показываетъ, что правда на сторонѣ геронтовъ; дѣло шло не обь ихъ властолюбіи или жадности, а о высинахъ, существенныхъ принципахъ церковнаго управления, могущаго вредно отразиться и на догматическомъ ученіи церкви,—и что, напротивъ, „национальное собраніе“ является поборникомъ и выразителемъ чуждыхъ православной церкви началъ и, для проведения ихъ въ жизнь, употребляетъ достойныя полного осужденія средства: интриганство, клевету, насилие. Ожесточенная борьба вторгшагося съ иновѣрнаго Запада либерализма съ доселѣ твердо хранимымъ на Востокѣ православіемъ принципы, наконецъ, яркий и оирадѣленный характеръ. Мнѣнія и стремленія борющиhsя сторонъ выяснились въ достаточной степени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно стало и то, какъ следуетъ относиться къ разнымъ сужденіямъ, какъ о самыхъ предпринятыхъ по хитти-гумай-юну реформахъ въ Константинопольской церкви, такъ равно и о творцахъ этихъ реформъ и о противникахъ ихъ.

Думается, теперь твердо можно выставить положеніе, что суровый судъ автора о геронтахъ и геронтизмѣ значительно долженъ быть видоизмѣненъ, а именно въ пользу геронтовъ.

Въ суровыхъ приговорахъ своихъ о геронтахъ и геронтизмѣ авторъ руководствовался главнымъ образомъ мнѣніемъ о нихъ нашего знаменитаго іерарха, Московскаго митрополита Филарета. Конечно, авторитетъ митрополита Филарета великъ и можетъ оказывать связующее влияніе, какъ это и случилось съ почтеннымъ профессоромъ И. И. Соколовымъ. Но безпристрастный наслѣдователь не только можетъ, но да же обязанъ позволить себѣ самостоятельность въ сужденіяхъ. Истина должна быть выше всего. Митрополитъ Филаретъ судилъ о геронтахъ издалека, съ чужихъ словъ, безъ вниманія къ историческому течению либерализма на православномъ Востокѣ, по тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, какія были ему доставлены. По эти-то отрывочныя спѣвѣнія имѣли одностороннюю окраску, исходили, въ большинствѣ случаевъ, отъ враговъ геронтизма и геронтовъ. А это значитъ, что и самъ онъ быть связанъ въ своихъ сужденіяхъ. Но, высказываясь неодобрительно о геронтахъ и геронтизмѣ, онъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, признавалъ и считалъ долгомъ указать на весьма важное значеніе пребыванія въ синодѣ

опытныхъ и освѣдомленныхъ членовъ, чего не можетъ быть при ежегодной ихъ смѣнѣ. Это значитъ, что существованіе геронтізма имѣть свое основаніе въ его точки зреінія и что, въ сущности, геронтізмъ въ той или иной формѣ долженъ бы быть сохраненъ въ синодѣ¹⁾.

Дальнѣйшій ходъ событій говорить опять-таки въ пользу геронтовъ. Послѣ отречения патріарха Кирилла VII (21-го іюня—2-го іюля 1860 года), на патріаршую Константинопольскую каѳедру былъ избранъ (10/22 сентября 1860 года), по вновь выработанному „національнымъ собраниемъ“ уставу, геронть Иоакимъ, митрополитъ Кизический, авторъ разобранного выше „протеста“ пяти геронтовъ, рѣшительный противникъ церковныхъ реформъ, и это—послѣ того, какъ либералы употребили всѣ усилия, даже прямо незаконныя средства, чтобы устранить геронтовъ отъ патріаршаго трона и провести своего кандидата²⁾. Примѣчательно и то, что и всѣ послѣдующіе, и именно—наиболѣе выдающіеся патріархи, какъ Софроній III, Григорій VI, Анонимъ VI, Иоакимъ III, хлонутавши, ради блага церкви, о пересмотрѣ общихъ уставовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ стремились вновь создать въ синодѣ геронтізмъ и геронтовъ (см. стр. 778—780), хотя прямо и не употребляли этого названія³⁾. Все это рѣшительно противорѣчить мнѣнію о геронтахъ, распространенному либералами.

Пельзі, наконецъ, не отмѣтить при этомъ сици того начального факта, что первый составъ синода по новому, выработанному „національному собраниемъ“, уставу оказался весьма неудачнымъ. Такъ, вошедший въ составъ священнаго синода епископъ Драмскій Мелетій перенесель, къ соблазну всего православнаго міра, къ католической церкви⁴⁾. Если, такимъ образомъ, въ нѣдрахъ самого священнаго синода, существующаго быть стражемъ православія среди вѣрюющихъ, явились измѣнники православной вѣрѣ и церкви уже на первыхъ шагахъ его дѣятельности, то чего же можно было ожидать отъ учениковъ реформъ при дальнѣйшемъ примѣненіи ихъ къ жизни?

¹⁾ См. *Министръ и отзызы к. Фларета по дѣламъ православной церкви на Востокѣ*. СНБ. 1886, стр. 34—46. Отсюда же ясно можно видѣть, какъ мало и честно было освѣдоидѣть митрополитъ Фларетъ о положеніи дѣлъ на православномъ Востокѣ.

²⁾ См. *Pischon, C. N.*, op. cit., p. 298—303.

³⁾ Название: геронты, геронты, не официально-каноническое, а бытовое; но дѣло—всёже по вѣдома.

⁴⁾ *Pischon, C. N.*, op. cit., p. 301, 305.

Во всякомъ случаѣ, нѣроотступничество Молотія произвело великую сенсацію.

Уже изъ сказаннаго можно видѣть, что въ описанныхъ церковно-гражданскихъ движеніяхъ среди православныхъ христіанъ Востока не малую долю участія принимала европейская дипломатія. Можно даже сказать: главнымъ ходомъ событій заправляла она. Стремленіе Стратфорда Редклиффа Канинга—амалгамировать разныя христіанская народности, входящія въ составъ Турецкой имперіи, съ господствующимъ племенемъ—турками, при посредствѣ либеральныхъ учрежденій, которыя должны быть введены въ государственное устройство Турціи, было не его только личнымъ стремленіемъ, которое должно было изчезнуть вмѣстѣ съ удаленіемъ его изъ Константинаополя: оно составляло задачу вообще англійскаго правительства независимо отъ того, каковъ дипломатический составъ его въ Константинаополѣ. Къ этому стремленію охотно примкнуло и французское правительство, а затѣмъ и другія европейскія державы¹⁾. Хатти-гумайонъ явился однимъ изъ наиболѣе сильныхъ выражений этого общаго стремленія западныхъ державъ. Поэтому введеніе въ разсказъ дипломатическихъ воздействиій на ходъ событій весьма много уяснило бы, какъ сущность его самого, такъ и созданныхъ имъ отношеній.

Западная дипломатія отличается удивительной послѣдовательностью; разъ имѣющими сю задачи прослѣдуются сю неуклонно. Целью этого сказатъ о русской дипломатіи, представляющей, въ то же время, единственный способъ сношенія русской церкви съ единогрѣшными церквами Востока. Авторъ по мѣстамъ касается воздействиій русской дипломатіи на турецкое правительство и Константинаопольскую

¹⁾ Вѣрили ли государственные люди европейскаго Запада въ объединеніе христіанскіхъ народностей Турціи подъ знаменемъ либерализма,—въ этомъ необходимо усомниться. Но то несомненно, что и Англія и Франція, и всѣ занимавшіеся на Западѣ положеніемъ и дѣлами православнаго Востока уматривали и уматриваютъ во введеніи либеральныхъ учрежденій въ государственный организмъ Турціи единственное средство къ уничтоженію влиянія Россіи на православнаго Востокѣ, къ ослабленію устоевъ православной греческой церкви и къ наиболѣе легкому введенію западныхъ ижеученій среди христіанскихъ народностей Турціи (С. Christ. Altheus, op. cit., p. 78—106). Изъ цитованнаго мѣста Christ. Altheus'a всякий легко можетъ усмотретьъ, какою неугасимою венавистью этого авторъ преисполненъ къ Россіи, а вѣдь онъ представляетъ, по своимъ возвѣніямъ, большинство мыслившихъ круговъ Запада. Совершенно справедливо онъ замѣчаетъ, что крымская война продиктована была именно для уничтоженія русскаго влиянія на Востокѣ и, съ этимъ вмѣстѣ, для лучшаго и скорѣйшаго достижениія отмѣченныхъ цѣлей западныхъ народовъ.

патріархію (см., напримѣръ, стр. 733, 736, 747, 775). Однакожъ, эти частичные, спорадически высказываемыя, указания на дѣйствіе русской дипломатіи отнюдь не представляютъ общей характеристики системы съ дѣйствіемъ, особенно по сравненію съ систематичностью дѣйствій западной дипломатіи. Несомнѣнно, напримѣръ, что послѣ крымской войны наша дипломатія въ Константинополѣ приняла совершенно иное направлениe, чѣмъ какого она держалась до этой войны. Послѣ изданія хатта-гумайюна русский посланникъ въ Константинополѣ сталъ дѣйствовать въ смыслѣ постановленій этого либеральнаго турецкаго акта. Такимъ образомъ, его противодѣйствіе героянамъ явилось неизбѣжнымъ. Митрополитъ Филаретъ, хотя вообще, какъ мы видѣли, не сочувствовалъ героянамъ, но все же, на основаніи сообщенныхъ ему свѣдѣній, нашель себя вынужденнымъ указать на неправильность дѣйствій нашей дипломатіи. Это крайне разсердило русскаго посланника въ Константинополѣ, кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, который въ частномъ письмѣ къ министру иностраннѣхъ дѣлъ отъ 24-го мая 1864 года писалъ, между прочимъ: „я не король Сардинскій, и не могъ бы снести равнодушно порицанія, которому могло бы подвергнуться личное мое поведеніе со стороны нашихъ духовныхъ властей“¹⁾). Чтѣ хотѣть онъ сказать этой гибѣнной фразой,—трудно съ точностью опредѣлить; несомнѣнно лишь одно, что фраза гибѣнная и митрополитъ Филаретъ, видимо, очень огорчился ею²⁾). Иностранцы дипломаты принимаютъ во вниманіе наблюденія, мнѣнія и сужденія своихъ духовныхъ лицъ, оцѣнивающихъ события на православномъ Востокѣ съ своей точки зрѣнія. Сужденія нашихъ, бывшихъ на мѣстѣ дѣйствіи, духовныхъ лицъ о совершившихъ въ Константинополѣ событияхъ въ 1858—1860 годахъ во многомъ оказались несогласными съ представлѣніями о нихъ нашей дипломатіи, но не нашли отзыва³⁾).

¹⁾ См. *Мильни и отзывъ митрополита Филарета по дѣламъ православной церкви на Востокѣ*. С.-Пб. 1886 г., стр. 107 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 120.—Впрочемъ, митрополитъ Филаретъ отказался отъ своего неодобрительного отзыва о нашей русской дипломатіи въ Константинополѣ, такъ какъ этотъ отзывъ былъ основанъ на искаженныхъ данныхъ. Тамъ же, стр. 98—101; 119—117; 121—125.

³⁾ Таковыя, несогласныя съ нашимъ дипломатіемъ, сужденія о событияхъ Константинопольской церкви въ 1858—1860 годахъ высказали именно настоятель русской посольской церкви въ Константинополѣ, архимандритъ Нестрѣ (Троицкій). О дипломатіи нашей въ Константинополѣ онъ даже выражался: „Странно, уродливо неестественнѣ къ іерархамъ греческимъ заражено наше молодое посольство“. Но митрополитъ Филаретъ подвергъ его сообщеніямъ и отзывамъ о дипломатіи жестокой критикѣ

Явилась-было мысль завязать непосредственный сношения между нашей духовной властью и Константинопольскою патриархией, и дѣло это приняло-было благопріятный ходъ. Но наше министерство иностранныхъ дѣлъ воспротивилось этому, и дѣло заглохло¹⁾.

Что же получалось въ резулѣтѣ дѣйствій нашей дипломатической миссии на православномъ Востокѣ? Какъ на бесспорный фактъ, слѣдуетъ указать на то, что миролюбіо и прямое содѣйствіе лібераламъ православнаго христіанскаго Востока симпатіи ихъ къ Россіи не приобрѣли. Всѣ лібералы всѣхъ православныхъ национальностей Востока—и грековъ, и сербовъ, и болгаръ, и румыновъ (о другихъ национальностяхъ вѣдь нечѣть рѣчи)—и при томъ всѣхъ видовъ и оттѣнковъ, пытаются къ Россіи какую-то неугасимую ненависть²⁾, между тѣмъ въ патриархіи вызвали сильное къ ней охлажденіе. Выясненіе всего этого было бы весьма желательно въ почтенномъ трудѣ профессора И. И. Соколова.

и не придалъ имъ никакого значенія. Однакожъ исходный пунктъ критики митрополита Филарета не можетъ быть названъ на столько прочнымъ, чтобы на немъ можно было основаться. Митрополитъ Филаретъ возражалъ: «Если Государь Императоръ нашелъ книгу (А. В. Лобакова-Ростовского) достойными быть посланниками: прілично ли ваше осуждающее и насмѣшилъ слово: „молодое посольство“? Младшій изъ членовъ молодого посольства написалъ такую пріимѣчательную книгу (разумѣется: „Гуссъ и Лютеръ“, Е. П. Новикова), какой вы не написали: очевидно онъ молодъ прорѣвъ вами» (Минія и отзывы митрополита Филарета по дѣламъ православной церкви на Востокѣ, стр. 34, 189). Трудно представить, что такое возраженіе архимандриту Петру могъ одѣять мудрый митрополитъ Филаретъ; вѣдь на основаніи этого возраженія слѣдуетъ заключить, что все наши посланники одинаково разумны и правы, и судить обѣихъ дѣйствіяхъ невозможно, такъ какъ вѣдь они найдены Государемъ Императоромъ достойными быть посланниками, и что, кто не написалъ подобной „пріимѣчательной“ книги, какъ „Гуссъ и Лютеръ“ Е. Новикова, тотъ не можетъ и соваться произносить сужденіе о дипломатическихъ дѣлѣніяхъ автора этой книги. Но именно потому-то, что Е. П. Новикова написала книгу о „Гуссѣ и Лютерѣ“, въ односторонне-славянофильскомъ духѣ, она и могла дѣйствовать (да, конечно, и дѣйствовала) во вредъ Константинопольской патриархіи: вѣдь у насъ всѣ, а славянофилы въ особенности, хорошо въ то время вошли противъ Константинопольской патриархіи, во всемъ де помнили въ отношеніи непримѣнно угнетенныхъ и угнетаемыхъ болгаръ. Что наблюдения и отзывы архимандрита Петра не лишены были основаній и что изъ нихъ слѣдовало бы прислушаться,—это съ уѣдѣтельностью доказали послѣдующія события.

¹⁾ Минія и отзывы митрополита Филарета по дѣламъ православной церкви на Востокѣ. С.-Пб. 1886 г., стр. 136, 169—179.

²⁾ См. Мирный трудъ 1904 г., № 7 (сент.), стр. 136—139; Pichler, Al., Gesch. der Kirchl. Trenn. zw. d. Or. u. Occid. B. II, S. 395—396.

Теперь не трудно понять и то, почему описание борьбы патриархія за права и преимущества, которыи вадумала было отнять у нея Порта, слѣдует отнести къ рассматриваемому третьему отдѣлу, гдѣ излагается история реформъ въ церковномъ управлении, а не ко второму, посвященному біографіямъ патриарховъ. Попытка Порты лишить патриархію древнихъ ея правъ и преимуществъ, ведущихъ начало свое со временъ султана Магомета II, составляется одно изъ звѣньевъ въ общемъ ходѣ реформъ турецкаго государственного организма по требованіямъ современной европейской культуры. Принципы либерализма должны были, по возвращенію западно-европейскихъ державъ (главнымъ же образомъ Англіи, а за нею Франціи), объединить разныя христіанскія народности съ господствующимъ турецкимъ мусульманскимъ населеніемъ. Теперь, съ обнародованіемъ и приведеніемъ въ жизнь хатти-гумайона, равноправіе христіанъ съ мусульманами стало де факто. Тѣкущимъ образомъ права и привилегіи патриархіи, дарованныя ей при иныхъ условіяхъ, соответствующихъ древнему государственному устройству Турции, теперь, съ проведеніемъ реформъ, отпадаютъ сами собою; они являются излишнимъ ballastомъ въ новомъ „равноправномъ“ государственномъ строѣ. Но такія громкія слова были весьма далеки отъ дѣйствительности. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что положеніе христіанъ послѣ издания хатти-гумайона не измѣнилось, или же если и измѣнилось, то только въ незначительной мѣрѣ; по прежнему оно оставалось тяжелымъ. Дѣйствительно, въ смыслѣ улучшенія положенія христіанъ хатти-гумайонъ представлялъ разорванный листъ бумаги—не болѣе. Было уже отмѣчено, что либеральныя начала современной Европы, не совмѣстимыя съ христіанствомъ, противорѣчать также и корану. Посему турки отнеслись къ хатти-гумайону враждебно. Массовое истребленіе христіанъ въ Сиріи въ 1860 году по справедливости считается „практическимъ осуществленіемъ хатти-гумайона“. Въ мартѣ 1860 года турки составили собраніе въ Дамаскѣ подъ предсѣдательствомъ генераль-губернатора Ахмета-паша. На этомъ собраніи присутствовали шейхъ-уль-исламъ Дамасскій и девять высшихъ чиновниковъ Сиріи. Результатомъ собрaniя было то, что хатти-гумайонъ объявленъ противорѣчащимъ духу и буквѣ корана, а улучшеніе настоящаго положенія имперіи признано было возможнымъ только чрезъ истребленіе всѣхъ христіанъ. Иримѣчательно, что противъ сирійскихъ звѣрствъ воспротестовала одна только Франція, между тѣмъ какъ Англія вела себя болѣе, чѣмъ двусмысленно; она какъ бы сознавала этимъ сирійскимъ

авърствамъ¹⁾). Въ виду такого фактическаго значенія хатти-гумайона, неудивительно, что патріархія напрягла всѣ свои силы, чтобы отстоять древнія свои права и преимущества; вѣдь дѣло шло не болѣе и менѣе, какъ о сохраненіи самой православной вѣры, которой, сть упраздненіемъ этихъ правъ и преимуществъ патріархіи, угрожало, какъ авърство турокъ, теперь ничѣмъ не стѣсняемое, такъ еще и либерально-андифферентное отношеніе хатти-гумайона къ религіямъ. Естественно, Порта желала примѣнить навязанный ей начала либерализма возможно выгоднымъ образомъ для себя; объявленіе Парижскимъ трактатомъ общо-европейскаго покровительства православнымъ христіанамъ Турциі развязывало ей руки. Посему приписывать все злымъ умысламъ Порты, какъ дѣлаетъ это авторъ, едва ли справедливо. Въ дѣйствительности, какъ видимъ, идетъ сложная работа. Ее-то и требуется раскрыть.

Вѣрно ли сцѣ и другое вышепоставленное сужденіе—аргскаго митрополита Софронія,—что продпринята въ 1858—1860 годахъ реформа имѣла въ виду „правости къ примиренію всѣ племена, исповѣдующія православіе въ Турції“? Авторъ какъ будто соглашается съ этимъ мнѣніемъ митрополита Софронія, ибо, чтобы придать силу и важность его сужденію, онъ предъ этимъ титулуетъ его „однимъ изъ просвѣщенныхъ и вліятельныхъ греческихъ іерарховъ“, и вслѣдъ затѣмъ опять-таки говорить: „такъ смотрѣли на дѣло и другіе благоразумные греческіе іерархи, съ патріархомъ Кирилломъ VI во главѣ“ (стр. 721). Ниже, на стр. 778, профессоръ И. И. Соколовъ ставить вопросъ: „не въ дѣятельности ли смѣшанного совѣта и не во вліяніи ли мірянъ на церковныя дѣла нужно усматривать главную причину такихъ прискорбныхъ явлений въ церковной жизни православнаго греческаго Востока, какъ вопросы болгарскій, антіохійскій, кипрскій и т. п.“? Вопросъ оставленъ безъ отвѣта, какъ иссомоглино предполагающій утверждительнос: да. Теперь, сопоставляя эти два мѣста въ сочиненіи достопочтеннаго профессора И. И. Соколова, мы должны прийти къ заключенію, что реформа 1858—1860 годовъ сама по себѣ привела бы къ примиренію православныхъ племенъ Турциі, но, вѣдь, выѣздались міряне и—испортили все дѣло. Такъ ли?

Авторъ ничего не говорить, когда, какъ и изъ-за чего разсорились

¹⁾ Lénormant, *Histoire des massacres en Syrie en 1860*. Paris 1861, p. 18; Pichler, Al., Gesch. d. kirchl. Trenn. zw. dem Orient u. Occid. B. I, S. 453—454; Pischon, C. N., op. cit., p. 274—275.

между собою православные племена, обитающие въ Турції? Между тѣмъ въ этомъ—сила. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что и мірянинъ смѣшанного совѣта, и двигатели болгарского вопроса, а равно также—антioхійскаго, кипрскаго и др., были выразителями однихъ и тѣхъ же либеральныхъ идей культурнаго запада. Воспрыятіе этихъ идей послало разногласіе между православными племенами, обитающими въ предѣлахъ турецкой имперіи; предпринятая реформа 1858—1860 годовъ наложила на него печать. Какъ только либеральные міряни смѣшанного совѣта (называемаго, какъ мы видѣли, греческими либералами тотчасъ же послѣ открытия его засѣданій єдиногурульющими, или єдиноктючими—национальнымъ собраниемъ) направили заявленіе о своемъ намѣреніи примѣнить къ себѣ „культурные блага Европы“, немедленно въ слѣдъ за этимъ, съ тѣми же самыми требованіями, выступили и либеральные вожаки болгаръ¹⁾). Настоящая всероссийская смута можетъ служить отличнымъ поясненіемъ этого. Провозглашеное господство принциповъ либерализма, и вотъ каждое племя, входящее въ составъ Россіи, заговорило объ автономіи, о выдѣлѣніи себѣ изъ состава российской державы. То же самое случилось и при проведении реформъ, на либеральныхъ началахъ, хатти-гумайюна въ области юрисдикціи Константинопольскаго патріарха. Такимъ образомъ реформа на либеральныхъ началахъ хатти-гумайюна не могла привести къ примиренію племена, исповѣдывающія православіе въ Турціи. Напротивъ, она могла только приложить печать на возникшію—прямо-таки изъ тѣхъ же самыхъ либеральныхъ началъ—раздоры между ними, ибо она сама въ себѣ заключала сѣмена раздора. Сужденію митрополита Софонія (артскаго), какъ увлекшагося либерализмомъ, или, вѣрѣ, красивыми его фразами, менѣе всего слѣдовало придавать руководящее значеніе: либерализмъ не примиряетъ, а вноситъ разногласія, „индивидуализируетъ“ каждого со всеми свойственными индивидууму претензіями, въ большинствѣ случаевъ, или, даже обычно, несовмѣстимыми съ претензіями другихъ индивидуумовъ, и эта индивидуализація относится какъ къ отдѣльнымъ лицамъ, такъ равно и къ лицамъ собирательныхъ: къ народамъ, племенамъ и т. д.

Высказавъ свое уклоненіе отъ возврѣній достопочтенного профессора И. И. Соколова въ существенныхъ вопросахъ, я не буду останавливаться на мелкихъ недостаткахъ его сочиненія: недостатки неизбѣжны во всемъ и вездѣ, во всякомъ труде, а трудъ И. И. Соколова

¹⁾ Cf. *Pischon, C. N.*, op. cit., p. 292, 304 sq.

слишкомъ обширенъ, чтобы можно было ихъ избѣгнуть. Но все же не могу не выразить еще одного пожеланія: чтобы переводы его, особенно офиціальныхъ документовъ, отличались возможною точностью. Такъ, на стр. 769 онъ доказываетъ:

Примѣчаніе. „Для болѣе удобнаго исполненія постановленій народнаго собранія, въ первый и единственный только разъ половину личнаго состава свѣтскіхъ членовъ постояннаго народнаго съвѣтшанія собранія должно взять изъ членовъ временнаго собранія, состоящихъ представителями Константинополя,—которыхъ должны избрать, безусловнымъ большинствомъ голосовъ, всѣ члены собранія и которые, по мінованіи первого года, будутъ замѣнены другими“.

По прочтениі приведенныхъ словъ возникаетъ недоумѣніе, какъ нужно понимать выраженіе: „безусловнымъ большинствомъ голосовъ“? и что авторъ хотѣлъ сказать этими словами?—Слово: *актоботос*, указываетъ на рѣшеніе при минимумѣ большинства,—т. е. для рѣшенія того или иного вопроса достаточно перевѣса лишь однимъ голосомъ, и это обыкновенно выражается терминомъ: „абсолютный“ (*absolute*), рѣшающій. Поэтому весь приведенный текстъ *примѣчанія* долженъ получить нѣсколько иную формулировку. Ниже, на стр. 806, авторъ употребляетъ правильную терминологію и даже входитъ въ разъясненіе „абсолютного большинства“ голосовъ. Вслѣдствіе сего представляется непонятнымъ, что именно заставило ого уклониться отъ правильной, принятой терминологіи въ разматриваемомъ случаѣ.

Равномѣрно и съ технической стороны сочиненіе профессора И. И. Соколова требуетъ нѣкоторыхъ улучшений. Въ этомъ отношеніи нежелательную сторону въ его сочиненіи представляется введеніе имъ весьма многихъ греческихъ терминовъ: *гресій*, *пунгъ*, *прокритъ*, *антипросопъ*, *прономіи*, *кинотъ*, *томъ*, *сигнллій*, *пятакій*, и т. д., и т. д. Читатель запутывается въ этихъ терминахъ. Было бы лучше, если бы авторъ передалъ ихъ установленвшимися и принятыми въ русскомъ языкѣ, соответствующими имъ терминами, тѣмъ болѣе, что весьма многие изъ употребляемыхъ имъ греческихъ терминовъ могли бы быть замѣнены безъ труда. Иные же необходимо требуютъ поясненія, иначе у читателя не остается никакого опредѣленнаго впечатлѣнія. Здѣсь я разумѣю преимущественно тѣ термины, которые относятся къ денежнѣмъ знакамъ. Такъ, напримѣръ, профессоръ И. И. Соколовъ весьма часто употребляетъ слово *гресій*, но какая величина этого *гресія*?—нигдѣ прямо не указывается. Правда, на стр. 39 мы встрѣчаемъ у него такое выраженіе: „Послѣ него (патріарха Іереміи III) долгъ

патріархії простирався до 100,769 гросіевъ или до 400,000 франковъ¹⁾, представляющее переводъ изъ Гѣвасуа, Патріархії Пінаке, въ жизнеописаніи этого патріарха²⁾). Отсюда, повидимому, слѣдуетъ заключить, что гросій превышалъ напѣть рубль по настоящему его курсу. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи тотчасъ же обнаруживается несобразность. На стр. 763, въ „уставѣ устройства личного состава свяц. синода“, читаемъ: (членамъ синода) „должны быть назначены соотвѣтствующія денежныя субсидіи, которая будуть получать тѣ архіерен—члены синода, постоянные доходы коихъ меньше 50,000 гросіевъ, въ вознагражденіе за расходы по пребыванію въ Константино-полѣ“, иначе говоря, субсидія назначается архіереямъ—членамъ синода, получающимъ около 200,000 франковъ, т. е. болѣе 50,000 рублей. Это—внѣ всякой вѣроятности. Но тогда—въ чёмъ же дѣло? Гельцеръ, близко знакомый съ Востокомъ и споціально занимающійся исторіей православной восточной церкви, замѣчаетъ: „Турецкій піастръ (Тоорхіхонъ грбсю) стоять въ настоящее время около $\frac{1}{5}$ франка“³⁾. Въ такомъ случаѣ изъ внушительной, на видъ, суммы въ 50,000 гросіевъ получается весьма скромная сумма на наши деньги—около 4,000 рублей. Для такого члена синода субсидія, дѣйствительно, необходима. Вѣдь теперь у насъ чиновники, получающіе окладъ въ 4,000 рублей, уже начинаютъ поговаривать, что на такую сумму „жить нельзя“. Чѣдже долженъ быть дѣлать архіерей—членъ синода, обязанный расходоваться и въ своей епархіи, и въ Константино-полѣ?⁴⁾...

Еще болѣе выдающійся примѣръ: „Патріарху Константино-полскому, обязанному содержать великаго архідакона, второго діакона и остальныхъ служащихъ ему лицъ и производить всѣ необходимые расходы, соотвѣтственно церковному и народному достоинству, назна-

¹⁾ с. 631: 100,769 гроза, т.е. болѣе 400,000 франковъ.

²⁾ Der türkische Piaster (Toorhixonъ грбсю) gilt gegenwärtig etwa $\frac{1}{5}$ franc (Gelzer, Heilig., Geistliches und Weltliches aus dem türkisch-griechischen Orient. Leipzig 1900, S. 7). Итакъ, цѣнность гроза равна 1-му піастру, $\frac{1}{5}$ части франка, или, приблизительно къ курсу, 8 копѣйкамъ на наши деньги. Си. также: Beth, K., Die orientalische Christenheit der Mittelmeerländer. Berlin 1902, S. 29—30; Silbernagl, Is., Verfassung und gegenwärt. Bestand sämtl. Kirchen des Orients. Zweite Aufl. Regensb. 1904, S. 19; Richman, F., Die Reformen des Osman. Reiches. Berlin 1850, S. 447.

³⁾ Гельцеръ замѣчаетъ: Ein Gehalt unter 40,000 Piaster (ca. 6500 Mk.) kann für einen Kirchenfürsten nicht anders als höchst ärmlich bezeichnet werden, и сорвенично правильно. Gelzer, H., Geistl. u. Weltl. aus d. turk.-gr. Or. S. 10—11.

чается 500,000 гросіевъ, съ тѣмъ, чтобы онъ ничего болѣе не получалъ изъ національного казначейства подъ предлогомъ расходовъ" (стр. 773). 500,000 гросіевъ, или, по приведенному сопоставлению со стр. 39-ю у автора, 2,000,000 франковъ, повидимому, крупная сумма; между тѣмъ въ дѣйствительности, по точной справкѣ, она, въ переложеніи на наши деньги, будетъ равна только 40,000 рублеймъ. Если принять во вниманіе значительные, уже въ этомъ параграфѣ перечисленные расходы, обязательные для патріарха, то нельзя не прийти къ заключенію, что содержаніе первому іерарху въ православномъ мірѣ назначено чисто пищонское: не пышно онъ можетъ оказывать, на эту сумму, свое церковное и народное достоинство. Вѣдь,—если поразсудить,—на одни могущія случиться благотворенія, приличествующія главѣ церкви, „ієзарху и василевсу“, 40,000 рублей едва достаточны, и то—въ скромной мѣрѣ. Откуда же взять на уплату служащимъ лицамъ, на представительство, содержаніе собы, своего двора, приличествующее патріарху?..

Приведенныхъ примѣровъ, думается, достаточно, чтобы видѣть, какъ важно, и даже необходимо, точное переложеніе греческихъ монетныхъ терминовъ на русскіе денежные знаки: оно во-очію показало бы экономическое положеніе греческаго клира (см. стр. 804) и послужило бы лучшимъ опроверженіемъ безмѣрию преувеличеныхъ обвиненій его въ жадности, корыстолюбіи, невѣролѣтныхъ вымогательствахъ, и т. д. По мѣстамъ (впрочемъ, весьма рѣдко) авторъ опредѣляетъ стоимость турецкихъ монетъ. Напримеръ, на стр. 803-й онъ говоритъ, что маджидіе равно 1 р. 60 к. Однакожъ другіе знатоки Востока опредѣляютъ эту монету въ 1 р. 80 к. Позволительно надѣяться, что при второмъ изданіи своего сочиненія авторъ приметъ во вниманіе указываемый недостатокъ его труда, ибо—какая польза говорить на языкахъ познакомыхъ?..

Не желательны также такія выраженія, какъ, напримѣръ, слѣдующее: „Необходимо было создать для нихъ такой modus vivendi, при которомъ можно было бы получить maximum пользы“ (стр. 5; см. стр. 14). Вообще авторъ любить употреблять иностранные слова и некоторую вычурность въ выраженіяхъ. По моему мнѣнію, это только портить сочиненіе.

Еще одно замѣчаніе.—Авторъ не установилъ для себя опредѣленной терминологіи собственныхъ имёнъ. Онъ пишетъ—то Гудъ, то Гудасъ, то Коранъ, то Коранисъ, то Судо, то Суцось, и т. д., и т. д. Допустимъ, что его книгу будетъ читать семинаристъ,—развѣ не

можетъ случиться, что этотъ юный читатель, встрѣчая на разныхъ разстояніяхъ—иногда не извѣстительныхъ—Коранъ и Корана, Маеу и Маоаса и т. д., будетъ отдѣлять, какъ особое лицо, Маеу отъ Маоаса и т. д.? Но это—всѣ молочи, хотя и нежелательныя. Равнымъ образомъ не совсѣмъ удобны и нѣкоторыя сокращенія словъ, дѣлаемыя авторомъ, какъ напр. на стр. 708, 732, 805 и др.

Кромѣ того, встрѣчаются еще многочисленныя неисправленныя опечатки. Но это легко объясняется обширностью и сложностью его труда. При второмъ изданіи своего сочиненія, авторъ, нужно ладѣться, отнесется болѣе внимательно къ указываемымъ молочимъ недочетамъ, чѣмъ это онъ могъ сдѣлать при рассматриваемомъ первомъ изданіи. Напримеръ, на стр. 718 напечатано: „Въ каждомъ совѣтѣ будетъ находиться одинъ представитель высокой Поры“. Конечно, очень можно догадаться, что нужно читать: Порты, а не Поры. Ну, а что, если кто-либо не догадается?—Вѣть и пойдетъ гулять „Пора“. Или на стр. 727: „На немъ была избрана трохлѣтняя комиссія“. Такихъ неисправленныхъ опечатокъ много и онѣ нежелательны.

Но, выставляя свое несогласіе въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ историческихъ явленій въ исторіи Константинопольской церкви послѣдняго времени, отмѣчая недочеты въ сочиненіи профессора И. И. Соколова, я этиимъ отнюдь не думаю умалять крушильщъ его достопріятствъ. Думается, что не будь преувеличеніемъ сказать, что трудъ профессора И. И. Соколова—трудъ капитальній. Авторъ основательно ознакомился съ существующимъ по его предмету литературой, изучилъ обнародованные и архивные документы и часть этихъ документовъ полностью или въ извлечениіи издалъ самъ, въ качествѣ особаго приложения (*Неоэллѣтчѣ*) къ своему сочиненію. Всѣ сообщенія его обоснованы документально и приложенія имъ *Неоэллѣтчѣ* могутъ служить отличнымъ доказательствомъ вѣрности его сообщеній. Всѣдѣствіе всего этого книга его навсегда останется цѣннымъ пособіемъ при изученіи православной церкви въ турецкихъ владѣніяхъ, а приложенія (*Неоэллѣтчѣ*) не только служить подтвержденіемъ сказаннаго въ текстѣ книги, но имѣть, какъ справедливо замѣчаетъ самъ авторъ, и самостоятельное значеніе: имъ можно пользоваться, при изученіи историческихъ судебъ Константинопольской церкви, какъ и всякими другими издаными документами. Преимущественно же слѣдуетъ отмѣтить въ книгѣ профессора И. И. Соколова то, что у него повсюду сквозить любовь къ изученію стоящей подъ ногами турецкой православной церкви. Это рекомендуется ого, какъ страстнаго изслѣдователя еще весьма мало обработанной

почвы. Да, И. И. Соколовъ любить православную восточную церковь и эта-то любовь его къ ней мудръ его заниматься изслѣдованиемъ ея судебъ и представить исторію ея въ подлинно объективномъ свѣтѣ, безъ тенденціозныхъ мрачныхъ преувеличеній томныхъ съ сторонъ, однакожъ и безъ умалчиванія объ этихъ темныхъ сторонахъ ея жизни. Онъ старается дать имъ лишь должное освѣщеніе. Въ его описаніи страждущая святая православная церковь Востока является именно страждущею и съятою церковью, обрѣтывающею крѣвость свою во Христѣ, Глагѣлъ ея.—Пожелаемъ широкаго распространенія разбираемой книги профессора И. И. Соколова.

Ф. Кургашевъ.

LEYENDAS DEL ULTIMO Rey soro. Por Juan Menenes Pidal. Madrid. 1906.
(200 стр.).

Знаменитая легенда о послѣднемъ готскомъ королѣ Родриго, при которомъ Испанія была завоевана арабами, была предметомъ изученія въ обслѣдованія многихъ ученыхъ. Захватывающій интересъ содержанія легенды, ея фантастический и наэндательный характеръ способствовали какъ распространенію сказанія, такъ и его популярности. Всесторонній опытъ разобраться въ исторіи легенды, рядъ генетическихъ вопросовъ, съ икою связанныхъ, освѣтить ея историко-литературное значеніе—принадлежитъ пору Хуана Менендеса Пидала, молодого и солиднаго ученаго школы Менендеса и Пелайо. Въ виду цѣльности и критического характера монографіи Пидала, занимающей первое мѣсто въ литературѣ о послѣднемъ готскомъ королѣ, мы познакомимъ читателя съ содержаніемъ и пріемами книги.

Книга г. Пидала распадается на три отдѣла: I) La cueva de Hercules (пещера Геркулеса), II) Don Rodrigo y la Caba и III) La penitencia. Въ первой главѣ (La cueva de Hercules) мы находимъ изложеніе легенды по древнейшимъ свидѣтельствамъ арабскихъ и испанскихъ писателей, анализъ историческихъ элементовъ, которые могли войти въ основу содержанія легенды и о генезисѣ и распространеніи легенды.

Во главѣ *Rodrigo y la Caba* мы имѣемъ обстоятельный поисытку разобраться въ критическихъ замѣчаніяхъ, высказанныхъ различными изслѣдователями по поводу исторической канвы легенды въ рассказахъ арабскихъ и христіанскихъ писателей, а также анализъ основныхъ текстовъ. Далѣе г. Пидаль тщательно разбираетъ основные поэтическія версіи и усматриваетъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ слѣды chanson

de geste. Въ заключеніе мы читаемъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подверглась легенда подъ вліяніемъ книжныхъ элементовъ.

Въ отдѣлѣ *La repenitencia* мы находимъ анализъ первыхъ историческихъ сliдѣтельствъ о покаяніи дона Родрига, предположеніе о происхожденіи легенды и ся развитіи, очеркъ мотива „покаянія“ въ романахъ португальской версіи и отраженія легенды въ современной литературѣ.

Главу о различныхъ редакціяхъ легенды г. Нидаль начинаетъ съ изложенія разсказа арабскаго историка VIII ст. Абонъ Габиба. Эта древнѣйшая версія повѣствуетъ лишь о томъ, что *Roderik*, андалузскій король, велѣлъ открыть комнату, запертую 24 замками (число его предшественниковъ), и нашелъ тамъ деревянную шкатулку, а на ней изображеніе вооруженныхъ арабовъ съ надписью: „Когда эта комната будетъ открыта и кто-нибудь войдетъ въ нее, народъ, вѣшность которого здѣсь изображена, совершилъ нападеніе на эту страну, овладеетъ ею и побѣдить“.

Арабская версія IX ст. (844—848) уже обладаетъ подробностями, неизвѣстными древнѣйшей версіи. Здѣсь говорится, что арабы нашли въ *Casa de los Reyes* 24 короны, а также столь Соломона. Затѣмъ исторія передается, какъ *Lodarik* приказалъ открыть комнату, гдѣ нашелъ извѣстныя уже изображенія и предсказанія.

Вторую часть этой версіи повторяетъ Абенъ Айкутскій, историкъ X ст.

Въ XII в. Гомаиди весьма подробно развиваетъ деталь о томъ, какъ вассалы Родрика всячески стараются удержать короля отъ необдуманного шага, предлагая ему свои громадныя богатства.

Въ хроникѣ *Rasisa* разсказывается, какъ Родриго узнаетъ отъ своихъ вассаловъ, что Геркулесъ построилъ чудесный замокъ и ключъ отъ него отдалъ на храненіе знатѣйшимъ гражданамъ города. Внутренность дворца оказалась сдѣланной изъ камня четырехъ цветовъ: бѣлого, чернаго, зеленаго и краснаго. Заключеніе то же, что и въ другихъ версіяхъ, т. е. находка изображеній арабовъ. Съ некоторыми вариантами эта версія повторяется въ XIII и XV ст. Въ разсказѣ Диасъ-Гамеда упоминается о трехъ сосудахъ, найденныхъ королемъ, въ которыхъ хранились: голова мавра, ящерица и змѣя. Въ передачѣ *Arcipreste de Talavera* разсказъ отдѣляется стихийными бѣдствіями, слѣдовавшими за нарушеніемъ дономъ Родриго запрота.

Г. Нидаль пытается опредѣлить, какіе исторические элементы вошли въ основу легенды. Опять указывается, что въ Толедо была церковь,

тдъ короли приносили клятву и гдѣ хранились короны умершихъ. Обычай приносить въ даръ Богу свои вѣнцы былъ распространять среди владѣтелей Толедо, Астуріи и Леона. Не менѣе достовѣрны и известія о храненіи Евангелій, Торы и книги Авраама и Моисея, а также знаменитаго сокровища, сливущаго подъ названіемъ „Столъ Соломона“. Эти положенія, устанавливаемыя различными историческими свидѣтельствами, осложнили любопытными подробностями *Cronica general*. Всѣ поиски таинственнаго храма на землѣ и подъ землей остались тщетными. Легенда подвергалась различнымъ измѣненіямъ и имѣть аналогію въ мексиканской легендѣ. Все это—позднѣйшія наслоеенія.

Вторая часть труда г. Педалля—*D. Rodrigo y la Caba*. Новый фазисъ легендарной исторіи о король Родриго осложняется любовной его авантюрой и актомъ мести оскорблѣнаго отца-вассала. Юліанъ называется *Elias* и пѣкоторыми историками считается грекомъ. Въ дѣйствительности, Юліанъ звался Ольбаномъ, быть грекомъ по происхожденію и вступилъ съ союзомъ съ арабами противъ готскаго короля. Арабамъ казался непонятнымъ разрывъ между королемъ и владѣтелемъ Сеуты (Ольбаномъ), и они пришли къ выводу, что Ольбанъ былъ готскій вассалъ.

Въ арабскихъ разсказахъ исторія измѣны Юліана осложняется эпизодомъ соблазна королемъ его дочери (или жены). Эпизодъ этотъ является въ XI ст. и развивается съ точеніемъ времени. Что касается до христіанскихъ свидѣтельствъ, то они появляются въ XII ст. и въ существенныхъ частяхъ мало отличаются отъ арабскихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что на образованіе легенды о Родриго значительно повлияла легенда о Витицѣ, предшественникѣ Родриго, жившемъ въ развратѣ и поощрявшемъ къ нему подданныхъ (приказъ епископамъ жениться). Родриго вель себя не лучше, пока не погибъ въ борьбѣ съ сыновьями Витици, привезшими на помощь мавровъ. Лишь въ XIII в. легенда о Родриго отдѣляется отъ легенды о Витицѣ.

Христіанская легенда о Родриго и дочери Юліана начинается съ XII в. въ записи монаха изъ Салоса. Измѣна Юліана обусловлена здесь обольщеніемъ королемъ его дочери. Другой лѣтописецъ, Лука Туй, присоединяется къ этой версіи, осложняя ее новыми подробностями. Основная фабула сохранена и въ *Cronica General*.

Въ легендахъ объ измѣнѣ Юліана можно отмѣтить параллелизмъ между предшественникомъ Родрига, Витицой, и имъ самимъ. Оба слушаютъ коварного совѣта и уничтожаютъ крѣпости. Таковы свѣ-

дѣніемъ въ хроникѣ Альфонса III. Исторія о Витицѣ, беъ сомнінія, отразилась на исторіи о Родриго.

Что касается до Юліана, то его роль въ разныхъ редакціяхъ изображается различно. Онъ ставится въ ближайшія отношенія въ качествѣ вассала то къ Витицѣ, то къ Юліану, и ему отводятся различные территории.

Рядомъ съ исторической легендой возникло и развивалось устное народное преданіе объ измѣнѣ Юліана въ гибели Родрига. Древнѣйшіе рассказы обвиняютъ Родриго въ томъ, что онъ обманулъ Юліана, заманивъ его дочь хитростью и сдѣлавъ ее вмѣсто жены наложницей. Особенно интересна версія таѣтъ называемаго псевдо-Исидорова кодекса. Замѣчательна также разсказъ въ *Египетской Sagrada*. Въ походѣ Фернанда Гонзалеса, въ исторіи Пресвятой Дѣвы Гвадалупской мы имѣемъ послѣднія поэтическія обработки легенды. Г. Пидаль тщательно анализируетъ источники поэтическихъ обработокъ. Г. Пидаль полагаетъ, что существовалъ не одинъ, а нѣсколько цикловъ *chanson de geste* о Родриго. Во французской поэмѣ *Ansers de Cartago* (XIII) мы находимъ пересказъ исторіи Родриго, г. Пидаль указываетъ и слѣды ворсификаціи въ хроникахъ.

Въ заключеніи 2-й ч. г. Пидаль разбираетъ книжныя и библейскія вліянія на легенду.

Третья часть работы г. Пидали посвящена мотиву *Раскаленія* (*Penitencia*) готского короля.

Первые извѣстія историковъ, какъ испанскихъ, такъ и арабскихъ, ограничиваются упоминаніемъ о доблестной смерти короля на полѣ битвы; но трупъ его не былъ найденъ. Въ одной церкви въ Визео найдена надпись: „*Aqui yace Rodrigo, rey de los godos*“. Быть можетъ, эта надпись и дала толчокъ образованію легенды.

Въ хроникѣ 1344 г. находятся подробности о смерти Родриго, которого медленно пожирала земля. Особенно разработанъ эпизодъ о поискахъ Родриго въ *Crónica de García de Esgui* (1388—1416). Подобная версія были распространены въ XV ст. въ Португалии. Особенной полнотою отличается версія въ хроникѣ Педра Коррала (1443 г.).

Весьма интересны соображенія г. Пидали относительно генезиса легенды и ея развитія. Онъ указываетъ на вліяніе древнихъ уголовныхъ законодательствъ, а также на возможное происхожденіе составныхъ частей легенды. Слѣдя за ея эволюціей, г. Пидаль приводить весьма художественный разсказъ по рукописи эскоріальского монастыря.

Во главѣ „Ренессанс и готика“ г. Пидаль приводить рядъ неизданныхъ народныхъ романсовъ по собственнымъ записямъ. Въ послѣдней главѣ авторъ монографіи рассматриваетъ легендарное преданіе о Родриго, сохранившееся въ Португалии, и попытки поэзіи новаго времени воспользоваться благодарнымъ сюжетомъ.

Основанная на первоисточникахъ, пользующаяся иѣкоторыми новыми рукописными данными, книга „Легенды о послѣднемъ ютскомъ королѣ Родриго“ Хуана Пидала даетъ намъ всестороннюю разработку темы, строго критическое изслѣдованіе и прекрасное изложеніе. Молодое поколѣніе историковъ литературы въ Испаніи вполнѣ овладѣло научнымъ методомъ. Изслѣдованіе г. Пидала въ этомъ смыслѣ является образцовымъ.

Л. Шепелевичъ.

Longinotti e Vaccini. LA LITTERRATURA ITALIANA NELLA STORIA DELLA CULTURA. V. I. Dalle origini al rinascimento. Con 86 illustrazioni e 4 tavoli. V. II. La rinascita letteraria e il risveglio scientifico sec. XV, XVI e XVII. Con 99 illustrazioni e un facsimile. Firenze. S. Sansoni MCMVI.

Сочиненіе, заглавіе котораго выписано, представляетъ собою чрезвычайно счастливый и вполнѣ новый типъ руководства по истории итальянской литературы. Слѣдуетъ признать, что ни въ западной, ни въ русской наукѣ мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ пособій по истории литературы, составленныхъ научно и популярно. Курсъ Корша-Кирпичникова слишкомъ специаленъ, лишенъ общей, руководящей методологической идеи,—въ сущности, сборникъ очень хорошихъ для своего времени монографій, теперь уже устарѣвшій. Курсъ Когана (для дѣвицъ) представляетъ собою передачу содержания лекцій Стороженка, иѣстами не вполнѣ продуманную. Переводные курсы Шерра, Штерна, монографіи Шерера, Гетнера, Гаспарі, Брандеса, Лансона, Тикора и др.—отчасти поверхностны, отчасти имѣютъ въ виду очень подготовленного читателя. Основной недостатокъ всѣхъ безъ исключенія существующихъ руководствъ и пособій по литературѣ состоится въ полномъ отсутствии христоматического элемента, т. е. отрывковъ изъ главныхъ произведений, которые дали бы возможность читателю познакомиться съ лучшими образцами и самостоятельно отнести съ характеристикамъ. Такимъ образомъ, читатель, особенно русскій, нѣрѣдко усваиваетъ лишь общія положенія и біографіи и довольствуется пересказами произведеній. Наконецъ, всѣ существующія на

русскомъ языкѣ руководства и монографій по иностраннымъ литературамъ почти игнорируютъ элементы культуры и искусства, что особенно непростительно при разсмотрѣніи эпохи Ренесанса.

Два тома монографій, заглавіе которой написано, представляютъ весьма удачный опытъ очень цѣльной, прекрасно изложенной исторіи литературы Италии (до XIII ст.) въ связи съ исторіей культуры. Кроме того, весьма умѣло выбранными выдержками лучшихъ литературныхъ произведений авторы даютъ возможность читателю обновлять свои впечатлѣнія и знакомиться съ фактическимъ материаломъ. Прекрасно исполненные иллюстраціи помогаютъ ориентироваться въ исторіи искусства.

Авторы вполнѣ правы, начиная свое изложеніе съ опредѣленія характера влиянія греческой литературы и греческаго искусства на латинскія. Затѣмъ мы находимъ яркій очеркъ латинской литературы въ эпоху Августа, очеркъ ея упадка и разложенія до появленія итальянскаго языка. Согласно съ повѣдѣшими данными романской филологіи, опредѣляются возникновеніе и развитіе итальянскаго языка, періодъ господства иноzemныхъ влиятій, развитіе діалектовъ, генезисъ лирики (Франческо д'Ассизи и Джаконе да Тода); превосходно составленъ этюдъ о сицилійской школѣ.

Весьма поучительны страницы, посвященные возникновенію прозы и разныхъ родовъ искусства. Характеристикой „сладкаго новаго стиля“ (*il dolce stil novo*) авторы подводятъ къ Данте. Послѣ краткихъ біографическихъ данныхъ мы находимъ мѣткій анализъ его произведеній (*Rime, La vita Nuova, Convivio, De Vulgari Eloquentia, De Monarchia, Le epistolae и le Eloghe*) и очень обстоятельный этюдъ о „Divina Commedia“ и подражателяхъ Данте.

Отъ Данте авторы монографіи переходятъ къ Петрапѣ, характеризуютъ его *Canzoniere*, второстепенные произведения и даютъ довольно полный очеркъ его жизни. За Петрапой слѣдуетъ Боккачіо съ его *Декамерономъ* и рядомъ латинскихъ и итальянскихъ сочиненій. Книга заканчивается очеркомъ о прозаикахъ XIV ст. и обѣ искусствахъ. Въ текстѣ помѣщены убористымъ шрифтомъ выдержки главнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ и отрывки лучшихъ авторовъ въ весьма достаточномъ количествѣ.

Нѣсколько менѣе 1-го тома по объему—второй (1-й—495 стр., 2-й—440). Но внутреннему содержанию второй томъ не уступаетъ первому. Изложеніе ведется по столѣтіямъ.

Послѣ прекраснаго очерка о гуманизмѣ мы переходимъ къ поэзіи XV ст. съ Лоренцо Медичи и Пульчи во главѣ; послѣ очерка о

прозѣ мы знакомимся съ искусствомъ XV ст. Въ началѣ XVI ст. намъ, послѣ общихъ замѣчаній, предлагаются обстоятельный этюдъ объ Аристо и его великой поэмѣ. Немногого мѣста отведено подражателямъ Аристо и классической эпопеѣ.

Столь же искусно изображена судьба великаго и несчастнаго Тасса, при чёмъ авторы приходятъ къ вполнѣ основательному выводу, что творецъ Освобожденія Іерусалима вовсе не былъ душевно больнымъ человѣкомъ. И второстепенная сочиненія подвергнуты критическому анализу. Глава о драмѣ изложена живо и интересно, а этюдъ о Маккавеяхъ стоитъ на уровнѣ новѣйшаго состоянія вопроса о роли и значеніи этого великаго государственнаго человѣка и историка. Послѣ блестящаго Гейнчардина мы переходимъ къ второстепеннымъ историкамъ и писателямъ XVI ст., а также очаровательному искусству этого вѣка.

Семнадцатый вѣкъ, менѣе содержательный нежели предыдущіе, очерченъ вполнѣ удовлетворительно; особенно удачны очерки о Марино и Галилеѣ, а также характеристика стиля барокко.

Подобно первому тому, и второй изобилуетъ умѣло выбранными выдержками изъ лучшихъ образцовъ поэзіи и прозы. Весьма удачно исполнены иллюстраціи памятниковъ искусства.

Къ особеннымъ достоинствамъ разсмотрѣнаго сочиненія слѣдуетъ отнести очень ясное, вразумительное, мѣстами глубокомысленное изложеніе. Ни одного слова лиш资料. Сужденія чужды инаблонности, часто оригинальны. Авторамъ приспособлено изглѣдно состояніе всѣхъ вопросовъ въ наукѣ. Распространеніе матеріала вездѣ равномѣрное. Изложеніе никогда не переходить предѣловъ *руководства*. Какъ руководство, монографія Лонджинотти и Бакчини является единственнымъ въ своемъ родѣ, и переводъ ея на русскій языкъ заполнилъ бы существенный пробѣлъ нашей литературы.

Л. Шепелевичъ.

Св. Козмы Пресвитера, Слово на врѣтии и поученіе отъ вождественныхъ книгъ. Сообщеніе М. Г. Попруженко. С.-Пб. 1907.

Общество любителей древней письменности издало вновь известное Слово Козмы Пресвитера, текстъ которого къ печати приготовленъ М. Г. Попруженко. Такъ какъ старое изданіе (въ *Православномъ Собесѣднике* 1864 года) теперь—библиографическая рѣдкость, то все

интересующіеся древней славянской литературой должны принести благодарность за новое издание и Обществу, и г. Попруженку.

Списокъ Слова Козмы (болѣе или менѣе позднѣхъ русскихъ) дошло до насъ сравнительно много, но они еще не все приведены въ извѣстность. Къ сожалѣнію, наши рукописные собранія плохо описаны; имѣющіеся каталоги далеко не все напечатаны, и въ напечатанныхъ каталогахъ далеко не во всѣхъ имѣются указатели именъ авторовъ и названий сочинений. Въ виду этого воспользоваться большинствомъ списковъ даже такого виднаго пропавшаго, какъ Слово Козмы,—далеко не легко. Поштатно, г. Попруженко ограничился немногими: онъ издалъ туть Погодинскій списокъ Слова Козмы, на который, какъ на отличный, уже давно было указано въ литературѣ, и къ его тексту подвелъ варианты отчасти изъ печатныхъ текстовъ (изъ вышеупомянутаго изданія въ *Пралославномъ Собесѣднике* и изъ другого, сдѣланаго заграницей Кукуловичомъ-Сакцінскимъ), отчасти изъ рукописей. Конечно, онъ бы могъ воспользоваться двумя списками Московской духовной Академіи изъ фундаментальнаго собрания № 4 (160), XVI в., и изъ Волоколамскаго собрания № 5 (8), 1494 года, о которыхъ ему не трудно было бы получить свѣдѣніе изъ указателей къ печатнымъ описаниямъ этихъ собраний. Надо замѣтить, что эти списки—относительно старые списки и могущіе дать цѣнныя варианты въ области грамматическихъ формъ и словаря.

Г. Попруженку было извѣстно, что отрывки изъ Слова Козмы находятся въ разныхъ сборникахъ, между прочимъ въ Прологѣ и въ Измарагдѣ. Списки Пролога XIV вѣка—не рѣдкость; старшіе списки Измарагда 1-й редакціи—XIV вѣка, старшіе списки Измарагда 2-й редакціи—XV вѣка. Было бы очень важно видѣть рядомъ съ полнымъ текстомъ Слова Козмы и эти отрывки, и сдѣлать это было бы не трудно. Списки Пролога, особенно сентябрской половины (гдѣ подъ 10 декабря и 21 января помѣщаются два отрывка)—вполнѣ общедоступны; списокъ Пролога мартовской половины (здесь отрывокъ—подъ 21 марта) также могъ бы быть разысканъ г. Попруженкомъ довольно легко. Списки Измарагда общедоступны. Четвертый отрывокъ („Іоанна Златоустаго, О не дающихъ книгъ чести аще кто хощеть, или преписати ихъ“), отмѣченный Горскимъ и Невоструевымъ въ „Описаніи“ рукописей Синодальной Библіотеки (П, 2, стр. 651, № 368, XVI вѣко), находится въ списокѣ Румянцевскаго Музея № 3112, XV—XVI в., л. 348 об., и имъ воспользоваться можно бы было безъ всякаго затрудненія.

Произведеніе Козмы невелико, и потому извлечь изъ него (хотя бы изъ одного Погодинскаго списка) древнія грамматическія формы и наиболѣе важныя данныя словарнаго матеріала можно въ короткій срокъ. Г. Попруженко и этого не сдѣлалъ.

Кое-гдѣ г. Попруженко не вполнѣ вѣрно понялъ смыслъ текста и раздѣлилъ слова (например, вместо „понева Христосъ вочеловѣчися до Ивана, и шло баше лѣтъ“... стр. 14, надо читать *ишло*—вышло, прошло; „аки златъ у серыя свиніи во ртѣ“, стр. 31,—надо читать: *усерзія*); кое-гдѣ мы бы на его мѣстѣ внесли въ текстъ Погодинскаго списка, на основаніи другихъ списковъ, необходимыя для смыслъ чтенія („кто естьставилъ по всей землѣ цоны и списконы и пророки и чинъ церковный“; надо читать: *прокий*, стр. 14; „иконъ бо кланяющеся нашарепи досцѣ покланяемся“, надо читать: *не шаренъ*, стр. 25; „аще бо не подобно бллдій тѣхъ правдами обличити“, надо читать: *проси вами*, стр. 27, и др.). Странное *тишавище* (стр. 6), нондимому,—онечатка (варіантовъ въ другихъ спискахъ не указано).

А. Соболевский.

Александръ Савинъ. Англійская сквульптура. Москва, 1906.

Новая книга А. Н. Савина является достойнымъ продолженіемъ егомагистерской диссертациіи объ англійской деревнѣ въ эпоху Тюдоровъ. Какъ и въ предшествовавшей работѣ, авторъ обнаружилъ въ ней качества первокласснаго изслѣдователя—исстомимое трудолюбіе, строго критическое отношеніе къ матеріалу, широту кругозора, умѣніе сводить кропотливый изысканій къ крупнымъ выводамъ. Получилась такая обработка предмета, какой до сихъ поръ не было въ самой англійской литературѣ, и нельзя не пожелать, чтобы огромный трудъ, потраченный авторомъ на разрешеніе задачи, не остался подъ спудомъ среди произведеній русской науки, которая въ Россіи не находятъ иныхъ читателей кроме официальныхъ оппонентовъ. Желательно, чтобы, по крайней мѣрѣ, главные результаты изслѣдованія были представлены авторомъ на судъ западно-европейской ученой публики.

Книга распадается на двѣ части. Первая половина посвящена критической обработкѣ главнаго источника—такъ называемаго „*Valor ecclesiasticus*“, описи церковнаго имущество, произведенной въ 1585 году, послѣ того какъ правительство Генриха VIII выговорило себѣ право на десятую часть церковныхъ доходовъ. Огромный матеріаль-

этого описанія не было до сихъ поръ подвергнутъ сколько-нибудь тщательному разбору. Сравнительно больше всего сдѣлали вскорѣ послѣ диссоляціи монастырей антикваріи XVI и XVII вѣка, но они работали паско, съ предвзятыми цѣлями, и допустили множество ошибокъ и неточностей, которыхъ затѣмъ передавались отъ одного изъ позднѣйшихъ ученыхъ къ другому. Работа надъ цифрами описи представляется, понятно, мало вѣшней привлекательности. Но если опись заслуживаетъ довѣрія по существу, скучную работу надъ ней надо было произвести во что бы то ни стало въ виду важности зависящихъ отъ нея результатовъ. Въ концѣ концовъ, только такимъ путемъ можно было достигнуть конкретного и точного представленія по предметамъ, о которыхъ любить разсуждать на основаніи глазомѣрныхъ оцѣнокъ, напримѣръ, о размѣрахъ церковной собственности, о ея соціальной роли, о хозяйственной жизни церковныхъ имѣній, о значеніи секуляризаціи для надѣлки новыхъ владѣльческихъ классовъ и т. п. А. И. Савинъ не скучится на сопоставленія, чтобы установить отправный тезисъ, что опись 1535 года, несмотря на посигѣнность, съ которой она была произведена, представляетъ достаточно вѣрное отраженіе дѣйствительности. Сомнительнымъ представляется ему лишь описание Сѣверныхъ графствъ и подробности оцѣнокъ лѣсного и судебнаго доходовъ.

Заручившись этими положеніемъ, авторъ анализируетъ положительныя данные описи по цѣлому ряду существенныхъ вопросовъ, въ предѣлахъ монастырского имущества и хозяйства—о формахъ держаній, о системахъ землеводства, объ относительномъ значеніи угодій, о числѣ и положеніи свѣтскихъ людей, пользовавшихся поддержкой монастырей и т. п. Какъ анализъ капитального источника, работа едва ли оставляетъ желать лучшаго. Нельзя, однако, не замѣтить, что, сосредоточивъ изслѣдованіе на разборѣ одного, хотя бы и особенно важнаго источника, авторъ сознательно ограничилъ широту и значеніе своихъ заключеній. Иногда стояло лишь нѣсколько выйти изъ поставленныхъ рамокъ, чтобы имѣть возможность говорить съ большей увѣренностью и достигать болѣе существенныхъ результатовъ. Посвящая, напримѣръ, страницу или двѣ съвооборотамъ на монастырскихъ земляхъ (стр. 190), А. И. Савинъ намѣренно воздержался отъ того, чтобы воспользоваться хорошо известными ему данными о движеніи къ болѣе интенсивнымъ формамъ обработки въ XVI вѣкѣ. При этихъ условіяхъ то, что онъ сообщаетъ, является рядомъ отрывочныхъ, хотя и интересныхъ примѣровъ. Или, говоря о формахъ владѣнія и хозяйствен-

ства въ имѣніяхъ крупныхъ монастырей и упомянувъ о Сеффольскомъ аббатствѣ Bury St. Edmunds (с. 118), авторъ не дѣлаетъ попытки воспользоваться обширнымъ матеріаломъ вотчинныхъ записей и отчетовъ управляющихъ названного учрежденія, которыхъ имѣются въ изобилии какъ относительно древнихъ эпохъ, также и примѣнительно къ хозяйству XV столѣтія. Замѣчанія о переходѣ съ барщинѣ на оброкъ, объ огораживаніяхъ и т. п. сильно выиграли бы отъ систематического со-поставленія данныхъ описи съ другими источниками. Впрочемъ, какъ-то совѣстно требовать отъ писателя, положившаго на разрѣшеніе своей задачи столько труда, еще большахъ усилий. Будемъ благодарны за то, что онъ добылъ анализомъ избраннаго имъ матеріала.

Его положительные выводы въ этой области новы и существенны. Укажемъ, напримѣръ, на документальное выясненіе вопроса объ отношеніи между монашескимъ населеніемъ монастырей (около 7000) и пріемъюющими къ нему свѣтскими группами (около 35.000). На основании своихъ расчетовъ онъ получиль возможность дать рѣшительный отпоръ тенденціознымъ преувеличашимъ католическихъ писателей по поводу благотворительной роли средневѣковой церкви. Въ полемикѣ по этому поводу противъ Domgasquet слышатся иоты, которые обнаруживаютъ разгоряченную враждебность противъ католическихъ идеаловъ и политики вообще (285, 286). Можно, пожалуй, сказать, что для исторической оценки послѣднихъ избранная почва является слишкомъ одностороннею и узкою. Но во всякомъ случаѣ съ документальнымъ изслѣдованиемъ Савина нельзя не считаться и едва-ли удастся устранить его результаты риторическими тирадами или голословными утверждѣніями.

Вторая часть работы посвящена диссоляціи монастырей и открывается очеркомъ литературы предмета. Затѣмъ слѣдуетъ „юридическая“ исторія диссоляції, т. е. характеристика законодательныхъ актовъ, въ силу которыхъ она совершалась, и учрежденій, руководившихъ ею—куріи прибылой, такъ называемыхъ Supervisors, и т. п. Заканчивается книга разборомъ вопроса о томъ, въ чьи руки перешло конфискованное церковное имущество при отчужденіяхъ изъ казны. Различные разряды англійского общества — первы, мелкие придворные, чиновники, юристы, комерсанты, помѣщики, юмоны проходять передъ нами въ качествѣ пріобрѣтателей монастырскихъ земель. Авторъ съ документами въ рукахъ показываетъ, что главнымъ образомъ, поживились отъ расхищенія члены служилыхъ группъ, наиболѣе близко стоявшихъ къ монархическому абсолютизму того времени. Интересно также уста-

появление вывода, что правительенная политика была далека отъ легкомысленного раздѣривания имѣй: корона преслѣдовала во всей этой операции преимущественно фискальныя цѣли и обыкновенно выручала отъ отчужденія монастырскаго имущества весьма значительныя суммы.

Такимъ образомъ во второй части не мало цѣнныхъ результатовъ. Въ общемъ она однако не стоитъ на высотѣ первой. Выборъ предметовъ изслѣдованія исколькъ произвольный и недостатки, происходящіе отъ сосредоточенія изслѣдованія на известныхъ группахъ матеріала съ обходомъ другихъ тѣсно связанныхъ съ первыми, чувствуются сильнѣе. Я не увѣренъ, напримѣръ, что правильно было писать „юридическую“ исторію диссоляціи въ отличіе отъ парламентской и общественной политической. Разъ приходилось затрагивать вопросы о мотивахъ и причинахъ различныхъ мѣропріятій, сдва-ли можно было миновать исторію разработки мѣръ и ихъ освѣщенія хотя бы въ административной исторіи. Между тѣмъ, за исключениемъ пункта о ходатайствахъ лицъ, хлонутавшихъ объ отчужденіяхъ, эти стороны диссоляціи остаются въ тѣни, и читателю, желающему ориентироваться въ нихъ, придется обращаться къ тѣмъ самымъ сочиненіямъ по общей исторіи эпохи, которымъ такъ строго критикуются въ главѣ о литературѣ.

Если, однако, новая книга и вызываетъ кое-какія возраженія съ точки зрения выбора и распределенія матеріала, зато не можетъ быть сомнѣнія и въ основательности изслѣдованія, и въ интересѣ выводовъ. Работа почти совершенно свободна отъ недоразумѣній и ошибокъ, которыми обыкновенно изобилуютъ сочиненія иностранцевъ, посвященные англійской исторіи. Авторъ прекрасно знаетъ не только английскій языкъ, но и техническую терминологію своего сюжета. Въ видѣ придирки замѣчу, что „extended to the utmost“ въ отчетѣ епископа Гардинера (стр. 17) сдва-лизначить — „оценены очень высоко“. „To extend“ въ примѣненіи къ земельнымъ отношеніямъ и доходамъ значитъ не „возвышать“ или „взвинчивать“, а производить опись, такъ какъ „extenta terra“ средневѣковый терминъ для описи имѣнья. Гардинеръ, очевидно, имѣлъ въ виду не возвышеніе оклада, а исчерпывающую опись доходовъ. На этой мелочи я позволяю себѣ закончить отзывъ о прекрасной книгѣ А. И. Савина.

По поводу статьи о Щербинѣ, какъ этнографѣ.

(Поправка).

Въ весьма интересной по новизнѣ матеріаловъ статьѣ Н. А. Ильчука о Щербинѣ, появившейся въ юльской книгѣ *Журнала Министерства Народного Просвещенія* 1907 г., авторъ выразилъ мнѣніе, что найденные въ бумагахъ Щербины библіографические обзоры провинциальныхъ газетъ 1853 и 1854 гг., быть можетъ, предназначались для составлявшагося Щербиной „Обозрѣнія русскихъ газетъ и журналовъ“, которое представлялось государю Александру II. „Можно съ увѣренностью сказать“—говорить авторъ,—„что, работая именно для составленія этого обозрѣнія, Щербина попутно выписывалъ изъ просматриваемыхъ имъ periodическихъ изданий тотъ бытовой матеріалъ, который интересовалъ его лично, какъ этнографа“. Мнѣніе это невѣрно. Въ 1853—1854 гг. Щербина еще не состоялъ на службѣ при главномъ управлѣніи по дѣламъ печати (замѣтимъ, тогда еще не существовавшемъ) и не занимался составленіемъ упомянутаго обозрѣнія. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Щербина жилъ въ Москвѣ, занимаясь литературой и служа въ московскомъ губернскомъ правленіи, въ должности помощника редактора „Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. Надо думать, что сохранившіеся въ его бумагахъ библіографические обзоры казенной провинциальной прессы стояли въ связи именно съ этой службою Щербины. Въ мартѣ 1855 г., по показанію самого Щербины въ его автобіографіи, онъ перѣѣхалъ изъ Петербурга и поступилъ на службу—чиновникомъ особыхъ поручений при товарищѣ министра народнаго просвѣщенія, князѣ П. А. Вяземскому. Впослѣдствіи, разсказывалъ Щербина, онъ „при новомъ преобразованіи министерства народнаго просвѣщенія остался за штатомъ, былъ годъ безъ мѣста, потомъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и вскорѣ прикомандированъ къ главному управлѣнію по дѣламъ печати, для составленія „Обозрѣнія русскихъ газетъ и журналовъ“, представляемаго ежедневно Его Величеству Императору; во время этой послѣдней службы заболѣлъ въ 1864 г. тяжко хроническою болѣзнью“¹). Ясно, что служба Щербины въ этой должности относится къ шестидесятымъ годамъ; въ Императорской Центральной Библіотекѣ хранятся груды черновиковъ обзоровъ, которые соста-

¹ Полное собрание сочиненій Н. О. Щербины, С.-Пб., 1873 г., стр. XXIII—XXIV.

влять они для государя, — все они относятся къ шестидесятому годамъ. Въ 1853—1854 гг., при Николаѣ Павловичѣ, даже не было должности чиновника, который составлялъ бы подобное обозрѣніе для государя. Въ 1856 или 1857 г. Щербина былъ безъ мѣста и бѣдствовалъ; кн. И. А. Вяземскій писалъ кн. В. О. Одоевскому, что Щербина „въ совершенной нуждѣ, положеніе его тяжко и печально, у насъ (т. е. въ министерствѣ народного просвѣщенія) его пріютить еще не удалось“, и просилъ Одоевскаго дать ему мѣсто въ Румянцевскомъ музѣѣ¹).

По поводу замѣчанія г. Янчука, что въ моей статьѣ о Щербинѣ („Истор. Вѣсти.“ 1906 г., окт.) „его дѣятельность, какъ этнографа, осталось неосвѣщенной“, не могу не возразить, что объ этнографическихъ занятіяхъ Щербины въ моей краткой работѣ, посвященной общей характеристицѣ этого писателя, говорится не разъ (стр. 222—223, 224—225), говорится постольку, поскольку это позволяли существовавшіе тогда, до написанія статьи г. Янчука, матеріали. Вѣдь авторъ призываетъ, что „до сихъ поръ указаніе на занятіяхъ его этнографіей могло считаться голословнымъ“, такъ какъ неизвѣстны были результаты этой работы. Въ настоящее время мы видимъ наглядное доказательство того, что сказанная фраза (слова Щербины о его этнографическихъ занятіяхъ) имѣть свое серьезное значеніе“.

И. Лернеръ.

Книжные новости.

Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ Владимирской губерніи. Съ указаніемъ важнейшихъ документовъ, находящихся въ дѣлахъ о дворянства разныхъ фамилій Архива Владимирского Дворянского Депутатскаго Собрания. Составилъ секретарь дворянства М. И. Трегубовъ, подъ редакціей и съ предисловіемъ А. В. Савицкаго. Владимиръ. 1906. Приложение IV къ VII книгѣ „Трудовъ“ Владимирской ученої архивной комиссіи. Стр. II+256.

Подъ вышеназваннымъ заглавиемъ встрѣчаемъ простой перечень дворянскихъ фамилій Владимирской губерніи, изъ которыхъ большинство, свыше 1.500, принадлежитъ къ числу утвержденныхъ правительствующими сенатомъ дворянскихъ родовъ. Перечень этотъ составленъ такъ: приведена фамилія во множественномъ числѣ, рядомъ съ ней № архивнаго дѣла, дающе римской цифрой обозначена часть родословной книги, въ которую внесены дворянскіе

¹) „Отчетъ Нии. Публичн. Библіотеки за 1895 г.“, С.-Пб., 1898 г., приложение, стр. 89—90.

родъ, и годъ первоначального утверждениѣ въ потомственномъ дворянствѣ Владимірскими дворянскими депутатскими собраниемъ рода. Затѣмъ въ синодическихъ строкахъ, хотя и не всюду, сдѣлали указаний документовъ „важнѣйшихъ“, на основаніи которыхъ утверждены родъ, большую частью, одного указа объ отставкѣ или послужного списка. При родахъ, внесенныхъ въ VI часть родословной книги встречаются иногда указанія и на имена другихъ грамоты и акты, съ приведеніемъ всюду, конечно, именъ лицъ пожалованныхъ или служившихъ.

Необходимость въ родословныхъ спискахъ дворянъ по губерніямъ и особенно великорусскимъ и малорусскимъ опущается давно и въ дѣлопроизводствѣ департамента герольдіи и при генеалогическихъ разысканіяхъ. Но подобными образомъ составленные списки не удовлетворяютъ никого. Герольдійскіе чиновники съ большими успѣхомъ могутъ замѣнить такіе списки своими писанными алфавитами, гдѣ рядомъ съ фамилией отмѣчены губернія и годы утверждениѧ и даже дальнѣйшія сопричисленія самимъ правительствующими сенатомъ. Имъ недостаетъ только годовъ сопричисленій по великорусскимъ и малорусскимъ губерніямъ тѣхъ имена лицъ, которые вносятся въ родословныѣ книги самими дворянскими депутатскими собраниями, разъ эти лица родились послѣ основанія герольдійского утвержденія рода. А этого-то какъ разъ и не имѣется въ рассматриваемомъ „Спискѣ“. Что же касается генеалогическихъ разыскателей, то имъ прежде всего нужна родословная таблица всего рода, съ отмѣтками сенатскія указы объ утверждениѣ рода и сопричисленіями опредѣленіями дворянскаго собранія. Ни того, ни другого здѣсь они не встрѣтятъ. Обращаясь затѣмъ къ „указаніямъ важнѣйшихъ документовъ“, мы должны признать, что и они, при своемъ случайномъ характерѣ, мало удовлетворяютъ любопытствующихъ. Напримѣръ, при упоминаніи о родахъ: Васильчиковы, Вечесловы, Вильги, Гвоздовы, Зайцевы, Каргичевы и и. др., сдѣлано указаніе лишь на одинъ какой-либо послужной списокъ около половины XIX столѣтія, между тѣмъ какъ все эти роды внесены въ VI часть родословной книги на основаніи владѣльческихъ документовъ XVII и XVIII столѣтій. Наконецъ, встрѣчается источная сообщенія годовъ утверждений рода въ дворянствѣ. Напримѣръ, стр. 103—при родѣ „Лабутиныхъ, д. № 703“ показанъ 1872 г. вместо 1873 г. (ср. Архивъ департамента герольдіи правительствующаго сената, дѣло Лабутиныхъ подъ 1873 г.); при родѣ Лавровыхъ (д. № 705)—1836 г. вместо 1830 г.; при родѣ другихъ дворянъ Лавровыхъ—1837 г. вместо 1889 г. и пр. Можно было бы привести рядъ и другихъ непрѣышностей, но и сказаннаго довольно, чтобы признать этотъ „Алфавитный списокъ“ мало пригоднымъ и напрасно отлаготившимъ VIII книжку „Труды“ Владимірской ученой архивной комиссіи.

Хронологическая опись дѣлъ о расколѣ, хранящихся въ архивѣ губернскаго города Владиміра. Ч. I. 1720—1866 гг. Составилъ Ф. К. Сахаровъ. Владимір губернскій. 1906. Приложение I къ VIII книжкѣ „Труды“ Владимірской ученой архивной комиссіи.

Несмотря на сравнительно обширную литературу о расколоѣ и довольно многочисленныхъ его исследователей, очень многие материалы по этому вопросу

остаются неизвестными до сихъ поръ и покоятся непронутыми въ различныхъ провинциальныхъ архивахъ. Нагляднымъ доказательствомъ этого является лежащая передъ нами „Опись“, составленная Ф. К. Сахаровымъ. Въ теченіе XVIII и XIX столѣтій, говорить въ своемъ предисловіи составитель, накопилось „громадное количество канцелярскихъ дѣлъ“, свидѣтельствующихъ объ успѣшной дѣятельности церковного и гражданского правительства противъ раскола и сектантства и хранящихся въ архивахъ правительственныхъ учрежденій гор. Владимира. Но изъ нихъ использована мѣстными историками лишь незначительная часть, да и то съ „превеликими трудностями“, въ виду неустройства архивовъ и отсутствія болѣе или менѣе сносныхъ описей. Чтобы облегчить будущимъ историкамъ задачу собиранія матеріаловъ по расколу во владимирскихъ архивахъ, г. Сахаровъ и предироникаль крайне тяжелый и кропотливый трудъ. Опѣрь пересмотрѣть дѣла и описи болѣе чѣмъ двадцати архивовъ Владимира губерніи и выбралъ изъ нихъ дѣла, относящіяся до раскола, къ которымъ и составилъ свою „Хронологическую опись“. Вышла въ свѣтъ пока только первая ее часть, обнимающая время съ 1720 по 1855 г. Въ этой части „Описи“ означено „заглавіе каждого дѣла“ (всѣхъ дѣлъ—3.327), „потомъ, где только возможно, указаны его начало и конецъ, дѣло число листовъ, наконецъ въ скобкахъ поставлены цитаты, где показаны: номеръ дѣла, иногда номеръ взяки и проч. Для удобства пользованія „Описью“, къ ней приложены: 1) „Систематический указатель, въ которомъ представлено содержаніе дѣлъ „Описи“, 2) „Алфавитный указатель личныхъ именъ“ и 3) „Алфавитный списокъ названий городовъ и селеній, упоминаемыхъ въ „Описи“.

Наибольшее число дѣлъ, какъ видно изъ „Систематического указателя“, касается внутренней жизни раскола, кѣръ свѣтскаго правительства противъ раскола и дѣятельности церкви противъ раскола; не мало также въ этихъ дѣлахъ и свѣдѣній о расколѣ и сектантствѣ вообще въ предѣлахъ Россійской имперіи.

Извѣстія состоящей подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государа Императора покровительствомъ Тамбовской ученой архивной комиссіи. Выпускъ 52. Подъ редакціей правителя дѣлъ И. А. Щеглова. Тамбовъ. 1906.

Первою изъ вышеназванныхъ выпущеныхъ „Извѣстій“ Тамбовской ученой архивной комиссіи помѣщена статья П. Г. Тарасова: „Новооткрытое доисторическое поселеніе (Предварительное изслѣдованіе)“. Въ предисловіи къ ней авторъ говоритъ: „настоящее сообщеніе не есть сводъ всѣхъ результатовъ вполнѣ законченного изслѣдованія..., оно является лишь предварительнымъ сообщеніемъ обѣ открытомъ мною населеніи и выводы, предложенные ниже, суть только аргументы предположенія, высказанные на основаніи фактическихъ данныхъ, добытыхъ при предварительномъ же изслѣдованіи познанітельной сравнительно площасти поселенія“. Впослѣдствіи открытые г. Тарасовымъ вурганы находятся въ Моршанскоімъ уѣздѣ и сдѣланы въ нихъ находки относятся къ неолитической эпохѣ. Несомнѣнно, что полное и детальное ихъ разслѣдованіе откроетъ многое изъ тамошней „доисторіи“, но пока остается

только привлекать эту починъ къ разслѣдованию и пожелать ему скончанія.

Далѣе встрѣчаемъ генеалогический замѣткъ В. С. Арсеньева о маркизахъ де-ла-Губле, дворинахъ Волжинихъ и графахъ Кембона, съ приложеніемъ, къ нимъ иѣлькихъ документовъ. Больше всего свѣдѣній сообщается о дворинахъ Волжинихъ; но къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія и не точны и не полны, такъ какъ авторъ ихъ не воспользовался не только дѣлами архива департамента герольдіи правительствующаго сената, но и Курского дворянскаго депутатскаго собранія, где записано большинство дворянъ Волжинихъ. Поэтому у него почти отсутствуютъ даты рожденія, а имѣющіяся страдаютъ неточностью; такъ, напримѣръ, подъ № 88 Николай Николаевичъ показанъ родившимся въ 1858 г., а на самомъ дѣлѣ по имѣющейся въ дѣлѣ метрикѣ—4-го ноября 1864 г.; также не вѣро приведенная дата рожденія—18-го мая 1862 г. Александра Николаевича (№ 89), вместо 18-го мая 1860 г., и др. Затѣмъ отсутствуютъ цѣлыя поколѣнія, напримѣръ, отъ Афанасія Максимовича (№ 49) не показаны его сыновья: Александръ съ дѣтьми: Николаемъ, Валеріаномъ, Александромъ, Анной, Ольгою и Лидіею и Николай, родившійся въ 1798 г., съ потомствомъ. Человеческото автора съ архивами производствомъ явился къ его утвержденіе о существованіи въ Россіи графонъ Кенсонъ, одного изъ представителей которыхъ Осипа Осиповича Кенсона, правда, Московское дворянское депутатское собраніе въ 1817 г. внесло въ пятую часть родословной книги, но правительствующей сенатъ, указомъ 13-го марта 1861 г., за недостаточностью доказательствъ, приказалъ „исключить“.

Въ довольно любопытной статейкѣ: „Аграрный вопросъ въ эпоху Фридриха Великаго въ Пруссіи“ г. Вульфертъ сообщаетъ о предпринятыхъ Фридрихомъ Великимъ мѣрахъ къ подъему производительности сельско-хозяйственнаго труда. „У насъ въ Россіи“, говорить онъ, „не сдѣлано, къ сожалѣнію, ничего за всѣ 45 лѣтъ истекшихъ со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“. Затѣмъ онъ приводить, какъ образецъ заботливости Фридриха Великаго о процвѣтаніи сельского хозяйства, его „наказъ“ и послѣ краткаго очерка современного русскаго хозяйства дѣлаетъ главный выводъ, что „аграрный вопросъ у насъ не столько результатъ крестьянскаго маловѣмелья, сколько послѣдствіе небрежнаго отношенія къ крестьянскому хозяйству въ прошломъ“, съ чѣмъ, несомнѣнно, согласятся очень многіе.

Далѣе идутъ сообщенія: 1) В. Конобѣевскаго—„Академики-иконописцы А. Дм. Надеждинъ и основавшая имъ школа живописи“, 2) П. Пискарева—„Академикъ Ступинъ и его художественная школа, находящаяся въ Арзамасѣ“, и 3) проф. П. Никольскаго—„Ружаое жалованье соборному причту въ новоустроенномъ городѣ Усманѣ“ (на основаніи документовъ XVII и XVIII вѣковъ, хранящихся въ семье помѣщиковъ Усманскаго уѣзда Оседоровыхъ). Въ концѣ книги, послѣ официального отѣлка, заключающаго въ себѣ отчеты за 1905 г. и журналы засѣданій комиссіи, находимъ „Описи дѣлъ №№ 4727—4882 Тамбовскаго историческаго архива, разобранныи М. Т. Поповыи“, куда вошли: 1) описание дѣлъ о крестьянахъ, ищущихъ себѣ вольности по происхожденію изъ церковниковъ (№№ 4727—4743); 2) о крестьянахъ, ищущихъ себѣ вольности по происхожденію изъ иностранцевъ (№№ 4744—4764); 3) о кресть-

иныхъ, ищащихъ себѣ вольности отъ помѣщиковъ (№ 4765—4820); 4) о крестьянахъ ищащихъ вольности (№ 4821—4849), и 5) Описание уголовныхъ дѣлъ и жалобъ за присутственныя мѣста и должностныя лица (№ 4850—4882). Этіа описания дѣлъ, составленныя довольно подробно, сообщаютъ немало любопытныхъ данныхъ историко-юридического и бытowego характера первой четверти XIX столѣтія.

Літоцись Историко-родословного общества въ Москвѣ. 1907. Вып. 8-й (11-й). Годъ третій. М. 1907.

Содержаніе настоящаго выпуска „Літоциси“ составляютъ: дѣлъ замѣтки Н. фонъ-Баумгартина—„Къ родословію послѣднихъ великихъ князей Рязанскихъ“ и „Къ родословію князей Мезецкихъ“; пространная рецензія Ю. В. Татищева на трудъ Г. А. Власьевы: „Потомство Рюрика“ (2 части) подъ заглавиемъ „Новый вкладъ въ литературу русской генеалогіи“, въ которой рецензентъ, признавая за разсматриваемый сочиненіемъ большое историко-генеалогическое значеніе, сообщаетъ довольно много поправокъ и дополненій; замѣтка В. С. Арсеньева: „Къ родословію потомства Аслана-Мурзы-Челебел-Красненскіе“ и замѣтка А. А. Титова: „Кто былъ въ мирѣ старецъ Іоанъ Чеботовъ?“ Задавался этимъ вопросомъ, авторъ склоненъ видѣть въ „старцѣ Іоанѣ Чеботовѣ“—Іавана Ивановича Чеботова, племянника боярина Ивана Яковлевича Чеботова, умершаго въ 1566 году. Старца Іоану хорошо зналъ при жизни царь Иванъ Васильевичъ IV Грозный и далъ по немъ щедрый для того времени вкладъ—200 р. въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. О жизни его до монашества ничего неизвѣстно.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію Журнала Министерства Народного Просвѣщенія въ теченіе октября и ноября мѣсяцевъ 1907 года.

— Бѣлинъ, С. Х. Странствующія или всевирные новости и сказанія въ древне-правдинской письменности. Иркутскъ 1907. VI+861 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

— Извѣстія Русскаго Археологическаго института въ Константинополь. Томъ XII. Софія 1907 (Ф. Успенскій. Константинопольскій серальскій кодексъ восьмикнижій. Съ альбомомъ изъ 47 таблицъ и съ 6 таблицами въ текстѣ). 254 стр.+47 таб. Цѣна 22 руб. 50 коп.

— Лисонольскій, Н. П. Специализація учивыхъ плановъ преподаванія и занятій науками юридическими, государственными и экономическими въ университетахъ Россіи. Опытъ исторического изслѣдованія. Кіевъ 1907. VIII+300 стр.

— Аланьянъ, С. А. Софистъ. Діалогъ Платона. Переводъ съ греческаго съ историко-литературнымъ введеніемъ и замѣчаніями къ діалогу. Кіевъ 1907. 202 стр.

— Отчетъ о третьемъ присужденіи премій Н. И. Батюшкова. С.-Пб. 1907. 54 стр. Цѣна 40 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. Томъ VIII. № 6).

- *Finnick, Franz Nikolaus.* Die Sprache der armenischen Zigeuner. С.-Пб. 1907. 131 стр. Цѣна 1 руб. (Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣлению. Томъ VIII. № 5).
- *Радловъ, В. В.* Опытъ словаря тюркскихъ народовъ. Выпускъ двадцать первый. Четвертый томъ, выпускъ третій. Стр. 641—960. Цѣна 1 руб.
- *Бражниковъ, В.* Материалы по фаунѣ русскихъ восточныхъ морей, собранные шхуной „Сторожъ“ въ 1899—1902 гг. Съ 2 таблицами, 1 картой и 26 рис. въ текстѣ. С.-Пб. 1907. 185 стр. Цѣна 2 руб. 75 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣлению. Томъ XX. № 6).
- *Schimkewitsch, W.* Zur Pantopoden-Fauna des Sibirischen Eismoores. Mit 1 Tafel. С.-Пб. 1907. 9 стр. Цѣна 50 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣлению. Томъ XVIII. № 6).
- *Knipowitsch, N.* Zur Ichthyologie des Eismeeres. Die von der Russischen Polar-Expedition im Eismeer gesammelten Fische. Mit 2 Tafeln. С.-Пб. 1907. 68 стр. Цѣна 1 руб. 25 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣлению. Томъ XVIII. № 5).
- *Kalishevskij, N.* Zur Kinnertissia der Echinodermefauna des Sibirischen Eismeeres. Mit 3 Tafeln und 3 Fig. im Texte. С.-Пб. 1907. 67 стр. Цѣна 2 руб. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣлению. Томъ XVIII. № 4).
- *Бирюля, А.* Очирки изъ жизни птицъ поларного побережья Сибири. Съ 8 таблицами и 23 фотографиями въ текстѣ. С.-Пб. 1907. 157 стр. Цѣна 4 руб. 25 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣлению. Томъ XVIII. № 2).
- *Постаковъч, В. Б.* Типология воды одного поларного озера. С.-Пб. 1907. 12 стр. Цѣна 25 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣлению. Томъ XX. № 9).
- *Schmidt, Fr.* Revision der ostbaltischen silurischen Trilobiten. Abtheilung VI. Allgemeine Ubersicht mit Nachtragen und Verbesserungen. Mit 3 Tafeln und 18 Figuren im Text. С.-Пб. 1907. XY+104 стр. Цѣна 2 руб. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣлению. Томъ XX. № 8).
- *Кулябко, А. А., проф.* Применение полууставной циркуляции на отрывистой рыбьей головѣ. Первое сообщеніе. Съ 2 чертежами въ текстѣ и 2 таблицами приводъ. С.-Пб. 1907. 24 стр. Цѣна 1 руб. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣлению. Томъ XX. № 7).
- *Налладинъ, В. Н.* Дыханіе растеній, какъ сумма ферментативныхъ процессовъ. С.-Пб. 1907. 64 стр. Цѣна 1 руб. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣлению. Томъ XX. № 5).
- Етнографічний звірникъ. Виды етнографична комісія Наукового Товариства імені Шевченка. Т. XXIII. Галицько-руські народні приповідки. Зі-

брав, упорядкував і польшив *Дж. Іоак Франко*. Том II, Випуск I. (Дти-Книги). У Львові 1907. 300 стр.

— Українсько-руський архив. Відома історично-філософічна секція Наукового товариства імені Шевченка. Т. III. Матеріали й замітки до історії національного відродження Галицької Русі в 1830. та 1890. рр. У Львові 1907. XVII+304 стр.

— Жебелевъ, С. А. и Мальмбергъ, В. К. Три архангельскихъ бронзы изъ Херсонской губерніи. Съ 4 таблицами и 30 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1907. 57 стр. (Материалы по археологии Россіи, издаваемые Императорской Археологической Комиссіею. № 32).

— Отчетъ Императорскаго российскаго историческаго музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1906 годъ. М. 1907. 144 стр.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЯТСКАГО ЗЕМСТВА ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ¹⁾.

IV.

Переходя къ характеристикѣ положенія педагогическаго персонала въ вятскихъ земскихъ школахъ, отмѣтимъ, что законоучители начальныхъ училищъ приглашаются инспекторомъ народныхъ училищъ и утверждаются епархіальнымъ начальствомъ. Только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ земскія учрежденія сообщаютъ о своихъ кандидатахъ инспектору народныхъ училищъ. Законоучителями болыпкою частью состоять приходскіе священники, рѣже другія лица, имѣющія право преподавать законъ Божій, хотя число ихъ въ послѣднее время возрастаетъ, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ діаконы.

Не считая городовъ, въ Вятской губерніи всего 593 прихода, съ среднею численностью около 6.000 душъ прихожанъ и площадью свыше 200 кв. верстъ на каждый. При такихъ условіяхъ церковные причты значительно обременены лежалцами на нихъ по приходу обязанностями, тѣмъ болѣе, что на ихъ же попеченіи находятся, по свѣдѣніямъ за 1902 годъ, свыше тысячи начальныхъ училищъ вѣдомства православнаго исповѣданія, а потому исполненіе обязанностей по обученію закону Божьему въ земскихъ начальныхъ училищахъ представляется для нихъ крайне затруднительнымъ. Затруднительность эта еще болѣе возрастаетъ вслѣдствіе того, что почти половина земскихъ школъ находится въ селеніяхъ, болѣе или менѣе

¹⁾ Окончаніе. См. ноябрьскую книжку *Журнала Министерства Народного Просвещенія* за 1907 годъ.

удаленіи отъ мѣстожительства церковнаго причта. При тѣхъ условіяхъ исполненіе членами церковнаго причта законоучительскихъ обязанностей, несомнѣнно, не могло быть аккуратно. Это обстоятельство стало вызывать заявленія земствъ, удостовѣряемыя частью и мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ, о несоответственной постановкѣ дѣла преподаванія закона Божія въ начальныхъ училищахъ. Отвлекаемые обязанностями по церкви и приходу и состоящіе нерѣко законоучителями, помимо церковно-приходскихъ школъ, въ двухъ и даже въ трехъ земскихъ училищахъ, большинство священниковъ не въ состояніи не только аккуратно посвѣщать, въ назначенные по расписанию часы, уроки закона Божія, но обыкновенно не выполняютъ и общаго числа ихъ. Особенно это относится къ училищамъ, удаленнымъ отъ церквей, для посвѣщенія которыхъ законоучителю нужны и больше времени, и хлопоты о подводѣ, и расходъ на ие. Такъ, напримѣръ, въ Иолинскомъ уѣзда за 1900 — 1901 учебный годъ, по приведенному въ докладѣ земской управы подсчету, вместо необходимыхъ по примѣрнымъ программамъ министерства народного просвѣщенія 25 процентовъ уроковъ закона Божія, ихъ было дано всего 6%. Учебнымъ начальствомъ отмѣчено также не мало случаевъ, когда законоучители или приступали къ занятіямъ въ школѣ не съ начала учебнаго года, а подгоняли ихъ преимущественно къ концу его, или по иѣслѣдамъ не посвѣщали всесо школы, или, наконецъ, посыпали уроки преимущественно ученикамъ старшаго отдѣленія, желая подготовить ихъ къ экзаменамъ, и почти совершиенно не занимаясь съ учащимися младшихъ отдѣленій. О послѣднемъ заявляется, напримѣръ, въ докладѣ уржумскаго инспектора народныхъ училищъ за 1901 — 1902 годъ, при чёмъ это подтверждилось земскимъ собраніемъ и членъ отъ духовнаго вѣдомства. Благодаря такому отношению законоучителей, учащіе должны оставаться безъ необходимыхъ познаний по предмету, имѣющему первенствующее значеніе въ курсѣ начальныхъ училищъ.

Во избѣженіе этого во многихъ училищахъ, наравнѣ съ законоучителями, и даже болѣе ихъ, заниматься закономъ Божіимъ стали учителя и учительницы, но имѣя въ сущности на то формально право. Въ послѣднее же время вятскія земства стали искашиватъ у епархиального начальства разрешеніе учителямъ и учительницамъ преподавать законъ Божій въ случаѣ отсутствія священника-законоучителя, по подъ руководствомъ и ответственностью послѣдняго. Въ виду же того, что члены причта, сохрания официально званіе законо-

учителемъ, продолжали получать все назначение имъ годовое вознаграждение независимо отъ числа данныхъ ими уроковъ, — земства стали въ послѣднее время переходить отъ годовой платы законоучителямъ къ поурочной. До этого времени годовая плата законоучителю колебалась въ предѣлахъ отъ 50 до 100 рублей по различнымъ уѣзdamъ, при чёмъ, однако, въ иѣкоторыхъ уѣздахъ она устанавливалась въ различныхъ размѣрахъ, въ зависимости отъ дальности или близости школъ отъ мѣста жительства законоучителей.

Признавая справедливымъ распредѣлять вознагражденіе между законоучителями и ихъ замѣстителями, земства для правильности расчетовъ и остановились на мысли о поурочной платѣ. Нормальное число уроковъ и поурочная плата по разнымъ уѣзdamъ разнообразны и колеблются: первое — отъ 200 до 120 уроковъ въ годъ, вторая — отъ 25 к. до 60 к. за урокъ съ тѣмъ, чтобы число уроковъ, данныхъ законоучителемъ, и число уроковъ педагогического персонала, вмѣстѣ взятые, не превышали годовой нормы, установленной для данного училища. Вирочемъ и при этомъ иѣкоторыхъ уѣздахъ поурочная плата измѣняется въ зависимости отъ мѣста нахожденія школы или числа учащихся. Такъ, въ Нолинскомъ уѣздѣ поурочная плата опредѣлена въ 25 к., но для тѣхъ законоучителей, которые принуждены выѣзжать въ другія селенія, плата увеличена до 30 к.; въ Глазовскомъ уѣздѣ поурочная плата опредѣлена въ 40 к., если учащихся не болѣе 55 чел., 50 коп. при 100 учащихся и 60 коп., если учащихся болѣе 100 чел., а, кроме того, за каждый выѣздъ, если школа не въ мѣстѣ жительства законоучителя, добавляется отъ 25 к. до рубля, смотря по разстоянію: 25 к. — при 5-верстномъ разстояніи, и рубль при разстояніи болѣе 15 верстъ; въ Малмыжскомъ уѣздѣ, гдѣ вознаграждение законоучителемъ производится, при количествѣ данныхъ ими уроковъ не менѣе 120 въ годъ, окладомъ жалованья и лишь при меньшемъ числѣ уроковъ — поурочно, поездки же законоучителей въ школы, находящіяся виѣ мѣстѣ ихъ жительства, оплачиваются по 4 коп. съ версты за оба конца.

Для исчисленія числа уроковъ, данныхъ законоучителемъ и преподавательскимъ персоналомъ, каждый урокъ закона Божія записывается въ классномъ журналь съ обозначеніемъ, кѣмъ урокъ данъ, и по окончаніи мѣсяца или полугода составляется вѣдомость о числѣ уроковъ, данныхъ законоучителемъ и учителями, каковая вѣдомость подписывается всѣмъ составомъ преподавателей училища и, по просмотрѣ и утвержденіи ея инспекціею и училищнымъ совѣтомъ (что,

впрочемъ, установлено не по всѣмъ уѣзда мъ), представляется въ управу, при чмъ разсчетъ производится по полугодіямъ и уроки, данные сверхъ нормы, къ зачету не принимаются.

Этотъ порядокъ оказался весьма полезнымъ для болѣе правильной постановки дѣла преподаванія въ начальныхъ училищахъ закона Божія, введя большую планомѣрность въ вѣмь. Одновременно, однако, по имѣющимся въ отчетахъ инспекторовъ народныхъ училищъ указаніямъ, порядокъ этотъ вызывалъ на практикѣ рядъ недоразумѣній. Нѣкоторые законоучители, напримѣръ, давая положенное на годъ число уроковъ въ одно полугодіе, требовали всей платы сполна, другіе соглашались преподавать лишь при условіи получения всей годовой платы и отказывались подписывать вѣдомости о числѣ уроковъ, данныхъ учительскими персоналомъ и т. д. Всѣ эти недоразумѣнія исчезнули, когда къ новому порядку привыкнутъ.

Что касается преподавателей общихъ предметовъ, то допущеніе тѣхъ или другихъ лицъ къ учительской должности зависитъ, по дѣйствующему закону, отъ инспектора народныхъ училищъ, а утвержденіе ихъ въ должности отъ училищнаго совѣта, земскими же учрежденіями предполагается пріисканіе или избраніе кандидатовъ на учительскія мѣста. Въ дѣйствительности, однако, нѣкоторыя земства не удовлетворяются этой своею ролью и, стремясь къ большему вліянію на постановку учебной части въ начальныхъ училищахъ, присваиваютъ себѣ въ дѣлѣ опредѣленія учителей права инспектора и даже училищнаго совѣта. Практически это оказывалось достижимымъ въ виду уже отмѣченной нами постановки въ Вятской губерніи инспекціи народныхъ училищъ и зависимаго до извѣстной степени положенія послѣдней отъ земства. Изъ обозрѣнія дѣлопроизводствъ дирекціи народныхъ училищъ и земскихъ управъ усматриваются, напримѣръ, случаи, когда управа назначала учителей „по рекомендациіи училищнаго совѣта“, или „поручала инспектору народныхъ училищъ назначить учителя“, или, иаконецъ, назначала ихъ, повидимому, безъ всякаго участія инспекціи народныхъ училищъ (Уржумскій уѣздъ), когда управа увольняла учителя безъ вѣдома виспевціи и училищнаго совѣта (Вятскій уѣздъ, дѣлъ № 221 — 1892 г.), когда требование инспекціи объ увольненіи учителя встрѣчало нѣкоторое противодѣйствіе со стороны земства (напр., по Селинскому училищу, Малмыжскаго уѣзда) и т. д.

Такое нарушеніе формальныхъ постановленій закона не вызываетъ, однако, на практикѣ сколько-нибудь крупныхъ пререканій,

соответствуя, повидимому, интересамъ цѣлесообразной постановки учебнаго дѣла. Кандидаты земства обыкновенно допускаются и утверждаются въ должностяхъ, при чёмъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ возможны разногласія предупреждаются предварительными словесными соглашеніями инспектора съ предсѣдателемъ земской управы.

Въ 1904 году во всѣхъ училищахъ, содержимыхъ вятскими земствами, было всего 2214 лицъ преподавательского персонала (кромѣ того, 7 учительскихъ вакансій оставались не замѣщеными), включая въ это число, наряду съ учителями и учительницами, помощниковъ и помощницъ, такъ какъ послѣдніе, отличаясь отъ первыхъ лишь размѣромъ получаемаго содержанія, несутъ большую частью одинаковый съ первыми трудъ и ведутъ самостоятельно занятія въ одномъ изъ отдѣленій училища. Еще въ 1898 году преподавателей считалось лишь 1528. Слѣдовательно, съ того времени число ихъ увеличилось почти на половину и продолжаетъ рости, тогда какъ число школьнаго увеличилось съ пебольшимъ на одну шестую, что объясняется стремленіемъ использовать по возможности существующія школы вместо того, чтобы открывать новые. Изъ указанного общаго числа преподавательского персонала 410 (18,5%) составляли учителя и помощники, а 1804 (81,5%)—учительницы и помощницы. Такимъ образомъ среди учащихъ въ начальныхъ училищахъ Вятской губерніи слишкомъ вчетверо болѣе женщинъ, чѣмъ мужчинъ.

Это преобладаніе женскаго учительскаго персонала развилось постепенно. Въ 1869 году въ начальныхъ училищахъ Вятской губерніи было почти совершенно обратное, т. е. 85,9% учителей и только 14,1% учительницъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ мужчинъ было извѣлько болѣе половины (52,3%), въ 80-хъ годахъ немного больше трети (35,7%), а въ 90-хъ годахъ уже менѣе четверти (24%) общаго числа учащихъ. Объясняется это явленіе тѣмъ, что женщины охотнѣе идутъ въ учительницы, довольствуясь меньшимъ вознагражденіемъ и, несмотря на то, по удостовѣренію учебнаго начальства, болѣе отвѣчаютъ запросамъ начальной школы. Преобладаніе женщинъ въ составѣ учительскаго персонала объясняется въ Вятской губерніи, кромѣ того, быстрымъ ростомъ въ ней числа женскаго гимназій и прогимназій, воспитанницы которыхъ большую частью стремятся въ учительницы или помощницы учительницъ начальныхъ училищъ.

Къ концу 1904 года лица учительскаго персонала по сословіямъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Происходящихъ изъ духовного званія .	84	486
Дворянъ и дѣтей чиновниковъ .	18	215
Почетныхъ гражданъ .	7	30
Купцовъ	—	48
Мѣщанъ	50	392
Крестьянъ .	196	297
Разнаго званія	11	52
<hr/>		
Итого .	366	1.520

Эти данные обнимаютъ собою всѣ юзады Вятской губерніи, кромѣ Елабужскаго и Котельничскаго, по которымъ сведѣній нѣть. По образованію составъ ихъ былъ:

Учителей и помощниковъ, не окончившихъ высшаго образованія .	1
" окончившихъ курсъ учительской семинарии .	82
" окончившихъ курсъ духовныхъ семинарій	54
" реальныхъ училищъ .	8
" не окончившихъ курса учительскихъ семинарій.	5 *
" духовныхъ "	32
" гимназій	9
" реальныхъ училищъ	7
" духовныхъ "	4
окончившихъ курсъ юзады, и город. 2-хъ и 3-хъ классныхъ училищъ	74
второклассной школы духовного вѣдомства	23
центральной учительской школы	1
духовного училища	2
частныхъ и профессиональныхъ училищъ	16
но окончившихъ 3-хъ и 2-хъ классныхъ училищъ	8
окончившихъ курсъ начальныхъ училищъ и училищъ извѣшаго разряда	68
получившихъ домашнее образованіе	16
<hr/>	
Всего . .	410

Учительницъ и помощницъ, окончившихъ курсъ институтовъ .	4
" учительской се- минарии	26
" гимназий	521
по окончившихъ курса гимназий	191
окончившихъ курсъ частн. учебн. заведеній и пансионовъ.	7
окончившихъ курсъ спархіальнихъ духовныхъ училищъ .	457
но окончившихъ курса спархіальнихъ духовныхъ училищъ . . .	6
окончившихъ курсъ прогимназій .	544
" гор. и мин. 2-хъ класс. училищъ.	7
нач. училищъ и учил. инзин. разр.	14
получившихъ домашнее образованіе	27
Всего	1.804

При раздѣлении всѣхъ лицъ учительского персонала по образова-
тельному цензу, согласно принятой изъ некоторыми земствами системѣ,
на три группы: 1) съ достаточной подготовкой; 2) со средней подго-
товкой и 3) съ недостаточной подготовкой, съ отношеніемъ къ перво-
вой группѣ учащихъ, получившихъ высшее или специальное педагоги-
ческое образованіе или окончившихъ полный курсъ среднихъ учеб-
ныхъ заведеній (гимназія, учительская и духовная семинарии, реаль-
ные училища и спархіальные женскія училища), ко второй группѣ—
не окончившихъ курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и окон-
чившихъ курсъ прогимназій и къ третьей группѣ—получившихъ обра-
зованіе въ духовныхъ, городскихъ и уѣзжихъ училищахъ, и другихъ
нижшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также лицъ съ домашнимъ обра-
зованиемъ,—мы получимъ слѣдующую таблицу:

	Съ недо- гото- вкой.	%	Со средней подго- тово- кой.	%	Съ недо- гото- вкой.	%
Учителя и помощники	145	35,4	54	13,1	211	51,5
Учительницы и помощницы	1.008	55,9	748	41,5	48	2,6
Всего .	1.153	45,65	802	27,3	259	27,5

Изъ этой таблицы видно, что самый большой процентъ падаетъ на первую группу, т. е. на учащихъ съ достаточной подготовкой, а затѣмъ почти одинаковый процентъ приходится на двѣ остальные группы. Такое процентное отношеніе, однако, совершенно различное для учащихъ мужскаго и женскаго пола. Между тѣмъ, какъ большая половина (51,5%) учащихъ мужчинъ съ недостаточной подготовкой,— учительница и помощница, относящихся къ этой группѣ, самое незначительное число (2,6%) въ большинстве ихъ принадлежитъ къ числу лицъ съ достаточной подготовкой (55,9%). Такимъ образомъ, въ Вятской губерніи составъ учащихъ женскаго пола значительно выше по образованію, чѣмъ учащіе мужскаго пола, хотя нельзя не замѣтить, что въ группѣ съ достаточной подготовкой числится преимущественно лица съ среднимъ образованіемъ, т. е. окончившія гимназіи или епархіальныя училища, которая болѣею частью, по удостовѣренію лицъ, близко стоящихъ къ школьному дѣлу, поступаютъ на должность учительницъ съ весьма малой теоретической и практической подготовкойъ педагогической дѣятельности. Очень малоочислены лица, окончившія специальнно-педагогическая учебные заведенія, что объясняется недостаткомъ въ Вятской губерніи такихъ заведеній. Между тѣмъ, эти лица наиболѣе желательны для преподавательского персонала. Что касается учительницъ, показанныхъ въ вышеприведенной таблицѣ подъ рубрикой средней подготовки, то почти всѣ состоять или иль не прошедшихъ полнаго курса гимназистокъ или иль окончившихъ курсъ прогимназіи.

По продолжительности педагогической дѣятельности въ Вятской губерніи учащіе распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	М.	%	Ж.	%	Всего	%
Учащіе менѣе 1 года	70	17,1	273	15,1	343	15,5
отъ 1 года до 5 лѣтъ.	177	43,2	758	42	935	42,2
5 лѣтъ „ 10	97	23,6	387	21,4	484	21,9
10 „ 15	33	8	160	8,9	193	8,7
15 „ 20	13	3,2	137	7,6	150	6,8
„ 20 „ 25	18	4,4	66	3,7	84	3,8
свыше 25 лѣтъ .	2	0,5	23	1,3	25	1,1
Всего	. 410	100	1.804	100	2.214	100

Эти данные свидѣтельствуютъ, что учительскій персоналъ въ Вѣтской губерніи довольно устойчивъ, такъ какъ преобладающее число учащихъ занимается педагогическою дѣятельностью въ точнѣй иѣсколькихъ лѣтъ, при чмъ многіе (42,3%) даже свыше 5 лѣтъ. Значительное же число лицъ, относящихся ко 2-й и 3-й группѣ, т. е. къ лицамъ, продолжающимъ педагогическую дѣятельность не свыше 10 лѣтъ, можетъ быть объяснено тѣмъ, что половина существующихъ въ губерніи начальныхъ школъ открыта въ послѣдній 10 лѣтъ и за это время еще болѣе добавлено учащихъ въ существовавшія школы. Значительный сравнительно процентъ учащихъ меѓу годомъ объясняется тѣмъ же постояннымъ добавленіемъ новыхъ должностей учащихъ въ существующія школы. Принимая во вниманіе, что число обучавшихся въ начальныхъ школахъ, содержимыхъ вѣтскими земствами, дѣтей равнялось въ 1-му января 1904 г. около 85,350, оказывается, что на каждого учащаго приходилось около 35 учениковъ, хотя по вездѣ распределеніе учащихся между учениками равномѣрно, и въ отчетахъ инспекторовъ народныхъ училищъ мы находимъ случаи, когда на одного учащаго приходилось по 70 и больше учениковъ, при чмъ одинъ учитель занимался не съ однимъ, а съ двумя, троями и даже четырьмя отдѣленіями.

Нормальный окладъ учительского жалованья до сихъ поръ еще не выработанъ, хотя обѣ этомъ скончадно возбуждается вопросъ, сколько въ губернскомъ, такъ и въ уѣздахъ земскихъ собраніяхъ. Въ большинствѣ уѣздовъ размѣръ содержанія учащихъ доведенъ за послѣдніе годы до 300 руб. для учителей и учительницъ (но считая учащихъ въ двухклассныхъ училищахъ, содержаніе которыхъ обыкновенно свыше 400 руб.) и до 180 и даже до 200 руб. (Вѣтскій и Елабужскій уѣзды) для ихъ помощниковъ и помощницъ, однако въ нѣкоторыхъ уѣздахъ это содержаніе еще колеблется въ предѣлахъ отъ 240 до 270 руб. для учителей и учительницъ (Котельничскій, Слободскій и Яранскій) и не свыше 150 руб. для помощниковъ и помощницъ (Орловскій). Впрочемъ, и въ тѣхъ уѣздахъ, где учительское жалованье доведено до 300 руб., эту окладъ присвоенъ иногда только лицамъ со специальнымъ или со среднимъ образованіемъ, окладъ же прочихъ учителей установленъ въ 240 руб. (Глазовскій, Сарапульскій уѣзы).

Основной окладъ въ большинствѣ уѣздовъ, кроме Вѣтскаго, Малмыжскаго и Нолинскаго, усиливается по мѣрѣ выслуги лѣтъ особыми прибавками, которыя, однако, производятся въ различныхъ

уѣздахъ на самыхъ разнообразныхъ основаніяхъ. Напримѣръ; въ однихъ прибавки установлены лишь для учителей и учительницъ и не распространяются на помощниковъ и помощницъ, въ другихъ они примѣняются, какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ прибавки производятся периодически черезъ пять лѣтъ, въ другихъ назначаются черезъ три года, при чемъ количество прибавокъ колеблется отъ 2 до 4, сумма же каждой прибавки—отъ 30 до 60 руб. для учителей и учительницъ и отъ 20 до 30 руб. для помощниковъ и помощницъ. Въ зависимости отъ размѣра основного оклада содержанія и условій выдачи прибавокъ къ нему, предельная сумма учительского жалованья въ разныхъ мѣстностяхъ губерніи различна и достигаетъ 360—540 руб. для учителей и учительницъ и 230—260 руб. для помощниковъ и помощницъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ учащимъ, для которыхъ не имѣется квартиры при училищахъ, выдаются квартирные деньги, по большей части отъ 15 до 24 руб. въ годъ. Эта сумма признается крайне недостаточной самими земствами, и съ 1904 года она по нѣкоторымъ уѣздамъ увеличена до 36 руб. (Сарапульскій, Уржумскій).

Содержаніе учительскому персоналу производится изъ средствъ уѣзднаго сбора безъ всякаго пособія изъ губернскаго земства, кроме отпускаемаго ежегодно, какъ выше было указано, общаго пособія на открытыя съ 1-го января 1896 г. школы въ суммѣ 150.000 руб.

Вопроſъ о принятии губернскими земствами участія въ расходахъ по этому содержанію, хотя и обсуждался неоднократно,—до настоящаго времени еще не разрѣшенъ. Въ первый разъ онъ былъ возбужденъ въ 1899 году, когда встрѣчались (правда, рѣдко) оклады жалованья для учителей въ 150 руб. и для помощниковъ въ 100 руб., обществомъ взаимопомощи учащимъ и учившимъ въ начальныхъ школахъ Вятской губерніи, ходатайствовавшимъ передъ губернскимъ земствомъ обѣ установлениіи прогрессивныхъ прибавокъ къ жалованью учителямъ изъ суммъ губернского сбора и передъ уѣздными—о доведеніи основного оклада до нормы, принятой эмеритальной земской кассой, т. е. до 300 руб. для учителя и до 180 руб. для помощника. Это ходатайство вызвало принципіально сочувствіе вятскихъ земствъ, при чьемъ нѣкоторыя уѣздныя земства (напр., вятское) не замедлили возвысить существовавшіе до послѣдняго времени оклады жалованья, однако опо все же до сихъ поръ не привело къ установлению однообразного способа вознагражденія учащихъ во всѣхъ уѣздахъ. Желая достигнуть этого однообразія, губернская управа еще въ 1901 году выра-

ботала общія основанія для вознаграждення учительского труда, котория, по постановленю губернскаго собранія того же года, были переданы на обсужденіе и заключеніе уѣздныхъ земскихъ собраній и, затѣмъ, по итогамъ исправленіи ихъ въ связи съ замѣчаніями уѣздныхъ земствъ, не пришедшіхъ, однако, къ согласному решенію, были вновь подвергнуты обсужденію губернскаго собранія въ 1902 г. По проекту управы, нормальный годовой низшій окладъ учительского жалованья устанавливается въ слѣдующихъ размѣрахъ: 1) для первыхъ и старыхъ учителей двухклассныхъ училищъ въ 360 руб.; 2) для учителей одноклассныхъ училищъ съ 4-ми и менѣе отдѣленіями, съ образованіемъ не ниже средняго или специальнно-педагогическимъ—300 руб.; 3) для учителей одноклассныхъ училищъ съ 4-мя и менѣе отдѣленіями, съ образованіемъ ниже средняго и безъ специальнно-педагогического—240 руб.; 4) для помощниковъ учителей съ образованіемъ не ниже средняго и специальнно-педагогическимъ—180 руб. и 5) для помощниковъ съ образованіемъ ниже средняго и безъ специальнно-педагогического 150 руб. Черезъ каждые три года службы съ нормальнымъ окладомъ дается прибавка: для учителей всѣхъ школъ въ 30 руб., а для помощниковъ учителей въ 20 руб.; число прибавокъ, однако, ограничивается четырьмя, т. е. 12 годами службы, и, такимъ образомъ, высшій окладъ учителей двухклассныхъ училищъ достигаетъ 480 руб., учителей одноклассныхъ училищъ съ образовательнымъ цензомъ 420 руб. и помощниковъ 260 руб., учителей и помощниковъ безъ образовательного ценза 360 руб. и 230 руб. Половина расходовъ на прибавки къ жалованью (сверхъ нормальныхъ окладовъ) относится на счетъ губернского земства и выдается, въ видѣ пособія, уѣздному земству при томъ условіи, если уѣздныя земства будутъ назначать за свой счетъ не менѣе этой суммы въ прибавку. По тѣмъ уѣздамъ, где окладъ жалованья менѣе указанныхъ размѣровъ, уѣздныя земства должны увеличить его до нормального оклада въ теченіе 3 лѣтъ, въ противномъ же случаѣ пособіе губернского земства прекращается до тѣхъ поръ, пока это не будетъ выполнено. Въ тѣхъ уѣздахъ, где существуютъ прибавки въ большихъ размѣрахъ, уѣздныя земства могутъ уменьшать ихъ до определенныхъ выше нормъ, но съ тѣмъ, чтобы преподавателямъ, получающимъ нынѣ болѣе высокій окладъ, таковой быть сохраненъ впередъ до оставленія ими службы или до выслуги высшаго оклада. Уѣздныя земства могутъ устанавливать прибавки и въ большемъ размѣрѣ, но отъ губернского земства они получаютъ пособіе только въ размѣрѣ половины указанныхъ нормаль-

ныхъ прибавокъ. Срокъ для выслуги на прибавки считается не со днія вступленія на службу, а съ 1-го января слѣдующаго за поступлениемъ года, при чмъ пособіе губернскаго земства на выдачу прибавокъ опредѣляется на каждый слѣдующій годъ на основаніи расходныхъ смѣть, одобренныхъ уѣздными собраніями. При переводѣ помощниковъ на учительскія мѣста имъ зачитывается прежняя служба и они поступаютъ на соотвѣтствующій повышенный окладъ учительскаго жалованья; при переводѣ же учащихъ изъ одного уѣзда въ другой, они сохраняютъ свое право только на половину прибавки, получаемую за счетъ губернскаго земства, при чмъ, однако, отъ усмотрѣнія уѣздныхъ собраній зависитъ сохраненіе періодическихъ прибавокъ и за счетъ уѣздныхъ земствъ. Тѣмъ изъ учителей и помощниковъ, которые не имѣютъ при школахъ готовыхъ квартиръ, уѣздныя земства за свой счетъ должны назначать, помимо жалованья, квартирные деньги въ размѣрѣ не менѣе 36 руб. въ годъ.

Этотъ проектъ, правда, вызвалъ въ губернскомъ собраніи нѣкоторыя возраженія, сводившіяся къ тому, что „не слѣдуетъ насиливать тѣ уѣзды, которые сами не желаютъ увеличивать смѣты“; тѣмъ не менѣе большинствомъ голосовъ выражено было принципіальное согласіе на участіе губернскаго земства въ расходахъ по увеличенію окладовъ жалованья преподавателей начальныхъ училищъ, съ установлениемъ срока введенія прибавокъ съ 1-го января 1904 года. Губернскій управѣ поручено было произвести точные подсчеты о количествѣ необходимыхъ средствъ для выдачи прибавки жалованья за все прежнее время и разработать вопросъ о зачетѣ прежней службы и организаціи прибавокъ послѣ того, какъ уѣздныя земства выскажутъ свои мнѣнія въ собраніяхъ, и, наконецъ, уѣздныя собранія, согласившіяся на предложенную прибавку, приглашались внести соотвѣтствующую сумму въ смѣту 1904 года. Но подсчетамъ губернской управы оказалось, что для осуществленія этого мѣропріятія необходимо ассигновать по губернскому и уѣздному смѣтамъ 81.365 р., изъ которыхъ 32.365 р. подлежали отнесенію на средства уѣздныхъ земствъ, а 49.000 р. на счетъ губернскаго.

Новое разсмотрѣніе этого вопроса, въ связи съ указанными подсчетами, хотя и заставило нѣкоторыя уѣздныя земства отказаться отъ прежнихъ решеній и склониться къ общему по губерніи организаціи, но, какъ и въ предшествовавшіе годы, не привело къ полному соглашенію. Одни уѣздныя земства (Малмыжское) признавали зачетъ при

прибавкахъ прежней службы учительского персонала для земскихъ средствъ непосильнымъ; другія не соглашались съ принятыми губернскими земствами сроками или размѣрами прибавокъ (Орловское, Елабужское), или признавали выработанные губернскую управою нормы оклада учительского жалованья низкими и потому для учительского персонала невыгодными, находя вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтственнымъ воспользоваться причитающимся по разсчетамъ губернской управы на уѣздѣ пособіемъ губорнскаго земства (Глазовское). Вирочомъ большинство земствъ (Вятское, Котельничское, Малмыжское, Нолинское, Слободское и Яранское) согласились въ принципѣ на периодическія прибавки къ учительскому жалованію съ участіемъ губернскаго земства, но не признали возможнымъ, въ виду недостатка средствъ и предѣльности земскаго обложенія, ввести эту мѣру немедленно и отложили ее до болѣе благопріятнаго времени. Лишь Сарапульское и Уржумское земскія собранія, принявъ просить губернскаго земства, постановили о введеніи его въ дѣйствіе съ 1-го января 1904 года.

Разглагасія уѣздныхъ земствъ въ дѣлѣ организаціи общаго для всей губерніи порядка вознагражденія учительского персонала имѣли результатомъ, что губернское собраніе 1903 года, разсмотрѣвъ вновь этотъ вопросъ, отклонило проектъ введенія прогрессивныхъ прибавокъ къ жалованью учителей, признавъ вмѣстѣ съ тѣмъ нежелательнымъ передавать ого на новое разсмотрѣнію уѣздныхъ собраній. Такимъ образомъ, четырехлѣтнєе обсужденіе не привело къ удовлетворителюму разрѣшенію вопроса объ улучшеніи материальнаго положенія учительского персонала въ Вятской губерніи. Между тѣмъ, такое улучшеніе предупредило бы въ большей или меньшей степени бѣгство учащихъ изъ школъ, замѣченное, напримѣръ, при введеніи виной монополіи въ губерніи, съ другой стороны — оно гарантировало бы народную школу отъ перекочевокъ учащихъ изъ одного уѣзда въ другой, что крайне вредно отражается на постановкѣ учебнаго дѣла. Возвышеніе окладовъ содержанія учительского персонала тѣмъ болѣе необходимо, что, въ виду сложности и обременительности учительскихъ обязанностей, учащіе не могутъ принимать на себя выполненіе какихъ-либо постороннихъ занятій.

Включаемыя въ иѣкоторыя уѣздныя сѣмѣты ассигновки на награды учащимъ, дополнительное вознагражденіе за преподаваніе пѣнія, руководлія, за веденіе народныхъ чтеній, завѣдываніе библіотекой, а также на воспитаніе дѣтей ихъ столь незначительны, что едва ли мо-

гуть оказывать существенную помощь недостаточно обезпеченымъ труженникамъ, тѣмъ больше, что такія дополнительныя вознаграждения получаются лишь исключительнымъ числомъ учащихъ.

Обезпеченіе учащихъ помощью на случай болѣзни также пока не организовано, хотя земства въ послѣднее время стали обращать вниманіе и на эту сторону дѣла. Напримеръ, малинскими и глазовскими земскими собраниями разрѣшено учительскому персоналу уѣзда пользоваться бесплатнымъ больничнымъ и амбулаторнымъ лечениемъ. Равнымъ образомъ не во всѣхъ уѣздахъ учащіе обеспечены бесплатнымъ проѣздомъ, въ случаѣ надобности, на земскихъ лошадяхъ, несмотря на возбуждаемыя по этому предмету ходатайства общества взаимного вс помошествованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ школахъ Вятской губерніи.

Будущность учащихъ, на случай неспособности къ труду, и сестерѣть ихъ, на случай смерти, обезпечивается обязательнымъ участіемъ въ эмеритальной кассѣ земства Вятской губерніи, действующей съ 1896 года. Эта касса даетъ учителю право, по выслугѣ 12 лѣтъ, получать пенсию въ размѣрѣ 25% нормального оклада (300 р. для учителя и учительницы и 180 р. для помощника и помощницы). По мѣрѣ выслуги лѣтъ, сумма пенсіи увеличивается на 5% ежегодно, пока черезъ 27 лѣтъ не дойдетъ до максимума, т. е. до 300 р. для учителей и 180 р. для помощниковъ.

Что касается существующаго въ г. Вяткѣ съ 1896 года общества взаимного вс помошествованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ, народныхъ училищахъ Вятской губерніи, то членами этого общества могутъ быть только учащіе въ вышеупомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ, уплачивающіе ежегодно одинъ процентъ съ получаемаго или получавшагося содержанія, и членами-соревнователями могутъ быть и всѣ прочія лица, уплачивающія ежегодно 3 рубля. Общество пользуется ежегодными пособіями губернского и всѣхъ уѣзденныхъ земствъ: первого—въ размѣрѣ 500 р., вторыхъ—по 100 р., кроме глазовского и слободского, ассигнующихъ по 200 р., и Котельническаго, ограничивающагося пособіемъ въ 50 р. Общая сумма пособій обществу отъ земствъ по отчету за 1902—1903 гг. равнялась 1750 р., при общей суммѣ доходовъ за тотъ же годъ въ 7839 р. 86 к. Къ 1-му юля 1903 года общество состояло изъ 1218 членовъ, изъ которыхъ 6 именитыхъ, 259 членовъ-соревнователей и 953 дѣйствительныхъ членовъ. Дѣятельность общества заключается, главнымъ образомъ, въ выдачѣ нуждающимся членамъ пособій и ссудъ на леченіе, на поѣздки на

кумысь, на обученіе дѣтей, въ завѣдываніи устроеннымъ въ 1900 году обществомъ общожитіемъ для учительскихъ дѣтей, обучающихся въ учебныхъ заведеніяхъ г. Вятки, въ устройствѣ въ чѣмкоторыхъ городахъ губерніи квартирь для учащихъ, прѣбывающихъ на вакаціонное время, въ возбужденіи различныхъ ходатайствъ, клонящихся къ улучшенню благосостоянія учительского персонала, и т. д.

Относительно подготовки учителей для начальныхъ школъ необходимо замѣтить, что съ самаго начала введенія земскихъ учрежденій въ Вятской губерніи этотъ вопросъ составлялъ предметъ заботъ губернского земства. Съ этой цѣлью предполагалось сначала учредить учительскую семинарію, но специальная комиссія, которой это было поручено, не нашла возможнымъ держаться уже выработанныхъ въ этомъ отношеніи оснований и, въ докладѣ очередному губернскому собранию 1869 года, задалась весьма широкой программой устройства специальной учительской семинаріи сельскохозяйственного типа. Согласно ея предположенію, въ 1872 году въ г. Вяткѣ открыто было „земское училище для распространенія сельскохозяйственныхъ и техническихъ свѣдѣній и приготовленія учителей“. Несмотря на широкую постановку дѣла и значительные затраты, вскорѣ послѣ открытия училища въ губернскомъ собраніи начали слышаться заявленія о его непродуктивности, такъ какъ, при ежегодномъ расходѣ въ 25.000 р., изъ него выходило отъ 12 до 15 учителей въ годъ, въ виду чего земство остановилось сначала на мысли преобразовать его въ реальное училище съ педагогическимъ курсомъ. Вследствіе отказа министерства народного просвѣщенія въ учрежденіи при реальномъ училищѣ педагогического курса, это училище было, по постановленію земского собрания 1880 г., закрыто и взамѣнъ его было тогда же открыто на тѣ же средства реальное училище, согласно нормальному уставу. Въ послѣдующее время участіе вятского губернского земства въ дѣлѣ подготовки учительского персонала ограничилось отпускомъ средствъ на содержаніе педагогического класса при Вятской женской гимназіи. Только въ 1903 году, по ходатайству земства, открыта въ свободѣ Кукаркѣ учительская семинарія на средства казны, лишь съ единовременнымъ пособіемъ губернского земства въ 10.000 р. Недостатокъ специальныхъ учебныхъ заведеній для подготовки учительского персонала вятской уѣздной земства пробовали устранить открытиемъ женскихъ гимназій, преобразовывая въ нихъ и прогимназіи. Губернское земство, въ свою очередь, съ 1896 года пришло имъ на помощь въ этомъ отношеніи пособіями на каждую вновь открытую или преобра-

зованием изъ прогимназий гимназію. Въ настоящее время почти во всѣхъ уѣздахъ городахъ губерніи имѣются женскія гимназіи (кромѣ Котельнича, Малмыжа и Нолинска), а о преобразованіи яѣсоколькихъ другихъ женскіхъ прогимназий въ гимназіи возбуждены ходатайства. Впрочемъ, вопросъ о томъ, насколько гимназіи пригодны для подготовки учительницъ, возбуждалъ не разъ споры въ земскихъ собранияхъ при обсужденіи открытия гимназій. Лица, бывшія стоящія къ школьному дѣлу, удостовѣряютъ, что даже окончившія полный курсъ гимназистки не подготовлены къ педагогической дѣятельности, а между тѣмъ отсутствие специально подготовленныхъ учителей и учительницъ несомнѣнно неблагопрѣятно отражается на постановкѣ учебно-воспитательного дѣла въ начальныхъ школахъ. Поэтому, за отсутствіемъ специальныхъ заведеній, было бы желательно, чтобы было обращено, по крайней мѣрѣ, большее вниманіе на теоретическое и практическое ознакомленіе гимназистокъ съ педагогикой шутомъ открыты при женскихъ гимназіяхъ образцовыхъ начальныхъ школъ, на что, впрочемъ, нѣкоторыя земства (например, Глазовское) вниманіе уже обратили.

Съ тою же цѣлью пополненія и освѣженія педагогическихъ познаній, а частью и для установленія единства въ методахъ преподаванія и выясненія недостатковъ постановки школьнаго дѣла, въ Вятской губерніи стали устраиваться учительскіе съѣзы и педагогическіе курсы съ отпускомъ на это земскихъ средствъ.

Польза такихъ съѣзовъ признана была еще въ 1870 году почти всѣми земствами Вятской губерніи и тогда же были ассигнованы особы суммы для ихъ осуществленія, а также предоставленъ учителямъ и учительницамъ бесплатный проѣздъ для участія въ нихъ. Съ 1885 года, однако, за неразрѣшеніемъ учительскихъ съѣзовъ, земствами устраивались исключительно педагогическіе курсы по утвержденнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 5-го августа 1875 года правиламъ, учительскіе же съѣзы вновь вызваны къ жизни лишь съ изданіемъ правилъ 26-го ноября 1899 года. Согласно этимъ правиламъ 1875 и 1899 гг., учительскіе курсы представляютъ собою временную школу, въ которой учителя являются учениками и предметомъ обучения служить педагогика — теоретическая и практическая, учительскіе же съѣзы являются учрежденіемъ съ совѣщательнымъ характеромъ, въ которомъ учителя собираются подъ предсѣдательствомъ учебнаго начальства для разшенія вопросовъ, касающихся не только школы, но и ихъ собственного положенія, собственныхъ нуждъ.

Заботу по устройству учительскихъ съѣзовъ и курсовъ прини-

вали на себя по преимуществу уѣздныя земства, которые ассигновали на это и денежные средства, съ пособiemъ въ большинствѣ случаевъ отъ губернскаго земства, и освившиимъ, однако, случайній характеръ до 1901 года, когда въ губернскомъ собраніи былъ разрѣшены вопросъ о субсидированіи губернскимъ земствомъ всѣхъ, устраиваемыхъ уѣздными земствами педагогическихъ курсовъ и съѣздовъ учителей, въ размѣрѣ: по 200 р.—на устройство педагогическихъ курсовъ и по 100 р.—на устройство учительскихъ съѣзовъ.

Независимо отъ субсидированія уѣздныхъ земствъ губернскимъ земствомъ въ 1900 году устроены были въ г. Вяткѣ педагогическіе курсы, для руководства которыми приглашены были нѣсколько лицъ, извѣстныхъ въ педагогическомъ мірѣ. Эти курсы вызывали замѣчанія со стороны министерства народного просвѣщенія, напечатано, что организація этихъ курсовъ, а также занятія на нихъ происходили несогласно съ правилами 5-го августа 1875 года. Въ частности, министерство указало, что курсы явились дѣломъ лицъ, отчасти чуждыхъ Вятской губерніи, отчасти не имѣющихъ отношенія къ педагогикѣ, при чьемъ руководители курсовъ приглашены были вятской губернской управой безъ предварительного соглашенія по этому предмету съ учебнымъ начальствомъ.

Изъ числа уѣздныхъ земствъ педагогическіе курсы устроило въ 1901 году (отъ 6-го июля по 6-ое июля) глазовское земство. На эти курсы собралось 220 слушателей; предметами преподаванія были: русскій языкъ, церковно-славянское чтеніе, естествознаніе, законъ Божій, школьная методика, ариѳметика, гигіена и тѣніе. Въ 1902 году (съ 20-го по 27-ое августа) елабужскіе земствомъ устроены учительскій съѣздъ, который явился первымъ въ Вятской губерніи на основаніи правилъ 1899 года. На этомъ съѣздѣ участвовало 125 лицъ учительскаго персонала народныхъ училищъ Елабужскаго уѣзда и, по предварительно составленной инспекторомъ народныхъ училищъ совмѣстно съ предсѣдателемъ уѣздной земской управы программѣ, обсуждались различные вопросы школьнаго дѣла, какъ-то: воспитательная сторона въ начальныхъ народныхъ училищахъ, учебная часть, хозяйственная часть въ связи съ гигіеническими условіями, положеніе учащихъ и учащихся въ народныхъ училищахъ. Въ августѣ 1903 года устроены были уржумскіе земствомъ съѣздъ учителей и учительницъ, на которомъ участвовало 106 лицъ учительского персонала, занимавшихся обсужденіемъ существенныхъ вопросовъ касательно болѣе правильной постановки воспитательной и учебной части въ начальныхъ училищахъ.

Въ августѣ же того же года учителскій съездъ устроенъ бытъ и въ г. Слободскомъ мѣстнымъ уѣзднымъ земствомъ.

Всѣ эти съѣзды и курсы происходили подъ руководствомъ и при непосредственномъ участіи учебнаго начальства, при чмъ послѣднимъ, для болѣе правильной и успѣшной разработки предложенныхъ обсужденію съѣзда вопросовъ, образовывались изъ участниковъ съѣзовъ особыя комиссіи или секціи, которая подготовляли матеріалъ для общихъ собраній. За немногими исключеніями, въ большинствѣ случаевъ учителя и учительницы выказывали соразмерное отношеніе къ дѣлу, придавали своимъ собраніямъ большое значеніе, приготовляли къ пимъ нерѣдко обстоятельныя доклады по вопросамъ школьнаго обучения и воспитанія, въ сужденіяхъ своихъ дѣлали восьма цѣнныя указанія, основанныя на учителскому опыту, и выдвигали не мало специальнъхъ вопросовъ, на которые само земство не обратило бы должнаго вниманія.

Изъ числа остальныхъ уѣздныхъ земствъ орловское и малмыжское земства предполагали устроить педагогическіе курсы, котельническое, сарапульское и яранское земства обсуждали предложенія объ устройствѣ учителскихъ съѣзовъ, но эти предложенія до послѣдняго времени не осуществились, главнымъ образомъ, за неудачей разрѣшенія на это со стороны учебнаго начальства, усматривавшаго въ постановленіяхъ земствъ по устройству собраній того или другого типа несоблюденіе установленныхъ для этого правилъ.

Нежданіе земствъ подчиниться этимъ правиламъ можетъ быть до извѣстной степени объяснено уже отмѣченнымъ нами стремленіемъ къ большему вліянію на учебную постановку дѣла въ народныхъ училищахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и на учителскій персоналъ. Противъ правилъ 1875 года о педагогическихъ курсахъ и 1899 года о съѣздахъ учителей губернскія управы открыто высказались въ своемъ докладѣ очередному земскому собранію 1902 года. „Не требуется, кажется, особыхъ комментарій“, говорится въ докладѣ: „для того, чтобы видѣть создаваемыя правилами препятствія и тормазы такому наиболѣе вѣшнему дѣлу, какъ учителскіе съѣзы. Разрѣшеніе съѣзда, утвержденіе программы его, а также списка лицъ, имѣющихъ въ немъ участвовать, попечителемъ учебнаго округа — власти болѣе или менѣе удаленной, а не мѣстнымъ директоромъ народныхъ училищъ, ограниченіе съѣзда крайне краткимъ срокомъ, врученіе предсѣдательства на съѣздѣ учителей непосредственному ихъ начальнику — инспектору, невозможность одновременного

устройства нѣсколькихъ съездовъ въ предѣлахъ одной губерніи при краткости канцелярскаго времени у учителей и т. п. правила являются весьма неблагопріятными обстоятельствами для своевременнаго устройства и болѣе или менѣе свободного функционирования учительскихъ съездовъ. Лишеніе же съезда учителей права дѣлать постановленія, сведеніе роли земствъ, устраивающихъ съезды, почти къ нулю и совершение воспрещеніе губернскихъ учительскихъ съездовъ—пужно признать положительно дефектами". Независимо отъ этого, по поводу отчета бывшаго въ Елабугѣ въ 1902 году съезда учителей и учительницъ, губернская управа въ томъ же докладѣ указала, что отсутствие голосования учительскихъ мнѣній и опредѣленій постановленій, по-видимому, даетъ предсѣдателю съезда широкій просторъ для толкованія учительскихъ мнѣній по своему усмотрѣнію, назначеніе же предсѣдателемъ съезда мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ стѣсняетъ въ значительной степени свободу участниковъ съезда и придастъ нѣкоторымъ постановленіямъ съезда едва ли желательную окраску. Такъ, высказанное на съездахъ мнѣніе о товарищескихъ посѣщеніяхъ учителями другъ друга въ инспекторскомъ отчетѣ значилось принятіемъ съездомъ съ дополненіемъ „въ присутствіи инспектора"; присутствіе же начальства въ товарищескомъ обиѣнѣ мыслей едва ли могло исходить, по мнѣнію управы, изъ свободныхъ желаній учителей. „Педагогическіе курсы", говорится въ докладѣ управы: „стѣснены въ устройствѣ и функционированіи по многу, чѣмъ учительской съезды. Слишкомъ сложная процедура разрѣшенія курсовъ, начинавшись со согласія мѣстнаго училищнаго совѣта и до представленія списка учителей, приглашаемыхъ на курсы, въ министерство народного просвѣщенія включительно, предоставление права приглашать руководителей курсовъ исключительно директору народныхъ училищъ по его выбору и за его ответственностью и утвержденіе ихъ программъ тоже понеестественнѣ учебнаго округа, лишаютъ устраивающихъ курсы земскихъ учрежденій и мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ права на активное участіе въ самой постановкѣ курсовъ и т. п. правила являются, можно сказать, совершеннымъ анахронизмомъ и убиваютъ у земскихъ учрежденій всякое желаніе устраивать курсы".

Вслѣдствіе такого доклада губернскій управы губернскимъ собраниемъ поручено было управѣ выработать новый проектъ правилъ о съездахъ и курсахъ и представить его на заключеніе уѣздныхъ земскихъ собраний. Этотъ проектъ выработанъ былъ совѣщаніемъ предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ при участіи одного изъ инспек-

торовъ училищъ, по приглашению губернской управы, и единогласно одобрено съ весьма незначительными замѣчаніями уѣздными собраниемъ, въ затѣмъ и губернское собраніе сессіи 1903 года постановило возбудить ходатайство объ измѣненіи въ законодательномъ порядкѣ существующихъ правилъ сообразно съ проектомъ управы.

Въ основаніе проекта управы легли, главнымъ образомъ, соображенія о необходимости учрежденія, паряду съ педагогическими, и общеобразовательныхъ курсовъ съ предоставлениемъ права учрежденія, какъ курсовъ, такъ и съѣздовъ учителей, общественнымъ учрежденіямъ, частнымъ лицамъ, педагогическимъ просвѣтительнымъ и другимъ обществамъ, а также обществамъ взаимопомощи, при чемъ разрѣшеніе на учрежденіе курсовъ должно даваться своевременно, безъ излишней регламентации и стѣсненій. Учредителямъ курсовъ и съѣздовъ предполагалось предоставить выборъ лицъ, завѣдующихъ курсами, руководителей или преподавателей, участіе паряду съ послѣдними въ совѣтѣ для обсужденія и рѣшенія всѣхъ вопросовъ, касающихся веденія учебнаго дѣла курсовъ, опредѣленія мѣста, времени, продолжительности курсовъ и съѣздовъ, условій пріема слушателей курсовъ и участниковъ съѣзда, выборъ учебныхъ предметовъ на курсахъ, выработка программы съѣзда и инструкціи, касающейся порядка съѣзда (относительно публичности, порядка голосованія и т. п.). Вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ отстранялъ въ дѣлѣ организаціи, какъ курсовъ, такъ и съѣздовъ, какое бы то ни было участіе ближайшаго учебнаго начальства, въ лицѣ директора и инспектора народныхъ училищъ, оставляя лишь за попечителемъ учебнаго округа право утвержденія завѣдующихъ курсами руководителями или преподавателями на нихъ. Учительскіе съѣзы, по мысли проекта, должны были имѣть право дѣлать постановленія и возбуждать ходатайства, какъ передъ правительствомъ, такъ и передъ общественными учрежденіями и разнаго рода обществами; предсѣдатель и два товарища предсѣдателя избираются самимъ съѣздомъ, открываются же съѣзы личнымъ порядкомъ, т. е. посредствомъ заявленія попечителю учебнаго округа и сообщенія мѣстной полиціи о времени и мѣстѣ съѣзда.

V.

По вѣроисповѣданіямъ, сословіямъ и этнографическимъ группамъ составъ учащихся въ начальныхъ земскихъ школахъ Вятской губерніи представляется весьма разнообразнымъ. Въ этомъ отношеніи, въ 1-му января 1904 года, они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по

въроисновьданіемъ: 1) православныхъ 82181 чл.; 2) старообрядцевъ 2066; 3) магометанъ 327; 4) язычниковъ 116; 5) іудеевъ 38 и 6) прочихъ 28, а всего 84756 чл. (кромѣ 4 школъ Нолинскаго уѣзда, по которымъ данныхъ нѣть); б) по сословіямъ: 1) крестьянъ 78953 чл.; 2) иѣщантъ 1821 и 3) прочихъ сословій 4369, и в) по этнографическимъ группамъ: 1) русскихъ (великороссовъ) 71793 чл. и 2) инородцевъ 13450.

Въ этихъ цифрахъ обращаетъ на себя вниманіе сравнительно слабый процентъ учениковъ неправославного исповѣданія. Такъ, изъ общаго числа на долю старообрядцевъ приходится лишь 2,4%, на долю магометанъ 0,39%, и на долю язычниковъ 0,14%, тогда какъ по даннымъ переписи 1897 года старообрядцы составляли 3,17% населения, магометане 4,27% и язычники 0,36%. Особенное рѣзкимъ является это различіе для магометанъ, число учащихся изъ которыхъ сличномъ въ десять разъ относительно менѣе, чѣмъ у христіанъ. Объясняется это тѣмъ, что магометане обучаются преимущественно въ содержимыхъ ими татарскихъ школахъ. То же надо сказать, и относительно язычниковъ, дѣло народного образованія которыхъ, однако, сосредоточено преимущественно въ школахъ миссионерскихъ и братства св. Николая.

По изслѣдованіямъ вятского губернского земства въ 1900 году возрастъ учащихся въ начальныхъ училищахъ крайне разнообразенъ: наряду съ учениками моложе 8 лѣтъ, въ тѣхъ же школахъ обучаются и такие, которымъ 15 и болѣе лѣтъ, но главная масса учащихся принадлежитъ къ группѣ отъ 9 до 12 лѣтъ. На этотъ возрастъ приходится около 79%, а на всѣ остальные (какъ младшіе, такъ и старшіе) около 22%, при чѣмъ дѣвочки обыкновенно поступаютъ въ школу въ болѣе ранній возрастъ.

Главная масса дѣтей обучается въ смѣшанныхъ школахъ, которые составляютъ около 80% всѣхъ земскихъ школъ; затѣмъ идѣется приблизительно 15% мужскихъ и 5% женскихъ школъ. По даннымъ о числѣ земскихъ школъ и о количествѣ учащихся въ нихъ оказывается, что въ среднемъ на школу приходится около 78 учащихся, но распределеніе это по отдѣльнымъ школамъ крайне неравнomoрно. По изслѣдованіямъ земства, наибольшее число учениковъ приходится на женскія школы, что до извѣстной степени является показателемъ недостаточнаго числа ихъ. Переполненіе нѣкоторыхъ школъ отмѣчается, какъ учебнымъ начальствомъ, такъ и земствами.

Наряду, однако, съ переполненными школами встрѣчаются изрѣдка,

правда, и такія, которыя сравнительно пустуютъ, заключая въ себѣ, напримѣръ, 13 учениковъ (Вятскій уѣздъ), что свидѣтельствуетъ, пожалуй, о недостаточной иногда планомѣрности въ распределеніи школъ.

Средняя продолжительность пребыванія учащагося въ школѣ не достигаетъ полныхъ 2 лѣтъ. По школьнамъ отдѣленіямъ учащіеся распредѣлялись къ 1-му января 1904 года слѣдующимъ образомъ: I) 38251; II) 27167; III) 17576; IV и V) 1540. Изъ этихъ данныхъ видно, что первыя отдѣленія значительно многолюднѣе остальныхъ. Объясняется это явленіе значительнымъ числомъ учащихся, выбывающихъ изъ школъ до окончанія курса, которые составляли въ 1900—1901 учебномъ году, по изслѣдованіямъ земства, около 17% всѣхъ учащихся мальчиковъ и около 25% всѣхъ учащихся девочекъ, при чмъ, если убыль изъ первого отдѣленія понижалась съ избыткомъ поступлениемъ новыхъ учениковъ, то убыль въ старшихъ отдѣленіяхъ пополнялась крайне незначительно.

Не лишены интереса приводимыя въ изслѣдованіяхъ земства данные о процентномъ отношеніи къ общему числу выбывшихъ до окончанія полнаго курса школы тѣхъ дѣтей, которыя проучились 1 годъ, 2 года, 3 года и болѣе. Эти данные свидѣтельствуютъ, что больше $\frac{1}{3}$ выбывающихъ остаются неграмотными, такъ какъ опытъ показываетъ, что учащіеся, пробывъ въ школѣ по болѣе года, выходятъ или безграмотными, или настолько малограмотны, что они во всякомъ случаѣ обречены на рецидивъ безграмотности. Но тѣмъ же земскими изслѣдованіями, оканчиваетъ курсъ школы около 17% всѣхъ учившихся дѣтей.

Главной причиной преждевременного выбытія изъ школы и низкого процента оканчивающихъ полный курсъ служать, конечно, неудовлетворительность общихъ условий экономической жизни, бѣдность и даже нищета крестьянъ, къ числу которыхъ принадлежитъ большинство учащихся; рѣже причина эта—болѣзнь, и на послѣднемъ мѣстѣ—неспособность и дурное поведеніе самихъ учащихся. Невольно бросается въ глаза, что по материальной несостоитѣльности выбываютъ изъ школы свыше 60% всѣхъ выбывающихъ, при чмъ въ изслѣдованіяхъ губернскаго земства отмѣчается не мало случаевъ выбытія изъ школы вслѣдствіе „неимѣнія одежды и обуви“, „домашнихъ работ“ и „отдачи въ наймы“.

При бѣдности большинства населения, въ связи съ тяжелыми климатическими условіями и раскинутостью селеній губерній, на посѣ-

щасливость школъ вмієть отдаленность ихъ отъ населенія и отсутствіе при школахъ правильно организованныхъ общежитій. Тѣ же причины вызываютъ частоту неблагопріятно отражающихся на успѣшности занятій пропусковъ учащимися уроковъ. По словамъ отчета одного изъ инспекторовъ народныхъ училищъ, пропуски эти происходятъ не столько вслѣдствіе заболеваній, сколько вслѣдствіе отвлечения учащихся родителями къ домашнимъ работамъ, при чемъ особенно много пропущенныхъ уроковъ надаетъ на время молотьбы хлѣба и начала весеннихъ полевыхъ работъ; не мало уроковъ пропускается въ холода и мятежи, когда посѣщеніе школы дѣтьми изъ другихъ деревень сопряжено съ рискомъ; многія дѣти, иаконецъ, лишены возможности посѣщать аккуратно школу и въ небольшіе сравнительно холода за недостаткомъ теплой одежды и обуви. Несколько значительно число пропускаемыхъ учащимися уроковъ, видно, напримѣръ, изъ того, что изъ каждого учащагося въ 1902—1903 гг. въ школахъ Сарапульского уѣзда, по произведеніемъ мѣстнымъ инспекторомъ народныхъ училищъ подсчетамъ, приходилось въ среднемъ 31,3 пропущенныхъ дня, что весьма значительно въ виду краткости учебнаго года, заключающаго въ себѣ въ этомъ уѣздѣ въ среднемъ 155 учебныхъ дней, при чемъ въ отдѣльныхъ школахъ это число колебалось отъ 92 до 196.

Сознавая, какимъ тормазомъ для успѣшнаго наслажденія народнаго образованія являются только что указанные причины, вятскія земства стали за послѣднее время принимать мѣры къ борбѣ съ ними, выигнувъ особые кредиты на выдачу пособій бѣднымъ учащимся, на устройство выдачи горячей пищи, теплой одежды. Всѣ принимаемыя до сихъ поръ мѣры, къ сожалѣнію, недостаточны и едва ли могутъ дать какіе-либо осязательные результаты безъ приближенія школы къ населенію. Помимо того, настоящее состояніе земскаго бюджета затрудняетъ земству борбѣ съ этими препятствіями безъ помощи правительства.

Курсъ учения въ двухклассныхъ начальпыхъ училищахъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства народного просвѣщенія, пятилѣтній, а въ земскихъ — обыкновенно трехлѣтній, иногда — четырехлѣтній. Встрѣчаются, впрочемъ, въ Вятской губерніи земскія школы и съ пятилѣтнимъ курсомъ, что объясняется отчасти стремленіемъ вятскихъ земствъ къ повышенному типу школъ. Занятія въ начальныхъ школахъ производятся обыкновенно съ половины девятаго до трехъ часовъ дни. Въ теченіе этого времени бываетъ 5 уроковъ съ 10-минутными перерывами между уроками и съ болѣе продолжительной, до часу, перер-

мѣной въ полдень. Въ школахъ съ общежитіями бывають иногда, кромѣ того, вечернія занятія, продолжающіяся отъ полутора до трехъ часовъ.

На преподаваніе въ земскихъ школахъ закона Божія влияетъ, помимо вынужденного многочисленностью обязанностей частаго пропуска уроковъ священниками, состоящими въ большинствѣ слушаю преподавателей закона Божія, также нѣсколько формальное отношение къ программѣ, благодаря чему основнымъ начала христіанскаго вѣроученія и молитвы заучиваются дѣтми часто механически, не сопровождаясь необходимыми разясненіями со стороны законоучителя. На недостатки преподаванія закона Божія въ начальныхъ школахъ обращали не рѣдко вниманіе и учебное начальство и земство. Въ новѣйшее время, съ разрѣшеніемъ епархиального начальства, къ преподаванію этого предмета, подъ наблюденіемъ священника, стали допускаться свѣтскіе учителя и учительницы. Въ близкихъ отъ церквей селеніяхъ дѣти обыкновенно, подъ наблюденіемъ учащихъ, присутствуютъ на богослуженіи въ воскресные и праздничные дни; ученики тѣхъ школъ, которые очень далеко расположены отъ церквей, посещаютъ послѣдняя черезъ воскресеніе, при чёмъ въ нѣкоторыхъ училищахъ наканунѣ праздниковъ совершаются всенощныя бдѣнія. Дѣти большою частью ноютъ главныя молитвы, такъ что въ 169 школахъ изъ учащихся составляются церковные хоры.

Систематическое обученіе пѣнію, вирочемъ, сравнительно рѣдко и музыкальныхъ инструментовъ въ школахъ большою частью не имѣется. Причины недостаточной въ общемъ постановки этого важнаго для сельскихъ школъ предмета, чрезвычайно любимаго, по удостовѣренію учебного начальства, учащимися и легче всего привлекающаго къ учителю и школѣ расположеніе населенія, зависятъ отъ того, что большинство преподавателей сами никогда пѣплю не обучались и не ноютъ ничего, кромѣ общеупотребительныхъ молитвъ, а иногда и совсѣмъ не могутъ пѣть. Знающіе пѣніе, не считая этой предметъ обязательнымъ, занимаются имъ только при особенной любви къ нему и къ школѣ; для приглашенія же особыхъ преподавателей пѣнія ощущается недостатокъ въ кредитахъ. О важномъ образовательно-воспитательномъ значеніи церковнаго пѣнія въ школахъ говорилось не мало на бывшихъ съѣздахъ учителей и учительницъ (напр., въ городахъ Уржумѣ, Слободскомъ и др.), при чёмъ указывалось на желательность приобрѣтенія для школы, хотя бы постепенно, музыкальныхъ инструментовъ и вознагражденія преподающихъ пѣніе и заботящихся объ образованіи хоровъ.

Вирочемъ, въ послѣднее время и земство обратило вниманіе на эту сторону школьнаго дѣла. По смѣтамъ ассигнуются особые кредиты отъ 100 до 1.000 рублей на уѣздъ на вознагражденіе учителей за преподаваніе пѣнія или даже на приглашеніе для этого специальныхъ учителей или учительницъ; по Вятскому уѣзду ассигновано было даже разъ 150 р. на приобрѣтеніе музыкальныхъ инструментовъ. Лѣтомъ 1902 года въ Сарапулѣ устроены были курсы для обученія пѣнію, но на нихъ явилось только 9 учителей земскихъ школъ. Кромѣ того, явилось 14 учителей церковно-приходскихъ школъ и 3 вольнослушателя; учительницъ же не было ни одной.

Что касается остальныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ начальной школѣ (церковно-славянской грамоты, русскаго языка и ариѳметики), то въ общемъ необходимо признать постановку обучения имъ удовлетворительную. Правильность такого вывода подтверждается до известной степени и производившимъ въ 1901 году губернскимъ земствомъ подсчетомъ, свидѣтельствующимъ, что въ этомъ году пороюло въ слѣдующіи отдѣленіи 63,5% всѣхъ бывшихъ къ концу года учащихся, осталось въ прежнихъ отдѣленіяхъ 19,2% и кончило—17,3%. Недостатки преподаванія объясняются, въ большинствѣ случаевъ, по единодушнымъ отзывамъ, не отсутствіемъ усердія со стороны преподавательского персонала, а неподготовленностью его къ педагогической дѣятельности.

Для производства экзаменовъ школы распредѣляются училищными совѣтами между членами этихъ совѣтовъ, которые называются предсѣдателями экзаменаціонныхъ комиссій. Отчетъ объ экзаменахъ представляется членами училищныхъ совѣтовъ этимъ послѣднимъ.

Преподаваніе необязательныхъ предметовъ (ремесль, руководлія, рисования, черченія, сельскаго хозяйства, огородничества и садоводства) производится довольно бессистемно и далеко не во всѣхъ школахъ, обученіе же гимнастикѣ—въ самомъ незначительномъ числѣ училницъ. Что касается рисованія и черченія, то въ одноклассныхъ земскихъ школахъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обучаютъ черченію по кляткамъ, какъ вспомогательному средству по чистописанію. Практическоеознакомленіе учащихся хотя бы и съ самыми общими правилами сельскаго хозяйства невозможно за неимѣніемъ у большинства школъ земельныхъ участковъ. Обученіе сельскому хозяйству, огородничеству и садоводству затрудняется еще тѣмъ, что большинство преподавателей не имѣть постоянной осѣдлости въ тѣхъ школьныхъ пунктахъ, где они состоять на службѣ, и, по окончаніи экзаменовъ, уѣжаютъ къ

себѣ на родину. Къ тому же учителскій персоналъ въ массѣ своей не обладаетъ специальной подготовкой, а отпускаемыя земствомъ на этотъ предметъ незначительныя средства не даютъ возможности не только привлечь особыхъ преподавателей, но и обзавестись сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ. Обезпечениѳ школъ небольшими участками земли для устройства хотя бы огородовъ и садовъ весьма желательно, таѣль какъ мѣра эта принесетъ посомнѣнную пользу здоровью дѣтей, работающихъ на воздухѣ, обогатить ихъ познанія и, иромъ того, можетъ служить подспорьемъ на устройство для дѣтей въ общежитіяхъ горячей пищи, въ чмъ такъ нуждается вятская начальная школа.

Болѣе распространено обученіе дѣвочекъ рукодѣлію, заключающемся въ вязаніи, вышиваніи, шитьѣ и плетеніи кружевъ. Изъ отчета инспектора народныхъ училищъ Орловскаго уѣзда за 1901—1902 гг. усматривается, напримѣръ, что 78,7% всѣхъ учащихся дѣвочекъ этого уѣзда обучались рукодѣлію; въ Яранскомъ уѣзде за 1902 г. рукодѣліе проходило въ 66 училищахъ, въ Глазовскомъ въ 30, въ Елабужскомъ въ 28 училищахъ, при чмъ земствами ассигнируются на это средства, хотя и незначительны.

Преподаваніе ремесль развито мало, и ремесленные классы при училищахъ рѣдки. Напримеръ, изъ отчетовъ инспекторовъ народныхъ училищъ усматривается, что въ Яранскомъ уѣзде въ 1902 году лишь при одной сольской школѣ были ремесленные классы; въ Сарапульскомъ уѣзде имѣлась столярная мастерская въ селѣ Шаркань вообще для населенія, учащимся же предоставлялось лишь по 2 часа въ день; въ Уржумскомъ уѣзде лишь при нѣкоторыхъ училищахъ имѣлись ремесленные классы; въ Орловскомъ уѣзде въ 1901—1902 учебномъ году при двухъ училищахъ были ткацкія мастерскія, въ которыхъ обучали особыя мастерицы, въ 6 училищахъ производилось плетеніе изъ соломы подъ руководствомъ учительницы и при двухъ училищахъ, также подъ руководствомъ учительницы, введено переплетное мастерство. Мало развитіе преподаванія ремесль объясняется недостаткомъ надлежащей подготовки для этого учащихъ начальныхъ училищъ, отсутствиемъ у нихъ времени, а главнымъ образомъ — незначительностью отпускаемыхъ на этотъ предметъ денежныхъ средствъ.

На важность ремесленного обученія въ начальныхъ школахъ обращалось вниманіе и на учителскихъ съѣздахъ, при чмъ съѣздомъ, бывшимъ въ 1903 году въ гор. Слободскомъ, возбуждено было даже передъ губернскимъ земствомъ ходатайство объ устройствѣ для учителскаго персонала курсовъ ручного труда, которое вызвало со сто-

роны земского губернского собрания поручение губернской управы о выработке особыхъ правилъ по этому предмету.

Затрачивая значительныя средства на начальное образование, вятсікія земства удѣляютъ вообще сравнительно мало професіональному образованію, хотя ими не разъ возбуждался вопросъ о необходимости распространенія среди населенія сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ знаній и вырабатывались даже уставы професіональныхъ школъ. Первые ремесленные школы въ Слободскомъ, Іранскомъ и Чолинскомъ уѣздахъ открыты были въ 80-хъ годахъ; первыя же сельско-хозяйственные школы появились въ Уржумскомъ и Глазовскомъ уѣздахъ лишь въ серединѣ 90-хъ годовъ. До послѣдняго времени въ губерніи, при участіі вятскихъ земствъ, открыты были всего: одно среднее сельско-хозяйственное, одно техническое училище, 3 сельско-хозяйственныхъ школы и 3 ремесленныхъ училища, не считая учебныхъ мастерскихъ, въ которыхъ въ большинствѣ случаевъ общобразовательные предметы не преподаются. Женскихъ професіональныхъ училищъ до послѣдняго времени въ губорніи вонко по существовало.

Расходы земствъ на этотъ предметъ падали, главнымъ образомъ, на губернское земство, которое, участвуя въ содержаніи ремесленного училища въ гор. Вяткѣ, въ пособіи на содержаніе нѣсколькихъ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ въ губерніи и средняго сельско-хозяйственно-техническаго училища, затрачивавшій на это около 25.000 р.; среди же уѣздныхъ земствъ значительные расходы по этой статьѣ несутъ лишь глазовское (около 17.000 руб.) и уржумское (11.000 руб.) земства; прочія же земства, за исключеніемъ котельническаго и нолинскаго, расходующихъ вмѣстѣ до 3.000 руб., вовсе не ассигнуютъ на этотъ предметъ никакихъ кредитовъ. Можно надѣяться, впрочемъ, что въ ближайшемъ будущемъ професіональное образованіе въ Вятской губорніи значительно расширится, благодаря процитамъ съ приходящейся на Вятскую губорнию части завѣщаній Г. Г. Соловьевымъ капиталовъ, свыше 60.000 руб.

Къ этому остается добавить, что на средства губернскаго земства содержатся мужская и женская фельдшерскія школы и школа повитухъ.

Отчеты большинства инспекторовъ народныхъ училищъ Вятской губорніи удостовѣряютъ, что земскія училища снабжаются учебниками, руководствами и письменными принадлежностями въ достаточной мѣрѣ, и что управы въ большинствѣ случаевъ въ высылкѣ ихъ довольно аккуратны. Размѣръ отпускаемаго на этотъ предметъ кре-

дата или исчисляется по требованиемъ учителей, или опредѣляется по числу учениковъ, отъ 40 до 80 коп. на каждого, смотря по уѣздаамъ. Выборъ книгъ изъ числа одобренныхъ для школьнаго употребленія министерствомъ народного просвѣщенія, а также руководствъ для учителей, производится, по требованиемъ учителей, земскими управами, иногда по соглашенію съ инспекторомъ народныхъ училищъ. Выписка учебныхъ пособій производится управами большею частью изъ книжныхъ магазиновъ земства, но нѣкоторыя земства, въ виду неаккуратности послѣднихъ, стали выписывать все необходимое для училищъ непосредственно изъ магазиновъ.

При большинствѣ школъ, а по нѣкоторымъ уѣздаамъ (напр., въ Котельничскомъ, Орловскомъ, Сарапульскомъ)—при всѣхъ школахъ, имѣются школьныя библіотеки, содержимыя исключительно на счетъ уѣзденыхъ управъ. Библіотеки эти довольно скучно снабжены книгами. Выборъ книгъ производится управою, но систематичностью не отличается. На бывшемъ въ 1903 году въ Уржумѣ съѣздѣ учителей указывалось, что ученическія библіотеки бѣдны, какъ произведениями авторовъ съ устаивившейся литературной репутацией, такъ и книгами для младшаго возраста. Кроме книгъ и пособій, необходимыхъ для школьнаго занятій и школьнаго библіотекъ, вятскими земствами выписываются книги и журналы для чтенія учителямъ, а также для выдачи окончившимъ курсъ школы, на что и ассигнуется нѣкоторыми земствами особый кредитъ. Такимъ путемъ отчасти обходится требование закона о пополненіи школьнаго библіотекъ исключительно книгами, допущенными въ нихъ къ обращенію.

Въ послѣднее время вятское земство обратило особое вниманіе на снабженіе школъ наглядными пособіями. Среди нихъ наиболѣе распространены картины по священной исторіи, историческія и естественно-историческія, глобусы, толлурі, карты полушарій и Европейской Россіи, атласы, торговые счеты, магниты, наборы кубиковъ, а также нѣкоторые простые физическіе приборы и т. п. Расходъ на этотъ предметъ покрывается изъ общаго кредита на учебные пособія и классную мебель.

Кромѣ перечисленныхъ наглядныхъ пособій, нѣкоторыя училища обогатились въ новѣйшее время еще и рядомъ коллекцій, отлично выполняемыхъ имѣющейся въ гор. Вяткѣ мастерской учебныхъ пособій губернскаго земства. Эта мастерская устроена и содержится всецѣло на счетъ губернскаго земства и, несмотря на сравнительную кратковременность существования (менѣе 12 лѣтъ), настолько успѣла развить свое

производство наглядных пособий, что на ея издали имѣется спросъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Изъ коллекцій мастерской въ училищахъ встрѣчаются: „Гранитъ и во что онъ превращается“, „Пищевые продукты“, „Исторія бумажной нитки“, „Желѣзо и мѣдь“, „Ленъ“, „Хлопокъ“, коллекція мѣръ сыпучихъ тѣлъ, коллекція мѣръ длины и т. д. О снабженіи школъ такими коллекціями заботится, главнымъ образомъ, губернское земство, которое до 1903 г. ассигновало ежегодно на бесплатную разсылку ихъ уѣздинамъ земствамъ 2.500 руб., т. е. по 227 руб. на уѣздъ, а съ 1903 года увеличило кредитъ на этотъ предметъ до 3.900 руб., т. е. до 800 руб. на уѣздъ, при чмъ высылка пособій въ школы губерніи производится со скидкою 10% съ цѣнъ каталога.

Въ иѣкоторыхъ мѣстахъ практикуется пересылка пособій изъ одной школы въ другую, но такая пересылка, какъ связанныя со значительными поудобствами, мало развита. Въ выборѣ наглядныхъ пособій слѣдовало бы болѣе примѣняться къ условіямъ школы и къ условіямъ мѣстности, ограничивалася тѣми наглядными пособіями, которыя могутъ быть использованы и понятны для учениковъ народной школы. Теперь же случается нерѣдко, что прекрасная наглядная пособія, пригодныя въ среднихъ и профессиональныхъ школахъ, остаются неиспользованными и врядъ ли даже объясняются ученикамъ пародныхъ школъ или же объясненіе это бываетъ слишкомъ поверхностно. Съ коллекціями минераловъ мало знакомы и иѣкоторые преподаватели. Къ сознанію только что сказанного принципа, повидимому, и губернская земская управа, докладывавшая собранію 1903 года, что продуктивность снабженія школъ наглядными пособіями значительно умалывается отъ недостаточнаго знакомства иѣкоторыхъ учителей съ употребленіемъ учебныхъ пособій и отъ малой освѣдомленности ихъ въ законахъ физики и математики. Въ виду этого собраніе признало желательнымъ устройство специальныхъ курсовъ для ознакомленія учащихъ съ простѣйшими приемами нагляднаго преподаванія.

Съ тою же цѣлью, очевидно, и иѣкоторая уѣздныя земства остановились въ послѣднее время на мысли о необходимости устройства музея наглядныхъ пособій. Такъ, уржумское земство ассигновало на этотъ предметъ ежегодно по 100 руб., а слабужское собраніе поручило управѣ разработку вопроса объ устройствѣ при земскихъ школахъ передвижного музея учебныхъ пособій. Говоря о музеяхъ, слѣдуетъ упомянуть о находящемся въ гор. Вяткѣ при Алек-

исандровскомъ реальномъ училищѣ музей, имѣющемъ, однако, характеръ болѣе показательный, чѣмъ педагогический. Этотъ музей приобрѣтенъ губернскимъ земствомъ еще въ 1873 году отъ комитета Вятской публичной библіотеки и музея за 3.000 руб. и заключасть въ себѣ отдѣлы: археологический, промышленный и естественно-исторический съ коллекціями: по этнографіи, археологии, естественной исторіи, сельскому хозяйству и промышленности. На содержаніе музея губернскимъ земствомъ отпускалось сначала 300 руб., затѣмъ съ 1889 года 400 руб., а съ 1890 года по настоящее время по 500 руб. ежегодно.

VI.

Ограниченність программъ одноклассныхъ начальныхъ школъ должна была привести къ убѣждѣнію, что болѣе или менѣе основательного развитія обучаемыхъ можно достигнуть лишь путемъ расширенія этой программы и, следовательно, созданія училищъ съ болѣе продолжительнымъ курсомъ преподаванія. Въ особо образованной въ 1896 году вятскимъ губернскимъ собраниемъ комиссіи для разработки вопроса о лучшей постановкѣ дѣла народного образования высказано было, что курсъ одноклассныхъ начальныхъ училищъ слишкомъ недостаточенъ, такъ какъ онъ даетъ ученикамъ одну только грамоту и не даетъ общаго образованія и развитія, которыя составляютъ цѣль всякой школы. Для этой цѣли, по словамъ журналовъ комиссіи, трехъ лѣтъ обучения слишкомъ мало. Поступая въ школу совершенно неграмотными, крестьянская дѣти первые два года занятій тратятъ всецѣло на механизмы обучения грамотѣ и преодолѣнія техническихъ трудностей письма и чтенія; въ эти два года чтеніе, письмо и счетъ служатъ для учениковъ сами по себѣ цѣлью и лишь съ третьего года становятся средствомъ для образовательныхъ цѣлей. Съ этого только времени ученикъ, овладѣвъ механизмомъ чтенія и письма, начинаетъ осмысленно и сознательно относиться къ предметамъ обученія. Къ сожалѣнію, однако, именно тогда-то образование его и заканчивается, т. е. какъ разъ въ то время, когда этому образованію слѣдовало бы начинаться.

Благодаря этому, ученикъ, закончившись свое образование въ возрастѣ 11—13 лѣтъ, не приносить съ собою изъ школы въ жизнь ничего, кромеъ технического умѣнія читать и писать, которое безъ достаточнаго материала въ упражненію ослабѣваетъ и притупляется. Отсюда такія начальная и обидная для земскаго сознанія явленія,

какъ рецидивъ безграмотности, сводящія всю работу начальной школы къ нулю и свидѣтельствующія о недостигнутой цѣли и даромъ затраченныхъ средствахъ въ силахъ. Съ существующими начальными школами можно, поэтому, было только мириться, стремясь въ то же время всѣми силами къ повышенію типа народной школы. Само населеніе не удовлетворяется уже начальной школой и стремится къ повышеному образованію. Назрѣвшая въ народѣ потребность въ болѣе широкомъ образованіи настоятельно требуетъ удовлетворенія, и потому должны быть созданы школы съ повышеннымъ образовательнымъ уровнемъ. Эти школы будутъ создавать изъ крестьянъ интеллигентію, людей изъ народа, которые могутъ быть достойными земскими и общественными дѣятелями. Возражая противъ такого мнѣнія, некоторые члены комиссіи указывали, что, въ виду недостатка школъ вообще, устройство школъ повышенного типа представляется несвоевременнымъ и посправедливымъ по отношенію той части населенія, которая останется совсѣмъ безъ школъ, что и школа съ повышенной программой не создастъ интеллигентіи и что, по мѣрѣ осуществленія всеобщаго обученія, типъ школъ будетъ повышаться „самъ собою“ (?). Въ результаѣтъ, однако, комиссія признала необходимымъ для земства идти одновременно „и въ ширь и въ глубь“, т. е., стремясь къ открытию возможно большаго числа начальныхъ школъ существующаго нормального типа, дабы достигнуть всеобщаго обученія, одновременно озаботиться и улучшеніемъ качественной стороны начального образования—путемъ созданія хотя по большого количества школъ съ повышеннымъ курсомъ въ наилучшѣ центральныхъ, бойкихъ и развитыхъ мѣстностяхъ. Съ этой цѣлью комиссія проектировала удлинить курсъ нормальной школы до 4 лѣтъ и создать, примѣнительно къ двухкласснымъ училищамъ министерства народного просвѣщенія, типъ школы съ пятилетнимъ курсомъ обученія по выработанной комиссией примѣрной программѣ.

Согласавшись съ такимъ заключеніемъ комиссіи, губернское земское собраніе 1896 года дало нѣкоторой части ассигновки въ 150.000 рублей опредѣленное назначеніе на повышеніе типа начальной школы, предоставивъ губернской управѣ оказывать уѣзднымъ земствамъ, въ предѣлахъ ихъ нормального кредита, пособіе на открытие при начальныхъ школахъ дополнительного четвертаго отдѣленія по 50 руб. на каждое и по 400 руб. на открытие двухклассной школы съ 5 отдѣленіями.

Изъ этихъ постановленій видно, что, проектируя созданіе школъ

повышенного типа, земство знало о томъ, что такія школы уже существуютъ въ видѣ двухклассныхъ школъ министерства народного просвѣщенія. Въ 1902 году такихъ школъ числилось по всей губерніи 85, и нѣкоторыя изъ нихъ содержались не исключительно на счетъ казны, а отчасти и на средства земства, обыкновенно оплачивавшаго расходы по содержанию 1-го класса въ этихъ училищахъ. Существеннымъ различиемъ этихъ школъ отъ одноклассныхъ составляло то, что послѣднія находились въ завѣдываніи училищныхъ совѣтовъ, въ составъ которыхъ входятъ и члены отъ земства, которое, независимо отъ того, что вся хозяйственная часть завѣдыванія такими школами находилась въ полномъ его распоряженіи, могло имѣть влияніе и на ходъ учебно-воспитательного дѣла въ нихъ, какъ черезъ посредство членовъ совѣта отъ земства, такъ и путемъ предоставленного ему права рекомендовать лицъ на должности учителей начальныхъ училищъ. Прямо противъ, двухклассный ученица, хотя бы и содержимая съ способомъ отъ земства, находятся, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ учебномъ отношеніи въ полномъ завѣдываніи дирекціи народныхъ училищъ, и земство не принимаетъ никакого участія, ни непосредственно, ни черезъ своихъ представителей въ завѣдываніи этихъ школъ, при чемъ даже отчеты о расходованіи земскихъ субсидій на нихъ могли земству вовсе не сообщаться. Такое положеніе этихъ школъ являлось тѣмъ болѣе искривленнымъ, что земство могло черезъ своихъ представителей принимать участіе въ завѣдываніи хозяйственной части, даже среднихъ учебныхъ заведеній, имѣть субсидируемыхъ, путемъ избрания отъ себя представителей въ попечительные совѣты этихъ заведеній. Изътіе вовсе двухклассныхъ школъ изъ вѣдѣнія училищныхъ совѣтовъ могло считаться тѣмъ болѣе страннымъ, что, если повышенные требования, предъявляемыя къ преподавателямъ въ этихъ школахъ, и могли быть поводомъ къ тому, чтобы назначеніе этихъ преподавателей не было предоставлено окончательно уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, — сдали ли могли встрѣтиться существенный препятствія къ предоставлению совѣтамъ права рекомендовать на эти должности кандидатовъ, разумѣется, обладающихъ установленными образовательными цензомъ.

При такихъ условіяхъ земству слѣдовало ходатайствовать о расширеніи его правъ на участіе въ завѣдываніи двухклассными школами, но оно, какъ видно изъ вышеизведенного постановленія о субсидіяхъ на дополнительные классы, рѣшило, основываясь на самостоятельномъ широкомъ толкованіи предоставленного ему закономъ права,

организовать на томъ же основаніи, какъ начальныя училища, такъ и земскія двухкласныя школы. Эти распоряженія земства были, конечно, известны мѣстной дирекціи народныхъ училищъ, такъ какъ открытие дополнительныхъ классовъ и назначеніе для нихъ учителей не могли быть сдѣланы помимо уѣзданого училищного совѣта, находящагося въ Вятской губерніи подъ предсѣдательствомъ инспектора училищъ... О существованіи земскихъ двухкласныхъ школъ, открытыхъ еще въ 1898 году, учебному округу сдѣгалось известнымъ лишь въ 1902 году. 30-го июля того же года сдѣланъ былъ запросъ губернскому училищному совѣту объ основаніяхъ, на которыхъ допущено такое открытие. Представивъ черезъ годъ объясненія, въ которыхъ говорилось, что дополнительные классы при начальныхъ училищахъ разрушены въ 1898 году въ качествѣ параллельныхъ, губернскій училищный совѣтъ (однимъ изъ членовъ которого въ засѣданіи было заявлено, что обученіе въ дополнительныхъ классахъ производится по программѣ двухкласныхъ училищъ) высказался, однако, не за оставленіе допущенного имъ вѣдома въ теченіе 5 лѣтъ существованіемъ двухкласныхъ земскихъ училищъ, а лишь за допущеніе преподаванія въ дополнительныхъ классахъ по программѣ для однокласныхъ начальныхъ училищъ.

Принятый вновь назначеннымъ въ 1903 году директоромъ народныхъ училищъ Вятской губерніи мѣры къ возстановленію сообразованія съ закономъ порядка учрежденія и завѣдыванія начальными школами встрѣчены были несочувственно земствомъ, которое сочло ихъ посягательствомъ на свои права. Такое отношение министерства, по словамъ доклада губернской управы 1902 года, нельзя объяснить желаніемъ правительства со средоточить дѣло народного образования въ одномъ министерствѣ и тѣмъ придать ему характеръ единства, въ виду закона о церковныхъ школахъ, признавшаго существованіе послѣднихъ наравнѣ со школами министерства народного просвѣщенія. Въ свою очередь, уѣздныя земства, открывавши при некоторыхъ училищахъ вторые классы, стали переименовывать ихъ въ параллельные отдѣленія съ программой однокласныхъ начальныхъ училищъ или же останавливались на предположеніи о прекращеніи какого бы то ни было пособія на двухкласныя училища, возбуждая ходатайства о принятіи всецѣло на счетъ казны содержанія двухкласныхъ училищъ или же объ отнесеніи на тотъ же счетъ содержанія второго класса училища отдельно отъ первого. Такъ, напримѣръ, по поводу доклада малмыжской земской управы, что съ

открытиемъ министерствомъ, согласно ходатайству земского собрания, вторыхъ классовъ при иѣкоторыхъ земскихъ училищахъ, послѣднія преобразованы, безъ предварительного согласія земства, въ двухклассные министерскія училища и первыми изъ вѣдѣнія училищнаго соѣтства въ вѣдѣніе дирекціи народныхъ училищъ (при чѣмъ земство обязывалось отпускать на содержаніе первыхъ классовъ этихъ училищъ полностью всѣ тѣ кредиты, какіе расходовались на это до преобразованія училищъ, но въ то же время лишалось права оказывать вліяніе на постановку учебной части въ этихъ училищахъ透过 mѣстный училищный соѣтъ и завѣдывать расходованіемъ своихъ средствъ на содержаніе первыхъ классовъ этихъ училищъ), — въ экстренномъ малмыжскомъ земскомъ собрании 16-го марта 1903 года указывалось, что вторые классы при иѣкоторыхъ земскихъ одноклассныхъ училищахъ существуютъ, несмотря на сомнительность законности ихъ открытія, о чѣмъ явствѣно и въ округѣ, и отдавать въ постороннисъ завѣдываніе лучшія во всѣхъ отношеніяхъ школы уѣзда представляется нежелательнымъ, тѣмъ болѣе, что „болѣе или менѣе правильная постановка ихъ, съ передачею въ вѣдѣніе министерства, пока сомнительна“. Руководствуясь этими соображеніями, собраніе постановило возбудить ходатайство о предоставлѣніи земству права открытия двухклассныхъ училищъ, какъ по типу существующихъ училищъ министерства народного просвѣщенія, по съ подчиненіемъ ихъ вѣдѣнію училищнаго соѣтства, такъ и смѣшанного типа, т. е. съ подчиненіемъ первыхъ классовъ вѣдѣнію училищнаго соѣтства, а вторыхъ классовъ — дирекціи народныхъ училищъ въ томъ случаѣ, если вторые классы будутъ содержаться исключительно на средства казны, до разрѣшенія же въ законодательномъ порядкѣ этого ходатайства отпускать со стороны земства суммы на содержаніе преобразованныхъ училищъ производить лишь въ теченіе двухъ лѣтъ съ тѣмъ, чтобы по истечениіи этого срока войти въ обсужденіе вопроса объ установленіи условій, на какихъ земство, по соглашенію съ учебными вѣдомствомъ, признаетъ для себя желательнымъ содержаніе училищъ въ дальнѣйшемъ.

Подобныя же постановленія дѣлались и по другимъ уѣздамъ. Вызывались они желаніемъ земствъ имѣть голосъ при рѣшеніи вопросовъ, имѣющихъ отношеніе, какъ къ хозяйственной, такъ и къ учебно-воспитательной сторонѣ училищъ, въ содержаніи которыхъ они принимаютъ участіе своими средствами. „Вятское земство“, говорилось въ докладѣ губернской управы губернскому собранию 1902 года: „свою 35-лѣтнюю дѣятельностью въ области народнаго образования

блестящимъ образомъ доказало свою полную правоспособность и совершенно достаточную компетентность въ веденіи дѣла народного образования. Предполагать, что министерство черезъ однихъ своихъ чиновниковъ только, безъ всякаго участія мѣстныхъ силъ, вполнѣ освѣдомленныхъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, можетъ правильнѣе земства поставить повышенныя школы, было бы поспѣшно, тѣмъ болѣе, что данная исторія просвѣщенія въ Вятскомъ краѣ не даютъ достаточныхъ основаній для такого оптимизма".

Не отрицая факта, что открытиемъ дополнительныхъ классовъ вятское земство вышло изъ предѣловъ своей компетенціи, нельзя но признать, однако, справедливости стремленія земствъ къ получению права участія въ завѣдываніи тѣми училищами, которыя содержатся всецѣло или отчасти на земскія средства, хотя бы и повышенного типа, тѣмъ болѣе, что участіе земствъ допущено и въ завѣдываніи средними учебными заведеніями, ими содержимыми или субсидируемыхъ, путемъ включенія земскихъ представителей въ попечительные советы учебныхъ заведеній.

Нѣкоторымъ переходомъ отъ правильно организованныхъ школъ къ мѣрамъ по развитию вицѣшкольного образования служатъ воскресныя и будничныя повторительныя учебныя занятія, имѣющія цѣлью, съ одной стороны, предупредить рецидивъ безграмотности, возобновить, освѣжить и дополнить знанія бывшихъ учениковъ школы, съ другой—дать возможность неграмотнымъ восполнить, хотя до извѣстной степени, пробѣль въ ихъ развитіи, получившійся въ виду лишенія ихъ въ дѣствѣ вліянія школы. Вятское губернское земство еще въ 1892 году обратило вниманіе на эту отрасль дѣятельности по народному образованію и ассигновало 5.000 р. на веденіе повторительныхъ классовъ. Вначалѣ такія занятія шли по одной формѣ воскресныхъ школъ, а затѣмъ мало-по-малу они раздѣлялись въ уѣздахъ на пѣшколько видовъ. Съ одной стороны, нѣкоторыя изъ уѣздныхъ земствъ, прилагая во вниманіе, что свободнымъ днемъ въ недѣльѣ у крестьянъ является лишь день воскресный, стремятся къ нему и пріурочить дополнительныя учебныя занятія. Другія земства, имѣя въ виду незначительность числа воскресныхъ дней, вынуждающую ограничиваться очень скромной по размѣрамъ программой обученія, пріурочиваютъ занятія къ вечернимъ часамъ будничныхъ дней. Въ свою очередь, какъ воскресныя, такъ и буднично-вечернія занятія имѣютъ въ Вятской губерніи свои разновидности. Такъ, воскресныя занятія назначаются иногда для всего населенія, какъ грамот-

наго, такъ и неграмотнаго, и называются воскресными школами; иногда же они предназначаются только для прошедшихъ школу и называются воскресно-повторительными занятиями. Буднично-вечернія занятия раздѣляются также на два вида. Къ первому виду относятся буднично-вечернія занятія со взрослымъ населеніемъ, организуемые по порученію уѣздныхъ земствъ при начальныхъ школахъ учителями послѣднихъ. Ко второму виду относятся вечерніе-будничные занятія, при посредствѣ особыхъ учителей, при чмъ, однако, иногда этимъ учителямъ поручается нѣсколько вечернихъ школъ, такъ что они вынуждены въ точніе нецѣли перекочевывать изъ одной школы въ другую, занимаясь въ каждой по два — три дня.

Изъ данныхъ за 1902—1903 годъ усматривается, что сверхшкольные занятія велись всего при 113 школахъ губерніи, при чмъ наибольшее число приходилось на воскресныя школы, которыхъ насчитывалось 60, но почти лишь въ одномъ Яранскомъ уѣздѣ, гдѣ было 51 такихъ школъ, привлекающихъ по преимуществу взрослое женское населеніе (94%). Эти школы сослужили, по удостовѣренію мѣстного инспектора народныхъ училищъ, въ этомъ отношеніи большую службу. Въ остальныхъ уѣздахъ число воскресныхъ школъ было совершенно ничтожно, а именно: въ Вятскомъ — 2, въ Елабужскомъ — 1, въ Сарапульскомъ — 4 и въ Слободскомъ — 2. За тотъ же годъ воскресно-повторительные занятія происходили при 32 школахъ, а именно: при 13 — въ Котельничскомъ уѣздѣ, при 9 — въ Полномъ, при 5 — въ Вятскомъ, при 4 — въ Орловскомъ и при 1 — въ Слободскомъ. Занятия, какъ въ воскресныхъ школахъ, такъ и въ воскресно-повторительныхъ классахъ, велись по преимуществу учительскими персоналомъ тѣхъ школъ, при которыхъ занятія были организованы, частью бесплатно, частью за плату отъ 50 коп. до 2 руб. Вечернія школы, не имѣющія отдельныхъ учителей, существовали при 9 училищахъ (8 въ Глазовскомъ уѣздѣ, 1 въ Слободскомъ), вечернія школы съ передвижными учителями при 7 школахъ (5 въ Сарапульскомъ и 2 въ Уржумскомъ уѣздѣ) и, наконецъ, вечернія школы съ постоянными учителями были всего въ 5 пунктахъ (3 въ Вятскомъ и 2 въ Малмыжскомъ уѣздѣ). Общее число посѣщашихъ сверхшкольные учебные занятія за 1902—1903 учебный годъ равнялось 3.400 чел.

Нѣющіяся обѣ этихъ занятіяхъ сегдѣнія настолько не полны, что не представляется возможнымъ сдѣлать какіе-либо выводы, ни о степени грамотности слушателей, ни о продолжительности посѣщенія ими занятій, ни о возрастѣ ихъ, ни, тѣмъ болѣе, о сдѣлаанныхъ ими успѣ-

хахъ. Главную долю расходовъ на организацію сверхшкольныхъ учебныхъ занятій несетъ на себѣ губернское земство, которое ассигнууетъ ежегодно въ пособіе уѣзднымъ земствамъ на этотъ предметъ 11.000 руб., т. е. по тысячѣ рублей на уѣздъ, при чмъ до 1903 года губернскій управѣ предоставллось право, въ настоящее время отмѣненное, переводить неизрасходованныя одними уѣздами части ассигновокъ на нужды другихъ уѣзовъ. Выборы того или другого вида учебныхъ занятій предоставляются всецѣло уѣзднымъ земствамъ. Изъ числа послѣднихъ самое крупное на этотъ предметъ ассигнованіе дѣлаетъ лишь яранское земство—4.000 р. въ годъ, гдѣ собственно лишь и привились воскресныя школы; менѣе значительное — вятское уѣздное земство, внесшее въ смету на 1904 годъ 500 р., и сарапульское—1.640 р. Всѣ остальные земства ограничиваются затратою лишь суммъ, отпускаемыхъ губернскимъ земствомъ, не всегда даже расходуя ихъ на этотъ предметъ полностью (напр., котельническое).

За послѣдніе годы дальнѣйшее распространеніе этого вида обученія пріостановилось, что отчасти объясняется существующей его постановкой. Въ губернскомъ собраніи 1901 года однимъ изъ главныхъ заявлялось, что „на вечернихъ занятіяхъ преподаваніе ведется безъ системы, въ беспорядкѣ, не ведется записей о числѣ посѣтителей классовъ; если бы эти записи велись, то они показали бы, насколько перегуляриро, беспорядочно ведеть усвоеніе того, что преподаются; первоначально интересъ къ вечернимъ классамъ былъ сильно возбужденъ, но населеніемъ, главнымъ образомъ, благодаря соединенію ихъ съ чтеніемъ, сопровождавшимся показываніемъ туманныхъ картинъ, но, когда изсякъ запасъ картинъ, тогда упалъ и интересъ къ вечернимъ занятіямъ: вместо 25—30 учащихся на вечернихъ классахъ оказалось иѣсколько человѣкъ или только одинъ“. Тѣ же соображенія высказывались и въ елабужскомъ уѣздномъ собраніи 1902 года, въ которомъ вечернимъ курсамъ ставилось въ вину, главнымъ образомъ, то, что они ведутся безъ опредѣленной системы. Равнымъ образомъ и въ докладѣ Котельничской уѣздной земской управы земскому собранію 1903 года признавалось необходимымъ просить инспектора народныхъ училищъ составить пріемѣрную программу сверхшкольныхъ занятій, выяснивъ въ ней желаемую цѣль, число учебныхъ дней и т. д., чтобы занятія эти не были бессистемными бесѣдами по разнымъ предметамъ.

Въ отчетахъ отмѣчаются иногда и незначительные результаты, достигнутые занятіями, въ виду краткости времени, посвящаемаго имъ

каждый пунстъ, а также и большимъ разнообразіемъ въ составѣ слушателей, какъ по возрасту, такъ и по умственному ихъ развитію. Въ видѣ курсеза укажемъ, что некоторые крестьяне, явясь сначала на курсы, отказывались вовсе отъ занятій, узнавъ, что посѣщеніе ихъ не ведеть къ льготамъ по отбыванію воинской повинности и не даетъ имъ права на полученіе, напримѣръ, должности помощника учителя. Недостатки организаціи обученія путемъ вечернихъ занятій не могутъ, однако, служить поводомъ къ признанію безполезности мѣръ, способствующихъ распространенію въ населеніи некоторыхъ научныхъ свѣдѣній, кромѣ получаемыхъ въ начальной школѣ, и къ поддержанію въ немъ желанія развивать себя умственно, особенно, если мѣры эти не требуютъ непосильныхъ затратъ, которыхъ могли бы затормозить расширеніе начального образованія.

VII.

Видное мѣсто въ дѣятельности вятского земства по распространенію въ губерніи образованія занимаютъ заботы о среднемъ образованіи. Въ первое время по открытіи земскихъ учрежденій эти заботы обусловливались лишь желаниемъ обеспечить надлежащимъ контингентомъ учащихъ земская начальная училища, и первымъ шагомъ въ этомъ дѣлѣ было учрежденіе, исключительно на средства губернскаго земства, упоминавшагося уже нами земскаго училища для распространенія сельско-хозяйственныхъ и техническихъ свѣдѣній и приготовленія учителей. Мы видѣли, что эта попытка оказалась совершенно неудачной, и послѣ двѣнадцатилѣтняго опыта открытое училище преобразовано было въ 1880 году въ реальное училище по общему уставу. Оно существуетъ и понынѣ на средства губернскаго земства, затрачивающаго на него ежегодно до 25 тысячъ рублей. Большой пользы въ дѣлѣ улучшенія педагогического персонала и къ тому же съ меньшими затратами достигло губернское земство содѣйствіемъ министерству народного просвѣщенія путемъ назначенія ежегодной субсидіи въ 4.500 р., увеличенной въ 1880 году до 5.500 р., отпускаемой въ такомъ размѣрѣ и понынѣ, Вятской женской гимназіи на предметъ устройства при ней педагогического класса.

Слѣдя примѣру губернскаго земства, и уѣздныя земства стали возбуждать ходатайства объ открытии съ субсидіей отъ нихъ женскихъ прогимназій, чтобы пополнить недостатокъ въ заведеніяхъ для нѣсколько высшаго, противъ программы начальныхъ училищъ, женскаго

образованія и получить подходящій контингентъ учителницъ для начальныx училищъ, каковому требованію для мужскаго населенія удовлетворили отчасти такъ называемыя городскія училища. Въ концѣ 70-хъ годовъ почти во всѣхъ уѣздахъ городахъ губерніи имѣлись женскія прогимназіи, а одна изъ нихъ, Сарапульская, въ 1881 году преобразована въ гимназію.

Со второй половины 90-хъ годовъ, когда проявилось преобладающее вліяніе въ земствахъ Вѣтской губерніи городскаго населенія, стали возбуждаться ходатайства о преобразованіи женскіхъ прогимназій Вѣтской губерніи въ полныя гимназіи съ VIII классомъ. Съ своей стороны, губернское земство пришло этому движенію на помощь, постановивъ въ собраніи 1896 года выдавать изъ губернскихъ земскихъ средствъ ежегодную субсидію каждой женской гимназіи, преобразуемой изъ прогимназіи. Въ новѣйшее время 8 уѣздовъ Вѣтской губерніи имѣли женскія гимназіи и только 3 уѣзда—Котельническій, Малмыжскій и Полянскій—прогимназіи, при чмъ малмыжское и полянское земства возбуждали уже ходатайство о преобразованіи мѣстныхъ прогимназій въ гимназіи, принимая значительную часть расходовъ по содержанію ихъ на земскія средства.

Насколько значительны затраты земствъ на содержаніе женскіхъ гимназій и прогимназій,—объ этомъ свидѣтельствуютъ произведенные земствомъ подсчеты за 1901—1902 учебный годъ, изъ которыхъ усматривается, что пособіе земства на содержаніе гимназій составляетъ въ среднемъ 44,4% всей суммы бюджетовъ гимназій, достигая, напримѣръ, въ Глазовскомъ уѣзде до 76,5%, въ Орловскомъ до 65,2%. Пособіе земства на содержаніе прогимназій составляло въ среднемъ половину бюджетовъ этихъ послѣднихъ, не считая тѣхъ единовременныхъ расходовъ, которые производились на постройку или приспособленіе зданій для помѣщенія этихъ учебныхъ заведеній. По сми-
тамъ вѣтскихъ земствъ на 1904 годъ расходъ на содержаніе женскіхъ гимназій и прогимназій исчисленъ былъ въ суммѣ около 66.500 р., превышая по извѣстнымъ уѣздамъ суммы 10.000 руб. (напримѣръ, по Глазовскому уѣзу 11.770 р.), кроме ассигнованія на стипендіи въ тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ. Желая пѣсколько облегчить свои расходы на содержаніе женскіхъ среднихъ учебныхъ заведеній, земства Елабужское, Котельническое, Малмыжское и Уржумское признали необходимымъ назначить на устройство и содержаніе существующихъ гимназій и прогимназій часть завѣщанныхъ Солодовниковымъ капиталовъ, что, однако, губернское земство нашло не отвѣчающимъ волѣ

затѣщателя. За 1901—2 учебный годъ въ 8 гимназіяхъ обучалось 3.239 ученицъ и въ 3 прогимназіяхъ 680.

Широкое развитіе среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній обуславливалось желаніемъ достануть возможность получить это образованіе не только лицамъ привилегированныхъ классовъ, но главному плательщику земскихъ налоговъ въ Вятской губерніи—крестьянскому населенію. При возбужденіи вопросовъ объ ассигнованіяхъ и субсидіяхъ на содержаніе женскихъ гимназій и прогимназій указывалось, между прочимъ, на то, что крестьянскія дѣвушки, возвратясь по окончаніи курса прогимназіи въ свою среду, благотворно повліяютъ на поднятие нравственного, а, слѣдовательно, и экономического уровня крестьянского населенія. Съ этой цѣлью плата за обученіе назначалась, по возможности, минимальная, доступная почти для всякаго и доходящая въ яѣкоторыхъ случаяхъ до 6-ти и даже 3-хъ рублей въ годъ, не говоря уже о частыхъ случаяхъ освобожденія новое отъ платы и выдачи стипендій.

Цѣль открытія среднихъ учебныхъ заведеній такъ опредѣлялась однимъ изъ предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ въ собрaniи 1903 года: „на общемъ по прежнему темпомъ фонѣ народной жизни обрисовываются свѣтлый явленія, выясняются новые прогрессивныя теченія народной мысли и жизни. Населеніе во многихъ случаяхъ честолюбиво заявляетъ свои права на то, что сице такъ подлинно составляло достояніе иныхъ сословій—привилегированныхъ, на образованіе въ обширномъ смыслѣ этого слова“.

Изъ данныхъ статистического очерка Вятской губерніи за 1902 годъ видно, что крестьяне составляли немногимъ болѣе трети ученицъ прогимназій и гимназій въ то время, какъ городское населеніе составляло менше трехъ процентовъ общаго населенія губерніи. По даннымъ за 1901—1902 годъ средняя стоимость годового обученія ученицы гимназіи въ Вятской губерніи исчислялась въ 35 руб. 52 коп., колеблясь отъ 27 руб. до 47 руб. 76 коп., а средняя стоимость ученицы прогимназіи составляла 19 руб. 45 коп. Понижение платы за обученіе повлекло за собою переполненіе гимназій, что, само по себѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, насколько эта мѣра шла на встрѣчу потребности населенія. Благодаря недостаточности и нецриспособленности помѣщеній, это обстоятельство, однако, вредно отразилось на здоровье учащихся. По изслѣдованіямъ земства уже за 1901—2 учебный годъ при плохихъ и вредныхъ для здоровья условіяхъ школьнай обстановки, въ вятскихъ гимназіяхъ училось 65,3%, а въ прогимназіяхъ

56,4% воспитанинцъ. Даже и въ рекреационныхъ залахъ, при сборѣ воспитанницъ, воздухъ оказывался до того спрѣтымъ, что вызывалъ у воспитанницъ головокруженіе и головную боль. Эти замѣчанія относятся къ значительному числу помѣщерий среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Вятской губерніи, даже и специально выстроенныхъ.

Что касается мужскихъ средне-учебныхъ заведеній, то, помимо Вятского реальнаго училища, содержимаго на средства губернскаго земства, только одно Сарапульское реальное училище пользуется ежегоднымъ пособіемъ мѣстнаго уѣзднаго земства, въ размѣрѣ около 9 тысячъ рублей. За послѣдніе годы—среди мѣстныхъ уѣздныхъ земствъ проявляется все болѣе усиленное стремленіе къ открытию средне-учебныхъ мужскихъ заведеній, отвѣчающее растущей въ населеніи потребности въ среднемъ образованіи. Губернское собраніе 1902 года, въ одиннадцатіе 35-лѣтней дѣятельности вятскаго губернскаго земства на принципѣ народнаго образованія, постановило отпускать уѣзду земствамъ ежегодный пособіе на открываніе мужскіхъ гимназій и реальныхъ училищ по 5.000 руб., а на мужскія прогимназіи по 2.500 руб. Съ своей стороны, и уѣздныя земства, возбуждая передъ министерствомъ ходатайства объ этомъ, постоянно предлагали помочь изъ своихъ средствъ. Такъ, напримѣръ, уржумское земство предложило на содержаніе реального училища 5.000 руб. ежегодно; кроме того, въ пособіе министерству народнаго просвѣщенія на устройство зданія,—45 тысячъ руб.; слободское земство на тотъ же предметъ предназначило также по 5.000 руб. ежегодно. Иранское земство, возбуждая ходатайство объ открытии реального училища, приняло на себя приобрѣтеніе и приспособленіе зданія для училища, стоимостью до 60 тысячъ руб., обязавшись при этомъ покрывать всѣ расходы по содержанію училища, которые окажутся за получениемъ отъ министерства просимыхъ субсидій чѣмъ размѣрѣ 12 тысячъ руб.; орловское земство обѣщало отпускать ежегодно на содержаніе реального училища 6.568 руб.; глазовское земство ассигновало на содержаніе мужской прогимназіи изъ своихъ средствъ 4.000 руб. въ годъ, признавъ вмѣсть съ тѣмъ необходимымъ образовать специальный капиталъ на постройку зданія для прогимназіи. Въ доказахъ управъ и на земскихъ собрaniяхъ необходимость открытия среднихъ учебныхъ заведеній обосновывалась, между прочимъ, переполненіемъ существующихъ среднихъ учебныхъ заведеній и желаніемъ „дать дѣтямъ крестить, для которыхъ открывается начальное училище и среди которыхъ есть очень сно-

собныхъ, возможность получить дальнѣйшее образованіе". Извѣстную роль при этомъ играло и вліяніе городскихъ гласныхъ, а частью и чиновъ изѣстной уѣздной администраціи, нуждавшихся въ такихъ заведеніяхъ для воспитанія своихъ дѣтей.

Независимо отъ этого, губернское земское собраніе 1903 года возбудило ходатайство объ образованіи при мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ, субсидируемыхъ земствами, попечительскихъ совѣтовъ на тѣхъ же основаніяхъ, которые установлены и для женскихъ гимназій, а кромѣ того, поручило управѣ возбудить передъ министерствомъ народного просвѣщенія ходатайство о передачѣ имѣющихъ быть выработанными новыхъ программъ женскихъ гимназій, прежде представленія ихъ на утвержденіе въ законодательномъ порядке, на предварительное заключеніе вятскихъ земствъ.

Стремясь доставить населенію губерніи болѣе обширное образованіе, вятскія земства (и особенно—губернское) расходуютъ довольно значительныя средства на стипендіи и пособія нуждающимся ученикамъ этихъ заведеній. Такъ, по сметѣ губернского земства на 1904 годъ, на стипендіи и пособія учащимся опредѣлено было: въ вятскомъ реальному училищѣ 3.750 руб., въ сельско-хозяйственномъ техническомъ училищѣ 5.775 руб., въ мужскихъ и женскихъ фельдшерскихъ курсахъ и въ школѣ повитухъ 9.060 руб., всего же пособій и стипендій учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ губерніи по губернской сметѣ на указанный годъ всеагновано было 27.405 руб.; по уѣзжимъ сметамъ же тотъ же годъ расходъ на этотъ предметъ исчисленъ быть приблизительно въ суммѣ 26 тысячъ руб. Стипендіи и пособія выдаются учащимся, какъ въ низшихъ, такъ и въ специальныхъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ губерніи, при чомъ наибольшее число ихъ приходится на послѣднія и назначаются они по преимуществу мѣстнымъ уроженцамъ изъ крестьянъ, дѣтямъ учащихъ или другихъ земскихъ служащихъ.

Кромѣ этихъ стипендій и пособій, губернское земство, съ самаго начала дѣятельности земскихъ учрежденій, для привлечения на службу къ себѣ людей образованныхъ и со специальными познаніями, приняло, за отсутствиемъ въ Вятской губерніи высшихъ и специальныхъ заведеній, систему выдачи стипендій (возвратныхъ или даже безвозвратныхъ) тѣмъ молодымъ людямъ, которые учатся въ такихъ заведеніяхъ виѣ губернія, съ тѣмъ, чтобы эти лица, по окончаніи курса, обязательно прослужили въ вятскомъ земствѣ известное число лѣтъ, равное времени, въ теченіе которого получалась

стипендія. На этотъ предметъ по губернскѣй сѣть на 1904 годъ ассигновано было 23.263 руб. По правиламъ о такихъ стипендіяхъ,носіїднія должны быть выдаваемы дѣтимъ земскихъ плательщиковъ, промышленно крестьянъ, а затѣмъ и дѣтимъ лицъ, имѣющихъ постоянную осѣдлость въ Вятской губерніи, для обученія на медицинскихъ факультетахъ университетовъ, въ военно-медицинской академіи, въ ветеринарныхъ институтахъ, въ С.-Петербургскому строительномъ, въ С.-Петербургскому и Харьковскому техническихъ институтахъ, въ Ново-Александровскомъ институтѣ сельского хозяйства и лѣсоводства, въ Московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ, въ С.-Петербургскому женскому медицинскому институтѣ, на высшихъ Бестужевскихъ курсахъ въ С.-Петербургѣ и др.

Для продолженія по истеченіи каждого года стипендіи требуется удостовѣреніе объ успѣшности занятій стипендіата. Назначеніе стипендіатовъ зависитъ отъ губернскаго собралія, при чомъ кандидаты на стипендіи рекомендуются обыкновенно уѣзжими земствами. Безвозвратныя стипендіи учрождены въ С.-Петербургскому женскому медицинскому институтѣ въ числѣ 7 и одна въ Александровскомъ институтѣ сельского хозяйства. Прочія стипендіи и пособія, въ самыхъ разнообразныхъ размѣрахъ (отъ 50 р. до 300 р. въ годъ), выдаются на условіяхъ возврата, для чего имѣется даже особый образовательный капиталъ, превышающій 21.000 руб., при чомъ уже въ 1904 году пользовались имъ смыто 130 лицъ. Стипендіаты обязуются возвратить всю сумму, израсходованную на нихъ земствомъ, съ разсрочкой платежа на срокъ вдвое большій того, въ теченіе которого они ею пользовались. Если стипендіаты не сохранять за собою стипендіи по непереходу на слѣдующій высшій курсъ, или по безуспѣшности въ наукахъ и по другимъ причинамъ не окончать курса, или же по окончаніи курса не поступятъ на земскую службу въ Вятской губерніи, по причинамъ, не зависящимъ отъ земства, то они должны возвратить свой долгъ, по требованію земства, въ срокъ, равный времени пользованія стипендіей, при чомъ во всѣхъ случаяхъ возвратъ долга производится лишь со времени вступленія стипендіата на государственную, общественную или частную службу или на самостоятельную дѣятельность.

Широко выдаваемы земствомъ стипендіи и пособія возвращаются, однако, стипендіатами далеко не аккуратно, а часто и вовсе не возвращаются, несмотря на отбираемы, какъ у самихъ стипендіатовъ, такъ и у ихъ поручителей, подписки о выполненіи вышеуказанныхъ условій, на что губернскимъ земскимъ собраніемъ обращалось вни-

маніє не разъ. Въ сесію 1903 года собраніе, усмотрѣвъ, что за бывшими стипендіатами на 1-е октября 1903 года состояла въ долгъ значительная сумма въ 63.000 рублей, и что поступленіе долговъ со стипендіатовъ происходит въ очень скромныхъ размѣрахъ (около $4\frac{1}{3}$ тыс. р.), п'ятнадцатые же изъ нихъ совершенно не заботятся объ уплатѣ долга, поручило управѣ не только сдѣлать напоминанія объ уплатѣ долга, какъ непосредственно, такъ и чрезъ поручителей и ближайшее начальство, всѣмъ состоящимъ въ долгѣ у губернскаго земства бывшимъ его стипендіатамъ въ числѣ 80, но и предъявить къ указаннѣмъ должникамъ или ихъ поручителямъ судебные иски, въ случаѣ дальнѣйшей неуплаты.

По новѣйшимъ свѣдѣніямъ губернской управы, изъ числа лицъ, пользовавшихся такими стипендіями и пособіями отъ вятскаго губернскаго земства, на службѣ земства состояло всего лишь 29 человѣкъ, изъ томъ числѣ 13 врачей, 5 учительницъ, прочіе — агрономы, техники и т. д.

Хотя и уѣздины земства губерніи выдаютъ стипендіи и пособія лицамъ, обучающимся въ высшихъ и специальныхъ заведеніяхъ, но ассигнованія ихъ по этому предмету сравнительно незначительны. Такъ, напримѣръ, въ 1904 году они не достигали и 9.000 руб. по всѣмъ уѣздамъ.

VIII.

Одновременно съ усиленіемъ, направленными на распространеніе народного образования, вятскому земству пришлось обратить вниманіе на тотъ черѣдкій фактъ, что ученики начальныхъ школъ, съ усиленіемъ окончившіе всего лишь нѣсколько лѣтъ назадъ полный курсъ, возвратясь въ среду большей частию безграмотнаго и невѣжественнаго населенія, забывали пріобрѣтенныя въ школѣ знанія и при томъ настолько, что разучивались не только писать, но даже и читать. Устраненіе этого начального явленія, поддержаніе пріобрѣтенныхъ въ школѣ знаній, предоставление возможности къ дальнѣйшему умственному развитію, обученіе взрослыхъ, не нахолившихся вовсе подъ благотворнымъ вліяніемъ школы, хотя бы первоначальной грамотѣ, распространеніе среди населенія полезныхъ свѣдѣній и устройство для него разумныхъ развлечений,—все это является не менѣе насущною потребностью въ дѣлѣ народного образования, чѣмъ сама школа, и настойчиво выдвигаетъ вопросъ о вицѣшкольномъ образованіи, безъ котораго школа, какъ показываетъ опытъ, малопроизводительна.

Съ первыхъ же дней введенія земскихъ учрежденій въ Вятской губерніи, вопросъ о виѣшкольномъ образованіи сталъ предметомъ обсужденія мѣстного земства, но существенные заботы о немъ начали проявляться только съ 90-хъ годовъ. Главная инициатива въ этомъ дѣлѣ должна быть приписана губернскому земству, которое своимъ ассигнованіями побуждало уѣздныя земства въ дѣятельности и въ этой отрасли народнаго образованія.

Мѣры вятскихъ земствъ въ дѣлѣ виѣшкольного образованія сводились къ: 1) обеспеченію для населенія возможности самостоятельныхъ образовательныхъ занятій путемъ снабженія ого книгой и 2) доставленію ему разумныхъ развлечений путемъ устройства народныхъ чтеній.

Въ интересахъ первой цѣли земство содержать, кромѣ школьнаго библіотекъ, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить, также таѣь называемыя сельскія „пятирублевыя“ библіотеки и народныя библіотеки-читальни. Первые двѣ сельскія библіотеки въ Вятской губерніи открыты были въ 1888 году орловскимъ земствомъ. Къ 1895 году число ихъ во всей губорніи равнялось 65, что для громадной массы населенія, раскинутаго по весьма обширной территоріи губерніи, было крайне недостаточнымъ.

Съ цѣлью приближенія книги къ населенію и болѣе равномѣрнаго распределенія ея, губернское земское собраніе 1895 года положило начало существованію маленькихъ народныхъ библіотекъ, которыми, вслѣдствіе первоначальной ассигновки на ихъ организацію въ размѣрѣ пяти рублей, присвоено название „пятирублевыхъ“. Собрание признало необходимымъ: 1) учредить такія библіотеки въ каждомъ сельскомъ обществѣ, дабы большинство населенія имѣло книги всегда у себя дома подъ руками; 2) дать имъ самую упрощенную организацію путемъ назначенія библіотекарей изъ той же крестьянской среды, интересамъ которой призываются служить учрежденія библіотеки, и устраненія лишнихъ формальностей въ порядкѣ выдачи книгъ изъ библіотекъ и 3) принять мѣры къ возможно лучшему и наиболѣе дешевому подбору книгъ въ библіотекахъ. Согласно этому постановленію губернскаго собранія и утвержденному вятскимъ губернаторомъ 5-го мая 1895 года уставу, въ 1896 году открыто было въ губерніи около 3.000 сельскихъ библіотекъ съ 90 экземплярами книгъ въ каждой. Въ послѣдующіе годы губернскимъ земствомъ ассигновывалось ежегодно на пополненіе этихъ библіотекъ до 3 тысячъ рублей, то есть около одного рубля на каждую.

Съ цѣлью большаго развитія и пополненія этихъ библіотекъ, оче-

реднєе губернское собрание 1901 г. постановило съ 1903 года давать сверхъ этихъ 3 тысячъ руб. еще ежегодную субсидию пятирублевымъ библиотекамъ въ размѣрѣ той суммы, которая будетъ назначена для той же цѣли подлежащими сельскими обществами или уѣздинными земствами. Благодаря этому постановлению, стала проявляться и мѣстная инициатива въ дѣлѣ пополненія указанныхъ библиотекъ, такъ что уже въ 1904 году мѣстные пожертвованія на этотъ предметъ достигли 1.250 руб. Соответствующая этимъ пожертвованіямъ сумма внесена была и по губернской сметѣ. Вмѣстѣ съ обычными 3 тысячами рублей и 500 руб., ассигнованными въ распоряженіе губернской управы на случай могущихъ поступить еще пожертвованій, по губернской сметѣ на этотъ предметъ отпущено было всего 4.735 руб. Къ концу 1902 г. число всѣхъ высланныхъ въ библиотеки книгъ равнялось, согласно докладу губернской управы того же года, 174 экземплярамъ для каждой, на номинальную сумму до 19 р. 90 к., каковой расходъ въ сущности сокращался до 11 руб. вслѣдствіе значительной уступки, дѣлаемой издателями народныхъ книгъ вятскому земству, и разсылки собственныхъ изданій губернскаго земства. Стоимость отдѣльныхъ книгъ крайне разнообразна и колеблется отъ 1 руб. (напр., сочиненія Гоголя) до 1 $\frac{1}{2}$ коп. (напр., „Коромыслова башня“ Навроцкаго). Списокъ книгъ для пополненія библиотекъ составляется ежегодно губернскою управою самостоитѣльно. Въ спискѣ этиѣ вносятся обыкновенно книги по религіозно-правственному и литературному отдѣламъ, по медицинѣ и гигіионѣ, по сельскому хозяйству и т. д. Наибольшее число книгъ, пополняющихъ за послѣдніе годы библиотеки, припадаетъ къ литературному отдѣлу.

Вятское земство всегда стремилось расширить выборъ книгъ для библиотекъ, не ограничиваясь изданіями министерствомъ народнаго просвѣщенія каталогомъ книгъ для этой цѣли, что вызывало, съ одной стороны, случаи изъятія изъ этихъ библиотекъ изъкоторыхъ книгъ мѣстнымъ начальствомъ, а съ другой,—неоднократныя ходатайства земства о разрѣшеніи пополнять сельскія библиотеки сверхъ изданій, вошедшихъ въ министерскій каталогъ, новыми книгами, доступными по цѣнѣ, списокъ которыхъ поручено было составить губернской управѣ.

Книги заготавливаются книжнымъ складомъ губернского земства. Въ прежніе годы въ библиотеки посыпалась и „Вятская газета“, но, такъ какъ она въ каталогѣ не числилась, то позднѣе стала безплатно разсылаться замѣдующимъ библиотекамъ.

Пятирубловые библиотеки, хотя до известной степени удовлетворяют своему назначению, приближая книгу къ населенію и давая ему полезное и разумное развлечениe въ часы досуга, при чмъ преобладающимъ контингентомъ читателей являются учащіеся молодежь или только что кончившіе курсы,—все же въ некоторыхъ мѣстностяхъ привлекаютъ очень мало читателей или даже остаются совершенно неиспользованными. Объясняется это отчасти малограмотностью населения, отчасти же вполнѣ удовлетворительной постановкой завѣдыванія и наблюденія за библиотеками.

Согласно пп. 10 и 11 устава библиотекъ, лицомъ, отвѣтственнымъ за нее, является завѣдующій, избираемый земствомъ непремѣнно съ согласія и даже по рекомендациіи мѣстныхъ священника, земскаго начальника и инспектора народныхъ училищъ и утверждаемый начальникомъ губерніи. На практикѣ, при назначеніи завѣдующихъ библиотеками, обыкновенно уѣздали земская управа, поручаетъ тому волостному правленію, въ районѣ котораго находятся библиотеки, представить кандидата, а затѣмъ управа, по испрошеніи согласія священника, земскаго начальника и инспектора народныхъ училищъ, сообщасть губернской земской управѣ, которая всегда представляетъ этихъ кандидатовъ на утвержденіе губернатору. Такимъ образомъ, выборъ завѣдующаго производится исключительно канцелярскимъ порядкомъ, при чмъ въ сущности рѣшающій голосъ принадлежитъ волостному правленію. Въ результатѣ не рѣдкость—случан, когда библиотекари, тяготясь иооплачиваемыми обязанностями, относятся къ исполненію ихъ небрежно, не знаютъ, какія книги ими приняты, держать подчасъ ихъ вовсе не развязанными, не выдаютъ для чтенія, записи выдаваемыхъ книгъ не ведутъ и т. д. Такое отношеніе завѣдующихъ къ своимъ библиотекамъ объясняется еще и тѣмъ, что многие изъ библиотекарей малограмотны, а встрѣчаются среди нихъ даже и вовсе неграмотные, которые, конечно, не могутъ яи цѣнить, ни любить книгу.

Признавъ необходимымъ прійти на помоць мѣстной инициативѣ въ дѣлѣ устройства народныхъ библиотекъ съ читальнями, губернское земское собрание постановило въ 1897 году оказывать пособіе на устройство посѣдничъ, какъ уѣзднымъ земствамъ, такъ въ городскихъ, волостныхъ и сельскихъ обществахъ и частныхъ лицамъ, въ размѣрѣ 100 р. единовременно и 25 р. ежегодно на каждую вновь открытую послѣ 1897 года библиотеку, съ тѣмъ, однако, чтобы не меньшая сумма была ассигнована на содержаніе открываемыхъ библио-

текъ изъ мѣстныхъ средствъ. Благодаря этому, къ концу 1903 года, какъ видно изъ доклада губернской управы очередному собранию 1903 года, открыто и содержалось съ пособіемъ губернскаго земства 161 библіотека, изъ которыхъ, собственно земскихъ было 141, волостныхъ и сельскихъ—16, частныхъ—3 и одна городская. Наибольшее число изъ этихъ библіотекъ приходилось на Орловскій и Малмыжскій уѣзды. До 1903 года библіотекамъ городскихъ, волостныхъ и сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ земствомъ выдавалось пособіе деньгами, но въ очередномъ губернскомъ собрании 1903 года, согласно заключенію соѣдненія губернской управы съ предсѣдателями уѣздныхъ земскихъ управъ, постановлено было выдавать пособіе не деньгами, а книгами, по представляемымъ обществамъ или лицамъ, по принадлежности, на каждый разъ спискамъ.

Кромѣ библіотекъ, субсидируемыхъ губернскимъ земствомъ, въ губерніи къ тому же времени насчитывалось еще 120 библіотекъ, изъ которыхъ, 67 земскихъ, 10 городскихъ, 40 волостныхъ и сельскихъ и 3 общества трезвости.

Такимъ образомъ, всѣхъ народныхъ библіотекъ въ 1904 году въ губерніи было уже 281. Съ тѣхъ порь ихъ число сильно возросло. На организацію новыхъ и пополненіе уже существующихъ библіотекъ губернскимъ земствомъ ассигновано было по смѣтѣ на 1904 г. 13.250 рублей, а уѣздными земствами около 20 тысячъ рублей, при чомъ нѣкоторыми земствами предположено было воспользоваться пособіемъ изъ запаснаго Ф. Ф. Навлинковъ капитала на тотъ же предметъ. Въ свою очередь губернское собраніе 1903 года, по инициативѣ нѣкоторыхъ уѣздныхъ собраній, возбудило передъ министерствомъ финансовъ ходатайство о выдачѣ субсидій на всѣ содержимое въ губерніи земствомъ и вновь открываемые бесплатныя библіотеки-читальни изъ суммъ, ассигнуемыхъ по смѣтѣ этого министерства на библіотечное дѣло.

За отсутствіемъ кредита на паемъ другихъ помѣщений большинство библіотекъ помѣщается при училищахъ, что представляеть нѣкоторыя затрудненія, вслѣдствіе невозможности производить выдачу книгъ во время классовъ. Въ этихъ библіотекахъ имѣются книги, главнымъ образомъ, по отдѣльнымъ беллетристическому, религіозно-правственному, историческому, сельско-хозяйственному, а также книги изданий и географическая. Для многихъ изъ нихъ выписываются и периодическія изданія въ видѣ журналовъ и газетъ. Книги выбираются управами безъ всякаго участія учебного начальства. Число книгъ

въ каждой библиотекѣ крайне разнообразно, колеблясь между 500—1.500, что, конечно, находится въ зависимости отъ продолжительности существования библиотеки. Въ имѣющихся по нѣкоторымъ уѣздаамъ обслѣдованіяхъ указывается, что населеніе пользуется библиотеками достаточно, при чёмъ большинство подписчиковъ—подростки въ возрастѣ отъ 11 до 15 лѣтъ, проживающіе, притомъ, по преимуществу не далѣе 3-хъ верстъ. Охотнѣе всего книги берутся съ октября до марта. Если въ пятирублевыхъ библиотекахъ прообладаетъ спросъ на книги духовно-нравственного содержанія, то въ библиотекахъ-читальняхъ въ большинствѣ случаевъ требуются книги по балетристическому отдѣлу. Завѣдываніе библиотеками поручается за особое вознагражденіе лицамъ, какъ особо приглашеннымъ, такъ и учителскаго персонала. Въ числѣ недостатковъ постановки библиотечного дѣла необходимо отмѣтить неравномѣрность распределенія библиотекъ по территории уѣзда; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ имѣются по двѣ библиотеки, вслѣдствіе открытія, паряду съ земскими, волостныхъ библиотекъ, другие мѣстности остаются совсѣмъ безъ библиотекъ. Сюда надо отнести и отсутствіе необходимаго контроля надъ библиотеками.

Наряду съ народными библиотеками нѣкоторыми земствами Вятской губерніи содержатся также публичныя библиотеки для земскихъ служащихъ (напр., въ Нолинскомъ и Глазовскомъ уѣздахъ) или центральные учительскія библиотеки (Вятскій уѣздъ); земствами котельничскими и полинскими признано за послѣднее время желательнымъ устройство библиотекъ при больницахъ.

Губернское собраніе 1903 г., въ виду затрудненій, съ которыми сопряжено открытие библиотекъ при училищахъ при дѣйствующихъ правилахъ, постановило возбудить ходатайство о предоставлении уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ и инспекціи народныхъ училищъ права разрѣшать открытие народныхъ библиотекъ при подвѣдомственныхъ имъ училищахъ, подобно тому, какъ это установлено для народныхъ членій.

Независимо отъ устройства библиотекъ, чрезвычайное вятское губернское собраніе 7-го июня 1894 года образовало особый капиталъ въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ 50 тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ съ него ежегодно губернскимъ земствомъ разсыпались, для раздачи членами училищныхъ совѣтовъ, предсѣдателями уѣздныхъ съѣздаоъ и предсѣдателями и членами земскихъ управъ, грамотному населенію въ предѣлахъ губерніи духовно-нравственные, нравоучительныя и практическо-полезныя книги.

Съ того времени ежегодно разсылается до 20—30 тысячъ экземпляровъ книгъ, при чмъ въ иные годы къ суммѣ полученныхъ съ этого капитала процентовъ на тотъ же предметъ дѣмались еще и дополнительныя ассигнованія по сѣтамъ. Къ концу 1903 года населенію раздано бесплатно книгъ всего на сумму до 27.000 руб. Выборъ подлежащихъ раздачѣ книгъ производится особою комиссіею, образованной при губернскій земской управѣ совмѣстно съ лицами, специальнѣ приглашаемыми на этотъ предметъ предсѣдателемъ управы безъ участія училищныхъ совѣтовъ и дирекціи и инспекціи народныхъ училищъ. Постановленіемъ этой комиссіи отъ 3-го мая 1904 года опредѣлено было: а) разослать за счетъ кредита на бесплатную раздачу книги грамотному населенію 1903—1904 гг. въ каждую волость губерніи по одному экземпляру книгъ, одобренныхъ комиссией, на сумму со скидкой не свыше 12 р. 50 к., при чмъ на долю 1) духовно-правственного и церковно-исторического отдѣловъ удѣлить 1 р. 25 к.; 2) географіи, историческаго и географическаго отдѣловъ 4 р. 50 к.; 3) словесности 2 р. 57 к.; 4) общественной жизни и законовъ 68 к.; 5) сельско-хозяйственнаго 2 р. 50 к. и 6) естественно-историческаго 1 р.; б) окончательный выборъ книгъ изъ числа представленныхъ вниманію комиссіи на сумму не свыше вышеуказанной для каждого отдѣла предоставить особымъ подкомиссіямъ.

Учрежденіемъ вятскими губернскими земствами въ 1894 году книжный складъ, имѣющій цѣлью удовлетвореніе запросовъ на книгу со стороны учрежденій, школъ, библіотекъ и частныхъ лицъ, при возможномъ удешевлениі ея, составляеть по его оборотамъ одно изъ крупнѣйшихъ предпріятій губернскаго земства. За первое десятилѣтіе существованія склада отпущеній въ началѣ кредитъ изъ запаснаго капитала на оборотный капиталъ склада въ размѣрѣ 15.000 р. постепенно увеличить былъ до 60.000 р.; сумма годового оборота, не достигавшая въ 1895 году 18.000 р., возрасла въ 1902 году безъ малаго до 130.000 р.; за 1903 годъ продано было товару на 99.572 р. 2 к. Въ настоящее время книжный складъ занимается не только книжною торговлею, но и продажею письменныхъ принадлежностей и свѣтовыхъ картинъ. Независимо отъ этого, прибывающія къ посредству частныхъ типографій въ Вяткѣ, складъ занимается и выпускомъ собственныхъ изданій, которыхъ насчитывается въ настоящее время гораздо болѣе 100, при чмъ по содержанию своему они большою частью относятся къ беллетристическому отдѣлу. Впрочемъ, немало изданныхъ складомъ книжекъ касается вопросовъ сельского хозяйства, ме-

диции и прикладныхъ знанийъ. Большинство уѣздныхъ земствъ губерніи закупаетъ необходимыя для школъ и библиотекъ книги и письменныя принадлежности, изъ склада же отпускается товаръ и уѣзднымъ отдѣленіямъ книжного склада, которыхъ болѣе 15; кромѣ того, имѣется особый книжный складъ сарапульскаго уѣзднаго земства. Отдѣленія собственнаго оборотнаго капитала не имѣютъ и пользуются кредитомъ отъ губернскаго книжного склада въ размѣрѣ не свыше 3.000 р. на каждое отдѣленіе, при чмъ складъ губернскаго земства дѣлаетъ отдѣленіямъ уступки на всѣ изданія въ среднемъ около 12% номинальной стоимости. Уплата за отпускаемый складомъ товаръ производится отдѣленіями крайне неаккуратно; напримѣръ, съ 1-го июля 1903 г. долгъ отдѣленій складу превышалъ 25.000 р. Нѣкоторыя отдѣленія содержатся самими земствами (елабужское, малмыжское, орловское, уржумское, яранское); другія—частными лицами, получающими, такимъ образомъ, книги на комиссію.

Вопросъ обѣ устройствъ книжныхъ складовъ въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ ихъ не имѣется, и обѣ упорядоченіи книжной торговли въ существующихъ—разсмотривался въ 1904 году въ совѣщаніи предсѣдателей уѣздныхъ управъ, а затѣмъ и въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, при чмъ нѣкоторыя изъ послѣднихъ высказались за желательность устройства книжныхъ складовъ, но на счетъ безпроцентнойссуды изъ капитала губернскаго книжного склада (напримѣръ, нолинское, орловское), другія признали открытие своихъ отдѣльныхъ складовъ нежелательнымъ, указывая на предпочтительность вынискіи книгъ и учебныхъ пособій непосредственно отъ издавателей и фабрикантовъ (напримѣръ, котельничское); глязовское земское собраніе, отклонивъ принятіе отдѣленія въ свое непосредственное вѣдѣніе за недостаткомъ помѣщенія при уѣздной управѣ, высказалось, однако, за необходимость подчиненія контролю со стороны уѣзднаго земства дѣятельности мѣстнаго отдѣленія, содержащаго частными лицами.

Необходимость контроля со стороны уѣздныхъ земствъ за дѣятельностью отдѣленій склада въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ отдѣленія эти содержатся частными лицами, признана губернскимъ собраниемъ 1903 года, выразившимъ, кромѣ того, пожеланіе организации торговли книгами въ болѣе крупныхъ селахъ и при народныхъ училищахъ подъ наблюденіемъ и ответственностью уѣздныхъ земскихъ управъ.

Другою крупною мѣрою вятскаго земства съ цѣлью поднятія народного образованія слѣдуетъ признать изданіе „Вятской Газеты“, издаваемой при губернской управѣ. Первоначальная программа га-

зеты, начинной издаваться съ 1894 года, была специального характера, касаясь лишь сельско-хозяйственныхъ и кустарно-промышленныхъ вопросовъ. Черезъ годъ, по ходатайству земства, къ прежнимъ отдѣламъ были добавлены: правительственные распоряженія, хозяйственная жизнь губерніи и Россіи, земское хозяйство, продовольственное и страховое дѣло, статьи по медицинѣ, ветеринаріи и народному образованію; съ 1896 года добавленъ историко-литературный отдѣлъ, и для специальныхъ отдѣловъ (по сельскому хозяйству и кустарной промышленности) при газетѣ стало издаваться особое приложение. Впослѣдствіи статьи, касающіеся кустарной промышленности и ремесль, были исключены, на что обращено вниманіе земскимъ собраниемъ 1903 года, ассигновавшимъ по сметѣ на 1904 годъ 800 р. на печатаніе особыхъ приложенийъ по этой отрасли. Въ первый годъ газета выходила черезъ двѣ недѣли, а съ 1895 года еженедѣльно. Первоначальная подписанная плата была установлена въ 1 рубль въ годъ, но вскорѣ она была удвоена. Вирочемъ, платныхъ подписчиковъ на газету всегда было немного, и наибольшее число ихъ относится къ первому году изданія газеты (825); въ 1903 году насчитывалось всего 674 подписчика (въ томъ числѣ въ Вятской губерніи лишь 105), изъ которыхъ 524 годовыхъ, 99 полугодовыхъ и 51 подписавшихся на 3 мѣсяца и менѣе.

Въ цѣляхъ возможно большаго распространенія газеты среди крестьянскаго населенія губерніи земство, съ первого же года, стало высылать болѣе 5.000 экземпляровъ ся бесплатно различнымъ учрежденіямъ и лицамъ и, между прочимъ, во все начальные училища и народныя библиотеки Вятской губерніи, а затѣмъ, въ виду недопущенія ея въ ученическія и народныя библиотеки, газета стала разсыпаться бесплатно учителямъ и библиотекарямъ. Въ 1904 году бесплатныхъ экземпляровъ газеты разсыпалось 7.309, въ томъ числѣ завѣдующимъ пятирублевыми и общественными библиотеками 2.821, учителямъ 1.129, сельско-хозяйственнымъ корреспондентамъ 2.131 и волостнымъ правленіямъ 309. Остальные бесплатные экземпляры посыпались губернскимъ и уѣзднымъ гласнымъ и разнымъ служащимъ въ земствѣ, губернскимъ управамъ другихъ губерній, редакціямъ различныхъ газетъ и журналовъ и нѣкоторымъ другимъ учрежденіямъ и лицамъ вѣдь предѣловъ губерніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернскимъ собраниемъ 1903 года возбуждено было ходатайство о допущеніи „Вятской Газеты“ въ пятирублевыя библиотеки, а также въ народныя библиотеки. Расходы по изданію, начавшисся со скромныхъ размѣровъ въ 2.500 р., постепенно

взрастая, достигли въ 1904 году 15.000 р., при доходѣ всего лишь въ 1.500 р. Несоразмѣрное увеличеніе расходовъ на изданіе газеты побудило губернское земское собраніе 1903 года поручить комиссіи по народному образованію пересмотрѣть программу газеты съ цѣлью ея улучшенія и обсудить вопросъ объ уменьшеніи числа бесплатныхъ ея получателей. Кромѣ того, управѣ поручено было обсудить вопросъ объ устройствѣ собственной типографіи, а до тѣхъ поръ позаботиться о пониженіи цѣни за печатаніе, путемъ устройства конкуренціи между различными вятскими и иллородными типографіями. Такое распоряженіе вполнѣ оправдывается тѣмъ, что ежегодный расходъ вятского земства на печатаніе дошелъ почти до 46.000 рублей. Газета наполняется подробными отчетами о заѣданіяхъ губернскихъ земскихъ собраній, статьями по сельско-хозяйственному и экономическому отдѣламъ, а также статьями бытового характера и по народному образованію.

Непосредственное участіе вятскихъ земствъ въ дѣлѣ устройства народныхъ чтеній стало проявляться лишь съ изданіемъ Высочайше утвержденныхъ 28-го января 1901 г. правилъ о народныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ отдельными лицами, обществами и общественными учрежденіями, а затѣмъ и утвержденныхъ 3-го декабря 1902 г. министерствомъ народного просвѣщенія правиль о народныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ при учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства этого министерства. Этими правилами облегчены были порядокъ разрѣшенія чтеній, но дѣятельность земствъ за столь короткое время не могла еще получить широкой постановки. До послѣдняго времени земство, отказываясь въ большинствѣ случаевъ отъ устройства чтеній подъ собственнымъ руководствомъ и ответственностью, обращалось съ просьбами объ устройствѣ такихъ чтеній къ уѣзднымъ отдѣленіямъ епархиальныхъ совѣтъ, помогая имъ путемъ снабженія отдѣленій фонарами и картинами. Незадача послѣ того губернскимъ земствомъ ежегодно на этотъ предметъ по 2.500 р. на устройство чтеній побудило до известной степени къ дѣятельности въ этой области и иѣкоторые уѣздныя земства, ассигнувшія на ту же цѣль, правда, незначительныя суммы, составившія въ 1904 году въ общей сложности 970 р.

Взять на себя заботу снабжать фонарами и свѣтовыми картинами уѣздныя земства, губернское земство разсыпало ихъ сначала по уѣздамъ, съ тѣмъ, чтобы всякий уѣздъ, использовавъ известную серию картинъ, передавалъ ее состоящему уѣзду и т. д. При громадныхъ разстояніяхъ въ Вятской губерніи на практикѣ такой порядокъ оказался

неудобнымъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ картины задерживались слишкомъ долго, благодаря чему другіе уѣзы оставались безъ картинъ. Въ виду этого, съ 1902 года губернское земство стало отпускать кредитъ въ 200 руб. на каждый уѣздъ (кромѣ 300 руб., ежегодно ассигнируемыхъ для Вятской аудиторіи) на заготовленіе свѣтовыхъ картинъ, передавая ихъ въ полную собственность уѣзденныхъ земствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ забота о пополненіи комплекта фонарей легла всесцѣло на уѣзденные земства.

Народныя чтенія донынѣ еще имѣютъ сравнительно незначительное распространение. Несомнѣнно, что интересъ къ такимъ чтеніямъ въ населеніи существуетъ. Отсутствие подобныхъ обслѣдований чрезвычайно лашаетъ, однако, возможности выяснить, изъ кого состояли слушатели, т. е. посѣщали ли чтенія по преимуществу ученики школы или взрослые и какие именно по возрасту и по грамотности. Лекторами являются по преимуществу лица учительского персонала (около 57%), затѣмъ члены церковнаго причта (27%) и, наконецъ, прочія лица (около 16%). Никакого вознагражденія лекторамъ за чтенія не производится. По содержанію своему чтенія бываютъ религіозно-нравственнымъ и свѣтскимъ, съ преобладаніемъ, однако, хотя и незначительнымъ, послѣднихъ надъ первыми, при чемъ громадное большинство чтеній (свыше 75%) демонстрируется туманными картинами, а иногда—сравнительно рѣдко—сопровождаются пѣснью или музыкой. Помѣщеніями для чтеній служатъ народныя училища, волостные правліяния, приходскіе храмы, дома общества трезвости, иногда—частные дома и въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ народныя аудиторіи (например, въ г. Вяткѣ). Главный недостатокъ въ организаціи народныхъ чтеній является, по свидѣтельству самого земства, безсистемность и разбросанность въ подборѣ брошюръ. Необходимо также указать и на отсутствіе надлежащихъ помѣщеній, такъ какъ помѣщенія, где нынѣ производятся чтенія, не вмѣщаются, по удостовѣренію лицъ, близко стоящихъ къ этому дѣлу, всѣхъ желающихъ посѣщать чтенія.

Съ цѣлью, главнымъ образомъ, правильной организаціи народныхъ чтеній и установленія наблюденія за ними въ вятскомъ земствѣ возникла мысль объ учрежденіи при уѣзденныхъ земскихъ управахъ губернскій особой должности завѣдующихъ виѣшкольнымъ образованіемъ. Предлагаемое учрежденіе такихъ новыхъ должностей, губернская управа находила возможнымъ возложить на нихъ: 1) выработку общей системы въ организаціи народныхъ чтеній въ уѣздахъ; 2) составленіе программъ

ченій по закону Божію, історії, словесності, медицинѣ, гигієнѣ, сельському хозяйству, ветеринарії и проч.; 3) приглашеніе лекторовъ, составленіе расписаний для чтеній (место, время и проч.) и, вообще, удовлетвореніе всѣмъ требованиямъ виѣшняго формальнаго порядка и 4) завѣдываніе передвиженіемъ по уѣзду картинъ, фонарей и брошюре для чтенія, а также наблюденіе за содержаніемъ ихъ въ исправномъ видѣ. Наряду съ этими обязанностями, по мысли управы, указаннымъ лицамъ должно было бы быть вмѣнено въ обязанность и наблюденіе за постановкой другихъ отраслей виѣшняго образованія, какъ-то: за функционированиемъ пятирублевыхъ библіотекъ и библіотекъ-читаленъ, за снабженіемъ школъ учебными пособіями, за постановкой воскресныхъ и будничныхъ виѣшкоильныхъ учебныхъ занятій и, вообще, исполненіе всѣхъ порученій управы по постановкѣ въ уѣздахъ виѣшкольного образованія, составленіе библіотечныхъ каталоговъ, списковъ книгъ для бесплатной раздачи населенію вообще и сельскохозяйственнымъ корреспондентамъ въ частности и т. д. Бывшее въ августѣ 1902 года совѣщаніе предсѣдателей земскихъ управъ, съ своей стороны, также признало безусловно необходимымъ учрежденіе за губернскій счетъ указанной должности, съ жалованіемъ въ размѣрѣ 720 р. въ годъ. Этотъ проектъ, однако, не встрѣтилъ большого сочувствія среди уѣздныхъ земскихъ собраній, и только шесть уѣздныхъ земствъ высказались за него, а остальные пять отклонили предложеніе губернской управы, преимущественно — изъ виду сравнительно малаго развитія виѣшкольного образованія и соображеній финансового характера. Въ губернскомъ собраніи 1902 года также высказывались такія же мнѣнія, однако въ результатѣ собраніе постановило учредить съ 1-го июля 1903 года должности завѣдующихъ виѣшкоильнымъ образованіемъ, по одному на каждый уѣздъ, съ жалованіемъ 720 р. въ годъ, на каковой предметъ и ассигновано было по губернскѣй сметѣ 1903 года 3.960 руб. Установленіе новой платной должности послѣдовало безъ сколько-нибудь точнаго опредѣленія круга ея дѣятельности и полномочій. Лишь впослѣдствіи губернская управа выработала проектъ временнай инструкціи завѣдующимъ виѣшкоильнымъ образованіемъ, одобренныи земскимъ совѣщаніемъ предсѣдателей управъ, призваннми возможными руководствоваться ею только на первое время, безъ внесенія на обсужденіе земскихъ собраній. Постановленіе земскаго собранія о распоряженіи губернскай управы не встрѣтило протеста со стороны губернскаго начальства, но въ ноябрѣ 1903 года этимъ начальствомъ было разъяснено губернскай управѣ, что возлагаемая на завѣдую-

щихъ виѣшкольнымъ образованіемъ обязанности являются несоответствующими требованиямъ, изложеннымъ въ Высочайше утвержденномъ 28-го января 1901 года положенія комитета министровъ объ изданіи новыхъ правилъ о народныхъ чтеніяхъ и въ утвержденныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ 15-го мая 1891 г. правилахъ о бесплатныхъ народныхъ читальняхъ и о порядкѣ надзора за ними, такъ какъ при учрежденіи этихъ должностей въ дѣло организаціи, какъ народныхъ чтеній, такъ и народныхъ читаленъ, вводятся замѣстомъ новыхъ лицъ съ такими же полномочіями, какія предоставлены уже лицамъ, указаннымъ въ правилахъ о народныхъ чтеніяхъ и бесплатныхъ народныхъ читальняхъ. Однако, въ виду состоявшагося уже замѣщенія должностей завѣдующихъ виѣшкольнымъ образованіемъ и отсутствія возраженій губернатора противъ такого замѣщенія лицъ, на эти должности назначенніхъ, эти лица продолжали исполнять свои обязанности. При обсужденіи же въ губорискомъ собраніи 1903 года предложенія губернатора, подтвержденного имъ и въ своей рѣчи, сказанной при открытии собранія, въ которой онъ указалъ на сомнѣніе въ цѣлесообразности учрежденія новой должности, вслѣдствіе трудности, помимо законодательного порядка, согласовать кругъ дѣятельности лица, занимающаго эту должность, съ обязанностями, исполняемыми въ этомъ кругу существующими въ законномъ порядке учрежденіями,—собраніе осталось при прежнемъ своемъ рѣшеніи и передало лишь выработанную управой инструкцію на разсмотрѣніе комиссіи по народному образованію, послѣ чего она и была утверждена въ чрезвычайномъ собраніи 22 — 25-го мая 1904 г. Эта инструкція представляетъ собою только подробное перечисленіе намѣченныхъ первоначально губернскую управу указанныхъ выше обязанностей завѣдующихъ виѣшкольнымъ образованіемъ и дѣлаетъ этихъ лицъ полными хозяевами и распорядителями виѣшкольного образованія уѣзда. Должности эти замѣщаются преимущественно бывшими учителями народныхъ училищъ. Кратковременность существованія новыхъ должностныхъ лицъ лишаетъ, однако, возможности сдѣлать какіе-либо положительные выводы о характерѣ ихъ дѣятельности и соответствіи приносимой ими пользы съ вызываемыми затратами.

Н. Альменъ.

ПРОЕКТЫ УЧЕБНЫХЪ РЕФОРМЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II ДО УЧРЕЖДЕНИЯ КОМИССИИ О НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

Въ исторіи учебныхъ реформъ императрицы Екатерины II отчетливо выступаютъ двѣ эпохи: начало царствованія, 1760-ые годы, когда императрица увлекалась идеей созданія „способомъ воспитанія“ „новой породы отцовъ и матерей“, и конецъ царствованія, 1780—90-ые годы, эпоха насажденія, по австрійскимъ образцамъ, системы народныхъ училищъ, значительно уже отступившей отъ первоначальныхъ просвѣтильныхъ замысловъ императрицы-философа. Далеко не выясненнымъ остается направлѣніе политики просвѣщенія за время промежуточное между обѣими обозначенными эпохами, отъ второй половины 1760-хъ годовъ до учрежденія комиссіи обь училищахъ въ 1782 году. Источники, которыми до сей поры располагали исследователи, сообщаютъ довольно скучный и отрывочный свѣдѣнія о разныхъ планахъ учебныхъ реформъ за это время. Такъ извѣстно, что въ составѣ комиссіи о составленіи проекта нового уложенія была образована, въ числѣ многихъ другихъ, „частная комиссія обь училищахъ и приврѣнія требующихъ“, состоявшая въ 1770—1771 годахъ проекты инспиритъ и среднихъ училищъ; краткія свѣдѣнія обь этихъ проектахъ сообщены графомъ Д. А. Толстымъ¹⁾. Даѣтъ мы знаемъ, что Екатерина обращалась за советами по вопросамъ народного просвѣщенія къ своимъ заграничнымъ друзьямъ философамъ, и тѣ присыпали ей цѣлые проекты учебныхъ реформъ. Какъ свидѣтельствуетъ сама императрица въ письмахъ къ Гrimmu, у нея собрана была цѣлая коллекція проектовъ о школахъ, гимназіяхъ и университетахъ²⁾). Но она не рѣшалась подвергнуть эти проекты законодательной обработкѣ, такъ какъ не ула-

¹⁾ Сборн. отд. рус. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ, т. 38, стр. 63 и слд.

²⁾ Сборн. Импер. Истор. Общ., т. XXIII, стр. 115.

вливала основной инициативы реформы; по ея собственному признанию въ одномъ изъ писемъ къ Гримму, Екатерина съ трудомъ овладѣвала идеей взаимной связи школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ, т. е. идеею цѣльной системы народнаго просвѣщенія.

Чтобы возстановить органическую цѣльность политики просвѣщенія Екатерины II, необходимо знать не только исторію практическіи осуществленныхъ ею просвѣтительныхъ мѣропріятій, но также тѣ проекты и намѣренія, которые по разнымъ причинамъ не были проведены въ жизнь. Цѣлый рядъ такихъ проектовъ и другихъ документовъ, важныхъ для исторіи просвѣщенія въ вѣкъ Екатерины II, остается до сего погребенными въ архивахъ и почти непронутыми вслѣдователеми. Предполагая издать особымъ сборникомъ новые материалы по исторіи просвѣщенія, хранящіеся въ архивахъ С.-Петербургскаго государственнаго, государственного совѣта, министерства народнаго просвѣщенія и святѣшаго синода, я желалъ бы въ нынѣшнѣйшемъ очеркѣ представить исторію проектовъ учебныхъ реформъ въ царствованіе Екатерины II до учрежденія въ 1782 году комиссии о народныхъ училищахъ и систематически изложить поставленные этими проектами проблемы народнаго просвѣщенія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Исторія проектовъ учебныхъ реформъ.

I.

Первымъ законодательнымъ актомъ, который долженъ быть лежать въ основавіе широкихъ просвѣтительныхъ предпріятій, явилось, какъ известно, Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества, утвержденное императрицей 12-го марта 1764 года. Досадѣ остаются по винѣ выясненнымъ, кто былъ дѣйствительнымъ авторомъ этого акта: императрица Екатерина или И. И. Бецкой. Сохранилось известіе, что Бецкой во время совѣщаній съ Екатериной о пользѣ воспитательныхъ домовъ внушалъ ей мысль „о постановленіи“, которое бы могло служить правиломъ при воспитаніи юношества; императрица, признавъ справедливость замѣчанія Бецкого, повелѣла ему сочинить генеральное учрежденіе о воспитаніи юношества обоего пола, при чёмъ сообщила ему изустно свои намѣренія и мысли, которыя и были изложены Бецкимъ въ формѣ официальнаго доклада¹⁾.

¹⁾ И. М. Майковъ, И. И. Бецкой, стр. 115.

Это извѣстіе подтверждается самимъ текстомъ „Генеральнаго учрежденія“. Восхвалія въ начаѣ своего доклада величайшая имѣренія императрицы, Бецкой пишетъ: „таковы и нынѣ вновь монаршія попеченія, въ которыхъ, не знаю, изъяснилъ ли я слабыи монимъ писаніемъ Вашего Императорскаго Величества намѣренія, какимъ образомъ учредить въ Россіи воспитательныя училища; но то знаю, что всѣ мѣры употребилъ, тщательно стараясь изобразить точно слово отъ слова *асъ данными милю изустно повелѣнія и высокія мысли Августѣйшей моей Монархии, какъ слѣдуетъ*“. Далѣе идетъ самое существо доклада, содержащее принципы новой системы воспитанія, — и эта часть текста во всѣхъ изданіяхъ Генеральнаго учрежденія заключена въ ковычки. Заканчивается докладъ Бецкой изложеніемъ давнаго ему Высочайшаго повелѣнія сочинить подробные регламенты и инструкцію объ учрежденіи воспитательныхъ училищъ, и снова восхваленіемъ „великости и премудрости намѣреній“ Екатерины¹⁾). Въ одномъ изъ позднѣйшихъ докладовъ, въ 1772 году, Бецкой пишетъ: „въ Генеральномъ учрежденіи о воспитаніи юношества гдѣ имперіи нашего величества изображено монаршее ваше слово: *или дѣлать и дѣлать цѣлое и совершенное, или такъ остигнуть и не начинать*²⁾). Послѣдними словами заканчивался выложенный въ ковычки текстъ Генеральнаго учрежденія.

Къ приведеннымъ даннымъ о происхожденіи Генеральнаго учрежденія 12-го марта 1764 года мы можемъ присоединить новый, найденный нами документъ, составленный на французскомъ языкѣ: поизвѣстно кѣмъ и озаглавленный: „Raisonnement sur le projet d'établissement de pensions et bcolles dans toutes les provinces de l'etendue de l'empire de Russie“³⁾). Это разсужденіе въ большей своей части близко совпадаетъ по содержанію съ центральной, поставленной въ ковычки, частью Генеральнаго учрежденія. Для наглядности приводимъ параллельно оба текста:

Il n'est que trop connu que le principal defaut d'où procède ici la mauvaise éducation des enfants ne vient que d'une idée fausse et

¹⁾ П. С. З., № 12103.

²⁾ Учрежденія и уставы, касающіеся до воспит. и обуч., т. II, стр. 158.

³⁾ Госуд. Архивъ, XVII, 76.

généralement reçue sur la manière de les élever.

On prétend que la première bâze de l'éducation consiste à pousser, autant qu'il est possible, dans les sciences et les arts, qui selon moi, seroient précisément les points par où ils devroient la finir. L'on m'objectera, peut-être, que c'est reculer les sciences et les arts, à quoi je réponds que si cet hypothèse se trouve vraie, on ne les reculerait que pour les mieux avancer; mais c'est une erreur, et elle est d'autant plus funeste à l'Etat, à la Patrie, que laissant prendre aux enfants, dès leur plus tendre jeunesse, les plus mauvaises impressions du cœur, par tant de dangereux exemples journaliers, on néglige par là de former le bon et le vrai citoyen. Vouloir former l'esprit d'un enfant sans travailler à lui former le cœur et le caractère, sans lui inspirer des principes des vertus, de sentiments d'honneur, de moeurs, c'est prétendre élever un édifice, sans l'avoir assuré par le bon fondement. N'avons-nous pas sous les yeux des preuves assez convaincantes, et malheureusement trop multipliées, de cette vérité, que tant que la première éducation sera négligée, jamais on ne verra fleurir les arts, les sciences et les métiers, par conséquent jamais de tiers état à espérer?

En effet, quels succès doit-on se promettre d'un jeune homme

Искусство доказало, что однъя только украшенный или просвещенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добра и прямого гражданина; но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣте-

qui n'aura reçu dans son enfance que de faux principes, qui ne respirera que la dissipation, le libertinage et la débauche, qui sera adonné à la crapule la plus honteuse, qui fuitra la subordination et se roidira contre l'autorité des supérieurs et les leçons des maîtres?

Je suppose qu'après bien du temps et des peines un jeune homme perce dans les sciences, les arts et les métiers; je soutiens que, malgré le vernis qu'il aura pu prendre dans les académies, il ne sera jamais un bon citoyen; il ne sera, au contraire, qu'un être inutile et même dangereux pour la société et le bonheur de l'humanité.

Pour remédier à un mal si préjudiciable et si invétéré, il ne reste d'autre ressource que celle d'une bonne et sûre méthode, qui est de créer une nouvelle génération.

C'est-à-dire, former une république de pères et de mères, qui puissent donner à leurs enfants les mêmes vrais et solides principes d'éducation qu'ils auront reçus, ceux-ci les transmettront aux leurs, et ainsi cette première et seule véritable source de bons citoyens se perpétuera de postérité en postérité.

Pour parvenir à couper court à un mal si contagieux, je ne vois point d'autre remède que d'établir avec solidité et grand soin des écoles et pensions pour l'éducation des enfants des deux sexes tant nobles

ляхъ, и твердо оныя въ сердцѣ его не вкоренены; а небреженіемъ того и ежедневными дурными привычками привыкаетъ онъ къ мотовству, своевольству, безчестному законству и непослушанию. При такомъ недостаткѣ смысла утверждать можно, что прямого въ наукахъ и художествахъ успѣха и третьаго чина людей въ государствѣ ожидать всусе себя и ласкатъ.

Посему ясно, что корень всему злу и добру—воспитанию; достигнуть же последнаго съ успѣхомъ и твердымъ исполненіемъ не иначе можно, какъ избрать средства къ тому прямая и основательная.

Держась сего неоспоримаго правила, единое токмо средство остается, то-есть: произвести сперва способомъ воспитаніи, такъ сказать, новую породу, или новыхъ отцовъ и матерей, которые бы дѣтамъ своимъ тѣ же прямая и основательная воспитанія правила въ сердцѣ вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти предали бы паки своимъ дѣтямъ; и таинъ слѣдя изъ родовъ въ роды, въ будущіе вѣки.

Великое сіе намѣреніе исполнить нѣть совсѣмъ иного способа, какъ завести воспитательные училища для обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣе, какъ по пятому и шестому году. Излншіе было бы доказывать, что въ тѣ самые годы на-

que roturiers, absolument pas plus âgés de cinq à six ans.

Il est inutile de répéter ici que c'est là le véritable âge où un enfant commence à se dépouiller du voile qui jusqu'alors obscurcissait sa raison; passé ce temps il est encore plus inutile de croire que l'on puisse remédier ou effacer le pli une fois pris, ou lui inspirer, en le corrigeant, les principes de vertus qui lui sont nécessaires.

Je dis donc qu'il faut pour première base commencer l'éducation des enfants de cet âge de cinq à six ans, jusqu'à celui de 18 à 21. Ce qui ferait une domière de 12 à 18 dans les pensions et écoles; pendant lequel espace de temps ils ne doivent jamais sortir ni avoir aucune communication dans le dehors; leurs plus proches parents, auxquels il seraient quelquefois permis de venir leur rendre des visites, mais encore le plus rarement qu'il se pourra et jamais qu'en présence de leur supérieur, car il est sûr et certain que les fréquentations avec ceux du dehors, qu'il faut éviter comme un des plus grands maux, ne pourraient causer que de grands préjudices et des dommages sensibles au cœur et à l'éducation de cette jeunesse, qui ne doit avoir continuellement sous les yeux que des exemples et des modèles de vertus.

Pour commencer l'éducation, on s'appliquera dans les pensions à

чинять датя приходить въ познаніе изъ невѣдѣнія, а еще не разсудительнѣе вѣрить, яко бы по прошествіи сихъ лѣтъ еще можно поправить въ человѣкѣ худой нравъ, чѣмъ онъ уже заразился, и поправляя его, тѣ правила добродѣтелей твердо въ сердцѣ его вкоренять, кои ему имѣть было потребно.

И такъ о воспитаніи юношества пещися должно неусыпными трудами, начиная, какъ выше показано, отъ пятаго и шестого до 18 и 20 лѣтъ безвыходного въ училищахъ пребыванія. Во все же то время не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими сообщенія, таъ что и самые ближніе родніки хотя и могутъ видѣть ихъ въ назначеніи дни, но не иначе, какъ въ самомъ училищѣ, и то и присутствіи ихъ начальниковъ. Ибо иноспоримо, что частое съ людьми безъ разбору обхожденіе, вѣвъ и внутри онаго, весьма вредительно, а напичаче во время воспитанія такого юношества, которое должноствуетъ непрестанно визирать на подаваемые ему примеры и образцы добродѣтелей.

При сихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ первое прилагать должно старашіе, чтобы вселить въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце въ похвальныхъ склонностяхъ, и пріучать ихъ къ основательнымъ и прыличествующимъ состоянію ихъ правиламъ,

inspirer d'abord aux enfants la crainte de Dieu, à leur former le cœur et le caractère et à les plier aux plus décentes maximes; à leur donner le goût du travail, en leur faisant fuir l'oisiveté, mère et source intarissable de tous les vices, et de tous les débordements; on les accoutumera à un maintien décent dans leurs actions, à se former à la politesse, à la bienfaisance, à la compassion envers les malheureux et l'aversion pour tous les excès; on les instruira dans tous les détails de l'économie et de son utilité, et surtout de leur inspirer un goût universel et décidé pour la propreté sur eux et sur tout ce qui les environne; enfin, il est un nombre infini d'autres vertus et de différentes qualités dont leur éducation doit être assortie, et qui doivent les rendre, un jour, des vrais citoyens et des membres utiles et honorables à la société dont ils ferroient l'ornement.

Tels sont à peu près les premiers principes que l'on doit faire germer dans le cœur de la jeunesse et qui y prendront racine d'autant plus aisément, qu'ils sympathisent à merveille avec l'innocence de leur âge; ensuite on les instruira dans la profession convenable à leur naissance, à leur sexe et à leur disposition naturelle.

Mais une observation essentielle à faire, c'est l'on doit bien étudier les inclinations et le goût décidé

возбуждать въ нихъ охоту къ трудолюбию, и чтобы страшились праздности, какъ источника всякаго зла и заблуждений; паучить ихъ пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенія отъ всякихъ прородностей; обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ, и сколько въ ономъ есть полезнаго; особенно же вкоренять въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ, однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ добродѣтямъ и качествамъ, кои принадлежать къ добромъ воспитанію и которыми въ свое время могутъ они быть примирами гражданами, полезными обществу членами, и служить оному украшениемъ.

Такія и тому подобныя правила, когда постыдятся въ сердцахъ воспитываемаго юношества, надѣяться можно, тѣмъ лучшій шодъ произведутъ, что согласоваться будуть съ младостью и непорочностью ихъ возраста. Просвещая притомъ ихъ разумъ науками и художествами, по природѣ, полу и склонности каждого, обучасмы быть должны съ примѣчаніемъ такимъ, что прежде, нежели отрока обучать какому-либо художеству, ремеслу или наукѣ, надлежитъ разсмотрѣть его склонности и охоту

d'un enfant, avant de l'initier dans aucun des arts, m tiers, professions, ou parties des sciences que ce puisse  tre. Le go t seul de l'enfant doit l'y conduire. Le choix doit  tre fait par lui-m me, et les suffrages seuls de son coeur doivent l'emporter sur toutes autres consid rations, il n'est que trop certain qu'il ne r ussiroit jamais dans aucun des talents que l'on voudrait lui donner, s'il y r epugnoit et que l'on le lui fit embrasser malgr  lui.

La jeunesse doit trouver dans les pensions et les  cole s   se former dans tous les exercices du corps et de l'esprit, aussi utiles pour la sant  et bonne constitution que pour les agr ments de la vie. C'est pour quoi il faut avoir grande attention   leur procurer et   introduire dans les pensions toutes sortes de jeux et d'amusements innocents, pour  galer l'esprit et bannir tout ce qui a nom de tristesse, de m lancolie et de chagrin; cette observation est tr s essentielle.

Comme le bien de l'Etat d pend uniquement du succ s de ces premiers  tablissements, ainsi que du pli et de la forme que l'on doit donner   cette premi re g n ration, quelle prudence et quelle pr caution n'exige pas le choix des sup rieurs, ainsi que celui des maitres et maîtresses et surtout des r gis-seurs de ces maisons? Ils doivent tous avoir une r putation de pro-b t parfaitement  tablie, leur con-

и выборъ оныхъ оставить ему самому.

Душевныи ихъ склонности все-мѣрно должныствуютъ въ томъ надъ всѣми прочими уваженіями превозмуществовать; ибо давно доказано, что не предъусматриваетъ онь ни въ чьемъ томъ, чому будуть прилежать по нынѣ, а но по своему желанію.

Притомъ весьма еще важное примѣчаніе имѣть должно въ сихъ воспитательныхъ училищахъ, то-есть: дабы для юношества все то наблюдалось было, что къ жизни, цѣлости, здравія и крѣпости сложенія ихъ служить можетъ; какъ-то въ построенныхъ жилищахъ при-водомъ чистаго воздуха, неупотребленіемъ всякоаглавія мѣд-ной посуды, также и всякими не-винными забавами и играми опос юношество увеселять, и чрезъ то мысли его приводить всегда въ ободреніе; а напротивъ того иско-ренять все то, что токмо скучно, задумчивостю и прискорбіемъ на-зваться можетъ: и сего правила изъ памяти не выпускать.

Отъ сихъ первыхъ учрежденій зависить все воспитаніе, какое дамо будетъ первому отъ оныхъ новой породы происхожденію. Почему со-бюо понятно, какая потребна осторожность и благоразуміе въ выбо-рѣ учителей и учительницъ, а особливо главныхъ надъ воспитательными училищами директоровъ и правителей. Въ послѣднихъ сихъ

duite et leurs mœurs doivent être connues sans tâches et irréprochables, ils doivent être d'une humeur patiente, prudents, fermes, droits et justes, en un mot ils doivent se faire aimer et respecter de leurs élèves et les former et leur prêcher en tout par le bon exemple.

Par conséquent le tout dépend des règlements et instructions, qui doivent être bien étudiés, bien combinés, bien clairs et bien précis, ne rien laisser à désirer pour tout ce qui regarde les maîtres, les enfants, la conduite des uns et des autres, le bon ordre et la discipline générale de la maison. L'on doit conclure de là, avec quels soins et quelle sagesse ils doivent être conçus et suivis. Finalement il faut faire parachever un ouvrage ou ne le point commencer.

всю важность и затруднение со-
стоять: имъ надобно быть всѣмъ
извѣстной и доказанной честности
и прямодушия, а поведеніе ихъ и
правы должныствуютъ быть напе-
редъ вѣдомы и непорочны; осо-
бенно же надлежитъ имъ быти
торгѣльными, разсмотрительными,
твѣрдыми и правосудными; и од-
нимъ словомъ таковыми, чтобы во-
спитывающееся юношество любило
ихъ и почитало, и во всемъ доб-
рый отъ нихъ примѣръ получало.

Сего ради остается въ допол-
неніи изъяснить, что все сіе един-
ственno зависятъ отъ особливаго
учрежденія и даваемыхъ наста-
вленій, кои надлежитъ сочинить
съ величіемъ размышеніемъ и осто-
рожностью, дабы все соображеніо
было ясно, внятно и точно, и чтобы
личного того пропущено не было,
что надлежитъ до учителей, уч-
никомъ, до поведенія тѣхъ и дру-
гихъ, и до общаго въ сихъ учи-
лищахъ наблюдаемаго порядка. Ибо
при начинаніи сего надобно сперва
за точное принять правило: или
дѣлать и дѣлать цѣлое и совер-
шеннѣе, или такъ оставить и не
начинать.

За исамѣніемъ данныхъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи
приведенной сейчасъ французской записи приходится ограничиться
догадкой, что она представляется первоначальный набросокъ Генераль-
наго учрежденія 1764 года.

II.

Вытекавшая изъ Генерального учрежденія законодательная работа
раздѣлялась на двѣ главныя части: Бецкому поручалось: во-первыхъ,

создать два новыхъ училища, при Академіи художествъ и въ Смоленскомъ монастырѣ для дворянскихъ дѣвицъ, и, во-вторыхъ, составить подробные регламенты и инструкціи для воспитательныхъ училищъ „во осъхъ губерніяхъ Российской Имперіи“, то-есть подробный планъ общей учебной реформы. Бецкой сосредоточился на первой задачѣ, и въ теченіе 1760-хъ годовъ возникъ рядъ новыхъ учебно-воспитательныхъ заведеній, уставы которыхъ были составлены Бецкимъ. Эти отдѣльные, частные опыты учебной реформы складывали въ такомъ порядкѣ: 5-го мая 1764 года явился уставъ воспитательного общества благородныхъ дѣвицъ, 4-го ноября того же года уставъ воспитательного училища при Академіи художествъ, по образцу которого въ 1765 г. было учреждено воспитательное отдѣление при гимназіи Академіи Наукъ, 31-го января 1765 года уставъ особливаго училища при Воскресенскомъ Поводѣвичьемъ монастырѣ для воспитанія мѣщанскихъ дѣвичекъ, 11-го сентября 1766 года новый уставъ сухонутнаго шляхетскаго корпуса, 13-го августа 1767 года 2-я и 3-я части генеральнаго плана Московскаго воспитательного дома¹⁾). Всѣ перечисленныя сейчасъ училища, строй которыхъ подчиненъ быть новымъ педагогическимъ принципамъ, являлись, какъ сказано, лишь отдѣльными, частными опытами общей учебной реформы, которая должна была въ полной мѣрѣ выразиться въ повсемѣстномъ учрежденіи „воспитательныхъ училищъ“. Занимался ли Бецкой разработкой соотвѣтствующаго законодательнаго акта? Сохранилось извѣстіе, что одновременно съ проектами уставовъ училища благородныхъ дѣвицъ и воспитательного училища при Академіи художествъ Бецкимъ былъ представленъ и „проектъ общества для воспитанія благородныхъ дѣтей по губерніямъ“, оставленный „впередъ до разсмотрѣнія“²⁾. Но этотъ проектъ не сохранился и приведенное сейчасъ глухое извѣстіе о немъ должно остататься подъ сомнѣніемъ, пока оно не подтверждено будьтъ болѣе точными свѣдѣніями. Во всякомъ случаѣ и помимо Бецкаго, другими лицами составленъ былъ въ 1760-хъ годахъ рядъ обширныхъ проектовъ учебной реформы, примыкавшихъ къ Генеральному учрежденію и разрѣшившихъ поставленный имъ вопросъ о повсемѣстномъ заведеніи „воспитательныхъ училищъ“.

¹⁾ Н. С. З., №№ 12154, 12275, 12323, 12741. Учрежденія и уставы, 2 тома, С.-Пб. 1774. Гр. Толстой, Академич. гимназія въ XVIII в. Сборн. отд. рус. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ, т. 38.

²⁾ Рус. Вѣстникъ, 1842 г., III, стр. 371.

Мы не имъемъ свѣдѣній, объясняющихъ, почему эта работа, порученная сначала Бецкому, вскорѣ перешла въ другія руки. На иѣкоторыя предположенія о томъ пути, на который поставленъ былъ вопросъ о повсемѣстномъ учрежденіи воспитательныхъ училищъ, другими словами—о цѣльной системѣ народного просвѣщенія, наводить одинъ документъ, озаглавленный: „Начальное разсужденіе о планѣ для учрежденія публичныхъ училищъ“ и сохранившійся безъ обозначенія имени автора и времени составленія¹⁾.

Открывается это разсужденіе указаніемъ, что пѣть лучшихъ способовъ „для вкорененія правиль добраю воспитаніи и насажденія добрая гражданства“, какъ тѣ, которыя изложены въ Генеральномъ учрежденіи 12-го марта 1764 года. Образцомъ же практическаго примѣненія этихъ правиль должно служить открытое въ томъ же году воспитательное училище при Академіи художествъ. Затѣмъ авторъ разсужденія подвергаетъ оцѣнкѣ „наставлениі“ или записки господь Дюмареска и Миллера, изданія на французскомъ и на иѣменскомъ языкахъ и описывающія учебныя порядки въ иностраннѣхъ государствахъ, и, находя въ нихъ достойными иѣкоторыя замѣчанія, приходитъ къ заключенію, что „остальное содержаніе сихъ наставлений, хотя и весьма хорошія правила, однакожъ немногого соотвѣтствующаго какъ состоянію нашего государства, такъ и потребному въ такихъ учрежденіяхъ предмету, заключается“.

Авторъ „совершенно увѣренъ“, что по многимъ причинамъ въ нашемъ отечествѣ не привались бы училища, существующія въ иностраннѣхъ государствахъ: Франціи, Англіи, Швеціи, Германіи и Голландіи. Главная причина непригодности иностраннѣхъ училищъ для Россіи заключается, на взглядъ нашего автора, въ томъ, что тамъ, за-границей, знанію ученыхъ языковъ, латинскаго и греческаго, „необходимо нужнымъ начальству почитается“. Согласнась, что мертвый латинскій языкъ практически необходиmъ въ странахъ католическихъ, правовой строй которыхъ покоятся на римской правѣ, авторъ рѣшительно доказываетъ, что въ Россіи пѣть никому никакой нужды въ знаніи латинскаго и греческаго языковъ, кромѣ, развѣ, тѣхъ, кто готовится къ изученію богословія или вообще къ ученой дѣятельности.

Далѣе авторъ выражаетъ полное свое сочувствіе принципамъ учебной реформы, изложеннымъ въ „наставлениі“ Миллера и формулирован-

¹⁾ Архивъ Государств. Совета., дѣла II Отдѣленія собствен. Е. И. В. Канцелярии, 320—221.

нымъ въ шести пунктахъ, которые и приводимъ въ подлинныхъ выраженияхъ:

„1-с, что образъ удаленной и сохраняемой жизни, въ которомъ юношеству, находящемуся въ училищахъ подъ всеводческимъ присмотромъ своихъ надзирателей и учителей, въ отдаленіи отъ родственниковъ, способствуетъ не мало къ сохраненію онаго отъ поврежденія нравовъ“;

„2-с, что главный предметъ въ воспитаніи, которое сему дать намѣрены юношеству, долженъ состоять въ исправленіи нравовъ“;

„3-с, что къ приведенію въ дѣйствіе сего плана потребны для употребленія старые монастыри, расположенные по близости какихъ-нибудь провинціальныхъ городовъ, и построить вновь приличныя тому зданія, коимъ предлагается весьма искусно выдуманный и учрежденный по намѣренію сего основанія планъ“;

„4-с, что пристойно бы было, во-первыхъ, сдѣлать таковому учрежденію здѣсь, въ С.-Петербургѣ, или въ ближайшей какой губерніи оѣть, для прѣмѣра прочихъ мѣстъ, и до вступленія въ касающіяся до сего подробности потребно знать всесилостивѣшее Е. И. В. намѣреніе о числѣ опредѣляемыхъ въ таковое училище учениковъ въ какого рода дѣтей къ оному употребить съ высочайшею резолюціею, какому быть сему зданію, каменному ли или деревянному, и въ одно или въ два жилья, чтобы все сой распорядокъ соответствовалъ полагаемому предмету“;

„5-с, что удобнѣе бы было раздѣлить сіи училища на три разнаго рода, соответствующіе тѣмъ трёмъ государственной службы раздѣленіямъ, въ которыми воспитываемое юношество себя опредѣлить можетъ, то есть, въ воинскую, гражданскую и коммерческую, дабы по приличности каждому роду наставленія и уроки пристойнѣе расположить можно было“;

„6-с, пристойнѣе расположить учрежденіе сихъ училищъ такимъ образомъ, чтобы довольноное число вольныхъ пансионеровъ для вящей пользы туда допускаемо было“.

Въ этомъ планѣ Миллера нашъ авторъ считаетъ особенно „остроумнымъ“ пятый пунктъ—о раздѣленіи училищъ по специальностямъ на воинскую, гражданскую и коммерческую. Въ самомъ дѣлѣ, говорить онъ, „во всемъ свѣтѣ такой академіи не имѣется, гдѣ бы преподаваемы были однѣ науки дѣтямъ, выступающимъ изъ младенческихъ лѣтъ, вмѣстѣ съ молодыми людьми, желающими получить совершенство въ наукахъ“.

Далѣе авторъ признаетъ необходимымъ „быть совершенно извѣстну“

о намѣреніяхъ императрицы, какого званія дѣтей пришimать въ новыя училища иъ какой практической дѣятельности ихъ готовить; это нужно потому, что „молодымъ людямъ благороднаго званія слѣдуетъ обыкновенно не только совсѣмъ особое отъ простаго званія людей учредить воспитаніе, но весьма нужно знать, какое они по выпускѣ изъ училищъ себѣ мѣсто имѣть могутъ, ибо въ противномъ случаѣ молодой человѣкъ, имѣвъ въ училищѣ простое воспитаніе и пріобѣгнувшъ вѣсть свободную и чюядочную жизнь, вмѣсто приношенія похвалы о полученному чрезъ воспитаніе благополучіи, прадеть въ соболѣзвованіе, находя себя по выпускѣ въ прежнемъ состояніи за недостиженіемъ спокойнаго и согласнаго съ мыслию его полученнаго въ воспитаніи мѣста“.

Миллеръ, который въ своемъ „наставлениі“ представлять вполнѣ цѣлесообразныя, по мнѣнію автора нашего Разсужденія, принципы учебной реформы,—это, конечно, извѣстный исторіографъ Герардъ Миллеръ. Въ 1765 году онъ занималъ, по приглашенію Бецкаго, должность завѣдывающаго воспитательнымъ домомъ, но пробылъ въ этой должности, не соотвѣтствовавшей его призванію, недолго и при первой возможности перешелъ на службу въ Московскій архивъ коллегіи иностраннагихъ дѣлъ. Когда Миллеръ завѣдывалъ воспитательнымъ домомъ, имъ были составлены, по его собственному показанію, „нѣкоторыя предложения для учрежденія новыхъ школъ, сочиненные по особливому всевысочайшему повелѣнію не для публика, но единственно для Ея Императорскаго Величества“ ¹⁾). Но всей вѣроятности, это и есть то „наставлениѣ“ Миллера, о которомъ говорить авторъ Начального разсужденія.

Мало извѣстной личностью представляется Дюмарескъ. Изъ сокращившихся о немъ отрывочныхъ свѣдѣній знаемъ, что онъ былъ докторъ богословія и канцлеръ англійской факторіи въ С.-Петербургѣ. Лично извѣстный императрицѣ Екатеринѣ, Дюмарескъ помогалъ ей въ ея филологическихъ занятіяхъ и составилъ Comparative Vocabulary of the eastern languages. Въ описаніи портфелей Миллера упоминается сочиненіе Дюмареска на французскомъ языкѣ „Генеральныя примѣчанія о главномъ родѣ науки при начальѣ воспитаній“. Вполнѣ вѣроятно, что это также есть та самая записка Дюмареска, съ которой полемизируетъ авторъ „Начального разсужденія“ ²⁾).

¹⁾ Сборн. Моск. Главн. Арх. мин. ин. д., вып. 6, стр. 545.

²⁾ Сборн. Москв. Архива мин. иностранн. дѣлъ, вып. 6, стр. 179, 428. Аделуптиз,

Всѣ свои „резоны“ по поводу „наставлений“ Дюмареска и Миллера авторъ Разсужденія представлялъ И. И. Бецкому, но послѣдній, „по несогласованію сего генерального основанія съ воспитаніемъ юношества, почиталъ всѣ тѣ сумнѣйнія испужными и подлежащими отмѣнѣнію“, возвращатель ихъ автору „безъ всего“. „Однакожь, такъ заманиваетъ нашъ авторъ свое Разсужденіе, „позволить онъ (Бецкой) инѣ сказать, что я съ мнѣніемъ его въ семъ случаѣ несогласенъ, потому что сколь бы яи были разумны данныя имъ въ воспитаніи юношества правила, однакожь онъ весьма генеральны и не могутъ сть такою точностью служить наставленіями, потребными въ подобныхъ случаяхъ при учрежденіи училищъ, въ разсужденіи чего принужденіемъ наложусь прибѣгнуть ко всемилостивѣшему Ея Императорскаго Величества покровительству, испрашивая, чтобы высочайше повелѣно было, до дальнѣйшаго приступленія къ сому плану, учинить подробное разсмотрѣніе“.

Кто же авторъ изложенного Разсужденія? Предполагаемъ, что не кто иной, какъ старѣйшии секретарь императрицы Екатерины Григорій Николаевичъ Тепловъ, принимавшій, какъ сейчасъ увидимъ, дѣятельное участіе въ разработкѣ проектовъ учебной реформы въ 1760—1770 годахъ.

Если наше предположеніе вѣрно, то обстоятельства подготовки общепринятой реформы непосредственно послѣ наданія Генеральнаго плана 12-го марта 1764 года представляются въ слѣдующемъ видѣ. Воложивъ официально на Бецкаго обязанность составить планъ по-всемѣстнаго учрежденія воспитательныхъ училищъ, императрица Екатерина частнымъ образомъ поручила собрать свѣдѣнія и представить соображенія по этому вопросу Гер. Миллеру и Дюмареску. Записки послѣдніхъ были разсмотрѣны Г. Н. Тепловымъ, который сообщилъ свои соображенія Бецкому. Послѣдній отнесся къ нимъ отрицательно, и тогда Тепловъ обратился непосредственно къ императрицѣ съ докладомъ, результатомъ которого было порученіе составить планъ учебной реформы комиссіи изъ Г. Н. Теплова, Г. Ф. Миллера, Дюмареска и другихъ лицъ. Бецкой въ этой работе участія не принималъ.

Catherinens der grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde, стр. 22—23. Грюйт, Филологич. занятия Имп. Екатерины II, Гус. Арх., 1877. IV, стр. 425. Некарский, Исторія Имп. Академіи наукъ, т. I, стр. 388—389, примѣч. Буличъ, Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи, стр. 422.

Не позже 1768 года императрицѣ былъ представленъ подробный и обстоятельно мотивированный планъ „дѣтскихъ воспитательныхъ академій“ или „государственныхъ гимназій“. Ни въ текстѣ самого плана, ни въ сопровождающихъ его двухъ докладахъ имена составителей не обозначены. Но на оберткѣ, въ которой этотъ не изданный досагѣ планъ хранится въ С.-Петербургскомъ государственномъ архивѣ, есть надпись, гласящая, что планъ составленъ Филиппомъ Дильтеемъ, Герардомъ Миллеромъ, Дюмарескомъ, Тимофеемъ Клингштетомъ и Григоріемъ Тепловымъ¹⁾). Въ 1768 году частная комиссія объ училищахъ, собирая для своей работы разные матеріалы, требовала, между прочимъ, отъ дирекціонной комиссіи доставленія плана государственныхъ гимназій, составленного Клингштетомъ, Миллеромъ, Дюмарескомъ.

Нѣть основаній сомнѣваться, что этотъ тщательно обдуманный планъ, съ которымъ мы сейчашь познакомимся, действительно былъ составленъ поименованными выше лицами. Какъ встрѣтились въ данной работѣ Генлой, Миллер и Дюмарескъ, намъ уже извѣстно. Вновь были привлечены къ ней Филиппъ Дильтей, профессоръ Московскаго университета и педагогъ, представившій императрицѣ въ ноябрѣ 1764 года свой собственный планъ учебной реформы, о которомъ будетъ рѣчь ниже, и Тимофей фонъ-Клингштетъ, вице-президентъ юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, впослѣдствіи депутатъ въ Комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія и дѣлъгольнаго членъ частной комиссіи объ училищахъ и приврѣдѣ требующихъ.

Планъ воспитательныхъ академій или государственныхъ гимназій сопровождался двумя докладами: однимъ коллективнымъ, отъ имени всѣхъ составителей плана, другимъ единоличнымъ, приписываемымъ Теплову. Въ первомъ докладѣ читаемъ: Ваше Величество „высочайше повелѣть намъ соизволили, чтобы мы представили Вашему Императорскому Величеству планъ для учрежденія во всѣхъ губориахъ и знатѣйшихъ провинціахъ Имперіи вашей такихъ дѣтскихъ воспитательныхъ академій, въ которыхъ бы съ обученіемъ наукъ и художествъ отъ самой юности дѣти воспитывались были въ страхѣ Божіи и поученіи Его закона, въ познаніи прямыхъ добродѣтелей, яко: любви ближняго, состраданія бѣдствующимъ, учитнаго и честнаго обхожденія въ обществѣ, милосердія, страннопріимства, любленія къ правдѣ и смерзенія ко всѣмъ порокамъ. Словомъ: все, что человѣка благоправныи

¹⁾ Государств. Архивъ, XVII, 58.

и полезными дѣлами въ обществѣ, то бы въ сихъ дѣтскихъ амадеміяхъ съ воспитаніемъ или, лучше сказать, со вскормленіемъ отъ молодыхъ лѣтъ добрыми воспитателями въ сердце сущимъ еще младенцамъ обосого полу вливасмо было". Изъ этихъ словъ ясно, что, составленный Тешловымъ и компанией планъ новоемѣстнаго учрежденія воспитательныхъ училищъ былъ тѣмъ самымъ трудомъ, который первоначально, по Генеральному учрежденію 1764 года, предполагалось возложить на И. Н. Бецкого.

Въ другомъ докладѣ, который, повидимому, представленъ былъ императрицѣ Тешловымъ, подчеркивалось, что составители плана воспитательныхъ училищъ руководствовались въ своей работѣ подробными указаниями самой императрицы. „Ваше Императорское Величество, писалъ Тешловъ, не удовольствовалось принять такъ славное намѣреніе и дать высочайшія свои о томъ повелѣнія; но, какъ первая мысль сего знатнаго предирѣтія произошла отъ вашей собственной особы, такъ Вы же сами соизволили дать и промудрыя распоряженія всему учрежденію сего дѣла. Сей предметъ довольно показался достойнымъ быть произведенъ собственными вашими проницательными разсужденіями, и хотя соизволили вы разсудить за благо спросить о томъ мнѣнія нѣкоторыхъ людей, на которыхъ отмѣнную способность во всемъ томъ, что до учрежденія и до воспитанія юношества касается, совершенно положиться можно, однакожь имъ иного не осталось сдѣлать, какъ даныю на то отъ Вашего Императорскаго Величества проекты распространить и привести въ надлежащей порядокъ" ¹⁾.

Когда именно составленъ былъ планъ воспитательныхъ, академій или государственныхъ гимназій, можно опредѣлить лишь съ приблизительной точностью. Составители плана неоднократнозываются, какъ на образецъ, на воспитательное училище при Академіи художествъ, учрежденное по уставу 4 ноября 1764 года; следовательно, планъ не могъ быть составленъ раньше начала слѣдующаго, 1765 года. Съ другой стороны, оно явился и не позже первой половины 1768 года, такъ какъ въ іюнѣ этого года частная комиссія обѣ училищахъ требовала присыпки плана изъ дирекціонной комиссіи. Есть основаніе и еще болѣе сузить указанія хронологическія рамки. Въ сопровождающемъ планъ единоличномъ докладѣ, восхваляющемъ мудрость императрицы, перечисляются важнѣйшия акты первыхъ лѣтъ ея царствованія и не упоминается ни о наказѣ, ни о созывѣ законодательной

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1811, іюнь.

комиссии. Это даетъ основаніе предполагать, что планъ составленъ былъ не позже конца 1766 года.

Составленный Тейлоромъ, Дильтесомъ, Миллеромъ, Клиппштотомъ и Дюмарескомъ планъ государственныхъ гимназий, облекавши въ конкретныя нормы отвлеченные принципы Генерального учрежденія 12 марта 1764 года, представляеть собою чрезвычайно характерный для своего времени проектъ учебной реформы. Отмѣтимъ пока его основные пунты.

Первый коллективный докладъ составителей плана, излагавши въ 24-хъ статіяхъ основанія учебной реформы, полагалъ цѣль ся въ томъ, чтобы „со временемъ родители благонравно дѣтамъ своимъ и полезные обществу сограждане происходить могли; ибо они тѣ же основанія въ сердцѣ дѣтамъ своимъ оставлять могутъ, въ которыхъ, сами вскормлены и воспитаны, и симъ образомъ преемниками благонравія все ихъ наслѣдіо учинится на вѣки“.

На изложенныхъ въ докладѣ основаніяхъ разработали, быть подробнѣй, „генеральный планъ гимназій или государственныхъ училищъ“, представленный императрицѣ при особомъ докладѣ одного изъ составителей плана, по всей вѣроятности, Тейлора. Этотъ докладъ содержалъ риторическое восхваленіе различныхъ мѣропріятій императрицы Екатерины за первые годы ся царствованія; среди нихъ учебная реформа должна была воздвигнуться „но истиниѣ пѣчнымъ монументомъ таковой премудрости, которому всегдашнее благонолучіе будущихъ временъ на благосостояніи нынѣшнихъ утвердить желаетъ“.

Проектированный генеральнымъ планомъ „государственный гимназія“ представляли оригинальный типъ воспитательно-учебного заведенія, совмѣщавшаго задачи низшей, средней и высшей школы. Открытыя для всѣхъ россійскихъ подданныхъ греческаго закона „безъ всякаго различія званія и природы“, но исключая крѣпостныхъ, государственные гимназіи принимаютъ учениковъ въ младенческомъ возрастѣ 5—6 дѣтъ и выпускаютъ зрѣлыми юношами по восемнадцатому году. По примѣру училища при Академіи художествъ, курсъ гимназій состоитъ изъ трехъ классовъ, по четыре года въ каждомъ. „По разности званій и намѣрея учащихся“ гимназіи раздѣляются на четыре категории: 1) училища для ученыхъ людей, 2) военные, 3) гражданскія и 4) купеческія. Курсы младшихъ двухъ классовъ одинаковы для училищъ всѣхъ четырехъ категорій; курсы старшаго, третьего класса специализируются, „сходственно съ родомъ житія, въ которому сіи дѣти себя опредѣляютъ“.

Для управления государственными гимназиями проектировалось особое учебное вѣдомство во главѣ съ протекторомъ или главнымъ почетителемъ, „знатѣйшей особой“, удостоенной особливой довѣрности верховной власти и имѣющей всегда къ Императорскому престолу вольный доступъ. При протекторѣ состоять совѣтъ директоровъ, назначаемыхъ изъ весьма ученыхъ и въ учебныхъ дѣлахъ искусныхъ людей. На обязанности директоровъ лежитъ изысканіе лучшихъ методовъ преподаванія и всестороннее наблюденіе за ходомъ учебной жизни. Предсѣдателемъ начальникомъ каждой гимназіи является ректоръ, основательно ученый и благородный человѣкъ.

Къ уставу государственныхъ гимназій приложенъ быть детально разработанный штатъ, по которому стоимость содержанія каждой гимназіи исчислена въ 20,000 руб. ежегодно. На первое обзаведеніе гимназій требовалось единовременно 2,000 руб.

Хотя государственные гимназіи предначинались для юношества всѣхъ сословий, кромѣ крестьянскихъ, однако ог҃ь не могли обслуживать образовательныхъ потребностей массы населения: въ каждомъ губернскомъ городѣ или „въ которомъ либо изъ знатѣйшихъ провинциальныхъ городовъ“ предполагалось учредить лишь по одному училищу изъ четырехъ вышеуказанныхъ категорій, „смотри потому, какого званія жители въ губерніи больше числомъ“. Сравнительная малочисленность государственныхъ гимназій побудила составителей генерального плана „нѣсколько подумать и о простыхъ и самыхъ бѣдныхъ мѣщанскихъ дѣлахъ въ городахъ и мѣстечкахъ обитающихъ, какъ ихъ изъ грубаго извлечь изъянія и подать способъ столько научиться, сколько природѣ ихъ присущи и надобно“. Съ этой цѣлью предполагалось устроить во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ элементарныя „публичныя школы для простаго народа“, въ которыхъ обязательно обучались бы дѣти всѣхъ жителей, „какого бы званія ни были, не исключая слугъ и работниковъ“, въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ. Попеченіе объ этихъ школахъ возлагалось на мѣстные магистраты и на духовенство; послѣднее должно было нести и учительскія обязанности. Эти предположенія объ элементарномъ народномъ образованіи разработаны были въ особомъ, дополнявшемъ генеральный планъ гимназій, проектѣ подъ заглавiemъ: „Всеподданнейшее представление плана, какимъ образомъ во всѣхъ россійскихъ городахъ и мѣстечкахъ учредить школы для простаго народа безъ всякаго государственного расходу и народнаго отягощенія“.

Въ ожиданіи высочайшей апробаціи и обнародованія генерального

плана авторы посгѣднаго позаботились составить заблаговременно пространное „предисловіе къ читателю“, которое разъясняло публикѣ существо и порядокъ учебной реформы. По словамъ этого предисловія, заведеніе гимназій являлось „ничѣмъ инымъ, какъ произведеніемъ и распространеніемъ“ Генеральнаго учрежденія 1764 года; цѣль же гимназій заключалась въ томъ, „чтобы принимаемое во оныхъ училища юношество могло тамъ основательно и совершилo обучаемо быть всѣмъ тѣмъ наукамъ и знаніямъ, къ которымъ они по природной склонности будуть способны и которыхъ бы употребленіе во всякомъ избранномъ ими впередъ званіи неоспоримую имъ приносило пользу и такимъ бы образомъ исправленіе сердца сихъ юношей и просвѣщеніе разума было кущно соединены“.

Затѣмъ „предисловіе“ оправдывало раздѣленіе гимназій на четыре категоріи и разъясняло порядокъ постепеннаго осуществленія реформы. Предполагалось немедленно по апробаціи плана императрицей учрѣдить въ первую очередь два училища, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, „одно для гражданскаго, другое для ученихъ любой чина“. Признавалось возможнымъ открыть оба эти училища въ полномъ объемѣ всѣхъ трехъ классовъ, отступивъ, такимъ образомъ, отъ общаго правила, составлявшаго душу всей новой педагогической системы, что полный курсъ гимназій должны проходить только дѣти, принятые въ нихъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Пріемъ въ старшіе классы учениковъ со стороны принципіально не могъ быть допускаемъ потому, что онъ подрывалъ то единство и непрерывность педагогического режима, которыя составляли всю силу послѣдняго.

Возможность существеннаго отступленія отъ этого общаго правила мотивировалась слѣдующими соображеніями. Въ течоніе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ, назначенныхъ на прохожденіе курса младшаго класса, учителя высшихъ классовъ останутся „безъ какого либо и наималѣйшаго упражненія“; между тѣмъ нашлись бы дѣти, достигшіи соответствующаго возраста, которыхъ могли бы съ пользою у этихъ учителей обучаться. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ и Московскомъ университѣтѣ нашлось бы достаточно „дѣтей“, подготовленныхъ, „и притомъ благоправныхъ и доброго поведенія“, достойныхъ поступить въ высшіе классы открываемыхъ гимназій. Правда, разсуждали далѣе сочинители предисловія, при такомъ комплектованіи старшыхъ классовъ взятыми со стороны учениками „не можно будетъ достичь больше всего желаемаго благоравия въ томъ совершенствѣ и непорочности, каковыхъ по справедливости больше надѣяться можно отъ тѣхъ, которые съ

самаго младоиства охранены будуть отъ всѣхъ злыхъ воображений и примѣровъ рачительнымъ воспитанiemъ¹; однако же этотъ педагогический рискъ перевѣшивался желанiemъ скорѣе увидѣть плоды новой системы образованія, дабы внести въ нее дальнѣйшия улучшения.

Открытие всѣхъ остальныхъ гимназій должно было совершаться уже на точномъ основаніи генерального плана, при чемъ для первого, младшаго класса принимался во вниманіе опытъ воспитательного училища при Академіи художествъ; въ подробностяхъ же организаціи второго и третьаго классовъ оставлялась изысканная свобода будущимъ главнымъ начальникамъ гимназій, директорамъ, какъ людимъ „основательно ученымъ и въ школьномъ учрежденіи совершенно знающимъ и искуснѣмъ“. На генеральный планъ государственныхъ гимназій, по словамъ предисловія, слѣдовало смотрѣть, какъ на „основаніе сего дѣла“, которое требовало еще дальнѣйшей разработки и совершенствованія.

Такъ разрѣшался центральный вопросъ, поставленный Учрежденіемъ 12-го марта 1764 года, о повсемѣстномъ основаніи новыхъ учебно-воспитательныхъ заведеній.

Въ перспективѣ этой обширной учебной реформы учрежденія, открытыя Бенкимъ, представлялись лишь частными, подготовительными опытами.

Несомнѣнно, какъ отнеслась императрица къ генеральному плану государственныхъ гимназій и по какимъ причинамъ онъ не былъ осуществленъ. Можно предполагать, что императрица отложила то или иное рѣшеніе по данному вопросу до разработки основъ учебной реформы въ законодательной комиссіи, въ составѣ которой, въ маѣ 1768 года, начала дѣйствовать специальная комиссія объ училищахъ.

III.

Выѣтѣ съ генеральнымъ планомъ государственныхъ гимназій былъ погребенъ въ архивахъ составленный единолично профессоромъ Филиппомъ Дильтеемъ проектъ учебной реформы подъ заглавиемъ: „Планъ о учрежденіи разныхъ училищъ для распространенія наукъ и исправленія нравовъ“. Проектъ этотъ помѣченъ ноябремъ 1764 года и, слѣдовательно, составленъ онъ былъ ранѣе генерального плана гимназій¹).

¹⁾ Государств. Архивъ, XVII, 58.

Планъ Дильтея распадается на 4 части: 1-я трактуется „о школахъ рабскихъ, какъ о первомъ основаніи доброго воспитанія“, 2-я—о школахъ тривіальныхъ, 3-я—о гимназіяхъ и 4-я—объ университетахъ. Самое оригинальное, что представляется планъ Дильтея—это его „рабскія школы“ или училища для крѣпостныхъ ядакъ. Хотя, по словамъ Дильтея, русское дворянство не щадило средствъ для изученія и воспитанія юношества, „въ чёмъ Россія предъ прочими государствами высокое имѣть превосходство“, однако желаемые успѣхи не достигались, и первую тому причину, „корень испорченаго воспитанія“, Дильтей видитъ „въ худомъ примѣрѣ ядакъ, къ которому дѣти съ малолѣтства привыкаютъ“. Рабскихъ школъ Дильтей находитъ нужнымъ учредить двѣ: одну въ Москвѣ, другую въ Петербургѣ, съ комплектомъ учениковъ по 100 человѣкъ въ каждой; въ Москвѣ школа состоять подъ покровительствомъ университета, въ Петербургѣ—Академіи наукъ.

Собственно система просвѣщенія слагается по плану Дильтея изъ училищъ трехъ степеней: низъ тривіальныхъ, гимназій и университетовъ. Школы тривіальные имѣютъ цѣлью преподавать элементарное образованіе, а также „добропорядочнаго житія правила“, какъ благородныи, такъ и купеческыи „и другимъ не подобаю состояніи дѣтамъ“. Тривіальные школы подготавливаютъ молодежь къ гимназіямъ, состоящимъ изъ 4-хъ классовъ, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ, и открытыми также для юношества всѣхъ состояній, кроме крѣпостныхъ. И тривіальные школы и гимназіи находятся въ вѣдѣніи университетовъ или подъ особнявымъ покровительствомъ губернаторовъ. По расчету Дильтея надлежало учредить на всю Россію 21 школу тривіальную и 9 гимназій. Кроме Московскаго Дильтей предлагалъ учреждать два новыхъ университета, въ Малороссіи—въ Батуринѣ, и въ Лифляндіи—въ Дерптѣ. Организуются университеты по обычной германской схемѣ, въ составѣ 4-хъ факультетовъ: философскаго, юридическаго, медицинскаго и богословскаго; лишь по окончаніи двухгодичнаго курса философскаго факультета открывается доступъ на факультеты специальные. Высшее управлѣніе всѣми училищами, отъ тривіальныхъ школъ до университетовъ, сосредоточивается въ рукахъ особаго „куратора, который бы былъ при дворѣ и назывался кураторомъ общимъ, и всѣ учрежденія сихъ училищъ имѣлъ бы подъ своей командою“.

Таковъ былъ въ главныхъ пунктахъ планъ системы народнаго просвѣщенія, предложенный профессоромъ Дильтеемъ. Быть ли этотъ

планъ представлена императрицѣ и какое онъ встрѣтилъ къ себѣ отношеніе, неизвѣстно.

IV.

Въ силу утвержденнаго императрицей 8-го апрѣля 1768 года „Начертанія о приведеніи къ окончанію“ трудовъ законодательной комиссіи въ составѣ послѣдней учреждена была, въ числѣ другихъ, частная „комиссія объ училищахъ и приврѣднія требующихъ“, на которую возложено было составленію общаго плана народнаго просвѣщенія, объемлющаго „училища народныя, какъ то: общественный школы, гимназіи, университеты; сирѣчь: нижнія, среднія и верховные училища“¹⁾.

Выборы членовъ въ училищную комиссию происходили въ засѣданіи Большого Собрания 23-го мая, а результатъ выборовъ объявленъ былъ 27-го мая. Избранными оказались по большинству голосовъ 3 депутата: отъ шляхетства Киевскаго полка, повѣтъ Козелецкаго и Остерскаго, Владимира Золотницкій (164 голоса), отъ города Переяславля Александръ Угрюмовъ (141 голосъ), отъ города Дерпта Яковъ Урсинусъ (141 голосъ). Сверхъ того маршалъ Большого Собрания представилъ отъ генераль-прокурора въ члены той же комиссіи допущена тульскаго дворянства Алексѣя Иванскага, да отъ себя депутата медицинской коллегіи барона Георгия Алья, получившаго прибаллотированіи 132 избирательныхъ и 134 неизбирательныхъ голоса. Собрание приняло всѣ эти кандидатуры. Въ іюнь Иванскаго и Угрюмовъ выбыли изъ состава училищной комиссіи, и на ихъ мѣсто были избраны 1-го сентября депутаты: отъ юстиць-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ Тимофей фонъ-Клингштетъ (213 голосами), получившій 23-го мая 117 избирательныхъ и 149 неизбирательныхъ, и отъ камерь-канторы тѣхъ же областей Артемій Шашковъ (число голосовъ неизвѣстно); но, послѣдній былъ замѣненъ кандидатомъ генераль-прокурора, депутатомъ отъ государственныхъ крестьянъ Уфимской провинціи Арсениемъ Беклемешовымъ. Въ концѣ 1768 года Беклемешовъ выбылъ изъ комиссіи „по восенному случаю“ и былъ замѣненъ кандидатомъ генераль-прокурора, депутатомъ отъ Курскаго дворянства Петромъ Стромиловымъ. Всѣдѣ затѣмъ выбыли на войну баронъ Алья (въ декабрѣ 1768 года) и Золотницкій (въ августѣ 1769 года); ихъ замѣстили депутаты отъ отставныхъ унтер-офицер-

¹⁾ П. С. З., № 13095.

ровъ и драгунъ города Минусинска Николай Леонтьевъ и отъ города Погара Хоминскій ¹⁾). Въ этомъ измѣнчивомъ составѣ училищной комиссіи наиболѣе дѣятельными членами были Золотницкій, Клингштетъ, баронъ Ашъ и Урсинусъ.

По наставлению, преподанному отъ дирекціонной комиссіи всѣмъ вообще частнымъ комиссіямъ, каждая изъ послѣднихъ должна была, прежде всего, „такъ скоро, какъ токмо возможно“, составить общий планъ порученной ей части законодательства и, по утвержденіи этого плана дирекціонной комиссіей, приступить къ детальной разработкѣ новыхъ узаконеній. Кромѣ общаго наставлениія училищной комиссіи получила, подобно прочимъ, еще специальную инструкцію, въ которой комментировалась поставленная начертаніемъ 8-го апрѣля 1768 года задача ²⁾.

Инструкція эта прежде всего предупреждала, что вопросъ „о домашнемъ воспитаніи и о родительской изъ томъ должности“ переданъ на разсмотрѣніе комиссіи „о разныхъ установленіяхъ, касающихся до лицъ“. Переходя затѣмъ къ объясненію, въ чемъ заключается существо училищъ низшихъ, среднихъ и высшихъ, инструкція ставила первымъ требованіемъ, чтобы въ новомъ „учрежденіи училищъ“, т. е. въ новомъ учебномъ законодательствѣ, главное вниманіе обращено было не на „хитрости науки“, но на обученіе дѣтей „познанію должностной человѣка, въ обществѣ жить имѣющаго“.

Курсъ низшихъ училищъ, открываемыхъ не только въ городахъ, по приходамъ, но также въ селахъ и городахъ, инструкція ограничивала кругомъ элементарного обученія чтенію, письму, ариѳметицѣ и катехизису. Вольнымъ учителямъ, не получающимъ ни откуда опредѣленного жалованья, предоставлялась свобода открывать повсемѣстно и такія школы, въ которыхъ кромѣ „начальныхъ оснований наукъ“ могли преподавать и новые языки. Обращая вниманіе комиссіи на то, что Большой наказъ (гл. X, ст. 158) рекомендуетъ „во всѣхъ школахъ учить дѣтей грамотѣ поперемѣнно изъ церковныхъ книгъ и изъ тѣхъ книгъ, которые законодательство содержать“, инструкція объясняла цѣлесообразность этого прѣма обучения слѣдующимъ, не вполнѣ разумительнымъ разсужденіемъ: „оттуда происходитъ, что мы въ обыкновенныхъ разговорахъ иное одобляемъ, иное хулимъ цѣльми

¹⁾ Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ., т. 36.

²⁾ Арх. Госуд. Собр., дѣла II Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи, ^{176—177} _{142—143}.

стихами изъ исаломника; оттуда же происходить, что мы при всякомъ дѣяніи тотчасъ слѣдствія онаго видѣть будемъ".

Къ среднимъ школамъ инструкція относила гимназіи и семинаріи, учреждаемыя только въ городахъ. По вопросу о преобразованіи уже существующихъ семинарій училищной комиссіи рекомендовалось войти въ спошненіе съ комиссіей о духовныхъ имѣніяхъ.

Относительно „верховныхъ“ училищъ, университетовъ или академій, инструкція ограничивалась краткимъ указаниемъ, что они состоять изъ четырехъ факультетовъ: богословскаго, юридическаго, медіцинскаго и философскаго. При этомъ отмѣчалось, что философскій факультетъ имѣть общее пропедевтическое значеніе: философію „каждому, въ университетѣ находящемуся, слѣдуетъ прослушать“. Комиссія не должна была входить въ разсмотрѣніе внутренней организаціи университетовъ; съ задачъ заключалась лишь въ томъ, „чтобы данныя или вновь даваемыя имъ (университетамъ) привилегіи и права были утверждены законодательствомъ“.

Въ этой постановкѣ учебной реформы, подготовка которой возложена была на частную комиссию обѣ училищахъ, съ самаго начала выяснились двѣ новыя черты сравнительно съ планомъ государственныхъ гимназій. Во-первыхъ, не выдвигались такъ рѣзко впередъ задачи прыстvennogo воспитанія передъ задачами научного образованія; во-вторыхъ, практически несуществовала мысль соединенія въ рамкахъ одной школы всѣхъ цикловъ образованія, отъ элементарного до высшаго университетскаго, уступая тешерь мѣсто традиціонной схемѣ инашаго, средняго и высшаго образованія, представленной тремя самостоятельными типами школы. Какъ же выполнила свою задачу комиссія обѣ училищахъ и призрѣнія требующихъ?

Открыть свои засѣданія 29-го мая 1768 года ¹⁾, комиссія озабочилась прежде всего собраніемъ необходимыхъ материаловъ; отъ дирекціонной комиссіи она затребовала свѣдѣнія о существующихъ духовныхъ и спѣтскихъ училищахъ, просила доставить выписки изъ депутатскихъ наказовъ, касающихся учебной реформы, проектъ академік наукъ, планъ государственныхъ гимназій Клингштета, Маллера и Дюмареска. Въ этихъ же первыхъ засѣданіяхъ паводились споры и велись разсужденія о положеніи учебнаго дѣла въ иностраннѣхъ государствахъ: обѣ англійскихъ университетахъ, о прусской системѣ

¹⁾ Дисп. заліски училищной комиссіи, Арх. Госуд. Соб., дѣла II Отд. собств. Е. Н. В. Канцеляріи, 107.—121.

народныхъ училищъ, о школахъ ирландскихъ. Уже черезъ годъ, въ концѣ юня 1769 года комиссія вознамѣрилась было исходатайствовать своимъ членамъ право посыпать, всѣмъ вѣстѣ или поровни, во всяко время, государственные училища, какъ-то: кадетскій корпусъ, академію художествъ, женское училище въ Смольномъ, „дабы, усматривая на самомъ дѣлѣ происходящіе успѣхи отъ учрежденія тѣхъ мѣстъ, члены комиссіи тѣмъ лучше могли соображать свой проектъ“. Осуществилось ли это намѣреніе, неизвѣстно.

Согласно данному отъ дирекціонной комиссіи наставленію, училищная комиссія должна была представить общий планъ своей работы. Сначала комиссія намѣревалась выработать подробный планъ учебного законодательства, но когда обнаружились разногласія, грозившія на-долго затянуть эту работу, то остановились на решеніи составить краткій планъ, въ которомъ обозначены были бы лишь „главныя матеріи“ порученного комиссіи дѣла. Въ концѣ 1768 года такой краткій планъ, подписанный Ашомъ, Урсипусомъ, Беклемешовымъ и Золотницкимъ, былъ представленъ въ дирекціонную комиссию¹⁾). По содержанію своему этотъ планъ представлялъ въ болѣе развитомъ видѣ схему учебной системы, намѣченную въ инструкціи комиссіи, или оглавленіе будущаго основного закона, объемлющаго цѣльную систему народнаго просвѣщенія. Первая глава этого закона должна была излагать права и домашнаго воспитанія, согласно ст. XIV главы Большого паказа. Вторая глава — „объ училищахъ вообще“ — посвящалась выясненію общихъ задачъ народнаго просвѣщенія: „что суть училища? для кого и сколько онъ нужны? и къ чему они способствуютъ?“ Наконецъ, третья глава, разделенная на 4 части, заключала постановленія о разныхъ родахъ училищъ и объ учебной администраціи.

Нижнія училища дѣлились на два рода: деревенскія и городскія; къ нижнимъ причислялись и иловѣрческія училища. Также на два рода раздѣлялись среднія училища: къ первому относились училища при госпиталяхъ, гимназіи и семинаріи, ко второму — кадетскіе корпуса и академіи художествъ. Относительно „верховныхъ“ училищъ, то есть университетовъ и академій, планъ лишь формулировалъ рядъ подлежащихъ законодательной разработкѣ вопросовъ: о мѣстѣ устройства этихъ заведеній, о преподаваемыхъ наукахъ, о штатахъ, о казеннопочтныхъ студентахъ, о привилегіяхъ и т. д.

Въ сферу будущаго законодательства планъ вводилъ также „сред-

¹⁾ Ibidem, № 319—222.

Новая серія XII (1907, № 12), отд. II.

ства къ распространению наукъ и добронравія", какъ-то: академію наукъ, книжную торговлю, библіотеки, типографіи и тому подобныя учрежденія.

Въ заключеніе планъ упоминалъ „о главномъ правленіи училищъ, изъ какихъ членовъ состоять оному и о должностяхъ разныхъ членовъ".

Вмѣстѣ съ планомъ поступили въ дирекціонную комиссию и замѣчанія на него отъ нѣкоторыхъ членовъ училищной комиссіи¹⁾. Золотницкій, хотя и подписалъ планъ, но находилъ въ немъ существенныя недостатки. По его мнѣнію планъ этотъ содержалъ въ себѣ „одинъ восьмь генеральныи и ничего опредѣлительного незаключающія оглашенія". Поэтому Золотницкій представилъ въ дирекціонную комиссию свой собственный планъ, иѣсколько подробнѣе развившій общую схему, начертанную планомъ, представленнымъ отъ имени всей вообще училищной комиссіи. Отмѣтимъ наиболѣе существенные пункты плана Золотницкаго. Воспитаніе, „касающееся до правовъ и умоначертанія", онъ раздѣлялъ на два послѣдовательныхъ круга: первоначальное, для всѣхъ общее, и „личное, то-есть свойственное и нужное разными состояніямъ дѣтей различно". По отношенію къ нижнимъ училищамъ Золотницкій находилъ нужнымъ предупрежденіе, что обученіе въ нихъ будетъ добровольнымъ, „безъ всякаго насильственнаго принужденія". Для среднія училища на тѣ же два рода, какъ и общий планъ комиссіи, Золотницкійставилъ семинаріи и гимназіи ступеню ниже кадетскихъ, корпусовъ и академій художествъ, „которыя комиссию вновь будутъ проижестованы". При среднихъ школахъ учреждаются воспитательныи учрежденія. Наряду съ мужскими устраиваются женскія среднія училища. Среднія школы могутъ быть учреждаемы и вольными учительями. Ничего нового по существу не вносилъ Золотницкій въ отдѣль о верховныхъ училищахъ. Наконецъ, что касается высшей учебной администраціи, то по плану Золотницкаго въ составъ ея должны были входить лица духовныи и свѣтскія.

Съ своимъ планомъ выступилъ и Клингштетъ. По его мнѣнію слѣдовало исключить изъ плана будущаго законодательства разсужденіе, чтѣ такое училища и какая отъ нихъ проистекаетъ польза. Клингштетъ находилъ это излишнимъ и бесполезнымъ, „потому что сіе принадлежитъ къ общимъ знаніямъ и истинамъ, которыя по справедливости предполагать должно въ каждомъ законодателѣ; при томъ же необыкновенно, чтобы законоположникъ въ законахъ

¹⁾ Ibidem, № 320—323.

дать отчетъ обществу о побудившихъ его ѿ изданио оныхъ причинахъ, и безъ того всякому извѣстныхъ". Точно также Клингштетъ находилъ нужнымъ исключить изъ плана упоминаніе объ иновѣрческихъ училищахъ; ему казалось „еще весьма рано о томъ имѣть разсужденіе, когда еще столь многія тысячи, да можетъ быть миллионы, дѣтей простого россійскаго народа православнаго греческаго исповѣданія требуютъ сего нужнаго ученія", когда „довольно труда стоять изыскать потребныхъ для нихъ учителей". Равнымъ образомъ Клингштетъ исключалъ изъ своего плана постановленія о кадетскихъ корпусахъ и академіи художествъ на томъ основаніи, что вопросъ объ этихъ училищахъ, существующихъ на основаніи особыхъ законоположеній, не долженъ входить въ кругъ занятій комиссіи. За исключеніемъ отмѣченныхъ пунктовъ планъ Клингштета также представлялъ лишь болѣе подробное развитіе плана первоначальнаго.

Въ защиту этого плана представили свои обсужденія баронъ Ашъ и Урсинусъ. Золотницкому они коротко изрѣжали, что всѣ разногласія съ нимъ могутъ быть легко устранимы при сочиненіи самыхъ законовъ. Клингштету же дань быть отвѣтъ по всѣмъ тѣмъ пунктамъ, по которымъ онъ разошелся съ общимъ планомъ комиссіи. По первому вопросу—о домашнемъ образованіи и воспитаніи—Ашъ и Урсинусъ упрекали Клингштета, что онъ „избралъ воспитаніе дѣтей простого народа въ семействахъ единственнымъ предметомъ законовъ о первоначальномъ воспитаніи", тогда какъ они имѣли въ виду „сдѣлать сіи законы для всякаго званія и состоянія людей общеполезными". На замѣчаніе Клингштета о нецѣности въ планѣ общаго разсужденія объ училищахъ сдѣловалъ отвѣтъ, что онъ самъ въ своемъ планѣ „изяснялъ намѣренія о учрежденіи всякаго рода училищъ". Внесение въ планъ учебнаго законодательства постановленій объ иновѣрческихъ планахъ оправдывалось тѣмъ соображеніемъ, что „внушеніе всякому правильнаго естественнаго закона не заключаетъ въ себѣ никакого принужденія вѣры, но можетъ оно вмѣстительно быть со всякою вѣрой". Упоминаніе о кадетскихъ корпусахъ и академіи художествъ Ашъ и Урсинусъ находили не лишнимъ въ виду возможностей „подтвержденія оныхъ новыми законами". Наконецъ, не были оставлены безъ отвѣта и замѣчанія Клингштета на вторую часть плана комиссіи о требующихъ призвания.

Представленные членами училищной комиссіи проекты общаго плана учебной реформы были разсмотрѣны дирекціонной комиссіей, которая экстрактомъ изъ протокола 29-го декабря 1768 года сооб-

шила училищной комиссія свои заключенія по возбудившимъ разномѣсяціе вопросамъ: о включеніи въ планъ учебного законодательства постановленій о домашнемъ воспитаніи и общихъ разсужденій объ училищахъ, о школахъ иновѣрческихъ, о соединеніи нижнихъ училищъ съ средними и сѣтскими съ духовными, о причисленіи къ среднимъ училищамъ кадетскихъ корпусовъ, о женскихъ училищахъ, о правахъ учащихся во всякаго рода школахъ, о коллегіи переводчиковъ¹⁾.

Новаго общаго плана, примирявшаго мнѣнія отдѣльныхъ членовъ и исправленнаго по замѣчаніямъ дирекціонной комиссіи, училищная комиссія уже не составляла и въ январѣ слѣдующаго 1769 года приступала къ разработкѣ отдѣльныхъ частей учебнаго законодательства.

По инструкції, общей для всѣхъ частныхъ комиссій, каждая изъ послѣдніхъ, по утвержденію общаго плана ея работъ, должна была распределить эту работу между отдѣльными своими членами. Судя по дневнымъ запискамъ, училищная комиссія по держалась этого порядка: съ члены представили параллельные проекты отдѣльныхъ частей учебнаго законодательства, а Владимиръ Золотницкій, покинувшій комиссію осенью 1769 года, въ самый разгаръ ея работы, успѣлъ составить цѣлый сводъ такого законодательства, содержащій общія положенія объ училищахъ, уставы училищъ нижнихъ (сельскихъ, городскихъ, иновѣрческихъ) и среднихъ, примѣчанія на записку московскихъ профессоровъ о нуждахъ Московскаго университета, и подробній штатъ гимназій²⁾). Въ цѣльномъ видѣ этотъ обширный планъ Золотницкаго въ комиссіи, повидимому, не обсуждался.

Приступивъ въ январѣ 1769 года къ разработкѣ отдѣльныхъ частей учебнаго законодательства, комиссія въ первую очередь, согласно общему плану, двинула проектъ о низшихъ училищахъ, сельскихъ и городскихъ. Члены комиссіи Золотницкій, Урсинусъ, Стромиловъ, Леонтьевъ представили каждый свой проектъ; члены и разсмотрѣніе этихъ проектовъ заняло много времени, и только въ августѣ началась выработка окончательнаго проекта. Обсужденіе его по отдѣльнымъ статьямъ также затянулось надолго, и 9-го февраля слѣдующаго 1770 года было получено отъ дирекціонной комиссіи напоминаніе объ ускореніи работы. Наконецъ, проектъ о нижнихъ сельскихъ и город-

¹⁾ Ibidem, № 98—121.

²⁾ Этого обширнаго плана Золотницкаго мы не встрѣтили въ дѣлахъ законодательной комиссіи, хранящихся въ Архивѣ Госуд. Совета. Копія плана по рукописи Киево-Софійского собора (№ 178) любезно сообщена наизъ студентомъ С.-Петербургскаго университета П. И. Тодорскимъ, которому и приносимъ нашу благодарность.

скихъ училищахъ, подписанный Хоминскимъ, Стромиловымъ, Клингштетомъ и Леонтьевымъ, 15-го июля 1770 года представить быть въ дирекционную комиссию; Урснусь не подписалъ проекта, заявивъ, что подаетъ въ комиссию особое мнѣніе.

Также недолго затянулась и не была доведена до конца разработка второго проекта—о гимназіяхъ, начатаго обсужденіемъ въ юнь 1770 года. Къ концу октября слѣдующаго года эти проекты были составлены и передѣланы, но комиссія не умѣла пройти его въ послѣдней редакціи. Въ засѣданіи 25-го октября 1771 года, которымъ обрываются дневныя записки училищной комиссіи, Стромиловъ и Леонтьевъ еще дѣлали замѣчанія на проектъ гимназій¹⁾.

По вопросу о „верховныхъ“ училищахъ, т. е. объ университетахъ, комиссія не подвигнулась дальше предварительныхъ общихъ разсужденій. Къ систематической разработкѣ этого вопроса комиссія, по видимому, готовилась приступить по окончаніи проекта о среднихъ школахъ, въ началѣ октября 1771 года, но въ концѣ этого мѣсяца се занятия прекратились.

Въ отрицательномъ смыслѣ разрѣшены были вопросъ о высшемъ органѣ учебной администраціи. Въ засѣданіи 3-го августа 1770 года Стромиловъ, Урснусь, Хоминскій и Клингштетъ разсуждали, „какое учредить главное правленіе надъ училищами“, и пришли къ заключенію, „чтобы особливаго правленія не дѣлать, а подчинить опытъ Правительствующему Сенату“.

Таковы были результаты трохлѣтней слышкомъ работы комиссіи объ училищахъ и призрѣнія требующихъ. Результаты эти не велики. Вполнѣ разработанной оказалась лишь часть обширной учебной реформы, проектъ низшаго образованія; проектъ о среднемъ образованіи не получилъ окончательной обработки, остался въ черновомъ видѣ; университетскій вопросъ едва былъ затронутъ. Тѣмъ не менѣе можно признать, что дѣятельность комиссіи оставила по себѣ цѣнный, хотя и неравномѣрно разработанный, материалъ.

Познакомилась ли съ этимъ материаломъ императрица? Графъ Д. А. Толстой, первый изъ историковъ изучивший труды частной комиссіи объ училищахъ, даетъ отрицательный отвѣтъ. „Не можетъ быть сомнѣнія, говорить онъ, что императрица не видѣла работъ комиссіи и не слыхала о нихъ; иначе было бы невѣроятно, чтобы такая умная

¹⁾ Проекты училищъ низшихъ и среднихъ въ Арх. Госуд. Сен., дѣла II отдѣльств. Е. В. Кацелларі, № 319—222.

и энергичная государыня, действительно желавшая просвещения России и обращавшаяся ко многим лицамъ и вдаже за советами по учебной части, не воспользовалась тѣмъ, что у нея было подъ руками¹⁾). Не решаемся раздѣлить этой увѣренности графа Толстого. Въ тѣ годы, въ которые работала училищная комиссія, интерес императрицы къ учебной реформѣ не ослабѣвалъ; къ концу 1770-хъ годовъ у нея собралась, по ея собственному свидѣтельству, цѣлая коллекція записокъ о низшихъ, среднихъ и высшихъ школахъ. Можно предполагать, что Екатерина не обопыла вниманіемъ и дѣятельности училищной комиссіи. Изъ того, что она не осуществила ея проектовъ, еще не слѣдуетъ, чтобы она вовсе не была знакома съ ними.

V.

Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда прекратилась дѣятельность училищной комиссіи, къ вопросу объ учебной реформѣ привлечена была комиссія о церковныхъ имѣніяхъ, состоявшая изъ Гаврілла, архіепископа С.-Петербургскаго, Иннокентія, архіепископа Псковскаго, Г. Н. Теплова и синодального оберъ-прокурора П. П. Чебышова. 25-го октября 1771 года императрица повелѣла этой комиссіи разсмотрѣть проектъ „Учрежденія школъ низкихъ въ городахъ столичныхъ, губернскихъ, уѣзденыхъ и въ мѣстечкахъ“. Этотъ проектъ составленій архіепископомъ Гавріломъ и Тепловымъ и подписанный ими на approval императрицы, представляя близкую аналогію съ проектами училищной комиссіи. Подобно послѣднимъ, новый проектъ отдавалъ дѣло элементарного образования низкихъ слоевъ городского населения въ полное завѣдываніе духовенства: въ школахъ, заводимыхъ на средства церковныхъ приходовъ, учительствовать должны были дьяконы и дьячки; ближайшій надзоръ за школами ввѣрялся приходскимъ священникамъ, а высший архіерей и св. Синоду. Для доклада дѣль, восходящихъ къ верховной власти, назначался изъ свѣтскихъ лицъ „главный оценщикъ земскихъ школъ“; на обязанности мѣстныхъ свѣтскихъ властей, губернаторовъ и воеводъ, возлагалось наблюденіе, чтобы дѣти школьнаго возраста и православнаго исповѣданія не оставались безъ обученія, „исключая неспособныхъ за болѣзнь“.

Духовная комиссія не спѣшила разсмотрѣніемъ проекта. Обсудить

¹⁾ Сборн. отдѣл. русск. яз. и словесн. Импер. Акад. Наукъ, т. 38. Видѣніе на учебн. частіи въ Россіи въ XVIII столѣтії, стр. 75.

въ засѣданіи 12-го ноября 1771 года сдѣланнага на этотъ проектъ замѣчанія, комиссія вернулась послѣ того къ нему лишь черезъ годъ и 18-го октября 1772 года постановила одобрить проектъ и поднести его на высочайшую аprobацию. 1-го ноября комиссія представила императрицѣ докладъ, въ которомъ выражала пожеланіе принять немедленно мѣры къ осуществленію проекта: назначить „главнаго опекуна городскихъ школъ“, „который бы по званію своему возимѣть стараніе о необходимо нужномъ прodusтроеніи сего дѣла“; поручить Синоду составленіе школьнаго руководства; предписать черезъ Сенатъ мѣстнымъ властямъ озабочиться прископіемъ средствъ и поимѣній для школъ; наконецъ, особымъ манифестомъ разъяснить народу смыслъ нового просвѣтительного предприятия. Къ докладу своему комиссія приложила новую, сокращенную редакцію проекта „о учрежденіи градскихъ школъ“ и проекты манифеста и указа Сенату.

Въ результатѣ и трудъ духовной комиссіи пропалъ даромъ; проектъ церковно-приходскихъ городскихъ писогы дальнѣйшаго движенія не получить. 24-го июля 1783 года, заслушавъ указъ Сената о новой комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ, Духовная комиссія постановила: „дѣло о нижнихъ градскихъ школахъ рѣшеніемъ не почитать“.

Такъ за Генеральнymъ учрежденіемъ 1764 года, намѣчавшимъ общіе принципы политики народнаго просвѣщенія, послѣдовали рядъ опытовъ подробной разработки учебныхъ реформъ. Ни одинъ изъ нихъ не получилъ осуществленія, и послѣ того императрица Екатерина начинаетъ искать помощи въ своихъ просвѣтительныхъ предпріятіяхъ за-границей, у своихъ друзей философовъ.

VI.

Больѣ другихъ компетентныхъ въ вопросахъ просвѣщенія представлялся императрицѣ баронъ Гриммъ. Во время первого пребыванія Гримма въ Петербургѣ, въ 1773 году, уже на другой день послѣ представленія его императрицѣ, ему сдѣлано было предложеніе черезъ генерала Бауера вступить въ русскую службу. Повидимому, при этихъ первыхъ переговорахъ Екатерина не предлагала Гримму какой либо опредѣленной должности и желала получить отъ него лишь принципіальное согласіе на переходъ въ русскую службу. Когда Гриммъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, находя, что „нельзя быть полезнымъ дѣятелемъ, не зная языка того края, которому служишь“, импе-

императрица возразила, „что ей было дать ему службу, на которой она могла бы быть ей полезенъ“. Открыла ли при этомъ Екатерина, на какую именно службу она предназначала Гримма, послѣдний не сообщасть, и предположеніе, что уже тогда Екатерина желала поручить ему „главное завѣдываніе по учрежденію и управлѣнію училищъ“, представляется намъ не обоснованнымъ.

Съ опредѣленной просьбой придти на помощь въ вопросѣ народнаго просвѣщенія Екатерина обратилась къ Гримму въ письмѣ отъ 27-го февраля 1775 года. Поговоривъ въ начальствѣ, по обыкновенію, о разныхъ разностяхъ и вспомнивъ о Дидро, императрица пишетъ: „mais écoutez un peu, messieurs les philosophes, qui ne faites point secte, vous seriez des gens charmants, adorables, si vous aviez la charit  de dresser un plan d' tude pour les jeunes gens, depuis l'abc jusqu'à l'universit  inclusivement. Vous me direz que c'est une indiscretion que de vous demander cela; mais on me dit qu'il faut trois sortes d' cole, et moi, qui n'ai point  tudi  et qui n'ai point  t    Paris, je n'ai ni science ni esprit et par cons quent je ne sais point ce qu'il faut apprendre, ni m me qu'est ce qu'on peut apprendre, et o  puisez tout cela, si ce n'est chez vous autres. Je n'ai point encore le livre, que vous avez bien voulu envoyer par le pr. Dolgorouki de la part de la m re d'Emilie; mais je suis fort en peine d'avoir une id e d'universit , de sa r gie de gymnasies et de sa r gie d' cole et de sa r gie... En attendant quo vous acquiesciez ou n'acquiesciez pas   ma pri re, je sais ce que je m'en vais faire: je m'en vais feuilleter l'Encyclop die; oh, pour s r j'y prendrai par les oreilles tout ce qu'il me faut et ne me faut pas“. Итакъ, вотъ тутъ главный вопросъ, для разрѣшенія которого Екатерина не находила точекъ опоры: органическая связь отдѣльныхъ цикловъ образования, идея системы народнаго просвѣщенія. Помочь овладѣть этой идеей, найти средства ся практическаго осуществленія приглашены были теперь заграничные друзья философы, прежде всего Гриммъ и Дидро, послѣ того, какъ не достали цѣли доморощеніе проекты, послѣдовавшіе за Генеральнymъ учрежденіемъ 12-го марта 1764 года.

Гриммъ и Дидро отозвались на обращенную къ нимъ просьбу въ томъ же, 1775-мъ году. Въ письмѣ отъ 16-го июня императрица благодарила Гримма за присланную имъ „прекрасную записку о школахъ“, которую она предлагала тщательно заняться по окончаніи поглощавшей ее тогда заботы по областной реформѣ. Въ письмѣ отъ 29-го ноября Екатерина извѣщала Гримма о полученіи проекта Дидро, за который она благодарила обоихъ философовъ и которымъ также обѣ-

щалась заняться, какъ только ее покинетъ „la gourme de la législativie“. Въ ноябрѣ 1777 года Екатерина писала Гримму, что она съ нетерпѣніемъ ожидаетъ его размышиленій „über das Schuhmeisterhandwerk“; и эта просьба была исполнена Гриммомъ, сообщившимъ свои замѣчанія на прошлаго профессора Шадона объ учительской семинаріи. Въ 1778 году была получена, черезъ посредство Гримма, записка барона Дальберга; но эту записку императрица, уже не читая, убрала въ ящикъ, въ которомъ у нея собрана была цѣлая коллекція записокъ и проектовъ о школахъ, гимназіяхъ и университетахъ. Теряясь въ собранныхъ материалахъ, не уясняя себѣ отчетливо основной идеи учебной реформы, Екатерина въ февралѣ 1777 года предложила Гримму принять на себя управление училищами, „которая она намѣревалась учредить и оставить подъ непосредственнымъ своимъ завѣдываніемъ“. Убѣждая Гримма принять это предложеніе, императрица писала ему: „Екатерина вторая, только вторая, безъ какого бы то ни было другого энтузіаста, при всей способности и при всей доброй волѣ, не въ состояніи сдѣлать много полезнаго для Россіи безъ помощниковъ, именно устроить школы низшія, среднія и высшія“. Гриммъ рѣшительно отказался отъ предложенной части. „Ея Величество, разсказываетъ онъ въ своей автобіографической запискѣ, часто говорила мнѣ объ этомъ предметѣ. Я зналъ ея намѣренія; она позволила мнѣ высказывать мои мысли и иногда требовала ихъ въ письменномъ изложenіи. Но отъ этихъ соображеній далеко до способностей, необходимыхъ для успѣшнаго управления (школами), и мнѣ не стоило труда убѣдить Рожерсона (черезъ котораго, между прочимъ, сдѣлано было предложеніе Гримму), что незнаніе языка (русскаго) дѣлало меня совершенно непригоднымъ.“.

Послѣ отказа Гримма сдѣлаться официальнымъ помощникомъ въ дѣлѣ учебной реформы, Екатерина откладываетъ это дѣло въ долгій ящикъ. Извѣщая въ декабрѣ 1778 года Гримма о полученіи рукописи барона Дальберга, императрица пишетъ, что воспользуется собранными материалами впослѣдствіи, особенно если Богъ пошлестъ ей долготу дней Маусандовыхъ. Въ письмѣ отъ 2-го февраля 1780 года Екатерина оправдывалась, что она и желала бы подвигнуть ту работу, которую она хотѣла поручить Гримму во время его посѣщенія пребыванія въ Петербургѣ, но что по въ недостатку съ доброй воли причина того, что эта работа не подвигается; то, что нужно для этой работы, не готово. Пока яблоко не созрѣло,—утѣшала себя Екатерина,—оно ничего не стоять, и тысяча лѣтъ передъ Богомъ, какъ

одно мгновеніе. Годомъ раньше или позже—не важно для государства; надо, чтобы яблоко созрѣло¹⁾).

Итакъ, обращеніе къ заграничнымъ друзьямъ философамъ обогатило императрицу Екатерину иѣкоторыми новыми материалами для учебной реформы, но не дало ей твердой точки опоры къ практическому разрѣшенію той основной проблемы, къ которой сводились всѣ отдѣльные проекты, появившіеся съ 1764 года, къ созданію цѣлой системы народного просвѣщенія. Такой точкой опоры явилась учрежденная въ 1782 году Комиссія о народныхъ училищахъ, первый опытъ компетентнаго органа высшей учебной администраціи. Ея дѣятельность открываетъ уже новую эпоху въ исторіи политики просвѣщенія.

Мы прослѣдили вышею исторію проектовъ учебныхъ реформъ отъ Генеральнаго учрежденія 12-го марта 1764 года до основанія Комиссіи о народныхъ училищахъ въ 1782 году и должны обратиться теперь къ изученію поставленныхъ этими проектами отдѣльныхъ вопросовъ, изъ совокупности которыхъ складывалась проблема народного просвѣщенія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Причины учебной реформы.

Согласно Генеральному учрежденію 12-го марта 1764 года новую систему просвѣщенія требовалось построить на строго рационалистическихъ принципахъ, на чистыхъ педагогическихъ началахъ. Первымъ залогомъ жизненности такой системы должна была служить, конечно, послѣдовательность законодательной разработки ея принциповъ и обеспеченіе средствъ ихъ практическаго осуществленія. Справились ли съ этой задачей тѣ опыты школьнаго законодательства, которые заключались въ изучаемыхъ нами проектахъ учебныхъ реформъ времени Екатерины II?

„Образованіе человѣка и гражданина“ — вотъ та, данная Генеральному учрежденіемъ, общая формула, въ которой заключены были всѣ руководящіе принципы новой системы просвѣщенія. Какъ обстоятельно доказывалось въ Генеральномъ учрежденіи, образованіе человѣка и гражданина слѣдовало разматривать, какъ проблему нравственнаго воспитанія. Сдѣлать новые школы учрежденіями, прежде

¹⁾ Сбор. Имп. Рус. Истор. Общ., т. XXIII, стр. 19, 25, 38, 69, 115, 173.

всего, воспитательными, гармонически сочетать со средствами воспитанія средства научного образования, общаго и професионального,— таковъ былъ первый принципіальный вопросъ учебной реформы.

Образованіе человѣка завершается образованіемъ гражданина. Въ этомъ пункте новой системѣ просвѣщенія предстояло рѣзко разойтись съ традиціями предшествующей эпохи, подняться выше узкихъ словесно-профессиональныхъ интересовъ, которыя доминировали въ попыткахъ просвѣщенія первой половины XVIII столѣтія. Созданіе школъ, открытыхъ для всѣхъ гражданъ, школъ безсословныхъ, являлось второй принципіальной задачей, продиктованной новымъ педагогическимъ идеаломъ.

Новая система воспитанія и образованія рассматривалась, какъ средство „произвести новую породу отцовъ и матерей“. Отсюда вытекала необходимость поднять женское образованіе и ввести его въ общую систему народного просвѣщенія.

На конецъ, грандіозная задача „преодолѣть суетліе вѣковъ, дать народу своею новое воспитаніе и, такъ сказать, новое рожденіе“ являлась дѣломъ, по признанію самихъ его инициаторовъ — Екатерины II и Бецкого, „совокупленный съ неизброянными трудами“, требовавшимъ напряженія всѣхъ доступныхъ государственной власти средствъ. Въ числѣ этихъ средствъ, согласно съ общимъ духомъ вѣка просвѣщенія абсолютизма, должна была выдвинуться обязательность образованія.

Таковы были основные, принципіальные вопросы, отъ удачнаго разрѣшенія которыхъ зависѣла прежде всего жизненность новой системы просвѣщенія. Посмотримъ, какъ они были разрѣшены въ изучаемыхъ нами проектахъ 1760—1770 годовъ.

I.

Въ Генеральномъ учрежденіи 12-го марта 1764 года ясно и рѣзко выраженъ былъ взглядъ, доминировавшій лѣчъ въ основаніе всѣхъ будущихъ учебныхъ реформъ, что „корень всему злу и добрю—воспитаніе“, что „украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добра и прямого гражданина, но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ“, на конецъ, „что прямого въ наукахъ и художествахъ успѣха“ нельзѧ ожидать безъ добраго воспитанія.

Это убѣжденіе въ преимущественномъ значеніи нравственнаго воспитанія, сравнительно съ научнымъ образованіемъ, было послѣдовательно проведено въ первыхъ же частичныхъ опытахъ учебной ре-

формы, въ уставахъ новыхъ или вновь преобразованныхъ заведений: воспитательного училища при Академіи художествъ, Сухопутнаго шляхетскаго корпуса, Воспитательного общества благородныхъ девицъ, Коммерческаго училища. Всѣ эти учебно-воспитательныя заведенія имѣли цѣлью сдѣлать своихъ питомцевъ сначала добродѣтельными и потомъ уже просвѣщенными.

Этотъ взглядъ на соотношеніе воспитанія и образования надлежало провести и въ тѣхъ подробныхъ планахъ общей учебной реформы, вѣнчанія исторія которыхъ наложена выше.

Весьма обстоятельно разобранъ данный вопросъ, въ проектѣ „государственныхъ гимназій“, составленномъ Миллеромъ, Дильтеемъ, Клингштетомъ, Тейловымъ и тѣсно примикиавшемъ къ Генеральному учрежденію 1764 года. Въ предварительномъ докладѣ императрицы составителя проекта останавливаются прежде всего на доказательствѣ тезиса, что воспитаніе есть „источникъ всего въ свѣтѣ человѣческаго благополучія“. Доказательства эти по существу не новы сравнительно съ мыслями Генерального учрежденія 1764 года. Отвергая мнѣніе, „что науки и художества сами собою довольно уже въ человѣкѣ произвести благонравіе“, авторы доклада, напротивъ того, полагаютъ, „что ученый и злонравный человѣкъ больше вреда обществу принести можетъ, употребля излишнее свое свѣдѣніе орудіемъ на вредъ ближняго, нежели оставленный въ своемъ новѣжествѣ стихий и кроткими правомъ“. Возвышать разумъ юноши науками, „и не мало не старались сердце его сдѣлать добродѣтельнымъ“, — все равно, что строить храмъ, не заложивъ ему прежде крѣпкаго основанія. Съ другой стороны, разумъ, не просвѣщенный науками, не есть настоящая добродѣтель; а если бы онъ и былъ таковою, то эта добродѣтель составляла бы „сокровище безъ употребленія“. Человѣка только добродѣтельного, но по невѣжству неспособного ни къ какому труду, остается „за одну только диковинку или рѣдкость показывать другимъ“.

Но авторы доклада предвидятъ одно возможное возраженіе: воспитаніе юношества въ однихъ добрыхъ нравахъ не „удалить“ ли „и тѣ науки въ Россіи, къ которымъ добре начально многими учрежденіями въ государствѣ училищами положено“? На такой вопросъ авторы доклада отвѣчаютъ слѣдующимъ, весьма характернымъ соображеніемъ: „такое удаленіе для того въ школахъ сего рода воспитательныхъ сдѣлать надлежитъ, чтобы съ меньшимъ трудомъ, однимъ разомъ цвѣтущаго состоянія народу достигнуть, ибо въ другомъ и

третіемъ нарожденія тѣ же науки въ благонравныхъ сердцахъ съ большими плодомъ посыпаемы будуть, а отъ того и сограждане въ народѣ совершигѣ къ общему добру устремятся". Итакъ, первая задача реформы ставится сознательно односторонне, первое поколѣніе, проходящее черезъ новые школы, должно быть преимущественно воспитано въ добродѣтели, хотя бы съ ущербомъ для его научно-образовательныхъ интересовъ. Въ надлежащую гармонію нравственное воспитаніе и научное образование будутъ приведены тогда, когда новые поколѣнія принесутъ въ школу уже наслѣдственно "благонравные сердца".

Воспитаніе тѣмъ вѣргѣ приносить добрые плоды, чѣмъ раньше захватываешь оно душу человѣка. Было бы великое и удивленіе достойное, человѣколюбивое дѣло, если бы оказалось возможнымъ доставлять счастіе доброго воспитанія, "чрезъ пристойныя учрежденія", младенцамъ вскорѣ "но отицѣтъ отъ материнскѣхъ грудей"; тотъ ребенокъ, воспитаніе которого заброшено до треть资料 or четвертаго года, оказывается уже "необузданною фурією, чигорюю можетъ и па несъ іѣкъ свой оставаться". Но привлечь въ школу молодежь раньше пяти-шестилѣтняго возраста невозможно, и въ такомъ случаѣ школѣ нужно ниѣть иѣкоторыя гарантіи въ томъ, что она получастъ материалъ не завѣдомо негодный для педагогической обработки. Съ этой цѣлью нужно принимать въ школу только дѣтей, "сколько ни есть лучше рожденныхъ", предпочитая ихъ "происшедшими отъ злонравныхъ родителей", дѣтей здороваго сложенія, "средищающихъ съ тихимъ правомъ веселость духа". Ради вицѣй осторожности слѣдуетъ принимать дѣтей сначала для опыта на полгода.

Если воспитаніе, имѣя свои самостоятельныя задачи, подготавливаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, почву для научного образованія, то и обратно, научное образование должно приходить, чрезъ посредство иѣкоторыхъ своихъ элементовъ, на помощь воспитанію.

Первая наука, заключающая въ себѣ великую воспитательную силу, есть, конечно, законъ Божій, но не "богословіе Откровенія", а богословіе "естественніе". Оно вкореняетъ въ сердца удивленіе къ премудрости Творца, а удивленіе порождаетъ познаніе самого себя, любовь къ ближнему, состраданіе и другія добродѣтели. Такою же воспитывающей силой является для дѣтей старшаго возраста богословіе "откровеніе", если только его "преданіе и заповѣди при дѣлахъ самихъ дѣтей" внѣрять, и не слова одни, но и силу ихъ". Тѣмъ же воспитательными цѣлями должны служить философія, мате-

матическія и фінанскія науки, ибо „испытываеміе естества всего міра заставляетъ сознавать своего Творца и больше разумомъ, удивленіемъ, страхомъ и любовю къ нему восхищаться“. Прочія науки, изощряющія разумъ, юноши и приготовляющія его къ общественной дѣятельности и службѣ, должны дѣйствовать, конечно, въ гармоніи съ нравственнымъ, воспитаніемъ и религіозно-философскимъ образованіемъ.

Воспитаніе и общее образование идуть рука обь руку одинаково въ первыхъ двухъ классахъ государственныхъ гимназій всѣхъ четырехъ родовъ, ученыхъ, военныхъ, гражданскихъ и купеческихъ. Воспитательный элементъ не исчезаетъ и изъ курса высшаго, третьаго класса, преслѣдующаго профессиональныя цѣли. На этой ступени главную воспитательную роль играетъ правоучительная философія, приспособленная къ профессиональному характеру, каждого рода училищъ. Въ ученыхъ училищахъ правоучительная философія есть „главное всего дѣла основаніе“; она „больше всѣхъ должна быть впереди, тѣмъ напиаче, что сей родъ гимназій надлежитъ почитать наслажденіемъ такихъ молодыхъ людей, которыхъ должно приготовить и воспитать способными быть впредь учителями для своей націи“. Въ военныхъ училищахъ правоучительная философія также имѣть „особливое“ значеніе и соединяется со „знаніемъ благопристойности“. Въ училищахъ „гражданскихъ“, готовящихъ своихъ питомцевъ „къ штатскимъ дѣламъ“, чрезъ правоучительную философію „пенрорыпно падобно вспирять добродѣтель и благонравіе, а особливо любовь къ правосудію, безкорыстность, ко всякому благосклонности, ищавистъ ко злости и къ несправедливости“. Наконецъ, воспитанію профессиональнѣхъ добродѣтелей правоучительная философія служить и въ купеческихъ училищахъ; здесь „необходимо обучать учениковъ строжайшимъ должностямъ правоучительной философіи, и больше всего впредъ сю истину, что искренность, прилежность, порядочная жизнь, а особенно точное наблюденіе общенародной благодовѣренности, составляютъ душу коммерціи и главнѣйшее свойство истинного и знатнаго купца и фабриканта“.

Такъ въ проектѣ „дѣтскихъ воспитательныхъ академій“ или „государственныхъ гимназій“ гармоническое сочетаніе задачъ воспитанія и научнаго образования было послѣдовательно проведено отъ раннаго дѣтскаго до зрѣлаго юношескаго возраста.

Профессоръ Дальтей въ своихъ проектахъ переносить центръ тяжести воспитанія въ семейную обстановку. Останавливалась въ частности на вопросѣ о воспитаніи дворянской молодежи и усматривая

„корень испорченного воспитанія“ въ худомъ примѣрѣ дадеъ, оить и создаетъ свой оригиналъный проектъ „рабскихъ школъ“, для приготовленія крѣпостныхъ дядекъ, домашнихъ наставниковъ и воспитателей. Эта мѣра, по убѣждѣнію Дильтея, должна принести двойкую пользу: „первая—исправленное дѣтей воспитаніе, вторая—расходовъ, для учителей ученическихъ, уменьшеніе, потому что учителя домашніе прежде десятаго года къ дѣтямъ не должны бы приниматься, когда дядка первымъ начали обучать и примѣромъ своимъ порученыхъ ему дѣтей руководствовать можетъ“.

Подъ руководствомъ „уже не глупыхъ, но и ученыхъ и добровѣрныхъ дядекъ“ дѣти отъ 6 до 8 или 10 лѣтняго возраста обучаются „первымъ основаніямъ“ языковъ и наукъ, а также цѣлому обиходу доброго поведенія: „какъ почитать родителей, какъ говорить съ иностранными, какъ стоять, ходить, сидѣть по правиламъ нравовъ должны, какъ писцу и птицѣ употреблять надлежитъ, какъ тѣлодвиженія благопристойныя и какъ неблагопристойныя бываютъ, какъ и когда дозволено смѣяться, какъ слова говорить и когда молчать должно“. Такъ по проекту Дильтея кругъ первоначального воспитанія и образованія для молодежи состоятельный классовъ, главнымъ образомъ дворянской, поставленъ быть въ школьной системѣ.

Получать первоначальное воспитаніе и образованіе дома, подъ руководствомъ дядекъ специалистовъ могла, конечно, лишь незначительная часть учащейся молодежи. Для массы же этой молодежи, не имѣющей возможности получить домашнее воспитаніе и образованіе, открываются „тривіальная школы“, въ которыхъ, вмѣстѣ съ элементарнымъ курсомъ чтенія, письма и ариѳметики, преподаются также „добропорядочнаго житія правила“, по одному уроку въ недѣлю. Учителями тривіальныхъ школъ должны быть люди не только образованные, но и сами хорошо воспитанные, что необходимо „какъ для наблюдаемаго въ школахъ порядка, такъ и для правилъ нравовъ, которыя всегда и во всякомъ случаѣ (учителя) толковать должны“.

„Ученіе нравовъ, которое первой главой всякаго ученія быть должно“, продолжается и въ средней школѣ, въ гимназіяхъ, къ которымъ молодежь подготавливается или въ тривіальныхъ школахъ или средствами домашнаго воспитанія и обученія. Но ученіе нравовъ не составляетъ особаго, самостоятельнаго предмета гимназическаго курса; оно складывается, какъ результатъ особыхъ премировъ преподаваній иѣкоторыхъ предметовъ. Такъ при прохожденіи курса исторіи „надлежитъ всегда наблюденія нравоучительныхъ ученикамъ предлагать,

которымъ преимущество добродѣтелей и скверность пороковъ живыми примѣрами изъяснять должно, дабы ученики, заблаговременно почувствовавъ любовь добродѣтели и пороковъ страхъ, оттуда бъ полезные члены обществу произошли". Ученіе нравовъ „подтверждается" также при изученіи дровихъ авторовъ, напримѣръ, Корнеля Иенота. И учителя новыхъ языковъ также обязаны „правила нравовъ учащимся вездѣ толковать". Такъ разрѣшаетъ проектъ Дильтея вопросъ о соотношеніи воспитанія и образования въ низшей и средней школѣ. Въ области высшаго, университетскаго образования Дильтей этого вопроса не ставитъ.

Далеко не такъ ярко выступаетъ роль нравственнаго воспитанія въ проспектахъ учебной реформы 1770-хъ годовъ.

Въ главѣ XIV-ой Большого Наказа—о воспитаніи—императрица Екатерина взглянула на вопросъ о соотношеніи задать воспитанія и образования съ иной точки зрѣнія, чѣмъ въ Генеральномъ учрежденіи 1764 года. Она находитъ уже несбыточною мысль о воспитаніи всей массы юношества въ государственныхъ школахъ и возлагаетъ обязанности воспитанія на семью. „Невозможно, пишетъ она, дать общаго воспитанія многочисленному народу и вскорить всѣхъ дѣтей въ нарочно для того учрежденій домахъ: и для того полезно будетъ установить несолько общихъ правилъ, могущихъ служить вмѣсто соѣдѣнія истины родителямъ". Начертывая эти правила, Екатерина занимствовала изъ Генерального учрежденія перечень тѣхъ моральныхъ цѣлей, достичь которыхъ признавалась раньше способной лишь государственная школа, оторванныя отъ семьи.

Согласно съ новой постановкой вопроса о воспитаніи въ Наказѣ наставленіе, преподанное въ 1768 году частной комиссіи объ училищахъ отъ комиссіи дирекціонной, прежде всего разъясняло, что выработка законодательства о домашнемъ воспитаніи и родительской вѣтвомъ должности есть дѣло другой частной комиссіи—„о разныхъ установленіяхъ, касающихся до лицъ", предметъ же работы училищной комиссіи—„общественное воспитаніе", доставляемое „общими училищами", которые „впечатлѣваютъ въ юные сердца иѣкоторое единообразіе мыслей или волыгаютъ первое основаніе народного умствованія, почему учрежденію о училищахъ не столько о хитростяхъ науки, какъ паче о семъ памятовать надлежитъ, чтобы дѣти обучались познанію должностей человѣка, въ обществѣ жить имѣющаго".

Песмотря на предупрежденіе не касаться вопроса о первоначальномъ воспитаніи, училищная комиссія рѣшила посвятить первую же

главу своего общаго плана изложению правилъ первоначального семейнаго воспитанія. Золотницкій въ своемъ особомъ проектѣ того же общаго плана дѣлить „воспитаніе, касающееся до нравовъ и умона-чертанія“, на два послѣдовательныхъ круга: первоначальное, т. е. для всѣхъ общее, и „личное, т. е. свойственное и нужное разнымъ со-стояніямъ дѣтей различно“. Первый кругъ организуется по прави-ламъ XIV-ой главы Наказа, слѣдовательно относится къ сферѣ до-машнаго воспитанія.

Точно также и проектъ Клингштета включалъ въ общиій планъ системы просвѣщенія главу о домашнемъ воспитаніи. Въ этой главѣ Клингштетъ предлагалъ изложить такія мысли и правила о воспитаніи, которыя имѣли бы въ виду простой народъ, внушали бы ему увѣрен-ность въ пользѣ доброго воспитанія и научали „удобными“ средствамъ“ воспитанія „безъ всякаго отяготительного принужденія“.

Дирекціонная комиссія, разсмотрѣвъ представленные ей проекты общаго плана учебной реформы, отмѣтила, что училнищная комиссія не вполнѣ точно поняла свою задачу: она должна была, не касаясь вопроса о семейномъ воспитаніи, „изыскать удобныя средства, внеряю-щія въ народъ правила о воспитаніи и о пользѣ ученика“, и „до-полнительное подать всѣмъ побужденіе къ обученію дѣтей“. Для этой же цѣли слѣдовало только „исчислить“ науки, „составляющія главную часть воспитанія, и показать тотъ конецъ, на который науки учро-ждаются, и другія учащихся выгоды“.

Перенося на семью обязанность первоначальнаго воспитанія, вы-работанные комиссией обѣ училнищахъ проекты низшаго и средняго образованія ставятъ школы задачу воспитанія преимущественно гра-жданскихъ добродѣтелей. Такъ по проекту о низшихъ школахъ, сельскихъ и городскихъ, цѣль этихъ школъ—вкоренить въ учащихся „истинное богоочитаніе посредствомъ православнаго закона, впечат-лѣть вѣрность къ Государю, сдѣлать послушными къ своимъ влас-тямъ и, наконецъ, возжечь въ нихъ любовь къ ближнему“. Для низ-шихъ школъ, сельскихъ и городскихъ, проектировалась особая учеб-ная книга, въ которой, между прочимъ, должны были излагаться „христіанская добродѣтели, состоящія въ должностяхъ подданныхъ къ Государю, въ беспрекословномъ повиновеніи государственнымъ узако-неніямъ, въ почитаніи и послушаніи господъ своихъ и другихъ уста-новленныхъ властей и въ должностяхъ же къ самому себѣ и ближ-нему“.

Такая же цѣль гражданскаго воспитанія бѣдныхъ мѣщанскихъ дѣтей и простого народа, „въ гражданствѣ, однакоже, живущаго“, усваивалась низшимъ школамъ и проектомъ Духовной комиссіи 1771—1772 года. Въ этихъ церковно-приходскихъ школахъ, служащихъ „источникомъ всячаго благонравія и въ самомъ простомъ народѣ“, преподаются „главнѣйшія правила добронравія, безъ которыхъ никакому человѣку полезну быть невозможно въ общежитіи гражданскомъ“, а также „законы гражданскіе, ведущіе къ послушанію власти и преташіе наказаніемъ за проступленія“.

Такъ по проектамъ училищной и духовной комиссій воспитаніе учащихся въ гражданскихъ добродѣтеляхъ являлось главной цѣлью низшихъ народныхъ школъ.

Вопросъ о воспитательной роли средней школы затронутъ въ одномъ только проектѣ гимназического устава Золотницкаго. Мысли его не новы; онъ повторяетъ уже достаточно известное положеніе, что одно научное образованіе безъ морального воспитанія не только бесполезно, но даже и вредно: „знаніе многихъ языковъ и разныя науки не украшаютъ человѣка, ежели кто при всемъ томъ будетъ напоенъ пороками, не навыкнетъ обуздывать своихъ страстей и не научится съ младенчества добродѣтелямъ. Молодому человѣку прежде всего нужно впечатлѣть въ сердце твердость духа, добронравіе, справедливость, трудолюбіе и прочія изрядныя качества, чтобы привычка въ упражненіи оныхъ превратилась въ самую какъ бы природу, напротивъ же того отводить всячески отъ свойственныхъ малолѣтству всякаго рода пороковъ, дабы худыя смысла не возникнули и не возросли въ нихъ въ полную свою мѣру“.

Ничего оригинального не представляютъ и тѣ педагогическія средства, которыя предлагаетъ Золотницкій для достижениія цѣлей нравственнаго воспитанія: разумные совѣты, „ощутительныя“ увѣщенія, поддержаніе веселости и вольности духа, отстраненіе всего, что только имѣеть въ себѣ видъ соблазна, развитіе взаимной учтивости, вѣжливости и откровенности, пресѣченіе вражды и ожесточенія духа путемъ какихъ-либо нравоучительныхъ доказательствъ, подобій, примѣровъ изъ исторіи или приличныхъ басенъ.

Составители плана государственныхъ гимназій 1765—1766 года, какъ мы видѣли, стремились воспользоваться для цѣлей нравственнаго воспитанія и средствами научного образованія: изъ преподаванія всѣхъ предметовъ гимназического курса рекомендовалось извлекать уроки добронравія и гражданской доблести. Эта сторона соотношенія

иравственного воспитанія и научнаго образованія въ проектѣ Золотницкаго осталась невыясненою. А составленный училищною комиссией и незаконченный обсужденіемъ проектъ среднихъ училищъ лишь молькомъ коснулся вопроса о воспитанії, поставивъ учителямъ въ обязанность „и вѣвъ классовъ какъ преподавать учащимся способы къ скорѣшему обученію, такъ и вкоренять въ нихъ благочиніе и добро-правіе и стараться, чтобы они и между собою были учтивы и не допускать къ отчорченію другъ противъ друга“.

Итакъ, вопросъ о соотношеніи нравственнаго воспитанія и научнаго образованія, поставленный Генеральными учрежденіемъ 1764 года, не получилъ въ послѣдовавшихъ затѣмъ проектахъ учебной реформы надлежащаго развитія. Одинъ только планъ государственныхъ гимназій 1765—1766 года провозъ твердо и послѣдовательно черезъ всю новую учебную систему идею преимущественнаго значенія воспитанія, какъ базиса истиннаго просвѣщенія. Этотъ планъ, можетъ быть, оставался еще неизвѣстенъ императрицѣ Екатеринѣ, какъ она уже носилашила иль Большомъ Иказѣ отказаться отъ несбыточной мысли провести всю массу учащейся молодежи, нарастающія поколѣнія отцовъ и матерей, черезъ государственный воспитательныя учрежденія и переложила обязанности первоначальнаго воспитанія со школы на семью. Домашнее воспитаніе уже не поглощается публичнымъ и въ проектахъ учебной реформы 1770-хъ годовъ, где эти сферы разграничиваются. Государственной школѣ указывается уже не всеобъемлющая цѣль воспитанія „человѣка и гражданина“, по цѣль, болѣе узкая—воспитаніе человѣка, „въ гражданствѣ жить имѣющаго“, то-есть гражданина.

II.

Вторымъ принципіальнымъ вопросомъ учебной реформы былъ вопросъ сословный: можетъ ли новая школа, ставящая своей цѣлью образованіе человѣка и гражданина, сохранить сословный характеръ или она должна стать безсословной?

Генеральное учрежденіе 1764 года коснулось лишь одной стороны этого сложнаго вопроса. Оно отмѣтило, что, вслѣдствіе недостатка въ средствахъ просвѣщенія, „Россія до сего времени произвести не могла людей такого состоянія, которое въ другихъ мѣстахъ третьимъ чиномъ или среднимъ называется“. При отсутствіи доброго воспитанія, говорилось далѣе, смыло утверждать можно, „что прямого въ наукахъ

и художествахъ успѣха и третьяго чина людей въ государствѣ ожидать всуе себя и ласкатъ".

Такъ одною изъ конкретныхъ задачъ учебной реформы по Генеральному учрежденію 1764 года было созданіе „третьяго чина" людей въ Россіи.

Широкое освѣщеніе получалъ сословный вопросъ въ проектѣ „государственныхъ гимназій" 1765—1766 года. Эта гимназія пред назначалась для „всѣхъ рожденныхъ россійскихъ подданныхъ греческаго исповѣданія, кромѣ крѣпостныхъ, безъ всякаго различія званія и природы"; преимущества же отдавалось бѣднымъ всякаго званія, которыми родители не въ состояніи дать доброго воспитанія сами. Авторы проекта прямо ссылаются на волю императрицы, „чтобы въ каждой губерніи таковая гимназія была учреждена, въ которую бы младенцы всякаго званія безъ различія могли быть принамаемы".

По созданіе бессловесныхъ школъ встрѣчало на пристыкѣ, по мнѣнию составителей проекта, большая затрудненія. Каждая губернія, разсуждали они, наполнена жителями разного рода; въ одной численно преобладаютъ дворяне, обыкновенно назначающіе своихъ дѣтей въ государственную службу, военную или статскую; въ другой губерніи большие купцовъ и разночинецъ, которые употребляютъ дѣтей своихъ въ коммерціи или избираютъ для нихъ званіе ученыхъ людей. Сосредоточеніе въ одномъ училищѣ „дѣтей, назначенныхъ къ разному званію и роду житія", повлекло бы за собою „безпорядочное учение", для избѣженія которого и проектированы четыре рода училищъ „по разности званія и намѣреній учащихся": военныхъ, гражданскихъ, купеческихъ и для ученыхъ людей.

Не будучи замкнутыми сословными школами, государственные гимназіи всѣхъ четырехъ категорій должны были давать всѣмъ воспитанникамъ одинаковое воспитаніе и образованіе въ духѣ младшихъ классахъ (по четыре года въ каждомъ), „поскольку главное почетепіе будетъ о томъ, чтобы всѣхъ учениковъ сихъ училищъ извлечь изъ нравствства и сдѣлать полезными и способными ко всѣму роду житія, которое они впредь себѣ изберутъ".

Съ дворянъ, отдающихихъ дѣтей въ гимназіи, предполагалось брать „инкременное объявление", т. е. подпись въ томъ, что они не желаютъ имѣть для своихъ дѣтей никакого преимущества передъ другими, „въ разсужденіи служенія, пищи, одѣянія и всѣхъ прочихъ потребностей", такъ какъ „во всемъ ономъ между малыми дѣтьми должно наблюдать совершенное равенство для избѣженія всякаго высокомѣра".

зависи и другихъ истекающихъ изъ сего пороковъ". Всѣхъ „государевыхъ пенсионеровъ" гимназій, „какою бы званиі или природы они ни были", предписывалось содержать совершенно однаково, и самимъ воспитанникамъ внушилось обращаться съ товарищами, хотя не равного съ ними происхожденія, ласково и вѣжливо.

Сословно-профессиональный характеръ получалъ третій, старшій классъ государственныхъ гимназій, такъ какъ курсъ этого класса специализировался „сходственно съ родомъ житія, къ которому дѣти себя опредѣлять", а слѣдовательно и съ „породою" учащихся.

По окончаніи курса воспитанники получаютъ права, соотвѣтственно различію избранныхъ ими профессій. Воспитанники военныхъ училищъ выпускаются въ службу прямо офицерами; воспитанники гражданскихъ школъ опредѣляются въ службу, „по различной способности", канцеляристами или канцелярскими служителями офицерскаго ранга и „въ получоніи мѣстъ должны имѣть пренимущество иродъ прочими, когда имѣютъ потребное искусство и пожелаютъ служить", изъ ученическихъ школъ выпускаются учителя для этихъ же школъ и другихъ училищъ, „государственного университета и академій"; наконецъ, воспитанники коммерческихъ школъ „имѣютъ свободу обучаться практической коммерціи въ конторахъ и на домахъ у купцовъ или могутъ сами начать производить торги".

Всѣ вообще воспитанники государственныхъ гимназій получаютъ право по выпускѣ носить шинагу, кроме учениковъ коммурческихъ школъ, „ежели они еще въ купеческія конторы въ службы войдутъ".

Открывая доступъ въ гимназію юношеству всѣхъ сословій, кроме крѣпостныхъ, составители плана 1765—1766 года находили нужнымъ устроить повсемѣстно, по городамъ и мѣстечкамъ, особыя публичныя школы для простыхъ и самыхъ бѣдныхъ мѣщанскихъ дѣтей, „дабы яхъ изъ грубаго извлечь незнанія и подать имъ способъ столько научиться, сколько природѣ ихъ прылично и надобно". Хотя простой народъ, бѣдное мѣщанско населеніе, „числомъ всѣхъ прочихъ далеко превосходить, однако же въ разсужденіи общества всегда меньшую часть составляетъ, потому что многіе изъ нихъ по природѣ и недостатку къ руководліямъ и прочимъ послѣднимъ мѣщанскимъ упражненіямъ опредѣлены, въ которомъ званиі науки вовсе не надобны"... Но проектированныя школы—не односословная мѣщанская; въ нихъ обязаны посыпать своихъ дѣтей „всѣхъ городовъ и мѣстечекъ жители, какою бы званиі ни были, не исключая слугъ и работниковъ".

Такъ разрѣшенье было сословный вопросъ въ первомъ опыте построенія системы народного просвѣщенія на новыхъ педагогическихъ началахъ, провозглашенныхъ Генеральнымъ учрежденіемъ 1764 года. Новая школа, ставившая своей задачей подготовку прежде всего просвѣщенаго человѣка и гражданина, а потому уже профессионального работника, естественно не могла быть сословной замкнутой школой. Но принципъ бессословности не былъ проведенъ въ планѣ государственныхъ гимназій и простонародныхъ элементарныхъ школъ строго насильствительно. Крестьянство населеніе вовсе устранилось отъ государственныхъ гимназій; относительно извѣшнихъ слоевъ городского населенія высказано было мнѣніе, что въ этомъ званіи „науки“ (среднее и высшее образованіе) вовсе не удобны“, что для него достаточно элементарнаго обучения.

Болѣе ярко выступаютъ традиціи сословности въ проектѣ профессора Дильтея.

Низшія, тривіальные школы онъ открываетъ „какъ для благородныхъ, такъ и купеческихъ и другихъ, не поддаю состоянія, дѣтей“. Равнымъ образомъ и въ гимназіи принимаются благородные, разинчицы и другія „не поддаго рода дѣти, кромѣ крѣпостныхъ“. Въ противоположность плану государственныхъ гимназій, не допускавшему въ стѣнахъ школы какой-либо сословной обособленности, проектъ Дильтея находитъ нужнымъ „отличить столичнѣе бывшородныхъ и поблагородныхъ, „дабы смиреніе благородныхъ и разинчицовъ явисти и проникствія не имѣло и въ учени“. Паконецъ въ университѣтѣ, по проекту Дильтея, не наблюдается никакихъ уже сословныхъ различий между учащимися.

Въ общемъ планѣ новой учебной системы, составленномъ частной комиссией объ училищахъ и подписаннымъ депутатами Ашомъ, Урсинусомъ, Боклевскимъ и Золотницкимъ, сословный вопросъ скрыть былъ во 2-ой главѣ—объ училищахъ вообще, которая должна была отвѣтить на вопросы: „что суть училища? для чего и сколько они нужны и къ чему они способствуютъ?“ Существо этихъ вопросовъ, разъясняютъ проекты Золотницкаго. По его мнѣнію „воспитаніе, ка-сашющеся до нравовъ и умоначертанія“, различается „въ разсужденіи разныхъ родовъ“ государственныхъ жителей“ и раздѣляется 1) изъ первоначальное, для всѣхъ общее, и 2) „на личное, то есть свойственное и нужно разнымъ состояніямъ дѣтей различно“. Эта точка зрякія даетъ основаніе Золотницкому классифицировать училища не только по нѣкоторымъ формамъ (нажія, среднія и верховныя), но и по

существу ихъ сословно-профессионального назначения. По плану Золотницкаго 2-я глава о раздѣлении училищъ и должна была трактовать о томъ, „для какихъ къ разнымъ состояніямъ пріуготовляющіхся дѣтей какія науки болѣе нужны, соображаясь съ родомъ ихъ жизни“. На эти вопросы Золотницкій отвѣчаетъ въ своемъ подробнѣмъ „Проектѣ о училищахъ“, содержащемъ уставы школъ низшихъ и среднихъ. „Размѣрная, говорить онъ здѣсь, разные роды состояній и съюзными соединенныи званія государственныхъ жителей, должно размѣривать для нихъ различно и самое ученіе, соображаясь съ общимъ государственнымъ предметомъ и съ особымъ каждого рода жителей состояніемъ“. „По свойству“ каждого состоянія (землемѣлія, мѣщанства, воинской и гражданской службы и, наконецъ, духовенства) „должно наблюдать въ изученіи имѣющихъ въ оное вступить дѣтей, дабы званіе каждого прежде всего приличнымъ только и нужнѣшими для оного ученіемъ способствуетъ и производитъ быть могло въ общую, а чрезъ то уже и собственную, потребность“. Низшія училища, раздѣляющіяся на сельскія и городскія, Золотницкій пред назначаетъ для крестьянъ и мѣщанъ; при устройствѣ этихъ училищъ обращается вниманіе на то, чтобы дѣти землемѣльцевъ и мѣщанъ „въ нужное время могли пособствовать своимъ родителямъ и привыкали бы съ малолѣтства къ трудамъ и упражненію, приличнымъ своему состоянію“.

Среднія школы, государственные гимназіи, Золотницкій открываютъ для „ всякоаго рода дѣтей, выключая нижнаго рода людей, то есть землемѣльцевъ“. Въ общемъ планѣ учебной реформы Золотницкій предлагалъ устраивать при средніхъ училищахъ особыя приготовительныи школы, отличныи отъ простонародныхъ сельскихъ и городскихъ школъ; но въ уставѣ государственныхъ гимназій онъ уже умалчиваетъ объ этихъ приготовительныхъ школахъ.

Совершенно обойденъ бытъ сословный вопросъ въ проектѣ Клингштета и въ заключеніи дирекціонной комиссіи, примирявшемъ принципіальную разногласія между проектами членовъ училищной комиссіи.

Взгляды Золотницкаго были привѣты комиссіей въ ся проектахъ низшихъ и среднихъ училищъ.

Въ предисловіи къ проекту низшихъ деревенскихъ училищъ высказывалъ бытъ принципіальный взглядъ, что, „соображаясь съ общимъ государственнымъ предметомъ и съ особымъ каждого рода жителей чинностояніемъ, необходимо различать для нихъ и самое ученіе“.

Въ силу этого принципа низшія, элементарныя школы дѣлились на сельскія и городскія и назначались: первыя для крестьянъ, вторыя для „средняго рода людей“, мѣщанъ. И тѣ и другія школы содержатся на средства мѣстныхъ, сельскихъ и мѣщанскохъ, обществъ и состоятъ подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ избираемыхъ тѣми же обществами попечителей. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ не будетъ среднихъ и высшихъ училищъ, предположено еще устройство археметическихъ школъ, также на средства „гражданства средняго рода“ и, следовательно, для мѣщанскихъ дѣтей.

Сословный характеръ сельскихъ и мѣщанскихъ низкихъ училищъ не закрывалъ, однако, доступа въ нихъ и для дѣтей высшихъ сословій. Дворянамъ предоставлялось, по ихъ желанію, отдавать дѣтей въ эти училища подъ условіемъ участія въ ихъ содержаніи „равно противу средняго рода людей по достатку своего имѣнія“.

Простѣт о среднихъ училищахъ или государственныхъ гимназіяхъ открывалъ въ послѣдній доступъ „всякаго рода дѣтямъ“, при условіи подготовительного элементарнаго образования. Повидамому, комиссія въ данномъ вопросѣ существенно разошлась съ мнѣніемъ Золотницкаго, не включивъ въ свой проектъ предложеній имъ оговорки о исключении изъ гимназіи дѣтей „нижнаго рода“, то есть землемѣльцевъ. Но можно сомнѣваться, чтобы комиссія желала сдѣлать гимназіи школами всесословными въ точномъ смыслѣ этого слова. Въ другихъ статьяхъ проекта ученики гимназій дѣлятся только на дворянъ и средняго рода людей или разночинцевъ. Подъ понятіе же разночинцевъ обыкновенно не подводились ни государственные, ни крѣпостные крестьяне.

Традиціи сословности не допускали полнаго смѣшанія учениковъ въ школѣ. При обсужденіи гимназическаго устава, комиссія разсуждала, между прочимъ, „о раздѣленіи низкихъ классовъ (гимназій) дворянскихъ отъ разночинскихъ“ и „какое различие сдѣлать въ казенномъ содержаніи дворянскихъ и разночинныхъ дѣтей“. Эти предположенія не были, однако, приняты, и по уставу между учениками дворянами и разночинцами проведена только одна разница: „дворяне ѳдятъ за однимъ столомъ, а разночинцы за другимъ“; равнымъ образомъ въ классахъ, во время уроковъ „дворянскія дѣти сидѣть по правой сторонѣ, а разночинскія по лѣвой“.

Наконецъ, по первоначальному проекту духовной комиссіи 1772 г., градскія приходскія школы предназначались для „всякаго званія людей, не исключая и крѣпостныхъ“; къ этой статьѣ предположено было

сдѣлать добавленіе: „коихъ, однако же, безъ воли своихъ помѣщиковъ или ихъ управителей не принимать“. Въ цѣлесообразности этого добавленія усомнился Тепловъ: „не произведетъ ли сіе хлопотъ?“ — замѣтилъ онъ.

Итакъ, въ проектахъ 1760—1770-хъ годовъ принципъ сословности образования выступаетъ еще довольно ярко. Образование соразмѣряется съ „чиносостояніемъ“ человѣка. Высшія ступени образованія предначинаются преимущественно для привилегированныхъ сословій. Для городского и сельскаго простонародья признается достаточной одна элементарная грамотность, а „науки поисе не нужными“. Въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ однаково допускаются дворяне и разночинцы, между тѣми и другими проводится иѣкоторое виѣшнее различіе. Такимъ образомъ новая школа, ставившая своимъ высшимъ идеаломъ образованію „человѣка и гражданина“, должна была въ конечномъ практическомъ результатаѣ воплощать этотъ идеалъ въ конкретныя традиціонныя формы того сословного строя, который окончательно кристаллизовался именно въ эпоху Екатерины II. Мало того, принципъ сословности образования въ эту эпоху получилъ новое подкрѣпленіе, новое вдѣйное обоснованіе въ видѣ того взгляда, что каждое сословіе имѣеть свою особую нравственную природу, свои специфическія „добродѣтели“. Еще въ началѣ слѣдующаго, XIX-го вѣка Пнинъ въ своемъ „Опытѣ о просвѣщеніи относительно Россіи“ доказывалъ необходимость сословного разграничения образования: „просвѣщеніе не должно быть для всѣхъ гражданъ однаковое“; „средоточіемъ просвѣщенія“ для каждого сословія служить его „главнѣйшія добродѣтели“, изъ круга которыхъ „оно (просвѣщеніе) не должно выходить“.

III.

Учебная реформа, ближайшей цѣлью которой было создание „новой породы отцовъ и матерей“, не могла не дать принципіального обоснованія вопросу о женскомъ образованіи и не ввести этого образованія въ общую систему народного просвѣщенія.

Съ первыхъ же шаговъ наслажденіе женского образования пошло по пути, не отвѣчавшему всей широтѣ намѣченной задачи. Первые женскія училища, организованные на педагогическихъ принципахъ Генеральнаго учрежденія 1764 года, Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ и особенное Училище для мѣщанскихъ дѣвушекъ, были строго сословными учрежденіями. Каждое изъ нихъ имѣло цѣлью

воспитывать женскую молодежь въ гражданскихъ добродѣтеляхъ и правилахъ культурнаго обихода опредѣленныхъ сословий, дворянства и среднаго рода людей. Въиномъ воспитанія и образованія дворянскихъ дѣвушекъ поставлялись „свѣтскія добродѣтели“, изъ совокупности которыхъ складывалось „благородство“, составлявшее, по понятіямъ вѣка, природу дворянского сословія.

Равнымъ образомъ, училище мѣщанскихъ дѣвушекъ призвано было культивировать по преимуществу специфическія добродѣтели и качества среднаго рода людей: добропрапіе и трудолюбіе въ практическихъ знаніяхъ и рукодѣліяхъ, приличныхъ данному состоянію.

Уже послѣ учрежденія обоихъ названныхъ учвищъ, въ 3-й части Генеральнаго плана воспитательнаго дома, конфирированной 13-го августа 1767 года, поставленъ бытъ принципіальный вопросъ: какія цѣли должно преслѣдоватъ образование женской молодежи низшихъ классовъ населенія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даъ въ формѣ опроверженія распространеннаго среди благородныхъ особы предразсудка, что крѣпостнымъ людямъ „наставленіе въ нравоученіи, касающемся до гражданской жизни, не только не потребно, но еще не полезно и вовсе не надобно“. Чѣмъ же опровергается этотъ дворянскій предразсудокъ, но допускающій, чтобы рабы „философами“ были? Тѣмъ соображеніемъ, что крѣпостной или крѣпостная, являясь первымъ пантерникомъ или пантерницей, другомъ или подругой дворянскимъ дѣтямъ, напитываются послѣднихъ, съ первымъ мѣсяцомъ, въ первые годы возраста, всѣми пороками, всю грубостью, всѣми худыми разговорами. Кто понимаетъ, какой вредъ приносить дворянскимъ дѣтямъ „общество подлыхъ рабовъ, несмысленныхъ кормильцъ и безстыдныхъ служанокъ“, тотъ не можетъ не желать, ради благоденствія рода человѣческаго, „дабы все дѣвушки не только обучились читать и писать, но имѣли бы и разумъ просвѣщеній различными знаніями, для гражданской жизни полезными“.

Это общее разсужденіе дасть основаніе отвѣтить на вопросъ: надобно ли въ воспитательномъ домѣ дѣвочкамъ учиться тому, что для мальчиковъ сказано? Отвѣтъ получается иѣсколько неожиданный: „если бы воспитываемыи въ семъ домѣ дѣвушкамъ следовало быть крестьянками, то не надлежало бы и упоминать о обученіи ихъ“. Трудно понять это заключеніе послѣ того, какъ только что горячо указывалась необходимость просвѣщенія крѣпостныхъ крестьянъ. Согласно „намѣренію“ воспитательного дома, читаемъ далѣе, дѣвочки „назначены учиться искусствамъ, жизни человѣческой и гражданству

потребиныхъ, хранить въ цвѣтущемъ состояніи фабрики, купечества и ремесла, способствовать къ заведенію оныхъ, управлять всѣ, а напиаче ихъ полууприпадлежащія части домостроительства, разумѣть подробности онаго, знать, какъ въ казначействѣ поступать и проч.". Словомъ, обученіе дѣвочекъ въ воспитательномъ домѣ опредѣлялось одной изъ конкретныхъ задачъ этого учрежденія—содѣствовывать созданію въ Россіи „средняго рода людей“¹⁾.

Таковы были общіо взгляды императрицы Екатерины и Бецкого въ пору наиболѣе смѣлыхъ реформаторскихъ замысловъ на основанія и цѣли женского образованія. Гуманность и педагогический идеализмъ этихъ взглядовъ соединялись съ узко сословными тенденціями. Образованіе крѣпостныхъ женщинъ цвѣнилось, какъ мы видѣли, исключительно въ интересахъ дворянской молодежи; образованію мѣщанскихъ дѣвушекъ усваивался строго профессіональный характеръ, соответствственно сословной природѣ „средняго рода людей“; сословнымъ духомъ проникнута была и система образованія благородныхъ дѣвицъ.

Первые опыты созданія замкнутыхъ сословныхъ женскихъ училищъ, съ ограничительнымъ комплектомъ воспитанницъ, не давали твердыхъ точекъ опоры для введенія женского образованія въ общую систему народнаго просвѣщенія. Ни въ одномъ изъ проектовъ, непосредственно примыкающихъ къ Генеральному учрежденію 1764 года, ни въ планѣ государственныхъ гимназий и простонародныхъ школъ 1765—1766 года, ни въ планѣ Дильтель—вопросъ объ образованіи женщинъ, вовсе не затронутъ. Не упоминаютъ о немъ и проекты общаго плана учебной реформы, разработанные въ частной комиссіи обѣ училищахъ. Только Золотницкій въ своемъ подробнѣмъ планѣ учебной системы, въ отдѣлѣ о низшихъ школахъ, высказался по данному вопросу въ томъ смыслѣ, что обученіе женскаго пола дѣтей чтонибудь должно оставить „на произволеніе, кому способность допустить въ семѣ упражняться“; разъ мужчины будутъ наставлены въ нужномъ для нихъ учениіи, то жены и дѣти женскаго пола могутъ уже отъ нихъ заимствовать потребное себѣ знаніе во все времена своей жизни; сверхъ того, однако, дѣвочки должны быть наставляемы священникомъ въ школѣ начасть въ заповѣдяхъ и „въ самыхъ первѣйшихъ и понятныхъ для нихъ правилахъ доброправія“, по крайней мѣрѣ, однажды въ недѣлю или сколько самъ наставникъ заблагорассудитъ.

¹⁾ Учрежденія и уставы, касающіеся до воспитанія, т. I, стр. 92—94.

Окончательный, утвержденный комиссией, проектъ нижнихъ сельскихъ училищъ предоставлялъ желанію родителей отдавать дѣвочекъ въ эти училища на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и мальчиковъ. Проектъ же нижнихъ городскихъ училищъ предписывалъ отдавать въ нихъ дѣтей обоего пола, отъ семилѣтнаго возраста, при чёмъ мальчики обучаются обязательнно и чтенію и письму, для дѣвочекъ же обязательнно только чтеніе, а письму они могутъ обучаться по желанію родителей; размѣщаются въ школѣ мальчики и дѣвочки за особыми столами; по желанію самихъ городскихъ обывателей имъ разрѣшается устраивать особыя школы для дѣвочекъ. Наконецъ, нижнія училища по проекту духовной комиссіи 1772 года предназначаются только для мальчиковъ; о обученіи дѣвочекъ этотъ проектъ совершенно умалчиваетъ.

Итакъ, вопросъ о женскомъ образованіи не получилъ систематической и детальной разработки въ проектахъ учебныхъ реформъ 1760—1770 годовъ и не былъ введенъ въ общую систему народного просвѣщенія. Почти на цѣлое столѣтіе женское образованіе застыло въ узкихъ формахъ замкнутыхъ сословныхъ училищъ, первыми представителями которыхъ были Воспитательное училище благородныхъ дѣваницъ и Училище мѣщанскихъ дѣвушекъ.

IV.

Уже при Петре Великомъ въ политикѣ просвѣщенія начинаетъ широко практиковаться принципъ „обязательности“ образования. Въ области сословно-профессионального образованія онъ былъ тѣсно связанъ съ принципомъ прикрепленія къ некоторымъ общественныхъ классамъ къ опредѣленнымъ профессіямъ. Обязательность сословной профессіи обуславливала собою и обязательность образовательной къ ней подготовки.

Особенно настойчиво и послѣдовательно проводилась обязательность профессионального образованія для служилыхъ классовъ. Въ этомъ направлениѣ въ первой половинѣ XVIII вѣка дѣйствовали самые разнообразныя средства принужденія и кары: воспрещеніе жениться уклоняющимся отъ цифирныхъ школъ, periodicеские смотры и разборы, уклоненіе отъ которыхъ каралось отдачей наявъчно въ матросы или солдаты и ссылкой, денежные штрафы, правежъ, тѣлесное наказаніе за испыту въ школы, подніска и поручительство родителей и т. под.

На принципѣ обязательности строятся въ началѣ XVIII вѣка и первые широкіе проекты общаго народнаго образованія. Такій Посошковъ предлагалъ „положить какое ни есть страхованіе на крестьянъ, не отдающихъ своихъ дѣтей въ приходскія школы. По оригиналному проекту Аврамова обязательность элементарнаго образованія не только дѣтей, но и взрослаго населенія, раздѣляемаго на „тысячи“, устанавливалась посредствомъ ежегодныхъ экзаменовъ подъ наблюденіемъ приходскихъ священниковъ и архіересъ“. Но вѣдь подобные проекты были невыполнимы по отсутствію такихъ органовъ центральнаго и мѣстнаго управлениія, на которые могло бы быть возложено практическое осуществленіе обязательности всенароднаго обученія.

Необходимыхъ благопріятныхъ условій для этой идеи не могъ доставить и вѣкъ просвѣщенія, эпоха Екатерины II.

Изъ первыхъ проектовъ учебныхъ реформъ, примыкающихъ къ Генеральному учрежденію 1764 года, вопросъ объ обязательности образованія затронутъ, быть въ планѣ, „какимъ образомъ во всѣхъ россійскихъ городахъ и мѣсточкахъ учредить школы для простого народа безъ всякаго государственнаго расхода и народнаго отягощенія“. По этому плану жители всѣхъ городовъ и мѣстечекъ, какого бы званія ни были, не исключая слугъ и работниковъ, обязаны посыпать въ элементарныя школы дѣтей своихъ мужскаго пола въ возрастѣ 6 — 14 лѣтъ. Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ этой обязанности возлагается на мѣстное духовенство обще съмагістратами. Съ уклоняющимися отъ нея въ первый годъ, изыскивается штрафъ — вдвое противъ назначенной ежегодной платы учителю; въ послѣдующіе годы штрафъ удваивается „до опредѣленнаго мальчикова возраста“ ¹⁾). Штрафныя деньги взыскиваются безъ упущенія мѣстнымимагістратами по указанію учителей и передаются послѣднимъ.

Въ частной комиссіи обѣ училищахъ вопросъ объ обязательности элементарнаго школьнаго образованія поставленъ былъ прежде всего Золотницкимъ и Клингштетомъ въ ихъ проектахъ общаго плана учебной реформы. Золотницкій въ своемъ первомъ, краткомъ проектѣ высказался противъ обязательности; онъ предлагалъ изыскать такие способы и средства, которые побуждали бы „всѣхъ родителей обучать добровольно своихъ дѣтей, что для нихъ предписано будетъ, безъ всякаго къ тому насилия и принужденія“. Отъ этого изглада Золотницкій отказался въ подробномъ планѣ реформы, содержащемъ уставы

¹⁾ Т. е., пока мальчикъ не выйдетъ изъ опредѣленнаго школьнаго возраста.

училищъ низшихъ и среднихъ. Здѣсь онъ устанавливалъ уже мѣры принужденія болѣе суровыя, чѣмъ тѣ, которыя предлагались изложенными выше проектомъ простонародныхъ школъ для низшихъ классовъ городскаго населения. Прежде всего Золотницкій возлагаетъ содержаніе низшихъ школъ, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ, на средства самого населенія по приходамъ таѣхъ, „чтобы приходскіе жители брали участіе въ содержаніи таковыхъ школъ различно, взирая на количество ихъ земли или промысла, либо имѣнія“. Обязанность содержанія школъ на свои средства должна служить достаточнымъ побужденіемъ для родителей посыпать дѣтей въ школы. Если же, паче чайниа, кто изъ родителей, по грубости своей и невѣжеству, заплативъ положенную на нихъ сумму на издержаніе школъ, не захочетъ отдавать своихъ дѣтей мужскаго пола для обучения христіанскому закону, тогдѣ „за презрѣніе сего богоугоднаго, нужнаго и полезнаго для каждого христіанина учрежденія“ подвергается штрафу, а именно: „долженъ за каждый утраченный годъ, считая отъ шести лѣтъ ихъ (дѣтей) возраста, заплатить втрое противъ положенного съ него на содержаніе школы и отдавать немедленно дѣтей въ школу“.

Поясненіемъ остается отношеніе къ данному вопросу Клингштета. Въ своемъ проектѣ общаго плана реформы, въ главѣ о домашнемъ воспитаніи, онъ находитъ нужнымъ изыскать такія „удобныя средства“, которыя приводили бы простой народъ „безъ всяаго ему отяготительного принужденія“ къ сознанію пользы предписанныхъ правилъ воспитанія, а также побуждали бы „съ охотою и добровольно держать дѣтей въ школѣ“. Но уже въ слѣдующей главѣ, въ отдѣленіи о низкихъ общественныхъ училищахъ, Клингштетъ вводить особую статью (7-ю), которая опредѣляетъ, „въ чѣмъ состоять должностъ родителей, чтобы дѣтей своихъ держать въ школахъ, какъ онъ снабжены будутъ учителями“, и предписываетъ способы, „какъ начальникамъ принуждать ихъ исполнять по сому“.

Комиссія приняла въ принципѣ обязательность элементарнаго обученія какъ для сельскаго, такъ и для городскаго населенія, но не создала гарантій, которыя обеспечивали бы реальное осуществленіе этой обязательности. По уставу низкихъ сельскихъ школъ поселане обязывались посыпать въ школы дѣтей мужскаго пола въ возрастѣ 8—12 лѣтъ; дѣтей моложе разрѣшалось принимать, если въ школѣ не было комплекта 30 человѣкъ нормального школьнаго возраста. Обязательнымъ лвиалось только обученіе, по особой книжкѣ, чтенію,

началамъ христіанской вѣры и гражданской морали; обученіе письму предоставлялось уже желанію родителей за особую плату. Дѣвочки, какъ было сказано выше, обязанности посѣщенія школы не подлежали. Уставъ нижнихъ городскихъ школъ предписывалъ отдавать въ школы мѣщанскихъ дѣтей обоего пола отъ семилѣтнаго возраста, при чмъ мальчики обязательно должны были обучаться чтенію и письму, а дѣвочки только чтенію.

Оба устава—сельскихъ и городскихъ нижнихъ школъ—не содержали никакихъ гарантій, обеспечивающихъ обязательность элементарнаго обученія. Какъ было разсказано выше, комиссія объ училищахъ предполагала возложить на обязанность другой частной комиссіи—о правосудії, составленіе цѣлого кодекса карательныхъ мѣръ за неисполненіе требованій или за нарушеніе школьнаго законодательства; въ числѣ „преступленій“, предусмотрѣнныхъ комиссіею объ училищахъ, заключалось и уклоненіе събывателей отъ обязательной послыши дѣтей въ школы. Но комиссія о правосудії почла себѣ не компетентной устанавливать какія либо кары „за непорядки, происходящіе въ училищахъ мѣстахъ“, и обязательность обученія, полагаемая въ основу нового законодательства о народномъ образованіи, должна была остаться фиктивной, если бы сдѣлана была попытка провести это законодательство въ жизнь.

На принципѣ обязательности обученія основанъ былъ и проектъ городскихъ приходскихъ школъ, составленный въ 1772 году архіепископомъ Гавріиломъ и Тиморовымъ. По этому проекту, губернаторамъ и воеводамъ предписывалось „принуждать“ подвѣдомственныхъ имъ селеній отдавать въ приходскія школы всѣхъ дѣтей православной вѣры въ возрастѣ 6—7 лѣтъ, кромѣ неспособныхъ и больныхъ; ближайшее же наблюденіе за уклоняющимися отъ этой обязанности возлагать на приходское духовенство. Въ какихъ именно мѣстопріятіяхъ должно было выражаться „принужденіе“, предписываемое мѣстной гражданской власти, проектъ не пояснялъ, за то онъ грозилъ весьма тяжкими посѣдствіями тѣмъ, кто, пройдя школу, не обучится „грамотѣ россійской читать и писать“; такихъ неудачниковъ предполагалось „не принимать нигдѣ и ни въ какихъ дѣлахъ, ни въ поруки, ни въ свидѣтели“; кромѣ тѣхъ, вирочемъ, кто послѣ школы успѣвалъ обучиться грамотѣ у себя дома; для нихъ долженъ быть устраиваться приходскими благочинными ежегодно экзаменъ.

Итакъ, идея обязательности въ принципѣ усвоена всѣми проектами начального народного образования изучаемой эпохи. Но самый суще-

ственныи вопросъ,—о принудительныхъ средствахъ, обеспечивающихъ практическое выполнение этой обязательности, остался открытымъ. Введеніе всеобщаго обязательнаго обучения требовало такихъ сложныхъ комбинацій государственныхъ и общественныхъ средствъ, создание которыхъ является задачей едва посильной и для нашего времени.

С. Рождественскій.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХъ *).

* Курсъ практической тригонометрии и методы решения курса задачъ. (Энциклопедия тригонометрии). Составилъ Н. К. Шмуревичъ, инженеръ путей сообщенія. С.-Пб. 1907 г. Стр. XII+557. Цена 2 р. 85 к.

Изъ предисловія къ книгѣ г. Шмуревича мы узнаемъ, что до сихъ поръ „нѣть ни одной книги, которая давала бы дѣйствительно полную разработку всѣхъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ этой науки“ (т. е. тригонометрии). Книга г. Шмуревича должна восполнить этотъ пробѣлъ. Авторъ находитъ совершенно налишнимъ „всякое перечисленіе достопримѣчательностей своей книги“, ограничиваясь короткими указаниемъ, что почти всѣ отдѣлы изложены имъ совершенно самостоятельно и оригинально и что очень многими члѣнами курса придано совершенно новое освѣщеніе. Авторъ не перечисляетъ источниковъ, которыми онъ пользовался, такъ какъ „нѣть ни одного курса, который я не прочелъ бы весьма внимательно, но очень мало тѣдѣ удалось почерпнуть какія-нибудь полезныя свѣдѣнія“. Слѣдуетъ ли нѣть этихъ словъ заключить, что г. Шмуревичъ приписываетъ себѣ созданіе всей тригонометріи, мы не знаемъ и не считаемъ нужнымъ разбирать, укажемъ только, что по мнѣнію автора его книга „оказается не безполезной для г.г. преподавателей, составителей учебниковъ, а равно и для лицъ, желающихъ изучить тригонометрію, дѣйствительно какъ науку, вмѣсто того суррогата, который подносится подъ этимъ именемъ въ средней школѣ“. Наконецъ, мы узнаемъ, что

* Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народного просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начального образования, а также и по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

въ испроположительномъ времени авторъ предполагаетъ приступить къ переводу своей книги на иностранные языки.

Если оцѣнивать книгу г. Шмулевича съ точки зреінія тѣхъ высокихъ претензій, которыя выставлены въ предисловіи, то съ несомнѣнностью можно сказать, что она является неудовлетворительной. Прежде всего основнымъ признакомъ книги является ея глубокая, безнадежная элементарность. На протяженіи 557 страницъ авторъ не нашелъ возможнмъ сказать хоть что-нибудь о разложеніяхъ тригонометрическихъ функций. Правда, онъ оговариваетъ въ предисловіи, что будетъ рассматриватьъ только тѣ отдельныя тригонометріи, которые могутъ быть изложены "элементарно, т. е. безъ пользованія бесконечными рядами и мнимыми количествами". Но тогда прежде всего пельзя писать, что книга даетъ обстоятельную разработку всѣхъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ науки, во-вторыхъ, и безъ бесконечныхъ рядовъ и мнимыхъ количествъ можно было бы сказать хотя бы о та-комъ капитальномъ фыкѣ, какъ разложение тригонометрическихъ функций въ бесконечные произведения. Вообще объемъ книги г. Шмулевича весьма близко подходитъ къ программѣ нашихъ конкурсныхъ экзаменовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. То, что нужно для конкурсныхъ экзаменовъ, изложено весьма подробно, иногда даже черезчур подробно (например, авторъ тратитъ цѣлыхъ три страницы 135 — 138 на указаніе того, какъ не надо рѣшать уравненіе, въ которомъ стоитъ касая либо тригонометрическая функция угла πx), а то, что не нужно для конкурсныхъ экзаменовъ, иъ книгѣ г. Шмулевича отсутствуетъ, хотя бы оно имѣло первостепенное научное значеніе. Г. Шмулевичъ называетъ нашъ учебный курсъ тригонометріи суррогатомъ науки. Думаемъ, что съ несравненно большимъ правомъ можно назвать этимъ именемъ то, что содержится въ книгѣ автора.

Но и въ предыдущихъ требованій конкурсныхъ экзаменовъ книга г. Шмулевича не безупречна, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Стр. 5, примѣчаніе. Авторъ утверждаетъ, что "даже высшая математика не даетъ способа непосредственно вычисленія логарифма любого числа u : для того, чтобы вычислить $\log u$ надо предварительно знать \log числа ($G = 1$)". Авторъ, очевидно, забылъ о рядѣ для $\log(1+x)$ или $\log(1-x)$ или смѣшалъ возможность удобно вычислить съ возможностью вычислить *вообще*.

Стр. 7, § 9... Измѣрить длину, несоязмѣримую съ единицей, значитъ найти общий предѣлъ, къ которому стремятся два ряда, пред-

ставляющіе собою приближенные недостаточные и избыточные результаты измѣреній данной несокончимой длины, вычисленные съ возвращающей степенью точности".

Не можемъ понять, въ какомъ смыслѣ авторъ употребляетъ здѣсь слово "найти". Вѣдь, если упомянутые два ряда чиселъ даны, то дать эти мъ самыи и упомянутый предѣль и ничего больше находить и не надо. Мы бы еще поняли, если бы авторъ сказалъ: измѣрить... значить составить два ряда чиселъ и т. д.

Стр. 8, § 11. Въ книгѣ, претендующей на такое научное значеніе, следовало бы, говоря о приближенныхъ значеніяхъ для π , дать дѣйствительный результатъ, полученный Архимедомъ, именно, что число π лежитъ между $3\frac{10}{70}$ и $3\frac{10}{71}$.

Стр. 9. Формулировка правила Декарта совершенно неудовлетворительна. Авторъ говорить: "Если части линій, расположенные въ одномъ направлении отъ какой-нибудь опредѣленной точки, считать положительными, то части линій, направленные отъ этой точки въ противоположную сторону, считаются отрицательными". Очевидно, авторъ упустилъ изъ виду, что "часть линій" можетъ быть расположена, напримеръ, направо отъ точки О, и въ то же время быть направлена налево.

Авторъ вездѣ вводить такъ называемыя линіи синуса, линіи косинуса и т. д. Думаемъ, что давно пора изгнать яз. тригонометріи всѣ эти линіи, которыхъ ни къ чому не нужны и только путаютъ учащихся, паряду съ синусами версусами и центозимплексами дѣлспіемъ окружности.

На стр. 58—59, говоря о бесконечно большихъ значеніяхъ для $\operatorname{tg}x$, $\operatorname{ctg}x$, сесхъ и coseхъ, авторъ совсѣмъ опредѣляетъ ихъ какъ предѣлы, напримѣръ $\operatorname{tg} 90^\circ =$ предѣлу тангенса ($90^\circ \pm \varepsilon$) при бесконечномъ убываніи ε , т. е. равенъ минус или плюсъ бесконечности". Авторъ упускаетъ изъ виду, что $\operatorname{tg}(90^\circ \pm \varepsilon)$ никакого предѣла не имѣть.

Стр. 54. Авторъ говорить, что "точное доказательство" непрерывности тригонометрическихъ функций можетъ быть дано только послѣ изученія свойствъ тригонометрическихъ функций, "пока же можно ограничиться очевидностью этой истины изъ чертежа". Этого точного доказательства мы такъ и не нашли, а казалось бы, что изъ 557 страницъ можно было бы удѣлить ему хоть одну.

Мало того: построивъ синусоиду, авторъ говорить: "эта кривая непрерывна, что указываетъ на непрерывность функции $\sin x$!"

А какъ же онъ узналъ, что кривая непрерывна?

Стр. 79. Въ книгѣ, претендующей на научное значение, не слѣдовало бы говорить, что Argz_1 и Argz_2 „теряютъ всякий смыслъ при u , численно большемъ единицы“. Иначе возникнѣтъ невольное сомнѣніе: извѣстно ли самому автору, что эти функции могутъ быть опредѣлены при всякомъ u ?

Стр. 91—92. Авторъ доказываетъ, что дополнительнымъ дугамъ слѣдуетъ считать по направлению часовой стрѣлки.

Стр. 129 (и во многихъ другихъ мѣстахъ). „Слѣдовательно, правильно будетъ писать такъ

$$x = 2k \cdot 180^\circ \pm 30^\circ.$$

Думаемъ, что по общимъ правиламъ алгебры слѣдуетъ писать

$$x = (360k)^\circ \pm 30^\circ$$

$$\text{или } x = 360^\circ k \pm 30^\circ$$

Стр. 157. Авторъ доказываетъ, что между шестью тригонометрическими функциями существуетъ только пять независимыхъ соотношеній. Онъ ссылается при этомъ на то, что „рѣшеніе системы уравненій есть вполняемая опредѣленная задача, только въ томъ случаѣ, если число уравненій равно числу неизвѣстныхъ, при чмъ каждое уравненіе не есть слѣдствіе остальныхъ“.

Авторъ упускаетъ изъ виду, что всѣ ого неизвѣстные должны быть вещественными; а некоторые изъ нихъ ($\sin x$ и $\cos x$) по большему единицы, другія ($\operatorname{sech} x$ и $\operatorname{cosh} x$) не менѣе единицы. При этихъ добавочныхъ условіяхъ число уравненій, теоретически, можетъ быть и менѣе пяти, да и въ самой теоремѣ нѣть надобности, ибо пять соотношеній легко получаются, а больше, чмъ пять, и не можетъ быть.

Стр. 297. Авторъ предполагаетъ приводить къ логарифмическому виду такія выраженія, какъ $2 \operatorname{Cosa} + 1$ или $\frac{3}{4} - \operatorname{Sin}^2 a$.

Вотъ уже по истинѣ суррогатъ науки! Приводить къ логарифмическому виду, когда несравненно скорѣе (и точнѣе!) вычислить непосредственно!

Стр. 344. Авторъ говоритъ объ „истинной величинѣ“ выражений вида $\%$, не опредѣливъ, что это такое.

Во многихъ мѣстахъ авторъ подчеркиваетъ, что та или другая задача рѣшается тѣмъ или другимъ „искусственнымъ прѣемомъ“. Между тѣмъ многихъ изъ этихъ задачъ рѣшаются совершенно просто. Приве-

демь пару примѣровъ изъ задачъ, которыхъ авторъ причисляетъ къ категоріи наиболѣе трудныхъ.

Стр. 357. Если $\operatorname{tg}x = \frac{\operatorname{Sin}a \operatorname{Sin}b}{\operatorname{Cos}a + \operatorname{Cos}b}$, то доказать, что одно изъ значений $\operatorname{tg}\frac{x}{2} = \operatorname{tg}\frac{a}{2} \cdot \operatorname{tg}\frac{b}{2}$.

Авторъ вычисляетъ $\operatorname{tg}\frac{x}{2}$ по данному $\operatorname{tg}x$, и, конечно, рѣшеніе выходитъ длиннымъ и сложнымъ. Между тѣмъ гораздо короче вычислить наоборотъ $\operatorname{tg}x$ по данному $\operatorname{tg}\frac{x}{2}$, и тогда рѣшеніе получается въ двухъ словахъ.

Стр. 364. Если $\operatorname{tg}^2 \theta = 2\operatorname{tg}^2 \varphi + 1$, то доказать, что $\operatorname{Cos}^2 \theta + \operatorname{Sin}^2 \varphi = 0$.

Стоитъ только выразить $\operatorname{Sin}^2 \varphi$ черезъ $\operatorname{tg}^2 \varphi$, чтобы получить рѣшеніе задачи.

Стр. 430. Авторъ при вычислениіяхъ по таблицамъ настойчиво рекомендуетъ выписывать табличные разности и вычислять секунды изъ пропорцій (стр. 435). Смѣюсь увѣрить его, что ни одинъ сколько-нибудь опытный вычислитель не выписываетъ табличныхъ разностей и не пользуется пропорціями, а дѣлаетъ все эти мелкія выкладки въ уме, пользуясь таблицами для Р. р.

Не хорошо также говорить, что для составленія таблицъ берутъ логарифмы отъ натуральныхъ синусовъ или косинусовъ и располагаютъ ихъ въ порядкѣ.

Хоть бы авторъ потрудился прочесть предисловіе къ таблицамъ Веги. Оять бы узналъ тамъ, что вычисляется прямо

$$\log \frac{\operatorname{Sin}x}{x} \text{ и } \log \frac{\operatorname{tg}x}{x}$$

и потомъ производится интерполяція.

Приведенныхъ примѣровъ по нашему мнѣнію достаточно, чтобы отказать книгѣ г. Шмулевича въ томъ высокомъ значеніи, которое прописываетъ сї авторъ. Но, если оцѣнивать ее съ болѣе скромной точки зренія, то въ ней найдется не мало хорошихъ качествъ. Главное достоинство книги состоять по нашему мнѣнію въ обширномъ собраніи задачъ, изъ которыхъ многія решены въ текстѣ, хотя и не всегда самыми короткими и простыми способомъ. Теоремы и определенія сформулированы по большей части весьма точно, доказательства строги, хотя часто и слишкомъ пространны. Авторъ хорошо знаетъ обычныя ошибки учениковъ и поэтому предупреждаетъ ихъ.

Б. Неклевичъ.

*Учебникъ природоведания. Составилъ М. Левинъ, преподаватель Одесской гимназии М. Игницкаго. Составлено прибѣдѣнно къ программѣ природовѣданія для первыхъ трехъ классовъ мужскихъ гимназій и первыхъ двухъ классовъ реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Одесса. 1907. VIII+384 стр. Цена 1 р. 50 к.

Съ формальной стороны книга г. Левина особыхъ замѣчаній не вызываетъ: въ части ея, посвященной неорганической природѣ, много замѣчаніи лишь немногочисленныя ошибки и недочеты, притомъ такого характера, который свойственъ вообще элементарнымъ учебникамъ въ которыхъ невольно приходится мириться. На стр. 43 разница между минералами и горными породами проведена весьма неопредѣленно, въ связи съ этимъ, изрѣдко, на стр. 44 сказано, что „изъ некоторые минералы способны принимать правильную опредѣленную форму“ и проч., но вѣдь аморфные, не кристаллические минералы гораздо рѣже такихъ, которые образуютъ кристаллы. На стр. 62 сказано: „Глина не встрѣчается въ кристаллическомъ видѣ“—да, но минералъ глины, циолинитъ, встрѣчается, точно также, какъ песчаникъ, напримѣръ, не встрѣчается въ кристаллическомъ видѣ, а кварцъ встрѣчается. На стр. 64 сказано, что сюда „состоитъ въ изъ сколькихъ сложныхъ тѣлъ“—какъ понимать это, и что это за сложные тѣла? Неловко сказано на стр. 69: „благодаря (sic!) сплавамъ металлы иногда также легче плавятся“. Но вѣрно конечно, что (стр. 70) ржавчина желѣза состоитъ лишь изъ желѣза ст. кислородомъ, кроме того, она покрываются желѣзо не въ видѣ порошки, а въ видѣ корки. Неловко также выражение: „магнитнымъ желѣзнякомъ“ называется потому, что способенъ притягивать къ себѣ желѣзныя вещи“ (стр. 71 въ 72)—вѣдь кусокъ стали, обладающій способностью притягивать желѣзныя вещи, называется искусственнымъ магнитомъ по сходству его, въ этомъ отношеніи, съ рудою, желѣзнякомъ, найденнымъ впервые въ окрестностяхъ Магнезіи, а не наоборотъ. На стр. 72 дано изображеніе доменной печи, въ различныхъ частяхъ рисунка поставлены цифры, но значеніе ихъ не указано; на стр. 74 сказано, что „соединеніе мѣди съ стѣрой представляетъ мѣдный колчеданъ“,—на самомъ дѣлѣ это—соединеніе мѣди и желѣза съ стѣрой; на стр. 77 сказано, что „золото встрѣчается въ природѣ только въ самородномъ состояніи“—это не вѣрно; но, повторю, эти и подобные имъ ошибки и недочеты не tanto ужъ существенны и съ ними, до извѣстной степени, можно мириться; гораздо хуже то обстоятельство, что весь отдѣль, много разсмотрѣнnyй, изложенъ слишкомъ конспективно, что въ учебнике, по моему мнѣнію,

рѣшительно недопустимо: при такомъ изложении ученикамъ принеслось бы не учить уроки, а заучивать заданную страницу цѣликомъ. Конечно, въ этомъ отношеніи трудно установить какую либо норму, но стоитъ прочитать текстъ, даже не сравнивая его съ текстомъ другихъ учебниковъ, чтобы убѣдиться въ его чрезмѣрной скжатости и, кроме того, въ какой-то неполнотѣ.

Ботаникъ въ названномъ учебнике отведенъ 111 страницъ. Послѣ элементарныхъ свѣдѣній по органографіи растеній авторъ описываетъ сначала нѣсколько представителей цветковыхъ растеній и затѣмъ представителей споровыхъ растеній. Даются также свѣдѣнія по біологии, анатоміи и физіологии растеній. Описанія схѣматы понятно, привѣняясь къ ученикамъ младшаго возраста. Ошибокъ нѣть. Попадаются мелкія неточности. Напримеръ, на тычинкѣ не всегда находится только одинъ пыльникъ (стр. 120). Непонятно, вслѣдствіе краткости, описание прививки растеній (стр. 127). Странно читать название „палочки“ при описании листового черенка, тычиночной чити и цветоножки.

Книга издана хорошо. Ботаническая часть иллюстрирована 51-мъ вполиць удовлетворительнымъ рисункомъ.

Книжка г. Левина написана со знаніемъ предмета, яснымъ языкомъ и хорошо издана.

Считаемъ не лишнимъ отмѣтить, что авторъ могъ бы съ усвѣхомъ пользоваться русской терминологіей тамъ, где она установлена, вмѣсто иностранной. Вмѣсто фаланги пальцевъ (стр. 2311) не проще ли сказать — суставы пальцевъ, вмѣсто коракоидная кости (стр. 281) — вороний кости (хотя послѣдний терминъ не особенно удаченъ), вмѣсто сегменты (стр. 308) и проглоттиды (стр. 360) — членники, вмѣсто аскарида (стр. 359) — детская глиста и т. п.

Точно также быть необходимо измѣнить общепринятое название для органовъ движенія инфузорій — рѣснички — другимъ: „волоски и ниточки“ (стр. 373), или общепринятое название органовъ паукообразныхъ — легочные мышки — другимъ: „легкія“ (стр. 327) и притомъ дающимъ поводъ къ смѣшению съ позвоночными, или общепринятое название ключицъ птицъ — дужка — другимъ переводнымъ: „вишечка“ (стр. 281). Отмѣтимъ также и слабые пункты изложе-нія, какъ напр. непонятное описание легкаго узитин (стр. 340), неясное и невѣрное описание функций легочныхъ мышковъ птицъ (стр. 282), слишкомъ краткое и потому непонятное описание функций плавательного пу-

зыры рыбъ (стр. 304), неясное и неточное описание первої системы трихинъ (стр. 356), въ другіе. Рис. 11 (стр. 243), который долженъ изображать, между прочимъ, бѣлый кровяный тѣльца, необходимо замѣнить болѣе гѣрнымъ.

Цѣну для учебника средней школы въ 24 листа in 8° въ 1 руб. 50 коп. надо признать высокой.

С. Глинка, В. Полладинъ и В. Шишкевичъ.

О налогахъ. Составилъ А. В. Ососовъ. Изд. Постоянной комиссіи народныхъ чтеній. Издание 2-ое. С.-Пб. 1907. Въ 12 д. л. 76 стр. Цѣна 12 коп.

Нынѣ призвано къ участію въ законодательной дѣятельности все народопасленіе Русскаго государства, такъ что и низшія сословія (крестьяне и мѣщане) получили возможность чрезъ своихъ выборныхъ представителей обсуждать въ Государственной Думѣ, совмѣстно съ представителями другихъ сословій, вносимыя министрами на разсмотрѣніе и утвержденіе Думы смыты доходовъ и расходовъ по каждому вѣдомству, а также проекты законовъ разнаго содержанія. Многія изъ подлежащихъ обсужденію въ Государственной Думѣ касаются вопросовъ политico-экономического или соціального характера; а нельзя не сознаться, что иѣкоторая часть нашего образованного общества не имѣетъ еще, къ сожалѣнію, въ настоящее время вполнѣ ясного и правильнаго представлѣнія объ этихъ вопросахъ, простой же народъ, большую частію, и совсѣмъ съ ними не знакомъ и потому способенъ поддаться вскому впушенню. Этимъ несѣдѣніемъ народа, дѣйствительно, и пользуются теперь люди недоброжелательные, желающіе въ своихъ видахъ вносить смуту въ его понятія по этимъ вопросамъ; они усиленно дѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи какъ устно пропагандою, такъ и распространениемъ среди населения такихъ непечатныхъ листковъ и брошюръ, которые по своему содержанію могутъ достигать той же цѣли — съять смуту въ темномъ народѣ (а такихъ листковъ и брошюръ выпущено за послѣдніе время не мало).

Въ виду вышесказанного нельзя не отнести съ полнымъ сочувствіемъ къ появлѣнію въ свѣтѣ книжекъ, въ которыхъ ясныи и простыи языкъ излагается правильное и толковое объясненіе какихъ либо экономическихъ или общественныхъ вопросовъ. Къ числу такихъ слѣдуетъ отнести и выпущенную на этихъ днѣахъ вторымъ изданиемъ постоянной комиссіе народныхъ чтеній (С.-Пб. Екатерининский канц., 14) книжку А. Ососова „О налогахъ“. Въ книжкѣ этой, въ общедоступной формѣ бесѣды свѣдущихъ людей съ крестья-

нами, рассказывается об уплачиваемых наименем налогахъ: прямыхъ, т. е. такихъ, которые вносятся *каждымъ* плательщикомъ прямо въ казну (поземельные, подушные, а также земскіе сборы), и *косвенныхъ*, уплачиваемыхъ *каждыемъ* фабрикантомъ или заводчикомъ за весь выдѣлываемый имъ товаръ, *къ дѣйствительной стоимости* которого и причитываются затѣмъ, при продажѣ его оптовымъ или розничнымъ покупателямъ, соответствующая часть внесенного уже заводчикомъ въ казну налога (таковы налоги: на табакъ, сахаръ, водку, спички и другіе предметы; сюда же слѣдуетъ отнести и таможенные пошлины).

Нельзя не пожелать повсемѣстного распространенія этой полезной книжкѣ.

А. Кочетовъ.

*Сжатый и жидкий воздухъ. Добываніе, свойства и примѣненія. Составилъ инженеръ-технologъ О. А. Ривоша. Съ 48 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. Книгоиздательство „Прогрессъ“. 1907 г., 110 страниц. Цѣна 80 коп.

Интересная книга 1-па Ривоша распадается на двѣ части: въ первой авторъ говорить о сжатомъ, во второй—о жидкому воздухѣ. Въ первой части авторъ сперва (стр. 8 — 15) говорить о свойствахъ воздуха вообще и сжатаго въ частности. Остальная 55 страницъ (стр. 15 — 70) первой части посвящены разнообразнымъ примѣненіямъ сжатаго воздуха. Здѣсь подробно и ясно изложены: устройство пневматическихъ центральныхъ станций, устройство различныхъ воздушныхъ пневматическихъ приборовъ, служащихъ, напримѣръ, для обработки металловъ, воздушные молота, примѣненіе сжатаго воздуха въ горномъ дѣлѣ, напримѣръ, при прорѣзѣ туннелей, воздушная почта, устройство минны Уайтхеда, динамитная пушка, сжатый воздухъ въ желѣзодѣлательномъ производствѣ, кессонные работы, устройство тормаза Вестингауза (съ особыми таблицами чертежами), воздушные звонки и часы, приборы для автоматического закрыванія дверей, пианинты для окраски, дѣйствующій сжатымъ воздухомъ, и сирены. Читатель, интересующійся затронутыми вопросами, прочтетъ эту главную часть книги съ большою для себя пользою; онъ найдеть въ ней массу интереснаго материала, за изложеніе котораго нельзя не поблагодарить автора. Повидимому, впервые появляется на русскомъ языке подобное общедоступное сопоставленіе всего того, что относится къ техникѣ сжатаго воздуха.

Къ сожалѣнію, въ книгѣ встрѣчается небольшое, впрочемъ, число промаховъ, исправленіе которыхъ желательно въ новомъ изданіи.

На стр. 8 авторъ даетъ вѣсъ литра воздуха, не указывая, что онъ относится къ 0° и 760 м.м. давлениія.

На стр. 9 читаемъ, что вѣсъ воздуха зависитъ отъ широты мѣста, и кась на причину указано только на центробѣжную силу, происходящую отъ вращенія земли. Во-первыхъ, зависимость вѣса отъ широты относится ко всѣмъ тѣламъ; во-вторыхъ, главная причина этой зависимости заключается въ томъ, что земля имѣть форму сплюснутаго эллипсоида.

Стр. 10. „Измѣненіе высоты столбика ртути (барометра) колеблется въ небольшихъ предѣлахъ“. Даже, если относить колебанія къ данному мѣсту (чего въ книгѣ не сказано), нельзя говорить о „небольшихъ предѣлахъ“, ибо, напримѣръ, въ Петербургѣ колебанія dochodatъ до 80 м. Кроме того „небольшіе предѣлы“ выраженіе очень странное.

Стр. 10. Поднятіе воды въ насосѣ на 32 ф., вместо 34-хъ, авторъ объясняетъ, между прочимъ, тренiemъ воды о стѣнки насоса. Это совершенно невѣро: треніе воды о стѣнки насоса не можетъ имѣть віянія на высоту ея подъема.

На стр. 11 говорится о какихъ-то колебаніяхъ частицъ воздуха; таковыхъ не существуетъ. Тамъ же дана скорость газовыхъ частицъ безъ указанія температуры.

На стр. 13 законъ Мариотта формулированъ такъ: „при одной и той же температурѣ объемъ массы газа обратно пропорционаленъ и т. д.“. Что значитъ „объемъ массы газа“? какой массы? Слѣдовало сказать „объемъ данной массы газа“.

Жалѣ, что авторъ въ этой части своей интересной книги не разъясняетъ, отъ какихъ обстоятельствъ зависитъ энергія, а слѣдовательно и работоспособность газа, и какая, въ этомъ отношеніи, существуетъ разница между скатымъ и разрѣженнымъ газомъ. Такъ какъ это вопросъ не изъ простыхъ и въ отношеніи къ нему нерѣдко приходится читать разъясненія неправильныя, то мы считаемъ исполнимъ вставить здѣсь иѣкоторыя краткія указанія.

Энергія газа есть энергія движенія его частицъ; эта энергія зависитъ для дальнаго газа исключительно только отъ температуры и пропорциональна абсолютной температурѣ. При изотермическомъ сжатіи, а вѣдь только съ таковыми мы и имеемъ здѣсь дѣло, скорость газовыхъ частицъ не изменяется, а потому и запасъ энергіи не увеличивается. Работа двигателя целикомъ уходитъ на нагреваніе охлаждающей воды, т. е. превращается въ теплоту, которая уносится водою; для газа же

ничего не остается. При малой теплоемкости газа требовалось бы сильное его накаливание, чтобы достигнуть значительного увеличения запаса энергии въ самомъ газѣ. Существуютъ машины, дѣйствующія *напрямъ* воздухомъ, но это уже не тотъ случай, который мы здесь рассматриваемъ. Можно идти даже еще дальше и утверждать, что сжатый газъ содержитъ *меньшій* запасъ энергіи, чѣмъ разрѣженный, ибо при сжатіи происходитъ внутренняя работа силъ сжатія, которая переходитъ въ теплоту, также уносимую охлаждающей водой. Это какъ бы начало *выдѣленія* скрытой теплоты охлажденія; ясно, что разрѣженный газъ содержитъ весь запасъ скрытой теплоты исщаренія охлажденнаго газа, который, при одинаковой температурѣ, содержитъ, очевидно, *меньше* энергіи, чѣмъ то же вещество въ газообразномъ состояніи. Когда газъ расширяется, не производя *внѣшней* работы, то часть его кинетической энергіи тратится на *внутреннюю* работу, она охлаждается и на этомъ-то сравнительно маломъ охлажденіи въ основаво цѣликомъ дѣйствуетъ машины Линде. Изотермическое расширение газа безъ *внѣшней* работы сопровождается, такимъ образомъ, поглощеніемъ тепла и *увеличеніемъ* запаса энергіи. Исключение представляетъ водородъ при температурѣ выше—79,8°, а потому невозможно сгустить водородъ въ машинѣ типа Линде, не охладивъ его предварительно ниже—79,8°.

На вопросъ, почему сжатый газъ работоспособиѣ разрѣженного, хотя его запасъ энергіи даже немного *меньше*, чѣмъ энергія газа разрѣженного, мы находимъ полный отвѣтъ въ той части термодинамики, которая посвящена учению о *свободной энергіи*. Вся энергія U газа состоитъ изъ двухъ частей: изъ свободной $F = U - TS$ и изъ несвободной $G = TS$, где T абсолютная температура и S энтропія газа. Только свободная энергія можетъ быть израсходована на *внѣшнюю* работу при изотермическомъ процессѣ. При сжатіи газа уменьшается его энтропія S; такое отрицательное, въ смыслѣ второго начала, превращеніе компенсируется превращеніемъ работы въ теплоту внутри компрессора. Такъ какъ S уменьшается, то ясно, что свободная энергія F растетъ на счетъ несвободной G, хотя ихъ сумма $U = T + G$ остается *неизменною*. Вотъ почему сжатый газъ можетъ дать работу при изотермическомъ расширѣніи, на которую разрѣженный газъ уже неспособенъ. Когда сжатый газъ работаетъ, то его расширѣніе не изотермическое; она работаетъ на счетъ своей энергіи и потому охлаждается, при чѣмъ его энтропія не мѣняется, если процессъ обратимый. Охлаждаясь на одинаковое число градусовъ, разрѣженный газъ могъ бы

произвести такую же работу, какъ и сжатый; но здесь уже является другой факторъ: наличность атмосферного давленія, которое долженъ преодолѣть работающій газъ.

На стр. 57 авторъ говоритъ, что сжатый воздухъ хуже проводить звукъ, чѣмъ не сжатый. Какою величиною авторъ опредѣляетъ проводимость звука? Скорость звука, какъ известно, не мѣняется при сжатии воздуха.

Обращаемся во второй части книги, посвященной жидкому воздуху.

Авторъ полагаетъ (стр. 74), что даже въ твердыхъ тѣлахъ разстоянія частичекъ громадно сравнительно съ размѣрами этихъ частичекъ; онъ ихъ даже сравниваетъ съ планетами солнечной системы. Это не такъ. Разстояніе молекулъ кислорода (при 760 м.м.) порядка 4.10^{-6} м., а діаметръ молекулы порядка нѣсколькоихъ 10^{-7} м., т. е. среднее разстояніе лишь въ 10 разъ больше діаметра. Въ жидкостяхъ и твердыхъ тѣлахъ отношеніе еще несравненно меныше.

Въ описаніи устройства и дѣйствія машины Линде (стр. 84 — 86) не указано самаго главнаго, а именно, что охлажденіе происходитъ вслѣдствіе *внутренней* работы при расширеніи газа.

Въ добавочной статьѣ „Составъ воздуха“ авторъ нѣсколько разъ упоминаетъ метаргонъ, отъ котораго Рамзай отказался почти немедленно послѣ его минимаго открытия.

Целья говорить, что озонъ имѣетъ такой же составъ, какъ кислородъ (стр. 103); первый содержитъ три, второй — только два атома.

На стр. 104 читаемъ, что ни растенія, ни животные не берутъ непосредственно азота изъ воздуха. Это уже анахронизмъ.

На стр. 107 читаемъ, что гелій входитъ въ составъ пѣкоторыхъ минераловъ. Слѣдовало бы указать, что онъ находится въ состояніи окислозіи, а не въ видѣ химического соединенія.

На стр. 108 нѣгдѣ сказано, что Дьюаръ сгустилъ гелій. Этотъ газъ до сихъ поръ не стущенъ, хотя Ольшевскій охладилъ его до $1,7^{\circ}$ absol., т. е. до $-271,3^{\circ}$.

Описаніе полученія иксона (стр. 108) не понятно. Почему кипѣніе воздуха вызывало кипѣніе аргона? Оно должно было охлаждать жидкій аргонъ.

Ксенонъ авторъ нѣсколько разъ называетъ иксономъ.

Ф. Жельсемъ.

*Проф. Ю. Н. Ватнеръ. Начальный курсъ Природовѣдания. Съ 106 рисунками въ текстъ. Часть 1-я. Издание Пироговскаго товарищества. Киевъ 1907. IV+188 стр. Цѣна 60 коп.

Рассматриваемая книга посвящена описанію „Воздуха и общихъ свойствъ тѣль, явлений физическихъ и химическихъ; воды; земли“. Очевидно, такимъ образомъ, по своему содержанію, книга эта могла бы служить руководствомъ при ознакомленіи учениковъ младшихъ классовъ лишь съ природою неорганическою, составляя первую часть незаконченного изданія.

Рассмотрѣнныя мною отдѣлы по существу замѣчаній не вызываютъ. Въ частности впрочемъ, я считаю необходимымъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія: неловко сказано „сходства и отличія твердыхъ тѣль отъ жидкостей“; также (стр. 8) „она (пробка) выхлопнетъ изъ горлышка“ или „пробка все равно выхлопнетъ“—глаголь „выхлопнуть“ мѣръ неизвѣстенъ; на стр. 12 сказано, „что воздухъ имѣеть вѣсь, впервые было доказано примѣрно четыреста лѣтъ назадъ Галиллеемъ“—но, гдѣ, со дня рожденія Галилея не прошло еще полныхъ 350 лѣтъ; не вѣрно, что „вещество, получающееся при горѣніи фосфора на воздухѣ, называется ангидридомъ фосфора“ (стр. 34), тѣмъ болѣе, что такое выраженіе само по себѣ никакого значенія имѣть не можетъ. Желаніе быть точнымъ поставило автора, на той же страницѣ, въ безвыходное положеніе. Но вынуждалъ всего иѣста, я остановлюсь на заключеніи: „Вы знаете, что отъ сгорѣвшаго угля остается зола (пепел); но въ этой золѣ уже лѣтъ углерода: есть углеродъ при горѣніи соединился съ кислородомъ и ушелъ изъ угля“. Авторъ забылъ, что изъ золы до сихъ порь еще добывается поташъ, то есть углекислый калій. Неудобно сопоставлять желѣзо и мѣдь съ известью (стр. 38), такъ какъ „известь, соединяясь съ углекислотой, образуетъ углекислую известь“, а желѣзо и мѣдь непосредственно съ углекислотою не соединяются, кроме того, „голубое и зеленое“ соединенія мѣди съ угольною кислотою имѣютъ болѣе сложный составъ, заключая также гидратъ окиси этого металла въ различныхъ количествахъ; внутренняя часть пламени свѣчи не синяя (стр. 55),—впрочемъ, на слѣдующей страницѣ авторъ называетъ ее темною; на стр. 73 авторъ даетъ описание извѣстнаго опыта со льдомъ—кусокъ льда перерѣзывается, но остается цѣлымъ—но, вместо проволоки, вездѣ говорить о бичевкѣ; на стр. 74 авторъ неправильно отождествляетъ „варъ“ (древесную смолу) съ „горюю смолою“. На стр. 77 „картошіанский водолазъ“ называется „американскимъ водолазомъ“; на стр. 95 мине-

ралы упорно называются „минералами“; напрасно также алюминий называется „аллюминий“ (стр. 98 и 100), песчаникъ — „песчаникъ“ (стр. 104, 105); стражно читать (стр. 104) — „при знакомствѣ съ углекислымъ газомъ говорилось“ и проч.; нельзя утверждать, что изверженныя горныя породы „когда-то такимъ же образомъ вышли изъ глубины земли“, какъ теперь выходить лава изъ вулкановъ. Авторъ говорить, что „Везувій возвышается верстахъ въ двадцати оть крупнаго итальянскаго города Неаполя“ (стр. 129—130) — насколько мнѣ известно, разстояніе отъ Неаполя до Везувія не tanto велико, затѣмъ, почему Неаполь называется здесь „крушимъ“ городомъ, а не просто большими? На стр. 131 (рис. 83) изображенъ не „домъ, разрушенный землетрясениемъ“, а мусульманская мечеть; не вѣрно, что „въ Петербургъ торфъ везутъ изъ Финляндіи“ (стр. 158).

Стр. 5 и 6. Авторъ утверждаетъ, что вода не войдетъ въ стаканъ, опущенный въ лес вверхъ дномъ. Это невѣрно. Вода никогда не наполнитъ стакана, но непремѣнно въ него войдетъ. Въ большой глубинѣ весь воздухъ сожмется въ маленький пузырекъ.

Стр. 8. Авторъ говорить, что весь газъ, выходящій изъ бутылки сельторской воды, могъ помѣститься въ ней потому, что онъ былъ сжать. Авторъ забылъ, что часть газа была растворена.

На стр. 16 читаемъ: „Въ первый разъ это замѣтилъ одинъ итальянскій учёный, который, поднимаясь на высокую башню въ итальянскомъ городѣ Низѣ, увидѣлъ, что ртуть въ барометрѣ опускается“. Первое наблюденіе сдѣлалъ Perier, шуринъ Pascal'я 15-го ноября 1647 г. на горѣ Puy-de Dôme около Clermont'a. Самъ Pascal повторилъ опытъ на башнѣ St. Jacques de la Boucherie въ Парижѣ; затѣмъ Chanut въ Стокгольмѣ и др.

Стр. 66—70. Авторъ называетъ водянымъ паромъ *видимую струю*, а то, что въ науку называется паромъ, у него является подъ названіемъ водяного газа. Врядъ ли это удобно.

Стр. 79—80. Крупный промахъ! Авторъ говорить о расширениіи воды при ея охлажденіи ниже 4° , и затѣмъ безо всякаго разъясненія переходитъ къ доказательствамъ расширениія воды при ея замерзанії. Читатель не сообразить, что здесь говорится о двухъ совершенно различныхъ явленіяхъ, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать. Одно изъ нихъ — ничтожное расширение воды при ея охлажденіи отъ 4° до 0° ; другое явленіе — колосальное расширение (на 9% объема!) въ моментъ замерзанія. Второе въ 700 разъ больше первого! Авторъ не-

вѣрио говорить, что ледъ въ горячей водѣ тонеть. Плотность льда 0,91674, а плотность воды при 100° равна 0,95863.

Стр. 186. „Если потереть мѣдную монету, пуговицу или другую мѣдную вещь ртутью, то она побѣльеть, т. е. покроется съ поверхности ртутнымъ слоемъ.“. Поверхностный слой, очевидно, состоитъ не изъ ртути, а изъ амальгамы мѣди.

С. Гленика и Ф. Хвельсонъ.

**Лакуръ П. и Аппель Я. Историческая физика.* Переводъ съ польскаго подъ редакціей „Выставка Опытной Физики и Элементарной Математики“. Книгоиздательство Mathesis. Выпускъ I. Одесса 1907 г. Подписанная цѣна за два тома (около 800 страницъ и 800 рисунковъ) 5 р. 50 к. безъ пересылки и 6 р. 50 к. съ пересылкою. По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.

Нельзя не привѣтствовать этого интереснаго изданія. Все сочиненіе состоитъ изъ двухъ томовъ, въ которыхъ первый содержитъ статьи: 1) Мирозданіе. Свѣдѣнія и открытия до 1630 г. 2) Свѣтъ. Отъ древнійшихъ временъ до Ньютона. 3) Сила. 4) Мирозданіе. Свѣдѣнія и открытия послѣ 1630 г. 5) Звукъ. 6) Природа света и 7) Спектральный анализъ. Второй томъ содержитъ статьи: 1) Теплота, 2) Магнетизмъ, 3) Электричество до 1790 г., 4) Электрический токъ, 5) Погода.

Пока вышелъ первый выпускъ первого тома (стр. 1—144), содержащий первыя двѣ изъ указанныхъ выше статей и часть третьей. Предполагается закончить все изданіе въ срединѣ 1908 г.

Книга читается легко; она содержитъ весьма удачно подобранный матеріалъ и обильно снабжена хорошо выполненными рисунками. Переходъ никакихъ замѣчаній не вызываетъ. Цѣна, при подпискѣ, невысокая, а потому представляется весьма желательнымъ, чтобы наши среднія учебныя заведенія подписались на эту интересную книгу.

Ф. Хвельсонъ.

Книжные новости.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію въ теченіе октября и ноября мѣсяцевъ.

— *Ариамакова, Серафима.* Недостатки современной системы обучения, какъ причины неправильного развитія индивидуального духа. Полоцкъ 1907. 75 стр. Цѣна 60 коп.

- Карпова, Н. Введение въ изучение содиологии. Издание 2-е. С.-Пб. 1907. XXI+451 стр. Цѣна 1 руб. 75 коп.
- Гриценко, М. П. Я. Чадаевъ. Жизнь и мышленіе. С.-Пб. 1908. IV+320 стр. Цѣна 1 руб. 25 коп.
- Чернышевъ, В. Недаогическия взгляды А. И. Радищева. С.-Пб. 1907. 23 стр. Цѣна 10 коп.
- Поповъ, П. А. Краткая система каталога для небольшихъ библиотекъ (приложительно къ десятичной системѣ Международного библиографического института) съ алфавитными къ ней указателемъ. Приложеніе: Библиографическая карточка. Издание составляется. Выпскъ 1907. 16 стр. Цѣна 10 коп.
- Денисюкъ, Н. Гр. Алексей Константиновичъ Толстой. Его время, жизнь и сочиненія. М. Издание А. С. Панайотовой. 1907. VI+112 стр. Цѣна 30 коп.
- Денисюкъ, Н. Критическая литература о произведенияхъ гр. А. К. Толстого. Съ портретомъ и биографическими очерками. М. Издание А. С. Панайотовой. 1907. Выпскъ первый. 175 стр.—Выпскъ второй. IV+212 стр. Цѣна по 1 руб.
- Отчетъ о состояніи Вятской губернской публичной библиотеки имени императора Николая I за 1906 годъ. Вятка 1907. 24 стр.
- Рудницъ, Е. К. Памяти профессора И. В. Помиловского. († 28-го сентября 1906 г.). Харьковъ 1908. 8 стр. Цѣна 25 коп.
- Успенскій, М. П. Овощеводческія въ начальной школѣ. С.-Пб. 1908. 22 стр. Цѣна 10 коп.
- Билимовичъ, А.я., пр-доц. Землестроительные задачи и землестроительное законодательство Россіи. Кіевъ 1907. VI+198 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.
- Краузъ, А. и М. Руководство по истории греческой литературы. Часть I. Переводъ съ французского яз. С. И. Радига. Издание Московскихъ Высшихъ Женскихъ курсовъ. М. 1907. VII+372 стр. Цѣна 1 руб. 75 коп.
- Загоскинъ, Н. П. Исторія Императорскаго Казанскаго университета за первое столѣтіе его существования. 1804—1904. Томъ четвертый. Окончаніе части третьей. (1819—1827). Казань 1906. 692+XVIII+VIII стр.
- Исторія Россіи въ XIX вѣка. Издание т-ва бр. А. и И. Гранатъ. Выпуски 1—5. Стр. 1—320.

СОВРЕМЕННАЯ ЛІТОПИСЬ.

КІЕВСКІЙ УЧЕБНИЙ ОКРУГЪ ВЪ 1906 ГОДУ¹⁾.

I. Среднія учебныя заведенія.

Къ 1 ливаря 1907 года въ Кіевскомъ учебномъ округѣ числились слѣдующія среднія учебныя заведенія (не специальныя): 27 мужскихъ гимназій (въ томъ числѣ коллегія П. Галагана), одна шестиклассная и 3 четырехклассныхъ мужскихъ прогимназій, 12 реальныхъ училищъ, 41 женская гимназія, 11 женскихъ прогимназій и 1 Острожское графа Блудова жепское училище. Такимъ образомъ въ 1906 году въ Кіевскомъ округѣ числилось 96 среднихъ учебныхъ заведеній (противъ 92 въ прошломъ году), изъ нихъ—43 мужскихъ и 53 женскихъ.

Изъ этого числа среднихъ учебныхъ заведеній вновь открыты въ теченіе 1906 года: городская мужская гимназія въ Переяславлѣ, земская мужская прогимназія въ Золотоношѣ Полтавской губерніи и частная мужская прогимназія Л. П. Жука въ Кіевѣ; новое реальное училище было открыто городскимъ общественнымъ управлениемъ въ г. Барѣ Подольской губ.; число среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній, въ общемъ, осталось безъ перемѣны, такъ какъ съмъ прогимназій были преобразованы въ гимназіи (въ Кіевѣ, Житомирѣ, Бердичевѣ, Черкасахъ, Уманн, Сосницѣ и Кобелякахъ); одна прогимназія съ перемѣнной мѣстомъ (изъ Могилева Подольского въ Звенигородку) преобразовалась также въ гимназію, и, наконецъ, въ Миргородѣ

¹⁾ По „Отчету попечителя Кіевскаго учебнаго округа о состояніи учебныхъ заведеній округа за 1906 годъ“. Кіевъ. 1907. 40+31+31+90+43+23+4+8+5+39+16+6 стр. со мног. табл.

родѣ одно частное учебное заведеніе преобразовано въ частную женскую прогимназію.

a) Мужскія гимназіи.

Къ 1-му января 1907 года въ 27 гимназіяхъ и 4 прогимназіяхъ всего числилось—13.292 ученика, на 689 человѣкъ болѣе предыдущаго года. Эта небольшой пропорціи объясняется прежде всего увеличеніемъ числа учебныхъ заведеній, такъ какъ во вновь открытыхъ учебныхъ заведеніяхъ поступило 511 учениковъ. Наибольшее количество учащихся насчитывали по прежнему Киевская 1-я (835 ч.) и Житомирская 1-я (800 ч.) гимназіи; наименѣшее (не считая коллегіи И. Галагана)—56 чл. и гимназій съ incomplete составомъ классовъ)—въ гимназіяхъ: Новгородъ-Северской (329), Нѣжинской (336) и Глуховской (339 чл.). Въ среднемъ на одно учебное заведеніе этого типа приходится 429 учениковъ; на классъ (помѣрный, параллельный или приготовительный)—около 42 учащихся.

Изъ всего числа учащихся—

въ приготовительномъ классѣ состояло	1.232
" первомъ	1.860
" второмъ	1.963
третьемъ	1.853
четвертомъ	1.652
пятомъ	1.360
шестомъ	" . 1.241
седьмомъ	" . 1.142
восьмомъ	" . 989
Въ среднемъ на классъ приходится	1.400

По вѣроисповѣданію и по сословіямъ всѣ учащіеся въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

По вѣроисповѣданію:

Православныхъ	. 9.154 или 68, 8%
Римско-католиковъ	. 2.038 15, 4%
Іудеевъ	1.818 13, 7%
Лютеранъ	. 234 1, 7%
Разныхъ нехристіанскихъ исповѣданій .	30 0, 2%
Магометанъ .	14 0, 1%
Армянъ	4 0,03%

Какъ и въ предыдущіе годы, наибольшее количество католиковъ обучалось въ Житомирской 1-й (37,1% противъ 44% православныхъ), Бѣлоцерковской (33,6% противъ 52,5% православныхъ), Немировской и Острожской (несколько болѣе 30%) гимназіяхъ и Луцкой прогимназіей (35,4% противъ 47,8% православныхъ). Но слѣдуетъ замѣтить, что 95,9% католиковъ обучались въ гимназіяхъ Юго-Западнаго края, а на долю Черниговской и Полтавской губ. ихъ приходилось всего 4,07% (изъ 1905 г.—4,9%).

Число учащихся юдейскаго вѣроисповѣданія значительно превысило норму, достигнувъ 1-му января 1907 года—13,7% (12,3% въ 1905 г.); въ Киевскихъ гимназіяхъ вместо 5% обучалось 9,1% еврѣевъ (въ казенныхъ гимназіяхъ—7%). Такое значительное отступление отъ нормы допущено вслѣдствіе соответствующихъ распоряженій министерства (отъ 26-го июля 1903 года и отъ 31-го октября 1905 года).

По сословіямъ:

Наблюдалось слѣдующее распределеніе учащихся:

Дѣтей личныхъ дворянъ и чиновниковъ .	3.757	или 28, 2%
мѣщанъ и цеховыхъ .	3.839	25, 1%
потомственныхъ дворянъ .	1.904	13, 8%
почестныхъ гражданъ и купцовъ .	1.441	10, 8%
крестьянъ .	1.291	9, 7%
лицъ духовного званія .	886	6, 6%
казаковъ .	404	3,04%
иностранцевъ .	160	1, 2%
прочихъ сословій .	110	0, 8%

Учениковъ, вновь поступившихъ въ гимназіи и прогимназіи въ 1906 году, было—3.351 (на 290 челов. болѣе предыдущаго года). Выбыло за тотъ же періодъ времени 2.662 ученика, или 20,02% всѣхъ учившихся (18,6% въ 1905 г.). Изъ нихъ 833 челов. (6,22%) окончили курсъ ученія; по причинѣ малоуспѣшности и дурнаго поведенія выбыло—254 уч., или 1,9% (въ 1905 г.—тоже 1,9%), оставльные выбыли по причинамъ, отъ гимназій не зависѣвшимъ. Точноѣ, изъ числа 254 выбывшихъ, 162 ученика выбыло изъ младшихъ классовъ и 92 изъ четырехъ старшихъ классовъ. По причинѣ дурнаго поведенія выбыли 54 ученика (19 младш. и 35 старш.), по причинѣ малоуспѣшности—128 (89 младш., 39 старш.), но той и другой причинѣ

вмѣстѣ—72 (54 младш. и 18 старш.) ученика. Наибольшее количество выбывшихъ (50 или 8,2%), какъ и въ прошломъ году, приходится на Каменець-Подольскую гимназію и Бѣлоперковскую (28 учен. или 6,5%). Совсѣмъ не было выбывшихъ въ коллежіи П. Галагана, въ гимназіи Наумскго, прогимназіи Жука и Золотоношской земской прогимназіи. Но общая оцѣнка поведенія учащихся вовсе не даетъ понятія о дѣйствительномъ уровнѣ нравственнаго состоянія гимназій. „Если къ концу отчетнаго года въ общемъ и обнаружилось иѣкоторое улучшеніе въ поведеніи учащихся, то все же далеко нельзя сказать, что наступило полное успокоеніе. Въ теченіе всего года было иѣсколько случаевъ грубыхъ бевчинствъ учениковъ въ стѣнахъ гимназій и дѣлались попытки бойкотировать преподавателей. Разслѣдованіе печальныхъ событій конца 1905 года и инцидентовъ отчетнаго года вполнѣ установило наличность вліянія извѣтъ, вызывающаго всѣ эти инициаціи и всѣ эти бойкоты, для которыхъ въ организаціи самой школы въ дѣйствіяхъ педагоговъ не было серьезныхъ оснований; послѣднихъ можно обвинять въ недостаткѣ энергіи въ борьбѣ съ ученическими выходками и иногда въ потерѣ равновѣсія, вызываемой единодушіемъ родителей и дѣтей и изолированностью учащихъ”¹⁾.

При началѣ испытаній въ 1906 году въ VIII классѣ числилось 825 человѣкъ, изъ нихъ къ испытаніямъ на аттестовать зрѣлости допущено было 787, или 95,4% (96,2% въ 1905 г.). Изъ допущенныхъ удостоено аттестатовъ 767 или 92,9% (94,1% въ 1905 г.) общаго числа учениковъ VIII класса и 97,4% числа допущенныхъ къ испытаніямъ. По возрасту получившіе аттестаты зрѣлости распредѣляются такъ: 17-ти лѣтъ 22, или 2,8%; 18-ти—141, или 18,3%; 19-ти—206, или 26,8%; 20-ти—199, или 25,9%; 21 и болѣе—199 лицъ, или 25,9%. Изъ числа лицъ, получившихъ аттестаты, болѣе всего оказалось желающихъ поступить на юридический факультетъ университета (228 челов., или 24,1%) и физико-математической (209 ч. или 22%); всего менѣе желали пойти по искусствамъ (11 челов., или 1,1%), на государственную и частную службу (по 2 челов., или 0,2%) и на богословскій факультетъ (1 челов.). Изъ числа 379 экстерновъ, державшихъ при гимназіяхъ экзамены на аттестовать зрѣлости, выдержали его 180 человѣкъ, или 47,4%. Въ то время, какъ при Лубенской гимназіи выдержали экзамены почти $\frac{3}{4}$ экстерновъ,—при Житомирской 1-й изъ 11—одинъ.

¹⁾ См. „Отчетъ“, стр. 34.

Изъ необязательныхъ предметовъ—греческимъ языкомъ занимались въ отчетномъ году 167 учениковъ V—VII классовъ гимназий; въ хорахъ участвовало болѣе 1.000 воспитанниковъ; музикѣ обучалось („не считая любителей балалайчиковъ, число коихъ значительно болѣше...“)—598 учен.; черченiemъ и рисованiemъ занимались 146 человѣкъ; где позволяетъ помѣщеніе, преподается гимнастика и фехтованіе, при чёмъ весною при Бѣлоцерковской гимназіи было устроено гимнастической праздникъ; при трехъ гимназіяхъ организованы для желающихъ занятія ручнымъ трудомъ, за который ученики охотно берутся и въ короткое время достигаютъ значительныхъ успѣховъ.

Изъ вѣдомственныхъ занятій „Отчѣтъ“ прежде всего отмѣчаетъ практическіе занятія по физикѣ, организованные въ праздничные дни при Киевской 1-й, Киевской 2-й и Бѣлоцерковской гимназіяхъ и при коллегіи П. Галагана.. Въ вѣсельскихъ гимназіяхъ были устроены чтенія по природовѣдѣнію, географіи и исторіи съ волнистыми фонами—рельефомъ. Съ учениками первыхъ трехъ классовъ есть преподаватели природовѣдѣнія совершили болѣе или менѣе отдаленные прогулки для ознакомленія съ явленіями природы и мѣстной флорой и фауной. Ученики кіевскихъ гимназий обозрѣвали мѣстные исторические памятники, святыни, музеи и замѣчательныя городскія сооруженія. Ученики другихъ гимназий округа обозрѣвали ближайшіе заводы, преимущественно свекло-сахарные. Ученики Глуховской гимназіи обозрѣвали храмъ трехъ Анастасій; ученики Черкасской гимназіи посѣтили имѣніе и различные заводы. 22 ученика частной гимназіи В. И. Петра подъ руководствомъ директора совершили мѣсячную поездку за границу. Но „въ общемъ“, заключаетъ авторъ отчета этого отдѣла, „надо сказать, что отчетный годъ, какъ въ 1905 г., не былъ благоприятенъ для устройства экскурсій вслѣдствіе пепокойного настроенія учениковъ старшихъ классовъ и вслѣдствію беспорядковъ въ разныхъ городахъ Россіи“¹⁾.

Въ теченіе 1906 года на содержаніе казенныхъ гимназій и Луцкой прогимназіи было израсходовано 1.405.944 р. 35 к.—на 43.071 р. 50 к. болѣе предыдущаго года. Главными источниками, изъ которыхъ образовалась эта сумма, были слѣдующіе:

ассигнованіе изъ средствъ государ-

ственного казначейства	589.969 р. 97 к., или 42%
плата за учение	457.215 „ 17½ „ 32,5%

¹⁾ См. „Отчѣтъ“, стр. 33.

сборъ за содержаніе воспитанниковъ			
въ пансионахъ	176.306	" 18	12,5%.
%/о/% съ пожертвованныхъ капит-			
лопъ	53.619	" 5½ "	3,8%.

На средства мѣстныхъ обществъ (земскіе сборы, городскія суммы) падаетъ только 54.352 р. 6 к., или 3,9% (въ 1905 г.—52.902 р., или 3,7%).

Платы за обученіе взимались: въ двухъ гимназіяхъ по 80 руб. въ годъ, иль двухъ—по 70 руб., въ пяти—по 60 руб., въ шести—по 50 руб. и въ трехъ—по 40 руб.; въ одпой гимназіи со второго полу-годія плата повиннаша на 10 руб. въ годъ. Всого въ теченію 1906 г. платы за обученіе въ гимназіяхъ поступило—512.075 р. 38 к.

Принимая въ соображеніе суммы, израсходованныя на содержаніе учебныхъ заведеній, и количество учащихся въ нихъ, получасмъ среднюю стоимость обученія одного ученика гимназіи¹⁾—104 р. 35 к. (94 р. 47 к. въ 1905 г.) и въ прогимназіи—70 р. 2 к. (106 р. 20 к. въ 1905 г.). Дороже всего обходится содержаніе въ Нѣжинской гимназіи (139 р. 92 к. при 336 ученикахъ), наиболѣе дешево—въ Житомирской 1-й (89 р. при 800 ученикахъ). Самая дорогая прогимназія Луцка (92 р. 56 к. при 389 ученикахъ), а наиболѣе дешевая—Золотопопівская земская (41 р. 16 к. при 202 ученикахъ).

Изъ числа учащихся въ гимназіяхъ округа 4.379 человѣкъ или 32,9% (3.443 ученицы, или 27,3% въ 1905 г.) пользовались разнаго рода пособіями отъ учебныхъ заведеній, или состоящихъ при нихъ благотворительныхъ обществъ. Общая сумма разнаго рода пособій достигаетъ 189.380 руб.; въ томъ числѣ израсходовано самими учебными заведеніями 124.428 руб., или 69,6%; стипендій выдано на 40.304 руб. 16 к.

в) Реальнныя училища.

Въ 1906 году въ Кловскомъ учебномъ округѣ числилось 12 реальныхъ училищъ (11 казенныхъ и одно частное), болѣе 1905 г. на одно училище. Въ нихъ къ 1-му января 1907 г. состояло 4.350 учащиковъ, на 441 человѣка болѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году. Значительное увеличеніе числа учащихся слѣдуетъ отнести на долю открытия нового училища въ г. Барѣ и новыхъ классовъ въ трехъ еще не

¹⁾ Не считая коллегіи П. Галагана, где содержаніе каждого ученика обходилось въ 1.154 р. 45 к.

вполнѣ сформированныхъ училищахъ. Наибольшее количество учащихся насчитывается, какъ и въ 1905 г., въ Киевскомъ (655 челов.) и Полтавскомъ (551 челов.) реальныхъ училищахъ; наименьшее—въ Ровенскомъ (269 челов.) и Киевскомъ частномъ Г. А. Валькера (174) реальныхъ училищахъ. Въ среднемъ на одно реальное училище приходится около 363 человѣкъ учащихся (противъ 355 человѣкъ въ 1905 г.), а на каждый отдельный классъ—38 учащихся. Неполный составъ классовъ имѣли два училища: Проскуровское—4 и Барское два основныхъ класса.

Всё количество учащихся по классамъ распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Въ приготовительномъ классѣ состояло . . 493 чел.

„ первомъ	„	809
„ второмъ	„	691
„ третьемъ		627
„ четвертомъ		552
„ пятомъ основномъ	469	„
„ коммерческомъ „	10 ¹⁾	„
„ шестомъ основномъ	442	„
„ коммерческомъ „	6 ¹⁾	„
„ седьмомъ (дополнительномъ) ²⁾ „	251	

Въ среднемъ на классъ³⁾ приходилось по . 544 „ (489 въ 1905 г.).

По вѣроисповѣданіямъ и по сословіямъ всѣ учащіеся въ реальныхъ училищахъ распредѣлялись такъ:

По вѣроисповѣданію:

Православныхъ	. 2.985 или 68, 6%
Римско-католиковъ	610 14%
Іудеевъ ..	525 12, 1%
Лютеранъ	216 4, 9%

²⁾ Коммерческие V и VI классы имѣются только въ Киевскомъ и Кременчугскомъ реальныхъ училищахъ.

³⁾ Дополнительного (VII) класса нѣть только въ Черниговскомъ, Проскуровскомъ, Барскомъ и частномъ Г. А. Валькера реальныхъ училищахъ.

⁴⁾ Коммерческие V и VI классы, по малочисленности, считаются вмѣстѣ съ соответствующими основными.

Разныхъ нехристіанскихъ исковѣданій .	9	0, 2%
Магометанъ	4	0, 1%
Армяно-грегоріанъ	1	0,02%

Наибольшее количество обучалось въ Винницкомъ (32,1% противъ 53,3% православныхъ) и Ровенскомъ (29,3% противъ 54,7% православныхъ) реальныхъ училищахъ. И вообще слѣдуетъ замѣтить, что 88,7% католиковъ приходится на 6 училищъ Юго-Западного края. Евреевъ въ реальныхъ училищахъ числилось въ общемъ 12,1% (около 10% въ 1905 г.), т. е. на 2,1% болѣе нормы. Но въ частности встречаются очень рѣзкія отклоненія отъ нормы: въ Барскомъ реальному училищѣ евреевъ—58,8% общаго числа учащихся, въ Проскуровскомъ—18,5%, въ Кременчугскомъ—14,1%, въ Винницкомъ—12,9% и т. д.; но въ то же время въ Киевскомъ частноть реальному училищѣ Г. А. Валькера—4,6%, св. Екатерины—5,3%.

По сословіямъ:

Дѣтей мѣщанъ и цеховыхъ .	. 1.828	учениковъ или 30, 5%
личныхъ дворянъ и чиновниковъ .	827	19,01%
потомственныхъ дворянъ	718	16, 5%
крестьянъ	559	12, 8%
почестныхъ гражданъ и купцовъ .	485	11, 1%
казаковъ	214	4, 9%
лицъ духовнаго званія	108	2, 4%
иностраницъ	98	2, 2%
прочихъ сословій	13	0, 3%

Въ теченіе 1906 года выбыло изъ реальныхъ училищъ до окончанія курса 538 человѣкъ, т. е. 12,3% всего числа учащихся (въ 1905 г.—12,2%). Но для правильной оцѣнки этого количества необходимо принять во вниманіе, что 449 человѣкъ изъ числа выбывшихъ до окончанія курса перешли въ другія учебныя заведенія для продолженія образования и только 89 человѣкъ, или 2,05% (въ 1905 г.—2,5%), выбыли вслѣдствіе малоупішности (25,7%), или дурнаго поведенія (53,9%, противъ 5,3% въ 1905 г.), или по той и другой причинѣ вмѣстѣ (19,1%, противъ 22,3% въ 1905 г.). Въ Черниговскомъ и Барскомъ (вновь открытое) реальныхъ училищахъ такой категоріи выбывшихъ не было вовсе. Окончили курсъ—196 учащихся, или 5,5% всѣхъ учащихся (6,4% въ 1905 г.) въ училищахъ, имѣв-

шихъ выпускные классы. Такимъ образомъ всѣхъ выбывшихъ въ реальныхъ училищахъ насчитывается 734 человѣка, или 16,9%¹⁾ (въ 1905 г.—18,6%) всего числа учащихся. Вновь поступившихъ было 1.175 человѣкъ, что дало увеличеніе общаго количества учащихся въ реальныхъ училищахъ на 441 ч.

Средняя успѣшность учащихся въ отчетномъ году выражалась 77,8% (въ 1905 г.—77,6%); удостоено перевода въ высшіе классы 72,7% (въ 1905 г.—63,2%). Разматривая данный приведенныхъ въ отчетѣ таблицы, находимъ, что число удостоенныхъ перевода въ высшіе классы значительно выше числа успѣвшихъ въ теченіе года, при чмъ разница колеблется между 5,1% (VI основн. кл.) и 29,5% (III кл.), а въ VI коммерческомъ достигаетъ даже 30%. Число окончившихъ курсъ семи классовъ на 0,8% менѣе числа успѣвшихъ въ году. Не удостоенными аттестатовъ оказались ученики Роменскаго и Киевскаго реальныхъ училищъ.

Въ теченіе учебнаго 1906 года учащимися пропущено 191.432 урока (въ 1905 г.—165.416 уроковъ), въ томъ числѣ 3.621 урокъ по нeуважительнымъ причинамъ. Общее число пропущенныхъ уроковъ возрасло противъ 1905 г. на 26.016, но число пропущенныхъ по нeуважительнымъ причинамъ сократилось на 5.469 (въ 1905 г. возрасло въ 15 разъ). Преподавателями реальныхъ училищъ пропущено 4.584 урока (въ 1905 г.—3.417), всѣ по болѣзни, или другимъ нeуважительнымъ причинамъ.

Изъ необходимоныхъ предметовъ въ реальныхъ училищахъ Черниговскомъ, Винницкомъ и Новозыбковскомъ, начиная съ IV класса, для желающихъ введено было изученіе латинскаго языка, которымъ и занимались 53 человѣка. Чтенія по гигиенѣ введены были во всѣхъ училищахъ, но не вездѣ они охотно посещались, а въ Роменскомъ реальному училищѣ даже прекратились за недостаткомъ слушателей. Въ хорахъ состояло свыше 300 человѣкъ, благодаря чмъ при некоторыхъ училищахъ явилась возможность устраивать литературныя чтенія съ исполненіемъ хоровыхъ пѣсъ. При 8 училищахъ организованы ученические оркестры изъ духовыхъ и струнныхъ инструментовъ, въ которыхъ принимаютъ участіе 253 ученика, „но особенно охотно ученики играютъ на балалайкахъ“. Въ Киевскомъ училищѣ желающіе обучаются фехтованію и ручному труду; въ Кременчугскомъ и Черниговскомъ училищахъ за особую плату желающіе обучаются танцамъ.

¹⁾ А не 17, 8%, какъ указано на 15 стр. „Отчета“.

Къ выѣкласнныи занятіямъ учащихся должны быть отнесены ли-тературныи бесѣды, систематически организованныи въ реальномучилищѣ св. Екатерины въ теченіе первого полугодія преюдающимъ русскій языкъ профессоромъ Лободой и въ теченіе второго полугодія—преподавателемъ Жовнеромъ. Въ Ровенскомъ реальномучилищѣ предметомъ выѣкласнныхъ бесѣдъ были избрани произведения Шекспира. Въ томъ же училищѣ въ теченіе 1906 года учителемъ естественной исторіи и географіи совершены были 8 экскурсій съ учениками I и II классовъ. Естественно-историческія экскурсіи производились и въ другихъ училищахъ съ учениками преимущественно младшихъ классовъ. Были и болѣе отдаленные экскурсіи, напримѣръ: учениковъ Ровенскаго реальнаго училища въ городѣ Здолбуново и мѣст. Славуту для осмотра фабрикъ, заводовъ и железнодорожнаго депо; ученики старшихъ классовъ Новозыбковскаго реальнаго училища совершили геологическую поѣздку въ Новгородсьверскъ. Историческія экскурсіи предпринимались преимущественно въ училищахъ города Кієва. Во выѣкласное время организованы были занятія по математикѣ въ Ровенскомъ и Черниговскомъ реальныхъ училищахъ для учениковъ старшихъ классовъ; а въ Роменскомъ реальномучилищѣ астрономическія наблюденія съ небольшими группами старшихъ учениковъ.

Изъ 350 учениковъ (въ 1904—5 г.—300), состоявшихъ къ концу 1905—6 учебнаго года въ VI основномъ классѣ, приступили къ испытанию 293 ученика, т. е. 83,7% (въ 1904—5 году—87,3%), выдержаны испытанія 246 человѣкъ, или 70,8% (въ 1904—5 г.—75,3%) всѣхъ учившихся въ этомъ классѣ и 83,9% (противъ 86,2% въ 1904—5 г.) подвергшихся испытанію. Изъ семи учениковъ коммерческаго отдѣленія допущены были къ испытаніямъ 6 учениковъ, или 85,7%, каковые всѣ и были удостоены аттестатовъ (въ 1904—5 г. изъ 11—девять, или 87,8%; выдержаны также всѣ). Изъ 36 постоянноящихъ лицъ, приступившихъ къ испытаніямъ за шесть классовъ, выдержаны таковое 19, т. е. 52,7% (въ 1905 г.—52,9, или изъ 34 человѣкъ—восемнадцать).

Къ окончательнымъ испытаніямъ приступили 169 учениковъ изъ 181 учившихся въ VII классѣ (въ 1905 г. 194 человѣка изъ 202), т. е. 96% (въ 1905 г. тоже 96%). Изъ нихъ удостоены аттестатовъ 164, т. е. 97,04% (въ 1905—94,3%) подвергшихся испытаніямъ.

Постороннихъ лицъ приступило къ испытаніямъ 57; изъ нихъ вы-

держало испытания 32 (въ 1905 г.—21 и 15 человѣкъ), т. е. 56,1% (противъ 71,4% въ 1905 г.). Изъ кончившихъ сеѧ классомъ реальныхъ училищъ 98 человѣкъ, или 59,8%, были моложе 20 лѣтъ, а 66 человѣкъ, или 40,2%—двадцати лѣтъ и старше.

Изъ 196 лицъ, получившихъ свидѣтельства объ окончаніи сеѧ классовъ реального училища, 120 человѣкъ, или 61,2% предполагали поступить въ высшія техническія заведенія.

На содержаніе реальныхъ училищъ округа (кромѣ частнаго реальнаго училища Валькера) въ 1906 г. было всего израсходовано 437.818 руб. 18 к., болѣе чѣмъ въ 1905 году на 26.748 руб. 35 коп. Средства на содержаніе реальныхъ училищъ получались главнымъ образомъ:

1) изъ суммъ государственного казначейства	205.111 р. 37 к. или 46,9%
2) взноса платы за обученіе .	183.082 „ 56 „ 41,8%
3) городскихъ суммъ	14.597 „ 49 „ 3,3%
4) земскихъ суммъ	19.234 „ 13 „ 4,3%

и т. д. Вообще, наибольшій расходъ по содержанію реальныхъ училищъ падаетъ на государственное казначейство (46,9%), почти столько же (вмѣстѣ съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ—6.891 р., или 1,4%) расходуютъ самі реальные училища (всего 189.473 р. 56 к., или 43,2%). Мѣстныя общества—земства (19.234 р. 13 к.) и города (14.597 р. 49 к.) расходуютъ на содержаніе реальныхъ училищъ только 33.831 р. 62 к. ¹⁾, или 7,6%; „тѣмъ болѣе непонятнымъ является стремленіе уклониться отъ взноса и этой небольшой субсидіи“ ²⁾.

Плата за ученіе въ казенныхъ реальныхъ училищахъ взималась слѣдующаѧ: иль двухъ училищахъ по 60 руб. въ годъ, иль пяти—по 50 руб. и въ двухъ—по 40 руб.

Принимая во вниманіе всѣ расходы по содержанію казенныхъ реальныхъ училищъ и количество обучавшихся въ нихъ въ 1906 году учениковъ, получимъ въ общемъ среднюю стоимость обученія одного ученика; стоимость эта равна 104 р. 41 коп. (въ 1905 г.—125 р. 13 коп.). По отдѣльнымъ училищамъ цифра эта колебалась между 85 р. 98 к. (Киевское училище—655 учениковъ) и 129 р. 61 коп.

¹⁾ А не 33.832 р. 62 к., какъ показано въ „Отчетѣ“.

²⁾ См. „Отчетъ“, стр. 28.

(Роменское училище съ 287 учениками). Въ реальномъ училищѣ св. Екатерины (въ Киевѣ), при даровомъ помѣщеніи, обученіе одного ученика обошлось въ 89 р. 48 к. Барское реальное училище (открытое въ сентябрѣ 1906 г. въ составѣ 3 классовъ) въ разсчетъ не принято; въ немъ обученіе ученика обошлось всего въ 37 руб. 19 коп. въ полугодіе (при 144 ученикахъ).

Матеріальная помощь учащимся въ отчетномъ году выразилась суммою 49.394 руб. 31 коп. (въ 1905 г.—46.315 р. 88 к.); въ томъ числѣ освобождено отъ платы за обученіе по правамъ службы родителей на 13.180 р.; въ счетъ 10% бѣднѣйшіе и наиболѣе успѣвающіе ученики на 20.555 р.; разнаго рода пособій и стипендій выдано на 6.285 р. 80 коп. Благотворительный при реальныхъ училищахъ общества выдали пособій на 9.373 руб. 51 к.—преимущественно на уплату за право обученія.

с) Женскія гимназіи и прогимназіи.

Въ отчетномъ году въ Киевскомъ учебномъ округѣ числилось всего 53 женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній: 41 гимназія, 11 прогимназій и одно Острожское женское графа Блудова училище. По сравненію съ предыдущимъ 1905 г. общее число учебныхъ заведеній не увеличилось, но измѣнилось ихъ соотношеніе; семь прогимназій были преобразованы въ гимназіи, которыхъ такимъ образомъ стало 41, а прогимназій осталось 11 вмѣсто 19 въ 1905 г. Число классовъ въ женскихъ гимназіяхъ къ 1-му января 1907 года возрасло до слѣдующаго количества: праготовительныхъ классовъ—42, нормальныхъ—278, параллельныхъ—46 и дополнительныхъ—19; въ прогимназіяхъ: приготовительныхъ классовъ—10, нормальныхъ—49.

По числу женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній первое мѣсто занимаетъ Киевская губернія (16 гимназій и 2 прогимназіи), затѣмъ слѣдуютъ губерніи: Полтавская (10 гимназій и 3 прогимназіи), Черниговская (7 гимназій и 3 прогимназіи), Подольская (4 гимназіи и 2 прогимназіи) и Волынская (4 гимназіи, 1 прогимназія и Острожское графа Блудова училище). Изъ 61 уѣзднаго города Киевскаго округа имѣютъ гимназіи—31 городъ (вмѣсто 29 въ 1905 г.) и кромѣ того некоторые наиболѣе многолюдныя мѣстечка (Бѣлая Церковь, Златополь, Пескировъ).

Всѣхъ учащихся въ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Киевскаго округа къ 1-му января 1907 года состояло:

въ гимназіяхъ—14.996 уч. (въ предыдущемъ году 13.567 уч.)

„ прогимназ. — 2.141 „ („ : 1.446 „)

„ Острож. уч.— 276 „ („ : „ 278 „)

Всего 17.413 уч. (въ предыдущемъ году 15.281 уч.)¹⁾.

Изъ этой таблицы видно, что общее число ученицъ въ 1906 г. по сравненію съ 1905 г. возрасло на 2.122 (въ 1905 г.—на 1.547).

Наиболѣе многолюдными гимназіями являются: Черниговская (790 уч.), Полтавская (745 уч.), Кременчугская (675 уч.), Киевская министорская (653 уч.), Новозыбковская (646 уч.) и Роменская (632 уч.); наименьшее число учащихся отмѣчено въ Златопольской гимназіи (195 уч.); болѣе многолюдными въ частныхъ гимназій являются: Полтавская гимназія В. П. Ахшарумовой (518 уч.) и Киевская при евангелическо-лютеранской церкви (479 уч.).

Изъ прогимназій самой многолюдной была Кролевецкая (362 уч.); изъ частныхъ—Киевская Л. Е. Братковой (420 уч.); наименьшее число учащихся было въ Балтской (149 уч.); изъ частныхъ въ Миргородской Н. А. Граповской (49 уч.).

Въ среднемъ, на одну гимназію приходилось 366 ученицъ (въ 1905 г.—370), а на одну прогимназію—195 ученицъ (въ 1905 г.—128).

По классамъ всѣ учащія распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

въ приготовительномъ классѣ	. 1.801	или 10,35% обще. числа уч.
„ первомъ	. 2.355	13,52%
„ второмъ	. 2.320	13,82%
„ третьемъ	. 2.425	13,92%
„ четвертомъ	. 2.435	13,99%
„ пятомъ	. 2.068	11,87%
„ шестомъ	. 1.806	10,32%
„ седьмомъ	. 1.494	8,58%
„ восьмомъ	. 709	4,04%

Самымъ многолюднымъ, такимъ образомъ, бытъ четвертый классъ (въ 1905 г.—третій).

По вѣроисповѣданію и по сословіямъ всѣ учащія въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

¹⁾ Почекому эта цифра учащихся не сходится съ данными „Отчета“ за прошлый годъ, где всѣхъ ученицъ числилось—15.225, въ гимназіяхъ—12.522 и въ прогимназіяхъ 2.425.

По исповѣданію:

Православныхъ	. 9.967	или 57,24%
Евреи.	. 6.049	34,74%
Римск.-католич.	1.063	6, 1%
Различн. христіанск.	813	1,79%
Магометанокъ	9	0,05%
Разн. нехристіанск.	9	0,05%
Армяно-грегор.	3	0,02%

Наибольшій % учащицъ римско-католического исповѣданія наблюдался въ Житомирской частной гимназіи Н. В. Ослянниковой (28,6% противъ 48,9% православныхъ), въ Бѣлоцерковской (26,9% противъ 43,6% православныхъ) и Киевской при Евангелич.-лютеранской церкви (19,4% противъ 44,5% православныхъ).

Общее число учащицъ евреекъ составляло 34,74% (въ 1905 г.—32,12%) учащихся, т. о. болѣе, чѣмъ $\frac{1}{3}$; но въ некоторыхъ частныхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ процентъ учащихся іудейского исповѣданія достигъ и даже значительно превышалъ $\frac{1}{3}$ общаго числа учащицъ въ данномъ заведеніи. Такъ, въ Житомирской гимназіи Тимашевой 77% учащицъ евреекъ при 15,4% православныхъ, въ Киевской прогимназіи Братковой—78,8% противъ 16,2% православныхъ, въ Киевской гимназіи Евсѣвой—72,8% противъ 23,6% православныхъ, въ Бердичевской гимназіи Усановичъ—71,3% противъ 24% православныхъ.

По сословіямъ:

Учащицы женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній Киевскаго округа распредѣлялись такъ, что на общее число 17.413 учащицъ, состоявшихъ къ 1-му января 1907 г., приходилось:

привилегированныхъ сословій .	8.345	учащицъ или 47,9%
непривилегированныхъ сословій	9.068	52,1%,

а именно:

Дочерей мѣщанъ и цеховыхъ	7.029	или 40,4%
личныхъ дворянъ и чиновниковъ	3.831	22%
почетныхъ гражданъ и купцовъ	2.049	11,8%
потомственныхъ дворянъ .	1.649	9,5%
крестьянъ	1.168	6,7%

лицъ духовнаго звания	816	4,7%
казаковъ	560	3,2%
" иностранцевъ	157	0,9%
Прочихъ	154	0,8%

Въ предыдущемъ же году, при общемъ чиолѣ ученицъ 15.225, было:

привилегированныхъ сословій .	50,49%
не привилегированныхъ	49,50%

„Такимъ образомъ, въ отчетномъ году, по сравненію съ предыдущимъ годомъ, процентный составъ учащихся по сословіямъ понизился для привилегированныхъ сословій и повысился соответствующимъ образомъ (2,54%) для сословій не привилегированныхъ“.

„Явленіе это... наблюдается въ течеії цѣлаго ряда лѣтъ и, безъ сомнѣнія, свидѣтельствуетъ о томъ, что сознаніе необходимости болѣе серіознаго образованія все глубже проникаетъ въ среду сословій не привилегированныхъ, и что они уже не довольствуются образованіемъ начальными, но предъявляютъ въ этомъ направлении запросы болѣе широкіе, ища образованія средняго“ ¹⁾.

До окончанія курса выбыло: изъ гимназій 1.654 ученицы, или 11,8% (въ 1905 г.—12,7%) всѣхъ учишися, изъ прогимназій—203 уч., или 9,5% (въ 1905 г.—6,6%), изъ Острожскаго грифа Блудова училища—25 ученицъ, или 9% (въ 1905 г.—4,3%). При чёмъ, по малоупытности и неудовлетворительности поведенія выбыло 59 ученицъ, или 0,84% всѣхъ учишися; въ частности—изъ младшихъ классовъ выбыло 36 уч., изъ старшихъ—23 уч. (въ 1905 г.—72 уч., всѣ изъ старшихъ классовъ и почти всѣ по политическимъ причинамъ). Уроковъ пропущено преподавательскимъ персоналомъ 15.829 (на 4.210 болѣе 1905 г.), ученицами—731.971 (на 80.280 болѣе 1905 г.), т. е. по 42 ур. на каждую ученицу.

Курсъ окончили: 1.438 ученицъ, или 9,6% (въ 1905 г.—11,5%) въ гимназіяхъ; 109 ученицъ, или 5,1% (въ 1905 г.—10,8%) въ прогимназіяхъ и 23 ученицы, или 8,3% (въ 1905 г.—10,7%) въ Острожскомъ графа Блудова училище. Къ концу 190% учебного года въ VII классѣ состояло 1.243 ученицы, изъ которыхъ экзамено-вались 1.196 ученицъ, или 96,22%; аттестатовъ удостоены 1.139, или 95,4% ученицъ, подвергшихся испытаніямъ, и 7,4% общаго числа учишися въ гимназіяхъ и училищѣ графа Блудова (въ 1905 г.—

¹⁾ См. „Отчетъ“, стр. 67.

8,3%). Педагогические классы окончили 463 ученицы, или 2,7%, всего числа учишихся (въ 1905 г.—2,9%).

На содержаніе казенныхъ гимназій и прогимназій въ 1906 году израсходовано 665.253 р. 27 к. (въ 1905 г.—567.467 р. 53 коп.). Главные источники, изъ которыхъ образовалась эта сумма, слѣдующіе:

платы за обученіе	418.810 р. 96 коп.
ассигновки государственного казначейства	65.857 , 2
остатки специальныхъ средствъ	59.610 31 "
земскіе сборы	48.778 , 48 " и т. д.

На содержаніе частныхъ гимназій и прогимназій за тотъ же періодъ времени израсходовано 382.288 руб. 89 к. Эта сумма получилась главнымъ образомъ изъ слѣдующихъ источниковъ:

изъ сбора за обученіе	351.265 р. 52 к.
остатокъ спасительныхъ средствъ	7.260 , 47 "
государственного казначейства	3.000 , — " и т. д.

Такимъ образомъ главный расходъ на содержаніе казенныхъ гимназій и прогимназій произведенъ изъ сбора за обученіе (62,9%), государственное же казначейство даетъ лишь 9,9%. Частныя гимназіи и прогимназіи существуютъ почти исключительно на счѣтъ платы за обученіе (91,8%), отъ казны отпускалось лишь 3.000 р. гимназіи Дучинской. И только Острожское графа Блудова училище содержится главнымъ образомъ (47,6%) на средства казны.

Обученіе каждой ученицы въ 1906 г., въ среднемъ, обошлось въ казенныхъ гимназіяхъ—въ 64 р. 8 к. (въ 1905 г.—56 р.); въ казенныхъ прогимназіяхъ—въ 40 р. (въ 1905 г.—въ 43 р. 55 к.). Дороже всего стояло содержаніе ученицъ въ Киевской министерской гимназіи—64 р. 71 к. (при 653 ученицахъ) и въ Балтской прогимназіи—58 р. 46 к. (при 149 ученицахъ); наиболѣе дешево стояло обученіе въ Новозыбковской гимназіи—42 р. 43 коп. (при 633 ученицахъ) и въ Кромс-вѣцкой прогимназіи—31 р. (при 362 ученицахъ). Средняя стоимость обученія одной ученицы въ частныхъ гимназіяхъ—62 р. 57 к. (въ 1905 г.—72 р. 80 к.), въ частныхъ прогимназіяхъ 47 р. 83 к. (въ 1905 г.—51 р. 20 к.).

Общая сумма разнаго рода способовъ, выданныхъ воспитанницамъ гимназій и прогимназій въ 1906 г., достигла 74.571 р. 6 к. Пользовались ими 2.740 ученицъ, или 15,8% всѣхъ учащихся.

Принимая въ соображеніе общую стоимость содержанія средніхъ учебныхъ заведеній, найдемъ, что, въ среднемъ, содержаніе:

одной мужской гимназіи	обошлось въ	57.127 р. 5 к.
прогимназіи	"	34.894 " 60 "
реального училища		43.247 " 48 "

Что же касается до женскихъ гимназій и прогимназій, то, по имеющимся въ отчѣтѣ данными, въ этомъ вопросѣ трудно разобраться.

И. Миллераденъ.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ ОБЛАСТИ ВЪ УЧЕБНОЙ ГЕОГРАФИИ.

Способъ изложения какихъ-нибудь научныхъ фактовъ или теорій имѣть большое значеніе. Можно вложить такъ, что читатель не пойметъ связи между отдельными фактами, не пойметъ и сущности теорій, и это обстоятельство зависитъ не только отъ умѣнья или неумѣнья составлять фразы, т. е. отъ слога, но въ значительной степени отъ самой группировки фактовъ и ихъ послѣдовательности. Въ примѣненіи къ занимаемому насъ въ данномъ случаѣ предмету, т. е. учебной географіи, сказанное нами выше является, можетъ быть, болѣе очевиднымъ и испытывало бы отношеніи къ другимъ предметамъ. Въ послѣднія тридцать лѣтъ географы много потрудились надъ изложениемъ географического матеріала во всѣмъ его объемѣ. Старый способъ изложения,—такой, напримѣръ, какой мы видимъ у Кледена въ его четырехтомной географіи (Klöden, Handbuch der Allgemeinen Geographie), мало по малу вывелся изъ употребления и послѣднее изданіе географіи Кледена не разошлось и не повторяется, изъ чего можно заключить, что, несмотря на строгую научность, оно не пользуется сочувствіемъ. Что же это за способъ изложения, который потерялъ въ настоящее время, такъ сказать, право гражданства?

Прежде всего его можно назвать строго аналитическимъ, таѣкъ какъ тутъ соблюдаются переходы отъ общихъ фактовъ къ частнымъ. Приступая къ изложению географіи какого-нибудь земного пространства, напр., части свѣта или государства, обращаются прежде всего къ его географическому положенію, затѣмъ переходятъ къ поверхности, рѣкамъ и климату, органической природѣ, населенію, политическому дѣленію и устройству и, наконецъ, къ городамъ. Факты, включающіеся подъ этими отдельными рубриками, насыпаются въ

памяти читателя, какъ иѣчто отдельное, независимое одно отъ другого. Всѣ эти описанія поверхности, климата и рѣкъ могутъ быть очень обстоятельны и соотвѣтствовать современному состоянію знаній, но по мѣсту, ими занимаемому въ наложеніи, не соотвѣтствуютъ дѣйствительному ихъ положенію. Для болѣе яснаго пониманія сказаннаго возьмемъ какой-нибудь примѣръ, хотя бы Пиринейскій полуостровъ. Поверхность его обыкновенно начинаютъ съ описанія Пиринейскихъ горъ. Послѣ этого слѣдуетъ Кастильскіе нагорья съ горами, не сомѣт расположеными, потомъ Сьерра Невада. Послѣ горъ упоминаются низменности: Каталонскіе, Португальскіе, Андалузскіе, тѣль что рядомъ съ Сьеррой Невадой стоять Каталонія. Переходя къ рѣкамъ, опять начинаютъ съ сѣвера: Минью, Дуero, Таго, Гвадіана и т. д., такъ что послѣ Андалузской низменности слѣдуетъ р. Минью. Еще болѣе такихъ противоположностей и въ болѣе рѣзкой формѣ можно наблюдать въ описаніяхъ цѣлыхъ частей свѣта. При такихъ описаніяхъ, совершенно теряется соотвѣтствіе приводимыхъ фактovъ по ихъ относительному мѣстонахожденію, и такой порядокъ съ естественно-географической точки зренія является скорѣe беспорядкомъ, такъ какъ факты слѣдуютъ не соотвѣтственно ихъ пространственному положенію, а по рубрикамъ.

Такой порядокъ наложенія географического материала въ книгахъ, предназначенныхъ не для школы, а для болѣе специальнаго ознакомленія съ географіей или въ словаряхъ имѣть второстепенное значеніе, но, конечно, и въ этихъ случаяхъ читатель лишается возможности получить ясное представление о такъ называемыхъ естественныхъ областяхъ на основаніи связи между отдельными географическими фактами. Въ области научной географіи уже давно было дано другое направление въ изученіи географіи и наложеніи географическихъ фактovъ. Всѣмъ, имѣющимъ какое либо отношеніе къ этому предмету, известна идея сравнительного землевѣдія, данная впервые К. Риттеромъ. Желаніе видѣть въ географіи не только отдельно стоящіе, разрозненные факты, но также и связь между ними въ формѣ зависимости слѣдствія отъ причины, подвигнуло этого знаменитаго географа ввести въ сравненіе факты человѣческой жизни съ неодушевленной природой и даже съ географическимъ положеніемъ мѣстности. Но Риттеръ въ решеніи этого важнаго методическаго вопроса явился одностороннимъ. Его формула: земля есть жилище человѣка заставила его ограничиться выясненіемъ зависимости фактovъ человѣческой исторіи и культуры отъ естественныхъ условій. Кроме того Риттеръ

быть убѣжденный телесологъ, что, конечно, мѣшало ему свободно отнестись къ фактамъ физической географіи.

Большое представление объ естественныхъ областяхъ, картинахъ земли или ландшафтахъ впервые явилось у Александра Гумбольдта, который, путешествуя по Южной и Средней Америкѣ, ознакомился рѣзко отличающимися по природѣ, но тѣмъ не менѣе лежащими по сопѣдству странами, каковы, напр. лѣнины и сельвасы и далѣе на югъ пампы. Гумбольдтъ указывалъ на то обстоятельство, что при образованіи естественной области принимаютъ участіе всѣ физическія условія, какъ-то: поверхность, климатъ, почва и растительность, при чомъ постѣднія находятся въ зависимости отъ первыхъ трехъ. Въ представлениі Гумбольдта физическая область являются цѣлостными картинами и всѣ условія этихъ областей известнымъ образомъ влияютъ на человѣка.

Только въ началѣ послѣдней четверти XIX вѣка мы впервые встрѣчаемся съ попыткою представить всю поверхность земли въ видѣ естественныхъ областей или странъ. Мы говоримъ о знаменитомъ сочиненіи Элизѣ Реклю—Новая Всеобщая Географія (*Nouvelle Géographie Universelle*). Подробнѣе и лучше всего описано отечество автора—Франція, которой посвященъ цѣлый томъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ отдѣлахъ Всеобщей Географіи, послѣ общаго описанія, въ которомъ излагаются пылькихъ подробностей и частности, касающихся отдѣльныхъ частей территоріи, авторъ переходитъ къ частному описанію разныхъ отдѣловъ Франціи. Образованіе этихъ отдѣловъ основывается, главнымъ образомъ, на геологическихъ данныхъ, какъ-то: поверхность и почва. Въ зависимости отъ послѣдней, а также подъ влияніемъ климата возникаетъ та или другая растительность. Огромное значеніе въ каждой изъ такихъ естественныхъ областей имѣеть человѣкъ и его дѣятельность, чисто превращающая дикую по природѣ мѣстность въ культурную страну. Само собою разумѣется, что эта дѣятельность проявляется гораздо рельефнѣе и напряженѣе въ Европѣ, чѣмъ въ странахъ вѣтровой Азии, гдѣ много стихийнаго и гдѣ, такимъ образомъ, естественные области выражены болѣе рѣзкимъ образомъ. Впрочемъ, болѣе рѣзкія границы отдѣльныхъ странъ во вѣтровой Азии зависятъ также и отъ болѣе рельефныхъ отличій, которыхъ мы находимъ въ этихъ послѣднихъ какъ по поверхности, такъ и по климату сравнительно съ болѣе однообразной территоріей Европы. Всегда за сочиненіемъ Реклю появилось аналогичное по своему значенію изданіе и на иѣменецкомъ

языкѣ. Оно называется: *Наши познанія о землѣ* (*Unser Wissen von der Erde*) и издавалось подъ общей редакціей извѣстнаго германскаго географа, Кирхгофа. Всльдь за болыннмъ томомъ всеобщей географіи, составленнымъ Ханонъ Хохштетеромъ и Покорнимъ, слѣдовали три тома, названные *Landerkunde*, что при переводе на русскій языкъ будеть значить: Страновѣдѣніе. Къ сожалѣнію, для всѣхъ друзей землевѣдѣнія, *Landerkunde* Кирхгофа дошло только до восточнай Европы, изъ которой была издана одна Финляндія. Кирхгофъ гораздо рельефнѣе, чмъ Реклю, выдѣляетъ естественные области или страны (*Lander*) и посвящаетъ выясненію ихъ геологическаго прошлаго цѣлую главу подъ названіемъ *Entstehungsgeschichte*, т. е. исторія образованія. Само собою разумѣется, что новый способъ изложенія научной географіи долженъ бытъ повліять на географію учебную, тѣмъ болже, что прежній способъ, который, впрочемъ, и до сихъ поръ является въ учебникахъ преобладающимъ, не дастъ ученикамъ никакого связнаго представленія о земныхъ пространствахъ. Если же представленія не связываются и не сочетаются между собой, тогда невозможно образованіе понятій, которые должны входить въ основаніе каждого преподаваемаго въ школѣ предмета. Стремленіе ко введенію въ учебную географію естественныхъ областей сильнѣе всего выразилось въ нѣмецкой учебной географической литературѣ. Кирхгофъ, Зупанъ и другіе авторы показали примѣръ такого изложенія, но не вполнѣ. Они дѣлали территорію государства Европы на области по устройству поверхности съ указаниемъ также геологическихъ особенностей, по болже всего потрудился на этомъ поприщѣ, и притомъ въ послѣдніе годы, нѣкто Керпъ. Онъ приступилъ къ дѣлу съ большою послѣдовательностью. Прежде всего онъ обратился къ изложенію ландшафтовъ своего отечества—Германіи. Первая книга, выпущенная имъ, называется: *Methodisches Lehrbuch einer begründend-vergleichenden Erdkunde mit begründender Darstellung der Wirtschafts- und Kulturgeographie. Band I. Die Deutschen Landschaften.* Второй томъ называется: *Die Landschaften Europas* и, наконецъ, третій томъ: *Die aussereuropaischen Landschaften.* Эти три тома вмѣстѣ взятые содержать около тысячи страницъ и, конечно, не могутъ служить руководствомъ для учениковъ. Но Керпъ на этомъ не остановился и въ 1903 году¹⁾ издалъ книгу, которая заключаетъ всѣ отдѣлы учебной географіи и по своему

¹⁾ Новое изданіе этой книги: *Heinrich Kerp, Lehrbuch der Erdkunde. Ausgabe A. Mit 69 Abbildungen, 2 und 3 Auflage. Trier 1905.*

объему (430 стр.) развѣдь немногую превышаетъ наши учебники для четырехъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Эта книга предназначена авторомъ для учителскихъ семинарій, но самъ онъ указываетъ въ предисловіи, что его книга можетъ служить и для гимназій, только съ нѣкоторыми сокращеніями, а для реальныхъ училищъ и реальныхъ гимназій даже безъ нихъ. Нѣсколько раньше послѣдней книги Керпа, онъ отдельно выпустилъ свою методику (*Die Methodik des erdkundlichen Unterrichts*), и мы обратимъ теперь вниманіе на методическія основанія, которыхъ высказывается Керпъ въ этой книгѣ. Онъ, между прочимъ, говоритъ, что въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ географія должна безспорно являться естественной наукой, при чмъ нужно имѣть въ виду практическую пользу этого предмета. Оба отдѣла географіи, физическая и политическая, должны излагаться въ страновѣдѣніи (*Landerkunde*) по возможности въ тѣсной связи и, соотвѣтственно этому, ставится цѣль и развиваются задачи обучения.

О томъ, какъ ограничить однѣ отъ другого отдѣлы учебной географіи, Керпъ говоритъ слѣдующее. До тѣхъ поръ пока обученіе географіи было дополненіемъ къ урокамъ исторіи, а въ практикѣ это наблюдалось и до сихъ поръ, учебный материалъ долженъ быть заключенъ въ рамкѣ такихъ земныхъ областей, которыя произошли исторически путемъ, т. е. государствами. При этомъ нужно говорить объ имперіяхъ, королевствахъ и герцогствахъ, въ нихъ изучать провинціи, при чмъ перечислять горы и рѣки, находящіяся въ рамкахъ политического дѣленія. Такъ какъ изученіе земныхъ пространствъ въ этомъ случаѣ исходитъ изъ политическихъ границъ, то это обстоятельство налагаетъ оковы, которыя препятствуютъ дальнѣйшему развитію изученія. Факты, естественно принадлежащіе къ одной области и находящіеся въ зависимости, разрываются искусственно. Часто притоки отрываются отъ главной рѣки, правый берегъ отъ лѣваго, боковые долины отъ главной и т. д. Вслѣдствіе этого очень часто становится невозможнымъ изучить отдѣльные географические факты въ ихъ взаимной связи. Признакомъ преобладанія въ учебникахъ географіи политического дѣленія служить пренебреженіе фактами физической географіи. Видѣть этимъ при такомъ способѣ изложенія замѣчается чрезмѣрное накопленіе мнемонического материала, такъ какъ приходится запоминать цѣлые ряды названий известной группы фактовъ безъ связи съ другой группой. Вслѣдствіе этого обнаруживается слабый успѣхъ такого обучения, и ученикъ изъ всего географического курса не выносить никакихъ прочно установленныхъ соотношеній и только за-

поминаетъ именклатуру въ родѣ названий кантоновъ въ Швейцаріи или Соединенныхъ Штатовъ.

Чтобы дать учебному курсу надлежащую постановку, нужно отрѣшиться отъ этой системы. Учебные отдѣлы географического курса должны имѣть естественные границы и наименования и каждый отдѣлъ, долженъ представлять естественные области, на которыхъ дѣлится вся поверхность земли. Государства не могутъ быть этими отдѣльностями. Можно, конечно, сказать, что они тоже представляютъ землия пространства, но понятіе о государствахъ, какъ напримѣръ Германской Имперіи, Австро-Венгрии, Франціи и другія, составляется не по пространственнымъ отношеніямъ, а по государственному устройству и управлѣнію. Государства останутся тѣмъ, чѣмъ они есть, даже, если границы ихъ нѣсколько измѣняются, если же они распадутся и погибнутъ, то исчезнетъ ихъ государственное устройство, а поверхность, на которой они жили и развивались, останется. Римская имперія разрушилась и сошла со сцены, Апеннинскій же полуостровъ, сть которого она началась, остался и будетъ существовать даже тогда, когда ишущее королевство Италия будуть принадлежать исторіи.

Съ соображеніями Керна, приведенными здѣсь, нельзя не согласиться, но эти соображенія, конечно, не исключаютъ необходимости знать и политическія границы государствъ. Нужно, напримѣръ, Германскую Имперію пройти съ учениками по естественнымъ областямъ, но вслѣдъ за тѣмъ нужно дать и политическія границы какъ всей Германіи, такъ и главныхъ ея частей. Ученикъ шѣмецъ, если онъ, напримѣръ, принадлежитъ къ составу населенія герцогства Брауншвайгъ-Вольфенбюттель, долженъ знать границы какъ своего родного герцогства, такъ и другихъ государствъ, составляющихъ Германскую Имперію, но ему, конечно, нѣть дѣла до положенія отдѣльныхъ губерній Россіи и кантоновъ Швейцаріи. Ученикамъ же русскихъ школъ нѣть надобности и упоминать о мелкихъ герцогствахъ и княжествахъ Германіи. Что касается до того, что политическія границы разрѣзываютъ на части естественные области, то для Европы это имѣть значеніе только относительно Альпійской горной страны. Эта громадная и характерная область дѣйствительно принадлежитъ пяти сосѣднимъ государствамъ и, конечно, должна быть разсмотрѣна во всемъ своемъ составѣ отдѣльно отъ этихъ государствъ при общемъ очеркѣ Европы. Что касается до выѣвропейскихъ странъ, то тамъ еще легче разрѣшаются этотъ вопросъ. Дасть, напримѣръ, полное описание системы Кордильеровъ южной Америки, мы познакомимъ уч-

никовъ съ естественной областью, на которой расположено шесть южно-американскихъ государствъ, но въ отдельныхъ описанияхъ этихъ государствъ, по краткости курса, не представляется надобности.

Чтобы яснѣ представить различие между обыкновеннымъ способомъ изложения учебного географического материала и изложениемъ по естественнымъ областямъ, возьмемъ одну изъ рѣзко ограниченныхъ такихъ областей Европы, напримѣръ, Ломбардскую низменность. Такъ какъ естественная область имѣть геологическое основание, то, начиная описывать Ломбардскую низменность, приводяты обыкновенно предположеніе, принимаемое геологами за несомнѣнныи фактъ, что эта низменность была извѣдь заливомъ Адріатического моря. Этотъ фактъ находится въ учебникахъ Йинчина и Раевскаго, но затѣмъ описание Ломбардіи въ этихъ учебникахъ прерывается, чтобы перейти къ поверхности остальной Италии. Между тѣмъ необходимо указать связываніе съ происхожденіемъ Ломбардіи факты, а именно постепенно образовавшіеся притоки рѣка По и эту рѣку, которая продолжаетъ удлиняться къ востоку въ видѣ дельты. Также необходимо помѣстить тутъ же указаніе на плодородіе Ломбардской равнины и на ее слабую покатость къ Адріатическому морю. Всѣ эти данные прямо связываются съ вопросомъ о происхожденіи низменности и отдалять ихъ подъ другія рубрики, т. е. почву и рѣки, значитъ мѣшать связному представленію о Ломбардской низменности у учениковъ, т. е. мѣшать образованію въ ихъ головахъ понятій о предметѣ. Точно также, когда нужно перейти къ народной дѣятельности, слѣдуетъ указать сначала только для Ломбардской низменности и на плотность населения ея и на преобладающее занятіе жителей разными видами земледѣлія, а особенно хлѣбопашествомъ. При этомъ опять въ зависимости отъ свойствъ самой низменности нужно поставить обработку риса, которая возможна при обилии водой рѣки По и при легкости, съ которой можно произвести искусственное орошеніе. Садоводство является въ Ломбардіи также очень важнымъ занятіемъ, и о немъ нужно упомянуть вслѣдъ за хлѣбопашествомъ. Затѣмъ слѣдуетъ промышленность мануфактурная, мѣстопребываніемъ которой являются города, изъ которыхъ нужно указать на главнѣйшиe, а именно Туринъ, Миланъ и Венецію. Промышленность добывающая, обрабатывающая и города составляютъ въ прежнихъ учебникахъ три рубрики, которые опять-таки нарушаютъ связь между совмѣстными фактами и дѣлаютъ изложеніе отрывочнымъ.

Такимъ образомъ общіе обзоры государствъ по извѣстнымъ руб-

рикамъ прецессируютъ составленію географическихъ понятій и дѣлаютъ географическая данная у нашихъ учениковъ отрывочными, что въ результатѣ отзываются недостаточными знаніями въ области учебной географіи. Необходимо отстать отъ прежніаго порядка и перейти къ обзору по естественнымъ областямъ. Керпъ представилъ намъ въ упомянутой выше книгѣ примѣры такихъ областей. Какъ иѣмѣцъ, онъ, конечно, обратилъ главное вниманіе на области или ландшафты Германіи, и для русскихъ учениковъ они слишкомъ подробны. Наиболѣтъ-го области, данная Керпомъ для Европейской Россіи, иѣсколько обобщены. Съ Европейской Россіей онъ соединяетъ и нижнедунайскую низменность и дѣлить все это пространство на слѣдующія области или ландшафты: 1) финляндскій гранитный массивъ; 2) прибалтійскія страны; 3) сѣверо-русская низменность; 4) уральская горная страна; 5) средне-русская возвышенная страна; 6) бассейнъ Волгіи; 7) южно-русская степь; 8) румынская низменность. О губорніяхъ Россіи Керпъ не упоминаетъ, такъ что эти области не имѣютъ точныхъ границъ. Вообще, Европейская Россія представляетъ затрудненія при ея раздѣленіи на области не отъ того, что въ ней пѣть типическихъ мѣстностей, но потому, что при равнинномъ ея характерѣ переходъ отъ одной мѣстности къ другой является не рѣзкимъ, а постепеннымъ. Кроме того, при изученіи Россіи въ русскихъ школахъ необходимо дать правильное понятіе о народной дѣятельности, т. е. о промышленности и торговлѣ, и вотъ въ настоящее время мы имѣемъ иѣсколько книгъ, какъ „Россія“ Семенова, где эти области обработаны съ научной точки зренія, а въ учебникахъ Россіи Лесгафта и Бѣлоха находятся изложеніе этихъ областей для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ основаніе такого дѣленія на области положены естественные отличія данной мѣстности, но такъ какъ эти области суть не то же время группы губерній, то границы естественныхъ областей иногда проходятъ внутри губерній. Такъ, напримѣръ, въ Архангельской губерніи, относящейся къ области крайняго сѣвера, мы находимъ на западѣ окраину финляндскаго гранитнаго массива; сѣверная часть губерніи Волынской болотиста, южная черноземна и т. д. Это, конечно, не мѣшаетъ сгруппировать для каждой области ея отличія въ естественно-научномъ отношеніи и связать эти отличія съ чертами народной дѣятельности.

Обратимъ еще вниманіе на одно характерное отличіе въ изложеніи учебного материала у Керпа. Послѣ типическихъ областей государства у него находится его общій повторительный обзоръ подъ названіемъ

„страна, какъ цѣлое“ (*Landschaft als Ganzes*). Здѣсь авторъ вставляетъ обобщающіе вопросы, касающіеся естественныхъ отлічій всей страны и народной дѣятельности, а также дополняетъ все это свѣдѣніями о государственномъ устройствѣ и образованности населенія (*geistige Kultur*). Такому приему можно только сочувствовать, особенно, если вспомнить классическое изреченіе: *geretitio est mater studiorum*.

Въ заключеніе въ видѣ вывода изъ всѣхъ соображеній, приведенныхъ въ нашей статьѣ, мы можемъ сказать, что введеніе въ преподаваніе географіи естественныхъ областей 1) сдѣлаетъ изложеніе учебнаго матеріала много интереснѣе, 2) будетъ способствовать образованію у учениковъ географическихъ понятій о данной мѣстности несравненно легче и правильнѣе, чѣмъ при общераспространенномъ способѣ изложенія, и въ 3) уменьшитъ накопленіе цѣлыхъ рядовъ названій, приводимыхъ безъ связи съ другими фактами.

Въ послѣднее время появились два учебника, одинъ на французскомъ (*Févre et Hauser, Leçons de Géographie pour écoles normales primaires*), другой на немецкомъ языкахъ (*Dilcher, Schwarzhaupt und Walther, Erdkunde für Volks- und Mittelschulen. Nach Landschaftsbieten bearbeitet*); въ этихъ учебникахъ учебный матеріалъ изложенъ по естественнымъ областямъ. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о томъ, что идея естественныхъ областей все болѣе и болѣе проникаетъ въ сознаніе педагоговъ-составителей учебниковъ.

А. Соколовъ

АДОЛЬФЪ ФУРТВЕНГЛЕРЪ.

(Некрологъ).

Въ лицѣ скончавшагося въ Лейпцигѣ, гдѣ минувшиемъ сентябрѣ, профессора Мюнхенскаго университета Адольфа Фуртвенглеръ изучая классической археологии понесла очень чувствительную и трудно замѣнимую потерю. Послѣ смерти знаменитаго Гейриха Брунина, ученикомъ которого былъ Фуртвенглеръ и преемникомъ которого онъ былъ на мюнхенской кафедрѣ, врядъ-ли можно было бы указать на такого выдающагося археолога-классика, какимъ, безспорно, являлся Фуртвенглеръ. Обладалъ разносторонними и глубокими знаніями въ своей области, отличаясь удивительной энергией и продуктивностью, ведя всѣ свои изслѣдованія на основѣ широкаго исторического кругозора. Фуртвенглеръ за 33 года своей ученой, въ полномъ смыслѣ слова кипучей, дѣятельности успѣхъ обогатить классическую археологію цѣлымъ рядомъ трудовъ, и крупныхъ и мелкихъ по объему, но всегда интересныхъ и живыхъ по содержанию. Не останавливалась на массѣ статей Фуртвенглера, разсѣянныхъ по различнымъ періодическимъ изданіямъ и сборникамъ, статей, посвященныхъ или изданію новыхъ памятниковъ классической древности, или новому объясненію памятниковъ, ранее известныхъ, мы отмѣтимъ только тѣ сочиненія Фуртвенглера, которые имѣютъ наиболѣе важное значеніе, какъ по широтѣ поставленной имъ задачи, такъ и по важности вопросовъ, на нихъ обсуждаемыхъ.

Въ 1876 г. Фуртвенглеръ, которому тогда было 23 года, издалъ небольшую работу подъ заглавиемъ: „Der Dornauszieher und der Knabe mit der Gans“. Въ ней, взявъ за исходную точку своего изслѣдованія известныя статуи „Мальчикъ, вынимающій занозу“ и „Маль-

чить съ гусемъ", Фуртвенглеръ пытается не только набросать эскизы исторіи жанровой скульптуры у грековъ, но и подойти къ определению того, что такое жанръ въ искусствѣ вообще. Уже въ этомъ юношескомъ произведеніи Фуртвенглера сказались характерные для него черты: стремленіе къ широкой исторической постановкѣ вопроса, смѣлость въ разрешеніи поставленной задачи, отсутствіе какого-либо преклоненія предъ авторитетами.

Участіе Фуртвенглера въ послѣдней кампаніи олимпійскихъ раскопокъ и его специальная занятія найденными при раскопкахъ бронзами вызвали появление въ 1879 г. нового труда Фуртвенглера опять-таки болѣе или менѣе общаго характера, хотя и основаннаго на детальной предварительной работе: „Die Bronzefunde aus Olympia und deren kunstgeschichtliche Bedeutung“; въ этомъ труда Фуртвенглеръ представилъ исторію развитія древне-греческаго искусства къ бронзѣ отъ VIII до VI в.в. до Р. Хр., при чёмъ особенно цѣннымы въ этомъ труда было указаніе на то вліяніе, какое оказalo восточное искусство на греческую архамку, особенно въ ея декоративныхъ мотивахъ. Означенное сочиненіе явилось какъ бы предверіемъ къ тому монументальному изданію олимпійскихъ бронзъ и другихъ мелкихъ находокъ въ Олимпіи, которое вышло въ свѣтъ въ 1890 г., какъ IV томъ общаго изданія „Olympia“. И въ этомъ труда описательного, каталогизирующаго характера, Фуртвенглеръ опять-таки кладетъ въ основу исторический принципъ: показать на олимпійскихъ бронзахъ „главныя течения греческой культуры“.

Результатомъ пребыванія Фуртвенглера въ Греціи въ концѣ 70-хъ г.г. явились двѣ публикаціи, въ сотрудничествѣ съ Лёшке, посвященные микенской керамикѣ: „Mycenische Thongefässer“ (1879) и „Mycenische Vasen“ (1886). Въ этихъ изданіяхъ впервые были обнародованы и приведены въ систему материалъ, сильно интересовавшій въ то время, подъ вліяніемъ раскопокъ Шлимана, учешій міръ. И если авторы указанныхъ сочиненій, какъ оказывается теперь, благодаря критскимъ находкамъ, ошибались, считая Микены и Арголиду вообще главнымъ центромъ „микенской“ культуры, все же предложенная ими классификація микенской керамики остается, въ главныхъ ея основахъ, въ силѣ и по сіе времена.

Съ 1880 по 1894 г. Фуртвенглеръ состоялъ хранителемъ берлинскаго Антикваріума, и за это время онъ много потрудился надъ пополненіемъ его коллекцій, равно какъ и надъ ихъ каталогизацией. Въ периодъ 1883—1887 г.г. появились два большихъ тома, посвященные

описанію Сабуровской коллекціи, съ введеніемъ, содержащимъ изслѣдованіе иѣкоторыхъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ монументальнымъ памятникамъ греческаго загробнаго культа. Занятія коллекціей вазъ Антикваріума привели Фуртвенглера къ изданію, въ двухъ томахъ, „Beschreibung der Vasensammlung im Antiquarium“ (1885), а занятія рѣзными камнями того же собрания вызвали появленіе въ свѣтѣ „Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium“ (1896). Какъ первый, такъ и второй каталоги построены спать-таки на исторической основе, съ обращеніемъ самаго серьезнаго вниманія на стилистический анализъ описываемыхъ памятниковъ, или группъ ихъ.

Къ концу пребыванія Фуртвенглера въ Берлинѣ относится появленіе того его сочиненія, которое со стороны однихъ вызвало ожесточенные нападки на автора, со стороны другихъ было встрѣчено съ энтузиазмомъ. Мы имѣемъ въ виду „Meisterwerke der griechischen Plastik“ (1893), переведенный также и на англійскій языкъ. Основная мысль, положенная въ основу этого „боевого“ сочиненія, можетъ быть выражена такъ: со временемъ Бруннъ, набросавши въ своей „Geschichte der griechischen Künstler“ главныя черты истории греческаго искусства и давшаго характеристики греческихъ художниковъ, поскольку это можно было замѣтить изъ извѣстій древнихъ писателей, довольноюично повтореніемъ того, что сдѣлалъ Бруннъ, и только отъ времени до времени прибавляютъ къ готовой ткани отдельку изъ тѣхъ или иныхъ избранныхъ памятниковъ искусства. Фуртвенглеръ въ „Meisterwerke“ задается цѣлью создать новую прочную основу для возведенія исторіи греческой скульптуры. Такъ какъ оригиналы греческаго искусства, за очень немногими, хотя и блестящими, исключеніями, дошли до насъ только второ-и третьестепенные, то необходимо обратиться къ самому внимательному изученію сохранившихся копій и среди нихъ постараться отыскать копіи знаменитыхъ оригиналовъ, ползущихъ, съ одной стороны, литературными извѣстіями о художникахъ и ихъ произведеніяхъ, а съ другой стороны, обращаясь къ сравнительному стилистическому анализу сохранившихся копій. Въ справедливости основной мысли, высказываемой здѣсь Фуртвенглеромъ, врядъ-ли можно сомнѣваться. Но возникнутъ вопросы и недоумѣнія чисто методическаго характера: прежде всего надо доказать, что римскіе копісты копировали только знаменитые оригиналы; затѣмъ нужно установить, какъ относились копісты къ оригиналамъ—рабски или болѣе или менѣе свободно; наконецъ, стилистический анализъ всегда, въ значительной степени

субъективенъ. Фуртвенглеръ съ большою смѣлостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ немножко юдоистичностью преодолѣваетъ въ „Meisterwerke“ всѣ эти вопросы. Имъ написана блестящая картина развитія греческой скульптуры въ V—IV в.в., однако далеко не все въ этой картинѣ одинаково убѣдительно и основательно; видны яркія краски, но не чувствуется точнаго рисунка. Но если даже отнести съ должнымъ скептицизмомъ къ общему построению „Meisterwerke“, если считать многое въ нихъ недоказаннымъ и преувеличеннymъ, все же остается многое положительныхъ результатовъ (изъ нихъ самый блестящій—отысканіе копіи Аенны Лемносской Фидія), масса наблюденій, облегчающихъ путь для дальнѣйшихъ изслѣдованій¹⁾.

Первые 6 лѣтъ пребыванія Фуртвенглера въ Мюнхенѣ были посвящены имъ, помимо другихъ работъ, окончательной обработкѣ, быть можетъ, самаго крупного и наиболѣе зрелага труда, которымъ онъ занимался цѣлыхъ 15 лѣтъ. Это его „Die antiken Gemmen. Geschichte der Stein- und Metallkunst im klassischen Altertum“ (1900), въ трехъ томахъ, изъ которыхъ первый заключаетъ 67 таблицъ, воспроизводящихъ 3.600 сюжетовъ геммъ, второй содержитъ описание и объясненіе таблицъ, а третій даетъ исторію развитія искусства рѣзьбы на драгоценныхъ камняхъ, начиная съ отдаленныхъ эпохъ и кончая временемъ поздней имперіи. Върный своему историческому методу изслѣдованія, Фуртвенглеръ входитъ въ этотъ трудъ геммы въ общую исторію классического искусства и поштути изслѣдуясь цѣлый рядъ вопросовъ болѣе общаго характера, какъ, напримѣръ, о характерѣ „миленской“ культуры и послѣдующей архаической эпохи, о роли Іоніи въ эту эпоху, обѣ этрусскомъ искусствѣ и т. д. и т. д. Въ этомъ отношеніи третій томъ „Геммъ“ является, по своему характеру, какъ бы дополненіемъ къ „Meisterwerke“, гдѣ затронуто многое вопросы классического искусства, главнымъ образомъ V и IV в.в.,— и гдѣ почти отсутствуютъ изслѣдованія объ эпохахъ болѣе раннихъ.

Съ 1901 г. и до конца жизни главный интересъ Фуртвенглера былъ сосредоточенъ на раскопкахъ на Эгіонѣ, среди которыхъ его застигла и смерть. Завершить описание и изслѣдование всѣхъ результатовъ раскопокъ Фуртвенглеру не довелось. Въ появившемся въ 1906 году большомъ томѣ подъ заглавиемъ „Leidina. Das Heiligtum

¹⁾ Разбору теоріи Фуртвенглера о копіяхъ греческихъ статуй посвящена моя статья въ „Запискахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества“ т. IX. Къ ней за подробностями и отсылаю читателя.

der Aphaia" сопоставлены и исследованы лишь результаты раскопокъ того знаменитаго храма, скульптуры фронтона въ котораго были открыты еще въ 1812 г. и хранятся нынѣ въ Мюнхенской глиптотекѣ. При раскопкахъ Фуртвенглеру удалось найти новые фрагменты фронтонныхъ скульптуръ, немало и другихъ памятниковъ и, наконецъ, благодаря одной изъ найденныхъ надписей, установить имя того загадочнаго божества Афайи, которому храмъ былъ посвященъ. Всѣми данными, добытыми при раскопкахъ, съ привлечениемъ, конечно, и ряда известнаго материала, Фуртвенглеръ воспользовался для возсозданія исторіи святыни Афайи, съ ея древнѣйшихъ временъ вилоть до первыхъ десятилѣтій V вѣка. Особяяное вниманіе Фуртвенглеромъ было удѣлено фронтоннымъ изваяніямъ храма. Фуртвенглеръ предлагаєтъ новую ихъ реконструкцію, попутно даетъ очеркъ развитія греческихъ фронтонныхъ композицій, подробно обсуждаетъ вопросъ объ искусствѣ эгипетскихъ скульпторовъ. И тутъ опять масса дотальныхъ сопоставленій на общей, широко взятой, исторической основѣ.

Осталось незаконченнымъ и другое большое предпринятіе Фуртвенглера, предпринятое имъ въ сотрудничествѣ съ художникомъ Рейхольдомъ, „Griechische Vasenmalerei. Auswahl hervorragender Vasenbilder“ (1900 и сл.) съ объяснительнымъ текстомъ. Этимъ монументальнымъ ваданіемъ положено, можно сказать, основаніе для изученія исторіи вазовой живописи у грековъ. И если бы издание „Vasenmalerei“ было закончено и снабжено общимъ Фуртвенглеромъ введеніемъ обѣ общемъ развитіи вазовой живописи, то мы, пожалуй, имѣли бы полную исторію вазовой живописи, написанную, вѣроятно, болѣе или менѣе субъективно и не безъ преувеличеній и увлечений, какъ и все, что выходило изъ-подъ пера Фуртвенглера, по исторію живую и содержательную.

Широкой публикѣ Фуртвенглеръ былъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ первый изобличитель одной изъ грандиозныхъ поддельекъ нашего времени: приобрѣтенной Лувромъ десять слишкомъ жѣтъ тому назадъ и ставшой своего рода знаменитостью „Тиара СантаФарна“. И если Н. И. Веселовскій первый въ печати сказалъ, что тиара—фальсификація, то Фуртвенглеръ первый это доказалъ (въ журнале „Cosmopolis“ за 1896 годъ и въ приложениі къ своимъ штудіямъ, выпущеннымъ въ томъ же году подъ заглавіемъ „Intermezzi“). Фуртвенглеру же принадлежитъ честь доказательства поддельности бронзовой статуэтки Аполлона въ собраніи гр. Строгонова въ Петербургѣ и цѣлаго ряда другихъ продуктовъ современного искусства и мастерства.

Приведя всю свою жизнь въ непосредственномъ общении съ памятниками древности, изъѣзживъ всѣ музеи старого и нового свѣта, пересмотрѣвъ массу частныхъ собраний, Фуртвенглеръ приобрѣлъ, что называется, „вышколенный глазъ“ въ распознаваніи поддавшаго отъ поддѣльного и, когда французы упрекали его въ томъ, что онъ призналъ тару поддѣльной послѣ 15-ти минутнаго ея осмотра, Фуртвенглеръ, говорить, смѣясь, замѣтилъ, что ему достаточно и минуты, чтобы распознать фальсификацію.

Своими работами Фуртвенглеръ ввелъ въ научный обиходъ огромное количество памятниковъ, до того времени или вовсе неизвѣстныхъ или мало привлекавшихъ къ себѣ вниманіе; своимъ толкованіемъ ихъ онъ значительно содѣйствовалъ углубленію и расширепю стилистического анализа, этого главнаго фундамента всякаго археологическаго построенія; своимъ столь настойчиво и такъ успѣшио проводимымъ историческимъ методомъ онъ окончательно ввелъ классическую археологію въ кругъ историческихъ дисциплинъ; паконецъ, своимъ страстнымъ отношеніемъ къ наукѣ онъ увлекальъ изслѣдователей, работающихъ въ одной съ ними области, буднай и держаль въ постоянномъ напряженіи ученую мысль. Зачастую съ сужденіями и приговорами Фуртвенглера спорили, полемизировали, но все же всѣ, или почти всѣ, съ ними считались. И не бѣда, что въ нихъ, въ жизни Фуртвенглера, указано было не мало промаховъ и ошибокъ, а послѣ его смерти при переработкѣ изслѣдованнаго имъ материала, вѣроятно, ихъ отыщется еще болѣе. Не ошибается тотъ, кто ничего или мало дѣлаетъ. Фуртвенглеръ же работалъ слишкомъ долго, слишкомъ много, и, что важнѣе всего, работалъ искренне, твердо вѣрия въ прогрессъ научнаго знанія, которому онъ и отдалъ цѣликомъ въ свои богатыя силы.

С. Небелевъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Октябрь.

Вашимъ читателямъ, конечно, известно, что въ Парижѣ кромѣ университета существуетъ рядъ отдельныхъ учреждений, зависящихъ непосредственно отъ министра народного просвещенія, какъ, напримѣръ, Collège de France, Musé d'histoire naturel, École des Chartes. Нѣкоторые изъ членовъ университета смотрѣть съ неудовольствіемъ на эти соперничающія съ ними учрежденія, и желали бы, чтобы они были поглощены всемогущей *alma mater*. Недавно профессоръ, преподающій въ Сорбоннѣ исторію революціи, предложилъ отнять у École des Chartes право выдавать дипломы на званіе *archiviste paléographie*. По всей вѣроятности, школу не тронутъ, пока во главѣ ея стоять такій значительный и энергичный человѣкъ, какъ Поль Мейеръ, но вопросъ вскорѣ, вѣроятно, снова будетъ подняты. Въ сущности нѣкоторые новаторы желаютъ ограничить значеніе École des Chartes или даже совершенно слить ее съ Парижскимъ университетомъ потому, что эти школы даютъ знаніе среднихъ вѣковъ и любовь къ нимъ. А между тѣмъ для нѣкоторыхъ изъ нашихъ революціонеровъ исторія Франціи начинается только съ 1789 г., и École des Chartes представляется имъ проникнутой духомъ обскурантизма, феодализма и ретроградства. Съ другой стороны недовольны тѣмъ, что ея ученики занимаются лучшія мѣста въ библіотекахъ и архивахъ нашихъ департаментовъ.

Посмотримъ же, что представляютъ изъ себя эта школы, вызывающія такую ненависть. Она была учреждена въ первые годы девятнадцатаго вѣка. Революція упразднила монашескіе ордена, въ томъ числѣ орденъ бенедиктинцевъ, и старинная академія, которая въ XVII

и XVIII вѣкахъ оказали большія услуги историческимъ наукамъ. Когда при Наполеонѣ вновь организовалось французское общество, то институтъ, и именно академія надписей и *belles lettres*, рѣшилъ снова продолжать нѣкоторыя начатыя изданія, какъ, напримѣръ, *Histoire littéraire de la France*. Но надо было найти сотрудниковъ, которые могли бы замѣстить прежнихъ сотрудниковъ-монаховъ, и ихъ слѣдовало найти среди нового поколѣнія. Ихъ не могли подготовить факультеты въ томъ видѣ, какъ они были организованы Наполеономъ. Хотѣли было ввести новые каѳедры въ Collège de France, но проектъ провалился. Однако онъ прошелъ при реставраціи. Въ 1821 г. при королевской библіотекѣ и при государственныхъ архивахъ были образованы два отдѣленія, изъ шести учениковъ каждое, для специального изученія палеографіи подъ руководствомъ хранителя архивовъ. Въ 1829 г. королевскимъ декретомъ былъ установленъ дипломъ, дававшій окончившимъ школу званіе архиварія-палеографа и право на занятіе должности въ архивахъ и въ библіотекахъ. Эта школа была сначала въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ министра торговли (!); многие изъ ея учениковъ, благодаря вліянію Гизо и Августина Тьери, съ жаромъ отдавались изученію истории. Въ 1839 г. они образовали кружокъ, который предпринялъ изданіе сборника, озаглавленнаго *Bibliothèque de l'Ecole des Chartes*. Это изданіе, существующее и понынѣ, привлекло школу вниманіе всей Европы. Въ это время директоромъ государственныхъ архивовъ былъ знаменитый ученый Легронъ. Онъ далъ школѣ помѣщеніе въ зданіи архивовъ, где она и помѣщалась до послѣдняго времени, когда она была переведена въ зданіе Сорбонны, т. е. университета, а это довольно опасное сосѣдство, ибо у университета въ одинъ прекрасный день можетъ явиться желаніе поглотить ее. Въ настоящее время школа находится въ вѣдѣніи министра народного просвѣщенія; во главѣ ея стоитъ директоръ, выбираемый профессорами и утверждаемый министромъ на пять лѣтъ; она находится подъ наблюденіемъ совѣта (*Conseil de perfectionnement*) изъ пяти членовъ, указываемыхъ академіей надписей, директоромъ школы, директоромъ національной библіотеки и директоромъ архивовъ. Этотъ совѣтъ вмѣстѣ съ комиссией изъ профессоровъ составляетъ экзаменаціонную комиссию. Курсъ въ школѣ бесплатный и раздѣляется на три года; онъ состоитъ изъ курса палеографіи, романской филологии, библіографіи и библіотечной службы, дипломатіи, государственныхъ учрежденій въ древней Франціи, источниковъ истории Франціи, службы въ

архивахъ, исторіи гражданскаго и канонического права въ средніе вѣка, археологіи среднихъ вѣковъ. Эти курсы читаются выдающимиися учеными, изъ которыхъ четыре суть члены академіи надписей. Ученики принимаются въ школу по конкурсу, и по окончаніи трехлѣтнаго курса они должны представить диссертацию для полученія званія архиварія-палеографа. Нѣкоторые изъ представленныхъ диссертаций оказались выдающимися трудами. Мѣста архиваріевъ въ архивахъ департаментовъ и въ національныхъ архивахъ предоставлены исключительно окончившимъ эту школу, благодаря чему въ настоящее время архивы во Франціи находятся въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ во всей Европѣ, и въ нихъ заниматься легче, чѣмъ въ какихъ бы то ни было другихъ. Кроме того нѣкоторые города поручаютъ архиваріямъ-палеографамъ завѣдываніе своими архивами, библиотеками и музеями. Другие изъ архиваріевъ-палеографовъ получаютъ мѣста университетскихъ библіотекарей, профессоровъ лицеевъ словеснаго и юридическаго факультетовъ. Нѣкоторые изъ нихъ особенно интересуются католичествомъ въ средніе вѣка и пишутъ книги художественного и въ то же время религіознаго характера. Враги школы утверждаютъ, что она основана для превознесенія католичества въ средніе вѣка. Однако въ числѣ ея профессоровъ находятся и протестанты. Шартристы (какъ ихъ называютъ) явились основателями журналовъ *Revue d'histoire diplomatique* и *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. За границей многія государства устроили школы по образцу *École des chartes*. Такъ въ Италии организовано преподаваніе палеографіи и дипломатіи въ Туринѣ, Венеціи, Неапольѣ и Палермо; въ Испаніѣ въ Мадридѣ основана школа дипломатіи; также по образцу этой школы учрежденъ въ Вѣнѣ *Institut fîr oesterreichische Geschichtsforschung*. За границей были сильно встревожены нападками на школу; даже американцы заступились за нее. Бельгійцы заявляютъ, что ихъ исторія многимъ ей обязана. Вѣна и Мюнхенъ тоже прислали протести. За десять лѣтъ 636 иностранцевъ были вольнослушателями школы. Въ виду всѣхъ этихъ выражений симпатіи правительство, конечно, не рѣшился принять мѣры, которыя будуть не одобрены всей Европой. Пока будетъ живъ Поль Мейеръ, его авторитетъ сохранитъ школѣ ея независимое положеніе, но послѣ его смерти? За послѣдніе годы на нашихъ глазахъ накопилось столько развалинъ.

Въ 1901 году я вамъ сообщалъ объ образованіи Международнаго союза академій, первое засѣданіе которого имѣло мѣсто въ этомъ году въ Парижѣ. Этотъ союзъ имѣть въ настоящее время два

органа: комитетъ и общее собрание. Первый есть постоянный органъ союза, каждая академія представлена въ немъ однимъ или двумя членами, въ зависимости отъ того, состоитъ ли она изъ одного отдѣленія или же изъ двухъ (словеснаго и естественно-научнаго). Члены комитета могутъ исполнять свои обязанности посредствомъ переписки и собираются по мѣрѣ надобности. Общее собрание напротивъ должно созываться въ определенные сроки: каждые три года. Академіи могутъ посыпать на нихъ такое число представителей, какое оно найдутъ нужнымъ для тщательного обсужденія различнаго рода вопросовъ, поставленныхъ на программѣ засѣданій. Первое общее собрание было созвано въ Парижѣ въ 1901 г., второе въ Лондонѣ въ 1904 г., подъ предсѣдательствомъ Королевскаго общества наукъ. Но это общество занимается исключительно математическими и естественными науками. Чтобы не отстать отъ другихъ націй, англичане учредили Британскую академію. Третье общее собрание состоялось въ Вѣнѣ съ 29 мая по 2 июня этого года. Делегатовъ было около шестидесяти человѣкъ и среди нихъ два delegata отъ Токийской академіи наукъ. Японцы не упускаютъ случая вмѣшаться въ дѣла старой Европы. Изобрѣтатели универсального языка (ихъ было много за послѣднее время) сочли нужнымъ воспользоваться случаемъ для прославленія своихъ изобрѣтений, и предложили конгрессу взять подъ свое покровительство одинъ изъ этихъ языковъ. Въ Парижѣ Французскій институтъ решительно отказался принять въ серьеzi ихъ предложеніе и заявилъ, что достаточно латинскаго и французскаго языковъ. Того же мнѣнія оказалось и Вѣнское собрание.

Собрание особенно занялось вопросомъ объ изданіи полнаго собранія сочиненій Лейбница, порученнаго Берлинской академіи наукъ и Парижской академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Затѣмъ, по предложению Россіи и Баваріи, принципіально рѣшили необходимость изданія полнаго собранія сочиненій Эйлера. Также занимались вопросомъ объ обмѣнѣ рукописями и начатыми произведеніями между библиотеками различныхъ странъ. Была выбрана постоянная комиссія, на обязанности которой будетъ лежать разрѣшеніе могутъшихъ при этомъ возникнуть конфликтовъ. Общее собрание рекомендовало различнымъ странамъ и правительствамъ Энциклопедію ислама, выходящую на французскомъ, английскомъ и немецкомъ языкахъ, первый томъ которой уже появился. Особенно старались заинтересовать въ этомъ произведеніи правительства тѣхъ странъ, въ которыхъ есть мусульманское населеніе.

Британская академия предложила обширный проектъ библиографіи словесныхъ наукъ (исторія, философія, філологія). Этотъ проектъ былъ принятъ во вниманіе и будетъ обсуждаться на слѣдующемъ собраниі. Предсѣдательство въ Международномъ союзѣ академій переходитъ съ 1908 по 1911 гг. къ Римской академіи dei Lincei, и слѣдующее общее собрание состоится чрезъ три года въ Римѣ. Я не касаюсь проектовъ, выработанныхъ представителями математическихъ и отечественныхъ наукъ, таіъ какъ не компетентенъ въ этомъ вопросѣ. Въ общемъ, учрежденію Международного союза академій должно привести прекрасные результаты.

Французскій институтъ, располагающій уже большимъ числомъ фондовъ и владѣющій помѣщеньемъ Шантальи, недавно получила роскошный даръ отъ ученаго бельгійскаго коллекціонера графа Спульбера изъ Лёвеннеула. Этотъ даръ состоить изъ прекрасной коллекціи документовъ великаго рода, касающихся французской литературы XIX вѣка, а именно: Бальзака, Жоржъ Зандъ, Теофила Готье, Алфреда де Виппи, Мериме, Сент-Бена. Она состоить изъ оригинальныхъ рукописей, исправленныхъ корректурѣ, писемъ и относящихся къ нимъ документовъ. Эта коллекція очень цѣнна. Г. Лёвеннеуль ставить условіемъ, чтобы она была помѣщена въ Шантальи, и назначаетъ сумму въ 800.000 франковъ, на проценты съ которой будутъ оплачиваться помѣщеніе, завѣдующій коллекціей и т. д. Коллекція содержитъ, повидимому, безцѣнныя сокровища. Я могу вамъ дать по собственному воспоминанію пѣкоторое понятіе о томъ рвачіи, съ которымъ она собиралась. Лѣтъ двадцать тому назадъ я узналъ изъ газетъ, что г. Лёвеннеуль ищетъ неизданныя письма Бальзака. Въ 1874 году, когда я былъ въ Кіевѣ на конгрессѣ археологовъ, я видѣлъ три письма Бальзака (который былъ женатъ на полькѣ), адресованныхъ иѣкою г-ну Юзефовичу. Я написалъ объ этомъ г-ну Лёвеннеулу; вскорѣ послѣ того ему удалось ихъ разыскать и присоединить къ своей коллекціи. Онъ сдѣлалъ путь изъ Парижа въ Кіевъ, изъ Кіева въ Брюссель, а теперь отправляется въ Шантальи. *Habent sua fata libelli.*

Вотъ пѣкоторые интересныя данныя о положеніи нашихъ университетовъ. Общий бюджетъ шестнадцати французскихъ университетовъ опредѣленъ въ 13.764.180 франковъ, изъ которыхъ 11.246.758 франка идутъ на содержаніе персонала. Число студентовъ равняется 35.670.

Благодаря автономіи, полученной университетами въ 1895 году, ихъ бюджетъ увеличился за послѣднее время: они получили новыя

пособія отъ государства, городовъ и частныхъ лицъ, что позволило увеличить число профессоровъ, число которыхъ десять лѣтъ тому назадъ равнялось 591, а теперь скоро достигнетъ 800. Въ этотъ же промежутокъ времени число студентовъ увеличилось приблизительно на 10.000.

Къ академіямъ можно примѣнить извѣстное изреченіе *patients quia asternit*. Онъ работаютъ неденнино, потому что считаютъ себя бессмертными, и каждый разъ, когда смерть уноситъ кого-нибудь изъ членовъ, требуется время, чтобы найти ему замѣстителя. Академія надписей и *belles lettres* выпустила: 1. Томъ XXIII *Histoire littéraire de la France*, начатый орденомъ бенедиктиицѣвъ и продолжаемый Институтомъ. Первый томъ этого огромнаго изданія былъ напечатанъ въ 1733 году. Появившійся томъ XXIII обнимаетъ часть XIV-го вѣка. Писатели, о которыхъ въ немъ говорится, представляютъ интересъ только для французаовъ. Въ немъ находятся статьи покойныхъ Горео и Гастона Париса и академиковъ Леопольда Дельля, Полля Мейера, Полля Бюле и Ноэля Валуа. 2. Новый томъ знаменитой серии *Histoires des Croisades*. Въ этомъ томѣ находится рядъ латинскихъ и французскихъ документовъ, касающихся Арменіи; для вѣсть онъ представляетъ интересъ, такъ какъ въ немъ есть много статей, касающихся татаръ. Этотъ томъ былъ начатъ въ 1879 году, такъ что на окончаніе его потребовалось около тридцати лѣтъ. Въ немъ принимали участіе академики Дюльорье, Ріанъ, Шофферъ, Максь Латри, Гастонъ Парисъ. Академія привлекаетъ помощниковъ и не изъ членовъ академіи: одинъ изъ нихъ, покойный Робертъ Улиссъ, умеръ раньше окончанія книги, на долю второго, г-на Колерь, состоящаго въ настоящее время редакторомъ этого изданія, выпала честь закончить этотъ томъ. 3. Академія начала третій томъ *Corpus inscriptionum semiticis*, обнимающей арамейскія надписи.

За послѣдніе годы наша образованная публика интересуется Россіей, и въ Парижѣ появляются серьезные труды по исторіи вашей страны. Я уже имѣлъ случай указывать вамъ на извѣстные изъ нихъ. Вотъ еще одинъ: молодой историкъ г. Пьеръ Моранъ написалъ исторію императора Павла I. Первый томъ его книги озаглавленъ такъ: *Paul I avant l'avènement*, 1754 — 1796 гг. Эта книга, насколько мнѣ извѣстно, представляетъ первый трудъ г-на Морана, имя которого мнѣ совершенно неизвѣстно. Но онъ обладаетъ серьезными качествами историка и повидимому принадлежитъ къ школѣ Сореля, Рамбо и Вандаля. Онъ знаетъ русскій языкъ и умѣло пользуеть-

зуется русскими документами; онъ умѣло группируетъ события, рисуетъ портреты, объясняетъ психологію характеровъ и обладаетъ хорошимъ слогомъ. Его книга навѣрное заинтересуетъ нашу публику.

Другой хорошо вамъ известный историкъ, г. Луи Леже, выпустилъ краткій обзоръ истории русской литературы. Эта книга входитъ въ составъ библиотеки Ларусса, о которой я вамъ писалъ. Это очень дешевая книжка въ 90 страницъ. Въ ней около ста иллюстрацій, портретовъ, факсимиле и т. д. Эта книга выходитъ весьма кстати: большая публика во Франціи особенно интересуется русскими романистами. Не лишнее показать ей, что есть и другіе писатели въ Россіи, и познакомить ее съ началомъ русской литературы.

Въ послѣдніе годы Болгарія привлекаетъ интересъ нашей публики. Нѣсколько французовъ поступили туда на службу. Одинъ изъ нихъ, если не ошибаюсь горный инженеръ, г. Делануа, написалъ книгу, озаглавленную *La Bulgarie d'hier et de demain*, въ которой описывается свои впечатлѣнія. Авторъ изъѣздилъ Болгарію во всѣхъ направленияхъ; онъ не претендуетъ дать произведеніе въ духѣ Каница или Ирочека, онъ не даетъ серьезныхъ свѣдѣній по истории, лингвистикѣ или литературѣ, но онъ хороший наблюдатель и высказываетъ здравыя сужденія о болгарскомъ народѣ. Онъ мечтаетъ о томъ, чтобы на Балканскомъ полуостровѣ образовалась федерація сербо-болгаро-румынская, и полагаетъ, что Софія могла бы быть столицей этой федераціи. Эта книга сообщаетъ много нового шапоюну, которая къ тому же интересуется больше Болгаріей, чѣмъ Сербіей, такъ какъ князь болгарскій французъ по происхожденію и имѣть много друзей среди высшаго парижскаго общества.

Большимъ успѣхомъ пользуются въ настоящее время *Mémoires de la comtesse de Boigne*, письмо д'Осмонд. Графиня Буаны, родившаяся въ 1781 и умершая въ 1866 г., происходила изъ угаснувшей въ настоящее время фамиліи д'Осмонд, изъ которой на службѣ у старой монархіи было нѣсколько выдающихся лицъ. Воспоминанія графини начинаются съ Версальского двора; она была свидѣтельницей революціи, эмиграціи, имперіи, реставраціи, царствованія Людовика Филиппа и второй имперіи; въ Парижѣ она имѣла салонъ, который посѣщали избранные члены интеллигентнаго. Появившіеся пока два тома обнимаютъ періодъ съ 1781 по 1819 г.; въ нихъ масса интересныхъ анекдотовъ, рассказанныхъ непріятельственно, живо набросанныхъ портретовъ, любопытныхъ эпизодовъ. Особенно рекомендую вамъ страницы, на которыхъ раз-

сказано пребываніе русскихъ во Франціи послѣ нашествія, объ Александрѣ I, о г-жѣ Крюденерѣ, о Нессельроде. Среди напечатанныхъ въ прибавленіи неизданныхъ документовъ находятся письма Нессельроде, Людовика Филиппа къ королевѣ Маріи Амалии. Къ сожалѣнію, редактору г. Николо пришлось выпустить нѣкоторыя мѣста изъ уваженія къ существующимъ еще поимы фамилямъ.

Г. Ф. Мартруа, историкъ-любитель, задался цѣлью освѣтить нѣкоторые мало известные исторические эпизоды. Я потому называю г. Мартруа любителемъ, что онъ не принадлежитъ ни къ педагогическому персоналу, ни къ какой либо официальной группѣ. Книга его озаглавлена *Le Conquête vandale en Afrique et la destruction de l'empire d'Occident*. Уже имѣется одно сочиненіе г. Мартруа о готахъ и вандалахъ. Въ настоящей книгѣ онъ въ длинномъ предисловіи разсматриваетъ положеніе Африки до нашествія вандаловъ, затѣмъ подробнѣ описывается исторію заносованія, выѣздию политику Гензериха, его войны съ имперіей, планъ завоеванія и конецъ правленіе Гензериха. Онъ не пренебрѣгъ ни однимъ источникомъ: литературнымъ или историческимъ, эпиграфическимъ или юридическимъ. Авторъ хорошо знакомъ съ новыми книгами, касающимися, хотя бы отдаленно, его предмета. Его трудъ представляется двойной исторической интересъ: во-первыхъ, онъ намъ показываетъ, какимъ образомъ завоеваніе вандаловъ оказалось решающее вліяніе на исторію западныхъ государствъ; затѣмъ, какимъ образомъ вандальское государство могло просуществовать цѣлый вѣкъ, а именно потому, что завоеватель сохранилъ римскую организацію. Эта организація позволила варварамъ удержаться въ странѣ, несмотря на неоднократныя нападенія римлянъ, несмотря на насилія, религіозныя преслѣдованія и враждебность населения.

Г. Андро Мишель продолжаетъ съ все возрастающимъ успѣхомъ изданіе своего прекраснаго труда *L'Historie de l'Art depuis les premiers temps chrétiens*. Второй томъ посвященъ образованію, распространенію и эволюціи готического искусства. Въ книгѣ принимаютъ участіе первоклассные ученые, какъ гг. Каміль Эндарь, Эмиль Берто, Маль, Перате. Въ этомъ второмъ томѣ, раздѣленномъ на двѣ части, находится болѣе 600 гравюръ.

Считаю себя обязаннымъ обратить ваше вниманіе на весьма важное изданіе: *Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie*, подъ редакціей Каброля. Каброль—ученый монахъ, занимающійся преимущественно первыми временами христіанства. Этотъ словарь такое же

въ своемъ родѣ значительное произведеніе какъ, и *Dictionnaire des antiquit es classiques* г. Сальо. На букву А, которая заняла томъ *in 4°* въ болѣе чѣмъ 1600 страницъ, потребовалось четыре года. Всѣ статьи написаны выдающимися специалистами, и книга снабжена прекрасными иллюстраціями. По археологіи она доходитъ до царствованія Карла Великаго, по богослуженію до нашего времени.

Л. Л-ръ.

Отъ редакціи. По поводу „Письма изъ Парижа“, напечатанного въ октябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народной Просвѣщенія*, от. П. Пиранигъ просить насть заявить, что его общественное положеніе не измѣнилось.

лосокъ того положенія римской общины при тарквианіевскомъ владычествѣ, когда римляне были лишены права вести войну по собственному усмотрѣнію, т. е. были лишены права самостоятельного употребленія жалѣза въ видѣ оружія.

При такихъ обстоятельствахъ не нужно также утвѣрдить словъ Тита. Безъ сомнѣнія, въ этихъ словахъ дано представление, отличное отъ благодушнаго финала, принятаго Ливіемъ и Діонісіемъ. Однако, дѣлая различие между временемъ нашествія Порсены (*dedita urbe*) и временемъ нашествія галловъ (*carta urbc*), Тацитъ констатируетъ лишь неприкосновенный фактъ отказа отъ дальнѣйшаго сопротивленія Порсены со стороны осажденныхъ имъ римлянъ, оказавшихся вынужденными принять предложенные имъ условія: уступку семи патовъ и выдачу заложниковъ.

8. *Bitea при Ариції и vicus Tuscus.* Въ біографіи куманского тирана Аристодема Діонісій повѣствуетъ о битвѣ при Ариції въ слѣдующемъ контекстѣ ¹²⁹⁾. «Двадцать лѣтъ спустя послѣ побѣды, одержанной куманцами надъ этрусками подъ стѣнами города Кумъ, къ куманцамъ явились послы изъ Ариціи съ просьбой о помощи противъ сына Порсены Арутнта, осаждавшаго тогда Арицію. Куманскіе оптиматы, обрадовавшись слуху, дававшему имъ возможность избавиться отъ ненавистнаго имъ Аристодема путемъ отправленія его въ дальнюю и опасную экспедицію, убѣдили народъ согласиться на оказанію помощи ариціянамъ. Было решено послать отрядъ изъ 2.000 человѣкъ подъ начальствомъ Аристодема. А такъ какъ исполненіе этого рѣшенія находилось въ рукахъ самихъ оптиматовъ, то они позаботились о томъ, что поручаемый Аристодему отрядъ былъ составленъ изъ самыхъ ненадежныхъ гражданъ, а для перевозки ихъ назначено было 10 наиболѣе ветхихъ кораблей. Однако Аристодемъ сумѣлъ отлично справиться и съ такимъ плохимъ матеріаломъ. Перечлавъ благополучно море, онъ оставилъ свои корабли въ ближайшемъ къ Ариціи портѣ подъ охраной небольшого отряда, а самъ съ остальнымъ войскомъ появился неожиданно передъ Ариціей, совершивъ этотъ исключительный переходъ въ теченіе одной ночи. Съ своей стороны ариціяне также вышли изъ осажденного города и вступили въ бой съ этрусками, но были ими оттеснены обратно, такъ что Аристодему пришлось выдержать битву одному со своимъ отрядомъ. Несмотря на это онъ одержалъ самую блестящую побѣду надъ этру-

¹²⁹⁾ Dion. 7, 5 сл.

Отт. классич. филол.

сками, убивъ, между прочимъ, собственною ручию ихъ вождя Аррунта. Получивъ отъ арицинцевъ большия дары, Аристодемъ немедлено двинулся въ обратный путь, чтобы пожать плоды своей победы въ самихъ Кумахъ. За нимъ слѣдовали многочисленные коммерческіе суда арицинцевъ, нагруженныя добычей и пѣнными этрусками. Возвращаясь домой, Аристодемъ сумѣлъ превратить солдатъ своего отряда въ преданныхъ ему приверженцевъ, при помощи которыхъ оть черезъ нѣсколько дней по возвращеніи въ Кумы произвелъ нападеніе на оптиматовъ и, опираясь на демократію, забралъ въ свои руки тиранническую власть. Впослѣдствіи Аристодемъ погибъ со всей своей семьёй вслѣдствіе заговора оптиматовъ, нашедшихъ поддержку у кампанскихъ этрусковъ. Но это произошло уже послѣ того, какъ въ Кумахъ нашли убѣжище изгнаные изъ Рима Таркваниі, прибывшіе сюда приблизительно па 14 году его тираніи, т. е. приблизительно лѣти, 14 спустя послѣ битвы при Ариції".

Въ этомъ контекстѣ арицинская победа составляеть весьма существенное звено въ исторіи тираніи Аристодема, тѣснѣйшимъ образомъ связанное съ политическою жизнью куманцевъ. Несмотря на тенденциозную окраску біографіи Аристодема и несмотря на присутствіе въ ней разныхъ прикрасъ, она представляетъ собою въ общихъ чертахъ достаточно надежно историческое преданіе туземнаго, кампанскаго, происхожденія, сохранившееся, безъ сомнѣнія, черезъ посредство мѣстной лѣтописи и перешедшее оттуда къ греческимъ историкамъ, наслѣдовавшимъ старыя судьбы итальянскихъ городовъ, какими являлся особенно Тимей¹³⁰⁾. Скептическое отношеніе къ материалу этой біографіи вполнѣ умѣстно въ примѣненіи къ разнымъ частностямъ. Но основные факты настолько правдоподобны, что, напримѣръ, Паисъ, для которого все это является сильной помѣхой въ его разрушительной критикѣ, не въ состояніи скрыть своего перваго раздраженія по этому поводу¹³¹⁾). Также и скептикъ Ниэ не можетъ противопоставить свидѣтельству біографіи Аристодема ничего другого, какъ только свое упрямое "нѣть"¹³²⁾). Впрочемъ, недовѣрчивое отношеніе къ материалу этой біографіи, но въ частности лишь къ хронологической точности ея дать, имѣется еще у Нибура¹³³⁾.

¹³⁰⁾ „Вопросы древнаго Лация". Журн. Мин. Нар. Пром., 1905, июль, 332 сл.

¹³¹⁾ *Païs, Storia di Roma.*

¹³²⁾ См. „Вопросы древнаго Лация", 334 прим. 24.

¹³³⁾ *Niebuhr, Röm. Gesch.* I⁴, 380 сл.

Во всякомъ случаѣ біографія Аристодема представляетъ собою самостоятельный исторический источникъ, принадлежащий греческой исторіографіи. А такъ какъ послѣдняя древнѣе римской анналистики и такъ какъ римляне и въ этомъ дѣлѣ были только учениками грековъ, то и матеріалъ біографіи Аристодема долженъ служить корректиромъ въ сужденіи о параллельныхъ данныхъ, принятыхъ римскими анналистами, а не наоборотъ, конечно.

О побѣдѣ Аристодема при Ариції Діонисій сообщаетъ еще въ другомъ мѣстѣ, въ связи съ разсказомъ о Порсонѣ¹²⁴⁾. Но здѣсь онъ даетъ лишь краткій пересказъ того же самаго, что имѣется и у Ливія¹²⁵⁾. А послѣдний разсказываетъ слѣдующее: „Прекративъ войну съ римлянами Порсена, дабы не казалось, что онъ попусту побывалъ здѣсь (ne frustra in ea loca exercitus adductus videretur), съ частью своихъ войскъ отправилъ своего сына Аррунта завоевывать Арицію. Это нападеніе застало арицицевъ врасплохъ; однако имъ удалось получить помощь отъ латиновъ, и изъ Кумъ. Въ пронесшійся затѣмъ битвѣ арицицы были разбиты этрусками, но зато куманскія когорты одержали полную побѣду: этруски были перебиты и только часть ихъ, лишившись своего вождя, спаслась бѣгствомъ въ Римъ“.

Ходъ битвы изображенъ здѣсь полностью въ томъ же видѣ, какъ и въ біографіи Аристодема, изъ чего слѣдуетъ, что послѣдняя и является источникомъ анналистической замѣтки объ этомъ дѣлѣ у Ливія и Діонисія. У Ливія обращаетъ на себя вниманіе содѣствіе латиновъ, оказанное арицицамъ. И если тѣмъ не менѣе они терпятъ пораженіе, а единственнымъ героями, вынесшими на своихъ плечахъ всю побѣду, являются куманскія когорты, то уже это одно указываетъ на заимствованіе изъ греческаго источника. Притомъ куманскія когорты у Ливія играютъ роль какого-то *dous ex machina*. Онъ появляются сразу, какъ будто дѣло идетъ о какомъ-либо совсѣмъ городѣ, и, сдѣлавъ свое блестящее дѣло, онъ исчезаютъ столь же внезапно и безслѣдно. Діонисій растянуль осаду Ариція на два года, очевидно, съ тою цѣлью, чтобы вытребованіе и прибытие куманской помощи представлялось болѣе правдоподобнымъ. Такжѣ тощая мотивировка Ливія: *ne frustra exercitus adductus videretur* замѣнена Діонисіемъ болѣе содержательнымъ способомъ: Порсена

¹²⁴⁾ Dion. 5, 36.

¹²⁵⁾ Liv. 2, 14, 5—8.

отдаёт своему сыну Аррунту половину войска для того, чтобы онъ могъ завоевать для себя самостоятельное царство. Но подобная прагматизация обстоятельствъ составляетъ одинъ изъ наиболѣе характерныхъ премовъ Діонисія. Поэтому далнюю Лівіемъ редакцію извѣстія о побѣдѣ при Ариціи нужно считать подлинною, а редакцію Діонисія—исправленною и дополненою въ интересахъ большей правдоподобности. А таѣь какъ Лівій, согласно съ Діонисіемъ, называетъ этрускаго вождя Аррунтомъ и сообщаетъ о его гибели въ битвѣ, то обѣ эти частности и должно считать почерпнутыми изъ того же источника, изъ которого заимствована вообще вся замѣтка. Въ сына же Порсены этрускаго вождя Аррунть превратился только уже вслѣдствіе присоединенія этого извѣстія къ легендѣ о Порсенѣ, на что, впрочемъ, довольно недвусмысленно указываетъ самъ Діонисій¹²⁶).

Въ наложении Лівія и въ соответствующемъ мѣстѣ у Діонисія (въ противоположности къ біографіи Аристодема) побѣда куманцевъ при Ариціи является совершение постороннимъ элементомъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ предшествующимъ событиямъ и оставшимся безъ всякихъ послѣдствій, если не считать образования римскаго *vicus Tuscius*¹²⁷). Притомъ само собою понятно, что просьба такого незначительного и далекаго отъ Кумъ латинскаго города, какъ Ариція, находившіяся вдали отъ морского берега, врядъ ли заставила бы куманцовъ спарадить особую морскую экспедицію съ цѣлью помочь незнакомому имъ городу. Ариція въ походѣ Аристодема имѣеть смыслъ, очевидно, не сама по себѣ, какъ собственная цѣль этого похода, а только какъ случайный предѣлъ дѣйствій Аристодема въ Лапіи, завершившихся рѣшительной побѣдой его въ этихъ мѣстахъ, по сосѣдству съ Римомъ. Снаряженіе такой экспедиціи должно было быть вызвано болѣе существенными побужденіями, заключавшими въ себѣ какія-либо практическія цѣли въ интересахъ самихъ куманцевъ. Эта сторона дѣла осталась не выясненной и въ біографіи Аристодема, составленной въ данномъ у Діонисія видѣ исключительно только съ точки зренія внутренней политики куманцевъ. Однако, уже одно указаніе на прибытие тарквииніевъ въ Кумы во время тираніи Аристодема свидѣтельствуетъ о томъ, что въ распоряженіи греческихъ историковъ находился болѣе обшир-

¹²⁶) Dion. 7, 5.

¹²⁷) Поэтому Иллітархъ (*de virt. mul.*) и напечь нужнымъ наложить дѣло такъ, какъ будто Аристодемъ спѣшился на помочь собственно римлянамъ.

ный материалъ о времени Аристодема, чѣмъ тотъ, который дасть Диописиѣмъ. Сюда же относится и извѣстіе о войнѣ Тарквинія съ „авропаками“ изъ-за Свессы Помеціи. Возможныя причины и послѣдствія похода Аристодема въ Лаций объяснены пами ить другомъ мѣстѣ¹²⁸⁾ въ томъ смыслѣ, что побѣда Аристодема при Ариціи представляеть собою одно изъ крупныхъ звѣньевъ въ исторіи паденія власти послѣдняго Тарквинія. Порсена же тутъ совершенно не причемъ, поскольку дѣло касается легендарного царя этрусковъ, отвоевавшаго семь пагоровъ въ пользу веентянъ.

Само по себѣ извѣстіе Ливія о побѣдѣ при Ариціи представляеть собою такую же случайную замѣтку, заимствованную изъ греческихъ источниковъ, какъ и извѣстіе о смерти Тарквинія въ Кумахъ¹²⁹⁾ и какъ и многія другія замѣтки этого рода. Пріуроченіе арицинской побѣды къ 508 году сдѣлано согласно тому приблизительному раз-счету времени, который дасть у Діонісія въ біографіи Аристодема. А такъ какъ это совпадало съ хронологіей похода Порсены послѣ неронесенія этой легенды къ минимумъ начальнымъ годамъ распублики, то отсюда и получилась возможность пристегнуть эту замѣтку о пораженіи этрусковъ къ легенду обѣ этрускомъ же царѣ Порсенѣ. Но эта связь такъ и осталась чисто вѣщью, такъ какъ pragmatическое сліяніе замѣтокъ съ легендой выразилось всего только въ превращеніи этруского вождя Аррунта въ сына Порсены.

Зато римскіе археологи воспользовались пораженіемъ этрусковъ подъ Ариціей для объясненія возникновенія „этруского квартала“ въ Римѣ. Это объясненіе дано одинаково, какъ Ливіемъ, такъ и Диописиѣмъ¹³⁰⁾. По контексту обоихъ этихъ писателей битва при Ариціи произошла уже послѣ того, какъ Порсона ушелъ изъ-подъ Рима. Поэтому остатки разбитаго подъ Ариціей этруского войска не могли найти убѣжища у Порсены. Взамѣнъ этого сами римляне пріотыли ихъ у себя, причемъ тѣмъ изъ нихъ, которые пожелали остаться навсегда въ Римѣ, римляне отвели мѣсто для жилищъ въ кварталѣ, получившемъ съ тѣхъ поръ название *vicus Tuscius* и находившемся, какъ поясняетъ Діонісій, между форумомъ и входомъ въ *circus maximus*.

Но рядомъ съ этимъ существовало еще и другое объясненіе. По

¹²⁸⁾ „Вопросъ древнаго Лация“, гл. 5.

¹²⁹⁾ Liv. 2, 21, 5.

¹³⁰⁾ Liv. 2, 14, 8—9. Dion. 5, 36.

Варрону¹⁴¹⁾, этруский кварталъ населенъ былъ воинами этрускаго вождя Caeles Vibenna, переведенными сюда послѣ его смерти съ town Caellius, гдѣ первоначально были имъ отведены мѣста въ награду за помощь, оказанную Ромулу во время его войны съ Т. Тадіемъ. По свидѣтельству императора Клавдія¹⁴²⁾, сказаніе о Вибенѣ заимствовано изъ этрускаго источника, согласно которому товарищъ этого Вибенны Mastaria достигъ потомъ въ Римѣ царской власти подъ именемъ Сервія Туллія¹⁴³⁾). Разумѣется, значеніе этрускіхъ разсказовъ о мноюческихъ временахъ Рима столь же маловажно, какъ и римскія легенды, въ смыслѣ достовѣрныхъ источниковъ; въ частности отожествленіе склаочнаго Mastaria съ Сервіемъ Тулліемъ нисколько не лучше разныхъ толкованій римскихъ археологовъ¹⁴⁴⁾.

Уясненіе возникновенія этрускаго квартала, въ непосредственной сопѣдствіи съ форумомъ, необходимо искать въ связи съ вопросомъ объ обособленіи Капитолія, какъ отдельной крѣпости, противопоставляемой остальному городу¹⁴⁵⁾). Вплоть до Суллы Капитолій, несмотря на нахожденіе здесь главной святыни римскаго народа, даже и не входилъ въ черту священнаго помэрія, окружавшую остальную городъ въ предѣлахъ IV regiones. Это тѣмъ болѣе странно, что патинская крѣпость, входившая въ составъ общегородскаго помэрія, имѣла еще и свой особый помэрій, для Капитолія же не было ни того, ни другого. Выдѣлоніе капитолійской крѣпости въ обособленную единицу поддается объясненію на почвѣ традиціи о сліянії двухъ общинъ, квиринальской и патинской¹⁴⁶⁾). Однако это объясненіе удовлетворительно только по отношенію къ одной, такъ сказать, политической, сторонѣ дѣла. Напротивъ, религіозная часть остается при этомъ загадочной. Обведеніе обѣихъ соединявшихся общинъ одной общей чертой священнаго помэрія, свидѣтельствующее о родственности обѣихъ частей въ отношеніяхъ религіи, дѣлаетъ непонят-

¹⁴¹⁾ Varro I. 1. 5, 46. Fest. p. 355. Tac. a. 4, 65.

¹⁴²⁾ Dessor, I, p. 45.

¹⁴³⁾ Получающійся въ этомъ сочетаніи анахронизмъ устраивался перенесенiemъ Вибонны изъ временъ Ромула къ болѣе позднему времени, между прочими къ царствованію Тарквінія Приска (Tac. a. 4, 65).

¹⁴⁴⁾ Притомъ этруския легенды о царскомъ періодѣ Рима сложились, по крайней мѣрѣ отчасти, на почвѣ драматической поэзіи, какъ доказываетъ стѣнопись въ Вульчи.

¹⁴⁵⁾ Напр. Liv. 32, 29, 2: non in urbe solum, sed in Capitolium. Саев. в. с. 1, 6, 7: in urbe et Capitolio.

¹⁴⁶⁾ „Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей“, I, 17.

нымъ исключение Капитолія изъ этой священной черты, если Капитолій выдѣленъ былъ въ видѣ крѣпости, принадлежавшей сообща обѣмъ соединеннымъ общинамъ. Такая несообразность и заставляетъ искать иного объясненія данного факта.

Сакральная обособленность Капитолія указываетъ на религіозную обособленность также и тѣхъ, кто оборудовалъ Капитолій въ видѣ особой топографической единицы, противопоставляемой остальному городу. Иными словами, строители Капитолія должны были представлять собою группу населения, этнографически отличную отъ населения собственного города. И вотъ любопытно, что патриціямъ никогда воспрещалось жительство на Капитоліи. Анналистическая традиція пріурочиваетъ это запрещеніе къ дѣлу Манлія капитолійскаго, по поводу которого въ 384 году будто бы внесено было въ комісію предложеніе, не *quis patricius in arce aut Capitolio habegat?*¹⁴⁷⁾. Правда, Манлій былъ патрицій; но онъ составилъ заговоръ противъ патриціевъ же, опирался при этомъ на илобовъ, а осужденіе его было дѣломъ рукъ патриціевъ. Поэтому было бы очень странно, если бы патриціи, стоявшіе въ то время еще во главѣ управления дѣлами республики, допустили проведеніе въ комісіяхъ закона, по которому за преступленіе Манлія, направленное противъ патриціевъ, были бы наказаны патриціи же во всей своей совокупности; а комісіальные законы въ тѣ времена подлежали еще дополнительному утвержденію со стороны сената. Ясно, что тутъ что-нибудь не такъ.

Въ подлинной хѣтописи pontификовъ о дѣлѣ Манлія значилась лишь краткая замѣтка (*Diod. 15, 35*), разросшаяся въ анналистической обработкѣ въ обширный и сложный разсказъ съ разными вариантами. Поэтому позволительно думать, что и законъ 384 года простая фикція, вызванная стремлениемъ анналистовъ пріурочить старинное проданіе объ ограниченніемъ прыга патрицію, на Капитоліи къ какому-либо определенному историческому факту, могшему хоть какимъ-нибудь уяснить такое загадочное запрещеніе. Это запрещеніе не могло возникнуть ни въ 384 году, ни въ предшествующія времена республики. Оно допустимо только въ видѣ наслѣдія тарквіаніевскаго периода, причемъ правовымиъ субстратомъ для сохраненія этого наслѣдія также при республикѣ могло служить лишь воззрѣніе, что земля на Капитоліи была общественная земля, которой даже патриціи могли владѣть лишь на правахъ *possessio* и которая поэтому во всякое

¹⁴⁷⁾ *Liv. 6, 20. 13. Plut. qu. R. 91.*

время могла быть отобрана у нихъ общиною. Дѣйствительно, еще въ концѣ республики вокругъ Капитолія находились *loci publica*, отданные въ пользованіе жреческимъ коллегіямъ, которыхъ въ 88 году были отняты у нихъ и проданы въ пользу казны. Общественной же землей Капитолій и могъ сдѣлаться въ качествѣ наслѣдія Тарквиніевъ направить съ соседними *campus Martius*, о которомъ сохранилось положительное преданіе, что это поле составляло собственность изгнанного Тарквінія ¹⁴⁸⁾.

Какъ исключепіе Капитолія изъ черты помѣрія, такъ и запрещеніе патріціямъ жительства на Капитоліи можетъ быть удовлетворительно объяснено предположеніемъ, что Капитолій, въ качествѣ обособленной отъ прочаго города крѣпости, возникъ въ тарквиніевскія времена, служа тогда резиденціей царей изъ династіи Тарквиніевъ ¹⁴⁹⁾. Если этруски Тарквиніи были не только инородцы, но и иновѣрцы ¹⁵⁰⁾, то выдѣленіе Капитоліи изъ священной черты остального города само собою понятно, разъ эта крѣпость составляла резиденцію и собственность иновѣрного властелина. Какъ собственники капитолійской крѣпости, Тарквиніи и могли не допускать патріціевъ на жительство въ Капитоліи, въ качествѣ господствующаго класса въ порабощенномъ городѣ. Это вполнѣ возможно и понятно. А если Капитолій былъ тогда дѣйствительно резиденціей этруской династіи, то становится понятнымъ и образованію у подножія этруского замка особаго *vicus Tuscus* изъ мелкаго служебного населения этруской національности, ремесленниковъ и слугъ, работавшихъ на своихъ капитолійскихъ господь.

Само собою разумѣется, что обособленіе Капитолія отъ остального города могло касаться не одного только сакральнаго дѣла и политики, но должно было распространяться и на военную обстановку крѣпости, которую и нужно представлять себѣ въ достаточной мѣрѣ отгороженою отъ остального города. Правда, въ позднѣйшія времена республики входъ па Капитолій со стороны форума былъ совершенно открытъ. Однако, во времена нашествія галловъ часть форума, прилегавшая къ Капитолію, входила еще въ составъ крѣ-

¹⁴⁸⁾ Liv. 2, 5, 2.

¹⁴⁹⁾ Аппаластический свѣдѣнія о жилищахъ царей въ разныхъ частяхъ города не могутъ, конечно, служить доказательствомъ противъ возможности нашего предположенія.

¹⁵⁰⁾ „Римскія три трибы“. Ж. М. Н. Пр. 1903, іюль (гл. 4).

постной территории, остававшейся въ рукахъ защитниковъ Капитолія. На это указываетъ преданіе о Г. Фабін Дорсуюбѣ, спустившемся съ Капитолія на виду у галловъ для совершенія срочнаго жертвоприношенія рода Фабіевъ на Квиринальѣ и благополучно возвратившагося оттуда назадъ на Капитолій¹⁶¹⁾. Возникновеніе такого преданія возможно только въ томъ случаѣ, если ближайшія къ спуску съ Капитолія мѣста по топографическимъ условіямъ могли предполагаться свободными отъ галловъ, хотя Ливій и изображаетъ шествіе Фабія прямо черезъ линію галльскихъ стражей. На это указываетъ также и храмъ Яна.

Брдь ли возможно сомнѣваться въ томъ, что этотъ храмъ, состоявший весь только изъ двоихъ воротъ, представляя собою нѣкогда дѣйствительныя ворота для сообщенія капитолійской крѣпости съ остальнымъ городомъ. А такъ какъ, судя по описаніямъ древнихъ, храмъ Яна находился въ ближайшемъ содѣстїи съ большой клоакой, при пересѣченіи ою форума, вблизи куріи (новой), то этимъ дано и направление бывшей крѣпостной стѣны, отдѣлявшей Капитолій отъ города. А самую клоаку, пока она имѣла видъ открытаго протока (Liv. 1, 38, 6), можно считать бывшимъ крѣпостнымъ рвомъ, проходившимъ съ наружной стороны вдоль того крѣпостного вала, въ которомъ были устроены ворота, превратившіясь съ течениемъ времени въ храмъ Яна. Въ такомъ случаѣ линія клоаки показываются и линію старыхъ укрѣплений со стороны форума, охватывавшихъ собою часть измѣнности у подножія Капитолія и существовавшихъ въ этомъ видѣ еще во времена нашествія галловъ¹⁶²⁾. Въ такомъ случаѣ *vicus Tuscus* примыкаетъ непосредственно къ бывшей территории Капитолія.

Дѣло въ томъ, что *vicus Tuscus* былъ расположено вдоль линіи клоаки, съ наружной ея стороны, представляя собою улицу, вытянувшуюся впороди предполагаемой крѣпостной стѣны Капитолія. Въ качествѣ предмѣстія, населенного мелкими торговцами и ремеслен-

¹⁶¹⁾ Liv. 5, 46, 2—3.

¹⁶²⁾ Если это такъ, то данная часть форума находилась до Сулы въ черты городского помѣрія. Вотъ почему были посвящены особо по церемоніалу патріційской ремітіи мѣста (templum) для куріи и коміція. Состоиніемъ въ помѣрія полосы у подножія Капитолія объясняется и нахожденіе въ этихъ мѣстахъ могиль каковыхъ могилы Ромула (Фаустула) на форумѣ, Акки Ларенциіи въ Вехабрѣ.—Обычай закрывать двери храма Яна во время мира появляется впервые только послѣ 1-ой пуніческой войны въ 235 г. (Liv. 1, 19, 3), а потому нѣть нужды связывать причину возникновенія этого обычая съ условіями старой капитолійской крѣпости.

никами, „этруский кварталь“ и могъ образоваться въ этомъ мѣстѣ, вблизи входа въ крѣпость, именно въ тѣ времена, когда Капитолій представлялъ собою резиденцію этрускихъ властителей.

Въ пользу предположенія, что *vicus Tuscus* получилъ свое название отъ того, что тутъ нѣкогда дѣйствительно обитало этруское населеніе, говорить, кромѣ самого названія, и загадочное божество *Vortumnus*, бронзовое изображеніе которого находилось у входа съ форума въ *vicus Tuscus*¹⁶³⁾. Этруское происхожденіе Вортумна засвидѣтельствовало сооруженіемъ этому божеству общественскаго храма на Авентинѣ въ 264 году послѣ покоренія города *Volsinii*¹⁶⁴⁾. Согласно съ этимъ, Пронерцій прямо указываетъ на заимствованіе Вортумна именно изъ *Volsinii*¹⁶⁵⁾, а Варронъ называетъ его *deus Etruriae princeps*¹⁶⁶⁾. Правда, знаменитое божество Вользиній, при храмѣ котораго (*ad fanum Voltumnae*) происходили союзныя собранія этрусковъ¹⁶⁷⁾, называлось не Вортумномъ, а Вольтумной. Однако, такъ какъ авентинскій *Vortumnus* безусловно тождественъ съ вользинскими божествомъ *Voltumna*, то латинская форма *Vortumnus* должна быть признана народно-этимологической передѣлкой основного *Voltumna*, причемъ латинское окончаніе—*-us* соответствуетъ и здѣсь этрускому окончанію—*-a*, какъ напр., въ имони *Tarquinius* есть этруского *Tarchna*, сравни *Vibenna*, *Porsena* и др.; также и суффиксъ—*-mn* былъ употребителенъ и въ этрускихъ именахъ, напр., *Tolupnus*, т. е. *Tolumna*. О существѣ и значеніи бога Вортумна, помимо его этруского происхожденія, римляне не имѣли никакого понятія, вслѣдствіе чего они и придумывали самыя разнообразныя толкованія примѣнительно къ значенію слова *vortere*¹⁶⁸⁾ и отчасти въ связи съ мѣстонахожденіемъ статуи Вортумна въ *vicus Tuscus*, какъ бойкомъ торговому мѣстѣ¹⁶⁹⁾. И это не удивительно, такъ какъ это было чужое божество, называвшееся у себя на родинѣ Вольтумной и запечатленное въ Римѣ этрусками

¹⁶³⁾ Prop. 5, 2. Varro l. l. 5, 46. Cic. Ver. 1, 154. Liv. 44, 16, 10.

¹⁶⁴⁾ Wissowa, Religion und Kultus der Römer, 233.

¹⁶⁵⁾ Prop. 5, 2, 3 сл.

¹⁶⁶⁾ Varro l. l. 5, 46.

¹⁶⁷⁾ Liv. 4, 23, 5; 25, 7.—См. „Очеркъ римскихъ гос. древн.“ I, 3, 595 сл.

¹⁶⁸⁾ Таково: *annus vertens* (Prop. 5, 8, 11 сл.), *ab annis verso* (ib. Ov. Fast. 6, 40 сл.) или отожествление съ греческимъ Протеемъ (Ov. l. c. Гор. l. с. 19 сл.). Первое и послѣднее толкованія соединены вмѣстѣ въ рассказѣ Овидія о Помонѣ (Met. 14, 623 сл.).

¹⁶⁹⁾ Porph. ad Hor. ep. 1, 20, 1: *praeses vertendarum regum*, т. е. *emendarum*.

поселенцами, оставшимися въ *vicus Tuscas* отъ временъ тарквииневскаго владычества.

9. *Вторичный договоръ съ Порсеной*. Война кончилась и заключенье миръ. Условія мира были выполнены римлянами: семь пагоръ возвращено веентианамъ и выданы Порсенѣ заложники. При заключеніи мира Тарквиній остался не при чёмъ, такъ какъ самъ Порсена во время переговоровъ упоминалъ о немъ только для виду, въ приличія, не считая пужнимъ отстаивать интересы Тарквиіи до конца (Liv. 2, 13, 2). Тѣмъ не менѣе, черезъ годъ, въ 506 году, Порсена отправляеть въ Римъ пословъ съ требованіемъ о возвратціи Тарквиія (Liv. 2, 15). Но дѣло уладилось тѣмъ, что римляне, сть своеї стороны, послали къ Порсенѣ знатнѣйшихъ сенаторовъ, которые своимъ краснорѣчіемъ и своей увѣшательностью въ отстаиваніи свободы заставили Порсена отказатьться отъ своего требованія. Мало того, царь пришелъ въ такой восторгъ отъ римскихъ пословъ (техъ *urgescitidia vietus*), что возвратилъ римлянамъ не только заложниковъ, но и отданныю уже веентианамъ землю (*adgitum Veientium*). И только послѣ этого Тарквиній призначалъ свое дѣло окончательно проиграннымъ, а потому удалился въ Тускуль къ своему зятю Мамилию Октаѳію.

Это вторичное требование, предъявленное Порсеной въ 506 году,ничѣмъ не мотивировано и кончается для Тарквиіи такимъ же точно образомъ, какъ и во время первого договора 508 года, т. е. ничѣмъ. И какъ въ 508 году, такъ и въ 506 году, идетъ рѣчь, главнымъ образомъ, о заложникахъ и о воинской землѣ. Различие заключается только въ томъ, что въ одномъ году римляне отдаютъ землю и заложниковъ, а въ другомъ получаютъ все это обратно. При этомъ Ливій даже и не задумывается надъ вопросомъ, какимъ образомъ клузійскій царь могъ отдать римлянамъ землю, которая, по договору, 508 года, перешла во владѣнія веентіанъ и которою Порсена не могъ теперь распоряжаться по своему усмотрѣнію. Вѣдь Вен составляли одно изъ союзныхъ государствъ Этруріи и притомъ далеко не одно изъ послѣднихъ.

Второй договоръ составляеть очевидный дубль первого, такъ какъ въ обонъхъ случаяхъ предметомъ обсужденія оказываются одни и тѣ же условія. Раздвоеніе этого дѣла у Ливія произошло, какъ и въ другихъ случаяхъ, вслѣдствіе двоякой датировки похода Порсены. По счету годовъ, принятому Ливіемъ, походъ пріурочивался къ 508 году; по другому счету, основанному на капитолійской эрѣ, временемъ похода Порсены считался 506 годъ. И вотъ Ливій, принимая дату

508 года, въ то же время сообразуется и со второй датой, относя къ 506 году окончательную развязку войны съ Порсеной, выразившуюся въ возвращеніи заложниковъ и земли, выданныхъ римлянами по договору 508 года (*foedere ad Ianiculum icto*).

Двойственность договора съ Порсеной является результатомъ двойственной датировки похода Порсены¹⁶⁰⁾.

10. *Предварительные итоги.* Пріуроченіе легенды о Порсенѣ къ 508 году находится въ связи съ датой битвы при Ариціи, извлеченній изъ греческихъ источниковъ. Этю же датой обусловливалось и перемѣщеніе паденія Тарквинія Гордаго къ 510 году, чѣмъ встать достигалось синхронистическое совпаденіе съ низверженіемъ послѣдняго афинскаго тирана. Вмѣстѣ съ тѣмъ сохранялось и прежнее хронологическое опредѣленіе похода Порсены, относившее это событие ко второму году республики: 510 паденіе Тарквинія, 509 годъ первый годъ республики, 508 второй годъ республики и походъ Порсены. Однако, по прежней хронологии, начальнымъ годомъ республики считался 507 годъ, составлявшій собственно только начало капитолийской эры (*post aedem Capitolinam dedicatam*). Согласно съ этой эрой вторымъ годомъ республики оказывался 506 годъ, подъ которымъ собственно и называется легенда о Порсенѣ у Діонисія (3 годъ 68 олимпіады), въ то время какъ Ливій даётъ подъ 506 годомъ только дублетъ мирнаго договора, являющійся здѣсь лишь осадкомъ старой датировки всего похода.

Пріуроченіе легенды о Порсенѣ къ самому началу республики вообще зависѣло отъ pragmatической комбинаціи нашествія Порсены съ паденіемъ Тарквинія. Такая хронология похода Порсены, предпринятаго будто бы въ интересахъ изгнаннаго царя, находилась, повидимому, уже въ источникахъ Діодора. Однако, еще въ редакціи Ливія отношеніе къ Тарквинію является лишь вѣшнимъ пріемомъ во вступительныхъ и заключительныхъ примѣчаніяхъ о цѣли похода, въ то время какъ въ собственномъ содержаніи легенды Тарквиній не играетъ ровно никакой роли, каковой пробѣль, впрочемъ, Діонисій (или его источникъ) постарался восполнить на свой ладъ. Подобнымъ образомъ и клузинцы причастны къ этой легендѣ лишь постольку, поскольку во вступительныхъ замѣчаніяхъ самъ Порсене названъ царемъ Клувія. Въ условіяхъ же договора о мирѣ интересы Тарквинія остаются совершенно въ сторонѣ, а вмѣсто клузинцевъ неожиданно всплываютъ,

¹⁶⁰⁾ Sollau, *Livius Geschichtswerk*, 148.

наружу веентяне, пожавши плоды похода Порсены въ видѣ уступленныхъ ими семи паговъ. Изъ этого видно, что Тарквиній и клузинцы являются лишь наноснымъ элементомъ въ легендѣ, соединеннымъ съ нею чисто механическимъ образомъ. Выдѣленіе ихъ не оставляетъ въ легендѣ никакого проблѣа, а, наоборотъ, придаетъ ей большую цѣльность.

Также и прочій матеріалъ разпороденъ по своему характеру и происхожденію. Извѣстіе о битвѣ при Ариції, являющееся вполнѣ достовѣрнымъ фактомъ, какъ относительно своего содержанія, такъ и по своей хронологической датѣ, привнесено къ легенду дополнительнымъ образомъ, не рагѣе времени Суллы. У самихъ римлянъ не сохранилось объ этомъ событии ни письменнаго, ни даже устнаго преданія или какого-либо сказанія. Пріобщеніе къ побѣдѣ Аристодема возникновенія этрускаго квартала въ Римѣ основывается всецѣло на гадательныхъ толкованіяхъ римскихъ ученыхъ археологовъ, принимавшихъ рядомъ съ этимъ и другіи, столь же гадательныи, рѣшенія этого вопроса.

Такому же ученому толкованію обязанъ своимъ сцѣпленіемъ съ легендой о походѣ Порсена обычай называть аукціонную продажу въ пользу казны терминомъ: вона *Porsena vendere*, представляющей собою въ дѣйствительности пережитокъ эпохи этрускаго владычества, вѣвъ вслѣдъ зависимости отъ похода Порсены. Къ той же эпохѣ относится, вѣроятно, и преданіе о римскихъ заложникахъ на Ликурѣ, послужившее основой легенды о Клеліи.

Также и легенда о Муціи въ своихъ основаніяхъ можетъ корениться въ мѣстномъ преданіи о затибрскихъ *prata Mucia*. Однако, въ наличной редакціи, обнаруживающей стремленіе къ возвеличенію древней внатности рода Муціевъ, легенда могла сложиться только уже послѣ фактическаго назвышенія этого рода, со временемъ второй пуніческой войны, причемъ сцена сожженія руки, основывающаяся на соответственномъ толкованіи значенія имени *Scaevola*, составляетъ даже очень позднее наслоееніе; и самое прозваніе *Scaevola* пріобщено къ имени легендарного Муція только въ угоду рода *Mucii Scaevolae*, взамѣнъ болѣе древняго прозванія *Cordus*.

Всѣ эти части разсказа о Порсенаѣ составляютъ болѣе или менѣе поздніяя наслоеенія. Напротивъ, сказаніе о Горациѣ, какъ защитнику моста, представляеть собою, несомнѣнно, древнюю часть легенды о нашествіи Порсены, но отдѣльныи частности привнесены дополнительнымъ образомъ и сюда. Между прочимъ, самое название *Cocles* должно

быть отнесено, повидимому, на счетъ комбинацій ученыхъ археологъ, извлекшихъ это прозваніе Гораций изъ топографическихъ данныхъ мѣстности, прилегающей къ мосту. Остается, следовательно, одно только имя Порсенис, какъ старинное достояніе сказания.

Съ Горациемъ въ легендахъ о Порсенѣ тождественъ консулъ 477 года, имя которого въ этомъ мѣстѣ является осадомъ первоначального распределенія материала второй книги Ливія, по которому легенда о Порсенѣ пріурочена была къ 477—6 годамъ¹⁶¹⁾, о чёмъ свидѣтельствуетъ и тождество главныхъ данныхъ воентской войны этихъ годовъ сть ходомъ войны Порсены, каковы: занятіе Янккула, осада города, голодъ, военные дѣйствія этрусковъ за Эсквилинскими воротами.

Центръ тяжести всей легенды о Порсенѣ заключается въ уступкѣ веентянамъ семи римскихъ паговъ, къ которымъ примыкали соляные промыслы на правомъ берегу Тибра. Это зерно легенды и можетъ быть признано отраженіемъ дѣйствительного исторического факта, просуществовавшаго до времени послѣдней веентской войны, а вслѣдствіе этого и сохранившагося сть достаточнотою отчетливостью въ народной памяти.

II. Веентская война во 2 книгѣ Ливія.

1. Десетилѣтняя война 483—474 годовъ. Въ предыдущихъ этого десятилѣтія военные дѣйствія въ 477—6 годахъ обнаруживаются полнотою тождество съ общимъ ходомъ событий въ войнѣ съ Порсоной. Если изъ легенды о Порсенѣ устранить сказаніе о Горации Коклесѣ, то остается слѣдующій остатокъ событий, приведшихъ римлянъ въ уступкѣ семи паговъ. Этруски, подъ начальствомъ Порсены, появляются внезапно на Янккулѣ и, укрѣпившись здѣсь, овладѣваютъ всѣмъ правымъ берегомъ за рѣкой, предпринимая оттуда набѣги и на другую сторону Тибра въ окрестностяхъ города, между прочимъ, на мѣстность за Эсквилинскими воротами. Здѣсь римлянамъ удалось одержать победу надъ этрусками отрядомъ. Однако, въ общемъ, римляне оказались стѣсненными настолько, что въ Римѣ, отрѣзанномъ отъ подвоза провинции, обнаружился голодъ. Въ концѣ концовъ, римляне заключили миръ на предложенныхъ Порсеной условіяхъ.

Совершенно такимъ же образомъ развиваются и события 477—6 го-

¹⁶¹⁾ А такъ какъ у Диодора въ этомъ мѣстѣ Порсена уже отсутствуетъ, то изъ этого слѣдуетъ, что первоначеніе легенды къ началу республики имѣлось еще у Кассия Гемина.

довъ. Также и тогда этруски появились внезапно на Яникулѣ, а оттуда перешли и на другую сторону рѣки, обложивъ, такимъ образомъ, городъ, послѣдствіемъ чего было возникновеніе голода среди римлянъ¹⁾. Однако, икъ выручить консулъ Гораций, вернувшись съ войны, противъ вольсковъ. Горацию удалось побѣдить этрускіе отряды сперва около свѣтилища Надежды (ad Spei) за Эсквилинскими воротами, а затѣмъ также близъ Коллийскихъ воротъ. Однако прыжкѣ берегъ рѣки съ Яникуломъ остался въ рукахъ враговъ, такъ что въ слѣдующемъ году снова повторилась та же исторія. Съ своего укрѣпленія на Яникулѣ (ab aere Ianiculi) этруски совершили набѣги на окрестности города, уводя скотъ и раззоряя поселенія. Во время одного такого набѣга этруски попали въ ловушку, въ которой приманкой служилъ выгнанный туда на пастбище скотъ. Въ другой разъ, переправившись черезъ Тибръ, этруски напали на лагерь консула Сервилія, который, однако, отбился отъ нихъ, а затѣмъ самъ, порошель на этрускую сторону рѣки и, напавъ на нихъ лагерь на Яникулѣ, при содѣйствіи другого консула Мененія совершенно уничтожилъ этрусковъ. Тѣмъ не менѣе война продолжалась и въ слѣдующемъ 475 году²⁾ и окончилась лишь въ 474 году заключеніемъ перемирія на 40 лѣтъ³⁾. Такъ наложено это дѣло у Ливія, а также у Діонісія⁴⁾, который, однако, останавливается подробнѣе на описаніи голода, въ то время какъ Ливій упоминаетъ о немъ лишь вскользь. Кромѣ того, Діопсій указываетъ, какъ на послѣдствіе побѣды консуловъ на Яникулѣ, на то, что въ руки римлянъ попалъ весь тамошний лагерь этрусковъ, чтѣ, впрочемъ, само собою подразумѣвается и у Ливія (*ad castra hostium aciem egerit*).

Какъ видно изъ этого обозрѣнія, событія 477—6 годовъ во всѣхъ главныхъ чертахъ поразительно схожи съ ходомъ военныхъ дѣйствій во время нашествія Порсена, за исключеніемъ только конечной развязки. Въ обоихъ случаяхъ этруски появляются сразу на Яникулѣ и, укрѣпившись здѣсь, производить набѣги на другой берегъ Тибра; въ обоихъ случаяхъ послѣдствіемъ этихъ набѣговъ является голодъ, свидѣтельствующій не только о полномъ обложеніи города, но и о значительной продолжительности осады; въ обоихъ случаяхъ сооб-

¹⁾ Liv. 2, 51: Ianiculum hostes occupavere obsessa quo urbs foret super bellum annona premente; transierant enim Etrusci Tiberim.

²⁾ Liv. 2, 53.

³⁾ Liv. 2, 54, 1. Dion. 9, 36.

⁴⁾ Dion. 9, 24 сл.

щается о стычкахъ, съ благопріятнымъ для римлянъ исходомъ, за Эсквилиинскими и Коллийскими воротами; въ обоихъ случаяхъ римляне устраиваютъ ловушку, причемъ для приманки этрусковъ служить выгнанный изъ пастища скотъ; въ обоихъ случаяхъ героемъ, выручавшимъ римлянъ изъ непосредственной опасности, но безъ решительныхъ результатовъ для окончания войны, является Гораций: въ одинъ случай въ качествѣ защитника моста въ самомъ началѣ нашествія этрусковъ, а въ другомъ—въ качествѣ побѣдителя лутучихъ отрадить въ первомъ году войны; въ обоихъ случаяхъ, наконецъ, въ руки римлянъ попадаетъ этрусский лагерь на Яникулѣ, въ одномъ случаѣ въ видѣ подарка великодушного царя, а въ другомъ—всльдѣствіе побѣды консуловъ второго года. Къ этому присоединяется еще то, что войну 477—6 годовъ предпринимаютъ одни только веентяне, но и во время похода Порсена реальную выгоду получаютъ опять-таки одни лишь веентяне.

Единственное существенное различие заключается въ окончательной развязкѣ военныхъ дѣйствій: война 477—6 годовъ завершается побѣдою римскихъ консуловъ на Яникулѣ, въ то время какъ Порсене добровольно покидаетъ свое яникульское укрѣпленіе по полюбовному соглашенію. Тѣмъ не менѣе и здѣсь имѣются общая черта: овладѣніе этрускими лагеремъ. При этомъ развязка въ нашествіи Порсены изображается въ дружелюбной формѣ; по все-таки Ливій, приступая къ толкованію формулы *bona Porsenae vendere*, допускаетъ и другую альтернативу (*hostiliter*) въ способѣ овладѣнія имуществою Порсены. Съ другой стороны, и въ финалѣ войны 477—6 годовъ побѣда представлялась не безъ извѣнія, какъ видно изъ того, что послѣдовало по-томъ привлеченіе къ суду со стороны народныхъ трибуновъ консула Сервиля⁵⁾. Правда, эта же судь столь же фантастична, какъ и всѣ вообще рассказы о трибунальскихъ агитацияхъ во второй книге Ливія; однако, сама мысль о судѣ надъ Сервилемъ свидѣтельствуетъ о томъ, что у старыхъ азиатистовъ яникульская побѣда консуловъ 476 года вовсе не изображалась въ такомъ блестящемъ видѣ, какъ это дано у Ливія и Діонісія.

Борьба съ этрусками, засѣвшими въ 477 году на Яникулѣ, длится два года. Такая же двухлѣтняя продолжительность принимается у Плутарха и для войны съ Порсеной⁶⁾. Напротивъ, Діонісій даетъ

⁵⁾ Liv. 2, 52.

⁶⁾ Plut. Popl. 16 сл.

весь рассказъ о Порсенѣ подъ однимъ только годомъ, именно 496. Годичная продолжительность войны съ Порсеной получается и у Ливія. Однако, 507 годъ у него совершенно отсутствуетъ, если только причиной этому не является искаженіе именъ консуловъ въ началѣ рассказа о 506 году²⁾). Это обстоятельство позволяетъ думать, что въ основѣ того источника, которымъ здѣсь пользовался Ливій, лежало представление о двухгодичной продолжительности войны. Притомъ самъ Ливій приводить имена консуловъ 508 года, II. Валерія и Т. Лукреція, только въ связи съ тѣми событиями, которыхъ соответствуютъ первому году двухглѣтной венетской войны 477—6 годовъ; въ дальнѣйшемъ рассказѣ Ливія о Порсенѣ имена консуловъ болѣе не упоминаются. Внесение сюда имени консуловъ слѣдующаго, 507 года, оказывалось для Ливія невозможнымъ, такъ какъ нужно было исчерпать весь рассказъ о Порсенѣ раньше упоминанія о побѣдѣ при Ариціи. А такъ какъ эта побѣда относилась къ 508 году, то и приходилось скомкать два года войны въ одинъ, въ результатѣ чего консулы 507 года оказались совсѣмъ опущенными. Такимъ образомъ, война съ Порсеной протекаетъ у Ливія вся въ теченіе второго года республики, въ то время какъ Платонъ принимаетъ для этого второй и третій годы. Развитіе голода въ осажденномъ городѣ само собою заставляетъ предполагать болѣе значительную продолжительность осады, чѣмъ та, которая опредѣляется благопріятно для военныхъ дѣйствій частью одного только года, причемъ нужно имѣть въ виду и то, что, если Порсена былъ царь Клузія, ему пришлось потратить много времени также для того, чтобы подойти отъ Клузія къ Риму, а затѣмъ вернуться назадъ изъ-подъ Рима въ Клузій.

Со включенiemъ пропущенного Ливіемъ 507 года получается трехглѣтіе отъ начала военныхъ дѣйствій до окончательной сдѣлки въ 506 году. Въ сравненіи съ этимъ, война 477—6 годовъ оканчивается 40-глѣтнимъ перемириемъ только въ 474 году, такъ какъ между янинкульской побѣдою и перемириемъ вставленъ еще одинъ годъ войны, вслѣдствіе чего здѣсь получается четырехглѣтіе. Однако, вставочный 475 годъ крайне подозрителенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ливій³⁾ со-

²⁾ Liv. 2, 15, 1.—Имя *Imregetius* можетъ основываться просто на случайномъ сбоя въ написании съ *Larcius*. Напротивъ, *P. Valerius Publicola*, вѣдьто *T. Nepotinus*, представляется очевидно преднамѣренной поправкой, ради получения 3-го консульства Валерія, такъ какъ въ дальнѣйшемъ (2, 16, 2) самъ Ливій признаетъ уже 4-ое консульство этого же Валерія.

³⁾ Liv. 2, 53.

общаетъ, что въ 475 году къ веентянамъ присоединились также сабиняне. Консулъ П. Валерій напалъ на сабинскій лагерь, находившійся вблизи Вей, а когда изъ города выбѣжали веентяне на помощь сабиняламъ, то Валерій блестательно обратилъ въ бѣгство и веентянъ, и сабинянъ; другой же консулъ Шауцій въ это время былъ занятъ войной съ вольсками. По Діонісію ⁹), подъ Веями были тогда два лагеря, сабинскій и веентскій, а Валерій взялъ по порядку одинъ за другимъ оба лагеря, послѣ чего восентяне запорались въ своемъ городѣ; тогда Валерій отправился въ страну сабинянъ и, собравъ тамъ богатую добычу, возвратился въ Римъ, гдѣ народъ встрѣтилъ его съ необыкновенными почестями, воскуривая передъ нимъ еніамъ, какъ передъ какимъ-нибудь божествомъ, а сенатъ присудилъ ему триумфъ.

Весь этотъ разсказъ родактированъ съ явною тенденціозностью во славу представителя рода Валеріевъ, причемъ послѣдній воюетъ адѣль не столько съ веентянами (послѣ того, какъ они заперлись въ городѣ, онъ оставилъ ихъ боязъ вниманія), сколько съ сабинянами. Веентяне примѣщаны къ этому дѣлу лишь постольку, поскольку сабиняне выступаютъ адѣль въ роли ихъ союзниковъ, вслѣдствіе чего и театръ военныхъ дѣйствій переносятся въ началѣ подъ стѣны Вей. Однако, соединеніе сабинянъ съ веентянами представляется собою небывалое лпленіе, чуждое всїй осталой легендарной исторіи Рима, какъ въ республиканскомъ времія, такъ и въ эпоху царей ¹⁰). Такое отрицательное отношение проданія къ единокопью сабинянъ съ веентянами, несмотря на ихъ близкое сосѣдство, имѣло, повидимому, реальныя основанія, коренясь въ томъ, что зааніенскіе сабиняне вовсе не могли быть друзьями своихъ этрусскихъ сосѣдей на томтѣ берегу Тибра, обнаружившихъ поползновеніе на овладѣніе зааніенской областью ¹¹). Въ 475 году сабиняне воюютъ въ союзѣ съ веентянами только потому, что адѣль имѣется еще періодъ веентскихъ войнъ.

Небывалое привлеченіе сабинянъ къ участію въ веентскихъ дѣлахъ, въ связи съ явной тенденціозностью разсказа о Валеріи, консулѣ-триумфаторѣ 475 года, даетъ намъ право отнести этотъ разсказъ къ числу вымысловъ, въ изобилии введенныхъ антилистомъ Валеріемъ Анціатомъ во славу своихъ сородичей. При этомъ очень часто повтор-

⁹) Dion. 9, 34 сл.

¹⁰) Даже при Туллѣ Гостнія такое соединеніе только намѣчается, но не осуществляется (Lit. 1, 30, 7).

¹¹) См. „Первый римскій диктаторъ“, гл. I и IV.

ряется соединеніе имени какого-либо Валерія именно съ побѣдой надъ сабинянами. Валеріи являются какъ бы своего рода специалистами по сабинскимъ дѣламъ: съ одной стороны, придумываются побѣды надъ сабинянами, если въ консультантахъ фастахъ какого-либо года значится имя Валерій, а съ другой, вводится вымышленный Валерій, разъ дѣло касается сабинянъ¹²⁾). Такимъ образомъ, и триумфъ Валерія надъ сабинянами въ 475 году появился въ анналахъ Ацилата вслѣдствіе того, что въ фастахъ этого года значился представитель рода Валоріевъ; союзниками же воюющими сабиняне въ этомъ случаѣ оказались только по непосредственной связи этого года съ періодомъ веентской войны. При этомъ перенесеніе театра военныхъ дѣйствій именно подъ стѣны Веи выглядитъ сознательнымъ и преднамѣреннымъ воздаяніемъ веентянамъ со стороны римского аниалиста за то, что въ предшествующемъ году, наоборотъ, воентяне дѣйствовали подъ стѣнами Рима.

Если же исключить фантастичные подвиги консула 475 года, то заключеніе 40-лѣтняго перомарія съ восстяниями, отодвинутое въ наличной хронологической схемѣ къ 474 году окажется въ испосредственной связи съ событиями 477—6 годовъ, въ качествѣ ихъ прямого послѣдствія. Такимъ образомъ, и здесь получается то же самое трохлѣтіе, которое имѣется и въ легендаѣ о Порсонѣ: два года войны, а на слѣдующій годъ договоръ о мирѣ. Однако, какъ въ легендаѣ о Порсонѣ воинамъ дѣйствія сведены у Діонисія, а фактически также у Ливія, всего лишь къ одному, такъ имѣются признаки того, что и расprodѣленіе военныхъ событий въ 477—6 годахъ на два года представляется собою только результатъ соображеній, что голодъ въ осажденномъ городѣ могъ возникнуть только при условіи длительной осады.

Дѣло въ томъ, что 476 годъ, рядомъ съ продолженіемъ военныхъ дѣйствій и голода, начавшихся въ 477 году, заполнилъ наполовину еще и трибуинскими агитаціями¹³⁾, причемъ трибуны связываютъ свои дѣйствія противъ Мененія съ дѣломъ на Кремерѣ. Правда, эти трибуинскія агитаціи являются только плодомъ фантазіи аниалистовъ. Однако, именно поэтому крайне подозрительно, чтобы аниалисты заполнили 476 годъ такими вымыслами, если этотъ годъ былъ уже достаточно занять известіями о продолженіи осады города и о голодѣ.

¹²⁾ Все это вызвало легенду о славномъ побѣдителѣ сабинянъ, диктаторѣ Магіи Валеріи (см. гл. II въ статьѣ „Первый римскій диктатор“).

¹³⁾ Liv. 2, 52. Dion. 9, 27.

A priori правдоподобно, что, когда вырабатывались эти вымыслы, 476 годъ имѣлъ характеръ мирнаго времени, свободнаго отъ опасной веентской войны, которую поэтому и приходится считать окончившуюся, по первоначальной хронологии, еще въ 477 году. Иначе говоря, веентская война, растянутая у Ливія и Діонисія на два года, 477—6, соответственно существу самихъ событий, значилась нѣкогда вся подъ однимъ лишь 477 годомъ, какъ это имѣется и по отношенію къ войнѣ съ Порсеною. Мало того, нужно полагать, что подъ 477 годомъ первоначально были сгруппированы вообще всѣ свѣдѣнія, касающіяся веентскихъ войнъ того времени, въ томъ числѣ и легенда о Фабіяхъ на Кремерѣ, пріуроченная къ этому именно году еще у Діонисія, въ то время какъ Ливій принимаетъ для нея предшествующій 478 годъ.

Дѣйствительно, Діодоръ¹⁴⁾ помѣщаетъ свою скомканную замѣтку о веентской войнѣ именно подъ годомъ консульства Горация и Мененія, т. е. подъ 477 годомъ по счету Ливія. Здѣсь онъ сообщаѣтъ, что въ Италии тогда была война между римлянами и веентами и что въ названномъ году произошла большая битва (*μεγάλη μάχη*) на Кремерѣ, въ которой римляне были побѣждены (такъ *Ромаіон ἡστρούειτων*) и погибло много народа, въ томъ числѣ 300 Фабіевъ. Правда, помѣщенію римскихъ замѣтокъ подъ одниимъ какимъ-либо опредѣленнымъ годомъ не означаетъ у Діодора цепримѣнно только годичное продолженіе сообщаемыхъ имъ событий, такъ какъ, и заѣдомъ много-лѣтнія события онъ пріурочиваетъ къ какому-либо одному году, а именно или къ первому или къ послѣднему году протяженія данныхъ событий¹⁵⁾. Однако, такъ какъ пріуроченіе именно Кремерѣ къ 477 году подтверждается и Діонисіемъ, то можно полагать, что въ данномъ случаѣ 477 годъ избранъ не въ видѣ начального или конечнаго года веентской войны, а по той причинѣ, что она въполнѣ составѣ значилась и въ его источникахъ. Только при такомъ взглядеъ можно себѣ уяснить, почему Діодоръ, при своей поверхности, выхватилъ именно битву при Кремерѣ и превратилъ ее въ большое пораженіе римлянъ, перенеся на эту битву то, что касалось собственно всей войны. Представления о томъ, что римляне въ концѣ концовъ

¹⁴⁾ Diod. II, 53.

¹⁵⁾ Такимъ же образомъ Діодоръ поступаетъ иногда и въ изложениіи событий изъ греч. исторіи (Mottezen, R. F. II, 299. Volquardsen, Untersuchungen über die Quellen Diodors, 35 сл.).

все-таки вышли изъ этой войны побѣдителями, въ источники Диодора, повидимому, еще не было. Янкюльская побѣда консуловъ 476 года является лишь результатомъ национального самонигѣйя позднѣйшихъ римскихъ антиалистовъ, оказываясь въ то же время отголоскомъ миѳа объ овладѣніи этрускаго лагеря на Янкюльѣ.

Если же война съ веентянами значилась нѣкогда цѣлкомъ подъ однѣмъ только 477 годомъ, то можно уяснить и причину выбора для этой цѣли именно данного года. Подлинныя записи въ официальной лѣтописи pontификовъ начались только съ 464 года. А когда стали восполнять отсутствовавшее въ этой лѣтописи повѣствованіе о начальныхъ временахъ республики, то хронологическое распределеніе принятаго сюда материала приходилось конструировать по тѣмъ или инымъ признакамъ, заключавшимся въ этомъ самомъ материалѣ. Для опредѣленія времени веентской войны такимъ признакомъ служило заключеніе 40-лѣтия перемирія. По pontификальной лѣтописи ближайшая война съ веентянами началась въ 438 году, когда царь Толумний захватилъ Фидены. Но сами римляне открыли воинска дѣйстія противъ веентянъ только въ слѣдующемъ 437 году¹⁶⁾. Отсюда, путемъ простого арифметического зачисlenія 40-лѣтия перемирія, считаютъ назадъ съ 437 года, и получается какъ разъ 477 годъ, какъ время заключенія этого перемирія, а, слѣдовательно, и пріуроченія самой войны, сопровождавшейся осадой города и голодомъ. Рассчетъ времени сдѣланъ здѣсь по магистратскимъ годамъ, изъ чего слѣдуетъ, что определеніе 477 года представляется собою продуктъ литературной уже исторіографіи. Иначе говоря, данная хронология можетъ служить показателемъ, что подлинной лѣтописи для того времени еще не существовало, таѣль въ противномъ случаѣ нужно бы ожидать здѣсь слѣдовъ этрускаго (Ромулова) 10-мѣсячнаго года. Выѣсть съ тѣмъ дата 477 года служить подтвержденіемъ доброкачественности источника Диодора, дающаго свою компендиозную замѣтку о веентской войнѣ именно подъ этимъ годомъ.

Для периода времени, охватываемаго второй книгой Ливы, не существовало ни подлинной лѣтописи, ни даже подлинного списка консуловъ; наравнѣ съ повѣствованіемъ о тѣхъ временахъ, также и кон-

¹⁶⁾ Впрочемъ, разграничение 438 и 437 годовъ составляетъ лишь искусственную функцию (см. статью „Первый римскій диктаторъ“ гл. IV); однако, для данного вопроса важенъ только самый фактъ разграничения этихъ годовъ въ литературной античности.

сульские факты второй книги Ливия являются продуктомъ поаднѣйшихъ временъ¹⁷⁾). Вследствіе этого первые аниалисты, равно какъ и ихъ предшественники въ коллегіи понтификовъ (Корункай) не имѣли возможности распредѣлять относимый имъ сюда материалъ по консулльскимъ годамъ, а должны были довольствоваться для своихъ хронологическихъ опредѣлений, или греческими счетомъ по олимпіадамъ¹⁸⁾, или какимъ-либо сравнительнымъ лѣточислениемъ¹⁹⁾, какимъ являлась и капитолійская эра (*post aedem Capitolinam conditam*), а затѣмъ и исчисление временія отъ основанія Рима, получившее, однако, болѣе или менѣе прочную основу только со временемъ Полібія и Катона²⁰⁾). Такимъ образомъ, для материала второй книги Ливія первоначально не могло быть, того силошного счета въ послѣдовательномъ порядкѣ консулльскихъ годовъ, какой имѣется въ наличной редакції Ливія въ Діопсії. Напротивъ, можно было размѣщать материалъ только группами соответственно дать, опредѣляемой тѣмъ или инымъ способомъ по данимъ, заключавшимся въ какой-либо части каждой отдѣльной группы. Такимъ образомъ, 477 годъ, найденный на основаніи 40-лѣтнаго перемирія, составилъ собою гнѣздо, въ которомъ нашли себѣ мѣсто разныя сказанія о венитской войнѣ начального периода республики. Къ числу этихъ сказаній принадлежала также и легенда о Порсенѣ.

По тому какъ материалъ, находившійся подъ 477 годомъ, оказывался слишкомъ богатымъ, то при дальнѣйшей разработкѣ, естественно, должно было обнаружиться стремленіе къ хронологическому дифференцированію этого материала. Раньше всего выдѣлено было все то, что болѣе или менѣе тѣсно связывалось съ именемъ Порсены, но такъ, что на старомъ мѣстѣ все же оставленъ оголенный остовъ военныхъ событий, заключавшихся въ легендахъ о Порсенѣ. Съ другой стороны, и на новомъ мѣстѣ, найденномъ для этой легенды, сохранился осадокъ старого размѣщенія материала, по которому нашествіе Порсены трактовалось какъ, часть венитской войны 477 года: этимъ осадкомъ и

¹⁷⁾ Однако, правдоподобно, что такой списокъ находился уже въ распоряженіи аниалиста, послужившаго источникомъ для Диодора.

¹⁸⁾ Этими счетомъ пользовался первый римскій аниалистъ Фабій (*Dion. I, 74*).

¹⁹⁾ Такой способъ практиковался отчасти еще и впослѣдствіи, напр. *Liv. 8, 30, 7: tricesimo sexto anno a primis tribuni plebis decem creati sunt. Plin. n. h. 3, 114: Ameriam Cato ante Persei bellum conditam annis DCCCCLIV prodit.*

²⁰⁾ Древнѣйшіе писатели гадали различно: Фабій принималъ 747 годъ, Цицеронъ 728, Дионій 884—3 (Полібій 750, Катонъ 751, Варронъ 753).

является неожиданное появление веентовъ въ условіяхъ мира, продиктованныхъ Порсеной.

Но и послѣ выданія легенды о Порсенѣ повѣствование о войнѣ 477 года оказывалось еще достаточно обильнымъ по своему содержанию, подавая поводъ и къ дальнѣйшей хронологической дифференціаціи. Катастрофа Фабіевъ на Кремерѣ значится у Діодора и Діонісія еще подъ 477 годомъ, но выходъ Фабіевъ изъ Рима отодвинутъ у Діонісія уже къ предшествующему 478 году ²¹). Напротивъ, Ливій поремѣщаетъ на 478 годъ самую катастрофу Фабіевъ, а соотвѣтственно этому выходъ ихъ изъ Рима отодвинуть къ 479 году ²²), причемъ объясненіе повода, вызвавшаго эту экспедицію Фабіевъ, отнесено къ предшествующему 480 году ²³), съ пріуроченіемъ къ этому же году и анекдота о центуріонѣ Флаволеѣ ²⁴). Но и на этомъ дѣло не остановилось: замѣтки о войнѣ съ веентами имѣются и при предшествующихъ трехъ годахъ: 481 ²⁵), 482 ²⁶) и 483 ²⁷). Однако, эти замѣтки, сравнительно съ разсказомъ о послѣдующихъ годахъ, отличаются большою бѣдностью содерянія. Особенно любопытна въ этомъ отношеніи замѣтка о 483 годѣ: *bellum inde initum*, и больше ни слова ²⁸), причемъ это замѣчаніе о началѣ веентской войны находится въ испосредственной связи съ указаніемъ на то, что съ этого же времени изъ года въ годъ въ консулы избирался кто-либо изъ Фабіевъ.

Такое отнесеніе начала веентской войны именно къ 483 году, при полной бѣдности первыхъ трехъ годовъ, указываетъ, что для этого должна была быть какая-либо опрѣдѣленная побудительная причина. Выше нами было высказано предположеніе, что материальную второй книги Ливія первоначально было размѣщено отдѣльными гнѣздами. Такимъ гнѣздомъ для сказаний о латинахъ являлся 484 годъ, какъ годъ освѣщенія храма Кастора; вѣдь первоначально и значилась рогильская повѣсть ²⁹). Ближайшимъ послѣ этого гнѣздомъ для сказаний о веентахъ оказался 477 годъ, какъ начальный годъ 40-лет-

²¹) Dion. 9, 18.

²²) Liv. 2, 48 сл.

²³) Liv. 2, 44, 7 сл.

²⁴) Ibid. § 13.

²⁵) Liv. 2, 43, 5. Dion. 9, 1.

²⁶) Liv. 2, 43, 1. Dion. 8, 91.

²⁷) Liv. 2, 42, 9.

²⁸) Благодаря этому Діонісій даже совсѣмъ умалчиваетъ о веентахъ подъ 483 годомъ, тѣмъ болѣе что начало войны у него пріурочено къ 485 году.

²⁹) См. Ж. М. Н. Пр. 1906, августъ.

ияго перемирия. Въ виду отсутствія для того періода подлинныхъ консульскихъ фастовъ, оба эти гнѣзда соприкасались непосредственно, такъ что вслѣдъ за повѣстю о латинахъ, пріуроченной къ 484 году, помѣщалась группа разсказовъ о веентской войнѣ. Остаткомъ этой-то пространственной смежности того и другого материала и явилось указаніе Ливія на то, что веентская война началась еще въ 483 году, хотя самъ онъ не дасть ровно никакихъ свѣдѣній о военныхъ дѣйствіяхъ противъ веентянъ въ названномъ году: война разгорается, какъ будто, исподволь и достигаетъ высшаго напряженія только въ періодъ вромони, ближайше груширующейся вокругъ 477 года: 478, 477 и 476. Вслѣдствіе отнесенія перемирия къ 474 году и принятія 483 года за начало веентской войны, для всей этой войны получилось 10-лѣтнее протяженіе времени.

У Діонісія начало войны отодвинуто еще на два года назадъ, къ 485 году ²⁰⁾, вслѣдствіе чего у него получается 12-лѣтняя продолжительность всей войны. Прячина этой комбинаціи сама собою ясна. Опредѣляя начало веентской войны, Ливій присоединяетъ это указаніе непосредственно къ замѣчанію о томъ, что въ данное время въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ однимъ изъ консуловъ оказывался неизмѣнно какой-нибудь Фабій ²¹⁾). А эта „олигархія“ Фабіевъ, какъ принято называть отмѣченное Ливіемъ явленіе, началась въ 485 году. Вотъ почему начало войны, въ точеніе которой родъ Фабіевъ очутился на краю гибели, является у Діонісія ассоцірованнымъ съ началомъ олигархіи Фабіевъ. А такъ какъ подобная ассоціація фактически имѣется и у Ливія подъ 483 годомъ, то сочетаніе обоихъ явленій, начала олигархіи Фабіевъ и начала веентской войны, не было чуждо римской антикварії вообще, а только той части ея, на которую опирался въ данномъ случаѣ Діонісій примѣнительно къ 485 году.

Въ наличной редакціи консульскихъ фастовъ, принятою и Діонісіемъ, и Ливіемъ, олигархія Фабіевъ охватываетъ семь лѣтъ: она начинается въ 485 году и оканчивается на 479 году, за годъ до катастрофы на Кремерѣ, согласно хронологіи Ливія. Однако, въ болѣе древней редакціи фастовъ, сохранившейся у Діодора, одинъ изъ этихъ семи консульскихъ годовъ отсутствуетъ. У Діодора не имѣется вовсе консуловъ 482 года, Кв. Фабія и Г. Юлія ²²⁾, изъ которыхъ

²⁰⁾ Dion. 8, 82.

²¹⁾ Liv. 2, 42, 8.

²²⁾ Liv. 2, 13. Dion. 8, 90.

послѣдний замѣняется также Тулліемъ²²). Судя по всѣмъ признакамъ, консулъськіе факты Діодора представляютъ собою древнійшую изъ всѣхъ дошедшихъ до настъ редакцій списка консуловъ²³). А по фактамъ Діодора олигархія Фабіевъ оказывается всего только 6-лѣтней. Съ другой стороны, Діонисій, согласно съ Діодоромъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что катастрофа Фабіевъ на Кремерѣ пріурочивалась первоначально къ 477 году. Комбинируя эти два свидѣтельства, мы можемъ заключить, что первоначальный 6-лѣтний срокъ олигархіи Фабіевъ и опредѣлился соотвѣтственно 6-лѣтнему промежутку времени между мнимымъ началомъ веенской войны въ 483 году и катастрофой на Кремерѣ въ 477 году, когда среди консуловъ (Гораций и Мененій) не было уже имени Фабія²⁴). Отсюда легко получить и дальнѣйший выводъ объ историчности олигархіи Фабіевъ.

Намъ уже неоднократно приходилось отмѣщать извлечениіе именъ консуловъ изъ легендъ, пріуроченныхъ къ тому или иному году²⁵). Такой случай имѣется и въ веенской легенды: консулъ 477 года тожественъ съ Горациемъ Коуклесомъ въ легендахъ о Порсонѣ. Однородна и олигархія Фабіевъ. Въ 477 году на Кремерѣ погибъ весь родъ Фабіевъ, за исключеніемъ одного малолѣтнаго тогда представителя. А въ самый моментъ катастрофы родъ Фабіевъ оказывался очень многолюднымъ, до 300 слишкомъ членовъ. Этимъ-то многолюдствомъ рода Фабіевъ и воспользовался составитель фактовъ того времени и возвѣль, выѣстѣ съ тѣмъ, и должную награду геройскому роду, заполнивъ консулами изъ рода Фабіевъ весь 6-лѣтний промежутокъ между мнимымъ началомъ веенской войны въ 483 году и катастрофой на Кремерѣ, значившейся подъ 477 годомъ.

Искусственность построенія олигархіи Фабіевъ видна уже изъ того, что вслѣдъ за катастрофой на Кремерѣ сразу прекращаются

²²) Слѣдуетъ замѣтить, что какъ разъ для этого періода колебаній въ именахъ консуловъ крайне ограничены, касаясь, кроме 482 года, главнымъ образомъ только 478 и 473 года; въ послѣднемъ случаѣ, опять-таки замѣшано имя Юлія, имѣющіеся здесь, впрочемъ, еще у Діодора (11, 65;ср. Liv. 2, 54).

²³) Ср. *Sigwart*, Römische Fasten und Annalen bei Diodor (Klio, VI, 1906, 269 сл.).

²⁴) При этомъ, конечно, приходится полагать, что наличные консулы 478 года, L. Aemilius C. Servilius представляютъ собою дополнительную вставку. И дѣйствительно, выѣсто консула Сервилия у Діодора (11, 52) значится C. Cornelius Lentulus, что и служитъ признакомъ шаткости фактовъ этого года.

²⁵) „Рогильская повѣсть“. Журналъ Министерства Народного Просвещенія 1906, авг. 307 сл.; „Первый римскій диктаторъ“ гл. III.

консулаты Фабіевъ, какъ будто эта катастрофа въ самомъ дѣлѣ была историческимъ фактомъ. А между тѣмъ недостовѣрность легенды о катастрофѣ Фабіевъ засвидѣтельствована самими фактами. Ближайшимъ послѣ Кремеры консуломъ изъ рода Фабіевъ является Ка. Фабій, консулъ 467, 465 и 459 годовъ, но, впрочемъ, такъ, что только послѣднее консульство можно считать достаточно достовѣрнымъ. Этотъ Квинтъ Фабій отожествляется съ тѣмъ малолѣтнимъ представителемъ рода Фабіевъ, который во время катастрофы уцѣлѣлъ, оставшись дома именно по малолѣтству³⁷⁾. Однако, разомъ съ этимъ „единственнымъ“ Фабіемъ въ фактахъ Діодора³⁸⁾ имѣется еще другой Фабій, Маркъ, бывшій консуломъ, вмѣстѣ съ Л. Квінкціемъ Цинциннатомъ, между 457 и 456 годами. Въ фактахъ Лівія и Діонісія³⁹⁾ эти консулы опущены, очевидно, вслѣдствіе того, что здѣсь оказывался лишній Фабій, противорѣчившій утвержденію легенды о Кремерѣ, будто тогда остался въ живыхъ всего только одинъ Фабій⁴⁰⁾. Для настъ же этотъ лишній Фабій, консулъ 457 — 456 года, свидѣтельствуетъ о томъ, что консульскіе факты этихъ годовъ (съ 464 г.) древніе усвоенія анналістами легенды о Кремерѣ. А если, какъ это правдоподобно, легенду о Фабіяхъ и Кремерѣ принялъ еще первый анналістъ Фабій Пікторъ, то консульскіе факты того времени древніе литературной анналістикѣ вообще.

Признаючи подостогодѣрности легенды о катастрофѣ Фабіонг, но крайней мѣрѣ, въ длиномъ хронологическомъ сочетаніи, является и самое мѣсто этой катастрофы при Кремерѣ, на венитской территории. Мы не намѣрены представить въ настоящей статьѣ полный разборъ сказанія о гибели Фабіевъ, такъ какъ касаемся здѣсь венитскихъ войнъ лишь постолку, поскольку въ нихъ можетъ обнаружиться какое-либо отношеніе къ прещанію о Порсенѣ. Достаточно будетъ отмѣтить, что какъ Нібуръ⁴¹⁾, такъ и Швеглеръ⁴²⁾ пользуются

³⁷⁾ Иль этого слѣдуетъ, что въ 467 году, когда онъ былъ будто бы впервые консуломъ, ему могло быть не болѣе 25 лѣтъ, чтѣ также крайне подозрительно. Ради увеличенія возраста Лівій (2, 50, 11), а за нимъ и Валерій Максимъ (9, 1, 9) превращаютъ Фабія для времени дѣла въ юношу; напротивъ, у Діонісія (9, 22) и Овидія (Fast. 2, 239) онъ является, какъ и слѣдуетъ ожидать, еще ребенкомъ.

³⁸⁾ Diod. 12, 3.

³⁹⁾ Liv. 8, 31. Dion. 10, 31.

⁴⁰⁾ Ср. Монніген, R. F. II, 257 сл. Sigwart, I. c. 272.

⁴¹⁾ Niebuhr, II⁴, 219 сл. и 227 сл.

⁴²⁾ Schwegler, II, 501. 522 сл. 748 сл.

легендой о гибели Фабиевъ, какъ несомнѣнныи историческимъ матеріаломъ для данного времени⁴³⁾; а это довѣріе къ легендаѣ обусловливается у нихъ довѣріемъ къ историчности 7-лѣтней олигархіи Фабиевъ. Дѣйствительно, обѣ эти части традиціи связаны между собой такъ тѣсно, что признаніе одной изъ нихъ историческимъ фактотъ заставляетъ относиться довѣрчиво и къ другой. Однако, олигархія Фабиевъ, какъ выше указано, не заслуживаетъ такого довѣрія, а то же самое нужно сказать и о ихъ гибели.

Еще Рихтеръ въ специальной статьѣ, посвященной разбору общей топографической схемы, присущей большинству рассказовъ о венетскихъ войнахъ⁴⁴⁾ вплоть до окончательного перехода Фиденъ во власть римлянъ, обратилъ внимание на то, что дѣло при Кремерѣ въ ряду этихъ безкощечныхъ войнъ занимаетъ совершенно исключительное мѣсто по своей топографической основѣ. Во всѣхъ этихъ войнахъ собственнымъ объектомъ борьбы обоихъ народовъ являлись Фидени, и театромъ военныхъ дѣйствий служитъ пространство между этимъ городомъ и Римомъ, главнымъ образомъ въ предѣлахъ областіи между Тибромъ и Апіеномъ. Одно только дѣло при Кремерѣ разыгрывается позади Фиденъ, на территории самихъ венетянъ. Рихтеръ, признавая достовѣрность многовѣковой борьбы изъ-за Фиденъ, представляетъ себѣ дѣло при Кремерѣ въ видѣ неудачной попытки преградить сообщеніе венетянъ между Веями и Фиденами путемъ сооруженія римского укрепленія близъ устья Кремеры, въ тылу Фиденъ⁴⁵⁾. Однако, ниже будетъ указано, что многовѣковая борьба изъ-за Фиденъ не что иное, какъ измышеніе антиалистовъ, и что дѣйствительная борьба изъ-за этого города исчерпывается промежуткомъ времени съ 438 по 426 годъ. Поэтому, если принять взглядъ Рихтера на дѣло при Кремерѣ, легенду о Фабиахъ можно признать, пожалуй, отражениемъ событий, происходившихъ въ 438—426 годахъ. Но такъ какъ борьба тогда велась изъ-за обладанія зааніенскою областью вообще и такъ какъ венетяне, какъ нападающая сторона, въ то время были еще достаточно сильны, чтобы оградить собственную территорію отъ вторженія римлянъ, то болѣе правдоподобно, что легенда, дѣйствіе которой происходитъ на венетской территоріи,

⁴³⁾ Напротивъ, Моммзенъ (*Röm. Forsch.*) признаетъ уже легендарный характеръ рассказа о Фабиахъ.

⁴⁴⁾ Richter, Die Fabier an der Cremera (*Hermes*, 1882, 425 сл.).

⁴⁵⁾ L. c. 437.

является отражениемъ событий изъ времень послѣдней 10-лѣтней „осады“ Вей, кончившейся разрушениемъ этого города. Тогда дѣятельно театромъ военныхъ дѣйствій служила уже веентская территорія, а въ точсіе этой войны также и римляне испытывали свои неудачи ⁴⁶). Легенда о Фабияхъ на Кремерѣ, очевидно, основывается на узко фамильномъ преданіи ⁴⁷).

Десятилѣтия веентская война 483 — 474 годовъ въ своей существенной основе состоять изъ двухъ разнородныхъ частей, не находящихся ни въ какой связи между собою, изъ которыхъ порвал, касающаяся Фабиевъ, лишена всякаго исторического значенія для данного времени, въ то время какъ вторая, представляющая собою остатъ легенды о Порсенѣ, основывается, повидимому, на народныхъ воспоминаніяхъ о дѣйствительныхъ событияхъ начального периода республики, не забытыхъ народомъ не только вслѣдствіе ихъ крупного значенія для римского государства, но и потому, что въ своихъ послѣдствіяхъ они сохранились до времени паденія Вей. Центръ тяжести въ этихъ воспоминаніяхъ заключался въ представлении о переходѣ во власть веентянъ римскихъ семи паговъ съ прилегавшими къ нимъ салинами. Преданіе обѣ этомъ событий было, повидимому, очень развѣтвлено: на его почвѣ создалось и сказаніе о Ремовой Реморіи и выработался образъ Ромула, въ качествѣ защитника затибрской области противъ венетянъ ⁴⁸). Легенда о Порсенѣ составляютъ только части, народно-эпического поэтическаго изложенія о занятии веентянами римской земли на правомъ берегу Тибра.

Намъ представляется весьма правдоподобнымъ, что въ основе преданія о затибрской области заключается вполнѣ историческое зерно: времененная, но все-таки достаточно длительная утрата семи паговъ составляла, повидимому, реальный фактъ римской истории. Продолжительность веентского захвата явствуетъ изъ обилия сказаний на почвѣ этого события: если бы этотъ захватъ оказался такимъ мимолетнымъ дѣломъ, какимъ изображаетъ его наилучшая родакція легенды о Порсенѣ, то въ народной памяти не остался бы отъ него такій крупный следъ. А свѣжесть и замѣчательная отчетливость преданія о потерѣ

⁴⁶) Diodor. 14, 43: Ρωμαῖοι πολιορκοῦντες τοὺς Βηγίους ἐξελθόντων ἐκ τῆς πόλεως οἱ μὲν κατεχόπτεσσι ύπὸ τῶν Βηγίων, οἱ δὲ ἔξεργον αἰσχυρῷ; = Liv. 5, 18, 12 (въ 402 году).

⁴⁷) См. Моннисен, R. F. II, 246 сл.

⁴⁸) „Легенда о близнецахъ“. Журналъ Министерства Народного Просвещенія, 1902, мартъ, гл. XIV.

части затибрской области свидѣтельствуетъ о томъ, что эта утрата относится ко временамъ, сравнительно не очень отдаленнымъ отъ того времени, когда это преданіе было фиксировано въ лѣтописной литературѣ. Дѣйствительно, пока въ Римѣ владычествовали Тарквиині, утрата земли между Римомъ и Цѣре совершиена не мыслима. Такое событие могло имѣть мѣсто только послѣ паденія власти цѣратской династіи въ Римѣ. Быть можетъ, еще въ словесной формѣ сказаний о Порсенѣ заключалася какой-нибудь намекъ на изгнаніе Тарквиині; этимъ легче всего можно было бы объяснить раписе переносенію легенды о Порсенѣ съ 477 года ко второму году республики, сперва 506, а потомъ 508.

2. Война перваго года республики. Второе мѣсто въ счетѣ годовъ республики отдано было легендѣ о Порсенѣ по той причинѣ, что тогда, когда легенда перенесена была сюда съ 477 года, первое мѣсто было уже занято другой войной съ тѣми же веентами⁴⁹⁾.

Подобно походу Порсены въ наличной редакціи легенды, также и война первого года республики велась въ интересахъ изгнанныхъ изъ Рима Тарквииневъ. Тарквиинъ, ушедший изъ Рима въ Цѣре⁵⁰⁾, обратился за помощью къ своимъ современникамъ въ Этрурии⁵¹⁾. И вотъ любопытно, что на его призывъ отклинулись не царитане, а только веенты и тарквиинцы, войска которыхъ немедленно двинулись противъ римлянъ; впрочемъ, по Діонісію къ нимъ примкнули добровольцы и изъ другихъ этрускихъ городовъ. Около сїлъ Агзія произошла битва, въ которой погибъ римскій консулъ Брутъ; но результатъ битвы былъ нерѣшительный. Ночью послѣ этого взъ сосѣдняго лѣса раздался голосъ Сильвана, провозгласившій римлянъ побѣдителями. А на другой день этрусковъ уже не оказалось на мѣстѣ, такъ что оставшійся въ живыхъ другой консулъ Валерій могъ возвратиться троумфаторомъ въ Римъ, гдѣ и устроилъ торжественные похороны своему коллегѣ Бруту.

Независимо отъ цѣли, состоявшей въ поддержкѣ Тарквиинія, война первого года республики обнаруживаетъ близкую точку соприкосновенія съ войной Порсены въ томъ, что принимается здѣсь не обычный для веентскихъ войнъ маршрутъ по направлению къ Фиденамъ, а, напротивъ, тотъ же театръ военныхъ дѣйствій за Тибръ, гдѣ, въ

⁴⁹⁾ Liv. 2, 6, см. Dion. 5, 14 сл.

⁵⁰⁾ Liv. 1, 80, 2.

⁵¹⁾ Liv. 2, 6, 2: *in iudeam sanguinis.*

виду участия тарквиниев, и приходится искать местоположение леса Arsia. Это отличие от излюбленной античными схемы веентских войн, без Акенса и Фиденса, резко выделяет войну первого года республики из ряда антической традиции о войнах с Веями. А заключающееся здесь сказание о лесном голосе, таинственно определившем победу римлян, прямо характеризует этот рассказ, как произведение народно-эпического творчества. У Ливия лесной голос названъ голосом Сильвана. Напротивъ, Дионисий, указываетъ, что silva Arsia находилась по местности, называвшейся prata Naevia, и что она посвящена „герою“ Горату, не решается сказать, былъ ли это навѣрно голосъ Фавна (т. е. Сильвана), или же скорѣе голосъ Гората. Изъ этого видно, что у античников были двѣ версии о наименовании таинственного голоса, изъ которыхъ версия съ именемъ Гората можетъ быть признана болѣе древней⁵³⁾.

Правда, въ данномъ видѣ сказание о битвѣ при арвийскомъ лесѣ фиксировано не рапѣ второй половины 4 столѣтія до Р. Хр., съ одной стороны въ веду присутствія въ немъ тарквиниевъ, а съ другой — потому что всадники находятся здесь уже на положеніи кавалерийскихъ отрядовъ⁵⁴⁾. Но зато на основаніи этой редакціи всплыла наружу этимологическая связь имени царя Тарквинія съ названиемъ города Tarquinii, чтѣ послужило, повидимому, основаніемъ для комбинаціи этой войны съ изгнаніемъ послѣдняго Тарквинія, причемъ бозрѣлично, что здесь речь и что posterius, Тарквиний или тарквиниа. Въ наличной редакціи сказания Брутъ является участникомъ сворженія Тарквинія, и въ этой роли онъ появляется уже на первыхъ же порахъ развитія литературной античности⁵⁵⁾. Рядомъ съ этимъ нужно полагать, что и самое сказание объ арвийской битвѣ находилось уже у древнѣйшихъ античниковъ, такъ какъ только при этомъ условіи становится понятнымъ не только перенесеніе легенды о Порсенѣ съ 477 года къ началу республики вообще, но и въ частности ко второму году республики; послѣднее оказалось необходимымъ, разъ первое место было уже занято другой веентской войной.

Въ битвѣ при silva Arsia Брутъ участвуетъ въ качествѣ первого

⁵³⁾ Платаркъ (Popl. 9) называетъ этотъ лесъ Образомъ леса, что, быть можетъ, находится въ связи съ именемъ „героя“ Гората.

⁵⁴⁾ „Регильская поэзія“. Журналъ Министерства Народного Просвещенія, 1908, авг. 391 сл.

⁵⁵⁾ Peter, Hist. rom. reli. Fabius fr. 14; Postumius fr. 2.

консула республики. Возможно, что консульское достоинство присвоено было Бруту еще во время окончательного фиксирования арзийского сказания в угоду возвысившемуся тогда плебейскому роду Юлиевъ Брутовъ⁶⁴⁾. Действительно, уже въ вѣкъ Полибія⁶⁵⁾ первыми консулами республики считались Брутъ и Гораций. Однако кажется, что это послѣднее не что иное, какъ одна изъ ученыхъ комбинацій, возникшихъ уже въ періодъ литературной анналистики. По крайней мѣрѣ, Ливій⁶⁷⁾, говоря объ освященіи храма Капитолійскаго Юпитера, мотивируетъ порученіе этого дѣла импію Горацию тѣмъ, что другой консулъ Валерій въ это время былъ занятъ войной съ веентянами. Стало быть, во время веентской войны первого года республики въ званіи консуловъ состояли съ одной стороны Гораций, оставшійся въ городѣ, а съ другой—Валерій, отправившійся на войну противъ веентянъ, изъ чего садѣтъ, что согласно этой версіи участники веентской войны Брутъ не могъ быть консуломъ. Правда, представленіе о Валеріи и Горации, въ качествѣ первыхъ консуловъ республики, моложе представленія о консульствѣ Брута и Горация, имѣющагося уже у Полибія⁶⁸⁾. Однако, возникновеніе другой, болѣе поздней, комбинаціи мыслимо только въ томъ случаѣ, если въ сказаніи о silva Argia у древнѣйшихъ анналистовъ не было еще въ точности указано консульское достоинство Брута.

Въ общемъ все веентскіе войны, заключающіеся во 2 книгѣ Ливія, несмотря на своеобразное различіе въ частностяхъ, имѣютъ одну общую характеристическую черту: они происходятъ по ту сторону Тибра. Напротивъ, къ веентскимъ войнамъ царскаго періода постоянно примѣщиваются и фиденаты; но въ то же время имѣются и обильныя данные объ отношеніяхъ къ затибрской области.

III. Веентскія войны въ царскій періодъ.

1. Веентскія войны начинаются сейчасъ при первомъ же царѣ. Основавъ городъ и завоевавъ Цзинину и Антомны на рѣкѣ Аниенѣ, а

⁶⁴⁾ K. I. Neumann, L. Junius Brutus der erste Consul. Strassburger Festschrift 1901, 309 сл.

⁶⁵⁾ Polyb. 3, 22.

⁶⁷⁾ Liv. 2, 8, 6.

⁶⁸⁾ Да и самая конструкція трехъ leges Valeriae de provocacione, съ отнесеніемъ первого изъ нихъ къ первому же году республики, является только искусственнымъ рефлексомъ историческихъ tres leges trium Porciorum.

также Крустуминъ по ту сторону этой рѣки ¹⁾), Ромуль воюетъ съ фиденатами ²⁾), а вслѣдъ за этимъ и съ веентянами ³⁾). Фидены переходять во власть римлянъ ⁴⁾), а веентяне лишаются части своей земли ⁵⁾). Мѣстоположенія земли, отвоеванной Ромуломъ у веентянъ, Ливій не обозначаетъ. По Верріо Флакку, это была та земля, изъ которой составилась *tribus Romilia* ⁶⁾). А территорія этой трибы находилась за Тибромъ и заключала въ себѣ также и *ager Vaticanus*, какъ можно судить по проавишу рода Ромиліевъ *Vaticanus*. По Діонісію и Платону ⁷⁾, Ромуль отнялъ у веентянъ именно тѣ *septem pagi*, которые по договору съ Порсеной римляне обязались возвратить веентянамъ. А вмѣстѣ съ семью пагами, по сообщенію Діонісія ⁸⁾ и Платона ⁹⁾), веентяне уступили Ромулу также и соляные промыслы на устьѣ Тибра. Изъ этой связи съ приморскими салинами видно, что *septem pagi*, простиравшіеся, по Діонісію, вдоль рѣки Тибра (проехѣ тѣ Тибреты), находились между морскимъ берегомъ и Іппокуломъ, въ той самой мѣстности, где приходится искать и мѣстоположеніе Ремовой Реморіи, отстоявшей отъ Рима на 30 стадіевъ и также расположенной по сопственности съ Тибромъ ¹⁰⁾.

Все это даетъ вполнѣ опредѣленную локализацию легенды о Ромульѣ. Онъ отвоевываетъ у веентянъ землю, входящую въ составъ территоріи Ромиліевой трибы на правомъ берегу Тибра. Въ частности, онъ отбираетъ у нихъ соляные промыслы на устьѣ Тибра съ примыкающими къ этимъ промысламъ семью пагами вдоль рѣки Тибра. Тамъ же, на территоріи этихъ семи паговъ, существовало городище

¹⁾ Liv. 1, 10, 2 сл.

²⁾ Ibid. 1, 14, 4.

³⁾ Ibid. 1, 15.

⁴⁾ Liv. 1, 27, 3: *Fidenates colonia Romana*.

⁵⁾ Liv. 1, 15, 5: *agri parte multati*.

⁶⁾ Fest. op. p. 271 (=Thowr. 369): *Romilia tribus dicta, quod ex eo agro censentur, quem Romulus seperat ex Uenitibus*.

⁷⁾ Dion. 2, 55. Plut. Rom. 25.

⁸⁾ Dion. I. c.: χώραν παρ' οὖται Ρωμαίοις τὴν προσεχῆ τῷ Τίβερι, τοὺς καλοφρένους ἐπτὰ πάγους, καὶ τῶν ἀλλού ἀποστήγαι τὸν παρὰ τοῖς ἐρβολαῖς τοῦ ποταμοῦ.

⁹⁾ Plut. I. c.: χώραν πολλήν προέμενος τῆς ἑαυτῶν, ἦν σεπτεμπάγους καλοφρένους καὶ τῶν παρὰ τὸν ποταμὸν ἐκστάντες ἀλοπηγίουν (свидѣтельство Платона, конечно, не самостоятельно, а почерпнуто имъ изъ того же Діонісія).

¹⁰⁾ Dion. 1, 85: λόφος οὐ πρόσω τοῦ Τίβερος κείμενος, ἀπέχων τῆς Ρώμης ἀμφὶ τοὺς τράχοντα σταδίους (=3000 шаговъ).—*Ineditum Vaticanum* (*Hermes*, XVII, 122): Χερίον παρὰ τὸν Τίβερον δν.

Remoria, мѣсто погребенія Рема, послужившее яблокомъ раздора для обоихъ братьевъ. Самъ по себѣ Ромуль не что иное, какъ heros ero-
пупus трибы рода Ромиліевъ; родоначальникомъ же римлянъ вообще и основателемъ города Рима онъ сдѣлался на основаніи этимологиче-
скаго сходства именъ Roma и Romulus, прямѣнительно къ греческимъ возврѣніямъ о городскихъ итистахъ ¹¹⁾). Въ литературной анналистицкѣй образѣ Ромула разрабатывался на почвѣ представлениія о немъ, какъ основателѣ города и родоначальникѣ римскаго народа; однакожъ специальное отношеніе къ затибрской области никогда не исчезало, хотя и было въ значительной степени затмѣнено другими наслоненіями.

Представлениѣ о Ромульѣ, какъ обѣ основателяхъ города, не могло возникнуть раньше введенія городской организаціи римской общины на подобіе греческой полис, т. е. не раньше періода этрускаго влады-
чества ¹²⁾). А вполнѣ опредѣленное развитіе этого представлениія мы-
слимъ только послѣ того, какъ римляне вошли въ близкія и постоянныя сношенія съ греками южной Италии, т. е. не раньше середины 4 стол-
ѣтія. Этимъ и объясняется, почему такъ прочно сохранились также слѣды старого представлениія о Ромульѣ, какъ мѣстномъ герое затибр-
ской области. Такамъ мѣстнымъ затибрскимъ героямъ, если не исключи-
тельно, то, во всякомъ случаѣ по преимуществу, Ромуль оказывался еще въ начальныя времена республики. Сказаніе о борьбѣ Ромула съ веентянами изъ-за области на правомъ берегу Тибра принадлежитъ къ тому же циклу преданія о семи пагахъ, какъ и легенда о Порсонѣ.
Наличная редакція разсказа о веентской войнѣ Ромула у Ливія и Діонісія не имѣть ничего общаго съ стариннымъ народнымъ возврѣ-
ніемъ, кромѣ одного лишь основного мотива, заключающагося въ томъ,
что имя Ромула издавна срослось съ борьбой противъ веентянъ. Для наличной редакціи характерно, что веентская война Ромула комбини-
руется съ военными дѣйствіями противъ фиденатовъ изъ залініонской области; старое преданіе касалось, напротивъ, затибрской земли и въ частности семи паговъ съ прилегавшими къ нимъ салинами на устьѣ Тибра.

2. Ромуль отвоевалъ салины у веентянъ. Это сказаніе могло воз-
никнуть только на почвѣ народного представлениія о томъ, что было дѣйствительно такое время, когда нижнее теченіе рѣки Тибра наход-
дилось во власти веентянъ. Это же представлениѣ повторяется и въ

¹¹⁾ „Легенда о близнецахъ“. Журн. Мин. Нар. Прес. 1902, мартъ, гл. XIV.

¹²⁾ Ср. „Вопросы древнаго Лация“. Журн. Мин. Нар. Прес. 1905, июл., 336.

сказаний объ Анкѣ Марції, составляющемъ вообще самую загадочную фигуру всей царской легенды ¹³⁾.

Съ одной стороны, Анкѣ Марції изображается въ видѣ сакрального царя, подобного Нумѣ ¹⁴⁾). Между прочимъ, царю Анку приписывается учрежденіе жреческой коллегіи фециаловъ, но, повидимому, только въ силу соображенія, что неумѣстно соединять эту, причастную къ военному дѣлу, коллегію съ именемъ Нумы, этого абсолютно миролюбиваго царя. Но въ то же время оказывалось возможнымъ отнести учрежденіе фециаловъ именно къ царствованію Анка Марція, который, будучи сакральнымъ царемъ, подобнымъ Нумѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ являлся и военнымъ царемъ: въ отличіе отъ Нумы, въ образѣ Анка сливались двѣ разныя струи. Возникновенію сакрального облика царя Анка Марція могло содѣйствовать легендарное толкованіе прозвища *Rex*, существовавшаго въ плебейской отрасли рода Марціевъ. А въ періодъ второй пуніческой войны однѣ изъ патриціанскихъ прорѣвителей этого рода M. Marcius, дѣйствительно состоять въ званіи тихъ асогогумъ ¹⁵⁾, каковое званіе доказываетъ ¹⁶⁾ историческую наличность патриціанской отрасли Марціевъ ¹⁷⁾). Плебейскіе Марціи встрѣчаются еще въ періодъ галльского нашествія ¹⁸⁾, а однимъ изъ первыхъ четырехъ плебейскихъ понтификовъ, избранныхъ по *Iex Ogulinius* 300 года, былъ C. Marcius Rutilus. И поть первому понтифику вообще, назначенному Цумою, также присваивается имя Марція, конечно, патриція ¹⁹⁾.

Съ другой стороны Анку Марцію приписывается группа дѣяній ²⁰⁾), относящихся къ области воинскаго дѣла и вращающихся частью вокругъ Иникула, который овъ укрѣпилъ и соединилъ съ городомъ посредствомъ рода *subliciis*, частью вокругъ соляныхъ промысловъ на устьѣ Тибра. Эта группа дѣяній Анка обнаруживаетъ близкое соприкосновеніе съ цѣломъ сказаний о той же мѣстности за Тибромъ и на нижнемъ теченіи, пріуроченныхъ къ именемъ Ромула и Порсены.

¹³⁾ Ср. Ihne, Röm. Gesch. I^a, 30.

¹⁴⁾ Liv. 1, 32, 2: *omnia ex commentariis regis pontificem in album elata proponere in publico iubet*; 1, 33, 2: *demandata cura sacrorum flaminibus sacerdotibusque*.

¹⁵⁾ Liv. 27, 6.

¹⁶⁾ Mommsen, R. F. I, 78.

¹⁷⁾ Поэтому изложне лишать патриціанского достоинства мненическаго Коріолова.

¹⁸⁾ Liv. 6, 1, 6.

¹⁹⁾ Liv. 1, 20, 5: *pontificem Numam Marcius Marci filium ex patribus legit*.

²⁰⁾ Liv. 1, 33, 6—9.

По Ливию ²¹), Анкъ Марцій отнялъ у веентянъ мозайскій лѣсъ и, расширивъ такимъ образомъ римскія владѣнія до самого моря, основалъ Остію и устроилъ тамошніе соляные промыслы. Описаніе этой веентской войны Ливіемъ не представлено. Этотъ пробѣлъ восполнено Діонисіемъ ²²), который изображаетъ дѣло въ видѣ защиты противъ веентянъ приобрѣтенныхъ еще Ромуломъ салинъ. Также и сраженіе происходило около салинъ, хотя, впрочемъ, Діонисій даетъ еще другое сраженіе въ обычномъ направлениі веентскихъ войнъ около Фидень. Итакъ, Ливій и Діонисій являются представителями двухъ разныхъ версій о времени основанія салинъ, но обѣ версіи согласно въ томъ, что тамошнія мѣста принадлежали нѣкогда веентянамъ.

По одной версіи, представленной Ливіемъ, землю у веентянъ отнимаютъ равномѣрно и Ромуль и Анкъ, но салины устраиваетъ лишь послѣдній и притомъ заново (*salinae circa factae*) на только что заискусанной землѣ. Напротивъ, по другой версіи, продстѣпленной Діонисіемъ, салины существовали еще въ то время, когда эти мѣста находились во власти веентянъ; веентскіе соляные промыслы были отвоеваны Ромуломъ одновременно съ завоеваніемъ семи паговъ. Придерживаясь этой версіи, Діонисій сообщаетъ только объ основаніи Остіи ²³), но умалчиваетъ объ устройствѣ Анкомъ Марціемъ тамошнихъ салинъ, очевидно, потому, что онъ считалъ это противорѣчавшимъ тому, что онъ самъ передъ тѣмъ говорилъ о Ромуль. Это же противорѣчіе устранено у Ливія другимъ способомъ, тѣмъ что салины оставлены за Анкомъ, въ то время какъ по отношенію къ Ромулу обѣ этомъ умалчиваются.

Ромуловская легенда касается области за Тибромъ. Напротивъ, легенда объ Анкѣ имѣеть въ виду лѣвобережная окрестности Остіи, однако такъ, что ею затрагивается и правобережная область и въ частности Йникуль, укрѣпленіе котораго, приписываемо Йнику, равносильно обезопасенію города съ этой именно стороны. Такое сочетаніе Йникула и Остіи, въ связи съ упоминаніемъ веентской войны, могло возникнуть на основаніи представлений о такомъ времени, когда нижнее течение Тибра по правому берегу съ тамошними салинами находилось въ рукахъ веентянъ, чтѣ, съ одной стороны, вызвало необходимость укрѣп-

²¹⁾ Liv. 1, 33, 9: *silva Mesi Veientibus adempta usque ad mare imperium prolatum et in ore Tiberis Ostia urbs condita, salinae circa factae.*

²²⁾ Dion. 3, 41.

²³⁾ Ibid. 44.

лениі Йникиула для защиты той территории, которая въ этихъ мѣстахъ оставалась еще во власти римлянъ, а съ другой—заставило послѣднихъ озабочиться устройствомъ собственныхъ своихъ салинъ около Остіи вслѣдствіе перехода къ веентянамъ противоположного берега рѣки. Другими словами, легенда о Ромулѣ основана на преданіи о борьбѣ съ веентянами изъ-за захваченной ими земли на правомъ берегу Тибра, легенда же объ Анакѣ на представлѣніи о послѣдствіяхъ этого захвата.

Пріобщеніе имени сакрального царя Аника Марція къ легендѣ о соляныхъ промыслахъ можно объяснить проще всего предположеніемъ, что родъ Марціевъ находился въ какихъ-либо отношеніяхъ къ Остіи. Въ частности же побѣда царя Марція надъ этрусками въ области салинъ выглядѣтъ лишь отголоскомъ побѣды другого Марція въ этихъ же мѣстахъ, Г. Марція Рутила, первого плебейского диктатора, успѣшио отразившаго въ 356 году нападеніе этрусковъ (тарквіпійцевъ съ фалисками) на римскія салины ²⁴⁾). Во всякомъ случаѣ, легенда объ Аникѣ Марціи, поскольку дѣло касается его связи съ веентской войной, представляеть собою самостоятельное отвѣтственіе преданія о томъ же событии, котораго касаются и легенды о Ромулѣ и Порсегѣ.

3. Совершенно другого рода веентская война предшественника Аника Марція, Тулла Гостиля. Это только позднѣйшее дополненіе, вызванное наблоницмъ примѣнениемъ традиціонной схемы веентскихъ войнъ, неизмѣнио связывавшей веентянъ съ фиденатами: гдѣ одни, тамъ обыкновенно появляются и другие. Въ царствованіе Тулла Гостиля фиденаты подняли оружіе противъ римлянъ на защиту Албалонги, а такое участіе Фидень въ этой войнѣ вполнѣ умѣстно ²⁵⁾). Но веентяне примѣшиваются сюда совершенно напрасно. Добавочное привнесеніе веентянъ въ разсказъ о гибели Албалонги удостовѣreno, впрочемъ, самимъ Ливіемъ тѣмъ, что онъ, сообщивъ сперва о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ веентянъ и фиденатовъ ²⁶⁾), немного ниже считаетъ еще дѣйствующими 100-лѣтнее перемиріе, заключенное веентянами съ Ромуломъ ²⁷⁾). Послѣднее мѣсто показываетъ, что Ливій въ данномъ случаѣ имѣлъ подъ руками источникъ, не знавшій еще объ участіи веентянъ въ войнѣ фиденатовъ въ защиту Албалонги.

²⁴⁾ Liv. 7, 17, 6 сл.

²⁵⁾ См. гл. IV.

²⁶⁾ Liv. 1, 27, 3 сл.

²⁷⁾ Ibid. 30, 7: valuit apud Veientes pacta cum Romulo indutiarum fides.

4. Кроме Ромула, Тулла Гостилия и Анка Марция, у Ливия воюетъ съ веентянами также Сервий Туллий. Однако о войнѣ Сервія Ливий упоминаетъ лишь немногими словами²⁸⁾. Напротивъ, въ изложении Дионисія²⁹⁾ дѣло разрастается въ 20-лѣтнюю войну, съ тремя триумфами Сервія, занесенными даже въ триумфальные фасты; при этомъ, рядомъ съ веентянами, въ войнѣ принимаютъ участіе и другие этруски, главнымъ образомъ церитяне и тарквиинцы. Въ этой редакціи войны Сервія съ этрусками была известна еще Цицерону³⁰⁾, а также и самому Ливию³¹⁾. Если, тѣмъ не менѣе, послѣдній упоминаетъ объ этой войнѣ лишь вскользь, въ краткихъ словахъ, то это одно уже служить признакомъ того, что у древнѣйшихъ аниалистовъ такой войны еще не было: онъ отмѣчаетъ ее, такъ сказать, только *honoris causa*, во вниманіе къ тому, что повѣствовали о ней все же хоть иѣ-которые изъ младшихъ аниалистовъ.

Дѣйствительно, во всей традиціи о Сервіи Тулліи не имѣется ровно никакой точки соприкосновенія ни съ Этруріей вообще³²⁾, ни въ частности съ Волми. Этруская война Сервія съ триумфами явно придумана только для того, чтобы какъ-нибудь заполнить организованное Сервіемъ римское войско, существование которого иначе проходить бессмыслицей, являясь такимъ образомъ безцѣльнымъ для Сервія. Согласно съ этимъ Дионисій повѣствуетъ объ этруской войнѣ только послѣ изложения военной организаціи Сервія, въ то время какъ Ливий помѣщаетъ свою краткую замѣтку впереди. А въ качествѣ объекта упражненій для нового войска Сервія оказывались пригодными одни только этруски, такъ какъ латиновъ нельзя было использовать для данной цѣли, въ виду традиціи о мирныхъ отношеніяхъ Сервія къ Лацию; сабинянне же мало годились для такого грандиознаго дѣла, а о другихъ врагахъ въ то время еще нѣтъ рѣчи. Искусственности этруской войны соответствуетъ и голословность рассказа о ней, безъ всякой локализаціи побѣды Сервія, а также и шаблонный характеръ

²⁸⁾ Liv. I, 42, 2.

²⁹⁾ Dion. 4, 27.

³⁰⁾ Cic. r. p. 2, 21, 38: *et primus Etruscorum iniurias est ultus.* Изъ слова *primus* видно, что Цицеронъ не зналъ еще общеструской войны Тарквиинія Приска.

³¹⁾ Liv. I, 42, 2: *bellum cum Veientibus aliisque Etruscis.*

³²⁾ Отожествленіе Сервія съ этрускомъ Мастарномъ не имѣть ничего общаго съ римской традиціей: оно извлечено только уже ученымъ императоромъ Клавдіемъ изъ этруской литературы.

окончательныхъ результатовъ, выразившихся въ отобраниі земли у веентианъ, царитянъ и тарквинийцевъ³³⁾). При этомъ Діонисій не сообразилъ, какъ это можно было примѣнить такую мѣру наказанія и къ отдаленнымъ оть Рима тарквинийцамъ, территорія которыхъ вовсе не соприкасалась съ римской. А что касается царитянъ, то въ дѣйствительно старинныхъ сказаніяхъ не имѣется никакихъ слѣдовъ вражды ихъ къ римлянамъ.

5. Такою же искусственной фикціей является и этруская война Тарквінія Приска у Діонисія³⁴⁾, совершино обойденная Ливіемъ. По Ливію³⁵⁾, Тарквіній Прискъ воюетъ только съ сабінянами и латінами, чтѣ находится въ связи съ археологической теоріей о постепенномъ расширеніи старого *ager Romanus*³⁶⁾). По этой теоріи, Тарквінію Приску было предоставлено завоеваніе заашенской области³⁷⁾, поскольку тамъ жили *Prisci Latini*³⁸⁾ и поскольку она не была захвачена еще Ромуломъ. Отсюда и получилась война съ латінами. А такъ какъ заашенская область была смежна съ сабінской страной, то для большей полноты военныхъ дѣйствій Тарквінія Приска заодно съ латінами прихвачены и сабіны. У Діонисія³⁹⁾ сабінская война представлена совершенно отчетливо въ видѣ придатка къ латінскѣй. На противъ, Ливій помѣщаетъ сабінскую войну впереди латінской, допускалъ здѣсь такую же перестановку, какая отмѣчена нами выше по отношенію къ этруской войнѣ Сервія, поставленной впереди изложенія воинской организации.

Но Діонисій не довольствуется придачей однихъ лишь сабінійцъ. Онъ заставляетъ идти на помощь латінамъ также и этрусковъ и притомъ, чтѣ особенно удивительно, не просто ближайшихъ соседей Рима, каковы: веентиане, царитяне и тарквинийцы, но также и самыхъ отдаленныхъ: изъ Клузія, Аппетія, Волатерръ, Рузель и Ветулоніи⁴⁰⁾. Но, впрочемъ, эти отдаленные этруски являются только своего рода украшениемъ, такъ какъ въ дальнѣйшемъ разсказѣ они подмѣняются обычными врагами римлянъ: съ этой стороны, именемъ веентианами вкупе

³³⁾ Dion. 4, 27.

³⁴⁾ Dion. 3, 58.

³⁵⁾ Liv. 1, 37 сл.

³⁶⁾ „Вопросы древнаго Лация“. Журн. Мих. Нар. Просв. 1905, сентябрь, 400.

³⁷⁾ Liv. 1, 38, 4.

³⁸⁾ „Вопросы древнаго Лация“. Журн. Мих. Нар. Просв. 1905, июнь, 284.

³⁹⁾ Dion. 3, 51.

⁴⁰⁾ Dion. I. c. кон.

сь фиденатами⁴¹⁾ и, кроме того, еще церитянами⁴²⁾). Тарквіній разбиваєтъ этрусковъ на голову; но тѣмъ не менѣо реальныи результатъ этой войны равняется нулю⁴³⁾: единственнымъ послѣдствиемъ является лишь преподнесеніе Тарквінію этрускихъ знаковъ царскаго сана, въ томъ числѣ особенно присвоеніе 12 ликторовъ⁴⁴⁾). Послѣднее обстоятельство уясняетъ привлеченіе къ этому дѣлу также и самыхъ отдаленныхъ этрусковъ. Эту рурия была организована въ видѣ союза 12 городовъ, и этотъ союзъ выражался символически въ количествѣ 12 ликторовъ, присвоенныхъ союзному представителю этрусковъ.. Стало быть, разъ этруски преподнесли Тарквінію также и этотъ знакъ отличія, то и требовалось участіе всѣхъ городовъ, также и отдаленныхъ. Исно, что и самая война была сконструирована только ради поднесенія Тарквінію знаковъ. Поэтому для Ливія эта война оказалась излишней, потому что, по принятой имъ версіи, эти знаки были усвоены еще Ромуломъ⁴⁵⁾, каковая версія была, впрочемъ, известна и Діонісію⁴⁶⁾.

IV. Салини.

На старой традиціи о царяхъ основывается только веентская война Ромула и дѣятельность Аниа Марція въ качествѣ устроителя салинъ около Остії, укрѣпившаго въ то же время и Янікуль. На-противъ, веентскія войны Тулла Гостиля, Тарквінія Приска и Сервія Туллія представляются цѣликомъ искусственными произведеніями позднѣйшихъ анналістовъ, придуманными по разнымъ поводамъ: при Туллѣ Гостиля ради традиціонной компаніи съ фиденатами, при Тарквініи Прискѣ для обоснованія права на усвоеніе этрускихъ знаковъ отличія царскаго сана, а при Сервіи Тулліи просто ради военныхъ упражненій преобразованного римскаго войска.

Легенда о Ромулѣ, въ качествѣ завоевателя затибрской области съ тымониними салинами, и объ Аниа Марціи, въ качествѣ основателя остійскихъ салинъ и янікульского укрѣпленія, сложились подъ влия-ніемъ тѣхъ условій, которые явились послѣдствіемъ событий, изобра-женыхъ въ легендахъ о Порсенѣ и описаній веентской войны 477 года.

⁴¹⁾ Dion. 3, 57.

⁴²⁾ Ibid. c. 58.

⁴³⁾ Ibid. c. 60.

⁴⁴⁾ Ibid. c. 61.

⁴⁵⁾ Liv. 1, 8, 2.

⁴⁶⁾ Dion. 3, 61 кон.

Возникновение сказания о переходе римских семи пагорбов во власть венетян в следствие похода Порсены, а также и относящихся сюда легенд о Ромуле и Алье было бы психологически необъяснимо, если бы такой захват части римской территории не составлял якобы реального факта в римской истории или если бы этот захват был только таким мимолетным явлением, каким изображается. В виду этого нужно полагать, что в начальный период римской республики венетиянам действительно удалось за счет римлян расширить свою территорию вплоть до морского берега, так что за римлянами осталась за Тибром только ближайшая к городу полоса правого берега вокруг Иниккула. Целью же движений венетян по направлению к морю можно признать овладение соляными промыслами на устье Тибра.

Правда, въ наличной редакции легенды о Порсенѣ рѣчь идетъ только объ уступкѣ венетиянамъ семи пагорбов; о салинахъ въ условіяхъ мирного договора умалчивается. Однако въ связи съ походомъ Порсены сообщается о мѣропріятіяхъ римского сената по удешевленію соли въ интересахъ бѣдной части римского населения. Въ данномъ контекстѣ упоминаніе о соли имѣть совершенно отрывочный характеръ. Мѣропріятія сената должны были задобрить народъ для того, чтобы пріохотить его къ несенію военной службы. Однако, во-первыхъ, тотъ или иной порядокъ продажи соли касался всего населения, а не одною только бѣднаго класса; а во-вторыхъ, если бы и касалось дѣло экономического облегченія бѣдныхъ классовъ, то все же оставался бы открытымъ вопросъ, почему именно тогда обращено вниманіе какъ разъ на соль. Такое предпочтеніе соли казалось страннымъ и сподѣлывало антиалистамъ, которые поэтому постарались распространить заботливость сената на всю финансовую область, придумавъ одновременное освобожденіе бѣдныхъ отъ всякихъ налоговъ въ томъ видѣ, какъ это фактически существовало по отношенію къ римскимъ гражданамъ въ самомъ концѣ республики.

Во второй книгѣ Ливія заключается множество рассказовъ о разныхъ мѣрахъ въ пользу бѣдныхъ: объ облегченіи долговыхъ обязательствъ, о даровомъ хлѣбѣ, о надѣленіи землей; о соли же говорится исключительно только въ связи съ легендой о Порсенѣ. А такъ какъ въ послѣдній столѣтія республики, послужившія образцомъ для реконструкціи поѣстествованій о начальныхъ временахъ республиканскаго периода, соль не играла уже никакой роли въ политическихъ агитацияхъ на экономической почвѣ, то и нельзѧ считать вопроса о

соли внесеннымъ въ легенду о Порсенѣ, подобно другимъ экономическимъ вопросамъ, лишь по аналогіи съ условиями позднѣйшихъ временъ. Напротивъ, за солью необходимо признать значеніе старинаго элемента легенды, удержавшагося въ ней въ качествѣ остатка воспоминаній о потерѣ правобережныхъ соляныхъ промысловъ, вынудившей римскую республику озабочиться устройствомъ новыхъ промысловъ на лѣвомъ берегу около Остіи (легенда объ Анкѣ Марції) и въ связи съ этимъ также и урегулированіемъ добычи и продажи казенной соли.

Въ исторіи древнѣйшаго Рима соль играла вообще немаловажную роль. Это видно уже изъ того, что одна изъ самыхъ старинныхъ дорогъ, выходившая изъ Коллинскихъ воротъ на Квириналь, носила название „соляного шляха“—*via Salaria*. Даже и самое возникновеніе крупнаго населеннаго пункта именно въ томъ мѣстѣ, которое занималъ Римъ, обусловлено было, очевидно, главнымъ образомъ торговлей солью, добываемой на соляныхъ лиманахъ при устьѣ Тибре. Дѣло въ томъ, что территорія города Рима является ближайшимъ къ устью рѣки мѣстомъ, достаточно пригоднымъ для устройства пристани со складами соли, каковые и создались здѣсь на берегу рѣки у подножія Авентина. По сосѣдству съ этими складами образовался также и древнѣйший торговый центръ на римской территоріи, съ *ara maxinia*, имѣвшей значеніе своего рода биржи, и съ базаромъ на *Velebrum*. Но *via Salaria* соль вывозилась изъ Рима за Апенінъ въ страну сабинянъ. Отсюда явствуетъ, что также и образованіе сабинскаго поселенія на Квириналь находится въ связи съ тѣмъ же вопросомъ о соли. Въ доисторическія времена къ морю, къ солянымъ промысламъ, потянулись сабиняне; въ началѣ республики, послѣ паденія могущества Тарквиніевъ, соперниками римлянъ въ дѣлѣ обладанія соляными лиманами на устьѣ рѣки явились веентяне.

Въ періодъ владычества царитскихъ Тарквиніевъ въ Римѣ лемнисма принадлежность веентянамъ территоріи на нижнемъ течениі Тибра, состоявшей изъ семи пагорбъ и прилегавшихъ къ нимъ салинъ. Такое положеніе означало бы разобщеніе столицы Тарквиніевъ съ ихъ роднымъ городомъ. Это разобщеніе могло произойти только послѣ паденія власти Тарквиніевъ, т. е. именно въ тотъ періодъ времени, къ которому пріурочивается легенда о Порсенѣ и веентская война 477 года. При этомъ, если Тарквиніи дѣйствительно происходили изъ Цере, ставится вполнѣ понятнымъ, почему въ то время разрабатывались именно правобережныя салины на этруской сторонѣ рѣки, доступной и для царитянъ. Казенные промыслы римской рес-

публики на лівомъ берегу около Остія дѣйствительно могли быть устроены уже только послѣ потери праваго берега.

Въ наличной редакції легенды о Порсенѣ этрускій царь велико-душино возвратилъ римлянамъ отнятую у нихъ землю на правомъ берегу рѣки почти несosредственно послѣ окончанія войны и заміо-чопія договора, по которому эта земля отошла къ веентянамъ. Однако, не говоря даже о томъ, что такое великодушіе само по себѣ крайне подозрительно, предполагаемое легендой мимолетное занятіе семи паговъ врядъ ли могло бы врѣзаться въ народную память въ такой степени, которая представила бы достаточную почву для развитія такого обширнаго цикла сказаний. Существованіе этихъ сказаний явно свидѣтельствуетъ о значительной продолжительности нахожденія въ веентскомъ заборѣ затибрскихъ семи паговъ съ тамошними саллами. Судя по всему, вопросъ о возвратѣ этой именно территории рѣшался только въ періодъ послѣдней веентской войны, кончившейся гибелю города и государства веентянъ. Обладаніе саллами промыслами на устьѣ Тибра еще и въ 4 столѣтіи представляло собою весьма важный вопросъ въ экономической жизни южной Этрurіи, какъ показываетъ нападеніе на саллы, предпринятое въ 356 году, при молчаливомъ содѣйствіи царитянъ, соединенными тарквинійцами и фалисками, т. е. близкайшими союзниками перенесшей въ 396 году къ римлянамъ бывшей веентской территории.

Въ легендѣ о Ромулѣ заключается извѣстіе о заключеніи 100-лѣт-няго перемирія между римлянами и веентянами¹⁾). Возможно, что въ срокѣ Ромулова перемирія отражается, на свой ладъ, продолжительность веентского владѣнія. Считая съ 477 года до паденія Вей въ 396 году, получаемъ промежутокъ времени, очень близко подходящій къ полному столѣтію по этрускому счету 10-мѣсячныхъ годовъ, согласно которому 100 лѣть этрускаго лѣтосчисленія равняются 83 годамъ дѣйствительного солнечнаго времени; а промежутокъ между 477 и 396 годами составляетъ 82 года, т. е. почти какъ разъ одно этруское столѣтіе.

V. Фидени.

Для надлежащаго уясненія историческаго хода и значенія веент-скихъ войнъ необходимо разобраться въ вопросѣ о Фиденахъ, почти постоянно ассоциируемыхъ съ Веями.

¹⁾ Liv. I, 15, 3. Dion. 2, 55.

1. Для царского периода положение вопроса о Фиденахъ выяснилось попутно выше при разборѣ веентскихъ войнъ римскихъ царей¹⁾). Веентскія войны Ромула составляютъ исключительную и органическую часть легенды обѣ этомъ герояхъ-эпонимѣ затѣбрской трибы Ромилевъ. Поэтому по необходимости пришлось считаться съ веентянами тому археологу, который первый пытался распределить завоеваніе старого *ager Romanus* между римскими царями. По идеѣ этого археолога вся территорія, подвластная Ромулу въ моментъ основанія Рима, состояла всего только изъ того небольшого сравнительно участка земли, который со временеми Суллы числился за городской римской общиной²⁾). Конструируя дальнѣйшее расширение этой основной территоріи, данный археологъ по неволѣ долженъ былъ направить завоевательную дѣятельность Ромула въ сторону Вей. Поэтому Ромулъ и завоевываетъ сперва Антемны на переправѣ черезъ Аненъ, а затѣмъ и часть крутуминской земли на той сторонѣ Аненса и, наконецъ, Фидены, такъ что римляне, сдѣлавшись вслѣдствіе этого непосредственными союзниками веентянъ, получили возможность истиннѣ съ ними въ борьбу. Итакъ, Фидены внесены въ легенду о Ромулѣ только ради доступа къ веентянамъ, война съ которыми исключительно приписывалась уже самому Ромулу. Фидены, будучи такимъ образомъ завоеваны Ромуломъ³⁾), считались послѣ этого какъ бы римской колоніей⁴⁾) и всякая послѣдующая война съ Фиденами рассматривается, какъ результатъ ихъ отпаденія.

Вторая война съ фиденатами возникла при Туллѣ Гостилии⁵⁾). Фидены отпали тогда отъ римлянъ ради Албалонги. Битва между римлянами и фиденатами, во время которой албаницы намѣревались перейти на сторону послѣднихъ, произошла за Аненомъ, въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, въ которыхъ, судя по всемъ данимъ, решилась судьба латинскихъ XXX *populi*⁶⁾ и въ которыхъ теперь опредѣлилась и судьба самой Албалонги. Фидены входили въ составъ албанскихъ XXX *populi*⁷⁾, а потому неудивительно, если они держать сторону Албалонги. А самое построение сказанія о гибели этой латин-

¹⁾ Въ гл. III.

²⁾ „Основная территорія римской общины“. Ж. М. Н. Пр. 1902, юль, 313 сл.

³⁾ Liv. 1, 14, 4 сл.

⁴⁾ Liv. 1, 27, 3.

⁵⁾ Liv. 1, 27, 4 сл. Dion. 3, 6 и 23 сл.

⁶⁾ „Регилская побѣда“. Ж. М. Н. Пр. 1906, авг. гл. IV.

⁷⁾ „Вопросы древнаго Лапца“. Ж. М. Н. Пр. 1905, авг. 366 сл.

ской метрополії доказываетъ, что фиденаты попали сюда не случайно, а, напротивъ, составляютъ существенную и неотъемлемую часть этого сказанія. Гибель Албанонги означаетъ подчиненіе римскому владычеству всѣхъ албанскихъ XXX роппій, въ томъ числѣ и фиденатовъ. Но въ полномъ объемѣ это могло быть только въ доисторической, т. е. до-тарквиниевской, времена. Въ составѣ *aer Romanus* въ объемѣ 15 сельскихъ трибъ, унаследованныхъ республикой отъ временъ тарквиевского владычества, фидены не входили, такъ какъ зааненская область, образовавшая двѣ трибы, присоединила къ Риму только уже въ началѣ республики. Присоединеніе зааненской области означало возвращеніе подъ римскую власть зааненскихъ участковъ албанского религіозного союза.

Ливій знаетъ о войнахъ съ фиденатами только въ этихъ двухъ случаяхъ, при Ромулѣ и при Туллѣ Гостилии. Напротивъ, Діонісій даєтъ още двѣ другія войны, при Апікѣ Марції⁸⁾ и при Тарквініи Прискѣ⁹⁾. Но это таکія же вымышленныя реконструкціи, вызванные присутствиемъ въ этихъ рассказахъ веентянъ, какъ и въ веентской войнѣ при Ромулѣ. Притомъ и самая война съ Веями при Тарквініи Прискѣ не имѣть никакой опоры въ старинномъ преданіи.

2. По Діонісію, фиденаты снова отпадаютъ два раза подъ рядъ въ самомъ началѣ республики вслѣдствіе происковъ Тарквінія¹⁰⁾. Первый изъ этихъ двухъ случаевъ совершенно отсутствуетъ у Ливія, изъ чего видно, что тутъ имѣемъ дѣло оять-таки лишь съ измышленіемъ младшихъ антиалистовъ. Напротивъ, второму случаю Діонісія соответствуетъ у Ливія слѣдующая краткая замѣтка о Фиденатахъ подъ 499 годомъ во введеніи въ описание регіольского пораженія латиновъ: *hie consilibus Fideneae obsessae, Crustumeria capta, Praeneste ab Latinis ad Romanos descivit*¹¹⁾. Независимо отъ содержанія, эти краткія замѣтки производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто оѣ извлечены изъ подлинной лѣтописи понтификовъ¹²⁾, изъ чего слѣдовало бы, что записи въ коллекціи понтификовъ вслісь уже въ 499 году.

Въ другомъ мѣстѣ¹³⁾ представился случай указать, что по край-

⁸⁾ Dion. 3, 39 сл.

⁹⁾ Dion. 3, 57.

¹⁰⁾ Dion. 5, 40 и 52.

¹¹⁾ Liv. 2, 19, 2.

¹²⁾ Ср. *Sallust, Liviuss' Geschichtswerk*, 86 пр. I.

¹³⁾ „Вопросы древнаго Ладія“. Ж. М. Н. Пр. 1905, іюль, 346, и „Регіольская повѣсть“, тамт. же, 1906, авг. 366.

ней мърѣ замѣчаніе о Пренестѣ, по всей вѣроятности, не что иное какъ извлеченіе изъ изслѣдованія о составѣ арицинской федераціи, предпринятое какимъ-либо восьма слѣдующимъ археологомъ, предположительно Катономъ въ его *Origines*, въ связи съ объясненіемъ термина XXX *populi* въ регильской повѣсти. Въ наличной редакціи этой повѣсти подъ именемъ латинскихъ XXX *populi*, очевидно, подразумѣваются арицинские латины. И вотъ Катонъ, опредѣляя составъ именно арицинской федераціи, ссылался на токсть надписи въ ронѣ Дианы, свидѣтельствующей о томъ, что преистинцы въ числѣ участниковъ арицинского союза не значились. Отсюда для Катона получился выводъ, что преистинцы не могли принимать участія въ восстаніи арицинскихъ латинъ, окончившемся ихъ пораженіемъ при Регильскомъ оверѣ. Таковъ и смыслъ замѣтки Ливія: *Praeneste ab Latinis ad Romanes descivit* — „переистинцы держали сторону римлянъ въ ихъ борьбѣ съ латинами“.

Такого же происхожденія и замѣтка о Крустумеріи и Фиденахъ. Ученый изслѣдователь состава арицинской федераціи отмѣтилъ, что, наравнѣ съ Пренестомъ, также и Фидены и Крустумерія не принадлежали къ числу участниковъ союза, и, слѣдовательно, не участвовали и въ восстаніи латинъ. Однако причину этому онъ не находилъ въ дружбѣ съ римлянами, какъ это онъ сдѣлалъ по отношенію къ Пренесту, а въ томъ, что въ то время Фидены и Крустумерія находились уже подъ властью римлянъ, вслѣдствіе чего и не могли оказываться въ числѣ автономныхъ латинскихъ *populi*, составившихъ союзъ противъ римлянъ. Въ источникахъ Лавія замѣтка: *Crustumeneria capta* указывала такимъ образомъ лишь вообще на фактъ завоеванія этого города. И дѣйствительно, еще при Тарквіїніи Прискѣ въ числѣ *capta ovpida* значится и городъ *Crustumerium*¹⁴⁾, послѣ того какъ еще Ромуль завоевалъ *Crustuminum*¹⁵⁾, т. е. часть крустуминской территории (*ager Crustuminus*), ради доступа къ Фиденамъ, и черезъ это и къ веентянамъ. Для того, чтобы городъ Крустумерій могъ быть взятъ вторично въ періодъ регильской битвы, требовалось бы предварительная потеря этого города; однако о такой потерѣ нигдѣ нѣть рѣчи.

Сказанное о Крустумеріи распространяется и на замѣтку: *Fide-
nae ob sessae*. Также и ею констатировался въ источникахъ Лавія лишь

¹⁴⁾ Liv. I, 38, 4.

¹⁵⁾ Liv. I, 11, 4.

вообще фактъ „владѣнія Фиденами“. Да и у самого Ливія слово *obsessare* является, очевидно, простымъ синонимомъ слова *carta*, означалъ здѣсь не осаду, а занятіе города, завладѣніе¹⁶). А согласно антиалистической традиції, Фидены были взяты еще Ромуломъ, состоявши съ тѣхъ порь нѣчто въ родѣ римской колоніи, остававшейся во власти римлянъ, по даннымъ Ливія, въ теченіе всего царскаго периода, за исключеніемъ только измѣнъ фиденатовъ при Туллѣ Гостилиі.

Чѣмъ же могъ быть самъ Ливій, очевидно, понималъ свои замѣтки о Фиденахъ, Крустумеріи и Пренестѣ въ томъ смыслѣ, что все это произошло именно въ 499 году, передъ регільской битвой, какъ видно изъ того, что во главѣ этихъ замѣтокъ стоитъ дата: *hīc consulibus*. Согласно съ этимъ возврѣніемъ Ливія, у Діонисія сконструированы даже цѣлые два случая отпаденія Фиденъ въ началѣ республики, подъ 504 и 500 годами. Это доказываетъ, что археологическая замѣтка Катона использованы были въ этомъ направленіи уже младшими антиалистами, ради пріумноженія военныхъ событий въ тощемъ иначе перечинѣ первыхъ годовъ республики послѣ Порсены. При этомъ оба случаи отпаденія Фиденъ у Діонисія уже отданы отъ регільской новѣсти. Сохраненіе этой связи у Ливія показываетъ, что въ этомъ мѣстѣ онъ придерживался болѣе древнихъ антиалистовъ, чѣмъ Діонисій. Чѣмъ же менѣе въ другомъ мѣстѣ¹⁷) самъ Ливій признаетъ послѣднее отпаденіе фиденатовъ въ 426 году седьмымъ, совершенно согласно со счѣтомъ Діонисія: 1) при Туллѣ Гостилиі, 2) при Аниѣ Марціи, 3) при Тарквіанѣ Прискѣ, 4) въ 504 году, 5) въ 500 году (499 у Ливія), 6) въ 438 году и, наконецъ, 7) въ 426 году. Кроме этихъ семи отпаденій, имѣется еще война Ромула и завоеваніе имъ Фиденъ, послужившее исходной точкой для счета послѣдующихъ отпаденій.

Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ съ фиденатами на дѣйствительно старинномъ преданіи основывается одна лишь война Тулла Гостилия. Всѣ остальные войны царей вызваны ассоціаціей съ веентянами, по примѣру Ромула. Въ обонъ же случаяхъ, пріуроченныхъ къ начальнымъ годамъ республики, такой ассоціаціи съ веентянами уже не имѣется: фиденаты дѣйствуютъ здѣсь независимо отъ веент-

¹⁶⁾ Подобныи образомъ въ Цицеронѣ трактуетъ слова *occupare* и *obsidere*, какъ синонимы (*totam Italiam suis praesidiis obsidere atque occupare*).

¹⁷⁾ Liv. 4, 32: *septimam infelicem defectionem*.

скихъ войнъ. Мало того, фиденаты совершенно отсутствуютъ и тамъ, гдѣ появляются веентяне: въ легендѣ о Порсениѣ и въ 10-лѣтней войнѣ, группирующейся вокругъ 477 года. Послѣднее вполнѣ понятно, такъ какъ театромъ военныхъ дѣйствій противъ веентянъ тогда являлась затибрская область, а зааненская область оставалась въ сторонѣ. А это можетъ быть объяснено тѣмъ, что вниманіе веентянъ въ то время дѣйствительно было обращено по направлению къ морю, на тамошніе соляные промыслы.

Съ другой стороны, антиалисты, внесшіе въ повѣстование о началь-
ныхъ временахъ республики легенду о переселеніи въ Римъ рода Клав-
діевъ съ ихъ многочисленными клиентами, вызвавшемъ образованіе но-
выхъ двухъ трибъ за Аніеномъ, не могли не сообразоваться съ представ-
леніемъ, что зааненская область въ такомъ случаѣ была подвластна
Риму съ самаго же начала республики. А территорія обѣихъ заанен-
скихъ трибъ доходила до Эрота за Номонтомъ, охватывая сююко,
слѣдовательно, и Фидены. Этотъ городъ находился по via Salaria на
расстояніи около линии 5.000 шаговъ отъ горы Collina, чѣмъ-
то гористый лѣвый берегъ Тибра ближе всего подходитъ къ руслу
рѣки: низменная полоса по берегу имѣеть здѣсь не болѣе 200 рим-
скихъ футовъ ширины. Всѣдѣствіе этихъ условій городъ Фидены за-
нималъ господствующее положеніе надъ рѣкой, являясь вмѣстѣ съ
тѣмъ и естественнымъ оплотомъ зааненскихъ трибъ противъ сосѣд-
нихъ Вей, расположенныхъ на Кремерѣ, правомъ притокѣ Тибра, впа-
дающемъ въ Тибръ какъ разъ напротивъ Фиденъ.

Переселеніе рода Клавдіевъ въ Римъ, т. е. добровольное воссо-
единеніе съ римской республикой зааненской области, входившей въ
составъ албанского религиозного союза, было вызвано, повидимому,
опасностью, угрожавшей этой области именно со стороны Вей посль
уничтоженія владычества Тарквиніевъ. А такое присоединеніе заанен-
скихъ участниковъ албанского праздника и безпринципное образо-
ваніе изъ ихъ территоїи двухъ новыхъ римскихъ трибъ было бы
непонятно, если бы въ то время Фидены находились уже въ рукахъ
веентянъ. Одно уже появленіе Порсены на Яникулѣ, тождественное съ
появлениемъ здѣсь же веентянъ въ 477 году, доказываетъ, что въ
то время Фидены не могли находиться во власти веентянъ, такъ какъ
въ противномъ случаѣ слѣдовало бы ожидать съ стороны нападе-
нія въ болѣе близкомъ разстояніи透过 Аніенъ, гораздо болѣе
удобный для переправы около Антеміи, чѣмъ Тибръ со стороны
Яникула.

3. Фидены очутились въ рукахъ веентянъ только въ 438 году, благодаря предиречивости веентскаго царя Толумнія¹⁸). Вслѣдствіе этого открылась многолѣтняя война между римлянами и веентянами, во время которой тоатромъ военныхъ дѣйствий и служила зааменская область въ томъ именно видѣ, какъ это изображалось римскими аиналистами еще для времени царей. Фидены были взяты обратно римлянами только въ 426 году, уже послѣ смерти царя Толумнія¹⁹), а въ слѣдующемъ 425 году съ веентянами заключено 20-лѣтнее (въ дѣйствительности 17-лѣтнее) перемирие, по истечениіи котораго римляне предъявили къ сенату веентянъ требование о возвратѣ чего-то, въ точности не обозначенаго²⁰). Получивъ отказъ, римляне объявили войну, окончившуюся разрушениемъ Вей.

Сообщая о переходѣ Фидентъ во власть веентянъ въ 438 году, Ливій изображаетъ это дѣло въ видѣ „отпаденія этой римской колоніи“. Слѣдовательно, онъ представляетъ себѣ Фидены для того времени не какъ положеніе автономной общины, а считаетъ ихъ частью государственной территории римской республики. Правильность этого взгляда, не считая, впрочемъ, никакого отпаденія, яствуетъ, помимо выше наложенныхъ соображеній, и изъ прозвища *Fidenas*, появляющагося въ родѣ Сервіевъ и Сервіліевъ впервые въ 437 и 435 годахъ, какъ, разъ, въ то время, когда Фидены, родина этихъ римскихъ „фиденатовъ“, временно находились во власти веентянъ²¹). Исторический фактъ явился одно только „отпаденіе“ 438 года, а по его образцу сконструированы потому и всѣ предшествующія отпаденія въ миенческія и полумиенческія времена, за исключеніемъ лишь сказанья объ участії фиденатовъ въ борьбѣ изъ-за Албаоніи.

VI. Вей и Царе.

Весенскія войны римской республики отчетливо распадаются на три периода:

1. Война полумиенческихъ временъ начального периода римской республики, окончившаяся 40-лѣтнимъ перемириемъ, а потому и приуроченная къ 477 году. Вслѣдствіе этой войны римляне потеряли зна-

¹⁸) Liv. 4, 17, 1: in horum magistratu Fidenae, colonia Romana, ad Laritem Tolumnum Veientium regem defecere.

¹⁹) См. статью „Первый римский диктаторъ“, гл. IV.

²⁰) Liv. 4, 58, 6: legatis grætentibus res.

²¹) Mommsen, R. K. II, 294.

чительную часть своихъ владѣй за Тибромъ, соприкасавшихся прежде, еще отъ временъ Тарквиніевъ, непосредственно съ территоріей церитянъ. Благодаря переходу въ веентскія руки праваго берега по нижнему течению рѣки, со включеніемъ семи паговъ и соляныхъ промысловъ на устьѣ Тибра, территорія веентянъ распространилась до самаго моря; за римлянами же осталась за Тибромъ лишь небольшая область вокругъ Яникула, непосредственно прилегавшая къ городской территоріи Рима. Потомъ правобережныхъ соляныхъ промысловъ заставила римскую общину обратить вниманіе на устройство салинъ вокругъ Остіи по лѣвому берегу рѣки. На почвѣ этихъ событий, продолжавшихся, въ своихъ конечныхъ результатахъ, до времени паденія Вей, возникли сказанія о Порсенѣ, о битвѣ при *silva Arsia*, о Ромулѣ и Анеѣ Марціи. Въ этихъ сказаніяхъ условія веентскаго захвата отразились съ достаточнouю отчетливостью.

2. Война 438—426 годовъ, открывшаяся захватомъ римскихъ Фиденъ со стороны веентскаго царя Толумпія, окончилась 20-лѣтнимъ перемириемъ, которымъ восстановленъ былъ *status quo ante bellum* въ веентской области. Въ рукахъ веентянъ Фидены находились только въ теченіе этой войны, топографическія черты которой позднѣйшими археологами и аниалистами искусственно перенесены были и на веентскую войну Ромула, а, по ея образцу, и на прочія войны съ веентянами въ царскую эпоху. Свѣдѣнія о войнѣ 438—426 годовъ заключались уже въ городской хронописи римскихъ понтификовъ однако явлчнамъ родакціи разсказа искажена хронологическимъ исремѣніемъ подвига Косса и смерти Толумпія съ конца войны къ началу, прошедшемъ вслѣдствіе того, что устное преданіе о подвигѣ Косса приписывало ему званіе военного трибуна.

3. Война 406—396 годовъ оформлена въ аниалистической традиціи въ видѣ „осады“ Вей, чтѣ въ дѣйствительности означало только перенесеніе театра военныхъ дѣйствій на веентскую территорію, въ отличіе отъ предшествующей войны, когда воинскіе дѣйствія происходили на римской территоріи за Агеномъ. Разсказъ объ этой войнѣ, окончившейся присоединеніемъ къ Риму всей бывшей веентской территоріи, со включеніемъ семи паговъ и правобережныхъ соляныхъ промысловъ, пріукрашенъ множествомъ легендарныхъ придатковъ, въ которыхъ территоріальный вопросъ на правомъ берегу Тибра потерялся изъ виду вслѣдствіе того, что всѣ эти легендарные придатки слагались въ такое время, когда такого вопроса болѣе не существовало. Къ топографическимъ условіямъ послѣдней веентской войны

примыкаетъ также сказавіе о гибели Фабіевъ на Кремерѣ, въ наличной аниалистической редакціи неправильно пристегнутое къ войнѣ 477 года.

Наиболѣе характерный признакъ отличія этихъ трехъ войнъ касается различія театра военныхъ дѣйствій: въ первой войнѣ события сосредоточиваются на римской территории за Тибромъ пососѣдству съ Янкulumъ; вторая война вращалась въ зааніенской области пососѣдству съ Фиденами, третья—на территории самихъ веентянъ.

Другое отличіе касается соотношенія силъ обѣихъ воюющихъ сторонъ. Въ первой войнѣ неревѣсь оказался на сторонѣ веентянъ. Они тогда не только осадили Римъ, доведя его до голода, но и отняли у римлянъ часть ихъ бывшей территории. Во второй войнѣ силы обоихъ соперниковъ представляются уже болѣе равномѣрными¹⁾. Въ начальѣ этой войны веентяне заняли было Фидены съ примыкающей частью зааніенской области, такъ что рѣка Аненъ въ то время являлась какъ бы границей римской территории; однако, въ концѣ концовъ, римляне взяли Фидены обратно и въ результатѣ войны кончилась ничѣмъ. Въ третьей же войнѣ уже сами римляне перешли въ наступленіе и, несмотря на частныя неудачи, окончательно разгромили资料 своего опаснаго противника.

По своей величинѣ городъ Венъ почти равнялся Риму²⁾, а также Лондону³⁾. Также и остальная территорія веентянъ по своей величинѣ нисколько не уступала тогдашнему *ager Romanus* въ предѣлахъ 17 сельскихъ трибъ, а скорѣе превосходила его. Въ своей борьбѣ съ веентянами римляне могли рассчитывать на помощь своихъ латинскихъ и германскихъ союзниковъ; но за спину веентянъ стоялъ болѣе грозный союзъ этрускихъ XII populi. Притомъ Венъ славился и своимъ богатствомъ⁴⁾, чему въ немалой степени должно было содѣйствовать самое обладаніе соляными промыслами. Если тѣмъ не менѣе окончательная победа оказалась на сторонѣ римлянъ, то это зависѣло не столько отъ пресловутой изг҃ожденностіи веентянъ⁵⁾, сколько отъ различія условій военной службы у обоихъ народовъ.

Въ Римѣ къ воинской службѣ привлекались исключительно только полноправные граждане, въ то время какъ рабы, либертины и даже

¹⁾ *Diod.* 12, 80: ἰσόρροπος δὲ ἀγῶν ἐγένετο.

²⁾ *Nissen*, Italische Landeskunde, II, 357 сл.

³⁾ *Dion.* 2, 54; 4, 13.

⁴⁾ *Liv.* 2, 50, 2; 5, 20, 1; 5, 21, 14 и 17.

⁵⁾ *Schwegler*, II, 739.

эрарін исключались. Напротивъ, у этрусковъ вся тяжесть военной службы лежала какъ разъ наоборотъ на порабощенномъ классѣ населенія, на крѣпостномъ сословіи ⁶⁾). Благодаря этому римскія войска, состоящія изъ гражданъ, по своему патріотическому духу стояли, конечно, неизмѣримо выше этрускихъ войскъ, состоявшихъ въ своей главной массѣ изъ закрѣпощенныхъ людей. Но пока у этрусковъ держалась крѣпкая царская власть, также и воинное дѣло у нихъ стояло прочно. Положеніе въ этомъ отношеніи значительно ухудшилось, когда монархія въ Эtrurіи начала замѣняться аристократическимъ образомъ правленія, при которомъ съ тѣмъ большюю рѣзкостью выступала наружу противоположность интересовъ правящаго класса (*lucis tipes, principes*) и остального крѣпостного населенія (*servi*).

Борьба римской республики съ веентянами открылась еще въ такое время, когда повсемѣстно въ Эtrurіи, въ томъ числѣ и въ Веяхъ, носителями власти являлись цари, однимъ изъ которыхъ былъ и миниатюрный клузийский, въ дѣйствительности всентскій царь Порсена. Еще во времи второй войны во главѣ всентянъ стоялъ царь Толумний. Этотъ завоеватель Фиденъ отличался не только беспощадной решительностью (убийство римскихъ пословъ), но, повидимому, и политическою сообразительностью. Моментъ для нападенія на зааненскую область былъ имъ выбранъ очень удачно, такъ какъ въ Римѣ, вслѣдствіе внутренней борьбы, военная организація въ это время оказывалась сильно поколебленной благодаря замѣнѣ единоличнаго преторства многочисленной коллегіей консулярныхъ трибуновъ ⁷⁾). Однако, римляне сумѣли тогда же найти выходъ изъ этого неблагопріятнаго для нихъ положенія военного дѣла введеніемъ новой единоличной магистратуры въ формѣ специальнаго военной диктатуры, чтѣ и обеспечило за ними побѣду, хотя и только послѣ смерти предпримчиваго Толумния. Наконецъ, во времи последней всентской войны монархическое начало въ Эtrurіи находилось уже въ періодѣ полнаго разложения.

Правда, въ Веяхъ царская власть продержалась до самого момента паденія этого города ⁸⁾). Однако, по сообщенію Ливія, тутъ мы имѣемъ дѣло съ возвращеніемъ къ царской власти, вызваннымъ

⁶⁾ „Очеркъ римскихъ госуд. древностей“ I, 3, 598.

⁷⁾ „Первый римскій диктаторъ“, гл. IV.

⁸⁾ Liv. 5, 21, 8: *immolante rege Veientium*. Даже главное божество веентянъ, переведенное въ Римъ послѣ гибели ихъ города, привѣщено къ богамъ римской республики подъ именемъ: *regina Juno* (Liv. 5, 22, 4).

именно опасностью угрожавшей Веямъ со стороны римлянъ, а такое возстановлениe царской власти въ Всехъ будто даже послужило причиной того, что против этрускіе города, дорожившіе аристократическимъ режимомъ, отказали веентянамъ въ своей помощи ⁹⁾). Весьма возможно, что веентяне такъ и поступили, какъ утверждаеть Ливій. Однако, предоставлениe города Вей собственной его судьбѣ со стороны союза этрускіхъ XII попuli врядъ ли можно считать такимъ преднарѣзаннымъ дѣломъ, какимъ оно представлено у Ливія. Болѣе правдоподобно, что этрускіе города просто не могли подать помощи веентянамъ, будучи слишкомъ заняты внутреннимъ состояніемъ своихъ собственныхъ общинъ вслѣдствіе перелома въ ихъ политической жизни, такъ какъ процессъ перехода отъ царскаго образа правленія къ аристократическому совпалъ, повидимому, какъ разъ со временемъ послѣдней веентской войны римлянъ ¹⁰⁾). Къ этому присоединялось еще то, что вниманіе сѣверныхъ общинъ Этрурии въ то время было обращено на опасность, угрожавшую имъ самимъ изъ-за Апеннинъ со стороны галловъ. Помимо этого внутреннаго и вѣнчия состоянія Этрурии, успѣху римскаго оружія содѣствовало и отсутствіе опасности со стороны южнаго Лация, такъ какъ тамъ эцетранскій союзъ вольсковъ приближался къ своему концу, а выроставшіе на ого развалинахъ свободныя общини южныхъ латиновъ видѣли въ то время въ римлянахъ спасъ своихъ союзниковъ притивъ вольсковъ ¹¹⁾.

Двадцатилѣтнее перемиріе, заключенное послѣ второй войны, согласно этрускому лѣтосчислѣнію, окончилось въ теченіе 408 года, а уже въ слѣдующемъ 407 году римляне отправили въ Веи пословъ и феодаловъ съ требованіемъ о возвратѣ чего-то, отнятаго веентянами у римлянъ ¹²⁾), и повторили это требование и въ 406 году ¹³⁾). Веентяне сперва вели переговоры съ римскимъ сенатомъ по этому дѣлу, но въ результатѣ все-таки отказались удовлетворить предъявленные

⁹⁾ Liv. 5, 1, 1.

¹⁰⁾ Въ извѣстномъ александровѣ о фалискомъ учителѣ-предателѣ по одному варианту выданными имъ дѣти были дѣти лукумоновъ (Liv. 5, 27, 1: principum liberi), по другому варианту это были дѣти царя (Liv. 42, 47, 6: proditorem liberorum regis).

¹¹⁾ „Начало мировой политики римской республики“. Журн. Мин. Нар. Пром. 1904, авг. 362 сл.

¹²⁾ Liv. 4, 58, 1: per legatos fetialesque res repeti coepitae.

¹³⁾ Liv. 4, 58, 6: Veicus bellum motum ob superbum responsum Veientis senatus legis repetentibus res.

къ нимъ требований, послѣ чего римляне объявили имъ войну¹⁴⁾, открывшуюся, однако, фактически только въ слѣдующемъ 405 году¹⁵⁾. Въ чемъ заключались эти требования, не указало. Предъявленіе претензій со стороны римлянъ произошло вслѣдъ за окончаніемъ срока перемирия, изъ чего слѣдуетъ, что тутъ не могла идти рѣчь о какой-либо новой обидѣ, нанесенной веентянами римлянамъ въ непосредственно предшествовавшее время; иначе по зачѣмъ было ждать истече-нія срока перемирия. Да и сами веентяне не были тогда расположены къ войнѣ, какъ видно изъ продолжительности переговоровъ по этому дѣлу, а также изъ того, что, когда дѣло дошло до объявленія войны, агрессивной стороной оказались римляне, а не веентяне. Стало быть, дѣло могло касаться только какихъ-либо старыхъ недоразумѣній, имѣвшихъ мѣсто еще до начала истекшаго 20-ти лѣтняго перемирия. Но такъ какъ тогда вопросъ вращался вокругъ Фидея и римляне получили въ этомъ вопросѣ полное удовлетвореніе, то позволительно предположить, что въ 408 году римляне, пользуясь внутреннимъ политическимъ броженіемъ въ Этруріи вообще и въ Вояхъ въ частности, возводили вопросъ о возвратѣ отобранного у нихъ веентянами еще въ первой войнѣ и что, слѣдовательно, поводомъ къ послѣдней веентской войнѣ послужило требованіе римлянъ возвратить имъ ихъ старую землю на правомъ берегу Тибра, состоявшую изъ семи пагорбъ и прилегавшихъ къ нимъ солинъхъ, промысловъ на устьѣ рѣки. А что предметъ тогдашнихъ переговоровъ былъ немаловаженъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ, какъ продолжительность этихъ переговоровъ, такъ и то, что веентяне, несмотря на свою неохоту къ войнѣ, обусловленную тогдашнимъ состояніемъ Этруріи, все-таки отказались удовлетворить требованіе римлянъ¹⁶⁾.

Борьба съ этрусскими веентянами длилась почти цѣлое столѣтіе, возникнувъ еще въ начальныя времена республики (477 годъ основывается на ученой реконструкції) и окончившись въ 396 году. Въ

¹⁴⁾ Liv. 4, 60, 9. Так же Діодоръ (14, 93) признаетъ велтіо Вей на 11 году войны.

¹⁵⁾ Liv. 4, 61, 1: ab iis primum circumcessi Vei sunt.

¹⁶⁾ Подъ 416 годомъ у Ливія (4, 49, 2) упоминается о наводненіи, опустошившемъ поля этрускихъ *principes*; это было признано знакомъ гибели боговъ. Если это наводненіе касалось бывшей римской земли на нижнемъ течении рѣки, то не удивительно и занесеніе этой немилости боговъ противъ этрускихъ вѣльможъ въ римскую хронику pontификовъ. А это доказывало бы, что еще въ 416 году внимание римлянъ было обращено въ эту именно сторону.

противоположность къ этому, другой ближайший соседъ Рима въ Этрурии, городъ Царе, искона находился въ дружественныхъ отношеніяхъ къ римской республикѣ, прекратившихся только нѣкоторое время спустя послѣ паденія Вей (въ 356 году). Такое коренное различіе двухъ соседнихъ этрусскихъ городовъ въ ихъ отношеніяхъ къ римлянамъ должно было, конечно, обуславливаться достаточно вѣскими причинами, касавшимися одинаково, какъ римлянъ, такъ и самихъ царитянъ.

При этомъ обращаютъ на себя вниманіе прежде всего два обстоятельства. Въ теченіе всего первого столѣтія римской республики, пока шла борьба съ Веями, не имѣется никакихъ слѣдовъ какихъ-либо официальныхъ сношеній между Римомъ и Царемъ. За все это время упоминается только о существованіи частныхъ hospitia между римлянами и царитянами¹⁷⁾). Но вслѣдъ за паденіемъ Вей обнаруживаются уже и официальные сношения: во время галльского нашествія они представили у себя убѣжище для римскихъ жрецовъ со священными предметами культа Весты¹⁸⁾. Благодарные римляне будто бы тогда и заключили съ царитянами официальное hospitium¹⁹⁾. Однако, самъ фактъ гостепріимства, оказанного тогда римскимъ жрецамъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что такое hospitium существовало уже раньше и что въ данное время оно получило только впервые осознательное примѣненіе. А послѣ этого дружественныхъ отношеній между римлянами и царитянами продержались всего лишь на протяженіи времени одного поколѣнія, чтѣ и представляется собою рѣзкую противоположность къ продолжительной дружбѣ въ старыя времена.

И вотъ, возникновеніе недоразумѣній между римлянами и царитянами въ серединѣ 4 столѣтія до Р. Хр. обуславливалось, очевидно, вопросомъ о соляныхъ промыслахъ на устьѣ Тибра. Съ 359 года открываются испрѣзиненія дѣйствія противъ римлянъ со стороны тарквинійцевъ²⁰⁾ и фалисковъ²¹⁾. Въ 356 году оба эти народа произвели набѣгъ на римскія солища и овладѣли ими²²⁾, изъ чего можно заключить, что именно вопросъ о соли и послужилъ съ самого же начала источникомъ вражды тарквинійцевъ и фалисковъ противъ

¹⁷⁾ Liv. 4, 18, 2; ср. 9, 36, 3.

¹⁸⁾ Liv. 5, 40, 7 сл.

¹⁹⁾ Liv. 5, 50, 3.

²⁰⁾ Liv. 7 12, 6 (359 г.); 7, 15, 9 сл. (358 г.).

²¹⁾ Liv. 7, 16, 2 (357 г.).

²²⁾ Liv. 7, 17, 6.

римлянъ. Но удачный набѣгъ обоихъ народовъ Этруріи на римскіе соляные промыслы неизмѣнилъ безъ молчаливаго, по крайней мѣрѣ, содѣйствія этому предпріятію со стороны царитянъ. Диктаторъ Г. Марцій Рутиль выгналъ этрусковъ изъ занятыхъ ими промысловъ. Однако, посягательство со стороны тарквинійцевъ не прекратилось, причемъ обнаружилась причастность и царитянъ²³⁾, наказанныхъ за это въ 353 году переводомъ ихъ на положеніе эѳропомъ²⁴⁾. Принялъ такой крупной мѣры противъ царитянъ вызвано было необходимостью прекратить безпрепятственный проходъ тарквинійцевъ черезъ царитскую область, отдѣлявшую районъ соляныхъ промысловъ отъ тарквинійской территории.

Стало быть, вѣковая дружба царитянъ съ римлянами рухнула 36 лѣтъ спустя послѣ паденія Вей, а причиной этому явились соляные промыслы. Это и наводитъ на мысль, что въ прежнія времена такой причины къ раздору между римлянами и царитянами не было. Дѣйствительно, если правобережныя салины находились въ рукахъ веентянъ вилоть до паденія ихъ города, то римляне, пока стояли Вei, могли снабжать своихъ царитскихъ друзей солью изъ лѣвобережныхъ салинъ на льготныхъ условіяхъ, конкурируя въ этомъ дѣлѣ съ веентянами. Когда Вei пали и римляне присвоили себѣ всю бывшую веентскую территорію, сдѣлавшись такимъ образомъ владѣльцами промысловъ на обоихъ берегахъ рѣки, то, оказавшись теперь безъ конкуренціи, они получили возможность диктовать этрускамъ городамъ производительную цѣну на соль. А поскольку тарквинійцы были тогда озлоблены противъ римлянъ, доказывается принесеніе ими въ жертву 307 плѣнныхъ римскихъ воиновъ (Liv 7, 15, 10). Причастность царитянъ къ посягательствамъ тарквинійцевъ и фалисковъ на римскіе соляные промыслы доказываетъ, что новые условія торговли солью, созданные отсутствіемъ прежней конкуренціи, въ той или иной мѣрѣ коснулись и бывшихъ друзей.

Если же территорія веентянъ вилоть до паденія ихъ города простиралась до морского берега и если такимъ образомъ римляне были тогда отдалены отъ Царе полосой веентскихъ владѣній, то отсутствіе свѣдѣній объ офиціальныхъ сношеніяхъ между Римомъ и Царе въ первое сто-

²³⁾ Liv. 7, 19, 8: litteris consulis, cui Tarquinii provincia evenerat, cognitum est depopulatum agrum circa Romanas salinas praedaeque partem in Caeritum fines auctam.

²⁴⁾ Liv. 7, 19, 10 сх.

лѣтіе республики становится вполнѣ понятнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ также понятно, почему царитѣя отсутствуютъ въ тѣхъ легендахъ, которые сложились на почвѣ преданія о веентскомъ захватѣ римской земли на правомъ берегу Тибра. Поколѣніямъ, создавшимъ эти легенды, были еще извѣстны территоріальная и политическая условія затибрской области въ томъ видѣ, какъ онѣ существовали до времени разрушенія Вей²⁵⁾.

Достоинство всякой гипотезы состоитъ въ томъ, чтобы при ея помощи получалось удовлетворительное решеніе возможно большаго количества вопросовъ, находящихся въ извѣстной связи между собою. Этому-то условію и удовлетворяетъ въ значительной мѣрѣ нашъ заключительный выводъ, что легенда о Порсенѣ отражаетъ въ себѣ историческое событие изъ начальной эпохи республики, результатомъ которого явился переходъ во власть веентянъ римскихъ семи патриотовъ съ солидными промыслами на правомъ берегу Тибра, и что вопросъ о возвратѣ этихъ старыхъ римскихъ владѣній послужилъ поводомъ къ послѣдней веентской войнѣ, окончившейся разрушеніемъ Вей.

■■■ Нетушиль.

²⁵⁾ Извѣстіе о томъ, что изгнанный изъ Рима Тарквиаій удалился въ изгнаніе въ Царе, стоять совершенно однозначно во всемъ преданії о начальныхъ временахъ республики и въ сущности идти даже въ разрѣзъ съ нимъ. Поэтому нужно признать это извѣстіе почерпнутымъ не изъ народнаго преданія, а изъ другого источника, отличного отъ этого преданія.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ЧТЕНИЯ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскому Университетѣ.

Годовое изданіе Членій состоится изъ четырехъ (каждая отъ 25 до 30 и болѣе печатныхъ листовъ) книжечки, выходящихъ въ неопределенные сроки. Въ Членіяхъ помѣщаются какъ наслѣдованія, такъ и материалы по различнымъ вопросамъ Русской истории и печатаются памятники древне-русской письменности. Подписная цѣна за годъ 8 р. 50 к. съ доставкой въ Москвѣ и съ пересыпкою въ другіе города Россіи.

Желающимъ подписать благоволять обращаться или въ Общество, или къ казначею Общества Сергею Ал. Бѣлокурому (Издѣленика, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжный магазинъ Н. Карбасникова (Моховая, противъ Университета, д. Кохъ).

Въ Обществѣ или чрезъ тѣхъ же лицъ можно приобрѣсти изданія Общества за прошлые годы, значащіяся въ каталогѣ, бесплатно доставляемомъ желающимъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 Г.

на

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ“

и на

„ИЗВѢСТИЯ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ“.

48-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ
„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ“
 ЖУРНАЛА
 ОСНОВАННОГО ВЪ 1860 Г.
А. А. ХОВАНСКИМЪ

ВЪ Г. ВОРОНЕЖѢ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундаментъ библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученыи Комит. Минист. Народн. Просвѣщ., 2) Главн. Управл. Военно-Учебныхъ заведеній, 3) Совѣтъмъ Женск. Учебн. Завед. Вѣдомст. Императ. Маріи, 4) Учебн. Комит. при Св. Синодѣ, 5) Учебн. Отдѣл. Минист. Финансовъ.

Цѣна годовому изданію за шесть безсрочныхъ выпусковъ: для мѣстныхъ подписчиковъ 8 р., для иногороднихъ 7 р. съ пер., за границу 8 р. съ пер., для г.г. преподавателей и преподавательницъ 6 р. съ пер.

Каталогъ оттисковъ статей изъ „Филолог. Зап.“ высылается бесплатно.

Отъмѣстивный Редакторъ Ф. М. Ильинскій.

Издательница-Насѣдница А. А. Хованскаго.

Адресъ Конторы, Редакціи, Редактора и Издательницы: Воронежъ,
 Старо-Московская ул., д. № 20-й.

Редакція журнала „Филологическая Записки.“

Воронежъ, Старо-Московская ул., д. № 20.

Содержание
НОВОЙ СЕРИИ ЧАСТИ ХII
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ

(ноябрь и декабрь 1907 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

**Именной Высочайший указъ, данный Правительствующему
Сенату.**

1. (12-го сентября 1907 года) 3

Высочайшие повелѣнія.

1. (1-го июля 1907 года). О включениіи въ составъ училищныхъ со-
вѣтъ въ области войска Донского непремѣнныхъ членовъ областного
и окружныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, а въ губерніяхъ
Тобольской и Томской—крестьянскихъ начальниковъ 3

2. (7-го мая 1907 года). Объ учрежденіи при Мозырской, Минской
губерніи, мужской прогимназіи одной стипендіи Имени Его Император-
скаго Высочества Государа Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя
Алексѣя Николаевича 4

3. (8-го мая 1907 года). О присвоеніи начальному училищу въ дер.
Выползовѣ, Каменской волости, Нижегородскаго уѣзда, Имени Его
Императорскаго Высочества Государа Наслѣдника Цесаревича и Вели-
каго Князя Алексѣя Николаевича .

4. (31-го мая 1907 года). О присвоении Красносельскому двухклассному начальному училищу, Никольского уезда, Вологодской губернии, Имени Его Императорского Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича .	4
5. (8-го июня 1907 года). О присвоении открытому въ гор. Киевѣ на средства мѣстного городского общества 1-му четырехклассному городскому училищу Имени Его Императорского Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича	5
6. (8-го июня 1907 года). О присвоении Благодатовскому двухклассному училищу министерства народного просвѣщенія, Мариупольского уезда, Екатеринославской губерніи, Имени Его Императорского Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича	—
7. (6-го июля 1907 года). Объ установлении особаго нагруднаго знака для лицъ, окончившихъ университетскіе курсы Императорскаго лицея Цесаревича Николая	—
8. (8-го сентября 1907 года). О дарованіи нѣкоторыхъ правъ ученицамъ Шулинскаго Марининскаго женскаго училища и о предоставлении министру народного просвѣщенія распространить эти права на другія Марининскія женскія училища .	25
9. (8-го сентября 1907 года). О предоставлении предсѣдателямъ земскихъ управъ въ мѣстностяхъ, въ коихъ не производится дворянскихъ выборовъ, заступать мѣсто предсѣдателя училищнаго совѣта, въ случаѣ болѣзни или отсутствія мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ	—
10. (22-го сентября 1907 года). Объ измѣненіи правилъ цензора форменной одежды чинами вѣдомства министерства народного просвѣщенія .	—

**Распоряжение, опубликованное Правительствующему Сенату
главноуправляющимъ землеустройствомъ и землемѣромъ.**

Объ утверждении правилъ объ отводѣ сельскимъ начальнымъ училищамъ земельныхъ отъ казны участковъ и о бессрочномъ отпускѣ симъ училищамъ казенного лѣса .

27

Высочайшие приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

(2-го сентября 1907 года, № 59) .	6
(12-го сентября 1907 года, № 60)	10
(16-го сентября 1907 года, № 63)	11
(22-го сентября 1907 года, № 64)	13
(1-го октября 1907 года, № 66)	15
(6-го октября 1907 года, № 67)	31
(12-го октября 1907 года, № 69).	—

	СТРАН.
(19-го октября 1907 года, № 70)	82
(26-го октября 1907 года, № 71)	84
(2-го ноября 1907 года, № 72).	87

ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.

1. (25-го августа 1907 года, № 18286). По вопросу о допущении учащиковъ, выбывшихъ или уволенныхъ изъ какого-либо класса средн资料的 заведенія по неспособности, въ испытанію для поступленія въ слѣдующій классъ ошаго въ августѣ того же года .	16
2. (20-го сентября 1907 года, № 20477). По вопросу о приемѣ воспитанниковъ, окончившихъ III классъ реального училища, въ IV классъ гимназіи	—

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОТДАЛА УЧЕНЫГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.	· 17 и 42
---	-----------

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОТДАЛА УЧЕНЫГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ ПО НАЧАЛЬСТВУ ОБРАЗОВАНИЮ	· 20 и 45
--	-----------

СПИСОКЪ КНИГЪ, РАВНОМѢРНЫХЪ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ И ПРИЗНАННЫХЪ ЗАСЛУЖИВАЮЩИМИ ВНИМАНИЯ ПРИ ПОПОЛНЕНИИ БЕСПЛАТНЫХЪ НАРОДНЫХЪ ЧИТАЛЕНЬ И БИБЛИОТЕКЪ	· 21 и 47
---	-----------

ОТЪ КОМИТЕТА ПОЧЕЧТЕЛЬСТВА О ТРУДОВОЙ ПОМОЩИ.	22
---	----

ОТЪ УПРАВЛЕНИЯ ПЕНСИОННОЙ КАССОЙ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ.	41
--	----

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

К. Г. Вобль. Вопросъ о методѣ въ исторіи политической экономіи .	1 и 217
--	---------

В. В. Бобчининъ. Элементарная геометрия и єё дѣлители во второй половинѣ XVIII вѣка .	58
---	----

Н. В. Болдыревъ. Теорія волн Эренфельса .	114
---	-----

И. И. Квачаха. Осна Каминелла (окончаніе)	259
---	-----

И. М. Краснощеровъ. Рабовладѣніе и работторговля въ древней Бѣлоруссіи	312
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. И. Каррѣевъ. Книга о Йосифѣ II, какъ представитель дѣятельности просвѣщенія абсолютизма	134
--	-----

О. А. Браунъ. <i>Л. К. Нестровъ. Замѣтки по исторіи старо-испанской комедіи. 2 части.</i> С.-Пб. 1907	187
А. И. Соболевскій. <i>Псалтырь живоизвѣстующихъ въ перевѣдѣ</i> Феодора Еврея. М. 1907	199
П. А. Заболотскій. <i>Prof. Dr. T. Maretic. Ruske i češke riječi</i> u književnom hrvatskom jeziku. Zagreb. 1892	203
П. А. Заболотскій. <i>Slavische Literaturgeschichte von Dr. I. Karásek.</i> II. Theil. Das neunzehnte Jahrhundert. Leipzig. 1906	209
Ф. А. Кургаковъ. <i>И. И. Соколовъ. Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ.</i> С.-Пб. 1904	332
Л. Ю. Шепелевичъ. <i>Juan Menéndez Pidal. Leyendas del ultimo Rey godo.</i> Madrid. 1906	421
Л. Ю. Шепелевичъ. <i>Longisotti e Baccini. La letteratura italiana nella storia della cultura.</i>	425
А. И. Соболевскій. Св. Козмы Пресвитера, Слово на еретики и изученіе отъ божественныхъ книгъ. Сообщеніе М. Г. Попруженко. С.-Пб. 1907	427
П. Г. Виноградовъ. <i>Александръ Савинъ. Английская секуляризация.</i> Москва. 1906	429
Н. О. Лерперъ. По поводу статьи о Щербинѣ, какъ этнографѣ	433
— Книжныя новостіи	212 п 434

ОТДѢЛЬ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

В. В. Аникиловъ. Дѣятельность Вятского земства по народному образованію	1 и 117
— Подготовительные работы по введенію всеобщаго обучения въ Россіи	47
С. В. Рождественскій. Проекты учебныхъ реформъ въ царствование Императрицы Екатерины II до учрежденія комиссіи о народныхъ училищахъ	178

Отзывы о книгахъ:

И. Ф. Анненскій. <i>Робертъ Зайчикъ. Люди и искусство итальянского возрожденія</i>	80
И. А. Ивановскій. <i>К. Кильницкий. Учебникъ законовъ юриспруденціи</i>	83
С. О. Гликманъ. <i>С. Торсій. Природовѣданіе</i>	86
К. В. Фохтъ. <i>А. Виноградовъ. Арифметика</i>	88
А. Н. Альхедингенъ. <i>Теорія хлібі Сванте Арреніуса</i>	90
А. Н. Альхедингенъ. <i>П. А. Даниловский. Технологія выѣланной кожи, дубленой и сыромятной</i>	91
О. Д. Хвольсонъ. <i>Жорже Клодъ. Электричество</i>	94
О. Д. Хвольсонъ. <i>Б. Б. Псплюжкевичъ. Систематический сборникъ задачъ по элементарной физикѣ</i>	99
Ф. В. Ржига. По поводу книги: <i>Ф. В. Ржига. Синтаксисъ русского языка</i>	105

	Стран.
С. В. Рождественский. <i>И. Катаевъ. Учебникъ русской исторіи.</i>	109
Б. М. Коядовичъ. <i>П. К. Шмидовичъ. Курсъ прикладной тригонометрии и методы решений курса задачъ.</i>	229
С. Ф. Глика, В. И. Палладинъ и В. М. Шикевичъ.	
<i>M. Лесинъ. Учебникъ природовѣднія.</i>	284
А. И. Кочетовъ. <i>А. В. Осокорь. О налогахъ.</i>	296
О. Д. Хвольсонъ. <i>О. А. Чивозъ. Сжатый и жидкий воздухъ.</i>	237
С. Ф. Глика и О. Д. Хвольсонъ. <i>Проф. Ю. Н. Вайнера. Начальный курсъ природовѣднія.</i>	241
О. Д. Хвольсонъ. <i>Лакуръ, Н. и Анисль, Я. Историческая физика.</i>	243
— Книжные новости	116 и 243

— — —

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОПИСЬ.

В. Н. Иваловский. Предметная система въ иныхъ университетахъ и ея применение къ философскимъ наукамъ.	1
Д. Ларъ. Письмо изъ Парижа.	48 и 91
Н. Н. Випоградовъ. Киевскій учебный округъ въ 1906 году	59
А. О. Соколовъ. Естественные области въ учебной географии	76
С. А. Жебелевъ. Адольфъ Фуртенглеръ (<i>некрологъ</i>)	86

ОТДѢЛЬ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

А. Патладжано-Карасбъ. Дирѣкторъ юридическихъ ёпиграфъ.	499
И. В. Нетушиль. Порсена и веентскія войны.	517 и 547

ОБЪЯВЛЕНИЕ

2

XXXII ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ДВА ЕЖЕНЕДВЛЬНЫЕ иллюстрированные журналы для детей и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые под редакцией П. М. ОЛЬХИНА.

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

ДВА ЕЖЕНЕДЛЪНІЯ
илюстрированные журналы для взрослых и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ
и издаваемые под редакцией П. М. ОЛЬХИНА.

卷之三

ГГ. ГОДОВЫЕ ВЕДОМСТВА ЖУРНАЛА № 3. С. 11 А.А. АГРОЗАСТА

**52 N°N^o и 42 ПРЕМИЯ
М. А. ДУБРАВСКАЯ**

Въ чистъ посвѣтъ: Абъ болашъ КАРТИНЫЛАННО отъ чызакъ: „ДАРЗЫЯНКРУШИНЪ”, ЗА МОТЫЛЬКОМЪ-”12-иодъ-МГРЬ 2-ннатъ въ распашъ, въ черн. листахъ: 12 ванъ. „МЛЕНЕЛЪ” 6 инъ БИБЛОТЕКІ МАШЛЕНЬКАТОЧИ

ПОЛІКСИА ПІД КЕЖДОГО НЕДВІДІВІ «ЗАХУПЛЕННОГО СІМЕЙНОГО ТАЛЕГІ», 12 ГОД., ЖУРНАЛА МУРЗІЛКІН» та ін. АВ.

и приложими, съ доставком в адресъ

С. проповеданием, съ обозначением, члены (возраст), конторы "ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА", при генеральных магазинах Т-ва М. О. Водяного (п/я 1 Гост. Дворь, 18, п/я 2 Несколько, 13).

XXXII TOP NATION

Библиотека "Руниверс"

С, В. Рождественский. Проекты учебныхъ реформъ въ царствование Императрицы Екатерины II до учрежденія комиссіи о народныхъ училищахъ. 173

Отзывы о книгахъ:

В. М. Кошловичъ. Н. К. Шмидовичъ. Курсъ примѣненной тригонометрии и методы рѣшенія курса задачъ	229
О. Ф. Глинка, В. И. Палладинъ и В. М. Шимкевичъ. М. Лесникъ. Учебникъ природовѣдѣнія	234
А. И. Кочетовъ. А. В. Ососовъ. О налогахъ	238
О. Д. Хвольсонъ. О. А. Ризомъ. Сжатый и жидкий воздухъ	237
О. Ф. Глинка и О. Д. Хвольсонъ. Проф. Ю. Н. Ваннеръ. Начальный курсъ природовѣдѣнія	241
О. Д. Хвольсонъ. Лакуръ, П. и Аппель, Я. Историческая физика	243
— Книжная новость	243

Современная лѣтопись.

Н. Н. Виноградовъ. Киевскій учебный округъ въ 1908 году	59
А. О. Соколовъ. Естественные области въ учебной географіи	76
С. А. Жебелевъ. Адольфъ Фуртвенглеръ (<i>некрологъ</i>) .	85
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	91

Отдѣль классической филологии.

И. В. Неструнть. Поросна и венитскія войны ..	547
--	-----

Объявление.. 1

Редакторъ Э. Л. Радловъ.

(Вышла 1-го декабря).

— 6 —

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ

съ 1867 года.

заключасть въ себѣ, кроме правительственныеыхъ распоряже-
ний, отдѣлы педагогии и науки, критики и библіографіи, и со-
временную літопись, учебнаго дѣла у настъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи
(по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кроме дней
неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра. Иногородные
также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписанная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки
12 р., съ доставкою въ С.-Петербургѣ 12 р. 75 к., съ пере-
сылкой въ другіе города 14 р. 25 к., за границу—16 р.
Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того,
желающіе могутъ приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для
продажи экземпляры Журнала и, по предварительному сно-
шении съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе
годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть
рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую.
Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877,
1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900,
1902—1906 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по
разстоянію.

При „Журналѣ“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсяч-
ными книжками по 5—6 листовъ „Извѣстія по народному
образованію“ съ приложеніемъ „Справочной книги по низшему
образованію“. „Извѣстія“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ
„Журнала“, но „Справочная книга“ составляетъ совершенно
отдѣльное отъ „Журнала“ изданіе. Цѣна „Извѣстій“ соста-
вляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкой, за границу—4 р.

